

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1901.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 г.

ИЛЛ. К. БРОУЭ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СЫВ., 12 ДЕКАБРЯ 1900. Г.

ТИШ. ГОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“. Б. ПОДЪЯЧ, 39

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1901.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1901.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

А П Р Ъ Л Ъ.

1901 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

I. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.). (Оконч.). П. К. Шильдера.	5 — 32	XIII. Три письма Н. С. Мордвинова къ Гер. Бенгтamu. Сообщ. В. Викторoвъ.	197—202
II. Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I. В. А. Вильбасова.	33 — 41	XIV. Изъ прошлаго Забайкалья. М. Грулева.	203—224
III. Ссоры мои съ тремя министрами. (Изъ переписки П. С. Валуева). Сообщилъ П. Я. Дашковъ.	43 — 52	XV. Записная книжка „Русской Старины“: Указъ Св. Синоду о расторженіи брака великаго князя Константина Павловича. 20-го марта 1820 г. (стр. 42). — Письмо И. С. Тургенева къ К. Д. Кавелину объ Обществѣ распространенія грамотности. 10-го сентября 1860 г. Сообщ. И. В. Кубасовъ (76). — Письмо кн. А. Горчакова — С. К. Вязмитинову о встрѣчѣ С.-Петербургѣ, ополченія. 1-го іюня 1814 г. (82). — Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ. Сообщ. А. Мёрдеръ (119—121). — Письмо И. И. Дмитріева — гр. Н. П. Румянцову. 9-го окт. 1814 г. (122). — Изъѣзъ Мазени. Сообщилъ М. К. Марченко. (151—152). Письмо А. И. Тургенева — Н. М. Карамзину 11-го авг. 1819 г. Сообщ. П. Н. Тургеневъ (169—170). Донесеніе о смерти кн. Арк. Ал-др. Суворова-Рымникскаго. 30-го апр. 1811 г. Сообщ. В. Алексѣевъ. (176). — Оправдательное письмо М. А. Милорадовича — М. В. Барклаю-де-Толли. 4 мая 1810 г. (194).	
IV. Воспоминанія протоіерея I. I. Базарова.	53 — 75	XVI. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
V. По поводу разсказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу. Проф. А. И. Кирпичникова.	77 — 81		
VI. Россія и папскій престолъ. П. Пирлингъ. (Съ французскаго).	83—118		
VII. Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. Сообщ. П. Н. Тургеневъ.	123—138		
VIII. Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 году.	139—144		
IX. Къ исторіи польской смуты 1863 года: 1) Возвращеніе бѣлоруса православнаго къ бѣлорусамъ католикашъ. 2) Всеподдан. адресъ правосл. дворянъ Могилевской губ. Сообщ. Г. Н. Гортыпскій.	145—150		
X. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Переводъ В. В. Тимошукъ.	153—168		
XI. Федоръ Николаевъ Львовъ. Сообщ. Вл. С. Манасеинъ.	171—175		
XII. Записки генерала В. И. Левенштерна.	177—195		
- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Вычковъ.
2) Портретъ Дмитрія Самозванца. Грав. И. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольская Подъячская, 89.

1901.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1901 г.

Библиографическій листокъ.

Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера Генеральнаго штаба. Часть 1-я. На войнѣ. П. Паренсова. Изданіе исправленное, дополненное, съ картами, планами, портретами и рисунками. Спб. 1901 г.

Въ теченіе минувшей войны нашей съ турками 1877—1878 гг., и еще раньше, во время приготовления къ ней, авторъ разсматриваемыхъ нами воспоминаній былъ свидѣтелемъ и участникомъ событій огромнаго значенія и сталкивался съ людьми, имена которыхъ навсегда останутся въ исторіи.

Послѣ войны, занимая постъ перваго болгарскаго военнаго министра, г. Паренсовъ лично участвовалъ въ трудахъ возрожденія славянскаго народа.

Поэтому воспоминанія г. Паренсова представляютъ значительный интересъ и прочтутся съ большою пользою не только специалистами, но всякимъ образованнымъ человѣкомъ.

Первоначально эти воспоминанія печатались на страницахъ нашего журнала за 1899 и 1900 гг., и въ разсматриваемую нами книгу они вошли исправленными и дополненными, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ книги.

Приложенные къ книгѣ портреты, рисунки и карты воспроизведены прекрасно.

Н. К. ш-ъ.

А. В. Половцовъ. Прогулка по Русскому музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39-ю рисунками. Москва. 1900 г. Цѣна 60 к.

Въ Востѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ въ теченіе долгихъ лѣтъ дѣлѣялъ мысль объ основаніи Русскаго музея и изъ года въ годъ пріобрѣталъ лучшія произведенія кисти и рѣзца для будущаго своего созданія.

Русскій музей Императора Александра III основанъ 13-го апрѣля 1895 г. „Да послужить учреждаемое хранилище,—сказано въ Высочайшемъ указѣ,—живымъ воспоминаніемъ царственныхъ заботъ того, кто такъ горячо любилъ родину и посвятилъ всю жизнь на служеніе ей“. Созданіе музея и управленіе имъ возложено на Великаго Князя Георгія Михайловича, извѣстнаго по своимъ заслугамъ въ области искусства и пумизматики.

Разсматриваемая нами книга А. В. Половцова содержитъ въ себѣ много интересныхъ

свѣдѣній о Русскомъ музеѣ Императора Александра III.

Подробно описавъ Михайловскій дворецъ, гдѣ нынѣ помѣщается Русскій музей, и современную художественную отдѣлку его залъ, авторъ въ дальѣйшемъ своемъ изложеніи выясняетъ значеніе этого музея въ исторіи русскаго искусства, предпославъ этому нѣсколько свѣдѣній о Московской Третьяковской галлерей. Собранія русскихъ картинъ, имѣвшіяся въ Петербургѣ до созданія Русскаго музея Императора Александра III,—замѣчаетъ авторъ,—страдали существенными недостатками. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ картины русскихъ художниковъ висѣли всего въ двухъ залахъ, были плохо освѣщены, а главное были расположены безъ всякой системы, которую и нельзя было установить, такъ какъ выборъ картинъ отличался случайностью. Въ Академіи художествъ господствовала та же безсистемность и случайность. Выдающіяся произведенія знаменитыхъ художниковъ перемѣшались съ „программами“ учениковъ, т. е. картинами, писанными учениками для получения медалей и художническихъ степеней, пробѣловъ было множество, и въ концѣ концовъ посѣтитель выносилъ смутное и совершенно неопредѣленное впечатлѣніе. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ дворцахъ, особенно въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, были очень цѣнныя собранія картинъ прежняго времени, но онѣ были почти недоступны публикѣ, и никто ихъ не зналъ.

Со времени основанія Русскаго музея Императора Александра III, русская живопись имѣетъ, наконецъ, давно желанный „родной пріютъ“. Всѣ картины изъ Императорскаго Эрмитажа, все болѣе важное изъ Академіи художествъ и масса картинъ изъ Царскосельскаго Александровскаго и другихъ дворцовъ—все это не только сосредоточено въ новомъ музеѣ, но расположено систематически, наглядно представляя исторію русской живописи. Картины одного и того же художника висятъ по возможности вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые художники, какъ, напримѣръ, Брюлловъ, Орловскій, Венециановъ, получили совсѣмъ новый обликъ, стали впервые доступны цѣлому изученію.

Датѣ А. В. Половцовъ описываетъ произведенія искусства, находящіяся въ залахъ нижняго этажа, и скульптурныя произведенія на площадкѣ лѣстницы.

Описывая верхній этажъ музея, авторъ сообщаетъ немало интересныхъ свѣдѣній о К. П. Брюлловѣ и его картинахъ; болѣе подробно г. Половцовъ говоритъ о знаменитой картинѣ Брюллова „Послѣдній день Помпеи“

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

И С Т О Р І Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна **9** рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», Большая

Подъяческая, № 39.

---

*

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА

(Дополнительный томъ къ „ИСТОРИИ РОССИИ“).

Предлагаемый томъ составляетъ какъ бы продолженіе и дополненіе къ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ того же автора и изданъ въ ея форматѣ.

Содержаніе: Исторія паденія Польши. Императоръ Александръ I. Начало Русской земли. Древняя Россія. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Историческія письма. Восточный вопросъ. Прогрессъ и религія. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. Писатели Русской исторіи XVIII вѣка. Н. М. Карамзинъ. А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе.

Дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ 51 листъ (808 страницъ) текста, напечатаннаго четкимъ, убористымъ шрифтомъ.

Цѣна 4 р. безъ пересылки, на веленовой бумагѣ 5 р. Въ переплетѣ 5 р.; на веленовой бумагѣ 6 р. Пересылка по разстоянію и вѣсу. Съ требованіями обращаться въ книжный складъ Товарищества „Общественная Польза“. С.-Петербургъ, Никольскій переулокъ, 8.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

XIV¹⁾.

Послѣ Кулевчинской побѣды и занятія Силистрии, императору Николаю оставалось ждать перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. «Подготовляйте и торопитесь приготовлениями къ переходу черезъ горы,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу еще 21-го іюня (3-го іюля) 1829 года изъ Тульчина. 30-го іюля (11-го августа) извѣстіе объ этомъ счастливомъ событіи обрадовало государя. Переходъ черезъ Балканы совершился благополучно²⁾. 5-го (17-го), 6-го (18-го) и 7-го (19-го) іюля, затѣмъ съ 11-го (23-го) по 31-е іюля заняты были Мисемврія, Ахіоло, Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ, Ямболъ и Сливно, а въ заключеніе 8-го (20-го) августа сдался на капитуляцію, безъ выстрѣла, Адрианополь. Въ слѣдъ затѣмъ войска наши заняли 9-го (21-го) августа Люле-Бургасъ; Иніада покорена черноморскимъ флотомъ, Демотика сдалась добровольно, а 26-го августа (7-го сентября) занять городъ Эносъ. послѣ чего армія наша вошла въ связь съ находившеюся въ архипелагѣ эскадрой графа Гейдена. Съ этого момента слава графа Дибича, какъ полководца, окончательно утвердилась, а завистники и недоброжелатели его умолкли на долго.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

²⁾ Графъ Дибичъ распорядился во время этой операціи слѣдующимъ образомъ: генералъ Красовскій, послѣ занятія Силистрии, оставленъ былъ для наблюденія за Шумлюю, въ то время какъ три корпуса 6-й, 7-й и 2-й двинулись черезъ Балканы.

«Любезный другъ, съ какою радостью я могу сказать вамъ спасибо Забалканскій,—писаль императоръ Николай графу Дибичу 4-го (16-го) августа;—названіе это принадлежить вамъ по праву, и я дароваль его вамъ отъ всего сердца. Но прежде всего да будетъ тысячекратно благословенъ Господь за Его столь явное вамъ содѣйствіе; признаемъ Его покровительство во всемъ, что случается для насъ счастливаго. Затѣмъ примите полную мою благодарность за ваше движеніе столь же счастливое, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими. Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, насколько вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы вполне ошибочно упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ предметомъ атаки и цѣлью движенія представлялись Балканы. Доказательство на лицо. Побѣда подъ Кулевчею положила всему основаніе, и вы пожинаете ея плоды»¹⁾.

Нѣсколькими днями раньше императоръ Николай, по полученіи донесенія о взятіи Эрзерума, писаль 30-го іюля (11-го августа) графу Паскевичу:

«Трудно мнѣ вамъ выразить, любезный мой Иванъ Ѳедоровичъ, съ какимъ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я извѣстія, привезенныя Дадіановымъ и Фелькерзамомъ. Вы все сдѣлали, что можно было только ждать послѣ продолжительной и трудной кампаніи, и все сдѣлали въ 14 дней, вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско, и сами пріобрѣли новую неувадаемую славу; да будетъ награда ваша—первая степень Георгія—памятникомъ для васъ и для войскъ, вами предводительствуемыхъ, славныхъ вашихъ подвиговъ и того уваженія, которое съ искренней дружбой и благодарностію моею на вѣки принадлежитъ вамъ. Изъявите всѣмъ мое совершенное удовольствіе и признательность; поведеніе войскъ послѣ побѣды мнѣ столь же пріятно, сколь славнѣйшіе подвиги военные; оно стоитъ побѣдъ влияніемъ въ пользу нашу.... Сего же вечера получилъ я рапортъ Ивана Ивановича изъ Айдоса.... Вопросъ: чего хочетъ султанъ?—Казалось бы, правда, и этого довольно, но товарищъ Махмудъ упрямъ, зато мой Иванъ Ѳедоровичъ и Иванъ Ивановичъ его прошколятъ досыта».

Извѣстія изъ дѣйствующихъ армій крайне запаздывали. Когда начался Забалканскій походъ, императоръ Николай оставался въ невѣдѣніи о ходѣ операций въ продолженіе четырнадцати дней. Донесеніе же о занятіи Адрианополя пришло въ Петербургъ лишь 27-го августа (8-го сентября), послѣ семнадцати тревожныхъ дней, проведенныхъ государемъ въ ожиданіи курьера.

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 4-го (16-го) августа 1829 года изъ Александріи близъ Петергофа (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (6)).

28-го августа (9-го сентября) императоръ Николай писалъ графу Дибичу-Забалканскому:

«Послѣ семнадцати тревожныхъ дней, я получилъ вчера, любезный другъ, ваше безподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ Адрианополя. Да будетъ тысячекратно благословенъ Богъ за сію новую милость, вы же примите мою живѣйшую и искреннюю признательность за блестящій и прочный результатъ, достигнутый, благодаря отличнымъ вашимъ распоряженіямъ и превосходному ихъ выполнению. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи и прославитъ наши военныя лѣтописи... Богъ да наставитъ васъ и поддержитъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да сподобитъ васъ сколь возможно скорѣе подписать прекрасный Адрианопольскій миръ» ¹⁾.

Послѣ рѣшительныхъ успѣховъ русскаго оружія въ Европѣ и въ Азіи двухлѣтняя кровавая борьба съ Портою приближалась наконецъ къ вѣдѣльной развязкѣ, предвѣщавшей скорый миръ. Предвидя уже съ нѣкотораго времени подобную развязку, императоръ Николай отправилъ въ армію графа Дибича для веденія мирныхъ переговоровъ генераль-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова, человѣка надежнаго, умнаго и русскаго по имени ²⁾, и тайнаго совѣтника графа Ф. П. Палена.

Судя по письму графа Дибича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) августа 1829 года, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, вступая въ Адрианополь: 12.200 человѣкъ пѣхоты, 4.500 кавалеріи и 100 орудій. Вотъ съ какими скромными силами предстояло Забалканскому принудить турокъ къ миру или же принять крайнія мѣры противъ дальнѣйшаго упорства Порты. Къ этому ариеметическому, такъ сказать, элементу данной минуты нужно присоединить еще и нравственный элементъ, о которомъ въ то время въ петербургскихъ сферахъ, конечно, не могли составить себѣ яснаго представленія. Между тѣмъ, по свидѣтельству очевидца адрианопольскихъ событій, генерала Михайловскаго-Данилевскаго ³⁾, оказывается, что графъ Дибичъ желалъ чрезъ миръ, потому что армія наша таяла какъ ледъ при лучахъ солнца, и отъ не-

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года изъ Царскаго Села. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (6)).

²⁾ „Un homme sûr d'esprit et un nom russe“. — Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

³⁾ Генераль-маіоръ Михайловскій-Данилевскій былъ вызванъ графомъ Дибичемъ въ Адрианополь для исправленія должности дежурнаго генерала, вѣсто заболѣвшаго генерала Обручева. Въ началѣ кампаніи 1829 года онъ командовалъ бригадою въ 6-й пѣхотной дивизіи и находился въ отрядѣ, блокировавшемъ крѣпость Журжу, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Киселева.

вѣроятнаго количества больныхъ, ежедневно умножавшихся, возродился какой-то духъ унынія въ войскахъ, въ особеннота же среди генераловъ—«уныніе, котораго я подобнаго еще въ нашей арміи не видалъ».

Приведенное нами свидѣтельство Данилевскаго не лишено значенія, если припомнить, что онъ прожилъ въ арміи всѣ тяжелыя минуты, служившія не разъ во время походовъ 1812, 1813, 1814 годовъ. Къ тому же приближался сентябрь мѣсяць, а съ нимъ вмѣстѣ дождливое время года, которое, дѣлая дороги окончательно непроходимыми, возбуждало справедливыя опасенія насчетъ успѣшнаго хода дальнѣйшихъ операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій не терялъ изъ виду, что онъ находился съ горстью людей среди непріятельской земли, имѣя въ тылу Балканы и до 80.000 больныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Турціи, изъ которыхъ многіе подверглись чумной заразѣ. Неудивительно, что при подобной обстановкѣ, наши генералы, а во главѣ ихъ даже графъ Толь, мечтали болѣе о мирѣ и скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію, чѣмъ о приобрѣтеніи новыхъ лавръ; у всѣхъ, даже среди ближайшихъ сотрудниковъ главнокомандующаго замѣчались признаки какой-то усталости, апатіи, вызванныхъ болѣзненнымъ состояніемъ и лишеніями, сопряженными съ трудностями похода.

Принимая всѣ затронутыя нами обстоятельства во вниманіе, нельзя удивляться, что появленіе въ Адрианополѣ 16-го (28-го) августа уполномоченныхъ, присланныхъ султаномъ, преисполнило главную квартиру радостными чувствами¹⁾. Начатыя немедленно переговоры подвигались однако не слишкомъ быстро впередъ, послѣ того какъ турки, оправившись отъ перваго испуга, нѣсколько осмотрѣлись. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе сговорчивыми, графу Дибичу пришлось прибѣгнуть къ демонстраціямъ и двинуть передовыя силы арміи, по направленію къ Константинополю, и занять пространство отъ Мидіи на Черномъ морѣ до Родосто на Мраморномъ морѣ. Развѣзды, выславшіеся изъ Чорлу, доходили до Силивріи, откуда оставалось 60 верстъ до Царьграда; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были всѣ распоряженія къ выступленію главной квартиры въ Люле-Бургасъ.

Мѣры, принятыя графомъ Дибичемъ, устрашили турокъ и привели къ миру. Вечеромъ 29-го августа (11-го сентября) пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя отъ прусскаго посланника Ройе (Royer) съ письмомъ къ главнокомандующему отъ французскаго и англійскаго пословъ при оттоманской Портѣ (графа Гильемино и Р. Гордова), въ которомъ они увѣдомляли, что, въ случаѣ движенія русскихъ войскъ къ Царьграду, Порта перестанетъ существовать и что самое ужасное безначаліе,

¹⁾ Порта прислала двухъ уполномоченныхъ Мегметъ-Садикъ-ефенди великаго дефтердара и Абдуль-Кадиръ-Бей—Кази-Аскеръ анатолійскій.

уничтоживъ власть ея, подвергнетъ самому пагубному жребію христіанъ и мусульманъ турецкой имперіи.

«Письмо это,—пишетъ Данилевскій,—въ коемъ представители двухъ сильныхъ державъ объявляли торжественно, что Порта проситъ пощады и жребій свой предоставляетъ великодушію побѣдителей, исполнило насъ неописанною радостію. Главкомандующій столь былъ пораженъ словами, что, въ случаѣ движенія его, существованіе Турціи прекращается, что у него изъ глазъ лились ручьи слезъ». Графъ Толь тоже плакалъ.

Императоръ Николай назвалъ декларацію пословъ: «un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre» ¹⁾.

Заботливое къ намъ участіе европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ не ограничилось присылкою деклараціи. 30-го августа (11-го сентября) въ Адрианополѣ лично явился прусскій посланникъ Ройе, котораго турецкое правительство упросило, по причинѣ тѣсныхъ связей, существовавшихъ между берлинскимъ и русскимъ дворомъ, ѣхать въ главную квартиру графа Дибича ходатайствовать о скорѣйшемъ заключеніи мира. На рѣшеніе, принятое Портою, повліяли, до нѣкоторой степени, переговоры, начатые прибывшимъ въ Константинополь прусскимъ генераломъ Мюфлингомъ; но съ другой стороны данное ему, какъ выше упомянуто, дипломатическое порученіе крайне облегчалось успѣхами русскаго оружія.

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны турецкихъ уполномоченныхъ въ Адрианополѣ продолжать оспариваніе предъявленныхъ нами требованій, они наконецъ покорились судьбѣ. 2-го (14-го) сентября 1829 года подписанъ былъ во дворцѣ Эски-Сарай Адрианопольскій мирный договоръ.

Главнѣйшія условія этого столь желаннаго мира заключались въ слѣдующемъ: Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изыятія. Безопасность нашей азіатской границы, до нѣкоторой степени, обезпечена присоединеніемъ къ Имперіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ацхура и Ахалкалаки.

Прежніе трактаты съ Портою признаны ею во всей силѣ. Постановлена также уплата Турціею военныхъ издержекъ и убытковъ, поне-

¹⁾ Письмо императора Николая графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года.

Въ письмѣ графа Дибича къ вице-канцлеру графу Нессельроде отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года, главкомандующій по поводу заявленія пословъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою: „le plus beau monument que la politique européenne puisse élever à la gloire de l'Empereur Nicolas, l'hommage le plus éclatant rendu à sa puissance et à sa magnanimité“.

сенныхъ русскими подданными. Права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, при чемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не позволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство. Греція признана вассальнымъ государствомъ.

Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и негодантамъ—въ миліонъ пять сотъ тысячъ дукатовъ.

Въ день заключенія мира, 2-го (14-го) сентября главнокомандующій писалъ графу Чернышеву:

«Адріанопольскій миръ подписанъ сегодня, семнадцать лѣтъ спустя послѣ вступленія французовъ въ Москву и пять мѣсяцевъ спустя послѣ выстуленія изъ Яссы главной квартиры второй арміи. Результатъ его—шахішъ условій, которыми я долженъ былъ руководствоваться, какъ основаніемъ; вся Европа несомнѣнно усмотритъ въ мирѣ избытокъ великодушія со стороны нашего дорогаго повелителя въ моментъ, когда ничто не могло бы помѣшать его побѣдоноснымъ арміямъ овладѣть Константинополемъ и Босфоромъ и когда Порта при посредствѣ иностранныхъ пословъ созналась, что она перестанетъ существовать, если мы будемъ продолжать наше движеніе.

«Вы узнаете подробности изъ моихъ донесеній императору и Нессельроде, а сегодня мнѣ невозможно писать вамъ болѣе. Въ настоящемъ случаѣ пруссаки дѣйствовали, какъ истинные и вѣрные друзья; вы можете себѣ представить, что это сдѣлало меня очень счастливымъ»¹⁾.

XV.

Въ то время, когда мирные переговоры въ Адріанополь уже приближались къ концу, въ Петербургѣ не могли еще быть увѣренными въ ихъ благополучномъ исходѣ. Нужно было готовиться ко всякимъ случайностямъ. Поэтому императоръ Николай писалъ графу Дибичу 28-го августа (9-го сентября):

«Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ принятыя вами мѣры, но настаиваю, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили отрядъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть увѣреннымъ, что незванные гости не явились тамъ для вмѣшательства и вреда

¹⁾ Изъ письма графа Дибича къ графу Чернышеву отъ 2-го (14-го) сентября 1829 года изъ Адріанополя. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2 № 4445).

дѣламъ нашимъ.... Наконецъ, если вы у Дарданелль, то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего. Если же употребятъ силу, вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонить насъ Богъ» ¹⁾).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1-го (13-го) сентября, государь коснулся Константинополя:

«Перейдемъ теперь къ случайностямъ (possibilités), осуществленіе которыхъ молю Бога не допустить! Это увидѣтъ насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать, слѣдовательно, исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній на случай, если бы дѣйствительно дошло уже до этого. При неуспѣшности переговоровъ, слѣдуетъ вамъ немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданелль. Не обращайтесь вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравниваются вашимъ моральнымъ превосходствомъ. Овладевъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія коихъ вы положительно откажетесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было. Тѣмъ болѣе вы не дозволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданеллы впредь до приказанія.... Полученныя мною сегодня утромъ съ курьеромъ извѣстія изъ Лондона положительно утверждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія, до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога не обходитесь съ нами по-Дибичевски и пощадите нашу честь.... Словомъ сказать, это полное торжество. Богу благодареніе, а вамъ спасибо; это болѣе чѣмъ всѣ фразы. Но затѣмъ, любезный другъ, теперь болѣе чѣмъ когда-либо, отнесемъ все Богу и да будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго; вотъ слава, къ которой я стремлюсь, и да хранитъ меня Господь добиваться иной, я же увѣренъ, что вы меня понимаете....
.... И такъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, в п е р е д ъ » ²⁾).

Въ виду упоминаемыхъ императоромъ Николаемъ случайностей, къ которымъ, безъ сомнѣнія, нужно было быть готовыми, государь учредилъ особый секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, изъ князя А. Н. Голицына, графа П. А. Толстаго, графа Нессель-

---

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (6)).

²⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) сентября 1829 года. Елагинъ островъ. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (6)).

роде, Д. В. Дашкова и графа Чернышева. Комитету поручено было выяснить положеніе Турціи и обсудить вопросъ о томъ, какое положеніе должна занять Россія, въ случаѣ паденія Оттоманской Порты. Въ первомъ же засѣданіи комитета, состоявшемся 4-го (16-го) сентября 1829 года, графъ Нессельроде прочелъ собранію записку, въ которой проведена была мысль о пользѣ для Россіи сохранить дальнѣйшее существованіе Турціи; по мнѣнію вице-канцлера, всякій другой порядокъ вещей, которымъ была бы замѣнена Турція, не можетъ доставить намъ выгодъ, сопряженныхъ съ сосѣдствомъ слабой державы. Если же паденіе Оттоманской имперіи представляется дѣломъ неизбѣжнымъ, если существованіе турокъ въ Европѣ должно уступить мѣсто новой политической комбинаціи, то графъ Нессельроде полагалъ, что Россія должна пригласить своихъ союзниковъ съ цѣлью совмѣстнаго обсужденія этого важнаго вопроса. Намѣреваться рѣшить его безъ ихъ участія въ то самое время, когда ихъ важнѣйшіе интересы съ нимъ связаны, значило бы, по мнѣнію вице-канцлера, нанести самый чувствительный ударъ ихъ чести и взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность.

Комитетъ выслушалъ также записку Д. В. Дашкова, близко знакомаго съ восточными дѣлами. Въ запискѣ его высказывалось убѣжденіе, что политика, поставившая себѣ цѣлью паденіе турецкой имперіи, не соотвѣтствовала бы истиннымъ выгодамъ Россіи. Теперь, утверждалъ Дашковъ, когда границы имперіи простираются отъ Бѣлаго моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, осталось мало приобрѣтеній, которыя могли бы ей быть полезными.

Въ этомъ же засѣданіи комитета, члены его ознакомились, между прочимъ, и съ письмомъ графа Каподистріи къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) марта 1828 года. Бывшій русскій министръ предполагалъ, въ случаѣ переустройства Балканскаго полуострова, обратиться Константинополь въ вольный городъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ конфедераціи пяти вновь образованныхъ Балканскихъ государствъ, а именно: герцогства или королевства Дакіи (Молдавія и Валахія); королевства Сербіи (Болгарія, Сербія и Боснія); королевства Македоніи; королевства Эпира и наконецъ Эллинскаго государства.

Послѣ всесторонняго обсужденія всѣхъ прочитанныхъ записокъ, комитетъ пришелъ единогласно къ слѣдующему рѣшенію:

1) Выгоды, представляемыя сохраненіемъ Оттоманской имперіи въ Европѣ, превосходятъ сопряженные съ ея существованіемъ неудобства.

2) Вслѣдствіе сего, паденіе Оттоманской имперіи не соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи.

3) Благоразуміе требуетъ предупредить это паденіе, изыскавъ всё могущія еще представиться средства для заключенія почетнаго мира.

Во второмъ засѣданіи комитета императоръ Николай лично принялъ на себя предсѣдательство; удостоивъ полнаго одобренія заключенія комитета, государь повелѣлъ сообщить ихъ графу Дибичу для руководства ¹⁾.

Но пока въ Петербургѣ занимались обсужденіемъ вопроса о будущей судьбѣ Оттоманской Порты, графъ Дибичъ успѣлъ уже предупредить на мѣстѣ желаніе комитета, обезпечивъ дальнѣйшее существованіе турецкой имперіи въ Европѣ. 30-го августа (11-го сентября), въ день тезоименитства наслѣдника и за два дня до заключенія Адрианопольскаго мира, главнокомандующій писалъ государю:

«Примите мои поздравленія и самыя искреннія пожеланія по случаю сегодняшняго торжества, въ которомъ свѣтлыя надежды на будущее, которое уже не можетъ быть нашимъ достояніемъ, соединяются въ вѣрныхъ сердцахъ съ настоящимъ счастіемъ и дорогими воспоминаніями. Великій Богъ, видимо благословляя оружіе вашего императорскаго величества, ниспослалъ намъ радость возвѣстить въ такой день увѣренность въ заключеніи славнаго мира. Послѣ всего того, что мнѣ писалъ и говорилъ прусскій посоль, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира и кромѣ того, читая памятный документъ, подписанный сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильемино, содержащій въ себѣ заявленіе Порты, подтвержденное г. г. послами, что движеніе вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положить конецъ существованію Оттоманской имперіи,—все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ для вашего оружія, государь, но и самую прочною гарантіею для мира, ибо никто не станетъ дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на бой. Я полагаю, что слѣдующій фельдъегерь привезетъ вашему императорскому величеству мирный трактатъ» ²⁾.

12-го (24-го) сентября императоръ Николай отвѣчалъ Забалканскому:

«Я не могу иначе начать мое посланіе, какъ возблагодаривъ Бога, сказать вамъ bravo, bravo, bravo. Мой отвѣтъ—Св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю, вы его вполнѣ заслужили. Теперь еще разъ искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій, столь же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго русской арміи, стоящей у воротъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно и воображеніемъ

¹⁾ Etude historique sur la. politique russe dans la question d'orient par F. Martens.—Gand 1877.

²⁾ Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю, отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (а)).

едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ, отправленный изъ Кронштадта, лѣвый на Севастопольскій флотъ; прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбы султана, и свидѣтельство о гибели, подписанное послами французскимъ и англійскимъ! Послѣ этого остается только сказать: Великъ Богъ русскій и спасибо Забалканскому¹⁾.

Мирный договоръ привезъ государю въ Царское Село флигель-адъютантъ Чевкинъ²⁾. Въ письмѣ къ графу Дибичу этотъ историческій моментъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Прибывъ въ Царское Село, я прежде всего передалъ графу Чернышеву депеши на его имя, вскорѣ, по счастливой случайности, пришелъ графъ Нессельроде, коему я вручилъ привезенныя ему депеши, а затѣмъ мы всѣ втроемъ пошли къ государю. Его величество принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ величайшею радостію; онъ тотчасъ послалъ за императрицею, которая прибѣжала въ сопровожденіи великаго князя наслѣдника, молодыхъ великихъ княженъ и даже маленькаго великаго князя Константина. Тогда произошелъ взаимный обмѣнъ поздравленій, радости и сочувствія. Я не могу найти выраженій, чтобы высказать то глубокое впечатлѣніе, которое я испыталъ въ эту минуту, которое, безъ сомнѣнія, останется въ моей памяти, какъ лучшее воспоминаніе моей жизни. Послѣ этого, государь познакомился съ депешами и договоромъ; все удостоилось полнаго его одобренія; одна статья, казалась, возбудила въ немъ сожалѣніе, это возвращеніе Карса; я осмѣлился высказать нѣкоторыя мысли относительно незначительности выгодъ, представляемыхъ этимъ приобрѣтеніемъ; его величество соблаговолилъ ихъ выслушать; когда же, нѣсколько дней спустя, графъ Нессельроде, бесѣдуя со мною объ этомъ, просилъ доставить ему о семъ записку, онъ высказалъ предположеніе, что государь не будетъ настаивать на этомъ приобрѣтеніи, но что, повидимому, пожелаютъ имѣть Батумъ и турецкую Гурію³⁾.

22-го сентября (4-го октября) государь, по случаю заключенія мира,

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года изъ Александріи. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (6)). За занятіе Адрианополя графъ Дибичъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго, а графиня Дибичъ пожалована въ статсъ-дамы. Такія же награды удостоился получить графъ Паскевичъ за занятіе Эрзерума.

²⁾ Въ дневникѣ князя А. С. Меншикова 17-го сентября 1829 года записано: „Государь пріѣхалъ въ городъ, по случаю полученнаго извѣстія о мирѣ съ турками, и ѣздилъ со мною поклониться Казанской иконѣ въ соборѣ“.

³⁾ Изъ письма флигель-адъютанта Чевкина къ графу Дибичу, отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1. № 959).

велѣлъ собрать на Царицыномъ дугу войска, расположенныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ ¹⁾. Посреди плаца воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамилии, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Европѣ и въ Азiи, а войска расположились вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣстѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячнаго «ура!» возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, по свидѣтельству очевидца, знаменіемъ силы, прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемониальнымъ маршемъ, а въ заключеніе торжества турецкія знамена отнесены были въ Преображенскій соборъ. Впослѣдствіи, послѣ 1831 года, ограда этого собора украшена была еще другими турецкими трофеями, а именно орудіями, взятыми въ Варнѣ, затѣмъ подаренными въ 1828 году императоромъ Николаемъ полякамъ и отбитыми снова у нихъ гвардіею во время мятежа 1831 года.

Въ день парада императоръ Николай произвелъ графа Дибича Забалканскаго въ фельдмаршалы и написалъ ему слѣдующія милостивыя строки:

«Возблагодаривъ Бога на Марсовомъ полѣ среди войскъ и огромной толпы, я обращаюсь къ вамъ, мой любезный другъ, съ душевною благодарностью за счастливый конецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію. Адрианопольскій миръ, самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы сдумали придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность зажеметъ ротъ всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью. Еще разъ повторяю вамъ мою признательность на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала, пожалованный вамъ сегодня, принадлежитъ вамъ по праву» ²⁾.

Сверхъ фельдмаршальскаго званія императоръ Николай пожаловалъ еще графу Дибичу милліонъ рублей. Графъ Толь награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія второй степени, Св. Владиміра первой степени, назначенъ шефомъ 20-го Егерскаго полка и получилъ 300.000 рублей. Графу Чернышеву пожаловано было также 300.000 рублей, а генераль-адъютанту Бенкендорфу аренда на 50 лѣтъ. Генераль Канкринъ

¹⁾ Манифестъ о заключеніи мира съ Турціею объявленъ былъ 19-го сентября (1-го октября) 1829 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Николай повелѣлъ по объявленному уже манифестомъ отъ 10-го (22-го августа) 1829 года рекрутскому набору вмѣсто трехъ рекрутъ съ пяти сотъ душъ собрать только по два рекрута.

²⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года изъ Петербурга. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2. № 2895 (6)).

возведенъ былъ въ графское достоинство. Графъ Нессельроде и графъ Воронцовъ награждены были орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а графъ А. Ѳ. Орловъ и генераль-адъютантъ Киселевъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, подобно графу Дибичу, также награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала. 25-го сентября (7-го октября) 1829 года, императоръ Николай, въ собственноручномъ письмѣ, возвѣстивъ «отцу командиру» новое его отличіе, приложивъ эполеты, украшенные фельдмаршальскими жезлами:

«Богъ благословилъ наше дѣло, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и славный миръ положилъ конецъ подвигамъ армій нашихъ, стяжавшихъ новые неувядаемые лавры подъ предводительствомъ вашимъ и товарища вашего въ Европѣ. Воздавъ благодареніе Всевышнему, видимо намъ помогавшему, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, примите искренное благодареніе стараго вашего друга, умѣющаго цѣнить ваши заслуги.

«Чинъ фельдмаршала, мною вамъ данный, принадлежитъ вамъ не по пристрастію какому, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединили имя ваше къ именамъ Румянцова и Суворова; съ сердечною радостію пишу вамъ это, ибо слова сіи въ моихъ устахъ вамъ не лесть, а справедливость.

«Но позвольте другу вашему сказать вамъ: ничто столько не украшаетъ величія дѣла, какъ скромность, въ этомъ нахожу я величайшую красоту, истинную доблесть великихъ людей. Во всякомъ дѣлѣ, нами исполняемомъ, мы должны искать помощи Божіей; Его рука насъ караетъ, Его рука насъ возноситъ; васъ она поставила на высшую степень славы! Да украситъ васъ и послѣдняя слава, которая истинно будетъ ваша принадлежность: скромность! воздайте Богу и оставьте намъ славить васъ и дѣла ваши. Вотъ совѣтъ друга, васъ искренно любящаго и изъ глубины души благодарнаго.

«Надѣюсь, что о сю пору у васъ уже все спокойно, ибо по моему расчету офицеръ отъ Ивана Ивановича могъ до васъ доѣхать, надѣюсь также, что безъ большаго затрудненія исполнено будетъ очищеніе края, котораго удерживать за собой не призналъ я полезнымъ для Россіи въ строгомъ смыслѣ ея выгоды.

«Кончивъ такимъ образомъ одно славное дѣло, предстоитъ вамъ другое, въ мнѣ глазахъ столь же славное, а въ разсужденіи прямыхъ пользъ, гораздо важнѣйшее,—усмиреніе навсегда горскихъ народовъ или истребленіе непокорныхъ.

«Дѣло сіе не требуетъ немедленнаго приближенія, но рѣшительнаго и зрѣлаго исполненія, когда получу отъ васъ планъ вашъ, которому слѣдуя, надѣветесь исполнить мое ожиданіе. Я для сего предоставляю вамъ

временно всѣ войска, подъ командою вашей нынѣ находящіяся, съ тѣмъ чтобъ ударъ былъ столь же рѣшительный, какъ и внезапнѣ. Прочее рѣшить предоставляю вамъ.

«Жена моя вамъ сердечно кланяется. Прощайте, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрьте дружбѣ искренно вамъ доброжелательнаго. Николая».

«Прилагаемые эполеты прошу носить, меня поминая» ¹⁾.

Приведенное здѣсь письмо государя, несмотря на выраженные въ немъ глубоко-дружескія чувства къ «отцу командиру», отличается тѣмъ не менѣ нравоучительнымъ характеромъ и напоминаетъ собою приведенное уже выше письмо императора Николая отъ 18-го (30-го) марта 1828 года, посланное послѣ заключенія туркманчайскаго договора. Очевидно, что, несмотря на преподанные тогда совѣты, государю снова пришлось умѣрять пылкость нрава графа Паскевича; недовѣріе къ ближайшимъ помощникамъ, подозрительность, раздражительность проявлялась также и во время мало-азійскихъ кампаній, не въ меньшей степени, чѣмъ во время персидской; многіе достойнѣйшіе генералы нашлись вынужденными искать новаго поприща дѣятельности внѣ кавказскаго корпуса—обстоятельство, сдѣлавшееся конечно извѣстнымъ императору Николаю, также какъ и многое другое. Для отца «командира» все кончилось дружескимъ внушеніемъ и проповѣдью о скромности и прелестяхъ этой добродѣтели!

1-го (13-го) октября императоръ Николай повелѣлъ всѣмъ участникамъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ носить медаль на лентѣ Св. Георгія, установленную въ этотъ день. Тогда же государь отдалъ приказъ войскамъ второй арміи, отдѣльнаго кавказскаго корпуса и дѣйствовавшимъ эскадрамъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ:

«Благословеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя незабвенною новою славою, и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный.

«Въ двухъ странахъ свѣта неумолжно раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду, и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей. Смѣлю стопою переносились вы чрезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя, принудили его къ торжественному признанію, что мужеству вашему противустоятъ онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣж-

¹⁾ Князь Щербатовъ: „Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ“, т. 3-й, стр. 228. Когда Паскевичъ награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала, ему было 47 лѣтъ.

денными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени русскихъ воиновъ.

«Въ ознаменованіе толикихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству, повелѣваю: носить всѣмъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ, установленную мною особую медаль за турецкую войну, на лентѣ ордена святаго Великомученика и побѣдоносца Георгія.

«Да будетъ знакъ сей памятникомъ вашей славы и моей къ вамъ признательности! да послужить онъ залогомъ будущей вѣрной вашей службы!»

Оцѣнка Адрианопольскаго мирнаго договора, со стороны современниковъ, сдѣлана была самая разнообразная.

Графъ Нессельроде писалъ, 13-го (25-го) октября 1829 года, графу Дибичу:

«Иностранная газеты уже начинаютъ болтать вздоръ по поводу нашего мирнаго договора. Пусть себѣ болтаютъ, всѣмъ вѣдь нельзя угодить, но всѣ люди разумные, рассуждающіе спокойно и безпристрастно, всѣ они не находятъ ничего заслуживающаго возраженія и полагаютъ, что миръ соединяетъ выгоды, требовать которыхъ даютъ право столько побѣдъ,—съ тою умѣренностію, которая столь благороднымъ образомъ характеризуетъ политику императора. Удовольствуемся же, мой дорогой фельдмаршалъ, ихъ одобреніемъ и не будемъ обращать вниманія на остальное. Придерживаясь подобнаго правила, всегда бываешь увѣренъ, что дѣлаешь хорошее дѣло»¹⁾.

Самая вѣрная оцѣнка Адрианопольскаго мира принадлежитъ авторитетному перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Генца, который по поводу договора, заключеннаго 2-го (14-го) сентября, пишетъ:

«Умѣренность—понятіе относительное, но въ случаѣ, сходномъ съ настоящимъ, оно должно одинаково распространяться на побѣдителя, такъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствію. Но они могли потребовать уступки княжествъ и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи и вмѣсто десяти милліоновъ червонцевъ—пятьдесятъ, при чемъ ни Порты не имѣла бы власти, ни кто-либо изъ добрыхъ друзей ея серьезнаго намѣренія этому воспрепятствовать. Конечно,

¹⁾ Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу, отъ 13 го (25-го) октября 1829 года (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 5329).

императоръ неоднократно увѣрялъ, что онъ не хочетъ завоеваній въ этой войнѣ ¹⁾. Но отъ подобныхъ увѣреній легко отречься при содѣйствіи сотни дипломатическихъ тонкостей, и если бы даже голосъ нѣсколькихъ честныхъ людей обозвалъ его вѣроломнымъ, за то несравненно сильнѣйшая часть глубоко испорченнаго общественнаго мнѣнія со всѣхъ сторонъ громко привѣтствовала бы его. Представляется вопросъ, что могло побудить императора не переступить границъ, предписанныхъ имъ его генераламъ и дипломатамъ? Любовь ли къ справедливости, великодушіе, благоразуміе или соображенія, касающіяся отечественныхъ условий, или же другія какія-либо причины?—Одно остается несомнѣннымъ, что онъ могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность ²⁾.

Все, сдѣланное въ Адрианополѣ, было дѣйствительно безконечно великодушно, но спрашивается, оцѣнила ли Европа по достоинству умѣренность, проявленную императоромъ Николаемъ при заключеніи договора 2-го (14-го) сентября? На подобный вопросъ можно только отвѣтить отрицательно! Недруги наши были сначала лишь ошеломлены и поражены удивленіемъ и неожиданнымъ исходомъ борьбы нашей съ Портой, а затѣмъ дѣла пошли по-старому, и антагонизмъ западныхъ державъ, по отношенію къ Россіи, продолжалъ свою подпольную работу въ Константинополѣ, успѣшно подтачивая, гдѣ можно, плоды нашихъ недавнихъ побѣдъ.

Баронъ Оттенфельсъ, занимавшій постъ австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, называлъ Адрианопольскій договоръ «самымъ жестокимъ, самымъ унижительнымъ изо всѣхъ когда-либо исторгнутыхъ побѣдителямъ у слабого побѣжденнаго». По его мнѣнію, заключенный нами договоръ содержалъ въ себѣ тотъ смертельный ядъ, который рано или поздно долженъ привести къ распаденію Оттоманской имперіи. Адрианопольскимъ договоромъ Россія будто бы исключила Порту изъ числа независимыхъ державъ; въ немъ Россія найдетъ все, что захочетъ, и если гибель Порты входитъ въ ея расчеты, то она обезпечила себѣ предлоги и средства къ ея осуществленію.

«L'ami Metternich» съ своей стороны громилъ своимъ перомъ Николая Павловича не менѣе внушительно и писалъ въ 1830 году: «императоръ посредствомъ денежной сдѣлки безъ существенныхъ жертвъ, окруживъ себя ореоломъ великодушія, доказалъ, что умѣетъ простираť далеко искусство пользоваться ложными положеніями».

¹⁾ По вѣрному замѣчанію Поццо-ди-Борго подобное обѣщаніе очень мало цѣнится въ началѣ дѣла, а при завершеніи его бываетъ крайне вреднымъ.

²⁾ Prokesch-Osten: Geschichte des Abfalls der Griechen.—Wien 1867. В. 2. р. 384.

Съ русской стороны нападки на Адрианопольскій договоръ выразились главнымъ образомъ въ томъ, что не одобряли возвращенія Портъ крѣпости Карса и сверхъ того пожалѣли, что трактатомъ не было выговорено присоединеніе Батума къ нашимъ владѣніямъ. Карсъ и Батумъ стоятъ нѣсколько милліоновъ контрибуціи, замѣтилъ императоръ Николай въ письмѣ къ графу Дибичу ¹⁾).

Между тѣмъ главнокомандующій въ особой оправдательной запискѣ оспаривалъ значеніе для насъ Карса и Батума, относительно же послѣдняго пункта находилъ сверхъ того неудобнымъ требовать отъ Турціи уступки города, которому во время кампаніи даже не угрожали наши войска. Послѣдній доводъ поражаетъ своею наивностью, если посмотрѣть 2-ю и 4-ю статьи Адрианопольскаго договора, въ которомъ перечисленъ длинный рядъ сдѣланныхъ нами въ Европѣ и Азіи завоеваній, возвращаемыхъ Оттоманской Портѣ; казалось бы, что въ виду этого списка, требованіе уступки Батума не представляло бы ничего особеннаго, даже оставляя въ сторонѣ возможное уменьшеніе военной контрибуціи.

Графъ Паскевичъ смотрѣлъ на этотъ важный вопросъ территориальнаго расширенія Россіи въ Закавказьи нѣсколько иначе и въ письмѣ къ графу Нессельроде сообщилъ о степени той важности, съ какою должны быть цѣнны при заключеніи мира области, покоренныя оружіемъ нашимъ въ Азіатской Турціи. Онъ неоднократно особенно настаивалъ на удержанія нами Карскаго пашалыка и написалъ вице-канцлеру пророческія слова: «Остается только надѣяться, что намъ не придется раскаяться о сдачѣ Карса и хребта Саганлугскихъ горъ, а уступка немаловажная». Къ сожалѣнію, пророчество Паскевича сбылось съ неотразимою вѣрностію, и намъ пришлось не разъ въ 1855 и 1877 годахъ памятовать объ ошибкѣ, учиненной графомъ Дибичемъ при заключеніи Адрианопольскаго мира.

Въ письмѣ къ вице-канцлеру графъ Дибичъ приводитъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что записка Паскевича объ азіатскихъ границахъ, присланная графомъ Нессельроде въ Адрианополь, получена была въ главной квартирѣ два дня спустя, послѣ того какъ турецкимъ уполномоченнымъ врученъ былъ тахітисъ нашихъ требованій!

---

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

XVI.

Напряженная дѣятельность, въ которой императоръ Николай провѣлъ весь 1829 годъ, дала себя подъ конецъ чувствовать; вечеромъ, 29-го октября (10-го ноября), государь почувствовалъ себя нездоровымъ. Сперва, при общей увѣренности въ крѣпкомъ сложеніи императора Николая, никто даже и во дворцѣ не предполагалъ, что болѣзнь его можетъ вызвать какія-либо опасенія; но на третій день она до такой степени усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Это были: Крейтонъ, Раухъ и Арентъ. Тогда и при дворѣ и въ городѣ всѣ перетревожились. Входъ въ комнату, гдѣ лежалъ государь, былъ всѣмъ воспрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ за извѣстіями о положеніи больного; спрашивали докторовъ, камердинеровъ; опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для блага и славы Имперіи. Невольно очевидцы кончины императора Александра Павловича припоминали недавніе еще печальные таганрогскіе дни. «Императрица,—пишетъ Бенкендорфъ,—съ ангельскою своею добротою, выходила по временамъ изъ комнатъ своего супруга, съ заплаканными глазами, сообщала намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нервическая горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня ⁴⁾».

«Я видѣлся съ императрицею по нѣсколько разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми, въ эту болѣзнь государя, многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе. Наконецъ, послѣ двѣнадцати томительныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою, и лучше всего доказавшихъ искреннюю общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ идти очень медленно, и больному легко можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужде-

---

⁴⁾ Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 7-го ноября 1829 года записалъ: „Государю вчера пускали кровь; рѣшительно горячка воспалительнаго свойства. Не дай Боже потерять его и Россіи оставить регентство“.

Князь Меншиковъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 24-го августа; но онъ еще не вполне оправился отъ полученныхъ имъ подъ Варною ранъ. Государь разрѣшилъ ему для облегченія не носить шага, а кортикъ.

2-го сентября подписанъ былъ указъ о всупленіи князю Меншикову, по выздоровленіи, въ должность начальника морскаго штаба.

ни, о чемъ мы и были предваряемы неоднократно передъ допускомъ къ нему.

«Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ перемѣною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, что новаго случилось въ его болѣзнь, и удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ однакожь всемирно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой-нибудь утайки отъ него. Разговоръ, въ такомъ родѣ продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и подобныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о большей или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо оправляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіе его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

«Однимъ утромъ (15-го [27-го] ноября) былъ призванъ не издавшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость, на вопросъ государя: нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «Кажется ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань» ¹⁾). Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ, началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились, внѣ себя отъ неосторожности Толстаго, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ—и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ въ страшномъ жару и приказалъ отправить линейный корабль и фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ, съ депешами о семь, непременно въ тотъ же день.

«По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что невозможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли.

¹⁾ Это былъ фрегатъ „Blonde“, которому разрѣшено было пройти Дарданеллы, съ орудіями, хотя и маскированными, еще во время кампаніи 1829 г. Турки смотрѣли на него въ ту пору, какъ на предвѣстника англійскаго флота, который освободитъ Черное море отъ русскаго владычества. Осенью капитанъ этого фрегата (какъ увѣряли потомъ) вздумалъ совершить прогулку по Черному морю.

Къ счастью, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемое государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; къ счастью, благодаря умнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской Портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ, въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности, очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англіею, окончилось совершенно благополучно».

Вскорѣ здоровье императора Николая совсѣмъ возстановилось, и 10-го (22-го) декабря 1829 года государь могъ уже собственноручно написать графу Дибичу:

«Наконецъ, мой любезный другъ, благодаря Богу, я самъ могу отвѣчать вамъ на ваше письмо, которое получилъ вчера. Я почти совсѣмъ оправился отъ поразившаго меня сильнаго потрясенія, но милосердіе Божіе, на этотъ разъ сохранило меня женѣ и дѣтямъ; чувствую только слабость въ ногахъ, однако я могъ сегодня сѣсть верхомъ и, слѣдовательно, готовъ на службу».

Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1829 года, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ написалъ фельдмаршалу слѣдующія строки насчетъ событія, взволновавшаго тогда собою всю Россію:

«Вы поймете, дорогой и высокочтимый графъ, насколько мы должны были тревожиться здѣсь насчетъ здоровья императора. Зная, насколько разстояніе должно бы еще болѣе усиливать вашу тревогу по этому поводу, я каждый день просилъ Чернышева сообщать вамъ, насколько возможно чаще, извѣстія о ходѣ болѣзни. Теперь, слава Богу, нашъ несравненный государь чувствуетъ себя совершенно хорошо, и отъ болѣзни остались лишь слабость и худоба, служащія сильнѣйшимъ доказательствомъ опасности, которой мы подвергались. Эта мысль владѣла всѣми умами, и отъ нея волосы на головѣ становились дыбомъ. Сознавали весь ужасъ послѣдствій, которыя повлекла бы за собою потеря человѣка, котораго какъ самый злонамѣренный, такъ и самый равнодушный признаютъ необходимымъ, не только для нашего счастья, но и для нашего существованія. Впечатлѣніе, которое извѣстіе объ этой болѣзни произвело въ Москвѣ и провинціи, является прекраснѣйшимъ доказательствомъ привязанности, которую императоръ съумѣлъ внушить. Все было поглощено этимъ великимъ интересомъ; только говорили что объ императорѣ; быть можетъ, это испытаніе было необходимо, чтобы заставить императора понять истинное значеніе заботливости, съ которою онъ долженъ относиться къ своему здоровью, и послужить пово-

домъ къ вознагражденію его за его труды, которое лишь одна любовь можетъ давать государю» ¹⁾).

Послѣ благополучнаго исхода этого тревожнаго эпизода, петербургская общественная жизнь вступила понемногу въ свою обычную колею.

«Я не припомню зимы въ Петербургѣ,—писалъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ графу Дибичу,—которая была бы болѣе наполнена балами, празднествами и удовольствіями. Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, приведшимъ къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостію, въ цѣлой Европѣ — внушительнымъ положеніемъ, а внутри—спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привести лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильны болѣе, чѣмъ когда бы то ни было во мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, которыхъ требуетъ Россія. Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехъ лѣтъ войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также не уступитъ передъ трудностями въ дѣлѣ администраціи, какъ не отступилъ передъ трудностями войны; онъ не встрѣтитъ въ этой области дѣятелей столь блестящихъ, столь быстрыхъ въ дѣйствіи, какъ «Забалканскіе» и «Эриванскіе», но разъ эти трудности побѣждены, онъ извлечетъ изъ нихъ славу, столь же блестящую и еще болѣе полезную для своихъ многочисленныхъ подданныхъ» ²⁾).

Дѣйствительно, все предвѣщало политическое затишье. Европа казалась до нѣкоторой степени успокоенною; всѣ дѣла наши съ Персією и Портою были окончательно улажены; зависть западныхъ державъ, повидимому, какъ бы умолкла предъ умѣренностью и прямодушіемъ императора Николая; можно было думать, что милостивая судьба предоставляетъ, наконецъ, императору Николаю возможность посвятить себя, согласно своему сердечному влеченію, исключительно дѣламъ по улучшенію внутренняго положенія своей обширной Имперіи. Однако, случилось какъ разъ противное. Наступилъ 1830 годъ и вмѣсто успокоенія принесъ съ собою рядъ такихъ потрясающихъ событій, стеченіе которыхъ, одно вслѣдъ за другимъ, создало истинно смутное время для Европы и Россіи. Въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція съ своими отраженіями въ другихъ европейскихъ государствахъ, затѣмъ начался польскій мятежъ и война Имперіи съ королевствомъ, созданнымъ Александромъ I, а въ довершеніе всѣхъ бѣдъ появился

¹⁾ Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1, № 961).

²⁾ Изъ письма генераль-адъютанта Бенкендорфа къ Дибичу отъ 6-го (18-го) октября 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1, № 961).

неизвѣстный доселѣ зловѣщій гость—холера; она посѣтила Москву, а затѣмъ и Петербургъ, вызывая повсюду народныя волненія, а въ заключеніе кровавый бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ. Подъ давленіемъ всѣхъ перечисленныхъ тягостныхъ событій и вызванныхъ имъ тягостныхъ послѣдствій, всѣ «*améliorations*» и «*revirements politiques*», о которыхъ возвѣщалъ шефъ жандармовъ, отступили на задній планъ. Неумолимая сила событій толкнула правительство совсѣмъ въ другую сторону; нужно было прежде всего возстановить поправный мятежемъ порядокъ и спасти Имперію отъ угрожавшаго ей отторженія западныхъ ея окраинъ. Первую роль въ разыгравшейся тогда кровавой драмѣ снова пришлось играть тѣмъ «Забалканскимъ» и «Эриванскимъ», на которыхъ ссылался въ своемъ письмѣ Бенкендорфъ.

XVII.

Въ началѣ 1830 года въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный посоль султана Галиль-паша въ сопровожденіи Неджиба-Сулеймана-эфенди. Цѣль турецкаго посольства, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ любимцевъ Махмуда, заключалась въ томъ, чтобы придти къ соглашенію относительно подробностей уплаты вознагражденія за военныя издержки; но вмѣстѣ съ тѣмъ Порта имѣла въ виду и скрытую цѣль: просить государя о смягченіи условій Адрианопольскаго договора. Въ сокращенной инструкціи Рейс-эфенди (Pertew), данной Галилю-пашѣ, ему поручалось представить русскому двору о неудобноисполнимости всѣхъ условій заключеннаго мира и ходатайствовать о пересмотрѣ трактата.

Галиль-паша прибылъ въ Одессу еще осенью 1829 года; внезапная болѣзнь государя задержала здѣсь посольство, въ ожиданіи разрѣшенія дальнѣйшаго путешествія.

Между тѣмъ генераль-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ, посланный въ Константинополь послѣ ратификаціи Адрианопольскаго договора, давно уже съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ турецкой столицѣ, снискавъ особенное расположеніе къ себѣ султана ¹⁾.—Наконецъ, 25-го января (6-го февраля) 1830 года Галиль-паша въ свою очередь появился въ Петербургъ и 28-го января (9-го февраля) принятъ былъ императоромъ Николаемъ въ торжественной аудіенціи въ Георгіевской тронной залѣ Зимняго дворца, въ присутствіи всего двора.

Послѣ торжественной аудіенціи государь удостоилъ еще Галиля и Неджиба частной аудіенціи, которая длилась полтора часа. Въ продол-

---

¹⁾ Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2 № 2895 (6).

жительномъ дружескомъ разговорѣ императоръ Николай ознакомилъ ихъ съ своими взглядами на политическое положеніе дѣлъ, созданное на Востокѣ Адрианопольскимъ миромъ. Чтобы подтвердить въ турецкой памяти все сказанное, государь приказалъ Фонтону, служившему ему переводчикомъ, тотчасъ же составить очеркъ этой достопамятной бесѣды и сообщить Галилю-пашѣ.

Составленный тогда: «*précis de l'entretien particulier*» заключался въ слѣдующемъ:

«По окончаніи сегодняшней аудіенціи его величество императоръ, соизволивъ удостоить частнымъ разговоромъ оттоманскихъ пословъ, началъ съ того, что выразилъ свое удовольствіе по поводу увѣреній, лично высказанныхъ султаномъ генераль-адъютанту графу Орлову, о твердомъ намѣреніи своемъ въ точности выполнить обязательства, принятія по Адрианопольскому договору; что онъ не менѣе остался доволенъ завѣреніями, только-что сдѣланными самими послами именемъ и по порученію султана, но что нѣкоторыя инструкціи, которыя, какъ извѣстно его величеству, были даны имъ Рейсъ-эфенди,—о чемъ этотъ министръ конфиденціально сообщилъ графу Орлову,—ему крайне не понравились, потому что онѣ шли совершенно въ разрѣзъ съ чувствами, проявленными султаномъ; что даже нѣкоторыя мѣста изъ частнаго письма султана, съ которыми его величество только-что ознакомился, повидимому, не вполне отвѣчаютъ этимъ чувствамъ; что тѣмъ не менѣе, будучи убѣжденъ, что когда дѣло происходитъ между государями, и разъ уже протянули другъ другу руки и обязались своимъ словомъ, то это обязательство становится священнымъ и ненарушимымъ, онъ нисколько не колеблется придать полную и безусловную вѣру искренности истинныхъ намѣреній султана, отвѣчающихъ его собственнымъ; что, убѣжденный въ этомъ, онъ поставляетъ себя въ удовольствіе объявить все, что могло бы быть пріятно султану, но лишь бы только Адрианопольскій договоръ продолжалъ служить основаніемъ будущихъ отношеній между обоими государствами, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не было произведено посягательствъ на неприкосновенность и дѣйствительность этой сдѣлки, но что при этомъ онъ ставитъ одно предварительное и непремѣнное условіе, а именно, что инструкціи Рейсъ-эфенди будутъ признаны недѣйствительными и какъ бы несуществующими, и что о нихъ не будетъ болѣе рѣчи.

«Оттоманскіе послы посмѣшили возразить, что въ намѣренія султана, ихъ поведителя, отнюдь не входило оказать хоть малѣйшее посягательство на дѣйствительность Адрианопольскаго договора, что этотъ актъ, торжественно признанный и ратификованный имъ, былъ и долженъ остаться обязательнымъ; что преисполненный довѣрія къ справедливости и умѣренности его императорскаго величества, султанъ далъ имъ спеціальное порученіе къ императору исключительно лишь для того, чтобы во имя

великодушной дружбы исходатайствовать у него нѣкоторыя льготы, нѣкоторыя измѣненія, в нѣ д о г о в о р а; что, въ виду этого, только сообразуясь съ приказаніями и намѣреніями его императорскаго величества, они могли бы приступить къ изложенію ходатайствъ, которыя имъ предписано представить ему.

«Мнѣ пріятно слышать эти рѣчи,—возразилъ императоръ,—и я не могъ бы слышать чего-либо другаго. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, порученіе, данное этимъ господамъ, крайне пріятно для меня; я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ дать султану доказательства моей искренней дружбы и моего желанія быть пріятнымъ ему. Я прошу немного терпѣнія, такъ какъ намѣренъ изложить историческій ходъ моего образа дѣйствій съ самаго начала, чтобы доказать, насколько мое отношеніе къ Оттоманской имперіи было неизмѣнно одно и то же. Какъ только началось мое царствованіе, тѣ, которые величаютъ себя друзьями Порты и которые доказали, что они за друзья, выставили меня какъ государя честолюбиваго, какъ подражателя Наполеона, мечтающаго только о побѣдахъ и захватахъ. Дѣло однако въ томъ, что, вступая на престолъ, я взомель на него со славнымъ наслѣдствомъ, состоявшимъ изъ благородныхъ и великодушныхъ принциповъ, неизмѣнно руководившихъ политикою покойнаго императора Александра, терпѣніе и кротость котораго,—надо признаться въ этомъ,—были подвергнуты чрезмѣрному испытанію вслѣдствіе дурныхъ поступковъ Порты. Въ моментъ моего воцаренія я былъ слишкомъ исключительно поглощенъ внутренними дѣлами Имперіи, чтобы имѣть возможность посвящать свои заботы интересамъ вѣншей политики. Но, нѣсколько времени спустя, осложненія на Востокѣ привлекли мое исключительное вниманіе. Я желалъ предотвратить несчастія, которыя, какъ я предвидѣлъ, должны были явиться слѣдствіемъ этого, и начались Аккерманскіе переговоры. Результатомъ ихъ явилась конвенція, приличнымъ образомъ рѣшившая всѣ спорные вопросы и подавшая намъ надежду, что миръ и спокойствіе упрочатся. Эта надежда не просуществовала долго. Вскорѣ, вслѣдствіе прискорбнаго заблужденія, Порта сама порвала всѣ узы, связывавшія ее съ Россіей. Слишкомъ пресловутый фирманъ, широко распространенный, открыто указывалъ на насъ, какъ на неумолимыхъ враговъ Оттоманской имперіи. Я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ оружію; но, подчиняясь необходимости войны, я въ то же время рѣшилъ испытать всѣ средства, чтобы воспрепятствовать ей сдѣлаться продолжительной. Я лично отправился по ту сторону Дуная во главѣ корпуса, численный составъ котораго самъ-по-себѣ доказывалъ, что онъ не предназначался для завоеванія Турціи. Вступая такимъ образомъ во владѣнія султана, я льстилъ себя мыслью, что найду случай вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, чтобы выяснить ему положеніе его, убѣдить его

въ моемъ расположеніи и тѣмъ покончить нашу распрю. Въ этихъ-то видахъ я и объяснялся откровенно сначала съ Гассанъ-пашою и Эюбъ-пашою исакчинскими, затѣмъ съ Джаферъ-пашою мачинскимъ, а еще позднѣе, въ Варяѣ съ Наштанъ-пашою и Юсуфъ-пашою. Всѣ эти попытки оказались безплодными. Не позднѣе еще, какъ въ концѣ 1828 года, когда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, явился поводъ думать, что въ Константинополѣ желаютъ вступить въ переговоры, я не колебался позволить послать туда парламентаря, который, по прибытіи, былъ почти позорно отосланъ обратно. Началась кампанія 1829 года, и ея первыя событія позволили мнѣ судить о бѣдствіяхъ, которыя явятся ея слѣдствіемъ для Оттоманской имперіи. Я пожелалъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы предовратить ихъ. Находясь въ Варшавѣ, я проѣхалъ до Берлина и побудилъ его величество короля прусскаго, моего тестя, послать въ Константинополь генерала Мюффлинга, чтобы попытаться вразумить султана и заставить его оцѣнить мои истинныя намѣренія. Тѣмъ временемъ, наши войска вступили въ Адрианополь, и слѣдствіемъ сего явился миръ.

«Теперь я спрашиваю, съ какой стороны находятся друзья, и съ какой—враги? Кто пытался спасти Порту отъ грозившей ей опасности? Тѣ ли, которые вѣроломными совѣтами, гнусными наущеніями старались поощрять ее къ сопротивленію, или же тѣ, которые миролюбивымъ образомъ дѣйствій и благоразумными увѣщаніями не переставали стремиться къ тому, чтобы предотвратить опасность?»

«Такимъ образомъ среди самой войны, я поставилъ себѣ задачею доказать, что я не былъ, какъ пытались меня выставить, неумолимымъ врагомъ Оттоманской имперіи, съ остервенѣніемъ думавшимъ о ея разрушеніи. Повсюду, гдѣ были мои войска, мы никогда не пытались возмущать населеніе противъ султана. Нигдѣ недовольные янычары не могли замѣтить ни поддержки, ни поощренія. Даже христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, мы не переставали убѣждать оставаться спокойными и покорными. Султанъ можетъ быть увѣренъ, что всюду, гдѣ еще мои войска временно остаются, его власть останется неприкосновенной. Пусть же султанъ убѣдится, что его друзья находятся въ Петербургѣ, а ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и что одинъ изъ этихъ друзей и самый вѣрный это—я. Не нужно, чтобы между нами находился кто-либо: будь то Англія, Австрія, Франція или даже Рейсъ-эфенди. Да сохранить насъ Богъ отъ новой войны, но если иностранцы будутъ мѣшаться въ наши дѣла, они въ концѣ-концовъ снова поссорятъ насъ. Итакъ, я не желаю имѣть посредника между султаномъ и мною, и даже ни Рейсъ-эфенди съ своими инструкціями».

«Когда его величество кончилъ свою рѣчь, оттоманскіе послы снова повторили прежнія увѣренія относительно намѣреній султана. Они под-

твердили, что именно въ видахъ воздать блестящую дань чувствамъ императора, всю искренность которыхъ ихъ повелитель признаетъ въ настоящее время, и чтобы высказать высокое довѣріе, которое они внушаютъ ему, султану и было угодно поручить имъ, его посланнымъ, выразить его мысль во всемъ объемѣ. Они прибавили, что имъ не остается ничего другаго, какъ умолять его императорское величество дать полную свободу великодушнымъ порывамъ своей души и что, въ воздаяніе своихъ благодѣяній, онъ соберетъ всеобщія молитвы и благодарность.

«Однимъ словомъ,—продолжалъ императоръ,—я хочу быть другомъ султана и сдѣлаю для него все, что возможно. Онъ предпринялъ важныя реформы и преобразованія въ своемъ государствѣ. Чтобы окончить и упрочить свое твореніе, ему необходимы время и спокойствіе, тогда какъ, въ случаѣ новаго разрыва, если бы, по несчастью, онъ снова произошелъ между нами, все было бы ниспровергнуто и сопровождалось бы для Турціи самыми пагубными послѣдствіями. Пусть же султанъ предохранитъ себя отъ этого несчастья, пусть онъ предохранитъ отъ него меня самого. Онъ можетъ разсчитывать на меня. Я хочу, чтобы Оттоманская имперія была сильна и спокойна. Но нужно также принять во вниманіе, что каждый государь имѣетъ обязанности въ отношеніи своей страны. У меня есть свои обязанности, которыя я долженъ выполнить, и поэтому я не могу отказаться отъ всѣхъ выгодъ, постановленныхъ Адрианопольскимъ трактатомъ послѣ столькихъ потерь и жертвъ».

«Императоръ положилъ конецъ этому свиданію, обратившись къ турецкимъ посланнымъ со словами, пріятными лично для нихъ, и милостиво отпустилъ ихъ, извиняясь за то, что такъ долго задержалъ ихъ».

Вечеромъ того же дня (28-го января) состоялся балъ въ Бѣлой залѣ,—какъ пишетъ графъ Чернышевъ,—«самый многолюдный и самый красивый изъ всѣхъ, которые давались когда-либо; по собственному признанію турокъ, имъ казалось, что они перенесены въ область тысячи и одной ночи» ¹⁾).

Въ 1830 году турецкіе посланные впервые явились въ Петербургѣ не въ традиціонномъ національномъ костюмѣ, но въ формѣ, придуманной султаномъ, имѣя на головѣ феску, вмѣсто азіатской чалмы. Галиль-паша объѣздилъ всѣ общественныя заведенія въ столицѣ, присутствовалъ ежедневно при разводѣ, а также при возвращеніи въ столицу изъ похода различныхъ полковъ гвардіи, посѣщалъ театры, а также собранія частныхъ лицъ. Вообще онъ остался чрезвычайно доволенъ оказаннымъ ему приѣмомъ и тронуть былъ, въ особенности, милостями госу-

---

¹⁾ Письмо графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) февраля 1830 года.

даря, который, вручивъ ему богатые дары для султана, надѣлилъ какъ пашу, такъ и свиту его щедрыми подарками.

Послѣ категорическихъ объясненій, сдѣланныхъ императоромъ Николаемъ въ день первой же аудіенціи, турки отказались отъ всякой мысли возможнаго пересмотра Адрианопольскаго договора. Но Галиль-паша получилъ другія доказательства благосклоннаго расположенія государя къ побѣжденной Турціи. 14-го (26-го) апрѣля 1830 года въ Петербургѣ заключена была конвенція, по которой императоръ Николай уменьшилъ военную контрибуцію на два милліона червонцевъ и остальную сумму въ восемь милліоновъ червонцевъ разрѣшилъ выплачивать ежегодными взносами по одному милліону каждый. Сверхъ сего императоръ Николай добровольно отказался отъ выговореннаго въ Адрианополѣ десятилѣтняго права оккупации придунайскихъ княжествъ русскими войсками, обѣщая вывести ихъ тотчасъ послѣ уплаты Портою вознагражденія за убытки русскихъ подданныхъ. До окончательной же расплаты контрибуціи, Россія удерживала за собою только одну Силистрійскую крѣпость, съ правомъ пользоваться проложенною черезъ княжества военною дорогою и Дунаемъ ⁴⁾. Но этимъ не исчерпалось великодушное отношеніе императора Николая къ своему недавнему врагу: государь обѣщалъ уступить еще одинъ милліонъ червонцевъ, если Порта признаетъ постановленія Лондонской конференціи, то-есть полную независимость Греціи. Объ этомъ сообщено было Галилю-пашѣ особой нотой.

Въ это время распространился слухъ, что будто султанъ Махмудъ, встрѣтивъ въ своихъ преобразованіяхъ противодѣйствіе со стороны высшаго магометанскаго духовенства и всѣхъ сторонниковъ старины, помышлялъ будто-бы о принятіи христіанства и объ объявленіи христіанской вѣры господствующимъ исповѣданіемъ въ имперіи! Какъ все это ни казалось сказочнымъ, но въ то время подобному слуху придавали повидимому вѣру. Во время прощальной аудіенціи Галиль-паши императоръ Николай призналъ возможнымъ затронуть въ разговорѣ этотъ замысловатый вопросъ.

Галиль-паша откланивался императору въ присутствіи директора азіатскаго департамента Родофиникина и старшаго драгомана министерства иностранныхъ дѣлъ Фонтана. Принявъ изъ рукъ его величества письмо къ султану, Галиль-паша спросилъ государя, не имѣетъ ли онъ возложить на него какого-либо словеснаго порученія, которое не можетъ

---

⁴⁾ Во время переговоровъ въ Петербургѣ, была сдѣлана попытка относительно замѣны части денежной контрибуціи новыми территоріальными уступками въ Азіи, но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки; то, что не было додѣлано въ Адрианополѣ, нельзя было дополнить новыми поправками.

быть довѣрено бумагѣ, обязуясь въ точности исполнить полученные приказанія. Подумавъ немного, императоръ Николай сказалъ:

— Да, есть такія вещи, писать о которыхъ нельзя. Величайшее доказательство дружбы моей къ вашему повелителю было бы именно подобный совѣтъ въ этомъ родѣ, но я сомнѣваюсь въ возможности для васъ передать его.

Галиль-паша поклонился, и государь продолжалъ:

— Если такъ, то будемъ вполне откровенны. Я поручаю вамъ сдѣлать словесное сообщеніе, впрочемъ, условное. Вы передадите его другу моему султану, лишь при удобномъ случаѣ, если вамъ представится возможнымъ повторить мои слова его величеству, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе его. Я нахожу, что лучшее средство для монарха утвердить свое государство, престолъ, династію, состоитъ въ томъ, чтобъ исповѣдывать религію великаго большинства своихъ подданныхъ.

Галиль-паша видимо смущенный безмолвствовалъ.

— Можете ли вы передать эти слова султану?— спросилъ его государь.

— Ваше величество,—возразилъ Галиль,—соблаговолите дать мнѣ условное приказаніе. Быть можетъ, когда-нибудь и представится случай повторить дословно моему государю эти слова, которыя запечатлѣются въ моей памяти, какъ самое очевидное доказательство благоволенія вашего величества къ моему отечеству и дружбы къ моему повелителю¹⁾.

Мы не располагаемъ никакими данными, по которымъ можно было бы судить, дошло ли до султана содержаніе приведеннаго разговора и какимъ образомъ повелитель правовѣрныхъ отнесся къ преподанному совѣту. Но замѣчательно, что въ 1832 году императоръ Николай вторично остановился на этомъ вопросѣ, высказавъ генералу Муравьеву, при отправленіи его на Востокъ, что есть основаніе предполагать въ султанѣ склонность къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры.

Во время пребыванія при русскомъ дворѣ Галиль-паша встрѣтился съ своимъ константинопольскимъ знакомымъ, прусскимъ генераломъ Мюф-флингомъ, который въ исходѣ 1829 года прибылъ въ Россію, сопровождая въ Петербургъ младшаго брата императрицы Александры Теодоровны, принца Альбрехта. Императоръ Николай не разъ бесѣдовалъ съ прусскимъ генераломъ о восточныхъ дѣлахъ; одна изъ такихъ бесѣдъ произвела на него особенно сильное впечатлѣніе. Приведемъ здѣсь относящійся къ ней отрывокъ изъ записокъ генерала Мюффлинга²⁾:

¹⁾ L'Empire Ottoman 1839—1877.—L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient, par un ancien diplomate.—Paris 1877. p. p. 52—54.

²⁾ Freiherr von Müffling: Aus meinem Leben.—Berlin 1855. p. 335.

«Императоръ сказалъ, что, со времени паденія янычарь, Оттоманское государство утратило завоевательный характеръ. Онъ хвалилъ характеръ мусульманъ, ихъ любовь къ правдѣ, вѣрность, съ которою они держатъ данныя обѣщанія, и отсюда приходилъ къ заключенію, что онъ не можетъ и желать себѣ лучшихъ сосѣдей, поэтому онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы поддержать ихъ неприкосновенность и, насколько только возможно, предохранить ихъ отъ внутреннихъ распрей и внѣшнихъ нападений. Если въ Европѣ иногда высказываютъ опасеніе, что будто бы онъ, поддаваясь любви къ войнамъ или ложному честолюбію, способенъ выступить противъ Порты въ качествѣ завоевателя, то это доказываетъ не только полное незнакомство съ направлениемъ его ума, но обуславливаетъ также предположеніе, что онъ мало вдумался и въ свое собственное положеніе и въ положеніе своего государства. Пространство подвластныхъ его скипетру земель, равно какъ ихъ населеніе могутъ съ избыткомъ занять одну человѣческую жизнь; съ его стороны было бы безразсудствомъ стремиться къ завоеваніямъ; отъ Бога предначертанный ему путь заключается въ способствованіи благоденствію его подданныхъ, а для этого нужно прежде всего оберечь его отъ легкомысленныхъ войнъ. Подобной цѣли можно достигнуть путемъ вѣрнаго выполненія обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ другимъ государствамъ, и послѣдовательнаго воздержанія отъ вмѣшательства въ область чужихъ правъ. Это составляетъ стремленіе его жизни, и онъ молить Бога ниспослать ему необходимыя къ тому здоровье и силы».

«Мысли, высказанныя императоромъ»,—продолжаетъ Мюфплингъ,—«привели меня въ трудно поддающееся описанію волненіе. Они были выражены такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою теплотою, что не могло явиться и мысли о чемъ-либо искусственномъ или преднамѣренномъ. Благородное сердце, богато одаренная душа, свѣтлый умъ проявились съ правдивостью при важномъ, хотя и самомъ случайномъ поводѣ.—Я тотчасъ же записалъ этотъ навсегда памятный для меня разговоръ, и въ теченіе моего почти пятимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, я не нашелъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ императора ничего такого, что не стояло бы въ полнѣйшемъ соответствіи со словами этого разговора».

Н. Шильдеръ.

Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I.

Исторія императора Александра I еще не написана и, по многимъ причинамъ, написана быть не можетъ. Въ настоящее время собранъ уже достаточный матерьялъ, но изданъ онъ въ сыромъ, не обработанномъ видѣ: историческіе документы (манифесты, указы, ордера, письма) не очищены критикой и сообщенія современниковъ (мемуары, записки, воспоминанія, дневники) не провѣрены точно установленными фактами. Самые факты историческіе не изслѣдованы еще въ ихъ причинной связи; даже даты событій общеизвѣстныхъ возбуждаютъ нерѣдко сомнѣнія и утверждаются по случайнымъ взглядамъ. Объ устныхъ же преданіяхъ и говорить нечего, а, вѣдь, и съ ними надо считаться.

Относительно императора Александра I извѣстны два такіа преданія: одно, чисто русское—явленіе Ѳедора Кузьмича—принято всецѣло на вѣру и даже введено въ новѣйшіе историческіе рассказы; другое, болѣе иностранное, чѣмъ русское—склонность Александра I къ католицизму—отрицается также всецѣло и также на вѣру, безъ указанія какихъ-либо доводовъ.

На-дняхъ, въ концѣ февраля, иноземное преданіе подробно было изложено о. Пирлингомъ въ довольно распространенномъ парижскомъ журналѣ ¹⁾; оно отнесено авторомъ къ числу «историческихъ загадокъ» и обозначено вопросомъ: «Католикомъ-ли умеръ императоръ Александръ?». Сущность этого преданія изложена г. Пирлингомъ въ слѣдующей формѣ:

«Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни императоръ Александръ I почувствовалъ вожелѣніе принять католическую вѣру, о чемъ и извѣстилъ

¹⁾ Le Correspondant, № 922, 25 Février 1901, p. 796: Problèmes historiques. L'Empereur Alexandre I est-il mort catholique? Par P. Pierling.

папу Льва XII, чтобъ условиться съ нимъ относительно надежнѣйшихъ способовъ къ осуществленію этого желанія. Смерть императора пресѣкла эти переговоры. Прежде всего, необходимо заявить, что, насколько извѣстно, ни Александръ I, ни Левъ XII не оставили ни одного письменнаго документа по этому поводу, но оба они, императоръ и папа, сдѣлали сообщенія, дошедшія до насъ различными путями, при извѣстномъ обезпеченіи ихъ достовѣрности. Преданія Турина, Рима, Петербурга взаимно дополняютъ и провѣряютъ другъ друга. Это не анонимныя преданія неизвѣстнаго происхожденія, нѣтъ—они исходятъ отъ свидѣтелей авторитетныхъ, показанія которыхъ не допускаютъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Передъ нами, такимъ образомъ, историческое воспоминаніе, тщательно воспринятое современниками и заслуживающее быть сохраненнымъ.

«Со стороны императора Александра I, главнымъ свидѣтелемъ является генераль-адъютантъ графъ Мишо де-Боретуръ¹⁾, этотъ савояръ въ русской службѣ, типъ честнаго христіюбиваго воина, этотъ Жозефъ де-Местръ въ каскѣ. Онъ былъ связанъ особыми узами съ императоромъ Александромъ I. Будучи еще простымъ полковникомъ, онъ былъ посланъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, въ 1812 г., къ императору съ извѣщеніемъ объ оставленіи русскими войсками Москвы. Мишо исполнилъ это порученіе какъ офицеръ, одаренный умомъ и сердцемъ. Сообщивъ императору печальную вѣсть, Мишо прибавилъ: «Государь, армія страшится только одного.—Чего?—Она опасается, чтобъ чувство человѣколюбія не понудило ваше величество заключить миръ: армія жаждетъ только упорной войны». Наэлектризованный этимъ рвеніемъ, Александръ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Онъ или я, я или онъ, но мы не можемъ царствовать одновременно. Если требуется, я отступлю въ Сибирь, отпущу бороду, буду питаться картофелемъ наравнѣ съ крестьянами, но просить мира... никогда!—Государь, вы подписали этимъ спасеніе Европы и славу вашего народа».

«Подобный разговоръ не забывается. Мишо остался навсегда въ милости у императора Александра I. Какъ итальянецъ и католикъ, Мишо являлся человѣкомъ какъ-бы предопредѣленнымъ для отправки съ секретною миссіею къ папѣ. И, дѣйствительно, передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, императоръ послалъ его въ Римъ, и Италійскій, русскій министръ тогда въ Римѣ, принявъ обычныхъ мѣры для полученія генераломъ Мишо аудіенціи у папы Льва XII. Все это внѣ всякаго сомнѣнія. Сохраняемая въ Ватиканскомъ архивѣ, хотя еще и недоступ-

¹⁾ Александръ Францовичъ, 1771—1841. Michaud получилъ въ 1814 г. титулъ comte de Beauretour по случаю своего возвращенія (retour) въ Сардинію, которое дѣйствительно было прекраснымъ (beau), такъ какъ онъ привезъ королю Виктору Эммануилу извѣстіе о возстановленіи его правъ.

ныя публикѣ, официальные бумаги служатъ неложнымъ тому свидѣтельствомъ.

«Въ чемъ же заключалась эта секретная миссія къ папѣ? Канцелярскія бумаги ничего не говорятъ объ этомъ; но самъ Мишо, проѣздомъ чрезъ Туринъ, повѣрилъ свой секретъ одной знатной дамѣ и одному вѣрному другу. Оба эти лица изложили признанія Мишо на бумагѣ.

«Знатная дама, тогда еще молодая дѣвица, была Констанція де-Местръ, позже герцогиня де-Лаваль-Монморанси ¹⁾. Мишо перенесъ на нее то уваженіе, которое питалъ къ ея знаменитому отцу. На чужбинѣ, въ Россіи, солдатъ и дипломатъ завязали тѣсную дружбу, никогда не прекращавшуюся. Подъ гнетомъ сильнаго волненія, причиненнаго смертью Александра I, видя свои мечтанія разсѣявшимися, какъ дымъ, генераль открылся дочери своего стараго друга и повѣрилъ ей свои обольщенія и печали. Его слова глубоко вѣзались въ память Констанціи, наслѣдницы симпатій отца къ Россіи, и, болѣе 50-ти лѣтъ спустя, герцогиня де-Монморанси, уже на склонѣ лѣтъ, но еще полная умственныхъ силъ, такъ передавала сказанное ей генераломъ Мишо: «Генераль имѣлъ порученіе принести папѣ свидѣтельство полного подчиненія императора его духовной власти. Допущенный къ аудіенціи, генераль сталъ на колѣни передъ Львомъ XII и именемъ императора Александра I призналъ его главою церкви».

«Кратко и внушительно. По моимъ усиленнымъ просьбамъ, герцогиня дозволила записать эти слова на отдѣльномъ листѣ бумаги, и я свято храню, въ числѣ своихъ бумагъ, замѣтку, писанную, подъ ея диктовку, баронессой де-Риччи ²⁾ и подписанную собственною рукою герцогини де-Монморанси.

«Съ графомъ Лескаренъ ³⁾, будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Карла-Альберта, короля сардинскаго, Мишо былъ еще болѣе откровененъ. Оба они были одинаковыхъ политическихъ убѣжденій и были равно ненавидимы партією новаторовъ. Лескаренъ долго хранилъ секретъ, довѣренный ему его другомъ, но, въ 1841 году, онъ при-

¹⁾ M-me la duchesse de Laval - Montmorency, née Constance de Maistre, младшая дочь графа Жозефа де-Местра, 1754 — 1821, бывшаго сардинскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1803 по 1817 г.; она родилась по отгѣздѣ отца изъ Сардиніи, росла вдали отъ него, и отецъ писалъ изъ Петербурга прелестныя письма своей „невидѣнной“ дочери.

²⁾ M-me la baronne de Ricci, née Fassati; ея мать, la marquise de Fassati, дочь Родольфа де-Местра, внучка упомянутаго выше графа Жозефа де-Местра.

³⁾ Comte de L'Escarène, вѣрвѣе l'Escarenne, консерваторъ, преслѣдуемый либералами.

зналъ возможнымъ разрѣшить себя отъ тайны, по крайней мѣрѣ относительно короля, и составилъ для Карла-Альберта небольшую записку, которая была напечатана въ 1876 г. въ журналѣ *Civiltà Cattolica*. Въ этой запискѣ много любопытныхъ подробностей.

«Императоръ Александръ I мечталъ сперва, казалось, лично отправиться въ Римъ, изъ Вероны, гдѣ онъ присутствовалъ на конгрессѣ ¹⁾, но вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна отклонила его отъ этой поѣздки—она предвидѣла свиданіе съ папой и подозрѣвала католическія тенденціи своего сына. Изъ снисхожденія къ матери, которой онъ всегда выказывалъ крайнее почтеніе, Александръ пожертвовалъ своимъ проектомъ, но позже вознаградилъ себя отправкою въ Римъ генерала Мишо, и устныя инструкціи, данныя ему императоромъ, должны были быть особенно важны, такъ какъ Александръ I закончилъ ихъ слѣдующими словами: «Ну, если нужно, я буду мученикомъ».

«Мишо выполнилъ свою миссію лишь во время второй аудіенціи. Первая была дана итальянцу-католику, вторая — генералъ-адъютанту русскаго императора. На этой-то второй аудіенціи, Мишо, снявъ саблю и преклонивъ колѣни, сообщилъ папѣ Льву XII сущность своей миссіи. Онъ объявилъ ему твердую рѣшимость Александра I отречься лично отъ православія, привести къ единенію съ римскою церковью всѣ народы, подчиненные россійскому владычеству, и, въ заключеніе, просилъ прислать въ Петербургъ богослова, снабженнаго полною мочью. Этотъ римскій посланецъ не долженъ былъ быть духовный сановникъ высокаго ранга, но скорѣе простой священникъ, который былъ бы незамѣтенъ. Онъ пріѣхалъ бы, какъ путешественникъ, остановился бы въ монастырѣ доминиканцевъ и съ нимъ было бы условлено о веденіи этого дѣла. Папа принялъ императорскія предложенія и уже были сдѣланы нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи, прерванные, увы! слишкомъ рано.

«Таково преданіе Турина. Оно завѣщено, прежде всего, самимъ генералъ-адъютантомъ Мишо и, затѣмъ, герцогиней де-Лаваль Монморанси и, наконецъ, графомъ де-Лескаренъ. Можно ли требовать свидѣтелей болѣе вѣрныхъ и болѣе сочувствовавшихъ Александру?

«Вотъ, теперь, преданіе римское, вполне согласное съ преданіемъ туринскимъ, лишь болѣе богатое мѣстными подробностями, и дошедшее къ намъ прямо отъ папы Льва XII, при посредствѣ папы Григорія XVI и его наперсника Гаetano Морони. Прекрасный, достойнѣйшій человекъ этотъ папскій слуга Морони! Какъ сейчасъ вижу его, за письмен-

---

¹⁾ Веронскій конгрессъ засѣдалъ въ 1822 г., съ 8-го октября по 2-е декабря.

нымъ столомъ, окруженнаго томами своего Словаря ¹⁾, на которые онъ такъ любовно поглядываетъ, какъ на дорогихъ ему дѣтей. Въ 1880 г., когда я посѣтилъ его, онъ былъ уже почтеннымъ, убѣленнымъ сѣдинами, старцемъ, съ выразительнымъ, подвижнымъ лицомъ; его движенія были все еще красивы, его краснорѣчіе неисчерпаемо. Морони не могъ сообщить мнѣ ничего новаго объ Александрѣ I; все, что онъ зналъ по этому поводу, онъ напечаталъ въ своемъ Словарѣ, но онъ подтвердилъ мнѣ самымъ категорическимъ образомъ, что рассказъ, помѣщенный имъ въ Словарѣ, онъ самъ слышалъ изъ устъ Григорія XVI и что онъ записалъ этотъ рассказъ въ тотъ же день, какъ услышалъ его. Это чрезвычайно важно, потому что Григорій XVI принималъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ.

«Удивительное совпаденіе: папа рассказываетъ объ аудіенціи Мишо почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и Лескаренъ, но вотъ что прибавляетъ онъ новаго. Согласно желанію Александра I. папа Левъ XII рѣшилъ послать въ Петербургъ простаго священника, и выборъ его палъ на о. Мавра Капеллари ²⁾, аббата камальдульскаго монастыря San Gregorio in Monte Coelio. И этому-то именно аббату Мавру Капеллари суждено было позже возложить на себя папскую тиару, принять имя Григорія XVI и рассказать ученому Морони всю исторію о сношеніи императора Александра I съ папою Львомъ XII! Далекое путешествіе устрало аббата, самая миссія представлялась ему превосходящею его силы, и онъ умолилъ Льва XII избавить его отъ этого порученія. На его мѣсто быть избранъ о. Оріоли, позже кардиналъ, и онъ приготовлялся уже къ отъѣзду, когда, вскорѣ затѣмъ, смертью Александра I самая поѣздка была отмѣнена.

«Переходя изъ Турина и Рима въ Петербургъ, мы встрѣчаемъ и здѣсь слѣды того же преданія, даже въ двухъ передачахъ: одна—краткая, но вѣрная, изъ надежнаго источника, другая—болѣе обширная, но менѣе поддающаяся провѣркѣ.

«Краткая передача исходитъ отъ самого императора Александра I. Передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, императоръ далъ секретное повелѣніе о. Сокольскому, настоятелю доминиканцевъ, приготовить помѣщеніе для священника, который вскорѣ прибудетъ изъ Рима. Монастырь св. Екатерины, бывшій домъ іезуитовъ, расположенный въ центрѣ города, на Невскомъ проспектѣ, являлся, конечно, наиболѣе удобнымъ убѣжищемъ для папскаго посланца. Императорское повелѣніе было въ точ-

¹⁾ Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica da S. Pietro sino ai giorni nostri.

²⁾ Dom Mauro Capellari, abbé du couvent camaldule San Gregorio in Monte Coelio.

ности исполнено, и лишь много лѣтъ спустя настоятель разъяснилъ свои загадочныя дѣйствія по этому поводу. Его преемникъ, о. Юзевичъ ¹⁾ охотно рассказывалъ объ этомъ, и я въ дѣтствѣ самъ слышалъ отъ него этотъ рассказъ.

«Передъ о. Сокольскимъ императоръ Александръ хранилъ самую строгую тайну и имѣлъ серьезныя къ тому причины. Мало-по-малу, неизвѣстно откуда и какъ, но слухи, ходившіе за границей, распространились въ Россіи, хотя и въ немногихъ кружкахъ. Русскія передачи втораго сорта согласуются въ главнѣйшемъ съ заграничными, но представляютъ и нѣкоторые варианты. По одному изъ нихъ, католическій священникъ появляется даже у одра умирающаго Александра I: этотъ именно католическій священникъ причастилъ умирающаго императора, а православный священникъ явился лишь послѣ того, когда Александръ I потерялъ уже сознание.

«Въ виду противорѣчія свидѣтелей, невозможно уяснить себѣ самое событіе, и эти противорѣчія вызываютъ и оправдываютъ подозрѣнія. Я имѣю въ виду особенно свидѣтельство генерала графа Витта ²⁾, пережившаго Аустерлицъ и Ваграмъ, командовавшаго Южною арміею. Онъ одинъ изъ первыхъ донесъ о существованіи тайныхъ обществъ въ арміи; онъ былъ по дѣламъ службы въ 1825 г. въ Таганрогѣ и имѣлъ аудіенцію у императора Александра. Совершенно инаго закала, чѣмъ Мишо, чуждый духовно-мистическаго настроенія, онъ живо интересовался религіозными заботами Александра, и хотя лично не присутствовалъ при кончинѣ императора, но онъ сообщалъ своему адъютанту, графу Ксаверію Браницкому ³⁾, какъ несомнѣнный фактъ, что при кончинѣ Александра присутствовалъ католическій священникъ. За недостаткомъ доказательствъ, вопросъ остается открытымъ.

«Ко всемъ этимъ свидѣтельствамъ, неоспоримо цѣннымъ, вполнѣ другъ отъ друга независимымъ и затрогивающимъ Александра I и Льва XII, слѣдуетъ присоединить и свидѣтельство самого Мишо, сообщенное имъ императору Николаю I. Преемникъ императора Александра I долженъ былъ быть посвященъ въ величественный проектъ, который такъ смѣло былъ задуманъ его братомъ и послѣдствія котораго были бы неисчислимы. Мишо признавалъ это священнымъ долгомъ своей совѣсти. По словамъ Лескареня, Мишо написалъ особое посланіе, которое должно было быть отправлено въ Петербургъ, и мнѣ извѣстно,

¹⁾ Josewicz былъ позже сосланъ за предполагаемую переписку его съ Римомъ о культѣ бл. Андрея Поболы; былъ помилованъ въ день коронаціи императора Александра II.

²⁾ Иванъ Осиповичъ, 1772—1840, генералъ-отъ-кавалеріи.

³⁾ Xavier Korczak-Branicki, *Les nationalités slaves*, p. 339.

что это посланіе было передано въ руки императора Николая I. Если пугливая осторожность не уничтожила этого посланія, оно должно храниться въ какихъ-нибудь тайникахъ Зимняго дворца. Появленіе его въ печати освѣтитъ вполнѣ всѣ довѣрительныя сообщенія Мишо своимъ друзьямъ».

Таково «иноземное преданіе» въ полномъ его видѣ. Оно очень важно, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и можно только пожалѣть, вмѣстѣ съ о. Пирлингомъ, что наши писатели обходятъ его молчаніемъ. Вопросъ «объ обращеніи императора Александра Павловича въ католичество» обсуждался, и не разъ, даже въ журналахъ; молчаніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что до настоящаго времени никто еще изъ историковъ не посвящалъ своихъ специальныхъ трудовъ эпохѣ Александра I, а дилеттантамъ не по силамъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Подобно письменнымъ документамъ и вещественнымъ памятникамъ всякаго рода, преданіе представляется также историческимъ матерьяломъ, съ тою, однако, разницею, что въ преданіи заключена не истина факта, но истина чувствованія, не исторически-вѣрное представленіе, но культурно-правдивое изображеніе извѣстнаго явленія. Конечно, вѣрѣдко въ преданіи нѣтъ ни точныхъ указаній, ни достовѣрныхъ извѣстій, но это, усложняя задачу историческій критики, ни мало не измѣняетъ ея цѣли—добыть историческій матерьялъ, заключенный въ преданіи. Съ этой точки зрѣнія «иноземное преданіе» представляется чрезвычайно важнымъ, и имъ необходимо воспользуется будущій историкъ императора Александра I.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда въ заграничной печати впервые появилось извѣстіе о склонности Александра къ католической вѣрѣ, проявленное имъ, по преданію, незадолго до его кончины, совершенно безвременной, это преданіе было отвергнуто въ русской печати безъ всякихъ доводовъ и обсужденій, оно просто было объявлено «историческимъ подлогомъ», было названо «завѣдомою ложью» ¹⁾.

Приговоръ, конечно, краткій, но ни мало не убѣдительный. Это не отвѣтъ на вопросъ, а уклоненіе отъ самаго вопроса, и ложью здѣсь прикрывается только собственное безсиліе. Нельзя допустить, чтобы генераль-адъютантъ лгалъ на своего императора, равно какъ немыслимо, чтобы католикъ лгалъ папѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ ложь легко могла быть обнаружена и императоромъ Александромъ I, въ то время здравствовавшимъ, и папою Львомъ XII, имѣвшимъ всѣ средства провѣрить показанія Мишо. Ложь неживуща; ложь стоитъ до

---

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1877, II, 107, 108.

улики, а показаніе Мишо, подтверждаемое заявленіями двухъ папъ, Льва XII и Григорія XVI, и цѣлымъ рядомъ постороннихъ свидѣтельствъ, не встрѣчаетъ ни съ какой стороны не только улики, даже поправки. Не съ простымъ отрицаніемъ и неприличною бранью должно отнестись къ этому преданію, а съ серьезною критикою и всестороннимъ обсужденіемъ.

Что касается насъ, русскихъ, то, кажется, на нашей обязанности лежитъ, прежде всего, сдѣлать всевозможныя усилія къ отысканію въ нашихъ архивахъ письма Мишо къ императору Николаю I. Вотъ первая и главнѣйшая задача, но задача чисто внѣшняя.

Внутренняя значительно сложнѣе. Въ этомъ отношеніи необходимо, прежде всего, очистить преданіе отъ фантастическихъ наслоеній, которыя только затемняютъ его сущность. При этомъ очищеніи отпадутъ, какъ легендарные вымыслы, и присутствіе католическаго священника или уніата у одра умирающаго Александра, и таинственное приготовленіе помѣщенія для папскаго посланца, и другія черты, приписанныя безъ всякаго умысла, просто по невѣднью, руководимому увлеченіемъ. При этой разработкѣ преданія необходимо будетъ обратить серьезное вниманіе на показаніе Д. Свербеева объ отношеніи императора Александра I къ католичеству въ іюлѣ 1825 года¹⁾.

Что передалъ, что могъ передать генераль-адъютантъ Мишо папѣ Льву XII? Только то, что услышалъ изъ устъ императора Александра I. Полное неудовлетвореніе религіознаго чувства, мистическое исканіе духовнаго успокоенія давно уже волнуетъ Александра; онъ ищетъ и не находитъ исхода. Мишо, человекъ близкій, живущій въ Зимнемъ же дворцѣ, своимъ отъѣздомъ въ Римъ наводитъ Александра на мысль поискать такого успокоенія въ лонѣ римско-католической церкви. Что въ этомъ невѣроятнаго? Почему это непременно должно быть отвергаемо? Необходимо обратить вниманіе и на самый характеръ порученія, даннаго генераль-адъютанту Мишо: онъ уполномоченъ переговорить съ папой, но переговорить «секретно», и для окончательнаго рѣшенія испросить богослова, но богослова «не высокаго ранга», «чтобы не былъ замѣтнымъ». Въ этомъ вылился весь, какъ живой, императоръ Александръ Павловичъ.

Онъ никогда и ни въ чемъ не выказалъ ни рѣшимости, ни твердости, ни постоянства, ни довѣрія. Это была натура полная дуализма, принимавшая самыя разностороннія вліянія и не усвоивавшая ни одного изъ нихъ, такъ какъ онъ былъ не способенъ ни глубоко проникнуться одною идеею, ни твердо устоять на разѣ принятомъ рѣшеніи.

¹⁾ Свербеевъ, Замѣтка объ отношеніи императора Александра Павловича къ католичеству, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870, 1811.

Его слабость, его нерѣшительность въ этомъ отношеніи лучше всего обнаруживается въ томъ, что онъ требуетъ и слушаетъ совѣты людей самыхъ противоположныхъ: англійскаго законовѣда Бентама и русскаго митрополита Платона, людей честныхъ, какъ Карамзинъ, и придворныхъ льстецовъ, какъ Армфельдъ, людей пронырливыхъ, какъ Каподистріа, и безкорыстныхъ, какъ Штейнъ, людей независимыхъ, какъ Тургеневъ, и податливыхъ, какъ Нессельроде. Лордъ Кестльри хорошо понималъ Александра, говоря, что, при старательномъ и постоянномъ уходѣ за нимъ, его можно сдѣлать орудіемъ своихъ цѣлей; что англійскій министръ говорилъ, то привели въ исполненіе австрійскій дипломатъ Меттернихъ по внѣшнимъ дѣламъ и русскій генералъ Аракчеевъ по внутреннимъ.

Такимъ онъ жилъ, такимъ и умеръ. Онъ умеръ, по неопровержимымъ свидѣтельствамъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ членъ православной церкви—это истина факта; быть можетъ, научное изслѣдованіе иноземнаго преданія подтвердитъ, что въ послѣднее время своей жизни онъ имѣлъ склонность къ католицизму—это будетъ истина чувствованія. Вотъ и все.

Но именно поэтому иноземное преданіе представляетъ богатый матеріалъ для разработки вопроса о внутреннемъ складѣ, о духовной натурѣ Александра. Къ чему ни привела бы критика преданія—къ принятію ли или къ отверженію его сущности—она несомнѣнно будетъ полезна для опредѣленія внутренней личности Александра, и онъ перестанетъ быть «сфинксъ неразгаданный до гроба», какимъ его признаютъ люди, не умѣющіе разобраться въ его сложномъ духовномъ организмѣ.

В. Бильбасовъ.

**Указъ Св. Синоду о расторженіи перваго брака великаго князя
Константина Павловича.**

20-го марта 1820 г.

Разсмотрѣвъ поднесенный мнѣ отъ Святѣйшаго Синода докладъ, которымъ полагается, по желанію любезнаго брата моего, цесаревича и великаго князя Константина Павловича, и по представленнымъ причинамъ, бракъ его съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною, на основаніе 35-го правила Василія Великаго, расторгнуть, и дозволить ему вступить въ новый, если онъ пожелаетъ, я соизволяю, чтобы сіе положеніе Синода, какъ происшедшее изъ существа дѣла, по точной силѣ церковныхъ узаконеній, приведено было въ надлежащее дѣйствіе.

Объявленіе состоявшагося по сему дѣлу Синодальнаго рѣшенія какъ цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, такъ и великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, я приѣмлю на себя.

Святѣйшій же Синодъ, вслѣдствіе вышеизложеннаго рѣшенія своего, составитъ новую форму для воспоминанія императорской фамиліи въ установленныхъ церковныхъ молитвословіяхъ.

Ссоры мои съ тремя министрами.

(Изъ переписки П. С. Валуева).

Въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1-го марта ¹⁾, Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Александровичъ читалъ извлеченіе изъ переписки П. С. Валуева, принадлежащей Павлу Яковлевичу Дашкову, съ любезнаго разрѣшенія котораго мы и помѣщаемъ ее на страницахъ «Русской Старины».

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ заботливою рукою Петра Степановича Валуева, извѣстнаго дѣятеля конца XVIII и начала XIX столѣтій, собрана любопытнѣйшая переписка его съ разными лицами, входившими почему-либо въ столкновенія съ нимъ. Отличительною чертою характера Валуева выдѣлялась его необыкновенная задирчивость, почему и не приходится удивляться обилію окружавшихъ его недоброжелателей. Вигель, въ оставленныхъ имъ запискахъ ²⁾, рисуетъ Валуева «заискивающимъ и низкопоклонствующимъ», тогда какъ дошедшій до насъ упомянутый документъ указываетъ совершенно противоположныя качества характера Валуева. Передъ нами доказательства какой-то исключительной любви Валуева породить ссоры и передраги, и такъ въ продолженіе почти всей его долгой жизни.

П. С. Валуевъ, сынъ Степана Мироновича Валуева, извѣстнаго картографа, родился 29-го іюня 1743 г. Большая часть его службы протекла при дворѣ. Въ 1772 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1779 г.—въ камергеры, въ 1791 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а вскорѣ затѣмъ назначенъ на должность оберъ-церемоніймейстера. Въ этой должности онъ оставался и въ царствованіе

¹⁾ См. „Правительственный Вѣстникъ“ 1901 г., № 49.

²⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“. Моск. 1892 г., III, 23.

императора Павла, которымъ, «за усердіе и отличія по службѣ», былъ награжденъ въ декабрѣ 1796 г. тысячею душъ крестьянъ и назначеніемъ сенаторомъ, а 9-го сентября 1798 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Императоръ Павелъ не долюбливалъ, однако, задирчивости доставшагося ему отъ царственной его матери оберъ-церемоніймейстера. Въ рукописи имѣется, между прочимъ, характерная записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника Обрескова, съ помѣткою, что таковая «писана по точнымъ словамъ императора и читана предъ его величествомъ». Содержаніе ея слѣдующее:

«Валуевъ, по обыкновенному размѣру ума своего, опредѣляетъ государю сдѣлать повѣстку въ разсужденіи панихиды 5-го числа и приказываетъ праздновать восшествіе на престолъ 6-го числа; панихиду же отправлять опредѣляетъ или въ крѣпости, или въ Невскомъ монастырѣ. А какъ въ крѣпость ѣхать нельзя за рѣкою, а въ Невскомъ ни одного изъ тѣхъ тѣлъ, по коимъ пѣть слѣдуетъ панихиду, уже нѣтъ, то и пришло бы пѣть оную во дворцѣ. Императоръ будетъ пѣть панихиду про себя 6-го числа въ церкви того дворца, гдѣ онъ изволитъ быть, независимо отъ Валуева... ¹⁾».

«Императоръ удивляется при томъ, что Валуевъ одинъ изъ всего государства помнить, что когда кому дѣлать; знать, всѣ другіе ни о чемъ не пекутся. Его величеству угодно, чтобъ вы прочли сію записку г-ну Валуеву, призвавъ его къ себѣ». Гатчина октября 29-го 1797 г.

Валуевъ недолго затѣмъ оставался оберъ-церемоніймейстеромъ, а 4-го сентября 1800 г. и совсѣмъ былъ уволенъ отъ службы.

Петръ Степановичъ вновь выступилъ на служебномъ поприщѣ уже въ царствованіе императора Александра I-го. Посѣтивъ Москву, послѣ погрома ея французами, Александръ Павловичъ особенно заботливо отнесся къ вопросу о возстановленіи построекъ и украшеніи столицы. Этимъ воспользовался Валуевъ и подалъ мысль учредить родъ строительной комиссіи подъ именемъ Кремлевской экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ служащихъ. Получивъ должность главноначальствующаго экспедиціи, Валуевъ энергично принялся за развитіе ея дѣятельности. Имъ отстроена Оружейная палата, подъ его же руководствомъ исправленъ и передѣланъ Потѣшный дворецъ, Слободской дворецъ и др. Вообще онъ много сдѣлалъ для сохраненія остатковъ старины и болѣе бережнаго съ ними обращенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи цѣнныхъ археологическихъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Историческое описаніе древняго Россійскаго музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося», 1807 г.; «Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отече-

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

ственныхъ и преданій изустныхъ, извлеченныя о селѣ Коломенскомъ, 1809 г. и «Положеніе о новомъ устройствѣ Оружейной палаты», составленное Валуевымъ и напечатанное въ Полномъ собраніи законовъ, подъ № 22054 ¹⁾.

Въ должности главноначальствующаго Кремлевской экспедиціи П. С. Валуевъ оставался до своей кончины, послѣдовавшей 4-го іюня 1814 г.

Сохранились два гравированныхъ портрета Валуева, одинъ 1810 г.— работы А. Грачева, и другой 1811 г.—Е. Скошникова. Второй портретъ поднесенъ Валуеву подчиненными и подъ нимъ имѣется характерная запись въ стихахъ:

„Вѣщатель истины предъ тронами царей,
„Краса отечества, другъ чести, другъ людей;
„Душою и умомъ ты храмъ воздвигъ въ сердцахъ;
„Въ вѣкъ не угаснетъ огонь въ сихъ прочныхъ алтаряхъ“ ²⁾.

Какъ далеко восходитъ начало особенной способности Валуева къ возбужденію ссоръ, неизвѣстно, и мы впервые застаемъ его на этомъ пути въ 1795 году. Находясь тогда въ должности оберъ-церемоніймейстера, онъ въ теченіе почти цѣлаго года упорно боролся, отстаивая независимость своего управленія, отъ посягательствъ на нее Иностранной коллегіи. Противниковъ въ этой борьбѣ онъ создалъ себѣ въ лицѣ Остермана, Безбородко и Аркадія Маркова. Коллегія претендовала на Валуева за непосредственное имѣ, какъ оберъ-церемоніймейстеромъ, помимо Иностранной коллегіи, извѣщеніе иностранныхъ пословъ и резидентовъ о рожденіи великой княжны Анны Павловны и о кончинѣ великой княжны Ольги Павловны. На отписку Валуева коллегія отвѣтила лишеніемъ его жалованія за «двухмѣсячную по высочайшему соизволенію отлучку отъ двора» и сдѣлала это неправильно; Валуевъ немедленно же пожаловался императрицѣ. Отношенія обострились до такой степени, что, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, Валуевъ запретилъ своему дежурному чиновнику принимать какіе-либо пакеты отъ Иностранной коллегіи. Когда по этому поводу разгорѣлось цѣлое дѣло, и чиновникъ Седлеръ былъ вынужденъ рапортомъ донести коллегіи о причинахъ послушанія имъ ея приказовъ, то Валуевъ самъ составилъ требуемый рапортъ, составилъ его въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ и Седлера заставилъ только его подписать. За-

¹⁾ С. А. Венгеровъ, „Критико-біографическій словарь рус. писателей и ученыхъ“. Спб. 1895 г., т. IV, 57.

²⁾ Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“. Спб. 1889 г., стр. 406.

кончилъ Валуевъ рапортъ слѣдующимъ категорическимъ заявленіемъ: «И потому господинъ оберъ-церемоніймейстеръ, хотя и подчиняетъ себя, лично какъ вице-канцлеру, такъ и графу Безбородкѣ, како людямъ, старѣе его чиномъ и яко чиновникамъ, чрезъ коихъ получаетъ онъ высочайшія повелѣнія и всегда имъ готовъ повиноваться, а департаментъ подчинить коллегіи онъ безъ высочайшаго повелѣнія не дерзаетъ, да и нужды въ томъ нѣту, понеже коллегія съ департаментомъ по различію ихъ дѣлъ никакой канцелярской переписки имѣть не долженствуетъ».

Далѣе слѣдуетъ обширная выпись всѣхъ сдѣланныхъ Валуевымъ и, по мнѣнію его, крайне полезныхъ измѣненій въ различныхъ придворныхъ церемоніалахъ. Любопытно одно, помѣщенное въ концѣ выписи, мѣсто, гдѣ, критикуя беспорядочность распоряженія гофмаршальской части, онъ пишетъ, между прочимъ: «не виноватъ оберъ-церемоніймейстеръ и въ томъ, что за фигурными столами, во время ужина, сидятъ беспорядочно и что за столомъ садятся тѣ, коимъ эта честь не принадлежитъ, и что въ концѣ стола офицеры хватаютъ жареное и пирожное по карманамъ на подобіе жареныхъ быковъ, кои выставляются для народа».

Особенно характерна полная взаимныхъ колкостей переписка Валуева съ главнокомандующимъ Москвы графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. Послѣдній съ давнихъ поръ состоялъ въ сношеніяхъ съ Валуевымъ; имѣется въ перепискѣ письмо къ послѣднему Ростопчина, 21-го февраля 1796 года, при коемъ онъ возвращалъ церемоніймейстерскую трость, не имѣя возможности по болѣзни явиться на выходъ. Послѣдующія событія измѣнили, однако, отношенія Валуева къ Ростопчину; первый, видимо, не могъ примириться съ возвышеніемъ послѣдняго надъ нимъ по должности. Ссора возникнуть не замедлила.

14-го декабря 1812 г., Ростопчинъ отправилъ Валуеву письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Петръ Степановичъ. Господинъ Яковлевъ, хозяинъ того дома, въ который ваше высокопревосходительство вѣхаться изволили, находится нынѣ здѣсь больной, ожидая жену, также больную и на знатную сумму товаровъ, коихъ ему сложить негдѣ. Въ уваженіе сихъ причинъ, прошу васъ покорнѣйше домъ Яковлева очистить, тѣмъ болѣе, что вашъ собственный домъ цѣль. Я увѣренъ заранее, что вы удовлетворите справедливой просьбѣ г. Яковлева и уважите требованіе главнокомандующаго, безпокойно живущаго въ своемъ домѣ для доставленія помѣщенія казеннымъ присутственнымъ мѣстамъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга графъ Ростопчинъ».

Валуевъ отвѣчалъ на другой же день:

«Милостивый государь мой, графъ Ѳеодоръ Васильевичъ.

«На вчерашнее отношеніе вашего сіятельства вынужденъ я, къ крайнему моему неудовольствію, при сохраненіи къ званію вашему должнаго уваженія, сказать вамъ мною обдуманная истины, о которыхъ я, по правиламъ моимъ уклоняться отъ всякихъ ссоръ, никогда бы вамъ не упомянулъ.

«Ваше сіятельство, извѣщая меня о приѣздѣ сюда ассесора Яковлева больнаго, ожидающаго сюда-жъ больную жену свою, находящуюся въ Ярославлѣ, и на знатную сумму товаровъ, которыхъ ему сложить негдѣ, требуете, чтобъ я, въ уваженіе сихъ причинъ, а болѣе потому, что будто домъ жены моей цѣлъ, переѣхалъ въ свой изъ дома г. Яковлева, мною по отводу вашему занимаемаго,—къ сему присоединяете, что будто вы безпокойно живете въ своемъ домѣ единственно для того, чтобъ помѣстить въ Тверскомъ казенномъ (домѣ) присутственныя мѣста.

«На все сіе имѣю отвѣтствовать слѣдующее: г. Яковлевъ не только не боленъ, но совершенно здоровъ; поелику онъ былъ у меня третьяго дня въ полномъ мундирѣ казацкаго полка, по сіе время несформированнаго, а формирующагося на счетъ графа Мамонова—не въ Московской губерніи, а въ Ярославской. Не вѣроподобно, чтобъ г. Яковлевъ и жена его, буде-бы и подлинно были больные, избрали для своего излѣченія такой городъ, въ которомъ, и въ окрестностяхъ онаго, отъ зловреднаго воздуха каждодневно размножается число больныхъ и умирающихъ. По каковой причинѣ я бы самъ не остался жить въ Москвѣ, если бы не обязывала меня къ тому служба и высочайшій отзывъ государя, что пребываніе мое нужно въ Москвѣ по настоящимъ обстоятельствамъ. Удивляюсь тому, что въ два мѣсяца возвращенія нашего въ Москву не доведено до вашего свѣдѣнія, по званію главнокомандующаго, что домъ жены моей, по общему жребію прочихъ, разграбленъ, все въ немъ переломано и службы, къ нему принадлежащія, преданы огню, и потому не имѣя, гдѣ помѣстить свою канцелярію, моихъ людей, экипажей и лошадей, мнѣ въ ономъ жить не можно. Сожалѣю также и о томъ, что не доведено до вашего начальническаго свѣдѣнія, что въ домѣ г. Яковлева, за неимѣніемъ амбаровъ и кладовыхъ, негдѣ сложить не только на знатную сумму товаровъ, но даже нужной по хозяйству годовой провизіи. Выраженіе ваше, что, въѣхалъ я въ домъ Яковлева, похожее на то, что будто въѣхалъ я въ оный самовластно, вынуждаетъ меня вамъ напомнить, что, возвратясь въ Москву первый изъ чиновниковъ моей степени, не имѣя пристанища, просилъ я, черезъ оберъ-полицеймейстера, у васъ квартиры, по примѣру губернатора, полицейскихъ чиновниковъ и множества прочихъ всѣхъ гораздо меня моложе службой и чинами, которымъ отведены не казенные, а обывательскіе дома, весьма обширные

и помѣстительные. Я позволяю себѣ весьма основательно удивляться и тому, что будто вы безпокойно живете въ своемъ домѣ единственно для того, чтобъ помѣстить присутственныя мѣста въ Тверскомъ, со времени пребыванія въ ономъ покойной государыни, ко двору принадлежащемъ. Зная весьма коротко домъ вашъ и Тверской, долгомъ считаю сказать мое мнѣніе. Домъ вашъ несравненно помѣстительнѣе Тверскаго, у котораго тожъ всѣ службы преданы огню. Не скрою отъ вашего сіятельства моего удивленія, что отдали вы Тверской для губернскаго правленія и казенной палаты, когда осталось нѣсколько домовъ въ Москвѣ помѣстительнѣе онаго, которыхъ хозяева по испытанному усердію къ общей пользѣ, видя въ томъ необходимость, охотно бѣ отдали безденежно на временное помѣщеніе. Признаюсь, что я, хотя во избѣжаніе всякихъ ссоръ, по настоянію вашему на назначаемое вами помѣщеніе согласился бѣ, но мнѣ крайне было того жаль, поелику сей домъ, ко двору принадлежащій, остался только одинъ, который предполагалъ я, помощью незначительныхъ издержекъ, приуготовить для государя, на случай его прибытія въ Москву. Изложивъ всѣ сіи истины, вами самими, къ крайнему моему прискорбію, вынужденныя, отъ вашего начальническаго разсмотрѣнія зависить помѣстить г. Яковлева въ мой домъ, въ которомъ помѣщены мною безденежно мой приходскій священникъ со всѣмъ причтомъ и два мнѣ знакомые купца, у коихъ сгорѣли дома; поелику имъ нѣтъ нужды ни въ службахъ, ни въ конюшняхъ и ни въ сараяхъ. А если г. Яковлевъ и на то не согласится, не уважа того, что, какъ вамъ извѣстно, изъ знакомыхъ вамъ дворянъ коллежскій совѣтникъ Небольсинъ, нашедъ свой домъ безъ согласія его занятымъ губернаторскою канцелярією, принужденъ былъ жить нѣсколько сутокъ съ канцелярскими служителями въ подвалѣ,—въ такомъ случаѣ соглашусь я охотно оставить домъ Яковлева, кой часть отведена мнѣ будетъ другая пристойная квартира.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью
Вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга» ¹⁾).

На письмо Валуева графъ Ростопчинъ 16-го декабря отвѣчалъ уже несдержанно и столь же рѣзко:

«Милостивый государь мой, Петръ Степановичъ! Въ знакъ моей благодарности за доведеніе до свѣдѣнія моего истины, имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству слѣдующее:

«Ссоръ между нами никакихъ, кажется, быть не можетъ; ибо между нами другихъ сообщеній не должно быть, какъ тѣхъ, кои произойти могутъ случайно между главнокомандующимъ въ Москвѣ съ начальникомъ

¹⁾ Это письмо и слѣдующее напечатаны въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1861 г. № 1, столб. 19—23.

Кремлевской экспедиціи, при коихъ я соблюду всегда то уваженіе, которое чинъ и лѣта ваши заслуживаютъ. А какъ ваше высокопревосходительство изволили быть въ безпрестанной ссорѣ еще до меня съ 4-мя московскими начальниками, то я и не сокрушаюсь, бывъ подверженъ таковому же жребію, хотя и признанъ вами былъ въ августѣ мѣсяцѣ столпомъ Россіи. Но времена перемѣняются, а вы, подобно девизу (sic) герба графовъ Остермановъ, остаетесь *Semper Idem*¹⁾.

«Я совсѣмъ не зналъ, что господинъ Яковлевъ служить въ полку графа Мамонова, а знаю, что онъ полкъ формируется въ Ярославской губерніи; слѣдственно, и не въ Москвѣ, посему дивлюсь, что вы, бывъ столь строгимъ наблюдателемъ порядка службы, позволяете нашимъ сыновьямъ жить здѣсь по препорученіямъ отъ полку въ Ярославской и Владимірской губерніи.

«Вамъ угодно, чтобъ болѣзней и смертей здѣсь было много; воля ваша; это вашъ вкусъ, и вы ему обязаны знаменитыми успѣхами при погребеніяхъ, за кои вы награждены почетами, чинами и имуществомъ. Однако же, болѣзней здѣсь мало, и число прибывающихъ ежедневно жителей въ Москвѣ доказываетъ, что слухи о моровой язвѣ нашлись ложными, и что поводомъ сему послужили начально навозныя окуренія въ домѣ пребыванія вашего высокопревосходительства и въ запасномъ дворцѣ. Не скрою отъ васъ моего удивленія, что вы, бывъ поражены заразой, рѣшились возвратить всю вашу семью въ Москву и не опасаетесь, въ случаѣ ея погибели, дать въ семь отчетъ на страшномъ судѣ.

«Насчетъ моего дома скажу, что передѣлка въ ономъ, начатая нынѣшнимъ лѣтомъ, не бывъ окончена теперь въ обихъ этажахъ, въ серединѣ нѣтъ половъ, переходы холодные. Превосходное же его пространство передъ Тверскимъ домомъ не есть истина, а дѣйствіе ослабѣвающей памяти вашего высокопревосходительства; а и у меня цѣлый флигель занятъ бѣдными разоренными.

«Чрезмѣрно меня изволите обязать сообщеніемъ именъ тѣхъ людей, кои единственно изъ усердія и не требуя ни чиновъ, ни знаковъ отличія, такъ какъ кондитеръ Дворянскаго собранія, отдадутъ свои дома для помѣщенія въ нихъ присутственныхъ мѣстъ. Отдавъ же нижній этажъ дома главнокомандующаго для помѣщенія губернскаго правленія и казенной палаты, лишая себя спокойнаго житія, я имѣлъ въ виду скорѣйшее открытіе сихъ мѣстъ и сбереженіе казенныхъ денегъ; на что получилъ Высочайшее соизволеніе. Хотя домъ супруги вашей и не великолѣпное зданіе, но я знаю давно, что флигели онаго сгорѣли,

¹⁾ Въ переводѣ означаетъ: „Всегда то же самое“, но, видимо, графъ РаSTOPCHHНЬ ошибся, такъ какъ въ „Общемъ Гербовникѣ“ 1797 г., ч. II, на гербѣ графовъ Остерманъ помѣщенъ иной девизъ: „Nec sol nec frigora mutant“ („Ни солнце, ни холодъ не мѣняютъ“).

и что въ домѣ вашемъ снесено было всякой всячины французами. Что же касается до господина Небольсина, нашедшаго свой домъ занятымъ, то это происшествіе такого же рода, какъ господина Яковлева, хозяина того дома, которому вы изволите дѣлать честь вашимъ вмѣщеніемъ. Вообще я довольно свѣдущъ, и если бы ваше высокопревосходительство знали все, что я знаю, то бы дѣйствительно имѣли право дивиться, а можетъ быть и испугались.

«Рѣчь, повторенная вами: во избѣжаніе всякихъ ссоръ по настоящію вашему (позвольте сказать) не есть обдуманная истина, ибо я одинъ только разъ, и просто, сообщилъ вамъ о назначеніи мною нижняго этажа въ домѣ главнокомандующихъ подъ присутственныя мѣста. И если вы изволите сіе сообщеніе находить достаточнымъ поводомъ къ ссорѣ, то я, дабы смягчить ваше негодованіе, прошу предать забвенію мое требованіе и простить меня, припомяв, что я простилъ вамъ помѣщеніе самовластное въ Петровскомъ дворцѣ лошадей полку графа Мамонова, хотя тутъ государемъ императоромъ и назначенъ былъ военный госпиталь.

«Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на колкость, насмѣшку и лютость посланія вашего, жалѣю, что вы изволили употребить къ начертанію онаго чужую руку, чѣмъ содержаніе его можетъ сдѣлаться гласнымъ, а радуюсь, что кончилъ отвѣтъ на удивительное ваше письмо, преисполненное удивленіями на мою особу, когда вамъ столь легко дивиться на свою собственную».

Отвѣтилъ ли на это письмо Валуевъ, намъ неизвѣстно; но другіе сохранившіеся документы указываютъ на дальнѣйшую переписку двухъ порвавшихъ уже хорошія отношенія другъ къ другу сановниковъ.

Сохранился «Списокъ съ подлинной цыдулки графа Ростопчина, на пакетѣ которой его рукой написано тайное». Содержаніе цыдулки слѣдующее:

«Къ крайнему моему удивленію, узналъ я, что въ домѣ вашемъ играютъ въ запрещенныя игры, а что сами вы въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Симъ вы забываете повиновеніе къ закону, что вы первый по мнѣ чиновникъ, и клятву, данную вами въ Петербургѣ, въ банкъ не играть. Я надѣюсь, что впредь вы не принудите меня поступить съ вами по всей строгости указа 1801 года. Прошу васъ отвѣта на сіе мнѣ не писать, а принять сіе извѣщеніе снисхожденіемъ къ лѣтамъ и порокамъ вашимъ»¹⁾.

Оскорбленный Валуевъ не имѣлъ силъ смолчать и тотчасъ же послалъ свою «цыдулку» Ростопчину:

«Вчерашній день получилъ я отъ васъ не отношеніе, и не письмо, а цыдулку, каковыми обсылаютъ только между собою друзья и родные,

¹⁾ На цыдулкѣ не обозначены ни годъ, ни мѣсяць, ни число.

на которую, несмотря на то, что вы невѣдомо почему присвоили себѣ право предписывать мнѣ, чтобъ я на оную не дѣлалъ отвѣта, долгомъ чести считаю отвѣтствовать вамъ таковою же цыдулкою.

«Увидѣвъ на оборотѣ вашей цыдулки слово т а й н о е, я было крѣпко испугался, покуда не вспомнилъ, что тайная уничтожена въ 1762 г. блаженной памяти императоромъ Петромъ III, чего, какъ видно, вы не знали, потомъ зачалъ удивляться: 1-е, тому, что не я, а вы забыли 67-й параграфъ Устава благочинія, въ которомъ объяснено въ какомъ случаѣ нѣтъ вины играть въ запрещенную игру; 2-е тому, что вы невѣдомо почему клепете на меня какою-то будто данною мною въ Петербургѣ клятвою не играть, которой я никогда и никому не только не давалъ, но и никто отъ меня оной ни въ какое время не требовалъ. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что вы принимаете то за быль, что вамъ, какъ кажется, приснилось во снѣ. 3-е, тому, что вы меня страшаете поступить со мною по строгости указа 1801 года: буде вы возмечтали, что вы меня тѣмъ напугаете, смѣло васъ могу увѣрить, что я не пу- гливъ и васъ никогда не страшусь, понеже я знаю, что если бы я по- длинно содѣлался виноватымъ не въ такой бездѣлицѣ, къ которой вы придираетесь, а въ иныхъ чѣмъ-нибудь поважнѣе, въ такомъ случаѣ вы имѣете право донести о томъ государю, а сами собою, безъ Высочайшаго соизволенія, поступить по строгости никакихъ законовъ съ дѣй- ствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ вы не можете. 4-е, тому, что вы забыли то, что я и вы, послѣ указа 1801 года, игравали въ запрещен- ныя игры неоднократно въ разныхъ бесѣдахъ, на основаніи вышепо- мянутаго параграфа, безъ всякаго опасенія. Я ни передъ кѣмъ не ото- прусь, что я игрывалъ въ запрещенную игру и, можетъ быть, и впредь случится играть, но не для выигрыша имѣнія чужого и проигрышу своего, а только для забавы и то цѣною не разорительною, не въ игрецкихъ домахъ, гдѣ назначаются для игры особенные дни и гдѣ принимаются всякаго рода люди безъ разбора, какъ то сказано въ вы- шеупомянутомъ параграфѣ, а въ домахъ извѣстныхъ, въ которыхъ, при соблюденіи всѣхъ правилъ того параграфа, не только не играютъ съ людьми безъ разбора, но даже таковыхъ и безъ игры въ домъ свой не принимаютъ. 5-е, тому, что вы называете меня первымъ чиновникомъ послѣ себя, симъ подтверждается необыкновенное ваше высокоуміе, которое изъявляете вы во всѣхъ вашихъ дѣяніяхъ. Не мѣшаясь въ дѣла, званію главнокомандующаго принадлежащія, такъ какъ мѣшае- тесь вы въ дѣла, до васъ не касательныя, я первый чиновникъ въ Москвѣ не послѣ васъ, а первый только послѣ князя Юрія Владимі- ровича Долгорукова ¹⁾, здѣсь живущаго, понеже старшинство ни въ ка- кихъ чинахъ по сіе время не уничтожено, а уничтожено оное тогмо

¹⁾ Генераль-отъ-инфантеріи, писатель; род. 2-го ноября 1740 г., умеръ 8-го ноября 1830 г.

по военной части въ большихъ чинахъ и то только при повышеніи ихъ чина въ чинъ. 6-е, тому, что вы запрещаете къ себѣ отвѣчать и предписываете, чтобъ я принялъ ваше извѣщеніе снисхожденіемъ къ моимъ лѣтамъ и порокамъ. Дерзновеніе такое превосходитъ всякое вѣроятіе: понеже такого обиднаго выраженія никто не слыхивалъ въ моемъ чинѣ отъ самого государя, за каковое ваше дерзкое выраженіе я съ вами разочтусь при удобномъ случаѣ. Послѣ таковыхъ грубостей и невѣжествъ немудрено, что безъ всякаго изслѣдованія озабочиваетесь только тѣмъ, что дѣлается у меня, смотря сквозь пальцы на то, что играли и играютъ въ запрещенную игру во время вашего начальства даже въ тѣхъ домахъ, которые вы посѣщаете, вмѣсто того, чтобъ обратить ваше начальническое вниманіе на каждодневные грабежи, смертоубійства и тѣму прочихъ безпорядкацъ, доселѣ въ Москвѣ небывалыхъ. Изъ сего явствуетъ ощутительно, что ваша ничѣмъ неукротимая ко мнѣ злоба: 1-е, за то, что я осмѣлился во Владимірѣ при тамошнемъ губернаторѣ, при всѣхъ сенаторахъ и прочихъ московскихъ чиновникахъ, тамъ находившихся, вразумлять вашихъ полицейскихъ чиновниковъ, сколь постыдно для нихъ то, что, не оглядываясь, проселочными дорогами бѣжали во Владиміръ, оставя свою пожарную команду безъ начальства; каковое безначаліе подало сей командѣ поводъ разбивать на дорогѣ кабаки и грабить поселянъ и городскихъ обывателей, отчего едва не вышло возмущенія. 2-е, за то, что когда вы по врожденной вашей дерзости сказывали, что будто свѣтлѣйшій князь¹⁾, который увѣковѣчилъ себя славою въ позднѣйшее потомство, спитъ по 18 часовъ и изъ лѣтъ выжилъ, осмѣливался я отражать вами наносимыя сему герою хулы и поношенія, и наконецъ за то, что, по возвращеніи моемъ, когда дороги въ окрестностяхъ Москвы и улицы усѣяны были вездѣ трупами людей и лошадей, я громогласно говорилъ, что вмѣсто того, чтобы заняться земскою и городской полиціи очищеніемъ, обѣ онѣ занимаются грабежемъ, первая поселянъ, а послѣдняя—городскихъ обывателей и магазейновъ, въ числѣ коихъ особеннаго богатства былъ магазейнъ мадамъ Шельме.

«Сказавъ вамъ все, что было на сердцѣ, прошу васъ въ послѣдній разъ оставить меня въ покоѣ, а если я вамъ чѣмъ-нибудь неприятенъ, доносить о томъ государю, передъ которымъ, испытавъ приверженность его къ истинѣ, я всегда готовъ предстать съ моимъ оправданіемъ».

Къ своей «цыдулкѣ» Валувъ приложитъ выписку 67-й статьи Устава благочинія, которая и является послѣднею страницей документа.

Графъ Ростопчинъ, несомнѣнно, оставилъ Валуева въ покоѣ, вскорѣ, впрочемъ, прекратившаго и свое, полное ссоръ и борьбы, земное существованіе.

Сообщ. П. Я. Дашковъ.

¹⁾ Князь М. И. Голеннищевъ-Кугузовъ-Смоленскій.

Воспоминанія протоіерія І. І. Базарова.

IV ¹⁾.

Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ кончиною императора Николая I.—Переводъ І. І. Базаровымъ панихиды на нѣмецкій языкъ.—Русскіе плѣнные на островѣ Эксѣ.—Брошюра Хомякова.—Впечатлѣніе, произведенное оставленіемъ Севастополя.—Императрица Александра Θεодоровна въ Вильдбадѣ.—Помолвка великаго князя Михаила Николаевича съ великою княгиней Ольгою Θεодоровною.—Приглашеніе Базарова быть ея законоучителемъ.—В. П. Титовъ — Псаломщики при заграничныхъ церквахъ.

1855-й годъ начался печальнымъ событіемъ, повергнувшимъ Россію въ глубокую скорбь и потрясшимъ всю Европу своею неожиданностью. Императора Николая Павловича боялись въ Европѣ, но его больше чѣмъ уважали, предъ нимъ трепетали, его скорѣй пугались. Когда разразилась надъ Европой революція 1848 года, троны всѣхъ государствъ поколебались и не одинъ изъ возсѣдавшихъ на нихъ слетѣлъ съ своего мѣста, а тѣ, которые еще на нихъ усидѣли, должны были трепетать каждую минуту за свое дальнѣйшее существованіе. Въ это время величественно возвышалась надъ всѣми мощная фигура императора Николая, на котораго были обращены взоры всѣхъ, однихъ съ упованіемъ, другихъ со страхомъ. Осада Севастополя, продолжавшаяся цѣлые мѣсяцы, держала всѣхъ въ напряженномъ ожиданіи, какъ повернется это единоборство Европы противъ Россіи, и среди этого-то напряженнаго ожиданія всѣхъ раздается неожиданная вѣсть, что императора Николая не стало. Событіе это было такъ неожиданно, что даже великая княгиня Ольга Николаевна, отправившаяся по первой вѣсти объ опасности жизни своего родителя въ Россію, должна была узнать о его кончинѣ, не успѣвъ еще доѣхать до русской границы.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

Страхъ и смятеніе всѣхъ насъ въ Стутгартѣ были такъ велики, что мы сначала не знали, вѣрить или не вѣрить этому—казалось—невозможному событію. Но кончина императора была несомнѣнна, и мы начали облачать нашу церковь въ трауръ, готовясь къ торжественной панихидѣ. Замѣчательно, что не только въ Стутгартѣ, гдѣ находилась дочь почившаго императора, но вездѣ, гдѣ только находились русскія церкви за границею, панихиды по усопшемъ государѣ посѣщались толпою иностранцевъ, и не однихъ только официальныхъ лицъ, но простыхъ гражданъ, которые выказывали при этомъ всеобщее уваженіе къ личности страшнаго имъ при жизни русскаго царя.

Это побудило меня перевести на нѣмецкій языкъ нашу панихиду, прибавивъ во введеніи къ ней объясненіе главныхъ обрядовъ, совершаемымъ при этомъ. Эта книжка обратила на себя всеобщее вниманіе и раскупалась всѣми, кто имѣлъ случай и возможность присутствовать при нашихъ панихидахъ какъ по этому поводу, такъ и послѣ. Недаромъ писалъ мнѣ В. П. Титовъ изъ Вѣны, гдѣ онъ принималъ участіе въ происходившей тамъ конференціи: «Никогда работа, подобная вашей, не могла появиться въ свѣтъ удачнѣе и болѣе кстати, какъ теперь, когда мы въ виду европейскіхъ друзей и недруговъ пролили столько молитвъ за упокой души незабвеннаго императора».

Затѣмъ было объявлено въ мѣстныхъ газетахъ, чтобы всѣ русскіе, находившіеся въ королевствѣ Виртембергскомъ, явились въ русскую церковь въ Стутгартѣ для принесенія торжественной присяги новому императору. Собралось много, особенно русскихъ нѣмцевъ, которые, несмотря на свое протестантское и даже католическое вѣроисповѣданіе, присягали въ нашей церкви, цѣлуя крестъ и слова евангелія. Явились и русскіе евреи, но ихъ отослали для присяги къ мѣстному раввину съ тѣмъ, чтобы они потомъ явились въ русское посольство для подписи присяжныхъ листовъ.

О состояніи нашей великой княгини, къ которой стремились сердца наши изъ Стутгарта, я получилъ извѣстія черезъ секретаря ея, Н. Ѳ. Аделунга, отправившагося вмѣстѣ съ нею въ Петербургъ. Такъ 6-го (18-го) марта онъ писалъ мнѣ оттуда:

«Письмо ваше отъ 20-го февраля (4-го марта) я имѣлъ удовольствіе получить и немедленно сообщилъ его великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Ея высочество, возвращая мнѣ письмо ваше, выразила, какъ отрадно было ей описаніе печальнаго торжества и выраженіе чувствъ, которыя встрѣчаются въ Стутгартѣ между русскими отголоскомъ той глубокой скорби и тѣхъ усердныхъ молитвъ, которыя наполняютъ всю Россію. Ольга Николаевна повелѣла мнѣ васъ очень благодарить за это письмо. Она не совсѣмъ здорова; но нельзя было и надѣяться на лучшее. Послѣ утомительнаго въ нравственномъ и физическомъ отношеніи вояжа, она

имѣла тяжелое свиданіе съ своими, въ теченіе полутора недѣль присутствовала при двухъ панихидахъ въ день и наконецъ вчера прошла черезъ ужаснѣйшее въ жизни испытаніе: видѣла, какъ предали землѣ смертные останки того, котораго любила и уважала болѣе всего на свѣтѣ съ самаго малолѣтства. Но Богъ милостивъ! Будемъ надѣяться, что она скоро совсѣмъ оправится отъ легкаго недуга и въ молитвѣ и благихъ дѣлахъ, которыя ей такъ свычны, найдетъ утѣшеніе и радость, которыя въ эту тяжелую минуту жизни ее на время покинули!»

Но среди этой всеобщей скорби я имѣлъ вскорѣ утѣшеніе и радость, истекшія для меня отъ щедротъ юнаго монарха по хадатайству великой княгини. 17-го апрѣля я былъ пожалованъ первымъ орденомъ въ моей службѣ св. Анны 2-й степени. Мнѣ особенно было цѣнно и дорого, что эта милость послѣдовала въ день рожденія государя, который во всю свою жизнь не переставалъ осыпать меня своими милостями и удостоивать меня особаго личнаго благоволенія.

Между тѣмъ, севастопольскій погромъ все еще продолжался, и мы за границую принимали живое участіе какъ въ извѣстіяхъ съ театра войны, такъ и въ посильной помощи раненымъ и особенно плѣннымъ нашимъ воинамъ. По этому случаю мнѣ писалъ о. Іосифъ Васильевъ изъ Парижа слѣдующее: «Слухомъ земля полнится, а Парижъ есть метеллова пещера, въ которой удивительно ясно отражается эхо. По сему отголоску я узналъ, что около насъ есть благочестивыя души, принимающія христіанское участіе въ несчастіи нашихъ военноплѣнныхъ, находящихся во Франціи, и желающія облегчить ихъ участь. Нѣтъ благовременіе и святѣе подобнаго приношенія; св. церковь, молясь о несчастныхъ въ восходящей степени скорбей, поставила плѣнныхъ на послѣднемъ мѣстѣ. Опытю вижу, что въ плѣнѣ соединяются всѣ бѣды: путешествіе, плаваніе, недуги, страданіе души... Я уже имѣлъ утѣшеніе получать имъ помощь отъ добрыхъ соотечественниковъ, коимъ христіанскій примѣръ поданъ отеческою заботливостью государя императора. Благодаря симъ даяціямъ, я раздѣлялъ плѣнникамъ одежду, обувь и другія принадлежности жизни. Военноплѣнные находятся на отдаленномъ островкѣ Атлантическаго океана, Эксѣ. Ихъ положеніе сносно, если взять во вниманіе русскую натуру, богатую терпѣніемъ и христіанскимъ самоотверженіемъ. Я прожилъ на островѣ полтора мѣсяца и очень сожалѣю, что по причинѣ лихорадки не могу быть у нихъ на праздникахъ, но надѣюсь посѣтить ихъ въ предстоящемъ посту». Конечно, на этотъ зовъ откликнулись всѣ безъ изыятія русскіе, находившіеся въ Стутгартѣ. Собранная сумма была отправлена въ Парижъ на имя о. Васильева.

Въ маѣ 1855 года послѣдовало освященіе надгробной церкви надъ прахомъ великой княгини Елизаветы Михайловны въ Висбаденѣ, ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ ея кончины. Въ продолженіе этого времени

гробъ съ тѣломъ ея хранился сперва въ протестантской, а потомъ католической церкви въ Висбаденѣ. Герцогъ Нассаускій тотчасъ же по кончинѣ своей супруги рѣшился построить погребальный храмъ въ русскомъ стилѣ и для этого отправилъ своего архитектора Гофмана въ Россію, чтобы на мѣстѣ изучить архитектуру русскихъ церквей и согласно съ этимъ составить планъ церкви, которую онъ рѣшился поставить на видномъ мѣстѣ, на одной изъ возвышенностей, называемой Нероновою горою, господствующей надъ городомъ и далеко видимой съ Рейна и ближайшихъ окрестностей. Планъ и исполненіе его удались самымъ блистательнымъ образомъ, и теперь каждый русскій, посѣщающій этотъ храмъ, сознается, что въ самой Россіи едва-ли найдется подобный этому, который въ такомъ маломъ размѣрѣ соединялъ бы въ себѣ столько гармоніи, изящества и богатства. Собираясь на освященіе этой церкви, я отправилъ на имя о. Янышева нѣсколько экземпляровъ моего перевода панихиды для раздачи тамошнимъ нѣмцамъ, которые будутъ присутствовать при перенесеніи гроба великой княгини въ новую церковь, и онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ этой книжки, что писалъ мнѣ отъ 11-го (23-го) апрѣля о ней слѣдующее. «Искреннѣйше благодарю васъ за вниманіе, которымъ вы почтили меня, выславъ нѣсколько экземпляровъ вашей книжки въ Висбаденъ. Отъ души желалъ бы, чтобы она произвела такое же впечатлѣніе на всякаго читателя, какое она произвела на меня. Я разумѣю собственно ваше введеніе. Короче, проще, въ то же время краснорѣчивѣе и сильнѣе нельзя было сообщить понятіе о нашей панихидѣ. Но что всего пріятнѣе для православнаго читателя и важнѣе для инославнаго, это—чрезвычайно кстати по мѣстамъ брошенныя замѣчанія о духѣ нашей церкви и ея обрядахъ, какъ, напримѣръ, о многократномъ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же молитвъ, о времени продолженія заупокойной службы, о дѣйствіи внѣшности на внутреннія чувства. Драматическое изображеніе въ цѣломъ должно необходимо увлекать читателя, не инославнаго только, но и привыкшаго къ этой службѣ православнаго. Право, такого рода сочиненія были бы на расхватъ въ Россіи, гдѣ, по вашему выраженію, весьма много имѣющихъ очи видѣть и невидящихъ. Теперь мнѣ понятнѣе становится ваше намѣреніе со временемъ издать изложеніе обрядовой и догматической стороны всѣхъ таинствъ. Если это удастся сдѣлать такъ же счастливо, какъ удалось съ панихидой, польза будетъ очевидна и несомнѣнна. Если ужъ однажды навсегда намъ неизбѣжны внѣшніе символы, то войти въ духъ ихъ всѣхъ до единаго и изобразить на картинѣ словами вмѣсто красокъ живописнѣе и впечатлительнѣе нельзя, нежели какъ вы сдѣлали это въ отношеніи къ панихидѣ». И дѣйствительно, эта книжка была въ рукахъ у всѣхъ, когда мы по перенесеніи тѣла покойной великой княгини во вновь освященную церковь совершали

панихиду. Самое торжество этого освященія я не берусь описывать, такъ какъ это сдѣлано такъ краснорѣчиво и поэтично покойнымъ княземъ П. А. Вяземскимъ ¹⁾.

Великая княгиня возвратилась уже въ іюнѣ изъ Петербурга, и опять началась наша обычная жизнь въ Стутгартѣ. Въ это время, по желанію ея величества, я перевелъ на нѣмецкій языкъ брошюру Хомякова, появившуюся на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «*Quelques mots d'un chrétien orthodoxe aux confessions occidentales*». Переводъ мой намѣренно былъ изданъ во Франкфуртѣ, чтобы не подать виду нѣмцамъ, что будущая королева Виртембергская вмѣшивается въ споръ церковный между восточною и западными церквами. Написанная очень смѣло и умно, брошюра Хомякова обратила на себя вниманіе нѣмецкихъ богослововъ и вызвала, по крайней мѣрѣ со стороны протестантовъ, отзывы, въ которыхъ слышалось сознаніе правды, высказанной имъ въ глаза православнымъ не богословомъ.

Между тѣмъ, въ Фридрихсгаузенъ прибыла великая княгиня съ супругомъ и остановилась во дворцѣ, обитаемомъ королевою. По случаю приближенія дня рожденія ея высочества (30-го августа), въ Фридрихсгаузенѣ готовились празднества съ иллюминаціею и фейерверкомъ на озерѣ, какъ вдругъ 29-го августа пришла роковая вѣсть, что Севастополь оставленъ нами. Казалось бы, что тутъ вовсе не было ничего необычнаго, но оставленіе Севастополя произвело на всѣхъ, не только русскихъ, но даже и нѣмцевъ, такое впечатлѣніе, какъ будто съ нимъ пала и вся Россія. Правда, что подъ Севастополемъ шелъ поединокъ почти всей Европы съ Россіею, и много держалось пари между нѣмцами за ту или другую сторону, но собственно для насъ, русскихъ, была заинтересована въ этой борьбѣ національная честь, и потому съ оставленіемъ Севастополя мы невольно опустили головы. Намъ, жившимъ въ то время за границею, было обидно даже соболѣзнованіе, которое оказывалось намъ искренно, какъ это было по крайней мѣрѣ въ Германіи. Намъ хотѣлось въ это время всѣмъ спрятаться въ Россіи, чтобы не видать съ одной стороны злорадства, а съ другой сожалѣнія иноземцевъ. Можно себѣ представить состояніе духа и нашей бѣдной великой княгини, которая, какъ наследная принцесса Виртембергская, не имѣла права наложить на себя траура по случаю этого, національнаго и для ея сердцу, горя, и принуждена была быть свидѣтельницею заготовленнаго по случаю дня рожденія ея празднества въ Фридрихсгаузенѣ съ фейерверками и иллюминаціею. Мы, немногіе находившіеся при этомъ, русскіе, невольно закрывали глаза на это неприличное для насъ торжество, хотя и были увѣрены, что добрые нѣмцы и особенно виртембергцы, такъ

---

¹⁾ См. Полное Собраніе его сочиненій. Т. VII, стр. 5.

искренно сочувствовавшіе намъ, не соединяли съ этимъ никакого политическаго чувства.

Въ 1856 году лѣтомъ должна была прибыть въ Вильдбадъ на лѣченіе императрица Александра Ѳеодоровна, и намъ съ причтомъ назначено было переѣхать туда для службы. По случаю пребыванія императрицы въ Вильдбадъ, тамъ былъ такой съѣздъ, что нерѣдко пріѣзжавшіе для лѣченія принуждены бывали ночевать въ экипажахъ, пока на другой день не отыскивали себѣ помѣщеніе гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Вильдбада. Причиною тому была привычка покойной императрицы путешествовать съ огромною свитою, такъ что нерѣдко двѣ и три гостиницы занимались какъ для сопровождавшихъ ее, такъ и для ожидавшихся посѣщеній высочайшихъ особъ, съѣзжавшихся для привѣтствія императрицы и русскихъ, испрашивавшихъ позволеніе представиться ея величеству. Въ этотъ разъ ожидался особенно интересный визитъ: изъ Карлсруэ должна была пріѣхать вдовствующая великая герцогиня съ двумя дочерьми, изъ которыхъ одна впоследствии сдѣлалась нашею великою княгинею, супругою великаго князя Михаила Николаевича. Помню ихъ пріѣздъ и общее любопытство всѣхъ насъ, которая изъ двухъ будетъ суженою великаго князя. На другой же день послѣ ихъ пріѣзда стало извѣстно, что выборъ палъ на младшую изъ нихъ, принцессу Цецилію.

Но какъ нѣмецкимъ принцессамъ, при ихъ выходѣ замужъ за великихъ князей русскихъ, приходилось перемѣнять свое вѣроисповѣданіе, то и здѣсь на первомъ планѣ сталъ этотъ вопросъ. Принцесса Цецилія была еще очень молода—ей едва минуло 16 лѣтъ—и она не была еще конфирмована. Но тѣмъ не менѣе переходъ въ православіе для нея былъ и страшенъ и дикъ по совершенному незнанію православной вѣры и особенно по тѣмъ предрасудкамъ, которые присущи всѣмъ протестантамъ касательно восточной церкви. По счастью, мать принцессы, вдовствующая великая герцогиня Софія, была очень благоразумная женщина и смотрѣла на это дѣло съ высоты христіанскаго взгляда. На другой день послѣ помолвки великаго князя она пригласила меня къ себѣ и изъ первыхъ же словъ узнала отъ меня, что я именно тотъ священникъ, съ которымъ познакомился въ Баденѣ на крестинахъ у Бенкендорфа въ 1850 году покойный мужъ ея, великій герцогъ Леопольдъ, и о которомъ онъ такъ много рассказывалъ ей и потомъ нерѣдко вспоминалъ очень благосклонно. Это обстоятельство насъ сейчасъ же сблизило, и великая герцогиня рада была тутъ же познакомить меня съ принцессою, какъ уже знакомаго имъ человѣка. Такимъ образомъ, первое впечатлѣніе русскаго священника, этого «попъ» на нѣмецкомъ языкѣ, оказалось благопріятнымъ, и молодая принцесса видимо ободрилась. Она была такъ мила, что, несмотря на ея 16 лѣтъ и *Königliche*

Noheit, казалась скорѣе скромною дѣвушкою, чѣмъ будущею великою княгинею. На другой же день—это было 2-го (14-го) іюля—мнѣ назначено было первое собесѣдованіе съ нею въ присутствіи императрицы. При этомъ я сдѣлалъ общій обзоръ православнаго ученія и коснулся главныхъ отличій въ ученіи нашей церкви, какъ призваніе святыхъ, почитаніе иконъ и т. п. Бесѣда моя продолжалась около часу, конечно на нѣмецкомъ языкѣ, и была съ моей стороны импровизаціею, которая съ Божіею помощію удалась совершенно, такъ что, когда принцесса удалилась, императрица сказала мнѣ:

— Счастливы нынѣшнія принцессы, что ихъ такъ хорошо готовятъ къ переходу въ православіе. А въ наше время намъ только говорили, что это нужно изъ политическихъ расчетовъ, и даже не спрашивали, понимаемъ ли мы то, что должны были принять при переходѣ въ православіе. Затѣмъ ея величество прибавила: «Я вотъ и до сихъ поръ не знаю, не грѣшу ли я, что многого въ русской церкви не знаю, а другаго не понимаю».

— Ваше величество! отвѣчалъ я ей,—наша церковь—это богатый домъ, въ которомъ столько же драгоценныхъ и полезныхъ вещей, какъ въ вашемъ дворцѣ. Но если ваше величество не пользуетесь каждой изъ вашихъ вещей, то это еще не значить, что онѣ бесполезны и поэтому слѣдуетъ ихъ выбросить вонъ. Такъ и въ церкви не всякая вещь, не всякій обрядъ необходимы и обязательны для каждаго, но тѣмъ не менѣе они полезны и благодѣтельны для многихъ. Я могу, напримѣръ, по обстоятельствамъ, никогда не поклоняться мощамъ, но это не мѣшаетъ мнѣ признавать ихъ святость и поклоненіе имъ благотворнымъ для прикасающихся къ нимъ съ благоговѣніемъ. При этомъ надо всегда помнить слова Апостола на счетъ поста: «пища не поставляетъ насъ передъ Богомъ, но если мясо соблазняетъ брата моего, то лучше не буду ѣсть мяса никогда!»

Императрица была очень благодарна мнѣ за такое успокоеніе смущавшейся ея совѣсти. Но не такое успокоительное впечатлѣніе произвела моя бесѣда на юное сердце принцессы.

На другой день я узналъ отъ великой герцогини, что ей особенно было непонятно почитаніе святыхъ и преимущественно Богородицы, что ей такъ напомнило католичество.

— Я нашла ее,—разсказывала мнѣ великая герцогиня,—молящеюся на колѣняхъ и въ слезахъ. Это меня очень испугало, но Цецилія успокоила меня, сказавъ: «теперь мнѣ легче, я помолилась и рѣшилась принять все въ новой моей церкви!»

Вспоминая эту борьбу, я впослѣдствіи, когда начались наши уроки съ принцессою, не мало удивлялся, когда она, вслушиваясь въ мои объясненія, сама говорила:

— Какъ же могли протестанты отвергнуть это? какъ могутъ они не почитать Богородицу? какъ не воздаютъ почести святымъ!

Такъ какъ принцесса Цецилія была еще слишкомъ молода, то бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ было отложено на цѣлый годъ, и мнѣ поручено было заниматься съ нею въ продолженіе этого времени преподаваніемъ закона Божія, и въ то же время къ ней приставленъ былъ учитель русскаго языка. Начавъ мои занятія съ принцессою осенью этого года, я въ продолженіе цѣлой зимы и до самаго ея отправления въ Россію въ іюнѣ слѣдующаго года ѣздилъ въ Карлсруэ каждую недѣлю на три дня. Но, приступая къ этому новому для меня дѣлу, я обратился за совѣтомъ къ В. Б. Бажанову и получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующее письмо отъ 20-іюля 1856 г.:

«Поздравляю васъ,—писалъ онъ мнѣ,—съ прекраснымъ назначеніемъ преподавать будущей нашей великой княгинѣ наставленіе въ догматахъ православной церкви, и радуюсь, какъ писалъ о томъ великому князю Михаилу Николаевичу, что это предоставлено вамъ. Не знаю, почему письмо ваше дошло до меня недѣлю позже письма великаго князя, тогда какъ вѣроятно они отправлены были въ одно время. Вамъ угодно имѣть уроки, преподаваемые мною нынѣшней императрицѣ; охотно перешлю къ вамъ на будущей недѣлѣ все, что сохранилось у меня въ цѣлости, если только невѣста не пріѣдетъ къ намъ съ императрицею въ первыѣхъ числахъ августа, какъ нѣкоторые думаютъ. Уроки эти — молоко, а не твердая пища, которая отлагалась до будущаго времени. Совѣтую вамъ, согласно желанію вашему, при составленіи уроковъ и вообще при преподаваніи поставлять себя мысленно въ положеніе принцессы и отечески или даже матерински заботиться облегчать для нея переходъ изъ материнскаго вѣроисповѣданія въ православную церковь. Усердіе къ дѣлу и усердная молитва къ Богу несомнѣнно приведутъ къ желаемой цѣли,—чего отъ всей души желаю вамъ».

Годъ моихъ занятій съ принцессою Цециліею составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей пастырской дѣятельности. Кромѣ милостиваго и благосклоннаго принятія въ семьѣ вдовствующей великой герцогини, гдѣ я каждый день долженъ былъ обѣдать по-семейному, самое почти ежедневное обращеніе съ моею августѣйшею ученицею доставляло мнѣ большое удовольствіе и вмѣстѣ радость при видѣ, съ какою сначала покорностью, а потомъ и съ живѣйшимъ участіемъ внимала она моимъ наставленіямъ. Преподаваніе мое происходило на нѣмецкомъ языкѣ, и только чтеніе воскресныхъ евангелій и изученіе литургіи было на славянскомъ. При этомъ принцесса, продолжавшая въ то же время изучать русскій языкъ съ учителемъ Я. О. Майхровскимъ, признавалась мнѣ, что ей славянскій языкъ кажется и проще и понятнѣе, чѣмъ русскій литературный. Уроки свои я послѣ впечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ въ

брошюрѣ подъ названіемъ: «Die russische orthodoxe Kirche. Ein Umriss ihrer Entstehung und ihres Lebens». Въ то же время подъ моимъ руководствомъ былъ сдѣланъ для принцессы переводъ исторіи русской церкви Муравьева и напечатанъ въ Карлсруэ.

Но прежде, чѣмъ начать мои зимнія занятія съ принцессою въ Карлсруэ, мнѣ еще пришлось побывать въ Цюрихѣ, куда переѣхала великая княгиня Ольга Николаевна, проводивъ императрицу-мать въ Россію. Ея высочеству утѣдно было въ день ея рожденія, 30-го августа, имѣть у себя службу, и мы отправились туда со всѣмъ причтомъ, я взялъ съ собою и дѣтей своихъ. Здѣсь я встрѣтилъ и нашего посланника В. П. Титова, который былъ тамъ также вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и гувернеромъ. Здѣсь случился анекдотъ на тему извѣстной разсѣянности Владиміра Павловича, которая ему такъ охотно прощалась всѣми, кто зналъ его доброе сердце и прямой честный нравъ. Дѣло въ томъ, что мы съ нимъ въ этотъ день обѣдали у ихъ высочествъ, и за столомъ Титовъ узналъ, что въ Цюрихѣ находился въ это время одинъ ученый виртембергецъ, котораго впрочемъ наслѣдный принцъ, супругъ великой княгини Ольги Николаевны, не очень любилъ, но, чтобы сдѣлать удовольствіе Титову, обѣщалъ его пригласить въ тотъ же день на вечеръ. Титовъ былъ очень обрадованъ и благодаренъ за эту честь, и съ этимъ мы разстались съ ихъ высочествами, собираясь сдѣлать прогулку на гору Ютлибергъ, откуда открывается великолѣпный видъ на горы Bernerobergland. Собравъ дѣтей, мы большимъ обществомъ частію на ослахъ, частію пѣшкомъ отправились на эту гору. Видъ оттуда дѣйствительно былъ восхитительный. Хозяинъ находящагося тамъ отеля-ресторана, называя намъ по именамъ всѣ вершины видимыхъ горъ, прибавилъ, что все это надобно видѣть при восходѣ солнца, для чего многіе изъ туристовъ ночуютъ у него, чтобы съ восходомъ солнца встать и любоваться на эту картину. Этого было довольно для любознательнаго Владиміра Павловича, чтобы рѣшиться остаться здѣсь на ночь, и вотъ мы отправили нашихъ дѣтей съ ихъ воспитателями въ городъ, а сами остались на вершинѣ горы. Вечеромъ мнѣ вспомнилось приглашеніе Титова на вечеръ съ знаменитымъ нѣмцемъ, но уже было поздно. Мы сожгли его, по выраженію Владиміра Павловича, въ пользу восходящаго солнца, и на другой день преспокойно возвращались въ нашу гостиницу, какъ на лѣстницѣ встрѣтились лицомъ къ лицу съ великой княгиней Ольгой Николаевной, которая полусушута, полусерьезно встрѣтила насъ словами: «хорошо! а вчера вечеромъ пригласили для васъ вашего интереснаго нѣмца». Титовъ оправдывался, какъ могъ, и въ наказаніе получилъ приглашеніе сейчасъ же сопровождать великую княгиню по городу пѣшкомъ. Титовъ бросился наверхъ, чтобы переодѣться, а я пошелъ съ великою княгинею въ садикъ при гостиницѣ, гдѣ мы стали ходить въ

*

ожиданіи Владиміра Павловича. Но проходили минуты, а Владиміра Павловича все нѣтъ. Наконецъ, я иду къ нему наверхъ, стучусь въ дверь; нѣтъ отвѣта. Спрашиваю комнатную прислугу, не вышелъ ли онъ куда? Отвѣчаютъ: «онъ только-что потребовалъ себѣ теплой воды и заперся въ комнатѣ». Оказалось, что онъ и тутъ забылъ о приглашеніи великой княгини и преспокойно занялся своимъ утреннимъ туалетомъ.

Но эта искренность въ отношеніи къ мелочамъ жизни, соединенная съ серьезнымъ вниманіемъ къ главнымъ и важнымъ задачамъ, тѣмъ сильнѣе привлекала къ его личности, полной задушевной любви ко всему доброму, истинному и изящному. Поэтому понятно, что когда покойная императрица Марія Александровна стала искать воспитателя-наставника къ наслѣднику престола великому князю Николаю Александровичу, великая княгиня Ольга Николаевна обратила ея вниманіе на В. П. Титова. Многимъ показался этотъ выборъ страннымъ, особенно потому, что собственный сынъ Владиміра Павловича слылъ неудачникомъ по воспитанію. Но такъ судили только тѣ, кто не зналъ близко внутренней жизни семейства Титовыхъ, въ которомъ его собственная личность рѣзко выдѣлялась въ домашней обстановкѣ. Правда, послѣдствія показали, что это высокое призваніе не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ какъ не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Владиміръ Павловичъ долженъ былъ оставить свой постъ и уступить мѣсто при наслѣдникѣ другому.

На смѣну Титова къ намъ поступилъ посланникомъ графъ Бенкендорфъ, женатый на пруссачкѣ, и нашъ посланническій домъ потерялъ на время характеръ русскаго дома. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Графъ Бенкендорфъ пробылъ только два года въ Стутгартѣ и умеръ отъ разстройства нервъ въ умопомѣшательствѣ. Хотя онъ скончался въ Парижѣ, но тѣло его перевезли въ Стутгартъ для погребенія въ фамильномъ склепѣ. Замѣчательно, что отецъ его былъ тоже посланникомъ въ Стутгартѣ и, потерявъ здѣсь жену свою, похоронилъ ее въ мѣстечкѣ Геслахъ, близъ Стутгарта, гдѣ построилъ маленькую капеллу, въ которой хотѣлъ быть погребенъ и самъ подлѣ праха жены своей. Но случилось такъ, что онъ, будучи военнымъ, оставивъ постъ посланника, во время нашей войны съ Персією вступилъ снова въ ряды нашихъ войскъ и былъ убитъ въ одномъ сраженіи. Вслѣдствіе завѣщанія тѣло его было перевезено изъ Персіи въ Геслахъ, гдѣ и погребено въ устроенной имъ капеллѣ, а лѣтъ черезъ 30 и сынъ его, сдѣлавшійся также посланникомъ въ Стутгартѣ, нашелъ себѣ мѣсто упокоенія въ томъ же фамильномъ склепѣ.

Въ этомъ же 1856 году мнѣ пришла благая мысль на счетъ заграничныхъ псаломщиковъ, которая въ слѣдующемъ затѣмъ году нашла и свое официальное осуществленіе. Когда я поступилъ на службу въ

Стутгартъ въ 1851 году, я нашель при здѣшней церкви двоихъ старыхъ псаломщиковъ, не имѣвшихъ никакого образованія и умѣвшихъ только читать и пѣть по-дьячковски. Помню, какъ одинъ изъ нихъ хвастался умѣніемъ такъ читать псалмы, что никто не пойметъ читаемаго. Это было какъ разъ въ зиму 1856 — 1857 г., когда великій князь Михаилъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Карлсруэ къ своей невѣстѣ и, по случаю великаго поста, пожелалъ имѣть тамъ службу. Имѣя у себя походную церковь, бывшую посольскую, которая осталась безъ употребленія послѣ того, какъ великая княгиня Ольга Николаевна привезла съ собою собственную церковь, мы установили эту церковь въ одной изъ залъ дворца и начали тамъ службу. Разъ великій князь во время часовъ стоялъ сзади псаломщика и смотрѣлъ въ книгу, по которой тотъ читалъ часы. Вотъ тутъ-то и отличился мой многомудрый псаломщикъ и прочиталъ такъ, что ничего нельзя было понять! И дѣйствительно, что за безобразные были псаломщики-дьячки за границей! Недаромъ при отправленіи ихъ на должность въ министерствѣ брали съ нихъ подписку, что въ случаѣ ихъ дурнаго поведенія имъ угрожалось возвращеніе въ Россію съ отдачею въ солдаты. Меня возмущало особенно то, что иностранцы смотрѣли на нихъ, какъ на кандидатовъ въ священники, а между тѣмъ ихъ непролазное невѣжество и соотвѣтственное оному поведеніе бросало самую мрачную тѣнь на наше духовенство, и безъ того не пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ иностранцевъ. Поэтому я и рѣшилъ настоять на томъ, чтобы въ заграничные псаломщики поставлялись люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Но въ то время такъ было трудно провести самую простую мѣру, которая, несмотря на свое благоразуміе, отзывалась новизною и нарушала вѣковую рутину. Для этого, заручившись напередъ согласіемъ великой княгини, я написалъ предварительно протопресвитеру Бажанову, прося его узнать взглядъ Синода на предполагаемую мною реформу. Бажановъ отвѣчалъ мнѣ на это, равно какъ и на другія мои мысли, въ письмѣ отъ 2-го ноября 1856 года слѣдующее:

«Приношу вамъ искреннюю благодарность за интересное письмо ваше и прошу васъ сообщать мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ ваши мысли и замѣтки, относящіяся до нашей церкви. Прошу васъ о томъ, не потому, что я, соглашаясь съ вами въ томъ или другомъ предположеніи, могъ бы привести его въ исполненіе, но я могу ихъ передавать другимъ, а наши мысли черезъ сообщеніе ихъ другимъ и черезъ повтореніе мало-по-малу дѣлаются болѣе или менѣе общими и приближаются къ своему осуществленію. Надѣюсь, что псаломщицкія вакансіи при церквахъ заграничныхъ будутъ замѣщаемы студентами семинаріи. Я полагалъ бы полезнымъ при нѣкоторыхъ церквахъ имѣть и дьяко-

новъ, которые чрезъ нѣсколько лѣтъ могли бы съ достоинствомъ занимать вакансіи священническія при тѣхъ или другихъ церквахъ».

Заручившись такимъ мнѣніемъ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ нашей іерархіи, я въ слѣдующемъ году въ бытность мою въ Петербургѣ подавъ князю Горчакову слѣдующую записку по этому предмету:

«До сихъ поръ въ псаломщики къ нашимъ церквамъ за границу избирались люди, способные только къ пѣнію и чтенію, при чемъ не обращалось вниманія на ихъ умственное образованіе. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что эти люди, получая хорошее содержаніе (отъ 500 руб. и болѣе) ¹⁾ и не имѣя большихъ занятій по службѣ, предаются большею частію беспорядочной жизни. Не подготовленные образованіемъ, они долго не могутъ познакомиться съ языкомъ и образомъ жизни той страны, въ которой живутъ, и оторванные отъ родныхъ связей предаются скукѣ или отчаянной бездѣятельности, которыя доводятъ ихъ иногда, какъ доказываютъ нѣкоторые примѣры, до сумасшествія. Если же и случается, что нѣкоторые изъ нихъ обживаются на извѣстномъ мѣстѣ, то, оставъ отъ родины, дѣлаются мало-по-малу чуждыми всего отечественнаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда женятся на иностранкахъ. Такимъ образомъ, люди эти не приносятъ той пользы, какой бы можно ожидать отъ нихъ, если бы, отправляясь за границу, они имѣли напередъ извѣстную степень образованія. Посему желательно было бы, чтобы наше правительство обратило на это свое вниманіе и воспользовалось бы мѣстами заграничныхъ псаломщиковъ для приготовленія на оныхъ достойныхъ служителей церкви. Для сего слѣдовало бы избирать на эти мѣста достойныхъ изъ студентовъ семинарій. Быть можетъ, не отказались бы принимать эти мѣста и студенты академіи, такъ какъ жалованье заграничнаго псаломщика превышаетъ жалованье учителя семинаріи. Но чтобы молодые люди съ охотою шли на подобныя мѣста, надобно открыть имъ извѣстную будущность, — и, во-1-хъ, назначить срокъ службы за границу не болѣе 5-ти или 7-ми лѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускать заживаться тамъ долѣе 10 лѣтъ; во-2-хъ, обѣщать имъ дьяконскія или священническія мѣста въ столицахъ, гдѣ особенно нужны люди и въ духовномъ званіи, ознакомившіеся съ европейскою жизнью; въ 3-хъ, предоставить настоятелямъ заграничныхъ церквей быть руководителями этихъ молодыхъ людей на поприщѣ ихъ образованія въ чужихъ краяхъ и ежегодно требовать отъ нихъ отчеты какъ касательно поведенія ихъ, такъ и степени прилежанія къ достиженію назначенной имъ цѣли. Можно вполне надѣяться, что, при такихъ условіяхъ, молодые люди будутъ проходить съ честію возложенное на нихъ званіе псаломщиковъ, что особенно важно за границу, гдѣ верѣдко на-

¹⁾ Теперь 1.000 рублей и болѣе.

шихъ церковнослужителей смѣшиваютъ съ самими священниками, считая ихъ капланами или помощниками священника въ совершеніи таинствъ».

Мнѣніе это было принято и утверждено покойнымъ императоромъ Александромъ II и принято въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ руководство при замѣщеніи псаломщицкихъ мѣстъ за границую. На первый разъ (это было въ 1861 году) мнѣ удалось привести эту мѣру въ исполненіе при нашей церкви въ Стутгартѣ, гдѣ всѣ старые псаломщики были отставлены на пенсію, и на ихъ мѣсто опредѣлены изъ окончившихъ курсъ С.-Петербургской академіи магистръ богословія Горчаковъ и кандидатъ Розановъ. Чтобы еще болѣе расположить къ поступленію на мѣста заграничныхъ псаломщиковъ, я исходатайствовалъ у духовнаго начальства разрѣшеніе, чтобы эта служба считалась имъ по учебному вѣдомству, и ихъ начали опредѣлять съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ ихъ ученыхъ степеней, вслѣдствіе чего они даже носили и носятъ (по крайней мѣрѣ въ Стутгартѣ) свои мундирные фраки подъ стихарями и являются въ этихъ фракахъ въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ Стутгартѣ при общемъ поздравленіи королевы съ новымъ годомъ или при другихъ случаяхъ. Мѣра эта, столь полезная сама въ себѣ, сначала не нашла сочувствія у всѣхъ настоятелей заграничныхъ церквей. Одинъ только о. Янышевъ въ Висбаденѣ приложилъ ее у себя при первомъ представившемся случаѣ. Но мой примѣръ скоро убѣдилъ всѣхъ въ неоспоримой пользѣ этого нововведенія, и теперь повсюду, за рѣдкими исключеніями, она практикуется за границую. Особенно примѣръ моего перваго псаломщика М. И. Горчакова долженъ былъ наглядно доказать всѣмъ, что на мѣстахъ заграничныхъ псаломщиковъ молодые кандидаты богословія могли не только съ честію проходить свое званіе, но употреблять свое время на дальнѣйшее самообразованіе въ богословской наукѣ. Псаломщикъ М. И. Горчаковъ въ продолженіе 4-хъ лѣтняго пребыванія за границей слушалъ лекціи въ Тюбингенскомъ университетѣ, имѣлъ время побывать и въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ и затѣмъ, воротившись въ Россію, сдѣлался докторомъ правъ и профессоромъ университета, а затѣмъ и докторомъ богословія.

V.

Назначеніе о. Янышева профессоромъ С.-Петербургскаго университета. — Пробываніе въ Вильдбадѣ императрицы Александры Ѳеодоровны и императора Александра II съ супругою. — Празднество. — Александровская колонія близъ Потсдама. — Поѣздка въ Петербургъ. — Возвращеніе въ Стутгартъ. — Свиданіе императора Александра II съ Наполеономъ III. — Проектъ объ изданіи духовнаго журнала. — Вопросъ объ измѣненіи календаря. — Князь П. А. Вяземскій.

Въ 1857 году я потерялъ добраго сосѣда и моего преемника по службѣ въ Висбаденѣ, достопочтеннѣйшаго о. Янышева, котораго назначили профессоромъ богословія въ Петербургскій университетъ. Это нововведеніе случилось отчасти по моему указанію, такъ какъ въ моей перепискѣ съ начальствующими лицами я не переставалъ настаивать на необходимости вмѣсто законоучителей при университетахъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ законоучителей гимназій, учредить особую кафедру богословія съ высшимъ курсомъ, не въ смыслѣ догматики, но скорѣе полемики или лучше всеобщаго обозрѣнія какъ христіанскихъ основаній, такъ и православной церкви въ особенности. Для выполненія этой программы лучшаго дѣятеля, чѣмъ о. Янышевъ, трудно было и найти. Съ обширнымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на науку онъ соединялъ въ себѣ добросовѣстность и усердіе въ исполненіи своего долга. Къ сожалѣнію, это усердіе превзошло его физическія силы, и онъ, начавъ блистательно свое дѣло, скоро принужденъ былъ его покинуть, уступивъ свою кафедру о. Полисадову, бывшему тогда священникомъ въ Берлинѣ, а самъ занявъ его мѣсто за границею. Въ Висбаденѣ же между тѣмъ былъ переведенъ изъ Стокгольма о. Матвѣевскій.

Къ веснѣ 1857 года ожидалось прибытіе въ Карлсруэ великаго князя Михаила Николаевича, а лѣтомъ должна была пріѣхать изъ Ниццы императрица Александра Ѳеодоровна. Между тѣмъ, мои уроки съ принцессою приходили къ концу, и я началъ съ нею приготовленіе къ ея переходу въ православіе и миропомазанію. Такъ какъ принцесса избрала себѣ воспріемницею при присоединеніи великую княгиню Ольгу Николаевну, то она рѣшила перемѣнить свое имя Цециліи на Ольгу, чтобы называться въ Россіи великою княгинею Ольгою Ѳеодоровною, по отцу своему Леопольду-Фридриху.

Никогда маленькое мѣстечко Вильдбадъ не представляло изъ себя такого блистательнаго мѣста сѣзда, какъ въ лѣто 1857 года. По случаю пребыванія тамъ императрицы Александры Ѳеодоровны и съ нею семьи августѣйшей невѣсты великаго князя и нашей великой княгини Ольги Николаевны сѣздъ туда высочайшихъ особъ всѣхъ германскихъ дворовъ, пріѣзжавшихъ на поклоненіе императрицѣ, былъ

такъ великъ, что надо было держать очередь, отпуская однихъ и принимая на мѣсто ихъ другихъ, безъ чего нельзя было найти мѣста для ихъ помѣщенія. Въ іюлѣ же прибыли въ Вильдбадъ изъ Кисингена и государь императоръ Александръ Николаевичъ съ императрицею Марією Александровною. При этомъ случаѣ пришлось перевидать почти всѣ знаменитости тогдашняго времени, которыя стекались со всѣхъ сторонъ въ Вильдбадъ, чтобы представиться ихъ величествамъ. Между прочимъ я познакомился при этомъ случаѣ съ знаменитымъ маэстро Россини. Онъ очень интересовался нашимъ церковнымъ пѣніемъ, и мы доставили ему удовольствіе послушать нашихъ пѣвчихъ, которыхъ онъ просилъ спѣть ему, кромѣ церковныхъ пьесъ, и нѣкоторыя народныя пѣсни, отъ которыхъ онъ приходилъ въ восторгъ. Пребываніе императорской фамиліи въ Вильдбадѣ подало поводъ ко многимъ увеселеніямъ и празднествамъ. Между прочимъ устроено было одно сельское празднество — *fête champêtre* на лугу, при чемъ были приготовлены сюрпризъ, состоявшій въ томъ, что изъ маленькихъ русскихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ находились и оба мои сына, тогда мальчики 12 и 10 лѣтъ, — группа, представлявшая косарей, возвращавшихся съ покоса съ граблями на плечахъ, тащившихъ за собой телѣжку съ сѣномъ, на которой сидѣла въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ 3-хъ лѣтняя дочь нашего посланника графа Бенкендорфа. При приближеніи царской фамиліи тянувшія эту телѣжку трое дѣтей, князь Голицынъ и двое Карель, пѣли: «вотъ мчится тройка удалая», а когда всѣ остановились передъ этой группой, дѣти хоромъ запѣли «Боже, царя храни». Это такъ понравилось государю, что ему угодно было снять фотографіи съ этой группы, оттискъ которой хранится и у меня въ альбомѣ.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда всей царской фамиліи въ Россію, куда должна была послѣдовать и нареченная невѣста великаго князя. Мнѣ, какъ законоучителю ея, назначено было сопровождать ея высочество, чтобы присутствовать при ея миропомазаніи, а потомъ и бракосочетаніи, и вотъ въ половинѣ іюля мы отправились въ свитѣ императрицы въ путь. По дорогѣ мы остановились на нѣсколько дней въ Потсдамѣ, гдѣ мнѣ отвели квартиру въ одномъ изъ придворныхъ зданій *Sans-Sousi*. Состоя въ свитѣ императрицы, я со всѣми членами ея приглашаемъ былъ къ высочайшему столу прусскихъ величествъ и при этомъ случаѣ познакомился съ знаменитымъ Гумбольдтомъ, который, тогда уже почтенный маленькій старичекъ, составлялъ обыкновенно необходимую принадлежность всѣхъ собраній при прусскомъ дворѣ.

Во время пребыванія въ Потсдамѣ я ближе познакомился и съ такъ называемою русскою колоніею — Александровскою — близъ Потсдама. Видъ этой колоніи на первый взглядъ дѣйствительно напоминаетъ собою русское село. Чистенькіе домики въ русскомъ стилѣ съ

*

русскою церковію посрединѣ на одну мнуну заставляють забыться и подумать, что находишься въ Россіи. Но когда тогдашній протоіерей въ Берлинѣ и настоятель этой церкви, Д. В. Соколовъ повелѣ меня по домамъ, чтобы показать внутреннюю жизнь колонистовъ, мы очутились среди чистыхъ нѣмцевъ. Не только никто изъ нихъ не понималъ ни слова по-русски, но всѣ почти сдѣлались протестантами. Сначала, по словамъ о. Соколова, нѣкоторые изъ стариковъ въ его время ходили въ нашу церковь, но затѣмъ черезъ женитбу съ нѣмками, а частію— надо думать— и по нерадѣнію нашихъ берлинскихъ священниковъ мало-по-малу совсѣмъ отстали отъ нашей церкви, которая теперь пустуетъ, за неимѣніемъ прихожанъ.

Наконецъ мы отправились изъ Штетина въ Россію на двухъ пароходахъ, изъ которыхъ на одномъ помѣщалась царская фамилія, а на другомъ свита. Послѣ благопріятнаго плаванія прибыли прямо въ Петергофъ, гдѣ была устроена торжественная встрѣча императрицѣ и нареченной невѣстѣ. Я началъ съ принцессою Цециліею приготовленіе ея къ миропомазанію и бракосочетанію.

Миропомазаніе, обрученіе и обрядъ вѣнчанія были совершены со всею церемоніею въ большой церкви Зимняго дворца. Во всѣхъ этихъ церемоніяхъ я участвовалъ въ качествѣ законоучителя и духовника молодой великой княгини, послѣ чего я былъ осыпанъ наградами. Такъ послѣ миропомазанія я получилъ два брилліантовые креста, одинъ отъ великаго князя и великой княгини, а другой изъ Кабинета его величества, послѣ же бракосочетанія еще два креста, болѣе драгоцѣнные также отъ высоконобобрачныхъ и отъ государя. Передъ тѣмъ же великая герцогиня Баденская, мать великой княгини Ольги Феодоровны, пожаловала мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, съ ея портретомъ, а великій герцогъ награждалъ меня своимъ орденомъ Церингенскаго Льва 2-й степени.

Такъ какъ въ это время я началъ много получать иностранныхъ орденовъ (у меня были и виртембергскіе, и баденскій, и баварскій, и нассаускій, и веймарскій) и всякій разъ надобно было испрашивать высочайшее разрѣшеніе на принятіе жалуемаго ордена, то я обратился къ бывшему тогда оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода графу Толстому. Желая пошутить на этотъ счетъ, онъ замѣтилъ: «Что это? Васъ скоро обвѣсятъ всѣми животными, то Соколы, то Левы!» Но онъ могъ бы серьезнѣе пошутить, если бы зналъ, что я получилъ, по случаю обращенія въ православіе протестантской принцессы, орденъ, въ статутѣ котораго сказано, что онъ выдается преимущественно за ревность въ распространеніи протестантскаго вѣроисповѣданія.

Покончивъ свои занятія при дворѣ, я собирался прежде, чѣмъ воротиться на свою должность въ Стутгартъ, проѣхаться по матушкѣ Россіи,

которую, къ стыду своему, я такъ мало зналъ, изъѣздивъ между тѣмъ почти всю Германію вдоль и поперекъ. И вотъ мы сдѣлали съ состоявшимъ тогда при нашемъ посольствѣ въ Стутгартѣ княземъ С. П. Голицынымъ планъ путешествія, вознамѣреваясь спуститься по Волгѣ до Саратова, а потомъ пробраться въ Черниговскую губернію въ имѣніе Голицыныхъ, гдѣ я намѣревался погостить, чтобы познакомиться съ русскою деревенскою жизнью, которой я никогда не видалъ. Родившись въ городѣ Тулѣ, я прожилъ тамъ безвыѣздно до 20-лѣтняго возраста, пока не отправился въ Петербургъ, гдѣ прожилъ 4 года въ стѣнахъ академіи, и почти прямо изъ академіи долженъ былъ отправиться за границу на всю жизнь. Поэтому понятно, какъ меня интересовала и радовала задуманная поѣздка. Но и на этотъ разъ судьба моя снова выбросила меня изъ предѣловъ родной стороны на предназначенную мнѣ чужбину. Въ то время, какъ мы уже готовы были отправиться въ путь, князь Горчаковъ призываетъ насъ обоихъ въ министерство и объявляетъ, чтобы мы немедленно возвращались въ Стутгартъ, такъ какъ тамъ на-дняхъ должно состояться свиданіе императора Наполеона III съ нашимъ государемъ, и поэтому всѣ служащіе въ Стутгартѣ должны находиться на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ пришлось разстаться и съ задуманнымъ проектомъ, и съ родиною, и спѣшить за границу. Князя Голицына отправили даже курьеромъ въ Стутгартъ, а я взялъ направленіе на Москву, чтобы оттуда ѣхать въ почтовой каретѣ на Варшаву, гдѣ уже начиналась непрерывная желѣзная дорога до самаго Стутгарта. Просидѣвъ цѣлыхъ 8 дней въ почтовой каретѣ и не останавливаясь почти совсѣмъ въ Варшавѣ, я радъ былъ попасть въ удобный вагонъ желѣзной дороги, гдѣ я расположился почти какъ дома, рассчитывая на третій день прибыть въ Стутгартъ, какъ разъ наканунѣ прибытія туда государя. Но утомленный долгою дорогою, я около Фравкфурта такъ крѣпко заснулъ, что прослушалъ, что здѣсь надобно было пересѣсть на другой поѣздъ, и когда вошелъ кондукторъ и разбудилъ меня, спрашивая у меня билетъ, оказалось, что меня везутъ въ Кассель, совсѣмъ въ противоположную сторону моему надлежащему направленію. Конецъ этой ошибки былъ тотъ, что меня высадили на ближайшей станціи, заставивъ предварительно заплатить за сдѣланный мною ненужный путь, и я, пропустивъ всѣ скорые поѣзда, долженъ былъ тащиться медленно назадъ, черезъ чтò и опоздалъ прибытіемъ въ Стутгартъ почти на цѣлыя сутки. Выходя изъ вокзала, который находится въ Стутгартѣ среди самаго города, я какъ разъ попалъ на глаза государя, проѣзжавшаго въ это время мимо, который меня сейчасъ узналъ и милостиво поклонился. Между тѣмъ во дворцѣ уже начали беспокоиться моимъ неявленіемъ во-время къ своему мѣсту, и первую вѣсть о моемъ возвращеніи привезъ туда самъ государь.

Дни свиданія Наполеона съ нашимъ государемъ, отъ 12-го (24) до 16-го (28) сентября 1857 года, составляютъ блистательную эпоху въ хроникѣ Стутгарта. Кромѣ высокополитическаго значенія встрѣчи двухъ могущественныхъ государей тогдашняго времени, вскорѣ послѣ Севастопольской войны, — свиданія, устроеннаго мудрою и ловкою политикою нашего знаменитаго канцлера, самый внѣшній блескъ, озарившій вдругъ обыкновенно скромную столицу Виртемберга, поражалъ своимъ великолѣпіемъ. Не говоря уже о свитѣ собравшихся на это свиданіе коронованныхъ особъ, блестявшей не одними только мундирами, но и репутаціями государственныхъ заслугъ, одно количество величествъ, собравшихся съ разныхъ сторонъ, поражало своею необычайностью. Такъ хроникеры Стутгарта отмѣтили, что при парадномъ спектаклѣ въ ихъ театрѣ, кромѣ двухъ императоровъ и ихъ короля, находились три королевы: Виртембергская, Голландская и Греческая, и одна императрица, Марія Александровна, не считая великихъ княгинь и принцессъ.

Разсказываютъ, что Наполеонъ, явившись на балъ, устроенный въ честь его на Вильгельмѣ, загородномъ дворцѣ короля Виртембергскаго, въ кругъ этого блестящаго общества, такъ смутился, что не могъ двинуться съ мѣста, пока нашъ государь не подошелъ къ нему и, взявъ его подъ руку, подвелъ къ императрицѣ. Передъ прибытіемъ Наполеона въ Стутгартъ, никто не зналъ, пріѣдетъ ли онъ одинъ или привезетъ съ собою и свою супругу Евгенію? Поэтому наша императрица оставалась пока въ Дармштадтѣ, не намѣреваясь пріѣзжать въ Стутгартъ, если бы съ Наполеономъ пріѣхала туда и его графиня Монтехо, носившая теперь титулъ императрицы. Но съ прирожденною ему хитростью и притворствомъ, Наполеонъ, во все время пребыванія своего въ Стутгартѣ, показалъ въ себѣ столько скромности и смиренія, что всѣхъ невольно поражалъ этимъ. Такъ въ присутствіи нашего государя онъ не хотѣлъ садиться, пока его не приглашали къ тому. Передъ нашей императрицей и великой княгиней Ольгой Николаевной онъ положительно конфузился. Впрочемъ, и не мудрено. Назвавъ самъ себя рагвечи, онъ очутился въ первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу передъ величіемъ настоящихъ величествъ.

Тихая и спокойная зима 1857—58 года располагала къ занятіямъ, а начавшееся въ то время общее броженіе умовъ въ Россіи наводило на думы и раздумье. Въ то время я рвался на дѣятельность, которая мнѣ не давалась. Судьба неумолимо держала меня въ уютномъ кабинетѣ моей квартиры, въ Стутгартѣ. И еще разъ мнѣ представлялась возможность переселиться въ Россію: великая княгиня Ольга Теодоровна очень желала удержать меня духовникомъ при себѣ. Но къ этому желательному для меня самому перемѣщенію я отнесся на этотъ разъ пассивно, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса высшей волѣ. Помня за-

вѣщаніе покойнаго государя Николая Павловича: «берегите мою Оленьку», я не осмѣливался больше по своей волѣ оставлять свой постъ, и потому, когда великая княгиня Ольга Николаевна выспрашивала у меня по этому поводу о моихъ собственныхъ видахъ на службу при ней или въ Россіи, я могъ только отвѣтить съ полнымъ сознаніемъ, что мнѣ при ней слишкомъ хорошо и слишкомъ удобно, и что я вздыхаю только о томъ, что мнѣ не удастся понести хоть малую часть бремени современной борьбы, которая объяла теперь всѣхъ и каждаго въ Россіи. На это мнѣ отвѣтили, что я и на своемъ мѣстѣ могу принимать дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ и даже съ болѣею пользою, переноса отсюда на родную почву добытые историческою опытностью результаты культуры и цивилизаціи.

— Пишите ваши мысли, сообщайте ваши взгляды, и вы будете тѣмъ участвовать въ общемъ дѣлѣ!—сказала она.

И я послушался этого добраго совѣта, принявшись работать и писать. Такъ, въ самомъ началѣ зимы, я отправилъ на имя оберъ-прокурора Синода графа Толстаго, вмѣстѣ съ запиской о церковномъ совѣщаніи евангелической церкви, бывшемъ въ Стутгартѣ, проектъ новаго церковнаго журнала на основаніяхъ, дотолѣ бывшихъ неизвѣстными въ нашей богословско-церковной журналистикѣ. На это графъ Толстой мнѣ отвѣчалъ: «Письмо ваше, полученное мною вмѣстѣ съ запиской, въ которой вы предлагаете изданіе духовнаго журнала, очень любопытно и пришло ко времени: у насъ теперь много работаютъ надъ изданіемъ духовныхъ журналовъ; съ нынѣшняго года предположены различныя улучшенія во всѣхъ журналахъ, издаваемыхъ при нашихъ духовныхъ академіяхъ. Къ сожалѣнію, ваше письмо съ запискою о предполагаемомъ вами изданіи духовнаго журнала затерялось у его высокопреосвященства, какъ онъ объясняетъ въ своемъ письмѣ. Если у васъ сохранились черновыя, то прошу васъ переписать и прислать ко мнѣ; въ противномъ случаѣ, примите на себя трудъ вновь изложить свои мысли, онѣ могутъ послужить въ пользу при будущихъ соображеніяхъ о журналахъ, если бы даже оказалось невозможнымъ вполне привести ваше предположеніе въ дѣйство».

Покойный митрополитъ Григорій имѣлъ, кажется, привычку затеривать представляемыя ему рукописи, а я съ своей стороны имѣлъ непохвальную привычку, еще со скамьи академической, писать свои сочиненія прямо набѣло, и потому, когда уже послѣ смерти митрополита Григорія у меня спрашивали черезъ консисторію, не сохранилась ли у меня черновая записка, поданная также митрополиту, о религіозномъ движеніи на Западѣ въ связи съ политическими событіями послѣднихъ годовъ, я долженъ былъ отвѣтить, что статья эта была писана мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происходившихъ предъ моими глазами

событій и что поэтому снова написать такую же статью надобно было бы пережить вновь давнопрошедшее.

Такъ какъ въ это горячее время у насъ стали подымать вопросы обо всемъ, то коснулись и замѣны нашего стараго календаря новымъ. Я и здѣсь не утерпѣлъ, чтобы не высказаться по этому вопросу, и послалъ свою замѣтку, которая была напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1858 г. № 42), за которую я удостоился отъ Герцена особой клички въ его «Колоколѣ». «Вотъ и еще выползааетъ изъ щели Божья коровка на защиту отжившаго старья», писалъ онъ, не называя, впрочемъ, меня по имени, тѣмъ болѣе, что оно и не было подписано подъ моей замѣткой. Но эффектъ ея былъ тотъ, что когда государю былъ представленъ уже готовый проектъ объ измѣненіи календаря, онъ отвѣчалъ на него почти тѣми же словами, какъ было сказано въ моей замѣткѣ. Впрочемъ, эта замѣтка моя на счетъ календаря не была простою журнальною статьею. Напротивъ, она была переслана мною, вмѣстѣ съ другими статьями, князю П. А. Вяземскому, бывшему тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и по его распоряженію была отослана въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» для напечатанія какъ оффиціозное сообщеніе, положившее конецъ толкамъ объ измѣненіи у насъ календаря.

У меня сохранилось писанное мнѣ по этому поводу письмо князя Вяземскаго. Такъ какъ оно живо рисуетъ какъ характеръ князя, такъ и тогдашнее время, то я считаю долгомъ привести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что безъ того оно не вошло бы ни въ какой сборникъ его сочиненій. Вотъ это письмо все отъ начала до конца.

С.-Петербургъ, 12 марта 1858 г.

«Передъ другимъ, передъ всякимъ свѣтскимъ начальствомъ и начальствомъ, передъ всякимъ свѣтскимъ авторитетомъ, я легко могъ бы разными уловками, оговорками и даже уважительными причинами, говоря канцелярскимъ языкомъ, оправдывать себя въ долгомъ молчаніи. Но передъ вами, достопочтеннѣйшимъ іереемъ, я оправдываться не могу и не хочу. Вамъ, духовному отцу, съ чистосердечіемъ и раскаяніемъ исповѣдую вину мою и прошу у васъ прощенія. Такъ приношу повинную голову, или, правильнѣе, повинную руку, потому что голова и сердце передъ вами невиноваты. Впрочемъ, и это не уловка, а истина: если я непростительнымъ образомъ на письмо ваше не отвѣчалъ, то по крайней мѣрѣ усердно и въ точности приводилъ въ дѣйствиіе его содержаніе. Прекрасная статья ваша о губернскихъ вѣдомостяхъ была мною тогда же передана по принадлежности въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое ими распоряжается, и вотъ отзывъ о вашей статьѣ товарища министра Левшина: «превосходная статья объ учебной дѣятельности въ Баденскомъ герцогствѣ» отдана въ журналъ

нашъ и скоро явится въ печати». Отдѣльные оттиски будутъ вамъ доставлены. Вы видите, дѣла ваши въ порядкѣ,—одинъ я безпорядоченъ. Но и то сказать, вы знаете петербургское житье,—въ немъ нашъ недосугъ, вѣчное толченье въ пустой ступѣ, а прибавьте къ тому дѣла цензурныя, за которыя надо ратовать на всѣ стороны, противъ друзей и недруговъ, противъ излишняго ума и излишней глухости, и вы войдете въ мое положеніе и, надѣюсь, не осудите меня, безусловно. Богъ дастъ, надѣюсь въ скоромъ времени воспользоваться нужнымъ мнѣ отдыхомъ. Убоявшись бездны премудрости, хочется мнѣ выдти на свѣжій воздухъ. Вы, кажется, знаете, что я никогда не обольщаюсь мечтаніями о пользѣ, которую могу принести. Во-первыхъ, подобнаго рода обольщенія не въ моей природѣ и не въ моемъ характерѣ. Во-вторыхъ, я слишкомъ зорко предвидѣлъ обстоятельства и противоположныя условія, которыя въ дѣлѣ просвѣщенія могутъ обезсилить и самую богатырскую силу. А я себя богатыремъ вовсе не признаю. Можетъ быть ея императорское высочество Ольга Николаевна вспомнить письмо, которое я писалъ Титову при вступленіи на новое мое служебное поприще. При выстуленіи въ походъ я уже зналъ, что буду разбитъ. Еще до Москвы уже подиралъ меня березинскій морозъ. Все это для васъ загадки и таинственное словоизлитіе, какъ говаривалъ, кажется, Шишковъ. Но дайте срокъ, и все будетъ ясно. На первый случай скажу вамъ, что надѣюсь совершить нынѣшнимъ лѣтомъ необходимое для меня лѣченіе въ Карлсбадѣ, а послѣ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и съ вами встрѣтимся. На то и желѣзная дорога, чтобы горы сглаживались, а добрые люди встрѣчались. Сдѣлайте одолженіе, передайте мое нѣжнѣйшее почтеніе Аннѣ Алексѣевнѣ (Окуловой) и попросите ее повергнуть меня къ ногамъ ея императорскаго высочества. Воля ея и ваша, а у меня перо не повернется написать къ стопамъ. Это слишкомъ полновѣсно и неуклюже для дамскихъ ножекъ. А иные, чего добраго, еще пишутъ августѣйшія стопы. Какъ лестно должно быть для дамы имѣть густѣйшія стопы. Покорнѣйше прошу простить мнѣ это нѣсколько романтическое отступленіе, которое, впрочемъ, по адресу Анны Алексѣевны. Потрудитесь передать мое почтеніе Н. О. Аделунгу (секретарю великой княгини) и сказать ему, что всѣ порученія его были мною въ точности переданы министру. Поручая себя дальнѣйшему благорасположенію и молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть съ отличнѣйшимъ почтеніемъ къ вашему высокопреподобію душевно и постоянно преданный К. Вяземскій».

Князь Петръ Андреевичъ исполнилъ свое обѣщаніе и въ теченіе лѣта посѣтилъ меня на Ротенбергѣ. Тамъ, гуляя съ нимъ вокругъ нашей церкви, откуда на всѣ стороны открывается чудесный разнообразный видъ, я вздумалъ затронуть его поэтическую жилку.

— Вотъ, князь,—говорилъ я ему,—что мнѣ разъ приснилось во снѣ. Читалъ я на ночь евангеліе о чудѣ усмиренія волнъ на морѣ Иисусомъ Христомъ и заснулъ на послѣднихъ словахъ: «Что вы такъ боязливы? какъ у васъ мало вѣры?» (Марка IV, 40). Метрическая сканція этого текста такъ и врѣзалась въ мое воображеніе, что я, кажется, всю ночь повторялъ его во снѣ, пока, наконецъ, къ утру не выработалась у меня въ воображеніи цѣлая поэма на эту тему. Я такъ живо и такими чудными стихами въ размѣрѣ текста проходилъ сначала всю жизнь чело-вѣка, а потомъ всю міровую исторію, оканчивая каждый отдѣлъ тѣмъ же рефреномъ: что вы такъ боязливы? какъ у васъ мало вѣры?, что даже, проснувшись, ясно представлялъ себѣ эту чудную поэму. Я даже вскочилъ съ постели, намѣреваясь записать все это на бумагѣ; но съ первымъ движеніемъ головы все исчезло, какъ сонъ, и я не въ состояніи былъ припомнить ни одного слова изъ тѣхъ чудныхъ стиховъ, въ которыхъ такъ легко изливалась моя чудная поэма. Вотъ, князь, вамъ канва, на которой вы могли бы съ вашимъ поэтическимъ талантомъ воспроизвести чудное твореніе!

Вяземскій, по обыкновенію своему, мычалъ, слушая мой одушевленный разсказъ, потомъ, подумавъ, сказалъ: «боюсь, что это будетъ мнѣ не подъ силу». Тѣмъ не менѣе, я долго ждалъ и съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за каждымъ его новымъ твореніемъ, надѣясь, не отзовется ли душа его на эту богатую тему для поэтического творчества. Но ожиданіе было напрасно. Вскорѣ послѣ этого князя Вяземскаго постигъ недугъ, который съ временными перерывами преслѣдовалъ его по самой смерти. При этомъ замѣчательно то, что каждое пробужденіе его духа отъ омраченія выражалось какимъ-нибудь новымъ произведеніемъ его поэтического генія. Такъ, находясь разъ въ Дрезденѣ въ самомъ печальномъ состояніи душевнаго расстройства, онъ вдругъ присылаетъ въ Стутгартъ на имя великой княгини Ольги Николаевны безыменное стихотвореніе: «Масляница на чужой сторонѣ». Никто не могъ подумать, что эта веселая шутка могла выйти изъ-подъ пера князя Вяземскаго, о которомъ всѣ знали, что онъ находится у доктора для душевно-больныхъ, пока одинъ стихъ въ этой шуткѣ: «пряники мой однофамилецъ» не навелъ на мысль, что пряники у насъ извѣстны подъ именемъ вяземскихъ, и что авторомъ этого стихотворенія не могъ быть никто другой, какъ только князь П. А. Вяземскій. По справкамъ оказалось, что это дѣйствительно было такъ, и что съ этой минуты больной опять выздоровѣлъ. Но затѣмъ проходили мѣсяцы и даже годы, и бѣдный поэтъ снова впадалъ въ свое мрачное состояніе.

Мнѣ пришлось два раза видѣть князя въ этомъ болѣзненномъ состояніи. Разъ это было въ Стутгартѣ, гдѣ онъ провелъ съ своею супругою часть зимы. Прихожу я въ гостиницу, гдѣ они остановились, и

нахожу къ немалому моему изумленію княгиню сидящую въ корридорѣ на скамеечкѣ, у дверей занимаемой имъ квартиры.

— Что съ вами, княгиня?—спрашиваю я.

— Да вотъ выгналъ изъ комнаты,—отвѣчаетъ она совершенно спокойнымъ тономъ.

Странное дѣло! Во время своего мрачнаго настроенія князь выбиралъ жертвою своей раздражительности одну только свою супругу, тогда какъ со всѣми другими онъ бывалъ ласковъ, даже слугу своего не обижалъ ни однимъ словомъ. Поводомъ же къ нападкамъ на княгиню всегда была ревность. Княгиня была старше его двумя годами и, бывши уже почти 90-лѣтнею старухою, подвергалась еще подозрѣніямъ больного мужа въ супружеской невѣрности. Но зато съ какимъ истинно-христианскимъ терпѣніемъ, съ какою любовію переносила она эти болѣзненные припадки своего мужа. Я былъ свидѣтелемъ этого, когда, спустя нѣсколько лѣтъ, я долженъ былъ по особому желанію великой княгини Ольги Николаевны посѣтить опять заболѣвшаго князя въ Боннѣ. Въ этотъ разъ онъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи, и докторъ, въ заведеніи котораго онъ находился на излѣченіи, отдѣлилъ его отъ сообщенія со всѣми, почему и меня не допустили къ нему. Мы съ княгинею могли только смотрѣть незамѣченными изъ окна заведенія, какъ онъ прогуливался по саду, разговаривая самъ съ собою. Когда его ввели опять въ свою комнату и заперли тамъ на ключъ, княгиня взяла стулъ и сѣла въ корридорѣ у двери этой комнаты, приложивъ ухо къ скважинѣ. И такъ просиживала она цѣлые часы, подслушивая, что онъ говорилъ съ собою.

Старушка княгиня Вяземская пережила нѣсколькими годами своего мужа, и уже 96 лѣтъ она была свѣжа и памятью, и умомъ. Я видѣлся съ нею весною 1886 года въ Баденъ-Баденѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до ея кончины. Сознывая вполнѣ свое старчество, она охотно говорила о предстоящей ей кончинѣ безъ страха и волненія. И въ этотъ разъ она начала говорить со мною объ этомъ.

— Смерти я не боюсь,—говорила она,—и готова къ ней. Одно только меня смущаетъ, что въ такую долгую жизнь я такъ мало сдѣлала добра. Вотъ сестра моя, княгиня Четвертинская, тоже прожившая больше 90 лѣтъ, умерла съ сознаніемъ, что она много на своемъ вѣку сдѣлала добра людямъ!

Тогда я напомнилъ ей, какой крестъ несла она при жизни своего мужа, и какъ ея самоотверженная преданность своему долгу стоила многихъ добрыхъ дѣлъ, оказываемыхъ постороннимъ за неимѣніемъ собственныхъ трудныхъ обязанностей жизни. Старушка приняла это замѣчаніе со свойственной ей скромностью, не выказавъ, кажется, и передъ собою великости этого жизненнаго подвига.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо И. С. Тургенева—къ К. Д. Кавелину объ Обществѣ рас- пространенія грамотности.

Парижъ, 10-го сентября 1860 г.

Милостивый Государь Константинъ Дмитриевичъ!

Изъ прилагаемаго при семъ проекта программы «Общества для рас-
пространенія грамотности и первоначальнаго образованія» ¹⁾—вы усмо-
трите цѣль моего письма къ вамъ.—Эта программа составлена при уча-
стии и съ согласія нѣсколькихъ русскихъ, случайно съѣхавшихся въ
одномъ заграничномъ городѣ, и представляетъ только первоначальныя
черты будущаго устройства общества. Надѣюсь, что вы одобрите мысль,
которая лежитъ ей въ основаніи, и захотите посвятить ей и собствен-
ныя размышленія и бесѣды съ друзьями. Я бы почелъ себя счастливымъ,
если бы ко времени моего возвращенія въ Россію (весною 1861 года)
предполагаемая мысль получила обработку, достаточную для приведенія
её въ исполненіе. Обращаясь къ вамъ, я не нуждаюсь въ громкихъ
словахъ; я и безъ того увѣренъ, что вы охотно согласитесь принять
участіе въ дѣлѣ подобной важности, или, по крайней мѣрѣ, выразить
свое воззрѣніе на него. Я увѣренъ также, что вы не откажетесь рас-
пространять списки прилагаемой программы. Предпріятіе наше касается
всей Россіи; намъ нужно знать по возможности мнѣніе всей Россіи о
немъ; съ искренней благодарностью получилъ бы я всякое возраженіе
или замѣчаніе. Мой адресъ: Paris poste restante.

Остаюсь съ полнымъ и сердечнымъ уваженіемъ преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Сообщилъ Ив. Кубасовъ.

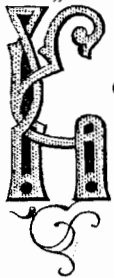
---

¹⁾ Общества этого Тургеневу организовать, насколько намъ извѣстно, не
пришлось; но идея его до нѣкоторой степени была осуществлена (помимо его)
Вольнымъ Экономическимъ обществомъ и—можно сказать—въ то же время. Въ
апрѣлѣ слѣдующаго же—1861 г.—было первое засѣданіе извѣстнаго „Комитета
Грамотности“, первымъ предсѣдателемъ коего былъ С. С. Лашкаревъ, подав-
шій мысль объ учрежденіи названнаго комитета при Вольномъ Экономиче-
скомъ обществѣ. Задачи этого комитета совпадали съ идеей Тургенева, и,
быть можетъ, возникновеніе его и заставило нашего маститаго писателя
отказаться отъ мысли объ организованіи особаго общества. И. С. Тургеневъ
былъ членомъ этого комитета, но не однимъ изъ первыхъ. Онъ былъ
„предложенъ въ члены“ въ засѣданіи 12-го октября 1861 года (въ томъ же
засѣданіи былъ предложенъ въ члены и графъ Л. Н. Толстой), см. „Эконо-
мическія записки“ 1861 г. № 46, стр. 363. Съ такимъ же письмомъ, но
нѣсколько позже, И. С. обратился къ А. А. Краевскому и А. Д. Галахову
(См. „Полное собраніе сочин. И. С. Тургенева“ С.-Петербургъ 1898 г., т. XII,
стр. 354; тамъ же и „Проектъ программы“, о которой въ этомъ письмѣ говорится).

П О П О В О Д У

„Разказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу“.

огда дамы, «пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ» и дамы «просто пріятныя» раздражаютъ репутацію какого-нибудь губернскаго «прелестника» и сплетаютъ объ немъ банально-романтическія исторіи, совсѣмъ не подходящія къ его характеру, эти «исторіи» возбуждаютъ только смѣхъ и, пожалуй, досаду.

Но когда подобныя же «исторіи», рассказываемыя будто бы достовѣрными свидѣтелями, чернятъ память великаго народнаго поэта, чувство, имъ вызываемое, несравненно глубже и острѣе.

Въ февральской книжкѣ «Русской Старины» напечатанъ рассказъ младшаго современника Пушкина кн. А. В. Трубецкого объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу, представляющій въ совершенно новомъ свѣтѣ не только эти отношенія, но и свѣтскіе нравы того времени.

Оказывается, что Наталья Николаевна Пушкина тайно отъ мужа обнималась и цѣловалась съ Дантесомъ и часто посылала къ нему свою горничную Лизу съ *billets doux*, въ которыхъ обращалась къ молодому кавалергарду на *tu*.

Но кн. Трубецкой и не думаетъ за это обвинять Наталью Николаевну, такъ какъ въ ихъ время все это было «въ обычаѣ» все, это были «вещи обыденныя» ¹⁾!!

Но несмотря на всю «обыденность» подобныхъ секретныхъ поцѣлуевъ, Пушкинъ по своему «невыносимому характеру» былъ, повидимому, обезпокоенъ этимъ и рѣшился улчичить свою жену. Для этого онъ, заставъ разъ (лѣтомъ, «среди бѣлаго дня») жену съ Дантесомъ,

¹⁾ Стр. 258.

не сказавъ имъ ни слова, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, «намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Наталья Николаевна, прощаясь съ своимъ гостемъ, по обыкновенію, поцѣловалась съ нимъ, и сажа съ ея губъ перешла на губы Дантеса. Провожая его въ переднюю, Пушкинъ увидѣлъ слѣды этой сажи, извѣтельно улыбулся и сдѣлалъ женѣ сцену. Застигнутая врасплохъ, Наталья Николаевна солгала мужу, будто Дантесъ просилъ у нея руки ея сестры Кати. Дантесъ, чтобы прикрыть ея выдумку, женился на Е. Н. Гончаровой, послѣ чего Пушкинъ «уже не выражался о немъ (Дантесѣ) иначе, какъ въ самыхъ дружескихъ терминахъ» (260).

Изъ-за чего же дуэль?

А вотъ изъ-за чего: Пушкинъ былъ «до безумія» влюбленъ въ сестру своей жены Александру, «очень некрасивую, но весьма умную дѣвушку», которая еще до его женитьбы на Натальѣ Николаевнѣ «знала наизусть всѣ (!) стихотворенія своего будущаго beau frèге». Новобрачные Дантесы задумали отправиться за границу, и съ ними собралась ѣхать Александра Николаевна. Пушкинъ изъ-за нея «рѣшилъ во что бы ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду», сталъ придираться къ Дантесу и, получивъ извѣстный шутиливый дипломъ на роконосца, воспользовался имъ, какъ хорошимъ предлогомъ, чтобы вызвать Дантеса.

Помимо этихъ «разоблаченій», весь рассказъ кн. Трубецкого переполненъ неточностями и ошибками. Вотъ главнѣйшія:

По его словамъ, ухаживанье Дантеса за Натальею Николаевною началось лѣтомъ 1834 г., когда Пушкины жили на Черной рѣчкѣ. На Черной рѣчкѣ Пушкины жили лѣтомъ 1833 г., когда о Дантесѣ еще не было и слуху, а лѣто 1834 г., когда Дантесъ дѣйствительно уже былъ офицеромъ, Наталья Николаевна провела далеко отъ Петербурга, въ Калужской губ. (уѣхала 15-го апрѣля, вернулась только въ октябрѣ).

Если принять 1834 годъ за простой недосмотръ и читать вмѣсто него 1836 г., къ которому и самъ рассказчикъ приурочиваетъ на слѣдующей страницѣ «исторію» съ «обличительнымъ» поцѣлуемъ и подневольнымъ предложеніемъ Дантеса, дѣло будетъ нѣсколько вѣроподобнѣе; но пушкинской горничной Лизѣ придется летать съ быстротою птицы изъ Новой Деревни, гдѣ стояли кавалергарды, на Каменный Островъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ въ это лѣто жили Пушкины; да и Дантесу не легко, досидѣвъ до обѣда у Пушкиныхъ, вернуться въ Новую Деревню, переодѣться и поспѣть къ обѣду своего дяди (sic).

По словамъ князя Трубецкого, бракъ Дантеса съ Екатериной Николаевной Гончаровой состоялся «вскорѣ» послѣ исторіи съ поцѣлуемъ

(стр. 260), и въ октябрѣ или ноябрѣ молодые собирались ѣхать за границу. На самомъ дѣлѣ Дантесъ вѣнчался 10-го января 1837 г. ¹⁾).

По словамъ князя Трубецкого, Пушкинъ получилъ извѣстный пасквиль (4-го ноября) «въ числѣ многихъ». На самомъ дѣлѣ онъ одинъ получилъ 3 экземпляра этого пасквиля, и нѣкоторые его знакомые получили такой же пасквиль, но именно на Пушкина и для передачи ему ²⁾).

Нужно ли приводить свидѣтельства въ доказательство того, что Пушкинъ и послѣ женитьбы Дантеса отзывался о немъ въ такихъ «терминахъ», которые вовсе не указываютъ на его дружескія чувства?! Это фактъ слишкомъ извѣстный.

Имѣютъ ли какую-нибудь степень вѣроятности «разоблаченія» князя Трубецкого? По моему глубокому убѣжденію,—ни малѣйшей.

Исторія съ обличительнымъ подѣлуемъ есть «бродячая повѣсть», очень почтенная по своей древности, встрѣчающаяся въ огромномъ количествѣ приуроченій у разныхъ народовъ, а сюда попавшая изъ какого-нибудь французскаго сборника *contes pour rire*. Нѣсколько лѣтъ назадъ она фигурировала въ анекдотической биографіи Пушкина при потушенной свѣчѣ, а нынѣ весьма неудачно измѣнила свою обстановку.

Любопытно бы знать, какъ самъ рассказчикъ объяснялъ себѣ, что Дантесъ среди бѣлаго дня не замѣтилъ на нѣжныхъ губкахъ красавицы сажу, которую усмотрѣлъ на его губахъ Пушкинъ?

Какъ объяснить психологически, что молодой человѣкъ, посѣщающій домъ ради одной женщины, м о м е н т а л ь н о соглашается жениться на ея сестрѣ и заявляетъ пріятелю, что онъ дѣлаетъ это съ радостью, такъ какъ она ему нравится? ³⁾ Или это слѣдуетъ отнести къ странностямъ того общества, когда безусловно порядочныя женщины позволяютъ себѣ обниматься и цѣловаться съ кавалергардами и переписываются съ ними на ты?

Что касается до безумной страсти Пушкина къ Александрѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ удостовѣреніе которой кв. Трубецкой ссылается на г-жу Полетику, не такъ давно умершую въ Орлѣ ⁴⁾, это чистая сказка (вродѣ похищенія губернаторской дочери Чичиковымъ). Обвиняйте Пушкина, въ чемъ хотите, но не въ лицемѣрїи и скрытности; такимъ обвиненіемъ обвинитель только себя пристыдить, а памяти поэта вреда не принесетъ ни малѣйшаго. Имя Александры Николаевны Гончаровой встрѣчается въ напечатанныхъ письмахъ Пушкина пять разъ и всегда рядомъ съ именемъ Екатерины Николаевны. Можетъ быть, сестры Натальи Николаевны обладали великими достоин-

¹⁾ См. „Русск. Старину“ 1880, № 10, стр. 458.

²⁾ См. его письмо къ графу Бенкендорфу, изд. фонда VII, 415.

³⁾ Стр. 260.

⁴⁾ Стр. 260—261.

ствами, и внѣшними и внутренними; но Пушкинъ, горячо любившій свою жену, не замѣчалъ ихъ и даже, повидимому, плохо отличалъ ихъ одну отъ другой.

Вотъ что онъ говорить въ письмѣ къ жемѣ отъ 21-го іюня 1834 г.: «Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Убри; ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому что надобно быть твоимъ мужемъ, чтобы ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи». Когда барышни поселились въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Пушкиными, поэтъ посылаетъ черезъ жену теткамъ Азѣ и Кдо сердечные поклоны, добродушно шутить надъ ихъ стремленіемъ выдти за мужъ, но опять таки не отдѣляетъ ихъ одну отъ другой, а близкимъ людямъ иногда жалуется на необходимость жить выше средствъ изъ-за барышень Гончаровыхъ. Надо обладать дьявольскимъ лицемѣріемъ, чтобы такъ искусно скрывать свою безумную страсть!

Князь Трубецкой увѣряетъ, что Александра Николаевна Гончарова была очень некрасивая, но чрезвычайно умная дѣвушка, знавшая наизусть всѣ стихотворенія Пушкина еще въ домѣ матери. Нижеподписавшійся не имѣетъ, къ сожалѣнію, никакихъ документальныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Александры Николаевны ¹⁾; но характеръ и образъ мыслей ея матери, Натальи Ивановны, слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы считать возможнымъ такое старательное изученіе стиховъ Пушкина одною изъ дочерей ея.

Князь Трубецкой не поясняетъ, что же заставило Александру Николаевну рѣшиться уѣхать отъ Пушкиныхъ съ Дантесами за границу? Произошло ли между ней и Пушкинымъ охлажденіе? Но тогда зачѣмъ же кровавая развязка?! Опасалась ли она собственнаго чувства и африканскихъ страстей поэта? Но тогда какъ объяснить, что, умирая изъ-за любимой дѣвушки, Пушкинъ ни разу не вспомнилъ о ней въ цѣлыя двое сутокъ страданій—мы знаемъ все, что онъ говорилъ и дѣлалъ отъ нѣсколькихъ очевидцевъ,—а, напротивъ, призывалъ къ себѣ нелюбимую жену и выказывалъ самую трогательную заботливость о ней и о дѣтяхъ? Небывалый и совершенно невозможный случай самообладанія и скрытности!

Откуда же сказка, и почему она такъ долго таилась подъ спудомъ? Не знаемъ; но позволимъ себѣ высказать съ большимъ вопросительнымъ знакомъ одно предположеніе скромнаго профессиональнаго характера.

Всѣмъ памятно, какой переполохъ 40 лѣтъ назадъ произвело разоблаченіе талантливаго, но слишкомъ легковѣрнаго автора «Хижинъ

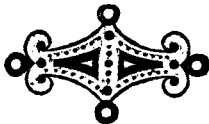
¹⁾ Отъ сына одного очень почтеннаго московскаго старожилы я слышалъ, что Александра Николаевна одно время была извѣстна въ обществѣ подъ названіемъ б л а д н а г о а н г е л а (что опровергаетъ слова князя Трубецкаго объ ея некрасивости) и вышла замужъ за очень важнаго генерала.

дяди Тома» относительно развода Байрона; г-жа Бичеръ-Стоу, со словъ полупомѣшанной лэди Байронъ, повѣдала міру, что великій поэтъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ со своей единокровной сестрой! Извѣстно и то, что въ концѣ концовъ разоблаченіе было отринуто, какъ неумышленная клевета, но оно сдѣлало свое дѣло: оставило слѣдъ въ умахъ легковѣрныхъ собирателей скандаловъ и анекдотовъ.

Пушкина постоянно приравнивали къ Байрону, и «анекдоты» (не въ смыслѣ неизданнаго, а въ смыслѣ того, что не слѣдовало бы издавать) объ одномъ переносили на другого. Отношенія Пушкина съ родной его сестрой были слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны; но были сестры у его жены; одна изъ нихъ Екатерина уже имѣетъ роль въ этой темной трагедіи, а другая что же дѣлала? Нельзя ли привлечь ее на ампула «губернаторской дочки»? И вотъ создается сконпель-истоаръ.

Бѣдный поэтъ! И до сихъ поръ свѣтскія сплетни не перестаютъ позорить его честное имя!

А. Кирпичниковъ.

**Письмо князя Алексѣя Горчакова—къ генералу-отъ-инфантеріи
С. К. Вязмитинову о встрѣчѣ С.-Петербургскаго ополченія.**

1-го іюня 1814 г. № 3204.

По случаю возвращенія здѣшняго ополченія въ С.-Петербургъ, которое прибудетъ въ Стрѣльну 10-го, а сюда 11-го или 12-го сего іюня (о чемъ я буду имѣть честь особенно увѣдомить ваше высокопревосходительство), долгомъ поставляю сообщить вамъ, милостивый государь, что я полагаю встрѣтить оное съ тою же почестію, съ каковою благоугодно было государю императору отправить сіе ополченіе въ 1812 году противу враговъ Россіи. Таковую встрѣчу сдѣлаю у Нарвской заставы и провожу ополченіе до Исакиевской площади, на которой всемилостивѣйшій государь соблаговолилъ вручить то знамя, съ коимъ оно столь храбро защищало наше отечество. По прибытіи на Исакиевскую площадь, я полагаю весьма приличнымъ встрѣчену быть—духовенствомъ и принести Богу благодареніе за вся благая, изліянная на любезное наше отечество, и за блистательные успѣхи побѣдоноснаго руссійскаго воинства, въ коихъ и сіи возвращающіеся со славою войны столь отлично соучаствовали; о чемъ для учиненія зависящаго распоряженія со стороны духовенства, отнесся я вмѣстѣ съ симъ къ г. тайному совѣтнику князю Голицыну.

Что же принадлежитъ до знамя, дарованнаго С.-Петербургскому ополченію, то оно будетъ храниться въ здѣшнемъ арсеналѣ въ особо приготовленномъ для того мѣстѣ и съ приличною надписью.

Ожидая на сіе мое предположеніе мнѣнія вашего, милостивый государь, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

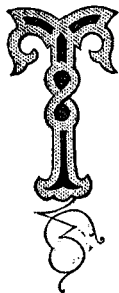
Россія и папекій престолю¹⁾.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конецъ династїи.

I.

Наслѣдіе Іоанна IV.—Плодовитая династія.—„Большое гнѣздо“.—Василій III, мучимый желаніемъ сдѣлаться отцомъ.—Поэтическія его жалобы.—Разводъ и анти-каноническій бракъ.—Рожденіе Іоанна IV.—Семейные подвиги Іоанна Грознаго.—Заключеніе князя Андрея въ темницу.—Князь Владиміръ во время взятія Казани.—Серьезная болѣзнь Іоанна IV.—Подозрѣніе, павшее на Владиміра.—Враждебныя мѣры.—Торжественный прїемъ Владиміра въ Костромѣ.—Отравленіе Владиміра и его семейства.—Кончина Іоанна IV.

Тяжело было наслѣдіе Іоанна Грознаго; слабымъ рукамъ Теодора было не снести его. Юный царь не имѣлъ мрачнаго характера своего отца. Онъ скорѣе могъ ступешиваться, нежели проявлять суровый и утонченный деспотизмъ. Даже Борисъ Годуновъ, честолюбивый выскочка, то грубый, то надменный, не могъ въ концѣ концовъ справиться съ тогдашнимъ положеніемъ. Россія, жестоко обманутая, видѣвшая со всѣхъ сторонъ измѣну, разоренная и ограбленная, преданная иностранцамъ, потрясенная внутренними смутами, избѣжала окончательной гибели только благодаря пробудившейся въ ней внезапно мстительной народной совѣсти.

¹⁾ Le P. Pierling, S. J. La Russie et le Saint Siècle. Etudes diplomatiques. III. Paris. Librairie Plon. 1901 г. П. Пирлингъ, какъ историкъ, знакомъ читателямъ „Русской Старины“ по статьямъ его, неоднократно помѣщаемымъ въ

Начало этих бѣдствій и тайныя причины, ихъ вызвавшія, кроются въ той роковой эпохѣ, когда свирѣпствовала опричина и даже въ болѣе отдаленныхъ временахъ. Великій князь московскій давно уже походилъ на византійскаго базилевса ¹⁾, потомки удѣльныхъ князей занимали мѣста его слугъ, дворянство, обязанное своимъ положеніемъ случаю, соперничало съ боярами княжескаго происхожденія. Такое уравненіе сословій отразилось на вотчинномъ землевладѣніи, когда новымъ представителямъ власти были пожалованы помѣстья и они обогатились на счетъ прежнихъ поземельныхъ собственниковъ. Іоаннъ IV возвелъ въ политическую систему лишать мѣсть тѣхъ, кто внушалъ ему подозрѣніе, и отдавать ихъ помѣстья людямъ, обязаннымъ платить ленную подать. Отъ этого страдало все населеніе, какъ знатные бояре, такъ и мелкопомѣстные люди, за исключеніемъ небольшого числа счастливыхъ. Въ то время какъ были потрясены такимъ образомъ всѣ права и интересы, вызвана ожесточенная борьба, соперничество и месть, въ странѣ медленно, но вѣрно подготавливался огромный переворотъ. Онъ разразился въ то время, когда раса гигантовъ, создавшихъ величіе московскаго государства, зачахла и вымерла.

Плодовитая династія Рюрика, казалось, должна была пережить вѣка: ей было тѣсно въ первоначальныхъ границахъ Россіи. Великій князь Владиміръ, желая дать удѣлъ каждому изъ своихъ сыновей, не задумался раздробить свои владѣнія. Едва лишь прежнее единство было до нѣкоторой степени возстановлено Ярославомъ Мудрымъ, какъ русская земля была снова раздѣлена между наслѣдниками, стремившимися упрочить свою самостоятельность.

Такого рода княжеская анархія продолжалась до конца пятнадцатаго вѣка. Россія, свободная и независимая или поработенная татарскимъ игомъ, одинаково раздроблялась послѣ смерти каждаго князя, и эти отдѣльныя части государства соединялись иногда, смотря по обстоятельствамъ, въ одно цѣлое, но затѣмъ снова распадалась. При этихъ условіяхъ, разумѣется, были неизбѣжны семейныя распри, враждебныя набѣги, вооруженныя столкновенія, вызванныя жаждою мести, и внутреннія междоусобія. Честолюбивые князья и ослушники погибали во время этой борьбы, а за нихъ начинали мстить болѣе или менѣе дальніе ихъ родственники и наслѣдники. Воинственный и предпримчивый духъ той эпохи не могъ бы примириться съ теоріей Мальгуса, ибо хотя періодическій раздѣлъ земли имѣлъ свои неудобства, но большое число

нашемъ журналѣ. Отличаясь точностью изслѣдованія и необыкновенною живостью разказа, онъ издалъ нынѣ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, свое въ высшей степени интересное изслѣдованіе о Димитріѣ Самозванцѣ, которое мы и предлагаемъ вниманію читателей. Ред.

¹⁾ Царя.

лицъ, участвовавшихъ въ этомъ раздѣлѣ, благопріятствовало, въ свою очередь, расширенію границъ государства, и единство династіи усиливало единство рода въ государствѣ, которое только-что соиздалось и было въ высшей степени склонно къ колонизаціи. За то русскіе князья ревниво оберегали свое потомство, и прозвище «Большое гнѣздо», данное одному изъ нихъ, не пугало ихъ.

Тѣмъ не менѣе, въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, жизне-способность московскихъ князей, повидимому, изсякла. Въ то время на великокняжескомъ престолѣ воссѣдалъ Василій III. Текшая въ его жилахъ кровь византійскихъ императоровъ (онъ былъ сыномъ Софіи Палеологъ), смѣшанная съ русской кровью Сабуровой, не оправдала самыхъ скромныхъ ожиданій: по прошествіи двадцати лѣтъ брачной жизни, у него еще не было дѣтей. Передать власть братьямъ, которыхъ онъ считалъ неспособными царствовать и которыми, дѣйствительно, не имѣлъ причинъ быть довольнымъ, не входило въ намѣренія Василя. Требования политики и чувства говорили ему, что только сынъ могъ быть достоинъ наследовать его власть. Поэтому онъ страстно желалъ сдѣлаться отцомъ, его неотступно преслѣдовала эта мысль, и онъ озаботился принять къ тому соотвѣтственныя мѣры. Прежде всего было начато оффиціальное слѣдствіе по поводу неплодія бѣдной княгини: оно не привело ни къ чему и доставило только случай убѣдиться въ безсиліи лѣкарственныхъ снадобій и наговоровъ, которые почитались въ Москвѣ всеисцѣляющимъ средствомъ отъ всѣхъ недуговъ ⁴⁾. Не трудно было предвидѣть суровую развязку. Лѣтописцы, въ позднѣйшихъ разсказахъ объ этомъ событіи, напрасно старались придать ему нѣкоторый поэтический оттѣнокъ. Великій князь, говорили они, выражалъ свое горе въ образныхъ жалобахъ и бросалъ завистливые взгляды на птицъ, сидѣвшихъ въ гнѣздахъ и на рыбъ, плававшихъ въ глубинѣ воды.

— Я слышу,—будто бы говорилъ онъ,—вокругъ меня трепетаніе жизни; все волнуется, трепещетъ и цвѣтетъ. Почему же я одинъ лишень отеческихъ радостей?

Коварный вопросъ, на который царедворцы, не особенно заботившіеся о сохраненіи супружеской вѣрности, отвѣчали, будто бы, слѣдующимъ поучительнымъ нравоученіемъ:

— Бесплодное растеніе должно быть вырвано съ корнемъ и замѣнено другимъ, приносящимъ цвѣты и плоды.

Не трудно было понять смыслъ этого изреченія и, если съ одной стороны этотъ урокъ дѣйствительно былъ данъ, то съ другой онъ былъ прекрасно понятъ ⁵⁾. Остальное извѣстно: разводъ съ Саломоніей Са-

⁴⁾ Истор. акты, т. I, стр. 192, № 130.

⁵⁾ Полн. Собр. т. IV, стр. 295. Жалобы, приписываемыя Василю, встрѣчаются въ апокрифическихъ сочиненіяхъ.

буровой, ея насильственное заточеніе въ монастырь и бракъ Василія съ княжною Еленою Глинскою, заключенный противно правиламъ православной церкви. На этотъ разъ страстное желаніе князя-двоеженца исполнилось; въ 1530 г. у него родился сынъ Іоаннъ IV ¹⁾).

Правда, вновь родившійся «порфирородный» младенецъ, помимо всякихъ юридическихъ фикцій, не могъ считаться ни законнымъ наследникомъ престола, ни истиннымъ потомкомъ Рюрика. Незаконнорожденный ребенокъ, появившійся на свѣтъ при жизни первой жены, онъ былъ вдвойнѣ заклеименъ во мнѣніи народа. Поэтому это вопиющее нарушение закона постарались загладить, насколько возможно освятивъ его одобреніемъ духовной власти и благословеніемъ церкви: къ великому соблазну неподкупныхъ Вассіана и Максима Грека, митрополитъ Данииль, уступая настойчивымъ требованіямъ великаго князя, одобрилъ разводъ и торжественно благословилъ святотатственный бракъ. Этого было достаточно въ глазахъ толпы, вообще довольно снисходительной. Сами бояре, болѣе или менѣе ослѣпленные, преклонились передъ совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ незаконнорожденный сынъ Василія пользовался почестями и правами, присвоенными законнымъ княжескимъ сыновьямъ, которые никто впрочемъ у него не оспаривалъ, и династія считалась не прекратившейся.

Исторія Іоанна IV и его отношеній къ Риму извѣстна. Памятны разорительныя войны, которыя онъ велъ съ королемъ польскимъ, Стефаномъ Баторіемъ, предложенія, сдѣланныя имъ Григорію XIII, которыя привели къ посредничеству папы между воюющими сторонами и къ богословскому спору съ Антоніемъ Поссевиномъ ²⁾). Грозный царь представляется тутъ съ совершенно новой стороны: онъ сталъ палачемъ своихъ ближайшихъ родственниковъ; его кровожадныя наклонности ускорили гибель его рода; мы коснемся здѣсь его семейныхъ подвиговъ.

Терзаемый опасеніемъ, что скипетръ выскользнетъ изъ его рукъ, онъ считалъ себя окруженнымъ соперниками и предателями. Во время печальной памяти опричины, его подозрительность и недовѣрчивость еще болѣе возросли и побуждали его прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Болѣе всего ему внушала подозрѣній его двоюродный братъ Владиміръ, сынъ Андрея Ивановича. Послѣ долгихъ колебаній, Іоаннъ направилъ первый ударъ противъ него.

Во время регентства Елены, матери Іоанна IV, князь Андрей былъ съ нею постоянно не въ ладахъ. Его подозрѣвали въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ, и ему пришлось поплатиться за это темницею и кандалами.

¹⁾ Полн. Собр. т. I, стр. 314. Второй сынъ Василія былъ идіотъ. Онъ не игралъ никакой роли въ исторіи, и мы о немъ не будемъ болѣе упоминать.

²⁾ Полн. Собр., т. II, кн. I.

Его сынъ Владиміръ раздѣлялъ съ нимъ заточеніе, продолжавшееся впрочемъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Высшее духовенство и бояре ходатайствовали за узниковъ, и они были освобождены къ Рождеству 1541 г. Всѣ эти прискорбныя событія были преданы забвенію, и Владиміръ наслаждался со временемъ отцу, получивъ Старицкій удѣлъ, и принималъ участіе въ завоеваніи Казани.

Это татарское царство, расположенное на берегахъ Волги и Камы, мѣшало расширенію московскаго княжества и преграждало москвитамъ путь въ Азію. Кремль поклялся погубить этотъ центръ мусульманства и сдержалъ слово въ 1552 году. Воодушевленные ненавистью и отчаяніемъ, татары защищались до послѣдней капли крови; городъ былъ взятъ приступомъ послѣ продолжительной осады и страшной рѣзни. Побѣда надъ ненавистными бусурманами произвела огромное впечатлѣніе въ странѣ; народъ восторгался ею и разукрасилъ ее фантастическими подробностями. Однимъ изъ героевъ этой осады былъ князь Владиміръ; его имя прославлялось войскомъ, его достоинства заслужили ему любовь народа. Этого было достаточно, чтобы возбудить опасенія крайне подозрительнаго Іоанна, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій годъ герой выступилъ въ качествѣ соискателя престола.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого славнаго похода, царя Іоанна постигъ одинъ изъ тѣхъ тяжкихъ недуговъ, которые вселяли въ окружающихъ страхъ и приводили въ недоумѣніе и замѣшательство врачебную науку шестнадцатаго вѣка. Недугъ называли, довольно произвольно, огневой болѣзнію. Быть можетъ, это былъ родъ злокачественной лихорадки, которая, поразивъ сильный организмъ, проявлялась какъ самая жестокая болѣзнь. Какъ бы то ни было, Іоаннъ былъ при смерти. Тревожные симптомы предвѣщали скорую кончину, и у его изголовья появились соискатели его власти, не обращавшіе вниманія на его страданія и не могшіе дождаться, чтобы вѣнецъ спалъ съ его главы.

Положеніе было затруднительное. У царя не было сына въ такомъ возрастѣ, чтобы онъ могъ бы тотчасъ вступить на престолъ; наслѣдникъ престола былъ младенецъ, не вышедшій еще изъ колыбели ¹⁾. И умирающій царь никому другому, какъ ему, не хотѣлъ оставить престолъ. Но возможность вступленія на престолъ несовершеннолѣтняго царя должна была преисполнить ужасомъ всѣхъ тѣхъ, которые помнили еще управленіе Елены Глинской, были свидѣтелями злоупотребленія властью и дорожили своимъ собственнымъ достоинствомъ. Матерью малолѣтняго

---

¹⁾ Этотъ ребенокъ, названный Димитріемъ, утонулъ въ томъ же году въ Бѣломъ озерѣ. Его имя было дано другому сыну Іоанну, о которомъ мы будемъ говорить далѣе.

наслѣдника престола была Анастасія Романова, ей надлежало управлять государствомъ, во время малолѣтства сына; не трудно было предвидѣть, какую выдающуюся роль играла бы ея родня.

Романовы, надобно замѣтить, были знатнаго происхожденія, имѣли блестящія родственныя связи, были умны и дѣятельны; они занимали высшія должности, но не принадлежали къ цвѣту стариннаго дворянства; они были скорѣе представителями тѣхъ лицъ, которыя попали въ аристократію благодаря случаю и своимъ личнымъ заслугамъ. Гордые потомки Рюрика не хотѣли преклониться передъ потомками Кошки и Кобылы, опасаясь снова подпасть олигархіи бояръ. Они опирались въ данномъ случаѣ на древнее обычное право, которое отдавало преимущество дядямъ передъ племянниками и предоставляла право наслѣдства не ближайшему потомку, но старшему въ родѣ по боковой и восходящей линіи. Князь Владиміръ могъ воспользоваться этими юридическими правами и становился такимъ образомъ въ силу событій естественнымъ главою оппозиціи.

Завязавшаяся немедленно борьба достигла высшаго напряженія, когда царь потребовалъ, чтобы была принесена присяга его сыну. Дѣло приняло не шуточный оборотъ, и если нѣкоторые покорились безропотно, за то нашлись и такіе, которые отказались отъ присяги, не скрывая даже причины своего отказа. Безупречная репутація Анастасіи не давала повода къ подозрѣніямъ, но, говорили ослушники, мы не желаемъ подчиняться Романовымъ; къ тому же пусть лучше государствомъ управляетъ взрослый человѣкъ, нежели ребенокъ. Поступки Владиміра подкрѣпляли эти слова; онъ не оставался бездѣятельнымъ, а, напротивъ, совѣщался со своей матерью, окружилъ себя приверженцами и, какъ говорятъ, не жалѣлъ денегъ.

Кризисъ продолжался два томительныхъ дня. Приходя въ себя, умирающій царь имѣлъ только силы заклинать преданныхъ ему бояръ, чтобы они наблюдали за его сыномъ, и сохранили ему престолъ, хотя бы имъ пришлось заплатить за это ссылкой. Что касается упорствующихъ, то, не имѣя возможности заставить ихъ повиноваться, онъ грозилъ имъ судомъ Божіимъ; впрочемъ, можно предполагать, что около постели умирающаго происходили какіе-то переговоры, тайну которыхъ мы не можемъ проникнуть, такъ какъ самые упорные уступили наконецъ и цѣловали крестъ сыну Іоанна. Самъ Владиміръ не могъ противиться общему рѣшенію. Лично заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, онъ прибѣгнулъ сначала къ нѣкоторымъ уловкамъ, но затѣмъ, добровольно или уступая силѣ, подписалъ тяжелое для него обязательство.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда умирающій почувствовалъ себя внезапно лучше. Реакція произошла столь же быстро, какъ силенъ былъ недугъ. Тѣ, кои рассчитывали на смерть царя, очутились лицомъ

къ лицу съ безошаднымъ мстителемъ. Смутный призракъ сына, лишеннаго престола, и партіи бояръ, жаждавшихъ его гибели, навсегда запечатлѣлся въ глазахъ Іоанна, и онъ счелъ нужнымъ окружить себя мѣрами предосторожности.

Вначалѣ онъ потребовалъ отъ Владиміра въ видѣ удовлетворенія за прошлое только вѣрноподданнической грамоты, надлежащимъ образомъ подписанной съ приложеніемъ къ ней печати. При рожденіи втораго сына, въ 1554 г., онъ удвоилъ бдительность; внушавшій ему подозрѣніе, двоюродный братъ долженъ былъ обязаться подпискою не выѣзжать изъ Москвы, ограничить число своихъ слугъ, выдавать измѣнниковъ, хотя бы то оказалась его родная мать Ефросинія ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ ничтожный случай, по всѣмъ признакамъ походившій на предумышленное предпріятіе, вызвалъ новыя строгости. Владиміръ заключилъ въ тюрьму одного изъ своихъ слугъ. Послѣдній смѣло обратился къ царю, прося у него защиты и обѣщая открыть незаконные поступки своего господина. Въ Москвѣ, подобные доносы были обычнымъ дѣломъ, и Іоаннъ былъ мастеръ обставлять ихъ какъ слѣдуетъ. При помощи усиленныхъ слѣдствій и розысковъ открыли то, что хотѣли во что бы то ни стало найти; Владиміръ былъ обвиненъ. Царь созвалъ высшее духовенство, изложилъ ему свои жалобы противъ двоюроднаго брата, сердился, грозилъ, но все-таки умилился и рѣшилъ не прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. Но онъ окружилъ обвиняемаго новыми слугами, или, лучше сказать, шпионами, которые должны были слѣдовать за нимъ по пятамъ; промѣнялъ его наслѣдственные удѣлы на другіе и заточилъ его въ стѣнахъ Кремля, давъ себѣ слово зорко слѣдить за нимъ. Это происходило въ 1563 году; роковая развязка была отложена на шесть лѣтъ.

Грозная опричина свирѣпствовала въ то время со всей силою, Москва была объята ужасомъ, кровь невинныхъ жертвъ текла ручьями, и знатнѣйшіе граждане подверглись наибольшей опасности. Безчувственный и неумолимый, царь не отступалъ передъ самыми гнусными убійствами, которыя служили дѣлямъ его политики и удовлетворяли его дикіе инстинкты. Князь Владиміръ былъ слишкомъ на виду, слишкомъ близокъ къ престолу и слишкомъ достоинъ уваженія, и поэтому на него былъ направленъ ударъ. Восторженный пріемъ, оказанный ему въ Костромѣ, ускорило его паденіе. На границѣ появились татары. Владиміръ собирался стать во главѣ войска и отразить татаръ; жители Костромы встрѣтили съ восторгомъ того, кто хотѣлъ освободить ихъ отъ этого бича. Царь тотчасъ воспользовался этимъ ничтожнымъ предлогомъ. Именитые граждане Костромы были вызваны въ Москву, не для того,

¹⁾ Собр. гос. грам., т. 1, стр. 460 и сл. № 167—169.

чтобы быть преданными суду, а для того, чтобы быть казненными. Что касается Владиміра, то онъ получилъ милостивое приглашеніе отправиться со всей семьей въ Слободу, въ мрачный дворецъ, гдѣ происходили оргіи и рѣзня: это была западня.

Съ этого момента къ исторіи примѣшивается легенда. Одни утверждаютъ, будто Владиміръ упредилъ царя и снабдилъ его повара ядомъ и деньгами; другіе видятъ въ этомъ коварную хитрость Іоанна, сдѣланную съ цѣлью обвинить своего двоюроднаго брата и имѣть предлогъ мстить ему. Вслѣдствіе этого Владиміру, его женѣ и двумъ сыновьямъ былъ поднесенъ по очереди отравленный напитокъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ четыре жертвы погибли насильственной смертью. Были пощажены только двѣ маленькія дочки несчастнаго князя.

Кровь опьяняла царя. На другой день послѣ этого убійства, жертвою его мстительной злобы сдѣлалась мать Владиміра. Ефросинія дѣйствовала нѣкогда заодно съ сыномъ и раздѣляла съ нимъ превратности судьбы, но она давно уже оставила свѣтъ и жила въ монастырѣ. Монастырскія стѣны не укрыли ее отъ подозрѣнія и не избавили отъ тяжелой смерти; не разбирая, была ли она виновна или нѣтъ, Іоаннъ приказалъ бросить ее въ воду. Шексна поглотила трупъ княгини, единственнымъ преступленіемъ которой было то, что она произвела на свѣтъ опальнаго.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько дней трагически покончила свое существованіе побочная линія древняго Рюрикава рода. Тотъ, кто съ такимъ ожесточеніемъ старался уничтожить ее, былъ также потомкомъ этого рода. Какое роковое стеченіе обстоятельствъ побуждало его къ этому насилію? Былъ ли онъ жертвою своей собственной прихоти? или же онъ вооружался противъ своихъ родичей, повинувшись только неумолимому разсчету? Царь Іоаннъ всегда увлекался династической идеей, онъ хвастался знатностью своего рода и совершенно серьезно считалъ въ числѣ своихъ предковъ императора Августа; ничто не могло сравняться съ его высококомѣрнымъ презрѣніемъ къ такимъ выскочкамъ, какимъ былъ Стефанъ Ваторій. Но корону, полученную имъ отъ Бога, а не отъ людей, какъ вещь священную, онъ хотѣлъ передать ни кому другому, какъ своимъ прямымъ потомкамъ. Всякій иной соискатель, хотя бы родственникъ ему по праву, былъ въ его глазахъ самозванцемъ, и онъ не задумываясь готовъ былъ принести его въ жертву своей въ высокой степени эгоистической политикѣ.

Обуреваемый дикими страстями, этотъ человѣкъ, такъ много заботившійся о будущемъ, страстно любившій власть, такъ плохо владѣлъ иногда собою и предавался такому безумному гнѣву, что совершенно забывалъ при этомъ и свою гордость и свое знатное происхожденіе. Въ

1581 г. въ припадкѣ бѣшенства онъ поднялъ преступную руку на сына, ударилъ его своимъ посохомъ, и юный царевичъ палъ мертвый къ его ногамъ. Какъ извѣстно, въ это время прибылъ въ Москву Посевинъ, гдѣ онъ и слышалъ подробный разсказъ объ этомъ печальномъ событіи ⁴⁾. По уму и лѣтамъ только старшій сынъ Іоанна могъ наследовать отцу. Послѣ его смерти у Іоанна Грознаго осталось всего два сына, изъ коихъ одинъ былъ слабоумный, а второй несовершеннолѣтній. По праву старшинства, на престолъ вступилъ слабоумный.

II.

Призрачный царь.—Министръ слабого царя.—Тайны Кремля.—Мстиславскій, первая жертва.—Заговоръ Шуйскихъ.—Проектъ развода.—Слѣдствіе и государственная измѣна.—Опала и ссылка Шуйскихъ.—Предосторожность, принятая Годуновымъ.—Марія Владиміровна.—Смерть Димитрія и царя Феодора.—Предчувствія.—Флетчеръ и Дона.—Борисъ Годуновъ, его титулы и богатство.—Онъ достигаетъ власти.—Молитва, по его приказанію сочиненная.—Семейство Романовыхъ.—Ихъ опала.—Пристрастный процессъ.—Ссылка Романовыхъ.—Родоначальникъ династіи

Слабоумный юноша, вершавшій судьбы московскаго государства, былъ лишь призракомъ царя. Онъ только носилъ это имя, а настоящая власть была въ рукахъ его зятя, Бориса Годунова. Этотъ бывшій опричникъ, едва умѣвшій читать и писать, обладалъ способностями государственнаго человѣка и изворотливостью татарина. Первый министр новаго царя, тяготившагося малѣйшимъ трудомъ, Годуновъ старательно оберегалъ престолъ и при кончинѣ Феодора ему стоило только протянуть руку, чтобы надѣтъ на свою голову корону, какъ бы предназначенную именно для него. Странная судьба! Этотъ выскочка, такъ страстно желавшій упрочить престолъ за своимъ сыномъ, только подготовилъ почву для соперника! Къ этому привели мало по малу интриги и борьба, о которыхъ намъ придется здѣсь говорить.

Кремль шестнадцатаго вѣка не открылъ потомству тайну волновавшихъ его мрачныхъ событій. Слѣды крови свидѣтельствуютъ о томъ, какъ жестоки были происходившіе въ немъ раздоры; но подробности этихъ событій нерѣдко ускользаютъ отъ нашихъ взоровъ. Для того, чтобы удержаться на высотѣ своего величія, Годуновъ роковымъ образомъ былъ вынужденъ слѣдовать политикѣ Грознаго царя, конечно не подражая порывамъ его дикой жестокости и безчеловѣчія. Флетчеръ, агентъ королевы Елисаветы, замѣтилъ весьма основательно, что Іоаннъ IV

⁴⁾ Собр. гос. грам. т. II, стр. 160.

особенно ожесточался противъ «представителей дворянства», потомковъ удѣльныхъ князей ¹⁾). Въ ихъ семьяхъ жили традиціи прежней свободы, и они имѣли извѣстныя права на престоль. По мнѣнію Іоанна, ихъ униженіе или даже ихъ истребленіе упрочивало самодержавіе, становя царя выше всѣхъ остальныхъ. Для достиженія этой цѣли онъ жертвовалъ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ. Борисъ Годуновъ сливался въ едино съ личностью молодаго царя; ему чуялись враги во всѣхъ знатныхъ боярахъ, которые такъ гордились своимъ происхожденіемъ, своими правами и пережили всѣ бывшія бури. Впрочемъ, борьба приняла нѣсколько иной характеръ, такъ какъ никто не былъ озлобленъ противъ Θεодора; ненависть и злоба обрушивались противъ того, кто царствовалъ на его мѣстѣ: Годунову приходилось отстаивать свою власть, и онъ былъ всегда готовъ преслѣдовать своихъ противниковъ.

Одною изъ первыхъ жертвъ новаго порядка вещей былъ престарѣлый князь Иванъ Мстиславскій. Славный своимъ происхожденіемъ, онъ занималъ высокія должности, и самъ Іоаннъ IV постоянно оказывалъ ему уваженіе. Его опала была только предвѣстницей новыхъ бѣдъ. Гораздо важнѣе было другое дѣло, имѣвшее громкую огласку и въ которомъ были замѣшаны князья Шуйскіе.

Борьба завязалась на почвѣ интригъ и козней. Помимо личныхъ достоинствъ, Борисъ Годуновъ былъ въ значительной степени обязанъ своимъ вліяніемъ своей сестрѣ Иринѣ, супругѣ Θεодора. Имѣла ли она значеніе при дворѣ или нѣтъ, для насъ не важно; но царь питалъ къ ней нѣжную привязанность, и Борисъ умѣлъ пользоваться этой любовью. Тихое счастье царственной четы омрачалось только отсутствіемъ потомства. Впрочемъ, надежда не покидала ихъ, они вооружились терпѣніемъ; но въ то время, какъ королева Елисавета посылала имъ изъ Лондона врачей и бабокъ ²⁾), враги Бориса мечтали о разводѣ, о новомъ бракѣ для Θεодора и о заточеніи Ирины въ монастырь. Планъ былъ составленъ такого рода: они хотѣли взбунтовать чернь и всенародно «бить челомъ», подать царю челобитную и умолять его пожертвовать домашнимъ счастіемъ для блага народа. Его дѣдъ, Василій, развелся же со своей первой женою и вступилъ въ новый бракъ, почему же Θεодору было не послѣдовать его примѣру? Будущности страны грозила опасность. Затаенная мысль этихъ сторонниковъ развода была ясна: опала Ирины повлекла бы за собой паденіе Бориса, и однимъ ударомъ была бы спасена династія и низверженъ всѣмъ мѣшавшій и внушавшій подозрѣніе выскочка ³⁾).

¹⁾ Бондъ (Bond), стр. 34 и сл.

²⁾ Толстой Юрій, стр. 284, № 59.

³⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 8, 9.—Поповъ. Изборникъ, стр. 187.—Плато-

Самыми дѣятельными участниками этого заговора были, повидимому, князья Шуйскіе. Бывшіе Суздальскіе удѣльные князья, они были одного происхожденія съ царствовавшей династіей и затмевали Годунова знатностью своего рода. Права ихъ семейства на престолъ были извѣстны даже внѣ предѣловъ Россіи; о нихъ заявилъ впослѣдствіи всенародно канцлеръ польскаго королевства.

— За неимѣніемъ прямаго потомства,—сказалъ Замойскій на сеймѣ 1605 г.,—Шуйскіе имѣютъ болѣе всѣхъ правъ на московскій престолъ.

Помимо знатности рода ихъ права усугублялись заслугами, оказанными Россіи, огромнымъ богатствомъ и обширными вотчинами, коими они владѣли. Весьма естественно, они имѣли обширныя связи; у нихъ были близкіе люди во всѣхъ слояхъ населенія, начиная съ высшихъ и кончая самыми низшими. Поэтому они не одни злоумышляли противъ Бориса. Почти все населеніе Москвы, духовенство, бояре, купцы, простые горожане имѣли своихъ представителей въ рядахъ его противниковъ. Заговоръ назрѣвалъ медленно, число лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе постоянно увеличивалось, но вспыхнувшій мятежь, окончился полною неудачею. Заговорщики были обвинены въ «государственной измѣнѣ» и хотя это слово не имѣло въ то время того значенія, какое ему придаютъ въ настоящее время, но начатое слѣдствіе велось съ чрезвычайной строгостью.

Вся тяжесть обвиненія пала на Шуйскихъ. Ихъ преслѣдовали и выслѣживали вмѣстѣ съ ихъ родственниками, слугами и друзьями. Уголовные законы въ ту эпоху были жестоки, слѣдствіе велось произвольно, но судъ указалъ социальную іерархію: пытка и кандалы не касались бояръ, а примѣнялись только къ подсудимымъ болѣе низкаго происхожденія. Но за то судопроизводство, допросы, показанія, кто бы ихъ ни давалъ, были покрыты непроницаемой тайною; Кремлевскія темницы соперничали безмолвіемъ съ подземными темницами Венеціи. Осужденіе обвиненныхъ произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Шуйскіе были арестованы; даже исковскій герой, счастливый соперникъ Баторія, непобѣдимый князь Иванъ Петровичъ долженъ былъ отправиться въ ссылку; князь Андрей Ивановичъ раздѣлилъ его печальную участь. Достоверны или нѣтъ свѣдѣнія, сообщаемыя лѣтописцами, но они утверждаютъ, что, тотчасъ по прибытіи къ мѣсту назначенія, они были оба умерщвлены. Прочіе члены ихъ семьи, нѣкоторые бояре, считавшіеся ихъ соумышленниками, также были изгнаны изъ Москвы и лишались своихъ помѣстій. Не былъ пощаженъ даже митрополитъ Денисъ. Болѣе

новъ, очерки, стр. 200. Одинъ пунктъ лѣтописи остается невыясненнымъ. Заговоръ противъ Бориса существовалъ несомнѣнно, но неизвѣстно, былъ ли онъ вызванъ разводомъ.

искусившійся въ грамматикѣ, нежели въ политикѣ, онъ былъ сосланъ въ одинъ изъ монастырей Новгородской губерніи. Самыя суровыя наказанія по обыкновенію выпали на долю наименѣ виновныхъ лицъ болѣе низкаго происхожденія: имъ приходилось искупить свою вину за то, что они были обдѣлены судьбою. Шести или семи горожанамъ были отрублены головы, и многіе были заключены въ тюрьму. Партія Шуйскихъ была разсѣяна и сломлена, ей трудно было бы вновь сплотиться. Эта жестокая расправа заставила Годунова опасаться, чтобы она не омрачила славы Θεодора; народъ могъ подумать, что на московскомъ престолѣ возсѣлъ второй Іоаннъ Грозный. Чтобы загладить это впечатлѣніе, онъ постарался искусно настроить посланниковъ, отъѣзжавшихъ въ Польшу: научилъ ихъ превозносить царя, его милосердіе и очернить Шуйскихъ, виновныхъ въ томъ, что они составили заговоръ вмѣстѣ съ «мужиками». Ссылка и казни были наказаніями вполнѣ заслуженными.

Это происходило въ 1587 г. Борьба, которую Годуновъ вель со своими противниками, не мѣшала ему бросать тревожный взоръ вдаль. Въ Рижской крѣпости жила въ безвѣстности молодая вдова, никого не тревожа и не внушая никому опасеній. Она была связана узами крови съ домомъ Рюрика; честолюбцы могли воспользоваться ея именемъ, и этого было достаточно, чтобы обратить на нее вниманіе Бориса ⁴⁾. Эта затворница была одна изъ сиротъ князя Владиміра, столь безжалостно убитаго въ Слободѣ. Странная игра случая привела ее на берега Двины; Іоаннъ IV неожиданно вспомнилъ о ней и провозгласилъ ее королевой призрѣннаго Ливонскаго королевства, созданнаго оффиціально якобы для Магнуса, а въ сущности для пользы русскихъ. Въ видѣ гарантій будущему корольку было поставлено условіемъ вступать въ бракъ съ одной изъ московскихъ княженъ, и ему была предложена въ супруги Марія, дочь Владиміра. Хотя княжѣ едва минуло тринадцать лѣтъ, но это не могло помѣшать браку: по Стоглаву для вступленія въ бракъ достаточно было имѣть двѣнадцать лѣтъ. Такъ какъ датскій герцогъ былъ протестантъ, то богобоязненный Іоаннъ, во избѣжаніе соблазна, придумалъ своеобразный способъ бракосочетанія: православный священникъ служилъ у престола, а лютеранскій пасторъ у дверей церкви; бракосочетаніе совершилось, но алтарь не былъ открытъ для еретиковъ.

Начиная съ этого дня, Марія вынесла рядъ испытаній. Приданое доставило ей первое разочарованіе. Вмѣсто денегъ царь послалъ ей одни наряды и тряпки. Что касается Магнуса, то онъ никогда и нигдѣ не царствовалъ. Не признанный одними, не встрѣтивъ поддержки со

⁴⁾ Цвѣтаевъ, Марія Владиміровна.—Середонинъ, стр. 104. Бондъ, стр. 210 и сл.

стороны другихъ, преслѣдуемый всѣмъ и каждымъ, онъ потерялъ все свое состояніе и умеръ съ горя въ 1583 г., когда Ливонія, разоренная и опустошаемая всѣми, досталась наконецъ во владѣніе полякамъ. Стефанъ Баторій ассигновалъ вдовѣ Магнуса скромную пожизненную пенсію, которая спасла ее отъ нищеты.

При этихъ условіяхъ не трудно было представить ей возвращеніе въ Россію въ радужныхъ краскахъ. Великобританскій агентъ Горсей, пользовавшійся большимъ благоволеніемъ въ Кремлѣ, похваляется тѣмъ, что онъ уладилъ это дѣло, и придаетъ ему романическую окраску. Исполняя это порученіе по просьбѣ Годунова, онъ бесѣдовалъ откровенно съ Маріей, заставилъ ее пролить слезы и раздавалъ пригоршнями золото. Побѣгъ былъ такъ хорошо обставленъ, что всякое преслѣдованіе оказалось бесполезно.

Мы не встрѣчаемъ этихъ романическихъ подробностей въ официальномъ документѣ, написанномъ строго и просто, какъ сама истина. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1586 г., говорится въ этомъ документѣ, царь Θεодоръ увѣдомлялъ кардинала Радзивилла, исправлявшаго должность ливонскаго губернатора, что принцесса Марія желаетъ возвратиться на родину и, благодаря ходатайству за нее царя, она безпрепятственно возвратилась въ Москву. Предварительно, между заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами происходили тайные переговоры. За дочь князя Владимира хотѣли учредить бдительный надзоръ, ей были сдѣланы весьма соблазнительныя предложенія, на которыя она положилась. Но эти обманчивыя надежды вскорѣ разсѣялись: она только перемѣнила тюрьму и провела печально остатокъ своей жизни въ монастырѣ. Въ 1587 г. она лишилась единственной дочери и своего послѣдняго утѣшенія.

Въ послѣдующіе годы Москва была свидѣтельницей, какъ погибали одна за другой знатныя жертвы: ряды царствующаго дома рѣдѣли. Смерть дѣлала свое дѣло, она поражала въ извѣстную часть, по выбору, окруженная непроницаемой тайною. Такъ, въ 1591 г., послѣдній потомокъ Рюрика, Димитрій, младшій братъ Θεодора, скончался или, прятаясь отъ руки убійцы, исчезъ изъ Углича. Это событіе темное, но оно имѣло столь важное значеніе въ нашей исторіи, что намъ придется еще къ нему возвратиться.

Въ 1594 г. судьба ниспослала Кремлю тяжкій трауръ. Вопреки всѣмъ предсказаніямъ пессимистовъ, Ирина, послѣ нѣсколькихъ выкидышей, произвела на свѣтъ дочь, получившую въ св. крещеніи имя Θεодосіи. Этотъ «даръ Божій» долженъ былъ причинить ей болѣе горя, нежели радости, такъ какъ слабое созданіе радовало родителей не долго и вскорѣ перешло изъ колыбели въ могилу. Наконецъ, самъ Θεодоръ, слабое здоровье котораго предвѣщало преждевременную кончину, окончилъ въ 1598 г. свое земное существованіе. Съ нимъ угасъ великій родъ Рюри-

ка; московскій престоль сдѣлался вакантнымъ; въ исторіи наступала новая эра.

Въ это время въ народѣ носилось смутное предчувствіе надвигавшагося бѣдствія. Начетчики не предвѣщали ничего хорошаго въ будущемъ и увѣщевали народъ возносить горячія молитвы къ Богу. Что касается людей наблюдательныхъ, то они давно уже предвидѣли возможность прекращенія династїи и не заблуждались на счетъ той роли, которую сыграваетъ въ этомъ случаѣ Годуновъ ¹⁾.

Нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Москвѣ въ 1588 и 1589 г., было достаточно для Флетчера, чтобы вполнѣ уяснить себѣ всю опасность тогдашняго положенія. «Повидимому,—говорилъ онъ еще при жизни Θεодора и Димитрія,—нынѣ царствующая династїя вскорѣ угаснетъ». Смуты и раздоры, господствовавшіе въ странѣ и причину которыхъ онъ видѣлъ въ тираннїи Іоанна IV, заставляли его предполагать, что эти бѣдствія должны были разрѣшиться катастрофой, и онъ предсказывалъ въ будущемъ съ увѣренностью ясно-видящаго «пламя междоусобной войны». Бургграфъ Дона (Donna), тонкій дипломатъ, бывшій въ Москвѣ представителемъ Рудольфа II, повторялъ настойчиво въ своихъ донесенїяхъ, что Годуновъ управляетъ Россїей безконтрольно и добивается короны. Поэтому въ Вѣнѣ были убѣждены, что этотъ всемогущій бояринъ съумѣетъ при случаѣ захватить власть въ свои руки, или предоставить ее своему сыну, и въ виду этого ему заранѣе обѣщали дружескую поддержку и предлагали заключить союзъ противъ турокъ.

Надобно сказать, что обстоятельства замѣчательно благоприятствовали царскому зятю. Все то, что онъ дѣлалъ для того, чтобы занимать среди бояръ первое мѣсто, и каждый его поступокъ былъ лишнимъ шагомъ къ престолу, который онъ могъ занять въ тотъ моментъ, когда онъ сдѣлался бы вакантнымъ. Борисъ съумѣлъ окружить себя извѣстнымъ обаяніемъ и возвыситься мало-по-малу на такую высоту, которая была совершенно недостижима для другихъ. Онъ стоялъ несравненно выше всѣхъ прочихъ бояръ, хотя бы только въ силу пышныхъ титуловъ, какіе онъ носилъ. Бывшій опричникъ называлъ себя ближнимъ бояриномъ, слугою царя, воеводою, намѣстникомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, наконецъ правителемъ и всегда заботился о томъ, чтобы этимъ титуламъ придавали ихъ истинную цѣну и значеніе. Его положеніе въ Кремлѣ было вполнѣ исключительное: всѣ дѣла проходили черезъ его руки, и отъ него зависѣла раздача всѣхъ милостей. Онъ былъ, по словамъ Флетчера, «истиннымъ царемъ».

¹⁾ Бондъ, стр. 22, 34, 37.—Вѣна, Государственный Архивъ, Geheime Instruction (безъ точной даты); 1597, 1598, Донесенія Дона.—Платоновъ, Очерки, стр. 122, 205.

Онъ одинъ пользовался неслыханнѣмъ до тѣхъ поръ правомъ вести непосредственно переписку съ иностранными державами, съ крымскимъ ханомъ, съ императоромъ австрійскимъ и со всѣми прочими монархами, и какъ бы желая подчеркнуть тѣ особыя права, какими онъ пользовался, онъ окружилъ себя пышнымъ, почти царскимъ этикетомъ, держалъ на почтительномъ разстояніи своихъ бывшихъ сотоварищей и присвоивалъ себѣ всевозможныя отличія. Являясь къ нему, посланники легко могли задать себѣ вопросъ, не попали ли они на аудіенцію къ царю: они видѣли у него ту же вереницу бояръ, тотъ же этикетъ, ту же роскошь, тотъ же церемоніаль. Рѣчи, которыя держалъ Борисъ, довершали иллюзію; онъ дѣлалъ видъ, что можетъ вести переговоры съ монархами, какъ равный съ равными, и ему было лестно, что его слушаютъ. Его состояніе возрастало соразмѣрно съ тѣмъ, какъ увеличивалась его власть; онъ былъ самый богатый изъ бояръ и владѣлъ огромными помѣстьями. Борисъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы быть царемъ, надобно было только, чтобы его избралъ народъ. Онъ сѣмѣлъ добиться этого избранія, и восторженные крики сторонниковъ Годунова заглушили робкій голосъ его противниковъ.

Едва Борисъ Годуновъ достигъ престола, онъ, какъ истый ученикъ Іоанна IV, позаботился прежде всего о томъ, чтобы увеличить блескъ своей короны божественнымъ сіяніемъ. По его мнѣнію царь, подобно византійскимъ императорамъ, долженъ быть окруженъ сверхъестественнымъ блескомъ, и могущество его должно исходить отъ Бога. Чтобы придать себѣ этотъ ореолъ святости, онъ повелѣлъ сочинить молитву Пресвятой Троицѣ, которую народъ долженъ былъ читать «на трапезахъ и вечерахъ за чашами», за царя Бориса Ѳеодоровича «всея Россіи самодержца», Божьяго служъ великаго и благочестиваго и Богомъ избраннаго и Богомъ почтеннаго и превознесеннаго и Богомъ снабдимаго и на царскій престолъ возведеннаго и святымъ елеемъ помазаннаго и за его супругу, царицу Марію, за сына Ѳеодора, за дочь Ксенію и за всѣхъ членовъ его дома», чтобы они,—говорилось между прочимъ въ молитвѣ,—«на многія лѣта здравы были и счастливы и недругамъ своимъ страшны; чтобы всѣ великіе государи христіанскіе и басурманскіе приносили достойную честь его царскому величеству по его царскому великому чину и достоянію, чтобъ его царская рука высилася и имя его славилось отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до коней вселенныя надо всѣми недруги его къ чести и повышенію его царскаго величества имени, а къ преславнымъ его царствамъ къ прибавленію и расширенію, къ вѣчной славѣ и похвалѣ; чтобъ всѣ подъ небеснымъ свѣтомъ великіе государи христіанскіе и басурманскіе его царскаго величества послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, по его царской волѣ и повелѣнію, и отъ посѣченія бы меча его, отъ храбраго подвига, всѣ

страны басурманскія его царскаго величества имени трепетали съ боязнію и съ великимъ страхомъ и сѣтованіемъ».

«И просимъ у Господа Бога на насъ бы на рабѣхъ его отъ пучины премудраго своего разума и обычая мудраго и милостиваго права неоскудная рѣки милосердія изливались выше прежняго! А наипаче святая бы непорочная христіанская вѣра сіяла на вселеннѣй превыше всѣхъ, яже подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, тако же честь и слава его царскаго величества высилася превыше всѣхъ великихъ государствъ на вѣки вѣкомъ» ¹⁾).

Эти дифирамбы поражали умы, но не выражали, разумѣется, ничего особеннаго. Царствованіе Бориса было омрачено весьма странными событіями, которыя возбуждали его недовѣріе и доводили его до жестокости. Онъ чувствовалъ, что власть ускользала изъ его рукъ; неуловимые враги работали надъ его гибелью; не имѣя возможности обратиться до нихъ, онъ поражалъ предполагаемыхъ ихъ сообщниковъ. При этомъ не были пощажены даже его лучшіе друзья. Болѣе всего надѣлала шума опала Романовыхъ, которые изъ друзей Бориса сдѣлались въ одинъ день его непримиримыми врагами.

Въ современныхъ лѣтописяхъ сохранился разсказъ объ ихъ неожиданной опалѣ ²⁾. Ихъ гибель была втайнѣ рѣшена заранѣе; надобно было только найти для этого подходящій предлогъ. Въ подобныхъ случаяхъ прибѣгали обыкновенно къ содѣйствію слугъ, которые становились доносчиками на своихъ господъ. Эта тактика не вполнѣ удалась относительно Романовыхъ. Окружающіе были такъ преданы имъ, что даже пытка не заставила ихъ дать какія-нибудь показанія, которыя могли бы погубить ихъ. Удачнѣе подѣйствовалъ подкупъ: одинъ измѣнникъ предложилъ свои услуги. Дѣло, ему порученное, было не трудное: ему велѣно было только пронести въ подвалы дома Романовыхъ мѣшокъ и затѣмъ сдѣлать доносъ. Этого оказалось вполнѣ достаточно: оффиціальный міръ былъ чрезвычайно взволнованъ; когда означенный мѣшокъ былъ взятъ изъ подвала и содержимое его высыпано на столъ, то въ немъ оказались, разумѣется, «подозрительные» коренья: таинственныя снадобья, которыя Романовы прятали отъ всѣхъ, навлекали на нихъ самыя тяжкіе подозрѣнія.

Сквозь эти вздорные разсказы, къ которымъ въ то время относились вполнѣ серьезно, сама собою проглядываетъ правда. Процессъ, вчиненный въ 1601 г. противъ Романовыхъ и ихъ приверженцевъ, былъ, какъ сказали бы нынѣ, пристрастнымъ. Противъ нихъ не могло быть

¹⁾ Поновъ. Изборникъ, стр. 216.

²⁾ Русск. лѣт., т. VIII, стр. 41. — Агты Истор., т. II, стр. 34, № 38; стр. 64, № 54. Платоновъ., Очерки, стр. 243 и сл.

предъявлено никакихъ серьезныхъ уликъ, ихъ не могли обвинить ни въ какомъ преступленіи. Злоба Годунова противъ нихъ была чисто личная: Романовы, по своему положенію и связямъ, могли мечтать о престолѣ. Ихъ тайная оппозиція царю возбуждала недовѣріе, и ходившіе въ то время тревожные слухи о появленіи новаго претендента заставляли опасаться новаго заговора.

Исходъ процесса, разумѣется, былъ роковымъ для заподозрѣнныхъ. Они были приговорены къ ссылкѣ, и ихъ имущество было конфисковано. Во главѣ списка лицъ, которыя были осуждены къ изгнанію, стояло имя боярина Феодора Романова, будущаго патріарха Филарета. Онъ и его жена должны были постричься и были заточены въ монастырь. Ихъ шестилѣтній сынъ Михаилъ былъ разлученъ съ родителями и отданъ на воспитаніе родственникамъ, проживавшимъ въ Москвѣ. Этотъ малютка долженъ былъ сдѣлаться со временемъ родоначальникомъ новой династіи. Борисъ Годуновъ, лелѣявшій надежду вознести свое имя, не подозрѣвалъ, что вдали отъ свѣта росъ тотъ, кому было суждено сдѣлаться со временемъ избранникомъ народа и главою царствующаго дома.

Но до этого Россіи пришлось испытать не мало тревоженій. Предвѣстникомъ ихъ была драма, разыгравшаяся въ Угличѣ, о которой необходимо сказать нѣсколько подробнѣе.

III.

Драма разыгравшаяся въ Угличѣ въ 1591 г. — Неточныя свѣдѣнія и противорѣчія. — Рожденіе Димитрія и поселеніе его въ Угличѣ. — Кровавая сцена. — Толки и слухи. — Оффиціальное слѣдствіе. — Показаніе Михайлы Нагаго. — Противорѣчивое показаніе Василисы Волоховой. — Несообразности ея показанія. — Множество свидѣтелей. — Отъѣздъ слѣдственныхъ чиновъ. — Василій Шуйскій клятвопреступникъ. — «Дѣло» въ Кремлѣ. — Приговоръ патріарха Іова. — Заточеніе царицы Маріи въ монастырь. — Ссылка Нагихъ. — Страшное наказаніе угличскихъ горожанъ.

Въ отдаленномъ уголкѣ Россіи, въ покояхъ Углицкаго дворца, 15-го мая 1591 г. ⁴⁾ покончилъ свою жизнь ребенокъ. Кто былъ этотъ ребенокъ? царевичъ Димитрій, говорятъ одни, сынъ Іоанна IV, братъ Феодора, послѣдній представитель мужескаго пола дома Рюрика. Нѣтъ, возражаютъ другіе, ребенокъ, убитый въ этотъ день, былъ сыномъ

⁴⁾ Начиная отсюда и до конца главы всѣ даты приведены по старому стилю. Въ семнадцатомъ вѣкѣ старый календарь отставалъ отъ григоріанскаго календаря на десять дней.

какого-нибудь князька, попа, кого бы то ни было, ибо Димитрія навѣрно спасли отъ руки убійцы.

Доказано ли по крайней мѣрѣ, что этотъ ребенокъ,—былъ ли то Димитрій или кто-либо другой,—погибъ насильственной смертью? Зарѣзали ли его подкупленные убійцы или онъ самъ нанесъ себѣ смертельный ударъ въ припадкѣ падучей болѣзни? И та и другая версія этого противорѣчиваго разсказа подтверждается очевидцами: каждый изъ нихъ клянется, что онъ говоритъ правду, всѣ противорѣчатъ другъ другу и подтверждаютъ свои слова клятвою.

Чернильная война, вызванная этими странными свидѣтельскими показаніями, продолжается уже триста лѣтъ. Ей предшествовала болѣе короткая, но несравненно болѣе ожесточенная междоусобная война. Русскіе и поляки проливали потоками не чернила, а кровь, нападая на таинственнаго Димитрія, самое существованіе котораго вызывало сомнѣнія, или защищая его. Ставкой этой борьбы былъ престоль, котораго Димитрій требовалъ какъ своего наслѣдія и который Годуновъ не хотѣлъ отдать мошеннику или искателю приключеній. Кто былъ правъ, кто ошибался? Современники завѣщали исторіи одни гадательныя предположенія и обрывочныя свѣдѣнія, слабо похожія на истину; ихъ голоса, зачастую слишкомъ страстные, заглушаются бряпаніемъ оружія. Первое сомнѣніе зародилось надъ трупомъ ребенка, погибшаго въ Угличѣ. Съ кончиною этого ребенка, каково бы ни было его происхожденіе, началась злосчастная эпоха, извѣстная въ Россіи подъ именемъ Смутнаго времени. Поэтому на этомъ событіи слѣдуетъ остановиться.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: 19-го октября 1583 г. у Маріи Нагой, седьмой жены Іоанна IV, родился сынъ, названный Димитріемъ. Рожденіе ребенка состоялось при обстоятельствахъ, не предвѣщавшихъ ничего добраго: въ то время только-что окончились разорительныя войны съ Польшей; царь велъ въ Лондонѣ переговоры о новомъ бракѣ съ Маріей Гастингсъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Марія Нагая была не царской крови. Неожиданная кончина разрушила эти планы. Престоль, какъ извѣстно, перешелъ къ Θεодору. Что касается Димитрія, то онъ получилъ въ удѣлъ три города, изъ коихъ главный назывался Угличемъ. Опекуномъ малолѣтнаго царевича былъ назначенъ Богданъ Бѣльскій, одинъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ покойнаго царя, который велъ отъ его имени переговоры съ Антоніемъ Посевинимъ.

Съ самаго вступленія на престоль Θεодора, по отношенію къ Димитрію была принята исключительная, необычайная мѣра: онъ былъ отправленъ на жительство въ свой городъ Угличъ. Если этимъ хотѣли ослабить соперничество партій и предупредить дворцовыя перевороты, то эта мѣра была принята весьма удачно. Богданъ Бѣльскій

не поѣхалъ со своимъ воспитанникомъ. Онъ остался въ Москвѣ, центрѣ дѣлъ и интригъ, но не счумѣлъ тамъ удержаться. Для того, чтобы его удалить, воспользовались народнымъ волненіемъ. Назначенный намѣстникомъ въ Новгородъ, онъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту служенія.

Между тѣмъ, съ прїѣздомъ Дмитрія, скромный угличскій дворець, давно уже пустовавшій, оживился. Все семейство Нагихъ поселилось по близости отъ города. Вокругъ царевича образовался какъ бы маленькій дворъ; онъ былъ окруженъ женщинами, которыя ему прислуживали, и находился подъ ближайшимъ надзоромъ своей матери; его дяди наблюдали за нимъ издали. Весьма вѣроятно, что Борисъ Годуновъ также не терялъ его изъ вида. Дѣлалось ли это съ цѣлью наблюдать за его безопасностью? или съ цѣлью уловить моментъ, когда лучше всего можно было погубить его? никто до сихъ поръ не выяснилъ этого вопроса; само время не разсѣяло этой таинственной загадки. Въ Москвѣ давно носились зловѣщіе слухи. Въ 1588 и 1589 г. г. говорили о неудавшемся отравленіи; опасались покушенія на жизнь Дмитрія со стороны того, кто рассчитывалъ вступить на престолъ въ случаѣ, ежели Феодоръ умретъ бездѣтнымъ ¹⁾). Какъ бы то ни было, въ одинъ прекрасный день, Москва узнала, что въ Угличѣ били въ набатъ, что Дмитрій былъ убитъ и толпа растерзала его убійць. Слухи, по обыкновенію, были неясны и разнорѣчивы. Говорили, что это былъ несчастный случай, говорили также о преступленіи, о волненіи и мятежѣ.

Это извѣстіе потрясло столицу. Борисъ Годуновъ понялъ, что надобно было какъ можно скорѣе пролить свѣтъ на это дѣло и не допустить, чтобы его могли заподозрѣть въ соучастіи въ немъ. Немедленно была назначена официальная коммиссія, коей было приказано отправиться въ Угличъ для производства слѣдствія. Составъ этой Коммиссіи былъ тщательно подобранъ. Во главѣ ея находился Василій Шуйскій, помилованный незадолго передъ тѣмъ, но обреченный на безбрачіе изъ ненависти къ имени, которое онъ носилъ; это былъ человекъ на все способный, безпринципный и неразборчивый на средства, ловкій и въ то же время хитрый, съ вульгарной наружностью, красноватыми глазами, хитрымъ взглядомъ, проницательный и вѣроломный. Его сотоварищъ Андрей Клешнинъ пользовался при дворѣ особымъ благоволеніемъ.

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Волконской, закадычной подругѣ Ирины, у которой не было отъ нея тайнъ; самъ пользовался особымъ довѣріемъ царя и былъ преданнымъ слугою Годунова ²⁾). Остальные два члена слѣдственной коммиссіи были люди менѣе выдающіеся: дьякъ Вьлузгинъ долженъ былъ исполнять только свои обычные обязанности,

¹⁾ Боядъ, стр. 21. Эти слухи собраны Флетчеромъ.

²⁾ Карамзинъ, т. XII, стр. 1 прим. 2; стр. 33, прим. 97.

а митрополитъ Геласій долженъ былъ скрѣпить слѣдствіе авторитетомъ своего духовнаго сана.

19-го мая 1594 г. чины слѣдственной комиссіи, прибывшіе со всею возможною поспѣшностью въ Угличъ, начали свои засѣданія. Протоколы, написанные на длинныхъ свиткахъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, сохранились до сихъ поръ почти въ совершенной цѣлости въ московскихъ архивахъ ¹⁾. Эти замогильные голоса воскрешаютъ передъ нами весь ходъ дѣла. Свидѣтели, дававшіе показанія, были раздѣлены на три группы: первую составляли Нагіе, вторую—очевидцы событія и третью—прочія лица, копѣхъ сочли нужнымъ допросить.

Изъ всѣхъ Нагихъ наилучше освѣдомленной была, разумѣется мать ребенка, царица Марія; но при ея высокомъ санѣ ей было не удобно давать показанія и до поры до времени ее не тревожили, предоставивъ ей оплакивать своего сына. Ея три брата должны были явиться передъ судомъ; изъ нихъ главную роль игралъ Михайло Нагой. Ему были предложены лукавые вопросы; у него хотѣли силою вынудить признаніе, но онъ не дался въ обманъ и смѣло сдѣлалъ свое показаніе.

— Въ субботу, 15-го мая,—сказалъ онъ,—я услыхалъ звукъ набата и, боясь пожара, побѣжалъ во дворецъ. Я увидѣлъ царевича Димитрія зарѣзаннымъ. Его убили Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ, Данило Битяговскій. Чернь, привлеченная набатомъ, бросилась въ дворецъ, растерзала убійцъ и ихъ сообщниковъ. Что касается меня, то это убійство совершено не по моему приказанію; меня оклеветали напрасно.

Это показаніе было чревато послѣдствіями. Царевичъ, восьмилѣтній ребенокъ, не имѣлъ личныхъ враговъ; людямъ могли мѣшать только его наслѣдственные права. Быть можетъ, честолюбецъ подослалъ наемныхъ убійцъ? это могло навести на страшное подозрѣніе, которое слѣдовало уничтожить въ самомъ его зародышѣ. Поэтому его тотчасъ постарались опровергнуть; надобно было оспаривать показаніе Михайлы. Прежде всего его братья, Григорій и Андрей, поспѣшили опровергнуть слова старшаго брата. Прибѣжавъ одновременно съ нимъ во дворецъ и находившись въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ, они не видали того, что видѣлъ Михайло, они видѣли даже совершенно иное: слѣдовательно, Михайло долженъ былъ одинъ ручаться за все сказанное имъ. Болѣе того: одинъ изъ соучастниковъ, раскаявшійся въ своемъ поступкѣ, мелкій приказный по имени Русинъ Раковъ, рассказалъ о хитрости, которая была пущена въ ходъ и могла набросить сильную тѣнь на Михайлу. Взбунтовавъ толпу противъ мнимыхъ убійцъ и погубивъ

¹⁾ Эти протоколы напечатаны въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 103—123, № 60. Недавно выяснилось, что они напечатаны не совсѣмъ точно.

людей невинныхъ, онъ будто бы хотѣлъ выдать бывшихъ жертвъ за зачинщиковъ, и самъ онъ, Русинъ Раковъ, по приказанію Михайлы, зарѣзалъ 18-го мая курицу, омочилъ въ ея крови ножи и огнестрѣльные оружія и положилъ ихъ возлѣ труповъ. Это было сдѣлано съ цѣлью оправдать толпу и того, кто ею руководилъ, и показать, что она растерзала людей, которые были вооружены съ головы до ногъ и пустили въ ходъ свое оружіе. Чтобы хитрость удалась, ее надобно было скрыть отъ лицъ, производившихъ слѣдствіе, и Михайло, по словамъ Ракова, шесть разъ на день заставлялъ его клясться, что онъ будетъ хранить все это въ тайнѣ. И онъ будто бы клялся ему въ этомъ. Нынѣ же онъ рѣшилъ признаться въ своей слабости и загладить свою вину.

Показаніе Михайлы было этимъ поколеблено. Для того, чтобы окончательно опровергнуть его, стоило только противопоставить ему показаніе другаго лица, подкрѣпленное болѣе всѣми доказательствами. Братья Нагіе нашли къ тому средство: Василисѣ Волоховой было поручено поддержать ихъ рассказъ и передать въ точности всѣ подробности. Изъ всѣхъ женщинъ, окружавшихъ царевича, она, какъ его мамка, бесспорно занимала первое мѣсто, стояла выше другихъ. Это была особа не изъ нервныхъ; она жила раньше въ бѣдности и за словомъ въ карманъ не лѣзла. Ея сынъ, котораго считали убійцею Димитрія, былъ растерзанъ во время происшедшей сумятицы; ее самое порядкомъ помяли, но ни горе, ни трауръ, ни волненіе не повліяли на нее удручающимъ образомъ. Она заявила, что все произошло на ея глазахъ, что она все видѣла и слышала, и память ей не измѣняетъ; слова такъ и лились изъ ея устъ. По ея увѣренію, она выказала если не геройскую твердость, то во всякомъ случаѣ невозмутимое хладнокровіе. Начиная издалека, она утверждаетъ, что царевичъ страдалъ падучей. Время отъ время съ нимъ бывали сильные припадки; однажды, во время припадка онъ ранилъ свою мать толстымъ гвоздемъ и искусалъ палець дочери Андрея Нагаго. Послѣдніе дни онъ недомогалъ. Ему немного полегчало, и онъ предался своимъ обычнымъ играмъ и занятіямъ. Въ субботу, 15-го мая, царица водила его къ обѣднѣ и затѣмъ послала его погулять на дворцовый дворъ, тутъ и случилось трагическое происшествіе.

По словамъ Волоховой, на дворѣ были только три женщины и нѣсколько дѣтей. Они забавлялись игрой въ ты ч к у, и Димитрій, какъ всѣ игравшіе, держалъ въ рукѣ ножъ, готовясь бросить имъ въ цѣль. Какъ вдругъ съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей, онъ упалъ навзничъ, проткнулъ себѣ горло ножемъ, заметался, забился и испустилъ духъ. Въ эту минуту прибѣжала царица и увидѣла своего сына плавающимъ въ крови; ея материнское сердце было глубоко потрясено, но, будучи характера болѣе мстительнаго, нежели любящаго, она схватила полѣно и кинулась на мамку, угрожая разможить ей голову.

Вотъ картина, нарисованная Волоховой: раздраженная мать объявляетъ, что совершено убійство, она громко называетъ имена убійцъ; въ числѣ ихъ названъ сынъ Василисы, Осипъ; Василиса, избитая, обруганная, невозмутимо требуетъ слѣдствія. Тѣмъ временемъ прибѣгаетъ Григорій Нагой. Царица передаетъ ему полѣно, коимъ она чинила расправу, и заставляетъ бить мамку по чресламъ; затѣмъ ее кидаютъ полумертвую въ сторону и начинаютъ бить въ набатъ. На его зловѣщій звонъ сбѣжалась взволнованная и сильно раздраженная толпа, которая ворвалась во дворецъ.

Другая картина: Василису выдали разъяренной толпѣ, ея одежда была изодрана, съ нея неистово содрали кокошникъ и заперли въ комнату. Но мужественная мамка продолжала слѣдить внимательнымъ окомъ за кровавыми событіями этого дня. Она видѣла, какъ пріѣхали во дворецъ, одинъ за другимъ, тѣ, коихъ царица считала убійцами царевича; только одного изъ нихъ приволокли силою. Она слышала, какъ царица и ея братъ Михайло произнесли противъ нихъ смертный приговоръ. Она присутствовала при ихъ поспѣшной казни; она не плакала, не горевала о своемъ сынѣ, но не могла забыть одного несчастнаго, убитаго на площади, который возбудилъ въ ней сожалѣніе. На другой день послѣ этихъ трагическихъ происшествій, она чувствовала себя еще достаточно бодрой, чтобы слѣдить за тѣмъ, когда пытали какую-то несчастную слабоумную, виновную, какъ говорили, въ томъ, что она околдовала царевича.

Василиса, своими показаніями, какъ будто навела слѣдователей на истинный путь и облегчила ихъ заботы. Видѣла ли она дѣйствительно все своими глазами или нѣтъ, это было для нихъ не важно⁴⁾, никто не думалъ провѣрять ея слова. На ихъ безсвязность также не обратили никакого вниманія.

Объ очной ставкѣ съ прочими лицами не было и рѣчи. Василиса опровергла показаніе о произведенномъ убійствѣ и тѣмъ положила конецъ всѣмъ нескромнымъ вопросамъ. Она нашла формулу, къ которой присоединились всѣ прочіе свидѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-либо продиктовалъ заранѣе условный отвѣтъ, и его заставили бы затвердить наизусть и повторять на допросѣ, то врядъ-ли показанія свидѣтелей могли бы быть болѣе согласны. Всѣ они неизмѣнно повторяютъ одно и то же: Дмитрій лишилъ себя жизни самъ, онъ проткнулъ себѣ горло ножомъ, долго бился въ судорогахъ и испустилъ духъ. Первыми показали это тѣ немногія лица, которыя были очевидцами событія. Въ моментъ

---

⁴⁾ Четверо дѣтей, товарищи Дмитрія и свидѣтели его смерти, не называли Василису въ числѣ присутствовавшихъ при этомъ женщинъ. Это совершенно необъяснимо.

катастрофы съ царевичемъ играли дѣти. Ихъ было четверо. Ихъ возрастъ не допускалъ сомнѣнія въ ихъ искренности. Допросивъ ихъ по отдѣльности, не трудно было бы уличить ихъ въ томъ, что они говорятъ неправду, и заставить во всемъ сознаться. Но ихъ предпочли заставить повторить знаменательныя слова хоромъ. Двѣ прислужницы, наблюдавшія за Димитріемъ, повторили то же, и протоколъ допроса главныхъ свидѣтелей былъ составленъ съ невѣроятной быстротой.

Можно было подумать, что этотъ рассказъ такъ понравился лицамъ, производившимъ слѣдствіе, что они боялись, какъ бы кто-нибудь не опровергнуть его, и хотѣли во что бы то ни стало воспользоваться имъ. Былъ еще цѣлый рой свидѣтелей, которые могли оказать имъ эту услугу. Хотя весьма немногіе изъ нихъ были очевидцами происшествія, но за то многіе слышали о немъ. Слухъ о трагическомъ событіи мигомъ облетѣлъ городъ и распространился въ окрестностяхъ. Свидѣтельскимъ показаніямъ не было конца, оставалось только свести ихъ въ одно цѣлое. Передъ судомъ предстали горожане, крестьяне, приказные всѣхъ званій, попы, архимандриты, игумены, простые священнослужители, изъ коихъ одинъ, прозвищемъ ¹⁾ Огурецъ, былъ разжалованъ въ пономари за то, что онъ слишкомъ рано потерялъ жену. Въ судъ явилась вся дворцовая прислуга, начиная съ боярскихъ дѣтей и кончая поварами, поваренками, пекарями, истопниками, конюхами и кухонными мужиками. Помимо двухъ или трехъ нестройныхъ нотокъ, прозвучавшихъ робко, всѣ, какъ одинъ человекъ, повторяли съ увѣренностью и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ сказанное Василисою.

Допросъ былъ почти оконченъ, когда нѣсколько свидѣтелей внесли въ него новый элементъ. По ихъ словамъ, Михайло Нагой, суровый доносчикъ, объявившій объ убійствѣ царевича и котораго обвиняли самого въ томъ, что по его приказанію многіе были убиты, весь день 15-го мая былъ мертвецки пьянъ. Такимъ образомъ его показаніе теряло всякую силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство снимало съ него всякую отвѣтственность: этого показанія было достаточно, чтобы ниспровергнуть всѣ данныя, добытыя съ такимъ трудомъ слѣдствіемъ. Но чины слѣдственной комиссіи спѣшили ухачать и не имѣли ни малѣйшаго желанія вѣстись снова за трудъ. Они отмѣтили этотъ фактъ въ своихъ протоколахъ, не придавъ ему никакого значенія. Они едва нашли нѣсколько минутъ, чтобы выслушать царицу Марію. Въ самый день ихъ отъѣзда она призвала къ себѣ митрополита Геласія не для того, чтобы жаловаться на кого-нибудь или кого-нибудь обвинить, но для того, чтобы просить о помилованіи «земляныхъ червей», какъ она называла своихъ родныхъ братьевъ.

---

¹⁾ Въ дѣйствительности это былъ Ѳеодотъ Аванасьевъ.

На основаніи протоколовъ, написанныхъ въ Угличѣ и увезенныхъ слѣдователями въ Москву, долженъ былъ состояться приговоръ суда. Что же можно сказать объ этомъ «дѣлѣ»?

Считать его безпристрастнымъ, разумѣется, невозможно. Шуйскій и его товарищи видимо весьма мало заботились выяснить истину: они нагромоздили вопіющія противорѣчія и нисколько не старались разобратъся въ этомъ хаосѣ. Искусственный способъ веденія слѣдствія показываетъ скорѣе твердое желаніе устранить мысль объ убійствѣ и держаться того мнѣнія, что смерть послѣдовала въ припадкѣ падучей: въ такомъ случаѣ не пришлось бы искать виновныхъ въ царевубійствѣ.

Слѣдствіе, веденное въ Угличѣ, подвергалось неоднократно самой кропотливой критикѣ со стороны историковъ ⁴⁾. По правдѣ сказать, этотъ трудъ былъ совершенно напрасенъ, такъ какъ это слѣдствіе не заслуживаетъ никакого довѣрія. Даже въ томъ случаѣ, если бы оно не вызывало никакой критики, есть одно обстоятельство, которое разрушаетъ всю его авторитетность. Начальникъ слѣдственной комиссіи, Шуйскій, отрекся отъ всего имъ сдѣланнаго. Послѣ самыхъ странныхъ и разнорѣчивыхъ показаній, данныхъ имъ передъ алтаремъ и подъ присягою, онъ заявилъ, что Димитрій былъ невинной жертвою, убитою наемными убійцами, и стяжалъ мученическій вѣнецъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ клятвопреступникъ первый преклонилъ колѣни передъ мощами «святаго» Димитрія, когда они были торжественно перенесены въ Кремль, въ усыпальницу царей. Это было равносильно заявленію, что все слѣдствіе, веденное имъ, было облыжно.

Никто не предвидѣлъ этого поворота дѣла въ то время, когда уполномоченные прибыли въ Москву 2-го іюня. Ихъ «дѣло» было тотчасъ представлено царю. Царь препроводилъ его патриарху Іову, митрополитамъ и всему собору. Документы, привезенные изъ Углича, были предъявлены въ торжественномъ засѣданіи высшаго духовенства и бояръ. По прочтеніи ихъ, слово принадлежало патриарху; это была креатура Годунова, человѣкъ характера слабого, неустойчиваго, который впослѣдствіи точно такъ же, какъ и Шуйскій, отказался отъ своихъ словъ. Въ данную минуту онъ высказалъ свое мнѣніе, какъ человѣкъ, который давно уже рѣшилъ, что слѣдуетъ говорить.

По его мнѣнію, въ слѣдствіи не было ни упущеній, ни противорѣчій. Было ясно, какъ день, что Димитрій скончался въ припадкѣ болѣзни и что Михайло Нагой воспользовался случаемъ, чтобы удовлетворить личную месть: поэтому онъ совершилъ гнусное и неслыханное преступленіе. Его два брата и всѣ жители Углича также были виновны. По мнѣнію Іова, не было ни смягчающихъ обстоятельствъ, ни степеней виновности.

⁴⁾ См., напр., двѣ статьи Бѣлова.

Всѣ обвиняемые были гнусные убійцы, подлежавшіе карѣ закона и заслуживавшіе самое строгое наказаніе. Патріархъ, какъ видно, былъ заодно съ свидѣтелями. Впрочемъ, такъ какъ это было дѣло мірское, то онъ смиренно полагался на рѣшеніе царя, который властенъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ и дѣйствуетъ по внушенію свыше. Что касается его, патріарха, то онъ не перестанетъ молиться за царя и царицу, за ихъ здравіе, долготѣе и за поддержаніе мира. Этими набожными словами глава русской церкви не только развязывалъ заранѣе руки Годунову, но, такъ сказать, общалъ ему рабски подчиниться всѣмъ мѣрамъ, какія ему заблагоразсудится принять.

Царю оставалось только утвердить приговоръ патріарха. Феодоръ, если онъ только интересовался судебной процедурой, предоставилъ правосудію дѣлать свое дѣло. Это значило, въ сущности, предоставить рѣшеніе дѣла Борису Годунову и обречь обвиняемыхъ неумолимой мести. Кара была ужасна, и, по обычаю того времени, наказаніе усугублялось сообразно съ тѣмъ, насколько обвиняемые стояли ниже на соціальной лѣстницѣ. Царица Марія была вынуждена постричься и искупить въ монастырѣ свое мнимое нерадѣніе о ребенкѣ. Ея три брата, вина которыхъ, судя по слѣдствію, была неодинакова, были высланы изъ Москвы и поселены въ разныхъ городахъ. Скромные граждане Углича подверглись самымъ тяжкимъ наказаніямъ; ихъ обвинили огуломъ въ совершенныхъ убійствахъ и наказали немилосердно. Двѣсти человекъ были казнены, другимъ былъ отрѣзанъ языкъ; огромное большинство было сослано въ пустынную Сибирь, гдѣ городъ Пелымъ обязанъ имъ своимъ существованіемъ. Даже набатный колоколъ, созвавшій народъ во дворецъ, былъ признанъ виновнымъ за его звонъ: его отправили въ далекій Тобольскъ. Помилованы были только Василиса, къ свидѣтельству которой присоединилось большинство допрошенныхъ свидѣтелей, да родственники тѣхъ лицъ, коихъ упорно продолжали считать жертвами народной ярости.

Такимъ образомъ исчезли слѣды преступленія. Что касается воспоминанія о немъ, то Годуновъ сильно заблуждался, надѣясь потопить его въ слезахъ и крови. Самая строгость, съ какою производилась расправа, запечатлѣла это событіе въ народной памяти и усугубила подозрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, была ли надобность разсѣять населеніе цѣлаго города, строго наказывать этотъ городъ и разогнать всѣхъ его жителей для того, чтобы отомстить за нѣсколько убитыхъ людей? Или, быть можетъ, дѣло шло не о наказаніи виновныхъ, а объ устраненіи неудобныхъ свидѣтелей?

Но кровь жертвы вопіяла въ его могилѣ, приближался часъ, когда на людей, пролившихъ ее, посыпались проклятія и месть.

ГЛАВА II.

Таинственное появленіе.

(1601—1604).

I.

Нунцій Клавдій Рангони.—Сношенія нунція съ Сигизмундомъ III.—Характеристика Рангони.—Александръ Рангони.—Любовныя его интриги.—Нунцію отказываютъ въ кардинальской шапкѣ.—Инструкціи, данныя изъ Рима, касательно Москвы.—Аудіенція 1-го ноября 1603 г.—Появленіе Димитрія.—Скептическое примѣчаніе Клементя VIII.—Донесеніе князя Адама Вишневецкаго.—Димитрій въ Кіевѣ, Острогѣ и Гощѣ.—Судьба улыбается ему въ Брашмѣ.—Адамъ Вишневецкій признаетъ его царевичемъ.—Вербованіе казаковъ.—Ловушка, устроенная лифляндецъ.—Удача, сопутствовавшая Димитрію.

Съ 1599 г. представителемъ папскаго престола при Сигизмундѣ III былъ нунцій Клавдій Рангони. Уроженецъ Модены, аристократъ по происхожденію, онъ управлялъ своей епархіей не болѣе четырехъ лѣтъ, когда, благодаря благоволенію къ нему папы Клементя VIII, передъ нимъ открылась дипломатическая карьера въ Польшѣ. Тутъ все было для него ново: и страна, въ которой ему приходилось жить, и обязанности, которыя ему надлежало исполнять, и люди, съ коими ему суждено было приходиться въ соприкосновеніе.

Мѣста нунція въ Краковѣ добивались весьма многіе. Всѣ вопросы, волновавшіе Европу, обсуждались въ столицѣ Польши; тамъ то и дѣло возникалъ вопросъ о войнѣ съ турками, какъ кошмаръ тяготѣвшій въ то время надъ Европою. Поэтому Рангони предстояло тамъ обширное поле дѣятельности. Какъ дипломата, его привлекала въ Краковъ политика, но въ то же время этотъ италіянецъ нашелъ при польскомъ дворѣ какъ бы часть своей родины. Вѣянія эпохи возрожденія коснулись высшаго польскаго общества; Бона Сфорца познакомилъ его съ новыми теченіями мысли, и извѣстнѣйшіе піонеры гуманизма пріѣхали изъ-за Альпъ съ намѣреніемъ поселиться на Вислѣ.

Личныя отношенія папскаго нунція къ Сигизмунду III, конечно, были вполне корректны и даже дружественны. Въ этомъ отпрыскѣ Вазы, въ этомъ двоюродномъ братѣ Густава-Адольфа, удивительно было видѣть черты характера, свойственныя Филиппу II; въ немъ не было только присущей испанцамъ гордости. Быть можетъ, онъ унаслѣдовалъ религіозность отъ матери Екатерины, которая по своимъ душевнымъ качествамъ и набожности была истинной ягеллонкой, гораздо болѣе, чѣмъ по происхожденію. Въ Польшѣ, благодаря покровительству короля, католи-

ческая реакція постепенно возрастала, и нунцій, вмѣшиваясь въ какое-нибудь дѣло, всегда находилъ себѣ союзниковъ въ известной части дворянства и среди католическихъ епископовъ, которые всѣ засѣдали въ сенатѣ. Наконецъ, хотя сарматскій дворъ могъ казаться непривлекательнымъ своимъ сумрачнымъ небомъ и суровыми морозами, но за то на горизонтѣ его блестѣла кардинальская шапка, и всякій нунцій возвращался, обыкновенно, въ Италію не иначе, какъ въ красной мантии.

Депеши Рангони, хранящіяся въ ватиканскомъ архивѣ и въ собраніи, у князя Доріа Памфили, даютъ вѣрное представление о его нравственномъ обликѣ. Пробѣгая страницы этихъ донесеній, выплывшихъ отъ времени и изъ коихъ многія, къ сожалѣнію, смолкнуть въ корѣ на-вѣки, передъ нами оживаетъ и возстаетъ типъ италіанскаго прелата прежнихъ временъ, возвращавшагося въ избранномъ обществѣ и который былъ въ одно и то же время лицомъ духовнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтскимъ человѣкомъ, хорошо зналъ всѣ правила этикета, былъ вѣжливъ, услужливъ, уравновѣшенъ, и имѣлъ постоянно къ своимъ услугамъ неисчерпимый запасъ банальныхъ формулъ. Рангони имѣлъ со многими изъ своихъ коллегъ ту общую черту, что онъ отличался особымъ искусствомъ получать обо всемъ обстоятельныя свѣдѣнія, которыя онъ сообщалъ своему повелителю,—умѣніе, особенно высоко цѣнившееся въ то время. Далѣе этого его честолюбіе не шло. Напрасно было бы искать съ его письмахъ новыхъ взглядовъ или смѣлыхъ выводовъ; какъ посланникъ, онъ не отличался смѣлыми или широкими планами и не былъ способенъ высказать какую-нибудь гениальную мысль. Его пространныя и многорѣчивыя донесенія вызываютъ передъ нами скорѣе призракъ человѣка, стремящагося все уладить, пустить въ ходъ разныя «combinazione», хотя онъ и не злоупотреблялъ этимъ словомъ, но ему были знакомы всѣ тайны этого искусства.

У короля нунцій Рангони былъ *persona grata*. Убѣжденный сторонникъ союза съ Австріей и брака съ эрцгерцогиней Констанціей, онъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи взгляды Сигизмунда, поощрялъ его планы и служилъ ему въ Прагѣ посредникомъ и поддержкою ¹⁾. Нѣкоторые современники упрекаютъ нунція въ томъ, что онъ слишкомъ увлекался свѣтомъ и слишкомъ любилъ бывать въ обществѣ. Находили неприличнымъ, чтобы духовное лицо проводило время въ веселыхъ пирушкахъ съ магнатами или слишкомъ усердно ухаживало за красавицами-польками; его достоинство не допускало, по ихъ мнѣнію, подобныхъ слабостей. Въ довершеніе бѣды, съ нимъ былъ неразлученъ его племянникъ, графъ Александръ Рангони, который далеко не отличался строгостью нравовъ. Если Рангони не подавалъ повода къ особенному злословію

¹⁾ Вѣна, госуд. архивъ, Polonica, 1603, 22 авг., Рангони къ Рудольфу II.

въ Краковѣ, то несомнѣнно, что онъ былъ удаленъ въслѣдствіи изъ Рима за его любовныя интриги ¹⁾. По этимъ причинамъ нунцій пользовался меньшимъ благоволеніемъ въ Ватиканѣ, нежели въ королевскомъ замкѣ, въ Краковѣ, и всякій разъ, какъ Сигизмундъ просилъ о назначеніи его кардиналомъ, Павелъ V притворялся глухимъ. Короля не смущали эти отказы. Онъ то и дѣло возобновлялъ свои домогательства, сдѣлавъ изъ этого вопросъ чести, расхваливъ своего протежѣ, горько жаловался на папу, посылалъ нарочныхъ въ Римъ, писалъ записки противъ «клеветниковъ» Рангони, отказывался утверждать польскихъ кардиналовъ: напрасный трудъ, Павелъ V былъ непоколебимъ. Онъ былъ не прочь, изъ уваженія къ Сигизмунду, дать Рангони какія-нибудь бенефиціи или денежное вознагражденіе, но онъ отказывалъ ему въ чести носить пурпуровую мантию. Не вдаваясь въ объясненія, папа утверждалъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ имѣетъ на это серьезныя причины ²⁾.

Надобно полагать, что, при отъѣздѣ изъ Рима, будущее представлялось Рангони въ болѣе радужныхъ краскахъ. Вновь назначенный нунцій ѣхалъ полный энергіи, имѣя въ своемъ портфель инструкціи, помѣченныя 20-мъ февраля 1599 г., въ которыхъ не упустили упомянуть о Москвѣ ³⁾. Семнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Поссевинъ былъ отправленъ въ Москву съ посольствомъ и какъ было заключено перемиріе при Кieverовой горѣ; событія шли своимъ чередомъ, но римскій дворъ мало интересовался славянскою политикою. Его неизмѣннымъ идеаломъ былъ союзъ Польши съ Москвою и, слѣдовательно, единство вѣры на сѣверѣ Европы. Въ инструкціяхъ, данныхъ Рангони, особенно настаивали на этомъ, весьма существенномъ пунктѣ; во всемъ остальномъ ему была предоставлена полная свобода дѣйствій. Папа зналъ о вступленіи на престолъ Годунова, но ему не былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ, происходившихъ между поляками и москвичами, и, въ виду этой неизвѣстности, онъ предпочиталъ положиться во всемъ на своего представителя. Впрочемъ, папа выражалъ желаніе, чтобы его приняли, если время еще не ушло, въ посредники, и чтобы инициатива принадлежала въ этомъ случаѣ Годунову; это былъ бы прекрасный случай сдѣлать ему пріятное и оказать взаимную услугу. Вѣда эти

¹⁾ Ватиканскіе архивы, fonds Боргезе, II, 427, ф. 16.

²⁾ По поводу назначенія Рангони кардиналомъ существуетъ множество писемъ и записокъ, разбѣянныхъ въ разныхъ архивахъ: ватиканскіе архивы, Polonica, т. ССХVII, ССХVIII, ССХIX; Pauli V Brevia. т. XIII, ф. 12, 11-го января 1619 г.; fonds Боргезе, I, 237, 238, 632; II, 74, 221, 241, 335, 358; IV, 79, и т. д. Архивъ Бонкомпаніи, Е., 38. Вѣна, государств. архивъ, Polonica, 1605, 1620.

³⁾ Ватиканскій архивъ, Miscellanea, т. III, Istruttioni, ф. 236.

переговоры, нунцій долженъ былъ предложить соорудить въ Москвѣ католическую церковь, въ которой богослуженіе совершали бы іезуиты. Очевидно, Клементъ VIII хотѣлъ войти въ роль Григорія XIII, и если бы Борисъ Годуновъ оказался сговорчивѣ Іоанна IV, то Рангони заключилъ бы съ нимъ торжественный актъ о посредничествѣ со стороны папы и счастливѣ своихъ предшественниковъ, онъ добился бы того, въ чемъ Поссевинъ встрѣтилъ отказъ: дозволеніе іезуитамъ имѣть постоянное пребываніе въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, расчетъ оказался невѣренъ: во главѣ польскаго войска уже не стоялъ грозный Стефанъ, въ Москвѣ не свирѣпствовала болѣе опричина, положеніе исконныхъ соперниковъ настолько сравнялось, что постороннее вмѣшательство было излишне.

Нунцій имѣлъ возможность въ этомъ скорѣ убѣдиться. Левъ Сапѣга, литовскій канцлеръ, посланный Сигизмундомъ въ 1600 году въ Москву съ предложеніемъ брачнаго союза, выслушалъ, какъ извѣстно, отказъ, высказанный весьма надменно и мотивированный вопросомъ о вѣроисповѣданіи ¹⁾. Онъ самъ сообщилъ Рангони о своей неудачѣ, не скрывая своей досады и озлобленія. Впрочемъ, двадцатилѣтнее перемиріе, которое ему удалось заключить, вполне согласовалось съ видами папы и съ традиціонной рутиной, какъ вдругъ одно фантастическое событіе поставило римскій дворъ въ самое неожиданное положеніе.

1-го ноября 1603 г. Рангони имѣлъ аудіенцію у короля ²⁾, который бесѣдовалъ съ нимъ о странныхъ слухахъ, ходившихъ въ странѣ. Въ Польшѣ появился, какъ говорили, загадочный человекъ, пріѣхавшій изъ Москвы: онъ называлъ себя Дамитріемъ, сыномъ царя Іоанна IV. Многіе москвитяне уже признали его таковымъ и пріѣхали вслѣдъ за нимъ. Онъ находился на Волыни у князя Адама Вишневецкаго и мечталъ о томъ, чтобы вернуть престоль при помощи казаковъ и татаръ. Король считалъ это предпріятіе безумной отвагою и находилъ, что нельзя полагаться на наемныя войска, которыя думаютъ больше о добычѣ, нежели о своей чести. Что касалось человека, замышлявшаго столь смѣлые планы, то королю хотѣлось узнать о немъ поближе. Съ этой цѣлью князю Вишневецкому было приказано привезти его въ Краковъ и представить королю обо всемъ докладъ.

Вице-канцлеръ Петръ Тылицкій, коснувшись того же вопроса, сообщилъ Нунцію кое-какія подробности, и Рангони поснѣшилъ подѣлиться со своимъ дворомъ этими необычайными слухами. Къ нимъ отнеслись въ Ватиканѣ съ нѣкоторой недовѣрчивостью, и Клементъ VIII приписалъ на поляхъ депеши Рангони собственноручно нижеслѣдующее скеп-

¹⁾ См. ватиканскій архивъ, *Miscellanea*, т. II, стр. 376.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукописи Боргезе, III, 90, а.—*Rome et Démétrius*, стр. 175.

тическое примѣчаніе: «Sarà un altro Rè di Porto dallo resuscitato» ¹⁾. Это былъ намекъ на лже-Себастьяновъ, появившихся въ Португаліи послѣ смерти настоящаго дона Себастьяна въ Алказаръ-Кюиверъ.

Нунцій озаботился достать докладъ Вишневецкаго, перевести его на латинскій языкъ и препроводить въ Римъ ²⁾. Это документъ высокой важности: онъ содержитъ исторію Дмитрія, рассказанную имъ самимъ. Рангони утверждаетъ, что князь только изложилъ на бумагѣ все, рассказанное ему Дмитріемъ, но что сущность рассказа принадлежитъ всецѣло самому герою. Дмитрій переживалъ въ это время самый критическій моментъ своей жизни. Все его будущее зависѣло отъ того, что онъ скажетъ о себѣ и насколько ему удастся доказать подлинность своего происхожденія. Поэтому можно предполагать, что онъ сказалъ все, что находилъ нужнымъ, и сжегъ свои корабли. Въ донесеніи говорится особенно подробно о трагическомъ событіи въ Угличѣ и разоблачается тайна происходившихъ интригъ и козней. Это донесеніе во всемъ противорѣчитъ официальному слѣдствию, произведенному Шуйскимъ. Главный виновникъ злодѣянія названъ тутъ по имени,—это Борисъ Годуновъ. Человѣкъ съ желѣзной волею и страшною энергіей, онъ мечталъ о престолѣ съ самой кончины Іоанна IV и всѣмъ пожертвовалъ для удовлетворенія своего безумнаго честолюбія. Федоръ ни въ чемъ не оказывалъ ему противодѣйствія: если бы онъ сдѣлалъ къ тому малѣйшую попытку, его живо заточили бы въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, и его совѣтникамъ также было бы не одобровать. Но существовалъ еще царевичъ Дмитрій. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть престола, надобно было устранить законнаго наслѣдника, который могъ со временемъ предъявить свои права. Для этого не было инаго средства, какъ преступленіе. Борисъ не отступалъ передъ гнуснымъ, заранѣе обдуманымъ и хладнокровно подготовленнымъ злодѣяніемъ. Ребенокъ былъ окруженъ преданными слугами: они погибли отъ медленной отравы и были замѣнены измѣнниками, которымъ было приказано отравить самого Дмитрія. Но при этомъ упустили изъ вида личность воспитателя царевича: это былъ человѣкъ дѣятельный, умный, который зорко за всѣмъ слѣдилъ, и злодѣйскій планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. По неволѣ пришлось прибѣгнуть къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ.

¹⁾ Примѣчаніе Клементя VIII напечатано въ вышеупомянутомъ III томѣ, 90, а, рукописей Боргезе, хранящихся въ ватиканскомъ архивѣ.

²⁾ Переводъ этого документа, сдѣланный весьма невѣрно Рангони, хранится въ ватиканскомъ архивѣ, рукоп. Боргезе, III, 90, а. Онъ былъ посланъ въ Римъ при письмѣ отъ 8-го ноября 1603 г. Болѣе точный его текстъ напечатанъ Новаковскимъ, Zrodla, т. II, стр. 65—70. Этотъ рассказъ Дмитрія легъ въ основу всѣхъ остальныхъ версій, въ томъ числѣ и рассказа Товіанскаго, о спасеніи Дмитрія въ Угличѣ (Kagnowicki, т. II, стр. 63—70). Поэтому онъ имѣютъ значеніе только какъ рассказъ Дмитрія о своей судьбѣ.

Были наняты убійцы, которые, при наступленіи ночи, должны были проникнуть во дворець, застать царевича въ постели и убить его. Заботливый воспитатель предвидѣлъ возможность и этого покушенія и, будучи всей душою преданъ ребенку, онъ принялъ, по правдѣ сказать, довольно жестока мѣры предосторожности. Дмитрія укладывали спать въ другое мѣсто, а на его постель былъ положенъ одинъ изъ его «двоюродныхъ братьевъ», приблизительно однихъ лѣтъ съ нимъ. Подкупленные убійцы явились въ назначенное время и, ничего не подозрѣвая, убили несчастнаго брата царевича, воображая, что они убиваютъ его. Вѣсть о совершенномъ убійствѣ разнеслась съ быстротою молніи. Въ спальню царевича прибѣжала мать Дмитрія и стала сжимать трупъ въ своихъ объятіяхъ; ея разумъ помутился отъ горя, и она горько оплакивала сына, считая его убитымъ. Толпа раздѣляла ея заблужденіе; разгнѣванная и разъяренная, она хотѣла насытить свое мщеніе кровью и избила до тридцати младенцевъ. Такимъ образомъ исчезновеніе двоюроднаго брата царевича прошло незамѣченнымъ и не возбудило подозрѣнія.

Борисъ Годуновъ, обманутый точно такъ же, какъ другіе, былъ озабоченъ однимъ: желаніемъ скрыть убійство и распустить какой-нибудь слухъ, которому народъ могъ бы повѣрить. Припадокъ падучей болѣзни могъ все объяснить, ему и была приписана смерть Дмитрія, и многіе граждане г. Углича, за свое чрезмѣрное усердіе, были приговорены къ смертной казни. Между тѣмъ, царевичъ жилъ со своимъ воспитателемъ въ полной безопасности, не терпя никакихъ притѣсненій. Когда человѣкъ, такъ случайно спасшій ему жизнь, почувствовалъ приближеніе своей кончины, то онъ поручилъ своего воспитанника «надежному человѣку», который былъ имъ посвященъ въ тайну и охотно взялъ на себя обязанность ментора. «Надежный человѣкъ» также исчезъ со временемъ, оставивъ Дмитрію въ наслѣдіе совѣтъ—спрятаться въ монастырѣ. И этотъ потомокъ Рюрика, облачившись въ монашескую расу, исходилъ вдоль и поперекъ все московское государство, стучась въ ворота всѣхъ монастырей и питаясь подаяніемъ. Несчастіе отняло у него все, но онъ сохранилъ свою величественную осанку. Однажды, какой-то монахъ призналъ его за царскаго сына только по его манерамъ—*ex in cessu et origibusque heroicis*. Это открытіе было для Дмитрія роковымъ. Съ этой минуты пребываніе въ Россіи становилось для него опаснымъ. Надо было скрыться съ глазъ Бориса Годунова. Дмитрій отправился въ Польшу, строго соблюдалъ инкогнито въ Острогъ и Гоцѣ, и открылъ свое происхожденіе князю Адаму Вишневецкому, въ Браншѣ.

Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на короля этотъ странный докладъ? Въ первый моментъ онъ могъ ему повѣрить; весьма возможно, что король былъ даже введенъ имъ въ заблужденіе, но, конечно, имъ должно было вскорѣ овладѣть сомнѣніе. Къ тому же съ самаго начала было

ясно, что Димитрій старался скрыть свое прошлое вмѣсто того, чтобы сообщить о себѣ какія-либо вѣрныя свѣдѣнія. И это такъ удалось ему, что даже по прошествіи трехсотъ лѣтъ его жизнь подстрекаетъ любопытство ученыхъ, которые все еще не могутъ разобраться въ истинѣ. Онъ не сообщаетъ изъ своего прошлаго ни имени, ни фактовъ; его жизнь до появленія въ Польшѣ не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ.

Исторія можетъ прослѣдить ее, и то съ трудомъ, лишь со времени его пребыванія въ Кіевѣ, гдѣ онъ появился, по всей вѣроятности, около 1601 г., облекшись въ грубую рясу базилианскаго монаха. Затерявшись, какъ многіе другіе монахи, въ толпѣ, онъ поклонился кіевскимъ святынямъ и затѣмъ отправился къ кіевскому намѣстнику, князю Константину Острожскому ¹⁾. Этотъ почтенный старецъ не оправдалъ ожиданій, которыя возлагали на него его православные приверженцы ²⁾. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ все еще не могъ помириться съ Брестской уніей и по-прежнему боролся съ нею. Въ его Острожскомъ замкѣ находили убѣжище всѣ противники римско-католической церкви, кальвинисты, раскольники и аріане. Православный чернецъ еще скорѣе могъ рассчитывать на щедрое гостепримство со стороны владѣльца замка. Димитрій навѣрно воспользовался этимъ гостепримствомъ, но онъ этого не говоритъ, а рассказываетъ, что прожилъ въ Острогѣ нѣтъ не замѣченнымъ. Князь Константинъ Острожскій, со своей стороны, старательно отрицаетъ, что онъ имѣлъ какія-либо сношенія съ чернецомъ. Спрошенный королемъ, онъ заявляетъ, что ему объ немъ ничего не извѣстно; онъ не знаетъ, проживалъ ли Димитрій въ его владѣніяхъ или въ монастыряхъ, кои находились подъ его вѣдѣніемъ; онъ такъ мало знаетъ о Димитріи, что не рѣшается даже высказать никакихъ предположеній. Письмо князя помѣчено 3-мъ марта 1604 г. Наканунѣ этого числа, его сынъ, Янушъ, былъ менѣе сдержанъ, или болѣе откровененъ съ королемъ. «Я знаю Димитрія нѣсколько лѣтъ,—писалъ каштелянъ г. Кракова,—онъ жилъ довольно долгое время въ Дерманскомъ монастырѣ моего отца и оставилъ его, присоединившись къ анабаптистамъ; съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ вида». Слухи, носившіеся въ Краковѣ, были еще опредѣленнѣе; нунцій Рангони тщательно собиралъ ихъ. Рассказывали по секрету, будто Димитрій открылся кіевскому намѣстнику и даже просилъ его поддержки. Престарѣлый князь будто бы грубо отказалъ ему въ этомъ, и одинъ изъ его гайдуковъ будто бы даже поколотилъ навязчиваго просителя и выпроводилъ его изъ замка ³⁾. Но Димитрій не потерялъ бодрость духа; пришлось

¹⁾ Велевницкій, т. II, стр. 49.—Извѣтъ, кол. 21.

²⁾ См. т. II, стр. 221—227.

³⁾ Москва, архивъ министерства юстиціи, Лит. Метр., нов. кв., 55,

ли ему дѣйствительно вынести эту непріятность или нѣтъ, какъ бы то ни было, онъ вскорѣ перекочевалъ изъ Острога въ Гошу.

Этотъ городъ былъ центромъ, куда стекались аріане; ихъ училища въ Гошѣ пользовались громкой извѣстностью. Сектантъ, Гавріиль Гойскій, кіевскій каштелянъ и маршалъ маленькаго Острожскаго двора, былъ въ Гошѣ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ преподавателей.

Что же влекло въ Гошу Димитрія и чѣмъ онъ былъ намѣренъ тамъ заняться? Преподавать русскій языкъ, говорятъ одни; изучать науки, утверждаютъ другіе, и пожалуй они правы, такъ какъ свѣдущіе люди признаютъ, что всѣ знанія, пріобрѣтенныя Димитріемъ, носятъ отпечатокъ аріанскаго ученія. Но Поссевинъ, скрывающійся подъ именемъ Бареццо-Барецци и получившій свѣдѣнія отъ польскихъ іезуитовъ, говоритъ, будто Димитрій занималъ въ Гошѣ весьма скромную должность, а именно служилъ просто-на-просто на кухнѣ у Гойскаго ¹⁾). Какое бы изъ этихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній ни было вѣрно, но ни поваренокъ, ни школьный учитель, ни студентъ не убили въ Димитріи претендента на престолъ: онъ выжидалъ только благопріятный моментъ для того, чтобы выступить окончательно въ этой роли.

До тѣхъ поръ Димитрій дѣйствовалъ въ пустую. Въ 1603 г. судьба улыбунулась ему въ Брашмѣ, у князя Адама Вишневецкаго. Этотъ знатный кондотьеръ только и мечталъ о подвигахъ на полѣ брани. Русскій по происхожденію, но подданный короля польскаго, бывший воспитанникъ виленскихъ іезуитовъ, ревностный сынъ православной церкви и человекъ по-своему набожный, онъ былъ чрезвычайно озлобленъ противъ москвитянъ. Ихъ разъединяло соперничество и кровь. Его обширныя помѣстья лежали на обоихъ берегахъ Днѣпра, простираясь до самой границы.

Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ владѣнія Вишневецкаго соприкасались съ русскою землею, нерѣдко возникали пограничныя споры, которые, не доходя до суда, рѣшались часто съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1603 г. русскіе были озлоблены противъ Вишневецкаго за то, что онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, правильно или нѣтъ, сказать трудно, два большія мѣстечка. Русскіе совершили набѣгъ на эти спорныя земли и овладѣли ими. Съ той и съ другой стороны, были раненые и убитые. Князь Острожскій, которому въ качествѣ кіевскаго намѣстника было поручено произвести слѣдствіе, представилъ королю донесеніе, въ которомъ онъ доказывалъ необходимость строго наказать виновныхъ

ф. 40.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 320, ф. 155.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в, стр. 87.

¹⁾ Zabczyc, мартъ.—Иавѣтъ, кол. 21.—Бареццо-Барецци, стр. 6.

и вознаграждать Вишневецкихъ за понесенные ими убытки. Дѣло тянулось долго, и князь Адамъ не отступалъ отъ своихъ требованій ¹⁾).

Этому-то воинственному магнату, раздраженному побѣдою его противниковъ, коего имущественные интересы были затронуты и поправы, Димитрій открылся первому, и это признаніе положило начало его исполненной приключеній карьерѣ. Личность Вишневецкаго была избрана удачно; настала пора дѣйствовать, но надобно было найти доступъ къ вельможѣ. Какимъ образомъ проникъ къ нему бѣдный монахъ? Что сдѣлалъ онъ для того, чтобы Вишневецкій принялъ его и повѣрилъ его словамъ? Историки теряются по этому поводу въ догадкахъ. Одни изъ нихъ рассказываютъ, будто бы Вишневецкій побилъ его и онъ съ истинно царскимъ величіемъ выразилъ ему по этому поводу свое негодованіе и тѣмъ обнаружилъ себя; другіе говорятъ, что, будучи при смерти, онъ открылъ свою тайну духовнику, который не умолчалъ о ней; иные говорятъ, что ему послужила на пользу романтическая страсть ²⁾). Всѣ эти анекдоты создали Димитрію подходящую обстановку. По правдѣ сказать, они основаны на самыхъ ничтожныхъ данныхъ: князь Адамъ не упоминаетъ о нихъ въ своемъ донесеніи, и по поводу этого обстоятельства не былъ допрошенъ никто изъ очевидцевъ и не высказалась никакая компетентная власть. Несомнѣнно лишь одно: Вишневецкій первый торжественно призналъ Димитрія царевичемъ, онъ руководилъ его первыми шагами и былъ крестнымъ отцомъ претендента. Между ними вѣроятно произошло что-либо таинственное. Быть можетъ, на князя произвели особенное впечатлѣніе показанія московскихъ жителей, которые уже стекались въ то время къ Димитрію. Желаніе отомстить и надежда получить выгоду могли сдѣлать неразборчивымъ такого корыстолюбиваго и воинственнаго человѣка, какимъ былъ Вишневецкій.

Превращеніе Димитрія было внезапное и полное. Еще наканунѣ онъ былъ бѣденъ и безвѣстенъ, а тутъ разомъ сдѣлался великой особою. Онъ бросилъ монашескую жизнь, если предположить, что онъ велъ ее до тѣхъ поръ, и рѣшительно принялъ тонъ и манеры претендента на могущественный престолъ. Его поддерживалъ сильный покровитель. Оставалось только немедленно взяться за дѣло, организовать войско, на вербовать казаковъ и привести въ исполненіе планъ, который король такъ сильно раскритиковалъ. Дѣйствительно на Донъ и Днѣпръ

¹⁾ Москва, архивъ министерства юстиціи. Лит. метр. нов. вѣ., 55 ф. 8.—С.-Петербургъ, Публичн. библ., Polskaia, ф. IV, 119, ф. 99.—Мѣстечки эти назывались Прилуки и Свещино.

²⁾ Въ Zabzuscъ (мартъ) читаемъ, что священникъ былъ только посредникомъ между княземъ и Димитріемъ. Этотъ рассказъ легъ въ основу послѣдующихъ легендъ.

были немедленно посланы эмиссары, коимъ было приказано вербовать охотниковъ. Пронесся слухъ, дошедшій до короля, будто Димитрій самъ отправился къ этой вольницѣ, всегда готовой взяться за оружіе. Подробности переговоровъ Димитрія съ казаками, происходившихъ на словахъ подъ открытымъ небомъ, съ грубостью, въ которой выражалась надменность, останутся для насъ на вѣки тайною. Исторія казачества писалась ихъ саблями, и ея слѣды можно найти не въ книгахъ, а на поляхъ битвъ. Посадить претендента на престолъ было самымъ подходящимъ для нихъ дѣломъ. Она то и дѣло были заняты этимъ въ Молдавіи и Валахіи. Имъ не было дѣла до того, были ли права претендента истинны или ложны, лишь бы предпріятіе сулило имъ выгоды. А Московія съ ея необозримыми равнинами и сказочнымъ богатствомъ была добычею гораздо болѣе соблазнительною, нежели бѣдныя придунайскія княжества. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ это именно время начались сношенія Димитрія съ казаками и быть можетъ даже съ татарами и что по крайней мѣрѣ съ первыми изъ нихъ имъ были заключены извѣстныя условія и сдѣлки. Волненіе на Украинѣ приняло даже столь тревожные размѣры, что король былъ вынужденъ вмѣшаться. 12-го декабря 1603 г. были изданы строжайшіе приказы, воспрещавшіе казакамъ формировать банды, а мѣстнымъ жителямъ продавать имъ оружіе и боевые запасы. Казаки, по обыкновенію, не обратили на эти платоническія запрещенія ни малѣйшаго вниманія ¹⁾.

Нѣсколько времени спустя случился одинъ фактъ, который могъ поощрить Вишневецкаго не уклоняться съ того пути, на который онъ вступилъ. Не взирая на представленное имъ, благоприятное для Димитрія, донесеніе, король счелъ нужнымъ обстоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ. Это было поручено королемъ Льву Сапѣгѣ. У него жилъ одинъ лифляндецъ, прекрасно знавшій Димитрія, такъ какъ онъ состоялъ при его особѣ въ Москвѣ. Этого человѣка послали въ январѣ мѣсяцѣ 1604 г. къ Вишневецкому, и претенденту была устроена ловушка. Лифляндецъ выдалъ себя за постороннее лицо и не выказалъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ Димитрія, но послѣдній не дался въ обманъ. Онъ узналъ своего бывшего слугу и съ увѣренностью назвалъ его по имени. Лифляндецъ, въ свою очередь, оставивъ роль шпіона, удостовѣрилъ, что Димитрій былъ истинный сынъ Іоаннъ IV. Онъ видѣлъ его слишкомъ часто, чтобы ошибаться. Онъ указалъ даже на нѣкоторые физическіе признаки ихъ сходства: бородавку на носу и неоди-

---

¹⁾ Listy Zolkiewskiego, письма Жолкѣвскаго, стр. 127, № 95. Краковъ, музей Чаргорыйскихъ, 320, ф. 129. Гришбергъ, стр. 26, 27.

накую длину рукъ. Это обстоятельство было признано весьма важнымъ и доведено до свѣдѣнія нунція ¹⁾.

Такимъ образомъ для Дмитрія удача слѣдовала за удачей. Вскорѣ ему уже стало тѣсно въ замкѣ Брашмы. Онъ началъ развивать свои планы въ иномъ мѣстѣ. Мѣсто дѣйствія переносится теперь въ Самборъ, въ домъ Мнишекъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ватиканскій архивъ. Рукоп. Боргезе, III, 90, в. ф. 13, 16.—Rome et Démétrius, стр. 176. Этотъ лифляндецъ, повидямому, былъ то же, что Піотровскій, о которомъ упоминаютъ поляки, и Петруша—русскихъ. Рангои не называютъ его по имени.

Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ.

Въ 1843 году именитые домохозяева Бердичева возбудили ходатайство объ обращеніи сего мѣстечка въ городъ, съ учрежденіемъ въ ономъ городской думы и магистрата.

Просители утверждали, что Правительствующій Сенатъ еще въ 1801 году признавалъ Бердичевъ коммерческимъ въ Европѣ мѣстомъ (указъ 8-го августа).

Ко времени составленія записки, въ мѣстечкѣ числилось: мѣщанъ свыше 10.000 рев. душъ, однодворцевъ 617; дворянъ, гражданъ и разночинцевъ болѣе 2.000; капиталовъ первой гильдіи -- 10, второй — 11, третьей—503; ярмарокъ—5.

Въ прошеніи, между прочимъ, изображено:

«Въ число естественныхъ богатствъ — полагается природный умъ жителей. Онъ великими своими успѣхами и принесетъ пользу государству и честнымъ людямъ немалую».

Кіевскій военный подольскій и волынскій генераль-губернаторъ, сознавая необходимость отторженія Бердичева отъ Житомира, присутственныя мѣста котораго наводнялись агентами бердичевскихъ дѣльцовъ и промышленниковъ, въ декабрѣ того же года вошелъ въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ о причисленіи Бердичева къ Махновскому уѣзду Кіевской губерніи ¹⁾.

При этомъ генераль Бибиковъ слѣдующими чертами обрисовалъ прежній и современный ему Бердичевъ:

---

¹⁾ Вопросъ о перечисленіи мѣстечка изъ одной губерніи въ другую возбуждался еще въ 1805 году его владѣльцемъ, княземъ Радзивилломъ, который указывалъ на крайнее неудобство, испытываемое обывателями отъ отдаленности уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ (Житомиръ въ 45 верстахъ, въ то время какъ въ 20 верстахъ стоитъ Махновка, уѣздный городъ Кіевской губерніи).

Несмотря на поддержку, оказанную кіевскимъ губернаторомъ Панкратьевымъ, проекту тогда не суждено было осуществиться, такъ какъ волынское начальство энергично тому воспротивилось.

«Бердичевъ въ прежнее время былъ средоточіемъ контрабанднаго промысла въ томъ обширномъ, въ правильныя формы приведенномъ видѣ, въ которомъ едва-ли встрѣчался гдѣ и когда-либо. Тогда обращались въ Бердичевѣ миллионныя капиталы, похищенные утайкою казенныхъ пошлинъ, и совершались всѣ роды преступленій безнаказанно и безгласно.

«Бердичевъ кормилъ и обогащалъ житомирскихъ чиновниковъ, раздавая имъ постоянно, однажды навсегда опредѣленные, жалованья, присвоенныя каждому лицу и мѣсту.

«За то въ Бердичевѣ дѣлали все, что хотѣли. Бердичевъ былъ могуществомъ, спасавшимъ отъ суда и закона всякое преступленіе.

«Огромныя ярмарки соединяли въ немъ, по нѣсколько разъ въ годъ, едва-ли не большую часть поляковъ Галиціи, Познани, царства Польскаго и западныхъ губерній. Они ѣхали туда какъ по долгу. Бердичевъ, въ то время, представлялъ имъ своими безпорядками и потворствомъ властей подобіе самыхъ буйныхъ, безпорядочныхъ польскихъ сеймовъ, — возможность дѣлать все, предаваться всѣмъ порокамъ и преступленіямъ, безъ всякой осторожности. Огромная карточная игра, тамъ происходившая, служила также цѣлью пріѣзда. Поляки проигрывались и утѣшали себя мечтами въ какомъ-нибудь тайномъ политическомъ обществѣ.

«Бердичевъ не разъ былъ и мѣстомъ съѣзда политическихъ заговорщиковъ, и отъ него-то преступныя правила и мысли развозились во всѣ концы бывшей польской республики.

«Въ настоящее время, говоря языкомъ контрабандистовъ и польскихъ патриотовъ, — Бердичевъ упалъ.

«Онъ и въ самомъ дѣлѣ упалъ, ибо главныя причины его нѣкогда блистательнаго положенія — свободный пропускъ контрабанды и фальшивое клейменіе товаровъ — прекратились. Отъ преступленій примѣрно важныхъ и государственныхъ — онъ низошелъ, такъ сказать, до преступленій мелкихъ, по сравненію съ прежними, но весьма важныхъ еще, при томъ порядкѣ и направленіи, которые государю императору угодно было высочайшее повелѣть ввести въ здѣшній край.

«Еще недавно сообщники Конарскаго назначали свои съѣзды въ Бердичевѣ. Общество Балагуловъ ¹⁾ тамъ составлялось и цвѣло жизнію разврата и своеволия. Едва прокрадывался изъ-за границы какой-либо изгнанникъ — немедленно направлялся въ Бердичевъ, съ увѣренностію найти тамъ покровителей и мѣсто дѣйствія, и находилъ то и другое. Бывшая «агенція» польскаго банка, владѣя почти всѣми капиталами

¹⁾ Балагулы — сторонники демократическаго движенія (балагульщины) въ польскомъ обществѣ Ю.-З. края; диническій протестъ противъ аристократизма и французаніи.

края, привлекала туда многихъ. Не проходитъ и нынѣ ни одной ярмарки безъ малаго либо особаго происшествія: то прибьютъ полицеймейстера, кого-нибудь обыграютъ, или сдѣлаютъ какое-нибудь буйство.

«Жиды, составляющіе почти исключительно населеніе Бердичева, избрали его центромъ: какъ въ прежнее время главной преступной своей дѣятельности, такъ, нынѣ — многочисленныхъ козней и преступленій. Тамъ недавно совершались убійства и грабежи, коихъ послѣдствія, или не открывались, или обнаруживались чрезвычайно трудно. Тамъ совершались убійства тайной мести жидовской; туда являлись равнины, у которыхъ выпрягали лошадей и возили по мѣстечку съ фанатическимъ изступленіемъ. Туда присылались возмутительныя воззванія изъ-за границы къ еврейскому народу. Тамъ существуютъ цѣлыя общества лжедоносчиковъ, которые торгуютъ, и весьма прибыльно, этимъ ремесломъ. Тамъ выдаютъ фальшивые паспорта, скрываются бѣглецы и дезертиры и, наконецъ, тамъ гнѣздилище того факторства по дѣламъ, производящимся въ Житомирѣ, которое обвиваетъ цѣлью своихъ происковъ житомирскія присутственныя мѣста, такъ, что едва что-либо подпишется въ Житомирѣ, — черезъ два или три часа оно дѣлается извѣстнымъ въ Бердичевѣ. Копіи настоящія и ложныя съ указовъ и резолюціей летятъ въ Бердичевъ, какъ на торгъ — тамъ продаются и покупаются. Обманамъ, плутнямъ и посягательствамъ на всѣ виды преступленій нѣтъ конца.

«Уголовныхъ и всякаго рода дѣлъ и слѣдствій въ Бердичевѣ всегда столько, что почти постоянно живутъ для нихъ въ Бердичевѣ губернскіе чиновники.

«Нѣтъ никакой возможности разорвать неблаговидныя связи Житомира съ Бердичевомъ; между тѣмъ, происходящее отъ того неимовѣрное накопленіе дѣлъ въ житомирскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и дѣлъ столь запутанныхъ, столь странныхъ, и по преступленіямъ долга и совѣсти отважныхъ, что нѣтъ никакихъ средствъ положить имъ предѣлъ обыкновенными способами».

Представленная записка не оставлена была безъ вниманія. 21-го февраля 1844 г. высочайше повелѣно: мѣстечко Бердичевъ Житомирскаго уѣзда «прирѣзать къ Махновскому уѣзду Кіевской губерніи подъ непосредственный и ближайшій надзоръ» генералъ-губернатора.

Границею между губерніями указано быть линія: Маркушки, Пятигорка, Жидовецкая корчма, Жидовцы, Скригліовка, Гришковцы, Чехи и Бровецкая корчма.

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

Собственноруч. письмо И. И. Дмитріева—гр. Н. П. Румянцову.

9-го октября 1814 г. Москва.

Новое благодарѣніе и новую дань благодарности приношу отъ глубины сердца вашему сіятельству. Ежели кто изъ друзей моихъ авторовъ захочетъ въ сочиненіяхъ своихъ оставить слѣды бытія моего для потомства, то заповѣдаю ему не умолчать и о томъ, что бывшій поэтъ и министръ, возвратясь на родное свое пепелище, обязанъ былъ въ старости лѣтъ своихъ первымъ пристанищемъ и первымъ успокоеніемъ единственно вашему гостепрїимству.

Надѣюсь, однакожь, что и мой домикъ скоро поспѣетъ.—Уже я въ мысляхъ располагаю, гдѣ въ кабинетѣ моемъ поставить почетные бюсты побѣдителя при Кагулѣ ¹⁾ и фридрихсгамскаго миротворца ²⁾.—Это будутъ почетныя мѣста въ моемъ жилищѣ.

Между тѣмъ снова поручая себя лестному для меня вашему благо-расположенію, съ отличнымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть.

¹⁾ Графа Петра Александровича Румянцева.

²⁾ Графа Николая Петровича Румянцева.

Десять неизданных писем В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу.

Метръ Николаевичъ Тургеневъ любезно сообщилъ редакціи «Русской Старины» свои фамильныя бумаги и въ числѣ ихъ оказалось двадцать собственноручныхъ писемъ В. А. Жуковского къ его дядѣ Александру Ивановичу. — Десять изъ нихъ были уже изданы въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 годъ ¹⁾; оттуда они были перепечатаны въ помѣщенныхъ въ приложеніи къ тому же журналу за 1895 годъ «Письмахъ В. А. Жуковского къ Александру Ивановичу Тургеневу», изданныхъ по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, съ примѣчаніями И. А. Бычкова ²⁾. Поэтому печатать ихъ еще разъ было бы излишне ³⁾.

¹⁾ Равно какъ и приложенный къ письму № LXXXII (по „Письмамъ Жуковского къ Тургеневу“) проектъ письма Жуковского къ императору Александру I (см. тамъ же, стр. 162—163) и письмо Жуковского къ С. П. Жихареву (см. тамъ же, стр. 167—168), присланное при письмѣ къ Тургеневу отъ 31-го октября 1816 года (№ LXXXIV).

²⁾ См. въ „Письмахъ Жуковского къ Тургеневу“ №№ XXX, LXXXII, LXXXIII, LXXXIV, LXXXVI, LXXXVII, LXXXVIII, XC, XCI и XCII.

³⁾ Слѣдуетъ только отмѣтить нѣсколько невѣрно прочтенныхъ мѣстъ и небольшихъ пропусковъ въ текстѣ этихъ писемъ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“; понятно, что тѣ же невѣрныя чтенія и пропуски повторены и въ перепечаткѣ этихъ писемъ въ „Письмахъ Жуковского къ Тургеневу“; на страницы этого изданія и дѣлаются далѣе ссылки.

Такъ, въ письмѣ XXX-мъ напечатано (стр. 74): „и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ лишъ (въ подлинникѣ: мѣшаетъ мнѣ) въ полнотѣ восхищаться тобою“. На стр. 75-й: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе (въ подлинникѣ: расширяетъ понятіа). На стр. 77-й: двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ одинъ, можетъ быть, имѣть не способенъ

Остальные же десять писемъ Жукoвскаго, сообщенныя П. Н. Тургeнeвeмъ, въ печати еще не появлялись. Они относятся къ 1809, 1810, 1814, 1816, 1817 и 1820 годамъ и служатъ дополнeнiемъ къ богатому собранiю подлинныхъ писемъ Жукoвскаго къ А. И. Тургeнeвy, которыя были пожертвованы Императорской Публичной Библиотекѣ въ 1884 году сыномъ поэта П. В. Жукoвскимъ и изданы въ вышеназванной книгѣ «Письма В. А. Жукoвскаго къ Александру Ивановичу Тургeнeвy».

Изъ печатаемыхъ нынѣ писемъ Жукoвскаго къ Тургeнeвy большая часть не имѣетъ помѣтъ о времени ихъ написанiя; его пришлось уста-

(въ подлинникѣ: можетъ быть, и имѣтъ не способенъ). На стр. 78-й: А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часъ отъ часу болѣе (въ подлинникѣ: любезенъ, и часъ отъ часу болѣе). На стр. 78-й: Et ni posces... Intendes... (въ подлинникѣ: Ni posces... Intendas). На стр. 79-й: Безо (въ подлинникѣ: безъ) всякаго замедленiя. На той же страницѣ: избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученiя, выплакивать себѣ выгоду (въ подлинникѣ: отъ мученiя выклакивать себѣ выгоду). На той же страницѣ: И ты много (въ подлинникѣ: много, много) одолжилъ бы меня, если бы свабдилъ меня и Эйхгорномъ. На той же страницѣ: Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть приятно помогать мнѣ въ нуждѣ (въ подлинникѣ затѣмъ стоитъ еще фраза: Э т о ж е т а к ѣ л е г [к] о). Только не медли!

Въ письмѣ LXXXIII-мъ, на стр. 163-й: Но... когда (въ подлинникѣ: Н о т е п е р ь, когда) государь долженъ узнать объ ней.

Въ письмѣ LXXXIV-мъ, на стр. 165-й: И я не погибну съ вами! Братъ, что за слово? Съ вами! (въ подлинникѣ: Съ нами!).

Въ письмѣ къ Жихареву, на стр. 167-й: Но будетъ (въ подлинникѣ: Э т о будетъ) большое для меня огорченiе. На стр. 168-й: къ которому числу, котораго мѣсяца (въ подлинникѣ: къ второму числу котораго мѣсяца).

Въ письмѣ LXXXVI-мъ, на стр. 169-й: На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivaго! (въ подлинникѣ: надъ Шаховскими и Б е с ѣ д о ю). Надо еще добавить, что письмо это было сложено пакетомъ и имѣетъ адресъ: „Его превосходительству Александру Ивановичу Тургeнeвy. Въ С.-Петербургѣ“, за которымъ идетъ слѣдующая приписка (въ „Русскомъ Архивѣ“ не приведенная): „Собери Арзамасъ и отдай Блудову приложенную бумагу для прочтенiя“.

Въ письмѣ LXXXVII-мъ, на стр. 170-й: Я былъ свидѣтелемъ его докторской диспутаціи, могу увѣрить тебя (въ подлинникѣ: и могу увѣрить тебя). На той же страницѣ: Парротъ... долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домикши (въ подлинникѣ: свой домикшо). На стр. 171-й: Наслаждался, писалъ стихи! (въ подлинникѣ: писалъ стихи!).

Въ письмѣ ХС-мъ, на стр. 174-й: Въ Сибири терпѣнiе тяжелѣе (въ подлинникѣ: т я ж е л ѣ).

Въ письмѣ ХСII-мъ, на стр. 175-й: Какъ не ввѣситъся (въ подлинникѣ: в в ѣ с п ш ь с я), подумавъ.

навливать изъ самаго содержанія писемъ. Такія хронологическія опредѣленія выставлены въ началѣ писемъ въ круглыхъ скобкахъ.

Примѣчанія, которыми сопровождаются нижепомѣщаемыя письма Жуковскаго, составлены И. А. Бычковымъ.

1.

Письмо С. М. Соковнина¹⁾, съ припискою В. А. Жуковскаго.

Москва, 1809 года декабря 2-го дня.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше къ Василию Андреевичу²⁾ читалъ я съ самымъ искреннимъ чувствомъ. Дружба и любовь тѣхъ людей, которые связаны были съ нашею семьею³⁾, для меня всего дороже, тѣмъ болѣе, что теперь только въ ихъ дружбѣ и любви могу возвратить свои потери. Какъ бы желалъ я, чтобы мы не такъ далеко были другъ отъ друга. Любезный Василий Андреевичъ часто говоритъ, какъ бы намъ было весело, если бы мы были вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобы это поскорѣ случилось. Я не хотѣлъ бы докучать вамъ моими просьбами и писалъ къ брату Андрею Ѳедоровичу⁴⁾, чтобы онъ попросилъ васъ объ моемъ дѣлѣ⁵⁾—мимоходомъ—но то, что вы пишете въ письмѣ вашемъ, заставило меня огнестись къ вамъ со всѣми подробностями моихъ честолюбивыхъ плановъ. Вы писали, чтобы послать въ Петербургъ бумагу о моей учености—то туда посланъ дипломъ на кандидатство, который я получилъ третьяго года. Однакожъ мнѣ кажется, что этотъ дипломъ не будетъ имѣть никакого дѣйствія, ибо въ немъ сказано только, что я ученый мужъ въ однихъ словесныхъ наукахъ. Правда, въ послужномъ моемъ

¹⁾ Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ былъ товарищемъ Жуковскаго и Тургенева по университетскому благородному пансіону. О Соковнинѣ и его литературной дѣятельности см. Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 735—736, и Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 444—445.—Жуковскій, во время своихъ прїѣздовъ въ Москву въ 1809 и 1810 гг., жилъ у Соковнина (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 9; „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 87).

²⁾ Жуковскому.

³⁾ См. письма Жуковскаго къ Тургеневу отъ декабря 1807 года („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 41—42) и къ Аннѣ Михайловнѣ Соковниной (сестрѣ С. М. Соковнина) отъ іюля-августа 1807 года („Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 6—8).

⁴⁾ Не Сухотину ли? Ср. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 43, 130 и 199, а также „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 8.

⁵⁾ О производствѣ въ чинъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма.

спискѣ написано, что я учился въ унив(ерситетскомъ) панс(ионѣ) всему тому, объ чемъ говорится въ указѣ, но не сказано, что былъ произведенъ студентомъ за тѣ быстрые успѣхи, которые во всемъ томъ сдѣлалъ. Студентской же аттестатъ за подписью всего университетскаго правленія достать теперь очень трудно и почти невозможно—ибо кандидату студентскаго аттестата не дадутъ. Коллегіи ¹⁾, конечно, должно быть извѣстно, что въ кандидаты не производятъ иначе, какъ изъ студентовъ. Вотъ, любезный Александръ Ивановичъ, все то, что я могъ написать вамъ объ себѣ. Но мнѣ, право, ничего не будетъ досадно, если мнѣ не дадутъ чина—увѣрю васъ, что я не столько бы обрадовался, читавши указъ о моемъ производствѣ, сколько мнѣ весело было читать письмо ваше. Честолюбіе даетъ однѣ заботы, а дружба—одни удовольствія. Доброе ваше расположеніе ко мнѣ обрадовало меня тѣмъ болѣе, что я давно желалъ дружбы вашей и по вашему уму, и по сердцу, и потому, что васъ любили и почитали тѣ люди, которые были для меня всего дороже. Не думайте, чтобы я писалъ къ вамъ одни пустыя слова—нѣтъ, я, право, съ этой стороны похожъ на Василія Андреевича—право, сердце мое такъ же готово къ дружбѣ, такъ же можетъ наслаждаться ея наслажденіями, какъ его. Жаль, что вы знали меня не въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ начинаетъ себя чувствовать. Право, скажу вамъ, не лѣтя себѣ, что во мнѣ есть не мѣшка то го, чего такъ много въ васъ и въ Жуковскомъ. Можетъ быть mes éra pchements ²⁾ покажутся вамъ смѣлыми, но я надѣюсь въ нихъ современемъ оправдаться. Вы увидите, что я говорилъ правду, когда мы будемъ сидѣть втроемъ за доброй чашкой шоколаду—и говорить о томъ, что уже прошло, что никогда не возвратится и однакожъ все еще намъ пріятно и незабвенно. Простите. Признаюсь, я кончилъ письмо совсѣмъ не съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ началъ. Остаюсь навсегда преданный вамъ Сергѣй Соковнинъ.

Здра(в)ствуй, любезнѣйшій другъ, обнимаю тебя отъ всего сердца; на слѣдующей почтѣ буду къ тебѣ писать болѣе ³⁾ и просить письма къ Гагарину ⁴⁾. Теперь некогда. Нельзя ли поискать мнѣ въ Петербургѣ

¹⁾ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. По окончаніи курса въ университетскомъ пансіонѣ Соковнинъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и занималъ тамъ должность переводчика.

²⁾ Т.-е. мои изліянія, моя откровенность.

³⁾ Этого обѣщаннаго письма въ напечатанныхъ „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“ не имѣется: письмо XX-е помѣчено 15-мъ сентября 1809 года, а письмо XXI-е относится уже къ апрѣлю 1810 года.

⁴⁾ Къ какому именно князю Гагарину—сказать трудно; не къ князю ли Павлу Гавриловичу Гагарину, сочиненіе котораго „Les treize journées ou la Finlande“ (въ которомъ описывается путешествіе императора Александра I

книги: «Handbuch der Erziehung von Niemeyer», послѣднее изданіе, въ 3-хъ томахъ¹⁾. Обними за меня Блудова²⁾. Твой Жуковский.

2.

(Во второй половинѣ ноября 1810 г. Муратово).

Вотъ тебѣ еще хлопоты, любезнѣйшій другъ. Прилагаю при семъ записку о томъ, что надобно сдѣлать для Екатерины Аванасьевны Протасовой³⁾ и что ты сдѣлай безъ всякаго отлагательства. Не знаю, однако, можно ли будетъ сдѣлать? Если не ошибаюсь, надобно бы, для полученія изъ банка копія съ свидѣтельства, подать ему объ этомъ просьбу; однако попытайся. Я съ своей стороны напишу къ Катеринѣ Аванасьевнѣ, которая находится теперь въ Москвѣ, чтобы она послала просьбу, адресовавъ ее или прямо въ банкъ или на твое имя. Твое дѣло хлопотать и теперь, чтобы выдали и послали копію куда слѣдуетъ, безъ просьбы, и тогда, когда придется просьба, если теперешній опытъ окажется неудаченъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обязанность твоя есть быть дѣятельнымъ. А моя обязанность во всѣхъ случаяхъ есть любить тебя отъ всей души и бѣситься на твою необходимость, ибо книгъ и теперь еще нѣтъ⁴⁾. Правда, что почта еще не пришла, но я почти увѣренъ, что ты полѣнился послать.

Геренъ⁵⁾. Шлецеръ: Weltgeschichte, Selbstbio (graphie), P. R. Annalen,

въ 1809 году въ Финляндію для присутствія на Боргоскомъ сеймѣ) Жуковский просилъ Тургенева прислать ему въ сентябрѣ 1809 года (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 52).

¹⁾ Заглавіе книги приведено не вполне точно. Сочиненіе извѣстнаго богослова и педагога Августа-Германа Нимейера (р. 1754†1823) „Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern und Schulmänner“ вышло 5-мъ изданіемъ, въ трехъ частяхъ, въ Галле въ 1806 году.

²⁾ Дмитрія Николаевича.

³⁾ Дѣло шло о залогѣ имѣнія Е. А. Протасовой въ Опекунскомъ Совѣтѣ; часть этого имѣнія была ранѣе заложена въ 25-тилтней Экспедиціи Заемнаго Банка, и для новаго залога нужно было получить изъ банка свидѣтельство (см. письмо Жуковскаго къ Тургеневу отъ 19-го сентября 1810 г. въ „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 70).

⁴⁾ Въ письмѣ отъ 7-го ноября Жуковский благодарилъ Тургенева за посылку нужныхъ ему книгъ, но въ то же время писалъ, что самыхъ книгъ онъ еще не получалъ (тамъ же, стр. 74).

⁵⁾ О присылкѣ сочиненія извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, р. 1760 † 1842) Handbuch der neuesten Geschichte Жуковский просилъ Тургенева въ письмѣ отъ 11-го октября 1810 года (тамъ же, стр. 71).

Deutschen in Siebenbürgen, и пр. ¹⁾). Эйхгорнъ ²⁾). Греческая грамматика ³⁾). Латинская грамматика и прочее. Когда это все ко мнѣ будетъ?

Братъ! я въ деревнѣ ⁴⁾). Денегъ у меня нѣтъ. Книги твои останутся цѣлы. Ты можешь меня одолжить—и медлишь. О, людоеды!

Тотчасъ увѣдомь меня о томъ, что сдѣлано будетъ по этому письму. Обнимаю тебя.

Das beste Mittel wider die bevorstehenden Unannehmlichkeiten ist meinen Geist mit einem desto festern Entschluss zu grossen Dingen und Gesinnungen zu erfüllen, denn ich kenne mich genug um zu wissen, dass der Vorsatz oder die Zuversicht in meinem Leben das gemeine Wohl zu befördern mich mehr als alles andere standhaft und ruhig macht; dadurch werden in meinen eigenen Augen meine Wissenschaften so edel und wichtig, dass Pflicht und Ruhmbegierde mich gegen alles unüberwindlich machen ⁵⁾.

¹⁾ Рѣчь идетъ о слѣдующихъ сочиненіяхъ знаменитаго Августа Шлёцера: Weltgeschichte nach ihren Haupttheilen im Auszug und Zusammenhang (въ двухъ томахъ, вышедшихъ въ Геттингенѣ въ 1785 и 1789 г.г.); August Ludwig v. Schlözer's öffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Erstes Fragment (Göttingen. 1802); Probe Russischer Annalen (Göttingen. 1768) и Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen (Göttingen. 1795—1797). О присылкѣ этихъ сочиненій Шлёцера Жуковский нѣсколько разъ просилъ Тургенева (въ письмахъ отъ „ “ августа, 12-го сентября, 11-го октября и 4-го ноября 1810 года) (см. „Письма В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу“, стр. 56, 58, 60, 71 и 73); въ письмѣ отъ 4-го декабря (стр. 80) Жуковский напоминалъ, что о присылкѣ Шлёцеровою Weltgeschichte онъ уже дважды писалъ Тургеневу.

²⁾ Просьба Жуковского о присылкѣ ему сочиненія Эйхгорна (Иоганна-Готфрида, историка и ориенталиста, р. 1752 † 1827)—или его Weltgeschichte (Геттингенъ, 1799—1814) или Geschichte der drei letzten Jahrhunderte (тамъ же, 1803—1805)—содержалась въ его письмѣ къ Тургеневу отъ 7-го ноября 1810 года (см. „Письма В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу“, стр. 79).—Жуковский въ это время дѣятельно знакомился съ выдающимися историческими трудами.

³⁾ О присылкѣ хорошихъ латинской и греческой грамматикъ Жуковский просилъ Тургенева еще 19-го сентября 1810 года (см. тамъ же, стр. 70) и затѣмъ не разъ повторялъ свою просьбу, даже въ письмѣ отъ 7-го ноября (тамъ же, стр. 79).

⁴⁾ Въ селѣ Муратовѣ (Болховскаго уѣзда), имѣніи Е. А. Протасовой (см. тамъ же, стр. 58).

⁵⁾ Т. е.: Лучшимъ средствомъ противостоятъ надвигающимся неприятностямъ это—направить умъ съ еще болѣе твердою рѣшимостью къ совершенію великихъ дѣлъ и предначертаній, ибо я достаточно себя знаю, чтобы понимать, что лишь твердое намѣреніе и упованіе собственною жизнью содѣйствовать общему благу болѣе всего другого можетъ меня подкрѣпить и успокоить; поэтому въ моихъ собственныхъ глазахъ знанія мои становятся столь благородными и важными, что долгъ и жажда славы дѣлаютъ меня совершенно непреоборимымъ.

Изъ Миллеровыхъ писемъ ¹⁾ буду переводить лучшія для Вѣстника ²⁾. Изъ остальныхъ выберу лучшія мысли. Все это соберу и напечатаю особенно, съ посвященіемъ ³⁾.

Тогда только ты можешь поздравить меня истиннымъ авторомъ, когда я буду восхищаться Демосееномъ, Тацитомъ, Гомеромъ и Гораціемъ въ оригиналѣ.

Перечитавъ письмо Екат(ерины) Аван(асьевны) ко мнѣ, начинаю думать, что просьба въ банкъ послана, и что въ ней только неясно сказано то, о чемъ она проситъ въ приложенной запискѣ. Справься.— А я между тѣмъ все напишу къ ней.

Книги сію минуту получили.—Обнимаю тебя. О Греческой грамматикѣ не заботься—прислали.

Р. R. Appalen ⁴⁾ самое старинное изданіе; я видѣлъ у Каченовскаго ⁵⁾ совсѣмъ другое—большой октаво.

Ты очень одолжишь меня Эйхгорномъ; прошу тебя не называть меня неотступнымъ и слишкомъ жаднымъ. Еще разъ повторяю, что книги твои всѣ до одной будутъ цѣлы; только доставь всѣ тѣ, которыя я требовалъ, и не сердись на меня, что такъ на тебя нападаю.

Латинскую грамматику!!!

3.

31 января (1814. Муратово).

Прошу тебя, любезнѣйшій другъ, сдѣлать мнѣ большое одолженіе. Въ Тамбовѣ есть плѣнный: François, adjudant major au 4-ème de ligne ⁶⁾;

¹⁾ Жуковскій съ интересомъ читалъ въ 1810 году Письма извѣстнаго историка Иоганна Миллера къ Бонштеттену (вышли на нѣмецкомъ языкѣ въ Тюбингенѣ въ 1802 году подъ заглавіемъ: „Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund“. Французскій ихъ переводъ явился въ Цюрихѣ въ 1810 году подъ заглавіемъ „Lettres à M. Bonstetten et à M. Gleim“). Въ № 16 „Вѣстника Европы“ 1810 года (стр. 263—285) Жуковскій помѣстилъ свой переводъ нѣсколькихъ изъ этихъ писемъ („Нѣсколько писемъ Иоганна Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонштеттену, другу его“).

²⁾ Кромѣ помѣщенныхъ въ 16-мъ номерѣ „Вѣстника Европы“ 1810 года писемъ Миллера, переводъ другихъ его писемъ не появлялся въ этомъ журналѣ.

³⁾ Это намѣреніе Жуковскаго осталось неисполненнымъ. Посвятить письма Миллера Жуковскій думалъ Тургенову (ср. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургенову“, стр. 57).

⁴⁾ Т. е. Probe Russischer Annalen.

⁵⁾ Извѣстнаго профессора Михаила Трофимовича Каченовскаго. Въ 1810 году „Вѣстникъ Европы“ выходилъ подъ редакцію его и Жуковскаго.

⁶⁾ Въ письмѣ къ Тургенову отъ 24-го марта 1814 года Жуковскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я очень много обязанъ тебѣ за скорое

въ Болховѣ есть родной его дядя, можетъ быть знакомый и тебѣ, Осипъ Петровичъ Букильонъ ¹⁾, живущій у Александра Алексѣевича Плещеева, котораго ты вѣроятно знаешь. Этотъ Франсуа былъ бы весьма счастливъ, когда бы могъ быть вмѣстѣ съ своимъ роднымъ. Постарайся сдѣлать, чтобы его переслали изъ Тамбовской губерніи въ Орловскую, для пребыванія въ Болховѣ. Этимъ обяжешь меня, ибо я желаю оказать какую-нибудь услугу Плещеевымъ, которые болѣе нежели мнѣ родные, потому что ихъ дружба заботится обо мнѣ, какъ объ нихъ самихъ. Объ нашемъ обо всемъ ²⁾ узнаешь отъ Воейкова ³⁾, который вѣроятно съ тобою увидится. Прости. *Éloge de Moreau* ⁴⁾, *Mil-ler* ⁵⁾ etc.

исполненіе моей комиссіи о François. Но еще нѣтъ объ немъ никакого слуху. Освѣдомся, послано ли въ Тамбовъ приказаніе о его перемѣщеніи⁴. („Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 108).

¹⁾ Букильонъ былъ управителемъ у А. А. Плещеева. Объ этомъ Букильонъ идетъ рѣчь въ нѣкоторыхъ русскихъ и французскихъ стихахъ Жуковскаго (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, Спб. 1895, т. I, стр. 458—459 и 530—531).

²⁾ Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ († 1827) находился, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Жуковскому и былъ въ родствѣ съ семьей Протасовыхъ (о немъ см. Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 751—752, и Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 439 — 440). Имѣніе Плещеева, Чернь, находилось въ Болховскомъ уѣздѣ.

³⁾ Т. е. въ какомъ положеніи находилось дѣло о полученіи Жуковскимъ согласія Е. А. Протасовой на бракъ Жуковскаго съ ея дочерью Марією Андреевною Протасовою.

⁴⁾ Извѣстный писатель Александръ Ѳеодоровичъ Воейковъ пріѣхалъ навѣстить Жуковскаго въ Муратово, имѣніе Е. А. Протасовой, въ Болховскомъ уѣздѣ, въ концѣ 1813 года (см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, Спб. 1883, стр. 58). Въ февралѣ 1814 года онъ ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ профессора русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 20—21).

⁵⁾ Жуковскій желалъ получить написанное С. С. Уваровымъ похвальное слово генералу Морю—*Eloge funèbre de Moreau*,—изданное въ Петербургѣ въ 1813 году. Морю—извѣстный французскій генералъ, въ 1813 году вызванный императоромъ Александромъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20-го августа 1813 г.—Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 20-го октября 1814 года Жуковскій жаловался, что онъ не получалъ еще этого сочиненія Уварова (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 128).

⁶⁾ Какое именно сочиненіе историка I. Миллера въ это время было нужно Жуковскому, изъ напечатанныхъ его писемъ къ Тургеневу не видно.

Что скажешь о моемъ новомъ посланіи ¹⁾?

Жуковский.

Отвѣчай мнѣ поскорѣе на это письмо.

4.

2 октября (1816). Дерптъ ²⁾.

Благодарю за Ундины ³⁾, милой другъ, и опять повторяю мою просьбу о дѣлѣ Воейкова ⁴⁾. Твой отвѣтъ для меня совсѣмъ неудовлетворителенъ. Неувѣренность въ справедливости дѣла не можетъ быть для тебя рѣшительною причиною отъ него отказаться. Если ты сомнѣваешься только въ этой справедливости, то еще не можешь знать ничего навѣрное. Сперва узнай, потомъ дѣйствуй, какъ тебѣ велитъ твоя совѣсть, но прежде никакого не имѣешь права мнѣ отказать на мою просьбу. Дѣло теперь опять въ ходу: какъ оно опять пошло въ ходъ, до этого мнѣ и тебѣ нѣтъ нужды. Оно должно быть рѣшено во пользу праваго. И я требую только отъ тебя того, чтобы ты помогъ ему рѣшиться по правдѣ. Если оно рѣшится въ пользу Воейковыхъ, то спокойствіе цѣлой семьи будетъ утверждено; это для меня самое важное, слѣдовательно и для тебя. Подумай объ этомъ и будь дѣятеленъ. Ты нуженъ здѣсь именно потому, что справедливость твоя надежна и не поколеблется ни въ какомъ случаѣ. Я требую отъ тебя не покровительства Воейкову (Ивану). Думай объ немъ какъ хочешь; это не касается до его дѣла, въ коемъ не онъ одинъ участникъ; дѣло его

¹⁾ Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о посланіи Жуковскаго къ А. Ѳ. Воейкову, написанномъ 29-го января 1814 г. (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 320—329). Въ февралѣ или началѣ марта 1814 года Тургеневъ прислалъ Жуковскому свои замѣчанія на это его посланіе (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 106—107).

²⁾ Письмо имѣетъ адресъ: „Его высочордію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, господину директору департамента иностранныхъ исповѣданій. Въ Санктпетербургѣ“ и почтовый штемпель: Болховъ.

³⁾ Просьба Жуковскаго о присылкѣ ему „Ундины“ Ламотъ-Фука содержалась въ письмѣ его къ Тургеневу отъ 24-го августа 1816 г. (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 160).

⁴⁾ Еще 24-го августа, а затѣмъ въ сентябрѣ 1816 года, Жуковский просилъ Тургенева оказать свое вліятельное содѣйствіе брату А. Ѳ. Воейкова, Ивану Ѳеодоровичу Воейкову, пріѣхавшему въ Петербургъ по дѣлу, счастлиное окончаніе котораго должно было дать обоимъ братьямъ Воейковымъ 1.000 душъ или болѣе (см. тамъ же, стр. 160). Особенно близкое участіе принималъ Жуковский въ этомъ дѣлѣ потому, что А. Ѳ. Воейковъ былъ женатъ на его племянницѣ и крестницѣ Александрѣ Андреевнѣ Протасовой; состояніе же Воейкова было разстроено (см. тамъ же).

должно рѣшиться такъ или иначе; но чтобы оно было рѣшено на длежащимъ образомъ, въ пользу праваго, для этого нужно твое пособіе, и ты не имѣешь права отказаться отъ этого пособія подъ предлогомъ неувѣренности. Воейковъ послалъ къ Кавелину ¹⁾ записку объ этомъ дѣлѣ; прочитай ее, потомъ размотри самое дѣло, и поступай какъ должно, только не откажись. Прости. Скоро увидимся. Теперь пишу стихи, то есть Искупленье ²⁾. Скажи объ этомъ Блудову: эта баллада будетъ посвящена ему ³⁾. Когда кончится, тогда и онъ получитъ отъ меня письмо. Обними арзамасцевъ. Скажи мой сердечный поклонъ Н(иколаю) Мих(айловичу) и Екат(еринѣ) Андреевнѣ ⁴⁾.

Я былъ недавно у пастора Берга ⁵⁾ въ гостяхъ. Чудеса. Эта Ульрихъ, о которой онъ писалъ, предсказала еще въ концѣ 1815, что въ началѣ нынѣшняго года откроется въ ней чахотка — такъ и случилось; чахотка началась, кашель ужасный продолжался нѣсколько мѣсяцевъ. Ее опять магнетизировали, и въ магнетическомъ снѣ она предсказала: что въ такой-то день она, съ опасностію потерять жизнь, выплюнетъ часть легкаго; что послѣ заснетъ 7-мисуточнымъ сномъ, въ продолженіе коего рана въ легкомъ закроется и что по окончаніи она совершенно выздоровѣетъ. Все сбылось; сонъ начался и кончился въ назначенное время; кашель миновался; чахотки нѣтъ. Я слышалъ всю эту исторію отъ графа Дунтена, въ домѣ котораго она заснула и проснулась. Всему этому множество свидѣтелей, и никакого обмана быть не можетъ. Толкуй какъ хочешь.

---

¹⁾ Дмитрію Александровичу (р. 1771 † 1851) также, какъ Жуковскій и Воейковъ, воспитаннику Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, члену „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозваніе „Пустынникъ“. Въ это время Кавелинъ занималъ должность директора Медицинскаго департамента.

²⁾ Т. е. Вадима, или вторую половину Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ. 21-го октября 1816 года Жуковскій писалъ Тургеневу: „Я пишу усердно Искупленье; написано болѣе половины“ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 164).

³⁾ „Вадимъ“, дѣйствительно, и былъ посвященъ Д. Н. Блудову.

⁴⁾ Карамзинымъ.

⁵⁾ Пасторъ Карль-Эрнстъ Бергъ, издавшій въ Дерптѣ въ 1816 году, безъ означенія своего имени, книжку: „Briefe über eine magnetische Kur von einem Livländischen Landprediger. Geschrieben im Januar 1816, zum Besten einer sehr armen Familie“. Объ этихъ „Письмахъ“ Берга см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 155—157.

5.

(Въ концѣ 1816 г. (послѣ 6-го ноября), Дерптъ).

Слѣшу тебѣ отвѣчать два слова. Вдохновенный свѣтильникъ ¹⁾ не нравится моему почтенному учителю ²⁾. Привыкши къ слѣпой ему покорности, я радъ бы перемѣнить это выраженіе, но, право, не умѣю. По крайней мѣрѣ теперь ничего не могу придумать. Печатайте. Пусть Кавелинъ ³⁾ пришлетъ мнѣ корректуру (чего прошу умиленно). Въ корректурѣ авось поправлю ⁴⁾. Присылайте только скорѣе. Непремѣнно надобно выставить, что эта піеса писана въ концѣ 1814 ⁵⁾. Будетъ ли вивіета ⁶⁾? Ты такъ мало пишешь, что хоть брось.

Какой жизни Лерберга ⁷⁾ требуютъ отъ меня графъ Николай Петровичъ ⁸⁾? Я отъ него не получалъ ничего подобнаго. Не говорить ли

---

¹⁾ Рѣчь идетъ о слѣдующемъ мѣстѣ въ стихотвореніи Жуковскаго „Пѣвецъ въ Кремлѣ“, которое было отправлено Жуковскимъ Тургеневу для печатанія при письмѣ отъ 6-го ноября 1816 г. (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 168):

И безмятежный селянинъ,
 Воспитанникъ природы,
 И смѣлый просвѣщенья сынъ,
 Алкающій свободы,
 Воспламенить во благо свой
 Свѣтильникъ вдохновенный —
 Всѣ, всѣ съ молитвою одной
 Къ Тебѣ, Царю вселенны.

²⁾ Н. М. Карамзину.

³⁾ Д. А. Кавелинъ (о которомъ см. выше, стр. 132, прим. 1-е). Ему были поручены Жуковскимъ хлопоты по печатанію и корректурѣ «Пѣвца въ Кремлѣ» (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 168, письмо отъ 6-го ноября).

⁴⁾ Стихъ „Свѣтильникъ вдохновенный“ такъ и остался въ „Пѣвцѣ“.

⁵⁾ Въ примѣчаніи отъ издателей, помѣщенномъ при отдѣльномъ изданіи „Пѣвца“, вышедшемъ въ концѣ 1816 года, было, между прочимъ, сказано: „Сии стихи написаны въ концѣ 1814 г.“ Извѣстно, что „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ писанъ отрывками съ 1814 по 1816 годъ.

⁶⁾ На заглавномъ листѣ „Пѣвца“ помѣщенъ гравированный С. Галактионовымъ видъ Московскаго Кремля. Сначала Жуковскій думалъ помѣстить другую вивіету: „Нельзя ли попросить Алексѣя Николаевича Оленина сдѣлать вивіету для Пѣвца?“—писалъ онъ Тургеневу 21-го октября 1816—„Вотъ мысль: Всевидящее око въ небесахъ; лучи его ударили на землю, и тучи разлетѣлись, и полшара въ сіяніи; въ удаляющихся тучахъ гаснутъ молніи“ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 164).

⁷⁾ Извѣстнаго академика Императорской Академіи Наукъ А. Х. Лерберга (р. 1770 † 1813).

⁸⁾ Румянцовъ, государственный канцлеръ.

онъ о переводѣ ея ¹⁾? Я не переводилъ. Я говорилъ съ Парротомъ, что готовъ перевести жизнь Лерберга, если это будетъ нужно. Парротъ спрашивалъ у Круга ²⁾, нужно ли, и не получилъ никакого отвѣта. Такъ это и кончилось! Объяснись съ графомъ и увѣдомь.

Прости. Писать некогда.

Твой Жуковскій.

Обними Николая ³⁾ и всѣхъ товарищей ⁴⁾.

6.

(Въ концѣ 1816 г. (послѣ 6-го ноября), Дерптъ).

Ты не пишешь ко мнѣ, и я не пишу къ тебѣ.

Приложенное письмо отдай Жихареву ⁵⁾; оно нужно. Громобой ⁶⁾ не отвѣчаетъ ко мнѣ на первое мое письмо, черезъ тебя посланное ⁷⁾. Отдалъ ли ты его? Отдай хоть это, и поскорѣе.

Что же Асмусъ ⁸⁾? Забылъ!

Что корректура Пѣвца ⁹⁾? Будетъ ли прислана ¹⁰⁾?

¹⁾ Здѣсь разумѣются біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ, помѣщенные въ началѣ его сочиненія: „*Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands*“, вышедшаго въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1816 году. Эти біографическія извѣстія о Лербергѣ были написаны (на нѣмецкомъ языкѣ) извѣстнымъ дерптскимъ профессоромъ Парротомъ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 170). Русскій переводъ этого сочиненія Лерберга, исполненный Д. И. Языковымъ, былъ изданъ на средства графа Н. П. Румянцова въ 1819 году. Въ началѣ книги помѣщены „Біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ“. Русскій ихъ переводъ, поправленный Жуковскимъ, былъ имъ посланъ Тургеневу въ началѣ 1817 г. (см. тамъ же, стр. 170).

²⁾ Академика Филиппа Ивановича Круга (р. 1764 † 1844), издавашаго въ 1816 году, по порученію Академіи Наукъ, помянутое сочиненіе Лерберга.

³⁾ Николая Ивановича Тургенева.

⁴⁾ Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовый штемпель: *Dorpat*.

⁵⁾ Степану Петровичу Жихареву (р. 1787 † 1860, въ званіи сенатора) воспитаннику Московскаго университетск. благородн. пансіона, автору извѣстныхъ Записокъ (Дневникъ студента и Дневникъ чиновника).

⁶⁾ Арзамасское прозвище С. П. Жихарева.

⁷⁾ Письмо Жуковскаго къ Жихареву было послано при письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу отъ 31-го октября 1816 г. (оно напечатано въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 167—168).

⁸⁾ Мартинъ Асмусъ (*Assmuss*, р. 1784 † 1844), учитель Дерптской уѣздной школы и содержатель школы по методу Песталоцци. Жуковскій въ письмѣ отъ 6-го ноября 1816 года просилъ Тургенева оказать содѣйствіе къ полученію Асмусомъ чина губернскаго секретаря, къ которому онъ былъ представленъ (см. тамъ же, стр. 168).

⁹⁾ Пѣвца въ Кремлѣ.

¹⁰⁾ Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовый штемпель: *Dorpat*.

7.

(Конецъ февраля или начало марта 1817 г., Дерптъ).

Прошу тебя немедленно передать приложенное письмо Николеву ¹⁾; поискать мнѣ Weltgeschichte von Karl Rottek ²⁾; не забыть о Асмусѣ ³⁾; вспомнить о Мещевскомъ ⁴⁾; еще передать два приложенныя письма къ Блудову ⁵⁾ и Уткину ⁶⁾; не полѣниться написать ко мнѣ двѣ или три строчки; обнять за меня Н. М. Карамзина и любить меня по-старому, попросивъ о томъ же господина коллежскаго совѣтника Николая Ивановича Тургенева, которому кланяюсь, пребывая къ вамъ благосклонно

Василій.

8.

(Въ мартѣ, 1817 г., Дерптъ).

Любезной другъ! Вотъ и самъ графъ Мантейфель въ Петербургѣ. Я уже два раза писалъ къ тебѣ ⁷⁾ о его желаніи помѣстить сыновей въ лицейскій пансіонъ. Пишу въ третій разъ и прошу оказать ему въ этомъ случаѣ нужную помощь. Главное дѣло въ томъ, чтобы ему захватить мѣсто заранѣе въ этомъ пансіонѣ. Онъ боится опоздать. Правда, пріемъ начнется не прежде, какъ въ іюнь мѣсяцъ, но къ этому времени

---

¹⁾ Къ этому мѣсту письма сдѣлана Жуковскимъ слѣдующая выписка: „Это письмо я посылаю черезъ Кавелина; онъ знаетъ адресъ Николаева“. — Николаевъ приходился роднею Жуковскаго и хлопоталъ при его помощи объ опредѣленіи своего малолѣтнаго родственника въ кадетскій корпусъ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 173—175).

²⁾ О присылкѣ этого сочиненія Карла фонъ Роттека (р. 1775 † 1840), — точное заглавіе котораго слѣдующее: „Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten“ — Жуковскій просилъ Тургенева еще въ письмѣ отъ 24-го февраля 1817 г. (см. тамъ же, стр. 174).

³⁾ См. выше, стр. 134, прим. 8-е.

⁴⁾ Жуковскій хлопоталъ въ это время передъ своими друзьями о напечатаніи поэмы А. Мещевскаго „Наталья боярская дочь“ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 171, 173—175). Мещевскій (бывшій также воспитанникомъ Московскаго университетскаго благородн. пансіона) былъ, какъ извѣстно, за что-то сосланъ въ Сибирь.

⁵⁾ Дмитрію Николаевичу.

⁶⁾ Извѣстному граверу Николаю Ивановичу Уткину. Нѣсколько записокъ къ нему Жуковскаго напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 485—487.

⁷⁾ Въ началѣ февраля 1817 года и 24-го февраля того же года (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 172 и 173).

могутъ уже всѣ кандидаты быть сполна: итакъ прошу тебя сдѣлать, чтобы и его сыновья были непременно записаны. Этимъ удовлетворишь цѣлое семейство, и меня тутъ же.

Увѣдомь, получилъ ли ты отъ Зарембы ¹⁾ пакетъ и жизнь Лерберга и отдалъ ли графу Румянцову? Да прошу тебя поскорѣе купить для меня книгу: «Rhüs, Handbuch der Geschichte des Mittelalters» ²⁾. Она мнѣ нужна; Эверсъ ³⁾ по ней читаетъ исторію среднихъ вѣковъ, а я слушаю эту лекцію у Эверса, за котораго слава тебѣ! Нельзя ли, чтобъ была слава и за Паррота и слава за весь университетъ?

Tout à vous Joukovsky.

¹⁾ Фелициана Фелициановича Зарембы, защитившаго въ 1817 году въ Дерптѣ докторскую диссертацию „Разсужденіе о цехахъ ремесленныхъ въ отношеніяхъ политическомъ и въ особенности политико-экономическомъ, съ присовокупленіемъ нужныхъ историческихъ извѣстій“ и вѣхавшаго въ началѣ 1817 года въ Петербургъ на службу (см. о немъ „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 169—170). Съ Зарембою Жуковскій послалъ Тургеневу поправленный имъ русскій переводъ Біографическихъ извѣстій о Лербертѣ (см. тамъ же и выше стр. 134, примѣч. 1-е).

²⁾ Это сочиненіе прусскаго историка Христіана-Фридриха Рюса (Rhüs, р. 1781 † 1820) вышло въ свѣтъ въ Берлинѣ въ 1816 году.

³⁾ Густавъ Эверсъ (р. 1781 † 1830), извѣстный профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ.—Что было сдѣлано Тургеневымъ для Эверса, изъ напечатанныхъ писемъ Жуковскаго къ Тургеневу не видно.

⁴⁾ Въ письмѣ отъ начала 1817 года Жуковскій писалъ, между прочимъ, Тургеневу слѣдующее: „Знаешь ли, братъ, что можетъ быть черезъ полгода, если ничто не будетъ сдѣлано для университета, Парротъ, лучший его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свой домшко и искать учительскаго мѣста, то-есть, послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами и прочими тому подобными конфектами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и, признаюсь, заставляетъ носиться на мой пенсіонъ: я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ семьи! И что жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею. Что жъ ему наградою? Та же бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно, безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте“ („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 170—171).

9.

(Въ концѣ апрѣля (послѣ 25-го) 1817 г., Дерптъ).

Прошу тебя по моему письму ¹⁾ ничего не дѣлать, то-есть не говорить съ Глинкою ²⁾ и не давать за меня слова. Я буду самъ въ Петербургъ черезъ недѣлю. Лучше узнать обо всемъ самому; заочно этого дѣла нельзя дѣлать. До прїѣзда моего не говори ни съ кѣмъ, даже и съ Карамзинымъ; а думай одинъ про себя. Приложенное письмо отдай Глинкѣ. До свиданія.

Твой Жуковский.

Ты можешь повидаться съ Глинкою. Не говори ему отъ меня ничего; можешь разспросить о томъ, чего отъ меня требовать стануть. Письмо же отдай немедленно. Я не знаю, гдѣ живетъ Глинка: его отыскивай во дворцѣ.

10.

(Въ маѣ 1820 г.).

Я понадѣялся на тебя, а ты надѣлалъ мнѣ большихъ непріятностей. Ты говорилъ съ княземъ ³⁾, не объяснилъ ему ничего; онъ сначала обнадежилъ меня, что дастъ позволеніе печатать, если только на-

¹⁾ Отъ 25-го апрѣля 1817 года; оно напечатано въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 176—179.

²⁾ Съ Григорьемъ Андреевичемъ Глинкою (р. 1777 † 1818), бывшимъ съ 1802 по 1810 годъ профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, а съ 1811 года „кавалеромъ“ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ; прежде онъ преподавалъ русскій языкъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ княжнамъ.—Въ письмѣ отъ 25-го апрѣля Жуковский сообщалъ, что Глинка предлагалъ ему принять мѣсто учителя русскаго языка при принцессѣ Шарлоттѣ (невѣстѣ великаго князя Николая Павловича, впоследствии великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ) и просилъ дать отвѣтъ въ самомъ скоромъ времени. „Предоставляю тебѣ (А. И. Тургеневу) и Николаю Михайловичу (Карамзину) быть моими судьями—писалъ Жуковский—Рѣшите за меня и дѣйствуйте. Если вы рѣшите, что мнѣ отказываться не должно, то позаботитесь о моихъ выгодахъ“ („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 178—179). Какъ извѣстно, Жуковский принялъ эту должность и съ любовью отдался своимъ занятіямъ русскимъ языкомъ съ царственной ученицею.

³⁾ Съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія.—Письмо Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну по этому же дѣлу, отъ 22-го мая 1820 года, напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, сентябрь, стр. 41—42. О напечатаніи какой книжки рѣчь идетъ въ письмѣ, неизвѣстно.

пишу къ нему письмо; я это письмо написалъ и въ надеждѣ на позволеніе велѣлъ печатать мою книженку. Но я и не думалъ ее выпускать безъ позволенія или безъ цензуры. Цензура пропустила, и шесть экземпляровъ, принадлежащихъ Цензурному комитету, мною отданы для доставленія куда слѣдуетъ. За что же нападать на типографію? Въ чемъ ея вина? Признаюсь, будетъ жестоко, если тутъ найдутъ къ чему-нибудь придраться! И я никакъ не могу понять, что тутъ можно найти противузаконнаго? Въ типографіи находится тотъ манускриптъ, на которомъ стоитъ подпись. Прошу тебя взять на себя трудъ это уладить. Я бы и не подумалъ не подавать въ цензуру, если бы самъ князь меня не обнадежилъ или если бы ты его именемъ не наговорилъ вздору. Поправь же свою ошибку. Мнѣ будетъ ужасно больно, если отъ меня, безъ всякой вины, потерпять. И прошу мнѣ объяснить, отъ чего могла произойти неприятность? Ж⁴).

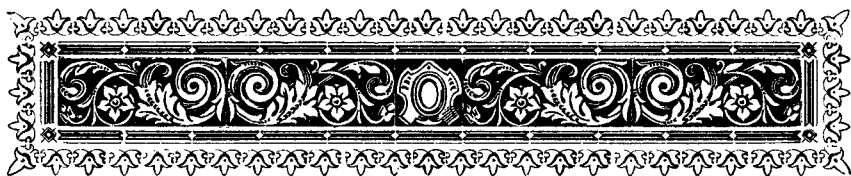
Сообщ. П. Н. Тургеневъ.

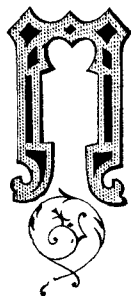
Письмо имѣеть слѣдующій адресъ: „Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ.
Поскорѣ доставить“.

Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 году.

(По документамъ, собраннымъ А. В. Безроднымъ).

Мобдоносное въ началѣ отечественной войны шествіе французскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи сопровождалось разбоемъ и грабежомъ занимаемыхъ ими мѣстностей. Населенію послѣднихъ приходилось сильно страдать отъ безчинствъ полуголодныхъ и едва одѣтыхъ французскихъ мародеровъ. Свидѣтельства современниковъ рисуютъ передъ нами подчасъ самыя тяжелыя картины. Терпя недостатокъ въ свѣтныхъ припасахъ, французскіе солдаты безжалостно отнимали послѣднія крохи у полуголодныхъ жителей. Особенно сильно нуждалась французская армія въ хлѣбѣ. Въ ней наступила полная деморализація: люди грабили и разбойничали открыто, въ присутствіи своихъ начальниковъ, равнодушно смотрѣвшихъ на это. Занятая непріателемъ мѣстности представляли картину страшнаго опустошенія. Повсюду валялись разлагающіеся трупы людей и животныхъ; торговля прекратилась; жители въ страхѣ разбѣгались, боясь за собственную жизнь и уже не думая о сохраненіи своего имущества; богослуженія въ церквахъ не совершались, а также негдѣ было искать какого бы ни было суда и расправы. Само собою разумѣется, что все это еще болѣе усиливало ненависть населенія къ занявшему русскія области непріателю. Наполеонъ, сознавая необходимость установить хотя какой-нибудь порядокъ, рѣшилъ прибѣгнуть для этого къ содѣйствию самихъ жителей и создалъ изъ ихъ среды особый органъ управленія, который и былъ названъ «*муниципалитетомъ*».

Прежде всего, учрежденіе это начало свои дѣйствія въ Смоленскѣ. Муниципалитетъ этого города отданъ былъ въ вѣдѣніе «интенданта го-

рода Смоленска», генерала французской службы Армана-Шарля Вильбланша, въ присутствіи котораго и состоялось 27-го августа 1812 г. первое засѣданіе. Протоколъ этого засѣданія показываетъ, что «интендантъ города Смоленска», повидимому, не сомнѣвался, что изъ всей этой затѣи выйдетъ толкъ. «1812 г., августа 27-го», пишетъ онъ очень торжественно, «я, Арманъ-Шарль де Вильбланшъ, аудиторъ государственнаго совѣта и интендантъ Смоленской губерніи, по повелѣнію его императорско-королевскаго французскаго величества, прибылъ въ залъ засѣданій магистратовъ г. Смоленска, въ 3 часа пополудни, для введенія въ должность новаго мэра и муниципальных должностныхъ лицъ, собравшихся по нашему приглашенію. Мы велѣли прочитать въ засѣданіи о ихъ назначеніи и приступили къ обсужденію слѣдующихъ дѣлъ». Затѣмъ идетъ перечень этихъ дѣлъ, по пунктамъ, и первымъ изъ нихъ значится: «Будетъ издано воззваніе къ жителямъ Смоленска, а также и деревенскимъ, приглашающее ихъ возвратиться по домамъ». Воззваніе это, составленное самимъ «интендантомъ губерніи» и переведенное на русскій языкъ, постановлено расклеить на улицахъ города и разослать по окрестнымъ деревнямъ чрезъ назначенныхъ отъ муниципалитета агентовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено письменно просить губернатора о присылкѣ «офицера его штаба» для исчисленія, совмѣстно съ муниципалитетомъ, годныхъ для жилья домовъ въ городѣ, и для собранія свѣдѣній о живущихъ въ нихъ лицахъ, а также просить еще губернатора, чтобы онъ выдалъ чрезъ плацъ-коменданта билеты на жительство въ домахъ и провѣрилъ, имѣютъ ли право на такое жительство живущія въ нихъ лица. Протоколъ этотъ, сверхъ Вильбланша, подписали вновь назначенные «мэръ», его товарищъ и члены муниципалитета.

Затѣмъ приступлено было къ цѣлому ряду мѣропріятій, очень хорошихъ на бумагѣ. Утвержденное въ засѣданіи 27-го августа воззваніе вывѣсили въ различныхъ «болѣе видныхъ частяхъ города» (это для безграмотнаго населенія!), занялись «исчисленіемъ домовъ въ городѣ для обезпеченія спокойствія ихъ владѣльцевъ» (?) и уполномочили коменданта Костенецкаго собрать въ сосѣднихъ деревняхъ, за деньги (которыхъ не было), холста для раненыхъ французовъ и русскихъ. Предписано еще доставить—тоже «за деньги»—нѣсколько человекъ для починки мельницъ, «необходимыхъ для обезпеченія содержанія жителей и войскъ», а также выслать людей для очистки улицъ отъ нечистотъ, могущихъ сдѣлаться источникомъ опасныхъ болѣзней. Женщинъ, «ничѣмъ не занятыхъ», велѣно опредѣлить («за плату») для мытья бѣлья и приготовленія корпіи для раненыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано выдавать каждому жителю, имѣющему собственный домъ въ Смоленскѣ, удостовѣреніе, которое давало бы ему право вернуться въ свой домъ, причемъ солдаты, занимающіе частные дома, были бы обя-

заны принять въ нихъ хозяевъ. Содѣйствія муниципалитета Вильбланшъ требовалъ также и для добыванія подводъ подъ раненыхъ французовъ и русскихъ. Все это исполнялось, однако, далеко не съ такою поспѣшностью и не въ такомъ порядкѣ, какъ хотѣлось Вильбланшу, отчасти вслѣдствіе полного разоренія края, отчасти же—а, можетъ быть, и преимущественно—вслѣдствіе отсутствія достаточнаго усердія со стороны «муниципалитета».

Мэромъ города назначенъ былъ титулярный совѣтникъ Ярославцевъ, а его товарищемъ колл. ассесоръ Рутковскій. На отдѣльныхъ членовъ муниципалитета были возложены различныя обязанности: работа о мельницахъ, наблюденіе за чистотою улицъ, погребеніе умершихъ, доставка въ городъ и въ войска необходимыхъ рабочихъ и т. п. Въ уѣзды назначены были особыя комиссары съ помощниками; имъ поручалось склонять крестьянъ къ возобновленію оставленныхъ работъ и къ преслѣдованію мародеровъ. Дѣятельный Вильбланшъ самъ входилъ во всѣ подробности созданнаго имъ управленія и посылалъ въ муниципалитетъ бумагу за бумагой, требуя, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда то, или другое его приказаніе окажется неудобнымъ къ исполненію, мэръ обращался непосредственно къ нему. Надо думать, что въ различныхъ недоразумѣніяхъ не было при этомъ недостатка; на это указываетъ бумага отъ 9-го сентября, которою муниципалитету предписывалось исполнять только такія приказанія, которыя подписаны интендантомъ, или его секретаремъ. Дѣятельная переписка велась также и съ уѣздными комиссарами, которымъ предписывалось всѣми силами стараться возстановить и охранять порядокъ, заботиться о надлежащей уборкѣ хлѣба и доставкѣ его въ Смоленскъ. Поручику Малецкому, состоявшему комиссаромъ въ селенія Тупицахъ и окрестномъ районѣ, Вильбланшъ писалъ, между прочимъ: «Если встрѣтите со стороны крестьянъ непослушаніе, то не наказывайте ихъ тѣлесно, а отсылайте ихъ за карауломъ въ Смоленскъ ко мнѣ, и я велю наказать ихъ по всей строгости законовъ». Въ концѣ прибавлялось: «За точное исполненіе предписаній я общаю вамъ покровительство французскаго правительства; вы можете получить чрезъ то особыя выгоды». Всѣ подобнаго рода бумаги, поступаая въ муниципалитетъ писанными по-французски, разсылались оттуда по назначенію въ русскомъ переводѣ, впрочемъ далеко не отличавшемся изяществомъ языка. Что касается уѣздныхъ комиссаровъ, то они назначаемы были, повидимому, изъ дворянъ и по указаніямъ дворянъ, къ которымъ Вильбланшъ разослалъ чрезъ мэра соответственные запросы по уѣздамъ.

Особенно настоятельна была нужда въ продовольствіи. 20-го октября послѣдовалъ отъ Вильбланша приказъ доставить со всей Смоленской губерніи: хлѣба 5.681 четв. 6 пуд. 21 фунтъ; быковъ 700;

овса 565 четв. 11 пуд.; сѣна 3.030 пуд. 12 ф. и столько же соломы. Затѣмъ слѣдовали въ томъ же приказѣ: «Артикулъ» 2. Сей запасъ долженъ быть доставленъ въ магазейны, т. е. хлѣбъ и фуражъ, къ 1-му числу декабря сего года и, притомъ, двѣ-трети означеннаго количества вдругъ (такъ перевели въ муниципалитетѣ слово aussitôt), по полученіи сего опредѣленія, скотъ же къ 1-му марта будущаго 1813 года, а одну треть тотчасъ по полученіи сего опредѣленія. Артикулъ 3. Сумма сихъ запасовъ будетъ зачтена вмѣсто обыкновенныхъ земскихъ подушныхъ налоговъ; когда же которая-нибудь округъ не выставитъ означеннаго количества запаса, то оная принуждена будетъ заплатить деньгами; напротивъ, выставившая больше за излишнее противъ положеннаго получить деньги». Въ случаѣ невыполненія этихъ требованій, виновнымъ грозили военною экзекуціей.

Вильбланшъ требовалъ отъ муниципалитета возможно болѣе дѣятельной помощи и неразъ настаивалъ на томъ, чтобы засѣданія его не были закрываемы ранѣе 2 час. пополудни, чтобы, кромѣ того, всегда оставался въ муниципалитетѣ одинъ дежурный членъ и чтобы на всѣ бумаги интенданта были даваемы своевременные и точные отвѣты. Желая поощрить усердіе своихъ невольныхъ сотрудниковъ, онъ выдавалъ имъ иногда награды отъ лица Наполеона: мэру и его товарищу по 200 фр., секретарю Ефремову, «за особныя услуги по управленію» 224 франка, а остальнымъ разнѣ—отъ 75 до 15 франковъ. Это помогало, однако, мало. Насколько дѣятеленъ былъ Вильбланшъ, настолько же вяло и неохотно работали члены муниципалитета: они служили французамъ, какъ впоследствии выяснилось, лишь «по слабости духа», боясь отказомъ отъ навязанной имъ должности навлечь на себя преслѣдованія, а можетъ быть подпасть и смертной казни. Поэтому неудивительно, что Вильбланшу часто приходилось напоминать муниципалитету, чтобы онъ былъ порасторопнѣе и поусерднѣе занимался дѣлами. «Я просилъ васъ, г. мэръ—писалъ интендантъ въ одной изъ своихъ бумагъ—продолжать засѣданія до 2 час. Я посылалъ въ муниципалитетъ въ 1 часъ, а тамъ не было даже приказнаго». Въ другой бумагѣ онъ пишетъ: «Г. мэръ. Требуя отъ васъ почтарей для организуемой мною теперь почты, я желалъ, чтобы они присланы были тотчасъ же; но вамъ всегда надо писать о самомъ простомъ дѣлѣ по три раза. Прошу васъ озаботиться этимъ немедленно и предупреждаю, что не приму никакихъ оправданій». Но побороть вялость муниципалитета было не такъ-то легко; даже угрозы принять болѣе серьезныя мѣры взысканія мало помогали дѣлу. Черезъ четыре дня послѣ упрека по поводу неприсылки почтарей, Вильбланшъ пишетъ—уже не мэру, на котораго, повидимому, махнулъ рукой, а членамъ муниципалитета: «Я съ сожалѣніемъ вынужденъ извѣстить васъ, что не могу быть дово-

лень вашу безопасность въ службѣ вашему отечеству. Сегодня, въ 9½ час., въ муниципалитетѣ не было ни мэра, ни одного изъ членовъ. Работающихъ нѣтъ никого, кромѣ гг. Рутковского и Ефремова. Предупреждаю васъ, что—какъ ни прискорбно будетъ для меня—я буду вынужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, если это будетъ такъ продолжаться. Въ качествѣ членовъ муниципальнаго совѣта, вы пользуетесь полною юрисдикціей надъ жителями; поѣтому вамъ слѣдуетъ сдѣлать гг. Рейнеку, Каховскому и Шевичу выговоръ за ихъ лѣность и предостеречь ихъ о возможности строгихъ мѣръ по отношенію къ нимъ».

При такихъ условіяхъ, административная машина дѣйствовала неудовлетворительно. Мѣры, принимавшіяся французскими властями для возстановленія порядка, тоже мало достигали цѣли: грабежи и разбои не прекращались. Одинъ изъ комиссаровъ, колл. сов. Щербаковъ, въ рапортѣ на имя смоленскаго военнаго губернатора Барбъ-Негра, набросалъ очень неприглядную картину положенія завоеванной области. «Разныхъ націй военные люди—доносилъ онъ 22-го сентября 1812 г.—а особливо прусской арміи конные солдаты съ ихъ офицерами, чловѣкъ по 50, наѣзжая на господскіе и крестьянскіе дома, расположась въ нихъ квартирами—сутокъ на двое и на трое, дѣлаютъ чрезвычайные грабежи, вытравливаютъ не только въ поляхъ, но и на гумнахъ хлѣбъ и, забирая оный, а также скотъ, лошадей, сѣно, пожитки и все, что только найдутъ и имъ угодно, увозятъ съ собой, не оставляя въ селеніяхъ ничего, а жителей бьютъ до полусмерти и по нимъ стрѣляютъ, не смотря ни на какіе воинскіе залогі и охранныя команды, отъ которыхъ хотя и объявляются имъ данныя отъ французскаго правительства письменныя о томъ запрещенія, но оными пренебрегаютъ; которые жъ изъ грабителей мною забраны и отправлены были въ Смоленскъ, оныхъ у проводниковъ отбираютъ и отпускаютъ по-прежнему на свободу. Ваше высокопревосходительство! Сжальтесь надъ бѣдными стонающими, страждущими и вопіющими на небо жителями! Войдите въ сожалѣніе чловѣчества, защитите всѣхъ насъ силою данной вамъ власти! Нѣтъ возможности болѣе сносить такихъ жестокостей и грабежей; если далѣе хотя малое время все оное отъ нихъ происходитъ будетъ, то данныхъ комиссарамъ повелѣній ни подъ какимъ видомъ выполнить будетъ невозможно, ибо жители, не имѣя чѣмъ себя содержать и пропитать, оставя свои дома, разбредутся. Пожалуйста, поскорѣе запротите имъ тѣ буйства, насилія и грабежи чинить и снабдите меня на все оное вашу милостивою резолюціею».

Французскія власти, сознавая и сами необходимость прекратить такое положеніе, приказали 8-го октября привести въ исполненіе въ Смоленской губерніи изданный Наполеономъ еще въ іюнѣ указъ объ учрежденіи военныхъ судовъ, которые приговаривали бы въ 24 часа къ смерт-

ной казни всякаго, кто будетъ уличенъ въ грабежахъ и причиненіи обидъ жителямъ. При главной квартирѣ 9-го корпуса французской арміи, главнокомандующимъ котораго былъ маршалъ герцогъ Веллѣнскій, учреждена была военно-судная коммиссія подѣ председательствомъ полковника Безота-Шорма. Рядомъ съ этимъ учреждены были подвижныя колонны для водворенія порядка въ разныхъ губерніяхъ, находившихся позади французской главной арміи. Для Смоленска и Смоленской губерніи была сформирована подвижная колонна въ составѣ 200 чело-вѣкъ смоленскаго гарнизона при шести офицерахъ и подѣ начальствомъ баталіоннаго командира. При этой колоннѣ также былъ полевой судъ, въ составъ котораго вошли командующій колонною и четыре офицера гарнизона.

Смоленскій муниципалитетъ дѣйствовалъ въ теченіе всего того времени, пока французы оставались въ Смоленскѣ, вплоть до ихъ изгнанія. Онъ занимался слѣдующими дѣлами: 1) высылкою людей для устраиваемыхъ интендантомъ почтъ и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы квартиры были занимаемы войсками по билетамъ; 2) наблюденіемъ за чистотою въ городѣ; 3) созывомъ женщинъ для стирки бѣлья и приготовления корпіи во французскіе и русскіе госпитали; 4) собираніемъ въ уѣздахъ холста и корпіи, за деньги; 5) вызовомъ подрядчиковъ для починки мельницъ; 6) сборомъ провіанта и фуража; 7) выдачею жителямъ билетовъ для прокормленія; 8) сборомъ съ дворянъ и обывателей подводъ подѣ больныхъ русскихъ и французовъ. Кромѣ того на муниципалитетъ были возложены еще: 1) явка заемныхъ писемъ, подаваемыхъ частными лицами при прошеніяхъ; 2) пресѣченіе въ уѣздахъ грабительства и усмиреніе неповинующихся помѣщикамъ крестьянъ; 3) выдача разорившимся крестьянамъ разрѣшеній (съ согласія интенданта) на уборку хлѣба съ полей удалившихся изъ губерніи помѣщиковъ и дозволеніе имъ пользоваться четвертымъ снопомъ этого хлѣба; 4) защита крестьянъ отъ грабежей французовъ; 5) сборъ въ пользу французскихъ властей денегъ за отдаваемые въ наемъ дома и лавки; 6) приглашеніе дворянъ къ занятію должностей комиссаровъ и проч.

Кромѣ муниципалитета, въ Смоленскѣ была учреждена особая Верховная коммисія, членами которой были: помѣщикъ Голынский, надв. сов. Сфурса-Жиркевичъ и чиновникъ 14 класса Санко-Лешевичъ. На коммиссію эту возложены были заготовленіе провіанта и фуража для французской арміи, а также и провіантъ для стола Наполеона, и высылка людей, нужныхъ для потребностей арміи.

Р.

Къ исторіи польскою смуты 1863 года.

I

Воззваніе бѣлорусса православнаго къ бѣлорусскимъ католикамъ.

29-го января 1863 г. Могилевъ губернской.

Братья, ополячившіеся бѣлоруссы!

До сихъ поръ смотрѣли мы на ваши трауры, гимны и одежды спокойно, и даже съ улыбкою, какъ на забавы увлекшихся игрушкою дѣтей; хотя очень намъ было грустно, что вы—братья и друзья наши, въ продолженіе двухъ лѣтъ такихъ вашихъ забавъ, замѣтно начали отъ насъ отстраняться и прервали прежнія наши дружественныя сношенія. Мы, не чувствуя за собою ничего для васъ оскорбительнаго, все думали, что самими вамъ наскучать эти забавы, вы одумаетесь, оставите ихъ и по-прежнему съ привѣтливостію возвратитесь къ нашимъ искреннимъ чувствамъ. Само правительство, кажется, такихъ же было мыслей: оно обратило лишь легкое вниманіе на гимны, проникшіе въ католическіе храмы, и только. Но, къ крайнему сожалѣнію, чрезъ это послабленіе вы, увлекаясь далѣе и далѣе новостію затѣй, начали выявлять не одно отъ насъ отстраненіе, но замыслы противу нашего спокойствія и даже жизни.

Остановитесь! раздумайте хорошо, за что поселилась въ вашихъ сердцахъ такая къ намъ ненависть и злоба? Не болѣе какъ два года назадъ, мы съ вами роднились, дружили, водили хлѣбъ-соль, никогда не дѣлая другъ другу никакихъ укоризнъ, не только оскорбленій, за мнѣнія о національности или о религіи; жили мирно и согласно, какъ одноплеменные братья славяне-христіане. И вдругъ, безъ всякой причины, вы на насъ такъ озлобились, что жаждете нашей гибели и гото-

вите орудія смерти. Скажите, что именно мы,—мирные жители, такъ искренно васъ любившіе,—вамъ сдѣлали достойнаго мщенія? право, ничего такого мы за собою не знаемъ и не чувствуемъ.

Между вами прослышываются причины вашего ожесточенія, что мы—русскіе, а вы—поляки; да вѣдь и вы и мы такими были, какъ теперь, десятки лѣтъ назадъ, а жили же дружно, не вдаваясь въ пренія о національности. А ежели сказать сущую правду, ни вы—поляки, ни мы—россияне. Мы всѣ бѣлоруссы. Наши предки, происходя отъ славянскихъ племенъ, въ незапамятныя, почти доисторическія времена приды отъ Дуная, а по сказанію нѣкоторыхъ историковъ отъ Вислы, осѣли на земляхъ возлѣ Днѣпра и жили тутъ независимыми группами, какъ это утверждаетъ и Николай Заремба, въ выпущенной имъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года рукописной брошюрѣ. Этихъ независимыхъ группъ первыми завоевателями и правителями были русскіе князья Рюриковичи; потомъ отъ потомковъ русскихъ князей отобралъ ихъ, состоявшій въ родствѣ съ русскими князьями, литовскій князь Гедиминъ и присоединилъ къ Литвѣ; затѣмъ уже, когда потомокъ Гедимина, князь Ягелло, соединилъ Литву съ Польшею, то и Бѣлорусскій край, вмѣстѣ съ Литвою, подпалъ польскому владычеству, пока, наконецъ, въ позднѣйшія времена, по промыслу Божію, Бѣлоруссія, а въ ней и наши недавніе предки возвращены опять Россіи. Вотъ вамъ краткій очеркъ происхожденія нашей бѣлорусской народности и перехода въ принадлежность нашего края.

Не должно судить спорящихъ по выслушаніи одной стороны, но необходимо вникнуть въ возраженія и противной. Вамъ толкуетъ одна партія, послушайте же и насъ. Прочтите внимательно «Вѣстникъ южной и юго-западной Россіи», тамъ во многихъ статьяхъ не фразами, но документально убѣдитесь въ правдѣ. Города Бѣлоруссіи Полоцкъ, Мстиславль, Витебскъ, м. Друцкъ и проч. еще и теперь существуютъ памятниками владѣнія русскихъ удѣльныхъ князей.

Другая причина возбудившейся вашей къ намъ ненависти, какъ вообще слышно, есть удержаніе нами ученія Христова по толкованію Восточной церкви, а не Западной. Обѣ эти церкви исповѣдуютъ одного Христа Спасителя міра, и даже богослуженіе ихъ имѣетъ много общаго, только признаніе нѣкоторыхъ догматовъ и совершеніе обрядовъ, по богословскимъ разсужденіямъ, нѣсколько разнятся. Не будемъ входить въ богословскія распри, кто изъ нихъ правъ, это не наше дѣло, но обратимся къ свято уважаемому обѣими церквами Евангелію, въ немъ изложено ученіе нашего божественнаго законоположника Иисуса Христа. Покажите, гдѣ Спаситель учитъ или одобряетъ въ какомъ-нибудь случаѣ ненависть и злобу?.. Какъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ проявляется Его ученіе о любви къ ближнимъ, кротости и смиреніи. При-

знакомъ своихъ учениковъ установилъ «любовь между собою», называлъ того лжецомъ, «кто говоритъ, что Бога любить, а брата своего ненавидитъ», ближнимъ нашимъ указываетъ добраго самарянина, почитавшагося у іудеевъ еретикомъ. Никогда Онъ не отвергалъ не только еретиковъ, но даже язычниковъ, просившихъ у Него помощи. Такими основаніями руководствуется и Восточная церковь, а съ нею и мы, и ваши предки; ибо извѣстно, что еще не очень давно всѣ бѣлоруссы исповѣдывали догматы Восточной церкви. Въ послѣднее время владычества польскаго, введено здѣсь римское исповѣданіе, а не совратившееся въ него простонародіе насиліемъ духовныхъ и свѣтскихъ властей обращено въ унию. Ваши предки, не перенеся угнетеній и преслѣдованій пропаганды, принужденно приняли католичество, не многіе дворяне, выдержавъ гоненіе, остались въ православіи. Наличнымъ тому доказательствомъ, кромѣ подлинныхъ историческихъ документовъ, служатъ теперь нѣкоторыя околицы православныхъ шляхтъ, многія села и деревни, а въ городахъ большая часть жителей, не приставшихъ ни къ Римской, ни къ Уніатской церкви, а удержавшихъ непоколебимое православіе. Пересмотрите тотъ же «Юго-западный вѣстникъ», и вы убѣдитесь, копіями подлинныхъ, доселѣ хранящихся документовъ, что ваши предки были православными и увидите, какими насиліями они понуждались поддаться управленію римскихъ папъ. Вотъ видите, братія, и въ разности исповѣданій никакой нашей вины нѣтъ, мы остались при той вѣрѣ, которую содержали наши и ваши предки, и никогда не упрекаемъ ни васъ, ни вашихъ предковъ въ измѣненіи вѣры; пусть это судитъ Богъ! Мы всегда любили васъ, какъ должно братьямъ, не входя въ образъ вашихъ мыслей о вѣрѣ. Вспомните, какъ между нами было два года назадъ, и вы подтвердите мои слова.

Не только мы, то-есть бѣлорусскій народъ, не имѣли къ вамъ никакого пререканія за разновѣріе и мнимую разноплеменность, но и само правительство русское вы не можете упрекнуть въ чемъ-нибудь для васъ противномъ. Взгляните на составъ государственной службы: чѣмъ вы унижены противу русскихъ и православныхъ? Отъ Сената до земскихъ судовъ включительно и даже въ войскахъ сколько вездѣ вашего происхожденія и вѣры высшихъ и низшихъ чиновниковъ пользуются одинаковыми правами и преимуществами съ русскими. Въ учебныхъ заведеніяхъ, въ дворянскихъ выборахъ, во всѣхъ родахъ государственной службы, какъ и неслужащіе землевладѣльцы и шляхта, всѣ и вездѣ идутъ одинаково съ прочими русскими лицами. Въ царствованіе императора Николая, только съ 1831 года была обращена на васъ нѣкоторая только разборчивость въ опредѣленіи къ должностямъ, но и сіе было поводомъ къ сочувствію вами же выявленному къ тогдашнему польскому мятежу; однако и эта разборчивость со временемъ ослабла, а

*

въ настоящее царствованіе и совсѣмъ уничтожилась. Посмотрите, на-примѣръ, въ нашей губерніи сколько въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ предсѣдателей, совѣтниковъ, а въ уѣздахъ почти всѣ исправники, становые пристава, мировые посредники, судебные слѣдователи и по всѣмъ канцеляріямъ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстъ—католики. Костелы ваши обновлены, богослуженіе публично свободно, а духовенство живетъ въ несравненно лучшихъ выгодахъ, нежели наше. Въ чемъ же заключается притѣсненіе или униженіе вашей народности или вѣрѣ? Скажите!

Пораздумайте обо всемъ нами предложенномъ внимательно, не слушая стороннихъ наущеній, и скажите, положи руку на сердце, не виноваты ли вы предъ нами, и не согрѣшили ли предъ Богомъ, увлекшись неправильнымъ настроеніемъ новыхъ политиковъ? Обратитѣ ваше вниманіе и на самую Польшу, какъ въ ней въ настоящее время правильно, быстро и безостановочно вводятся новыя, согласныя народному желанію полезныя учрежденія. Только партіи подняли бунтъ, съ намѣреніемъ ниспровергнуть все настоящее правильное устройство народнаго благоденствія, и въ общей бѣдѣ и замѣшательствѣ выдвинуться самимъ до популярности и власти. Но какія ужасныя послѣдствія для увлеченныхъ непріязненною правительству партіею!.

При семъ, не обинуясь, долгомъ считаю сказать вамъ, что ваши послѣднія демонстраціи и похвалки дотого насъ возбудили, что мы остались въ необходимости мужественно приготовиться ко всякой непріятной случайности, и уповая на нашу правоту и поборника правды—Бога, надѣемся большинствомъ силы преодолѣть ухищренныя козни меньшинства. Но прежде молимъ Бога и взываемъ къ вамъ, остановитесь въ вашихъ стремленіяхъ! обдумайте ихъ происхожденіе, цѣль и послѣдствія! вспомните, что Каина самъ Богъ проклялъ. Сознайте въ вашемъ сердцѣ напрасную вашу къ намъ злобу, внушенную вамъ неблагонамѣренными людьми, и возвратясь на истинный путь останьтесь по-прежнему нашими друзьями. Мы, бѣлоруссы православные и католики, пребывая въ прежней другъ съ другомъ любви и согласіи, будемъ мирно исполнять наши обязанности и требованія законныхъ властей, спокойно ожидая, чѣмъ разрѣшатся свыше возбужденные политическіе вопросы, и что Богъ устроитъ, тому съ христіанскимъ смиреніемъ и покоримся.

Сообщ. Г. Н. Гортыньскій.

II.

Всеподданнѣйшій адресъ православныхъ дворянъ Могилевской губерніи.

25-го августа 1863 г.

Ваше императорское величество
Всеавгустѣйшій монархъ!

Когда, при угрожающей нашему отечеству—Россіи—войнѣ заявляются со всѣхъ концовъ Имперіи чувства и желанія защищаться противу несправедливыхъ притязаній, не можемъ и мы, православные дворяне Могилевской губерніи, оставаться въ молчаніи. Выразить наше неравнодушіе къ совершающимся вокругъ насъ событіямъ мы признаемъ необходимымъ тѣмъ болѣе, что въ Могилевской губерніи нѣкоторые римскаго исповѣданія помѣщики и дворяне имѣли дерзость заявить свое враждебное къ Россіи чувство вооруженнымъ буйствомъ.

Прими, всеавгустѣйшій монархъ, и наше слово любви и преданности Россіи, съ такою благосклонностію, съ какою соизволилъ ты принять оное и отъ прочихъ твоихъ вѣрноподданныхъ.

Мы знаемъ изъ исторіи и устныхъ преданій, что Бѣлорусскій край и въ немъ Могилевская губернія въ древнія времена принадлежали русскимъ князьямъ—Рюриковичамъ, потомкамъ св. Владиміра, давшимъ краю первоначальное государственное образованіе въ удѣлахъ и введшимъ христіанскую вѣру восточно-православнаго исповѣданія. Потомъ силою совершившихся событій отошелъ онъ подъ владѣніе родственныхъ съ русскими князей литовскихъ. Когда же князь литовскій Ягелло присоединилъ Литву къ Польшѣ, то съ Литвою и Бѣлоруссіею подпала подъ владычество польскаго королевства.

Поляки, владѣя Литвою обще съ Бѣлоруссіею, нарушили условія равноправности присоединенныхъ народовъ, на каковыхъ послѣдовало соединеніе Литвы съ Польшею: они, истребляя насильственными мѣрами вѣру и языкъ руссовъ, много въ томъ успѣли; почти все дворянство въ этомъ краѣ, для охраненія своихъ правъ и выгодъ, осталось въ необходимости принять римское исповѣданіе вѣры, примѣниться къ говору и обычаямъ поляковъ. Немногіе остались непоколебимыми отъ преслѣдованій и неизмѣнчивыми вѣрѣ отцовъ своихъ; сельскіе и городскіе обыватели многіе совращены были въ унию. Воплъ страдавшаго народа и его мольбы о спасеніи, наконецъ, были вняты, и императрица Екатерина II древнее достояніе русскихъ князей—Бѣлоруссію возвратила русской державѣ.

Подъ благодѣтельнымъ управленіемъ ожилъ народъ, униаты возвра-

тились на лоно прежней своей церкви, но окатоличившіеся помѣщики и дворяне до сихъ поръ упорно считаютъ себя поляками и, несмотря на свою малочисленность въ здѣшней губерніи, сравнительно съ православными, рѣшились заявить свое сочувствіе польскому мятежу вооруженнымъ бунтомъ и заставлять другихъ принимать участіе въ клятвенно-преступномъ ихъ дѣйствіи. Но это имъ не удалось: большинство православнаго народа при распоряженіяхъ губернскаго начальства и помощи войскъ укротили этотъ бунтъ. Въ 10 дней шайки бунтовщиковъ уничтожены и многія изъ лицъ участвовавшихъ въ мятежѣ преданы въ руки правосудія. При всемъ томъ въ оставшихся, по необнаруженію уликъ, сознанія истины и раскаянія незамѣтно; траурныя демонстраціи продолжаются.

Мы помнимъ, какъ въ 1831 году, по уничтоженіи здѣсь дѣйствія Литовскаго статута и сравненія бѣлорусскихъ губерній съ великороссійскими, здѣшнее дворянство было этимъ обрадовано и посылало даже отъ себя къ государю императору депутацію съ изъявленіемъ за это сравненіе всеподданнѣйшей благодарности, но отъ чего теперь измѣнилась въ дѣтяхъ отцовская преданность къ Россіи и чѣмъ кончатся ихъ демонстраціи и производимыя оными въ нашемъ краѣ народныя смуты, неизвѣстно.

Чтобы при нашемъ молчаніи и мы—православные—не были причислены къ зломыслящимъ или равнодушнымъ; чтобы не сказали, что все дворянство Могилевской губерніи запятнало себя возстаніемъ противу правительства, мы, въ сознаніи древней принадлежности края и нашего происхожденія, и имѣя въ виду начатыя тобою, государь-освободитель, благодѣтельныя для Россіи преобразованія, спѣшимъ повергнуть у твоего священнаго трона наши вѣрноподданническія чувства, съ искреннимъ желаніемъ, какъ оказало себя на дѣлѣ и большинство здѣшняго населенія, оставаться подъ русскою державою и защищать ея границы всѣми возможными средствами.

Измѣна Мазепы.

I.

Письмо князя Матвѣя Гагарина къ князю А. Д. Меншикову.

23-го февраля 1708 г. Москва.

Свѣтлѣйшій Князь, отецъ мой, Государь милостивый, ни о чемъ нынѣ не могу доносить твоей свѣтлости, вѣдая приключившійся нынѣ паче оныхъ дней многой трудъ твоей высокости. А сего умолчати мнѣ твоему рабу не мочно. Явился на красномъ крыльцѣ ахтырскій писарь и сказалъ на караулѣ, что есть съ нимъ доношеніе о великомъ царственномъ дѣлѣ. И подалъ мнѣ 3 письма: одно къ Царскому Величеству, второе—Государю Царевичу, третье—твоей свѣтлости, посланныя отъ ахтырскаго полковника съ нимъ.

И въ письмѣ, Государь,—Государя Царевича явлено, что донесеть ему Государю тотъ посланный его писарь на словахъ.

И примѣняясь, Государь, къ указамъ Царскаго Величества, каковы есть намъ о подметныхъ письмахъ, то письмо, которое къ Царскому Величеству, распечаталъ и чель, и писано, будто о измѣнѣ господина Гетмана.

И вырази мѣлъ, что то письмо отъ его непріятелей и храня того, чтобъ то слово отъ того посланнаго не было явно инымъ, чтобъ въ народѣ не произошло отъ того смятенія, того присланнаго послалъ въ Угрѣнскій монастырь и велѣлъ до указу за карауломъ держать крѣпко. А то письмо послалъ до Царскаго Величества; такожь, которое подписано на имя твоей свѣтлости, послалъ при семъ письмѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Письмо пока не найдено.

И о томъ прошу твоей свѣтлости, прикажи мнѣ отвѣтствовать о томъ писарѣ, который подалъ вышеименованныя письма.

Послушный рабъ твоей свѣтлости князь Гагаринъ ¹⁾.

II.

Изъ письма Петра Салтыкова къ князю А. Д. Меншикову.

.....я жъ довошу вашей свѣтлости, господа министры подполковника Брылкина отпустили въ Смоленскъ съ Кочубеемъ и съ Искрою и съ прочими при нихъ и велѣлъ помянутого Кочубея и Искру отвести къ Гетману, товарищу моему господину Вельяминову-Зернову, а которые были при нихъ другіе, тѣ оставлены въ Смоленску за карауломъ, а Брылкину приказали быть въ Смоленску и я его съ помянутыми письмы послалъ къ вашей свѣтлости, мой премилосердый патронъ. Благоволи опредѣлить ему указомъ по его доношенію. Низжай(шій) твой слуга и рабъ Петръ Салтыковъ. Изъ Смоленска, іюня 17-го дня 1708 году ²⁾.

Сообщилъ **М. К. Марченко.**

---

¹⁾ Рукописн. Отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ. Бумаги кн. А. Д. Меншикова.

²⁾ Рукописн. Отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ.

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

IX ¹⁾.

Назначенія: М. М. Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ, М. Л. Магницкаго симбирскимъ и Ключарева сенаторомъ.— Судьба реформъ императора Александра I.— Массонство.— А. Ф. Лабзинъ и его характеристика.— Проектъ о построеніи храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ.— А. Витбергъ.— М. А. Нарышкина.— Семеновская исторія.— Наводненіе въ Петербургѣ.

Когда прекратились конгрессы, коими былъ выработанъ новый порядокъ вещей въ Европѣ, перевернутой верхъ дномъ французской революціей и всемогуществомъ Наполеона, то Александру предстояло еще обширное поле дѣятельности для осуществленія тѣхъ предпріятій, которыя онъ имѣлъ въ виду. Но, какъ я уже замѣтилъ выше, лишь только монархъ или хотя бы даже частный человѣкъ перестаютъ быть орудіемъ Провидѣнія, коимъ оно пользуется для выполненія своихъ цѣлей, то планы людей, также требующіе усилій для своего осуществленія, вскорѣ истощаютъ человѣческія силы. Испытанныя разочарованія дѣлаютъ человѣка робкимъ, боязливымъ, неудачи, которыя предвидятся въ будущемъ, парализуютъ его энергію. Лишь только человѣкъ начинаетъ соразмѣрять свою дѣятельность со временемъ, онъ тотчасъ теряетъ бодрость духа. Неизвѣстность того, что принесетъ завтрашній день, парализуетъ самую пылку дѣятельность. Какъ только чувство незави-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

симости отъ времени смѣняется неизвѣстностью, душою овладѣваетъ равнодушіе и человѣкъ утрачиваетъ способность къ дѣятельности! Душа впадаетъ въ какое-то оцѣпенѣніе, которое она не въ состояніи побороть; всѣ ея порывы разсѣваются, какъ тѣни, или ослабѣваютъ, какъ пружина, утратившая свою упругость. Нравственное прозябаніе дѣлаетъ жизнь тягостной для существа дѣятельнаго и мыслящаго. Это состояніе оцѣпенѣнія бываетъ въ тягость тому, кого оно постигнетъ. Александръ могъ насиловать себя только до тѣхъ поръ, пока нравственныя силы не оставили его окончательно. Растительная жизнь упитываетъ тѣло только тѣхъ чудовищъ человѣческаго рода, которыя живутъ жизнью улитки; она убиваетъ людей, одушевленныхъ безсмертнымъ духомъ.

Когда прелесть славы и успѣха перестала ослѣплять воображеніе Александра, онъ вспомнилъ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Ключаревѣ, участь которыхъ все еще не была рѣшена. Я не знаю, какъ это произошло, такъ какъ я могу основываться только на фактахъ; какъ бы то ни было, появился указъ о назначеніи Сперанскаго на должность гражданскаго губернатора въ Пензу, а Магницкаго въ Симбирскъ. Въ указѣ говорилось, что Сперанскій получаетъ это мѣсто для того, чтобы имѣть возможность «оправдаться». Странная развязка, если подумать, что этотъ человѣкъ, занимавшій должность статсъ-секретаря—одну изъ важнѣйшихъ въ Имперіи, былъ неожиданно арестованъ и сосланъ подъ надзоръ полиціи въ одну изъ отдаленныхъ губерній по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, но былъ сосланъ безъ суда, а между тѣмъ онъ помилованъ по желанію императора для того, чтобы дать ему возможность «оправдаться». До сихъ поръ неизвѣстно, что была за причина постигшаго его, столь тяжкаго испытанія, но нельзя предполагать, что съ его стороны была измѣна, коль скоро онъ былъ назначенъ впоследствии генераль-губернаторомъ Сибири, затѣмъ членомъ комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для выработки новой системы администраціи этой далекой окраины, соприкасающейся съ Китаемъ и Америкою, и умеръ кавалеромъ всѣхъ російскихъ орденовъ, членомъ Государственнаго Совѣта и графомъ. Эти соображенія только подтверждаютъ мысль о существованіи интриги, о которой я говорилъ выше и которая можетъ разъясниться вполнѣ только черезъ сто лѣтъ. Секретныя дѣйствія неограниченнаго правительства лишаютъ исторію возможности освѣтить факты въ высокой степени любопытные. Не имѣя положительныхъ данныхъ, она даетъ волю предположеніямъ и въ концѣ концовъ замѣняетъ истину баснями или клеветою.

Изъ Симбирска Магницкій перешелъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ членомъ совѣта министра и попечителемъ Казанскаго университета, но закончилъ свою карьеру въ заточеніи въ Одессѣ; я буду впоследствии еще говорить о немъ.

Ключаревъ былъ назначенъ сенаторомъ, получилъ аренду и умеръ почти въ нищетѣ. Чтобы закончить исторію его жизни съ того времени, какъ онъ былъ свергнутъ Ростопчинымъ съ мѣста московскаго почтъ-директора, я долженъ, въ интересахъ истины, передать здѣсь одинъ фактъ, доказывающій невинность этого чиновника, долготѣтная служба котораго всегда была цѣнима его монархомъ, и вопіющее злоупотребленіе власти со стороны Ростопчина въ то время, когда онъ былъ назначенъ московскимъ генераль-губернаторомъ, за шесть недѣль или за два мѣсяца до занятія этого города Наполеономъ.

Когда Ключаревъ былъ арестованъ, то его кабинетъ былъ опечатанъ; охрана этихъ печатей была поручена чиновникамъ почтоваго вѣдомства. Я, какъ помощникъ почтъ-директора, долженъ былъ вступить въ исполненіе его обязанностей; я добился разрѣшенія генераль-губернатора, чтобы семейству Ключарева было разрѣшено препроводить въ надежное мѣсто ихъ движимое имущество, такъ какъ городъ былъ взволнованъ при приближеніи непріятельскихъ войскъ и жители принимали всевозможныя мѣры для спасенія своего имущества. Я приказалъ уполномоченнымъ самимъ Ключаревымъ лицамъ собрать всѣ бумаги, находившіяся въ кабинетѣ директора, которыя должны были послужить къ его оправданію или къ его обвиненію; бумаги эти были уложены въ одинъ тюкъ, къ которому были приложены печати Ростопчина, оберъ-полицеймейстера и моя; этотъ тюкъ съ согласія графа велѣно было передать въ распоряженіе правительства. Но, несмотря на мое настоятельное требованіе, чтобы онъ былъ отданъ на храненіе подлежащимъ властямъ, тюкъ этотъ остался подъ наблюденіемъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства. Нѣсколько дней спустя, Москва была занята непріателемъ. Я долженъ былъ таскать всюду за собою этотъ тюкъ до возвращенія почтовой конторы въ Москву послѣ ухода французовъ, и онъ оставался у меня на храненіи еще долгое время послѣ заключенія мира. Это обстоятельство выяснилось только тогда, когда появился высочайшій указъ, касавшійся этихъ бумагъ, сообщенный мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ. Прежде чѣмъ освободить Ключарева, потребовали его бумаги у Ростопчина. Позабывъ обстоятельства, сопровождавшія арестъ почтъ-директора, или, быть можетъ приобъгнувъ ко лжи для того, чтобы не было возможности разъяснить это дѣло, Ростопчинъ отвѣчалъ оффиціально, что тюкъ съ бумагами сдѣлался жертвою пламени во время московскаго пожара! Министръ внутреннихъ дѣлъ, которому мною были сообщены всѣ подробности, сопровождавшія занятіе Москвы французами, бывъ спрошенъ объ участи этихъ бумагъ, отвѣчалъ, что тюкъ не сгорѣлъ, такъ какъ онъ находился въ моихъ рукахъ съ самаго вступленія непріятели въ Москву. Мнѣ было сообщено высочайшее повелѣніе передать запечатанный тюкъ съ бумагами фельдъ-

егерю, которому было приказано доставить его въ Петербургъ; вѣроятно, за неимѣніемъ законныхъ доказательствъ къ обвиненію Ключарева, бумаги, которыя должны были служить къ обвиненію директора, послужили къ его полному оправданію. Онъ вскорѣ былъ выпущенъ на свободу и получилъ слабое вознагражденіе за всѣ страданія и жестокія обиды, коимъ онъ подвергался нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе личной вражды къ нему Ростопчина.

Въ то же время правосудіе требовало, чтобы было окончено слѣдствіе по дѣлу несчастнаго Верещагина. Дѣло это, начатое, какъ я уже сказалъ, Ростопчинымъ, пройдя всѣ указанныя закономъ инстанціи, поступило въ Сенатъ, гдѣ для окончанія его было необходимо присутствіе Верещагина. Министръ юстиціи Дмитріевъ обратился по этому поводу съ запросомъ къ Ростопчину, который все еще занималъ въ ту пору постъ московскаго генералъ-губернатора, и Ростопчинъ отвѣчалъ, не смущаясь, что «въ день оккупациі Москвы, онъ, графъ Ростопчинъ, выдалъ измѣнника черни, которая растерзала его!» Это—подлинныя слова Ростопчина въ официальномъ донесеніи на имя министра юстиціи. Впослѣдствіи онъ былъ уволенъ въ отставку. Сидѣемый угрызеніями совѣсти, онъ оставилъ Россію и поселился въ Парижѣ среди тѣхъ самыхъ французовъ, къ коимъ онъ выказалъ столько ненависти и презрѣнія. Въ Парижѣ Ростопчинъ выдалъ замужъ дочь за француза и издалъ брошюру: «Правда о Московскомъ пожарѣ», въ которой, облакаясь какъ ворона въ павлиныя перья, старается бросить на себя хотя отблескъ той великой мѣры, которая была принята для спасенія Россіи и могла быть принята только по повелѣнію освободителя Европы.

Царствованіе Александра было такъ же обильно внутренними, какъ и внѣшними событіями. Вообще, эпоха, въ которую онъ царствовалъ, отличается отъ всѣхъ предъидущихъ какимъ-то непостоянствомъ и измѣнчивостью, вслѣдствіе чего событія, которыхъ хватило бы въ другое время на цѣлый вѣкъ, слѣдовали одно за другимъ съ изумительной быстротою. Прошло уже то время, когда войны продолжались по 30 лѣтъ! Революціонныя войны не могутъ сравниться съ войнами, которыя объявляютъ кабинеты. Если бы революція дѣйствовала по примѣру тридцати-или семилѣтней войны, то она была бы подавлена въ самомъ началѣ. Для того, чтобы парализовать человѣческую дѣятельность, нужно ошеломить народы, какъ и отдѣльныя личности терроромъ и неожиданными ударами. Опасность, которую видишь издалека, позволяетъ обдумать и принять противъ нея мѣры; но когда находишься съ непріателемъ лицомъ къ лицу, то уже нѣтъ времени думать о переговорахъ, надобно защищаться—и умереть, когда нѣтъ спасенія.

Измѣнчивость и непостоянство были главными двигателями всѣхъ дѣйствій въ царствованіе Александра. Онъ былъ твердъ и непоколе-

бимъ только одинъ разъ въ своей жизни: во время его послѣдней войны съ Наполеономъ потому, что въ этомъ случаѣ онъ уже не дѣйствовалъ самъ по себѣ, онъ былъ только орудіемъ Провидѣнія, которое императоръ французовъ называлъ на берегахъ Нѣмана «Рокомъ». Провидѣніе влекло Александра къ апогею его славы точно такъ же, какъ судьба увлекла Наполеона къ гибели.

Ни одно изъ преобразованій, совершившихся въ Россіи въ теченіе 25-лѣтняго царствованія Александра, не упрочилось. То, что было сдѣлано въ 1802 г., передѣлывалось въ 1812 г.! Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 года. Однимъ словомъ, во всемъ было замѣтно колебаніе; одна система управленія смѣнялась другою. Сегодня были философы, завтра ханжами. Это грустное положеніе вещей усиливалось по мѣрѣ того, какъ неудачи и утомленіе дѣйствовали разслабляюще на характеръ Александра. Все зависѣло отъ двигателя, приводившаго въ ходъ машину. Во время министерства Кочубея, душою котораго былъ Сперанскій, преклонялись передъ конституціей, во время фавора князя Голицына были ханжами, при Аракчеевѣ были низкопоклонны, всегда безхарактерны, всегда разсчитывая только на сегоднешній день. Эта измѣнчивость поддерживала броженіе, которое подготавливало взрывъ.

Масонство было терпимо, потому что не входило въ разрядъ обществъ, внушавшихъ правительству опасенія. Новиковъ, пожелавъ дать ему прочную основу, пробудилъ бдительность Екатерины и потерпѣлъ фіаско. Послѣ него масонство было только тѣнью того, чѣмъ оно было ранѣе; вдобавокъ и эти жалкіе остатки его скрывались подъ покровомъ тайны. Нѣкоторые братья изъ старинныхъ ложъ вербовали, это правда, неопытныхъ новичковъ въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ. Уже не было болѣе слышно объ ударахъ молотка, но время отъ времени говорили объ условныхъ знакахъ рукою, жертвами которыхъ являлись неопытные новички. Новиковъ, сосланный въ свое родовое помѣстье, не принималъ никакого участія въ этихъ псевдо-масонскихъ проискахъ; онъ стоялъ слишкомъ высоко, гораздо выше этихъ обыденныхъ масонскихъ взглядовъ, чтобы допустить мысль, что можно было смѣшивать масонство съ мелкими меркантильными расчетами людей.

Нѣкоторые высокопоставленныя лица, недовольныя тѣмъ, что они не играли никакой роли въ обществѣ, надѣялись достигнуть извѣстности, найдя себѣ приверженцевъ и воскресивъ въ Петербургѣ масонство. Нѣсколько братьевъ, проживавшихъ въ Москвѣ безъ дѣла, оказали имъ содѣйствіе, и съ разрѣшенія правительства въ Петербургѣ было основано нѣсколько масонскихъ ложъ, во главѣ которыхъ стояли гросмейстеры, не знавшіе даже катехизиса масонства и негодившіеся даже въ ученики.

Образовались русская и нѣмецкая ложи, въ которыя вошли личности всевозможныхъ оттѣнковъ.

Бездѣйствіе искало убѣжища отъ скуки, и шампанское заставляло забыть о ничтожествѣ цѣлей этихъ собраний. Прослыть масономъ уже не казалось страшнымъ, и полиція убѣдилась болѣе, чѣмъ когда-либо, что она могла спать спокойно во время масонскихъ собраний. Ораторы масонскихъ ложъ не походили на ораторовъ англійскихъ коммунъ. Во время вечернихъ собраний братья-масоны были внимательны только къ тому, чтобы ихъ стаканы не пустѣли. Такъ какъ покровительство, оказываемое масонству императоромъ, и принадлежность къ нему нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ позволяли надѣяться, что оно могло доставить какое-нибудь выгодное занятіе или награду, то всѣ хотѣли быть масонами.

Лабзинъ, о которомъ я упоминалъ какъ объ исторіографѣ Мальтійскаго ордена, воспользовался этой терпимостью, чтобы образовать въ своемъ маленькомъ кружкѣ братство, болѣе подходящее къ цѣлямъ масонства, на которое онъ не смотрѣлъ въ то время, какъ на дѣтскую забаву или какъ на средство скрыть свои политическія стремленія.

Лабзинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ существъ, которыя живутъ не только для того, чтобы удобрять почву. Обладая выдающимся умомъ, желѣзной волею, основательными познаніями въ философіи и исторіи, онъ былъ отъ природы краснорѣчивъ, зналъ основательно языки латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій, перечиталъ на этихъ языкахъ всѣ сочиненія по философіи и богословію. Изучивъ отлично свой родной языкъ и его источникъ, языкъ славянскій, онъ владѣлъ ими мастерски и можетъ быть поставленъ наравнѣ съ первѣйшими писателями своей страны. Истинное христіанство было элементомъ его сердца; онъ видѣлъ въ масонствѣ только первую ступень, по которой человѣкъ могъ достигнуть нравственнаго совершенства и болѣе глубокаго познанія природы и ея великаго Создателя. Это сокровенное убѣжденіе составляетъ духъ масонства, и смѣлю повторять, что безъ него масонство сдѣлалось бы, какъ это доказываютъ факты, столь же бесполезнымъ, какъ и всякая внѣшняя, обрядовая религія, которая не является въ дѣйствіяхъ человѣка, исповѣдующаго эту религію, выраженіемъ той доктрины, которой она учитъ. Въ Евангеліи все говоритъ объ обновленіи, о возрожденіи, о тѣлесной смерти, послѣ которой наступитъ загробная жизнь духа.

Лабзинъ, проникнутый этими истинами, воодушевлялъ со своей гроемейстерской кафедры маленькое собраніе братьевъ-масоновъ, принадлежавшихъ къ его ложѣ. Они были такъ убѣждены въ чистотѣ его намѣреній, такъ побуждены могуществомъ его логики и его искусствомъ говорить, что не обращали вниманія на грубость его манеръ и на гру-

быя выходки, которыя онъ позволялъ себѣ по своей увлекающейся натурѣ и вслѣдствіе отсутствія тщательнаго воспитанія. Онъ хотѣлъ, подобно Новикову, распространять исповѣдуемыя имъ истины посредствомъ печати; неутомимый труженикъ, онъ напечаталъ множество аскетическихъ сочиненій, переведенныхъ имъ съ нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ, и получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ названіемъ «Сіонскаго Вѣстника».

Все новое нравится и увлекаетъ. Переводы, изданные Лабзинимъ, и собственныя его сочиненія привлекли къ нему людей выдающихся и ничтожности, кающихся Магдалинъ и матерей семейства, видѣвшихъ въ его сочиненіяхъ противоядіе лжемудрствованію философовъ. Съ одной стороны его превозносили до того, что называли святымъ, съ другой — на него нападали, какъ на мартиниста, иллюмината, человѣка опаснаго для церкви. Вышее и низшее духовенство было противъ него. Епископы и священнослужители всегда держатся того принципа, что обращеніе душъ надобно предоставить Богу. Они не любятъ, чтобы лица, не принадлежащія къ духовному сословію, были истолкователями воли Божіей, такъ какъ они одни имѣютъ власть разрѣшать грѣхи. Они говорятъ: *rescasse humanum est*.

Со временъ апостола Павла благородныя дамы любятъ составлять свиту человѣка, занимающагося пропагандою. Краснорѣчіе и своеобразие манеръ Лабзина произвело нѣкоторое впечатлѣніе и на петербургскихъ дамъ. Императоръ Александръ отличилъ его, пожаловавъ ему Владимира 2 ст. въ награду за его благое намѣреніе распространять истины христіанской вѣры. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, хотя и не долюбивавшій масонство, которое онъ зналъ только по имени, также относился съ уваженіемъ къ новому члену пропаганды! Все это вскружило голову Лабзину.

Такъ какъ онъ объявилъ себя главою своей маленькой ложы то онъ не былъ ничѣмъ связанъ съ другими ложами, но эта независимость, пагубная въ масонствѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вовлекла его въ предпріятія, не имѣвшія ничего общаго съ цѣлями масонства. Не будучи подчиненъ никакой законной власти, которая руководила бы имъ въ его обязанностяхъ гросмейстера и проповѣдника, онъ хотѣлъ быть вполне независимымъ. Его выборъ книгъ для переводовъ основывался лишь на новизнѣ данныхъ, должествовавшихъ задѣть любопытство или принести матеріальныя выгоды. Его «Сіонскій Вѣстникъ» нападалъ на злоупотребленія или предавалъ гласности такіе факты, къ которымъ духовенство не могло относиться равнодушно. Въ дѣло вмѣшалась цензура; Лабзинъ упорствовалъ, и Вѣстникъ былъ запрещенъ.

Впослѣдствіи онъ получилъ снова разрѣшеніе продолжать это изданіе и принялся за работу, но раздраженный всевозможными

препятствіями, встрѣчавшимися ему на пути, и не будучи въ состояніи долѣе сдерживать своей гнѣвъ, онъ позволилъ себѣ однажды, въ засѣданіи конференціи Академіи художествъ, коей онъ былъ членомъ, въ качествѣ вице-президента академіи, дерзкую шутку на счетъ одного высокопоставленнаго лица ¹⁾, сказавъ, что этотъ послѣдній гораздо дальше отъ особы императора, нежели кучеръ, возившій его величество. Эта грубая шутка вызвала цѣлый скандалъ. Враги Лабзина этимъ воспользовались; его слова были переданы и истолкованы въ ложномъ свѣтѣ. Лабзинъ былъ уволенъ со службы и сосланъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, гдѣ онъ провелъ остатокъ дней, занимаясь переводами и сочиненіями, изъ коихъ большая часть написана въ высоконравственномъ христіанскомъ духѣ; помимо этого, они имѣютъ то достоинство, что много способствовали улучшенію слога и обогатили русскій языкъ научными терминами, созданными или истолкованными Лабзинымъ.

Въ юности онъ писалъ стихи и перевелъ «Le juge», драму Межье и «Свадьбу Фигаро» Бомарше. Его неукротимый характеръ не влиялъ на превосходныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его намѣреній ²⁾.

Приблизительно около этого времени масонскія ложи были уничтожены во всей Имперіи. Причиною этого конечно не была шутка, сказанная Лабзинымъ, но такъ какъ всякое тайное общество казалось опаснымъ, а невѣжество и недобросовѣстность всегда преслѣдовались въ странахъ, управляемыхъ неограниченною властью и въ тѣхъ, гдѣ католичество преобладаетъ надъ масонствомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ общество оно не пользовалось одобреніемъ въ Россіи. Появился указъ, повелѣвавшій, чтобы всѣ безъ исключенія высшія и низшія должностныя лица обязались письменно не принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ. Съ тѣхъ поръ всякое лицо, поступающее на службу, должно подписать обязательство въ этомъ смыслѣ. И о масонствѣ болѣе не слышно.

Такъ какъ я пишу свои записки не для того, чтобы поддерживать ложь, а для того, чтобы передавать въ истинномъ свѣтѣ факты, которые подвергнутся нѣкогда суду потомства, то я не стѣсняюсь говорить добросовѣстно все то, что мнѣ извѣстно положительно по поводу того или инаго событія, или подтвердить истину того, въ чемъ я вполне убѣжденъ. Вотъ почему я и не скрываю своихъ мнѣній, хотя они часто совершенно противорѣчатъ общепринятымъ взглядамъ. Чтобы

¹⁾ Аракчеева.

²⁾ О Лабзинѣ см. „Русскую Старину“ 1894 г. №№ 9—12; 1895 г. № 1 и № 2.

покончить всякіе споры о масонствѣ, я скажу, что, по моему мнѣнію, величайшая нелѣпость, распространенная людьми невѣрующими и недобросовѣтными въ обществѣ, которое весьма мало заботится о Богѣ и объ истинѣ, заключается въ томъ, будто масонство было сектою болѣе вредною для правительства, нежели всѣ другія ученія, посягающія на эти основы общественнаго блага. Основу масонскаго ученія составляетъ самая безкорыстная любовь къ ближнему, основанная на божественномъ ученіи, а подобное ученіе можетъ только содѣйствовать благополучію и счастью людей.

Злоупотребленія проникаютъ всюду. Даже церковь, это святое божественное учрежденіе, отъ этого не избавлена! Человѣческая справедливость часто заставляетъ всѣхъ склониться въ сторону лжи; однако эти злоупотребленія не безчестятъ ни церковь, ни суды. Да и можетъ ли быть масонство свободно отъ злоупотребленій, коль скоро это учрежденіе, столь святое само по себѣ и по цѣли, которую оно преслѣдуетъ, находится въ рукахъ людей.

Возвратите масонству довѣріе, коего оно достойно, научитесь понимать его сущность и цѣль, къ которой оно стремится, не позволяйте человѣческимъ законамъ преслѣдовать его, устройте такъ, чтобы верховная власть покровительствовала ему, чтобы воспитаніе руководствовалось его правилами, чтобы правители уважали его, какъ настоящую школу добродѣтели, нравственности и семейныхъ и общественныхъ обязанностей,—и тогда міръ увидитъ, что поколѣніе, выросшее подъ его эгидою, будетъ поколѣніемъ высоконравственнымъ, добродѣтельнымъ и послушнымъ голосу долга. Отъ какой системы образованія, отъ какой философіи могло бы человѣчество ожидать такихъ результатовъ? Всякая страна, изъ которой изгнано масонство, не должна надѣяться, что въ ея нѣдрахъ будетъ процвѣтать общественное благосостояніе. Подобно тому, какъ религія и церковь связываютъ человѣка съ небомъ какою-то сверхъестественною силою, такъ же точно и масонство связываетъ человѣчество съ этою силою, ведя его путемъ истины, опытности и милосердія.

Лучшія теоріи остаются безплодны, если ихъ не примѣняютъ на практикѣ. Исповѣдь даетъ человѣку отпущеніе грѣховъ, когда измученная совѣсть нуждается въ этомъ для того, чтобы возвратить себѣ утраченный покой. Масонство старается постоянно поддерживать этотъ покой въ душѣ своихъ членовъ посредствомъ милосердія, добраго примѣра и подчиненіемъ мятежной воли, всѣхъ дѣтей Адама волѣ Того, Который создалъ человѣка не для одной земной жизни. Не всѣ люди родились для того, чтобы быть духовными лицами, монахами или отшельниками, но всѣ они созданы для того, чтобы быть добродѣтельными на землѣ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ на небѣ. Настоящее масонство ведетъ человѣка къ этой цѣли съ рожденія его до смерти и

учить его познавать религію, поддерживаетъ въ немъ мысль о ней, говоритъ ему, кто онъ и кто его Творецъ. Религія поддерживаетъ это ученіе и связываетъ человѣка во время земной жизни съ небомъ. Христіанская церковь распространяетъ истину такъ же, какъ академіи и университеты распространяютъ заблужденія.

Императоръ Александръ возвратился въ свои владѣнія послѣ умиротворенія Европы, потрясенной революціей, которая вспыхнула во Франціи въ 1788 г., убѣжденный до очевидности въ томъ, что онъ былъ обязанъ всѣми своими успѣхами всемогуществу Того, по волѣ Котораго монархи и сильные міра сего могутъ сотворить что-нибудь и добиться сверхъестественныхъ результатовъ — онъ захотѣлъ высказать потомству эту истину посредствомъ памятника, который долженъ былъ ее увѣковѣчить. Онъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ памятникъ былъ достоинъ мысли, которую онъ долженъ былъ увѣковѣчить, насколько это возможно для произведенія человѣческихъ рукъ.

Ему пришла мысль, столь же грандіозная, какъ и безкорыстная, — воздвигнуть храмъ Спасителю міра, благодаря Которому Господь ниспосылаетъ людямъ побѣду.

12-го октября 1817 г. первый камень будущаго храма былъ положенъ самимъ императоромъ на Воробьевыхъ горахъ съ большою торжественностью въ присутствіи всей царской фамиліи, прусскаго принца Вильгельма и при огромномъ стеченіи народа. Этотъ храмъ былъ заложенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пять лѣтъ передъ тѣмъ появились 1-го сентября 1812 г. на этихъ горахъ непріятельскія войска наканунѣ ихъ вступленія въ Москву.

Вотъ чтó говорилъ помазанникъ Божій въ своемъ манифестѣ:

«Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самамалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно излиянная на Россію благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ російскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе наше! Да совершится оно! Да простоятъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодар-

ности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ».

Какая разница рѣчи, если сравнить этотъ манифестъ съ указами императора Наполеона послѣ его побѣга съ острова Эльбы и высадки въ заливѣ!

Когда человѣкъ, бывшій исполнителемъ воли всемогущаго властителя вселенной, признаетъ свое ничтожество, то его смиреніе принимаетъ отъ этого всемогущества блескъ, болѣе возвышенный, чѣмъ тотъ, который придаетъ смертному величайшая побѣда, какую онъ только можетъ одержать. Вся Россія увидала въ своемъ монархѣ помазанника Божьяго. Его смиреніе завоевало всѣ сердца, наэлектризовало всѣ умы! Дѣйствіе, которое понимается умомъ—внушаетъ удивленіе; дѣйствіе, которое постигается чувствомъ—воодушевляетъ. Манифестъ Александра воодушевилъ его подданныхъ такимъ рвеніемъ, что ради его славы они были бы готовы пожертвовать самыми сокровенными своими интересами. Онъ пробудилъ геній, скрытый до своего пробужденія даже отъ того, который носилъ его въ самомъ себѣ.

Вернувшись въ Москву послѣ ухода Наполеона, Ростопчинъ въ своемъ нравственномъ бездѣйствіи впалъ во всевозможныя невоздержности; онъ придумалъ гравировать портреты подмосковныхъ крестьянъ, которые больше всѣхъ убили непріятелей-мародеровъ при встрѣчѣ съ фуражерами или съ малочисленными отрядами французскихъ войскъ во время оккупации ихъ очаговъ, ездъ которыхъ они бѣжали на нѣкоторое разстояніе, скрываясь со своими женами и дѣтьми въ сосѣднихъ лѣсахъ. Онъ обратился къ академіи художествъ съ просьбою прислать въ Москву художника, способнаго передать его мысль на полотнѣ. Академія поспѣшила послать графу одного изъ своихъ лучшихъ питомцевъ, молодого художника исторической живописи Витберга.

Увлеченіе типичными головами крестьянъ вскорѣ охладѣло у Ростопчина. Витбергъ остался безъ дѣла, когда въ Москвѣ былъ полученъ манифестъ, возвѣстившій о намѣреніи императора Александра воздвигнуть въ Москвѣ храмъ, для увѣковѣченія его благодарности Спасителю міра за избавленіе Имперіи отъ врага. Великая мысль воспламеняетъ геній подобно тому, какъ искра воспламеняетъ горючее вещество. Хотя Витбергъ занимался исторической живописью, но онъ былъ знакомъ и съ архитектурою. Ему пришла мысль величественная и въ то же время поэтическая, и онъ создалъ планъ идеальнаго храма. Его храмъ не былъ памятникомъ бездушнымъ, поражающимъ только смѣлостью замысла или чудовищными размѣрами, подавляющими ничтожество человѣка. Онъ хотѣлъ создать храмъ, который говорилъ бы уму безъ словъ, который проповѣдывалъ бы сущность христіанскаго ученія

*

и представлялъ бы во всёхъ своихъ частяхъ для глазъ и для мысли рѣшеніе смысла священнаго писанія, скрытаго въ его разсказахъ, параболахъ, притчахъ и въ исторіи божественнаго откровенія. Глубокое знаніе архитектуры и механики дало ему возможность начертать въ большихъ размѣрахъ проектъ храма со всею точностью и со всёми подробностями, необходимыми для труда, которому суждено было обезсмертить имя того, кто его предпринялъ. Онъ послалъ свой планъ на конкурсъ. Самолюбіе и посредственность окритиковали геній; зависть пустила въ ходъ свои обычныя орудія для того, чтобы подавить божественную искру, которая творить не подражая. Эта искра могла быть затушена, если бы грандіозный и смѣлый проектъ не сдѣлался извѣстенъ императору Александру. Онъ пожелалъ видѣть проектъ и его автора; академикъ былъ призванъ къ монарху; сближеніе геніевъ порождаетъ нѣчто могучее. Изучивъ мысль, которую Витбергъ развилъ въ своемъ планѣ, и встрѣтивъ въ объясненіи, которое авторъ давалъ объ этомъ истинно-поэтическомъ образцѣ творчества, о расположеніи храма и его отдѣльныхъ частей, свои собственныя мысли, императоръ поручилъ академику выработать и усовершенствовать свой проектъ, разрѣшивъ ему свободный доступъ къ своей особѣ. Съ этой минуты постройка храма по планамъ Витберга была рѣшена. Спустя четыре года и десять мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ подписанъ манифестъ, возвѣстившій всему міру о намѣреніи русскаго императора воздвигнуть храмъ, посвященный Спасителю міра въ память побѣды, одержанной надъ непобѣдимымъ императоромъ французомъ, Александръ положилъ первый камень, на которомъ долженъ былъ возвышаться благочестивый памятникъ его величія и смиренія, памятникъ, болѣе возвышенный, чѣмъ всё историческіе памятники чело-вѣческаго тщеславія.

Чтобы познакомить читателей со всею обширностью этого великаго предпріятія, свидѣтельствующаго въ одно и то же время о геніальности его творца и безкорыстіи могущественнаго монарха, положившаго начало этому храму безъ надежды видѣть его оконченнымъ,—ибо построеніе этого храма должно было продолжиться нѣсколько лѣтъ и Александръ не могъ надѣяться, что онъ доживетъ до его окончанія,—я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому предпріятію, чтобы дать полное понятіе о смѣломъ и колоссальномъ проектѣ академика Витберга, а также о мѣрахъ и способахъ, предложенныхъ имъ императору, чтобы облегчить сооруженіе храма, который долженъ былъ затмить стилемъ и размѣрами самыя обширныя постройки древней и современной Европы.

Во всемъ, что предпринималъ императоръ Александръ, было величіе. Щедрый и великодушный отъ природы, какъ его отецъ, онъ чувствовалъ и понималъ всё стремленія благородной души, коей были чужды низ-

менныя страсти. Къ несчастью, такъ же какъ Павелъ, онъ былъ окруженъ дурными совѣтниками и принималъ слишкомъ легко мѣры, которыя придворные интриганы употребляютъ весьма ловко съ цѣлью исказить самыя прекрасныя мысли, если онѣ не служатъ къ личной выгодѣ этихъ гнусныхъ лицъ. Воспитаніе, полученное Александромъ, слишкомъ мало подходило къ его характеру и къ тѣмъ священнымъ обязанностямъ, которыя онъ долженъ былъ нести со временемъ; въ зрѣломъ возрастѣ онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ солдатскихъ привычекъ, усвоенныхъ имъ въ молодости. Избранные имъ въ эту эпоху, такъ же какъ и его братомъ Константиномъ, товарищи увлекли его въ порочный кругъ вольнодумныхъ идей, коими онъ злоупотреблялъ, быть можетъ, болѣе, нежели слѣдовало неограниченному монарху, нравственное поведеніе котораго направляетъ, какъ компасъ, государственный корабль. Во время коронаціи онъ плѣнился женою егермейстера Нарышкина, красавицею Маріей Антоновной, которая впрочемъ не играла такой роли, какъ фавориты Екатерины, или фаворитки королей Франціи. Молодой монархъ, женатый на такой особѣ, какова была императрица Елисавета, молодая, красивая, привѣтливая и кроткая, рѣдко находитъ какое-либо оправданіе своему увлеченію. Болѣе религиозно-нравственное воспитаніе даю бы ему силу избѣгнуть этой ошибки. Супружеская невѣрность на престолѣ можетъ еще менѣе быть извинена, нежели подобное поведеніе въ частной жизни. Тщетны бывають всѣ попытки скрыть подобную связь; даже сновидѣнія неограниченнаго монарха угадываются окружающими. Царедворческое искусство имѣетъ много общаго съ волшебствомъ; у него тонкое обоняніе!

Послѣ продолжительнаго женскаго царствованія императоръ Павелъ ввелъ въ русскую армію въ обычай маневры и сдѣлалъ изъ своего двора военный дворъ. Онъ свято соблюдалъ мельчайшія правила этого механическаго искусства, чтобы и другіе не пренебрегали имъ; ему русское войско обязано своимъ огромнымъ преимуществомъ надъ войсками другихъ государствъ; онъ приучалъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ не смотрѣть равнодушно на службу, душа которой есть точность. Я не берусь судить о пользѣ маневровъ въ мирное время; пусть прочтуть то, что говорить по этому поводу отецъ современной политики Маккиавель, и тогда увидятъ, что это не дѣтская игра!

Ослабленіе повиновенія, противнаго исполнительности, составляетъ для государства болѣе опасную чуму, чѣмъ болѣзнь, носящая это названіе. Въ царствованіе Александра, 2-ой гвардейскій полкъ (Семеновскій), самый великолѣпный во всей арміи, былъ жертвой этой распущенности. Четыре полка императорской гвардіи находились, со временъ Петра Великаго, создавшаго ихъ, подъ начальствомъ титулованныхъ особъ, достигшихъ этихъ постовъ благодаря рожденію или милости царя.

Императоръ Павелъ не соблюдалъ этого правила при назначеніи командировъ этихъ полковъ; впрочемъ, надобно сказать, что эти назначенія не возбуждали того мятежнаго духа, какой проявился однажды во время отсутствія императора Александра въ Семеновскомъ полку, шефомъ котораго онъ былъ и который особенно любилъ. Генераль-маіоръ Потемкинъ, командовавшій этимъ полкомъ, получилъ другое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ армейскій полковникъ Шварцъ. Это назначеніе не понравилось всѣмъ офицерамъ, которые большею частью принадлежали къ самымъ знатнымъ фамиліямъ Имперіи и которыхъ генераль Потемкинъ пріучилъ, быть можетъ, гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало, къ тогдашнему либерализму. Обращеніе Шварца, челоуѣка самаго скромнаго происхожденія, очень не понравилось его подчиненнымъ, которыхъ ихъ знатное происхожденіе, ихъ участіе въ оккупациі Парижа и обращеніе съ ними его предшественника пріучили къ нѣкоторой независимости, роковой для службы. Можетъ быть, офицерамъ можно было поставить въ вину недостатокъ вниманія, которое они выказывали въ присутствіи солдатъ къ особѣ командира полка, у нихъ могли вырваться какіе-либо непочтительныя по отношенію его слова,—этого было достаточно, чтобы погубить полкъ. Умышленно или неумышленно невѣрно переданный приказъ вызвалъ непослушаніе. Строгія мѣры, которыя слѣдовало принять въ этомъ случаѣ, не были приняты; Шварцъ потерялъ голову, и полкъ возмутился, а высшія власти не сумѣли подавить это возмущеніе. Пришлось отправить въ крѣпость весь баталіонъ, въ которомъ вспыхнуло возмущеніе, и предать его военному суду. Императора не было въ это время въ Россіи, его увѣдомили о случившемся. Скандалъ былъ огромный; правосудіе должно было совершиться. Полкъ, въ виду его долгаго существованія, не былъ расформированъ. Кадры и названіе полка остались, но офицеры и солдаты были распределены по армейскимъ полкамъ, а новый полкъ составилъ изъ солдатъ, взятыхъ изъ различныхъ корпусовъ. Нескромность и неосторожность могутъ имѣть такія же роковыя послѣдствія, какъ и самыя преступныя намѣренія, если они производятъ одинаковыя послѣдствія. Какъ только военный позволяетъ себѣ дѣйствовать, руководствуясь какими-либо особенными побужденіями, онъ становится разбойникомъ. Законы гармоніи одинаковы вездѣ, какъ въ музыкѣ, живописи, такъ и въ механикѣ, потому что они заключаются въ самой природѣ вещей. Вездѣ, гдѣ нарушено равновѣсіе, развивается разногласіе.

Послѣ своихъ походовъ и утомленій, Александръ охотно проживалъ въ Царскомъ Селѣ, прекрасныя парки и сады котораго обязаны ему своимъ великолѣпіемъ. Екатерина воздвигла тамъ нѣсколько зданій, которыя кромѣ галлерей и входа Камерони ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Александръ превратилъ этотъ загородный дворецъ въ очень

хорошенькій городокъ, который, подобно Версалю, сдѣлался частью царской резиденции. Желѣзная дорога, нынѣ соединяющая Царское Село съ Петербургомъ, позволяетъ этимъ двумъ городамъ сообщаться менѣе чѣмъ въ полчаса и представляетъ тысячи удобствъ, особенно лѣтомъ: кромѣ полковъ, стоящихъ въ Царскомъ Селѣ, лицей и Александровскій кадетскій корпусъ привлекають туда множество народа. Екатерина отдыхала въ этомъ по истинѣ царскомъ жилищѣ и предавалась въ немъ своимъ увлеченіямъ. Она изгнала изъ него всякое стѣсненіе, всякій этикетъ. Императоръ Павелъ покинулъ Царское Село. Но Александръ любилъ вспоминать въ немъ свое дѣтство и даже пріѣзжалъ туда иногда на нѣсколько дней зимой. Пресыщенный почестями, онъ пользовался тамъ свободой, которую всемогущество отдаляетъ отъ престола, и въ садовой бесѣдкѣ, отдаленной отъ дворца и построенной среди парка очень просто и украшенной картинами, изображавшими самыя прелестныя страны Америки, откуда императоръ выписалъ ламъ, помѣщенныхъ въ другомъ зданіи близъ бесѣдки, онъ пилъ по вечерамъ чай въ обществѣ императрицы и ея камеръ-фрау, по происхожденію англичанки, которую оба они удостоивали особымъ вниманіемъ.

Царское Село находится въ двадцати двухъ верстахъ отъ Петербурга, по направленію Московскои дороги, на одной изъ самыхъ большихъ возвышенностей, окружающихъ наносныя земли, на которыхъ построенъ Петербургъ. Его отдаленіе отъ залива обезпечиваетъ ему полную безопасность даже въ томъ случаѣ, если бы наводненіе угрожало Петербургу полнымъ разореніемъ. Послѣ послѣдняго наводненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 г., надѣлавшаго въ столицѣ столько бѣдствій и стойваго жизни нѣсколькимъ тысячамъ жителей, говорили, что въ старинныхъ шведскихъ хроникахъ разсказывается о выходѣ Невы изъ береговъ въ ту эпоху, когда острова, составляющіе нынѣ самый прекрасный городъ въ мірѣ, были еще необитаемы; въ этихъ хроникахъ говорится, что вода въ Невѣ поднялась до такой высоты, что рыбаки, занимавшіеся въ лѣтнее время своимъ промысломъ и углублявшіеся въ маленькіе заливчики, должны были искать спасенія на Пулковской горѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Петербурга; и нашли убѣжище только на высокихъ деревьяхъ, покрывающихъ эту гору.

Если сказанное въ этой хроникѣ справедливо, то надобно согласиться, что существованію Петербурга постоянно угрожаетъ опасность, хотя нельзя предположить, чтобы вѣтры Балтійскаго побережья могли дуть столько времени, сколько понадобится Невѣ, чтобы достичь Пулкова.

Наводненію 1824 года предшествовалъ ураганъ, разразившійся наканунѣ къ ночи; на слѣдующій день къ полудню, подземные каналы изливали воды на улицы, которыя были наводнены въ одинъ мигъ.

Вода поднялась до бельэтажа домовъ, всё погреба и подвальные помещенія наполнились водою; жители ихъ должны были искать спасенія въ верхнихъ этажахъ; тѣ, которые были застигнуты наводненіемъ на улицахъ и площадяхъ, цѣплялись за рѣшетки, перелѣзали черезъ заборы, карабкались на окна фасадовъ и на деревья. Вскорѣ большія и маленькія зданія плавали въ водѣ, вѣтеръ дулъ съ яростью, увлекая деревянные дома, снесенные водою съ своихъ фундаментовъ. Тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей погибли въ подвалахъ, нижнихъ этажахъ и деревянныхъ зданіяхъ, надъ которыми поднялась вода. Къ 5 часамъ по полудни ураганъ стихъ, вода начала убывать и стекать. Два часа спустя, отъ наводненія не оставалось другихъ слѣдовъ на улицахъ, кромѣ сырыхъ панелей; но приходилось выкачивать воду, разлившуюся въ подвалахъ и подземныхъ жилищахъ. На островахъ и въ наиболѣе низменныхъ кварталахъ разореніе было ужасное. Заборы были разрушены; лодки и барки взгромоздились на улицы и набережныя, преграждали проходы и препятствовали сообщенію. Утро 25-го ноября было свидѣтелемъ слезъ и стenanій. Трупы тѣхъ, которые погибли въ волнахъ, напоминали объ опасности, угрожавшей наканунѣ живымъ.

Какъ только началось наводненіе, императоръ Александръ все время руководилъ самъ всѣми мѣрами, способствовавшими спасенію какъ можно большаго количества народа во время бѣдствія, и оказывалъ жителямъ всякую помощь, которая могла облегчить несчастное положеніе бѣднѣйшихъ жителей столицы. Было пущено въ ходъ все, что было во власти этого религіознаго и великодушнаго монарха, видѣвшаго, какъ погибло столько жертвъ вслѣдствіе бѣдствія, не повинующагося никакой чело-вѣческой власти. Обширныя зданія были устроены, чтобы принять жителей, не имѣвшихъ болѣе пристанища; пища и одежда были розданы въ большомъ количествѣ; бѣднякамъ была оказана бесплатно медицинская помощь; сироты, оставшіеся безъ родителей, были приняты на счетъ казны въ учебныя заведенія.

Такова картина послѣдняго наводненія 7-го ноября 1824 года; это бѣдствіе можетъ повториться неожиданно; оно уже повторялось ранѣе въ разное время, не отвративъ людей, столь дорожащихъ жизнью, отъ жилища, столь близкаго къ могилѣ. Но безсмертіе не боится ни воды, ни огненной лавы Везувія!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо А. И. Тургенева къ Н. М. Карамзину.

Понедѣльникъ (11-го августа 1819 г.) ¹⁾.

Феслеръ ²⁾ засталъ меня сегодня роющагося въ библиотекѣ, и узнавъ, что я ищу Баторія ³⁾, записалъ (смотри выше) ⁴⁾ нѣкоторыя книги, содержащія любопытныя подробности о его жизни. Я показалъ ему Каталогъ Национальной Венгерской библиотекы, гр(афо)мъ Чехени собранной ⁵⁾. Буквою В. отмѣтилъ онъ всѣ тѣ книги, кои вамъ могутъ быть нужны. Можно бы справиться въ библиотекѣ Императорской. Тамъ есть Hungaria.

Не затеряйте Каталога. Это рѣдкость. Здѣсь полученъ манифестъ о рожденіи В. К. ⁶⁾.

---

¹⁾ Письмо не имѣетъ даты; она опредѣлена изъ содержанія письма.

²⁾ Извѣстный Игнатій Феслеръ (р. 1756 † 1839), докторъ правъ, вызванный въ Россію въ 1810 году Сперанскимъ, занялъ въ этомъ году кафедру философіи въ С.-Петербургской духовной академіи, но черезъ пять мѣсяцевъ долженъ былъ оставить не только академію, но и Петербургъ. Онъ былъ зачисленъ корреспондентомъ въ Коммиссію составленія законовъ по части теоріи уголовнаго права; мѣстомъ для своего жительства онъ избралъ Саратовскую губернію. Въ концѣ іюля 1819 года онъ приѣхалъ изъ Сарепты въ Петербургъ, бывалъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ и видѣлся тамъ съ Тургеневымъ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 280). Въ 1820 году онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ Саратовской Евангелической Консисторіи.

³⁾ Свѣдѣній о Стефанѣ-Баторіи.

⁴⁾ Въ верхнемъ полѣ письма рукою Феслера написаны слѣдующія заглавія книгъ: „Bruti Historias. Bruti Epistolae. Sigismundi Augusti epistolae; in calce adjectae sunt epistolae Bathorii.

⁵⁾ Здѣсь имѣется въ виду Catalogus Bibliothecae Hungaricae, изданный графомъ Францомъ Szecheny (выходившій въ свѣтъ нѣсколькими выпусками въ 1799—1807 годахъ; въ продажу этотъ Каталогъ не поступалъ).

⁶⁾ Очевидно, манифестъ о рожденіи великой княжны Маріи Николаевны (р. 6-го августа 1819 года). Императоръ Александръ I былъ въ это время

Цѣлую ручки у Екатерины Андреевны ¹⁾ и милыхъ дѣтушекъ.
Я послалъ вамъ только два тома Исторіи Гебгарда, а Хронику не послалъ, для того что въ ней нѣтъ ничего о Баторіи.

Т(ургеневъ) ²⁾.

Сообщилъ П. Н. Тургеневъ.

въ отсутствіи изъ Царскаго Села (обозрѣвалъ сѣверныя губерніи Россіи).
Манифестъ о рожденіи великой княжны Маріи Николаевны былъ данъ въ
Олонцѣ 8-го августа 1819 г. и могъ придти въ Петербургъ (или Павловскъ)
11-го августа, которое въ 1819 году приходилось именно въ понедѣльникъ.

¹⁾ Супруги Н. М. Карамзина.

²⁾ На оборотѣ письма рукою А. И. Тургенева написано стихотвореніе
Жуковскаго „На смерть чижика“ въ той редакціи, которая приведена Тур-
геновымъ въ письмѣ его къ князю П. А. Вяземскому отъ 2-го сентября
1819 года (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 302).

Федоръ Николаевичъ Львовъ¹⁾.

(Изъ воспоминаній Ив. Ив. Венедиктова²⁾).

Федоръ Николаевичъ Львовъ былъ мой товарищъ по 1-му московскому корпусу, гдѣ мы провели вмѣстѣ болѣе семи лѣтъ. Да и до того времени я зналъ его, какъ сына адъютанта нашего корпуса, когда онъ еще бѣгалъ въ гусарской куртчкѣ.

Лѣтъ черезъ десять по окончаніи корпуса судьба свела насъ опять, мы съ нимъ поселились на одной квартирѣ—это была комната, перегороденная ширмами, за которыми спалъ Львовъ, а передъ ширмами—я. Въ описываемое время Львовъ былъ штабсъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и служилъ преподавателемъ химіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Химіею Львовъ всегда увлекался. Но, поселившись вмѣстѣ съ Федоромъ Николаевичемъ, я сталъ замѣчать, что химія ужъ на второмъ планѣ, а что онъ больше занятъ какими-то секретными разговорами съ посѣщавшими насъ неизвѣстными мнѣ лицами.

Уяснивъ себѣ, чѣмъ занятъ Львовъ, я по-товарищески и шутя говорилъ ему, что лучше бы этихъ пріятелей по-боку. Вѣдь молодо, зелено; кончится тѣмъ, что высѣкутъ.

Вскорѣ же узналъ я, что пятница такой день, который Львовъ считаетъ обязательнымъ проводить у какого-то Петрашевскаго, гдѣ и встрѣчается съ особыми знакомыми.

Въ числѣ немногихъ, которые заходили собственно ко мнѣ, былъ

---

¹⁾ Ф. Н. Львовъ былъ однимъ изъ участниковъ по дѣлу Петрашевскаго.

²⁾ Венедиктовъ Иванъ Ивановичъ (1820 † 1894), тайный совѣтникъ, вице-директоръ управленія военно-учебныхъ заведеній и впоследствии членъ отъ военнаго министерства въ Казанскомъ Военно-окружномъ Совѣтѣ.

давній мой знакомый Зиминъ. Онъ какъ-то передалъ мнѣ, что въ городѣ ходятъ слухи о какомъ-то обществѣ, которое собирается въ Коломнѣ у Петрашевскаго, и что эти сходки, какъ говорятъ, добромъ не кончатся.

Я передалъ это Львову.

Если за обществомъ слѣдятъ, то, конечно, знаютъ уже и лицъ, которыя сходятся у Петрашевскаго, почему я не счелъ нужнымъ скрывать мои опасенія за Львова. Посовѣтовавшись съ Зиминымъ, какъ бы отвлечь Львова, хотя бы отъ соблюденія пятницъ, мы рѣшили, что Зиминъ пригласитъ насъ обоихъ въ слѣдующую же пятницу къ себѣ.

Жилъ Зиминъ на углу Морской и Вознесенскаго проспекта, нанятая комнаты у г-жи Бремме, имѣвшей нѣсколькихъ такихъ жильцовъ. Мы пришли, поболтали, поиграли, а, когда стали собирать ужинъ, Львовъ взялся за фуражку, сказавъ, что долѣе оставаться не можетъ. Погода была ужасная. Я, послѣ усиленныхъ уговоровъ Львова измѣнить намѣреніе, сказалъ, что если онъ идетъ домой, то и я съ нимъ, а если не домой, то останусь ночевать у Зимина. Онъ уѣхалъ, а я остался.

По утру, часу въ шестомъ, вошелъ лакей, поговорилъ съ Зиминымъ и ушелъ. Зиминъ взволновался и объявилъ, что дѣло дрянъ.

Ночью у Бремме были жандармы, арестовали Достоевскаго и, какъ узналъ дворникъ, всю ночь ѣздили по городу кареты и забрали многихъ. Понятно, я побѣжалъ немедленно домой. Спрашиваю у дворника— все у насъ благополучно?

— Ничего,—говорить,—слава Богу.

Иду къ себѣ. Отворяетъ дверь денщикъ Львова — фізіономія не въ порядкѣ.

— Дома Федоръ?

— Давно ушли.

— Ушелъ?

— Ушли.

— Куда?

— Не знаю.

— Ну, да говори толкомъ, что случилось?

— Только что,—говорить,—Федоръ Николаевичъ вернулись домой, позднеенько, и легли спать, какъ прибѣжалъ изъ Московскихъ казармъ солдатикъ сказать, что ночью жандармы взяли поручика Монбелли. Федоръ Николаевичъ вскочилъ и сталъ разбирать бумаги. Собравъ ихъ въ кучу, приказалъ мнѣ гдѣ-нибудь ихъ сжечь. Вспомнивъ, что внизу топится прачешная, я бросился туда и бумаги сжегъ. Когда я вернулся, Федоръ Николаевичъ былъ уже одѣтъ и тотчасъ ушелъ.

Чувствуя, что каша заварилась, и недоумѣвая, какъ она миновала

Ө. Н. Львова, я вспомнилъ, что въ томъ же полку есть другой Львовъ и, желая провѣрить себя, послалъ денщика въ казармы, приказавъ провѣдать съ чернаго крыльца, дома ли онъ.

Денщикъ вернулся съ печальнымъ извѣстiемъ, что этого Львова ночью взяли. Недоразумѣнiе и ошибка стали для меня очевидными.

Когда Львовъ вернулся домой, я совѣтовалъ ему ѣхать прямо къ Я. И. Ростовцеву, благоволившему къ семейству Львова и любившему его самого съ малолѣтства, и высказать откровенно, что, сообразивъ огласившіяся имена арестованныхъ, съ Петрашевскимъ во главѣ, думать можно, что арестованы лица, собиравшіяся у Петрашевскаго, а такъ какъ къ числу ихъ принадлежалъ онъ, Еддоръ Львовъ, тогда какъ арестованъ его однофамилецъ, никогда не бывавшій у Петрашевскаго, то спѣшить выдать себя, чтобы охранить отъ неприятностей своего товарища. При такомъ совѣтѣ, я имѣлъ въ виду, кромѣ добраго дѣла, что такое признанiе будетъ принято какъ смягчающее вину обстоятельство. Но Львовъ отклонилъ мое предложенiе и, какъ оказалось потомъ, сдѣлалъ худо. Когда открылась коммиссія и былъ введенъ арестованный Львовъ, то Ростовцевъ сказалъ громко: «ну, вотъ, я говорилъ, что не можетъ быть мой».

Эта, послѣшно высказанная и оказавшаяся ошибочною, увѣренность, конечно, лишила Львова болѣе теплаго отношенiя, на какое онъ могъ рассчитывать со стороны влиятельнаго тогда Я. И. Ростовцева.

Въ то же утро къ намъ прiѣхалъ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Львова, человекъ состоятельный, и, не стѣсняясь моимъ присутствiемъ, сказалъ Львову, что, собравъ все, что можно было найти дома, — около полутора тысячи рублей, онъ предлагаетъ это взять и до вечера обратиться—а тамъ, что Богъ дастъ.

— На первыхъ порахъ поможемъ,—сказалъ онъ,—а потомъ самъ устроишься.

Львовъ отблагодарилъ дружескимъ поцѣлуемъ за это предложенiе, но отъ него отказался.

Началось тяжелое время ожиданiй, что будетъ. Прошло около недѣли. Наконецъ, какъ-то, подъ утро, меня что-то разбудило. Открываю глаза—въ дверяхъ стоитъ денщикъ въ одномъ бѣльѣ и входятъ двое военныхъ. Когда очнулся, узналъ въ одномъ изъ нихъ директора Павловскаго кадетскаго корпуса—Языкова, а въ другомъ—извѣстнаго всѣмъ по подвизанной рукѣ, жандармскаго полковника Васильева. Денщикъ бросился за ширмы и вышелъ, сопровождаемый Львовымъ, успѣвшимъ накинуть халатъ.

— Мнѣ поручено,—обращаясь къ Львову, началъ Васильевъ,—пригласить васъ отправиться со мною въ особую коммиссію, которая ожидаетъ получить отъ васъ кое-какія свѣдѣнiя; при этомъ я обязанъ

осмотрѣть и взять, какія могутъ касаться дѣла и бумаги. Такъ какъ въ числѣ вашихъ бумагъ могутъ быть и такія, которымъ вы не желали бы предавать гласности, то я предоставляю вамъ взять ваши бумаги за ширмы, пересмотрѣть и отдать мнѣ только безвредныя для васъ.

Львовъ выразилъ благодарность за эту любезность съ нескрываемой улыбкой, вѣроятно, подумавъ—такъ ли бы ты, милый человѣкъ, дѣйствовалъ, если бы пріѣхалъ недѣлей ранѣе!

— Возьмите, что найдете нужнымъ, —отвѣчалъ Львовъ, открывая свой письменный столъ.

Васильевъ сложилъ все въ одинъ ящикъ, перевязалъ бичевкой и приложилъ печать. Потомъ посоветовалъ одѣться и взять мундиръ, прибавивъ, что всѣ эти неприятности, вѣроятно, разъяснятся въ самомъ непродолжительномъ времени.

Затѣмъ мы простились, и Львова увезли. Ухъ, какъ стало грустно. Если бы вынесли тѣло, кажется, было бы легче.

Черезъ нѣсколько времени стали ходить слухи, что Набоковъ, комендантъ крѣпости, относится къ заключеннымъ съ отеческимъ состраданіемъ. Затѣмъ я получилъ отъ Львова записку съ увѣдомленіемъ о данномъ ему разрѣшеніи получить нѣкоторыя книги, преимущественно по химіи. Я отправилъ ихъ, и все надолго замолокло.

Много времени спустя, вѣжаль, рано утромъ, денщикъ, въ слезахъ, успѣлъ только выговорить: «Едора Николаевича везутъ на Семеновскій плацъ разстрѣливать» и скрылся.

Я не поѣхалъ, не хватило мужества.

Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что Львовъ въ числѣ прочихъ былъ приговоренъ къ лишенію жизни, но когда эти лица были приведены къ столбамъ, для разстрѣліянія, подскакалъ стоявшій вдали фельдъегерь съ объявленіемъ замѣны смертной казни каторжными работами. Львовъ былъ сосланъ на двѣнадцать лѣтъ.....

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, неожиданно, негаданно, Львовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ у меня.—Встрѣтились мы радостно, но ни при этомъ свиданіи, ни потомъ я не удовлетворилъ свое любопытство разспросами о прожитой жизни, тѣмъ болѣе, что это былъ уже не прежній Львовъ. Строгій въ сужденіяхъ, рѣзкій въ приговорахъ, замкнутый и не словоохотливый.

Все-таки удалось узнать, что каторгу, въ томъ видѣ физическихъ страданій, въ какомъ она представляется обыкновенно, Львовъ не испыталъ. Въ «Мертвомъ домѣ»¹⁾ не былъ. По прибытіи на мѣсто былъ назначенъ къ огороду. Потомъ прилѣнился къ алтекѣ. Далѣе, генераль-

¹⁾ См. Сочиненія Ф. М. Достоевскаго.

губернаторъ Муравьевъ ¹⁾ причислилъ его сначала къ своей канцеляріи а потомъ къ пробирному управленію.

Между тѣмъ, добрые люди не дремали и вызвали сочувствіе, знавшаго отца Львова, петербургскаго генераль-губернатора свѣтлѣйшаго князя Суворова. Львову удалось получить разрѣшеніе на отпускъ въ Рязань, но онъ рискнулъ направить свой путь черезъ Петербургъ, гдѣ и явился прямо къ Суворову. Добрѣйшій князь причислилъ его немедля къ своей канцеляріи, чѣмъ вызвалъ страшную противъ себя бурю со стороны шефа жандармовъ; но, вынося множество неприятностей и «нахлобучекъ», какъ самъ онъ выражался, отстоялъ Львова съ правомъ остаться въ Петербургѣ. Тутъ его взялъ подъ свое покровительство предсѣдатель Русскаго технологическаго общества Петръ Аркадіевичъ Кочучей, повліявшій на избраніе Львова секретаремъ общества. Ко времени открытія Петровской выставки въ Москвѣ Львову были возвращены его права, а за участіе въ этой выставкѣ даже дали орденъ.

Когда же Львовъ по надломленному здоровью былъ вынужденъ оставить мѣсто, то онъ получилъ пенсію отъ правительства и особо отъ общества. А когда онъ умеръ, то въ числѣ собравшихся въ скромную квартирку на выносъ тѣла пріѣхалъ, какъ однокашникъ, и бывшій военный министръ.

И такъ самая тѣнь политической ошибки Львова была совершенно смыта.

Сообщилъ Вл. С. Манассеинъ.

---

¹⁾ Впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій.

Донесеніе о смерти кн. Аркадія Александровича Суворова-Рымникскаго.

Всеподданнѣйшій рапортъ генерала-отъ-инфантеріи Голенничева-Кутузова.

30-го апрѣля 1811 года.

Генералъ-лейтенантъ князь италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, возвращаясь изъ Бухареста въ Яссы, 13-го числа сего мѣсяца, пріѣхавъ къ рѣкѣ Рымнику, не смотря на представленія бывшихъ съ нимъ объ опасности переѣхать вбродъ, по причинѣ сильно прибывшей отъ дождей воды, пустился въ коляскѣ и, едва отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ, она будучи опрокинута сильной волною и вѣтромъ, утонулъ.

Всеподданнѣйше донося вашему императорскому величеству о семъ печальномъ происшествіи, докладываю, что для предупрежденія таковыхъ случаевъ и безопасности переправы чрезъ Рымникъ, при случающейся прибыли воды, въ удобномъ мѣстѣ учредится паромъ ¹⁾.

Сообщилъ В. Алексѣевъ.

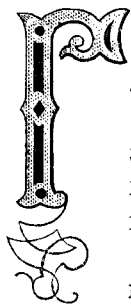
¹⁾ Изъ дѣлъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба за 1843 г. № 160.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXIV ¹⁾.

Дѣйствія противъ корпуса Нея.—Бой у Наумбурга.—Дѣйствія въ окрестностяхъ Люцена.

Главная квартира арміи находилась въ то время въ Калишѣ, и никто не подозрѣвалъ, что летучій отрядъ Ланскаго уничтожилъ великолѣпный оружейный заводъ въ самомъ центрѣ королевства Вестфальскаго. Отрядъ генерала Винценгероде находился въ Голисѣ (Gohlis ²⁾) подъ самымъ Лейпцигомъ.

Генералъ Ланской выступилъ съ главными силами арміи изъ Нордгаузена. Его сопровождали графъ Виттъ, графъ Станиславъ Потоцкій и Левъ Нарышкинъ. Впереди его шелъ генералъ Шловайскій; мнѣ же, составлявшему аррьергардъ, было поручено производить рекогносцировки дорогъ по всѣмъ направленіямъ, и въ особенности прикрывать движеніе нашего праваго фланга, которому угрожалъ Ней.

Я двинулся къ Гельбрѣ ³⁾ и Аргерну ⁴⁾ и перешелъ черезъ Унструтъ ⁵⁾ близъ Вендельштейна ⁶⁾, гдѣ находился послѣдній королевскій конскій заводъ, нами еще не посѣщенный. Его постигла та же участь, какъ и

¹⁾ См. «Русскую Старину» мартъ 1901 г.

²⁾ Предмѣстье Лейпцига, слившееся съ городомъ въ 1890 г. В. Т.

³⁾ Helbra—деревня близъ Мерзебурга.

⁴⁾ Artern—городъ Мерзебургскаго округа.

⁵⁾ Притокъ Заалы.

⁶⁾ Вершина баварскихъ Альпъ.

В. Т.

остальные заводы; мы не тронули кобыль и жеребятъ, но завладѣли заводскими жеребцами. Генераль Иловайскій послалъ шесть жеребцовъ на Донъ; отъ нихъ пошла порода великолѣпныхъ рослыхъ казацкихъ лошадей.

У меня было пропасть дѣла; но Ланской догонялъ Нея, это было главное. Захвативъ въ Экартсбергѣ французскаго военнаго комиссара со всѣми его бумагами, я не сомнѣвался болѣе въ томъ, что французскій маршалъ имѣлъ намѣреніе подойти къ Заалѣ раньше насъ, поэтому я совѣтовалъ генералу Ланскому ускорить маршъ. Между тѣмъ мнѣ приходилось ежедневно имѣть стычки съ непріятелемъ; а на знаменитомъ Ауерштедтскомъ полѣ битвы, гдѣ была такъ посрамлена слава прусскаго оружія, мой отрядъ имѣлъ болѣе серьезное столкновение съ непріятелемъ, нежели я ожидалъ.

Винценгероде и Ланскому было весьма важно знать, совершилъ ли вице-король свое соединеніе съ Неемъ. Мнѣ было приказано употребить всѣ силы, чтобы разузнать это, а какъ только Ланскому удастся перейти Заалу, мнѣ велѣно было наблюдать за дорогами, которыя ведутъ изъ Эрфурта въ Нордгаузенъ, Рослу и т. д.

Съ этой цѣлью я поставилъ военный постъ въ Версензе (Werssensee), но онъ не могъ удержаться; когда французы прогнали нашихъ солдатъ, то я болѣе не сомнѣвался въ томъ, что соединеніе корпусовъ совершилось.

Винценгероде приказалъ Ланскому присоединиться къ нему, поручивъ мнѣ оборону знаменитаго Козенскаго ущелья. Небольшой отрядъ конницы въ 50 человекъ, посланный мною впередъ, имѣлъ довольно серьезное дѣло съ непріятелемъ и былъ отброшенъ къ Буттельштедту. Маіоръ Блюхеръ, будучи вытѣсненъ изъ Веймара и раненъ, отступилъ къ Іенѣ и, узнавъ, что я подошелъ къ Заалѣ, поспѣшилъ присоединиться ко мнѣ съ тремя эскадронами гусаръ и 60 великолѣпными конвойцами короля прусскаго, которые добровольно предложили мнѣ свои услуги для защиты Козенскаго ущелья.

Непріятель все болѣе и болѣе сосредоточивалъ свои силы, и мое положеніе день ото дня становилось критичнѣе. Мнѣ постоянно повторяли приказаніе держаться какъ можно долѣе, отступать лишь шагъ за шагомъ и не иначе, какъ въ самой послѣдней крайности.

Генераль Ланской прислалъ мнѣ слѣдующую диспозицію, составленную генераломъ Винценгероде, которую я списываю здѣсь, такъ какъ она рисуетъ положеніе дѣлъ лучше, нежели я могъ бы это сдѣлать самъ.

«Голисъ. Апрель. Извѣстія, только-что мною полученныя отъ полковника Пренделя, совершенно измѣняютъ диспозицію, посланную на завтрашній день.

«Тотчасъ по полученіи этого предписанія идите съ вашимъ отрядомъ къ Мерзебургу и встаньте на правомъ берегу Заалы, принявъ над-

лежація мѣры для обороны переправы черезъ эту рѣку. Оставьте въ Фрейбургѣ, Лаушѣ и Мухильнѣ казацкіе отряды, которые вамъ пришлетъ Левенштернъ, а его самого оставьте въ Козенѣ для охраны прохода, за который онъ будетъ отвѣчать; онъ же долженъ извѣстить меня, если непріятель подойдетъ къ этому пункту или приблизится къ Цейтсу.

«Прийдя въ Мерзебургъ, вы пошлете находящагося тамъ генерала Кюрринга съ полкомъ Александрійскихъ гусаръ, съ двумя полками казаковъ и полубатареей въ Галле; мостъ, ведущій въ этотъ городъ, слѣдуетъ защищать энергично.

«Прендель, Орловъ и Левенштернъ, коимъ непріятель сильно угрожаетъ, будутъ вѣроятно вынуждены отступить, первые два безъ боя къ Галле и Мерзебургу, но Левенштернъ долженъ удержать свою позицію какъ можно долѣе и отступить не иначе, какъ сражаясь, и только въ крайнемъ случаѣ къ Наумбургу и Вейссенфельсу.

«Нѣтъ надобности говорить, что всѣ мосты должны быть разрушены и сожжены прежде, нежели ими завладѣетъ непріятель.

«Меня слѣдуетъ извѣщать обо всемъ происходящемъ немедленно, въ особенности о всѣхъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя непріятель намѣренъ видимо предпринять на Козенъ, Цейтсъ или Геру».

«P. S. Непріятель намѣренъ, какъ кажется, атаковать насъ по всей линіи, отъ Эльбы до Веймара и Иены».

Читая этотъ документъ, можно подумать, что онъ написанъ однимъ изъ тѣхъ австрійскихъ генераловъ, которые, оставаясь вѣрны старинной системѣ веденія войны, хотѣли защищать всѣ пункты и поэтому не успѣвали защитить какъ слѣдуетъ ни одного. Это случилось и съ нами.

Я узналъ отъ моихъ тайныхъ агентовъ, что Наполеонъ прибылъ въ Эрфуртъ и что онъ собирался нанести намъ вскорѣ рѣшительный ударъ. Въ Веймарѣ находился отрядъ въ 8.000 человекъ пѣхоты и 1.000 кавалеріи; аванпосты находились въ Обринѣ и Швендорфѣ.

Я посылалъ ежечасно своихъ развѣдчиковъ по дорогѣ въ Веймаръ; что касается дороги въ Цейтсъ, то я былъ спокоенъ относительно ея, основываясь на свѣдѣніяхъ, которыя доставлялъ мнѣ прусскій отрядъ маіора Дрекке (Drezke).

Иена еще не была занята. Баварцы находились въ Умтерштедтѣ.

Однако я получилъ вскорѣ извѣстіе, что непріятель идетъ къ Майдалѣ и Иенѣ, что онъ уже овладѣлъ Апольдой и доходитъ до Домбурга и Камбурга.

Мое полженіе было весьма опасно, и наставалъ критическій моментъ для командующаго аванпостами, когда онъ долженъ рѣшиться на отступленіе. Выполнить это въ самый подходящий моментъ не легко. Отъ излишней поспѣшности или отъ слишкомъ большой медлительности нерѣдко можетъ быть выигранъ или потерянъ цѣлый день. Отступивъ

*

слишкомъ поспѣшно, можно поставить въ неловкое положеніе тѣхъ, которые находятся позади, а потративъ слишкомъ много времени на размышленіе и на то, чтобы обдумать свое движеніе, рискуешь потерять слишкомъ много людей. Въ подобномъ случаѣ лучше всего дѣйствовать по вдохновенію, руководствуясь только тактомъ и инстинктомъ.

Я неизмѣнно держался правила не жаловаться на свое положеніе, никогда не просить подкрѣплений и вступать въ бой съ тѣми силами, которые находились въ моемъ распоряженіи. Я предоставлялъ начальству заботиться о томъ, чтобы у меня было достаточно боевыхъ средствъ. Мнѣ приказывали сражаться, и я сражался, не падая духомъ.

На слѣдующій день непріятель атаковалъ мои аванпосты въ Гаценгаузенѣ, а затѣмъ и меня самого въ Козенѣ.

Нѣсколько эскадроновъ Баденской кавалеріи, поддержанныхъ французскими конными егерями, пытались вытѣснить меня изъ Козена.

Я сдѣлалъ видъ, что отступаю; они вошли въ ущелье, перешли Заалу черезъ мостъ и попали въ засаду, устроенную мною близъ Шульпфорте.

Моя атака была такъ неожиданна, что я оттѣснилъ ихъ прежде, нежели они успѣли дойти до этого пункта, я овладѣлъ снова мостомъ и взялъ много плѣнныхъ. Пруссаки оказали мнѣ въ этомъ случаѣ хорошую услугу. Въ то время они еще считали лестнымъ для себя быть подъ командою русскаго офицера. Впослѣдствіи побѣды возвратили имъ собственную пруссакамъ самонадѣянность и высокомеріе, и они стали считать себя гораздо выше насъ.

Поручикъ Сидовъ (Sydow), командовавшій конвойцами, просилъ меня какъ милости позволить ему стать вмѣстѣ съ моими казаками въ этой засадѣ. Я не имѣлъ причинъ отказать ему въ этомъ; его конвойцы дѣйствовали превосходно. Маіоръ Блюхеръ, поставленный мною на дорогѣ въ Наумбургъ, оказалъ мнѣ не маловажныя услуги точно такъ же, какъ и г. Сидовъ со своими конвойцами.

Такъ какъ было очевидно, что непріятель сосредоточивалъ свои силы у Экацберга и у Сульца, то приходилось ожидать новаго столкновенія. Генералъ Винценгероде разрѣшилъ мнѣ отступить къ Наумбургу и Вейсенфельсу въ случаѣ, если непріятель атакуетъ меня съ превосходными силами. Дѣйствительно, мнѣ донесли рано утромъ, что непріятель идетъ отъ Гаценгаузена съ сильными колоннами пѣхоты корпуса Нея, коими командуетъ генералъ Сугамъ (Souham).

Я смѣло ожидалъ непріятеля у Козенскаго моста, но такъ какъ Сугамъ выставилъ въ этомъ пунктѣ десять орудій, то всякое сопротивленіе сдѣлалось бесполезнымъ; я отступилъ къ маіору Блюхеру, который стоялъ позади Наумбурга, верхомъ, на большой Вейсенфельской дорогѣ, готоваясь поддержать меня въ случаѣ надобности.

Я приказалъ запереть ворота Наумбурга, чтобы французы не могли

пройти через городъ и отрѣзать мнѣ отступленіе; самъ же я обошелъ Наумбургъ, продолжая сражаться, и вышелъ такимъ образомъ на шоссе, на которомъ стоялъ Блюхеръ.

Какъ только непріятель, сильно тѣснившій меня, увидѣлъ полкъ гусаръ, онъ остановился, выставилъ орудія и началъ стрѣлять въ насъ.

Я этого только и желалъ, такъ какъ мнѣ было необходимо выиграть время и я хотѣлъ доказать ему, что не очень спѣшу отступать; я произвелъ нѣсколько атакъ, которыя были молодцовато поддержаны гусарами Блюхера, и взялъ около пятидесяти человѣкъ въ плѣнъ.

Непріятель, взломавъ ворота Наумбурга, занялъ городъ, но не пошелъ дальше.

Ней въ тотъ же вечеръ основалъ свою главную квартиру въ Наумбургѣ. Сугамъ сталъ лагеремъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ монхъ аванпостовъ и не тревожилъ меня въ ту ночь и на слѣдующій день.

Послѣ полудня прибылъ генералъ Ланской со своей кавалеріей и артиллеріей и произвелъ большую рекогносцировку.

Мнѣ было приказано переправиться черезъ Виттенбахъ (Wittenbach), чтобы встревожить непріятели на лѣвомъ флангѣ. Этотъ маневръ имѣлъ цѣлю обнаружить количество войска, которое было сосредоточено французами въ Наумбургѣ и его окрестностяхъ.

Едва успѣли мы обмѣняться нѣсколькими орудійными выстрѣлами, какъ всѣ непріятельскіе лагеря пришли въ движеніе, и мы могли убѣдиться, что численность непріятели была очень велика и что онъ все болѣе и болѣе сосредоточивалъ свои силы. Передъ нами были Ней и Сугамъ; Наполеонъ строился эшелонами позади нихъ съ остальной арміей.

Такъ какъ цѣль, которую имѣлъ въ виду Ланской, производя рекогносцировку, была достигнута, то онъ велѣлъ прекратить огонь, возвратился въ Вейсенфельсъ и оставилъ меня на позиціи, которую я занималъ въ Плото.

Позиція была превосходная; я господствовалъ надъ всей окрестной мѣстностью и получалъ все необходимое изъ превосходнаго загороднаго дома одного лейпцигскаго негоціанта по фамиліи Винклеръ.

Ночь прошла спокойно: люди и лошади имѣли всего въ изобиліи и радостно готовились къ великимъ событіямъ, которыя должны были скорѣ совершиться.

На слѣдующій день непріятель энергично атаковалъ меня; послѣ довольно жаркаго дѣла мнѣ было приказано отступить къ Вейсенфельсу, который уже былъ покинутъ Ланскимъ.

Надобно было поспѣшно пройти черезъ этотъ городъ и занять позицію по ту сторону. Я шелъ изъ Вейсенфельса, какъ вдругъ мнѣ встрѣтился генералъ Иловайскій съ четырьмя полками казаковъ. Ему было приказано поддержать меня во время предстоящихъ атакъ; позади Ило-

вайскаго шель Ланской со всёмъ авангардомъ и князь Трубецкой съ кавалеріей.

Я занялъ позицію между Лезаномъ (Loesan) и Риппахомъ. Непрiятель храбро атаковалъ насъ; всё наши усилія отразить эту атаку были бы напрасны, если бы генералъ Ланской не подоспѣлъ во-время со своей гусарской дивизіей и съ конной артиллеріей.

Французская пѣхота уже начала обходить нашъ лѣвый флангъ, когда бѣлорусскіе гусары произвели блистательную атаку и опрокинули этихъ храбрыхъ пѣхотинцевъ. Это дало генералу Ланскому возможность прислать мнѣ нѣсколько орудій подъ командою поручика Горскаго, чтобы прогнать непрiятеля съ шоссе; самъ же онъ занялся флангами вмѣстѣ съ Иловайскимъ.

Фронтъ моей позиціи былъ прикрытъ оврагомъ, а небольшою рядъ холмовъ, возвышавшихся по ту сторону оврага, скрывалъ отъ меня движеніе непрiятеля; поэтому я не могъ воспользоваться моими двумя орудіями и выжидалъ момента, когда непрiятель покроетъ эти холмы или перейдетъ черезъ ровъ, чтобы принять его и угостить какъ слѣдуетъ. Наблюдая за происходившимъ вокругъ, я замѣтилъ небольшую группу, которая появилась на гребнѣ холма: группа состояла изъ французскаго генерала, сидѣвшаго на бѣлой лошади, и нѣсколькихъ ординарцевъ въ мѣховыхъ шапкахъ; это были гвардейскіе конно-гренадеры.

Я приказалъ поручику Горскому прицѣлиться и выстрѣлить въ группу. Офицеръ навелъ орудіе, раздался выстрѣлъ, генералъ упалъ; офицеры и ординарцы подбѣжали, чтобы поднять его. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Бессьеръ, герцогъ Истрійскій.

Послѣ выстрѣла, коимъ былъ убитъ маршалъ Бессьеръ, непрiятель сталъ дѣйствовать не столь рѣшительно, и день прошелъ безъ дальнѣйшихъ событій. Генералъ Винценгероде и главнокомандующій графъ Витгенштейнъ прибыли въ то время, когда сраженіе было уже окончено.

Мнѣ было поручено по обыкновенію командовать аванпостами; я поселился въ Лерзанъ (Loersan). Насъ беспокоилъ всю ночь холодный дождь. На слѣдующій день, баденскій полкъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, атаковалъ меня въ шесть часовъ утра; я отбѣснилъ его и взялъ въ плѣнъ шестьдесятъ человѣкъ солдатъ и трехъ офицеровъ.

Генералъ Ланской прибылъ во время этого сраженія и, увидавъ блестящую атаку, выполненную мною съ полкомъ Иловайскаго 12-го, горячо высказалъ мнѣ свое удовольствіе по этому поводу. Съ этихъ поръ его довѣріе ко мнѣ возрасло.

Мы провели остальную часть дня, взаимно наблюдая другъ за другомъ; я получилъ въ ночь приказаніе отступить къ Рокену и Гройбену, гдѣ сосредоточилась кавалерія князя Трубецкаго, Ланскаго и графа Витта и нѣсколько батарей. Мнѣ было приказано не терять непрiятеля

изъ вида и вынести его, такъ сказать, на моихъ плечахъ до позиціи князя Трубецкаго, командовавшаго въ тотъ день главными силами кавалеріи.

Дѣйствительно, на слѣдующій день, въ 11 часовъ утра, я увидѣлъ, что сильныя колонны пѣхоты и кавалеріи двигаются какъ на парадѣ по обѣимъ сторонамъ вдоль шоссе, направляясь къ намъ.

Было очевидно, что передъ нами находился самъ Наполеонъ. Я могъ прекрасно различить красныхъ уланъ, польскихъ уланъ, конногренадеръ и конныхъ егерей, составлявшихъ его обычный конвой. Я пошелъ на встрѣчу головѣ французскаго авангарда съ полками Иловайскаго и Попова. Войска тотчасъ вступили въ сраженіе.

Перестрѣлка продолжалась съ полчаса; когда же гвардейскіе уланы совершили движеніе съ намѣреніемъ атаковать меня съ фланга, то я собралъ своихъ солдатъ и отступилъ къ позиціи Ланскаго, который приказалъ мнѣ заняться исключительно его правымъ флангомъ.

Началась жаркая канонада, сраженіе оживилось; кавалерія шла нѣсколько разъ въ атаку на смѣлыхъ уланъ.

Однако по всему было видно, что Наполеонъ дѣйствовалъ неувѣренно, какъ бы оцупью, такъ какъ его пѣхота не двигалась съ мѣста и держала ружье вольно.

Графъ Витгенштейнъ, увѣренный въ томъ, что Наполеонъ хотѣлъ дать намъ генеральное сраженіе, приказалъ князю Трубецкому, генералу Ланскому и графу Витту отступить къ Люцену и стать позади этого города. Мнѣ было приказано прикрывать ихъ движеніе.

Тогда вся союзная армія сосредоточилась позади Илосграбена и спокойно ожидала слѣдующаго дня.

Генераль Иловайскій принялъ командованіе всѣми авяпостоами; я командовалъ правымъ крыломъ его цѣпи.

До тѣхъ поръ французы не одержали надъ нами никакого, даже частнаго успѣха.

Страхъ, который казаки внушили французамъ во время похода въ Россію, все еще продолжалъ дѣйствовать на непріятеля. Я воспользовался этимъ, какъ видѣлъ читатель, въ моей ограниченной сферѣ дѣятельности; а прочіе, какъ-то Михаилъ Орловъ, князь Мадатовъ, генераль Чернышевъ, Теттенборнъ и Бенкендорфъ, поддержали во всемъ блескъ славу казаковъ.

Армія собственно говоря еще не была въ дѣлѣ. Ея слава была неприкосновенна.

Но появился Наполеонъ, и обаяніе исчезло; сраженіе при Люценѣ омрачило нѣсколько лавры, которые мы пожали съ такимъ великимъ трудомъ.

XXXV.

Люценское сраженіе. — Характеристика Винценгероде. — Заслуги казаковъ. — Движеніе арміи къ Дрездену.

Ночь, предшествовавшая Люценскому сраженію, была великолѣпна; утро было еще роскошнѣе. Я провелъ всю ночь на ногахъ, такъ какъ непріятель находился вблизи отъ меня.

На разсвѣтѣ прибыли одинъ за другимъ: главнокомандующій графъ Витгенштейнъ, генералы Блжхеръ, Шарнгоретъ, Клейстъ, Винценгероде, Цитенъ и многіе другіе. — Они остановились на моемъ бивуакѣ; позднѣе туда же прибыли императоръ Александръ и король прусскій.

Меня спрашивали, и я рассказалъ все, что мнѣ было извѣстно; впрочемъ, они могли судить о положеніи дѣлъ собственными глазами.

Генералы совѣщались не сходя съ лошадей. Послѣ совѣта графъ Витгенштейнъ приказалъ начать наступленіе и атаковать Наполеона, который шелъ къ Лейпцигу, и уже послалъ въ эту сторону корпусъ Лористона и вице-короля италіанскаго.

Приказаніе идти въ атаку было выполнено немедленно.

Наши колонны пришли въ движеніе и атаковали колонны Наполеона, который своимъ орлинымъ взглядомъ сразу понялъ намѣреніе графа Витгенштейна.

Онъ тотчасъ послалъ приказаніе своимъ отрядамъ повернуть обратно, указалъ позиціи, которыя имъ надлежало занять, и Нею, храброму Нею было поручено отвлечь Витгенштейна, овладѣть Гросъ и Клейнъ-Гереномъ и Старейнзиделемъ и сражаться до послѣдней крайности, до прибытія прочихъ войскъ.

Ней оказалъ намъ упорное сопротивленіе. Деревни Гросъ и Клейнъ-Геренъ переходили изъ рукъ въ руки. Все было объято пламенемъ, рѣзня была ужасная; прусскіе волонтеры, бывшіе первый разъ въ дѣлѣ, покрыли себя славой; картечь, разносившая всюду смерть, причинила имъ большой уронъ; потери съ той или другой стороны были огромны.

Наполеонъ слѣдилъ за сраженіемъ съ тревогою: побѣда была еще весьма сомнительна, когда подоспѣла его гвардія. Онъ тотчасъ двинулъ часть ея, чтобы поддержать Нея. Тогда по всей линіи началась канонада. Тысяча орудій изрыгали смерть. Мы, со своей стороны, не предприняли ничего болѣе и не пытались даже выполнить наступательное движеніе. Мы дѣйствовали сообразуясь съ обстоятельствами, не обращая вниманія на то, что мы первые перешли въ наступленіе и что Наполеону слѣдовало сообразовать свои движенія съ нашими. Въ этотъ день геніи одержалъ еще разъ побѣду надъ званіемъ, надъ рутинною.

Наша многочисленная кавалерія оставалась безучастной зрительни-

цей этой рѣзни. Винценгероде, командовавшій ею, не вышелъ изъ своего обычнаго бездѣйствія. Очень предприимчивый передъ сраженіемъ, онъ никогда не умѣлъ выполнить никакого движенія.

Графъ Витгенштейнъ не былъ на высотѣ своего положенія; пруссаки впервые принимали участіе въ дѣлѣ и не приобрѣли еще той увѣренности, которую придали имъ въ послѣдствіи неоднократно одержанныя ими побѣды.

Со времени несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, императоръ Александръ не появлялся болѣе на полѣ битвы; онъ не былъ увѣренъ въ своихъ способностяхъ, которыя выказались въ послѣдствіи столь блистательнымъ образомъ. Въ этомъ сраженіи былъ раненъ генералъ Шарнгорстъ, орелъ прусской арміи, а генералъ Дибичъ носился съ одного фланга на другой, нигдѣ не останавливаясь.

Между тѣмъ французы выиграли время и подвинулись впередъ. Отдѣльныя части ихъ войска успѣли подойти и вступить въ боевой порядокъ, тогда какъ мы ограничились тѣмъ, что обстрѣливали ихъ издали и послали свѣжія войска въ Геренъ и Старзудель, чтобы прогнать оттуда непріятеля.

Генералъ Милорадовичъ находился съ гвардейскимъ корпусомъ и резервомъ въ разстояніи одного перехода отъ поля битвы ¹⁾.

Въ началѣ этого достопамятнаго дня мы были численно сильнѣе Наполеона; въ полдень онъ былъ уже сильнѣе насъ, а вечеромъ, когда подошла армія вице-короля италіанскаго, онъ вытянулъ фронтъ за наше правое крыло. Появленіе корпуса Евгенія рѣшило участь сраженія.

Мнѣ было поручено отправиться на крайній лѣвый флангъ французской арміи и наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось тамъ, не прерывая однако сообщенія съ нашимъ крайнимъ правымъ флангомъ.

Во исполненіе этого порученія я прошелъ мимо Госсграбена (Hossgraben) и выслалъ развѣдчиковъ къ Лейпцигу и Мари-Раннштадту (Mari-Rannstadt).

Вскорѣ увидѣли сильную непріятельскую колонну, шедшую впередъ быстрымъ шагомъ. Я тотчасъ пошелъ ей на встрѣчу и убѣдился, что это былъ корпусъ вице-короля.

Не сходя съ лошади, я набросалъ карандашемъ донесеніе графу Витгенштейну: это было въ три часа по полудни. Я ѣхалъ подлѣ этой колонны, не теряя ее ни на минуту изъ вида. Мнѣ удалось пересчитать каждый полкъ, каждую бригаду, каждую дивизію, каждое орудіе. Видя, что эта колонна не только шла впередъ, но даже шла бѣглымъ шагомъ,

---

¹⁾ Онъ находился въ Цейтсѣ (Zeitz) съ 4.000 пѣхоты, 6.000 конницы и 100 орудіями. Онъ не командовалъ еще въ то время гвардіей.

буквально на рысяхъ, я написалъ второе донесеніе, которое графъ Витгенштейнъ передалъ императору. Его величество немедленно приказалъ генералу Коновницыну и принцу Евгению Виртембергскому двинуться на нашъ крайній правый флангъ, которому непріятель угрожалъ всего болѣе.

Въ третьемъ донесеніи (въ половинѣ пятаго) я писалъ, что въ этотъ именно моментъ вице-король установилъ батарею въ 36 орудій между Старзуделемъ и обоими Геренами. Я развернулъ передъ нимъ цѣпь стрѣлковъ, чтобы остановить его на мгновеніе, но онъ такъ энергично осыпалъ меня ядрами и гранатами, что я былъ вынужденъ отступить за Госсграбенъ. Въ это время подошли Коновницынъ и принцъ Евгений Виртембергскій, оказавшіе вице-королю геройское сопротивление, чтобы помѣшать его дальнѣйшему движенію впередъ.

Но роковой ударъ былъ нанесенъ: вице-король вступилъ въ боевой порядокъ и угрожалъ вытянуть свой фронтъ за наше правое крыло.

Можно задать себѣ вопросъ, почему, по полученіи моего перваго донесенія, не было послано 10 тысячъ кавалеріи на встрѣчу отряду вице-короля. Эта кавалерія могла бы прибыть на мѣсто въ полчаса и, при помощи 50 орудій артиллеріи, могла сколько угодно обстрѣливать французскій отрядъ на этой обширной равнинѣ, въ ожиданіи двухъ дивизій пѣхоты, которыя подошли бы нѣкоторое время спустя. Такимъ образомъ вице-король не только не могъ бы вступить въ боевой порядокъ, но онъ былъ бы отрѣзанъ отъ главныхъ силъ Наполеона и сраженіе было бы выиграно.

Но эти господа видѣли только то, что у нихъ было передъ глазами, и совершенно позабыли о существованіи корпуса вице-короля. Когда было получено мое первое донесеніе, то нѣкоторые лица обозвали меня даже вруномъ. Двѣ пѣхотныя дивизіи были двинуты по приказанію императора только тогда, когда онъ самъ принялъ мое второе донесеніе изъ рукъ офицера, прискакавшаго съ нимъ.

Все сказанное здѣсь было подтверждено мнѣ впоследствии графомъ Игельстромомъ, который былъ дежурнымъ генераломъ при графѣ Витгенштейнѣ, и по занимаемому имъ положенію все видѣлъ и слышалъ. Только императоръ повѣрилъ моимъ донесеніямъ, какъ это доказала посылка Коновницына и принца Евгенія.

Когда эти два генерала вступили въ бой, я не хотѣлъ сидѣть сложа руки позади Госсграбена: я прошелъ черезъ это мѣстечко и, обойдя корпусъ вице-короля, двинулся ему въ тылъ, чтобы увидѣть, что дѣлалось на дорогѣ въ Лейпцигъ и Мерзебургъ.

Обязанность командующаго легкой кавалеріей и въ особенности казаками заключается въ томъ, чтобы воспользоваться въ день битвы всякимъ благоприятнымъ случаемъ. Настоящая обязанность партизана—

проскользнуть въ то время, когда войска сражаются, въ тылъ непріятельской арміи и надѣлать какъ можно больше шума. Ничто такъ не вліяетъ нравственно на солдатъ, какъ сознаніе, что непріятель на ихъ коммуникаціонной линіи и хотя не можетъ нанести особеннаго вреда, но страхъ, вызванный имъ, можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія.

Мнѣ удалось проскользнуть въ тылъ отряду вице-короля, и я напалъ неожиданно на его главную квартиру, которая располагалась въ это время въ деревнѣ Рахвицѣ.

На встрѣчу мнѣ выѣхали прикрывавшіе ее два эскадрона драгунъ италіанской гвардіи. Я послалъ противъ нихъ молодаго и энергичнаго графа Буксгевдена съ двумястами кавалеристовъ и поддержалъ его со всѣмъ остальнымъ отрядомъ.

Онъ стремительно пошелъ въ атаку, опрокинулъ драгунъ и взялъ шестьдесятъ человекъ въ плѣнъ, между прочимъ полковника, командовавшаго прикрытіемъ главной квартиры.

Я приказалъ преслѣдовать этихъ италіанцевъ; Буксгевденъ и капитанъ Гельфрейхъ, смѣшавшіеся съ нимъ, вступили въ деревню, но экипажи, канцелярія и касса, у которыхъ лошади еще не были выпряжены, были спасены; ихъ успѣли увезти изъ деревни, и она была укрыта въ отрядѣ вице-короля. Послѣднему пришлось однако приостановить свое слишкомъ послѣднее движеніе; онъ выставилъ орудія, намѣреваясь стрѣлять въ меня, а генераль Коновницынъ успѣлъ такимъ образомъ развернуть свои силы и началъ дѣйствовать со свойственной ему энергіей. Принцъ Евгений Виртембергскій говорилъ впослѣдствіи, что мое неожиданное для всѣхъ движеніе помѣшало вице-королю вытянуть свой фронтъ за наше правое крыло.

Генераль Дибичъ, пріѣхавшій къ намъ, былъ такъ доволенъ совершеннымъ мною движеніемъ, что написалъ о томъ донесеніе императору; но оно не имѣло по обыкновенію никакого благоприятнаго результата. Если мнѣ удалось, съ двумя полками казаковъ, задержать движеніе вице-короля, то какого результата могъ бы достигнуть Винценгероде, пославъ противъ него 10 тысячъ кавалеріи и 50 орудій.

Я ничего не говорю о превосходной и многочисленной прусской кавалеріи; я не знаю, кто командовалъ ею, но мы не счумѣли или не захотѣли воспользоваться огромнымъ преимуществомъ, которое давала намъ надъ французской арміей масса кавалеріи, тогда какъ у французовъ ея почти не было и они были вынуждены дѣйствовать съ арміей, составленной изъ новобранцевъ; единственную силу этой арміи составляла ея артиллерія, болѣе многочисленная нежели артиллерія союзниковъ; но ее можно было сдѣлать безвредной, атаковавъ ее кавалеріей, само собою разумѣется послѣ того, какъ пѣхота проложила бы къ тому путь.

Гдѣ ты была въ это время, душа безсмертнаго Зейдлица? почему ты не воодушевила командующихъ прусской кавалеріей, какъ въ дѣлѣ при Россбахѣ?

Въ тотъ же день Винценгероде былъ оцѣненъ по заслугамъ и исчезъ съ горизонта; никто изъ подчиненныхъ ему лицъ не получилъ никакихъ инструкцій. Гдѣ онъ находился! это мнѣ неизвѣстно.

Я имѣлъ случай видѣть Винценгероде въ Калишѣ; видѣлъ его также въ Люценѣ, и мое мнѣніе о немъ было составлено. Повторяю, это былъ человѣкъ честный, храбрый; я, лично, весьма признателенъ ему, такъ какъ онъ первый вывелъ меня изъ бездѣйствія, ввѣривъ мнѣ командованіе отдѣльнымъ отрядомъ; но справедливость требуетъ сказать, что онъ былъ хуже всякой бездарности, тогда какъ онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы внушать къ себѣ уваженіе. Шведскій королевскій принцъ (Бернадоттъ) понималъ его какъ нельзя лучше, но это не помѣшало генералу Винценгероде командовать въ его сѣверной арміи великолѣпнѣйшимъ корпусомъ.

Тревога, вызванная мною въ тылу французской арміи, не осталась безъ послѣдствій; экипажи, обозы, парки по всей линіи обратились въ бѣгство; орудіиные выстрѣлы, направленные противъ меня, въ свою очередь напугали французовъ, которые не видѣли и не знали, откуда угрожала опасность и въ чемъ она состояла. Что касается понесенныхъ мною потерь, то онѣ были не велики и состояли всего изъ нѣсколькихъ убитыхъ лошадей, одного раненаго офицера и четырехъ раненыхъ казаковъ.

Подъ вечеръ я присоединился къ генералу Иловайскому, который со своей стороны сильно тревожилъ непріятеля и ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, чтобы я принялъ командованіе цѣпью аванпостовъ, такъ какъ съ наступленіемъ ночи арміи было приказано отступить.

До тѣхъ поръ ничего, по моему мнѣнію, не указывало на эту необходимость. Мы не потеряли ни пяди земли, всѣ преимущества позиціи были, повидимому, на нашей сторонѣ, и наша кавалерія, несравненно болѣе многочисленная, нежели кавалерія Наполеона, еще не была въ дѣлѣ. Почему же было приказано отступить? Впослѣдствіи я слышала, что генералъ Милорадовичъ тщетно ожидалъ весь день приказанія идти впередъ; въ главной квартирѣ, повидимому, забывали о существованіи цѣлыхъ корпусовъ, какъ будто дѣло шло объ отдѣльныхъ взводахъ, и войско испытывало недостатокъ въ боевыхъ запасахъ, потому что резервные парки не могли слѣдовать за нами! Какая была тому причина? Въ 1812 году мы никогда не чувствовали въ нихъ недостатка, а между тѣмъ при Люценѣ артиллеріей командовалъ генералъ Ермоловъ. Словомъ, монархи сочли отступленіе необходимымъ, и оно было совершенно въ ту же ночь. Генералу Ланскому поручено было командовать арьер-

гардомъ, генераль Иловайскій командоваль аванпостами; мнѣ же были поручены самые передовые посты, съ приказаніемъ не терять непріятеля изъ вида.

Я всю ночь былъ занятъ устройствомъ дѣпи,—дѣло не легкое послѣ сраженія, когда обѣ арміи представляли картину полного хаоса и безпорядка. Поэтому мы имѣли не разъ стычки съ непріателемъ, съ той и съ другой стороны завязывалась перестрѣлка, и я старался кое-какъ справиться со своимъ дѣломъ. Окликъ—«кто идетъ», за которымъ немедленно слѣдовалъ ружейный выстрѣлъ, служилъ мнѣ путеводной нитью; я тотчасъ ставилъ ведеть противъ того мѣста, откуда слышался окликъ. Это было единственное средство ориентироваться, такъ какъ ночь была совершенно темная.

Едва я успѣлъ окончить это дѣло, какъ генераль Иловайскій попросилъ меня отправиться къ генералу Винценгероде, чтобы узнать, какое намъ будетъ дано назначеніе на завтра и на слѣдующіе дни; генералу Ланскому это было неизвѣстно точно такъ же, какъ и намъ. Иловайскій далъ мнѣ самую лучшую свою лошадь, прося меня не жалѣть ее, я ѣхалъ всю ночь и узналъ, что генераль Винценгероде отправился съ императоромъ въ Пегану (Pegau). Не было возможности догнать его, поэтому я поѣхалъ обратно и наткнулся на дивизию генерала Берга, который шелъ въ потьмахъ прямо на французовъ. Онъ сбился съ дороги, не зналъ, какъ ориентироваться и въ какомъ направленіи идти,—этого никогда не случилось бы съ казаками, они хорошіе астрономы, сами того не подозревая, и ориентировались ночью по звѣздамъ. Бергъ остановилъ движеніе и расположился за линіей моихъ аванпостовъ.

Велико было царствовавшее у насъ смятеніе; никто не зналъ, гдѣ находится главная квартира, поэтому на завтрашній день не могло быть сдѣлано никакой диспозиціи, всякій устроился на ночь кто какъ могъ; регулярныя войска полагались на бдительность и смѣтливость казаковъ, къ коимъ они уже привыкли относиться съ уваженіемъ, имѣя на то полное основаніе, такъ какъ это превосходное войско, при умѣломъ начальникѣ, можетъ оказать неоцѣнимыя услуги.

Наконецъ, послѣ прекрасно проведенной, хотя и довольно тревожной ночи, мы получили извѣстія изъ главной квартиры и намъ были присланы приказанія. Ланскому было приказано стѣснить дѣйствія непріятеля, чтобы дать нашимъ колоннамъ время уйти по направленію къ Пегану и Цейтсу.

По словамъ плѣнныхъ, взятыхъ мною въ тотъ день на разсвѣтѣ, французы отступили ночью, точно такъ же, какъ и мы къ Наумбургу, и были весьма удивлены, увидавъ на слѣдующій день передъ собою такъ мало войска; только опомнившись отъ этой неожиданности, они стали пускать въ насъ ядра и гранаты.

Это было трудное для меня утро; я прикрывалъ наши войска, и непріятельскіе снаряды причинили мнѣ не мало вреда. Однако, надобно было держаться, арміи было необходимо выиграть время.

Спускаясь съ возвышенности Горнау (Gornau), я увидѣлъ, что въ окрестностяхъ Мелзена (Moelsen) тянулись обозы, слѣдша въ Іехернъ (Jechehn),—это былъ результатъ замѣшательства, царствовавшаго всю ночь. Мои казаки, немного пріунывшіе, такъ какъ они не любятъ подвергаться орудійнымъ выстрѣламъ, оживились при видѣ этихъ обозовъ. Я послалъ противъ этой безвредной массы двѣсти казаковъ; мы взяли пять генеральскиххъ колясокъ и нѣсколько фургоновъ. Многіе изъ моихъ казаковъ, имѣвшіе за минуту передъ тѣмъ на плечахъ только одну грязную рубаху, смѣнили ее вечеромъ на чистыя рубашки изъ тонкаго полотна или батиста.

Въ Цейтсѣ мы встрѣтили, наконецъ, генерала Винценгероде; генералъ Ланской уже былъ тамъ съ главными силами авангарда. Ему было приказано продержаться до полудня слѣдующаго дня; мы соединились безпрепятственно въ Цейтсѣ, такъ какъ непріятель не особенно тѣснилъ насъ. Принявъ всѣ необходимыя, въ подобномъ случаѣ, предосторожности, мнѣ удалось съѣсть горячій обѣдъ,—удовольствіе, котораго я не имѣлъ со времени выступленія изъ Козена, и я могъ смѣнить бѣлье, побриться и взять ванну.

Генералъ Винценгероде оставилъ насъ и ушелъ въ Пенигъ, предписавъ генералу Ланскому идти на Хемницъ и Фрейбергъ къ Дрездену. Мнѣ было приказано служить посредствующимъ постомъ между Ланскимъ и аррьергардомъ Милорадовича, отступавшаго къ Дрездену съ намѣреніемъ переправиться у этого города черезъ Эльбу.

На слѣдующій день мнѣ было передано слѣдующее распоряженіе Ланскаго:

«Согласно только-что полученному мною приказанію, копія съ котораго при семъ прилагается, вы направитесь на Фробіергъ (Frohberg), продержитесь весь день 23-го числа въ мѣстности передъ Вексельбургомъ, затѣмъ двинетесь по дорогѣ, указанной вамъ въ прилагаемомъ при семъ приказѣ, постоянно и энергично тревожа правое крыло непріятели, а если возможно и его аррьергардъ».

Копія съ диспозиціи, посланной генераломъ Винценгероде генералу Ланскому, была слѣдующая:

«Согласно словесному приказанію главнокомандующаго графа Витгенштейна, вы пойдете сегодня въ Хемницъ, завтра въ Фрейбергъ, послѣ завтра въ Дрезденъ.

«Чтобы обезпечить движеніе арміи, которая идетъ изъ Рохлица черезъ Вальдгеймъ, Носсенъ, Вильсдруфъ къ Дрездену, вы поручите какому-либо смѣтливому офицеру (предлагаю вамъ для этого Левенштерна),

взявъ два полка казаковъ, удержать въ теченіе всего дня, 23-го числа, мѣстность впереди Вексельбурга, а затѣмъ двинувшись на Гроссъ-Мюлькенъ, Эренбергъ, Риттерсдорфъ, Аугурсбургъ, Нейкирхенъ и Герцойсвальда, идти параллельно правому флангу непріятеля, ежели бы онъ осмѣлился преслѣдовать нашу армію. Этотъ отрядъ долженъ постоянно тревожить непріятеля, ни на минуту не терять его изъ вида и оставаться все время въ сообщеніи съ генераломъ Милорадовичемъ и съ вами.

«Совѣтую вамъ два раза въ день посылать донесенія непосредственно самому графу Витгенштейну, главная квартира коего будетъ находиться 23-го числа въ Эцдорфъ (Etzdorff), а завтра по всей вѣроятности въ Вильсдруфъ.

«Крайне необходимо поддержать непосредственное сообщеніе съ главною квартирою для того, чтобы вы имѣли возможность узнать своевременно, двинется ли армія въ Дрезденъ 24-го числа, что весьма возможно, и чтобы вы сообразовали съ этимъ движеніемъ вашъ собственный маршъ, дабы не очутиться въ затруднительномъ положеніи при переправѣ черезъ Эльбу, предполагая, что непріятель захочетъ помѣшанъ этому.

«Левенштернъ долженъ сообщать вамъ о движеніи Милорадовича, онъ же обязанъ увѣдомлять этого генерала обо всемъ, что съ вами произойдетъ».

Пейнгъ, 23-го апрѣля 1813 г.

Получивъ это приказаніе, я выступилъ немедленно, но, къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ храбрымъ полкомъ Иловайскаго 12-го. Его потребовалъ командиръ полка; вмѣсто него мнѣ дали полкъ Кутейникова 4-го, который во многомъ уступалъ ему. Къ счастью, со мною остался полкъ Попова 13-го, съ которымъ я уже болѣе не разставался; мнѣ дали еще въ подкрѣпленіе полкъ Грекова 21-го, который я долженъ былъ передать при первой возможности генералу Корфу.

Я наткнулся вскорѣ на непріятеля и немедленно атаковалъ его, но силы французовъ значительно превосходили мои, и я долженъ былъ почитать себя весьма счастливымъ, что мнѣ удалось придти въ Регисъ (Regis) ранѣе ихъ и достигнуть Фробіерга, чтобы совершить переправу черезъ Плейсу.

Я пришелъ къ мѣсту переправы въ нѣкоторомъ разстройствѣ, такъ какъ непріятель жестоко преслѣдовалъ меня, а казаки Кутейникова еще не успѣли освоиться съ моими привычками и не относились ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ, какъ мои старые опытные солдаты. За то я заставилъ ихъ въ наказаніе спѣшиться и сдѣлать цѣлый переходъ пѣшкомъ.

Генераль Талызинъ, котораго я засталъ въ Фробіергѣ, приготовилъ уже все, что нужно, чтобы сжечь мостъ, и если бы я пришелъ десять минутъ позже, то погибъ бы. Нѣсколько казаковъ Кутейникова, изъ болѣе проворныхъ, извѣстили генерала Талызина о моемъ затруднительномъ положеніи, и онъ повременилъ разрушать мостъ.

Переправившись на противоположный берегъ рѣки, я могъ провести ночь спокойно, тѣмъ болѣе, что засталъ генерала графа де-Сенъ-Приеста и барона Корфа, которому я передалъ полкъ Грекова, оказавшійся не лучше полка Кутейникова, и хотя мнѣ удалось нѣсколько вымуштровывать его, но онъ никогда не достигъ такого совершенства, какъ полкъ Иловайскаго.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, я двинулся на Гутгайнъ и Рорлицъ къ Вузельбургу, который мнѣ было поручено оборонять. Рорлицъ былъ переполненъ отрядомъ Милорадовича; я остановился въ этомъ городѣ лишь на минуту, чтобы переговорить и условиться съ начальникомъ штаба Милорадовича, полковникомъ Сипягинымъ, и отправиться въ Вексельбургъ.

Я произвелъ немедленно рекогносцировку мѣстности, которая показала мнѣ не особенно подходящей для энергичной обороны кавалеріей. Я остановился въ самомъ Вексельбургѣ, помѣстившись въ прекрасномъ замкѣ князей Шенбургскихъ. Маіоръ Барнекофъ, молодой графъ Буксгевденъ и капитанъ Гельфрейхъ были моими неразлучными товарищами, они наперерывъ угощали меня персиками, абрикосами и всевозможными лакомствами. Принявъ всѣ мѣры на случай неожиданной атаки, я растянулся на отоманкѣ, чтобы немного отдохнуть.

Пріѣздъ принца Евгенія Виртембергскаго нарушилъ мой покой. Впрочемъ, онъ пробылъ въ городѣ всего нѣсколько часовъ, объѣхалъ со мною позицію, нашелъ ее весьма неудовлетворительной и совѣтовалъ не защищать ее слишкомъ упорно, тѣмъ болѣе, что черезъ Мульду можно было переправиться въ нѣсколькихъ пунктахъ въ бродъ, и поэтому я легко могъ быть обойденъ.

Принцу Виртембергскому было приказано сообразовать свои движенія съ движеніями Милорадовича; онъ уѣхалъ и двинулся къ Митвейдѣ (Mitveyda), увѣряя меня, что онъ не имѣетъ никакихъ извѣстій о генералѣ Винценгероде и не нуждается въ его поддержкѣ.

Я терпѣливо ожидалъ приближенія непріятели, старательно производя рекогносцировку дорогъ по направленію къ Фробіергу, Альтенбургу и Пенигу. Въ тотъ же вечеръ прибылъ маіоръ Блюхеръ со своимъ гусарскимъ полкомъ. Намъ было суждено съ нимъ помогать другъ другу въ критическій моментъ. Онъ не могъ пройти чрезъ Пенигъ, чтобы переправиться черезъ Мульду; этотъ городъ былъ уже занятъ непріа-

телемъ, поэтому онъ былъ вынужденъ отступить ближе ко мнѣ. Мы провели ночь вмѣстѣ, а на слѣдующій день французы атаквали меня.

Видя передъ собою только кавалерію, я держался твердо, такъ какъ уже успѣлъ подмѣтить въ эту кампанію, что французы только выставили свою кавалерію, но никогда не подвергали ее опасности, не поддерживавъ пѣхотою. Поэтому я стоялъ твердо, не двигаясь съ мѣста. Такъ прошелъ весь день, когда же на утро меня энергично атаквала пѣхота и непріятель сталъ угощать меня картечью, то я оставилъ Вексельбургъ, гдѣ продержался 36 часовъ, вмѣсто 24-хъ, какъ мнѣ было предписано, и направился на Гроссъ-Мюлькенъ и Эренбергъ.

Маіоръ Блюхеръ прикрывалъ мое отступление до Гроссъ-Мюлькена, оттуда я пошелъ на Гайнихенъ и Фробьергъ, гдѣ, окруженный французскими колоннами, былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ.

Я добрался, однако, до Эренберга безъ всякихъ приключеній, но едва успѣлъ переправиться черезъ Ичорпавъ (Ichorraw), какъ очутился среди непріятеля, который былъ уже такъ близко, что французы сами были этимъ удивлены и не сдѣлали ни малѣйшаго движенія. Мое неожиданное появленіе дотого смутило ихъ, что они даже не атаквали меня.

Видя такую нерѣшительность съ ихъ стороны и будучи вынужденъ проложить себѣ путь и въ то же время внушить имъ страхъ, я сформировалъ наскоро три отряда. Ввѣривъ начальство надъ правымъ отрядомъ капитану Гельфрейху, надъ лѣвымъ—графу Буксгевдену, самъ сталъ въ центрѣ. Всѣ три отряда должны были идти по направленію къ Биттердорфу, взаимно поддерживая другъ друга, зорко слѣдя все время за непріятелемъ и стараясь пробиться во что бы то ни стало, не заботясь о тѣхъ, кои останутся позади.

Въ первый моментъ непріятель былъ опрокинутъ, но затѣмъ, опомнившись и угадавъ мое намѣреніе выйти на Биттердорфскую дорогу, онъ преградилъ мнѣ путь четырьмя орудіями, которыя начали осыпать меня картечью. Тогда мнѣ не осталось инаго спасенія, какъ опередить непріятеля и, воспользовавшись быстротою моихъ лошадей, ускакать чрезъ кустарникъ по проселочнымъ дорогамъ. Я достигъ, такимъ образомъ, Грасендорфа и Оттендорфа, которые, къ счастью, еще не были заняты французами. Хорошій проводникъ провелъ меня по проселочнымъ дорогамъ въ Зубенлеге и Аугустурбергъ.

Мнѣ пришлось бросить по пути болѣе двухсотъ плѣнныхъ, взятыхъ мною въ предыдущія сраженія, и около ста отсталыхъ русскихъ, подбранныхъ по пути. Кромѣ того, у меня было убито четыре казака и ранено десять человекъ.

Прибывъ въ Зубенлеге, я извѣстилъ графа Милорадовича о моемъ присутствіи на лѣвомъ флангѣ и въ ту же ночь послалъ развѣдчиковъ

по направленію къ Фробіергу, чтобы отыскать генерала Ланскаго, который долженъ былъ прибыть туда.

Въ Зубенлеге я нашелъ большой продовольственный магазинъ съ хлѣбомъ и фуражемъ; мои лошади были накормлены досыта, все остальное было сожжено.

На слѣдующій день Милорадовичъ продолжалъ отступление. Я полагаю, что онъ находится еще въ Носсенѣ, и продолжалъ маневрировать на этихъ высотахъ на правомъ флангѣ непріятеля, котораго мое присутствіе начало тревожить, поэтому онъ отгѣснилъ меня къ Зубенлеге. Тогда я поспѣшно переправился черезъ Мульду и двинулся къ Герихфельдсу, ни минуты не теряя изъ вида возложеннаго на меня порученія, которое состояло въ томъ, чтобы непрестанно тревожить непріятеля и поддерживать сообщеніе съ Ланскимъ и Милорадовичемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Герихсфельдса я увидѣлъ, что принцъ Евгений Виртембергскій вступилъ въ бой съ непріателемъ.

Усиленная пальба изъ орудій предвѣщала, что дѣло будетъ серьезное. Я тотчасъ попытался произвести диверсію въ его пользу, проскользнувъ французамъ въ тылъ. Не причинивъ непріателю особеннаго вреда, но произведя въ его рядахъ нѣкоторый переполохъ, я успѣлъ задержать его слишкомъ смѣлое движеніе, за что принцъ Евгений былъ мнѣ весьма признателенъ.

Послѣ этой стычки генералъ Милорадовичъ продолжалъ свое отступление по шоссе, идущему въ Вильсдруфъ, а я по-прежнему прикрывалъ его лѣвый флангъ, подвигаясь къ Нейкирхену и къ Герцойсвальду, чтобы приблизиться къ генералу Ланскому, который долженъ былъ подойти изъ Фробіерга и рассчитывать на меня, чтобы занять ранѣе французовъ эту позицію, которая дала бы возможность добраться до Дрездена и Эльбы, не вступая съ ними въ бой.

Узнавъ о томъ, что я занялъ Герцойсвальде и что шоссе было въ моихъ рукахъ, Ланской вздохнулъ свободнѣе и когда мы соединились съ нимъ, то онъ признался мнѣ, что онъ очень беспокоился за меня и за себя. Онъ поспѣшно прошелъ чрезъ Герцойсвальде и сталъ лагеремъ въ Грумбахѣ. Ночью имъ овладѣло опасеніе, что я подвергаюсь слишкомъ большой опасности, оставшись въ Герцойсвальде, и онъ написалъ мнѣ:

Грумбахъ, 23-го апрѣля 1813 г.

«Идите немедленно со своими полками и станьте впереди деревни Грумбахъ, занявъ мои аванпосты.

«Я нахожу, что вы подвергаетесь слишкомъ большой опасности въ Герцойсвальде и что вы слишкомъ удалены отъ меня, чтобы я могъ оказать вамъ существенную поддержку».

Привыкнувъ брать многое на свою отвѣтственность, въ томъ случаѣ,

когда я предвидѣлъ удовлетворительный результатъ, я рѣшилъ не выполнять этого приказанія ранѣе, какъ на разсвѣтѣ. Успокоивъ генерала Ланскаго на счетъ могущей мнѣ угрожать опасности, я просилъ у него позволенія остаться на мѣстѣ, что онъ мнѣ и разрѣшилъ: мои казаки успѣли такимъ образомъ сварить себѣ супъ, а лошади доѣсть кормъ, который удалось достать съ большимъ трудомъ. Проведя ночь спокойно, мой отрядъ былъ на слѣдующій день бодръ и свѣжъ. Я присоединился къ Ланскому, когда въ его отрядѣ всѣ еще спали.

Ничто такъ не утомляетъ войско, какъ волненіе начальствующихъ лицъ и вызываемыя имъ нескончаемыя передвиженія. Генераль Ланской вполне понималъ эту истину; поэтому я осмѣлился дѣйствовать такъ, какъ я сказалъ. Другой, не столь опытный въ военномъ дѣлѣ, генераль увидѣлъ бы въ моемъ поступкѣ непослушаніе и не имѣлъ бы достаточно ума и такта, чтобы понять, что командующій аванъ и аррьергардомъ не есть простая машина, какою бывають обыкновенно армейскіе генералы. Я всегда держался правила доказать солдатамъ мой авторитетъ прежде всего заботливостью о его желудкѣ и покоѣ. Если былъ отданъ приказъ—варить обѣдъ, то я уже не тревожилъ солдатъ. Добывъ съ трудомъ провизію, дровъ и воду и увидавъ, что всѣ его труды пропали даромъ и были совершенно безцѣльны, солдатъ никогда не проститъ вамъ этого. Падите этихъ молодцовъ по мѣрѣ возможности; они будутъ благодарны вамъ за это и въ критическій моментъ останутся 48 часовъ безъ пищи, не ропща, увѣренные въ томъ, что начальникъ не заставилъ бы ихъ страдать, если бы это не было неизбѣжно. Я не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ погибали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль цѣлые отряды вслѣдствіе безтолковой суетни ихъ командировъ.

Казаки, составляющіе самую смышленную часть войска, всегда будутъ вамъ признательны за то, что вы ихъ бережете.

Не подвергайте ихъ безъ надобности пушечнымъ выстрѣламъ, берегите ихъ лошадей, ибо онѣ составляютъ ихъ собственность; дайте имъ понять, что вы бережете ихъ, когда это возможно, и будьте увѣрены, что они безъ оглядки пойдутъ за вами, когда это будетъ нужно. Вы останетесь ими довольны, а начальство будетъ довольно вами. Казаки боятся выстрѣловъ не болѣе другихъ солдатъ; это доказали казаки Чернышева, Константина Бенкендорфа и, смѣю сказать, мои собственные казаки.

Оправдательное письмо М. А. Милорадовича—М. Б. Барклаю-де-Толли.

4-го мая 1810 г. М. Воронки.

Я читалъ письмо вашего высокопревосходительства съ отличнымъ уваженіемъ и съ чувствительнѣйшею благодарностью за откровенный и благорасположительный отзывъ, который тѣмъ болѣе для меня приятенъ, что я всегда старался заслуживать вниманіе достойныхъ и отличныхъ людей.

Репортъ мой, которой я имѣлъ честь препроводить къ вашему высокопревосходительству чрезъ адъютанта вашего, извѣдывая болѣзненное мое положеніе, ибо удостовѣреніе, что обожаемой нами государь одну минуту могъ усумниться въ чистой преданности и ревности службѣ вѣрнѣйшаго подданнаго, было и будетъ для меня болѣзнь жестоцѣе всѣхъ другихъ, и неприятности, каковаго рода бы они ни были, съ нею не могутъ сравниться. Искренняя приверженность къ государю императору во мнѣ ничѣмъ не поколебимая доказывается открытымъ и чистосердечнымъ поведеніемъ, а посему я не скрылъ предъ всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ, что печаль моя дѣлаетъ меня неспособнымъ къ дѣламъ, и осмѣлился утруждать его письмомъ, но не жалуясь, а предоставляя времени открыть сплетни. Милость государя императора, о коей ваше высокопревосходительство меня извѣститъ изволили, много меня ободряетъ. Все мое честолюбіе однакожъ заслужить и поддержать хорошее обо мнѣ мнѣніе государя императора; во всѣхъ мѣстахъ старался я удостоиться онаго, и въ бытность мою и въ Валахіи, имѣя по обстоятельствамъ болѣе къ тому способовъ, не упущалъ я ни малѣйшаго случая на опытахъ доказать усердіе и искренность, чему всѣ свидѣтели. Нѣсколько лѣтъ боролся противу подлости интригъ и противу безпримѣрнаго корыстолюбія,—наконецъ, пострадалъ. Съ новыми мѣстами новые у меня будутъ непріатели. Къ несчастью вездѣ встрѣтятся могутъ люди, въ коихъ ачность къ наживѣ истребляетъ всѣ другія чувствованія. Сіи люди будутъ, конечно, противъ меня. Но чѣмъ ускромить ихъ дерзость,—одна довѣренность сіе сдѣлать можетъ. Надѣяться же мнѣ оной иначе нельзя, какъ точнѣйшимъ изслѣдованіемъ всѣхъ моихъ поступковъ, открытіемъ истины во всей ея чистотѣ. Тогда покажется дерзость интригантовъ и неумѣстная моя деликатность, и я льстить могу себя удостовѣреніемъ, что найдутъ меня таковымъ, каковымъ долженъ быть русскій офицеръ, любящій честь, службу и государя.

Три письма Н. С. Мордвинова къ Іер. Бентаму ¹⁾.

Исчатаемыя ниже письма Мордвинова къ Іереміи Бентаму относятся къ 1819 году, и они были, по всей вѣроятности, первыми, которыя были написаны имъ англійскому философу. Мордвиновъ и до этого времени хорошо зналъ Іеремію Бентама, считалъ его своимъ учителемъ, много писалъ о немъ и для него въ своихъ письмахъ къ его брату Самуилу, но личной переписки между этими двумя замѣчательными дѣятелями не было, повидимому, вплоть до пріѣзда Мордвинова въ Англію.

---

¹⁾ Въ «Британскомъ Музеѣ» находятся болѣе 30 томовъ бумагъ Іер. Бентама и его брата. Среди этихъ бумагъ есть нѣсколько относящихся до русской исторіи.

Извѣстно, что братъ знаменитаго англійскаго философа—Самуилъ Бентамъ, самъ по себѣ крайне интересная личность, болѣе 10 лѣтъ служилъ въ Россіи въ царствованіе Екатерины и игралъ видную роль. Послѣ него осталось много писемъ, дневникъ и статьи о Россіи того времени. До сихъ поръ эти бумаги не были опубликованы, а между тѣмъ въ нихъ много любопытнаго.

Іер. Бентамъ тоже жилъ въ Россіи въ 1786—1787 г. и до своей смерти не прерывалъ дѣятельныхъ сношеній съ русскими людьми, среди которыхъ были у него друзья и горячіе поклонники. Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить извѣстныхъ русскихъ дѣятелей нѣсколькихъ царствованій—Н. С. Мордвинова (впослѣдствіи графа) и Чичагова.

Въ бумагахъ Іер. Бентама мы нашли нѣсколько интересныхъ писемъ (автографовъ) Мордвинова и Чичагова, — и мы предлагаемъ ихъ вниманію читателей. Письма крайне интересны и не требуютъ большихъ комментариевъ, а еще меньше надобности напоминать русскимъ читателямъ, кто такіе были Мордвиновъ, Чичаговъ, Бентамъ.

Въ 1818 году Мордвиновъ покинулъ Россію на три года. Сначала онъ путешествовалъ по Італіи, потомъ по Франціи, наконецъ, онъ вернулся въ Англію специально для того, чтобы повидать Іеремію Бентама и побесѣдовать съ нимъ объ интересовавшихъ ихъ обоихъ политико-общественныхъ вопросахъ. Первое ихъ свиданіе произошло, по-видимому, не въ домѣ Іереміи Бентама. Ихъ диспуты касались жгучихъ, коренныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни, но, во время первой ихъ бесѣды, имъ удалось лишь поставить нѣкоторые вопросы и не договориться до конца.

Мордвиновъ, разставшись съ Іереміей Бентамомъ (повидимому, въ пятницу 10-го сентября), не могъ по болѣзни придти къ нему на другой день для продолженія дебатовъ и, чтобы не терять времени, а можетъ быть и съ цѣлью лучшаго выясненія спора, въ субботу же засаживается за воспроизведеніе по памяти проекта конституціи, поданнаго имъ императору Александру I передъ отъѣздомъ изъ Россіи,—о чемъ и извѣщаетъ въ тотъ же день Бентама.

Изъ этого письма мы можемъ видѣть, какого рода вопросы были предметомъ бесѣды при первой встрѣчѣ члена русскаго Государственнаго Совѣта и знаменитаго европейскаго законовѣда, которому такъ много обязана новѣйшая европейская исторія развитіемъ широкихъ либеральныхъ принциповъ въ обще-государственныхъ вопросахъ.

На слѣдующій день—12-го сентября—Мордвиновъ послалъ своему другу обѣщанный проектъ. Отославши его, онъ два раза перечитываетъ изданную не задолго до этого времени переписку Бентама съ русскимъ императоромъ, посвященную вопросамъ, занимавшимъ Бентама и Мордвинова,—при чемъ послѣдній слѣшитъ увѣдомить Бентама о своей солидарности съ нимъ.

Въ Лондонѣ Мордвиновъ пробылъ три недѣли и чуть-ли не каждый день велъ долгіе разговоры съ своимъ учителемъ. Бентама Мордвиновъ никогда болѣе не видалъ, но возникшая между ними тѣсная дружба не прекратилась. Ихъ переписка, продолжавшаяся до самой смерти Бентама, свидѣтельствуетъ объ ихъ взаимномъ глубокомъ уваженіи другъ къ другу.

Въ разговорахъ съ Бентамомъ Мордвиновъ, очевидно, говорилъ много любопытнаго о Россіи, и кое-какіе намеки на эти разговоры дошли до насъ въ бумагахъ Бентама.

На всѣхъ своихъ бумагахъ Іеремія Бентамъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать замѣтки, которыя часто, — какъ напр. въ данномъ случаѣ, — даютъ очень полезныя комментаріи къ документамъ. На полученныхъ письмахъ Бентамъ собственноручно отмѣчалъ: когда письмо получено, отъ кого, кому было адресовано, адресъ писавшаго, а нерѣдко отмѣ-

часть и содержаніе письма и обстоятельства, при какихъ оно было послано.

Разговоры Гереміи Бентама съ Мордвиновымъ не прошли для послѣдняго безслѣдно. По словамъ самого Мордвинова, онъ читаль сочиненія Бентама,—а, слѣдовательно, и слушалъ его разговоры,—со вниманіемъ прилежнаго ученика. Въ письмѣ 1822 г. Мордвиновъ, напр., сообщаетъ Бентаму, что онъ не только пропагандируетъ его идеи среди русскаго общества, но его именемъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Письма Мордвинова, печатающіяся ниже, никогда не появлялись еще въ печати. Ихъ, правда, имѣлъ въ 1830-хъ годахъ въ своихъ рукахъ біографъ Гер. Бентама, но онъ въ своей біографіи, напечатанной въ 1843 г. (слѣдовательно, еще при жизни Мордвинова и Чигагова), привелъ всего четыре-пять небольшихъ выдержекъ изъ писемъ этихъ двухъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и даже не упомянулъ ни однимъ словомъ о наиболѣе любопытной страницѣ въ письмахъ Мордвинова—о проектѣ конституціи, имъ поданной въ 1818 г. императору Александру I, одновременно съ тѣмъ, какъ по приказу императора другой проектъ былъ составленъ Н. Н. Новосильцевымъ (см. книгу А. Н. Пыпина «Общественныя движенія при императорѣ Александрѣ I»). Кстати сказать, объ этомъ проектѣ Мордвинова намъ до сихъ поръ не приходилось ничего встрѣчать.

Въ 1869 году г. Пыпинъ въ «Вѣстникѣ Европы» помѣстилъ статью объ «Русскихъ отношеніяхъ Бентама», составленную по біографіи Бентама, изд. въ 1843 г., о которой мы только-что говорили.

Письма Мордвинова къ Бентаму.

I.

Мнѣ очень жаль, mon cher M-r Bentham, что я не могу сегодня быть у васъ. Всю ночь я чувствовалъ себя скверно и сегодня не могу выходить изъ комнаты. Какъ только оправлюсь, я не премину воспользоваться вашимъ любезнымъ позволеніемъ посѣтить васъ въ вашемъ уединеніи. Пока же я намѣчу основанія, на которыхъ, по моему мнѣнію, принципъ народнаго представительства могъ бы быть введенъ въ правительство, которое дѣлаетъ первый опытъ въ этомъ отношеніи и взгляды котораго еще слишкомъ далеки отъ того, чтобы согласиться на свободную во всѣхъ отношеніяхъ конституцію. Съ глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь вашъ покорнѣйшій и преданный слуга Мордвиновъ.

Суббота вечеромъ.

Я знаю часы вашего приѣма и не осмѣлюсь явиться къ вамъ иначе, какъ въ половинѣ восьмагаго.

II.

Вотъ въ общихъ чертахъ основанія, на которыхъ можетъ быть построено у насъ представительство и которыя, при всемъ своемъ несовершенствѣ, отличаются, по моему крайнему разумѣнію, тѣмъ, что они могутъ быть предложены монархическому правительству. Но растение (plante) вѣдь растетъ. Для того, чтобы имѣть настоящее дерево, надо его посадить, когда оно еще не созрѣло и прежде чѣмъ у него имѣются большія и крѣпкія вѣтви.

Я представляю вамъ этотъ набросокъ для того, чтобы вы его улучшили.

Надѣюсь имѣть честь быть у васъ въ 7 съ половиною часовъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь Мордвиновъ.

1819, сентября 12-го.

Проектъ конституціи ⁴⁾.

1. Законодательный совѣтъ имперіи и сенатъ (le Senat judiciaire) сохраняютъ свою вышнюю организацію и власть (police), съ нѣкоторыми измѣненіями относительно первой.

2. Предсѣдатели и члены совѣта, также какъ и сенаторы, назначаются его императорскимъ величествомъ. Они будутъ депутатами (députés) монарха (Souverain), агентами правительства. Но съ цѣлью ввести народное представительство, каждой провинціи имперіи, главнымъ городамъ этихъ провинцій, главнымъ портовымъ городамъ и университетамъ будетъ разрѣшено посылать депутатовъ въ мѣстопробываніе (siège) правительства.

Депутаты эти будутъ пользоваться служебнымъ положеніемъ (rang)

---

⁴⁾ На конституціонномъ проектѣ Мордвинова Бентамъ написалъ: „1819, Sept. 12. Plan for a representative Assembly for the Russian Empire, sketched down by him from memory. The original about 16 months ago on his departure from Petersburg, left by the author to be presented to Emperor Alexander. (1819 г. Сент. 12.—Планъ представительнаго правленія для русскаго государства, начертанный имъ на память.—Оригиналъ около 16 мѣсяцевъ, по его возвращеніи изъ Петербурга, оставленъ авторомъ для представленія императору Александру).

и всѣми привилегіями членовъ законодательнаго совѣта имперіи и сенаторовъ, назначаемыхъ императоромъ.

3. Они избираются свободно и на трехлѣтній срокъ, но по истеченіи его они могутъ быть переизбраны на слѣдующее трехлѣтіе.

4. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности (*individuellement*) пользуется правомъ засѣдать какъ въ департаментахъ, такъ и въ общихъ собраніяхъ совѣта и сената и будетъ принимать нераздѣльное участіе (*formeront la partie intégrale*) во всѣхъ дебатахъ (*discussions*), разборахъ судебныхъ дѣлъ (*jugements*) и рѣшеніяхъ (*décisions*), имѣющихъ какое бы то ни было отношеніе къ провинціи, городу или университету, представителями которыхъ они являются.

5. Они засѣдаютъ всѣ вмѣстѣ (*en corps*)—въ общемъ собраніи законодательнаго совѣта имперіи всякій разъ, когда рѣшается вопросъ о мѣрахъ общихъ для всей имперіи или о предметахъ общаго интереса.

6. Они имѣютъ право засѣдать всѣ вмѣстѣ (*en corps*) въ общемъ собраніи сената.

7. Они пользуются правомъ слова и выражаютъ свои мнѣнія письменно. Голоса ихъ будутъ сосчитываться. Они будутъ подписывать журналы, протоколы и постановленія (*décrets*) наравнѣ съ членами, назначенными его императорскимъ величествомъ.

8. Журналы, протоколы и постановленія безъ ихъ подписи не имѣютъ силы въ тѣхъ случаяхъ, когда они присутствовали при ихъ обсужденіи.

9. Имъ не полагается никакого жалованья отъ правительства, какъ депутатамъ.

10. Комитетъ министровъ (представляющій органъ исполнительной власти) обязанъ входить съ ними въ сношенія (*consulter*) всякій разъ, когда дѣло идетъ о мѣрахъ, затрагивающихъ общіе или частные интересы провинціи, города или университета, которыхъ они являются представителями. Ихъ мнѣнія должны записываться въ журналы засѣданій комитета.

11. Предсѣдатели и члены совѣта, назначенные его императорскимъ величествомъ, будутъ занимать свои мѣста, сообразно установленному порядку.

12. Для депутатовъ, представителей народа, долженъ быть устроенъ амфитеатръ, расположенный полукругомъ у стола, за которымъ будутъ засѣдать предсѣдатели и члены, назначенные его императорскимъ величествомъ.

13. Членъ-депутатъ, желающій говорить, долженъ подняться съ своего мѣста (*quittera sa place*) и стать предъ предсѣдателемъ общаго собранія.

14. Въ департаментахъ совѣта и сената они должны занимать мѣста, сообразно своимъ чинамъ—военнымъ или гражданскимъ.

1819 г., сентября 12-го ⁴⁾).

III.

Я полагаю, что могу сегодня явиться къ вамъ, *mon cher monsieur Bentham*. Я два раза перечиталъ вашу переписку съ императоромъ и, читая ее, не могъ не сожалѣть глубоко о томъ, что вашими предложеніями не сумѣли воспользоваться, тогда какъ принятіе ихъ могло бы положить основанія благополучію моего отечества ²⁾).

Вы высказали съ такимъ талантомъ вполнѣ вѣрное и точное мнѣніе о человѣкѣ ³⁾, стоящемъ во главѣ кодификаціонныхъ работъ страны, о которой вы говорите. Я о немъ говорилъ то же самое. Но онъ—дуракъ и интриганъ, а такіе люди всегда умудряются вылѣзть впередъ, ибо ему никто не завидуетъ, а онъ льститъ сильнымъ міра сего, которые относятся къ нему покровительственно, будучи такъ же невѣжественны, какъ и онъ самъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ остаюсь Мордвиновъ.
Понедѣльникъ утромъ.

13-го сентября 1819 г.

Сообщ. В. Викторовъ.

¹⁾ На вышеприведенномъ проектѣ реформъ, присланномъ Мордвиновымъ, Бентамъ сдѣлалъ не мало замѣтокъ карандашомъ, очевидно, имѣя въ виду получить отъ самого Мордвинова разъясненіе вѣсныхъ для него мѣстъ проекта. Къ сожалѣнію, не всѣ замѣтки Бентама удобочитаемы.

²⁾ Рукой Бентама: „Mordvinoff after reading correspondence with Alexander on Codification“ (Мордвиновъ послѣ чтенія корреспонденціи съ Александромъ о кодификаціи).

³⁾ Рѣчь идетъ о баронѣ Густавѣ Андреевичѣ Розенкампфѣ, который былъ предсѣдатель комиссіи составленія законовъ.

Изъ прошлаго Забайкалья.

(Къ исторіи нашей миссіонерской дѣятельности на окраинахъ).

ри поступательномъ движеніи Россіи на Востокъ нынѣшняя Забайкальская область, извѣстная раньше подъ названіемъ Дауріи, представляла собою передовой этапъ, на которомъ наши первые піонеры собирались съ силами для дальнѣйшаго прониканія въ глубь неизвѣданныхъ странъ, къ побережьямъ Великаго океана, манящимъ смутными неопредѣленными слухами о сказочныхъ богатствахъ, превосходившихъ богатства прославленной, но уже достигнутой Дауріи. Хлынувшее съ Урала могучимъ стремительнымъ потокомъ наше поступательное движеніе неудержимо расплылось по всему лицу безпредѣльной Сибири, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія на своемъ пути, но естественно слабѣя на своихъ окраинахъ отъ собственнаго истощенія при безконечномъ удаленіи отъ источника своихъ силъ. Достигнувъ въ такомъ ослабленномъ видѣ до нынѣшней Забайкальской области, наше колонизаціонное движеніе наткнулось здѣсь впервые на упорное сопротивленіе со стороны монголо-бурятъ, представлявшихъ собою въ то время на всей поверхности Сибири почти единственное сравнительно сплоченное ядро туземнаго населенія.

Встрѣченное сопротивленіе не остановило, конечно, стихійнаго движенія Россіи на Востокъ, а послужило, такъ сказать, первымъ предостереженіемъ, напомнившимъ о необходимости сосредоточить сначала порабатаншія наличныя силы и изыскать новыя для дальнѣйшаго движенія впередъ. Забайкалье явилось для этого весьма подходящимъ плацдармомъ, куда стекались наши слабыя разрозненныя силы, бродившія по всему лицу Сибири. Помимо географическаго положенія, этому содѣйствовали и заманчивая производительность страны, и прекрасныя

климатическія условія, и, въ особенности, открывшіяся здѣсь богатія залежи серебра и золота, явившіяся главной приманкой для притока новыхъ силъ. Добываніе драгоцѣнныхъ металловъ, въ которыхъ такъ нуждалась Россія XVII вѣка, привлекло и усиленное вниманіе правительства къ этой далекой окраинѣ и привело къ принятію ряда мѣръ, имѣвшихъ цѣлью упорядочить экономическое и гражданское устройство новаго края.

При первыхъ же попыткахъ насажденія въ новой странѣ русской гражданственности ощутилась острая необходимость раньше всего въ увеличеніи русскаго населенія; но при крайней скудости его въ остальной Сибири нечего было и думать заимствовать отсюда переселенцевъ для Забайкалья; поэтому первымъ шагомъ правительства для увеличенія русскаго населенія за Байкаломъ была организація ссылки преступныхъ элементовъ изъ европейской Россіи въ началѣ XVIII столѣтія. Не довольствуясь этимъ, административныя власти западной Сибири, гдѣ ссылка существовала уже около 1½ столѣтій, поощряли бѣгство за Байкалъ преступниковъ изъ сибирскихъ остроговъ, по которымъ быстро распространились слухи о богатой привольной странѣ за Байкаломъ, изобилующей серебромъ, золотомъ и драгоцѣнной пушниной.

Все это вмѣстѣ давало, однако, ничтожный притокъ русскаго населенія во вновь занятый край: слабыя ничтожныя поселенія первыхъ нашихъ колонизаторовъ были лишь кое-гдѣ вкраплены въ восточной и юго-западной частяхъ Забайкалья, теряясь совершенно среди охватившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ кочевокъ бурятскаго населенія. Необходимо было принять болѣе дѣйствительныя мѣры для увеличенія здѣсь русскихъ силъ и водворенія русской гражданственности; съ этой цѣлью вниманіе правительства было обращено на бурятское населеніе, которое въ то время, при первомъ приходѣ русскихъ въ Забайкалье, представляло собою главное ядро живой силы на этой окраинѣ. Что ожиданія правительства въ этомъ отношеніи оказались не напрасными, видно уже изъ того, что позднѣе бурятское населеніе выдѣлило изъ себя значительную часть для образованія казачьяго войска, которое по настоящее время служить Россіи на этой далекой окраинѣ; но при первомъ знакомствѣ нашихъ пионеровъ съ бурятами послѣдніе представились въ такомъ полудикомъ сыромъ видѣ, что необходимо было подумать раньше всего о нѣкоторой обработкѣ этого сыраго матеріала въ интересахъ обрусѣнія пограничной области. Весьма естественно, что первымъ шагомъ въ этомъ направленіи явилась необходимость просвѣщенія язычниковъ-бурятъ проповѣдью христіанскаго вѣроученія.

Для лучшаго освѣщенія нашей миссіонерской дѣятельности среди бурятъ—да и въ виду общаго интереса—полагаю нелишнимъ коснуться сначала въ общихъ чертахъ характеристики этихъ инородцевъ, выне-

сенной изъ непосредственнаго съ ними соприкосновенія; при этомъ остановлюсь подробнѣе на весьма поучительной для насъ исторіи водворенія буддизма среди бурятъ, объясняющей многое въ безуспѣшности христіанской проповѣди въ Забайкальѣ. Это предварительное ознакомленіе съ той почвой, на которой приходилось сѣять христіанскую проповѣдь, даетъ возможность съ большимъ знаніемъ дѣла и большимъ безпристрастіемъ судить о дѣятельности нашихъ миссіонеровъ, по адресу которыхъ приходилось иногда встрѣчать въ печати незаслуженные упрёки.

I.

Буряты.—Ихъ домашній бытъ: жилье, одежда, пища, положеніе женщины.

Буряты принадлежатъ къ монгольской расѣ и еще со временъ Чингисхана составляютъ туземное населеніе Забайкалья. Буряты сами называютъ себя бурядами или бурятами; при первомъ знакомствѣ съ русскими получили названіе «братскихъ»,—вѣроятно вслѣдствіе простаго созвучія словъ, почему сибиряки до сего времени называютъ бурятъ братскими. Главными типическими особенностями бурятъ служатъ выдающіяся скулы, косою разрѣзъ глазъ, мясистыя отвислыя уши, черныя или темнокаштановыя волосы и лицо смуглаго цвѣта; темпераментъ—сангвинико-флегматичный, сонливый; умъ—медленный и вялый, хотя живущіе близъ городовъ весьма хитры и плутоваты. Языкъ бурятъ принадлежитъ къ группѣ языковъ монгольскаго корня; въ немъ преобладаютъ горловые звуки и не слышно вовсе шипящихъ: буквы *с, ч, и* замѣняются звукомъ *кх*.

Источникомъ существованія бурятъ служитъ скотоводство, которымъ они занимаются съ особенной любовью; чтобы быть поближе къ своимъ стадамъ, они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, въ зависимости отъ времени года и обилія подножнаго корма. Жилищемъ въ лѣтнее время служитъ юрта, а при наступленіи холодовъ—зимушка. Внутреннее убранство юртъ за рѣдкимъ исключеніемъ отличается совершеннымъ однообразіемъ: прямо противъ входа помѣщается ларь или створчатый ящикъ, на которомъ ставится одинъ или нѣсколько бурхановъ, а передъ ними раскладываются различныя принадлежности религіознаго культа: шесть мѣдныхъ чашечекъ съ жертвоприношеніями (мука, зерно, чай и проч.), металлическое зеркало, курительныя свѣчи и т. п.; рядомъ со входомъ, съ правой и лѣвой стороны, около стѣнъ юрты вѣшается и кладется на землю домашняя утварь, принадлежности сѣдловки и проч.; остающееся затѣмъ пустымъ пространство вдоль стѣнъ юрты занимается нарами, ящпками съ вещами, войлоками и т. п.; по-

среди́нѣ юрты, подъ отверстіемъ въ крышѣ укрѣпляется желѣзный треножникъ, который служитъ очагомъ.

Въ пищу и питьѣ буряты отличаются крайней неразборчивостью; мясо ѣдятъ рѣдко, но при случаѣ не брезгаютъ и падалью ¹⁾; хлѣбъ также мало употребляютъ въ пищу, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ продуктовъ молочнаго хозяйства; изъ этихъ продуктовъ, скопленныхъ за лѣто, заготавливаютъ на цѣлый годъ арцу въ жидкомъ или густомъ видѣ, а йраки—хлѣбный напитокъ; арультъ, хурутъ, зеге—различнаго вида сыръ, и т. п. Необходимымъ предметомъ питанія служитъ также кирпичный чай, который заваривается въ котлѣ съ примѣсью молока и соли, а иногда прибавляютъ еще къ чаю какую-нибудь мучную подболтку съ саломъ; чай въ такомъ видѣ называется затура.

Одеждой у мужчинъ служатъ тырлыкъ (верхнее платье), малхай (шапка), ичиги и унты (обувь). Волосы на головѣ стригутъ, оставляя на макушкѣ небольшой пучокъ, который въ три пряди заплетаютъ въ косу. Женщины носятъ ввидѣ различныхъ украшеній серебряныя монеты, бусы и проч., а на шеѣ имѣютъ всегда различные амулеты, талисманы и всевозможныя побрякушки.

Въ домашней жизни буряты отличаются крайней нечистоплотностью: весьма немногіе знакомы съ употребленіемъ мыла, а очень многіе во всю жизнь никогда не могутъ не только тѣла, но даже лицо и руки остаются у нихъ отъ рожденія въ неприкосновенномъ видѣ ²⁾.

Семейное начало у бурятъ развито очень слабо; рожденіе внѣ брака отнюдь не считается порокомъ; напротивъ—это служитъ доказательствомъ пригодности «бацагана» (дѣвушки) къ семейной жизни и гарантируетъ ея скорый выходъ замужъ, а слѣдовательно—полученія долика, т. е. калымнаго выкупа. Въ жизни бурятской женщины обычай и мировоззрѣніе бурята урѣзываетъ все, что сколько-нибудь облагоро-

¹⁾ Въ 1891 году администрація Забайкальской области была встревожена неожиданнымъ появленіемъ въ Акинскомъ округѣ какой-то острой эпидемической болѣзни, отъ которой въ одинъ день умерли одинъ за другимъ три бурята. По разслѣдованію оказалось, что они по дорогѣ нашли трупъ полуразложившагося тарбагана и—вѣроятно подъ давленіемъ голода—наѣлись этой падалью.

²⁾ При рожденіи, прямо изъ утробы матери, младенецъ завертывается въ тулупъ и, не взирая на погоду и время года, подвѣшивается на нѣкоторое время возлѣ юрты, подъ открытымъ небомъ; такъ затѣмъ и во всю жизнь буряты никогда не моются и некупаются. При выкомандированіи буряты-казакъ на службу ихъ раньше всего отводятъ въ баню, гдѣ, подъ наблюденіемъ старшихъ, ихъ подвергаютъ мойкѣ—первый разъ въ жизни; для казака-бурята эта невинная „муштра“ является худшей пыткой на первыхъ порахъ службы.

живаеть и возвышаеть ея положеніе въ глазахъ мужинъ: на жену бурятъ смотритъ исключительно какъ на рабочую силу, на свою дочь— какъ на товаръ, за который требуется получить возможно лучший доликъ. Поэтому, если одна жена не въ состояніи управитъся съ домашней работой, бурятъ беретъ вторую и третью жену; если дочь не обращаетъ на себя вниманіе парней на наадахъ (вечеринкахъ), то навлекаеть на себя постоянные упреки родителей, опасующихся лишиться долика. Кстати замѣтитъ, что эти наады совершенно не имѣютъ того невиннаго характера, какъ у нашихъ крестьянъ посидѣлки или «вѣчирницы», на которыхъ парни и дѣвушки щеголяютъ другъ передъ другомъ веселымъ юморомъ или беззаботной удалю. Ничего подобнаго не встрѣчается на бурятскихъ наадахъ: здѣсь проявляется во всей силѣ грубый цинизмъ азіатскаго сладострастія: послѣ унылой пѣсни и флегматичной пляски парни тутъ же выбираютъ себѣ временныхъ подругъ, на глазахъ родителей, и всѣ вмѣстѣ продолжаютъ иногда оставаться въ юртѣ.

Достоинъ вниманія, что бурятамъ, повидимому, совершенно чуждо понятіе о любви: для этого чувства даже нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія на бурятскомъ языкѣ—въ общемъ довольно развитомъ и имѣющемъ даже свою литературу; все объясненіе въ любви бурятъ выражаетъ однимъ словомъ *дуртай*, — что значитъ «хочу», «желаю»,— въ чемъ сказывается лишь грубая эгоистическая похоть.

II.

Водвореніе буддизма.—Отношеніе администраціи къ буддизму.—Учрежденіе должностей „ширетуя“ и „бандидо-хамбо-ламы“. Надѣленіе ламайскаго духовенства землей и доходами.

Исторія водворенія буддизма среди нашихъ забайкальскихъ бурятъ и обращеніе ихъ изъ индифферентныхъ шамантовъ въ фанатизированныхъ ламаитовъ представляетъ собою весьма яркій примѣръ того, какъ иногда важныя послѣдствія нарождаются отъ неосмотрительныхъ административныхъ мѣропріятій, вызванныхъ кабинетными умозрѣніями, чуждыми живой дѣйствительности.

При первомъ знакомствѣ русскихъ съ бурятами, послѣдніе принадлежали къ шаманству, которое представляетъ собою мало общаго съ основами буддійскаго вѣроученія. При кочевомъ, отчасти даже бродячемъ образѣ жизни, буряты очень мало интересовались дѣлами религіи, предоставивъ это исключительному вѣдѣнію своихъ шамановъ (жрецовъ). Въ концѣ XVII столѣтія въ Забайкальѣ впервые появляются монгольскіе ламы съ проповѣдью ученія Будды-Шакьямуни; буряты сначала

долго противились назойливой пропагандѣ ламъ, ссылаясь на свой кочевой образъ жизни, болѣе соответствующій исповѣдуемому ими шаманству. Но ламы энергично вели пропаганду буддизма: приноравливаясь къ быту кочевниковъ-бурятъ, ламы стали устраивать походныя кумирни въ юртахъ, съ которыми перекочевывали вмѣстѣ съ бурятскими стойбищами, приучая одинаково упорствующихъ и колеблющихся къ постоянной совмѣстной жизни съ ламами, къ необходимости пользоваться ихъ совѣтами и наставленіями какъ въ духовной, такъ и практической жизни. Мѣстная администрація была въ то время всецѣло поглощена добываніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и пушнины, и не обращала никакого вниманія на открывшуюся среди бурятъ пропаганду буддизма, не придавая, вѣроятно, особаго значенія этому обстоятельству. Будутъ ли буряты язычники-шаманты, или язычники-ламаиты, казалось все равно.

Въ 1741 году сибирская администрація впервые обратила вниманіе на распространеніе ламаизма среди бурятъ. По собраннымъ тогда свѣдѣніямъ оказалось, что въ Забайкальѣ народилось уже 11 дацановъ (монастырей) и 150 ламъ. Озадаченные такимъ быстрымъ ростомъ новой религіи, мѣстныя власти не ограничиваются уже запрещеніемъ дальнѣйшаго распространенія буддизма, но стараются удержать подъ своимъ контролемъ проявившуюся дѣятельность ламъ и вліяніе возникшихъ уже дацановъ.

Первые шаги администраціи въ этомъ отношеніи не могутъ быть признаны удачными: общее наблюденіе за дацанами и ламами было ввѣрено настоятелю Цонгольскаго дацана, которому присвоенъ былъ титулъ ширетугя (настоятель-архимандритъ).

Мѣрой этой положеніе ламъ и ихъ дѣятельность были официально санкціонированы нашимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего мы видимъ затѣмъ быстрое возростаніе числа ламъ среди бурятъ. Такъ, въ 1756 году ламъ было 312, въ 1766 году ихъ было уже 617. По переписи, произведенной въ 1822 году, было 19 дацановъ и 2.532 ламъ, а въ 1842 году число ламъ доходитъ уже до 5.545 при общей численности бурятъ-буддистовъ въ 120 тысячъ чел. Повидимому, вліяніе ламайскаго духовенства среди бурятъ росло съ поразительной быстротой и сумѣло склонить въ свою пользу даже взгляды нашей администраціи: не прошло и 8 лѣтъ со времени учрежденія нашимъ правительствомъ должности ширетугя, какъ ламайскому духовенству удалось въ 1764 году добиться отъ нашихъ властей присвоенія Цонгольскому ширетугю званія бандидо-хамбо-ламы, съ весьма обширными правами въ отношеніи всего ламайскаго духовенства въ Забайкальѣ.

Учрежденіемъ званія бандидо правительство наше надѣялось парализовать вліяніе тибетскаго главы буддистовъ, далай-ламы и вообще—

порвать связь забайкальскихъ бурятъ съ Тибетомъ и Монголіей; но при этомъ сказалось съ нашей стороны нѣкоторое увлеченіе, выразившееся въ томъ, что новымъ закономъ глава забайкальскихъ буддистовъ обязывался поддерживать и распространять среди бурятъ ламайскій буддизмъ: для хамбо-ламы установлена была съ этой цѣлью даже особая присяга, отмѣненная лишь въ 1856 году. Сокровенная цѣль въ учрежденіи особаго духовнаго главы надъ бурятами не была достигнута, такъ какъ въ буддійскомъ вѣроученіи тибетскій далай-лама стоитъ совершенно особнякомъ, какъ возрожденіе Будды. А между тѣмъ, учрежденіе званія бандидо-хамбо-ламы привело къ сосредоточенію въ однихъ рукахъ могущественной духовной власти надъ всеми бурятами, усиленной, вдобавокъ, еще важными прерогативами свѣтской власти.

Такъ безповоротно рѣшена была участь шаманства, на развалинахъ котораго именемъ русской власти укрѣпилось ламаство. Поэтому, когда въ 1823 году были призваны выборные изъ бурятъ для составленія особаго «Степнаго Уложенія», то имъ не представлялось никакого труда, чтобы включить въ это Уложеніе статьи 84 и 85, согласно которымъ ламайскому духовенству предписывалось искорененіе среди бурятъ шаманства и водвореніе вмѣсто него буддизма. Именемъ русскихъ властей ламы начали преслѣдовать шамановъ и жечь кумирни шамановъ. . . .

Быстрое возростаніе числа ламъ, живущихъ тунеядствомъ насчетъ остальнаго населенія, часто озабочивало наше правительство; но принимаемыя мѣры, чуждыя близкаго знакомства какъ съ шамантами, такъ и ламаитами, приводили нерѣдко къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Такъ, въ 1825 году, съ цѣлью ограниченія числа ламъ были выработаны новые «штаты» ламайскаго духовенства въ дацанахъ; но рядомъ съ официально признанными, «штатными», ламами множилось число нештатныхъ ламъ, что было совершенно неизбѣжно, какъ мы это увидимъ ниже. Съ той же цѣлью въ 1853 году было издано особое «Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ въ Восточной Сибири», въ которомъ правительство щедрой рукой узаконило ламамъ земельные надѣлы и поборы съ массы населенія; такъ: хамбѣ-ламѣ опредѣлено 500 десятинъ и десятая часть доходовъ всѣхъ 34 дацановъ; въ каждомъ дацанѣ ширетую положено 200 десятинъ и $\frac{1}{8}$ часть доходовъ своего дацана; каждому ламѣ 60 десятинъ, бандиди (дьячокъ) 30 десятинъ, даже ховаракалѣ (ученикамъ, готовящимся въ ламы) выдѣлены земельные участки, по 15 десятинъ на cadaго.

Независимо отъ доходовъ въ дацанахъ узаконены еще доходы ламъ отъ бурятскаго населенія за совершеніе разныхъ гурумовъ (требъ), за раздачу бурхановъ (идоловъ), продажу священныхъ поясковъ, молитвъ и т. п. Ниже увидимъ, насколько разорительны для бѣднаго скотоводческаго населенія бурятъ эти поборы многочисленнаго ламай-

скаго духовенства. Новымъ закономъ ламы освобождены были и отъ тѣлесныхъ наказаній, и отъ всякихъ податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ,—между прочимъ и отъ воинской повинности, которой ввидѣ казачьей службы подвержена часть бурятскаго населенія. Не довольствуясь этими привилегіями, новымъ Положеніемъ вся дѣятельность ламъ объявлена изъятой изъ вѣдѣнія и контроля гражданскихъ властей и подчинена исключительно контролю бандидо-хамбы-ламы, который зависитъ только отъ генераль-губернатора и утверждается въ своемъ званіи государемъ императоромъ. Хамбо-ламѣ предоставлено право входить съ ходатайствомъ къ нашимъ властямъ о награжденіи ламъ серебряной и золотой медалью, которыя ламы и получаютъ изъ рукъ своего духовнаго главы «За усердіе и твердость въ вѣрѣ»...

На мѣстную администрацію возлагалась обязанность поддерживать ламайскія кумирни съ идолами, на содержаніе которыхъ выдѣлена была третья часть доходовъ отъ земель, приношеній и проч. Доходы эти, въ виду обширности земельныхъ угодій, приписанныхъ къ дацанамъ, были довольно значительны. Такъ, Гусинозерскому дацану принадлежитъ 1.500 десятинъ, Агинскому 1.400, Цонгольскому 1.200 десятинъ, Онинскому около 3.000 дес. и т. п.

Такъ выросло и окрѣпло среди забайкальскихъ бурятъ буддійское вѣроученіе, взлелѣянное и поддержанное нашимъ правительствомъ. Цѣлымъ рядомъ правительственныхъ распоряженій нами искусственно создано было на мѣстѣ податливаго, младенческаго шаманства крѣпко сплоченное, фанатизированное ламайство, представившее собою крайне неблагоприятную почву для дѣятельности нашихъ миссіонеровъ. Для лучшаго выясненія этого обстоятельства обратимся къ характеристикѣ ламъ и ихъ значенія въ экономической и религіозной жизни нашихъ бурятъ.

III.

Характеристика ламъ; значеніе ихъ въ Китаѣ и у насъ; отношеніе къ нимъ бурятъ прежде и теперь.—Совершеніе требъ.—Вліяніе ламъ.—Дацаны (монастыри).

Въ буддійскомъ вѣроученіи положеніе ламы опредѣляется тропчностью догмы «гурба эрдэни» — «Богъ, Его Законъ и Лама», а также—символомъ «ламадоръ итэгэмой», т. е.—«вѣруемъ ламѣ»... Но, удѣляя ламѣ чуть ли не божественную роль въ религіозномъ культѣ, буддизмъ требуетъ отъ ламы полного отреченія отъ вѣшняго міра со всѣми его будничными потребностями. Лама обрекается на вѣчное безбрачіе; онъ не можетъ входить ни въ какія сношенія съ мірянами, не

можетъ выходить изъ стѣнъ своего дацана, не совершаетъ даже никакихъ духовныхъ требъ, которыя, строго говоря, не предусмотрены учениемъ Будды. Такъ положеніе ламы опредѣляется буддѣйскимъ вѣроучениемъ въ его чистомъ видѣ, свободномъ отъ позднѣйшихъ наростовъ, нагроможденныхъ разными комментаторами; такъ, отчасти, оно сохранилось и въ Китаѣ и въ Монголіи.

Въ Забайкальѣ, однако, среди бурятскаго населенія, ученіе Шакьямуни совершенно измѣнилось, главнымъ образомъ благодаря покровительству русскихъ властей. Въ то время, когда въ Монголіи и Китаѣ, гдѣ буддизмъ является государственной религіей, ламамъ запрещено имѣть собственность, у насъ они, какъ мы это видѣли выше, широко надѣлены землей; въ Китаѣ хамбо-лама является просто ученымъ ламой, у насъ же ему присвоили важныя прерогативы свѣтской власти. Не далѣе 1860 года сами буряты готовы были признать хамбо-ламой кого угодно, кто будетъ поставленъ нашимъ правительствомъ, хотя бы то былъ даже русскій чиновникъ; между тѣмъ, въ отвѣтъ на это ходатайство, нашими законоположеніями хамбо-лама обставленъ такимъ ореоломъ духовной и свѣтской власти, съ прибавленіемъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ, что онъ естественно обратился въ весьма вліятельнаго духовнаго главу всѣхъ бурятъ и строгаго блюстителя неприкосновенности ламайскихъ правъ и ламайскаго вѣроученія.

Въ настоящее время число всѣхъ ламъ среди забайкальскихъ бурятъ составляетъ не менѣе 10% общаго количества бурятскаго населенія. Въ строгомъ смыслѣ, ламы въ Забайкальѣ не представляютъ собою обособленную касту духовенства; они выдѣляются лишь изъ толпы вѣрующихъ тѣмъ, что предполагаются незанимающимися потребностями обыденной будничной жизни.

Дѣло въ томъ, что буддѣйское вѣроученіе проникнуто глубокимъ мистицизмомъ, требующимъ одинаково отъ всѣхъ своихъ послѣдователей полного отреченія отъ всѣхъ реальныхъ потребностей жизни. А такъ какъ такое требованіе въ отношеніи массы населенія несовмѣстимо съ условіями человѣческой природы, то и установился обычай, по которому третій сынъ служитъ искупленіемъ для всей семьи и посвящается въ ламы. Этимъ и объясняется чрезмѣрно большое число ламъ у бурятъ.

Какъ въ силу этой многочисленности ламъ, такъ и благодаря особенностямъ религіознаго культа и установившихся обычаевъ, вліяніе ламъ является подавляющимъ въ отношеніи всей жизнедѣятельности бурятъ. Всякое начинаніе, каждый шагъ въ житейскомъ обиходѣ регламентируется требованіями религіи и указаніями тибетскихъ священныхъ книгъ: дать имя младенцу, гдѣ и какъ поставить юрту, похоронить покойника, когда перекочевать на новое мѣсто, на все дается

*
*

указаніе въ священныхъ книгахъ; толкователями же этихъ книгъ, написанныхъ на непонятномъ для бурятъ тибетскомъ языкѣ, являются ламы.

По вѣрованіямъ забайкальскихъ бурятъ, лама можетъ по своимъ книгамъ начитать всякую бѣду и отчитать отъ бѣды; приди въ юрту, лама распоряжается, какъ хозяинъ, какъ посланникъ Бога; хозяинъ юрты обязанъ удалиться, оставивъ въ юртѣ для ламы свою жену... Исполненіе требъ (гурумы) сводятся къ ворожбѣ, гаданіямъ и заклинаніямъ; иногда эти гурумы крайне разорительны: похороны богатаго бурята обходятся нерѣдко въ 100 и болѣе головъ скота. Но это не все: замѣтитъ, напримѣръ, лама послѣ похоронъ, что душа умершаго (богатаго, конечно) бурята направилась не туда, куда ей слѣдуетъ, и предупреждаетъ тотчасъ родственниковъ покойнаго; а за исправленіе такой бѣды берется, конечно, не малая мзда; понравится ли ламѣ какая-нибудь вещь,— ему не трудно будетъ уговорить хозяина-бурята, что по священнымъ книгамъ вещь эта должна принести своему хозяину большую бѣду, и что самое лучшее отдать ему этотъ предметъ для тайнаго истребленія.

При всемъ своемъ простодушіи забайкальскіе буряты рано постигли всю силу нравственнаго и экономическаго гнета, причиняемаго населенію непомѣрной численностью ламъ. Это побудило бурятъ еще въ 1795 году возбудить ходатайство предъ нашимъ правительствомъ объ ограниченіи числа ламъ; во вниманіе къ этому ходатайству было положено имѣть по одному ламѣ на каждыя 100 ревизскихъ душъ мужскаго пола. Но по ревизіи 1816 года уже оказалось 200 ламъ лишнихъ противъ узаконенной нормы, вслѣдствіе чего приказано было включить ихъ въ податной окладъ; при всемъ томъ, мы видимъ дальше безостановочный и неуклонный ростъ числа ламъ. Въ 1844 году при 8 дацанахъ было уже 917 ламъ, а въ 1846 году число ламъ возросло уже до 4.535, при 122 тыс. населенія бурятъ.

На это чрезмѣрное увеличеніе числа ламъ было обращено вниманіе правительства. Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ число штатныхъ ламъ при 34 дацанахъ опредѣлено въ 285; всѣхъ прочихъ ламъ рѣшено было обратить въ первобытное состояніе, что, конечно, возможно на бумагѣ, то не осуществимо на дѣлѣ, такъ какъ лама является однимъ изъ главныхъ основъ бурятскаго буддизма и никакъ не можетъ быть низведенъ въ простаго смертнаго. Поэтому всѣ отвергнутые нашимъ закономъ 4.250 ламъ остались, конечно, ламами, а подати за нихъ платятъ бурятскія общества, по раскладкѣ родоначальниковъ.

Выше мы указали, что въ концѣ минувшаго столѣтія буряты сами ходатайствовали объ ограниченіи числа ламъ; но въ наше время, подѣ

вліяніемъ и постояннымъ давленіемъ многочисленнаго ламайскаго духовенства, взгляды бурятъ, повидимому, перемѣнились: отправляя въ 1873 году въ Петербургъ особую депутацію съ ходатайствомъ о допущеніи богослуженія въ обонахъ (часовняхъ), депутатамъ было поручено хлопотать также и объ увеличеніи числа штатныхъ ламъ противъ Положенія 1853 года. Эта перемѣна отношеній со стороны массы населенія къ ламамъ объясняется весьма просто тѣмъ, что рѣдкая бурятская семья не заинтересована теперь въ положеніи ламъ, которые служатъ матеріальной поддержкой для своихъ родичей¹⁾.

При такомъ всеохватывающемъ вліяніи ламъ, вѣддрившихся родственными узами въ каждую бурятскую семью, шаманство, конечно, быстро исчезло предъ лицомъ ламаизма, покровительствуемаго вдобавокъ нашимъ правительствомъ. Необходимо имѣть въ виду еще то обстоятельство, что для проповѣди буддизма среди бурятъ-шамановъ почва была уже нѣсколько подготовлена тѣмъ, что въ обоихъ вѣроученіяхъ есть идолы (бурханы)—хотя и съ кореннымъ различіемъ ихъ религіознаго значенія; затѣмъ, важное импонирующее значеніе имѣла торжественность ламайскаго богослуженія, сопровождающагося дикою музыкой и оглушительнымъ ревомъ трубъ; богатство бурхановъ, отличныхъ изъ чистаго золота, великолѣпіе дацановъ, — все это поражало убогую фантазію полудикихъ скотоводовъ-бурятъ, которые никогда ничего не видѣли кромѣ своей обездоленной юрты.

На богатство обстановки своихъ дацановъ ламы не жалѣютъ средствъ. Судя по цифровымъ даннымъ, доставляемымъ ежегодно хамбо-ламой забайкальскому губернатору, каждая кумирня обходится въ среднемъ около 52 тыс. рублей; постройка Онинскаго дацана въ 50-хъ годахъ обошлась даже въ 60 слишкомъ тысячъ руб., а уже въ 1862 году отпущено было «на ремонтъ» (въ дѣйствительности же—на выписку изъ Китая золотыхъ бурхановъ) еще 25 тыс. руб. Незадолго до посѣщенія мною этого монастыря (дацана), въ 1890 году, употреблено было опять «на ремонтъ» свыше 50 тысячъ; деньги эти были обра-

---

¹⁾ Не безынтересно указать и на нѣкоторые приемы, характеризующіе современную жизнѣдѣтельность бурятъ: во главѣ упомянутой выше депутаціи, отправленной въ Петербургъ, посланъ былъ учитель Агинской инородческой школы Зориевцевъ; на расходы депутаціи, состоявшей изъ 4 депутатовъ, буряты ассигновали 60.000 рублей... Въ 1879 году буряты опять снарядили депутацію, богато снабженную деньгами, ходатайствовать по разнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ и религіознымъ, при чемъ даже съ крещеныхъ бурятъ было собрано по 1 р. 10 к. съ души.

Повидимому, буряты довольны первыми примѣрами своихъ ходатайствъ въ Петербургѣ, потому что съ тѣхъ поръ забайкальскіе буряты часто обходятъ своими ходатайствами мѣстную администрацію, предпочитая посылку депутатовъ въ Петербургъ.

щены на покунку золотыхъ бурхановъ, атрибутовъ богослуженія и книгъ, выписанныхъ изъ Тибета ⁴⁾).

Выяснивъ до нѣкоторой степени историческій ходъ водворенія буддизма среди забайкальскихъ бурятъ, прослѣдимъ теперь, какимъ путемъ была направлена здѣсь наша миссіонерская дѣятельность, которая съ самаго начала встрѣтила противодѣйствіе буддійскаго вѣроученія.

IV.

Первые шаги нашей миссіонерской дѣятельности.—Постройка монастырей.—Значеніе монастырей въ колонизаціи края. Происхожденіе забайкальскихъ мулатовъ.—Нарожденіе „пашенныхъ“ крестьянъ и „ясачныхъ“ бурятъ.—Секуляризація монаст. земель.—Прекращеніе миссіон. дѣятельности.

Первые шаги въ этомъ отношеніи сдѣланы были въ 1681 году при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и патриархѣ Іоакимѣ. Для проповѣднической дѣятельности среди бурятъ отправлены были изъ московскаго Темникова Срѣтенскаго монастыря 12 монаховъ подъ главенствомъ игумена Ѳеодосія. Эта первая миссія была снабжена обширными правами, но съ ограниченными, даже по тому времени, матерьяльными средствами.

По прибытіи въ Забайкалье, монахи построили два монастыря: Посольскій на восточномъ берегу Байкала, — на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1652 году былъ измѣнически убитъ русскій посоль Ерофей Заболотскій; второй монастырь, Троицкій, былъ построенъ въ 90 верстахъ отъ Посольскаго, на берегу р. Селенги. Оба монастыря должны были служить разсадниками христіанской проповѣди среди бурятъ. Но, лишенные матеріальной поддержки, монастыри вынуждены были сначала уклониться нѣсколько отъ своего прямого назначенія, въ виду необходимости изысканія средствъ для существованія въ новомъ дикомъ краѣ. Впрочемъ, и на этомъ поприщѣ первые монастыри оказали государству важную услугу, создавъ на далекой окраинѣ центры колонизаціонной дѣятельности на почвѣ чисто-экономическихъ отношеній.

Устроившись на новомъ мѣстѣ, учредители Посольскаго и Троицкаго монастырей обратили вниманіе на огромныя земельныя пространства по восточному берегу Байкала и по долинѣ Селенги, представлявшія собою въ то время обширныя, никому не принадлежащія, пустыри; единственными претендентами могли служить лишь нѣкоторые роды селенгинскихъ бурятъ — донгольскій, соргольскій и друг., незадолго передъ тѣмъ прикочевавшіе изъ Монголіи. Но и права бурятъ на эти земли были весьма спорны, — какъ потому, что упомянутые сейчасъ

⁴⁾ Книги цѣнятся очень дорого: напримѣръ, одна книга „дай жу рь“ стоитъ 4.500 руб. и заключаетъ въ себѣ 360 томовъ.

бурятскіе роды сами являлись лишь недавними пришельцами въ Забайкальѣ, такъ и въ виду того, что для скотоводческаго обихода буряты представлялось огромное раздолье и помимо территоріи, облюбованной первыми забайкальскими монастырями. Такимъ образомъ, Посольскій и Троицкій монастыри явились съ самаго начала своего возникновенія богатыми собственниками обширныхъ земельныхъ угодій. Обстоятельство это послужило прочнымъ залогомъ матеріальнаго преуспѣянія монастырей на зарѣ ихъ существованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени содѣйствовало колонизаціи и обрусѣнію края.

Сдѣлавшись богатыми собственниками, монастырямъ необходимо было озаботиться заселеніемъ своихъ владѣній, чтобы обезпечить себя рабочими руками; съ этой цѣлью придуманы были разныя средства, чтобы привлечь на монастырскія земли ссыльныхъ и бѣглыхъ всякаго рода. Кромѣ обширныхъ земельныхъ участковъ и разныхъ обѣщаній въ будущемъ отъ монастыря выдавалось безвозмездно каждому поселенцу на первое обзаведеніе лошадь, корова, 20 пудовъ ржи, мѣдный котелъ, топоръ, коса, два сошника и два серпа; вмѣстѣ съ тѣмъ разрешалось строить усадьбу, гдѣ угодно, и распахивать земли, сколько угодно. Взамѣнъ этого требовалось отъ поселенца, чтобы онъ ежегодно обрабатывалъ монастырю одну десятину, т. е.—вспахалъ, засеялъ, сжалъ, обмолотилъ и доставилъ хлѣбъ въ монастырь. Крестьяне эти назывались «пашенными».

Съ первыхъ же шаговъ заселенія новыхъ земель стали ощущаться недостатки въ женщинахъ, такъ какъ ссыльные и бѣглые были исключительно одинокіе мужчины. Добываніе женщинъ рѣшалось очень просто—путемъ похищенія ихъ у сосѣднихъ бурятовъ ¹⁾. Сознавая все значеніе женскаго элемента въ дѣлѣ упроченія осѣдлости и хозяйственности, монастырское духовенство молча поощряло похищеніе бурятскихъ женщинъ и охотно крестило и вѣнчало ихъ со своими поселенцами. Изъ этихъ смѣшанныхъ браковъ, русскихъ съ бурятами, народился въ Забайкальѣ особый типъ мулатовъ. Фактъ этотъ отмѣ-

---

¹⁾ Чтобы уберечь своихъ женщинъ отъ похищенія ихъ монастырскими крестьянами, буряты придумали простой способъ: перемѣнили костюмъ дѣвокъ и парней, одѣвъ однихъ въ платье другихъ. Этому способствовало свойственное монгольской расѣ отсутствіе у мужчинъ усовъ и бороды. Похищеніе бурятскихъ женщинъ стало послѣ того сопровождаться иногда весьма горькимъ разочарованіемъ для хищниковъ и такимъ образомъ отпадало ихъ отъ покушенія на монгольскихъ сабинянокъ. Тѣмъ не менѣе обмѣнъ одежды среди бурятскихъ парней и дѣвокъ наблюдается еще и повнынѣ въ особенности среди кударинскихъ бурятовъ: дѣвушки стригутъ волосы подъ гребенку, носятъ вартузъ, поддевку, мужскую рубашку на выпускъ, плисовые шаровары и сапоги; только привычный глазъ можетъ отличить дѣвушку отъ парня.

ченъ Палласомъ еще въ минувшемъ столѣтїи; по его словамъ — «большая часть городскихъ и сельскихъ жителей въ Селенгинской области обнаруживаетъ сильное смѣшеніе съ монгольской кровью. Изъ обоюдныхъ браковъ бурятъ и русскихъ происходятъ мулаты, которые имѣютъ нѣсколько монгольское обличье и черные или темные волосы; но въ то же время — правильныя и прїятныя черты лица, и извѣстны подъ именемъ «карымовъ» или «карымковъ». Состоятельные русскіе сельскіе жители съ давнихъ поръ имѣютъ обычай выбирать себѣ въ жены бурятскихъ или монгольскихъ женщинъ, кровь которыхъ, по ихъ увѣренію, горячѣе крови русской женщины. Потомки этихъ браковъ и теперь охотно рождаются съ бурятами». Этотъ смѣшанный типъ встрѣчается преимущественно въ южныхъ и юго-западныхъ пограничныхъ казачьихъ станицахъ и отличается рѣзко выраженной монгольской конструкціей черепа, смуглымъ цвѣтомъ кожи и черными волосами.

Обезпеченные матеріально, Посольскій и Троицкій монастыри дѣятельно повели миссіонерскую проповѣдь среди бурятъ, и въ короткое время, рядомъ съ «пашенными» селеніями, — т. е. населенными «пашенными» крестьянами—выросли на монастырской территоріи и «братскія» селенія, т. е. населенныя бурятами или «братскими». Выросшіе на почвѣ экономической зависимости пашенные крестьяне, съ теченіемъ времени, обратились въ монастырскихъ крѣпостныхъ; условія подесятинной обработки монастырскихъ земель были забыты, и монастыри стали смотрѣть на своихъ пашенныхъ какъ на приписанныхъ къ монастырямъ крѣпостныхъ крестьянъ, по примѣру того, какъ это существовало тогда и въ Европейской Россіи.

Не долго, однако, первымъ разсадникамъ миссіонерской проповѣди пришлось пользоваться обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XVIII столѣтія въ наши правительственныя сферы, какъ извѣстно, стали проникать новыя идеи, навѣяанныя западно-европейскими энциклопедистами. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій этихъ чреватыхъ разными послѣдствіями идей была секуляризація монастырскихъ земель въ Забайкальѣ. Въ 1774 году императрица Екатерина II повелѣла отобрать вотчины отъ Посольскаго и Троицкаго монастырей; крестьяне были объявлены свободными отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ монастырямъ и получили отъ принадлежавшихъ монастырямъ угодій большіе общинные надѣлы; монастырскія церкви, считавшіяся миссіонерскими, были обращены въ приходскія; на содержаніе же монастырей были оставлены обширныя рыбныя угодья на Байкалѣ и Турунтаевскомъ озерѣ.

Правительство не довольствовалось, однако, отчужденіемъ монастырскихъ земель и эмансипаціей крестьянъ и признало необходимымъ прямо ограничить миссіонерскую дѣятельность монастырей. Въ угоду хода-

тайства бурятъ въ 1780 году, послѣдовало распоряженіе, по которому переходъ инородцевъ въ православіе обставлялся такими формальностями, которыя были равносильны полному запрещенію: каждый бурятъ, желающій креститься, долженъ былъ самолично подать прошеніе на Высочайшее имя въ Казенную коллегію Посольскаго монастыря; безъ разрѣшенія коллегіи ни одинъ миссіонеръ не имѣлъ права крестить. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого распоряженія было прекращеніе миссіонерскихъ поѣздокъ монаховъ по бурятскимъ стойбищамъ. Не видя передъ собою живаго дѣла проповѣди среди языческаго населенія, ради котораго и учреждены были монастыри, обездоленные при томъ въ матеріальномъ отношеніи, монахи постепенно стали покидать свои обители и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Сибири. Въ обоихъ монастыряхъ миссіонерская дѣятельность все-таки еще поддерживалась нѣкоторое время, благодаря энергіи отдѣльныхъ лицъ. Но, со смертію архимандрита Троицкаго монастыря Мисаила и съ переводомъ архимандрита Иллариона изъ Посольскаго монастыря въ Пекинскую миссію, дѣятельность православныхъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ совсѣмъ прекратилась.

При всемъ томъ, мы видимъ въ началѣ текущаго столѣтія новыя попытки къ возобновленію миссіонерской дѣятельности среди язычниковъ со стороны нѣсколькихъ монаховъ, прибывшихъ въ Забайкалье изъ Европейской Россіи. Правительство предоставило имъ однако же дѣйствовать на собственный рискъ, безъ всякой надежды на ту или иную поддержку или покровительство. Тобольская митрополія, къ которой миссіонеры обратились за помощью, сама жившая насчетъ монастырей, тоже отказала въ матеріальной поддержкѣ. Такимъ образомъ попытки миссіонеровъ наткнулись съ перваго же шага на непредвидѣнные затрудненія и кончились поэтому ничѣмъ..

V.

Англійскіе миссіонеры въ Забайкальѣ.—Основаніе въ Россіи миссіонерскаго общества въ 1859 году.—Возобновленіе дѣятельности русской миссіи.—Мѣры по устройству экономическаго быта новокрещенныхъ бурятъ.

На смѣну русскихъ миссіонеровъ, прекратившихъ свою дѣятельность въ Забайкальѣ въ 1780 году, явились миссіонеры англійскаго Библейскаго общества, которое зорко слѣдило за успѣхомъ христіанской проповѣди среди язычниковъ въ предѣлахъ Россіи.

Правительство наше радушно отнеслось къ предложенію англійскаго Библейскаго общества, и въ 1818 году въ Забайкальѣ появились три англійскихъ миссіонера, при которыхъ состояло 8 человекъ помощни-

ковъ и небольшой штатъ прислуги. Для проповѣднической дѣятельности миссіонеры учредили въ нѣдрахъ бурятскаго населенія три стана — одинъ въ Селенгинскѣ, а два въ районѣ кочевокъ хоринскихъ бурятъ. Пользуясь обширными матеріальными средствами, миссіонеры сразу поставили свою дѣятельность на широкую ногу: обзавелись въ Селенгинскѣ собственнымъ домомъ, бібліотекой, типографіей, школами для языческихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, перевели и издали Библию и Евангеліе на монгольскій и бурятскій языки — что давало возможность знакомить со священнымъ писаніемъ, кромѣ ученыхъ ламъ, также и кочевниковъ бурятъ, при томъ на ихъ родномъ, разговорномъ языкѣ.

Английскіе миссіонеры просуществовали въ Забайкальѣ почти безъ перерыва 40 слишкомъ лѣтъ (съ 1818 по 1861 годъ). О дѣятельности ихъ въ Забайкальѣ осталось до сихъ поръ не мало преданій, рисующихъ работу миссіонеровъ въ привлекательномъ видѣ, однако, безъ плодотворныхъ результатовъ въ смыслѣ водворенія христіанства среди бурятъ-язычниковъ; даже изданныя миссіонерами Библия и Евангеліе на монгольскомъ и бурятскомъ языкахъ и распространенныя въ огромномъ числѣ экземпляровъ въ бурятскихъ стойбищахъ не встрѣчаются уже нигдѣ среди бурятъ даже въ 60-хъ годахъ, т. е. вслѣдъ за выѣздомъ миссіонеровъ изъ Забайкалья. Это объясняется весьма просто тѣмъ, что, по распоряженію ламъ, всѣ экземпляры, въ числѣ десятковъ тысячъ, были собраны недалеко отъ Селенгинска и сожжены.

Рядомъ съ английской миссіей возобновилась въ Забайкальѣ и русская миссія въ 1821 году, при иркутскомъ епископѣ Михаилѣ; но — опять-таки лишленная матеріальной поддержки, безъ опытныхъ, авторитетныхъ руководителей — русская миссія явилась мертворожденной съ самаго начала своего возникновенія; о борьбѣ съ английской миссіей, богато снабженной всѣмъ и поддерживаемой неизсякаемыми средствами англійскаго Библейскаго общества, не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что во главѣ англійской миссіи стояли преданные своему дѣлу просвѣщенные дѣятели, знатоки монгольскаго и бурятскаго языковъ; тогда какъ въ русскую миссію допущены были приходскіе священники, которые въ то время посвящались въ Сибири иногда изъ людей малограмотныхъ, принадлежавшихъ разнымъ сословіямъ, — нерѣдко даже изъ разряда ссыльнопоселенцевъ «раскаявшихся и исправившихся».

Въ 1859 году основано было въ Россіи миссіонерское общество по примѣру англійскаго Библейскаго общества. Первымъ дѣломъ вновь учрежденнаго общества было возобновленіе русской миссіи въ Забайкальѣ въ 1861 году для веденія христіанской проповѣди среди бурятъ. Какъ видно изъ печатнаго отчета, обнародованнаго въ 1867 году, цѣлью миссіи поставлены были слѣдующія задачи: «изысканіе и подготовка лицъ, имѣющихъ призваніе къ миссіонерскому служенію, построеніе

храмовъ, устройство помѣщеній для миссіонеровъ и изысканіе средствъ на содержаніе миссіи».

Оживившаяся миссіонерская дѣятельность, вызванная учрежденіемъ новаго общества, весьма скоро отразилась среди нашихъ миссіонерскихъ становъ въ Забайкальѣ. Давно изнемогая въ неравной борьбѣ съ вліяніемъ крѣпко сплоченнаго буддійскаго духовенства, Забайкальская миссія представила въ 1867 году «Общему Управленію Иркутско-Забайкальской миссіей» особый проектъ, имѣвшій цѣлью нѣсколько увеличить миссіонерскія силы, ничтожность которыхъ, по сравненію съ грандіозностью возложенной задачи, сознавалась всеми. Въ общихъ чертахъ проектъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: 1) подготовка миссіонеровъ при Петербургскомъ университетѣ, 2) учрежденіе женскихъ общинъ и 3) принятіе бурятскихъ мальчиковъ на воспитаніе въ Иркутской семинаріи. Проекту этому, какъ и многимъ другимъ, не суждено было осуществиться, — ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ: отъ подготовки миссіонеровъ при Петербургскомъ университетѣ «Общее Управленіе» отказалось, ссылаясь, впрочемъ, на вполне резонные доводы, что для проповѣди среди бурятъ необходимо знать разговорный языкъ, которому трудно научиться въ университетскихъ аудиторіяхъ; учрежденіе женскихъ общинъ признано было вполне желательнымъ, но отъ этого приходилось отказаться, за неимѣніемъ средствъ. Относительно воспитанія инородческихъ мальчиковъ въ практической семинаріи «Общее Управленіе» тоже пришло къ заключенію, что мѣра эта будетъ или бесполезна или убыточна для миссіи. Точно также и въ позднѣйшихъ отчетахъ Забайкальской миссіи вліянію школы отводится второстепенная роль и признается необходимымъ «отказаться отъ заведенія училищъ, какъ вопроса второстепеннаго, который и не можетъ затрогиваться за недостаткомъ средствъ».

Вообще, нельзя не замѣтить, что въ противоположность англійскимъ миссіонерамъ въ Селенгинскѣ, начавшимъ свою дѣятельность съ устройства школы, а также и въ противоположность — какъ мы это видимъ теперь — миссіонерской дѣятельности разныхъ европейскихъ и американскихъ миссіонерскихъ обществъ, подвизающихся въ Китаѣ и Японіи и обращающихъ главное вниманіе на подготовку подросткающаго поколѣнія къ воспріятію христіанской проповѣди при помощи школы, — наши русскіе миссіонеры отказались съ самаго начала отъ могущественнаго содѣйствія школы; между тѣмъ назидательный примѣръ былъ на лицо: все воспитанники-буряты, обучавшіеся въ школѣ англійскихъ миссіонеровъ, явились вполне подготовленными для принятія христіанскаго ученія и были крещены нашими миссіонерами вслѣдъ за уходомъ англичанъ.

Въ этомъ игнорированіи со стороны нашей миссіи въ Забайкальѣ

значенія школы въ дѣлѣ миссіонерской дѣятельности кроется одна изъ главныхъ причинъ недостаточности плодотворныхъ результатовъ, на которые миссіонеры въ правѣ были рассчитывать, какъ благодаря значительному личному составу, такъ и благодаря притоку впослѣдствіи матеріальныхъ средствъ, при постоянныхъ субсидіяхъ отъ казны и добротныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ. Между тѣмъ буряты со своей стороны обращали усиленное вниманіе на школу, какъ на орудіе для противодѣйствія христіанской проповѣди. Съ этой цѣлью при каждомъ дацанѣ устроены были спеціальныя школы для обученія тибетской грамотности и приготовленія ламъ; число обучающихся въ этихъ школахъ очень значительно: при одномъ Онинскомъ дацанѣ въ 1890 году числилось въ обученіи 300 хавораковъ. На содержаніе школъ средства отпускаются щедрой рукой, судя по тому, какъ сравнительно роскошно обставлены помѣщенія нѣкоторыхъ ламъ-учителей ⁴⁾.

Не довольствуясь этими школами, состоящими въ вѣдѣніи духовенства, бурятскія общины устроили еще инородческія училища, въ которыхъ преподаются и общеобразовательные предметы, но въ строго буддѣйскомъ духѣ; при этомъ—настолько, что миссіонеры не допускаются даже въ эти училища для преподаванія Закона Божія православнымъ бурятскимъ мальчикамъ, обучающимся въ училищахъ.

Тѣмъ не менѣе Забайкальская миссія къ началу 80-хъ годовъ насчитываетъ уже среди бурятъ православныхъ около 24-хъ тысячъ душъ обоего пола, такъ называемыхъ «ясачныхъ».

Быстрое возрастаніе числа новокрещенныхъ бурятъ поставило предъ правительствомъ важную дилемму объ устройствѣ ихъ экономическаго быта. Дѣло въ томъ, что всѣ бурятскія земли находятся въ общинномъ пользованіи; поэтому, съ переходомъ бурята въ православіе, и при желаніи его селиться вблизи своей приходской церкви, онъ раньше всего лишается своего земельного надѣла. Со стороны мѣстныхъ властей принимались нѣкоторыя мѣры относительно устройства быта «ясачныхъ»; но всѣ эти мѣры имѣли палліативный характеръ. Такъ, циркулярнымъ распоряженіемъ генерала Корсакова, въ январѣ 1872 года, предписано было уступить по 3.000 десятинъ для устройства колоніи новокрещенныхъ бурятъ при каждомъ миссіонерскомъ станѣ; но мѣра эта не была

---

⁴⁾ При посѣщеніи мною дацана въ 1890 году мнѣ отведено было помѣщеніе у ламы Сонджина. Довольно просторная комната была вся устлана коврами, стѣны и потолоки были сплошь задрапированы весьма дорогимъ свѣтлымъ шелкомъ; вокругъ стѣнъ — нары, покрытыя большимъ числомъ шелковыхъ подушекъ. Въ сервировкѣ стола тоже была замѣтна претензія на роскошь. Все это представляло собою рѣзкій контрастъ не только съ обездоленной, убогой обстановкой простаго бурята, но даже съ обиходомъ сравнительно болѣе богатыхъ бурятскихъ т а й т е й („внзней“).

осуществлена кромѣ Селенгинскаго округа, гдѣ земля была сначала отведена, а затѣмъ, впрочемъ, также отобрана назадъ.

Позднѣ въ Кударинскомъ миссіонерскомъ станѣ приступлено было къ устройству колоніи новокрещенныхъ на отведенномъ участкѣ земли въ 2.000 десятинъ; но и тутъ бурятскія общества настояли на отобраніи земли отъ миссіонеровъ. Въ Баргузинскомъ станѣ крещеные буряты добились сами отъ своихъ обществъ выдѣленія имъ небольшихъ земельныхъ надѣловъ, по $\frac{3}{4}$ десятины на душу, и основали свою колонию осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ. Одно изъ сотенныхъ ⁴⁾ правленій Селенгинскаго округа отвело новокрещенымъ бурятамъ для устройства особыхъ колоній обширное пространство въ 3 кв. версты; но бурятскія общества не допустили все-таки заселить эти земли «ясачными». Лишь послѣ безконечной переписки и вмѣшательства высшей административной власти удалось удержать для новокрещенныхъ бурятовъ всего лишь по 15 кв. сажень подъ усадьбы, благодаря чему основанная здѣсь колонія «ясачныхъ» была обречена съ самаго начала на экономическое прозябаніе; такая же колонія устроилась и въ 1878 году, при Тугнуйскомъ миссіонерскомъ станѣ, на отведенномъ земельномъ участкѣ въ 1.245 десятинъ. Наиболѣе видные результаты въ дѣлѣ устройства быта «ясачныхъ» связаны съ проектомъ губернатора Сколкова. Благодаря этому проекту, утвержденному Государственнымъ Совѣтомъ въ 1871 г., возникли на Читинскомъ почтовомъ трактѣ многіе улусы и селенія новокрещенныхъ бурятовъ, которые надѣлены здѣсь были земельными участками при почтовыхъ станціяхъ; на обзаведеніе и устройство каждой семьѣ было выдано по 127 рублей; это дало возможность новоселамъ устроиться на новомъ мѣстѣ сравнительно прочно и основательно.

VI.

Культурное взаимодействіе русскихъ и бурятовъ.—Культурное вліяніе „семейскихъ“.—Характеристика „семейскихъ“.

Входя въ болѣе частое общеніе съ русскимъ населеніемъ, колоніи новокрещенныхъ бурятовъ постепенно подвергались цивилизирующему вліянію русской культуры, охотно переходя отъ кочеваго образа жизни къ осѣдлому и усвоивая русскій образъ жизни, русское міровоззрѣніе, а иногда и русскій языкъ. Важнѣйшую, конечно, услугу въ этомъ отношеніи оказали миссіонеры, являвшіеся, такъ сказать, блюстителями въ дѣлѣ чистоты обрусѣнія края, считая себя ближайшими руководителями и наставниками подвѣдомственныхъ имъ бурятовъ.

⁴⁾ Сотенное управленіе на территоріи бурятовъ-казаковъ соотвѣтствуетъ станичному правленію.

Еще болѣе благотворнымъ оказалось культурное вліяніе крестьянъ и казаковъ въ восточномъ Забайкальѣ на обитающее здѣсь тунгусское населеніе. Большая часть осѣдлыхъ тунгусовъ, живущихъ въ предѣлахъ Читинскаго и Нерчинскаго округовъ, обрусѣла настолько, что лишь типическія черты изобличаютъ принадлежность ихъ къ монгольской расѣ; во всемъ прочемъ—въ отношеніи религіи, языка, обычаевъ, домашняго быта—мало чѣмъ отличаются отъ живущихъ по сосѣдству съ ними крестьянъ и казаковъ; русскимъ языкомъ въ большинствѣ случаевъ владѣютъ лучше, чѣмъ своимъ тунгусскимъ, который все больше и больше забывается.

Но рядомъ съ этимъ отраднымъ явленіемъ неизбѣжно сказались также послѣдствія реактивнаго воздѣйствія монголо-бурятъ на нѣкоторую часть русскаго населенія,—преимущественно въ южной и юго-восточной части области. Выше отмѣчены уже были послѣдствія смѣшанныхъ браковъ, благодаря массовымъ похищеніямъ бурятскихъ женщинъ монастырскими «пашенными» крестьянами. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи принадлежало физическимъ условіямъ мѣстности: первые русскіе новоселы неизбѣжно расплывались на обширномъ пространствѣ, входя разрозненными, почти единичными, силами въ соприкосновеніе съ массовымъ туземнымъ населеніемъ монголо-бурятской расы. Очутившись въ привольномъ и дикомъ краѣ, съ невоздѣланной и малоплодородной почвой, первые русскіе переселенцы охотнѣе всего брались за скотоводство, испытанное уже туземцами; тѣмъ болѣе, что этому способствовали обширные луга и обиліе скота, не требующаго почти никакого ухода.

Эта общность занятій съ бурятами содѣйствовала болѣе тѣсному съ ними сближенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ—заимствованію отъ бурятъ ихъ опытности, понятій и взглядовъ; постепенно усвоены были и языкъ, примѣты, издѣлія бурятъ; принадлежность для сѣдловки лошадей въ пограничныхъ казачьихъ станицахъ заимствована цѣликомъ у бурятъ, и даже удержаны названія бурятскія. Изъ одежды заимствованы тырлыкъ и дѣла (зимній и лѣтній халатъ), унты и гутулы (зимняя и лѣтняя обувь). Въ отношеніи пищи, казаки, какъ и буряты, высоко цѣнятъ кырсаиъ (макушка груди у барана), а также хурутъ (сыръ), шулю (сухъ) и т. п.; во всѣхъ этихъ, какъ и въ множествѣ другихъ случаевъ, удержаны даже названія бурятскія.

Въ домашнемъ быту казаки также заимствовали многое отъ бурятъ. Въ этомъ отношеніи замѣчается поражающая двойственность, при которой уживаются вмѣстѣ нѣкоторыя потребности культурнаго челоуѣка и легендарная неряшливость бурята: рядомъ съ газетами, лампами, бронзой, мягкой мебелью и даже коврами (такая обстановка встрѣчается нерѣдко у богатыхъ станичниковъ),—казакъ не брезгаетъ варить себѣ

обѣдъ въ грязнѣйшемъ котлѣ, который лишь изрѣдка обмахивается внутри грязнымъ голикомъ (вѣникомъ); вмѣстѣ съ бурятомъ угощается чаемъ изъ грязной чашки, въ которую бурятка тутъ же, на глазахъ гостей, за отсутствіемъ воды, обильно плюетъ для чистоты въ чашку и вытираетъ лоснящейся отъ жира и грязи полою своей шубы ¹⁾).

Но помимо этихъ вѣдшихъ заимствованій и извращеній мелочей домашняго быта гораздо важнѣе и печальнѣе то, что многіе обурятившіеся казаки и теперь еще въ пограничныхъ поселкахъ и «караулахъ» охотнѣе говорятъ по-бурятски, чѣмъ по-русски,—вѣрятъ въ бурятскихъ шамановъ, даже держать у себя иногда шаманскихъ бурхановъ.

Прямую противоположность пограничнымъ казакамъ представляютъ въ Забайкальѣ такъ называемые «семейскіе», которые въ числѣ около 40 тыс. душъ живутъ преимущественно въ Верхнеудинскомъ округѣ. Эта часть русскаго населенія выдѣляется тѣмъ, что вышла совершенно чисто изъ горнила монголо-бурятскаго вліянія, сохранивъ въ полной неприкосновенности и чистотѣ всѣ свои этническія особенности, религіозныя вѣрованія, древнерусскій патріархальный образъ жизни и любовь исключительно къ земледѣльческому труду.

Культурное вліяніе «семейскихъ» не только на сосѣднихъ бурятъ и ясачныхъ, но и на соприкасающееся съ ними крестьянское населеніе является неотразимымъ и по настоящее время; поэтому полагаю нелишнимъ коснуться здѣсь краткой характеристики этой немногочисленной, но въ высшей степени своеобразной, группы русскаго населенія, олицетворяющей собою маленькій осколокъ древней Руси, затерявшійся гдѣ-то въ дебряхъ Забайкалья.

«Семейскими» въ Забайкальѣ называются старообрядцы, которые получили такое названіе потому, что были переселены цѣлыми семьями въ концѣ минувшаго столѣтія, послѣ перваго раздѣла Польши; въ Польшу же они раньше переселены были изъ сѣверныхъ губерній.

Въ прежнее время, а иногда и теперь, «семейскихъ» называютъ раскольниками поповщинской секты; но въ дѣйствительности они не могутъ быть названы сектантами въ узкомъ смыслѣ, такъ какъ не

¹⁾ Для лучшей характеристики неряшливости бурятъ, которой не брезгаютъ и казаки, могу привести слѣдующій случай. Лѣтомъ 1890 года я былъ проводомъ въ гостяхъ у богатаго казака, у котораго домъ обставленъ былъ именно съ такимъ комфортомъ, о которомъ упомянуто выше. Для моего угощенія гостепріимный хозяинъ приказалъ слугѣ-буряту заколотъ барана и приготовить свѣжую кровяную колбасу (считается лакомымъ блюдомъ). Выйдя на крыльцо, я вмѣстѣ съ хозяиномъ любовался приготовленіемъ „лакомаго“ блюда: вынувъ кишки, буряты ихъ немножко похлопалъ объ уголь дома и безъ всякой промывки оставивъ тамъ наполовину содержимое, прибавилъ какую-то начинку изъ муки и крови, бросилъ въ котелъ и затѣмъ преподнесъ намъ... Хозяинъ уплеталъ эту колбасу съ большимъ аппетитомъ—хотя и видѣлъ эту стряпню во всей прелести—и удивлялся моей разборчивости.

усвоили рѣшительно ничего изъ тѣхъ многочисленныхъ толковъ, которые обусловили собою дѣленіе раскольниковъ на различныя секты. Семейскіе не выдумали никакого обряда, не сочинили ни одного догмата, не присвоили себѣ отъ духовенства рѣшительно никакой принадлежащей ему власти; словомъ,—ничего не прибавили и не убавили въ церковномъ уставѣ противъ того, какимъ онъ былъ въ древней Руси до патріарха Никона.

То обстоятельство, что «семейскіе» прибыли въ Забайкалье вмѣстѣ со своими семьями, а также благодаря устойчивости характера, закаленного въ отстаиваніи своихъ религіозныхъ вѣрованій, послужило сохраненію среди нихъ въ совершенной чистотѣ физическихъ и психическихъ чертъ, свойственныхъ великоруссамъ. Выдержавъ упорную борьбу съ непривычными особенностями окружающей природы, семейскіе основали свое благосостояніе исключительно на хлѣбопашествѣ и во всѣхъ мѣстахъ своего поселенія отличаются замѣчательной зажиточностью и служатъ образцомъ трудолюбія какъ для сосѣднихъ бурятъ, такъ и для русскаго населенія.

Въ одеждѣ семейскихъ сохранилось многое, относящееся ко времени царства Московскаго: какъ мужчины, такъ и женщины носятъ суконный кафтанъ, который называется ши н е л ь ю, а попроще—о з я м ь—нанковый халатъ; для постоянной носки служатъ куртикъ и ш о й д о н и к ь,—короткій кафтанъ изъ сукна собственнаго издѣлія; головнымъ уборомъ у мужчинъ служитъ войлочная шапка, называемая колпакомъ, также четырехугольная шапка и ч а б а к ь—шапка съ наушниками; обувью служатъ п а р т н и или м а р и з и, имѣющіе видъ башмаковъ безъ подошвъ. Женщины до замужества носятъ ввидѣ головного убора повязку съ р я с а м и, т. е. съ нитками, нанизанными бусами; у замужнихъ важную часть костюма составляетъ к и ч к а, имѣющая видъ кокошника; затѣмъ необходимой принадлежностью какъ замужнихъ, такъ и дѣвицъ служатъ различныя м о н и с т ы, ч а р к и съ подборамми—на ногахъ, и кольца, перстни—на рукахъ. Волосы на головѣ мужчины стригутъ сверху гладко, а по краямъ пускаютъ бахромку; почему голова какъ-бы суживается кверху; это и подало поводъ сибирякамъ называть семейскихъ «востроголовыми».

Домовитость у «семейскихъ» доведена до высокой степени, отецъ является истиннымъ главой семьи и держитъ дѣтей въ строгомъ послушаніи,—даже послѣ того, какъ дѣти обзаведутся собственнымъ хозяйствомъ. Жена пользуется уваженіемъ и безъ ея согласія не предпринимается ничего важнаго. Разговоръ свой женщины пересыпаютъ часто библейскими изреченіями, хотя отъ грамотности, вообще, женщины сторонятся, придерживаясь семейской поговорки—«м у ж и к у н е р о ж а т ь, б а б ѣ д ь я к о м ь н е б ы в а т ь».

М. Грулевъ.

Издатель С. Зыковъ.

Редакторъ Н. Дубровинъ.

здѣсь же помѣщено письмо великаго художника (безъ даты) къ своему брату А. П. Брюллову, интересное въ томъ отношеніи, что въ немъ заключается подробное изложеніе плана знаменитой картины, при чемъ выясняется, какіе обстоятельныя этюды съ натуры дѣлалъ Брюлловъ, копируя улицы Помпей, античныя вещи, проектируя нѣкоторыя группы на основаніи найденныхъ скелетовъ. О картинѣ Брюллова заговорили въ Римѣ еще задолго до ея окончанія; когда же она предстала предъ римлянами во всемъ своемъ блескѣ, то восторгамъ не было конца. Очевидцы рассказываютъ удивительныя подробности. Совершенно незнакомые Брюллову люди снимали при встрѣчѣ съ нимъ шляпы; въ театрахъ, при его появленіи, публика вставала; Камучини обнималъ его и называлъ колоссомъ; Вальтеръ-Скоттъ сравнилъ картину съ цѣлою эпопеей.

Всягдѣ за Брюлловымъ А. В. Половцовъ говоритъ о знаменитомъ его современникѣ О. А. Бруни и его произведеніяхъ; при чемъ болѣе подробно останавливается на известнѣйшихъ картинахъ этого художника „Мѣдный змій“ и „Моленіе о чашѣ“. Обѣ картины висятъ въ 24-мъ залѣ, одна противъ другой. Въ противоположность „Мѣдному змию“, — на которой нарисовано до шестидесяти фигуръ, — въ „Моленіи“ — всего одно лицо. „Но что это за образъ! — восклицаетъ г. Половцовъ. Во взглядѣ колѣнопреклоненнаго Христа, въ его фигурѣ, въ чарующемъ мягкомъ освѣщеніи, въ величавой простотѣ всего замысла есть нѣчто, не поддающееся описанію, но приковывающее взглядъ зрителя; впечатлѣніе это никогда не забывается. Не мудрено, поэтому, что картина, пріобрѣтенная императоромъ Николаемъ Павловичемъ за 3.000 руб., распространилась въ сотняхъ тысячахъ снимковъ и близко знакома милліонамъ людей, не имѣющихъ понятія о томъ, кто былъ ея авторъ“.

Коснувшись произведеній П. В. Басина, гр. О. П. Толстаго, П. С. Пименова, П. А. Оедотова, А. А. Иванова и др., г. Половцовъ останавливается на произведеніяхъ недавно умершаго, известнаго мариниста, И. К. Айвазовскаго, автора «Девятаго вала», «Всемирнаго тона» и мн. др. Это былъ поэтъ моря, — говорить А. В. Половцовъ, — какихъ уже больше нѣтъ. «Девятый валъ» или, какъ картина прежде называлась — «Восходъ солнца на бурномъ морѣ», даетъ превосходное понятіе о будущишемъ морѣ Айвазовскаго.

Изъ современныхъ художниковъ въ разсматриваемой нами книгѣ встрѣчаемъ имена: мало известнаго художника по исторической живописи, А. Е. Коцебу, автора «Битвы подъ Лес-

пымъ», «Полтавскаго боя» и др.; выдающагося живописца И. Е. Рѣпина, автора картины «Запорожцы», соціалюбное письмо къ турецкому султану»; «Садко» и др.; Г. И. Семирадскаго («Фрина», «Христосъ у Марыи и Маріи», «Рѣшница»); К. А. Маковского, В. Г. Перова, М. М. Антокольскаго и мн. др.

Въ главѣ «Скульптурная поэма» высказаны задушевные мысли автора о творчествѣ и будущности русскаго искусства.

Особую главу книги А. В. Половцова составляетъ «Памятный отдѣлъ Императора Александра III». Изъ предметовъ, собранныхъ до настоящаго времени уже въ значительномъ количествѣ для этого отдѣла, выставлено пока для обозрѣнія публики не много, но между ними есть вещи очень интересныя. Эффективный центральный залъ съ колоннами увѣнчанъ 70-ю роскошными, художественно исполненными блюдами, поднесенными въ разные знаменательные дни Императору Александру III и Императрицѣ Маріи Осодоровнѣ; для помѣщенія сюда выбраны самыя характерныя и художественныя блюда, съ видами мѣстностей, историческими сценами, портретами и другими почему-либо интересными изображеніями.

Среди картинъ, находящихся уже въ залахъ будущаго Памятнаго отдѣла, обращаетъ на себя вниманіе прежде всего превосходно написанная красная голова русскаго мужика великорусскаго типа съ окладистой бородой. Это портретъ кучера, Ивана Любушкина, написанный собственноручно Государынею Императрицею Маріею Осодоровною. Мало кому известно, что Государыня Императрица — превосходный живописецъ. Ея Величество унаслѣдовала талантъ къ живописи отъ Августѣйшей матери своей, усоншей королевы Датской Луизы. Въ Аничковомъ дворцѣ въ Петербургѣ и Гатчинскомъ дворцѣ находится много картинъ работы Ея Величества.

Событія жизни Императора Александра III касаются въ отдѣлѣ три картины. Двѣ изъ нихъ воспроизводятъ ужасную сцену крушенія Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки, 17-го октября 1888 г., работы г. Васильковскаго, а третья изображаетъ послѣдній парадъ при Императорѣ Александрѣ III на площади Зимняго двора.

Изъ переданнаго нами содержанія книги А. В. Половцова легко убѣдиться, что она не только облегчается посѣтителямъ музея ознакомленіемъ съ хранящимися въ немъ сокровищами, но имѣетъ большое значеніе и виѣ стѣтъ музея.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мельс и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣменская ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

~~Въ~~ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

~~Въ~~ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

М А Й.

1901 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

I. Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г. В. П.	225 - 233	XIII. Памятникъ граждан. Минину и ин. Погарскому. 445 - 447
II. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ. (Изъ собранія писемъ Павла Васильевича Жуковского). Сообщ. А. А. Фоминъ.	235 - 275	XIV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Портретъ Державина въ Иркутскѣ. Сообщ. В. П. (стр. 234). — Который Капнистъ? Сообщилъ В. А. Бильбасовъ (276). — Лунное затмѣніе въ началѣ XVIII вѣка. Сообщилъ М. К. Марченко (312). — Еврейскій самосудъ. Сообщилъ А. Мердеръ (348). — Народные подвиги въ 1812 г. (362). — Собственноручное письмо В. П. Шереметева къ кн. А. Д. Меншикову. Январь 1708 г. Сообщ. М. К. Марченко (368). — Письмо А. Волотова П. С. Щепкину. Спб. 20-го сент. 1827 г. (372). Письмо П. С. Нахимова, 19-го марта 1854 г., по поводу Синопской победы. Сообщилъ А. Х. Алакаевъ (395—396). Послѣдствія невмученнаго урока музыки. Сообщ. А. Мердеръ (414). — Петербургскіе нравы въ концѣ 20-хъ годовъ (415—416). — Исполны. Стихотвор. А. И. С—ва (448).
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	277 - 306	XV. Библиографич. листонъ (на оберткѣ).
IV. Присяга императору Николаю I въ Тулѣ. Н. Д.	307 - 311	
V. Россія и папскій престоль. П. Пирлинга. (Съ французскаго).	313 - 347	
VI. Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ. П. Д. Стрѣмоухова.	349 - 361	
VII. О народномъ просвѣщеніи въ Россіи. (Всепопданнѣйшая записка попечителя Харьковскаго университета Перовскаго). 20 апрѣля 1826 г.	363 - 367	
VIII. Размолвна В. Р. Марченко съ граф. Аранчевымъ. Сообщилъ Н. Д.	369 - 371	
IX. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Переводъ В. В. Тимошукъ.	373 - 394	
X. Изъ переписки Н. А. Полевого. Сообщилъ Н. К. Козминъ.	397 - 413	
XI. Забытый подвигъ. * * * .	417 - 426	
XII. Записки генерала В. И. Левенштерна.	427 - 444	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ протоіерея І. І. Базарова въ молодости. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

1-я книга „Русской Старинѣ“ вышла 1-го января 1901 г.

Библиографическій листокъ.

Девятнадцать въ вѣкѣ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событий. Подъ общей редакціей М. М. Филиппова, съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей. СПб. 1901 г.

Рассматриваемая нами книга состоитъ изъ одиннадцати главъ.

Въ первой главѣ данъ общій очеркъ развитія естествознанія въ началѣ XIX вѣка; выяснены успѣхи химіи, астрономіи, минералогіи, гальваническаго электричества.

Во второй главѣ говорится объ установленіи ученія объ эволюціи организмовъ, а слѣдующая отведена обзору, естественныхъ наукъ въ эпоху открытія принципа энергіи.

Въ четвертой главѣ подробно рассматриваются успѣхи отдѣльных цивилизацій. Изъ великихъ расъ, населяющихъ Европу, ни одна,—по словамъ автора,— не оказалась въ XIX столѣтіи такихъ блестящихъ успѣховъ, какими можетъ похвалиться славянская раса. Последнѣя паденія Польши, въ началѣ повѣйшей эры, изъ числа всѣхъ славянскихъ народовъ одна Россія играетъ значительную роль. Но и она долго была отрѣзана отъ остальной Европы, такъ какъ не обладала ни средствами сообщенія, ни промышленностью, и могла считаться скорѣе азиатскою, нежели европейскою страной. Даже при Николаѣ I остзейскіе пѣмцы монополизировали большую часть выдающихся государственныхъ и военныхъ должностей. Славяне въ Пруссіи и Австріи служили пѣмцамъ, въ Венгріи — мадьярамъ, въ Турціи — османамъ. Но въ настоящее время всюду измѣнилось ихъ положеніе, благодаря, либо примѣру Россіи, либо ея поощренію, либо фактической поддержкѣ съ ея стороны.

Итоги преусиженія Россіи въ теченіе истекшаго вѣка въ политическомъ отношеніи,—по словамъ автора,—сводятся къ слѣдующему: на сѣверо-западѣ она отторгла отъ Швеціи Финляндію; на западѣ — захватила большую часть Польши; на югѣ Россія, въ ущербъ Турціи, распространила свои владѣнія вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря; въ Азіи она подчинила своей власти Кавказъ, Забайкалье, Киргизскія степи, значительную часть Арменіи, Амурскій край,—и стала величайшей Имперіей земнаго шара. По всѣмъ губерніямъ, въ томъ числѣ и азиатскимъ, проведены желѣзныя дороги, и вскорѣ вся Сибирь будетъ изрѣзана ими. Громадная мощь Россійской Имперіи тяжело ложится на сосѣднія государства, изъ коихъ нѣкогда столь грозная Турція обратилась въ совершенно беззащитное государство. Последнѣя неудачная для Россіи крымской войны, она собиралась съ силами въ теченіе двухъ десятилѣтій, а затѣмъ снова выступила въ защиту славянскихъ народностей. Вступивъ въ союзъ съ Франціей, Россія стала рѣшителемъ вопроса о войнѣ или мирѣ въ Европѣ.

Что касается духовнаго развитія, то и въ этомъ отношеніи Россія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій достигла громаднаго и своеобразнаго расцвѣта. Теперь ее уже нельзя обвинять въ томъ, что она присвоила себѣ лишь внѣшнюю культуру Запада, что ему только подражаетъ.

Земледѣліе и система сельскаго хозяйства достигли въ новѣйшее время въ Китаѣ такого совершенства, которое рѣдко встрѣчаешь и въ Европѣ. Какъ говоритъ проф. Филиппсонъ,—почва не имѣетъ отдыха, а во избѣжаніе истощенія ея, она заботливо удобряется. Промышленность развилась самостоятельно и достигла во многихъ отношеніяхъ неподражаемой степени совершенства. Шелковыя издѣлія отличаются блескомъ, плотностью, добротностью и прочностью красокъ. Фарфоровыя издѣлія пользуются всемірной извѣстностью; рѣзные работы изумляютъ тонкостью и совершенствомъ исполненія... Среди европейскихъ апостоловъ цивилизаціи англичане занимаютъ первенствующее мѣсто; они стараются въ теченіе многихъ лѣтъ ошастливить китайцевъ опійнымъ ядомъ, такъ что теперь въ великой имперіи мы встрѣчаемъ провинціи, въ которыхъ все населеніе и разорилось, и потеряло здоровье благодаря страсти къ куренію опиума.

О торговлѣ людьми въ наше время читаемъ слѣдующее: первый толчекъ движенію противъ торга людьми дала Англія, та самая Англія, которая довела торговлю неграми до высочайшей степени совершенства, переведа торговлю эту въ свои колоніи, съ цѣлью ихъ удобнѣе держать въ зависимости, и монополизировала тамъ. При извѣстномъ торгашескомъ духѣ англичанъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что ихъ внезапное возмущеніе противъ рабства не вытекало исключительно изъ нравственныхъ причинъ; навѣрное тутъ дѣйствовали другія побудительныя причины; фактически вѣрно, что усилія Англіи уничтожить торговлю рабами точно совпали съ эпохой отпаденія Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, такъ что средство, служившее къ удержанію этихъ колоній въ зависимости, оказалось уже излишнимъ. Британская торговля вынуждена была искать другихъ областей и нашла ихъ въ Африкѣ. Но поднять торговлю товарами и разными продуктами оказалось возможнымъ лишь при условіи уничтоженія торговли рабами.

Въ пятой главѣ рассматриваются успѣхи археологій,—науки, сравнительно еще молодой. „Густой мракъ невѣжества,—заштатываетъ г. Ольгердъ Вильчинскій,—парилъ надъ значительною частью общества XVIII столѣтія; почти никто не умѣлъ отличить исторію отъ мифологій, химія почивала въ колыбели, зоологія излагалась по правиламъ теологій, диалектика, схоластика, софизмы все еще составляли ядро науки, диспутъ двухъ ярыхъ ораторовъ рѣшалъ спорные вопросы науки... Археологія еще не была наукой. Только въ кон-

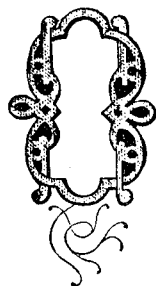

ПРОТОІЕРЕЙ І. І. БАЗАРОВЪ.

11-го іюля 1856 г. Вильбадъ.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г.

В сенью 1823 года состоялось въ Черновцахъ свиданіе между императорами Александромъ I и Францомъ I⁴⁾. По словамъ Кунца, императоръ Францъ пріѣхалъ 4-го октября, двумя днями ранѣе императора Александра. При переѣздѣ черезъ Прутъ царя начался пушечный салютъ, а главная улица, т. е. путь, по которому слѣдовали монархи, и дома, въ которыхъ они помѣстились со своими свитами, были иллюминированы. Квартира царю, противъ которой горѣлъ транспарантъ съ его вензелемъ,

⁴⁾ Объ этой встрѣчѣ двухъ монарховъ осталось весьма мало воспоминаній въ самыхъ Черновцахъ. Очевидцы, которые еще живы и число которыхъ крайне ограничено, конечно, не помнятъ происходившаго 77 лѣтъ тому назадъ событія. Лица же, свидѣтельство которыхъ могло бы имѣть нѣкоторую цѣну, перемерли. Письменныхъ памятниковъ имѣется на мѣстѣ происходившаго событія всего одинъ, латинская рукопись: „Memorabilia Ecclesiae parochialis r. l. Gernoviciensis in Tractu Bucovino ab anno 1775 usque ad 1825“. Принадлежитъ она перу бывшаго въ то время настоятелемъ Черновецкаго костела, ксендза А. Кунца (Anton Kunz). Изъ этой рукописи кустосомъ тамошняго университета докторомъ Полекомъ (J. Polek) слѣданы были извлечения, переведенныя на нѣмецкій языкъ. Извлечения эти положены въ основаніе описываемаго здѣсь Черновецкаго свиданія, но единственно со стороны фактической. Другихъ источниковъ намъ не попадалось подъ руку, если не считать издававшагося во Львовѣ періодическаго изданія „Gazeta Lwowska“. Это былъ единственный мѣстный органъ печати, такъ какъ сама Буковина составляла въ 1823 году лишь одинъ изъ округовъ (Bezirk) Галиційской области.

Къ запискѣ ксендза Кунца слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и не вполне довѣрять рассказамъ католическаго священника въ православной странѣ, разсуждающаго о посѣщеніи этой страны главнымъ вѣнцесноснымъ покровителемъ православія. При чтеніи этой записки или извлечения

отведена была въ существующемъ и понынѣ домѣ, въ которомъ съ основанія его помѣщаются командующіе войсками въ Буковинѣ. Напротивъ помѣстился австрійскій императоръ въ квартирѣ, занимаемой гофратомъ, начальникомъ гражданскаго управления страны. Въ свитѣ императора Франца находились намѣстникъ Галиціи, графъ Таафе, а также

изъ нея не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что многое въ ней относится къ анекдотической области. Характера достовѣрнаго документа она имѣть не можетъ. Тѣмъ не менѣе въ иностранной литературѣ встрѣчается все-таки хоть что-нибудь относящееся до описанія (съ внѣшней стороны) свиданія императоровъ въ Черновцахъ; въ русской же, насколько намъ извѣстно, не имѣется къ созадѣнію ничего. Было бы весьма интереснымъ ознакомиться, для изученія описываемой эпохи, съ тѣми матеріалами, которые несомнѣнно должны находиться въ придворныхъ архивахъ С.-Петербургскомъ и Вѣнскомъ. Гофъ или камеръ-фуріерскіе журналы, документы главныхъ квартиръ и походныхъ канцелярій могли бы навѣрно также сообщить интересныя свѣдѣнія, касающіяся Черновецкаго свиданія. Что же касается розысканій во Львовѣ, благодаря любезности тамошняго русскаго консула К. П. Пустошкина, они были произведены тщательнымъ образомъ престарѣлымъ каноникомъ Петрушевичемъ и директоромъ Львовскаго архива г. Чаловскимъ. Къ созадѣнію, оба ученые эти не могли открыть какихъ-либо документовъ; по мнѣнію ихъ, дипломатическія канцеляріи забрали тогда же все, что относилось до свиданія императоровъ въ Черновцахъ, и историческіе матеріалы событія этого нужно искать въ Hof und Staats Archiv въ Вѣнѣ и въ нашемъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Личные розысканія К. П. Пустошкина также не привели къ какимъ-либо результатамъ.

Относительно же сущности самыхъ дипломатическихъ переговоровъ, которые велись главнымъ образомъ во Львовѣ, между княземъ Меттернихомъ и графомъ Нессельроде (къ послѣднему присоединился также посланникъ нашъ при Вѣнскомъ дворѣ Татищевъ), а также результатовъ этихъ переговоровъ иностранная литература опять-таки представляетъ наибольшее количество матеріаловъ. Изъ ученыхъ трудовъ, описывающихъ эпоху 1823 года, слѣдуетъ назвавъ „Исторію Греціи“ Мендельсонъ-Бартольди, а изъ собраній историческихъ матеріаловъ, заключающихся въ подлинныхъ дипломатическихъ документахъ, надлежитъ указать на „Воспоминанія князя Меттерниха“, а равно на „Исторію возрожденія Греціи“, графа Прокошъ Остена, находившагося долгое время интернунциемъ въ Константинополь. Упомянутыя здѣсь послѣдніе два труда заслуживаютъ конечно особеннаго вниманія, такъ какъ первый принадлежитъ одному изъ главныхъ историческихъ дѣятелей первой половины XIX вѣка, а второй—человѣку, имѣвшему самое обширное познаніе среди австрійскихъ дипломатовъ по восточному вопросу.

Находясь за границею и не имѣя возможности разработать интересующую насъ эпоху, при помощи матеріала, извѣстнаго уже можетъ быть въ русской литературѣ и касающагося именно свиданія въ Черновцахъ русскаго и австрійскаго монарховъ, мы могли воспользоваться только трудами профессора Мартенса, заключающимися въ изданномъ имъ томѣ (четвертомъ) „Собраній трактатовъ и конвенцій“, а также книгою С. М. Соловьева „Императоръ Александръ I, политика и дипломатія“, и нѣкоторыми другими, въ томъ числѣ также книгою покойнаго генеральнаго консула Бухарова „la Russie et

командующіе войсками въ Галиціи и Трансильваніи. Изъ Галиціи приведенъ былъ одинъ баталіонъ пѣхоты и два оркестра военной музыки. На другой день прїѣзда государя, обоимъ монархамъ представлялись всѣ власти, какъ свѣтскія, такъ и духовныя. Въ числѣ представлявшихся былъ также буковинскій православный епископъ Балапешкулъ въ сопро-

la Turquie“, но всѣ эти ученые труды, въ сожалѣнію, опять-таки ничего не заключаютъ, что могло бы ознакомить читателя съ подробностями Черновецкаго свиданія, фактическая сторона котораго, какъ выше уже было замѣчено, остается совершенно неразработанною. Такъ, до сихъ поръ подлинно не извѣстно, кто же именно, по такъ называемой дипломатической части, находился при государѣ, разъ что доказано, что графъ Нессельроде вовсе и не былъ въ Черновцахъ, а совѣщался съ большимъ австрійскимъ министромъ во Львовѣ. Надобно полагать, что даже при существовавшихъ тогда путяхъ сообщенія, императоры, проводя въ Черновцахъ цѣлую недѣлю, получали все-таки свѣдѣнія о происходившемъ во Львовѣ. Также нѣтъ никакихъ свѣдѣній не только съ русской стороны, но даже и съ австрійской, о личныхъ переговорахъ обоихъ государей, а равно о достигнутыхъ результатахъ личнаго свиданія монарховъ и о той роли, которую игралъ во время свиданія откомандированный Меттернихомъ совѣтникъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Мерси. Свѣдѣнія эти освѣтили бы вопросъ съ той стороны съ которой по настоящее время представляется онъ довольно неяснымъ, что же именно дѣлали Александръ и Францъ въ Черновцахъ въ продолженіе 7—8 дневнаго пребыванія въ этомъ городѣ? Большихъ подробностей о томъ, въ чемъ состояло времяпрепровожденіе императоровъ Александра и Франца, не имѣется. Если принять въ вниманіе, что городъ Черновцы въ то время болѣе походилъ на деревню, то даже присутствіе обѣихъ свитѣ, властей и помѣстнаго дворянства, съѣхавшагося на торжество, не могло доставить большихъ развлеченій. Одно утро оказалось достаточнымъ для пріема властей, свѣтскихъ и духовныхъ, а равно и нотаблей. Объ обѣдахъ и балахъ не упоминается Кунцъ утверждаетъ, что государи кушали всегда вмѣстѣ и одни. Охотъ не было, а вызванный изъ Галиціи баталіонъ полка Nugentъ врядъ-ли могъ представить изъ себя достаточную боевую массу для производства маневровъ. Трудно вообразить себѣ, что монархи нашли бы удовольствіе въ произведеніи баталіоннаго или ротнаго ученія. Вотъ почему было бы весьма интереснымъ открытіе такихъ документовъ, которые могли бы освѣтить „Черновецкую недѣлю“ въ описаніи оной съ фактической стороны, а также въ сообщеніи дальнѣйшихъ подробностей, относящихся до политическаго значенія этого свиданія. Въ немъ принимали участіе только Россія и Австрія и никакая изъ другихъ державъ. Послѣдняя записками своего знаменитаго канцлера и книжкою своего интернунція ознакомила между прочимъ довольно подробно читающую публику съ происходившимъ на политической сценѣ Европы во вторую половину 1823 года. Очередь теперь за Россією. Надобно полагать, что С.-Петербургскій главный архивъ заключаетъ въ себѣ немало весьма интересныхъ документовъ, которые могли бы пролить новый свѣтъ на происходившее въ октябрѣ мѣсяцѣ вышеупомянутаго года. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ оказало бы немалую услугу разрѣшеніемъ разработки документовъ, относящихся до параллельныхъ свиданій монарховъ въ Черновцахъ и дипломатовъ ихъ во Львовѣ.

*

вожденіи клира. Хотя приѣмъ у императора Александра духовенствъ воѣхъ вѣроисповѣданій назначенъ былъ въ 11 часовъ, но епископъ испросилъ себѣ аудіенцію въ 9 часовъ утра, которая и была ему дана. Бесѣда государя съ епископомъ Балашескуломъ продолжалась довольно долго. Когда римско и греко-католическое духовенство явилось къ назначенной аудіенціи, по словамъ Кунца, чуть-чуть не произошелъ крупный скандалъ. Лицо повидимому, завѣдывавшее церемоніальными дѣлами при императорѣ Александрѣ, полагая, вѣроятно, что не слѣдовало тревожить его величество, не хотѣло допустить остальное духовенство до государя. Только угроза Кунца, представлявшаго католическое духовенство, оставить приѣмный залъ заставила русскаго придворнаго вторично доложить о томъ, что духовенство, католическое и униатское, дожидается аудіенціи у царя. Императоръ Александръ вышелъ, спросилъ объ именахъ представлявшихся и, сказавъ нѣсколько словъ по-французски, отпустилъ ихъ. Происшествіе это особенно подчеркивается Кунцемъ въ его воспоминаніяхъ. Католическому священнику кажется страннымъ на примѣръ, что царь цѣлуетъ руку у епископа, и въ то же самое время кажется обиднымъ, что въ странѣ, входящей въ составъ католической державы, русскій государь отдаетъ предпочтеніе тому духовенству, съ которымъ онъ исповѣдуетъ одну и ту же вѣру. Очень можетъ быть, что событіе, показавшееся столь важнымъ католику и какъ бы имѣвшее въ его глазахъ намѣреніе отнестись съ пренебреженіемъ къ католической церкви,—было не что иное, какъ церемоніальная погрѣшность. Впрочемъ, отъ такого повѣствователя, какъ Кунцъ, не иначе называющаго православныхъ, какъ схизматиками (*nicht unirte Griechen oder Schismatiker*), другаго взгляда на подобный инцидентъ и ожидать нельзя. Между прочимъ, Кунцъ рассказываетъ и еще слѣдующее. Государь любилъ одинъ безъ свиты гулять по черновецкимъ улицамъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ направился въ предмѣстье Гореча. Въ немъ находилась существующая и понынѣ небольшая церковь, бывшая прежде монастыремъ, закрытымъ во время секуляризаціи всѣхъ буковинскихъ монастырей (за исключеніемъ трехъ) въ царствованіе императора Иосифа II. По преданію, церковь эта была построена архимандритомъ Артамономъ при денежной помощи также и императрицы Екатерины II, что дѣйствительно совпадало съ временемъ занятія въ 1770—1774 годахъ нашими войсками нынѣшней Буковины. Историкъ Буковины, докторъ Кайндль, не отрицаетъ факта пожертвованія русскою государынею 30 червонцевъ, но понятно, что даже, при дешевизнѣ матеріаловъ того времени, на подобную сумму выстроить хотя и небольшую, но во всякомъ случаѣ, каменную церковь нельзя. Бѣльшаго вѣроятія заслуживаетъ преданіе о пожертвованіи находившимися въ Буковинѣ русскими войсками двухъ колоколовъ, отлитыхъ на лѣвомъ берегу Прута въ мѣ-

стечкѣ Садагорѣ, лежащемъ какъ разъ противъ Черновцевъ. Въ мѣстечкѣ этомъ, занятомъ съ 1770 года русскимъ генераломъ Гартенбергомъ (отъ фамильнаго имени котораго, переведеннаго на русскій языкъ, и произошло самое наименованіе Садагора), встрѣчаются до сихъ поръ еще мѣдныя монеты, отчеканенныя въ Садагорѣ, съ екатерининскимъ вензелемъ на лицевой сторонѣ и съ русской надписью на оборотѣ.

Но вернемся къ разсказу ксендза Кунца. По дорогѣ въ Горечу, государь встрѣтилъ ѣдущаго верхомъ священника. Узнавъ его по ряскѣ, государь попросилъ священнослужителя сойти съ лошади и благословить его, что тотъ и сдѣлалъ. Кунць прибавляетъ видимо съ удивленіемъ: Александръ поцѣловалъ его грязную руку. Священникъ этотъ былъ, такъ-называемый въ православныхъ церквахъ Австріи, сооператор ¹⁾, давшій сейчасъ знать старшему священнику, что важное лицо изъ свиты императора російскаго (государь не назвалъ себя) посѣтитъ церковь. Когда Александръ взошелъ въ нее, то «хитрый іерей (der schlaue Priester)», какъ выражается Кунць, уже облачившись, служилъ молебень за императора Александра и его свиту. На вопросъ царя, почему онъ не молится за своего монарха, священникъ отвѣтилъ, что онъ совершаетъ это ежедневно, но что въ настоящее время приличествуетъ молиться за Александра: онъ чужой и гость, слѣдуетъ испросить ему благословеній въ трудахъ и пожелать благополучнаго возвращенія. За симъ государь подошелъ къ Евангелію: поцѣловалъ руку у священника, наградилъ его 50 червонцами и пѣшкомъ возвратился домой. Кунць не безъ ехидства надъ православнымъ духовенствомъ прибавляетъ, что щедрость Александра породила сору между обоими священниками, такъ какъ кооператоръ считалъ себя также въ правѣ на полученіе доли изъ пожертвованныхъ русскимъ императоромъ денегъ. Александръ, узнавши объ этомъ, приказалъ также выдать и младшему священнику—25 червонцевъ.

Разсматривая лѣтопись ксендза Кунца, невольно останавливаешься на встрѣчающейся часто анекдотической сторонѣ разсказа, уничтожающей ту долю исторической подлинности, которой можно было бы, все-таки, требовать отъ очевидца, къ тому же облеченнаго въ священническій санъ. Но у ксендза Кунца проглядываетъ такъ сильно ненависть къ православію, что, какъ было уже выше замѣчено, придавать вѣру его словамъ можно не иначе, какъ съ большою осторожностью.

При описываемомъ посѣщеніи церкви въ Горечѣ, съ русскимъ императоромъ произошелъ еще другой случай, который могъ имѣть очень

¹⁾ Въ этомъ названіи видно уже воздѣйствіе латинской вѣры на православную.

печальныя послѣдствія. Когда государь сталъ приближаться къ церкви, изъ сторожки выскочило нѣсколько собакъ, которыя напали на него. Съ помощью вырваннаго изъ изгороди кола Александръ съ трудомъ отбился отъ разъяренныхъ псовъ. На помощь прибѣжали жившіе на покоѣ монахи, которымъ государь и подарилъ на память палку, послужившую ему орудіемъ защиты. Палка эта впослѣдствіи была окована въ серебро съ подобающей надписью и долгое время хранилась въ церкви. Прочитавъ въ «Воспоминаніяхъ Вигеля» (ошибочно называющаго церковь въ Горечѣ монастыремъ) о существованіи этой палки, мы заинтересовались взглянуть на нее, но, къ сожалѣнію, приходскій священникъ заявилъ намъ, что хотя и онъ тоже слышалъ про эту палку, но гдѣ она въ настоящее время находится, ему не извѣстно. Между тѣмъ, до сихъ поръ проживаютъ въ Черновцахъ люди, утверждающіе, что они дѣйствительно видѣли въ Гореческой церкви эту палку. Не мѣшаетъ, между прочимъ, исправить здѣсь ошибку, вкравшуюся въ «Воспоминанія Вигеля». Извѣстный мемуаристъ нашъ, повидимому, смѣшиваетъ эту церковь съ существующимъ въ Бѣлой Криницѣ старообрядческимъ монастыремъ, который служитъ мѣстопробываніемъ раскольничьяго митрополита. Монастырь Бѣлокриницкій отстоитъ, однако, отъ Черновцевъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды, и, конечно, пѣшкомъ туда попасть императоръ Александръ не могъ.

Пробывши 8 дней въ Черновцахъ, императоръ Александръ возвратился черезъ Новоселицу въ Россію, а за нимъ черезъ нѣсколькихъ дней уѣхалъ также и императоръ Францъ. Царь передъ отъѣздомъ своимъ щедро наградилъ лицъ, состоявшихъ въ свитѣ императора австрійскаго, а также австрійскихъ властей и офицеровъ—однихъ орденами, другихъ табакерками и нѣкоторыхъ деньгами.

С. М. Соловьевъ, разбирая въ своемъ сочиненіи «Императоръ Александръ I, политика и дипломатія Россіи въ первой четверти XIX вѣка», раздѣлилъ свою книгу на двѣ части, назвавши первую эпохою коалиціи, а вторую—эпохою конгрессовъ. Черновецкая недѣля заключила восьмидневнымъ свиданіемъ императоровъ въ Черновцахъ эту эпоху. Недѣля эта не была конечно столь блистательна и многолюдна, какъ съѣзды государей и дипломатовъ въ Вѣнѣ, Ахенѣ, Лайбахѣ и Веронѣ, но соглашеніе, къ которому пришли во Львовѣ, Меттернихъ съ одной стороны, а Нессельроде съ Татищевымъ съ другой, не было конечно лишено политическаго значенія. Въ настоящее время, основываясь на опубликованныхъ документахъ, заключающихся главнымъ образомъ въ мемуарахъ князя Меттерниха и въ сочиненіи графа Прокешъ Остена, можно съ достовѣрностью сказать, что греческій вопросъ былъ главнымъ предметомъ разсужденій. Греція уже два года какъ боролась съ Турціею за независимость, а Молдавія и Валахія заняты были ту-

репскими войсками. Дипломатическія сношенія Россіи съ Портою были прерваны, русскіе (торговые) интересы находились подъ покровительствомъ лорда Странгфорда, — великобританскаго посла при блистательной Портѣ. Россія, вѣчная и неизмѣнная покровительница своихъ братьевъ по вѣрѣ, требовала отозванія турецкихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ и вознагражденія за причиненные убытки торговлѣ ея на Черномъ морѣ, а равно обѣщанія впредь торговлю эту отнюдь не стѣснять. Только на этихъ условіяхъ Россія соглашалась возобновить дипломатическія сношенія съ Портою, а въ противномъ случаѣ она готова была объявить войну Турціи. Общее политическое состояніе Европы казалось въ данную минуту довольно критическимъ. Генцъ, правая рука Меттерниха, считалъ ставку дипломатической игры, которая велась въ то время противъ Россіи, конечно, — хотя Австрія и Англія повидимому дѣйствовали съ нею заодно, — настолько высокою, что отъ проигрыша или выигрыша зависѣло не только самое существованіе Оттоманской имперіи, но сохраненіе или разрушеніе всей тогдашней политической системы. Боясь, какъ бы Россія съ оружіемъ въ рукахъ не рѣшилась достигнуть удовлетворенія отъ Турціи, а въ то же самое время не желая вовлекать Австрію въ войну съ Россіею и не разчитывая на содѣйствіе Англіи, политика которой находилась въ рукахъ непримиримаго врага ея Каннинга, Меттернихъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы помѣшатель русско-турецкой войнѣ. Благодаря довѣрью, которымъ пользовался онъ у императора Александра, достигнуть этого ему было легко: государь охотно согласился пріѣхать на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Черновцы. Между тѣмъ, какъ извѣстно, самые переговоры велись не въ этомъ городѣ, а во Львовѣ, гдѣ Меттернихъ лежалъ больной, О болѣзни своей выражается онъ въ своихъ мемуарахъ между прочимъ такъ: «mon incommodité (car ce n'est pas une maladie véritable) se serait passée comme les précédentes» ¹⁾. Слова эти указываютъ на дѣйствительную степень болѣзни австрійскаго министра. Служи Меттернихъ при менѣе благодушномъ монархѣ, каковымъ былъ императоръ Францъ I и имѣй онъ болѣе взыскательныхъ партнеровъ, нежели были Нессельроде и Татищевъ, онъ, вѣроятно, не остановился бы во Львовѣ, а доѣхалъ бы до Черновцевъ. Вѣроятно, ему представлялось однако болѣе выгоднымъ для Австріи вести переговоры въ нѣкоторомъ разстояніи отъ императоровъ. До какой степени знаменитый австрійскій дипломатъ умѣлъ пользоваться своимъ могущественнымъ по отношенію къ Россіи положеніемъ, могутъ послужить слѣдующія слова, приписываемыя имъ императору Францу.

¹⁾ Мое недомоганіе (это не настоящая болѣзнь) прошло бы, какъ и предыдущія.

Когда послѣдній узналъ, что Меттернихъ въ Черновцы не пріѣдетъ, то сказалъ состоявшему при немъ совѣтнику Мерси: «Eh bien! voilà qui ne sera pas mal. Je ne connais l'affaire que superficiellement: vous ne la connaissez que depuis hier: nous ferons triste figure à nous deux. Si cela ne marche pas, je trainerai l'Empereur Alexandre chez le Prince de Metternich: celui-ci sera plus avancé dans une demi heure que nous le serions nous deux au bout de huit jours» ¹⁾. Только при довѣрии къ нему русскаго царя, превосходя графа Нессельроде личною инициативою и обладая сильнымъ вліяніемъ на Татищева, тогдашняго русскаго посланника въ Вѣнѣ, австрійскій министръ могъ рѣшиться выставить легкое недомоганіе причиною пріостановки своего путешествія. Хотя Меттернихъ въ письмахъ къ женѣ своей описываетъ весьма подробно болѣзнь свою, намъ кажется однако, что патологическую причину оной труднѣе опредѣлить, нежели политическое основаніе, помѣшавшее австрійскому дипломату пріѣхать въ Черновцы. Сознывая хорошо, что въ европейскомъ оркестрѣ онъ игралъ первую скрипку, Меттернихъ съ пренебреженіемъ отнесся къ съѣхавшимся на свиданіе монархамъ и къ представителямъ русской дипломатіи. Императоръ Францъ I, вдавшійся въ мистицизмъ Александръ, какъ циркулемъ свои рѣчи и постуки размѣривавшій, осторожный Нессельроде и конечно уступавшій Меттерниху въ дипломатическихъ способностяхъ Татищевъ,—все вышеупомянутые дѣятели были какъ нельзя болѣе на руку честолюбивому и энергичному австрійскому дипломату. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по окончаніи переговоровъ со своими коллегамъ и по отъѣздѣ обоихъ императоровъ изъ Черновцевъ, онъ могъ, торжествуя одержанную имъ дипломатическую побѣду, выразиться слѣдующимъ образомъ: «Tout est fini et la paix est assurée, l'honneur en revient à l'Empereur de Russie qui tint parole au Ministre d'Autriche» ²⁾. Еще болѣе высокомѣрие Меттерниха по отношенію пребывавшихъ въ Черновцахъ обоихъ государей, а во Львовѣ обоихъ русскихъ дипломатовъ, выражается въ слѣдующей фразѣ, въ достовѣрности которой усумниться нельзя: «Seul de mon bord, c. a. d. le seul homme d'affaires, au lit à Lemberg» ³⁾. Высказанный здѣсь Меттернихомъ взглядъ о доляхъ участія обоихъ монарховъ и его русскихъ коллегъ въ дѣлѣ,

¹⁾ Ну, вотъ будетъ не дурно. Я знакомъ съ дѣломъ только поверхностно; Вы знаете его лишь со вчерашняго дня: мы оба будемъ играть плачевную роль.—Если ничего не выйдетъ, то я потащу императора Александра къ князю Меттерниху, а этотъ въ полчаса слѣдуетъ больше, чѣмъ мы оба недѣлю.

²⁾ Все кончено и миръ обезпеченъ: честь этого принадлежитъ императору руссійскому, который сдержалъ слово, данное министру Австріи.

³⁾ Единственный человекъ моего закала, т. е. единственный дѣловой человекъ, въ постели въ Лембергѣ.

для котораго состоялись параллельныя: Черновецкое и Львовское свиданія,—подтверждаетъ только то, что австрійскій министръ дѣйствительно дирижировалъ концертомъ европейскихъ державъ, исключая Англіи.

Разсматривая предшествовавшіе сѣзды монарховъ и дипломатовъ въ эпоху, такъ удачно названную Соловьевымъ эпохою конгрессовъ, и принимая также въ разсужденіе Черновецкое свиданіе, безошибочно можно утверждать, что князь Меттернихъ имѣлъ самое рѣшительное вліяніе на политику Россіи въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I. Въ высшей степени подтверждаетъ взглядъ этотъ Черновецкая недѣля. Наглядное доказательство, что не Россія руководила въ это время Австрію, а послѣдняя первую, видимъ въ той необыкновенной ловкости, съ которой Меттернихъ помѣшалъ войнѣ Россіи съ Турціею, потому только, что Австрія это было на руку. Слѣдовало убѣдить Александра, связаннаго по рукамъ данными имъ общаніями священному союзу, что греческое возстаніе все-таки дѣло революціонное, и этого Австрія достигла. Александръ колебался, безъ содѣйствія Европы, порѣшить единолично съ греческимъ вопросомъ. Были даже моменты, когда, забывая, что мусульмане терзаютъ единовѣрцевъ его, онъ относился далеко не дружелюбно къ грекамъ.

Кровавая распря Россіи съ Турціею произошла уже при преемникѣ Александра. Императоръ Николай принялъ на себя роль Немезиды, наказавшей турокъ за всѣ ихъ злодѣянія надъ греками въ продолженіе двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Передъ рѣшительною политикою Россіи не только Австрія и Англія, но и остальная Европа промолчала. Императоръ Николай сумѣлъ воспользоваться положеніемъ, которымъ старшій братъ его хотѣлъ или не хотѣлъ, но не сумѣлъ и пренебрегъ. Послѣ того, какъ башкиры и казаки напоили коней своихъ въ струяхъ Сены, блескъ Россійской короны сіялъ настолько лучезарно, что блеска этого хватило на все Николаевское тридцатилѣтнее царствованіе вплоть до Севастопольскаго погрома.

Результатомъ Черновецкаго свиданія было: принятіе Турціею предложенныхъ Россіею условій и возобновленіе дипломатическихъ сношеній. Въ Константинополь посланъ былъ русскимъ правительствомъ, сначала въ качествѣ только агента по торговымъ дѣламъ, д. с. с. Минчиаки. Дальнѣйшіе переговоры по греческому вопросу препоручались созванной въ слѣдующемъ году конференціи въ С.-Петербургѣ.

В. П.

Портретъ Державина въ Иркутскѣ.

Въ статьѣ М. Н. Галкина-Враского: «Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ» («Русская Старина» 1901 г. № 1, стр. 156) напечатано, что «Державинъ, получивъ отъ сибиряковъ въ даръ соболью шубу и шапку (по какому поводу,—неизвѣстно), прислалъ этотъ портретъ, украшающій теперь помѣщеніе генераль-губернаторскаго дома».

Сообщеніе это не точно, и дѣло было такъ: соболья шуба, крытая зеленымъ бархатомъ, послана была Державину не сибиряками, а гремѣвшимъ въ свое время въ Иркутскѣ богачемъ, долгое время бывшимъ городскимъ головою, К. М. Сибиряковымъ—въ знакъ уваженія къ Державину, какъ къ поэту. Ему и прислалъ Державинъ, какъ отвѣтный подарокъ, свой портретъ, въ натуральную величину, на которомъ онъ изображенъ въ подаренной ему шубѣ.

Впослѣдствіи домъ Сибирякова былъ проданъ въ казну для помѣщенія въ немъ генераль-губернаторовъ; вмѣстѣ съ домомъ поступилъ въ казну и портретъ Державина.

Къ сказанному не лишне прибавить, что Сибиряковъ, получивъ портретъ Державина, поручилъ какому-то мѣстному живописцу нарисовать на портретѣ генія, держащаго лавровый вѣнокъ надъ головой поэта, но потомъ, по распоряженію кого-то изъ генераль-губернаторовъ, геній былъ уничтоженъ, и теперь портретъ находится въ первоначальномъ его видѣ.

В. П.

Николай Ивановичъ Тургеневъ,

въ писмахъ къ своимъ братьямъ.

(Изъ собранія писемъ Павла Васильевича Жуковскаго).

Николай Ивановичъ Тургеневъ родился въ Симбирскѣ, 11-го октября 1789 года и былъ сынъ куратора Московскаго университета Ивана Петровича Тургенева. Семья Тургеневыхъ была связана съ лучшими умственными силами стараго и новаго поколѣнія, и всѣ дѣти Ивана Петровича получили основательное и блестящее образованіе. Окончивъ курсъ въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, а затѣмъ въ университетѣ, Николай Ивановичъ Тургеневъ, въ 1810 году уѣхалъ въ Гёттингенъ, гдѣ занимался юридическими и историческими науками, политической экономіей и финансами. Въ 1812 году, онъ возвратился на родину и поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Съ обширнымъ умомъ и европейскимъ образованіемъ Н. И. Тургеневъ соединялъ и высокія нравственныя качества. «Одаренный мягкой, отзывчивой душой и твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, онъ весь былъ проникнутъ чувствомъ великодушія и безграничной любви къ свободѣ и правдѣ» ¹⁾.

Начало служебной карьеры Тургенева совпало съ прїѣздомъ въ Петербургъ барона Штейна, бывшаго заклятымъ врагомъ Наполеона, «другомъ челоѳчества и либеральныхъ идей». Рекомендованный Штейну Уваровымъ, Тургеневъ былъ назначенъ русскимъ комиссаромъ въ центральную правительственную комиссію и провелъ за границей слишкомъ два года, сопровождая русскія войска въ походахъ 1814—1815 годовъ.

¹⁾ В. И. Сaitовъ. Остафїевскій Архивъ, т. I, стр. 397 и 398.

Несмотря на просьбы Штейна остаться при немъ, Н. И. Тургеневъ возвратился въ 1816 году на родину, но личность Штейна запечатлѣлась на всю жизнь въ его душѣ. Со своей стороны Штейнъ такъ говорилъ о своемъ помощникѣ: имя Николая Тургенева равносильно съ именами честности и чести.

По возвращеніи въ Россію, Н. И. Тургеневъ поступилъ на службу въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ и оставался до конца своего пребыванія въ Россіи въ 1824 году.

Встрѣтивъ въ русской жизни много темныхъ сторонъ, требовавшихъ преобразованій, онъ прежде всего остановился на крестьянскомъ вопросѣ, и освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ стало главнѣйшею задачею и цѣлью его собственной жизни.

Въ 1818 году онъ издалъ «Опытъ теоріи налоговъ» и высказалъ въ немъ самымъ яснымъ образомъ свое осужденіе крѣпостнаго права. Въ слѣдующемъ 1819 году, Тургеневъ представилъ императору Александру записку о крестьянскомъ вопросѣ подъ заглавіемъ «Нѣчто о состояніи крестьянъ въ Россіи» ¹⁾.

Когда послѣ Отечественной войны всеобщее возбужденіе умовъ выразилось въ явныхъ и тайныхъ обществахъ, Н. И. Тургеневъ, заинтересованный начинаніями перваго либеральнаго кружка, основаннаго тогда «Союза Благоденствія», присоединился къ нему, «тѣмъ болѣе, что въ понятіяхъ кружка видѣлъ существенный пробѣлъ—отсутствіе всякой мысли о необходимости освобожденія крестьянъ, которое самъ считалъ краеугольнымъ камнемъ всякаго дальнѣйшаго возможнаго развитія общественнаго и политическаго; и тѣмъ болѣе еще, что первоначальный «Союзъ», представляя собой не болѣе, какъ кружокъ близкихъ людей однихъ мнѣній, не заключалъ въ себѣ никакихъ особенностей преступнаго заговора» ²⁾.

Въ этомъ кружкѣ вся дѣятельность Н. И. Тургенева направлена была на проведеніе своихъ мыслей о крестьянскомъ вопросѣ, которыя онъ изложилъ и въ запискѣ, поданной императору Александру. Въ 1821 году «Союзъ Благоденствія» былъ закрытъ; Тургеневъ не принималъ никакого участія въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ тайнаго общества и въ 1824 году уѣхалъ по болѣзни въ отпускъ за границу. Событія 14-го декабря 1825 года и произведенное затѣмъ слѣдствіе включило и Николая Ивановича въ число участниковъ заговора. Отъ него потребовали возвращенія въ Россію; онъ не поѣхалъ и осужденъ былъ на смертную казнь.

¹⁾ См. Сборникъ историческихъ матеріаловъ Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ IV, стр. 441.

²⁾ А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе 1900 г., стр. 579.

Помѣщаемыя ниже письма указываютъ на ту настойчивость, съ которою онъ опровергалъ изложеніе донесенія и доказывалъ свою невинность въ событіяхъ 14-го декабря. Сначала онъ переѣхалъ въ Англію, а затѣмъ поселился во Франціи. Въ Россію Николай Ивановичъ пріѣхалъ только въ 1857 году, во второй разъ въ 1859 году и, наконецъ, въ 1864—послѣ освобожденія крестьянъ.

«Независтное рабство наконецъ прекратилось, — говоритъ Ив. Серг. Тургеневъ.—Императоръ Александръ II возвратилъ ему (Николаю Ивановичу) чины и дворянское достоинство, но если сердце старца было преисполнено чувствомъ благодарной любви къ монарху, то, конечно, не столько за эту милость, которая въ глазахъ Тургенева была не что иное, какъ актъ правосудія, сколько за совершеніе, силою царскаго самодержавія, всѣхъ завѣтныхъ его надеждъ и мечтаній... Намъ рѣдко случалось видѣть нѣчто болѣе умиленное, какъ Н. Тургенева, стоявшаго съ бѣгущими по щекамъ слезами въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19-го февраля».

Николай Ивановичъ Тургеневъ скончался 29-го октября 1871 года, въ своей виллѣ Vert-Bois, въ окрестностяхъ Парижа. Онъ любилъ Россію, зорко слѣдилъ за тѣмъ, что въ ней происходило, и память о немъ останется навсегда драгоцѣнной для всѣхъ, кто зналъ его; «но и Россія не забудетъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ».

I.

Письма Н. И. Тургенева къ Сергѣю Ивановичу Тургеневу.

1.

20-го іюля 1826 г. Лондонъ.

Невозможность быть на что-либо полезнымъ въ Россіи освобождаетъ меня отъ упрековъ совѣсти, которые я могъ бы имѣть, если бъ, будучи въ состояніи дѣйствовать для пользы мужиковъ, я избралъ произвольно теперешній родъ жизни. Думая же теперь о томъ, какъ я дѣйствовалъ въ Россіи, я нахожу утѣшеніе въ моихъ дѣйствіяхъ.хлопотавъ налѣво и направо, и взадъ и впередъ, въ пользу освобожденія крестьянъ, мнѣ теперь кажется, что хлопоты мои были несовершенно бесполезны. Я по крайней мѣрѣ обратилъ вниманіе нѣкоторыхъ на этотъ предметъ, и мнѣніе Государственнаго Совѣта объ улучшеніи закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, котораго я былъ причиною, служить этому доказательствомъ, не говоря о многихъ частныхъ дѣлахъ, проходившихъ чрезъ мои руки, кои всѣ были рѣшены въ пользу свободы.

Думая теперь о затрудненіяхъ, съ каковыми сопряжены у насъ всѣ

попытки сего рода, я самъ удивляюсь, какъ и столько—какъ бы это мало ни было—могло мнѣ удался. Что впередъ со мною случиться можетъ—кто это знаетъ? Но я знаю, что пребываніе мое въ Англіи, на свободѣ,—внѣ власти тѣхъ людей, которые меня называютъ преступникомъ, и я не могу не благодарить судьбу, которая какимъ-то непоятымъ образомъ привела меня сюда въ самое то время, какъ фельдъегери искали меня въ Италіи и въ Парижѣ. Еслибъ я остался двѣ недѣли долѣе въ Парижѣ, то вмѣсто Bedfordsquare я сидѣлъ бы теперь въ Петропавловской крѣпости и вмѣсто «Edinburgh Review» читалъ бы допросные пункты. Это спасеніе было бы для меня наслажденіемъ, если бы мысль о тѣхъ, которые, болѣе меня заслуживая покровительство судьбы, не испытали сего же блага, меня не огорчала. Граббе, Фонъ-Визины, Якушкинъ, какъ мнѣ писали, сидятъ въ крѣпости. Ихъ участь меня болѣе огорчаетъ, ибо я ихъ болѣе уважаю, жалѣя при томъ и о другихъ. Одинъ упрекъ могу только себѣ сдѣлать: это нѣкоторая слабость, съ которою я написалъ мое оправданіе, слабость, или неискusstво, можетъ быть.—Въ семъ объясненіи я сказалъ объ обществѣ то, что оно было дѣйствительно, т. е. вздоръ, ребячество, прибавивъ впрочемъ, что если бъ оно было что-нибудь значительное, то «у меня не недостало бы духа смѣло выдти впередъ и, оправдывая намѣреніе, обвинять себя предъ существующими законами». Александръ Ивановичъ¹⁾ послалъ его (объясненіе) къ государю, не надѣясь впрочемъ никакого успѣха. Лучше было бы удержать его. Я показывалъ въ объясненіи, что, будучи въ обществѣ, я имѣлъ только одну цѣль: освобожденіе крестьянъ, и что эту цѣль почиталъ и почитаю важнѣйшею для меня въ жизни. Пишутъ, что арестованные все показываютъ. Я этому вѣрю, видя, что они не забыли даже и моей фразы, замѣчая только, что не помню (не помнятъ?), при какомъ случаѣ произнесъ ее, и что ее никакъ нельзя почитать какъ шуткою. Изъ подробныхъ объясненій подсудимыхъ всякій безпристрастный человѣкъ долженъ убѣдиться въ незначительности бывшихъ обществъ. Что касается до заговора, то по письмамъ брата можно заключать, что дѣйствительно показанія подсудимыхъ позволяютъ думать о такомъ заговорѣ; но, мнѣ кажется, что они слишкомъ много на себя показываютъ, и судьи, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, нашли бы тутъ не заговоры, а разговоры.

Противъ меня впрочемъ нѣтъ показаній въ семъ отношеніи. Скоро мы, можетъ быть, узнаемъ о рѣшеніи всего дѣла. Никакой приговоръ не только не опечалитъ, но даже не удивитъ меня. Лишеніе чиновъ и дворянства не большая потеря для живущаго въ Англіи. Къ тому же тогда я, въ нѣкоторомъ смыслѣ, буду ближе къ самому почтенному классу моихъ земляковъ, къ классу бѣдныхъ крестьянъ. Но такой приговоръ

¹⁾ Братъ Н. И. Тургенева.

для находящихся въ Россіи, конечно, есть несчастіе, и только за нихъ я сожалѣть буду, за нихъ и за васъ—ибо для васъ имѣть брата, осужденнаго въ той землѣ, къ которой вы принадлежите, будетъ, конечно, непріятно. Вотъ единственная причина для меня огорчаться. Но я думаю, что, будучи на вашемъ мѣстѣ, я нашелъ бы средства не огорчаться такою бѣдою! Въ жизни есть много другихъ гораздо важнѣйшихъ причинъ печалиться. И между сими причинами одна покрываетъ всѣ прочія: несчастное положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи!—Въ нѣкоторомъ смыслѣ, для меня исключительно, приговоръ такого рода будетъ даже утѣшеніемъ, ибо я найду въ немъ доказательство, что я жилъ въ Россіи не для обѣдовъ и другихъ глупостей и выгодъ скотскихъ. Съ душою свободною, съ совѣстію чистою и только съ сожалѣніемъ, что не дѣлалъ болѣе, я не промѣняю своей участи на этихъ рыцарей брюха и подлости, которые, тяготя землю, тяготятъ и бытіе подобныхъ себѣ по наружности, но высшихъ по качествамъ нравственнымъ. Если бъ со мною не случилось этой передраги, я попалъ бы, можетъ быть, на ту же дорогу эгоизма и преступнаго равнодушія, по которой идутъ у насъ къ ничтожной могилѣ даже и менѣе дурные люди. Теперь, благодаря тому, что со мною случилось, мнѣнія мои возвысились и, думаю, очистились отъ многого, очень нехорошаго, и я не оставляю той мысли, которая представилась мнѣ въ самомъ началѣ, тогда, когда я еще горевалъ о себѣ:—что судьба дѣлаетъ съ своей стороны все для того, чтобы сдѣлать изъ меня порядочнаго человѣка. Всякій противный, то-есть такъ называемый выгодный поворотъ въ моихъ обстоятельствахъ можетъ противоdѣйствовать судьбѣ, и потому, если могу дорожить нравственнымъ достоинствомъ, я не долженъ искать этихъ выгодъ, которыя впрочемъ могутъ только быть мнѣ общими съ самыми мелкими двуногими тварями, пресмыкающимися между передними и бостонными залами! При всемъ ихъ благополучіи я думаю, что никому изъ нихъ лента, мѣсто не могутъ принести такого удовольствія, какое я нахожу иногда при чтеніи одного артикла изъ «Edinburgh Review». Это наслажденіе чтенія было долго для меня чуждымъ. Въ Россіи я читалъ процессы и даже изъ книгъ, только такія, которыя могли имѣть отношеніе къ процессамъ. Теперь я читаю что хочу. Это пріятно, по крайней мѣрѣ по новости.

2.

25-го іюля 1826 г. Лондонъ.

Вчера и третьяго дня я читалъ въ различныхъ газетахъ рапортъ слѣдственной комиссіи, учрежденной для изслѣдованія заговоровъ тайныхъ обществъ. Показанія и признанія отвратительны. Я никакъ не воображалъ, чтобы дѣйствительно былъ замыселъ на убійства какія-ли-

бо. Конечно, все кончилось похвальбами и гнусными фразами, но и это гадко доnellyзя. По самому рапорту видно, что эти замыслы существовали или прежде, нежели я прїѣхалъ въ Петербургъ, или послѣ моего отъѣзда въ Карлсбадъ. Никто въ семь отношенїи на меня не показываетъ. Да и показывать невозможно. Ни одинъ изъ тѣхъ, которые признались въ произнесенїи какихъ-либо мнѣнїй о заговорахъ на жизнь чью-либо, никогда ни полслова не говорилъ объ этомъ мнѣ. Только одинъ Рылѣвъ показываетъ, что между прочими и я согласился на его мнѣніе относительно депортации государя. Но по всему въ рапортѣ я вижу, что его мнѣніе было произнесено имъ уже послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга. Я пишу сегодня въ Петербургъ къ брату Ал. Ив., чтобы онъ представилъ куда можно нѣкоторыя мои объясненїя о семь обстоятельстве. Не знаю, застанетъ ли его мое письмо въ Петербургѣ. А мнѣ очень трудно видѣть обвиненїе совершенно неосновательное, и противъ котораго совершенно можно оправдать меня, если только справятся о числахъ и спросятъ подтвержденїя ихъ отъ того, который показываетъ, или отъ другихъ. Опредѣливъ обстоятельства подробно—я увѣренъ, что доказательство будетъ ясно въ мою пользу. Впрочемъ, рапортъ подтверждаетъ все, что я говорилъ о тайныхъ обществахъ, по мѣрѣ какъ я ихъ зналъ; то-есть, что все было вздоръ или, лучше сказать, что я ничего не зналъ серїознаго. Затѣи гнусностей и ужасовъ сдѣлались мнѣ извѣстными только теперь изъ рапорта.

PS. Написалъ письмо къ брату Ал. Ив. и посылаю сегодня же. Прошу его представить отъ моего имени куда слѣдуетъ просьбу о томъ, чтобы взяли справку: когда было разсуждаемо о предложенїи Рылѣва: депортировать государя, и спросили бы его и другихъ, которыхъ онъ цитуетъ вмѣстѣ со мною, былъ ли я тутъ? Я увѣренъ, что справка покажетъ, что это было или не въ моемъ присутствїи или даже тогда, когда я былъ уже за границую. Если письмо мое не найдетъ брата въ Петербургѣ, и если ты теперешнее мое письмо получишь при немъ въ Мариенбадѣ; то нельзя ли ему написать къ кому-либо въ Петербургъ о сей справкѣ? Далѣе я изъявляю желанїе, чтобы всѣхъ спросили, признавшихъ въ преступныхъ замыслахъ: говорилъ ли кто-либо изъ нихъ, хотя шуткою или частно, мнѣ о такихъ замыслахъ? Одного изъ нихъ, Никиту Муравьева, я видалъ часто. Но и онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего похожаго. Другихъ я даже не знаю. Судя по безпристрастїю, съ какимъ изложенъ рапортъ, я увѣренъ, что сіи мои желанїя могутъ быть исполнены, и тогда я буду совершенно чистъ отъ всѣхъ обвиненїй положительныхъ. За участїе же въ обществахъ, признававшемъ закономъ «Зеленую книгу», совѣстно будетъ обвинить и меня и другихъ.

3.

1-го августа 1826 г. Лондонъ ¹⁾.

Мое послѣднее письмо къ Александру уже не застанетъ его въ Петербургѣ. Для меня весьма важно, — и это вполне естественно, чтобы тотъ шагъ, о которомъ я его просилъ, былъ сдѣланъ по крайней мѣрѣ кѣмъ-нибудь другимъ, коль скоро онъ не можетъ сдѣлать его самъ.

Александръ пишетъ, что записка моя не понравилась между прочимъ потому, что я высказываю въ ней, что это дѣло велось не серьезно; но онъ не говоритъ, убѣдились ли въ томъ, что я не могъ смотрѣть на дѣло иначе, такъ какъ мнѣ не было извѣстно все то, что я узналъ впоследствии изъ газетъ. А это интересуетъ меня болѣе всего, и изъ того, что моей запиской недоволенъ, я заключаю, что въ этомъ не убѣждены. Я и просилъ именно Александра сдѣлать тотъ шагъ, о коемъ я писалъ ему въ послѣднемъ письмѣ, которое онъ не могъ получить до своего отъѣзда, съ цѣлью убѣдить въ этомъ и доказать правдивость моей записки въ томъ, что касается меня лично. Александръ пишетъ объ одной газетной статьѣ, но не упоминаетъ названія газеты. Если она издается здѣсь, то я могу навести справки. Во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы знать, какая это газета и когда именно появилась статья. Я не читалъ ничего особеннаго объ этомъ дѣлѣ и вообще я читаю только «Times» да изрѣдка «l' Etoile» и «le Constitutionel», но не регулярно. Впрочемъ, я надѣюсь узнать кое-какія подробности, касающіяся меня лично, изъ письма, которое Александръ обѣщалъ мнѣ написать въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ. Надѣюсь также, что Александръ, прочитавъ мои письма къ тебѣ (въ особенности письмо № 3) убѣдится наконецъ въ томъ, что мнѣ нѣтъ надобности ни въ особыхъ утѣшеніяхъ ни въ особыхъ стараніяхъ, чтобы (успокоиться?) ²⁾ при данныхъ обстоятельствахъ. Я очень спокоенъ и вовсе не считаю себя несчастнымъ. Думая о путешествіи, я дѣлаю это только предположительно. Настоящее вовсе не тяготитъ меня. *Il dolce far niente* также имѣетъ свою прелесть, и я могу предаться ему со спокойной совѣстью, такъ какъ я не по своей винѣ очутился въ состояніи бездѣятельности и лѣни, въ которомъ я пребываю.

II.

Письма Н. И. Тургенева къ Александру Ивановичу Тургеневу.

1.

(24-го апрѣля) 6-го мая 1826 г. Эдинбургъ. № 1.

Никакъ не ожидалъ того, что теперь вижу. Положеніе мое сдѣлалось трудно; но я переносилъ бы его съ терпѣніемъ, если бы не видалъ,

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Слово пропущено въ подлинникѣ.

что вы, мои братья, болѣе страдаете за меня, нежели я самъ за себя. Изъясненіе вашихъ чувствъ объемлетъ меня и радостію и горестію. Еслибъ я совершенно одинъ былъ на свѣтѣ, то можетъ быть всѣ эти бѣдствія не казались бы мнѣ таковыми. Даю вамъ искреннее увѣреніе, что и теперь главная моя бѣда въ томъ, что я васъ поставилъ въ такое положеніе. Право, мое собственное меня менѣе тревожитъ. Вы требуете моего оправданія. Я не могъ не исполнить вашего требованія. Я написалъ его. Оно можетъ показаться темнымъ, неполнымъ; но, право, всѣ обстоятельства, о которыхъ я говорю, и для меня точно также темны. Можетъ быть, найдутъ, что оно несогласно съ показаніями другихъ. Но я не могъ ничего представить болѣе. Сказалъ все, что помню, и сказалъ такъ, какъ всегда разумѣлъ эти вещи. Другіе, можетъ быть, разумѣли ихъ иначе. Одно для меня ясно, и въ этомъ я нахожу главное оправданіе: я всегда почиталъ общество болѣе шуточнымъ, нежели серьезнымъ занятіемъ. Это мнѣніе раздѣляли и другіе. Инаго не сказалъ бы я и на одрѣ смертномъ, и тѣ, которые судятъ меня, если они хотятъ находить охотнѣе невинныхъ, нежели виновныхъ, съ чистою совѣстію могутъ оправдать меня по сему моему увѣренію. Какъ я могъ предполагать, что во всѣхъ фразсахъ, которыя я когда-либо говорилъ, я могу быть принужденъ дать отчетъ? Думая о себѣ, я думаю иногда, какія фразы я слышалъ отъ множества другихъ лицъ, кои конечно не принадлежали къ обществу?

2.

(27-го) 9-го апрѣля ¹⁾ 1826 г. Эдинбургъ. № 2.

Сегодня явился ко мнѣ секретарь посольства князь Горчаковъ изъ Лондона и сообщилъ приказаніе явиться немедленно въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что здоровье мое не позволяетъ предпринять пути столь дальняго, и что четвертаго дня, (24) 6 ²⁾, послалъ по почтѣ, на имя С. Петербургскаго почтдиректора, объясненіе въ обвиненіяхъ противъ меня, о которыхъ я узналъ обстоятельно только за нѣсколько дней. Я далъ сей отзывъ немедленно и на бумагѣ. Князь Горчаковъ ушелъ. Оставшись одинъ, я увидѣлъ въ полной мѣрѣ и во всей сущности мое положеніе! Читая отношеніе графа Нессельроде, я вижу, что меня обвиняютъ въ государственной измѣнѣ, въ другомъ отношеніи предписываютъ объявить (signaler) меня передъ англійскимъ правительствомъ измѣнникомъ, преступникомъ. Таковыми называютъ меня и въ отношеніи, мнѣ переданномъ, и что я, если не явлюсь немедленно, буду судимъ, какъ тако-

¹⁾ Такъ проставлены цифры въ оригиналѣ.

²⁾ Такъ въ оригиналѣ.

вой преступникъ. Несмотря на то, что мнѣ должно бы быть приговорену ко всему послѣ того, какъ сдѣлались мнѣ извѣстными обвиненія, я никакъ не ожидалъ того, что испыталъ сегодня. Я обвиняюсь въ измѣнѣ! Я государственный преступникъ! Я читаю, перечитываю слова сіи—и не вѣрю глазамъ моимъ! Но долженъ вѣрить! долженъ говорить самъ себѣ: да, да, тебя обвиняютъ въ измѣнѣ. И будучи такимъ образомъ въ необходимости вѣрить словамъ, вѣрить дѣйствительности обвиненія, я спрашиваю самъ себя: что хуже, что ужаснѣе могло бы случиться со мною, еслибъ я былъ теперь въ Петербургѣ? Страданія физическія, заточеніе мало бы прибавили къ страданіямъ нравственнымъ. И такъ въ томъ, что было сообщено мнѣ сегодня, я долженъ видѣть—и вижу—мой приговоръ окончательный. И послѣ этого приговора я не могу въ себѣ найти силъ ни оправдываться, ни объяснять, однимъ словомъ, ничего дѣлать. Теперь все для меня кончено!

Писавъ объясненіе, я имѣлъ много надежды—теперь дѣло рѣшено. Меня объявляютъ измѣнникомъ, преступникомъ! Писавъ объясненіе, мнѣ все какъ-то не вѣрилось, что обвиненія противъ меня такъ ужасны. Иначе я никогда бы не имѣлъ духа такъ оправдываться. Какъ оправдываться въ такомъ преступленіи, которое никакъ и мыслию не можетъ войти въ мою душу? Но меня обвиняютъ—и это обвиненіе для меня то же, что приговоръ окончательный! Какъ бы я могъ показать глаза въ Россію подъ бременемъ такого обвиненія? Я государственный преступникъ! Я измѣнникъ! Нѣтъ! нѣтъ—это невозможно!

Что еще могу сказать вамъ! вамъ, моимъ братьямъ, которыхъ дѣлаю несчастіе! Я имѣю предъ вами обязанности, которыя исполнить готовъ. Между сими обязанностями одна состоитъ въ томъ, что я долженъ уведомлять васъ о себѣ. Позволено ли мнѣ сіе будетъ—не знаю. Я буду писать къ вамъ, но будете ли вы получать мои письма? Бѣдствія мои распространяются ли на васъ въ семъ отношеніи?

Повторяю вамъ твердое обѣщаніе: я исполню все, чего вы отъ меня требовать можете. Хотѣлъ бы просить васъ объ одномъ, еслибы, къ несчастію, не зналъ заранѣе, что исполненіе моей просьбы для васъ невозможно, просить, молить, чтобы вы менѣе обо мнѣ беспокоились. Хотите ли вы, чтобы я переносилъ бѣдствіе мое съ твердостью,—я даю вамъ это обѣщаніе и грущу болѣе о васъ, нежели о самомъ себѣ. Что касается до того, гдѣ я буду жить—послѣ сдѣланнаго мнѣ сегодня объявленія, которое, повторяю, я почитаю не иначе, какъ приговоромъ окончательнымъ—гдѣ бы я ни жилъ, все равно. Кн. Горчаковъ, взявъ мою росписку, спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать? Я отвѣчалъ, что не знаю: не знаю даже, позволять ли мнѣ остаться въ Англій. Онъ сказалъ, что позволять, но что положеніе мое будетъ весьма непріятно. Но

*

что всё неприятности въ мірѣ, послѣ того, что уже я испыталъ? И такъ я буду оставаться здѣсь.

Я получилъ письмо изъ Москвы, писанное на ваше и мое имя, гдѣ пишутъ, что сверхъ извѣстныхъ по газетамъ арестантовъ Граббе, Фонъ-Визины ¹⁾);—это извѣстіе сколько огорчило меня за нихъ, но какъ будто обрадовало меня за меня самого. Подлежа ответственности съ такими людьми, думаль я, чего могу я опасаться? Честность, благородство ихъ не есть ли ручательство и за меня? Но сегодня всё надежды для меня исчезли! Я не сожалью, что послалъ мое объясненіе; я не могъ болѣе ничего сказать теперь. Я говорилъ откровенно все, что могъ вспомнить. Теперь менѣе, нежели когда-нибудь, помню прошедшее. Ужасное обвиненіе, сегодня мнѣ сообщенное, наполнило мою душу какимъ-то хаосомъ сомнѣній, недоумѣній! Но помните мое обѣщаніе. Если я былъ такъ несчастливъ, что былъ причиною несчастья вашего, то по крайней мѣрѣ я буду, въ теперешнемъ моемъ положеніи, сносить и горе, и все такъ, чтобы хоть нѣсколько позволить вамъ исполнить главную, единственную мою просьбу: менѣе обо мнѣ беспокоиться. Прощайте.

3.

14-го мая (1826 г.). Эдинбургъ, № 3.

№ 1-й послалъ я, вмѣстѣ съ моимъ объясненіемъ на обвиненія, противъ меня дѣлаемые. Это объясненіе я послалъ въ открытой оберткѣ, адресовавъ пакетъ на имя петербургскаго почтдиректора. № 2 послалъ, просто, по почтѣ на ваше имя и въ немъ извѣщаль, что кн. Горчаковъ былъ присланъ ко мнѣ изъ Лондона съ приказаніемъ немедленно явиться въ Петербургъ. Я письменно отвѣчалъ, что за здоровьемъ ѣхать не могу и что послалъ уже объясненіе. Я писалъ тутъ къ вамъ, что обвиненіе, въ семь приказаній противъ меня излагаемое, я принялъ за окончательный приговоръ, и что съ сего времени все, относительно обвиненій и всѣхъ этихъ обстоятельствъ, для меня рѣшено. Такъ оно есть и въ самомъ дѣлѣ. Какъ бы участь моя теперь рѣшена въ Россіи ни была, я повторяю, что для меня, въ семь отношеній, все кончено. Никакой приговоръ не можетъ сдѣлать болѣе, нежели сдѣлало объявленное мнѣ официально обвиненіе и слова, что я государственный преступникъ. Послѣ всего я долженъ сказать, что не моя вина, если почитаютъ меня преступникомъ, между тѣмъ какъ я почитать себя таковымъ никакъ не могу. Но, какъ бы то ни было, я повторяю, что для меня все кончилось,

¹⁾ Такъ въ оригиналѣ.

и я долженъ разстаться съ Россіею. Объявленный однажды преступникомъ, что я могу дѣлать въ Россіи во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ? Ничего и никогда. Какъ ни велико это несчастіе, но оно,—я теперь это вижу и чувствую,—оно не выше силъ моихъ. Что всего болѣе меня беспокоитъ, это вы. Зная вашъ характеръ, я къ несчастію долженъ вѣрить, что вы гораздо болѣе страдаете, нежели я. Между тѣмъ, я также увѣренъ, что если бы вы теперь могли читать въ душѣ моей, если бы могли видѣть, что во мнѣ происходитъ, увѣренъ, что вы были бы гораздо спокойнѣе на счетъ мой. Увѣряю васъ истинно, что вы не имѣете достаточныхъ причинъ много горевать обо мнѣ. Я часто бывалъ весьма въ мрачномъ расположеніи духа. Я солгалъ бы, если бъ сказалъ, что я теперь въ веселомъ расположеніи духа. Но солгалъ бы также, если бъ сказалъ, что я въ отчаяніи, или близокъ къ отчаянію. Я не могу дать себѣ отчета въ томъ, что со мною дѣлается. Вижу только бѣду, но не вижу причины бѣды. Эта бѣда пришла на меня безъ моего содѣйствія. Я не постигаю, какъ я могу ее заслуживать. И такъ, чувствуя совѣсть совершенно чистою, я весьма легко могу найтись въ теперешнемъ моемъ положеніи. Время, надѣюсь, все приведетъ въ равновѣсіе и порядокъ. Одно, чего опасуюсь, оно не сдѣлаетъ, это время не вселитъ въ меня увѣренности, что вы менѣе обо мнѣ грустите. Но обдумайте все порядочно, хладнокровно; рассмотрите мое положеніе въ томъ видѣ, какъ оно есть, а не въ томъ, какъ оно вамъ представляться можетъ; и тогда—думаю,—убѣдитесь, что мои просьбы къ вамъ: менѣе о мнѣ беспокоиться покажутся вамъ основательными. Не увеличивайте въ вашемъ воображеніи невыгодъ моего положенія.

4.

20-го мая (1826 г.). Эдинбургъ № 4.

Вотъ гдѣ главное мое горе—это вы. Чувствуя совѣсть мою совершенно чистою, я могъ бы сносить мое теперешнее положеніе легко, если бъ не зналъ, что своею бѣдою навлекъ бѣду на васъ,—поставилъ васъ въ трудное положеніе, коего малѣйшія невыгоды состоятъ въ томъ, что вы должны были оставить ваше путешествіе. Боюсь также, чтобы передрыга эта не имѣла особенно вреднаго вліянія на доровье Сергѣя. Разъѣзды его, въ заботѣ и безпокойствѣ, страшатъ меня.

О себѣ особенно повторяю вамъ, что я почитаю участь мою совершенно рѣшенною. Обвинять меня въ томъ и такъ, какъ меня обвиняютъ, или осудить меня окончательно вслѣдствіе такихъ обвиненій—значитъ одно и то же. Я дѣлалъ объясненія, пока надѣялся, что меня не почитаютъ преступникомъ. Могутъ еще спросить меня. Но зачѣмъ всѣ эти

тайныя общества, если ты видѣлъ, что это вздоръ? Что могу я отвѣчать на это? Иные, для развлеченія, играютъ въ карты, иные пляшутъ, иные играютъ въ жмурки, иные собираются проводить время въ разговорахъ. Я принадлежалъ къ числу сихъ послѣднихъ. Что теперь изъ этихъ разговоровъ дѣлають преступленіе—могъ ли я это предвидѣть? Я болталъ такъ, какъ и всѣ люди иногда болтають. Но если бы намѣренія мои были таковы, каковыми ихъ теперь почитають, могъ ли бы я проводить время и убивать здоровье за процессами, за проектами законовъ и пр. и пр.

Какъ это можно согласовать? И такъ если вы терпите за меня, то по крайней мѣрѣ я могу почитать себя въ полной мѣрѣ невинною причиною вашей бѣды. Я возненавидѣлъ бы самъ себя, если бы имѣлъ сознаніе дѣйствительной моей виновности, ибо тогда ваше несчастіе было бы послѣдствіемъ моей воли. Теперь, право, ни въ чемъ я упрекать себя не могу, кромѣ недостатка въ строгой предосторожности. Но я на всѣ стороны былъ всегда неостороженъ въ разговорахъ, думая всегда, что чистота намѣреній и ясность дѣлъ будутъ для меня достаточною оградю. Я ошибся. Терплю за ошибку и имѣлъ бы много причинъ утѣшенія, если бы не вовлекъ васъ въ горе. Еще прошу васъ менѣе обо мнѣ беспокоиться. Право, нѣтъ причинъ для большаго горя.

5.

7-го іюля (1826 г.). Лондонъ, № 5.

Вы убѣждаете меня быть спокойнѣе. Если я о чемъ-либо грущу истинно, то это о васъ. Вижу, что вы гораздо болѣе терпите за меня, нежели я самъ. Вы могли имѣть поводъ сильно обо мнѣ беспокоиться по первымъ моимъ письмамъ. Съ тѣхъ поръ положеніе моего духа очень измѣнилось. Въ первые дни послѣ полученія вашихъ писемъ въ Единбургѣ и отправленія моихъ объясненій, мнѣ было точно весьма грустно. Но теперь, если бъ не вы, то я истинно не грустилъ бы ни о чемъ, лично до насъ касающемся. Да и о чемъ грустить? Гдѣ достаточныя причины почитать себя несчастливимъ? Я лишенъ возможности быть въ Россіи—вотъ все. Но это, лишая меня нѣкоторыхъ пріятностей, доставляетъ съ другой стороны и выгоды: я многого, будучи здѣсь, не вижу, на что никогда не могъ смотрѣть хладнокровно. Что касается до обвиненій, на меня взводимыхъ,—это не должно и не можетъ сильно меня тревожить. Другіе могутъ думать о мнѣ, что хотятъ, почитать меня злодѣемъ или преступникомъ; это мнѣніе не переменитъ ни мало того, что говорить мнѣ совѣсть. Дабы судить о вліяніи на меня мнѣнія другихъ, надобно знать, что я самъ о сихъ другихъ думаю. Рѣшенія и

приговоры не должны дѣйствовать на меня сильнѣе, нежели мнѣнія. Никакія сентенціи въ мірѣ не могутъ убѣдить меня ни на минуту, что я истинно въ чемъ-либо виновенъ. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и толкахъ о заговорахъ и обществахъ я истинно не могу надивиться, какъ могутъ люди, узнавшіе по самымъ подробнымъ показаніямъ всю сущность этихъ тайныхъ обществъ, могутъ еще имѣть какое-либо сомнѣніе, что они были совершенно ничтожны, умирали вскорѣ послѣ своего рожденія и что даже память о нихъ совершенно бы исчезла, если бы не дали имъ этими изслѣдованіями какой-то незаслуженной ни въ какомъ отношеніи важности. Между задержанными есть такіе люди, о коихъ можно сказать, что имена ихъ и слово преступленіе *hurlent de se grouper ensemble*. Что касается до заговора, то о семъ я ничего сказать не могу, ибо ничего не знаю, но и здѣсь не повѣрю, донде же не вложу перстъ. Въ Германіи правительства, не знаю почему, почитали нужнымъ придавать какую-то важность открытымъ тайнымъ обществамъ. Я думаю, что и тамъ они были ничтожны, и правительства хлопотали безъ нужды. Но у насъ! Что можетъ побудить правительство видѣть въ обществахъ то, чего въ нихъ не было?—я постычь не могу. Что я говорилъ о нихъ въ моихъ изъясненіяхъ—справедливо. Общества, въ настоящемъ или, лучше сказать, въ какомъ-нибудь смыслѣ, точно не было. Не постигаю далѣе, какъ могутъ приписывать возмущеніе этимъ же обществамъ. Я былъ членомъ этого общества, но зналъ и думалъ о возмущеніяхъ такъ же мало, какъ китайскій императоръ. Могу ли я быть оправданъ передъ закономъ? Этотъ вопросъ рѣшить не трудно. Пусть найдутъ законъ, который дѣлаетъ преступленіемъ разговоры частные. Пока сего закона не существуетъ, пока всѣ законы вообще будутъ запрещать дѣйствія, поступки, а не разговоры—дотолѣ оправданіе мое несомнѣнно. Я объявилъ, чего я искалъ въ обществахъ. Дѣло освобожденія крестьянъ было для меня всегда священнѣйшимъ. Оно было единственною цѣлю моею жизни. И даже до такой степени, что, не будучи конечно врагомъ конституцій, я никогда не думалъ, что сіи послѣднія могутъ быть нашею потребностію, прежде важнаго, святаго и неизбѣжнаго рано или поздно освобожденія крестьянъ. Я помню, что нѣкоторые весьма добрые и почтенные люди, почитая меня большимъ либераломъ, удивлялись, что либеральность моя ограничивалась желаніемъ свободы гражданской. Съ другими, также весьма почтенными и сѣдинами украшенными особами, я часто спорилъ, доказывалъ, что гражданская свобода, коею пользуются въ Россіи всѣ, кромѣ крѣпостныхъ людей, несравненно нужнѣе и вѣрнѣе политической. Новѣйшія происшествія въ Англіи подтверждаютъ мое мнѣніе. Теперешнее правительство сильно желаетъ уничтоженія рабства въ Вестъ-Индіи, но, не имѣя власти самодержавной, не можетъ исполнить сего святаго дѣла, не-

смотря, что въ Англии общее мнѣніе сильно поддерживаетъ въ семъ отношеніи министровъ,—не можетъ потому, что владѣльцы вестъ-индскіе имѣютъ свои права. Дайте эти права Якову Степановичу Есипову—и что въ мірѣ можетъ заставить его отказаться отъ цѣпей и ступовъ?

Обращаясь мыслями ко времени, которое я провелъ въ Петербургѣ, я теперь—и теперь впервые—замѣчаю, что не даромъ тогда тяготилъ землю. Многое мнѣ удавалось даже. Я точно жилъ для идеи. Собственные выгоды точно ни на минуту не входили въ мою голову. Я не пропускалъ случаевъ, которые представлялись мнѣ дѣйствовать къ предположенной цѣли. Такъ я попалъ и въ общество. Вступленіе въ общество было съ моей стороны нѣкоторымъ пожертвованіемъ. Но что въ свѣтѣ добывается безъ жертвованій? Матеріально я ничего не сдѣлалъ въ обществѣ для достиженія моей цѣли, но думаю, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ поселилъ здравыя мысли о нашемъ крѣпостномъ состояніи. Но, не видя успѣховъ матеріальныхъ, то-есть не видя отпускныхъ, коихъ я требовалъ, я наконецъ совершенно бросилъ эту бесплодную землю и въ послѣднее время нимало не заботился и даже не думалъ объ обществѣ. Не опасался также ни мало никакихъ послѣдствій отъ того, что былъ въ обществѣ, ибо былъ увѣренъ, что покойный государь давно зналъ уже о существованіи обществъ. Объ этомъ упомянулъ я въ объясненіяхъ, но слегка. Я имѣлъ причины несомнительныя такъ думать и продолжаю думать и теперь также.

Вчера я получилъ письмо ваше ко мнѣ, 17-го мая, отъ Сергѣя. Съ горестію вижу, что вы точно въ несчастномъ положеніи отъ меня. Вотъ одно, что для меня тяжело. Надѣюсь, что послѣднія мои письма васъ успокоютъ. Если же нѣтъ—то скажу откровенно, къ горести присоединится чувство нѣкотораго негодованія.

Далѣе я думаю и для васъ и для меня наиболѣе приличнымъ и необходимымъ ни мало не хлопотать обо мнѣ. Признаюсь: опасаясь, что вы слишкомъ далеко пошли или пойдете въ защищеніи меня. «Голосъ братскій безсиленъ», пишете вы, но я прошу и убѣждаю васъ не вступаться ни во что официальное, до меня касающееся. Я такъ спокоенъ совѣстію, что всякое оправданіе представляется мнѣ совершенно излишнимъ, и я часто сожалѣлъ, что написалъ къ вамъ мое изъясненіе. Но тогда я не зналъ еще, что я «преступникъ государственныхъ законовъ!» слова ваши: «Думаю о тебѣ ежеминутно». «Буду жить здѣсь только для тебя» и т. п. Вотъ мое несчастіе истинное, почти нестерпимое. Неужели вы не можете имѣть надъ собою столько власти, чтобы стать немного повыше этихъ мелкихъ обстоятельствъ? Увѣряю васъ честію, что вы можете только однимъ образомъ явить мнѣ и любовь и дружбу вашу, именно смотрѣть на все это такъ, какъ смотрю я. Поставьте себя на

мое мѣсто и скажите: могу ли я быть свободенъ отъ тяжелой грусти, видя, что вы въ ужасномъ безпокойствѣ и смущеніи?

6.

18-го августа 1826 г. Лондонъ, № 7.

Я получилъ два письма ваши. Видя изъ нихъ, что я осужденъ какъ учредитель, возстановитель и распространитель и за вымысль республики, мнѣ не трудно отгадать, что я приговоренъ былъ къ смерти, а послѣ къ каторгѣ. Несправедливость или ослѣпленіе можетъ иногда простираться такъ далеко, что не только оправданіе, но даже и замѣчанія дѣлаются совершенно излишними. Главный результатъ моихъ мнѣній и чувствъ о семъ приговорѣ есть, что онъ утѣшаетъ меня своею несправедливостію я могъ бы даже... ¹⁾, если бъ все это дѣло касалось до меня исключительно. Но я вижу, что оно тягчить васъ—и вотъ истинное мое горе. Послѣ сего я также не иначе, какъ съ грустію, могу думать о тѣхъ, коихъ почитаю столь же невинными, какъ и самого себя, съ которыми, какъ напр. съ Гл(инкою) и Бриг(еномъ) раздѣлялъ и мнѣнія и чувства, и кои не были спасены судьбою такъ, какъ я.—Если бы не вы, если бъ не они, я, право, ни мало не думалъ бы объ этомъ такъ называемомъ несчастіи, ибо совѣсть чистая дѣлаетъ для меня жизнь легкою и пріятною, и здѣсь болѣе, нежели гдѣ-либо. Желалъ бы убѣдить васъ въ спокойствіи души моей. Но вижу по вашимъ и по Сергѣевымъ письмамъ, что это трудно, и что вы увеличиваете въ вашемъ воображеніи затруднительность или непріятность моего положенія. Быть принуждену жить въ Англіи,—вотъ чѣмъ оканчивается сущность всей бѣды для самого меня! Разсудите хладнокровно: есть ли тутъ достаточная причина почитать себя несчастливымъ? Нѣтъ, конечно! И если бъ все ограничивалось этою моею бѣдою, то я истинно не думалъ бы о ней. Итакъ причина моего горя внѣ меня. Вы можете уменьшить это горе, ибо вы главнѣйшею причиною его. За пріятелей, теперь въ несчастіи находящихся, надѣюсь, что оно для нихъ современемъ кончится. Несчастное происшествіе бунтовъ, казней—ужасно; но происшествія свѣта не въ нашей власти! О прошедшемъ только сожалѣть можно. Въ прошедшемъ нѣтъ утѣшенія. Итакъ еще разъ говорю вамъ съ твердою правдою: что касательно самого себя, несчастіе это не есть несчастіе: будьте и вы спокойны, если вѣрите мнѣ... ²⁾

Прошу также не присылать мнѣ и журналовъ, проектовъ, которые

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Точки въ подлинникѣ.

вы взяли изъ Петербурга. Они мнѣ ни къ чему не нужны. Проектами и законами занимался я въ Россіи, надѣясь, что труды могутъ быть полезны, а не только изъ удовольствія. О какихъ замѣчаніяхъ на мою книгу вы пишете?—Гдѣ было напечатано оправданіе, которое приписывали мнѣ? Я вообще ни мало не расположенъ ни писать, ни печатать ничего въ свое оправданіе. Къ тому же это здѣсь никого и не занимаетъ.

Буду ожидать вашего мнѣнія: какъ мнѣ отвѣчать должно. Но напередъ говорю, что теперь и даже впредь я не вижу ни малѣйшей нужды въ отвѣтѣ. Да если бъ этого и нужно было, то я не могъ бы говорить иначе, какъ я говорилъ въ первомъ своемъ объясненіи. Теперь жалѣю, что послалъ его. Я не вижу въ бывшихъ обществахъ той важности, которую видятъ другіе. Если были преступные замыслы, то они принадлежали лицамъ, индивидуумамъ, а не обществу. Ни отъ одного изъ признавшихся въ сихъ замыслахъ я никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Наконецъ, я почитаю совершенно излишнимъ отвѣчать и потому, что не вижу, къ чему это можетъ вести.

Если бъ вы могли видѣть внутренность души моей, то согласились бы со мной въ томъ, что я теперь нахожусь весьма въ хорошемъ положеніи и не имѣю нужды ничего писать и ничего предпринимать.

7.

21-го августа 1826 г. Лондонъ, № 8.

Я теперь вамъ повторяю п, если можно, съ болѣею истиною, что главное мое горе вы. Но, думая о вашемъ положеніи, мнѣ кажется, что вамъ можно и даже должно, размысливъ о всемъ хладнокровно, совершенно наконецъ успокоиться. За что я осужденъ? За участіе въ обществахъ, за республиканскіе замыслы.—Подъ тягостію такихъ обвиненій, мнѣ ничто не мѣшаетъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза. Какъ судьи ни были несправедливы въ отношеніи ко мнѣ, они отвратили однакоже отъ меня главное, положительное обвиненіе,—обвиненіе въ замыслахъ убійства; и я не могу не благодарить ихъ за это; ибо такое обвиненіе и даже подозрѣніе въ такомъ преступленіи было бы для меня истинно тягостно. Противъ намѣреній безнравственныхъ нѣтъ оправданія. Совѣсть никогда не можетъ замолкнуть въ такихъ случаяхъ. Спасибо судьямъ за это! потому наиболѣе, что они съ равною вѣроятностію, съ равною справедливостію могли бы прибавить и это обвиненіе къ другимъ. Я сдѣлалъ бы только новое открытіе относительно неизвѣстныхъ доселѣ мнѣ моихъ злодѣяній! Впрочемъ, вы справедливо замѣчаете, что ощутительная несправедливость приговора относительно меня можетъ только, впоследствии,

послужить въ мою пользу, хотя я и не вижу ни возможности, ни вѣроятности пользы предпринять новое оправданіе или изъясненіе, о которомъ вы пишете. Въ первомъ моемъ оправданіи я писалъ, что не почиталъ общества серіознымъ, что желалъ уничтоженія рабства. Это не понравилось и раздражило. Но я писалъ истину и теперь не могу говорить иначе. Все, что могу сказать: что я ошибался въ мнѣніи о неважности общества. Но даже и это сказать для меня трудно, ибо я не увѣренъ, что бунтъ произошелъ отъ общества.—Общество не требовало ни чьей крови. Тѣ, которые желали кровопролитія, желали этого не потому, что принадлежали къ обществу. Кромѣ того есть еще затрудненіе въ представленіи новыхъ изъясненій: это обстоятельство моей неявики. Противъ сего положительнаго обвиненія всѣ оправданія недостаточны. Болѣзнь недостаточна. Я могъ бы сослаться на естественное право, равно и на законы другихъ земель, которые не почитаютъ неявики преступленіемъ. Но все это будетъ недѣйствительно, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, неявка моя усилила строгость приговора.—Вообще же я откровенно скажу вамъ, что только желаніе съ вашей стороны можетъ заставить меня современемъ изложить изъясненія, о какихъ вы пишете. Что до меня индивидуально касается, я не чувствую къ сему никакого расположенія. Я разстался съ Россією и, судя по предубѣжденію противъ меня, не могу туда возвратиться ни въ какомъ случаѣ. Гдѣ нравственная обязанность возвратиться туда, гдѣ меня почитаютъ злодѣемъ?—Доселѣ я не зналъ истиннаго значенія ежедневно *à tort et à travers* повторяемыхъ словъ—чистая совѣсть. Но теперь, по опыту, вижу, что съ чистою совѣстію вездѣ жизнь легка.—Не думайте, чтобы я негодовалъ на тѣхъ, которые приговорили меня къ смерти. По ихъ понятіямъ, они могли быть увѣрены, что я заслужилъ эту казнь. Но мнѣ позволено быть другаго мнѣнія, какъ скоро другой судья, совѣсть, не подтверждаетъ ихъ приговора.—Во всемъ этомъ дѣлѣ я только одному надивиться не могу: какъ бездѣлицы иногда могутъ имѣть важныя послѣдствія.—Также удивляюсь иногда и тому—хотя бы удивляться тому и не слѣдовало:—какъ люди съ лучшими намѣреніями могутъ вредить и себѣ и другимъ. Слава Богу, что изъ осужденныхъ я никому не повредилъ, кромѣ себя самого.—И я былъ бы совершенно спокоенъ, еслибъ моя бѣда не касалась до васъ; ибо въ моей бѣдѣ, индивидуально для меня, я большаго несчастія не вижу.

Холодность ли моего характера, или размышленіе, или совѣсть,—не знаю что—но признаюсь, что я самъ не ожидалъ, чтобы всѣ эти бури (въ чемъ до меня касается) проходили мимо меня такъ легко; но это правда. Еслибъ я не боялся грѣшить въ эгоизмѣ, то думалъ бы еще съ большимъ утѣшеніемъ о моемъ спасеніи. Изъ полутора ста человекъ виновныхъ и невиновныхъ я одинъ уцѣлѣлъ! И уцѣлѣлъ съ твердымъ духомъ, съ мыслями не мрачными.—Мысль о вашей дружбѣ и любви

была бы для меня небеснымъ наслажденіемъ, еслибъ вмѣстѣ съ симъ я не видѣлъ вашего горя! Умоляю васъ быть покойными! Смотрите на все какъ я смотрю.—Но, нѣтъ, я вижу, что бѣда моя сдѣлалась вашею. Вотъ мое горе! На Сергѣя я сначала особенно надѣялся. Но вижу, что и его эта бѣда поколебала.—Впрочемъ, я думаю, что я и самъ дѣлалъ бы то же, еслибъ былъ на вашемъ мѣстѣ, и все, что могу еще сказать, есть то, чтобы вы вѣрили истинѣ словъ моихъ, когда я увѣряю васъ въ моемъ,— можетъ быть слишкомъ большомъ—спокойствіи. Прощайте.

8.

31-го августа 1826 г. Чельтенгамъ, № 9.

Я не писалъ втораго оправданія, а только въ письмѣ, котораго вы не получили въ Петербургѣ, узнавъ изъ газетъ о разныхъ показаніяхъ, я просилъ васъ подать отъ меня просьбу: дабы спросили признавшихся въ убійственныхъ замыслахъ, говорили ли они мнѣ что-либо объ этихъ ужасахъ. Также, дабы взяли справку: когда было совѣщаніе у Рылѣва, на которомъ онъ говорилъ, будто былъ и я. Теперь сіе послѣднее обстоятельство болѣе объясняется. Въ рапортѣ слѣдственной комиссіи сказано, что Бестужевъ принятъ и причисленъ къ первому классу въ обществѣ, въ апрѣлѣ 1825 г. На этомъ совѣщаніи былъ и этотъ Бестужевъ; а я уѣхалъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1824-го года.

Теперь о моемъ новомъ оправданіи. Я писалъ къ вамъ, что не намѣренъ писать его, но теперь, прочитавъ еще разъ все ваши письма и полный рапортъ слѣдственной комиссіи, я думаю, что мнѣ должно написать это новое оправданіе. Итакъ я объ этомъ думаю, замѣчаю на бумагѣ нѣкоторыя обстоятельства. Признаюсь, что, читая ужасы, въ рапортѣ изложенные, и видя, что и мое имя тутъ замѣшано, я иногда какъ будто рѣшаюсь не писать ничего. Но потомъ, обдумавъ мое собственное участіе въ дѣлѣ семь, я опять рѣшаюсь писать, ибо вижу, что ужасы до меня не касаются. Но вотъ два главные и весьма важныя препятствія для всякаго новаго оправданія съ моей стороны.

1-е. Сильное предубѣжденіе противъ меня относительно тайныхъ обществъ. При всемъ моемъ желаніи успѣть въ оправданіи, я не могу и не долженъ клепать на себя. Но какъ я могу, безъ такого поклепа, сказать, что я участвовалъ въ обществѣ, имѣя въ виду бунтъ или убійство? Я могу только сказать, что и тогда, когда я зналъ общество, оно могло быть опаснымъ, ибо изъ разговоровъ дѣло могло перейти къ заговорамъ и т. д. Вся тайна моего участія состоитъ въ томъ, что я почиталъ долгомъ содѣйствовать улучшеніямъ, распространенію либеральныхъ мыслей и возбуждать къ освобожденію крестьянъ. Вотъ моя вина.

Она можетъ быть почитаема преступленіемъ, но вотъ она въ настоящемъ видѣ. Можетъ быть, всѣ, безъ изъятія, подсудимые признались въ желаніи бунта, но какъ могу я повѣрить когда-либо, чтобы Глинка, Бригенъ, которыхъ мнѣнія мнѣ извѣстны, какъ мои собственные, говорили правду, говоря, что они желали революціи?—Видя, что надежды мои не исполняются въ обществѣ, я не могъ наконецъ почитать всего иначе, какъ ребячествомъ. Тѣмъ почитали общество и Глинка, и Бригенъ, особливо сей послѣдній. Первый не былъ подъ судомъ, послѣдній осужденъ. Вина ихъ по обществу одинакова. Можетъ быть, Бригенъ осужденъ за то, что зналъ о замыслахъ Якубовича, какъ видно изъ рапорта. Теперь, излагая оправданія въ семь видѣ, могу ли я имѣть какую-нибудь надежду, что мнѣ повѣрятъ? Нѣтъ! Напротивъ, это раздражить еще болѣе. Итакъ благоразумно ли приступать къ новому оправданію?

2-е. На всякое оправданіе мнѣ будутъ говорить: чего онъ хочетъ? Онъ не явился къ оуду и тѣмъ добровольно лишилъ себя и средствъ оправданія, и всякаго права на милость. И такъ: *qu'on n'en parle plus!* На это мнѣ отвѣчать нечего. Я не явился. Болѣзнь, въ столь теперь важномъ дѣлѣ, не можетъ быть достаточною причиною неявки. И какъ мнѣ кажется, что въ семь отношеніи *conditio sine qua* поп всякаго оправданія есть: предложеніе съ моей стороны явиться немедленно на каторгу.

Сдѣлавъ сіе предложеніе, чего я могу надѣяться? Самое выгодное послѣдствіе такого предложенія и то, если мнѣ будутъ вѣрить, что невѣроятно, можетъ быть: ссылка въ Сибирь, безъ каторги. Я этого долженъ ожидать себѣ и по наказанію, другимъ опредѣленному, и по принятой вездѣ системѣ *d' avoir toujours raison*. И эта ссылка можетъ быть по крайней мѣрѣ весьма продолжительна. Ожидать, чтобы, видя мою готовность исполнить приговоръ, отвѣчали мнѣ прощеніемъ полнымъ—было бы добровольно себя обманывать. Главная невыгода ссылки не есть самая ссылка, хотя конечно и это не бездѣлица; но то, что эта ссылка будетъ опредѣлена мнѣ, какъ злоумышленнику, каковымъ я никогда не былъ. Главная или даже единственная выгода, въ случаѣ полного успѣха, совершенно невѣроятнаго, или въ случаѣ возвращенія изъ Сибири, суть: 1) возможность жить на свободѣ въ чужихъ краяхъ, слѣдственно, болѣе жить съ вами, и 2) мысль, что, сдѣлавъ предложеніе явиться, я исполню данный обѣтъ присягою и что, послѣ сего, никакой упрекъ совѣсти не будетъ меня беспокоить. Жить добровольно въ Россіи я не хотѣлъ бы ни въ какомъ случаѣ. Я теперь уже привыкъ къ мыслямъ другаго рода и, невидя болѣе возможности быть ни на что полезнымъ въ Россіи, я могу спокойно и пріятно жить въ чужихъ краяхъ. Освободясь отъ обвиненій, можно будетъ иногда жить и съ вами. Ничто

не зоветь меня въ Россію.—Вотъ затрудненія для оправданія. Но я на свободѣ и могу весьма хладнокровно заниматься симъ оправданіемъ.

9.

14-го сентября 1826 г. Чельтенгамъ, № 10.

Могли почитать меня злоумышленникомъ, видя, что я такъ близокъ былъ къ злоумышленникамъ. Но не думаю, чтобы это предубѣжденіе могло привести ихъ къ мысли схватить меня тайно въ Англіи и привезти въ Россію. Я продолжаю писать оправданіе и посвящаю на это часа два ежедневно. Въ одномъ обвиненіи, а именно въ возстановленіи общества, мнѣ оправдываться всего затруднительнѣе, ибо въ рапортѣ слѣдственной комиссіи помѣщены не всѣ показанія о семъ. Я нахожу о семъ только показаніе Семенова о принятіи трехъ членовъ мною. Но показанія самихъ сихъ членовъ въ рапортѣ нѣтъ. Они могли показывать, что я ихъ принялъ. Я могу изъяснить, что я не почиталъ сего принятіемъ, но для сего нужно мнѣ знать ихъ показанія. Въ рапортѣ я также не нахожу довольно объясненій о возстановленіи общества. Показаніе Никиты Муравьева, что я съ нимъ участвовалъ въ возстановленіи, ложно. Скорѣе другіе могли бы сіе показывать, ибо я съ ними по крайней мѣрѣ говорилъ объ этомъ. Показаніе Семенова также не вполне справедливо. Вѣроятно, онъ показаніями своими избавилъ себя отъ суда. Тѣ, которые будутъ читать мое новое оправданіе, вѣроятно, будутъ спрашивать Семенова и другихъ, избавленныхъ отъ суда. Они, конечно, будутъ опровергать меня, защищая себя. Но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что я никакъ не могу, не нарушая истины, сказать, что я почиталъ общество серьезною вещью или надѣялся, что оно приведетъ къ конституціямъ или чему-либо подобному. Все, что могу сказать, есть, что я теперь вижу опасность общества, но, право, и теперь я думаю, что не общество, а лично нѣкоторые члены произвели бунтъ. Они сдѣлали бы то же и безъ общества. Въ письмѣ моемъ, № 9, я излагалъ вамъ еще одно затрудненіе, и именно, что всякое оправданіе съ моей стороны должно быть безсильно, если я вмѣстѣ не предложу явиться въ Россію. Чѣмъ болѣе я о семъ думаю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что я не долженъ дѣлать сего предложенія. Все это мнѣ доказываетъ, что я навсегда разстался съ Россією, ибо не вижу никакой возможности возвратиться туда совершенно свободнымъ. Другимъ, я думаю, простятъ и заблужденія и даже преступленія. Мнѣ никогда не простятъ неявки. Впрочемъ, чѣмъ болѣе я думаю, что навсегда разстался съ Россією, тѣмъ болѣе нахожу удобства и пріятности жить въ Англіи. Думаю даже, что наконецъ я, кромѣ Англіи, нигдѣ и жить не

буду въ состояніи. Возвратиться въ Россію я даже и не желаю. Что я тамъ могу дѣлать? Хотѣлъ бы имѣть полную свободу только для того, чтобы жить болѣе съ вами и ѣздить изъ одного мѣста въ другое. Болѣе я ничего не желаю.

Какую частію занимается Жуковскій? Воспитаніемъ ли? Очень радуюсь, что онъ съ вами. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я знавалъ, я не видалъ другой души, столь чистой и невинной. Я бывало негодовалъ на него, что онъ въ стихахъ своихъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства. Но до чего довела и меня эта идея, такъ исключительно наполнявшая всю мою душу! Она привела меня въ настоящее положеніе, въ которомъ я ничего не могу для нея сдѣлать. По крайней мѣрѣ теперешняя эпоха моей жизни представляется мнѣ отдыхомъ; и *il dolce far niente* теперь не въ тягость моей совѣсти, ибо я не самъ поставилъ себя въ это состояніе. Другія занятія не могутъ такъ сильно владѣть мною. Я слишкомъ много жилъ для одной идеи, чтобы начать заниматься чѣмъ-либо другимъ съ такимъ же рвеніемъ. Признаюсь, что и физическая жизнь имѣетъ теперь для меня болѣе пріятности. Прогулка въ полѣ, хорошій обѣдъ, покойная постель—все это теперь для меня важнѣе, нежели было прежде. Это не хорошо. Но такъ это въ самомъ дѣлѣ! Желанія, направленные всегда къ одному предмету, точно истощали меня. Теперь я гораздо покойнѣе, ибо не вижу цѣли въ желаніяхъ. Но Бога ради не думайте, чтобы мое положеніе было какою помѣхою для...¹⁾

Довольно и того, что я разстроилъ публичную вашу жизнь.

10.

25-го сентября 1826 г. Чельтенгамъ, № 11.

Я теперь гораздо спокойнѣе за васъ, вслѣдствіе послѣднихъ вашихъ писемъ. Продолжайте привыкать къ моему положенію и не думайте ни-мало, чтобы оно было чрезвычайно непріятно, особливо теперь.

Теперь о моей запискѣ или оправданіи: начерно я ее вчера кончилъ; вышла слишкомъ огромна. Надобно многое перемѣнить, исключить повторенія. Юридически весьма о немногомъ говорить можно, ибо обвиненій мало юридическихъ. Отъ у м ы с л а какъ юридически оправдываться? Но я, ссылаясь на рапортъ, показываю, что и общество не имѣло цѣлю бунтовъ, пока я принадлежалъ къ нему. Но какъ могу я представить доказательство, что я не основывалъ новаго общества? Это показываетъ на меня Никита Муравьевъ. Другихъ доказательствъ нѣтъ. Ибо Семеновъ говоритъ, что я н а ч и н а л ѣ составлять. Я только могу сказать,

¹⁾ Точка въ подлинникѣ.

что это ложь и что такое показаніе предъ закономъ недостаточно. Излагая мое участіе въ обществѣ, мнѣ часто кажется, что самое сильное предубѣжденіе должно наконецъ согласиться, что я никогда не имѣлъ ни умысла, ни признавалъ средствъ, кои судъ приписываетъ обществу вообще. Но, излагая сіе, я только съ большими подробностями повторяю первое мое оправданіе. Это первое болѣе мнѣ повредило. Могу ли я ожидать успѣха отъ теперешняго? Могу ли, когда вижу, что многіе, не болѣе меня виновные, были осуждены хотя и не къ тому, къ чему я, но осуждены. Это впрочемъ только доказываетъ мнѣ, что я не долженъ ожидать успѣха, но не мѣшаетъ мнѣ писать оправданіе и не мѣшаетъ жить въ Англии и смотрѣть на Россію, какъ на страну, въ которую я никогда не могу возвратиться выгодно для себя самого. Если кончу записку и вамъ сообщу, то какъ ее отправить въ Петербургъ? Просто нельзя. Надо, чтобы кто-либо, знающій меня, ее представилъ съ письмомъ къ государю.

11.

9-го октября 1826 г. Чельтенгамъ, № 12.

Я писалъ къ вамъ, что всякія оправданія мои не могутъ имѣть силы, если вмѣстѣ не предложу добровольно явиться въ Россію. Я и теперь также думаю, но болѣе, нежели когда-нибудь, нахожусь въ рѣшимости и не предлагать явиться и не возвращаться въ Россію. Я довольно испыталъ и неприятностей, и незаслуженныхъ бѣдствій, и не могу ничего предвидѣть въ будущемъ, что бы могло меня звать въ Россію. Я вижу съ каждымъ днемъ болѣе, что я могу жить и въ Англии.

Въ вашемъ письмѣ вы пишете о моемъ оправданіи. Я его передѣлалъ, но вышло еще огромнѣе. Я не знаю, ошибкою или нѣтъ напечатано въ одномъ мѣстѣ рапорта 1825 г. апрѣля. Но не только числомъ года и мѣсяца, но и другими обстоятельствами ясно доказать можно по рапорту, что совѣщаніе, на которомъ я будто бы согласился на предложеніе Рылѣева о вывозѣ императорской фамилии, было послѣ моего отъѣзда за границу.—Всего труднѣе оправдываться мнѣ отъ возстановленія, ибо, хотя я и не возстановлялъ, но говорилъ въ это время объ обществѣ. Показаніе Никиты Муравьева, что я возстановилъ съ нимъ общество, совершенно неосновательно; но иначе оправдать меня нельзя, какъ спросивъ его самого: какъ возстановилъ я съ нимъ общество? И не ошибся ли онъ? Трудно также опровергнуть, что я принималъ членовъ. Я не вижу по рапорту, что они сами объ этомъ показывали. Я думалъ, что я принялъ только Митькова, а теперь являются и другіе. О сихъ другихъ я говорю въ запискѣ, что я только видалъ и говорилъ

съ ними объ обществѣ, но не принималъ. Возвратясь въ Лондонъ, при-
мусь переписывать записку мою и вамъ перешлю. Я думаю, кромѣ за-
писки, которая слишкомъ пространна, надобно написать письмо къ госу-
дарю. Но кто можетъ ему его представить? Не Блудовъ ли писалъ ра-
портъ слѣдственной комиссіи? видя, что вы въ письмахъ вашихъ о
немъ не упоминаете, я заключаю, что вы не были съ нимъ въ сноше-
ніяхъ. Иначе не худо было бы мою записку сообщить ему и спросить,
можно ли ожидать отъ нея успѣха. Онъ все дѣло долженъ знать и мо-
жетъ сказать, что въ запискѣ неполно или что недостаточно доказывает-
ся. Вообще надобно прежде *sonder le terrain*, а потомъ уже представить
записку. Иначе опять только повредить она можетъ; ибо я и въ ней
не могу говорить иначе объ общемъ моемъ участіи въ обществѣ, какъ
говорилъ въ первой. Впрочемъ, видя, какъ далеко собственное мое мнѣніе
объ участіи моемъ въ обществѣ и о неучастіи во всемъ преступномъ,
отъ мнѣнія тѣхъ, которые приговорили меня къ смерти и каторгѣ, я не
могу никакъ ожидать ничего ни отъ моей записки и ни отъ чего. И самъ
даже не знаю, къ чему всѣ эти хлопоты! Пусть думаютъ что хотятъ! Отъ
сего мнѣнія совѣсть моя не отяготится ничѣмъ. Я спокоенъ и могу
жить по крайней мѣрѣ не хуже прежняго въ Англіи, могу путешество-
вать, читать, бродить и думать. И вамъ совѣтую менѣе о мнѣ думать.
Все это, право, не стоитъ большихъ хлопотъ. Признаюсь вамъ, что
если бъ я не видѣлъ, что разстроиваю ваше существованіе, я еще ме-
нѣе заботился бы о томъ, что со мною произошло.

Я повторяю, что индивидуально я не могу жаловаться на мою судь-
бу. Все, что меня беспокоитъ,—это вы. Я разстроилъ вашу судьбу. Я
самъ былъ бы очень доволенъ, если бы, при чувствѣ независимости въ
странствіяхъ и въ жизни вообще, мысль о васъ меня не тревожила. И
такъ все, что вы сдѣлаете для себя, вы сдѣлаете и для меня. Для васъ
обоихъ хорошо было бы можетъ быть заняться опять службою. Конечно,
для васъ трудно будетъ думать, что я продолжаю быть подъ приговоромъ
каторги! Но этому помочь нельзя. По крайней мѣрѣ относительно меня,
моей участи теперешней, вы можете быть покойны. Самое тягостное
въ моей участи для меня—то, что я причиняю горе вамъ. Безъ этого
я вообще не имѣлъ бы горя.

12.

25-го октября 1826 г. Лондонъ, № 13.

Эпиграфомъ моего оправданія можно бы поставить: «безъ вины
виновать». Я писалъ его подъ вліяніемъ вашихъ писемъ. Мнѣ какъ-то
совѣстно и унижительно виниться тамъ, гдѣ я не виноватъ. Но и я ду-

маю, что иначе нельзя было и писать никакого оправданія. Впрочемъ, это самообвиненіе позволяетъ мнѣ намекать и на ничѣмъ неоправдываемую несправедливость въ обвиненіяхъ. On recule pour mieux sauter. Одно юридическое изложеніе показалось бы сатирою. Такъ тутъ мало юрисъ—и простой—пруденціи. Желаю только скорѣе кончить все это дѣло и не думать болѣе о немъ. Нравственное положеніе мое съ каждымъ днемъ становилось лучше и лучше. Я такъ теперь доволенъ своимъ бытіемъ, какъ не былъ никогда. Только мысль о васъ меня огорчаетъ.

Неужели всѣ ваши пріатели петербургскіе васъ забыли или не хотятъ переписываться съ братомъ осужденнаго на смерть и каторгу заговорщика? Я читалъ въ газетахъ объ уменьшеніи времени для осужденныхъ. Между ними есть не болѣе меня виновные. Напр., Бригенъ. Я не видалъ въ газетахъ, къ чему онъ былъ приговоренъ. Не знаете ли вы? Онъ меня всѣхъ болѣе интересуеетъ, какъ по пріязни, такъ и по его отзыву о показаніи о моей фразѣ. Этотъ отзывъ меня тронулъ до души. Я вижу тутъ доказательство дружбы. Глупая болтовня Муравьева и Орлова, особливо сего послѣдняго, жалка и презрительна. Къ чему былъ осужденъ добрый Глинка? И гдѣ онъ? Также Граббе? Они не были подъ судомъ. О Толстомъ, котораго будто бы я принялъ, нигдѣ не упоминается. Онъ былъ въ Италіи прошлаго года. За симъ прощайте. Да сдѣлайте милость не беспокойтесь и даже не грустите обо мнѣ. Право, нѣтъ причины. Есть ли съ вами первое мое оправданіе? Я писалъ второе въ Чельтенгамѣ, не имѣвъ тамъ перваго. Здѣсь опять его прочелъ и нахожу, что второе не только вообще не противорѣчить, но подтверждаетъ первое. Я ничего во второмъ, послѣ Чельтенгама, не перемѣнилъ. Могутъ придратъся къ противорѣчіямъ въ подробностяхъ, но я пишу не для крючкотворцевъ. Оправданіе мое—во всей моей жизни, въ моихъ занятіяхъ. Для кого я писалъ Банкротскій Уставъ, объ уголовномъ судопроизводствѣ? Для правительства Россійскаго или для Вашингтона—Рылѣева и Бонапарте—Пестеля? Quelle pitié que tout cela! говоритъ гдѣ-то Шатобрианъ въ заключеніе изложенія чего-то очень невѣроятнаго и мелкаго.

13.

9-го ноября 1826 г. Лондонъ, № 14.

Я только по послѣднему вашему письму понялъ ошибку 1824, вмѣсто 1825 въ рапортѣ. Это конечно отстранить мои доказательства alibi; но обстоятельство, до коего сіе касается, не принято противъ меня обвиненіемъ ни судомъ, ни комиссіею. Такъ какъ я уже объясненіе мое переписалъ, то не намѣренъ перемѣнять. Къ объясненію я приложилъ

краткую таблицу, означающую обвиненія и доказательства. Я думаю, для официального представленія лучше дать одну таблицу. Ожидаю вашего отвѣта, къ кому я долженъ адресовать этотъ пакетъ въ Гамбургъ, чтобы немедленно послать его. Все готово. Я доволенъ тѣмъ, что написалъ эту записку вскорѣ послѣ извѣстій о мнѣ. Теперь бы я не рѣшился писать ее или бы написалъ совершенно иначе. Ибо теперь я, кромѣ негодованія, ничего не чувствую. Къ тому же вижу, что я могу жить хорошо и пріятно, даже пріятнѣе прежняго въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Послѣднее ваше письмо за васъ болѣе меня успокоило. И это для меня главное. О прочемъ я, право, не забочусь очень. Если ихъ забавляетъ приговоръ о мнѣ, то пусть забавляются. Я едва-ли даже желаю милости. Справедливости не ожидаю. Условій никакихъ не приму. Всякій безпристрастный человѣкъ, взглянувъ на мою таблицу, увидитъ, что не было никакого законнаго основанія къ осужденію. Впрочемъ, я не могу сказать, чтобы и негодованіе мое было сильно. Въ ихъ понятіяхъ, они могли почитать меня виновнымъ, хотя я увѣренъ, что и они не почитали меня такъ виновнымъ, какъ сказано въ приговорѣ.

Я не избѣжалъ повтореній въ моей запискѣ. Но отъ сего каждая изъ трехъ частей, на кои она раздѣляется, можетъ составлять цѣлое, отдѣльное.

10-го ноября. Я думаю, мою записку и таблицу лучше вручить кому-либо, даже и въ Петербургѣ, а не посылать прямо. Такъ какъ не повѣрили первой, то не повѣрятъ и второй. Слѣдственно, она только еще болѣе усилитъ противъ меня предубѣжденіе. Впрочемъ, что хотятъ то пусть и думаютъ о мнѣ. Я радъ, что кончилъ записку и освободился отъ занятія непріятнаго. Я не могу по сію пору вѣрить, чтобы кто-либо серьезно думалъ, чтобы глупыя тайныя общества произвели глупое, но дерзкое возмущеніе. Не постигаю, какъ многіе изъ подсудимыхъ не представляли общества такъ, какъ я, ибо многіе о немъ думали такъ, какъ я.

14.

23-го ноября 1826 г. Лондонъ, № 15.

Передъ отправленіемъ я еще прочелъ мое оправданіе. Кажется, оно достаточно. Я писалъ уже вамъ, что я къ вамъ въ Петербургъ не посылалъ втораго оправданія, а только въ письмѣ, котораго вы не получили, писалъ, чтобы взяли справку о томъ, что я не былъ при совѣщаніи, какъ показывалъ Рылѣевъ. По новому моему оправданію одна справка могла бы быть мнѣ полезна: это относительно показанія Муравьева, что я съ нимъ возстановилъ общество. Это сущій вздоръ, и я

*

увѣренъ, что Муравьевъ, увидѣвъ мое изъясненіе, согласится въ своей ошибкѣ. Я ни мало не удивляюсь, что Глинка увѣрялъ, что я невиненъ. Я, право, самъ по сіе время не могу понять, какъ этотъ вздоръ, давно вышедшій изъ памяти моей, могъ подвергнуть меня отвѣтственности.

Мнѣ кажется, что редакція рапорта много причиною въ томъ, что дѣло кажется теперь болѣе важнымъ, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ. Редактору слѣдовало бы говорить только о томъ, что онъ находилъ въ признаніяхъ и показаніяхъ. Но тогда, скажутъ, не было бы свѣта въ дѣлѣ! Да! Но тогда рапортъ былъ бы истиннымъ представленіемъ дѣла. вмѣсто того редакторъ сдѣлалъ изъ рапорта литературную піесу, съ связію, съ ясностію, но надобно было сдѣлать юридическую піесу. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ такое-то время не видно, что дѣлалось въ обществѣ, но по крайней мѣрѣ видно, что были пренія и т. п. «Не видно что дѣлалось!»—Напротивъ, тутъ видно, что ничего не дѣлалось! Другой порокъ рапорта въ томъ, что не довольно отдѣлены дѣла общества отъ дѣлъ членовъ индивидуально, такъ, что всѣ замыслы индивидуумовъ приписываются обществу. Но истина замѣтна и между недостаткомъ рапорта.

Иногда коммиссія какъ будто бы невольно отстраняетъ преступные замыслы отъ общества, какъ общества. Сіе послѣдніе я изъяснилъ въ своей запискѣ. Впрочемъ, всякій безпристрастный человѣкъ убѣдится изъ моей записки, что я не заслужилъ никакого взыскація, а еще меньше смерти и каторги за мои дѣйствія. Этого для меня довольно. Одно главное чувство теперь владѣетъ мною: это благодарность Промыслу за мое, непонятное для меня, сохраненіе. Чѣмъ могъ я заслужить такое благополучіе? Многіе изъ осужденныхъ, Глинка, Бригенъ, не болѣе меня виновны. Уже одно это чувство отстраняетъ отъ меня всякое горе, котораго впрочемъ я и иначе не имѣлъ бы. Я доволенъ моимъ положеніемъ болѣе, нежели когда-либо прежде. Теперь покойнѣе и за васъ.

Ко многимъ, вслѣдствіе происшествій со мною, я невольно почувствовалъ какое-то отвращеніе, но за то болѣе привязанъ къ тѣмъ, которыхъ не переставалъ любить и уважать. Доказательство дружбы со стороны Бригена замѣняетъ мнѣ Орлова, котораго вранье заставляетъ меня даже презирать его. Вранье прочихъ не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Я не могъ отъ нихъ ожидать ничего похожаго на благородство въ отношеніи ко мнѣ.

15.

12-го декабря 1826 г. Лондонъ, № 16.

Изъ Риги вы мнѣ писали: «чистъ какъ стекло» о Глинкѣ. По дѣлу я вижу, что не князь Трубецкой, а двое Муравьевыхъ подтверждаютъ показаніе П—ля (Пестеля) о фразѣ.

Я вижу, что N. N. не перемѣнился ко мнѣ съ перемѣною моихъ обстоятельствъ. Да впрочемъ я думаю, что и другіе не могли убѣдиться, что я заговорщикъ, и что даже судьи серьезно этого никогда не думали. Право, иногда я смѣюсь всему этому, не постигая, какъ я попалъ подъ смертный приговоръ. И если бъ все ограничивалось однимъ мною, то, кромѣ смѣха, все это дѣло никогда бы во мнѣ инаго не произвело.

Хорошо ли это или дурно, но я долженъ сказать, что, думая о нѣкоторыхъ весьма немногихъ въ Россіи, о самой Россіи я весьма мало думаю. Только бѣдные мужики часто наводятъ на меня грусть. Но и это чувство теперь для меня несравненно легче, нежели прежде было. Прежде мнѣ всегда казалось, что я не дѣлаю всего того, чтѣ бы я могъ дѣлать въ святомъ дѣлѣ освобожденія. Теперь я ничего не могу дѣлать. Слѣдовательно, не могу ни въ чемъ упрекать себя. Конечно, отъ сего самаго происходитъ и теперешнее мое спокойствіе духа, коего я никогда прежде не имѣлъ, и которое есть истинное наслажденіе, доселѣ мнѣ вовсе неизвѣстное. Я не зналъ, что судьямъ моимъ я буду обязанъ симъ счастливымъ положеніемъ. Кто не скажетъ послѣ сего, что «все къ лучшему». Они негодуютъ за то, что я представлялъ тайныя общества ребячествомъ, вздоромъ. Я съ своей стороны нахожу только затрудненія въ томъ, чтобы соотвѣтственно всегдашнему моему убѣжденію достаточно изобразить всю ничтожность сихъ обществъ. Они думаютъ, что я говорю не то, что думаю! А дѣло въ томъ, что мнѣ кажется, что я недостаточно, недовольно ясно, сильно представляю мое мнѣніе о ничтожности обществъ. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что, чтѣ бы я ни говорилъ, я не могу достаточно выразить убѣжденія моего о ничтожности обществъ и не потому самому, что я долженъ говорить о такомъ дѣлѣ, которое не стоитъ слова или строки. Какъ же могу я ожидать, чтобы когда-либо мое мнѣніе встрѣтилось съ мнѣніемъ этихъ людей? Итакъ лучше каждому оставаться при своемъ.

16.

2-го января 1827 г. Лондонъ, № 17.

Я живу здѣсь весьма покойно и нимало теперь не забочусь о ходѣ какой возьметъ мое оправданіе. При теперешнемъ моемъ образѣ мы-

слей я написалъ бы его иначе. Но и то, что я написалъ, я писалъ для удовлетворенія вашего желанія. Если бѣ иногда состояніе бѣдныхъ русскихъ мужиковъ не наводило на меня грусти, то я вовсе и не думалъ бы о Россіи. Да и о чемъ или о комъ мнѣ тамъ думать? Я знаю, что гражданская моя жизнь въ Россіи была жизнь честнаго человѣка. Сколь бы частная моя жизнь ни была грѣшна, жизнь моя, какъ гражданина, чиста, и дураки и алтынники не могутъ лишить меня сего утѣшенія. Дѣйствуя, какъ я дѣйствовалъ, я слѣдовалъ простому чувству. Теперь вижу, что это чувство меня не обманывало и что я исполнялъ долгъ честнаго человѣка, пренебрегая личными выгодами, жертвуя наслажденіями жизни и здоровьемъ исполненію долга. Теперь я свободенъ и хочу жить для себя, и совѣсть позволяетъ мнѣ жить для себя самого. Право, Шекспиръ для меня теперь гораздо пріятнѣе, нежели протоколы совѣтскіе. Надобно вамъ сказать, что я теперь весь въ Шекспирѣ: читаю его трагедіи, смотрю на театрѣ его трагедіи, читаю Джонсона, Попе о семь гигантѣ. Прежде я не могъ наслаждаться такимъ чтеніемъ. Теперь наслаждаюсь въ полной мѣрѣ... въ чемъ могъ в... остерегать меня, касательно Митькова. Я съ Митьковымъ едва-ли не однажды говорилъ объ обществѣ, въ которое онъ желалъ вступить, будучи въ Петербургѣ. Да и не о чемъ было говорить. А что Митьковъ говорилъ о мнѣ при допросахъ, я ни мало за сіе не негодую. Развѣ Орловъ не говорилъ также противъ меня? а о семь послѣднемъ я имѣлъ не такое мнѣніе, какъ о Митьковѣ. Во всѣхъ этихъ допросахъ я только вижу одно: это слова Бригена. Эти слова меня радуютъ. На прочее я смотрю, не скажу, съ презрѣніемъ—ибо это было бы слишкомъ много, но весьма равнодушно или, лучше сказать, совсѣмъ не смотрю. Свѣтъ широкъ. Благодарю судьбу за возможность быть свободнымъ и особенно за чувство свободы. Это чувство было во мнѣ подавлено прежде безпрестаннымъ вниманіемъ на участь русскихъ крестьянъ. Идея рабства заглушала во мнѣ другія идеи и другія чувства. Теперь, освобожденный отъ сей идеи, прежнее, природное воскресло. Я вижу, что я не рожденъ быть рабомъ и пресмыкаться, ибо вижу, что, съ отстраненіемъ препятствій, духъ свободы развился въ душѣ моей!

17.

22-го января 1827 г. Лондонъ, № 18.

Мнѣ кажется, вы напрасно ожидаете успѣха отъ сей записки. Я и не ожидаю и не думаю о семь успѣхѣ: нахожу его и невозможнымъ, и для меня бесполезнымъ. Я бы и при возможности возвратиться въ Россію не поѣхалъ бы туда. А предлагать явиться или дѣлать то, вслѣд-

ствіе чего могутъ требовать моего возвращенія, я и не могу и не хочу. Мнѣ и здѣсь хорошо. Мнѣ кажется, что особыя объясненія съ вашей стороны, особенно о лицахъ, не нужны. А о Постелѣ, я думаю, никакъ нельзя вамъ дѣлать такихъ объясненій. Это было бы очень нехорошо. Какъ искать причинъ ненависти въ однихъ догадкахъ? И къ чему это? Впрочемъ, объясненія сіи никого не убѣдятъ. Я не знаю, есть ли у меня отношеніе графа Нессельроде? Поищу. Но на что оно? Если захотятъ, то справятся и найдутъ, что Нессельроде предписалъ Потемкину объявить мнѣ, что меня объявятъ предъ англійскимъ правительствомъ измѣнникомъ, если я не явлюсь. Всѣ эти подробности, право, излишни.

Писать къ государю письмо? Но это очень трудно въ моемъ положеніи. Я не имѣю, во-первыхъ, права писать къ нему. Во-вторыхъ: что я могу сказать ему? Не понимаю. Мнѣ кажется, что я могу только писать въ такомъ смыслѣ: меня судили, приговорили, я не явился—и навсегда разстался съ Россією, что прошедшее не въ нашей власти, что я не жалуясь, не прошу, но желаю представить ему, какъ брату и преемнику того, противъ коего меня обвиняютъ въ замыслахъ, что я не преступалъ никогда обязанностей честнаго человѣка. Вотъ все. Я долженъ буду въ такомъ письмѣ настоять, что я и не могу и не хочу возвратиться въ Россію, ибо не могу быть ни на что тамъ полезенъ, послѣ оглашенія меня государственнымъ преступникомъ. Симъ только средствомъ я могу предупредить требованіе возвратиться въ Россію.

Я теперь совсѣмъ не въ томъ расположеніи духа, въ какомъ былъ, когда писалъ записку, и даже тогда я вчиталъ себя въ то расположеніе вашими письмами. Радуюсь вашему участію въ письмахъ вашихъ, я вмѣстѣ не безъ горя вижу, что васъ все это слишкомъ много агитируетъ, а я начинаю какъ-то не понимать сей агитаціи, хотя и думаю, что ваше положеніе гораздо непріятнѣе, нежели мое собственное.

Касательно общаго характера моей записки, главнаго я конечно не выразилъ и выразить не могъ, и сіе главное состоитъ въ мнѣніи, которое я всегда имѣлъ объ обществѣ; никогда ни на одну минуту во все бытіе мое въ Россіи, я не почиталъ общество не только важнымъ, значительнымъ, но даже серіознымъ. Ни на одну минуту не ожидалъ, чтобы общество могло что-нибудь произвести. Если же я видался съ членами, то это потому, что почиталъ обязанностію не эгоиста дѣлать все, что представлялъ случай для распространенія здравыхъ, человѣческихъ понятій. И мнѣ казалось, что въ семь отношеній разговоры мои были не безъ успѣха. Люди, съ которыми я говорилъ, никогда прежде не думали о рабствѣ. Я въ нѣкоторыхъ возбудилъ мысли о всей гнусности рабства. Они меня слушали охотно, ибо видѣли, что я говорилъ прямо, отъ души. По сему-то въ обществѣ многіе имѣли ко мнѣ болѣе

довѣренности, нежели къ другимъ, въ коихъ видѣли только замашки модной либеральности. Моими мнѣніями я останавливалъ мнѣнія другихъ, указывая имъ на необходимое, о коемъ надлежитъ заботиться прежде предметовъ роскоши. Многіе изъ членовъ общества были простые, чистые, благонамѣренные люди. Они не могли не соглашаться со мною. Но мало-по-малу я отъ всего отсталъ, не видя успѣха и убѣдившись, что я сдѣлалъ все, что могъ, и что совѣсть не будетъ упрекать меня въ холодности, въ эгоизмѣ. Смотри на нашихъ либераловъ (не членовъ общества), я часто думалъ: какая польза въ болтовнѣ? въ шуточкахъ? Хорошо имъ изъ пустаго въ порожнее пересыпать! Но попробовали бы они потолковать съ моими Ликургами и видѣть ихъ удивленіе, когда я, простыми доводами, низводя ихъ съ возвышенной трибуны въ избу крестьянина или на конюшню деревенскаго помѣщика, убѣждалъ ихъ, что не о палатахъ представительныхъ мечтать, но о палкахъ и плетяхъ думать должно. И это доказывалъ я и молодымъ членамъ общества и старымъ членамъ Государственнаго Совѣта. Разница была въ томъ, что первые удобнѣе меня понимали. Можетъ быть, въ числѣ судей моихъ были люди, которые мнѣ говаривали, что лѣстницу метутъ сверху, и которымъ я отвѣчалъ, что честный человѣкъ долженъ прежде всего дѣлать то, что онъ дѣлать можетъ, и не откладывать сего потому, что другіе не дѣлаютъ того, что сіи другіе только дѣлать могутъ. Я и по сію пору вѣрить не могу, чтобы общество было значительно или опасно, и мнѣ кажется, что общее мнѣніе о немъ ошибочно. Иначе какъ же можно сообразить это съ безпрестанными насмѣшками, которыми сами члены осыпали и общество, и членовъ? Если бъ я почиталъ общество серіознымъ, то дѣйствія мои были бы совсѣмъ инаго рода. Я не могу быть холоденъ въ вещи, которая у меня на сердцѣ. Тогда не то бы при слѣдствіи противъ меня открылось. Если бъ я могъ говорить противное правдѣ, то для самолюбія моего было бы лучше придать еще болѣе важности обществу и моимъ дѣяніямъ. Я не рисковалъ бы тогда ничего, ибо не былъ въ Россіи. Писавъ записку, я ни мало не думалъ посредствомъ ея проложить путь къ возвращенію въ Россію.

Я ни въ какомъ случаѣ туда не возвращусь. Жизнь моя тамъ была и прежде цѣною непріятностей: не могъ взглянуть на улицу безъ того, чтобы сердце не содрогалось при видѣ мужиковъ, бутошниковъ, Есиновыхъ, Албрехтовыхъ и пр. и пр. Я жилъ тамъ только потому, что думалъ, что я долженъ тамъ жить для возможности быть полезнымъ для рабства. Меня теперь лишили сей возможности. Не я отказался отъ исполненія своего долга. Безъ зарѣнія совѣсти могу быть теперь въ покоѣ и въ свободѣ, и въ праздности. Не о чинѣ же дѣйствительнаго статскаго совѣтника сожалѣть!

Адресовать записку къ государю нельзя. Какъ предполагать, чтобы

государь могъ читать такія записки? Онъ можетъ ихъ читать, и конечно покойный государь прочелъ бы; но предполагать сего не должно. Это даже и не прилично. Письмо удобнѣе. Но я точно не имѣю права писать письма. Могу найти сіе право только въ моеи неявкѣ, въ которой состоитъ вся вина моя передъ государемъ. И такъ какъ нѣтъ закона на неявку, то я не могу ни къ кому, кромѣ государя, обратиться съ письмомъ о неявкѣ. Но и для сего почти нужно, чтобы и государь уже зналъ, что я только въ неявкѣ виновенъ. Но могутъ отвѣчать: явись. А я, если бѣ и хотѣлъ, то не долженъ являться. Это противно нравственному достоинству человѣка. Покоряться добровольно несправедливости по крайней мѣрѣ такъ же противно нравственности, какъ и быть самому несправедливымъ. Будетъ того, что и терпимъ несправедливости недобровольно.

18.

6-го февраля 1827 г., Лондонъ, № 19.

Прежде всего почитаю нужнымъ отвѣчать на замѣчанія: на 1-е: Выраженіе: «измѣненіе государственныхъ постановленій» употребилъ я въ своей запискѣ, потому что нашелъ его въ рапортѣ. Я могъ бы теперь опредѣлить, что мы разумѣли подъ сими словами, если бѣ я когда-либо слышалъ отъ членовъ общества или самъ говорилъ что-либо серьезно о какомъ бы то ни было устройствѣ государственномъ. Въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и состоятъ все мои объясненія, что объяснить нечего. По рапорту—благодаря литературнымъ способностямъ редактора—всякому покажется, что что-то было устроенное, что члены тайнаго общества имѣли планъ, правильныя совѣщанія и пр. и пр. Но истина въ томъ, что ничего подобнаго не было; а были съ одной стороны разговоры вздорные, но конечно не преступные, съ другой—вранье грубыхъ, непросвѣщенныхъ людей, русскихъ либераловъ, кои, по примѣру отцевъ и дѣдовъ, въ рѣзаньѣ, въ убійствѣ, видѣли подвиги славные. Но и тутъ я увѣренъ, что они только болтали, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ. Я въ сихъ разговорахъ послѣдняго рода участвовать не могъ, ибо почти не видывалъ сихъ людей, а если кого и видѣлъ, то никто, зная меня, не могъ имѣть никакого повода и побужденія сообщить мнѣ такія вещи.—Итакъ я на сей пунктъ вообще могу сказать, что я никогда не слышалъ, чтобы разсуждали, въ настоящемъ смыслѣ сего слова, о какихъ-либо измѣненіяхъ государственныхъ установленій. Говорили въ засѣданіяхъ общества, за чаемъ, о конституціяхъ, такъ точно говорили объ этомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Англинскомъ клубѣ, на улицахъ. Если бѣ въ обществѣ было что-либо

разсуждаемо регулярно, то нѣтъ сомнѣнія, что сіе открылось бы при слѣдствіи. Но нигдѣ по рапорту нѣтъ слѣдовъ ни правильныхъ разсужденій, ни принятыхъ мнѣній, правилъ. Объяснять, чтѣ происходило въ обществѣ, для меня теперь такъ же трудно, какъ было бы объяснять, что я слышалъ и говорилъ въ Англинскомъ клубѣ, въ Совѣтѣ, въ частныхъ домахъ. А я никогда въ умѣ своемъ не дѣлалъ различія между разговорами въ обществѣ и разговорами въ другихъ мѣстахъ. Для опредѣленія истины, для обвиненія, надобно имѣть факты, а не разговоры. Да и какъ возможно помнить то, что мы говоримъ?

На 2-е замѣчаніе: Я помню, что я слышалъ и самъ говорилъ, что цѣль не оправдываетъ средствъ. Но я это равно слышалъ и въ обществѣ и въ свѣтѣ. Какъ могу я припомнить, при какомъ случаѣ я это или слышалъ или говорилъ? Одно только помню хорошо, что это часто мнѣ встѣчалось: въ разговорахъ говорили иногда, что надобно сносить непріятности по службѣ, дабы удержать мѣсто, что надобно добиваться чиновъ, мѣсть, чтобы имѣть вліяніе. Я на это замѣчалъ, что всякой бездѣльникъ и взяточникъ будетъ въ равной категоріи съ честнымъ человекомъ, коль скоро честный будетъ дѣйствовать, какъ нечестный, что внутреннія побужденія извѣстны только Богу, что надлежитъ и въ наружности быть безъ пятна, безъ упрека и т. д. Иногда я говорилъ, что уничтоженіе рабства есть святое дѣло, но что я не желаю, чтобы эта святая цѣль была достигнута убійствами, рѣзаньемъ, пугачовщиною. Говорили о поселеніяхъ: я неоднократно замѣчалъ, что сколь бы окончательная цѣль оныхъ ни была полезна для государства, но что средство—принужденіе и нарушеніе самыхъ простыхъ правъ и гражданскихъ и человѣческихъ,—не хорошо, что добро дѣлается добромъ. Вотъ истинное мое правило. Я всегда говорилъ, что добро дѣлается только добромъ, и что отъ зла добра никогда быть не можетъ.—Если бы я зналъ, что между нѣкоторыми членами общества были разсужденія объ убійствахъ, то тогда я конечно не удовольствовался бы изясненіемъ простыхъ правилъ, а говорилъ бы прямо противъ такихъ замысловъ. Но о сихъ замыслахъ я ничего не зналъ. А потому не зналъ и теперь не знаю, разумѣли ли другіе, что-либо особенное, говоря, что цѣль не оправдываетъ средствъ. Но чтѣ бы они ни разумѣли, сіе правило, которое они излагали, ограждаетъ ихъ отъ отвѣтственности въ злыхъ замыслахъ.

На 3-е замѣчаніе. Я сказалъ въ запискѣ, что я былъ разъ пять въ засѣданіяхъ, во все время, что поводомъ сихъ засѣданій были жалобы членовъ на недѣятельность общества, и одного на другаго. Вообще на сихъ засѣданіяхъ не говорили ни о чемъ другомъ, какъ о лучшемъ устройствѣ общества, что сіи разговоры, наводя скуку, не продолжались болѣе $\frac{1}{4}$ часа, и что послѣ болтали, какъ болтають обыкновенно.

Ни мнѣ и никому никакихъ занятій поручаемо никогда не было. Я же съ моей стороны иногда совѣтовалъ заниматься чтеніемъ книгъ. Я ничего не дѣлалъ въ качествѣ члена общества. Другіе, какъ я вижу, писали конституціи, но мнѣ ихъ не показывали, и конечно, они писали ихъ не по порученію общества, а по собственному произволу, чувствуя, можетъ быть, нужду въ занятіи и не умѣя удовлетворить сей нуждѣ инымъ болѣе полезнымъ образомъ.

На послѣднее замѣчаніе повторяю, что я не имѣю ни права, ни охоты обращать записку къ государю. Съ какой стати? Онъ утвердилъ приговоръ суда, и если я осужденъ несправедливо, то сему причиною конечно судъ, а не государь.—Но если государь можетъ быть расположенъ обратить на меня вниманіе справедливое, то для убѣжденія въ полной моей невинности нужно только бросить взглядъ на таблицу. Для безпристрастнаго этого довольно. Но я не явился. Я былъ виновенъ въ неявкѣ прежде произнесенія о мнѣ приговора. Но сей приговоръ меня оправдалъ. Никакой безпристрастный человѣкъ не можетъ не согласиться, что я сдѣлалъ дѣло(?), не исполнивъ предписанія явиться. По моему мнѣнію, для государя и для всякаго человѣка вообще достаточно видѣть, что была несправедливость, дабы желать устранить несправедливость, отъ чего бы она ни происходила. Я честію увѣряю, что и на судей моихъ я не негодовалъ и теперь не негодую. Извѣстно, что часто инквизиторы жгли еретиковъ, будучи въ душѣ увѣрены, что они дѣлаютъ угодное Богу. Я знаю понятія нашихъ судей. Какъ могу я, безъ сумасшествія, ожидать, чтобы кн. Петръ Васильевичъ (Лопухинъ?) судилъ такъ, какъ судилъ лордъ Масфильдъ? Можно ли сердиться на Глинку, что онъ не написалъ русскую исторію такъ, какъ Карамзинъ? Можетъ ли медвѣдь танцевать такъ, какъ танцевалъ Вестрисъ?—Меня почитаютъ несчастливымъ. Я таковымъ себя не почитаю. Почему? Потому, что я привыкъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ. Тамъ, гдѣ 13 милл. въ рабствѣ—кто можетъ ожидать справедливости? Я презиралъ бы самъ себя, если бъ несправедливость, мнѣ оказанная, меня удивила. Я не фразами жилъ по сію пору. То, что я говорилъ, я всегда чувствовалъ. Я не могу ясно изобразить всего, что я чувствую и думаю о семъ предметѣ. Но вотъ результатъ моихъ мыслей: я не негодую на судей?! Они могли дѣйствовать по собственному ихъ убѣжденію, по ихъ понятіямъ, сообразно ихъ просвѣщенію. Но вмѣстѣ съ симъ я думаю, что приговоръ ихъ о мнѣ несправедливъ.—Могу ли я желать просить о пересмотрѣ сего приговора?—Нѣтъ! Безъ униженія собственнаго я этого сдѣлать не могу, даже и въ ожиданіи вѣрнаго успѣха. Я уже сдѣлалъ, вѣроятно, болѣе, нежели сколько могъ себѣ позволить, написавъ записку въ томъ видѣ, какъ я ее написалъ. Я въ ней обвиняю себя, не чувствуя себя виновнымъ. Это не совсѣмъ хорошо. Въ семъ я нахожу первое разно-

гласіе между моею совѣстію и моими поступками. Но я это сдѣлалъ для исполненія желанія брата Александра. Слова, въ его письмахъ содержащіяся, я перенесъ въ мою записку. Болѣе я теперь сдѣлать не могу. Не могу идти далѣе. Сего и братья отъ меня требовать не будутъ, даже если я самъ заграждаю себѣ путь къ возможности возвратиться въ прежнее мое положеніе. Чего я могъ просить даже и отъ государя? Какой милости? Повторяю, что приговоръ оправдалъ мой поступокъ. Гдѣ несправедливость? Въ неявкѣ или въ приговорѣ? Съ чьей стороны *le tort*? Конечно, не съ моей. Кто долженъ поправлять прошедшее? Вознаграждать за несправедливость? Конечно, не я.—Если истина, если правда имѣтъ цѣну въ глазахъ тѣхъ, отъ кого зависитъ дѣло, то они обязаны поправить дѣло не для меня, но для справедливости. Если же ихъ понятія о справедливости или о мнѣ особенно не позволяютъ имъ признать моей невинности, признать, что со мною поступлено несправедливо, тѣмъ хуже для нихъ. Я не долженъ, униженіями самого себя, стараться достичь того, что должно быть произведено чистымъ признаніемъ правды съ ихъ стороны. Если правда не сильна для убѣжденія ихъ въ моей невинности, то униженіе съ моей стороны не можетъ или по крайней мѣрѣ не должно произвести сего дѣйствія. Я долженъ сохранить не только чистую совѣсть, но и нравственное мое достоинство. По сію пору я сдѣлалъ уже много уступокъ (*concessions*); но не могу дѣлать болѣе. Чувство чистой совѣсти достаточно для смерти. Чувство нравственнаго достоинства необходимо для жизни. Съ нимъ я теперь живу покойно, дышу вольно, смотрю на людей прямо. Оно сохранитъ мнѣ спокойствіе и ясность души вездѣ, гдѣ бы я ни былъ.—Просить прощенія въ винѣ дѣйствительной есть искать уклониться отъ закона. Это значить искать, желать, просить несправедливости.—Если бъ я когда-либо былъ осужденъ по закону, я не сталъ бы просить помилованія. Законъ долженъ быть исполненъ. Все, что я почитаю позволительнымъ для меня въ моемъ положеніи, есть уклониться отъ сего закона и продолжать не являться. Меня могутъ, передъ закономъ, осудить за неявку. Я могу избавить себя отъ сего осужденія, оставаясь въ Англии, могу, ибо чувствую, что я, не явившись, избавилъ себя отъ приговора несправедливаго. Въ теперешнемъ моемъ положеніи не я въ долгу другихъ. Если, чего я впрочемъ не ожидаю и не могу благоразумно ожидать, государь захочетъ отвратить сдѣланную мнѣ несправедливость, несмотря на мою неявку, и такимъ образомъ сдѣлать болѣе, нежели сколько требуетъ строгая справедливость, тогда я буду въ долгу и въ обязанности расплатиться всѣми возможными средствами. Я могу принять такое благодѣяніе, но не могу просить его.—Но я по всему вижу, что я не буду обремененъ бреме-

немъ признательности. Вижу это, ибо вижу, что другіе, не болѣе меня виновные, не избѣгли Сибири или другихъ наказаній.

При семъ случаѣ скажу окровенно: я съ горестію вижу вашу anxіété, безпокойство духа. Другія части письма вашего могли бы ручаться за ваше спокойствіе. Но тутъ и вообще во всемъ томъ, что вы лично о мнѣ говорите, я съ печалію вижу, что вовлекъ васъ въ сильное безпокойство, раздраженіе, горе. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы успокоить васъ. Знаю, что положеніе очень трудно. Но думаю, что вы можете хотя нѣсколько успокоиться, видя, что я, причина и предметъ вашего безпокойства, ни мало не печалюсь о себѣ собственно. Но я желаю невозможнаго. Вы не можете дѣйствовать вопреки вашему характеру. Такъ и быть!

19.

23-го февраля 1827 г. Лондонъ, № 20.

Въ моемъ № 19 я продолжалъ излагать мои причины противъ вашего мнѣнія о необходимости съ моей стороны письма къ государю. Ссылаюсь на сіи причины. Но если письмо необходимо, то оно должно быть очень коротко, и я долженъ буду въ немъ сказать, что и не желаю, и не могу, ни въ какомъ случаѣ, возвращаться въ Россію, что не забочусь о мнѣнїи, которое публика можетъ имѣть о мнѣ вслѣдствіе рапорта, но что пишу къ его величеству потому, что не хочу, чтобы братъ и преемникъ покойнаго императора могъ думать, что благоволеніе и милости его были обращены къ человѣку недостойному сихъ милостей и сего благоволенія, и что наконецъ я не негодую ни на судей, ни на подсудимыхъ за ихъ показанія и что между подсудимыми тѣхъ, кого я уважалъ, я и теперь уважаю.

Съ того времени, какъ я написалъ записку, мнѣнія мои о многомъ, въ ней содержащемся, измѣнились. Слѣдуя вашимъ письмамъ, я называлъ въ запискѣ подсудимыхъ з л о д ѣ я м и, злоумышленниками, и т. п. Это никуда не годится и должно быть исправлено. Впрочемъ, можно избѣгнуть выраженій относительно лицъ, говоря только о томъ, въ чемъ они признавались, какъ о намѣреніяхъ преступныхъ, злодѣйскихъ.— Читая рапортъ, при составленіи моей записки, я сему рапорту вѣрилъ совершенно. Послѣ мнѣ представилось на умъ, что въ рапортѣ могли не помѣстить всего, что другіе подсудимые могли говорить о мнѣ. И подлинно! Вѣроятно ли, что никто не говорилъ о моихъ мнѣніяхъ о рабствѣ? Напротивъ, не отъ сихъ ли мнѣній моихъ о рабствѣ произошло сіе недоброжелательство ко мнѣ въ судьяхъ? Далѣе: все ли было помѣщено въ рапортѣ аккуратно? Далѣе: не видя противъ меня достаточныхъ

обстоятельство къ осужденію, судьи не старались ли вынудить отъ подсудимыхъ чего-либо противъ меня? Это вѣроятно, судя по формѣ вопроса, сдѣланнаго Бестужеву, о коемъ я упоминаю въ запискѣ. Такіе вопросы ясно намекали на отвѣты.—Далѣе вслѣдствіе сихъ стараній открыть что-нибудь противъ меня, не былъ ли Муравьевъ вынужденъ показать, что я былъ однимъ изъ основателей новаго общества? Я не вижу никакой иной причины для Муравьева показывать сіе на меня, ибо онъ зналъ или должець былъ знать, что сіе показаніе ни мало не справедливо. Можетъ быть и показаніе Пестеля о фразѣ искажено въ рапортѣ. Все сіе убѣждаетъ меня, что я не должець говорить лично о подсудимыхъ такъ, какъ я говорилъ о нихъ. И вы меня чувствительно обяжете, вымаравъ выраженіе: злодѣй и т. п. изъ записки. Я могу оправдывать себя, но не должець говорить такъ о людяхъ, кои несравненно несчастнѣе меня, и въ истинѣ показаній коихъ я не могу быть увѣренъ.

Что касается до моего мнѣнія о невозможности возвратиться въ Россію, то я ежедневно болѣе и болѣе удостовѣряюсь въ семъ мнѣніи. Кромѣ того, что я не вижу никакого вѣроятія, ни даже тѣни вѣроятія въ оправданіи—а все иное будетъ недостаточно,—я нахожу, что я дѣлаюсь болѣе и болѣе неспособнымъ жить въ Россіи. Одна идея удерживала меня въ Россіи, влекла меня въ Россію. Эта идея исчезла. Я теперь чуждъ Россіи. Если бы меня оправдали, то это сдѣлало бы честь тѣмъ, кто меня оправдаетъ. Но для меня, лично, я не нашель бы въ этомъ большаго благополучія, и если бы могъ предвидѣть возможность такого оправданія, то желалъ бы его только для васъ. Не я въ долгу другихъ. И, слѣдовательно, не на мнѣ лежитъ бремя несправедливаго дѣянія.

Я имѣю надежду на покровительство, которое сильнѣе покровительства всѣхъ земныхъ владыкъ. Я боюсь питать слишкомъ много *présomption*; но не могу не видѣть покровительства свыше въ моемъ спасеніи, когда я о семъ спасеніи такъ же мало думалъ, какъ и о моихъ преступленіяхъ. Имѣя покровителя въ небѣ и чистую совѣсть на землѣ, я могу быть очень покоенъ и думаю даже, что я сдѣлался бы недостойнымъ сего покровительства, если бы искалъ инаго. Бремя признательности къ людямъ не лежитъ на мнѣ, а я могу обойтись безъ сего бремени.

P. S. Я отыскалъ теперь копію съ одного отношенія на русскомъ гр. Нессельроде къ повѣренному въ дѣлахъ, въ коей только велѣно мнѣ объявить, что если я откажусь явиться, то буду судимъ, какъ не явившійся государственный преступникъ. Любопытно въ семъ отношеніи то, что «участвовавшіе въ возмущеніи 14-го декабря показали, что я былъ ихъ сообщникомъ». Изъ Парижа сію копію

велѣно было мнѣ дать. Но съ того отношенія, въ которомъ велѣно было объявить меня измѣнникомъ предъ англійскомъ правительствомъ, въ случаѣ моего отказа, и которое, сколько помню, было на французскомъ, мнѣ коніи тогда не сообщили.

20.

6-го марта, 1827 г. Лондонъ, № 21.

О томъ, что общества запрещены въ 1822 году, я не знаю, могу ли я говорить самъ въ запискѣ. Я не потому вступилъ въ общество, что общества не были запрещены, равно какъ не потому и вышелъ, что общество было опасно или преступно. Я почиталъ общество вздоромъ и никогда не думалъ ни объ опасности, ни о преступности. Какъ думать о томъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ? Я же никогда не думалъ, чтобы было что-нибудь похожее на настоящій тайный союзъ.

Что касается до изложенія съ моей стороны беззаконностей суда и судей, то это невозможно. Толковать такимъ судьямъ о законѣ было бы доказывать слѣпому прелести цвѣтовъ, глухому—прелести Моцарта. Барановъ! Хитровъ!! Какъ съ сими именами соединить слово законъ? Вы напрасно слишкомъ много негодуете на Сперанскаго. Между такими судьями и то хорошо, если иные по крайней мѣрѣ пробуютъ быть порядочными людьми. Вообще всѣ они не стоятъ опроверженія. Да и кому оно поможетъ? Не возвратитъ никого изъ Сибири. А для себя я конечно отъ такихъ людей не могъ ничего ожидать инаго. Спасенный Провидѣніемъ, я могу о нихъ не думать, жить спокойно, пріятно, ѣздить по свѣту и заниматься только пріятными предметами, не будучи подъ упреками совѣсти, что живу только для себя.

Относительно главнаго замѣчанія, что цѣль не оправдываетъ средства, дѣйствительно о семъ правилѣ я всего болѣе говорилъ, говоря о рабствѣ и о поселеніяхъ. Толковавъ, что рабство должно быть уничтожено свыше учрежденіями, а не самими рабами бунтомъ, что, несмотря на право неотчуждаемое сопротивляться несправедливости, бунтъ даже и рабовъ несправедливъ и вреденъ, даже и для нихъ; что бунтъ есть средство вредное, злое, и т. п. О поселеніяхъ: что, несмотря ни на какую пользу государственную, нельзя людей силою тащить къ благоденствію. Въ семъ же смыслѣ я говорилъ о Петрѣ I. Я не люблю бороды, но не хорошо кнотомъ и каторгою уничтожать бороды и русское платье.

21.

16-го марта 1827 г. Лондонъ. № 22

..... Я счастливъ, что судьба позволяет мнѣ смотрѣть на все это, то есть на несправедливости, мнѣ оказанныя, со стороны. Онѣ прошли мимо меня, не коснувшись меня. Я свободенъ. Я былъ бы виновенъ въ малодушіи непростительномъ, въ неблагодарности къ Промыслу, еслибъ позволилъ себѣ сокрушаться, печалиться, огорчаться отъ этихъ мелочей. Что ихъ бессильная злоба, когда я и со мною правда имѣемъ защитника въ небѣ? Я презиралъ бы себя, еслибъ почиталъ себя несчастливымъ. Это ли несчастье? Были сначала минуты слабости, когда я печалился. Но онѣ миновались скоро и безвозвратно. Мы несчастливы! Но гдѣ же найти выраженіе для положенія женщины, которая лишилась мужа, любимой дочери, круга пріятелей и подъ старость должна жить въ boarding-house? Это моя пріятельница, Mss Hagues. Смотри на нее, всякой подумаетъ, что она веселая, добрая женщина. Недавно она водила меня на свою бывшую квартиру показать портреты ея мужа и дочерей. Съ чувствомъ доброй матери и жены она говорила о качествахъ, дарованіяхъ мужа, дочери. Не могла насмотрѣться на портреты, наговориться объ оригиналахъ. Я съ чувствомъ смотрѣлъ на все. Но она не сѣтуетъ, не почитаетъ себя несчастливою, и, насладившись горькими воспоминаніями, только одно чувство было въ ней замѣтно чувство признательности ко мнѣ за участіе.—Вотъ несчастья жизни и вотъ урокъ, какъ должно смотрѣть на жизнь!

Знаете ли вы книгу Босвелля (Bosswell) о Джонсонѣ? Это весьма извѣстная книга и конечно самая лучшая изъ всѣхъ біографій. Bosswell, бывъ нѣсколько лѣтъ пріелемъ Джонсона, записывалъ все, что онъ говорилъ о различныхъ предметахъ, такъ что книга представляетъ теперь просто множество весьма умныхъ, замѣчательныхъ разсужденій, разговоровъ, кромѣ полного изображенія характера Джонсона, также и характеръ времени, въ которое они жили.—Эту книгу желалъ бы я дать теперь въ руки всѣмъ пріятелямъ Карамзина. Едва-ли кто-либо вель постоянный журналъ разговоровъ Карамзина. Но многое можетъ быть сохранено: одинъ вспомнить одно, другой другое. Память Блудова будетъ тутъ очень полезна. Я не вижу иного средства передать потомству что-либо о Карамзинѣ, достойное Карамзина. Біографіи порядочной никто у насъ написать не въ состояніи. Да и что лучше такой Босвеневакой, живой біографіи? Не знаю почему Вяз... (Вяземскій) называетъ его представителемъ нашего времени въ Россіи. Шишковъ скорѣе годится въ сіи представители. Карамзинъ, къ несчастію, былъ

представителемъ русскаго въ одномъ отношеніи, и именно въ мнѣніяхъ своихъ о рабствѣ. Благородная душа его конечно не могла любить рабства. Но я душевно жалѣю, что онъ не заклеимилъ перомъ исторіи сей величайшей изъ всѣхъ и чудовищной гнусности, abomination.

22.

26-го марта 1827 г. № 23.

Мои собственныя мысли о смыслѣ, въ какомъ слѣдовало бы мнѣ писать письмо, конечно не согласны съ вашими. Но вмѣстѣ я вижу, что по моимъ мыслямъ нельзя составить такого письма, которое должно быть читано самодержцемъ. Для меня весьма трудно написать письмо такого рода, ибо чувствую, что, обвиняя себя и говоря о пропускѣ, я не только унижаю себя, но и дѣйствую противно убѣжденію совѣсти, ибо ни въ чемъ, совершенно ни въ чемъ не нахожу самого себя виновнымъ. Но—il n'y a que le premier pas qui coute—я написалъ записку. Могу идти далѣе—и написать письмо. Рѣшившись однажды на сіе, я не вижу надобности сочинять новый проектъ.

Ваши разсужденія о возможномъ результатѣ письма мнѣ очень понравились. Я люблю дѣльныя разсужденія и еще болѣе привыкъ къ нимъ, живя въ Англии, гдѣ люди гораздо дѣльнѣе, нежели въ другихъ земляхъ. Самое вѣроятное изъ вашихъ предположеній есть: «явись». Этотъ отвѣтъ необходимо предупредить, ибо я не могу и точно не долженъ являться ни въ какомъ случаѣ. Я и безъ того много уступилъ обстоятельствамъ. Не могу сдать на капитуляцію послѣдняго укрѣпленія твердости и достоинства характера. Меня удивляютъ ваши слова о необходимости юридическихъ доказательствъ для убѣжденія государя.

Тѣ, кои могутъ быть убѣждены доводами юриспруденціи, должны знать, что доказательства лежатъ не на обязанности обвиняемаго. Противъ меня ничего не доказано, но представляются только обстоятельства обвинительныя. На сіи обстоятельства я отвѣчаю, изъясняя все дѣло. Если мои объясненія покажутся недостаточными, то никакіе доводы не помогутъ. Вообще, въ моемъ дѣлѣ, я думаю лучше употреблять доводы логики, простаго, здраваго смысла, нежели доводы юриспруденціи, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія.

27-го марта. У меня не было никакой другой копіи съ отношенія гр. Нессельроде, кромѣ русской, въ которой, какъ я писалъ къ вамъ, ничего не сказано, кромѣ предписанія явиться. Другое отношеніе гр. Нессельроде, на французскомъ, было къ Потемкину, и въ немъ предписывалось ему, въ случаѣ моего отказа явиться, огласить меня (signaler) предъ англійскимъ министерствомъ, какъ измѣнника, и изъяснить: какому человѣку, то-есть какому преступнику, правитель-

ство даетъ покровъ въ своей землѣ. По сему отношенію я тогда судилъ, что графъ Нессельродъ желалъ убѣдить Каннинга, что англійское правительство даетъ покровъ преступнику, измѣннику и т. п., какъ бы желая подвигнуть сіе правительство отказать мнѣ въ семь покровѣ, чего однакоже министры не могли тогда сдѣлать, ибо уже прежде объявили въ парламентѣ, что намѣрены измѣнить allies-bill, которая и была въ послѣдствіи измѣнена.

Если государь,—чего я не ожидаю—найдетъ, что я имѣлъ хотя слабый предлогъ отказать явиться, видя отношеніе графа Нессельроде, то я увѣренъ, что, взглянувъ на сіе отношеніе, они увидятъ, что я не ошибаюсь ни въ смыслѣ, ни въ выраженіяхъ онаго.

Но сего я не ожидаю. Скажутъ: несмотря ни на что, я долженъ былъ явиться. И для сего-то надобно—какъ-нибудь, но надобно, сказать, или дать почувствовать, что я ни въ какомъ случаѣ возвращаться не намѣренъ.

Я думаю прибавить только слѣдующія строки въ началѣ письма:— послѣ словъ: «не былъ причастенъ». «Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіе меня въ оной лишило меня навсегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ: возможности быть на что-либо годнымъ землѣ своей, и самаго необходимаго благополучія:—жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина, требуютъ, чтобы я съ твердостію переносилъ несчастія незаслуженныя. Съ помощію Бога всемогущаго и всевѣдущаго я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо. Но моя неявка—сія дѣйствительная вина моя—сильно бременитъ меня; и, несмотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушіи вашего императорскаго величества—предъ императорскимъ величествомъ я виновенъ неявкой. Къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, и обращаюсь. Снятіе съ меня сего бремени, единственною моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволитъ жить и умереть съ чувствомъ ненарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи».

Лондонъ. Апрѣль. (Написано на пакетѣ при посылкѣ письма на имя государя).

Вотъ письмо. Я хотѣлъ только дать почувствовать, что я ни въ какомъ случаѣ не возвращусь въ Россію. Ежедневно болѣе и болѣе нахожу, что я и не могу и не хочу возвращаться.—Теперь скажу о письмѣ и запискѣ: представлять ихъ, не бывъ увѣрену въ успѣхѣ, никакъ нельзя. Безуспѣшное представленіе повредитъ мнѣ въ различныхъ отношеніяхъ. Теперь всякій можетъ видѣть и знать, почему я не явился. Всякому ясно, что я не могъ ожидать суда безпристрастнаго. Я буду продолжать жить здѣсь или въ Америкѣ, и все это ясно и просто. Но

когда мнѣ теперь скажутъ: явись для оправданія—и когда я не явлюсь послѣ сего (а являться и не должно и нельзя; это былъ бы только презрительный поступокъ съ моей стороны), тогда положеніе мое будетъ не такъ просто и ясно. И такъ всѣ chances'ы представленія записки и письма противъ меня. Я рискую почти все (всѣмъ?)—а не выигрываю почти ничего. Не представлять иначе, какъ бывъ увѣрену въ успѣхѣхъ: вотъ послѣднее мое мнѣніе.

Сообщилъ А. А. Ооминъ.

*

Который Капнисть?

Графиня И. П. Капнисть издала въ Москвѣ два тома «Сочиненій графа П. И. Капниста», своего отца. Составленныя издательницею обширныя воспоминанія о графѣ П. И. Капнистѣ написаны живо, увлекательно и сообщаютъ много интересныхъ подробностей о предкахъ автора. Обращаемъ вниманіе на одну подробность, требующую разъясненія.

Дѣдъ графа П. И. Капниста, извѣстный авторъ «Ябеды», В. В. Капнисть имѣлъ нѣсколько сыновей; о второмъ, Иванѣ Васильевичѣ, отцѣ графа П. И. Капниста, издательница говоритъ: «Второй сынъ родился въ 1795 году, въ Кіевѣ, въ бытность поэта кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Императрица Екатерина II, проѣзжавшая тогда черезъ Кіевъ, крестила новорожденнаго, при чемъ подарила ему брилліантовую табакерку» (стр. XXV).

1795-й годъ—очевидная опечатка: въ 1795 г. кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства былъ С. Л. Тарновскій и въ 1795 г. Екатерина II не покидала Петербургъ. Подарокъ табакерки новорожденному—неловкое выраженіе: Екатерина II много раздарила «воспріемныхъ» табакерокъ, но всегда отцамъ, никогда не новорожденнымъ.

Тѣмъ не менѣе, фактъ, отмѣченный графинею И. П. Капнисть, не подлежитъ сомнѣнію. Въ «Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ» 1787 г. записано, что 12-го марта, утромъ, до 12 часа, въ столовой комнатѣ, императрица «была воспріемницею младенца урожденнаго отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста». Изъ приходорасходной же книги кабинета ея величества видно, что «табакерка съ брилліантами», подаренная В. В. Капнисту въ день крестинъ сына, стоила 900 рублей.

Котораго же Капниста крестила Екатерина?

Издательница говоритъ, что В. В. Капнисть имѣлъ трехъ сыновей; князь Лобановъ-Ростовскій называетъ четверыхъ—Семена, Владимира, Ивана и Алексѣя, при чемъ старшій, Семень Васильевичъ, родился въ 1791 г., четыре года спустя послѣ таврическаго путешествія Екатерины II, во время котораго императрица окрестила въ Кіевѣ младенца «урожденнаго отъ Капниста», бывшаго съ 1786 года кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Разъясненіе поставленнаго выше вопроса можетъ быть сдѣлано графинею И. П. Капнисть по ея фамильному архиву.

В. Бильбасовъ.

Воспоминанія протоіерія І. І. Базарова.

VI ¹⁾.

Переводъ І. І. Базаровымъ на нѣмецкій языкъ исторіи русской церкви А. Н. Муравьева.—И. В. Рождественскій.—Г. П. Павскій.—К. И. Делекторскій.—С. К. Сабининъ.—М. И. Богословскій.—Переводъ Библии Павскаго.—Отправленіе духовной миссіи въ Иерусалимъ.—Положеніе нашего духовенства.—Попытки Базарова къ изданію новаго духовнаго журнала.—Лѣто въ Баденъ-Баденѣ.—Устройство тамъ постоянной церкви.—Особенность отношенія иностранцевъ къ покойникамъ.—Сила женщинъ.—

Влекшись разсказомъ о Вяземскихъ, я забѣжалъ далеко впередъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Возвращаюсь опять къ зимѣ 1857—58 года, столь обильной для меня по письменнымъ работамъ. Вотъ между прочимъ у меня сохранилось одно письмо А. Н. Муравьева въ отвѣтъ на посланную ему мною книгу перевода его исторіи русской церкви вмѣстѣ съ отзывомъ о ней нѣмецкой литературы. Книга эта была переведена подъ моимъ руководствомъ собственно для моей августѣйшей ученицы, великой княгини Ольги Феодоровны, однимъ стутгартскимъ нѣмцемъ, докторомъ Кёнигомъ, который выучился по-русски, не бывавъ въ Россіи, но зато послѣ получившій мѣсто преподавателя классическихъ языковъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій.

«Приношу вамъ, писалъ мнѣ Муравьевъ, искреннюю благодарность за вашъ переводъ и за письмо со статьею, хотя она и не совсѣмъ утѣшительна для автора. Можно сказать съ Грибоѣдовымъ: не поздоровится отъ этакихъ похвалъ! Но я спокойно смотрю на литературныя брани

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901.

и похвалы; жаль только, что нѣмцы не раскусили самаго главнаго въ моей книгѣ: это великое лицо Никона, о коемъ еще нигдѣ не было столь подробныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ подлинныхъ его дѣлъ. Это бы можно имѣ замѣтить. Все прочее одна лишь обстановка, и книга моя, какъ бѣглый очеркъ нашей церковной исторіи до временъ патриаршихъ, хотя бы въ живыхъ описаніяхъ въ лѣтописномъ вкусѣ, также необходима. Но кажется, на свободѣ я займусь однимъ лишь Никономъ. Теперь я хотѣлъ бы прежде окончить труды: житія святыхъ русскихъ; мнѣ достаточно посидѣть мѣсяца три. Сношенія нашей церкви съ Востокомъ отъ паденія Цареграда до Екатерины I извлечены мною изъ архива московскаго. Осенью думаю приступить къ печатанію, а лѣто думаю провести въ Москвѣ и Кіевѣ, отложивъ поѣздку за границу. На-дняхъ выйдетъ изъ печати и вторая часть моей книги: «*Question religieuse d' Orient*», которую вамъ пришлю».

Но ревность къ родному дому Божію, снѣдавшая меня въ это время, не ограничивалась только писаніемъ проектовъ по начальству. Я старался частною перепискою вовлечь въ свои думы и другихъ, по моему убѣжденію, болѣе или менѣе способныхъ и пригодныхъ для плодотворной дѣятельности на поприщѣ церковно-общественной жизни. Съ особенною настойчивостью въ этомъ отношеніи напалъ я на своего дядюшку по женѣ, въ то время бывшаго законоучителемъ при дѣтяхъ великой княгини Маріи Николаевны, протоіерея И. В. Рождественскаго. Иванъ Васильевичъ принадлежалъ къ плеядѣ пяти свояковъ, бывшихъ въ свое время выдающимися личностями въ духовномъ мірѣ. Старшій изъ нихъ, мой тесть, протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ, былъ извѣстенъ, какъ заслуженный профессоръ церковной исторіи въ Петербургской академіи и долгодѣтній законоучитель въ Царкосельскомъ лицѣѣ, гдѣ онъ замѣстилъ перваго законоучителя, Г. П. Павскаго. Какъ первокурсникъ С. Петербургской академіи, онъ былъ товарищемъ моего отца, тоже магистра I-го курса, что и подало поводъ къ тому, что я, поступивъ въ Академію въ 1839 году на XV-ый курсъ, былъ принятъ, какъ родной въ семьѣ Кочетова и затѣмъ породнился съ ними. На томъ же основаніи я бывалъ часто и въ семьѣ Герасима Петровича Павскаго. Какъ теперь помню замѣчательно умную голову этого тогда уже старца съ его всегда привѣтливою улыбкою и наивно-дѣтскимъ обращеніемъ со всѣми. Вторымъ изъ свояковъ былъ протоіерей К. И. Делекторскій, служившій при церкви министерства иностранныхъ дѣлъ и славившійся своими проповѣдями, которыя отличались необыкновенною для того времени живостью слова и литературною отдѣлкою. Третьимъ въ этой плеядѣ былъ протоіерей С. К. Сабининъ, служившій за границею сперва въ Копенгагенѣ, а потомъ въ Веймарѣ при великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Онъ былъ извѣстенъ въ свое время филологическими и экзегитическими

работами. Многія изъ его работъ по части истолкованія пророческихъ книгъ помѣщались въ «Христіанскомъ Читеніи», еще большія остались въ рукописяхъ, какъ не выдержавшія чистилищнаго огня тогдашней цензуры. Онъ былъ членомъ копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ и издалъ на русскомъ языкѣ грамматику санскритскаго языка. Четвертымъ изъ нихъ былъ извѣстный въ свое время протоіерей Михаилъ Измаиловичъ Богословскій. Сперва профессоръ литургики въ С.-Петербургской академіи, потомъ законоучитель въ училищѣ Правовѣдѣнія, затѣмъ сдѣланный главнымъ священникомъ арміи и флотовъ на мѣсто Кутневича, онъ окончилъ свою жизнь въ изгнаніи, сосланный въ Москву, гдѣ онъ занималъ мѣсто протоіерея при Архангельскомъ соборѣ. Ученый и умный, но крутой нравомъ, онъ имѣлъ у себя столько же почитателей, какъ и враговъ. О немъ столько извѣстно анекдотовъ и разсказовъ, что я не считаю лишнимъ вспомнить о нѣкоторыхъ изъ нихъ, характеризующихъ эту во всякомъ случаѣ незаурядную личность. Помню еще изъ академической жизни, какъ онъ аттестовалъ одно изъ моихъ сочиненій на заданную имъ тему: «почему семь таинствъ?» Главный смыслъ моего отвѣта былъ тотъ, что вопросъ этотъ былъ произвольный, такъ какъ если бы таинствъ было 6 или 8, опять было бы тоже «почему?» На этомъ сочиненіи онъ поставилъ такую отмѣтку: «Спасибо за послушаніе, хотя писано подъ ножомъ». Но послѣдствіемъ этого было только то, что онъ сталъ относиться ко мнѣ съ видимымъ уваженіемъ. Люди съ рѣзкимъ характеромъ часто любятъ рѣзкіе отвѣты. Но упрямство свое или лучше стойкость выказалъ Михаилъ Измаиловичъ въ извѣстной исторіи изданія Павскаго перевода Библии. Изданіе это было одѣлано въ нашъ курсъ въ Петербургской академіи. Одинъ изъ моихъ земляковъ, студентъ Органовъ, бывший вмѣстѣ со мною вхожъ въ семейство Павскаго, черезъ его дочерей доставшій по секрету отъ ихъ отца переводъ Библии, принесъ эту драгоценность въ Академію, и тутъ же составилъ заговоръ отлитографировать этотъ переводъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Для этого образовался комитетъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ нашихъ товарищей Горизонтова, бывшаго потомъ священникомъ при такъ называемой Надворотной церкви подъ Александро-Невскою лаврою. Снеслись съ академіями въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани, собрали подписки и приступили къ печатанію. Чтобы обмануть начальство, вкладывали по нѣсколько страницъ этого перевода въ литографированныя для студентовъ лекціи, которыя напередъ представлялись инспектору для разрѣшенія къ литографированію. Просматривалъ ли инспекторъ эти листы, считалъ ли ихъ дополненіемъ лекцій, не догадываясь, что изъ этихъ отрывочныхъ листовъ должна была выйти цѣлая книга перевода значительной части Библии, только эта студенческая затѣя, подавшая потомъ поводъ къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ, прошла незамѣтно

академическую цензуру и явилась въ свѣтъ въ видѣ довольно объемистой книги, которую стали разсылать подписчикамъ по академіямъ. Экземпляръ ея обходился намъ, студентамъ, рубля по два. Но когда въ городѣ узнали объ этомъ изданіи, явились охотники приобрести эту рѣдкость за большія деньги. Я самъ продалъ одинъ экземпляръ І. С. Кочетову, какъ я послѣ узналъ, для графини А. А. Орловой за 50 рублей. Но когда настала расправа за это подпольное изданіе и насъ всѣхъ притянули къ отвѣту, то стали отбирать у всѣхъ эти экземпляры. По несчастію, захватили у Горизонтова подписной листъ, и потому у каждаго допрашивали, куда дѣвалъ или кому передалъ экземпляры, если за кѣмъ числилось по подпискѣ по нѣскольку экземпляровъ. Не сказать было нельзя. Поэтому у всѣхъ отбирались распроданные экземпляры: у духовныхъ по совѣсти, а у свѣтскихъ даже черезъ полицію. И всѣ отдавали съ покорностью; одинъ только Михаилъ Измаиловичъ заупрямился и предъ сыскною комиссіею, въ которой предсѣдалъ суровый викарій Венедиктъ, объявилъ, что онъ своего экземпляра не отдастъ. Напрасно ему грозили всѣмъ, даже лишеніемъ священнаго сана, онъ стоялъ на своемъ, что не отдастъ и не отдалъ. А что угроза была не пустая, доказывается опредѣленіемъ, къ счастью не состоявшимся, этой комиссіи, которая рѣшила было Павскаго за неправославный переводъ лишить священнаго сана и сослать на покаяніе въ монастырь, всѣхъ приобрѣвшихъ этотъ переводъ подвергнуть дисциплинарному наказанію, насъ же, зачинщиковъ, по предложенію Венедикта, всѣхъ высѣчь; но по опредѣленію комиссіи рѣшили всѣхъ исключить изъ академіи съ запрещеніемъ вступить въ какое-либо заведеніе. Отъ этой страшной кары всѣхъ избавилъ одинъ В. Б. Бажановъ, представивъ въ Синодѣ то соображеніе, какой соблазнъ произойдетъ въ народѣ, когда узнаютъ, что бывшій законоучитель наслѣдника, протоіерей Павскій, лишенъ сана за ересь, и потому посовѣтовалъ не дѣлать шума изъ этой исторіи, тѣмъ болѣе, что сами студенты въ основаніи имѣли только намѣреніе приобрести въ этомъ переводѣ пособіе для классическихъ занятій по еврейскому языку.

Вся эта исторія припомнилась мнѣ по поводу воспоминаній о моемъ дядюшкѣ Богословскомъ. Но какъ эта личность весьма незаурядная, то я продолжу его исторію до конца. Стойкость его неустрашимаго характера часто граничила съ упрямствомъ. Случилось разъ такое обстоятельство, что въ одномъ семействѣ нужно было опредѣлить въ Пажескій корпусъ мальчика, по имени Николая. Когда же потребовалось для этого метрическое свидѣтельство изъ церкви училища Правовѣднія, гдѣ былъ этотъ мальчикъ крещенъ, онъ оказался записаннымъ Александромъ. Напрасно родители старались убѣдить, что это была ошибка, такъ какъ родители хорошо помнятъ, что его

крестили Николаемъ, Михаилъ Измаиловичъ стоялъ на своемъ, что онъ крестилъ его Александромъ. Бѣдный мальчикъ не былъ поэтому принятъ въ Пажескій корпусъ, вѣроятно потому, что онъ былъ записанъ при рожденіи въ оный подъ именемъ Николая, а Михаилъ Измаиловичъ заупрямился, увѣряя, что онъ помнитъ лучше, чѣмъ сами родители, что сынъ ихъ былъ крещенъ съ именемъ Александра.

Другой случай съ нимъ подалъ поводъ къ толкамъ даже въ заграничной печати. Случилось, что онъ разсердился на своихъ воспитанниковъ, сколько мнѣ помнится, по такому поводу. Разъ воспитанники просили Михаила Измаиловича отслужить въ одно воскресенье обѣдню пораньше и поскорѣе, такъ какъ они спѣшили попасть на какой-то парадъ или праздникъ. О. Богословскій не только не исполнилъ ихъ желанія, но даже намѣренно затянулъ службу. Тогда воспитанники рѣшились отомстить ему за это, къ чему скоро представился случай. Въ этотъ разъ самому Михаилу Измаиловичу понадобилось поспѣшить послѣ обѣдни на какую-то церемонію, и онъ приказываетъ пѣвчимъ, которые были изъ воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія, пѣть поскорѣе. Молодежь только того и ждала, чтобы привести задуманную отместку въ исполненіе, и вотъ они начали тянуть обѣдню, вставляя нотныя пьесы, что не всегда дѣлалось. Напрасно Михаилъ Измаиловичъ сердился и кричалъ на нихъ изъ алтаря, пѣвчіе продолжали тянуть. По окончаніи обѣдни онъ ихъ обругалъ, какъ только могъ ругать Михаилъ Измаиловичъ, когда онъ былъ разсерженъ, не употребляя впрочемъ никакихъ ругательныхъ словъ,—на это онъ былъ слишкомъ уменъ; но зато онъ умѣлъ подбирать такія колкія слова и выраженія, которыя пробирали не одну только молодежь, но и семейныхъ людей изъ его подчиненныхъ, имѣвшихъ несчастье подпасть подъ его гнѣвъ. Немудрено, что воспитанники въ этотъ разъ не только обидѣлись, но и разсердились за такую ругань, и потому рѣшились выказать ему свое неудовольствіе публичнымъ образомъ. Въ училищѣ Правовѣдѣнія было въ обычаѣ, когда законоучитель приходилъ въ классъ, подходить къ нему подъ благословеніе. На слѣдующій день послѣ рассказаннаго столкновенія, Михаилъ Измаиловичъ приходитъ на урокъ, и ни одинъ изъ воспитанниковъ не подходить къ нему подъ благословеніе. Разсерженный этимъ, онъ спрашиваетъ: «что это значитъ, что никто не подходить подъ благословеніе?» Всѣ молчатъ. Замолчалъ и онъ, и началъ свою лекцію. Все это произошло незадолго до великаго поста, и вотъ, когда на первой недѣлѣ воспитанники стали говѣть, о. Богословскій, ихъ духовникъ, отлучилъ цѣлый старшій классъ отъ причастія. Можно себя вообразить, какой переполохъ произвело это небывалое событіе не только въ самомъ заведеніи между воспитанниками и начальствомъ, но даже среди общества, тѣмъ болѣе, что въ училищѣ Правовѣдѣнія

воспитывались дѣти лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ. Напрасно директоръ училища упрасивалъ Михаила Измаиловича не дѣлать этого скандала, напрасно самъ принцъ П. Г. Ольденбургскій пріѣзжалъ просить его простить виновныхъ воспитанниковъ, ничто не помогало. Наконецъ, это дошло до государя, а тогда государемъ былъ Николай Павловичъ. И несмотря на все это, Михаилъ Измаиловичъ выдержалъ воспитанниковъ подъ эпитимією въ продолженіе цѣлаго великаго поста, разрѣшивъ имъ причастіе на страстной недѣлѣ. Иностранныя газеты, въ которыя попало это событіе, рассказывали объ этомъ, какъ о необычайномъ даже въ строгомъ католическомъ режимѣ, комментируя по-своему эту строгую мѣру «отлученія отъ церкви» цѣлаго воспитательнаго заведенія абсолютизмомъ политическимъ, проникшимъ даже въ церковную жизнь.

Но, несмотря на все это, а можетъ быть именно поэтому, Михаилъ Измаиловичъ пользовался если не любовью, то всеобщимъ уваженіемъ, какъ въ обществѣ, такъ и между своими воспитанниками. Къ несчастію, твердость его характера не умѣла положить должныхъ границъ его упрямству, и это погубило его и испортило его карьеру. Когда, по смерти Кутневича, онъ былъ назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флота, его вступленіе въ эту должность ознаменовалось уже ненужнымъ столкновеніемъ съ Бажановымъ. Мнѣ рассказывалъ объ этомъ самъ Василій Борисовичъ.

«Послѣ смерти Кутневича, говорилъ онъ, я временно завѣдывалъ управленіемъ его, и когда на это мѣсто назначенъ былъ Богословскій, то я разъ, встрѣтившись во дворцѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Рождественскимъ, говорю ему: «скажите вашему свояку, чтобы онъ заѣхалъ какъ-нибудь ко мнѣ принять дѣла по управленію его вѣдомствомъ». Что же, вы думаете, мнѣ отвѣчалъ на это Михаилъ Измаиловичъ? «Не мнѣ идти за дѣлами къ Бажанову, а пусть онъ придетъ ко мнѣ сдать дѣла по принадлежности!» Этого Бажановъ никогда не хотѣлъ простить ему. Вскорѣ представился случай, подавшій поводъ къ лишенію М. И. Богословскаго мѣста, и удаленію въ ссылку въ Москву. Въ вѣдомствѣ главнаго священника арміи и флота находился одинъ священникъ, который вѣнчалъ безъ всякихъ затрудненій всякія сомнительныя и даже незаконныя свадьбы. Это практиковалось имъ почти гласно, пока не сдѣлано было доноса въ консисторію, которая поспѣшила отнестись о томъ указомъ къ главному священнику того вѣдомства, въ которомъ состоялъ обвиняемый. Здѣсь и началось столкновеніе и препирательство двухъ вѣдомствъ изъ-за компетенціи власти. М. И. Богословскій, не умѣвшій умѣрять негодованія при видѣ нарушенія права, началъ писать консисторіи такія рѣзкія отвѣды, что та нашлась вынужденною перенести это дѣло на разсмотрѣніе Св. Синода.

Тамъ предубѣжденные уже противъ Богословскаго (случай столкновенія съ Бажановымъ) взяли сторону консисторіи противъ главнаго священника и отнесли строго къ рѣзкому тону его отписокъ. Но Михаилъ Измаиловичъ былъ не такой человѣкъ, чтобы можно было запугать его даже строгостію власти, когда онъ чувствовалъ себя въ правѣ, поэтому онъ отвѣчалъ в Синоду въ выраженіяхъ, не довольно скромныхъ и подчиненныхъ. Тогда по гласу: «да онъ властей не признаетъ» рѣшили отставить его отъ занимаемой имъ должности, сославъ его въ Москву, гдѣ ему дали мѣсто протоіерея Архангельскаго собора, какъ етъся, даже съ запрещеніемъ вѣзда въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ, когда вслѣдъ за этой ссылкой нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ дамъ выписали его изъ Москвы для исповѣди въ великому посту, то Бажановъ на мой рассказъ объ этомъ пришелъ въ такое негодованіе, что чуть не грозилъ запереть его въ монастырь за такое своеволие. По счастью, Богословскій какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ обратно incognito, не показавшись въ Петербургѣ никому, кромѣ своихъ духовныхъ чадъ, для исповѣди которыхъ онъ и пріѣзжалъ. Мнѣ случилось посѣтить Михаила Измаиловича въ Москвѣ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его ссылки туда, и я нашелъ его бодрымъ и даже веселымъ. Это былъ человѣкъ неспособный предаваться унынію ни въ какихъ случаяхъ жизни, гордый сознаниемъ своей правоты и непреклонный въ исполненіи своего долга.

Но, увлекшись воспоминаніемъ объ этомъ дядюшкѣ, я долженъ наконецъ возвратиться къ И. В. Рождественскому, по поводу котораго я и перечислил всю плеяду свояковъ. Итакъ Рождественскій былъ одинъ изъ тѣхъ, котораго я старался вызвать на обмѣнъ мыслей по поводу занимавшихъ тогда всѣхъ вопросовъ. Надо сказать, что Иванъ Васильевичъ принадлежалъ къ числу лицъ, особенно уважаемыхъ за свой свѣтлый умъ и отсутствіе той формальности жизни, которая въ ту эпоху опутывала болѣе или менѣе всѣхъ и cadaго въ общественной дѣятельности. Но онъ былъ не столько публичнаго, сколько семейнаго характера. Судьба воспитала его къ тому суровымъ опытомъ жизни. Поступивъ скоро по окончаніи курса Петербургской академіи законоучителемъ въ Дворянскій полкъ, онъ въ короткое время потерялъ нѣсколько человѣкъ дѣтей и затѣмъ жену. Овдовѣвъ и оставшись совсѣмъ одинокимъ, онъ всецѣло предался своему долгу не только законоучителя, но и воспитателя своихъ кадетъ, раздѣляя съ ними ихъ занятія и даже игры и забавы. Скоро воспитанники такъ полюбили его, что дѣлились съ нимъ и радостями и горемъ жизни. Многие, если не всѣ, продолжали переписываться съ нимъ и по выходѣ изъ корпуса. Помню, какъ прославившійся въ севастопольскую войну Щеголевъ сообщалъ Ивану Васильевичу о своихъ геройскихъ подвигахъ, и какъ

онъ отечески радовался успѣхамъ бывшаго своего воспитанника. Покойный государь Николай Павловичъ скоро замѣтилъ эту неоцѣнимую педагогическую способность Рождественскаго и назначилъ его законоучителемъ дѣтей великой княгини Маріи Николаевны. Здѣсь также точно онъ въ скорое время такъ привязался къ дѣтямъ и внушилъ такое довѣріе и привязанность къ себѣ всей семьѣ, что его считали почти своимъ и роднымъ, а онъ называлъ дѣтей великой княгини не иначе, какъ «мой» и всю фамилію «своимъ семействомъ». Когда затѣмъ онъ перешелъ къ дѣтямъ императора Александра II, то и здѣсь онъ приобрѣлъ такую дружбу всѣхъ воспитателей и уваженіе августѣйшихъ воспитанниковъ, что сталъ домашнимъ человѣкомъ. Помню, какъ онъ разъ потѣшался тѣмъ, что, выѣзжая кататься съ великими князьями въ экипажѣ, принималъ вмѣстѣ съ ними военскія почести отъ карауловъ.

— Знаю,—говорилъ онъ,—что отдають почеть не мнѣ, но за то ряса священническая рядомъ съ высочайшими особами! А это много значитъ въ наше время!

Но, занимая такое высокое положеніе при дворѣ, а внослѣдствіи и въ Синодѣ, гдѣ онъ былъ присутствующимъ членомъ, Иванъ Васильевичъ, по моему тогдашнему взгляду, мало пользовался своимъ вліяніемъ на пользу церкви. Вотъ къ этому-то мнѣ и хотѣлось пробудить и привлечь его моими настойчивыми письмами. Очень интересны отвѣты, которые онъ давалъ мнѣ на мои часто увлекающіяся мечты и благія желанія. Вотъ рядъ его писемъ ко мнѣ, хорошо характеризующихъ какъ его личность, такъ и самую эпоху тогдашняго времени.

5-го декабря 1857 г. С.-Петербургъ. № 1.

«Письмо ваше, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, я получилъ вчера, и при немъ двѣ книжки, нѣмецкую и русскую. Усердно благодарю за вашу любовь. Отчего такъ долго шло письмо ваше, не знаю, а если всегда такъ будетъ,—досадно. Черезъ мѣсяць письмо много теряетъ свѣжести.

«Повидимому, отъ переписки со мною вы ожидаете гораздо больше, чѣмъ сколько могу я выполнить. Вамъ кажется, что мои письма иногда могутъ интересовать даже великую княгиню; а я увѣренъ, что они рѣдко будутъ удовлетворять и васъ, предполагая родственную съ вашей стороны снисходительность. Для писемъ серьезныхъ и обдуманыхъ у меня не достанетъ ни времени, ни матеріаловъ. Отчасти вы знакомы уже съ моимъ образомъ жизни. Я всегда въ упряжи, везу иногда дорогую кладь, иногда мусоръ. Шерсть валится клочьями, ноги давно разбиты. Въ минуты отдыха могу только бродить по своему жилью понуря голову. Для писемъ приходится употреблять такіе часы, когда глаза невольно смыкаются.—Да и что я могу писать вамъ интереснаго? Проводя большую часть времени съ дѣтьми, или съ подобными себѣ тружени-

ками,—я мало вижу, и даже мало слышу, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ. Вамъ покажется страннымъ, но это совершенно справедливо, что нѣкоторыя петербургскія новости доходятъ до меня изъ провинціи, черезъ письма какого-нибудь любопытнаго знакомаго. Чего же вы можете ожидать отъ такого корреспондента? Лучше всего было бы, если бы вы, для удовлетворенія своего любопытства, задавали мнѣ вопросы. Тогда я не дѣлалъ бы пропусковъ по забывчивости, и на что самъ не въ силахъ отвѣтить, о томъ могъ бы наводить справки.

«На первый разъ угощу васъ тѣмъ, что первое попадетъ подъ руку. На востокъ поѣхалъ Кирилль, которому и прилично прославиться подъ именемъ Іерусалимскаго (хоть назвали его почему-то Мелитопольскимъ, по имени ничтожнаго городка, населеннаго иностранными колонистами). Сначала это назначеніе возбудило много надеждъ въ публикѣ, потому что Кирилль широко раскинулъ свои планы и широко разглагольствовалъ о нихъ; но подѣ коонецъ, говорятъ, рѣшили, что онъ будетъ молиться за святую Русь и—только. Левтону, котораго К. предполагалъ сдѣлать чѣмъ-то вродѣ начальника тайной полиціи, позволено только съѣздить на востокъ въ качествѣ паломника. Учрежденіе ученаго братства, изданіе газеты, назидательныя путешествія и прочія затѣи велѣно отложить до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ... Въ здѣшнюю академію переселился изъ Константинополя Теофанъ и усиливается, говорятъ, осуществить свои аскетическія правила, но успѣху пока мало. Совѣтуетъ психологію читать по Исааку Сиріанину, эстетику и физику по другимъ какимъ-то отцамъ, но профессора отстаиваютъ свои «языческія» идеи.— При семинаріи, съ новаго года, будетъ издаваться новая газета, подѣ именемъ «Духовной Бесѣды», съ цѣлю поучать преимущественно простой народъ. Для составленія статей, кромѣ семинарскихъ наставниковъ, приглашали большую часть здѣшнихъ ученыхъ священниковъ, а старецъ Петръ самъ рѣшается пересматривать всѣ матеріалы. Но и тутъ дѣло начинается, говорятъ, туго. Изготовленные для первыхъ номеровъ статьи митрополитъ всѣ забраковалъ, потому что не нашелъ въ нихъ «жизни языка». А что такое жизнь языка, никто не понимаетъ. Видятъ только, что мѣстоименіе «этотъ» вездѣ замѣняется «сими и оними».— Успѣхъ, очевидно, и тутъ сомнителенъ. Въ «Христіанскомъ Читеніи» предположено ввести новый отдѣлъ—переводы византійскихъ лѣтописцевъ, съ цѣлю очистить матеріалы церковной исторіи отъ искаженій, сдѣланныхъ латинянами. На сколько лѣтъ растянется это предпріятіе въ тощихъ книжкахъ журнала и на сколько соберутъ жемчугу въ кучахъ разнаго хлама—опредѣлить пока трудно. Между тѣмъ, этими нововведеніями мы, кажется, заняты сильно, такъ что и текуція дѣла административныя, которыя безъ того никогда не отличались быстротою, отъ этого еще замедляются... Даже раскольники чуть-ли не становятся

на второй планъ.—Свѣжихъ новостей никакихъ не знаю. На счетъ крестьянъ есть темный слухъ, что на этихъ дняхъ дѣлается что-то въ большомъ секретѣ. Говорятъ, будто освобожденіе хотятъ начать съ трехъ литовскихъ губерній. За основаніе взято: землю оставить за помѣщиками и имъ же предоставить (на время) полицейскій надзоръ за крестьянами. Въ журналахъ дѣятельно и дѣльно разрабатываютъ вопросы—объ устройствѣ общинъ, о гласности судопроизводства, о свободной торговлѣ, о распространеніи грамотности, объ уничтоженіи взяточничества и пр. Можетъ быть, и выйдетъ что-нибудь изъ этого, только не скоро. А вѣроятнѣе, не привелось бы опять усилить строгость цензуры. Нововведенія обсуживаются большею частію комитетами, а тамъ засѣдаютъ люди не только не новаго поколѣнія, но иногда—чуть ли не изъ другаго міра. Хотѣлось бы сказать вамъ что-нибудь о Влад. Пав. Т. (Титовъ), но со времени отъѣзда вашего изъ Петербурга, я не видалъ его ни разу. Слышно только, что у него доселѣ продолжаются столкновенія, затрудненія, недоумѣнія и прочія примѣты неустойчивости положенія. Можетъ быть, вамъ отъ него самого лучше извѣстны его дѣла. Обѣщали спросить и моего мнѣнія о чемъ-то касающемся воспитанія В. К.—й (Великихъ Князей), но доселѣ жду вызова. А въ нашей семьѣ ¹⁾ опять раздѣленіе. Двое старшихъ питомцевъ моихъ на-дняхъ пробѣдутъ мимо васъ въ Римъ, куда отправили ихъ доктора на зиму. Весною они возвратятся сюда, а осенью опять уѣдутъ, вѣроятно, со всею семьєю. Что будетъ со мною, не знаю.

«Родные ваши, кажется, всѣ здравствуютъ. Вижусь съ ними рѣдко. Мих. Из. ²⁾ доселѣ не получилъ докторскаго креста. За поклонъ вашъ усердно благодарить.

«Зима у насъ начинается очень дурно. Больныхъ безчисленное множество. И я пролежалъ двѣ недѣли. Желаю вамъ добраго здравія.

«Душевно васъ почитающій І. Рожд.».

Въ письмѣ этомъ упоминается о преосвященномъ Кириллѣ, отправившемся въ Іерусалимъ во главѣ духовной миссіи, образованной на новыхъ началахъ. Насъ съ Иваномъ Васильевичемъ особенно интересовала эта посылка или посланничество пр. Кирилла, такъ какъ эта, впоследствии оказавшаяся горькою, чаша прошла мимо насъ, хотя одно время насъ сильно приглашали испить ее. Дѣло было такъ. Послѣ того, какъ ваши политическія претензіи на Святые мѣста были разбиты подъ стѣнами Севастополя, князю Горчакову пришло на умъ завоевать Россіи прочное положеніе на востокѣ путемъ церковнаго вліянія въ

¹⁾ Разумѣется семья великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ И. В. Рождественскій былъ дѣйствительно почти своимъ семьяниномъ.

²⁾ Богословскій, бывшій законоучитель училища Правовѣднія.

Іерусалимѣ. Для этого была составлена обширная программа дѣятельности новой духовной миссіи, немного смахивавшая на іезуитизмъ, но совершенно непрозрачно прикрытая пользами православія въ колыбели христіанства. Главною заботою князя Горчакова было найти подходящаго человѣка, который бы, ставъ во главѣ этой миссіи, понялъ настоящую цѣль ея и сумѣлъ провести намѣренія правительства, не компрометируя ни его, ни себя въ глазахъ еще недавнихъ враговъ нашего политическаго вліянія на востокѣ. Однимъ словомъ, лицо это должно было совмѣстить въ себѣ съ высшимъ духовнымъ саномъ и дипломатическій характеръ. Не знаю, почему особенно князь Горчаковъ обратилъ на меня свое вниманіе, находя во мнѣ подходящаго кандидата на это мѣсто. Я былъ тогда въ Петербургѣ и имѣлъ случай подолгу бесѣдовать объ этомъ съ княземъ. Я не могъ не сочувствовать этой патріотической и вмѣстѣ живой задачѣ православія, и мы почти сговорились на столько, что я готовъ былъ промѣнять свое безмятежное и выгодное положеніе при дворѣ на многотрудную, полную заботъ и опасностей дѣятельность въ странѣ, хотя и полной святыхъ впечатлѣній, тѣмъ не менѣе лишенной всѣхъ тѣхъ удобствъ жизни, которыми я былъ уже и тогда избалованъ долговременнымъ пребываніемъ въ цивилизованныхъ краяхъ. Оставалось только рѣшить одинъ важный вопросъ. Для того, чтобы стать во главѣ этой миссіи, нужно было быть облеченнымъ саномъ епископства, а для этого требовалось предварительно принять монашество. Отъ этого послѣдняго условія я рѣшительно отказался — и при томъ по тремъ, въ моихъ глазахъ, важнымъ причинамъ: во 1-хъ, я никогда не чувствовалъ въ себѣ ни призванія, ни расположенія къ монашеству; во 2-хъ, я не могъ согласовать съ своею совѣстью принять обѣты монашества, какъ мнѣ внушали тогда, только для формы безъ обязанности строгаго ихъ исполненія, и въ 3-хъ, я не находилъ ни въ каноническихъ, ни въ церковноисторическихъ данныхъ, чтобы епископскій санъ поставленъ былъ въ необходимую зависимость отъ монашескаго званія. Поэтому согласившись со всѣмъ и на все въ предложеніяхъ князя Горчакова по этому дѣлу, я предоставилъ ему хлопотать о томъ, чтобы возвели меня въ епископскій санъ безъ монашества, и тогда я принялъ бы предлагаемый мнѣ постъ. Но всѣ усилія князя Горчакова въ этомъ отношеніи разбились, и эта чаша прошла мимо меня. Тогда, по моему указанію, князь Горчаковъ обратился съ такими же предложеніями къ И. В. Рождественскому, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не только вдовъ, какъ и я, но и бездѣтенъ, чего не было со мною. Но здѣсь князь Горчаковъ встрѣтилъ мало сочувствія къ самому проекту и наконецъ ту же оговорку на счетъ монашества, какъ непремѣнное условіе для полученія епископскаго сана. Тогда князю указали на молодаго архимандрита Кирилла, бывшаго тогда ректоромъ С.-Петербургской

духовной академіи и славившагося своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ. Кириллъ лично понравился князю Горчакову, и его выборъ остановился на немъ. Но здѣсь встрѣтилось опять препятствіе. Духовное начальство не соглашалось разстаться съ Кирилломъ, желая удержать его для себя при академіи. Тогда кн. Горчаковъ, разсерженный такими неудачами, въ моемъ присутствіи объявилъ оберъ-прокурору, что если ему не уступятъ Кирилла, то онъ доложитъ государю, что іерусалимская миссія не можетъ состояться за неимѣніемъ въ духовномъ вѣдомствѣ подходящаго кандидата, котораго можно бы было поставить во главѣ этой миссіи. Это помогло, Кириллъ былъ поставленъ во главѣ новой миссіи въ санѣ епископа и со своею свитою отправился въ Іерусалимъ. Извѣстно, какъ неудачно кончилась эта затѣя и какая печальная участь постигла самого преосвященнаго Кирилла. Изъ слѣдующаго письма И. В. Рождественскаго видно, что мы въ то время далеко еще не созрѣли для того, чтобы брать на себя роль просвѣтителей и цивилизаторовъ на востокѣ. Вотъ это письмо:

8-го марта 1858 г. № 2. С.-Петербургъ.

Любезный и почтенный Иванъ Ивановичъ.

«Давно не читалъ я писемъ, подобныхъ вашему. Обширная корреспонденція моя въ настоящемъ году вращается большею частію въ кругу родныхъ или бывшихъ моихъ учениковъ и ученицъ. Первые, какъ вамъ извѣстно, любятъ распространяться только о своихъ матеріальныхъ нуждахъ; послѣдніе—поэтизируютъ свои воспоминанія о годахъ дѣтства, или также спускаются въ житейскую прозу,—просятъ хатайства о мѣстахъ, чинахъ и т. п. Вы уже пытались снять плѣсень, которою начинаетъ покрываться мой мозгъ, и хотите пробудить въ немъ помыслы, которые долго и сильно шевелились, пока явная безнадежность въ успѣхѣ не оставила ихъ на точкѣ замерзанія. Впрочемъ, не думайте, что я отчаиваюсь въ возможности улучшения настоящаго порядка вещей, нѣтъ, я прогрессистъ по убѣжденію, а осуждаю на неподвижность только себя, и то не потому, чтобы не хотѣлъ или совѣмъ не могъ двигаться впередъ, а потому, что, по пословицѣ, умыкали бурку крутыя горки. Разбитому скакуну минута отдыха пріятнѣе самаго дорогаго приза, о какомъ онъ мечталъ бы (если бы могъ мечтать) при ощущеніи своего безсилія. Вы правы, что когда помотришь на теперешнее состояніе нашей церкви,—невольно задумаешься о многомъ, но къ чему поведутъ эти думы въ положеніи такого рода, каково, напримѣръ, мое и отчасти ваше? За себя рѣшительно и по опыту отвѣчаю: онѣ производятъ во мнѣ приливы крови къ головѣ и глубокую грусть въ сердцѣ; тѣмъ, всегда почти, и оканчивается. Но для дружескаго развлеченія съ вами, отчего не сдѣлать пробу? Вотъ мы съ вами крѣпко задумались и кое-что придумали. Положимъ, что близъ

насъ есть двѣ-три добрыя особы, которымъ мы можемъ сообщить наши думы. Онѣ выслушали насъ съ искреннимъ участіемъ, отъ себя придумали кое-что, погрустили и порадовались вмѣстѣ съ нами, и рѣшились дальше повести наши думы. Положимъ, что и это сбылось,— что наши задушевныя мысли и чувства дошли до самой высшей инстанціи, гдѣ слово и дѣло почти съ одинаковою легкостью приводятся въ исполненіе. Что же затѣмъ? Предполагаю самое лучшее: ваши планы передадутъ на судъ тѣхъ, кому вѣдать это подлежитъ по регламенту. И вотъ наши думы, чистыя и безкорыстныя, перешли въ канцелярію... Не остановиться ли съ ними у порога? Или лучше— не воротиться ли въ свой уголокъ? Не отправить ли ихъ опять подъ черепъ, подлубнаженный отъ бесплодныхъ заботъ и утратъ тяжелыхъ? Какъ вы полагаете?... Но я рѣшился дѣлать съ вами пробы. Предположимъ, что наши планы, сверхъ всякаго чаянія, пущены въ ходъ. Могутъ ли принести они ожидаемую пользу? Вы полагаете, напримѣръ, что намъ надобно дѣятельнѣе озаботиться судьбою іерусалимской миссіи; но время ли теперь домогаться сомнительнаго вліянія на востокъ, когда у насъ, какъ говорится, своя изба горитъ, и—хлопотать объ обращеніи арабовъ, когда мы доселѣ миллионы своихъ крестьянъ не умѣли научить молитвѣ Господней? Греки, такъ называемые братья наши, 400-лѣтнимъ рабствомъ до такой степени исказили свой національный характеръ, что мудрено намъ ожидать отъ нихъ искренняго сочувствія, а скорѣе можно опасаться, что всѣ права православія они, какъ Исавъ первенство, продадутъ за чечевичную похлебку. Между тѣмъ противодѣйствіе со стороны латинянъ и протестантовъ растетъ съ каждымъ днемъ. Пожалуй, среди развалинъ Палестины много найдется мѣста для нашихъ денегъ: да есть ли у насъ избытокъ въ нихъ? Здѣсь открыта повсемѣстная подписка, и десятки тысячъ собраны уже. Русскій чело-вѣкъ размахистъ и, при случаѣ, кармана не жалѣетъ, но на бѣду онъ же и на руку нечистъ и экономію слишкомъ мало разумѣетъ. Хоть бы наши Кириллы въ чемъ практиковались доселѣ? Въ счетѣ грѣховъ смертныхъ да студенческихъ балловъ поведенія. Пусть выберутъ меня или другаго кого, выйдетъ, можетъ быть, еще хуже, потому что растили насъ въ одномъ огородѣ и поливали водою изъ одного болота.

«Перехожу къ другому плану. Вамъ кажется, что настала пора развязать руки нашей учености, издавать серьезные журналы, умножить органы для духовной критики, чтобы вступить въ борьбу съ іезуитами и пр. и пр. Положимъ, что все это возможно въ настоящую минуту, что мы вдругъ сбросили съ себя вѣковые предразсудки, что намъ позволили уже печатно высказывать и такія щекотливыя истины, какъ, напр., что Синодъ собирается въ присутствіе по средамъ и пят-

ницамъ, что цензоръ не станетъ вычеркивать и такихъ неправославныхъ словъ, какъ напр., религія, индифферентизмъ, герменевтика и т. п. Но представляются вопросы: гдѣ наша ученость? Кто дѣятельные сотрудники серьезныхъ журналовъ? Кто опытные борцы съ іезуитами? Вамъ извѣстно, что цвѣты нашей учености созрѣваютъ единственно въ академическихъ теплицахъ и оттуда, волею судьбы, разносятся въ видѣ блѣдныхъ лепестковъ по всему пространству Россіи, чтобы распространять свое благоуханіе въ образахъ наставниковъ академій и семинарій, законоучителей свѣтскихъ заведеній и приходскихъ священниковъ. Первые, со школьной скамьи, поднявшись на кафедру, обыкновенно начинаютъ ученые подвиги свои компиляціею академическихъ уроковъ по тому предмету, какой жребіемъ указанъ имъ,—и постепеннымъ забвеніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ. На первыхъ же шагахъ они сталкиваются съ разными житейскими неудобствами, которыя года черезъ два, часто меньше и рѣдко больше, воспаляютъ въ нихъ неутолимое желаніе пожить на хлѣбахъ у какого-нибудь кладбищенскаго отца, подъ условіемъ законнаго брака съ его дочкою. Затѣмъ является понятное охлажденіе къ ученымъ занятіямъ (къ которымъ и никогда не было пробуждено особенной горячности). Они начинаютъ посѣщать свои аудиторіи для одной формы, а главнымъ дѣломъ считаютъ—присматривать мѣстечко или въ приходѣ, или въ департаментѣ. И хорошо дѣлаютъ: потому что чѣмъ больше оставались бы при академіи или семинаріи, тѣмъ больше терпѣли бы въ жизни и на службѣ.

«Поступающіе въ законоучители, повидимому, избираютъ, для себя спеціально-ученое поприще; но, увы, и тутъ ученость не можетъ идти далеко. Законоучители обыкновенно надѣляются у насъ не менѣе, какъ 20-ю часами въ недѣлю уроковъ, за вознагражденіе, которое далеко не удовлетворяетъ потребностямъ и вынуждаетъ брать еще часовъ 10 частныхъ уроковъ. При этомъ—церковная служба, внѣклассныя бесѣды съ питомцами и необходимыя развлеченія житейскія. Это, на первыхъ порахъ, поглощаетъ рѣшительно все время, а нерѣдко уноситъ невзвратно и значительную часть здоровья. Когда будетъ приобрѣтенъ благодѣтельный навыкъ—краснорѣчиво повторять одни и тѣ же наставленія и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько увеличатся досуги, тогда является вниманіе начальства къ заслугамъ и возлагаются на законоучителя десятки разныхъ порученій, весьма рѣдко ученыхъ и всегда безмездныхъ. Въ концѣ поприща представляется идеаль законоучителя въ лицѣ нашего незабвеннаго Акима Семеновича (Кочетовъ)...

«Говорить ли о приходскихъ священникахъ, которымъ, кромѣ обычныхъ вечерень, утрень, обѣдень, панихидъ и пр., приходится иногда совершать по 10 крестинъ въ день и исповѣдывать по 500 грѣшниковъ? Ихъ ученость испаряется по мѣрѣ того, какъ притупляется языкъ отъ ежеднев-

наго чтенія по извѣстнымъ книжкамъ, и наконецъ едва достаетъ на то, чтобы написать двѣ проповѣди въ годъ для кафедральнаго собора. Да и къ чему ученость для приходскаго священника? Прихожане не полюбятъ его и потому еще, что онъ не станетъ съ ними бражничать, начальство, чего добраго, почтетъ его вольнодумцемъ, а при счастьѣ—верхъ его карьеры—консисторское кресло, на которомъ немного нужно ума, чтобы под-писывать секретаремъ составленные протоколы... Я не упомянулъ объ ученыхъ-монашествующихъ, которые и отъ міра отрекаются, повидимому, не столько для спасенія души, сколько для просвѣщенія себя и другихъ. Да, между ними есть на кого указать не безъ гордости: Филаретъ, Иннокентій, Макарій, Анатолій и еще человекъ до десяти, съ пониженіемъ достоинствъ въ сравненіи съ упомянутыми. Но Филаретъ доживаетъ уже послѣдніе дни, Иннокентій и ихъ дожилъ, Макарій перековываетъ ученый мечъ на рало, а остальныхъ, затѣмъ, хоть бы мы увеличили число ихъ вдвое, ужели достаточно для того, чтобы поддержать нашу ученость на такой высотѣ, на какой хотѣли бы видѣть ее мы съ вами? Что же дѣлаетъ большинство ученыхъ монаховъ? спросите вы. Живетъ и дѣятельно стремится горѣ, къ почестямъ высшаго званія, имѣя въ виду покой на мягкомъ сѣдалищѣ,—устроеномъ среди церкви.

«Для предполагаемыхъ ученыхъ журналовъ вы находите матеріалъ въ какихъ-то сокровищахъ, даромъ пропадающихъ, которыя давно слѣдовало бы выводить на свѣтъ. Если не ошибаюсь, вы разумѣете подъ этимъ курсовыя сочиненія студентовъ, дѣйствительно пропадающія даромъ въ академическихъ архивахъ. Признаюсь, и я долго считалъ ихъ сокровищемъ, пока не сдѣлался присяжнымъ ихъ оцѣнщиковъ. Теперь думаю иначе и готовъ бы предложить проектъ, чтобы академическіе архивы, подобно всякимъ другимъ, подвергать, время отъ времени, огненному очищенію. Вотъ доказательства. Вы знаете, что изъ студентовъ внимательно занимаются курсовыми сочиненіями только тѣ, которые имѣютъ претензію на степень магистра, прочіе увѣрены, что ихъ во всякомъ случаѣ выпустятъ кандидатами, и потому пишутъ кое-что и кое-какъ. Такимъ образомъ сокровища наши сокращаются, по крайней мѣрѣ, на половину. Теперь, если взять магистерскія разсужденія за всѣ курсы,—между ними вы найдете опять, можетъ быть, половину такихъ, которыя писаны на одніи и тѣ же темы и по однимъ источникамъ. Значитъ, и тутъ окажется мало новаго и много лишняго. Изъ остальныхъ затѣмъ отдѣлите половину такихъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности взгляда на предметъ, а только старательно собраны выписки изъ печатныхъ книгъ, находящихся въ академическихъ бібліотекахъ. Согласитесь, что и это находка не важная, особенно для нынѣшней мужающей литера-
*

туры нашей. Много ли же останется трудовъ самостоятельныхъ, зрѣлыхъ, заслуживающихъ общаго вниманія? Большая часть изъ нихъ печатались и печатаются или отдѣльно, или въ теперешнихъ журналахъ, и только три изъ нихъ, на моей памяти, оказались капитальнымъ приобрѣтеніемъ для науки, это: разсужденіе Руднева «О ересяхъ и расколахъ въ Россіи», не помню, чье сочиненіе «О Св. Дмитріѣ Ростовскомъ» и изслѣдованіе Кудрявцева «О единствѣ происхожденія рода человѣческаго». При такомъ состояніи нашей учености можно ли вступать въ полемику съ іезуитами? Не думаю. Пока молчимъ, могутъ еще подумать (хоть едва-ли думаетъ кто-нибудь), что мы не хотимъ говорить отъ сознанія своей правоты и силы; но когда заговоримъ не впопадъ,—и правый процессъ будетъ проигранъ. Спорный недугъ является у насъ, и въ комъ же?—Сверхъ чаянія,—въ здѣшнемъ старцѣ митрополитѣ, который, предпринявъ издавать «Духовную Бесѣду» преимущественно для простаго народа, хочетъ помѣщать въ ней опроверженія нескромныхъ выходокъ свѣтскихъ газетъ и даже намѣренъ пустить нѣсколько камней въ упомянутые вами этюды Гагарина. Напечатаны уже два письма Яхонтова къ Гагарину. Когда вы прочтаете ихъ, надѣюсь, согласитесь съ тѣмъ, что я сказалъ выше.—Гагаринъ—не Голіаѳъ, а Яхонтовъ еще менѣе похожъ на Давида. Ужъ если бороться съ іезуитами, такъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы начать не съ печатныхъ разглагольствій ихъ за границею, читаемыхъ только извѣстнаго класса барынями, а съ интригъ секретныхъ внутри Россіи. Лукавый духъ ихъ у насъ гнѣздится вездѣ, отъ канцеляріи Синода до бурятской кибитки, и всюду приноситъ плоды—породу своему. Удивительное дѣло, какъ вкралась ошибка въ исторію. Всѣ утверждаютъ, что Лойола училъ въ XVI вѣкѣ, между тѣмъ, какъ искуситель въ раю совершенно слѣдовалъ его правиламъ. Впрочемъ, къ чему мнѣ глумиться надъ Лойолою и его компаніею? Не на то ли и «щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ?». Можетъ быть, козни іезуитовъ когда-нибудь разбудятъ насъ отъ крѣпкаго сна, образумятъ и заставятъ исправиться. Я крѣпко вѣрю, что мы никогда, ни въ какой бѣдѣ не бросимся въ объятія папы, какъ гадаетъ объ этомъ о. Гагаринъ;—не такова исторія Россіи, не таково общее настроеніе характера нашего и не такова, наконецъ, иллюзія самаго мнимаго намѣстника Христова въ настоящее время. Но мысль, что при современныхъ преобразованіяхъ, которыя начаты въ Россіи, церковь наша можетъ пасть частію отъ своей отсталости, частію отъ усиленія расколовъ, вслѣдствіе свободы исповѣданія,—эта мысль страшна по вѣроятности ея осуществленія и не разъ уже приходила мнѣ въ голову въ послѣднее трехлѣтіе. На основаніи ея-то созрѣваетъ во мнѣ убѣжденіе, что всѣ частныя мѣры, какія можно придумать ко благу нашей церкви, не принесутъ существенной пользы, пока не будетъ сдѣлано радикальное преобра-

зованіе духовной администраціи, пока въ наше сословіе не будутъ введены свѣжіе элементы. Великій преобразователь, въ своемъ регламентѣ, щедро надѣлилъ насъ лестными названіями: «сволочи, саранчи, пьяницъ» и др., щедро жаловалъ разными приговорами, вродѣ слѣдующаго: «а ослушника пона бить батожемъ нещадно», но ужели и доселѣ намъ одно спасеніе—въ регламентѣ?.. Мнѣ хотѣлось бы, для объясненія своей мысли, привести вамъ и еще кое-какія соображенія историческія, но письмо мое становится чудовищно-длинно, (такихъ не писалъ я чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть женихомъ), и я боюсь во зло употребить если не ваше снисходительно-дружеское терпѣніе, то свой юношескій энтузіазмъ, который теперь уже не подѣлѣ и не по моему здоровью. Изъ послѣднихъ строкъ для васъ ясно будетъ, по крайней мѣрѣ, почему я, въ продолженіе всего письма, какъ будто оспаривалъ васъ. Мнѣ хотѣлось доказать бесполезность частныхъ мѣръ, хотя, конечно, во всякомъ случаѣ, лучше было бы предпринимать что-нибудь для улучшенія, чѣмъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи. Самыя неудачи въ попыткахъ къ частнымъ улучшениямъ могли бы скорѣе навести на мысль о необходимости капитальной перестройки.

«Вы интересуетесь знать, кто назначенъ въ Кіевъ. Меня увѣрили, что Исидоръ, экзархъ Грузіи, но официально еще не извѣстно. Вотъ и тутъ можете видѣть нашу распорядительность. Въ Кіевѣ третій мѣсяць уже нѣтъ ни митрополита, ни викарія и, кажется, никакого заштатнаго архіерея, а назначеніе сдѣлать, конечно, можно бы и въ одну недѣлю.

«О В. П. Титовѣ новаго ничего не могу сказать. Былъ у него всего однажды и то вмѣстѣ съ посторонними гостями. Собственно о дѣлахъ его потолковать не удалось. Кажется, шероховатости его обточились, понемногу сглаживаются. Дѣла идутъ покойно, безъ рѣзкихъ перемѣнъ, но и не безъ вліянія В. П.—ча. Пріятель его и общій нашъ, де-Ронъ, готовится къ рѣшительному выѣзду въ Швецію (хоть я окончательно повѣрю этому тогда только, когда увижу его на палубѣ парохода). Планы его о преобразованіи Россіи посредствомъ гимнастики измучили, наконецъ, и его, и другихъ. А все-таки жаль, что уѣзжаетъ этотъ неугомонный человѣкъ.

«Дѣло наше на счетъ крестьянъ подвигается туго. Большинство губерній не отзываются на манифестъ, а тамъ, гдѣ открыты уже комитеты, кажется, не сдѣлано еще ровно ничего. Работаютъ только пока журналы надъ разъясненіемъ вопроса на основаніи опытовъ въ государствахъ западной Европы. Но разумѣется, журнальныхъ статей народъ не читаетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаетъ по-своему толковать намѣреніе правительства... Къ сожалѣнію, и изъ грамотеевъ нашихъ многіе крѣпки на ухо и до крайности мало упражняютъ свой мозгъ.

Начинается движеніе и въ пользу юстиціи. Тутъ, спасибо, на первомъ планѣ молодежь съ энергіею, знаніемъ и уже съ нѣкоторымъ авторитетомъ. Есть причины надѣяться, что эта часть выдвинется на дорогу раньше другихъ, хотя въ приложеніи и не меньше встрѣтилось преградъ. Въ военномъ вѣдомствѣ хлопочутъ, кажется, преимущественно и хозяйственной части, чтобы подкрѣпить значительно разслабленные финансы. А финансы, вопреки давнишнимъ и безчисленнымъ толкамъ, находятся все въ тѣхъ же рукахъ. Частные капиталы, послѣ уменьшенія банковыхъ процентовъ, быстро расходятся по акціонернымъ обществамъ, которыхъ въ послѣднее время прибавилось очень много, но нельзя не бояться за судьбу ихъ, зная, какъ мало у насъ опытности и честности въ промышленныхъ предпріятіяхъ широкаго размѣра и какъ много оплошности отъ невѣжества. А все-таки нельзя и не радоваться, что мы выходимъ изъ застоя и, по крайней мѣрѣ, желаемъ начать жизнь нѣсколько лучшую.

«Исторія Мих. Изм. не запрещена; но докторства доселѣ онъ еще не получилъ и, по обычаю, нисколько не хлопочетъ объ этомъ.

«Право, усталъ до-нельзя; простите, если не все разберете. За одинъ присѣтъ исписать столько бумаги не легко, а откладывать я не люблю, да и некогда.

«Да хранить васъ Богъ съ вашими малютками. Искренно и вполне вамъ преданный І. Рождественскій».

Но, несмотря на пессимистическій взглядъ на вещи моего родственнаго корреспондента, я не унимался преслѣдовать его въ своихъ письмахъ разными планами и предположеніями, стараясь пробудить въ немъ энергичное содѣйствіе къ осуществленію ихъ. Въ это время появилась въ Лейпцигѣ книга на русскомъ языкѣ о сельскомъ духовенствѣ—горькая эпопея быта и строя всего нашего духовнаго сословія. Зная, что эта книга никогда не проникнетъ въ Россію, я старался при всякомъ удобномъ случаѣ пересылать экземпляры оной къ болѣе вліятельнымъ лицамъ въ нашей духовной сферѣ, въ надеждѣ пробудить въ нихъ сознаніе нужды возстать и исправиться. Но и здѣсь я долженъ былъ разочароваться. Изъ слѣдующаго письма Ивана Васильевича видно, что одни закрыли эту книжку на второй страницѣ, не желая читать далѣе, другіе нашли въ ней все преувеличеннымъ и по тому не захотѣли обратить вниманія на тѣ ужасы, которые изложены были въ ней въ ихъ настоящей величинѣ. Однимъ словомъ, судя по письму Рождественскаго, тогдашняя сфера церковной жизни была еще слишкомъ тяжела и удушлива, чтобы не задохнуться въ ней свѣжему человѣку. Кто прочтаетъ слѣдующее письмо, тотъ пойметъ, какъ тяжело было въ то время самому энергическому борцу выступать противу общей спячки, апатіи и застарѣлой жизни.

19-го августа 1858 г., № 3. С.-Петербургъ.

«Письмо ваше, любезный и почтенный Иванъ Ивановичъ, опять шло до меня почти полтора мѣсяца (отъ 29-го апрѣля до 7-го іюля), поэтому вините не меня, что рѣдко будете получать мои письма. А писать къ вамъ много побужденій. Довольно упомянуть объ одномъ: великая княгиня ваша два раза только удостоила меня разговора, и оба раза убѣждала, чтобы я не лѣнился бесѣдовать съ вами; выразила даже увѣренность, что каковы бы ни были письма мои,—они всегда будутъ доставлять вамъ удовольствіе. Я не завидую такой заботливости о васъ потому только, что и самъ отчасти пользуюсь такимъ же утѣшеніемъ. При всемъ томъ лѣность моя не перестаетъ желать, чтобы поскорѣе настало время, когда мы съ вами могли бы бесѣдовать не на бумагѣ. Ваши усилія убѣдить меня—двинуться за границу—опять остались безуспѣшными. Вы уже знаете, конечно, что наша семья отправилась безъ меня. На этотъ разъ, въ защиту моей неподвижности, поднялся сильный голосъ императрицы-матери. Она нашла, что при княжнахъ нашихъ мнѣ нужнѣе быть, чѣмъ при князьяхъ. Послѣдніе навсегда останутся въ Россіи и слѣдственно будутъ имѣть время пользоваться моимъ руководствомъ; а судьба первыхъ не такъ ясна. И вотъ я въ свитѣ княжень,—одинъ среди дамъ, какъ пестъ въ ложкахъ. До сентября буду жить съ ними на дачѣ, въ Петергофѣ, а потомъ на осень переберусь въ Царское Село. Все лѣто работалъ безъ каникулъ; теперь буду оправдывать на себѣ пословицу: «дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай». Выходитъ, что и здѣсь можно жить, какъ-будто за границею: я не вижу почти никого изъ родныхъ и знакомыхъ. И такое уединеніе будетъ продолжаться болѣе полугода. Впрочемъ, не подумайте, что я службою обреченъ на заточеніе, нѣтъ, это та же лѣнь, отъ которой вы, по добротѣ своей, такъ усердно стараетесь излѣчить меня. Времени свободнаго остается не мало, но оно убивается на ничтожныя мелочи, которыя приклеиваются къ службѣ больше произволомъ, чѣмъ пользою или необходимостью. Нѣсколько лѣтъ такой полупустой жизни образовали привычку, съ которою подъ старость, при моемъ здоровьѣ и обстоятельствахъ, трудно бороться. Вы убѣдительно доказываете, что мнѣ должно писать что-нибудь для печати, право, не могу, любезный другъ. Я вполне сочувствую вашимъ благороднымъ стремленіямъ и мучусь ими тѣмъ болѣе, что ближе васъ вижу потребности общества и въ особенности—язвы нашего сословія, но писать, кажется, прошла уже пора для меня... Говорить еще могу и говорю не запинаясь передъ всѣми, можетъ быть смѣлѣе многихъ, имѣющихъ голосъ далеко сильнѣе моего, но и на этой дорогѣ спотыкаюсь почти на каждомъ шагу; говорю или слишкомъ рѣзко, во вредъ себѣ, или вдаюсь въ болтливость, бесполезную для дѣла. Да и говорить мнѣ, кромѣ тѣснаго кружка, очерченнаго службою, почти негдѣ

и не съ кѣмъ. Съ иными я не схожусь, другіе во мнѣ не находятъ нужды. Послѣ прошлогодняго предложенія намъ съ вами пастырскаго жезла, по временамъ является желаніе послужить обществу на поприщѣ администраціи. Совершенно новый кругъ дѣйствій, можетъ быть, пробудилъ бы прежнюю энергію. Но дѣлать для пробы такой рѣшительный переворотъ въ жизни добровольно я не захочу никогда; а повторять предложеніе, особенно по моимъ желаніямъ, конечно, не стануть. Какъ ни кинь,—выходитъ клинъ. Такъ пусть же донашивается мое дырявое платье на той тропинкѣ, по которой я бреду съ своею тяжелою ношею уже слишкомъ 20 лѣтъ.

«Поговоримъ лучше о томъ, что могутъ и должны дѣлать другіе по вашимъ благонамѣреннымъ идеямъ. Получили ли вы какой-нибудь отвѣтъ на свой проектъ объ ученomъ журналѣ? Вы полагали, что его препроводятъ въ академическую конференцію. Этого не сдѣлано доселѣ. Я слышалъ отъ кого-то, что гр. Толстой передалъ проектъ митрополиту здѣшнему, а у него онъ затерялся между многими другими бумагами. Правда ли? По соображенію, это представляется весьма вѣроятнымъ. Такъ затерялся нѣкогда у другаго митрополита еврейскій лексиконъ Г. П. Павскаго; такъ теряется теперь у кого-то изъ владыкъ новозавѣтная исторія Мих. Изм.—ча (Богословскаго), такъ потерялись сотни разныхъ сочиненій, преимущественно дѣльныхъ, у разныхъ владыкъ, цензоровъ, гг. овичей и евичей, и прочихъ блюстителей благовѣрія. Отчего же не затеряться и вашему проекту? Положимъ, впрочемъ, что вы терпѣливо повторите его и счастливо проведете черезъ всѣ мытарства: увѣрены ли вы, что новый журналъ не принесетъ намъ больше сраму, чѣмъ славы? Я скептикъ не безъ основанія. Въ нынѣшнемъ году у насъ есть уже одинъ новый журналъ,—чахоточное чадо похвальнаго усердія идти въ уровень съ вѣкомъ. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ редакція стала получать анонимныя письма съ выраженіемъ самаго горькаго сожалѣнія о томъ, что церковное слово унижается до такой пошлости... Можетъ быть, анонимы не совсѣмъ правы,—не такъ понимаютъ издателей, однако же фактъ многозначительный. Вы задаете вопросъ: дожидаться ли намъ, чтобы свѣтская литература обогнала насъ? Позвольте васъ увѣрить, что тутъ и соперничество невозможно,—мы давно назади и годъ отъ году отстаемъ дальше. Иногда мнѣ приходитъ на мысль, что свѣтская литература (а за нею, конечно, и всѣ читатели ея, т. е. большинство образованныхъ людей) презираетъ насъ, потому что нѣсколько лѣтъ уже журналы почти перестали и упоминать о выходѣ въ свѣтъ духовныхъ сочиненій. Отъ презрѣнія къ нашему образованію естественъ переходъ къ презрѣнію самаго сословія. И на это, повидимому, есть уже не мало печальныхъ признаковъ, даже въ сферахъ высшихъ. Отъ нѣсколькихъ чиновниковъ изъ нашей братіи я

слышалъ, что въ послѣднее время семинаристу, при опредѣленіи на гражданское мѣсто, довольно заикнуться передъ начальствомъ о своемъ происхожденіи, чтобы получить отказъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ. А что было бы, если бы открыто пустить въ ходъ извѣстную вамъ книжку «О положеніи сельскаго духовенства»?

«Кстати объ этой книжкѣ. Она надѣлала у насъ много шума, хотя—доселѣ—безплоднаго. При всей односторонности взгляда и желчности положенія, въ ней много горькой правды, много горькаго сочувствія и дѣльных предположеній. Изъ читателей, извѣстныхъ мнѣ, дамы ближе всего приняли къ сердцу печальную повѣсть о нашемъ положеніи и, на первый разъ, оказали хоть ту услугу, что убѣдили прочитать книгу нѣкоторыхъ мужчинъ, которые, безъ этого, никогда не удосужились бы. Изъ нашей братіи молодежь (впрочемъ не приходская) съ жадностью бросалась на книгу, но рѣдко находила ее. Тѣ же, кому болѣе всего надлежало бы принять къ свѣдѣнію горькую правду, съ презрѣніемъ отринули книгу, какъ пасквиль. Говорятъ, митрополитъ прекратилъ чтеніе на второй страницѣ... Послѣ этого разсуждайте, до какой степени возможенъ прогрессъ при настоящемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ. Мнѣ кажется, что безъ радикальныхъ перемѣнъ въ нашемъ сословіи вообще, и въ администраціи въ особенности, трудно сдѣлать что-нибудь. Предразсудки наши такъ сильны, взглядъ такъ узокъ, эгоизмъ и своекорыстіе такъ глубоко укоренились, что только богатырскою рукою можно повернуть насъ лицомъ къ свѣту. Еще легче было бы, если бы мы съ другими сословіями имѣли органическую связь, при общемъ движеніи, которое теперь съ каждымъ днемъ становится замѣтнѣе, и мы, волею или неволею, потянулись бы впередъ. Но мы составляемъ касту, сближающуюся съ низшимъ и среднимъ классами только по грошамъ и чаркамъ, а къ высшему—не имѣющую доступа дальне передней. Интересъ религіозный, которымъ болѣе всего должны бы мы быть пропитаны, слабо возбуждается при грязномъ воспитаніи, и нерѣдко совсѣмъ подавляется при фальшивомъ устройствѣ нашего житейскаго быта; интересъ ученый нисколько не пробуждается при бессмысленномъ образованіи нашей массы; интересъ національный чуждъ намъ по нашей уединенности. Таково ли положеніе пасторовъ и паторовъ, не говоря уже объ епископахъ ино-вѣрческихъ, которые засѣдаютъ и въ парламентахъ, и въ палатахъ, и въ академіяхъ, и на сеймахъ, и во всѣхъ возможныхъ комитетахъ?... Съ горя мы привыкли называть все это суетностью и укрываемся подъ рубище христіанскаго смиренія. О, если бы хоть въ этомъ мы были искренно убѣждены и не обманывали ни себя, ни другихъ. Вы счастливы, что не теряете надеждъ и бодрости, и—дай Богъ, чтобы побольше было у насъ такихъ людей. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вамъ удастся бросить нѣкоторыя благотворныя сѣмена для будущаго. Но о

соединеніи церквей погодите думать. Пока мы не доросли до взрослых,—товарищество съ ними во всякомъ случаѣ будетъ невыгодно для насъ; а поступать подъ опеку тѣхъ, чья благонамѣренность сомнительна, было бы неблагоразумно. Если г. Гакстгаузенъ столь же ошибочно знаетъ нашу церковь, сколько ошибокъ надѣлалъ въ описаніи своего путешествія по Россіи, то онъ ненадежный посредникъ. Соединеніе—дѣло преимущественно Божіе; намъ надо еще поближе присматриваться къ себѣ и свою домашнюю неурядицу стараться прежде исправить. Тогда истина сама собой всплыветъ наверхъ, и отстаивать ее намъ не будетъ нужды.

«Съ Владиміромъ Павловичемъ (Титовымъ), вѣроятно, вы уже видѣлись и объяснились. Говорятъ, что дѣла идутъ пока не хуже прежняго. Съ своей стороны, при удобныхъ случаяхъ, я настаиваю, чтобы поскорѣе взяли другаго законоучителя въ помощь В. Б—чу. Есть молва, что выборъ останавливается на васъ. Отъ души желаю. Отъ великой княгини вы узнаете объ этомъ дѣлѣ вѣрнѣе. Съ поклономъ отъ васъ былъ у меня свящ. Петровъ. Онъ понравился нашей семьѣ въ Женевѣ; умѣтъ, кажется, правиться нѣкоторымъ и здѣсь. Но, по-моему, молодъ еще,—не устоялся. Съ Янышевымъ познакомился я поближе—только при его отъѣздѣ. Этого жаль, что уѣхалъ отсюда. Видѣлъ мимоходомъ Васильева, боецъ на взглядъ и составилъ себѣ громкую извѣстность. Полисадовъ на-дняхъ вступитъ на университетскую кафедру. Дорога скользкая. Стокгольмскій Соколовъ, говорятъ, пріѣхалъ сюда искать мѣста. Лишившись жены, не хочетъ оставаться за границею.

«Не мнѣ ли теперь говорить вамъ: до свиданія. Сердечно васъ любящій І. Рождественскій».

Такъ проходило мое время въ Стутгартѣ бездѣятельно и только исполненно тревожныхъ думъ и порывовъ. Къ веснѣ 1858 года мнѣ предстояло еще большее уединеніе за отъѣздомъ великой княгини Ольги Николаевны въ Россію на цѣлое лѣто. Всѣ бывшіе въ Стутгартѣ русскіе разѣхались по водамъ; русское посольство все тогда состояло изъ нѣмцевъ неправославныхъ: графъ Бенкендорфъ, Штофрегенъ, баронъ Мейендорфъ. По счастью, въ Баденъ-Баденѣ родилась счастливая мысль пригласить насъ съ церковью и всѣмъ причтомъ для служенія тамъ на все время отсутствія изъ Стутгарта великой княгини. За эту мысль я схватился какъ за манну небесную, предчувствуя въ осуществленіи ея обильное удовлетвореніе снѣдавшей меня жажды дѣятельности, и потому я сдѣлалъ все возможное съ своей стороны, чтобы привести въ исполненіе этотъ планъ. Такъ какъ у насъ была походная церковь, бывшая посольская и остававшаяся безъ употребленія послѣ того, какъ великая княгиня привезла съ собою новую со всѣми принадлежностями бого-

служенія, то намъ легко было перевезти въ Баденъ и поставить тамъ въ нанятомъ для этой цѣли помѣщеніи нашу церковь. И вотъ, переселившись туда всѣмъ причтомъ даже съ семействами, мы открыли въ Баденѣ богослуженія 1-го іюля торжественною литургіею. Мои ожиданія на счетъ дѣятельности, теперь совсѣмъ приходской, осуществились вполне. Кромѣ службъ почти ежедневныхъ, встрѣча съ родными людьми, сношенія съ разнообразными потребностями духовными,—все это было ново для меня, и я находилъ въ этомъ пищу для развитія въ себѣ пастырской дѣятельности. Русскихъ было въ Баденѣ множество и при существовавшей тогда азартной игрѣ былъ постоянный приливъ и отлив наѣзжающихъ, такъ что наша церковь бывала полна молящихся. У насъ былъ учрежденъ и денежный сборъ на содержаніе церкви и для этого заведена сборная книжка, съ которою одинъ изъ псаломщиковъ являлся для подписки къ каждому пріѣзжавшему русскому. Онъ же, какъ оказалось впоследствии, практиковалъ этотъ сборъ самымъ удачнымъ, по его мнѣнію, способомъ, ловя подписчиковъ на рулеткѣ, особенно когда онъ замѣчалъ, что игравшій былъ въ выигрышѣ. Разъ такимъ образомъ онъ попалъ даже на австрійскаго офицера, соблазненный его славянскою фамиліею и принявъ его за русскаго, который только-что сорвалъ банкъ, выигравъ нѣсколько тысячъ гульденовъ. Тотъ на радости, не зная даже хорошенько, на какую потребность предлагаютъ подписаться, отпустилъ значительную сумму въ сборъ на нашу церковь. Такими правыми и неправыми путями была собрана въ Баденѣ за одно лѣто такая значительная сумма, что не только покрылись всѣ издержки содержанія церкви и причта за это лѣто, но даже положено было начало капитала для устройства постоянной церкви. Для этого образовался комитетъ, во главѣ котораго стали—страннѣйшимъ образомъ—два неправославныхъ лица: княгиня Гагарина, рожденная Потоцкая, католичка, и баронъ Мюленсъ, женатый на Похвисневой, протестантъ. Но усердіе этихъ лицъ, жившихъ по родственнымъ связямъ въ православной сферѣ, увѣнчалось вскорѣ полнымъ успѣхомъ. Сначала они устроили очень скромную домовую церковь въ нанятомъ домѣ, приглашая для совершенія богослуженія въ одинъ изъ недѣльныхъ дней священника изъ Карлсруэ, а потомъ выстроили небольшой храмъ, въ которомъ пока совершается богослуженіе тѣмъ же карлсруэскимъ священникомъ, когда онъ свободенъ отъ службы при своей церкви, но уже теперь (1887 г.) собираемый съ жертвователей капиталъ возросъ до такой цифры (около 100.000 марокъ), что скоро можно будетъ имѣть собственный причтъ при этой церкви. Такимъ образомъ, мы можемъ имѣть утѣшеніе сказать, что наше временное служеніе въ Баденѣ въ 1858 году положило начало постоянной церкви въ этомъ городѣ, куда такъ много собирается русскихъ на лѣтнее время и гдѣ нѣкоторые изъ

нашихъ соотечественниковъ поселились, купивъ тамъ себѣ дома. Другое, подобное этому, покушеніе устроить постоянную церковь прошло чрезъ мои руки этимъ же лѣтомъ въ Интерлакенѣ въ Швейцаріи. Меня позвали туда изъ Бадена къ умирающему русскому. Я отправился, взявъ съ собою псаломщика и захвативъ на всякій случай и траурную ризницу, какъ это всегда практиковалось мною, когда меня требовали, особенно изъ Висбадена, къ умирающему въ какое-нибудь отдаленное мѣсто. Случалось почти всегда такъ, что или застанешь больного при послѣднемъ издыханіи, или же прійдешь, когда онъ уже скончался. Эту практику я потомъ передалъ и моему преемнику въ Висбаденѣ, о. Янышеву, разъ даже нагляднымъ образомъ. Ъхалъ я по порученію великой княгини Ольги Николаевны въ Боннъ провѣдать находившагося тамъ въ домѣ душевнобольныхъ князя П. А. Вяземскаго. Ъхалъ я по Рейну, и вотъ въ Бибрихѣ на тотъ же пароходъ садится о. Янышевъ.

— Куда вы?—спрашиваю его.

— Да вотъ, позвали въ Боннъ причастить тамъ больного соотечественника.

— И одни, безъ псаломщика и безъ ризницы?

— Но вѣдь только причастить больного. А брать съ собою и ризницу, да еще траурную—испугаешь родныхъ!

— Ну, смотрите, говорю, чтобы не быть вамъ въ затрудненіи, если больной вашъ умретъ при васъ же!

Такъ и случилось. Когда мы пріѣхали въ Боннъ, больной уже скончался, и надо было служить панихиду. Посылать въ Висбаденъ за псаломщиковъ и ризницею—значило прождать дня три, а тѣло покойника назначалось къ отправкѣ въ Россію для погребенія тамъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, чтобы не оставить родныхъ безъ утѣшенія заупокойныхъ молитвъ о новопреставившемся, мы рѣшили отслужить вдвоемъ панихиду, онъ въ одной свѣтлой эпитрахили, я за псаломщика. Такъ же точно случилось и въ Интерлакенѣ, съ тою разностью, что я пріѣхалъ туда приготовленнымъ на всякій случай. Больного я уже не засталъ въ живыхъ, и намъ пришлось отпѣвать его. Такъ какъ это былъ одинъ изъ богатыхъ московскихъ купцовъ, то семейство его было въ отчаяніи какъ отъ невозможности имѣть всю православную обстановку погребенія, такъ еще болѣе отъ того, что покойникъ долженъ былъ скончаться безъ напутствія св. тайнами. Оказалось, что долго искали священника повсюду. Телеграфировали сперва въ Женеву, никакого отвѣта. Послѣ объяснилось, что тамошній священникъ былъ въ отсутствіи. Обратились въ Стутгартъ, опять никакого отвѣта, такъ какъ я находился въ Баденѣ со всѣмъ семействомъ, и квартира моя была заперта. Пока отыскиали меня, пока я туда пріѣхалъ, больной скончался, Это такъ огорчило всю семью и даже самого хозяина «Hôtel Ober», гдѣ

помѣщалось это семейство, что тутъ же предложилъ мнѣ на свой счетъ, конечно не безъ корыстныхъ цѣлей, надѣясь тѣмъ привлечь русскіихъ въ свою гостиницу, устроить походную русскую церковь и показывалъ мнѣ очень подходящій для этой цѣли павильонъ въ саду, прося только меня походатайствовать, чтобы ему присылали изъ Россіи на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ священника для совершенія службы. Я было обѣщаль ему все это устроить съ полною надеждою на успѣхъ, но вспомнилъ во-время, что я взялся распорядиться въ чужомъ приходѣ, такъ какъ Интерлакенъ лежитъ въ Швейцаріи, а въ главномъ городѣ этой страны имѣется наша церковь, настоятелемъ которой былъ въ то время о. Петровъ. Поэтому все это дѣло я передалъ ему. Но, къ сожалѣнію, онъ не только не поспособствовалъ осуществленію этого плана, а, напротивъ, постарался совсѣмъ разрушить его, находя, что это совсѣмъ лишняя затѣя, при томъ своекорыстная, содержателя «Hôtel Ober», и что для рѣдкихъ отдѣльныхъ случаевъ священникъ женевской церкви всегда можетъ пріѣзжать въ Интерлакенъ. Такъ это и не состоялось. Но не дай Богъ русскимъ умирать за границую! Какимъ лишеніямъ, какимъ часто обиднымъ формальностямъ подвергаются члены семейства, лишившіеся любимаго и близкаго существа! Не говоря уже о томъ, что ни у одного изъ западныхъ народовъ не существуетъ и понятія о томъ нѣжномъ уходѣ за покойникомъ, къ какому способны одни только русскіе, здѣсь во всѣхъ гостиницахъ, гдѣ случится кому-нибудь умереть, не потерпятъ одного дня, чтобы не удалить тѣло покойника изъ занимаемаго помѣщенія. Особенно на водахъ, куда стекаются иностранцы для пріятнаго препровожденія времени среди лѣченія, если случится умереть кому въ гостиницѣ, сейчасъ же, иногда едва нѣсколько часовъ спустя послѣ кончины, тѣло покойника спроваживаютъ, по возможности тайкомъ въ сумерки или ночью, на кладбище въ имѣющуюся тамъ часовню, гдѣ оно и остается до погребенія или отправленія на вѣчный покой на родину. При этомъ вокругъ тѣла никакой православной обстановки, ни свѣчей вокругъ гроба, ни чтенія псалтири, ни даже присутствія кого-либо близкихъ при гробѣ, такъ какъ часовня на ночь запирается. А если бы кто захотѣлъ воспротивиться этому заведенному порядку, чтобы по русскому обычаю удержать тѣло покойника въ квартирѣ до погребенія, тому пришлось бы очень дорого поплатиться за это.

На моихъ глазахъ былъ одинъ такой случай. Одна богатая русская фамилія, отправляясь изъ Эмса, гдѣ находилась на лѣченіи больная мать семейства, въ Италію, остановилась въ Кобленцѣ въ одномъ изъ лучшихъ отелей. Здѣсь въ ту же ночь больная скончалась, и оставшіеся члены семейства на представленіе хозяина гостиницы удалить немедленно тѣло покойницы отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, объявивъ, что до отправленія тѣла въ Россію, на чтѣ потребовалось не менѣе трехъ

дней, они не позволяют удалить покойницу из ихъ квартиры. Хозяинъ замолчалъ, но когда все было кончено и семейство собиралось вслѣдъ за тѣломъ отправляться въ Россію, онъ подалъ имъ за эти три дня счетъ въ 30.000 гульденовъ, основывая свое требованіе на томъ, что по поводу пребыванія покойника въ его гостиницѣ не только никто не хотѣлъ останавливаться у него въ это время, но и большая часть жившихъ у него гостей выѣхала изъ отеля, а это вмѣстѣ съ другими расходами, какъ истребленіе кровати и мебели въ комнатѣ умершей, а равно необходимость замѣнить обои новыми, причинило ему убытокъ на показанную сумму. Изъ-за этого возникъ процессъ, поддержанный нашимъ посольствомъ во Франкфуртѣ, доходившій до верховной власти въ Берлинѣ, кончившійся тѣмъ, что хотя и уменьшили сумму, требуемую хозяиномъ, но все-таки принудили заплатить значительную часть по счету.—Вотъ также и въ Интерлакенѣ, когда мы туда пріѣхали, мы уже не застали не только въ живыхъ умиравшаго, но даже и тѣла его въ роскошной квартирѣ, занимаемой семействомъ тоже въ роскошномъ отелѣ. Онъ былъ вынесенъ ночью, чтобы не смущать этимъ печальнымъ видомъ веселыхъ гостей Интерлакена, въ маленькую и убогую часовню на кладбищѣ, гдѣ было трудно повернуться при совершеніи панихиды. И когда подумаешь, съ какимъ торжествомъ и съ какою роскошью православной обстановки совершилось бы погребеніе этого московскаго богача, если бы Богъ судилъ ему умереть на родинѣ, то невольно возмущалась душа при видѣ этого, болѣе чѣмъ скромнаго гроба, поставленнаго на двухъ скамейкахъ въ какой-то небѣленной сторожкѣ, не окруженнаго даже самыми необходимыми принадлежностями погребенія. Но этимъ еще не кончились мытарства, сквозь которыя суждено было пройти этому покойнику, имѣвшему несчастье умереть на чужой сторонѣ. Такъ какъ тѣло предназначалось къ отправленію въ Россію для погребенія, то необходимо было набальзамировать его, и какъ въ Интерлакенѣ не нашлось врача, который могъ бы исполнить эту операцію, пришлось посылать въ Бернъ за однимъ изъ профессоровъ тамошняго университета. Предвидя, что это возьметъ много времени, и такъ какъ меня просили остаться, чтобы совершить послѣднюю панихиду передъ отправленіемъ тѣла въ Россію, то я воспользовался этимъ короткимъ промежуткомъ времени, чтобы сдѣлать маленькую прогулку въ живописныя окрестности Интерлакена.

Интерлакенъ лежитъ между двумя озерами (откуда онъ и ведетъ свое названіе), Тунскимъ и Бриенцкимъ, у подножія самыхъ высокихъ горъ такъ называемаго Oberland, въ виду Jungfrau, смотрящей своею бѣлою снѣжною вершиною въ долину. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ раннимъ утромъ выйти или выѣхать, какъ это я сдѣлалъ въ этотъ разъ, въ маленькой колясочкѣ, такъ называемой Bernerwägelchen въ горы,

гдѣ со всѣхъ сторонъ обнимаетъ васъ здоровая утренняя прохлада воздуха, насыщенная запахомъ сочныхъ луговъ и соснового лѣса, покрывающаго отроги снѣжныхъ горъ, окружающихъ васъ со всѣхъ сторонъ. Цѣлью моей однодневной поѣздки было съ одной стороны посмотрѣть вблизи на ледники въ Мейрингенѣ, гдѣ они спускаются къ самому селенію, а съ другой полюбоваться въ Лаутербрунненѣ на водопадъ, извѣстный подъ именемъ Staublach'a, потому, что, падая съ высокой отвѣсной скалы широкою струею, онъ долетаетъ внизъ въ видѣ водяной пыли, разбиваясь въ воздухѣ на мелкій дождь. И то, и другое мнѣ удалось видѣть при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Наслажденіе красотами природы обуславливается не столько необычностью самой картины, сколько внутреннею воспримчивостью самого наблюдателя. Есть люди, которые положительно не понимаютъ, чтó хорошаго въ томъ, что васъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ горы, которыя давятъ и тѣснятъ васъ, отнимая просторъ у взора, ищущаго дали, или въ этой глупой струѣ воды, которая падаетъ дождемъ, точно стокъ съ высокой крыши! Растолковывать и объяснять не только такимъ прозаическимъ людямъ, но даже и себѣ самому, въ чемъ состоитъ тутъ красота, приводящая васъ въ восторгъ, значило бы то же самое, какъ если бы для объясненія прелести какой-нибудь картины вы стали бы скоблить съ нея краски и путемъ химическаго анализа разбирать ихъ составъ, производящій такой эффектъ на полотно. Тутъ дѣйствуетъ на насъ общее впечатлѣніе, вызывающее въ душѣ прирожденный намъ идеалъ изящнаго, настраивающее наше воображеніе на образы лучшей обстановки, чѣмъ наша обыденная жизнь, и пробуждающее иногда желаніе лучшаго счастья жизни. Никогда я не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ эту же поѣздку въ Интерлакенъ картиною идилліи, поразившей меня на Тунскомъ озерѣ. При самомъ выѣздѣ изъ Туна на пароходѣ на выдающемся въ озеро мысѣ лежитъ чудесная вила, передъ нею паркъ съ цвѣтниками и газономъ, спускающимся къ самому озеру. Этотъ восхитительный ландшафтъ былъ оживленъ группами дамъ и мужчинъ, сидѣвшими въ тѣни красивыхъ боскетовъ, дѣтьми, игравшими на лужкѣ. Смотря на эту картину, я въ первый—и надѣюсь—въ послѣдній—разъ въ жизни понялъ, что значитъ зависть. Почему, думалось мнѣ, только нѣкоторымъ избраннымъ достается такое счастье—и богатство, и роскошь, и довольство—все заразъ. Но было ли за эту роскошную обстановкою дѣйствительно и сердечное счастье, этотъ вопросъ тогда не приходилъ на умъ, я любовался только картиною счастья въ живописной обстановкѣ—и завидовалъ.

Но какое разочарованіе, когда при этой поэзіи природы возвратишься къ прозѣ жизни. Вернувшись вечеромъ изъ моей живописной прогулки въ опечаленную семью въ Интерлакенъ, я узнаю отъ оставшагося тамъ

моего псаломщика ужасы, постигшіе несчастное тѣло нашего покойника. Нарочный, посланный въ Бернъ за докторами для бальзамированія, воротился съ извѣстіемъ, что, по случаю университетскихъ каникулъ, всѣ профессора разъѣхались. Такимъ образомъ бальзамированіе тѣла сдѣлалось невозможнымъ, а безъ этого невозможно было отправить его въ Россію, для транспортированія котораго на другой день были уже сдѣланы всѣ приготовленія и заказы. Тогда кому-то пришла несчастная мысль просто залить тѣло въ свинцовомъ гробу саломъ и такъ отправить, какъ пересылаютъ опишанныхъ гусей. И вотъ принялись за эту ужасную операцію, конечно, за глазами родственниковъ покойнаго, иначе они не потерпѣли бы такого поруганія. Одинъ только мой псаломщикъ присутствовалъ при этой отвратительной картинѣ, да и тотъ не могъ вынести этого зрѣлища до конца. «Прежде всего,—разсказывалъ онъ,—вытащили гробъ съ покойникомъ изъ капеллы на дворъ гробовщика; здѣсь развели костеръ, на который поставили чугуны съ саломъ; тѣло вынули изъ гроба, раздѣли до-гола и начали поливать его въ свинцовомъ гробу растопленнымъ саломъ. Смотря на то, какъ при каждой выбрасываемой на тѣло кастрюлѣ съ растопленнымъ саломъ, кожа вздувалась пузырями и лопалась,—разсказывалъ псаломщикъ,—я думалъ про себя: видно, этотъ несчастный много нагрѣшилъ въ жизни, что попалъ въ такое адское пекло уже на землѣ!» Когда на другой день мы совершали послѣднюю передъ отправленіемъ тѣла панихиду передъ закрытымъ уже и заколоченнымъ въ ящикъ гробомъ, отъ котораго распространялся запахъ топленнаго сала, я твердилъ себѣ неволью: нѣтъ, не дай Богъ русскому умирать на чужбинѣ!

Воротившись изъ этой поѣздки въ Баденъ, я нашелъ тамъ моихъ временныхъ прихожанъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ моего возвращенія. Частію церковныя требы, а частію личныя отношенія съ нѣкоторыми изъ соотечественниковъ, съ которыми я успѣлъ подружиться, требовали моего присутствія тамъ. Такъ, между прочимъ, одно изъ дружественныхъ мнѣ семействъ собиралось отправиться въ Парижъ и оттуда на морскія купанья и только ожидали моего возвращенія, чтобы пуститься въ путь. Это семейство, состоявшее изъ матери, двухъ взрослыхъ дочерей и маленькаго сына, въ возрастѣ моихъ сыновей, очень соблазняло меня проводить ихъ до Парижа, котораго я еще не видалъ, несмотря на близкое разстояніе, въ которомъ я столько лѣтъ жилъ отъ этой блистательной столицы европейскаго просвѣщенія и вкуса. Меня очень соблазняла эта поѣздка, особенно въ такомъ пріятномъ для меня обществѣ. Но чувство долга, привязывавшаго меня къ службѣ хотя и во временномъ моемъ приходѣ, пересилило представившійся мнѣ соблазнъ, если не совсѣмъ, по крайней мѣрѣ на половину, такъ какъ я рѣшился проводить своихъ знакомыхъ только до половины пути въ Парижъ.

чтобы не продлить своего отсутствія изъ Бадена больше двухъ дней. И вотъ, забравъ съ собою своихъ дѣтей, я переѣхалъ въ первый разъ границу Франціи, находившуюся тогда въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Бадена. Мнѣ ужасно интересно было взглянуть на иной бытъ, иной образъ жизни, чѣмъ германскій. Но первая наша остановка въ Страсбургѣ не принесла мнѣ никакихъ новыхъ впечатлѣній. Этотъ городъ, несмотря на свою вѣковую принадлежность галльскому племени, и тогда оставался нѣмецкимъ городомъ и по внѣшней фізіономіи, и по образу жизни, и даже по языку—по крайней мѣрѣ, въ простомъ народѣ. Поэтому осмотрѣвъ здѣсь соборъ съ знаменитыми астрономическими часами съ ихъ подвижными куклами апостоловъ, двигающимися въ каждый полдень передъ фігурою Іисуса Христа, съ ихъ знаменитымъ деревяннымъ пѣтухомъ на карнизѣ часовъ, который въ полдень начинаетъ махать своими деревянными крыльями и кричать не своимъ голосомъ на всю церковь свое кукареку, мы отправились дальше и остановились въ Нанси.—послѣдній предѣлъ задуманной мною прогулки во Францію. Здѣсь я уже встрѣтилъ настоящую Францію. Тутъ и народъ былъ не тотъ, и самыя зданія другія и даже окрестности какъ будто представляли другую природу. Нанси—очень красивый городъ, полный воспоминаній о Станиславѣ Лещинскомъ, бывшемъ нѣкогда королемъ польскимъ, а потомъ управлявшемъ Лотарингіею съ званіемъ короля и имѣвшемъ свою резиденцію въ Нанси, который онъ украсилъ многими великолѣпными зданіями, за что ему самому поставили памятникъ на одной изъ городскихъ площадей.

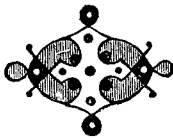
Изъ моего пребыванія лѣтомъ 1858-го года въ Баденѣ у меня сохранилось еще одно характерное воспоминаніе. Говорятъ вообще, что женщины имѣютъ большое вліяніе на дѣла, а особенно же на карьеру служащихъ людей. Я этому вѣрилъ и не вѣрилъ, но вотъ чему я былъ самъ свидѣтелемъ въ Баденѣ. Тамъ жила этимъ лѣтомъ извѣстная своимъ огромнымъ богатствомъ княгиня Бутера, рожденная княжна Шаховская, бывшая въ первый разъ замужемъ за графомъ Шуваловымъ, во второй за графомъ Полье и въ третій за итальянскимъ княземъ Бутера и, наконецъ, вдова. Ее всѣ уважали и любили за ея доброту, широкое гостепрѣмство и радушіе. Я очень часто бывалъ въ ея домѣ и былъ знакомъ со всѣми окружавшими ее постоянно личностями.

Разъ сидимъ мы вокругъ нея на променадѣ и я рассказываю, что получилъ отъ о. Янышева письмо изъ Берлина, куда онъ только-что переведенъ былъ изъ Петербурга послѣ того, какъ принужденъ былъ оставить мѣсто профессора богословія въ Петербургскомъ университетѣ, куда теперъ вызванъ былъ изъ Берлина своякъ о. Янышева, В. П. Подисадовъ.

— Скучаетъ, говорю, бѣдный о. Янышевъ по своему Висбаденѣ, который онъ такъ любилъ и гдѣ его такъ всѣ любили.

Этого было довольно, чтобы всѣ приуотствовавшія здѣсь дамы начали охать и жаловаться на то, что теперешній священникъ въ Висбаденѣ, смѣнившій тамъ о. Янышева, тоже своякъ его, о. Матвѣевскій, никому не нравится и не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ русскихъ, проживающихъ на водахъ. Тогда княгиня Бутера обращается къ сидѣвшей здѣсь г. Свистуновой, которой мужъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, съ предложеніемъ, нельзя ли похлопотать, чтобы о. Янышева опять перевести въ Висбаденъ? Я хотя и зналъ, что всѣ окружавшіе княгиню Бутера готовы были исполнить малѣйшее ея желаніе, но на этотъ разъ усумнился въ успѣхъ этихъ хлопотъ. Мѣсто въ Висбаденѣ было занято; самъ о. Янышевъ только-что переведенъ былъ въ Берлинъ. Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ этого разговора на promenadѣ въ Баденъ-Баденѣ, какъ о. Матвѣевскій былъ вызванъ въ Петербургъ и опредѣленъ священникомъ на Смоленское кладбище, а о. Янышевъ переведенъ въ Висбаденъ на свое прежнее мѣсто, которое онъ такъ любилъ. И вышло по французской пословицѣ: *ce que femme veut, Dieu le veut*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Присяга императору Николаю I въ Тулѣ.

12-го декабря 1825 года состоялся манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая I. По полученіи его въ Тулѣ были, 19-го декабря, собраны въ соборной церкви гражданскіе чиновники, все дворянство, которое было въ городѣ по случаю выборовъ, оставные чиновники и горожане и приведены къ присягѣ на вѣрность подданства какъ императору, такъ и его наслѣднику великому князю Александру Николаевичу. Присяга была произведена публично по присяжнымъ листамъ, присланнымъ при указѣ Правительствующаго Сената. Листовъ этихъ, при беспорядочной раздачѣ, оказалось недостаточно для разсылки по уѣздамъ, и потому пришлось напечатать ихъ въ губернской типографіи и разослать. Перепечатанные и разосланные листы были подписаны присягнувшими и возвращены въ Тулу. Просматривая ихъ, тульскій губернскій прокуроръ Григорьевъ къ ужасу своему замѣтилъ, что въ перепечатанныхъ экземплярахъ клятвеннаго обѣщанія было пропущено: «Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ его императорскаго величества...».

Прокуроръ Григорьевъ сдѣлалъ тотчасъ же распоряженіе о вторичной перепечаткѣ листовъ и разсылкѣ ихъ вновь для подписанія, назначилъ слѣдствіе для открытія виновныхъ въ такой ошибкѣ и донесъ министру юстиціи князю Дмитрію Ивановичу Лобанову-Ростовскому ¹⁾ и генераль-губернатору А. Д. Балашову.

Министръ юстиціи тотчасъ же доложилъ императору о такомъ происшествіи, и государь поручилъ генералу Храповицкому «особенно узнать

¹⁾ Рапортъ прокурора Григорьева отъ 4-го января 1826 г. № 3.

ближайшимъ и достовѣрнѣйшимъ образомъ, по ошибкѣ ли сдѣлано столь важное упущеніе въ перепечатанныхъ присяжныхъ листахъ или съ умысломъ и на какой конецъ? Кто именно состоитъ въ томъ виновнымъ?»¹⁾

Между тѣмъ объ этомъ происшествіи не было получено донесеній ни отъ генераль-губернатора, ни отъ губернатора. Князь Лобановъ-Ростовскій, опасаясь, что онъ поторопился сдѣлать всеподданнѣйшій докладъ, писалъ И. И. Дибичу²⁾:

«Возвращаясь изъ дворца, пришло мнѣ въ каретѣ на мысль, что какъ отъ генераль-губернатора, ни отъ губернатора изъ Тулы о пропускѣ, сдѣланномъ въ присяжныхъ листахъ, нѣтъ къ государю донесенія, то коль скоро генераль-адъютантъ Храповицкій приступитъ къ обнаруженію виновныхъ въ томъ,—губернаторъ и генераль-губернаторъ, по просту сказать, съѣдятъ тульского прокурора, то не излишнимъ бы было поручить его охраненію того же г-на Храповицкаго».

Князь Лобановъ-Ростовскій успокоился, когда было получено донесеніе отъ генераль-губернатора Балашова. Онъ доносилъ³⁾ весьма кратко, что «изслѣдывая на мѣстѣ съ большимъ вниманіемъ и подробностью поступокъ тульской типографіи въ ошибкахъ при перепечатаніи присяжныхъ листовъ, не нашелъ ничего кромѣ необдуманной и непростительной поспѣшности въ семъ исполненіи. Оказавшіеся виновными въ ономъ отсылаются къ суду уголовному».

Генераль Храповицкій по первому впечатлѣнію и разпросамъ пришелъ также къ заключенію, что это не преднамѣренная ошибка. Какъ полагать можно,—писалъ Храповицкій⁴⁾,—«чтобъ губернаторъ (Тухачевскій), не пользующійся ни отмѣннымъ уваженіемъ, а еще менѣе довѣренностію дворянства и почти можно сказать всѣхъ сословій, могъ сдѣлать сіе съ намѣреніемъ? По безпечности его скорѣе полагать должно, что и подвѣдомственные ему чиновники не обратили должнаго вниманія на столь важное обстоятельство, какова присяга».

Губернаторъ сваливалъ всю вину на совѣтника губернскаго правленія Трофимова. «Чиновникъ сей,—доносилъ Храповицкій,—при начальномъ вступленіи теперешняго губернатора въ управленіе губерніею, пользовался особымъ его расположеніемъ, но теперь совсѣмъ противное. Перемѣна сія могла произойти отъ связи его съ предсѣдателемъ онаго правленія Хрулевымъ; ибо перемену сію я замѣтилъ съ того времени, когда по новому образованію для губерній, подъ управленіемъ генераль-адъютанта Балашова, сей послѣдній назначенъ въ званіе предсѣдателя».

¹⁾ Письмо барона И. И. Дибича М. Е. Храповицкому 12-го января 1826 г. № 81.

²⁾ Отъ 11-го января 1826 г.

³⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе Балашова 15-го января 1826 г.

⁴⁾ Въ письмѣ барону И. И. Дибичу отъ 20-го января 1826 г. № 1.

Совѣтникъ Трофимовъ человекъ умный, знаетъ дѣло, но какъ оно исправляется, рѣшительно сказать не могу».

Дальнѣйшее слѣдствіе обнаружило: 1) Что по полученіи въ тульскомъ губернскомъ правленіи указа Сената съ высочайшимъ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Николая I, губернское правленіе приступило къ ихъ разсылкѣ, при чемъ послѣдняя производилась крайне небрежно и безъ разчета: разсылали въ учрежденія и давали частнымъ лицамъ. Скоро оказалось, что присяжныхъ листовъ недостаетъ для отсылки во многія мѣста, и тогда приступили къ ихъ перепечатыванію. Совѣтникъ губернскаго правленія Трофимовъ, которому была поручена разсылка указовъ, послѣ обѣда отправился въ правленіе и просидѣлъ тамъ до 11 часовъ вечера, поручивъ все это дѣло начальнику отдѣленія Жданову. Наборщики сами распорядились, кому что набирать, и въ числѣ ихъ былъ коллежскій секретарь Гасиловъ, который, по словамъ Храповицкаго, «трехъ словъ безошибочно прочесть не можетъ». Когда оттиснуть былъ первый экземпляръ присяги, Ждановъ приказалъ Гасилову перемѣнить нѣкоторыя «вложенныя ошибкою» буквы и тотчасъ отдалъ тередорщику. По отпечатаніи же листовъ всѣ они были отнесены въ губернское правленіе, гдѣ канцелярскими служителями вкладывались въ указы, которые отправлялъ Ждановъ, скрѣпляли секретари, а подписывалъ Трофимовъ. Впослѣдствіи въ клятвенныхъ обѣщаніяхъ, уже подписанныхъ присягавшими, кромѣ пропуска было найдено 29 буквенныхъ ошибокъ.

«За неимѣніемъ суммъ содержать корректора,—писало губернское правленіе Храповицкому,—въ случаяхъ, терпящихъ время, гдѣ не могло быть подобной настоящему экстренной поспѣшности, повѣряютъ корректурные листы столоначальники, каждый по своей части». Въ данномъ же случаѣ никто ихъ не повѣрялъ потому, что начальникъ отдѣленія Ждановъ торопился наборомъ и самъ не провѣривъ подписывалъ и разсылалъ.

«Гасиловъ,—доносилъ Храповицкій,—весьма дурно знаетъ читать и, бывъ какъ онъ показываетъ, весьма побуждаемъ Ждановымъ къ поспѣшнѣйшему набору, въ чемъ и сей сознается, онъ, не замѣтя, что пропускаетъ четыре строки между двумя титулами его императорскаго величества, находящимися на 9 и 13 строкахъ экземпляровъ, изъ Правительствующаго Сената присланныхъ, сталъ набирать отъ втораго титула».

Въ заключеніе Храповицкій обвинялъ во всемъ губернатора. «Изъ произведеннаго мною слѣдствія,—писалъ онъ ¹⁾,—открывается главнѣй-

¹⁾ Начальнику главнато штаба барону И. И. Дибичу отъ 22-го февраля 1826 г. № 24.

шимъ поводомъ къ происшедшей ошибкѣ отступленіе отъ порядка производства дѣлъ и не наблюденіе за онымъ правителя губерніи, который, бывъ поставленъ высочайшею властію надзирать за соблюденіемъ онаго, вмѣсто того допустилъ нарушить оный, чѣмъ и вовлекъ въ отвѣтственность своихъ подчиненныхъ».

Губернаторъ не признавалъ себя виновнымъ и говорилъ, что онъ управляетъ губерніею черезъ губернское правленіе и что имѣетъ помощниковъ, которые должны раздѣлять съ нимъ отвѣтственность,—тѣмъ болѣе, что его въ то время не было въ Тулѣ, такъ какъ онъ отправился на границу губерніи, для сопровожденія тѣла императора Александра I.

Дѣло это было перенесено въ Комитетъ министровъ, гдѣ и обсуждалось 2-го и 16-го марта 1826 года. Комитету было доложено, что листы исправлены, вновь перепечатаны, разосланы по губерніи и вторично подписаны присягавшими, при чемъ нигдѣ и никакого не произошло замѣшательства или происшествія.

Тѣмъ не менѣе, въ виду непростительной небрежности въ столь важномъ дѣлѣ, Правительствующій Сенатъ полагалъ сдѣлать строгій выговоръ губернатору и подтвердить ему быть впредь осмотрительнѣе; совѣтника губернскаго правленія Трофимова, секретарей и прочихъ лицъ, открытыхъ по слѣдствію виновными, арестовать на недѣлю. Комитетъ министровъ согласился съ опредѣленіемъ Сената, но предсѣдатель департамента законовъ В. Пашковъ подалъ отдѣльное мнѣніе.

«Предосудительная неосмотрительность,—писалъ онъ,—тульского гражданскаго губернатора въ государственномъ дѣлѣ толикой важности, найденная Правительствующимъ Сенатомъ и министромъ юстиціи, по моему мнѣнію, есть въ той степени, которая ведетъ къ заключенію, что губернаторъ сей не имѣетъ качествъ, нужныхъ для правителя губерніи, отъ распорядительности коего, разсудительности и къ службѣ ревнѣнія зависитъ спокойствіе, тишина и благоденствіе всѣхъ сословій, въ составѣ губерніи состоящихъ, и самое благоустройство въ производствѣ дѣлъ, и который собственнымъ наблюденіемъ за порядкомъ долженъ служить примѣромъ по всѣмъ частямъ управленія. Изъ рапортовъ же по настоящему обстоятельству видно, что онъ, губернаторъ Тухачевскій, не обратилъ къ оному дѣлу должнаго вниманія и такимъ своимъ нерадѣніемъ безъ сомнѣнія допустилъ всѣхъ въ представленіяхъ поименованныхъ губернскихъ чиновниковъ оказать нерадѣніе же и чрезмѣрный безпорядокъ при распредѣленіи полученныхъ отъ Правительствующаго Сената трехъ сотъ листовъ присяги, при разсмѣжъ оныхъ въ подвѣдомственные губернскому правленію мѣста и при напечатаніи въ тульской типографіи новыхъ экземпляровъ присяги. По симъ причинамъ я полагаю, что онъ, губернаторъ Тухачевскій, столь явно оказав-

пшй въ себѣ недостатокъ въ свойствахъ и способностяхъ, необходимыхъ для правителя губерніи, не долженъ болѣе оставаться въ семъ званіи».

Прочитавъ журналъ Комитета министровъ и мнѣніе Пашкова, императоръ Николай написалъ:

«Губернаторъ, какъ начальникъ губерніи, есть самый виновный. Прочихъ всѣхъ освободить отъ всякаго взысканія, а губернатору сдѣлать за нерадѣніе строгій выговоръ и объявить, что если мнѣ судить должно по сему образцу объ усердіи его, то не могу получить объ ономъ хорошаго мнѣнія—стало, чтобы былъ осторожнѣе».

Н. Д.

Лунное затменіе въ началѣ XVIII вѣка.

(Собственноручная записка Артемія Петровича Волынского).

«Сего мѣсяца 6-го числа было здѣсь затменіе въ мѣсяцѣ, зѣло удивительно и необыкновенно.

«Началось въ 7-мъ часу пополудни. Сначала тмится началъ отъ сѣверной стороны, такъ какъ и обыкновенное бываетъ. Но потомъ, когда весь кругъ затмился, то сталъ такъ красенъ, какъ самый огонь и такъ временемъ являлось, въ кругу какъ бы горѣло. Потомъ отъ середины круга стало кроваво отъ верхняго края шире, а къ нижнему уже; притомъ являлась по краямъ свѣтлость [однакожь ненатуральная] временемъ отъ сѣвера, а временемъ съ низу, которая казалась такъ, какъ бываетъ первая четверть мѣсяца, а иногда мало не до самого верха оба конца сходились [что такъ больше случалось, когда та свѣтлость покажется снизу, нежели отъ стороны], а между тѣмъ паки зѣло красенъ становился, кромѣ самой середины, однакожь и та временемъ больше, а временемъ меньше являлась. И такъ стояло съ полтора часа безъ мала, потомъ началъ свѣтлѣть снизу натуральнымъ свѣтомъ, только такъ равно, какъ бы было отрѣзано и что больше стало прибав(л)яется свѣта, то та темность становилась кровавѣе и гуще и такъ равно дошла до самого верха, что и кончилось въ 10-мъ часу.

«Случалось мнѣ предъ симъ видать и сколько разъ, какъ и здѣсь видѣли мы въ бытность свою въ Кава . . . . .¹⁾, однакожь никогда не только я, и другіе такого (которое было нынѣ) не видали».

Такая собственноручная записка безъ помѣты года сохранилась въ бумагахъ подканцлера барона Петра Павловича Шафирова въ Императорской Академіи наукъ. А. П. Волынской родился, по словамъ его біографовъ, въ 1689 году, воспитывался въ семьѣ С. А. Салтыкова и принадлежалъ, какъ свидѣтельствуеетъ отчасти вышеприведенная записка, по складу ума и характера къ передовымъ, образованнѣйшимъ людямъ своего времени.

Въ 1704 году Волынской былъ зачисленъ солдатомъ въ драгунскій полкъ; но уже черезъ семь лѣтъ, въ 1711 году, мы встрѣчаемъ въ документахъ подпись: «Ротмістръ Артемей Волыской доносилъ и подпісался».

Состоя при Шафировѣ во время Прутскаго похода, онъ въ 1712 году раздѣляетъ съ нимъ плѣнь въ Константинополь, ведетъ дневникъ о пребываніи въ «едикулѣ» и въ слѣдующемъ году отправленъ былъ курьеромъ къ царю съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адриано-поль.

М. К. Марченко.

---

¹⁾ Это слово не разобрано.

Россеія и папекій престолъ.

II 4).

Самборъ.—Семейство Мнишекъ.—„Соколы“ и Gіjanka.—Грабежъ по смерти Сигизмунда II.—Обвиненіе братьевъ Мнишекъ на сеймъ.—Юрій Мнишекъ.—Его расточительность.—Мнѣніе Рангони.—Доминиканцы и бернардины.—Обученіе народа.—Щедрость Мнишека по отношенію къ бернардинамъ.—Ихъ восторженныя похвалы.—Финансы Мнишека—Секвестръ имущества.—Князь Константинъ Вишневецкій.—Появленіе Димитрія въ Самборъ.—Окружающая атмосфера.—Самсонъ и Далила.—Димитрій влюбляется въ Марину и проситъ ея руки.—Планъ Мнишека.—Роль Помасскаго.—Атака, веденная о. Ансеринусомъ.—Мнишекъ оказываетъ имъ свое содѣйствіе.—Похвала папы Павла V Помасскому.—Новая программа въ связи съ общей политикой.—Желаніе Замойскаго.—Отъѣздъ Димитрія въ Краковъ.

Самборъ представляетъ собою въ настоящее время самый заурядный, скорѣе еврейскій, нежели польскій, городокъ. Онъ утратилъ свое военное значеніе и тотъ ореолъ поэзіи, который его окружалъ. Построенный среди непроходимыхъ лѣсовъ, изобиловавшихъ дичью, онъ служилъ нѣкогда передовымъ постомъ противъ татаръ, и его замокъ возвышался горделиво на лѣвомъ берегу Днѣстра. Это было старинное, массивное зданіе феодальной архитектуры, внушительнаго вида, съ башнями и бастіонами, окруженное рвами съ подъемными мостами, и обнесенное толстой каменной стѣною, внутри которой находилась церковь, сады и обширныя службы ²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

²⁾ Turkawski, Dymitr, стр. 16, описаніе Самбора по официальнымъ документамъ 1596 года.

Сигизмундъ III никогда не жилъ въ Самборѣ, королевскія комнаты были заняты обыкновенно Юріемъ Мнишекъ, воеводою Сендомірскимъ, старостой Самборскимъ и Львовскимъ, самымъ знатнымъ сановникомъ этой мѣстности. Онъ принадлежалъ къ семейству чешскаго происхожденія, которое водворилось въ Польшу и породнилось съ самыми знатными фамиліями страны.

Имена братьевъ Мнишекъ, Юрія и Николая, украшаютъ скандальную хроннку самой печальной эпохи царствованія Сигизмунда-Августа. Это была эпоха «соколовъ», какъ король называлъ своихъ фаворитокъ. Состарившійся преждевременно, разслабленный и пресыщенный, сынъ Бона Сфорцы пережилъ самого себя и глубокую привязанность, которую онъ питалъ къ Варварѣ Радзивиллъ; удрученный горемъ, онъ искалъ новыхъ развлеченій. Про братьевъ Мнишекъ говорили, будто они исполняли гнусную обязанность посредниковъ, играя при Сигизмундѣ ту же роль, какую игралъ Лебель при Людовикѣ XV, и что никто иной, какъ они, доставили ему ту «Gijank'у», которая озаряла своимъ сомнительнымъ блескомъ послѣдніе томительные дни жизни Сигизмунда-Августа.

Когда король скончался, всѣми оставленный, и всѣ его сокровища, серебро, посуда, драгоценныя вещи исчезли изъ замка, то опять-таки братьевъ Мнишекъ обвиняли въ этомъ грабежѣ и говорили, будто бы имъ досталась при этомъ львиная доля. Въ 1572 г. Оржельскій заявилъ объ ихъ безчестныхъ поступкахъ на сеймѣ и вызвалъ тѣмъ всеобщее противъ нихъ негодованіе. Справедливость требуетъ сказать, что у братьевъ Мнишекъ нашлись въ томъ же собраніи свои сторонники; и хотя нѣкоторые защищали ихъ лишь на томъ основаніи, что не они одни попользовались добычею, но были и такіе люди, которые стали рѣшительно на ихъ сторону. Мало-по-малу, партія, благоволившая къ Мнишкамъ, увеличилась и сдѣлалась настолько сильной, что инфанта Анна Ягеллонъ, сестра покойнаго короля и наслѣдница его состоянія, отказалась отъ дальнѣйшей тяжбы съ ними, послѣ того какъ судъ произнесъ свой приговоръ. Для разслѣдованія дѣйствій братьевъ Мнишекъ не было назначено официального слѣдствія, и эта польская панама такъ и осталась невыясненною. Разумѣется, отъ этого далеко до полнаго оправданія, и для семейства Мнишекъ было бы несомнѣнно пріятнѣе, если бы ихъ дѣло разсматривалось въ судѣ и они были оправданы. Подробности этого темнаго дѣла совершенно ускользаютъ отъ насъ ⁴⁾.

Владѣлецъ Самбора, каковы бы ни были его вины въ прошломъ, ничѣмъ не напоминалъ собою въ то время бывшаго царедворца Сигизмунда II.

⁴⁾ Orzelski, т. I, стр. 65—87, 99 и сл.

Онъ жилъ одно время всѣми забытый, но затѣмъ, благодаря своимъ семейнымъ связямъ, получилъ нѣсколько староствъ. Женатый на Гедвигѣ Тарло, онъ былъ отцомъ многочисленной семьи. Избравъ себѣ мѣстомъ жительства Червонную Русь, онъ рѣдко появлялся при дворѣ, былъ занятъ управленіемъ казенными землями, заботился о своемъ пошатнувшемся здоровьи и предавался набожности.

Въ это время назрѣлъ окончательно вопросъ о Брестской уніи. Союзъ съ Римомъ былъ заключенъ на бумагѣ и подписанъ епископами; но эта перемѣна не проникла въ сознаніе народа и встрѣчала при своемъ осуществленіи не мало препятствій.

По словамъ Рангони, Мнишекъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ уніи; стараясь распространить ее, онъ дѣйствовалъ весьма искусно и съ большимъ усердіемъ. Въ Самборѣ онъ заботился о народномъ образованіи и старался, при содѣйствіи доминиканцевъ и бернардиновъ, поднять нравственный уровень населенія. Въ архивахъ города Самбора сохранились слѣды его дѣятельности. Вообще, онъ любилъ водить знакомство съ духовенствомъ и монахами; его лучшими друзьями были бернардины. Въ лѣтописяхъ этого духовнаго ордена ему посвящено не мало страницъ, дышащихъ глубокою признательностью; но сквозь расточаемыя ему высокопарныя похвалы чувствуется истинная причина, коей эти похвалы были вызваны. Это человекъ высоко нравственный, — говорится въ этихъ лѣтописяхъ про Юрія Мнишека, — его украшаютъ всѣ добродѣтели, его память всегда будетъ дорога потомству; онъ превзошелъ всѣхъ остальныхъ, а его быть можетъ не превзойдетъ никто.

Въ церкви св. Андрея во Львовѣ, на мраморной доскѣ, темнокраснаго цвѣта, на которой помѣщались имена самыхъ знатныхъ благодѣтелей церкви, начертано золотыми буквами имя Юрія Мнишека. Въ церковной ризницѣ виситъ его портретъ, писанный на холстѣ неизвѣстнымъ художникомъ, напоминающій гравюру Луки Киліана. Что же касается Самборскаго монастыря, старинной развалины пятнадцатаго вѣка, то Мнишекъ былъ, такъ сказать, его вторымъ основателемъ; онъ сдѣлалъ крупный вкладъ, реставрировалъ его и обнесъ стѣною. На этотъ предметъ употреблялись въ теченіе многихъ лѣтъ доходы съ его имѣнія «Поляна»; даже крайне стѣсненные впослѣдствіи денежныя обстоятельства не помѣшали воеводѣ поддерживать этотъ монастырь. Когда былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи бернардиновъ, поселившихся въ Польшѣ, то Мнишекъ явился ихъ адвокатомъ въ Римѣ и защищалъ такъ усердно, что ихъ дѣло было выиграно.

Въ церкви бернардиновъ, въ Самборѣ, совершилось, 13-го января 1603 г., бракосочетаніе его дочери Урсулы съ княземъ Константиномъ

Вишневецкимъ; въ этой же церкви онъ завѣщалъ положить свои брѣнные остатки ¹⁾).

Щедрость Мнишека заслуживала еще болѣе похвалъ, потому что его денежные средства къ тому времени сильно пошатнулись. Вообще, бюджетъ польскаго сенатора всегда обремененъ чрезвычайными расходами. Мнишекъ долженъ былъ жить широко, держать открытый столъ, содержать маленькое войско, устраивать дорого стоющія охоты и празднества, не считывая грошей Супруга воеводы также должна была поддерживать свое достоинство; она любила жить на большую ногу, любила, чтобы ее сопровождала цѣлая свита слугъ. На нее громко жаловались горожане, когда имъ приходилось давать помѣщеніе многочисленнымъ казакамъ и гайдукамъ, которые не находили себѣ мѣста въ замкѣ.

Какъ ни старался Мнишекъ увеличить свои доходы, развить торговлю и поощрять мѣстную промышленность, ему не удавалось выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Нѣсколько писемъ его къ королю, хранящихся въ Москвѣ и Краковѣ, даютъ понятіе объ его чрезвычайно затруднительномъ денежномъ положеніи: онъ всегда желалъ быть исправнымъ, но съ другой стороны всегда задерживалъ платежи, не будучи въ состояніи своевременно вносить слѣдующихъ королю поземельныхъ податей, ему приходилось постоянно просить, краснѣя, объ отсрочкахъ и снисхожденіяхъ. 1603 годъ былъ для него особенно тяжелъ. Цифра недоимокъ возрасла свыше всякихъ ожиданій; король потерялъ терпѣніе, и, къ ужасу воеводы, въ Самборъ явились представители суда съ угрозою наложить секвестръ на его имущество. Это было бы позоромъ и разореніемъ. Во избѣжаніе этого, Мнишекъ написалъ королю, 29-го іюня, письмо, преисполненное выраженій величайшей покорности, но въ то же время онъ поспѣшно продалъ одно изъ своихъ имѣній. Дѣло кое-какъ уладилось; запрещеніе съ его имущества было снято, но 18-го сентября, неисправимый и несостоятельный Мнишекъ просилъ снова объ отсрочкѣ платежей на годъ ²⁾). Словомъ, Мнишекъ былъ впавшій въ ханжество, разорившійся вельможа, которому было необходимо какъ-нибудь поправить свои дѣла.

Димитрій, какъ увидимъ далѣе, совершенно неожиданно, далъ ему къ тому возможность. Иные говорятъ, будто появленіе претендента въ

¹⁾ Краковъ, музей Чарторыйскихъ; Teka Naruszewicza, 108, стр. 155 и сл. — Самборъ, Архивъ бернардиновъ, Acta стр. 267; — Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 13. — Rome et Démétrius, стр. 212, № 8. — Turkawski, Dymitr, стр. 17. — Golichowski, Ramionka, стр. 6. — Тургеневъ, т. II, стр. 72, № LV.

²⁾ Москва, Архивъ министерства юстиціи, Лиг. метр., Нов. кн., 53, стр. 321; 54, стр. 14; 55, стр. 135, 238. — Краковъ, музей Чарторыйскихъ. 320, стр. 69, 87, 139.

Самборѣ было дѣломъ простаго случая, вызваннаго его остановкою по пути въ Краковъ. Трудно допустить, чтобы это могло быть чистою случайностью; заднія мысли, которыми руководился при этомъ Димитрій, слишкомъ очевидны и обнаруживаются сами собою.

Въ это время выступаетъ на сцену новая личность: князь Константинъ Вишневецкій, двоюродный братъ князя Адама. Этому послѣднему Сигизмундъ приказалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1603 г. привезти Димитрія въ Краковъ; совершенно необъяснимо, почему князь Адамъ медлилъ исполненіемъ этого королевскаго приказанія; но онъ за это заплатился. Претендентъ, чувствуя себя уже довольно сильнымъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно, оставилъ Брагимъ, къ крайнему сожалѣнію его владѣльца, и примкнулъ къ князю Константину Вишневецкому. Это былъ шагъ весьма важный, который можно сравнить скорѣе всего съ рѣшительной перемѣною фронта. Первоначальная мысль Димитрія, которую король назвалъ безумною, изобличала фантазію русскаго человѣка; на-вербовать казаковъ и татаръ и идти съ ними на Москву было совершенно въ русскомъ духѣ. Мало-по-малу претендентъ убѣдился въ томъ, что для осуществленія своихъ плановъ ему нужны поляки, и онъ постарался сблизиться съ ними. Его ввелъ въ эту сферу князь Константинъ Вишневецкій, которому сдѣлать это было нетрудно, благодаря его общественному положенію. Онъ былъ католикъ, его жена была полька, у него была невѣстка, которую пора было выдать за мужъ, а въ сенатѣ у него былъ тестъ, котораго не трудно было подкупить.

Димитрій былъ принятъ въ Самборѣ, какъ настоящій церевичъ, со всѣми почестями, подобавшими тому сану, который онъ себѣ присвоивалъ⁴⁾. Его неоднократно старались сбить съ этой позиціи, онъ понесъ поражение по всей линіи, но доблестно отстаивалъ занятую имъ позицію. Нельзя точно опредѣлить время его пріѣзда въ Самборъ, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать, что Юрій Мнишекъ принялъ какія-либо мѣры для того, чтобы выяснить вопросъ о дѣйствительномъ происхожденіи претендента. Припомнимъ, однако, что одинъ изъ слугъ Мнишека, взятый въ плѣнъ подъ Псковомъ, далъ благопріятное для Димитрія показаніе.

Окружающая атмосфера вскорѣ оказала свое дѣйствіе на новаго посѣтителя замка. Это былъ человѣкъ пылкій, страстный, впечатлительный; не будучи особеннымъ отгадчикомъ, можно было предсказать, что русскій Самсонъ найдетъ свою Далилу. Послѣ московскихъ дород-

⁴⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 13; III, 7, с, f. 194 и 200.—Львовъ, Архивъ бернардиновъ, донес. Дармирскаго и Калискаго. Kronika Miasta Sambora, стр. 24.—Golichowski, Urominek, 1-я часть, стр. 15; 2-я часть, стр. 6.—Велевцкій, т. II, стр. 51.—Нѣмовскій, стр. 56.

ныхъ, тяжеловѣсныхъ красавицъ, изящныя и стройныя польки должны были показаться ему какимъ-то чудеснымъ явленіемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего приѣзда, онъ уже былъ страстно влюбленъ въ одну изъ дочерей воеводы, Марину. Быть можетъ, его выборъ старались направить именно въ эту сторону, и хотя это неизвѣстно, но любовь несомнѣнно играла при этомъ главную роль. Припомнимъ наружность обольстительной польки, котѣрую запечатлѣлъ на холстѣ неизвѣстный намъ художникъ, припомнимъ выраженіе ея лица: тонкія черты, прелестный овалъ и очаровательный взоръ, и намъ станетъ вполнѣ понятно, что она внушила юному и пылкому царевичу глубокую страсть ⁴⁾. Чувствовала ли она, въ свою очередь, къ нему ту таинственную симпатію, которая составляетъ залогъ счастья, или же ее прельстилъ только блескъ короны? Марина ни передъ кѣмъ не открыла тайны своего дѣвичьяго сердца; на этотъ счетъ дѣлались всевозможныя предположенія. Маринѣ предстояла вначалѣ менѣ блестящая, но болѣе спокойная судьба. Все даетъ поводъ думать, что Мнишекъ, живя вдали отъ суеты придворной жизни, воспитывалъ своихъ дочерей въ строго христіанскомъ, религіозномъ духѣ; одна изъ нихъ поступила въ монастырь кармелитокъ: изъ этого можно заключить, что она прошла дома хорошую школу. Марина еще не выѣзжала въ свѣтъ. Ея дѣтскіе дни протекли въ тиши Самборскихъ лѣсовъ; ее часто видѣли колѣнопреклоненною въ Самборскомъ храмѣ; друзья ея отца, бернардинскіе монахи, были и ея друзьями. Она выросла на ихъ глазахъ, они пеклись о спасеніи ея души, и связь, возникшая между ними, продолжалась до самой ея смерти. Участь молодой дѣвушки была рѣшена въ тотъ день, когда Дмитрій просилъ ея руки; а это случилось въ первую же поѣздку въ Самборъ. Марина въ душѣ простилась на вѣки съ родительскимъ домомъ и вступила на порогъ новой жизни, полной для нея неизвѣстности. Въ этой скромной дѣвушкѣ скрывалась женщина полная энергіи, въ ея груди билось мужское сердце, и ея стройный станъ былъ какъ бы созданъ для военныхъ дѣлъ. Но Юрій Мнишекъ дорожилъ внѣшними правилами приличія и не хотѣлъ отъ нихъ отступать; услыхавъ о любви Дмитрія къ своей дочери, онъ прикинулся удивленнымъ и предоставилъ себѣ право дать отвѣтъ, послѣ поѣздки Дмитрія въ Краковъ и его аудіенціи у короля. Прося руки Марины, Дмитрій былъ увѣренъ, что воевода никогда не отдастъ свою дочь за православнаго, и если онъ не отказался отъ своего намѣренія, то это означаетъ, что онъ считалъ это препятствіе устранимымъ.

Дѣйствительно, вопросъ о религіи былъ затронутъ одновременно съ

---

⁴⁾ Лучшій портретъ Марины взятъ изъ замка Вишневецкаго и находится нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. См. Ровинскій, т. II, столб. 1223.

вопросомъ о бракѣ. Мнишекъ любилъ въ послѣдствіи вспоминать объ этомъ обстоятельстве; онъ говоритъ о немъ съ полною откровенностью въ письмѣ къ папѣ Павлу V, отъ 12-го ноября 1605 г. Душевное состояніе Димитрія возбуждало въ немъ сожалѣніе; онъ видѣлъ, что этотъ православный юноша былъ пропитанъ заблужденіями, былъ преданъ своимъ ложнымъ взглядамъ, и онъ рѣшилъ просвѣтить его. Противъ Димитрія былъ организованъ настоящій походъ или, лучше сказать, благочестивый заговоръ. Мнишекъ прибѣгнулъ къ помощи аббата Помасскаго и о. Ансеринуса ¹⁾. Они обсудили сообща это дѣло, распредѣлили роли и смѣло начали дѣйствовать. Первый приступъ долженъ былъ сдѣлать Помасскій. Какъ настоятель Самборской церкви, каноникъ и королевскій секретарь, онъ пользовался особымъ почетомъ и посѣщалъ замокъ ежедневно. Это былъ человѣкъ свѣтскій, краснорѣчивый, какъ говорили, большой мастеръ обольщать. Быть можетъ, онъ злоупотребилъ этимъ искусствомъ по отношенію къ Димитрію, такъ какъ послѣдній насмѣхался надъ нимъ. Совершенно инымъ человѣкомъ былъ о. Ансеринусъ, прозванный у бернардиновъ Замойскимъ. Пребываніе за границей сдѣлало его развязнымъ; его считали ученымъ богословомъ и искуснымъ администраторомъ. Онъ преподавалъ богословскія науки, преобразовалъ систему преподаванія въ своемъ орденѣ и основалъ нѣсколько новыхъ монастырей. Онъ шелъ на приступъ Димитрія и давалъ ему генеральныя сраженія. Воевода помогалъ своимъ сотоварищамъ, но ограничивался по большей части одними практическими совѣтами. Излюбленной его темой было восхваленіе бернардиновъ.

— Что это за люди,—говорилъ онъ,—какъ они скромны, какая у нихъ дисциплина, какія строгія правила! Если люди обладаютъ такими добродѣтелями, то это означаетъ, что исповѣдуемые ими правила суть истинныя.

Димитрій долженъ былъ спастись передъ коалиціей этихъ трехъ лицъ. Такъ какъ запасъ его богословскихъ познаній былъ не особенно великъ, то онъ никогда не пускался въ богословскія пренія, тѣмъ болѣе, что монахи оставили въ немъ вообще не особенно пріятныя воспоминанія. Поставленный въ столь затруднительное положеніе, Димитрій старался выйти изъ него съ честью и какъ можно менѣе связать себя: онъ никого не обезкураживалъ, но и не торопился мѣнять вѣру, хотя давалъ понять, что развязка можетъ быть благоприятная. Въ послѣдствіи, папа Павелъ V, на основаніи донесеній нунція, привѣтствовалъ Помасскаго съ успѣхомъ, одержаннымъ надъ Димитріемъ, и Мнишекъ утверждалъ, что отцы бернардины повліяли на Димитрія своимъ примѣромъ и подготовили его обращеніе въ католическую вѣру ²⁾.

¹⁾ Ансеринусъ есть латинская форма имени Gonsior или Gonsiorek.

²⁾ Ватиканскій архивъ, Arm. 45, т. I. ср. 138 V, № CCLXXVI, 1605. Рукоп. Боргезе, II. 13.—Rome et Démétrius, стр. 212, № 8.

Но пока все это было еще въ проектѣ. Переимѣнить вѣру зависѣло только отъ царевича, а его бракъ съ Мариной зависѣлъ отъ обстоятельствъ. Слѣдовательно, съ той и другой стороны сохранялась полная свобода дѣйствій. Но въ Краковѣ воевода рѣшилъ уже взять на себя роль настоящаго покровителя Димитрія, представить его сенаторамъ и королю и быть его поддержкою. Все это было имъ обдуманно и рѣшено заранѣе, и, по всей вѣроятности, Димитрій во многихъ отношеніяхъ руководствовался совѣтами Мнишека и несомнѣнно измѣнилъ въ значительной степени свою первоначальную программу дѣйствій, именно подъ вліяніемъ совѣтовъ Мнишека.

Въ самомъ дѣлѣ, какая поразительная разница существуетъ между смѣлыми планами, составленными Димитріемъ въ Брагимѣ, и мудрыми комбинаціями, придуманными имъ въ Самборѣ. Невольно чувствуется, что за дѣло взялся человѣкъ опытный, которому хорошо было извѣстно положеніе дѣлъ и коего планы отличались извѣстной широтою. Теперь дѣло шло уже не объ обыкновенномъ наѣздѣ на Москву съ шайками казаковъ и татаръ, но претендентъ задумалъ вести съ Москвою настоящую войну при содѣйствіи польскаго войска, сформированнаго изъ добровольцевъ, и при безмолвномъ одобреніи королевской власти. Его предпріятіе уже не имѣло характера грубой мести, или чего-то случайнаго; оно было тщательно мотивировано и согласовано съ общей политикой. Указывались преимущества, которыя могли произтечь изъ этого для Польши и для всего христіанскаго міра. «Возрожденная Московія,—говорили,—въ союзѣ съ Западомъ будетъ служить неприступнымъ оплотомъ противъ турокъ»; было, чѣмъ заинтересовать королей и папу, на содѣйствіе коихъ разсчитывали. Въ этой программѣ все было стройно и тѣсно связано одно съ другимъ: всякій зналъ, чего онъ хочетъ, и всѣ шли къ намѣченной цѣли настоящимъ путемъ. Пріѣхавъ въ Краковъ, Димитрій долженъ былъ повторить урокъ, заученный имъ въ Самборскомъ замкѣ.

Отѣздъ въ столицу былъ рѣшенъ безповоротно. Эта поѣздка безъ того затянулась довольно долго. Великій канцлеръ и гетманъ Замоискій очень желали видѣть Димитрія до его появленія при дворѣ. Дѣйствія «господарчика», какъ канцлеръ называлъ его, казались ему подозрительны, странный претендентъ не внушалъ ему ни малѣйшаго довѣрія. Тонкій знатокъ человѣческаго сердца, Замоискій хотѣлъ проникнуть своимъ орлинымъ взоромъ тайники его души, изслѣдовать самые сокровенные ея изгибы, но любезность канцлера была отклонена, и ему пришлось отказаться отъ своего намѣренія ¹⁾. Въ первыхъ числахъ марта 1604 г. Димитрій, сопровождаемый воеводою Мнишекомъ и княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, отправился въ Краковъ.

¹⁾ Listy Volkiewskiego, стр. 129, № 96.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отреченіе. 1604 г.

Двойственность правительства въ Польшѣ. — Письмо Сигизмунда по поводу Димитрія. — Дѣло политика и вопросъ совѣсти. — Выгоды и опасности. — Мнѣнія сенаторовъ. — Причины ихъ оппозиціи. — Замойскій и Сапѣга. — Епископъ плоцкій Барановскій. — Зебржидовскій, сторонникъ Димитрія. — Фантастическіе планы кампавій. — Умѣренные. — Янъ Остророгъ. — Желаніе сенаторовъ предоставить рѣшеніе вопроса сейму. — Димитрій въ Краковѣ. — Банкетъ у Мишека. — Характеристика Димитрія, сдѣланная нунціемъ. — Аудіенція у короля. — Рѣчь Димитрія. — Двуличная политика Сигизмунда. — Тайный договоръ, заключенный съ Димитріемъ.

I.

Польша имѣла своеобразное двойственное правительство: во главѣ республики стоялъ король; никто изъ представителей власти, за исключеніемъ развѣ Венеціанскаго дожа, не былъ подчиненъ болѣе, чѣмъ онъ, строгому контролю, не былъ обязанъ соблюдать болѣе стѣснительныхъ формальностей. Какъ только возникало какое-нибудь важное дѣло, король долженъ былъ тотчасъ извѣщать о немъ сенаторовъ, находившихся въ столицѣ и даже отсутствовавшихъ изъ нея; они высказывали свое мнѣніе словесно или письменно, и королю приходилось сообразоваться съ этими мнѣніями, чтобы не вызвать цѣлой бури на сеймѣ.

Появленіе Димитрія въ Польшѣ подало поводъ къ безчисленнымъ переговорамъ, къ оживленной перепискѣ, слѣды которой дошли до насъ, и къ цѣлому ряду мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Въ глазахъ короля это событіе имѣло двоякое значеніе: событія политическаго и вопроса религіознаго. Въ циркулярномъ письмѣ короля къ сенаторамъ, писанномъ въ февралѣ 1604 г., какъ нельзя лучше отразилось его душевное состояніе и овладѣвшее имъ крайнее смущеніе ¹⁾.

Во-первыхъ, тайна происхожденія Димитрія еще не была выяснена. Докладъ Вишневецкаго, свидѣтельство лифляндца, московскихъ людей и нѣсколькихъ подосланныхъ шпіоновъ повліяли на нѣкоторыхъ сенаторовъ, но король, и это дѣлаетъ честь его здравому смыслу, далеко не былъ этимъ убѣжденъ. Слѣдовательно, надобно было ограничиваться однѣми догадками и на основаніи ихъ строить предположенія. Возвра-

¹⁾ Польскій оригиналъ письма Сигизмунда къ Зеновичу, отъ 18-го февраля 1604 г., находится въ Петербургѣ, Публ. библ., автографы, 63, т. II, ср. 22. — Напечатанъ по-русски Пташицкимъ, Деспоты, стр. 135; по-польски Pismo, стр. 40 — То же письмо, на польскомъ языкѣ къ Замойскому, Listy Volk., стр. 127, № 95.

тить престолъ московскому царевичу было бы равносильно заключенію сказочнаго союза между двумя славянскими народами. Но Сигизмундъ не останавливался на этомъ вопросѣ, его умъ былъ занятъ иной мечтою. Его взоры не могли оторваться отъ сѣверной Венеціи, а за ея волнами сіяла корона его отца, которую ему хотѣлось возложить какъ можно скорѣе на свою голову. Онъ мечталъ также о Ливоніи, завоеванной Баторіемъ и орошенной польской кровью. Имѣть операціонный базисъ въ Кремлѣ было для него лучшимъ залогомъ военныхъ успѣховъ въ Швеціи и на берегу Балтійскаго моря. Можно было предполагать, что Дмитрію не удастся вступить въ Москву безъ сопротивленія; въ такомъ случаѣ пришлось бы вести войну со всѣми жертвами, какія она влечетъ за собою; по всей вѣроятности, эту войну пришлось бы начать противъ согласія сейма, всегда несговорчиваго въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о тратѣ денегъ и крови.

Взвѣсивая всѣ шансы, за и противъ, Сигизмундъ содрогнулся при мысли о клятвopеступленіи, которая возстала предъ нимъ, какъ грозный призракъ, сулившій ему въ будущемъ укоры совѣсти. Съ Борисомъ Годуновымъ было заключено перемиріе на двадцать лѣтъ. Договаривающіяся стороны подписали его и поклялись соблюдать свято и ненарушимо. Оказать содѣйствіе Дмитрію значило нарушить этотъ договоръ и осквернить священную клятву. Чтобы успокоить свою взволнованную совѣсть, король думалъ одно время созвать нѣсколько іезуитовъ подъ предсѣдательствомъ нунція, которые объявили бы о томъ, что договоръ не имѣетъ законной силы, коль скоро претендентъ есть дѣйствительный сынъ Іоанна IV. Но Рангони отклонилъ отъ себя эту честь и не совѣтовалъ дѣлать этого шага ¹⁾. Предоставленный самому себѣ, Сигизмундъ очутился лицомъ къ лицу со своими совѣтниками.

Ихъ мнѣнія раздѣлились ²⁾. Нѣкоторые были противъ предпріятія, затѣваемаго Дмитріемъ. Они находили нежелательнымъ вмѣшивать республику въ его похождения и имѣли на это весьма вѣскія причины. Исторія претендента, въ томъ видѣ, какъ онъ ее передавалъ, казалась имъ неправдоподобной. Они настаивали на необходимости соблюдать перемиріе, заключенное съ Годуновымъ, и клятву, данную отъ имени всего польскаго народа, ссылались на права людей и на долгъ совѣсти.

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90 в., ср. ШV.—Rome et Démetrius, стр. 185, № 11.

²⁾ Москва, архивъ министерства юстиціи, Лит. метр., Нов. кн., 53. ф. 115, V, 214; 54, ср. 73, V, 75; 55, ср. 34, 36, 38, V, 40, 87: письма Дзіалынскаго, Чарнковскаго, Лещинскаго, Петроковскаго, Влодека, Ласки, Потумецкаго, Гольскаго, Константина Острожскаго, Барановскаго. Краковъ. Музей Чарторыйскихъ, 320, ср. 147, 149, 151, 153, 155, 161: письма Ивана Тарновскаго (въ Конещпольскому и Быковскому), Красинскаго (въ Станиславу Тарновскому), Замойскаго, Януша Острожскаго, Ивана Острогорога.

Но и помимо этихъ соображеній, они полагали моментъ неудачнымъ для того, чтобы начинать подобное предпріятіе, ибо Польшѣ и безъ того могла предстоять какая-нибудь неизбѣжная война, состояніе ея финансовъ ухудшалось и оппозиція королевской власти возрастала.

Польскій и литовскій канцлеры, Замойскій и Сапѣга, присоединились къ этому взгляду, хотя, какъ увидимъ далѣе, по различнымъ побужденіямъ. Это мнѣніе раздѣляли также лучшіе полководцы, какъ-то: Жолкѣвскій и Ходкевичъ и нѣкоторые государственные люди, какъ, напр., Гослицкій епископъ Познанскій. То же самое высказалъ откровенно въ своемъ письмѣ Потолицкій. Епископъ Плоцкій Барановскій, прочитавъ докладъ Вишневецкаго, изложилъ откровенно вызванныя имъ сомнѣнія.

«Этотъ московскій «князикъ» кажется мнѣ подозрительнымъ,—писалъ онъ королю 6-го марта 1604 г.—Въ его жизни есть нѣкоторыя обстоятельства, не заслуживающія довѣрія. Могла ли мать не узнать трупа своего собственного сына? Возможно ли, чтобы безъ вѣдома царя было убито тридцать человѣкъ дѣтей? Наконецъ, какимъ образомъ какой-то монахъ, никогда не выдавшій Димитрія, призналъ его сыномъ Іоанна, единственно по его манерамъ?» Епископъ не придавалъ никакого значенія показаніямъ шпионовъ и лифляндца; онъ ссылался на примѣръ тѣхъ искателей приключеній, которые появлялись въ Валахіи, и на лже-Себастіана португальскаго, и вооружаясь латинскимъ текстомъ священнаго писанія, серьезно предостерегалъ короля: *Qui cito credit, lovis est corde*. Онъ находилъ необходимымъ, чтобы Димитрій былъ «тщательно и искусно допрошенъ сенаторами, извѣстными своей осторожностью и преданностью королю; съ этою цѣлью онъ прилагалъ даже къ своему письму подробный списокъ вопросовъ пунктовъ. Его подозрительность шла еще дальше: за Димитріемъ, говорилъ онъ, слѣдовало бы учредить бдительный надзоръ, чтобы онъ не могъ убѣжать и отправиться къ казакамъ. Рѣшительный сторонникъ мира, Барановскій оканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «если бы даже исторія претендента была сама истина, все же лучше было бы не принимать въ немъ участія и не подвергать себя риску дорого стоящей войны, такъ какъ финансы республики не велики и у нея слишкомъ много текущихъ дѣлъ, которыя требуютъ настоятельнаго рѣшенія въ Швеціи и Пруссіи».

Впрочемъ, не всѣ сенаторы отличались такою широтою взгляда и добросовѣстностью. Успѣхъ, который они считали легко достижимымъ и надежнымъ, ослѣплялъ ихъ, и они толковали по-своему святость договоровъ. Самымъ яркимъ защитникомъ противоположнаго мнѣнія былъ Николай Зебржидовскій, воевода Краковскій. По его мнѣнію, претендентъ былъ дѣйствительно сыномъ Іоанна IV, но, допустивъ даже, что это было невѣрно, во всякомъ случаѣ, имѣлся законный поводъ считать его тако-

*

вымъ. Къ тому же, говорилъ воевода, случай этотъ слишкомъ хорошъ, чтобы не воспользоваться имъ. Перемиріе, заключенное съ Борисомъ Годуновымъ, не должно было, по его мнѣнію, стѣснять короля и въ его глазахъ оно не имѣло никакого значенія, такъ какъ Димитрій былъ единственнымъ законнымъ царемъ; съ другой стороны, перемиріе даже не было бы нарушено, такъ какъ король не послалъ бы своего войска, а только позволилъ бы воевать другимъ. Устраняя такимъ образомъ оффиціальное препятствіе, воевода создавалъ въ своей головѣ планъ кампаніи, мечталъ принять начальство въ походѣ, предлагалъ королю свои услуги, чтобы произвести въ Ливоніи диверсію съ трехтысячнымъ отрядомъ кавалеріи, изъ коихъ тысячу онъ предлагалъ снарядить на свой счетъ, соглашаясь даже въ случаѣ надобности увеличить это число. Какъ видно, онъ не любилъ терять времени.

Насколько намъ извѣстно, никто не превзошелъ воеводу Краковскаго по части макіавелизма; быть можетъ, никто даже не сравнялся съ нимъ въ этомъ отношеніи. Хотя нѣкоторые сенаторы съ Іоанномъ Тарновскимъ, архіепископомъ Гнезненскимъ во главѣ, не отнеслись враждебно къ этому предпріятію, но они становились на иную точку зрѣнія и давали болѣе умѣренные совѣты. Претендентъ, по ихъ словамъ, былъ непосланъ Польшѣ самимъ Провидѣніемъ. Они смутно предчувствовали, что изъ этого событія можно будетъ извлечь большую пользу. Поэтому они предлагали оказать ему должный почетъ и воспользоваться имъ для того, чтобы утратить Годунова, но настаивали на необходимости навести болѣе тщательныя справки о его происхожденіи. Иные предлагали двѣ категоріи мѣръ, совершенно различныхъ смотря по тому, будетъ ли Димитрій признанъ истиннымъ царевичемъ или самозванцемъ. Янъ Острогъ, остававшійся при особомъ мнѣніи, выдумалъ, между прочимъ, дать ему пенсію и послать его въ Римъ къ папѣ.

Но надобно замѣтить, что большинство сенаторовъ, высказывая свое мнѣніе, дѣлали оговорку, которую надлежало принять самымъ серьезнымъ образомъ къ свѣдѣнію. Соглашаясь обсуждать этотъ вопросъ, они не находили возможнымъ высказать окончательнаго рѣшенія, представляя это народному представительству, т. е. сейму. Состояніе умовъ прекрасно отразилось въ письменныхъ отвѣтахъ сенаторовъ, въ которыхъ они излагали свои взгляды. Дѣло это слѣдуетъ рѣшить обыкновеннымъ порядкомъ, говорили одни. Другіе, относясь къ королю съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, настаивали на томъ, чтобы дѣйствовать на законномъ основаніи и, за невозможностью созвать сеймъ, требовали, чтобы всѣ польскіе и литовскіе сенаторы были немедленно созваны въ чрезвычайное засѣданіе: они имѣли какое-то тайное предчувствіе, что въ скоромъ времени возникнутъ серьезныя осложненія.

Письма сенаторовъ были получены въ Вавельскомъ зѣмкѣ въ первой

половинѣ марта. Написанныя въ рѣшительномъ или въ уклончивомъ духѣ, они не рѣшали вопроса по существу, но дѣло претендента много выиграло отъ этой корреспонденціи. Его имя облетѣло всю Польшу, его исторію рассказывали вездѣ, вопросъ объ его притязаніи на престолъ обсуждался всѣми самымъ серьезнымъ образомъ. Когда Димитрій прибылъ въ столицу со своими товарищами, любопытство публики, и безъ того сильно возбужденное, достигло крайняго предѣла. Димитрій удовлетворялъ всеобщія ожиданія самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ наружныя признаки говорили въ его пользу; въ немъ было какое-то обаяніе и самоувѣренность; покровители окружили его всевозможнымъ блескомъ; онъ былъ помѣщенъ въ домѣ Мнишека, какъ особа царскаго сана; его постоянно сопровождала свита изъ тридцати особъ; окружавшіе его москвитяне клялись, что онъ ихъ царь; изъ Москвы были получены ободряющія письма. Иванъ Порошинъ привелъ изъ внутреннихъ губерній Россіи новыхъ рекрутъ, донскіе казаки прислали царевичу двухъ атамановъ, предлагая ему свои услуги, польскіе магнаты принимали его у себя въ домѣ, и когда онъ появлялся на улицѣ, то народъ сбѣгался, чтобы посмотреть на него.

Когда Димитрій завоевалъ себѣ такимъ образомъ извѣстное положеніе въ общественномъ мнѣніи г. Кракова, то Мнишекъ счелъ возможнымъ познакомить его съ обществомъ. Около 13-го марта онъ далъ парадный обѣдъ, пригласивъ на него своихъ коллегъ сенаторовъ и самыхъ знатныхъ придворныхъ лицъ; онъ настаивалъ на томъ, чтобы въ числѣ его гостей былъ также и нунцій. Героемъ праздника былъ Димитрій, но онъ соблюдалъ инкогнито вѣроятно изъ уваженія къ сенаторамъ, которые относились къ нему съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ. Рангони сидѣлъ въ одной залѣ съ Димитріемъ, но за другимъ столомъ. Такимъ образомъ италянскій дипломатъ могъ хорошо разсмотрѣть таинственнаго претендента, и вотъ какъ онъ передаетъ свои первыя впечатлѣнія:

«Димитрій,—пишетъ онъ,—молодой человекъ съ хорошими манерами, смуглымъ лицомъ, съ очень большой бородавкой на носу, на высотѣ праваго глаза; онъ говоритъ смѣло; въ его походкѣ и манерахъ есть въ самомъ дѣлѣ что-то величественное». Впослѣдствіи, узнавъ его ближе, онъ прибавилъ къ этому описанію слѣдующія подробности: Димитрію на видъ двадцать четыре года, у него нѣтъ бороды, онъ одаренъ чрезвычайно живымъ умомъ, весьма краснорѣчивъ, держится безупречно, склоненъ къ занятію науками, необычайно скромнъ и сдержанъ. Большая часть современниковъ описываютъ его внѣшность въ тѣхъ выраженіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90 в., ф. 62 V, 73, 87.—Rome et Démétrius, стр. 178, № 6; стр. 180, № 7.—Тургеневъ, прилож., стр. 411.—Ровинскій, т. I, столб. 679.

Вскорѣ послѣ банкета, 15-го марта, Димитрій былъ принятъ королемъ въ частной аудіенціи, на которой присутствовали четыре высшихъ сановника. Въ Вавельскомъ замкѣ впервые происходила столь оригинальная сцена: сомнительный потомокъ Рюрика просилъ поддержки у потомка Вазы; король польскій могъ возвратить Москвѣ ея истиннаго непризнаннаго царя. Димитрій явился съ приготовленной заранѣ рѣчью; въ видѣ вступленія онъ привелъ легенду, рассказанную Геродотомъ. Въ древности, онѣмѣвшій сынъ Креза получилъ способность говорить, увидавъ, во время осады Сарды, что его отцу угрожалъ какой-то персъ. Сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, юноша могъ произнести: «солдатъ, не убивай царя лидійскаго». Претендентъ не нашелъ ничего остроумнѣе какъ сравнить себя съ этимъ принцемъ, который получалъ столь чудеснымъ образомъ способность говорить. И онъ, наложивъ на себя добровольно обѣтъ молчанія, безмолвствовалъ долгое время, но, видя бѣдствіе своей страны и страданіе народа, видя оскверненный престоль и узурпатора, смѣло захватившаго корону, онъ заговорилъ, чтобы просить о помощи, и рѣшилъ обратиться къ королю польскому. Онъ просилъ оказать ему великодушную помощь, какую другіе принцы получали въ Краковѣ и которая согласуется съ традиціями польской націи. Затѣмъ полились звучныя и елейныя слова о вѣчной благодарности, о надеждѣ на Бога, о выгодѣ для республики и о пользѣ для всего христіанскаго міра. Эти намеки были прекрасно поняты; но еще не настало время выяснить ихъ смыслъ. Поэтому вице-канцлеръ Тылицкій, отвѣчая Димитрію отъ имени короля, ограничился общепринятымъ привѣтствіемъ и обычными формулами вѣжливости.

Несмотря однако же на скромность, съ какою была обставлена аудіенція 15-го марта, она имѣла рѣшающее значеніе для дальнѣйшей карьеры Димитрія. Ею опредѣлился образъ дѣйствій короля по отношенію къ претенденту. Политика Сигизмунда въ этомъ случаѣ была двуличная, колеблющаяся, до нѣкоторой степени коварная и далеко не рыцарская. Оффициально, передъ лицомъ народа, онъ разыгрывалъ роль строгаго блюстителя интересовъ республики, рѣшившаго честно соблюдать перемиріе съ Москвою. Точно также онъ держалъ себя по отношенію къ Борису Годунову и то же говорилъ ему; всѣ пункты договора, заключеннаго Львомъ Сапѣгою, должны были, по его словамъ, быть строго соблюдены до послѣдней іоты. Но за кулисами творилось иное. Король лично благоволилъ къ Димитрію, заклятому врагу Годунова, только и помышлявшему о войнѣ съ нимъ. Подъ конецъ аудіенціи, король одарилъ царевича драгоценными матеріями и звонкой монетою; Димитрій получилъ золотую цѣпь съ медалью, на которой былъ изображенъ портретъ царя, ему была назначена пенсія въ четыре тысячи флориновъ изъ доходовъ Самборскаго имѣнія, и Сигизмундъ принялъ

на себя часть расходовъ по его пребыванію въ Краковѣ. Въ депешахъ Рангони неоднократно упоминается о благоволеніи короля къ Димитрію, и самъ король началъ векорѣ ссылаться на это благоволеніе и на любезность, съ какою онъ относился къ претенденту.

Дѣйствуя столь двойственно, Сигизмундъ льстилъ, быть можетъ, себя надеждою, что ему удастся избѣжать упрековъ и удовлетворить всѣхъ и cadaго. Сомнѣнія, существовавшія на счетъ происхожденія Димитрія, оправдывали, повидимому, всѣ эти компромиссы и полумѣры. Но въ сущности король принялъ такимъ образомъ на себя большую отвѣтственность передъ народомъ и потомствомъ. Онъ не только не спѣшилъ созвать сеймъ, но даже вступилъ съ Димитріемъ въ секретные переговоры. Они шли какъ по маслу, не встрѣчая никакихъ препятствій, такъ какъ обѣщанія, данныя Димитріемъ, далеко превосходили предъявленныя ему требованія. Несмотря на тайну, которой окружали себя король и Димитрій, Рангони удалось разузнать, на какихъ условіяхъ было заключено ихъ взаимное соглашеніе. Условія эти были довольно тяжелы для претендента. Онъ обязался, тотчасъ по вступленіи на престолъ, доставить королю войско для войны со Швеціей; въ случаѣ надобности, онъ готовъ былъ самъ стать во главѣ арміи и учинить расправу въ Стокгольмѣ. Сверхъ того, онъ обѣщаль не уступить, но возвратить литовцамъ Сѣверскую область, какъ собственность литовскаго народа. Это совершилось бы безъ всякихъ тревоженій, дружественно, такъ какъ между Польшей и Москвою былъ бы заключенъ вѣчный миръ. Сигизмундъ пріобрѣталъ такимъ образомъ союзника и цѣлую провинцію, не израсходовъ ни гроша и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Какія же требованія предъявлялъ Димитрій? Онъ просилъ, чтобы на одного изъ сенаторовъ была возложена обязанность оказывать ему содѣйствіе, чтобы ему не препятствовали въ выполненіи его плановъ и смотрѣли бы сквозь пальцы на дѣлаемые имъ приготовленія; онъ самъ намѣревался поднять казаковъ; польскіе добровольцы конечно также откликнулись бы на его зовъ. Этотъ курьезный договоръ былъ бы до нѣкоторой степени приведенъ въ исполненіе, такъ какъ претенденту старались всячески помочь въ организаціи похода, и мы увидимъ далѣе, что его безразсудныя обѣщанія были положены въ основу дипломатическихъ инструкцій ¹⁾.

Итакъ политика короля исходила изъ утилитарнаго принципа; этого отрицать нельзя. Для того чтобы не отступать отъ этого принципа, онъ сталъ въ оппозицію съ большинствомъ своихъ совѣтниковъ. Даетъ ли

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в., ф. 62 V и сл. — Rome et Démétrius, стр. 178—186, № 6—12.—Прилож. № 1.—Валевицкій, т. II, стр. 54—60.—Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 165, № 79.

это право предполагать, что король дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ какого-нибудь лица, которое придавало ему смѣлость дѣйствовать такимъ образомъ? Безъ сомнѣнія, при дворѣ нѣкоторые лица имѣли на него тайное вліяніе. Такъ, обвиняли іезуитовъ въ томъ, что они подчинили себѣ Сигизмунда; одинъ изъ нихъ, отецъ Фредерикъ Барчъ, его духовникъ, былъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ и преданный королю; онъ скончался въ 1609 г., ухаживая за больными во время осады Смоленска. Но мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что король подчинился въ данномъ случаѣ какому-нибудь постороннему вліянію, поэтому приходится взвѣсить руководившія имъ нравственныя побужденія. Было еще одно обстоятельство, которое Сигизмундъ не упускалъ изъ вида и которое близко касалось московскихъ дѣлъ; это обстоятельство также необходимо принять во вниманіе. Димитрій не скрывалъ своего влеченія къ католической вѣрѣ и держалъ себя въ этомъ отношеніи такъ, что можно было на все надѣяться. Царь-католикъ на престолѣ Іоанна Грознаго—какое многообѣщающее будущее!

Бывшій послѣдователь аріанскаго ученія вступилъ въ лоно римско-католической церкви во время своего пребыванія въ Краковѣ.

II.

Дѣйствія Зебржидовскаго. — Безучастное отношеніе Рангони. — Свиданіе съ Димитріемъ. — Посѣщеніе Димитріемъ часовни «Страстей Христовыхъ». — Бичующіеся. — Свиданіе съ о. Савицкимъ. — Обсужденіе католическихъ догматовъ. — Собранія у бернардиновъ. — Димитрій въ монашеской одеждѣ. — Въ церкви св. Варвары. — Испытаніе. — Отреченіе и исповѣдь. — Праздникъ Пасхи. — Письмо къ Клименту VIII. — Религіозныя планы Димитрія. — Споръ съ католиками. — Сохраненіе патриаршаго престола въ Москвѣ. — Приобщеніе св. тайнъ. — Обѣщанія, данныя Димитріемъ. — Рангони доказываетъ ему свое расположеніе. — Желаніе Димитрія имѣть милостыннаго священника, получить разрѣшеніе отъ поста и списокъ разрѣшенныхъ книгъ. — Вопросъ о приобщеніи св. тайнъ во время коронаціи. — Душевное состояніе Димитрія. — Отъѣздъ изъ Кракова. — Переписка съ Рангони. — Переѣзжа въ Римъ. — Грамота Климента VIII.

Предчувствіе того, что Димитрій долженъ былъ вскорѣ отречься отъ своей ереси, носилось въ воздухѣ. Православный не могъ чувствовать себя хорошо среди поляковъ. Ему чего-то не доставало для того, чтобы вполне слиться съ окружающей средой, и хотя бы онъ могъ дѣйствовать совмѣстно съ поляками, но, во всякомъ случаѣ, это было сопряжено съ большими затрудненіями. Покровители Димитрія, конечно, не упустили изъ вида эту сторону вопроса и сознавали всю его важность.

Тотчасъ по пріѣздѣ Димитрія въ Краковъ, тамошній епископъ Матцевскій, двоюродный братъ Мнишека, личность весьма вліятельная,

прислалъ претенденту книгу о соединеніи церквей. Этотъ робкій шагъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Николаю Зебржидовскому было суждено, какъ говоритъ Рангони, принять на себя обязанности проповѣдника католицизма и повести дѣло быстро и на чистоту. Воевода краковскій, ставшій въ скоромъ времени во главѣ «движенія», былъ нрава безпокойнаго, крутаго, но онъ былъ храбръ, имѣлъ вѣрный и совершенно опредѣленный взглядъ на вещи. Не задаваясь обсужденіемъ вопроса о происхожденіи Димитрія, онъ хотѣлъ сдѣлать его политическимъ орудіемъ Польши и находилъ поэтому, что слѣдовало установить между нимъ и поляками тѣсную связь. Мчишекъ смотрѣлъ на дѣло точно такъ же, и оба воеводы рѣшили дѣйствовать сообща.

Димитрій, съ своей стороны, подавалъ надежды на свое обращеніе и, повидному, желалъ, чтобы ими воспользовались. Онъ не измѣнилъ образа дѣйствій, который такъ хорошо удался ему въ Самборѣ, и держалъ себя то смиренно, то вызывающе. Въ порывѣ благочестія онъ далъ обѣтъ отправиться пѣшкомъ, какъ настоящій паломникъ, въ Ченстоховъ, знаменитый польскій монастырь, и пришлось употребить чуть не силу, чтобы заставить его отказаться отъ этого намѣренія, которое могло компрометтировать его. Но онъ продолжалъ держать себя какъ преданный другъ и поклонникъ католиковъ, готовый воздвигать въ Москвѣ костелы, благоговѣющій передъ папою, почтительный къ нунцію, съ которымъ онъ желалъ видѣться. Все это не ускользало отъ вниманія воеводы краковскаго, который зорко слѣдилъ за своимъ новообращеннымъ, и, видя его благопріятное настроеніе, счелъ долгомъ наставить и просвѣтить его, и завязать сношенія между нимъ и папскимъ нунціемъ. Не теряя времени, первое свиданіе было назначено на 19-е марта.

До тѣхъ поръ Рангони ни во что не вмѣшивался, не поощрялъ друзей Димитрія и не обезкураживалъ его противниковъ. Все, что онъ говорилъ при дворѣ, было такъ строго взвѣшено и обдуманно, что ни тѣ, ни другіе не могли высказать противъ него какого-либо неудовольствія или въ чемъ-либо заподозрѣть его. Но въ депешахъ, посылаемыхъ въ Римъ, онъ давалъ волю своему оптимизму, который еще болѣе усилился послѣ аудіенціи 19-го марта. Это объясняется тѣмъ, что Димитрій вель свои дѣла весьма искусно, кстати упоминалъ великія имена и давалъ понять, что онъ готовъ сдѣлать болѣе того, что онъ обѣщаетъ на словахъ.

Съ точки зрѣнія отмѣнной вѣжливости, онъ былъ безупреченъ. Даже такой строгій судья, какимъ былъ римскій дипломатъ, заявлялъ, что онъ имъ доволенъ. Говоря о палѣ, претендентъ выражался, что онъ «великій отецъ, всесвѣтннй пастырь, защитникъ угнетенныхъ». Называя себя несчастнымъ изгнанникомъ, человѣкомъ непризнаннымъ, преслѣдуемымъ, Димитрій еще разъ рассказалъ нунцію свою исторію и просилъ,

чтобы папа помолился и заступился за него передъ королемъ. «Польша,—такъ закончилъ онъ свою рѣчь,—ничего не потеряетъ, посадивъ меня на престолъ моихъ предковъ; мое вступленіе на престолъ будетъ сигналомъ крестоваго похода противъ турокъ». Намекъ былъ невинный, но пущенная Димитріемъ стрѣла попала въ цѣль. Рангони былъ живо задѣтъ ею; эти слова показались ему цѣлой программой. Онъ охотно принялъ бы ее, но пока онъ предпочелъ дать уклончивый отвѣтъ.

Въ тотъ же день,—это было въ Страстную пятницу, Димитрій,—очень довольный своимъ разговоромъ съ нунціемъ, подвергся другаго рода испытанію. По случаю великаго поста, церкви были переполнены молящимися; ксендцы говорили проповѣди о покаяніи. Царевичъ посѣщалъ церкви, слушалъ проповѣди у бернардиновъ и въ другихъ церквахъ. Въ часовнѣ «Страстей Христовыхъ» онъ увидѣлъ потрясающее зрѣлище. Его привели въ эту часовню въ тотъ моментъ, когда братья предавались покаянію. Одинъ монахъ, съ лицомъ аскета, взшелъ на кафедру и обратился къ собравшимся съ пламенной рѣчью. По данному сигналу, свѣчи были потушены, присутствующіе вооружились плетью, обнажили плечи и стали бичевать себя подъ мрачные звуки «Misereere». За этой сценой страшнаго суда слѣдовалъ символъ побѣды: радостный гимнь, ликующіе звуки музыки, множество зажженныхъ свѣчей и процессія со св. дарами. Стеченіе народа было огромное: всѣ знали, что въ церковь пріѣдетъ Димитрій. Всѣ хотѣли его видѣть. Серьезный, сосредоточенный, онъ держался безупречно среди бичевавшей себя толпы. Онъ шелъ за процессіей со свѣчою въ рукахъ и преклонилъ голову до земли въ тотъ моментъ, когда были подняты дары для благословенія народа. Присутствующіе были тронуты его благочестіемъ.

Теперь уже смѣло можно было приступить къ обсужденію вопроса о вѣроисповѣданіи. Къ этому, очевидно, только и стремились Мишекъ и Зебржидовскій: зерно было посеяно, оставалось собрать жатву. Съ этой цѣлью къ Димитрію были приближены іезуиты. Разумѣется, они знали о появленіи Димитрія; оба воеводы, дружившіе съ іезуитами, навѣрно, сообщили имъ болѣе обстоятельныя о немъ свѣдѣнія, нежели другимъ; но они не принимали пока никакого участія въ его дѣлѣ.

Нунцій Рангони приписываетъ себѣ инициативу ихъ сближенія. По словамъ Велевицкаго, посредникомъ при этомъ служилъ самборскій священникъ, который представилъ Димитрію іезуитовъ. Краковъ кишѣлъ въ то время бернардинами. Почему же они были устранены отъ претендента? Почему въ этомъ случаѣ обратились къ іезуитамъ? Быть можетъ, ихъ имя хотѣли приобщить къ этому дѣлу потому, что они пользовались уваженіемъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ.

Какъ бы то ни было, до 31-го марта 1604 г. Димитрій не видѣлъ іезуитовъ, но въ тотъ день къ нему явился отецъ Гаспаръ Савицкій,

ученый богословъ, извѣстный проповѣдникъ и духовникъ, принятый въ лучшемъ обществѣ и занимавшій въ то время мѣсто настоятеля церкви св. Варвары. Димитрій понималъ, что іезуитъ явился къ нему съ намѣреніемъ склонить его къ принятію католической вѣры, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, но они оба были крайне смущены, и ихъ бесѣда ограничилась обмѣномъ взаимныхъ любезностей. При вторичномъ свиданіи, Савицкій промолвилъ нѣсколько словъ о разъединеніи церквей. Претендентъ только этого и ожидалъ; терзаемый сомнѣніями, беспокойный духомъ, онъ хотѣлъ подвергнуть эти важные вопросы основательному обсужденію. Съ согласія воеводы краковскаго, было рѣшено устроить съ этой цѣлью духовную бесѣду. Чтобы не возбудить подозрѣній москвитянь, окружавшихъ Димитрія и слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ, было рѣшено устроить эту бесѣду въ величайшей тайнѣ. Зебржидовскому не трудно было уладить это дѣло. 7-го апрѣля Димитрій отправился къ нему и, оставивъ, по мѣстному обычаю, свою свиту у дверей его дома, онъ вошелъ одинъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ его уже ожидали два іезуита, Савицкій и Гродзицкій, введенные черезъ потайную дверь. Воевода, вѣрный принятой имъ на себя роли руководителя царевича, далъ ему совѣтъ: говорить смѣло, строго взвѣсивъ и обдумавъ свои отвѣты. Это не отниметъ у него свободы дѣйствій, говорилъ воевода, но тѣмъ лучше, ежели его сомнѣнія разсѣются.

Димитрій поблагодарилъ въ короткихъ словахъ и, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу. Въ Краковѣ онъ высказалъ свои взгляды, повидимому, откровеннѣе, нежели въ Самборѣ, и лучше воспользовался умѣніемъ держать себя. Его умъ давно уже былъ занятъ религіозными вопросами, онъ обладалъ нѣкоторыми догматическими познаніями и, къ удивленію іезуитовъ, оказалось, что ему не были чужды заблужденія арианъ. Но въ глубинѣ души—это былъ человѣкъ вполне русскій и православный, онъ почерпнулъ свои убѣжденія въ монастыряхъ, ихъ могли имѣть только начетчики, ученые, а внѣ монастырскихъ стѣнъ не было ученыхъ людей. Димитрій выказалъ замѣчательное умѣніе въ выборѣ тѣхъ доводовъ, коими онъ возражалъ іезуитамъ. Противъ ненавистныхъ католиковъ ввели, обыкновенно, обвиненія безъ всякаго разбора, имъ вмигъ являлись въ преступленіе то, что они брили себѣ бороду или соблюдали постъ по пятницамъ; каждый ихъ обычай, не согласовавшійся съ правилами православной церкви, клеймили названіемъ страшнѣйшей ереси. Самъ Іоаннъ IV, человѣкъ несомнѣнно большаго ума, поддался на эту удочку, и желая озадачить своего противника Антонія Поссевина, приводилъ въ доказательство своихъ разсужденій величайшія недѣлности. Димитрій не сдѣлалъ этой ошибки; не вдаваясь въ мелочи, онъ коснулся самой существенной стороны вопроса. Прежде всего подвергся обсужденію *Filioque*, и Димитрій просилъ объяснить ему

ученіе римско-католической церкви о происхожденіи Святаго Духа. Затѣмъ перешли къ вопросу о причастіи подъ однимъ видомъ, который вызывалъ всегда живѣйшія нареканія послѣдователей восточной церкви, хотя онъ былъ простою предохранительною мѣрою, введенною въ латинское богослуженіе. Подъ конецъ бесѣды долго обсуждался главный вопросъ о непогрѣшимости папы, какъ единственнаго главы церкви. Къ сожалѣнію, никто не записалъ того, чтò говорилось на этой бесѣдѣ, а это могло бы пролить яркій свѣтъ на степень умственнаго развитія претендента. Впрочемъ, оба іезуита отдають ему справедливость въ томъ, что онъ говорилъ очень умно и держалъ себя безупречно. Онъ излагалъ свои мысли ясно, отстаивалъ ихъ энергично и, заявляя себя побѣжденнымъ, не выказывалъ при этомъ ложнаго стыда, или же умолкалъ и впадалъ въ глубокую задумчивость. Въ заключеніе іезуиты дали ему двѣ книги: «Разсужденіе о папской власти» (*Traité sur le pape*) и «Толкователь спорныхъ пунктовъ восточной вѣры» (*Manuel de controverses orientales*). Димитрій выразилъ желаніе возобновить бесѣду съ іезуитами и не скрылъ своего предпочтенія къ отцу Савицкому. Определенные отвѣты и ясное рѣшеніе вопросовъ, какое давалъ бывшій преподаватель богословія, нравились ему лучше ученыхъ разсужденій Гродзицкаго.

Исходъ этихъ богословскихъ преній можно было предсказать заранѣе. Было очевидно, что Димитрій будетъ побѣжденъ, онъ самъ говорилъ это въ минуту откровенности. Каждое воскресенье онъ отправлялся инкогнито въ дворцовую церковь, гдѣ встрѣчались послѣ обѣдни дипломаты и великосвѣтскіе люди. Это былъ прекрасный случай побесѣдовать съ нунціемъ, не обративъ этимъ вниманія москвитянъ. Димитрій искалъ его общества и бесѣдовалъ съ нимъ откровенно; онъ умѣлъ заставить его слушать себя, умѣлъ затронуть самыя чувствительныя струны его сердца и дать понять, что онъ можетъ быть сговорчивъ. Уже 4-го апрѣля, т. е. за три дня до первой бесѣды своей съ іезуитами, онъ совѣтовался съ Рангони относительно пасхальной исповѣди. Эта чрезмѣрная ревность къ религіи могла показаться подозрительной, тѣмъ болѣе, что вопросы политики всегда примѣшивались къ разговору о религіи, и что соединеніе церквей шло рука объ руку съ государственными дѣлами; но нунцій былъ снисходителенъ и, ловко уклоняясь отъ отвѣтовъ, совѣтовалъ Димитрію обратиться за разъясненіемъ вопросовъ религіи къ іезуитамъ. Все шло какъ по-писаному.

Пренія, начавшіяся 7-го апрѣля, возобновились 15-го числа въ монастырѣ Бернардиновъ и скоро привели къ желаемому результату. Димитрій вѣжливо сложилъ орудіе и, въ виду приближавшагося высокоторжественнаго праздника Пасхи, выразилъ желаніе приобщиться св. тайнъ въ католической церкви. Въ принципѣ отреченіе его, слѣдо-

вательно, было рѣшено. Подробности этого событія обсуждались 16-го апрѣля въ собраніи, на которомъ присутствовали отецъ Скарга, Бурдалу изъ Польши и о. Барчъ, духовникъ короля. Эти два имени свидѣтельствуютъ о томъ, какое значеніе придавали этому дѣлу. Въ сущности, тутъ представлялось только одно затрудненіе: надобно были найти средство, чтобы претендентъ, собиравшійся принять католичество, могъ окружить себя непроницаемою тайною. Онъ чувствовалъ и высказывалъ неоднократно, что москвитяне сдѣлаются послѣ этого шага его смертельными врагами, поэтому было весьма важно, чтобы никто не узналъ объ его отреченіи преждевременно. Изобрѣтательный умъ воеводы краковскаго и тутъ нашелся. Вотъ что онъ придумалъ.

По случаю Страстной недѣли городъ былъ погруженъ въ молитву и добрыя дѣла. Братья духовнаго ордена «Милосердія» (*de la Miséricorde*) ходили по улицамъ отъ двери къ двери, какъ привидѣнія, закутанные въ черныя рясы со спущенными на лицо капюшонами, и собирали милостыню въ пользу бѣдныхъ. Это братство, основанное Петромъ Скаргой по образцу такого же италіанскаго духовнаго ордена, пополнялось лицами изъ высшаго общества. Къ нему принадлежалъ и воевода и, отправляясь собирать деньги въ пользу бѣдныхъ, онъ предложилъ царевичу сопровождать его. Монашеская одежда, говорилъ онъ, скроетъ ихъ обоихъ отъ любопытныхъ взоровъ, и ничто не стѣснитъ свободы ихъ дѣйствій. Эта оригинальная мысль была приведена въ исполненіе 17-го апрѣля, въ Страстную субботу.

Воевода и царевичъ протягивали руки прохожимъ, собирали милостыню въ замкѣ, у нунція и въ частныхъ домахъ, вошли въ церковь св. Варвары и отправились къ отцу Савицкому ¹⁾. Димитрій избралъ его своимъ духовникомъ. Отецъ Савицкій былъ предупрежденъ и ожидалъ кающагося во всеоружіи. Роль воеводы была окончена,—онъ удалился на церковные хоры, и претендентъ остался съ ксендзомъ съ глаза на глазъ. Приближалась минута страшнаго испытанія. Сцена, происшедшая въ кельѣ іезуита, заслуживаетъ того, чтобы исторія пролила на нее свѣтъ. Димитрій собирался открыть о. Савицкому сокровенные свои помыслы, предать забвенію прошлое, обновившись причащеніемъ св. тайнъ, но онъ долженъ былъ отвѣчать за свои поступки; если онъ присвоивалъ себѣ ложное званіе, то онъ былъ самый преступный искатель приключеній, незаслуживающій сожалѣнія и недоступный раскаянію. Савицкому было извѣстно все то, что говорилось о немъ въ городѣ, и онъ хотѣлъ выяснитъ этотъ вопросъ прежде, нежели приступить къ исповѣди. Когда таинственный грѣшникъ заявилъ о своемъ желаніи испо-

---

¹⁾ Церковь св. Варвары принадлежала къ старинному іезуитскому монастырю, который стоитъ на Маріацкой площади (*Maryacki*), подъ № 7.

вѣдаться, то Савицкій попросилъ его собраться съ мыслями и терпѣливо выслушать слова духовнаго пастыря. Сказавъ нѣсколько словъ въ его похвалу, онъ пошелъ прямо къ цѣли и сказалъ повелительнымъ тономъ, что долгъ повелѣваетъ Дмитрію быть вполне чистосердечнымъ и открытымъ; лишь въ такомъ случаѣ онъ можетъ рассчитывать на помощь Божію, говорилъ о. Савицкій, а безъ нея человекъ идетъ къ гибели. Дмитрій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять тайнаго смысла сказаннаго иезуитомъ. Суровыя, неумолимыя слова духовника проникли до глубины его души, видимо, онъ былъ ими глубоко смущенъ,—*suspensus animo aliquantum mansit*, писалъ Велевицкій, но скоро овладѣлъ собою и, сказавъ, что онъ уповаетъ на чудесную помощь Провидѣнія, заявилъ передъ Богомъ и передъ людьми, что все сказанное имъ есть истинная правда. Это было равносильно клятвѣ. Савицкій былъ обезоруженъ, онъ выслушалъ отреченіе Дмитрія и его исповѣдь, тайна которой извѣстна одному Богу.

На слѣдующій день, въ Свѣтло-Христово Воскресенье, когда церкви были переполнены молящимися, вновь обращенный католикъ не могъ показаться въ храмъ. Онъ охотно присутствовалъ бы на богослуженіи, но осторожность повелѣвала ему дѣйствовать осмотрительно. Вынужденный остаться дома, онъ употребилъ это время на составленіе, при помощи отца Савицкаго, письма къ папѣ Клименту VIII ¹⁾.

Это письмо помѣчено 24-мъ апрѣля 1604 г., но въ сущности оно было написано шесть дней ранѣе. Этотъ драгоценный листокъ бумаги, полный для насъ воспоминаній и заключающій свѣдѣнія первостепенной важности, лежалъ долгое время забытый въ архивахъ Ватикана и появился на свѣтъ только въ послѣднее время.

Припомнимъ, какъ недовѣрчиво отнесся папа къ первому извѣстію о появленіи московскаго царевича; лже-Себастіаны, появлявшіеся въ Португаліи, заставляли относиться не особенно довѣрчиво къ сомнительнымъ претендентамъ на царскіе престолы; хотя оптимистическія депеши Рангони ослабили это впечатлѣніе и недовѣріе папы, но онъ предпочиталъ не высказываться, предоставляя Дмитрію дѣйствовать самостоятельно. Инициативу корреспонденціи въ Римъ взяла на себя «ничтожнѣйшая овечка», «нижайшій слуга» его святѣйшества, съумѣвшій искусно соединить порывъ благочестія съ политическими цѣлями. «Заботясь о душѣ своей», писалъ Дмитрій папѣ, онъ прозрѣлъ, созналъ схизму греческую и свое опасное отщепенство, величіе истинной церкви, чистоту ея догматовъ,—онъ все взвѣсилъ и рѣшилъ окончательно, что ему дѣлать. Познавъ католическое богослуженіе св. рим-

¹⁾ Воспроизведено фотопнией: *Lettre de Dmitri dit le Fiaux à Clement VIII*, см. также «Рус. Стар.», изд. 1898 г., май.

ской церкви и укрепленный церковными таинствами, онъ нашелъ вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, которое у него похитили. Никакая жертва, говорилъ онъ, не будетъ для него слишкомъ велика, онъ преклоняется Божьей волѣ, онъ готовъ, если понадобится, отказаться отъ престола своихъ предковъ. Но все это было только ловкимъ ходомъ: онъ выпрямляется неожиданно во весь ростъ, его дѣло не проиграно, оно можетъ еще быть спасено, и тогда ему нужна будетъ помощь папы, и эта помощь будетъ оказана ему не даромъ. «Отецъ всѣхъ овецъ Христовыхъ»,—заключаетъ свое посланіе Димитрій,—«Господь Богъ черезъ меня негоднаго можетъ распространить свою славу обращеніемъ заблудшихъ душъ и присоединеніемъ къ церкви своей великихъ народовъ. Кто знаетъ, зачѣмъ Господь Богъ меня такъ охранялъ и привлекъ и привязалъ къ своей церкви? Цѣлуя ноги вашего святѣйшества, какъ бы самого Христа, съ покорнымъ и низкимъ поклономъ приношу вашему святѣйшеству, какъ высочайшему пастырю и отцу всего христіанскаго міра, свое послушаніе и подчиненность».

Разумѣется, трудно было подыскать болѣе деликатныя выраженія и болѣе заслужить покровительство папы. Димитрій зналъ, что Климентъ VIII не оттолкнетъ новообращеннаго и что онъ не будетъ равнодушенъ къ судьбѣ «великихъ народовъ».

Что касается Рангоны, то онъ былъ какъ рыба въ водѣ. Когда новообращенный выразилъ желаніе приобщиться на Пасхѣ св. тайнъ въ церкви нунція, то онъ съ радостью изъявилъ на это свое согласіе и писалъ папѣ, что онъ имѣетъ сообщить ему нѣчто «утѣшительное».

Нунцій находился подъ впечатлѣніемъ разговоровъ, веденныхъ въ Вавельскомъ замкѣ, гдѣ было произнесено столь ненавистное въ Россіи и столь высоко цѣнимое въ Римѣ слово: «унія церквей». Димитрій, искусный ораторъ, набросалъ передъ нунціемъ плѣнительную картину будущаго. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ, твердо знающій, что предстоитъ ему въ будущемъ, который обдумалъ положеніе вещей, предусмотрѣлъ всѣ препятствія и изучилъ практическія мѣры, какія слѣдовало принять. Греки не заслуживали, по его мнѣнію, никакого вниманія; онъ называлъ ихъ невѣжественными и считалъ безвредными. Иное дѣло русскіе! но ихъ можно подчинить, дѣйствуя ловко и умѣло. Онъ льститъ себя надеждою, что сумѣетъ сдержать ихъ сильною рукою, и сравнивалъ ихъ со скаковою лошадыю, съ которой хорошій наѣздникъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Переходя отъ образныхъ сравненій къ дѣйствительности, онъ высказалъ намѣреніе устроить богословскій споръ между русскимъ и католическимъ духовенствомъ; опытные борцы Западной церкви конечно одержать верхъ въ этомъ спорѣ, а онъ, какъ безпристрастный судья, удостовѣритъ ихъ побѣду и склонитъ такимъ образомъ побѣжденныхъ къ уніи. Онъ ставилъ для соединенія церквей только

одно условіе: сохраненіе патріаршей власти въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока турки будутъ владѣть Константинополемъ и пока не состоится крестовый походъ противъ Ислама. Этотъ вопросъ церковной іерархіи былъ вопросомъ чести, относительно котораго онъ не могъ сдѣлать уступки.

Слушая Дмитрія, пылкій италіанецъ Рангони разгорячался, мечты рисовали ему царя, павшаго ницъ передъ папою, великій народъ, обращенный въ римско-католическую вѣру, покорное посольство, прибывшее изъ Кремля въ Ватиканъ; быть можетъ, онъ видѣлъ себя среди кардиналовъ, рассказывающаго своимъ изумленнымъ коллегамъ о московскомъ героѣ. А между тѣмъ онъ всѣми силами поощрялъ Дмитрія: бессмертное имя въ исторіи, неувыдаемая слава и всеобщее поклоненіе выпадутъ, — говорилъ онъ, — на долю московскаго царя, принявшаго католическую вѣру. И онъ припоминалъ ему великолѣпныя фрески, украшающія папскій дворецъ, и подвиги Константина и Карла Великаго, изображенные кистью великихъ художниковъ. Почему бы Дмитрію не подражать этимъ славнымъ монархамъ? Почему бы ему не стремиться къ такимъ же почестямъ?

24-го апрѣля былъ день, избранный заранѣе для пріобщенія Дмитрія св. тайнъ. Онъ явился къ нунцію подъ предлогомъ проститься съ нимъ. Москвитяне и не подозрѣвали объ истинной цѣли его посѣщенія. Въ глубинѣ квартиры, былъ воздвигнутъ престолъ, скрытый отъ любопытныхъ взоровъ. Тутъ собрались только самые близкіе люди: хозяинъ дома со своими двумя капелланами, воевода Мишекъ и отецъ Савицкій. Царевичъ пожелалъ еще разъ исповѣдаться, отслушалъ обѣдню и пріобщился. Чтобы утвердить его въ вѣрѣ и сдѣлать истиннымъ воиномъ Христа, Рангони помазалъ его священнымъ елеемъ, слегка ударилъ его по щекѣ и рукоположилъ его ⁴⁾.

Церемонія была трогательная. Нунцій былъ въ восхищеніи: новообращенный имѣлъ видъ набожный, сосредоточенный, походилъ на бѣдную заблудшую овечку, возвратившуюся въ нѣдра церкви. Рангони радовался, что ему удалось «завоевать» эту душу, хотя бы завоеваніе Москвы и не удалось. Бесѣда, происходившая послѣ обѣдни, довершила всеобщее удовольствіе. Дмитрій былъ счастливъ: онъ позналъ истину всесвѣтнаго пастыря, онъ жаждалъ излить свою благодарность Богу и, павъ на колѣни передъ Рангони, клялся ему въ преданности къ папѣ, въ покорности святому престолу и добровольно далъ обѣщаніе ввести унію среди диссидентовъ и окрестить всѣхъ язычниковъ и магометанъ, если

---

⁴⁾ Въ православной церкви при крещеніи совершается и миропомазаніе. Удивительно, почему въ данномъ случаѣ Дмитрій былъ вторично помазанъ елеемъ.

ему удастся когда-нибудь возсѣсть на престолъ. Эти слова заключали въ себѣ обѣщаніе, но оно было дано добровольно, оно обязывало только одну сторону и не предоставляло другой сторонѣ никакихъ положительныхъ правъ. Относительно вопроса о вѣроисповѣданіи между Римомъ и Димитріемъ никогда не было, да и не могло быть заключено никакого договора. Все дѣло ограничилось обѣщаніями, которыя были даны вполне добровольно, приняты другой стороною съ признательностью, и на которыхъ настаивали впоследствии очень деликатно. Въ то время Димитрій пылалъ рвеніемъ и доходилъ до папоса: онъ призывалъ небо въ свидѣтели своей искренности, отрицалъ въ своихъ поступкахъ малѣйшій расчетъ и хитрость и, не имѣя возможности поцѣловать ногу папѣ, хотѣлъ оказать эту честь его представителю: онъ уже преклонилъ колѣна; Рангони едва успѣлъ удержать его. Наконецъ царевичъ вручилъ нунцію письмо къ Клименту VIII, написанное въ первый день Пасхи; при письмѣ находился его латинскій переводъ, сдѣланный Савидкимъ. Оно было написано царевичемъ, съ начала до конца собственноручно, на польскомъ языкѣ; къ письму была приложена печать съ изображеніемъ русскаго орла и Георгія побѣдоносца. Вокругъ этого герба была сдѣлана надпись на русскомъ языкѣ: «Димитрій Ивановичъ, милостью Божіею царевичъ». Авторъ письма любезно извинялся, говоря, что въ письмѣ встрѣчаются погрѣшности противъ слога, и скромно отозвался о своемъ почеркѣ, что онъ «не особенно красивъ».

Рангони, какъ читаемъ въ его депешѣ, оказалъ новообращенному всевозможные знаки своего расположенія и подарилъ ему на память Agnus Dei, оправленный въ золото, и двадцать пять венгерскихъ эку. Димитрій подтвердилъ хорошее мнѣніе, составленное о немъ нунціемъ. Онъ проявилъ замѣчательную чуткость: не только выразилъ желаніе имѣть при себѣ милостыннаго священника, но хотѣлъ получить разрѣшеніе отъ поста и списокъ (Index) книгъ, запрещенныхъ католическою церковью. Изумительная покорность! Всѣ его просьбы были тотчасъ исполнены. Болѣе затруднительно и даже странно на первый взглядъ было другое желаніе, выраженное претендентомъ. Онъ переносился мысленно въ Москву, думалъ о своемъ коронованіи въ Кремлѣ, изучалъ его церемоніаль, и при этомъ въ его умѣ возникъ страшный вопросъ: во время коронованія царь долженъ приобщиться св. тайнъ изъ рукъ православнаго патріарха. Димитрій не хотѣлъ уклониться отъ этого исконнаго обычая и показать народу, что онъ отрекся отъ своей вѣры. Дабы избѣжать этого двоякаго затрудненія, онъ просилъ на это разрѣшеніе папы. Такимъ образомъ возникъ щекотливый принципиальный вопросъ. Рангони благоразумно уклонился отъ отвѣта, обѣщая снести по этому поводу съ Римомъ; но, съ этой минуты, онъ уже не сомнѣвался въ искренности Димитрія.

Что же происходило на самомъ дѣлѣ въ душѣ этого человѣка? Въ немъ происходила вѣроятно гораздо болѣе сложная и мучительная борьба, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Стоя колѣпопреклоненнымъ передъ нунціемъ, онъ пріобшился къ новой вѣрѣ, это была вѣра Марины, которую онъ нѣжно любилъ, вѣра поляковъ, его друзей и покровителей, вѣра папы, которая могла послужить связью между нимъ и Европою: подобная мечта могла очаровать кого угодно. Оглянувшись назадъ, онъ видѣлъ свои прежнія вѣрованія, испровергнутыя иезуитами, видѣлъ православныхъ монаховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ: тутъ не было ничего великаго, ничего утѣшительнаго, ничего такого, что могло бы прельстить его. Обуреваемый этими разнообразными чувствами, ослѣпленный этимъ свѣтомъ, почувствовавъ трепетаніе истины, онъ могъ инстинктивно вступить на тотъ путь, который открывался передъ нимъ. По своей пылкой, увлекающейся натурѣ, онъ былъ способенъ на большое усиліе, но оно не могло быть продолжительнымъ, настойчивость и упорство не были въ его характерѣ. Его угодливость передъ нунціемъ, его просьбы о поддержкѣ въ политическомъ отношеніи, съ которыми онъ обратился къ нему тотчасъ по принятіи католической вѣры, придали его поступкамъ, въ глазахъ исторіи, несвойственный имъ характеръ гнусной комедіи, но въ то время онъ производилъ совершенно иное впечатлѣніе.

Въ тотъ же день, 24-го апрѣля, вечеромъ, претендентъ выѣхалъ изъ Кракова, куда ему не суждено было возвратиться; но его сношенія съ нунціемъ отъ этого не пострадали. Новообращенный всегда былъ готовъ бесѣдовать о вопросахъ религіи; на эту тему начинались всѣ его письма; затѣмъ онъ приступалъ къ инаго рода просьбамъ. Ему надобно было побѣдить противодѣйствіе Замойскаго и Януша Острогжскаго и вызвать къ себѣ сочувствіе со стороны короля, его дѣла затягивались, а между тѣмъ быстрота составляла главное условіе успѣха. Это ставило Дмитрія въ самое затруднительное положеніе. Его московскіе сторонники теряли терпѣніе, не хотѣли болѣе ожидать и могли быть обнаружены. Онъ самъ боялся, чтобы не распустили слухъ объ его смерти: тогда все было бы потеряно. Онъ боялся также смерти Годунова, появленія какого-нибудь соперника, борьбы, которая могла завязаться около престола и всѣхъ ужасовъ междоусобной войны. По мнѣнію претендента, было только одно средство покончить съ этимъ, а именно идти на границу и начать дѣйствовать самому. Но для этого надобно было прежде всего быть увѣреннымъ въ сочувствіи короля и что тѣ, кто былъ противъ него, не окажутъ ему противодѣйствія: все это давало поводъ обратиться къ нунцію и просить его ходатайства.

Въ Краковѣ достигнуть этого было не трудно. Сигизмундъ въ глубинѣ души былъ не прочь помочь Дмитрію. Въ Вавельскомъ замкѣ многіе относились къ нему сочувственно, слѣдовало только воспользо-

ваться этимъ и не особенно спѣшить. Гораздо важнѣе было произвести переворотъ при папскомъ дворѣ; Рангони это удалось довольно легко. Письмо Димитрія отъ 24-го апрѣля, полученное съ его денешами, въ которыхъ онъ успокоивалъ папу и расточалъ претенденту похвалы, произвело рѣшительный поворотъ во мнѣніи римскаго двора. Оно было передано въ инквизицію, подверглось обсужденію богослововъ и было признано заслуживающимъ поощренія. Климентъ VIII, изъ скептика сдѣлавшійся легковѣрнымъ, приказалъ отвѣтить уже не «новому Себастьяну», а «дорогому сыну и noble seigneur» сердечной грамматой ¹⁾.

Письмо папы, помѣченное 22-го мая 1604 г., было преисполнено доброты и отеческаго благоволенія; вслѣдствіе того, что въ немъ умышленно замалчиваются нѣкоторые вопросы, оно становится для насъ важнымъ дипломатическимъ документомъ. Дѣйствительно, въ этомъ письмѣ не проскользнуло ни одного предательскаго слова о политикѣ, не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на христіанство и его великія задачи. Папа преподавалъ въ немъ только благочестивые совѣты и поощрялъ Димитрія идти по пути добродѣтели. Взаимныя отношенія Димитрія и папы должны были вращаться въ болѣе тѣсной сферѣ, нежели того хотѣлось Димитрію: какъ духовный пастырь, Климентъ VIII открывалъ заблудшей овцѣ двери въ нѣдра церкви, но далѣе этого онъ не шелъ.

Впрочемъ, ни папа, ни Рангони не могли видѣть того, что бросается въ настоящее время въ глаза историку и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на совокупность фактовъ. Димитрій не всегда былъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Обо всемъ, что касалось его прошлаго, онъ соблюдалъ строжайшее молчаніе.

Диктуя докладъ королю, писавъ собственноручно письмо папѣ, онъ всегда выражался сдержанно, лаконично и не выходилъ изъ общихъ мѣстъ. Но лишь только вопросъ касался будущаго, его языкъ развязывался, перо начинало быстро бѣгать по бумагѣ, онъ рѣшался называть людей по имени. Этотъ бѣглый мочахъ, не имѣвшій денежныхъ средствъ и искавшій себѣ покровителей, еще будучи въ Польшѣ, предвидѣлъ возможность исчезновенія Бориса Годунова, выражалъ даже опасеніе, чтобы это не случилось преждевременно, онъ предвидѣлъ свое коронованіе въ Кремлѣ и обсуждалъ подробности церемоніи, предвидѣлъ роль, которую долженъ былъ играть патріархъ, и ставилъ условіемъ сохраненіе патріаршаго сана. Или онъ былъ колдунъ, если онъ могъ такъ ясно предвидѣть будущее? или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ предположить, что это была цѣлая программа, навязанная ему его московскими сторонниками, которую ему приходилось выполнить при ихъ содѣйствіи и къ осуществленію которой только трудно было приступить.

¹⁾ Архивъ инквизиціи, IV, f. 52 V.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дипломатія и политика.
1604—1605.

I.

Впечатлѣніе, произведенное въ Кремлѣ успѣхами Димитрія.—Неудачи Годунова.—Семейныя огорченія.—Паника въ Кремлѣ.—Воспрещеніе сношеній съ Польшею.—Посылка въ Украину Хрущева.—Семень Годуновъ отправляется въ Астрахань.—Оффиціальныи разсказъ о Димитріи.—Его отождествляютъ съ Гришкой Отрепьевымъ.—Посылка Смирнова-Отрепьева въ Краковъ.—Предметъ его миссіи.—Димитрій отказывается видѣться съ нимъ.—Причины отказа.—Левъ Сапѣга измѣняетъ свое мнѣніе.—Подозрительное показаніе Хрущева.—Проклятіе Димитрія патриархомъ Іовомъ.—Инструкціи, данныя королемъ сеймикамъ.—Недосказанное.—Пожеланія, высказанныя на сеймикахъ.

Успѣхи, одержанные Димитріемъ, нашли отголосокъ и въ Кремлѣ. Прошли счастливыя дни царствованія Бориса Годунова: онъ боролся со всевозможными невзгодами, съ возникавшими затрудненіями и испытывалъ однѣ горестныя неудачи.

Казалось, все вооружилось противъ надменнаго выскочки, издавна привыкшаго дерзновенно пытаться счастье. Его задѣла въ самое чувствительное мѣсто неудача, постигшая составленный имъ проектъ брачнаго союза. Желая удовлетворить обуревавшую имъ манію величія и заключить блестящій родственныи союзъ, онъ хотѣлъ выдать свою дочь Ксенію за одного изъ принцевъ, принадлежавшихъ къ старинному царственному роду. По этому поводу дѣятельно велись переговоры въ Швецію, Англию и Австрію. Борисъ Годуновъ былъ готовъ на всякія жертвы. Преніе цари «святой Руси» назвали бы сдѣланныя имъ уступки преступными. Тому нѣмцу, который пожелалъ бы сдѣлаться его зятемъ, онъ предлагалъ Тверское княжество, право путешествовать за границею и полную свободу религіи для всѣхъ его родныхъ и для священниковъ его вѣры ¹⁾. Несмотря на это великодушіе, предложенія его встрѣтили вѣжливый отказъ вездѣ, въ Стокгольмѣ, Лондонѣ и Прагѣ. Послѣ прискорбнаго случая съ Густавомъ шведскимъ, Борисъ Годуновъ возложилъ надежды на Копенгагенъ. Скромный датскій дворъ оказался болѣе стоворчивымъ, но принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана IV, пріѣхавъ въ 1602 г. въ Москву, чтобы вступить въ бракъ съ Ксеніей, скончался тамъ преждевременно отъ излишествъ.

¹⁾ Вѣна, Государственный архивъ, Russica, 1600, Responsum legati Mosci in negotio secreto matrimonii.—Дѣло шло о бракѣ съ эрцгерцогомъ Максимилианомъ. Борисъ просилъ держать эти переговоры въ тайнѣ отъ папы, Испаніи и Польши.

Къ семейнымъ непріятностямъ присоединилось большое народное бѣдствіе; страшный голодъ, посѣщавшій Россію періодически, похитилъ въ 1601 г. тысячи жертвъ и свирѣпствовалъ въ деревняхъ и селахъ до тѣхъ поръ, пока не была собрана въ 1603 г. обильная жатва. Гнусная спекуляція на хлѣбъ была причиною, что это бѣдствіе достигло ужасающихъ размѣровъ; помощь, которую раздавали въ Москвѣ неимущимъ по приказанію Бориса, привлекла въ столицу толпы голодающихъ. Вслѣдъ за ними появились болѣзни и морь: одни погибали отъ утомленія и истощенія; другіе, больные, распространяли заразные болѣзни. Въ иныхъ мѣстахъ, голодающіе, потерявъ голову, оглупѣвъ отъ страданія, организовали банды, предались грабежу и вступали въ кровавыя схватки съ общественной стражею. Народъ изнемогалъ подъ бременемъ столькихъ бѣдствій: умирая отъ голода, онъ былъ объятъ паническимъ страхомъ и ожидалъ, что на Россію обрушится какое-нибудь грозное бѣдствіе. Монахи, въ то время единственные ученые люди, видѣли уже предвѣстники этихъ бѣдствій въ небесныхъ явленіяхъ и заносили въ свои лѣтописи зловѣщія предсказанія.

Борисъ Годуновъ велъ борьбу съ анархіей и помогалъ голодающимъ въ то время, какъ до его слуха, подобно громовому удару, донеслось неожиданно имя Димитрія. Какое докучливое воспоминаніе и быть можетъ сколько угрызений совѣсти было связано съ этимъ именемъ! Неужели же сынъ Іоанна IV, о смерти котораго было заявлено официально, избѣжалъ ея? Или, быть можетъ, кровь, пролитая въ Угличѣ, породила призракъ, и возникъ гнусный заговоръ? Какъ бы то ни было, необходимо было разрушить легенду о воскресшемъ изъ мертвыхъ царевичѣ. Съ этой цѣлью были немедленно приняты мѣры, но ничто не могло утишить бурю, погубившую счастье Бориса.

Первая вѣсть о появленіи этого замогильнаго призрака произвела въ Кремлѣ потрясающее впечатлѣніе, въ которомъ страхъ смѣшался съ недоумѣніемъ. Годуновъ, истый сынъ своего времени, обратился прежде всего за совѣтомъ къ колдунѣ и сталъ собирать свѣдѣнія о тревожныхъ предзнаменованіяхъ. Царица Марѳа, проживавшая съ 1591 г. въ монастырѣ, была вызвана въ Москву и подвергнута строжайшему допросу. Затѣмъ подозрѣніе пало на нѣкоторыхъ бояръ, извѣстныхъ своею любовью къ проiscaмъ и которые могли вызвать на свѣтъ грозный призракъ царевича Димитрія. Гнѣвъ Бориса обрушился на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, болѣе всего желалъ его гибели. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ поразительное совпаденіе и быть можетъ даже тайная связь между слухами, распространившимися по поводу Димитрія, и обвиненіемъ, взведеннымъ противъ Романовыхъ и ихъ сторонниковъ: было начато слѣдствіе, виновныхъ судили, наказали, сослали, но истинная причина ихъ преслѣдованія осталась тайною.

Впрочемъ, паническій страхъ продолжался не долго. Борисъ былъ способенъ взглянуть опасности въ лицо и оказать ей энергичное сопротивление. У него были шпіоны, и онъ располагалъ секретными суммами ¹⁾; дѣйствія Дмитрія были ему извѣстны, и онъ принялъ оборонительное положеніе. Прежде всего прибѣгли къ тайному средству и постарались пресѣчь путь тревожному извѣстію или по крайней мѣрѣ задержать его на границѣ. Всякое сношеніе съ Польшей было строго воспрещено; подѣ предлогомъ предохранительныхъ мѣръ противъ внесенія заразы, на всѣхъ большихъ дорогахъ были устроены заставы, которыя строго охранялись, но зловѣщее имя все-таки проникло въ Московское царство тайнымъ путемъ и распространилось въ народѣ. Годуновъ обратилъ также вниманіе на казаковъ и татаръ. Украина была охвачена волненіемъ. Петру Хрущеву было приказано отправиться туда и противодѣйствовать царевичу. Онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Надъ степью уже повѣяло войной, казаки точили свои сабли и сѣдлали лошадей, когда къ нимъ явился посланный отъ Годунова, чтобы разсѣять опасенія царя. вмѣсто отвѣта казаки связали его, скрутили ему руки и выдали его Дмитрію. Другое порученіе, возложенное на Семена Годунова, также окончилось неудачею. Этому приверженцу Бориса вѣльно было, подѣ какимъ бы то ни было предлогомъ, отправиться къ татарамъ; но, задержавшись на берегахъ Волги, онъ такъ и не доѣхалъ до Астрахани. Весьма возможно, что ему было поручено поссорить татаръ съ Дмитріемъ; на это указываютъ многіе факты.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ; вскорѣ пришлось убѣдиться, что для предупрежденія ихъ были приняты весьма недостаточныя мѣры. Очевидно, Польша, несмотря на заключенное перемиріе, поощряла царевича, поэтому въ Краковѣ было необходимо произвести серьезное дипломатическое давленіе. Но, предварительно, было необходимо произвести слѣдствіе и выяснить вопросъ о томъ, какъ отнестись къ этому событію и какъ держать себя.

Откуда появился этотъ таинственный человѣкъ, одно имя котораго воодушевляло народъ? Въ Кремлѣ смерть настоящаго Дмитрія, сына Іоанна IV, считалась неопровержимой истиной. Поэтому претендентъ былъ въ глазахъ Бориса лже-царевичемъ. Оставалось выяснить неизвѣстное: обнаружить настоящее имя самозванца, удостовѣрить его личность, сорвать маску съ его лица. Навести всѣ эти справки было дѣломъ не легкимъ. Борисъ прибѣгнулъ къ помощи патріарха Іова. Нашлись очевидцы, которые были допрошены подѣ присягою и открыли ужасы. Мнимый царевичъ былъ ни кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, самый послѣдній искатель приключеній, бывший слуга Романовыхъ. Онъ обла-

¹⁾ Карамзинъ, т. XI, стр. 77, прим. 229.

чился въ рясу, чтобы избѣгнуть висѣлицы, и бродилъ изъ монастыря въ монастырь. Поселившись въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, онъ былъ посвященъ въ діаконы и состоялъ переписчикомъ при патріархѣ. Но онъ не исправился въ своемъ поведеніи, напротивъ учинялъ новые скандалы, вызывалъ чертей и занимался чернокнижіемъ. Его проступки были доказаны, и онъ былъ присужденъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, какъ вдругъ онъ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ встрѣтилъ поддержку у князя Адама Вишневецкаго, превратился, безъ дальнихъ околичностей, въ царевича Димитрія, отрекся отъ православной вѣры и перешелъ въ католичество. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался орудіемъ въ чужихъ рукахъ: король польскій хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы присоединить къ Польшѣ нѣкоторыя русскія области, поразить православіе и подчинить русскихъ латинской церкви. Таковъ былъ результатъ, добытый слѣдствіемъ, таково же было толкованіе, принятое въ Кремлѣ. Оно повторяется съ разными вариантами во всѣхъ правительственныхъ актахъ и послужило основою дипломатическихъ переговоровъ ¹⁾. Борисъ Годуновъ тотчасъ воспользовался всѣми этими данными. Дядя Гришки, или человекъ, кого считали таковымъ, Смирной-Отрепьевъ, находился у него въ услуженіи. Въ половинѣ августа 1604 г. царь послалъ его въ Краковъ съ тайнымъ порученіемъ ²⁾. Польки согласились говорить объ этомъ дѣлѣ, только съ глаза на глазъ; во избѣжаніе скандала, были приняты мѣры предосторожности. Смирной назвалъ себя не официальнымъ посланникомъ при Сигизмундѣ, но делегатомъ отъ бояръ къ Литовскому канцлеру, Льву Сапѣгѣ и къ воеводѣ виленскому Христофору Радзивиллу, о недавней кончинѣ котораго въ Москвѣ не было извѣстно. Въ вѣрительныхъ грамотахъ, данныхъ Отрепьеву, не было упомянуто ни слова о Димитріи. На публичной аудіенціи, онъ не коснулся главнаго вопроса, а жаловался на вооруженія, производимыя на границѣ, и упомянулъ о томъ, какія печальныя послѣдствія могло имѣть это явное нарушеніе перемирія.

— Бояре,—говорилъ онъ,—упросили царя сдѣлать этотъ миролюбивый шагъ, прежде чѣмъ принять болѣе рѣшительныя мѣры.

Источивъ весь запасъ своихъ доводовъ и выслушавъ такія же общія мѣста, Смирной попросилъ свиданія у литовскаго канцлера. Сапѣга отказалъ ему въ этомъ, выставивъ причиною, что если онъ устранить отъ свиданія съ нимъ своихъ коллегъ и депутатовъ короля, то этимъ онъ превыситъ свою власть. Сапѣга не хотѣлъ компрометтировать

¹⁾ Эти подробности заимствованы изъ письма патріарха Іова.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b, f. 206. — Rome et Démetrius, стр. 189. Главный московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ, Polski st. sp., № 30. Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 60. Гургеневъ, прилож., стр. 418.

себя. Смирной притворился ничего не понимающимъ, его долго убѣждали. Наконецъ, сжигая корабли въ присутствіи королевскихъ комиссаровъ, онъ открылъ истинную цѣль своей мисси, желаніе увидѣть Дмитрія и говорить съ нимъ. Пустившись въ откровенность, онъ уже болѣе не стѣснялся. Онъ хвасталъ тѣмъ, что найдетъ средство достигнуть цѣли и что онъ дѣйствуетъ вполне безпристрастно.

— Ежели мнимый царевичъ есть мой племянникъ Гришка, какъ я предполагаю,—говорилъ онъ,—то я отговорю его идти по тому опасному и роковому пути, на который онъ вступаетъ; если же онъ дѣйствительно сынъ Іоанна IV, то я охотно признаю его власть и даже помогу ему вступить на престоль.

Несообразность этихъ словъ бросалась въ глаза; дипломатъ принималъ на себя роль инквизитора, его хитрость доходила до смѣшнаго; онъ хотѣлъ поймать поляковъ на удочку, чтобы избѣгнуть съ ихъ стороны контроля. Королевскіе комиссары могли понять изъ его словъ, что въ Кремлѣ не имѣли опредѣленнаго мнѣнія о Дмитріи и что они могли разсѣять сомнѣнія Годунова и вывести его изъ затруднительнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, согласиться на просьбу Смирного значило признать его компетентнымъ судьей и придать его приговору, каковъ бы онъ ни былъ, значеніе безапелляціоннаго рѣшенія. Въ Краковѣ избрали болѣе вѣрное средство,—отказались дать очную ставку дяди съ мнимымъ племянникомъ; нѣкоторые сенаторы заявили, что они видятъ въ присылкѣ Смирного только попытку шпіонства.

Впрочемъ, посольство Смирного имѣло совершенно неожиданный результатъ: съ этихъ поръ произошла перемѣна во взглядахъ Льва Сапѣги. Не пользуясь такою популярностью, какъ его знаменитый коллега въ Польшѣ, великій литовскій канцлеръ обладалъ качествами государственнаго дѣятеля. Стефанъ Баторій предсказывалъ ему великую будущность, и онъ былъ ея достоинъ по своему умѣнію вести дѣла, своей преданности королю и своимъ обширнымъ юридическимъ познаніямъ. Онъ руководилъ переговорами со Смирнымъ и долженъ былъ представить объ немъ докладъ Сигизмунду. До тѣхъ поръ, судя по его депешамъ, Рапгои былъ настроенъ къ Дмитрію благосклонно; онъ допускалъ царственное происхожденіе претендента, говорятъ даже, будто онъ предлагалъ ему помощь войсками и деньгами. Послѣ переговоровъ со Смирнымъ въ его взглядахъ совершилась рѣшительная перемѣна; онъ присоединился къ мнѣнію большинства сенаторовъ, совѣтовалъ королю представить этотъ вопросъ рѣшенію сейма и приостановить воинскія приготовленія Дмитрія. Что же такое произошло? Что означаетъ это движеніе на попятный? Что новаго узналъ Сапѣга, почему онъ измѣнилъ свой взглядъ? Мы можемъ сказать одно, что Сапѣга сталъ относиться къ планамъ царевича болѣе и болѣе враждебно, высказалъ на сеймѣ энер-

гическій протестъ противъ дѣйствій Димитрія и присоединился къ мнѣнію Смирного и Годунова. Москвитяне этого не замѣтили, передъ ними Сапѣга долженъ былъ отстаивать политику короля; оффиціальныи языкъ помогаль ему въ этомъ, но въ глазахъ историка постоянныи колебанія Льва Сапѣги придають его поведенію характеръ двойственности.

Димитрій, самъ, быть можетъ, того не подозрѣвая, придадь особое значеніе посольству Смирного. Онъ находился въ то время вдали отъ Кракова, горѣлъ нетерпѣніемъ выступить въ походъ, съ жадностью прислушивался ко всѣмъ вѣстямъ, доходившимъ до него, и зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ столицѣ. Его извѣстили о заявленіи, сдѣланномъ Смирнымъ подъ секретомъ. Какой прекрасный случай представлялся ему появиться неожиданно въ Вавельскомъ замкѣ, пристыдить плохо освѣдомленнаго дядю и торжественно доказать, что онъ дѣйствительно былъ царевичъ. Или же, допустивъ, что Гришка Отрепьевъ, какъ утверждаютъ иные, былъ агентомъ Димитрія, ничего не было легче, какъ дать Смирному очную ставку съ его настоящимъ племянникомъ. Но Димитрій, вмѣсто того чтобы предпринять рѣшительный шагъ, робко принялъ брошенный ему вызовъ. Когда вышеупомянутый Хрущевъ былъ приведенъ къ нему, закованный въ кандалы, готовый во всемъ сознаться, то онъ выслушалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Я не присутствовалъ,—сказалъ Хрущевъ,—при отъѣздѣ Смирного, но онъ въ такомъ уваженіи у Бориса, что имѣеть доступъ въ покои, куда могутъ входить одни лишь высшіе сановники и фавориты. Изъ этого легко заключить можетъ ли существовать какое-нибудь родство между этимъ гонцомъ и царевичемъ; ибо если бы это было такъ, то онъ не имѣлъ бы доступа къ Борису и, по московскому обычаю, его скорѣе и скоренили бы со всѣми его домочадцами ¹⁾.

Это показаніе сбивчиво и можетъ быть истолковано двояко; очевидно, оно было сфабриковано для людей легковѣрныхъ; Димитрій игралъ словами. Въ самомъ дѣлѣ, Смирной не выдавалъ себя за дядю истиннаго царевича; его честолюбіе не простиралось такъ далеко, онъ говорилъ, что у него есть племянникъ, по имени Гришка, бѣглый монахъ, бѣжавшій изъ Москвы и выдававшій себя въ Польшѣ за царевича. Его слова были совершенно ясны, отвѣтъ же Димитрія былъ чрезвычайно уклончивъ.

Поэтому Борисъ Годуновъ не счелъ нужнымъ измѣнить своего мнѣнія о претендентѣ. Онъ упорно настаивалъ на томъ, что это былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Въ ноябрѣ 1604 г. въ Польшу былъ отправленъ второй гонецъ, съ коимъ мы встрѣтимся еще на сеймѣ и коему велѣно было сдѣлать то же заявленіе, какъ и Смирному. Въ то же время и въ Москвѣ сочли нужнымъ заявить о самозванствѣ Димитрія.

¹⁾ Собр. Гос. Грам. т. II, стр. 173, № 81.

Когда онъ сдѣлался такъ грозенъ, что Годуновъ счелъ нужнымъ вооружиться противъ него, то патріархъ Іовъ явился истолкователемъ мыслей царя и издалъ посланіе, въ которомъ онъ подробно излагалъ все то, что Смирной высказалъ въ общихъ чертахъ въ Краковѣ ⁴⁾. Онъ приводилъ имена очевидцевъ, которые могли подтвердить истину его словъ; это были по большей части чернецы, проживавшіе въ разныхъ монастыряхъ. Патріархъ упиралъ на ихъ показанія и въ величайшемъ негодованіи изрекалъ вѣчное проклятіе противъ отступника отъ вѣры, пособника сатаны, презрѣннаго искателя приключеній, хотѣвшаго завладѣть престоломъ, низвергнуть православную вѣру, воздвигнуть на развалинахъ православныхъ храмовъ синагоги и костелы. Эти слова должны были найти отголосокъ въ самыхъ сокровенныхъ священныхъ убѣжденіяхъ древнихъ москвитянъ, патріархъ не могъ бы произнести болѣе грозныхъ проклятій и въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ видѣлъ «несчастную овечку» у ногъ Рангони.

Но это грозное обвиненіе не дошло до стѣнъ Вавельскаго замка, если бы даже объ немъ узнали въ Краковѣ, то это никого бы не убѣдило. Не такъ горячо доскиваясь до истины, какъ Сапѣга, Сигизмундъ не старался разсѣять своихъ сомнѣній, такъ какъ они оставляли ему полную свободу дѣйствій. Въ исходѣ 1604 г. онъ имѣлъ случай высказаться публично. Въ это время должны были собираться сеймики. Эти провинціальныя собранія происходили передъ сеймомъ, большимъ національнымъ собраніемъ. Король сообщалъ имъ заранее вопросы, подлежащіе обсужденію на сеймѣ, заявлялъ имъ взглядъ правительства и въ случаѣ надобности оправдывалъ правительственныя дѣйствія. Въ инструкціяхъ, данныхъ 20-го декабря лифляндцамъ, дѣло Димитрія было представлено слѣдующимъ образомъ: Сигизмундъ высказывалъ прежде всего, что это фактъ хорошо всѣмъ извѣстный, и поэтому онъ старается только выяснить болѣшую или меньшую степень его вѣроятности; въ этой исторіи, — говоритъ онъ въ инструкціи, — нѣтъ ничего опредѣленнаго, несомнѣннаго, тѣмъ не менѣе, такъ какъ она касается вопроса о помощи, которой проситъ претендентъ, то король долженъ сознаться, что въ этомъ случаѣ мнѣнія раздѣлились, и хотя иные считали удобнымъ воспользоваться этимъ, но, не зная ничего положительно, онъ не рѣшался принять сторону Димитрія, а тѣмъ менѣе втянуть въ это дѣло республику. Тогда Димитрій обратился за помощью къ сенаторамъ; поэтому его предпріятіе является уже частнымъ дѣломъ, и король предупреждалъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ о томъ, что никто не долженъ дѣйствовать отъ его имени и отъ имени государства; Польша слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Въ другихъ инструкціяхъ, данныхъ 9-го декабря,

⁴⁾ Акты Арх. Экси., т. II, стр. 78, № 28.

король высказался еще опредѣленнѣе: онъ разрѣшалъ обсуждать предложенія царевича на сеймикахъ, подъ условіемъ, чтобы они не нарушили клятвы, данной королемъ, и общественной тишины; этимъ ясно намекалось на волненія въ Украинѣ и на перемиріе, заключенное съ Годуновымъ ¹⁾).

При всей видимой корректности этого заявленія, въ немъ было много недосказаннаго и много лукавства. Король ничего не говорилъ о тѣхъ милостяхъ, которыя были лично пожалованы имъ Димитрію, и о составленномъ ими проектѣ союза, онъ только давалъ понять, что личная инициатива не будетъ при извѣстныхъ условіяхъ стѣснена. Сеймики отнеслись къ этому событію равнодушно, они не выказали никакого сочувствія царевичу, не поощряли его предпріятія и преобладающею ноткою было неодобреніе его дѣйствій ²⁾). Поляки жаловались на казаковъ, изъ которыхъ были сформированы полки, разставленные по деревнямъ, жаловались на ихъ распутство и на чинимыя ими насилія, жаловались обвиняками на черезъ-чуръ смѣлыя дѣйствія Мнишека, которыя могли послужить для другихъ прискорбнымъ примѣромъ. Вѣрность данной клятвѣ, строгое соблюденіе международныхъ договоровъ, энергичное подавленіе внутреннихъ беспорядковъ — таковы были желанія, высказанныя сеймиками. Здравый смыслъ народа не одобрилъ двуличную политику короля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Архивъ Дом. Сацѣговъ, т. I, стр. 435--438, № 537.

²⁾ Краковъ, музей Чарторыйскихъ, № 320, f. 241, 246, 251, 259, 306, 315 и т. д.

Еврейскій самосудъ.

13-го декабря 1838 г. кievскій военный, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ разослалъ гг. губернаторамъ края циркуляръ, въ коемъ, между прочимъ, изображено:

«Въ одной изъ вѣрренныхъ управленію моему губерній нерѣдко возникаютъ случаи, что евреевъ находятъ умерщвленными въ ихъ школахъ и пришколкахъ. Злодѣяніе сіе тѣмъ важнѣе, что произведенное въ мѣстѣ, предназначенномъ для молитвы и изученія догматовъ религіи, имѣетъ видъ казни собственнымъ судомъ еврейскихъ раввиновъ, исполненной на основаніи лжеученія ихъ о истребленіи доносителей, обнаруживающихъ злоупотребленія своихъ единовѣрцевъ». Чѣмъ важнѣе злодѣяніе, тѣмъ сильнѣе ухищренія евреевъ къ закрытію виновниковъ и настоящихъ причинъ, побудившихъ къ оному. При всѣхъ усиліяхъ дѣятельнаго розысканія, они успѣвали затмить слѣдствіе до такой степени, что не только виновные въ умерщвленіи, но и самая личность умерщвленнаго остаются долгое время неизвѣстными.

Дабы воспрепятствовать сему сколь возможно, генераль-губернаторъ предлагаетъ губернаторамъ, чтобы въ городахъ, мѣстечкахъ и поселеніяхъ, гдѣ только находятся еврейскія школы, вынѣнть въ непремѣнную обязанность раввинамъ и кагаламъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—инымъ старшинамъ еврейскихъ обществъ,—пригласить особыхъ смотрителей для храненія ключей отъ школъ и пришколковъ, а равно завести сторожей. Отъ смотрителей полиціи надлежитъ отбирать подписки, возлагающія на нихъ отвѣтственность за происшествіе.

Сообщилъ А. Мердеръ.

Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ.

(Изъ моихъ воспоминаній) ¹⁾.

Въ декабрѣ 1857 года я выбранъ былъ горбатовскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а затѣмъ, въ январѣ 1858 года, по тому же уѣзду, и членомъ губернскаго комитета для составленія проекта Положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Съ того времени, т. е. собственно съ момента вступленія моего въ должность предводителя, начались мои официальные отношенія съ А. Н. Муравьевымъ. Знакомства частнаго между нами, можно сказать, почти не было; лежавшіе въ основѣ характера Муравьева деспотизмъ и неискренность не внушали мнѣ желанія искать сближенія съ нимъ, и при всемъ уваженіи, какимъ онъ пользовался въ мѣстныхъ интеллигентныхъ кружкахъ, какъ поборникъ либеральныхъ идей и человѣкъ многосторонне образованный, я ему не сочувствовалъ;

¹⁾ Мы получили настоящую статью при слѣдующемъ письмѣ автора:

„Милостивый государь! За послѣднее время, въ нашей періодической печати, появлялось не мало статей о бывшемъ нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ и о его дѣятельности въ эпоху крестьянской реформы. Бывъ однимъ изъ участниковъ этой реформы и однимъ изъ сослуживцевъ Муравьева, я не безъ интереса читалъ эти статьи, хотя и не раздѣляя всѣхъ взглядовъ ихъ авторовъ на дѣятельность Муравьева, которому я во многомъ не сочувствовалъ. Усматриваемая мною въ этихъ статьяхъ ошибочность и односторонность нѣкоторыхъ выводовъ и заключеній побудила меня, собравъ свои воспоминанія о Муравьевѣ, въ связи съ обстоятельствами нашей совместной дѣятельности, сказать, и съ своей стороны, объ этомъ, во всякомъ случаѣ замѣчательномъ человѣкѣ, нѣсколько словъ, которыми и прошу васъ покорнѣйше не отказать дать мѣсто въ вашемъ уважаемомъ журналѣ“.

Ред.

онъ это зналъ, поэтому и отношенія наши, съ самаго начала, были сдержанными, холодными и взаимно недоброжелательными. Расходясь во мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу, мы расходились и во взглядахъ по возникавшимъ между помѣщиками и крестьянами дѣламъ, и это несогласіе во взглядахъ, при условіяхъ того времени, весьма скоро привело и къ совершенному между нами разладу. Однимъ изъ крупныхъ поводовъ къ возникшей между нами розни было извѣстное Шереметевское дѣло, о которомъ я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, въ виду появившихся, впоследствии, въ печати, не вполне вѣрныхъ о немъ свѣдѣній.

Крестьяне принадлежавшаго С. В. Шереметеву ¹⁾ большого тор-

¹⁾ С. В. Шереметевъ владѣлъ значительными помѣстьями въ Нижегородской, Вятской и другихъ губерніяхъ. Старый конногвардеецъ (въ день 14-го декабря 1825 года первый съ своимъ дивизиономъ прибылъ на Дворцовую площадь), флигель-адъютантъ императора Николая I-го, Шереметевъ, глубоко возмущенный привлеченіемъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ не въ чемъ неповиннаго, брата своего Н. В. Шереметева (служившаго въ Кавалергарскомъ полку), оставилъ службу въ гвардіи и перешелъ въ армію, поступивъ въ войска, находившіяся подъ начальствомъ Витгенштейна, съ блескомъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ Турецкую кампанію; по выходѣ въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи Горбатовскаго уѣзда с. Лазаревъ; въ концѣ сороковыхъ годовъ былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ, много потрудился на пользу дворянства (основаніе Дворянскаго института, Дворянскаго банка и пр.) и оставилъ по себѣ память какъ объ одномъ изъ выдающихся его представителей.

Неоспоримыя достоинства ума и характера Шереметева омрачались крупными недостатками, и между ними не послѣднее мѣсто занимали необычайное упрямство и своеволие. Къ крестьянской реформѣ онъ относился несочувственно. По поводу ея, въ самомъ началѣ, произошелъ у него съ Муравьевымъ такой эпизодъ: извѣстно, что вскорѣ послѣ отсылки губернаторамъ циркуляровъ съ препровожденіемъ историческаго рескрипта на имя виленскаго генераль-губернатора и когда уже изъ нѣкоторыхъ губерній, въ томъ числѣ и впереди всѣхъ Нижегородской, получены были адреса дворянства съ выраженіемъ готовности приступить къ дѣлу объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ и даже послѣдовало разрѣшеніе на открытіе мѣстныхъ комитетовъ для составленія проектовъ Положенія, -- настала была въ Петербургѣ моментъ реакціи, когда консервативная партія надѣялась затормозить реформу; въ это время Шереметевъ былъ въ столицѣ. По возвращеніи оттуда, онъ тотчасъ же отправился къ Муравьеву и отъ имени его брата, Михаила Николаевича Муравьева (тогда — министръ государственныхъ имуществъ, впоследствии — виленскій генераль-губернаторъ; женатъ былъ на сестрѣ Шереметева) передалъ ему совѣтъ не торопиться распоряженіями по открытію комитета, при чемъ самымъ положительнымъ образомъ завѣрялъ его, что все дѣло откладывается въ дальній ящикъ. Сообщеніе это сильно смутило А. Н. Муравьева, и онъ было призадумался; но въ слѣдъ затѣмъ либеральное теченіе въ Петербургѣ рѣшительно взяло верхъ и, получивъ объ этомъ свѣдѣніе изъ ближайшаго источника, А. Н. Муравьевъ бодро и энергически

говопромышленнаго села Богородскаго (въ Горбатовскомъ уѣздѣ), до того времени никогда, несмотря на строгость управленія, не жаловавшіеся на своего помѣщика, которому въ значительной степени обязаны были своимъ благосостояніемъ, рѣшились, вслѣдствіе новыхъ, совершенно произвольныхъ его требованій и дошедшаго до нихъ слуха о враждѣ его съ Муравьевымъ,—обратиться непосредственно къ послѣднему съ просьбою о защитѣ ихъ отъ помѣщичьяго произвола. Выслушавъ ихъ и не сообщивъ мнѣ о томъ ни слова,—я жилъ тогда въ Нижнемѣ, заканчивая, въ качествѣ одного изъ редакторовъ, свои занятія по составленію Положенія о крестьянахъ,—Муравьевъ послалъ поданное ему прошеніе въ Петербургъ, при особомъ представленіи, въ послѣдствіе котораго, по сему дѣлу, командированъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, флигель-адъютантъ графъ А. П. Бобринскій (въ началѣ семидесятыхъ годовъ—министръ путей сообщенія). Послѣ совѣщанія съ Муравьевымъ по содержанію порученнаго ему дѣла, гр. Бобринскій вошелъ въ ближайшее со мною по одному объясненію. Муравьевъ, по словамъ его, желалъ производства надъ дѣйствіями Шереметева формальнаго слѣдствія; я, съ своей стороны, по обстоятельствамъ того времени и въ виду ожидаемаго уже вскорѣ освобожденія крестьянъ, считалъ производство такого слѣдствія нецѣлесообразнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудобнымъ и взглядъ мой вполне раздѣлялъ гр. Бобринскій, успѣвшій, несмотря на встрѣченное имъ первоначально недовѣрчивое къ себѣ отношеніе крестьянъ и начинавшееся было между ними волненіе, достигнуть полнаго ихъ умиротворенія путемъ взятыхъ имъ отъ Шереметева и въ моемъ присутствіи объявленныхъ крестьянамъ, письменныхъ обязательствъ, въ силу которыхъ, какъ мы надѣялись, должны были на будущее время прекратиться всякіе со стороны ихъ поводы къ жалобамъ. Крестьяне были искренне благодарны гр. Бобринскому за сдѣланныя имъ распоряженія; признательно было ему и мѣстное дворянство за тактичность и энергію, проявленные имъ въ дѣлѣ которое, при тогдашнихъ обстоятельствахъ легко могло бы отозваться неблагоприятнымъ образомъ на спокойствіи въ средѣ мѣстнаго населенія.

Не воплѣ, повидимому, такимъ исходомъ дѣла остался доволенъ Муравьевъ, и кѣмъ-то изъ его приближенныхъ послано было издававшееся въ то время въ Лондонѣ «Колоколу» тенденціозное о дѣйствіяхъ гр. Бобринскаго донесеніе, которое конечно дошло и до Петербурга.

приступилъ къ дѣйствіямъ по открытію комитета. Минутнаго своего въ этомъ дѣлѣ колебанія благодаря Шереметеву, Муравьевъ не могъ простить ему и, когда представился случай, радъ былъ ему насолить. У нихъ, впрочемъ, были, кажется, еще и старые счеты, съ 1825 года.

Распоряженія гр. Бобринскаго, однако, насколько мнѣ извѣстно, были одобрены, но за выраженный, въ посланномъ мною гр. Бобринскому адресѣ отъ горбатовскаго дворянства, отзывъ объ образѣ дѣйствій Муравьева въ отношеніи крестьянъ, мнѣ по Высочайшему повелѣнію объявленъ выговоръ.

Установившееся, благодаря распоряженіямъ гр. Бобринскаго, спокойствіе въ имѣніи Шереметева, къ сожалѣнію было не продолжительно. Шереметевъ былъ гордъ; подчинившись по необходимости требованіямъ гр. Бобринскаго, въ виду угрожавшаго ему худшаго исхода, т. е. формальнаго слѣдствія, котораго такъ желалъ Муравьевъ, онъ не могъ перенести нанесеннаго его самолюбію удара громкою огласкою этого дѣла, а духъ сопротивленія, который онъ сталъ встрѣчать въ средѣ своихъ крестьянъ и къ которому онъ не привыкъ, до крайности раздражалъ его. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда гр. Бобринскаго, какъ до меня стали доходить слухи о новыхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ Шереметева, а затѣмъ явились ко мнѣ и уполномоченные отъ крестьянъ съ жалобами на всякія своевольныя его распоряженія. Я тотчасъ же обратился къ нему съ настоятельными просьбами о немедленной отмѣнѣ этихъ распоряженій, но встрѣтилъ съ его стороны упорное сопротивленіе. Называя крестьянъ бунтовщиками и обвиняя Муравьева въ прямомъ ихъ подстрекательствѣ, онъ готовъ былъ винить и меня въ оказываемой имъ поблажкѣ¹⁾; опровергая всѣ мои доводы, онъ и слышать не хотѣлъ о какихъ бы то ни было уступкахъ; всѣ мои требованія и просьбы были напрасны.

Убѣдившись окончательно въ невозможности уговорить его, признавая невозможнымъ и дальнѣйшее его управленіе, но, оставаясь при прежнемъ своемъ мнѣніи о неудобствѣ, такъ сказать наканунѣ освобожденія крестьянъ, возбуждать слѣдственные дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, я рѣшился, предупредивъ о томъ Шереметева, еще въ послѣднюю минуту, войти непосредственно къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ того времени, высочайшаго соизволенія на представленіе этого дѣла обсужденію и рѣшенію собранія предводителей и депутатовъ дворянства, безъ производства формальнаго слѣдствія, на основаніи представленныхъ мною данныхъ. Необычностью своею, какъ по формѣ, такъ и по существу, такое мое представленіе могло поставить меня въ весьма щекотливое положеніе, но оно не встрѣтило возраженія

¹⁾ Шереметевъ, между прочимъ, сердился на меня за то, что при разѣздахъ моихъ я, въ селѣ Богородскомъ, останавливался у бывшаго его бурмистра, Маркова, умнаго и почтеннаго старика, отъ котораго, какъ онъ думалъ, я могъ слышать всю правду или всякую неправду объ его дѣйствіяхъ.

ни съ какой стороны, и на мое ходатайство весьма скоро послѣдовало разрѣшеніе въ смыслѣ сдѣланнаго мною представленія. Собраніе предводителей и депутатовъ, обсудивъ всесторонне обстоятельства этого прискорбнаго дѣла, пришло къ единогласному заключенію о необходимости устранить Шереметева отъ управленія имѣніемъ, при чемъ полагало для завѣдыванія таковымъ избрать особаго опекуна. Состоявшееся, на основаніи сего заключенія, постановленіе внесено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Комитетъ министровъ, положеніемъ коего, согласно рѣшенію собранія предводителей и депутатовъ, опредѣлено: устранить Шереметева отъ управленія его имѣніями, предоставить означенному собранію, для завѣдыванія таковыми, избрать благонадежнаго опекуна,—при чемъ постановленная мѣра примѣнялась и къ другимъ губерніямъ, въ которыхъ находились имѣнія Шереметева. Опекуномъ надъ нижегородскими его имѣніями избранъ былъ, по собственному желанію Шереметева,—горбатовскій помѣщикъ В. В. Аристовъ, самъ же онъ вскорѣ уѣхалъ совсѣмъ за границу.—Такъ кончилось, уже помимо Муравьева, это, въ свое время громкое, дѣло, которое, при всемъ упрямствѣ и своеволіи Шереметева, быть можетъ, въ самомъ его началѣ, разрѣшилось бы спокойно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ, сопровождавшихъ его, осложненій, если бы Муравьевъ не скрылъ отъ меня поданной ему крестьянами жалобы и тотчасъ же, какъ это и слѣдовало на основаніи установленнаго порядка, препроводилъ бы ее ко мнѣ; но онъ захотѣлъ поступить иначе... Правда, и я, съ своей стороны, нарушилъ установленный порядокъ, войдя, помимо Муравьева, непосредственно къ министру внутреннихъ дѣлъ съ вышесказаннымъ моимъ представленіемъ, но я не считалъ полезнымъ какое бы то ни было дальнѣйшее вмѣшательство Муравьева въ это дѣло. Оно породило разладъ, отразившійся и на всѣхъ послѣдующихъ нашихъ отношеніяхъ, которыя, подъ влияніемъ обстоятельствъ, болѣе и болѣе обострялись, а со вступленія моего (въ январѣ 1861 года) въ должность губернскаго предводителя—стали прямо враждебными ¹⁾).

А. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ ума незауряднаго, но мечтательнаго. Старый масонъ, съ натурой увлекающейся, но съ характеромъ настойчивымъ и упорнымъ, Муравьевъ, несмотря на свой возрастъ (въ ту пору, къ которой относятся эти воспоминанія, ему было лѣтъ подлѣ 70), былъ полонъ жизни и энергіи, изумлявшей старыхъ его товарищей-де-

¹⁾ При представленіи моемъ, по утвержденіи меня въ должности, министра внутреннихъ дѣлъ, Ланской, со свойственнымъ ему прямодушіемъ, откровенно высказалъ мнѣ, что избраніе мое встрѣчено было Муравьевымъ болѣе чѣмъ несочувственно. Чтó писалъ ему Муравьевъ по этому случаю, мнѣ не извѣстно.

кабристовъ, въ то время возвращавшихся изъ ссылки ¹⁾). Крестьянская реформа имъ встрѣчена была съ восторгомъ, и съ перваго же момента онъ всецѣло посвятилъ ей свою дѣятельность. Мечтою его было: полное освобожденіе крестьянъ, съ землею и съ немедленнымъ прекращеніемъ всякихъ къ помѣщикамъ обязательствъ; отвѣчая дѣйствительнымъ, всеобщимъ ожиданіямъ крестьянъ, такое разрѣшеніе вопроса сразу, по его убѣжденію, создавало и ихъ благоденствіе! Не извѣстно, насколько при этомъ принимаемы имъ были во вниманіе экономическія, финансовыя и другія связанныя съ вопросомъ соображенія; во всякомъ случаѣ, оставаясь неуклонно вѣрнымъ своей идеѣ, онъ не сочувствовалъ, да и не могъ сочувствовать никоторому изъ мнѣній, выразившихся въ губернскомъ комитетѣ, хотя и былъ на сторонѣ меньшинства его членовъ, представлявшагося ему болѣе широкимъ и либеральнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, и которое онъ энергически поддерживалъ противъ большинства, допускавшаго, въ первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, существенныя уклоненія отъ указанныхъ для реформы основныхъ началъ.

Не буду здѣсь рассказывать исторію дѣятельности Нижегородскаго комитета, не имѣя подъ рукою необходимыхъ для сего документовъ и не считая возможнымъ, въ данномъ случаѣ, руководиться одними воспоминаніями. Отмѣчу лишь, что не столько принципиальное по тѣмъ или другимъ вопросамъ разногласіе, сколько недовѣріе большинства къ Муравьеву, приписываемое ему вліяніе на меньшинство и косвенное его, чрезъ нѣкоторыхъ членовъ, вмѣшательство въ дѣйствія комитета было причиною той крайней раздражительности въ преніяхъ, происходившихъ между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ комитета, въ первой половинѣ его дѣятельности, которая привела къ полному между обѣими сторонами разрыву ²⁾). Разрывъ этотъ сдѣлалъ невозможными дальнѣйшія совмѣстныя занятія, и о такомъ положеніи дѣла Муравьевымъ доведено было до свѣдѣнія высшаго правительства, распоряженіями котораго всѣ, отдѣльныя отъ меньшинства, дѣйствія большинства признаны были незаконными, при чемъ членамъ послѣдняго, подписавшимъ весьма рѣзкій (въ сущности относившійся къ Муравьеву) отзывъ о направленіи дѣятельности меньшинства, по высочайшему повелѣнію объявлено строгое замѣчаніе.

Послѣ этого, съ прекращеніемъ всякихъ дальнѣйшихъ пререканій, комитетъ приступилъ къ спокойному, по одной общей программѣ, обсу-

¹⁾ Анненковъ, Трубецкой, Волконскій и др.; почти всѣ они проѣзжали черезъ Нижній.

²⁾ Я принадлежалъ къ составу большинства, хотя и не сочувствовалъ многимъ его крайностямъ и увлеченіямъ, и оставался въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами меньшинства, о которыхъ и теперь вспоминаю съ уваженіемъ.

денію подлежащихъ вопросовъ для составленія проекта Положенія. Полнаго между большинствомъ и меньшинствомъ соглашенія, по многимъ вопросамъ, какъ-то относительно срока временно-обязаннаго періода, размѣра надѣловъ и ихъ выкупа, вотчинной полиціи и др., достигнуто не было, и меньшинствомъ составленъ былъ особый проектъ, съ объяснительной къ нему запискою, начертанной въ либеральномъ духѣ. Въ виду значительнаго, въ этомъ проектѣ, сокращенія срока временно-обязаннаго періода, совершеннаго въ немъ устраненія всякой надъ крестьянами помѣщичьей опеки и предоставленнаго крестьянамъ выкупа надѣловъ, Муравьевъ не могъ не отдать ему предпочтенія, но идеаламъ его онъ все-таки не соотвѣтствовалъ, и если проектъ большинства совершенно не укладывался въ его понятія и подвергался открытому съ его стороны порицанію, то и проектъ меньшинства, во всякомъ случаѣ, далеко не удовлетворялъ его.

«Положеніе 19-го февраля» не оправдало ожиданій Муравьева. Разочарованіе его, по полученіи «Положенія», было глубокое. Прочитавъ его, онъ заплакалъ и только сказалъ: бѣдные крестьяне! ¹⁾.

Вышесказаннымъ о характерѣ и взглядахъ Муравьева объясняется и характеръ его дѣятельности въ наступавшее переходное время въ періодѣ приведенія въ исполненіе реформы.

Въ этой своей дѣятельности Муравьевъ, правда, былъ въ значительной степени стѣсненъ безусловною корректностью личнаго состава губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, члены котораго, не исключая и избранныхъ имъ самимъ ²⁾, считали необходимымъ, въ примѣненіи статей «Положенія», строго держаться точнаго ихъ смысла, не допуская малѣйшаго произвола въ ихъ толкованіи, а по одному изъ важнѣйшихъ первоначальныхъ распоряженій, несомнѣнно долженствовавшему имѣть существенное вліяніе на весь ходъ дѣла по исполненію реформы,—а именно относительно выбора лицъ на должность мировыхъ посредниковъ, власть его была ограничена обязательствомъ соглашенія съ уѣздными предводителями ³⁾. За то въ самостоятельныхъ

¹⁾ Это передавалъ мнѣ баронъ Г. О. Розень, бывшій въ интимныхъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ. Товарищъ мой по Лицею (XVI курса), баронъ Розень былъ въ то время управляющимъ Нижегородскою удѣльною контрою,—впослѣдствіи директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ.

²⁾ Членами губернскаго присутствія, отъ дворянства, были: М. Д. Языковъ и А. В. Демидовъ; членами отъ правительства: И. А. Анненковъ (декабристъ) и Н. Н. Жадовскій.

³⁾ Назначеніе Муравьевымъ, въ представленію на должность мировыхъ посредниковъ, нѣкоторыхъ лицъ, помимо и даже вопреки согласію уѣздныхъ предводителей, встрѣтило со стороны послѣднихъ единодушный отпоръ. Вслѣдствіе возникшаго по сему дѣлу столкновенія, мною послана была министру внутреннихъ дѣлъ, Валуеву, за подписью моею и всѣхъ уѣздныхъ пред-

своихъ дѣйствіяхъ, онъ могъ, не стѣсняясь, давать полный просторъ своимъ личнымъ взглядамъ и чувствамъ.

Еще до обнародованія «Положенія 19-го февраля» происходили, какъ извѣстно, между помѣщичьими крестьянами попытки къ уклоненію отъ исполненія повинностей, сопровождавшіяся нерѣдко и безпорядками. Явленіе это, развивавшееся подъ вліяніемъ толковъ объ ожидаемой вольности, стало во многихъ мѣстностяхъ, въ большей или меньшей степени, усиливаться вскорѣ послѣ объявленія «Положенія». Уклоненія крестьянъ отъ исполненія повинностей, а равно сопровождавшіе ихъ безпорядки происходили и въ Нижегородской губерніи; но къ первымъ Муравьевъ относился болѣе, чѣмъ равнодушно, а послѣднимъ онъ не придавалъ должнаго значенія, отвергая и необходимость какихъ бы то ни было болѣе или менѣе строгихъ по ихъ поводу мѣръ. Смотра на крестьянъ, какъ на обиженныхъ, а на помѣщиковъ, вообще, какъ на неисправимыхъ крѣпостниковъ, не желавшихъ и послѣ освобожденія крестьянъ поступиться выгодами, извлекаемыми изъ крѣпостнаго права, или отказаться отъ привычекъ къ произволу, онъ винилъ послѣднихъ во всѣхъ происходившихъ безпорядкахъ. Излишняя, быть можетъ, и несомѣстимая съ новыми условіями жизни и отношеній съ крестьянами требовательность со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ дѣйствительно иногда могла быть поводомъ къ столкновеніямъ между ними; но и такія, во всякомъ случаѣ, единичныя явленія не давали права огульно обвинять помѣщиковъ и не принимать должныхъ мѣръ къ огражденію законныхъ ихъ интересовъ. Предпріятыя наконецъ Муравьевымъ по примѣру другихъ губернаторовъ (и кажется, вслѣдствіе циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ) объѣзды волостей, для разъясненія крестьянамъ правъ и обязанностей, вытекавшихъ изъ «Положенія», и для вразумленія вышедшихъ изъ повиновенія, производили скорѣе, можно сказать, деморализующее дѣйствіе⁴⁾ такъ какъ увѣщанія его обыкновенно ограничивались просьбами, мало убѣдительными, при чемъ происходившіе безпорядки почти всегда оставались безнаказанными. Очевидцы рассказывали, что когда крестьяне, оправдываясь въ своихъ ослушаніяхъ требованіямъ помѣщика или мѣстнымъ властямъ⁴⁾, жалобами на тягость повинностей, становились

водителей, телеграмма, съ выраженіемъ протеста противъ произвольнаго образа дѣйствій Муравьева. Въ отвѣтъ на нее, получено было Муравьевымъ, по телеграфу же, отъ министра внушительное разъясненіе, вслѣдствіе котораго требованія предводителей были уважены.

⁴⁾ Въ промежутокъ времени между обнародованіемъ Положенія 19-го февраля и вступленіемъ въ должность мировыхъ посредниковъ, забота о порядкѣ и спокойствіи въ уѣздахъ фактически лежала на уѣздныхъ предводителяхъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нарушенный порядокъ немедленно ими

передъ нимъ на колѣни, онъ выслушивалъ ихъ съ обнаженною головой и со слезами на глазахъ и послѣ долгихъ переговоровъ объ исполненіи законныхъ требованій, заканчивалъ свои увѣщанія словами: ну,—вы для меня это сдѣлайте!

Послѣдствія такого рода увѣщаній не могли быть благотворными. Отъ нихъ распространялись самыя вредныя толки. Неисполненіе требованій помѣщиковъ и ослушаніе властямъ не прекращались, скорѣе усиливались тамъ, гдѣ проѣзжалъ Муравьевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и ропотъ въ средѣ помѣщиковъ, не безъ основанія, въ виду образа дѣйствій губернатора, начавшихъ опасаться не только развитія безпорядковъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но и возможности серьезныхъ осложненій въ исполненіи самой реформы.

Въ этихъ обстоятельствахъ я счелъ необходимымъ отправиться въ Петербургъ переговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

По прибытіи въ столицу, я тотчасъ же представился П. А. Валуеву, котораго видѣлъ еще въ первый разъ. Недавнее назначеніе на особенно въ то время важный и трудный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, этого выдающагося своими блестящими качествами государственнаго человѣка, считалось, какъ извѣстно, однимъ изъ признаковъ наступившаго, вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19-го фѣвраля, поворота во внутренней нашей политикѣ. Дѣйствительно, преобладавшее дотолѣ, въ правительственныхъ сферахъ, пренебрежительное, такъ сказать, отношеніе къ дворянству и къ его интересамъ, усердно поддерживаемое извѣстною частью нашей прессы, смѣнилось, или, по крайней мѣрѣ, стало смѣняться, болѣшимъ къ нему вниманіемъ. П. А. Валуевъ былъ однимъ изъ представителей новаго направленія; но онъ имѣлъ противъ себя сильную свою сплоченностью и еще весьма вліятельную партію, не только недовольную, но и раздраженную его назначеніемъ; поэтому, въ первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не проявлялъ той самостоятельности, съ которою онъ весьма скоро выступилъ въ борьбѣ съ враждебными ему теченіями. Выслушавъ меня со вниманіемъ и не высказавшись категорически, онъ далъ мнѣ совѣтъ представиться государю и при этомъ случаѣ доложить ему объ обстоятельствахъ, вызы-

---

возстановлялся безъ всякаго содѣйствія полиціи; въ другихъ же имъ приходилось прибѣгать къ содѣйствію полицейскихъ властей, не всегда однако успѣшному.

Уѣздными предводителями, съ 1861 года, были: Нижегородскаго уѣзда—Астафьевъ; Горбатовскаго—Турчаниновъ (впослѣдствіи—губернскій предводитель); Балахинскаго—Гривевичъ; Семеновскаго—Каратаевъ; Макарьевскаго—Бѣлавинъ; Княгининскаго—Ладыженскій; Сергачскаго—Ахматовъ; Арзамаскаго—Хотяинцовъ; Ардатовскаго—графъ Ланской (сынъ министра), Лукояновскаго—Панютинъ и Васильскаго—Нертовскій.

вающихъ неудовольствія дворянства; но вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтоваль мнѣ предварительно повидаться съ графомъ В. Н. Панинымъ и княземъ В. А. Долгорукимъ¹⁾. Я не имѣлъ въ виду въ этотъ разъ представляться государю, тѣмъ болѣе, что его въ то время не было въ Петербургѣ,—онъ находился въ Москвѣ; но я счелъ долгомъ послѣдовать указаніямъ министра. Прежде всего отправился я къ графу Панину, а затѣмъ, уже въ Москвѣ, и къ находившемуся тамъ съ государемъ, князю Долгорукуму²⁾. Надо сказать, что какъ графъ Панинъ, такъ и князь Долгорукій были нижегородскими помѣщиками и обо всемъ происходившемъ въ губерніи были уже достаточно освѣдомлены. Оба они одобрили данный мнѣ Валуевымъ совѣтъ представиться государю; но при этомъ я не могъ не замѣтить, насколько, вообще, въ тогдашнихъ правящихъ сферахъ относились сдержанно къ личности Муравьева, въ виду того значенія, какое придавалось его дѣятельности въ періодъ подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, и того особаго вниманія, какимъ онъ пользовался при Ланскомъ³⁾.

Въ назначенный мнѣ день, я поѣхалъ въ Александрію (такъ, кажется, назывался дворецъ государя въ Нескучномъ). Я нашелъ пріемную возлѣ кабинета государя переполненною; въ средѣ находившихся тамъ лицъ (преимущественно военныхъ) я замѣтилъ какое-то возбужденное состояніе; сходились группами и о чемъ-то вполголоса оживленно разговаривали; предметомъ разговора, какъ узналъ я, было только-что полученное государемъ,—и кажется, вслѣдъ за извѣстіемъ о

¹⁾ Графъ В. Н. Панинъ — министръ юстиціи; князь В. А. Долгорукій — главноуправляющій III отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи.

²⁾ Государь Александръ Николаевичъ въ маѣ и іюнѣ 1861 года имѣлъ пребываніе въ с. Нескучномъ, подъ Москвою.

³⁾ Политическое, такъ сказать, значеніе Муравьева при Ланскомъ—достаточно извѣстный фактъ. Извѣстно также и все къ нему личное расположеніе со стороны послѣдняго. Могла ли на взаимныя ихъ отношенія имѣть какое-либо вліяніе старая масонская связь, — вопросъ, который рѣшать не берусь; но Муравьевъ твердо опирался на Ланскаго, а послѣдній относился къ нему съ исключительнымъ довѣріемъ. Рассказывали, между прочимъ, что пріѣзжавшимъ въ Петербургъ губернаторамъ изъ приволжскихъ губерній Ланской, на вопросы, касавшіеся общаго направленія крестьянскаго дѣла, отвѣчалъ совѣтомъ, на обратномъ пути, проѣздомъ черезъ Нижній, повидаться съ Муравьевымъ. Смѣщеніе Ланскаго, съ замѣною его Валуевымъ, было для Муравьева громовымъ ударомъ. Извѣстіе о состоявшейся перемѣнѣ было мною получено во время обѣда, даннаго дворянствомъ въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней; прочитавъ поданную мнѣ телеграмму, я передалъ ее одному изъ сидѣвшихъ противъ меня уѣздныхъ предводителей, а отъ него она пошла по рукамъ; Муравьевъ спросилъ меня, что это за телеграмма? Я сообщилъ ему ея содержаніе; онъ не сказалъ ни слова; обѣдъ близился къ концу, и послѣ обѣда, ни съ кѣмъ не простившись, онъ моментально уѣхалъ.

кончинѣ намѣстника, князя Горчакова, извѣстіе о какихъ-то происшедшихъ въ Варшавѣ серьезныхъ безпорядкахъ. Невольно подумалъ я, что представленіе мое, въ такую минуту, можетъ оказаться не совсѣмъ своевременнымъ. Но думать мнѣ пришлось не долго; меня позвали къ государю.

Едва я вошелъ въ кабинетъ, и, притворивъ за собою дверь, успѣлъ поклониться и сдѣлать шагъ, чтобъ ближе подойти къ государю, такъ какъ онъ стоялъ въ самомъ концѣ (довольно длиннаго) кабинета,—какъ онъ остановилъ меня слѣдующими, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ произнесенными, словами:

— Вы пріѣхали жаловаться на губернатора? У васъ тамъ завелись личности? Вы заводите раздоры въ дѣлѣ, въ которомъ я призвалъ дворянство мнѣ содѣйствовать! Я хочу спокойнаго его окончанія, и ваша обязанность—способствовать достиженію моей цѣли, а не наоборотъ! Вы понимаете?.. Я жду отъ васъ содѣйствія моимъ видамъ, а не противодѣйствія!

Послѣднее слово произнесено было государемъ съ особеннымъ удареніемъ.

Нужно ли говорить о томъ состояніи, въ какое меня повергъ гнѣвный пріемъ государя?

— Дозвольте мнѣ, ваше величество,—въ глубокомъ смущеніи промолвилъ я,—сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе.

— Говорите,—отвѣчалъ государь.

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что нижегородское дворянство первое отозвалось на призывъ вашъ приступить къ дѣлу преобразованія быта крестьянъ.

— Знаю и помню это,—прервалъ меня государь.

— По обнародованіи высочайшаго манифеста и Положенія 19-го февраля,—продолжалъ я,—нижегородское дворянство повергло къ стопамъ вашего величества выраженіе своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ⁴⁾. Оно проникнуто сознаниемъ своего долга и обязанностей, на него возложенныхъ священною волею вашего величества. Но оно не встрѣчаетъ должнаго вниманія къ законнымъ своимъ интересамъ со стороны мѣстной административной власти, односторонній образъ дѣйствій которой, въ ущербъ законнымъ правамъ помѣщиковъ и въ противность требованіямъ порядка, а равно и спокойствія въ ихъ имѣ-

---

⁴⁾ По объявленіи манифеста, я, по желанію наличнаго дворянства, послалъ министру внутреннихъ дѣлъ, Ланскому, телеграмму, съ просьбою повергнуть къ стопамъ государя императора выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ дворянства; текста этой телеграммы я не припомню; отвѣта на нее я не получилъ.

ніяхъ, возбуждая справедливый противъ нея ропотъ, подрываетъ и довѣріе къ этой власти со стороны дворянства.

Тутъ, не помню въ какихъ именно словахъ, я доложилъ государю объ отношеніи Муравьева къ дѣламъ по уклоненію крестьянъ отъ исполненія повинностей, не скрывая и возбуждаемаго, вообще, одностороннимъ направленіемъ его дѣйствій, опасенія возможныхъ осложненій въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по исполненію реформы.

Пока я говорилъ, государь подходилъ все ближе, и при послѣднихъ моихъ словахъ онъ стоялъ уже совсѣмъ лицомъ къ лицу со мной. Выраженіе его было строгое, но спокойное и, когда я кончилъ, онъ только сказалъ:

— Но вы меня поняли, вы знаете, чего я хочу, чего я требую и чего отъ васъ жду. Прощайте. Я—надѣюсь на васъ.

Тутъ государь милостиво подаль мнѣ руку.

Я вышелъ изъ кабинета государя взволнованнымъ пережитыми впечатлѣніями. Ко мнѣ подошелъ князь Долгорукій.

— Ну что?—спросилъ онъ.

Я рассказалъ все, какъ было.

— Что же,—успокоивалъ онъ меня,—вы исполнили свой долгъ; остальное предоставьте государю.

На другой день послѣ моего представленія, приѣхалъ въ Москву и П. А. Валуевъ. Находившіеся въ то время въ Москвѣ нижегородскіе дворяне, изъ которыхъ нѣкоторые были поставлены въ крайне стѣсненное положеніе неполученіемъ изъ своихъ имѣній слѣдующихъ имъ оброковъ и невозможностью срочной уплаты по долгамъ Опекунскому совѣту, просили меня представить ихъ министру, для личнаго изложенія ему своихъ жалобъ. Во главѣ ихъ былъ баронъ А. И. Дельвигъ (впослѣдствіи—управляющій министерствомъ путей сообщенія), въ краткой, но сильной рѣчи изложившій министру сущность неудовольствій дворянъ. Съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, въ выраженіяхъ успокоительныхъ и лестныхъ для дворянства, но по существу весьма сдержанно отвѣчалъ ему Валуевъ, и самъ тогда еще не чувствовавшій подъ собою достаточно твердой почвы, и представлявшіеся дворяне, очарованные его любезнымъ пріемомъ и краснорѣчіемъ, остались отвѣтомъ его лишь полудоуодовлетворенными.

Для черезъ три послѣ этого я выѣхалъ обратно въ Нижній. На пути я встрѣтился съ Муравьевымъ (желѣзной дороги тогда еще не было), мчавшимся въ Москву, вѣроятно по вызову; думаю, что и онъ меня узналъ, но мы разѣхались такъ быстро, что не успѣли поклониться другъ другу.

По возвращеніи Муравьева, мы довольно долго не видѣлись. При первомъ свиданіи никакихъ у насъ разговоровъ и объясненій не было.

Никакихъ затѣмъ и столкновеній не происходило; но отношенія стали до крайности тяжелыми.

Мѣсяца два спустя, во время ярмарки, пріѣхалъ въ Нижній наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ. Онъ предпринималъ путешествіе по Волгѣ, въ сопровожденіи своего попечителя графа С. Г. Строганова, флигель-адъютанта полковника О. Б. Рихтера (нынѣ генераль-адъютантъ, состоящій при особѣ его величества), секретаря своего Ѡ. А. Оома и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Во время трехдневнаго своего пребыванія въ Нижнемъ, цесаревичъ принялъ приглашеніе на обѣдъ къ Муравьеву; къ этому обѣду Муравьевъ счелъ нужнымъ пригласить и меня. Обѣдъ имѣлъ частный, какъ бы семейный характеръ, такъ какъ на немъ находились только члены семьи Муравьева и лица свиты его высочества, и затѣмъ, кромѣ меня, никакихъ другихъ постороннихъ лицъ не было. Обѣдъ прошелъ неоживленно; была какая-то натянутость; мнѣ же въ этотъ день нездоровилось, и я почти не прикасался ни къ одному блюду. Цесаревичъ это замѣтилъ и, зная о моихъ съ Муравьевымъ отношеніяхъ, послѣ обѣда сказалъ, смѣясь, кому-то изъ приближенныхъ, что я, вѣроятно, держусь обычаетъ азіатовъ, которые, какъ извѣстно, у враговъ не ѣдятъ.

Съ соизволенія его высочества, я сопровождалъ его до границы Казанской губерніи. Когда пароходъ сталъ приближаться къ границѣ, гдѣ я долженъ былъ высадиться, о чемъ было доложено цесаревичу, онъ пригласилъ меня въ каюту и, прощаясь со мною, сказалъ:

— Могу васъ успокоить насчетъ Муравьева; онъ у васъ не останется; это—дѣло рѣшеное; мнѣ сказала объ этомъ императрица, передъ отъѣздомъ моимъ въ Нижній; сообщаю объ этомъ вамъ, не какъ губернскому предводителю, а какъ г. Стремоухову¹⁾.

Вскорѣ послѣ отъѣзда цесаревича, я получилъ частное, а затѣмъ, въ началѣ сентября, получено въ Нижнемъ и официальное извѣстіе объ отозваніи Муравьева, съ назначеніемъ его присутствовать въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

На мѣсто Муравьева назначенъ былъ генералъ Одинцовъ, человѣкъ ума практическаго, характера спокойнаго, съ прямымъ и безпристрастнымъ взглядомъ, при которомъ исполненіе Положенія 19-го февраля и доведено до благополучнаго окончанія²⁾.

П. Д. Стремоуховъ.

¹⁾ Объ этомъ уже было мною разсказано въ небольшой, по поводу пребыванія покойнаго цесаревича въ Нижнемъ, замѣткѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ 1899 г. № 3.

²⁾ А. А. Одинцовъ пользовался всеобщою любовью. Я прослужилъ съ нимъ до конца 1862 года, когда я былъ назначенъ губернаторомъ въ Рязань, и не помню, чтобъ когда-нибудь, не только между нимъ и мною, но между нимъ и кѣмъ-либо изъ уѣздныхъ предводителей или мировыхъ посредниковъ возникало хотя бы малѣйшее недоразумѣніе.

Народные подвиги въ 1812 году.

Предложеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду.

С.-Петербургъ, 4-го іюня 1813 г.

Вслѣдствіе опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 3-го апрѣля, я препроводилъ къ управляющему военнымъ министерствомъ французскій знакъ и ландкарту Россіи, отбитыя Сычевскаго уѣзда села Савенокъ, пономаремъ Алексѣемъ Смирягинымъ обще съ крестьянами означеннаго села у французскаго офицера, предводительствовавшаго непріятельскою партіею.

Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ увѣдомляетъ, что онъ доводилъ о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, и что государь императоръ высочайше соизволилъ наградить пономаря Смирягина знакомъ отличія военнаго ордена, а крестьянамъ, участвовавшимъ въ семъ дѣлѣ, дать похвальный листъ.

Получивъ отъ князя Горчакова грамоту съ упоминаемымъ знакомъ, я препроводилъ оную къ смоленскому епископу для доставленія Смирягину, о чемъ долгомъ считаю во извѣстіе предложить Святѣйшему Синоду. К. Александръ Голицынъ.

О народномъ просвѣщеніи въ Россіи.

*(Всепоподаннѣйшая записка попечителя Харьковскаго университета
Перовскаго).*

20-го апрѣля 1826 г.

Исполняя высочайшую волю вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь всепоподаннѣйше представить мнѣніе мое о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. Для лучшаго объясненія мыслей моихъ по сему предмету, почитаю необходимымъ коснуться, хотя слегка, того направленія, какое приняла учебная часть въ началѣ царствованія въ божѣ почивающаго императора Александра Павловича,—замѣтить ходъ оной въ продолженіе упомянутаго царствованія и наконецъ вкратцѣ изложить средства къ исправленію недостатковъ по сей части.

Восшествіе на престолъ покойнаго императора составляетъ совершенно новую эпоху въ просвѣщеніи нашего отечества. Пламенная душа юнаго монарха восхотѣла, чтобы степень просвѣщенія народовъ, подвластныхъ его скипетру, соотвѣтствовала могуществу онаго и въ короткое время самодержавная воля воздвигла и образовала училища и университеты во всѣхъ концахъ Имперіи. Назначены для сихъ заведеній суммы, призваны иностранные профессеры и наставники, и молодые люди, которыхъ родители спѣшили воспользоваться привилегіями, государемъ дарованными, отсюду стекались въ сіи училища. Началось производство въ ученые степени, открылась щедрая раздача дипломовъ: кандидатамъ, магистрамъ и докторамъ, загремѣли похвальные рѣчи, въ которыхъ прославлялось быстрое возвышеніе просвѣщенія, и наружный блескъ сей подалъ поводъ къ ложному мнѣнію, будто бы въ самомъ дѣлѣ Россія просвѣщается. Но при новомъ образованіи учебной части, упущены были изъ виду два коренныя и ничѣмъ не опровергаемыя правила:

1) Что истинное просвѣщеніе (я разумѣю такое, которое клонилось бы къ благоденствію народа, еще мало образованнаго) не состоитъ въ количествѣ умствователей и полуученыхъ писателей; 2) Что система народнаго просвѣщенія необходимо должна быть примѣнена къ системѣ правительства и что тѣ же самыя правила, которыя могутъ возвысить одно государство, служатъ къ потрясенію другаго, на иныхъ основахъ утвержденнаго.

По мнѣнію моему, цѣль учебныхъ заведеній въ Россіи, относительно просвѣщенія народнаго, главнѣйше должна состоять въ распространеніи познаній, на положительныхъ и точныхъ наукахъ основанныхъ. Мы имѣемъ нужду въ медикахъ, химикахъ, технологахъ; но весьма сомнительно, чтобы появленіе въ отечествѣ нашемъ русскихъ Кантовъ и Фихте принесло какую-либо оному пользу. Отвлеченныя науки, какъ напримѣръ: метафизика и другія, принадлежатъ, такъ сказать, къ роскоши ума человѣческаго; а роскошь сія, не ограниченная предѣлами умѣренности и не приспособленная къ нуждамъ народа еще юнаго, не можетъ не быть вредна для онаго. И потому упущеніе изъ виду различія, какое (преимущественно въ Россіи) надлежало бы наблюдать между науками точными и отвлеченными, составляетъ одну изъ ошибокъ, сдѣланныхъ у насъ при образованіи университетовъ. Я не говорю, что надлежитъ запретить преподаваніе наукъ отвлеченныхъ и уничтожить кафедры оныхъ, при университетѣ учрежденныя; но полагаю, что необходимо нужно бы было заключить преподаваніе сіе въ предѣлы, самимъ правительствомъ назначенные и рѣзкими чертами отдѣленные отъ всякаго самовольнаго лжемудрствованія. Руководствуясь примѣрами другихъ государствъ, мы долженствовали бы принять въ образецъ учебныя заведенія Австріи, въ которыхъ никогда не возникало и тѣни безпорядковъ, справедливо обратившихъ, въ послѣднія времена, вниманіе правительства на прочіе германскіе университеты; но вмѣсто того мы сдѣлались подражателями университетовъ Геттингенскаго, Іенскаго и имъ подобныхъ, не взирая на то, что ни системы тѣхъ государствъ, ни потребности тѣхъ народовъ не имѣютъ сходства съ нашими. Мы даже превзошли недостатками самыя образцы наши, ибо въ тѣхъ университетахъ профессеры не имѣютъ иныхъ обязанностей, кромѣ преподаванія наукъ, тогда когда у насъ управленіе учебнымъ округомъ ввѣрено имъ непосредственно и почти независимо отъ высшаго начальства. Посему наши профессеры, находя болѣе выгодъ, болѣе пищи для самолюбія въ занятіи разнообразными предметами по управленію округомъ, пренебрегаютъ упражненіями учеными, которыя долженствовали бы составлять единственную ихъ обязанность.

Нѣкоторыя изъ привилегій, дарованныхъ университетамъ, по мнѣнію моему, также не только бесполезны для распространенія отече-

ственного просвѣщенія, но могутъ даже нанести существенный вредъ. Въ иностранныхъ государствахъ степени магистра, доктора и тому подобныя суть не что иное, какъ ученые титулы, не дающія особенныхъ правъ и потому никакого вліянія на духъ и характеръ народный не имѣющія; у насъ же съ сими степенями соединяются вмѣстѣ и чины; а что всего важнѣе, нѣкоторымъ изъ нихъ присвоено даже дворянское достоинство. Итакъ дарованіе потомственного дворянства,—сіе важное право, которое въ цѣломъ свѣтѣ государи предоставляютъ собственно себѣ, зависитъ у насъ отъ частныхъ лицъ! Въ государствѣ, управляемомъ самодержавною властію, одна особа монарха должна быть для подданныхъ единственнымъ источникомъ столь важныхъ преимуществъ, каковы суть чины и дворянство, и пренебреженіе сей неопровергаемой истины можетъ имѣть самое пагубное вліяніе на нравственность народа.

Не смѣю обременять вниманіе вашего императорскаго величества подробнымъ исчисленіемъ всего, что, по моему мнѣнію, въ устройствѣ учебныхъ заведеній нашихъ находится несообразнаго съ духомъ монархическаго правленія и истинною цѣлію народнаго просвѣщенія. Цѣль сія во всѣхъ земляхъ должна состоять въ воспитаніи настоящаго поколѣнія, соотвѣтственно системѣ того государства, которому, по опредѣленію Провидѣнія, оно принадлежитъ. Въ Россіи же, при образованіи юношества надлежитъ въ особенности избѣгать всего, что только, какимъ бы то ни было образомъ, можетъ ослабить приверженность къ престолу, сему краеугольному камню всего огромнаго зданія. Каждое отступленіе отъ сего правила, рано или поздно, должно произвести вредныя послѣдствія, и потому-то производство въ чины и возведеніе въ дворянское достоинство, мимо государя, считаю я рѣшительно вреднымъ. Молодой человекъ, выпущенный изъ пансіона титулярнымъ совѣтникомъ или получившій въ университетѣ степень доктора, дающую ему чинъ коллежскаго асессора и съ тѣмъ вмѣстѣ потомственное дворянство, не приписываетъ сей милости щедротамъ государя, но мнимымъ заслугамъ своимъ, а таковая самонадѣянность при самомъ вступленіи на поприще службы, вѣроятно, не способствуетъ къ содѣланію его ревностнымъ чиновникомъ и подданнымъ, преданнымъ особѣ монарха, мимо котораго онъ достигъ незаслуженнаго достоинства.

Столь же вредное на юношество вліяніе должно имѣть принятое въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ правило, высочайшею волею утвержденное, которое возбраняетъ тѣлесныя наказанія въ училищахъ. Не будучи защитникомъ методы прежнихъ временъ, когда строгія тѣлесныя наказанія считались необходимымъ основаніемъ воспитанія, я не могу однакоже одобрить такое правило, которое отвергнуто даже въ Англіи. Дитя, вѣдающее, что наставникъ ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ

его наказать, приобькаетъ къ духу непокорности, съ лѣтами постепенно возрастающему. Оно мечтаетъ о правахъ своихъ, преждевременно почитаетъ себя зрѣлымъ человѣкомъ и такимъ образомъ приучается судить и рядить о предметахъ, далеко превышающихъ слабыя его понятія. Наконецъ, самонадѣянность сія доводитъ молодаго человѣка до того, что въ 18-ть или 20-ть лѣтъ онъ считаетъ себя въ силахъ помышлять о преобразованіи государства и въ правѣ дѣйствовать сообразно своимъ предположеніямъ.

Въ предпоследніе годы царствованія покойнаго императора министерство народнаго просвѣщенія, замѣтивъ, что учебныя заведенія наши не соотвѣтствуютъ цѣли своей, начало принимать мѣры къ исправленію оцутительныхъ ошибокъ, вкравшихся въ образованіе учебной части. Но мѣры сіи, не основанныя на познаніи точнаго положенія, въ которомъ находятся учебныя въ Россіи заведенія, и несообразныя съ потребностями отечества нашего, вступившаго въ первый рядъ государствъ европейскихъ, причинили болѣе вреда, нежели пользы. Онѣ ограничивались большею частію: учрежденіемъ во всѣхъ почти училищахъ библейскихъ и мистическихъ обществъ, утѣсненіемъ наукъ, самихъ по себѣ не вредныхъ и исключеніемъ изъ университетовъ людей, которые, при надлежащемъ за ними надзорѣ, могли бы быть полезны обществу.

Такимъ образомъ университеты наши (я говорю въ особенности о Харьковскомъ, болѣе другихъ мнѣ извѣстномъ) пришли въ совершенный упадокъ. Внутреннее достоинство ихъ не возвысилось и надлежащая цѣль не достигнута, между тѣмъ какъ они лишились и того наружнаго блеска, который имѣли съ самаго начала своего существованія.

Для приведенія отечественныхъ заведеній въ положеніе, соотвѣтственное истинной цѣли оныхъ, въ отношеніи какъ къ самой Россіи, такъ и къ степени просвѣщенія прочихъ европейскихъ государствъ, надлежитъ, мнѣ кажется, отступить отъ направленія, даннаго сей части въ началѣ царствованія покойнаго государя, но не слѣдовать и ходу, принятому министерствомъ просвѣщенія въ предпоследніе годы сего царствованія.

Средствами къ тому полагаю я слѣдующія:

1) Для избѣжанія вреднаго лжемудрствованія въ наукахъ отвлеченныхъ, надлежитъ во всей Имперіи ввести единообразное преподаваніе оныхъ, по книгамъ, правительствомъ одобреннымъ, отъ которыхъ отступать профессорамъ ни въ какомъ случаѣ позволять не слѣдуетъ.

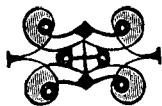
2) Усилить и распространить, преимущественно предъ другими, науки положительныя и точныя, какъ-то: медицину, химію, технологию, математику, механику и другія имъ подобныя.

3) Въ университетахъ, сколько можно, отдѣлить отъ занятій профессоровъ все то, что относится къ гражданскому управленію округомъ.

4) Исправить совершенно уставы какъ университетовъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и прискаты способы къ умноженію штатовъ ихъ, безъ излишняго отягощенія казны.

5) Вышеупомянутое право производства въ чины и дворянское достоинство замѣнить другими привилегіями, съ которыми не соединялась бы власть, одной особѣ Монарха принадлежащая.

Нѣкоторыя изъ сихъ предположеній обратили уже вниманіе нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія при самомъ вступленіи его въ сію должность. Впрочемъ, каждое изъ нихъ требуетъ зрѣлаго размышленія и глубокихъ соображеній, и изясненіе на бумагѣ всего, что только о сихъ предметахъ сказать можно, далеко превосходитъ предѣлы даннаго мнѣ вами, всемилостивѣйшій государь, приказанія. Здѣсь я могъ только сокращенно изложить мнѣніе мое о просвѣщеніи любезнаго отечества нашего, и безмѣрно счастливымъ себя почту, если оно удостоится свисходительнаго вашего императорскаго величества воззрѣнія.

**Собственноручное письмо Бориса Петровича Шереметева къ кн.
А. Д. Меншикову.**

Январь 1708 г. ¹⁾.

Братецъ, отпиши, какъ тебя Богъ донесъ? а я, ей-ей безъ памяти до стану доѣхалъ и слава Богу, что ничего мнѣ не повередили (и) здоровье мое сего часу (великой куражъ); за твое здоровье отпиваю венгерскаго съ прочими при мнѣ будучими; да благословить тя Богъ и съ благочестивыми домочадцами твоими во всякомъ благополучномъ пребываніи на вѣки.

Полковъ смотрѣть не поѣхалъ того ради, чтобы поспѣть въ Минскъ на принятіе премилостивѣйшаго нашего Государя, а какъ получа его очи видѣть, если какого иного указа не получу ²⁾, то жъ время пишу другіе достальные полки смотрѣть.

Всеусердны братскія поклоненія отдаю

Борисъ Шереметевъ.

Сообщилъ М. К. Марченко.

---

¹⁾ Послѣ пирушки въ м. Столбцахъ (между Новогрудкомъ и Минскомъ). Письмо набросано на четверти листа, нѣсколько вкось, обыкновенною скорописью XVIII вѣка.

²⁾ Въ подлинникѣ слово „у к а з у“ повторено. (Рукописн. Отд. Имп. Акад. Наукъ. Бумаги Меншикова).

Размолвка В. Р. Марченко съ гр. Аракчеевымъ.

Жалуясь на придирки гр. Аракчеева, В. Р. Марченко пишетъ въ своихъ запискахъ: «наконецъ, графу Аракчееву удалось совершить свое предприятие: удалить меня отъ лица государя. 26-го августа (1818 г.) подписанъ указъ о переводѣ меня въ Государственный Совѣтъ, по гражданскому департаменту, а объявлено не прежде, какъ черезъ три дня по отбытіи государя изъ столицы. Этого не могъ я перенести хладнокровно. Хотя собственно для меня служба моя не унизилась отъ перевода сего; но тайна Аракчеева, который передъ тѣмъ много дѣлалъ мнѣ непріятностей, и неизвѣстность, не уменьшится ли содержаніе мое, невольно приводили въ размышленіе, не оклеветалъ ли онъ меня передъ государемъ, столь много оказавшимъ мнѣ знаковъ своего вниманія и довѣренности. О городской же молвѣ, признаюсь, я нимало не помышлялъ ¹⁾».

Послѣднія слова оказываются не вполне справедливыми. Вотъ, что писалъ В. Р. Марченко 6-го сентября 1818 г. императору Александру:

«Всемиловѣйшій государь! Вступивъ по волѣ вашего императорскаго величества въ исправленіе новой трудной должности, потщусь я употребить тѣ же: усердіе, дѣятельность и безпристрастіе, кои доселѣ неразлучны были со мною, лишь бы только соотвѣтствовали новому назначенію способности мои, здоровье и терпѣніе, ослабѣвающія съ нѣкотораго времени отъ стеченія обстоятельствъ. Но, всемиловѣйшій государь! не смѣю скрыть отъ васъ, что мнѣніе публики, судящей по одной лишь наружности и догадкамъ, сильное произвело на меня вліяніе. Ей извѣстно только, что переводъ меня изъ комитета (министровъ) послѣдовалъ неожиданно, что послѣдніе два года съ половиною имѣвъ счастье находиться при лицѣ вашего величества, не обратилъ я по примѣру прочихъ вниманія на себя и наконецъ, что мнѣ не дано даже повелѣнія теперь о сдачѣ комитета, хотя опредѣленъ я въ оный имянымъ указомъ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1896 г., № 5, стр. 297.

Обыкнувъ къ повиновенію, я немедленно сдать должность преемнику моему по ордеру, ему только данному о принятіи оной отъ меня; знаю также, что исправность дѣлъ по комитету извѣстна вашему величеству изъ ежемѣсячныхъ отчетовъ; но тѣмъ больше, государь, оставаться во мнѣніи города лишеннымъ благоволенія вашего, сей драгоценности, безъ коей для подданнаго и самая жизнь въ тягость.

«Безъ опоры, съ единою надеждою на Бога и Царя и съ чистою совѣстію, изливаю я чувства мои передъ государемъ благодѣтелемъ и повергаю къ стопамъ вашимъ себя, жену и шестеро дѣтей.

«Всемилоостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподанный Василій Марченко».

Не рѣшаясь однако же послать это письмо тотчасъ же, онъ прдержалъ его недѣлю, а затѣмъ все-таки отправилъ при слѣдующемъ письмѣ отъ 14-го сентябрю къ князю Петру Михайловичу Волконскому:

«Не удивитесь, ваше сіятельство, что при всей скромности моей, рѣшился и я наконецъ беспокоить васъ. Вы христіанинъ,—вотъ все мое право!

«Съ самаго отъѣзда государя, ни о чемъ болѣе не говорятъ здѣсь, какъ только обо мнѣ, потому что я переведенъ въ совѣтъ ¹⁾, не знаяши о томъ до 28 августа. Секретъ, изъ сего сдѣланный графомъ (Аракчеевымъ), непостижимая перемѣна его ко мнѣ, въ послѣдствіе коей не дано даже мнѣ и повелѣнія о сдачѣ комитета и поѣздки мои въ 1816, 1817 и 1818-мъ годахъ, за которыя не удостоенъ я никакою наградою (хотя и не имѣю причины просить), составляютъ обильное поле къ разнымъ догадкамъ и толкамъ. Благодарю Бога, что состояніе мое и правила всемъ извѣстны. Справедливый судъ о нихъ города утѣшаетъ меня, но въ то же время убиваетъ заключеніе публики, что можетъ быть я оклеветанъ предъ государемъ; мысль ужасная для меня, готового предстать на всякій судъ,—на судъ Всевышняго,—съ клеветникомъ симъ, ежели онъ есть только.

«Обязанъ будучи служить для семейства моего, я вездѣ оправдаю довѣріе государя, ежели токмо постороннее вліяніе не отниметъ у меня слабой способности и способовъ къ содержанію въ Петербургѣ, коими нынѣ я пользуюсь по милости его величества. Но толки въ публикѣ заставили меня написать всеподданнѣйшее письмо, прилагаемое при семъ. Отправленіемъ его я остановился было, но новые слухи убѣждаютъ послать оное для своего спокойствія, чтобы удостовѣриться: не оклеветанъ ли я въ самомъ дѣлѣ.

«Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, предоставить вашему благоусмотрѣнію письмо сіе. Ежели по извѣстности вамъ мнѣнія государя обо мнѣ,—

¹⁾ Государственный.

изволите счесть излишнимъ представлять оное его величеству, я успокоенъ буду и благосклоннымъ отзывомъ вашимъ, который сохраню для себя собственно. Припомните, ваше сіятельство, предчувствіе мое, когда въ Вертю объявили вы о пожалованіи меня статсъ-секретаремъ? какъ оно чрезъ три года сбывается? и Богъ свидѣтель, не знаю никакой иной причины, кромѣ развѣ Пукаловыхъ ¹⁾, которые не должны любить меня, потому что я ихъ ненавижу.

«Простите, милостивый государь, что я обременилъ васъ. Я былъ свидѣтелемъ расположенія вашего на помощь ближнему и съ сею надеждою рѣшился поговорить о себѣ.

«Съ душевною приверженностію и истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.».

На это письмо князь П. М. Волконскій отвѣчалъ 7-го октября изъ Ахена:

«Такъ какъ ваше превосходительство предоставили мнѣ отдать государю императору письмо, доставленное вами ко мнѣ на имя его величества или возвратить оное къ вамъ, то я предпочелъ сдѣлать послѣднее, побуждаясь къ тому по той наиболѣе причинѣ, что дѣло, въ ономъ излагаемое, совершенно до меня не касается».

Сообщилъ Н. Д.

---

¹⁾ Семейство, очень близкое графу Аракчееву и имѣвшее на него вліяніе. *

Письмо А. Болотова—П. С. Щепкину ¹⁾.

20-го сентября 1827 г., С.-Петербургъ.

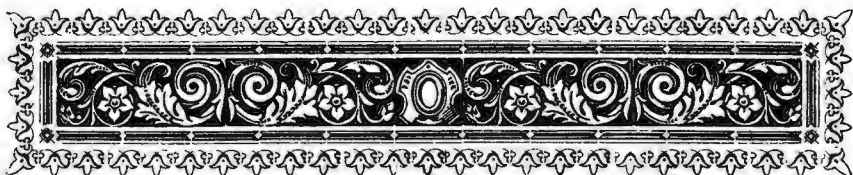
Читая ваше письмо, удивляюсь моему дядѣ, что онъ пріѣзжалъ просить васъ о своемъ сынѣ, дабы его приняли въ студенты. Наши помѣщики, а особенно тѣ, до коихъ лучъ просвѣщенія не коснулся, всегда таковы. Когда дѣти ихъ молоды, тогда пускаютъ ихъ расти, какъ дѣтей природы, не прилагая старавій и попеченій доставить имъ коренныхъ и необходимѣйшихъ познаній; а когда они уже выростутъ, тогда начинаютъ кланяться и дарить, чтобъ ихъ сравняли съ имѣющими познанія основательныя. А сами не знаютъ, что, отдавая полуневѣждъ дѣтокъ своихъ въ университетъ, не доставятъ имъ никакой пользы, а только сдѣлаютъ вредъ сему высшему училищу.

Я теперь продолжаю переводить варіаціонное исчисленіе и исподволь поправляю дифференціальное. Какъ тягостны обязанности службы для желающихъ учиться и работать обществу перомъ и познаніями. Сіе чувствую самъ и думаю, что я не выдержу долго службы. Лиха бѣда издать 2-ю часть, а тамъ и удалюсь въ деревню, посвятя жизнь свою наукамъ; но, разумѣется, что сіе можетъ не исполниться, если захотятъ меня употребить по моимъ способностямъ и познаніямъ. Ежедневно же заниматься до 6 часовъ канцелярскою должностію, согляситесь сами, что вещь несносная!..

---

¹⁾ Алексѣй Павловичъ Болотовъ, генеральнаго штаба поручикъ, состоялъ тогда при канцеляріи генераль-квартирмейстера Главнаго штаба, а Павелъ Степановичъ Щепкинъ былъ адъюнктомъ Московскаго университета по математикѣ.

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

X¹⁾.

Библейское общество. — Кн. А. Н. Голицынъ. — Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. — Характеристика М. Л. Магницкаго какъ человѣка и какъ попечителя Казанскаго университета. — Проповѣдники: Линдель и Госнеръ. — Профессоры: Куницынъ, Раупахъ и Германъ. — Министры: гр. Завадовскій и Разумовскій. — Попечитель Уваровъ. — Университетскій уставъ. — Татаринова. — Паденіе князя Голицына. — Министерство А. С. Шишкова. — Гр. Аракчеевъ. — Закрытіе библейскаго общества. — Административные порядки. — Кончина императора Александра I-го.

Вскорѣ послѣ изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи, одинъ англичанинъ, членъ британскаго общества распространенія Библии, Петерсонъ, обратился къ оберъ - прокурору Святѣйшаго Синода князю Александру Голицыну съ просьбой разрѣшить ему образовать библейское общество въ Россіи. Князь, бросившій всѣ свои похождения съ тѣхъ поръ, какъ онъ занималъ вышеозначенное мѣсто, сдѣлавшись религіознымъ по убѣжденію, всегда готовый откликнуться на все то, что носило отпечатокъ набожности и, казалось, способствовало возвеличенію христіанской религіи, изъявилъ на это согласіе, тѣмъ болѣе охотно, что онъ зналъ на дѣлѣ, насколько всѣ слои русскаго общества были чужды чтенію священнаго писанія, непонятнаго даже большинству духовенства, мало знакомаго съ языками греческимъ и латинскимъ, а также съ древнеславянскимъ. Онъ предполагалъ, что Библия сдѣлается доступнѣе всѣмъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

если она будетъ переведена на русскій разговорный языкъ, и разсчитывалъ, что продажа экземпляровъ, напечатанныхъ на средства общества, покроетъ сдѣланныя на этотъ предметъ затраты; наконецъ онъ думалъ, что общество могло получать Библии и Новые Завѣты на иностранныхъ языкахъ изъ Англїи, гдѣ библейское общество печатаетъ ихъ въ громадномъ количествѣ для четырехъ частей свѣта. Планъ, представленный Петерсономъ, былъ принятъ императоромъ, и нѣкоторое время спустя въ Петербургѣ основался комитетъ подъ предѣдательствомъ князя Голицына. Высшее духовенство всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій было приглашено принять участіе въ такомъ богоугодномъ и милосердномъ дѣлѣ; въ комитетъ были приглашены также многія знатнѣйшія лица. Скоро засѣданія открылись. На нихъ присутствовали митрополитъ новгородскій и петербургскій и нѣкоторые члены Св. Синода; митрополитъ католическій и соединенныхъ грековъ, лютеранскій епископъ, монахи, русскіе священники, протестантскіе, реформатскіе пасторы, англичане, принадлежавшіе къ многочисленнымъ сектамъ неподвластнымъ англиканской церкви,—однимъ словомъ, этотъ комитетъ представлялъ отрадное зрѣлище союза различныхъ мнѣній, воодушевленнаго одною цѣлью, подсказанною христіанскимъ милосердіемъ: облегчить ближнему, какому бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, изученіе Божественнаго слова. Царская фамилія записалась въ списки членовъ, которыхъ набралось значительное количество. Пожертвованія сыпались со всѣхъ сторонъ. Британское и иностранное общество предложило свое самое ревностное содѣйствіе и свои средства; въ скоромъ времени касса общества была въ состояніи покрыть всѣ расходы, которые требовались для печатанія Библий и славянскихъ Новыхъ Завѣтовъ. Библейскіе комитеты учредились въ Москвѣ и во многихъ городахъ внутри Имперїи. Послѣ десятилѣтняго существованія общество располагало громаднымъ капиталомъ, великолѣпною типографіей, магазинами, наполненными экземплярами Библий на всѣхъ языкахъ, даже на татарскомъ, армянскомъ и турецкомъ, и уже успѣло распространить въ Россіи почти два милліона экземпляровъ обоихъ Завѣтовъ.

Нѣкоторое время спустя послѣ возникновенія библейскихъ обществъ, внутри Имперїи, нѣкоторые члены этихъ обществъ стали домогаться чиновъ и крестовъ за то, что вынули изъ своихъ кармановъ приношенія для библейскаго общества, или за то, что продали или роздали большое количество Библий.

Всякое нравственное или религіозное предпріятіе, въ которое вмѣшиваются деньги или личные интересы, не можетъ долго существовать. Вотъ почему Спаситель міра объявилъ такъ торжественно, что Его царство не отъ міра сего, что много званныхъ, но мало избранныхъ. Существованіе библейскаго общества въ Россіи не могло упрочиться.

Оно слишкомъ явно оскорбляло народные нравы и прерогативы духовенства, чтобы окрѣпнуть и развиваться, несмотря на поддержку императора Александра. Его паденію способствовало еще то обстоятельство, что въ составъ его вошли слишкомъ разнородные элементы, и оно въ концѣ концовъ сдѣлалось ихъ жертвой!

Я сказалъ, что оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Голицынъ принималъ дѣятельное участіе въ проектѣ Петерсона и былъ поддержанъ женщинами, вмѣшивающимися всегда въ дѣла религіи и пропаганды болѣе мужчинъ. Князь былъ назначенъ предѣвателемъ библейскаго общества. Вскорѣ основалось новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Государь назначилъ министромъ того же князя Голицына. Это министерство существовало всего нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ кончинѣ Александра. Министерство духовныхъ дѣлъ въ самодержавномъ государствѣ было новостью, которая сама по себѣ не нравилась какъ духовенству, такъ и святошамъ, которые видѣли смыслъ вещей только во внѣшности и обрядахъ. Епископская власть была ограничена властью, на которую большинство смотрѣло, какъ на некомпетентную. Соединеніе православной администраціи съ администраціей раскольническихъ церквей и съ магометанскими и идолопоклонническими вѣрованіями считалось чудовищностью, оскорбительною для достоинства господствующей церкви. Сліяніе библейскаго общества, составленнаго изъ римско-католическихъ, лютеранскихъ, кальвинистскихъ и англійскихъ членовъ, съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ могло существовать только до первой вспышки, которую различіе мнѣній и взглядовъ столь разнородныхъ элементовъ должно было неизбѣжно произвести. Въ первое время огонь тлѣлъ только подъ лепломъ, ждали удобной минуты!

Общество собирало много денегъ, печатало Библии и продавало ихъ крайне дешево и раздавало даромъ всѣмъ тѣмъ, кто ихъ просилъ; милости сыпались на тѣхъ, кто проявлялъ истинное или притворное рвеніе содѣйствовать цѣлямъ общества. Магницкій, возвращенный изъ ссылки и занявшій мѣсто гражданскаго губернатора въ Симбирскѣ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ петербургскаго отдѣленія библейскаго общества.

При открытіи, по его предложенію, засѣданій симбирскаго комитета, коего онъ былъ избранъ или назначенъ предѣвателемъ, онъ произнесъ рѣчь, доставившую ему впослѣдствіи то вліяніе, коимъ онъ пользовался въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и дружбу князя Голицына; дружба эта въ свою очередь была одною изъ главныхъ причинъ паденія самого князя, министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и библейскаго общества! Магницкій былъ назначенъ членомъ главной дирекціи училищъ и скорѣ послѣ этого попечителемъ Казанскаго универси-

тета съ правомъ управлять безконтрольно этимъ университетомъ, находящимся въ 1.500 вер. отъ Петербурга. Говорятъ, что когда князь Голицынъ просилъ императора Александра о назначеніи Магницкаго въ его министерство, то государь ему замѣтилъ, что онъ ошибается на счетъ своего новаго протежѣ, на что Голицынъ, основывая свою просьбу на исправленіи Магницкаго, утверждалъ, что онъ перешелъ отъ невѣрія и революціонныхъ взглядовъ къ религіи и монархическимъ принципамъ! Магницкій состоялъ при посольствѣ въ Парижѣ при Наполеонѣ и имѣлъ свободный доступъ въ Мальмезонъ. При его умѣ, краснорѣчии и тактѣ добиться этого было не трудно.

Въ 1799 г. онъ занялъ мое мѣсто въ Вѣнѣ, 20 лѣтъ спустя, т. е. въ 1819 г., мы засѣдали вмѣстѣ въ главной дирекціи училищъ. Магницкій, сподвижникъ Сперанскаго, былъ человѣкъ слишкомъ выдающійся, чтобы прозябать въ обществѣ или въ дѣлахъ! Онъ былъ характера независимаго и не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, когда его стѣсняла какая-либо власть, державшая его на второмъ планѣ. Онъ зналъ отлично, что съ его способностями можно руководить всякимъ начальникомъ, и такъ ловко умѣлъ приобрѣсти вліяніе на дѣла, что, не занимая перваго мѣста, онъ властвовалъ надъ тѣмъ, кто былъ на этомъ мѣстѣ, но съ другой стороны онъ не могъ оставаться безгласнымъ и если видѣлъ, что его вліяніе слабѣло, то онъ тотчасъ бросался въ другую сферу, обѣщавшую ему болѣе обширную дѣятельность. Несмотря на это свойство, не чуждое интриги, я могу сказать по совѣсти, что, увлекшись происками, которые погубили его, онъ не преслѣдовалъ при этомъ никакихъ личныхъ цѣлей; ибо, интригуя, человѣкъ не станетъ жертвовать самыми завѣтными своими интересами только ради удовольствія интриговать. Можно интриговать по увлеченію, но не изъ расчета, въ особенности, когда ничто не сулитъ навѣрно благоприятныхъ результатовъ.

Магницкій, съ перваго шага, объявилъ себя противникомъ современной философіи и анти-монархическаго принципа. Онъ энергично напалъ на то и другое, не щадя личностей, которыя держались противоположныхъ взглядовъ. Сдѣлавшись попечителемъ Казанскаго университета, онъ ввелъ въ немъ новыя правила, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя соблюдались въ русскихъ и иностранныхъ университетахъ; онъ хотѣлъ, чтобы занятіями и поведеніемъ студентовъ руководила одна православная религія. Онъ запретилъ философскія теоріи, какъ теоріи, допуская преподаваніе ихъ лишь въ качествѣ опасныхъ и предосудительныхъ заблужденій, отвергаемыхъ истинной философіей. Онъ нападалъ также энергично на свободомысліе, наносившее хотя бы самое малѣйшее посягательство на монархическій принципъ, и уволилъ многихъ профессоровъ, въ либерализмѣ или неспособности коихъ онъ ви-

дѣлъ источникъ нравственной распущенности, губившей молодежь и дурно вліявшей на нравы. Его дѣятельность, врожденное краснорѣчіе, его умъ, окрѣпнувшій въ борьбѣ съ пагубными идеями современной философіи, снискали ему полное довѣріе министра и въ то же время возстановили противъ него даже тѣхъ, которымъ нечего было бояться съ его стороны, и создали ему множество тайныхъ враговъ среди состава преподавателей и ихъ покровителей. Магницкій не щадилъ ни протестантизма, ни масонства, ни современной литературы; однимъ словомъ, онъ объявилъ войну на смерть неологизму, который, надобно сказать по правдѣ, не оставилъ ни одной религіозной или нравственной истины, не исказивъ ее ложными толкованіями или не осмѣявъ ее, начиная отъ Вольтера и кончая Маратомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ. Всякое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ его пера, всякое слово, вышедшее изъ его устъ, было ядовитою стрѣлою, направленною противъ невѣрія, философіи, противъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей. Каждое его сочиненіе, каждое его слово создавало ему новыхъ враговъ. Я не буду защищать усердія, коимъ не руководить осторожность. Но я не могу также согласиться съ тѣми, кои называютъ Магницкаго плутомъ (fourbe), ибо, повторяю, ни одинъ плутъ не станетъ дѣйствовать единственно съ цѣлью нажить себѣ враговъ и сдѣлаться со временемъ ихъ жертвою. Я близко зналъ этого человѣка. Онъ былъ прекрасный мужъ, прекрасный отецъ, прекрасный учитель; онъ былъ добръ, сострадательнъ и пріятель въ обращеніи. Если его увлекло самолюбіе, то этого нельзя ставить ему въ вину. Съ его умомъ и способностями позволительно быть самолюбивымъ. Да и у кого нѣтъ самолюбія, хотѣлъ бы я знать?

Эпоха, описываемая мною, хотя и не можетъ быть причислена къ числу тѣхъ, которыя готовятъ въ государствахъ большіе перевороты, тѣмъ не менѣе представляетъ весьма важный историческій періодъ и поясняетъ многіе факты, которые исторія, произнося свой приговоръ, напрасно старалась бы истолковать разными натяжками.

Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ самаго возникновенія своего образовалось изъ разнородныхъ элементовъ, безо всякой системы, безъ руководящей силы и поэтому не могло принести хорошихъ плодовъ. Въ Россіи все обновляется съ теченіемъ времени. Ея нравы, вѣрованія, обычаи и даже гражданскіе законы, все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ новую эру политическаго существованія, начавшуюся при Петрѣ I. Самый народъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ. Основные принципы общественной жизни, религіозные взгляды и права, коими пользуются граждане, подчинились той непрестанной перемѣнѣ, вслѣдствіе которой Россія съ каждымъ царствованіемъ мѣняла свой обликъ. До царство-

ванія императора Николая, въ Россіи не существовало Свода Законовъ. Привилегія, дарованныя монархами съ какою-либо извѣстной цѣлью различнымъ сословіямъ русскаго народа, не имѣли силы закона. Управление Имперіей измѣнялось сообразно съ руководящими взглядами правительства. Религія, повидимому, не подчинялась свѣтской власти, между тѣмъ церковь, подобно тому, какъ смотритъ на нее протестантство, была помѣщена въ списокъ гражданскихъ учрежденій и, подчиняясь верховной власти, подвергалась весьма естественно преобразованіямъ въ своемъ управленіи, въ своихъ обрядахъ и даже въ догматахъ, наравнѣ со всѣми прочими учреждениями. Не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ введенъ новый катехизисъ, отличный отъ того, по которому преподавали Законъ Божій въ царствованіе Екатерины II, и который, въ свою очередь, отличался отъ катехизиса, принятаго во времена патріарховъ. Эти преобразованія въ дѣлѣ религіи совершались, такъ сказать, съ каждымъ поколѣніемъ, и если въ настоящее время учатъ еще катехизисъ и то, что извѣстно подъ общимъ названіемъ Закона Божьяго, то это дѣлается единственно для того, чтобы сохранить въ спискахъ преподаваемыхъ предметовъ обученіе правиламъ религіи. Обученіе это кончается въ низшихъ классахъ и забывается учениками въ то время, когда они не достигли еще возраста, въ которомъ умъ и совѣсть наиболѣе нуждаются въ руководствѣ религіи, главную основу которой составляетъ сверхчеловѣческая евангельская мораль. Я не хочу этимъ сказать, что основу христіанскихъ вѣрованій составляетъ схоластическое богословіе. Оно не можетъ породить вѣры, точно такъ же, какъ историческая вѣра и обрядность никогда не дѣлаютъ человѣка истиннымъ христіаниномъ: я хочу только сказать, что въ Россіи, со временъ Петра I, никогда не считали религію душою соціального тѣла, но что на нее смотрѣли всегда какъ на предметъ преподаванія, хотя и божественнаго, но тѣмъ не менѣе подлежащаго измѣненіямъ, которыя время, нравы, взгляды, духъ правительства или сила вещей могутъ ввести въ религію, исповѣдуемую народомъ, въ администрацію церкви и даже въ каноническое право. Синодъ, дѣйствуя отъ имени монарха, какъ главы церкви, произноситъ безапелляціонный приговоръ, которому церковь должна повиноваться. Вновь учрежденное министерство, созданное для того, чтобы управлять всѣмъ, что касается духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, должно было, по самому свойству своему, быть исключительно православнымъ. Подъ православіемъ масса русскаго народа понимаетъ лишь исполненіе безъ разсужденій всѣхъ догматовъ и правилъ, признанныхъ восточной католической церковью, со временъ апостольскихъ и соблюдавшихся до злосчастнаго раскола, раздѣлившаго въ VII вѣкѣ по Р. Х. католическія церкви.

Справедливыя и достойныя похвалы старанія патріарха Никона

очистить русскую церковь отъ злоупотребленій, внесенныхъ въ нее невѣріемъ, вызвали новый расколъ; всѣ позднѣйшія нововведенія еще болѣе ослабили вѣру. Цѣлью вновь учрежденнаго министерства должно было быть наблюденіе за неприкосновенностью догмата, за чистотою правилъ православной церкви; его обязанностью было устранять изъ администраціи церкви всякаго рода злоупотребленія и направлять народное образованіе къ цѣли, указанной Евангеліемъ, т. е. къ тому, чтобы сдѣлать человѣка столь же совершеннымъ, какъ Отець Небесный, говоря словами самого Богочеловѣка, чтобы проповѣдывать людямъ не безплодныя теоріи, но вѣчныя Божественныя истины. Такова должна быть обязанность министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Тотъ, кто понялъ намѣреніе, руководившее императоромъ Александромъ, когда онъ создалъ Священный Союзъ, легко пойметъ, что созданіе новаго министерства не могло быть вызвано простыми политическими соображеніями. Но, къ сожалѣнію, не всѣ добрыя намѣренія приводятъ къ ожидаемому результату. Несмотря на самыя лучшія намѣренія, человѣкъ не можетъ сдѣлать того, что не предназначено ему свыше.

Князь Голицынъ, человѣкъ прямой и самыхъ чистыхъ намѣреній приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы направить дѣла министерства, но одного старанія еще мало, какъ сказалъ апостоль Павелъ. Въ дѣлѣ религіи необходима большая осторожность, основанная на знаніи человѣческаго сердца и исторіи. Религія и вѣра не одно и то же! Вѣра есть самая сущность христіанства, религія есть только внѣшнее выраженіе его. Первая скрыта, вторая явна. О вѣрѣ нельзя судить по религіозности; въ послѣдней обыкновенно играютъ большую роль гордость и самолюбіе.

Окруженный православными монахами, священниками и епископами и англійскими, лютеранскими или протестантскими методистами, проникнутый духомъ библейскихъ и иныхъ иностранныхъ христіанскихъ обществъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія простоудушно считалъ возможнымъ помирить всѣ эти несогласія и подчинить вмѣстѣ съ тѣмъ философію религіи, соблюдая въ вопросахъ вѣры полнѣйшую вѣротерпимость, не обращая вниманія на частныя взгляды, и въ концѣ концовъ онъ создалъ возможныя столкновенія, породившія самыя роковыя послѣдствія, къ великому ущербу истины.

Изъ Баваріи былъ вызванъ имъ въ Россію католическій священникъ Линдель, нѣмецъ по происхожденію. Краснорѣчивый проповѣдникъ, онъ высказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ взгляды совершенно различныя съ взглядами католической церкви, и хотя на него смотрѣла косо ультрамонтанская община сѣверной столицы, но ему было разрѣшено говорить проповѣди въ католической церкви при Пажескомъ корпусѣ. Я не разъ слышалъ его проповѣди, былъ знакомъ съ нимъ лично и дол-

женъ сказать по совѣсти, что его проповѣди, вполне согласныя съ духомъ христіанства, не могли быть признаны опасными для вѣры. Но религія, какъ я уже сказалъ, не есть вѣра. Догматы одного вѣроисповѣданія не суть догматы другой религіи. Каждая церковь имѣетъ свои догматы, а религія держится именно догматами. Мальтійская церковь посѣщалась лютеранами и православными; католики не появлялись въ ней въ тѣ дни, когда проповѣдь говорилъ Линдель. Это явное нарушение религіи возмутило всѣхъ петербургскихъ католиковъ. Линдель оставался въ Петербургѣ не долго. Вскорѣ появился новый проповѣдникъ, ксендзъ Госнеръ. Онъ заставилъ католиковъ кричать еще громче, когда они увидали, что ему позволено проповѣдывать въ большой католической церкви, гдѣ богослуженіе совершалось доминиканскими монахами. Госнеръ проповѣдывалъ въ томъ же духѣ, какъ и Линдель. Оба обладали въ высшей степени даромъ слова, но оба впадали въ протестантство и не нравились послѣдователямъ римско-католической церкви.

Въ то время, какъ дѣятельность библейскаго общества все болѣе и болѣе расширялась, а методисты и англійскіе квакеры дѣйствовали, чтобы пріобрѣсти какъ можно большее вліяніе на народное образованіе, и дирекція училищъ запрещала преподаваніе мнѳологіи, самыя пагубныя и богохульственныя доктрины преподавались открыто въ Педагогическомъ институтѣ, въ Царскосельскомъ лицѣѣ, въ университетахъ и гимназіяхъ. Одинъ изъ учениковъ института, Куницынъ, сдѣлавшись профессоромъ, преподавалъ въ университетѣ и въ лицѣѣ естественное право, и путалъ въ умахъ своихъ безбородыхъ слушателей всѣ понятія о нравственности и религіи. Профессора Педагогическаго института нападали открыто съ кафедръ на Божественное право и на монархическій принципъ.

Исторія и даже статистика, сдѣлавшаяся наукой отдѣльною отъ политической географіи, были полны безбожія. Одинъ профессоръ, бывший ранѣе наставникомъ въ частныхъ домахъ, по имени Раупахъ, извѣстный впоследствии въ Германіи, какъ авторъ театральныхъ піесъ, былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и подрывалъ авторитетъ св. Писанія, ставя въ одинъ разрядъ Моисея, Санхонатіона и Девкалиона! Онъ изображалъ еврейскій народъ кочующимъ племенемъ, ничтожнымъ среди великихъ народовъ того времени и, не нападая собственно на христіанство, разрушалъ его основы такъ же, какъ и основы монархическаго принципа, опирающагося на одну силу, когда Божественное право не признается его единственнымъ источникомъ.

Германецъ, бывший тоже домашнимъ наставникомъ до своего назначенія въ профессора, говорилъ въ своей теоріи статистики, что индѣйцы приносятъ въ честь или въ воспоминаніе одного изъ своихъ боговъ

въ жертву хлѣбъ и вино такъ же, какъ христіане. Другіе русскіе профессора, воспитанники Педагогическаго института, вдавались въ туманную философію нѣмецкихъ неологовъ, чтобы потрясти всѣ истины откровенія, основывая свои силлогизмы на ученіи Канта, Шеллинга и на другихъ схоластическихъ бредняхъ, коимъ не предвидится конца съ тѣхъ поръ, какъ человѣческая философія хочетъ все подвергнуть на судилище разума! Даже при преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ географіи, статистики и исторіи, приняты за правило порицать всѣ правительства, всѣ основы нравственности и христіанства. Куницынъ, профессоръ естественнаго права, въ курсѣ, который, по его словамъ, былъ сочиненъ имъ самимъ (!) и разрѣшенъ къ печати, а потомъ запрещенъ, говорилъ, что природа не воспрещаетъ матери выйти замужъ за своего сына, или отцу жениться на дочери, что совершеннолѣтнія дѣти ничѣмъ не обязаны своимъ родителямъ, съ того момента, какъ только они въ состояніи сами зарабатывать свой хлѣбъ и что всякая власть, не основанная на единогласномъ желаніи всего общества, есть тиранство.

Всѣ эти прекрасныя открытія человѣческаго ума преподавались публично въ университетахъ и школахъ въ христіанской и монархической странѣ, въ царствованіе набожнаго монарха и при министерствѣ, созданномъ для того, чтобы поддерживать религію и народное образованіе во всей ихъ чистотѣ ¹⁾.

¹⁾ Чтобы не погрѣшить противъ истины, надобно сказать, что князь Голицынъ, при вступленіи своемъ въ министерство, нашелъ народное образованіе организованнымъ такъ, какъ я только-что описалъ, при его предшественникѣ, графѣ Разумовскомъ. Ни Завадовскій, первый министръ, ни Разумовскій, его преемникъ, ни князь Голицынъ, при которомъ духовныя дѣла были присоединены къ народному просвѣщенію, не были способны управлять министерствомъ, вновь созданнымъ или учрежденнымъ по образцу французскаго министерства, въ странѣ, гдѣ народное образованіе не вышло еще изъ пеленокъ. Какъ я уже замѣтилъ выше, до этого времени, въ Россіи не существовало другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ Московскаго университета и нѣсколькихъ школъ во внутреннихъ губерніяхъ, завѣдываніе которыми не составляло отдѣльной отрасли администраціи. Всѣ эти министры не получили классическаго образованія, они не были знакомы съ ходомъ образованія въ общественныхъ заведеніяхъ и еще менѣе съ университетскими и гимназическими порядками. Имъ пришлось взять примѣръ изъ-за границы, усвоить иностраннй методъ и довѣриться своимъ подчиненнымъ, которые не были болѣе свѣдущи, чѣмъ они. Московскій университетъ долго не былъ преобразованъ; вновь учрежденные университеты были устроены по примѣру нѣмецкихъ; петербургскій учебный округъ, состоявшій изъ гимназій и начальныхъ школъ, не имѣлъ университета. Педагогическій институтъ заступалъ его мѣсто. Каждый округъ находился подъ вѣдомствомъ попечителя. Министръ Разумовскій поручилъ петербургскій округъ своему зятю Уварову, молодому человѣку, состоявшему по матери въ родствѣ съ самыми знатными

Полиѣнная вѣротерпимость потворствовала самымъ невѣжественнымъ и смѣшнымъ сектамъ. Между прочимъ, одна женщина, по фамилии Татарина, окружала себя духовидцами, которые подражали англійскимъ и американскимъ квакерамъ въ ихъ собраніяхъ, состоявшихъ изъ женщинъ и мужчинъ, которые снимали съ себя одежду и надѣвали длинныя холщевыя рубашки. Они считали г-жу Татарину вдохновенною свыше. Составивъ кругъ, они вертѣлись до изнеможенія силъ, по-

фамиліями Имперіи и не занимавшему ранѣе другой должности, кромѣ камеръ-юнкера, что давало ему чинъ статскаго совѣтника, — преимущество, упрядненное впоследствии. Уваровъ, получившій домашнее воспитаніе подъ руководствомъ французскаго аббата, хотя и не прошелъ курса классическихъ наукъ, но получилъ, однако, отличное образованіе, ставившее его выше его сверстниковъ. Въ петербургскихъ салонахъ его считали ученымъ. Тесть — министр, дядя — министр, множество родственниковъ, занимавшихъ самыя высокопоставленныя должности, придавали ему вѣсь въ обществѣ и облегчали ему возможность сдѣлать блестящую карьеру. Онъ захотѣлъ уничтожить все, что существовало до него, и Педагогическій институтъ, принесшій не малую пользу, долженъ былъ уступить мѣсто университету, коего планъ зародился въ его обширномъ воображеніи. Мы видѣли выше, каковъ былъ его составъ, и какимъ духомъ руководились профессора этого расадника наставниковъ, которые должны были составить учительскій персоналъ Имперіи! Въ то же время естественное право Куницына обратило вниманіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и вниманіе самого императора. Чтеніе права было воспрещено, и профессоръ удаленъ. Уваровъ довершилъ свое великое дѣло! Планъ и уставъ Петербургскаго университета, выработанные въ министерствѣ, были представлены на разсмотрѣніе главной дирекціи училищъ прежде утвержденія ихъ высочайшей властью.

Эти правила или уставъ составляли толстую тетрадь разныхъ пунктовъ, раздѣленныхъ на главы и отдѣлы. Уставъ былъ рабочимъ подражаніемъ или точнымъ сколкомъ съ уставовъ и управленія нѣмецкихъ университетовъ. У меня хранится точная копія этого устава, снятая съ оригинала. Университетъ долженъ былъ быть раздѣленъ на факультеты для изученія: 1) исторіи и философіи; 2) физики и математики; 3) юриспруденціи и политическихъ наукъ. Существованіе медико-хирургической академіи независимо отъ министерства и духовной академіи дѣлало кафедры богословія и медицины излишними въ университетахъ.

Уставъ, пройдя чрезъ руки членовъ дирекціи училищъ, подвергся болѣе или менѣе рѣзкимъ нападкамъ Члены Разумовскаго министерства приняли сторону его зятя; Магницкій объявилъ себя противъ него; министръ принялъ его сторону. Другіе члены раздѣлились; пренія вывели Уварова изъ себя. Въ тотъ же день онъ подалъ въ отставку, прося уволить его отъ должности члена дирекціи и попечителя.

Министръ возложилъ на меня исполненіе обязанностей попечителя. Онъ сдѣлалъ даже представленіе объ утвержденіи моемъ въ этой должности, но императоръ, не согласившись на это, не устранилъ меня отъ управленія кругомъ, и я исполнялъ эти обязанности и во время кончины Александра.

Безъ сомнѣнія, партія Уварова, сильная при дворѣ, не имѣла возможно-

томъ пророчествовали, произнося отрывочныя фразы, которыя считались вдохновенными и должны были быть истолкованы или отгаданы ⁴⁾.

Въ это невозможное и скандальное общество, которое не только было терпимо, но даже покровительствуемо, принимались всякаго рода люди: военные, духовные, православные и раскольники, молодые и старики. Проповѣдникъ Госнеръ, въ свою очередь, нашель среди своихъ многочисленныхъ приверженцевъ поклонниковъ его доктринъ; его нѣмецкія проповѣди были напечатаны и нуцены въ ходъ. Одна фраза въ одной изъ этихъ проповѣдей произвела взрывъ, положивъ конецъ существованію библейскаго общества, и протестантству католическихъ священниковъ, Линделя и Госнера, усиліямъ и проискамъ методистовъ и министерству духовныхъ дѣлъ. Проповѣдникъ Госнеръ былъ высланъ за границу, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, Поповъ, обвиненный въ переводъ госнеровскихъ проповѣдей, былъ преданъ суду. Князь Голицынъ просилъ уволить его отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и былъ замѣненъ отставнымъ адмираломъ Шишковымъ ²⁾, который былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Духовныя дѣла поступили по-прежнему подъ вѣдомство оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Адмиралъ Шишковъ, достигшій этого поста послѣ полувѣковой службы и получившій образованіе въ морскомъ корпусѣ, былъ, какъ говорятъ, менѣе Голицына способенъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія. Онъ еле-еле зналъ французскій и нѣмецкій языки настолько, чтобы понимать авторовъ, писавшихъ на этихъ языкахъ. Его

сти обставить свою неудачу болѣе или менѣе лестнымъ для себя образомъ, не упустила случая разгласить, что она была жертвою интриги въ мою пользу, въ которую князь Голицынъ позволилъ вовлечь себя.

По возвращеніи своемъ въ Россію, императоръ пожаловалъ мнѣ столовыя деньги, Владиміра, значительную сумму денегъ и аренду, но держалъ меня въ неизвѣстности относительно моей дальнѣйшей судьбы, утверждая, однако, всѣ мѣры, принимаемыя мною для того, чтобы преобразовать университетъ во всѣхъ его частяхъ. По моему предложенію было ассигновано болѣе милліона рублей на постройку новыхъ зданій для университета. Эта сумма должна была быть внесена въ бюджетъ и распредѣлена на пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ всѣ проектированныя зданія должны были быть окончены.

Семь мѣсяцевъ спустя послѣ восшествія на престолъ императора Николая, послѣ тридцати лѣтъ безпорочной службы, я сдѣлался, въ свою очередь, жертвою клеветы, которая навлекла на меня въ теченіе четырнадцати лѣтъ самыя тяжкія бѣдствія...

Писано по прошествіи 14-ти лѣтъ, 25-го іюня 1840 г.

⁴⁾ Подробныя свѣдѣнія о сектѣ Татариновой см. „Русскую Старину“ 1895 г. т. 84 и 1896 г. т. 85.

²⁾ Все это изложено авторомъ не точно.

Ред.

конькомъ былъ русскій языкъ. Онъ хвастался глубокимъ знаніемъ этого языка, а также славянскаго; не получивъ классическаго образованія, онъ сумѣлъ прослыть въ обществѣ знатокомъ классическихъ языковъ, и это доставило ему званіе президента Россійской академіи. Какъ всѣ люди, которые, за неимѣніемъ особыхъ достоинствъ, стараются оригинальничать, онъ выказывалъ глубокое презрѣніе ко всему иностранному, восхваляя выше всего Россію и все русское.

Всякая посредственность, поддержанная приверженцами (а у кого ихъ нѣтъ), заставляетъ говорить о себѣ. На Шишкова указывали, какъ на патріота, достойнаго занимать первую должность въ Имперіи, и такъ какъ онъ нападалъ со своимъ русско-славянскимъ языкомъ на Карамзина, когда тотъ появился на сценѣ со своими галлицизмами, германизмами и преобразованіями русскаго языка, то поклонники Шишкова превозносили его, какъ единственнаго защитника русскаго языка и хранителя его своеобразной прелести.

Въ эпоху соціальныхъ кризисовъ противодѣйствіе новымъ идеямъ, которыя желаютъ низвергнуть, всегда бываетъ очень сильно. Чтобы заглушить литературный и административный неологизмъ Сперанскаго, нужно было замѣнить его системой, коей единственнымъ достоинствомъ была ея истина. Сперанскаго, который съ глубокимъ умомъ, литературными познаніями и образованіемъ, основаннымъ на изученіи классическихъ и современныхъ языковъ, соединялъ гибкость характера и хитрость, какія рѣдко встрѣчаются въ самыхъ ловкихъ царедворцахъ, отличающихся особымъ умѣніемъ заставить событія склоняться въ ихъ пользу, думали стереть, замѣнивъ его Шишковымъ. Насиловавъ любимые взгляды Александра и съ успѣхомъ проведя интригу, сломившую шею Сперанскому, легко было заставить его, когда онъ упалъ духомъ, принять мѣры, самыя противныя его взглядамъ.

На мѣсто Сперанскаго былъ предложенъ Шишковъ; онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, сохранилъ это мѣсто до окончанія войны и впоследствии былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, который послѣ паденія Сперанскаго приравнялся ко всѣмъ совѣтамъ, кои представляютъ лишь безмолвныя засѣданія, выслушивающія высочайшую волю, и служатъ только выраженіемъ этой воли. Этотъ же адмиралъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія на мѣсто князя Голицына. Интрига, пущенная въ ходъ для того, чтобы устранить послѣдняго отъ всякаго вліянія на дѣла министерства, была та же, которая подготовила паденіе Сперанскаго; но главныя пружины, руководившія интригою, были уже не тѣ. Единственная пружина, двигавшая въ то время всѣмъ, былъ всемогущій графъ Аракчеевъ.

Философія обыкновенныхъ людей уподобляется по большей части философіи той москы, которая лаетъ на слона, чтобы заставить гово-

рять о себѣ, или философіи мухи, пахавшей на рогахъ вола. Человѣкъ носить въ себѣ стремленіе къ превосходству, которое есть источникъ гордости, подобно тому, какъ гордость была причиною паденія перваго ангела.

Императоръ Александръ, утомленный царствованіемъ, не желалъ болѣе непосредственно заниматься дѣлами внутренняго управленія и поставилъ между собою и государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и самими министрами графа Аракчеева. Министры уже не имѣли, какъ прежде, свободнаго доступа къ императору. Только одинъ князь Голицынъ, товарищъ дѣтства Александра, бывшій его камеръ-юнкеръ во время его бракосочетанія, сохранилъ эту привилегію, какъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и какъ главноуправляющій почтовою частью въ Имперіи. Его положеніе и дружеское отношеніе къ государю ставили его въ полную независимость отъ вліянія графа Аракчеева въ подвѣдомственной ему части. Русскій великій визирь не могъ видѣть равнодушнымъ окомъ власти, отъ него не зависящей. Онъ хотѣлъ унижить князя. Для этого надобно было представить монарху факты, могущіе поколебать его довѣріе къ старинному слугѣ, на котораго онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства, какъ на человѣка, преданнаго своей особѣ, не считая его однако непогрѣшимымъ, какъ государственнаго человѣка. Это дѣло было легкое.

Вдовствующая императрица и великій князь были недовольны министромъ народнаго просвѣщенія за слѣдствіе относительно профессоръ, въ числѣ которыхъ были замѣшаны Германъ, Балугьянскій и Арсеневъ, которые пользовались достаточнымъ авторитетомъ, чтобы представить себя жертвами клеветы, веденной съ цѣлью бросить недобрую тѣнь какъ на покровительствуемыхъ, такъ и на покровителей.

Семейство Волконскихъ орудовало въ пользу Раупаха, бывшаго наставникомъ у нихъ въ домѣ, и въ пользу Уварова, потерпѣвшаго крушеніе со всею своею ученою извѣстностью. Высшее духовенство, придавленное властью министра, было радо сбросить съ себя иго, умалявшее его достоинство. Составъ преподавателей былъ обличенъ, и всѣ кричали противъ несправедливости власти, цѣлью которой было погасить всякое образованіе въ пользу ханжества и невѣжества. Библейскія общества, секта г-жи Татариновой, проповѣдники Линдель и Госнеръ, ланкастерскія школы, учрежденныя яко бы для выработки методики, переводъ богохульственныхъ проповѣдей Госнера, исправленный рукою директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, были, къ несчастью, истины, отрицать которыя было не легко; на нихъ указывали всѣми силами святоши православнаго и римско-католическаго вѣроисповѣданій, и, наконецъ, Магницкій, сдѣлавшійся любимцемъ и агентомъ Аракчеева, въ цѣляхъ, которыя мнѣ неизвѣстны, и о которыхъ я не берусь поэтому судить; всѣхъ этихъ элементовъ было болѣе, чѣмъ

достаточно, чтобы заставить императора отнять портфель изъ рукъ князя Голицына или, чтобы заставить самого князя отказаться отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Шишковъ получилъ портфель народнаго просвѣщенія только потому, что Аракчеевъ былъ убѣжденъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ его видахъ съ цѣлью окончательно погубить своего предшественника въ глазахъ императора. Онъ не замедлил доказать это однимъ изъ первыхъ своихъ поступковъ.

Малороссъ Станевичъ, человѣкъ ничтожный, плохой писатель, затронулъ устарѣлыя взгляды въ брошюрѣ, озаглавленной «Плачь надъ гробомъ младенца», въ которой онъ яко бы оспаривалъ всѣ взгляды на безсмертіе души, не основанные на воззрѣніяхъ православной церкви. Цензура, во время управленія министерствомъ князя Голицына, не дозволила напечатать эту брошюру по той причинѣ, что авторъ уничижалъ всѣ христіанскія вѣрованія въ пользу господствующей церкви.

Аракчеевъ говорилъ, Шишковъ жестикулировалъ. Книга Станевича была дозволена и напечатана. Въ отношеніи, коимъ было разрѣшено ея печатаніе, было сказано, между прочимъ, что ранѣе дурныя книги были разрѣшены, а хорошія запрещались. Такимъ образомъ, нравственные воззрѣнія министерства Голицына были осуждены публично. Ланкастерскія школы утратили значеніе. Та же сила сокрушила библейское общество. Въ послѣднемъ засѣданіи Главнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Серафима, который замѣнилъ князя Голицына въ должности предсѣдателя этого комитета, тотчасъ по выходѣ его въ отставку, на библейскія общества посыпались нападки, какъ на общества, вредныя для вѣры. Магницкій откопалъ какую-то якобы двусмысленность въ переводѣ Евангелія или грубую опечатку. Ожесточенная записка, поданная имъ по этому поводу, была причиною къ принятію мѣръ для уничтоженія общества и для прекращенія печатанія русскаго перевода Евангелія и славянскихъ Библій. Однако, правительство сохранило продажу Библій и книгъ Новаго Завѣта, напечатанныхъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ съ разрѣшенія Синода и цензуры. Типографія со всѣми ея принадлежностями и напечатанными экземплярами Библии на славянскомъ и русскомъ языкахъ была предоставлена въ распоряженіе Синода. Продажа и раздача книгъ комитетами была прекращена; они мало-по-малу окончили свое существованіе, и о Библіяхъ не было болѣе слуху.

Хотя народное образованіе не могло подвергнуться стль быстрому натиску, какъ библейское общество, но и оно приняло совѣзмъ иной обликъ. Старикъ Шишковъ боялся прослыть въ мнѣніи либераловъ и безбородыхъ ученыхъ за гасителя просвѣщенія; ему также нужны были приверженцы: всѣ противники проектовъ Голицына перешли на его сторону, и побѣжденные либеральныя доктрины не смѣли поднять го-

ловы. Либералы довольствовались правомъ осмѣивать министерство Голицына и давать болѣе простора свободомыслию въ дѣлѣ преподаванія. Я также подвергся косвеннымъ нападкамъ людей, окружавшихъ Шишкова, но такъ какъ онъ не былъ въ состояніи меня низвергнуть, то я продолжалъ проводить реформы, намѣченныя и утвержденныя императоромъ. Я не хотѣлъ оставить предпріятія, внушеннаго самымъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ, и сдѣлать все добро, которое я могъ сдѣлать, создавъ образцовый университетъ, основанный на тѣхъ двухъ единственно возможныхъ основахъ его нравственнаго существованія: религіи и монархическомъ принципѣ, которыя не признаны во всѣхъ новѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ, созданныхъ министерствомъ и скопированныхъ съ оригиналовъ, которые тогда еще вовсе не были подходящи для Россіи. Я ждалъ всего отъ времени и отъ чистоты моихъ намѣреній, хотя министерство Шишкова не обѣщало мнѣ добросовѣстной и твердой поддержки. Привыкнувъ къ перемѣнамъ въ правительственныхъ сферахъ, я полагалъ, что новый порядокъ вещей могъ явиться на смѣну того, который былъ плодомъ интриги. Ибо, не становясь защитникомъ министерства Голицына, я долженъ сказать по совѣсти, что князь, проникнутый самыми благими намѣреніями, грѣшилъ только тѣмъ, что онъ слишкомъ легко поддавался вліянію людей, не заслуживавшихъ его довѣрія, и которые, пользуясь этой слабостью, вводили его въ заблужденіе и ставили въ фальшивое положеніе, сообразно со своими личными выгодами.

Князь Голицынъ, сложивъ съ себя управленіе министерствомъ, не лишился вмѣстѣ со своимъ портфелемъ благоволенія Александра.

Государственный человѣкъ всесилень, когда онъ дѣйствуетъ, опираясь на совѣсть, и поступаетъ осторожно. Онъ можетъ все погубить, когда онъ увлекается насиліемъ, чтобы достигнуть цѣли. Нельзя насилловать ни общественное мнѣніе, ни совѣсть. Великое искусство въ дѣлѣ управленія состоитъ въ томъ, чтобы умѣть повліять на совѣсть людей и на общественное мнѣніе силою убѣжденія. Народы счастливы только тогда, когда они это чувствуютъ. Клѣтка мѣшаетъ гнѣвъ проявлять свою жестокость, но жестокость ея отъ этого не уменьшается.

Шишковъ, поддерживаемый Аракчеевымъ, сохранилъ свой постъ до смерти Александра. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія не произошло перемѣнъ.

Князь Голицынъ удержался при дворѣ, какъ держится всякій царедворецъ, говорящій, что идетъ дождь, когда дождя нѣтъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ, касавшихся отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича.

Два самыя главныя для Имперіи министерства, при ея настоящемъ положеніи, созданныя Александромъ: министерства полиціи и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣли кратковременное существованіе и

исчезли такъ же быстро, какъ быстро появились. Эти полезныя министерства сдѣлались жертвою интриги, которая, къ несчастію, всегда вмѣшивается въ Россіи въ управленіе тѣхъ частей, которыя менѣе всего терпятъ ея козни. Балашовъ, первый и послѣдній министръ полиціи, погубилъ министерство, сдѣлавшись орудіемъ интриги, задавшейся цѣлью погубить Сперанскаго. Голицынъ, первый и послѣдній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, погубилъ это министерство, давъ интригѣ могущественное орудіе, для нападенія на него, тѣмъ, что онъ отдался отъ естественной цѣли министерства, которую онъ смѣшалъ съ роковой склонностью къ чудесному, въ которомъ онъ думалъ найти настоящую основу религіи и образованія. Грустно встрѣчать на каждомъ шагу въ исторіи человѣчества эту склонность искать всегда истину тамъ, гдѣ ея никогда нѣтъ, въ соображеніяхъ ума, тогда какъ она бываетъ вездѣ, гдѣ умъ руководится совѣстью.

Въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно отдѣлять религію и народное образованіе или смотрѣть на нихъ въ духъ протестантства. Какъ только въ дѣла церкви вмѣшается философія или политика, она теряетъ всю свою власть на душу: какъ только образованіе отдѣляется отъ вѣры, оно оказывается пагубнымъ для нравовъ и для общества. Власть разума не такъ всесильна, какъ могущество вѣры, а вѣру порождаетъ и поддерживаетъ только одна религія. Когда исчезаетъ вѣра, то религія дѣлается ненужной съ той минуты, какъ умъ начинаетъ видѣть во всѣхъ мѣропріятіяхъ—мѣропріятія чисто человѣческія, которыя безбожіе и рационализмъ считаютъ только уздою, способною держать народы въ повиновеніи. Вѣра повинуетъ только внутреннему убѣжденію сердца и ума, который никогда не отказывается вѣрить въ то, что чувствуетъ сердце. Сила правды—въ ея очевидности, въ ея результатахъ, въ сознаніи ея владычества надъ умомъ и сердцемъ, которые не коснѣютъ въ невѣжествѣ и злобѣ.

Солнце одинаково грѣетъ человѣка и червяка; то же самое солнце не вызываетъ чувства тепла въ человѣкѣ и червякѣ въ ледникѣ, куда лучи его не могутъ проникнуть.

При кончинѣ Петра I Россія была странюю не цивилизованной на европейскій ладъ, но дикой; но это была страна дѣвственная, которую ея правители легко могли направить въ ту или другую сторону. Петръ первый пренебрегъ общественной нравственностью. Желая развязать себѣ руки, онъ сокрушилъ власть патріарха и только стремился сдѣлать изъ своего народа голландцевъ или нѣмцевъ. Я не хочу этимъ сказать, что патріаршая власть была основою всего нравственнаго зданія, конечно, нѣтъ, но она создавала единство власти, и ея постановленія исполнялись, какъ приговоръ неба, который не можетъ быть отмѣненъ никакою земною властью; эта именно неприкосновенность или непогрѣшимость была, при всеобщемъ невѣжествѣ, тою уздою, которую философія

считаетъ квинтъ-эссенціей всякой религіи. За отсутствіемъ нравственности и религіознаго принципа, такая власть была необходима. Если бы Петръ не уничтожилъ ее, а сохранилъ и встрѣтилъ втораго Никона, то ему не пришлось бы горевать о поведеніи своего отца по отношенію къ патриарху; онъ подготовилъ бы незамѣтно русскій народъ къ принятію нравственнаго принципа, подъ влияніемъ котораго онъ могъ бы постепенно цивилизовать свою страну въ политическомъ отношеніи.

Но, какъ я уже сказалъ, говоря объ его царствованіи, у него не было Фенелона, который научилъ бы его, что такое религія, и направилъ бы его совѣсть. Онъ имѣлъ въ виду только одну политическую цивилизацію народа и для достиженія этой главной цѣли употребилъ самодержавіе и силу.

Всякій народъ, не имѣющій нравственнаго принципа, который налагаетъ христіанство, деморализуется. Примѣромъ того можетъ служить Франція во время террора. Жестокость выводитъ народъ изъ себя, онъ возстаетъ противъ власти, которая хочетъ сдержатъ его матеріально въ порядкѣ, и пытается свергнуть его.

Всѣ преемники Петра увлеклись тѣмъ же принципомъ, и власть религіи все болѣе и болѣе ослабѣвала. По неволѣ приходилось прибѣгать къ насилію и къ силѣ. Что можно сказать, когда видишь, что деморализація идетъ всегда сверху. Дурной примѣръ передается такъ же быстро, какъ электричество; какой человѣкъ не сгораетъ въ огнѣ страстей, этихъ проводниковъ всѣхъ нравственныхъ пороковъ.

Вновь созданныя министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и общей полиціи должны были быть первыми наставниками русской націи при выходѣ ея изъ колыбели. Александръ хотѣлъ сдѣлать для будущихъ поколѣній по крайней мѣрѣ то, что было пренебрегаемо до него. Интрига, повторяю, испортила все и парализовала существованіе трактата Священнаго Союза. Александръ, обезсиленный усиліями и утомленіемъ, хотѣлъ все покинуть: и престолъ, и свѣтъ. Въ этомъ чувствѣ нужно искать настоящую причину его отъѣзда въ Таганрогъ.

Предполагаютъ, что ему было извѣстно о существованіи обширнаго заговора, готовившагося въ Имперіи, и что онъ хотѣлъ даже отречься отъ престола въ пользу своего втораго брата; но мы живемъ еще слишкомъ близко къ этому времени, чтобы знать причины, которыя могли побудить его къ этому. Аракчеевъ, облеченный императоромъ на время его отсутствія властью, какъ его замѣститель, зналъ вѣроятно истинную причину его отъѣзда, но его уже нѣтъ въ живыхъ точно такъ же, какъ и его монарха, и разумъ тщетно будетъ стараться выйти изъ лабиринта, въ которомъ онъ блуждаетъ и будетъ еще долгое время блуждать, не зная всѣхъ совершившихся фактовъ.

Имперія находилась въ ложномъ положеніи. Полное незнаніе того, сколько продолжится отсутствіе императора, держало всѣхъ въ неизвѣст-

ности. Съ удаленіемъ двигательной силы правительственной машины отъ центра ослабли всѣ пружины администраціи. Аракчеевъ былъ тайнымъ могуществомъ, это былъ священный треножникъ, изрекавшій пророчанія. Министры безмолвствовали передъ нимъ, а его молчаніе было краснорѣчиво. Никогда страна, столь громадная, какъ Россія, не представляла такой мрачной картины, какъ та, которую представляла Имперія въ эту роковую эпоху. Иго Аракчеева тяготѣло надъ всѣми частями администраціи. Интрига и недоброжелательство шли рука объ руку, чтобы все извращать и волновать самые твердые умы. Молча, въ тревогѣ, ожидали приѣзда курьера изъ Таганрога.

Вѣсть о болѣзни Александра, несмотря на всеобщее нравственное смущеніе, овладѣвшая всѣми, погрузила все народонаселеніе столицы въ горестное смятеніе.

Но лучъ надежды еще сіялъ. Курьеры слѣдовали одинъ за другимъ, привозя болѣе или менѣе успокоительныя извѣстія. Служили всенародно молебны. Храмы наполнились молящимися. Доброта и великодушіе Александра, слава, которою его войско покрыло Россію, его безкорыстные стремленія ко благу страны, всѣ усилія, сдѣланныя имъ, чтобы спасти національную честь отъ ига Наполеона,—все это заставило забыть важныя ошибки, въ которыя вовлекъ его духъ вѣка. Народъ молча молился о его спасеніи. У Источника жизни просили скорого выздоровленія Его помазанника, который былъ возвеличенъ Имъ надъ всѣми властителями земли, какъ вдругъ новый курьеръ изъ Таганрога привезъ потрясающую вѣсть о кончинѣ Александра, постигшей его 19-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ, въ присутствіи императрицы, его супруги.

Sic transit gloria mundi!!!

Едва прошло 25 лѣтъ ¹⁾ со смерти императора Александра и Наполеона и о нихъ говорятъ уже какъ объ историческихъ личностяхъ, какъ о Цезарѣ, о Карлѣ Великомъ! Лѣтъ черезъ сто о нихъ будутъ вспоминать какъ о герояхъ Гомера!

Александръ не достигъ еще 48 лѣтъ, когда смерть похитила его, въ тотъ моментъ, когда онъ научился познавать людей и ходъ событій, когда опытъ показалъ ему, что эти событія не суть простая игра случая, когда онъ почерпнулъ въ этомъ опытѣ урокъ, который могъ научить его искусству управлять обширнѣйшею въ мірѣ монархіей.

Дѣятельный, полный жизни и силъ, Наполеонъ уступилъ мѣсто подагрику Людовику XVIII, едва влачившему ноги!

Человѣческой разумъ, всегда доискивающийся истинной причины событій, совершающихся на нашихъ глазахъ, съ жадностью цѣпляется

---

¹⁾ Писано въ пятидесятихъ годахъ.

за всевозможныя догадки и предположенія, чтобы объяснить факты, которые ускользають отъ его пониманія. Въ кончинѣ Александра не хотѣли видѣть естественный конецъ всякаго живаго существа. Возрастъ императора, его здоровое тѣлосложеніе, отсутствіе какой-либо болѣзни, подтачивающей силы, умѣренный и правильный образъ жизни,—все это заставляло думать, что преждевременная смерть, прекратившая его дни, была не естественна. Для того чтобы разъяснить это недоразумѣніе, обратились къ исторіи, столь богатой примѣрами, что монархи становились жертвою меча или яда.

Иначе пришлось бы видѣть въ его кончинѣ только неисповѣдимую судьбу Провидѣнія. Всѣ говорили другъ другу по секрету, что Александръ былъ отравленъ.

Безъ сомнѣнія, императоръ Александръ зналъ о заговорѣ, существовавшемъ въ Имперіи. Можетъ быть, ему были даже извѣстны всѣ пружины, пущенныя въ ходъ, чтобы произвести переворотъ. Александръ былъ утомленъ и разочарованъ властью и, удалившись на югъ Имперіи, намѣревался отказаться отъ престола, лишь только это могло бы совершиться безъ потрясенія для государства.

Бунтъ, вспыхнувшій по смерти Александра въ нѣкоторыхъ полкахъ, доказываетъ, что въ Россіи не существовало въ то время желанія произвести политической переворотъ.

Трудно сказать, былъ ли у декабристовъ глава, которому подчинялась вся партія. Говорили, правда, о Тургеневѣ, Муравьевѣ и Пестелѣ, и о выработанномъ ими яко бы проектѣ конституціи, но они доказали, что съ конституціями, составленными на скорую руку въ политическихъ кружкахъ, состоящихъ изъ безбородой молодежи, легче попасть на висѣлицу и на каторгу, нежели привлечь подъ свои знамена народъ, подонки котораго готовы примкнуть къ бунту для того, чтобы свергнуть тяготящее надъ ними иго рабства ¹⁾).

Слѣдовательно, не боязнь революціи могла внушить императору Александру мысль отречься отъ престола и передать его своему наследнику; причиною этого было угнетенное состояніе его умственныхъ силъ и воли, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе держать въ рукахъ бразды правленія.

Пріявъ скипетръ, Александръ не переставалъ трудиться для блага народа. Онъ не хотѣлъ дать странѣ правильную администрацію, съ этой цѣлью онъ счелъ нужнымъ учредить министерства по европейскому образцу. Онъ хотѣлъ дать странѣ либеральную конституцію. Если эти планы не удались, то виною этому былъ не недостатокъ желанія, а то обстоятельство, что Александръ хотѣлъ идти впередъ слишкомъ быстрыми шагами, тогда какъ подобнымъ преобразованіямъ должно пред-

¹⁾ Подразумѣвается крѣпостное состояніе.

шествовать возрожденіе страны. Неудачи не ослабили бы самоотверженной энергіи, съ какою онъ предался этому геркулесовому труду, послѣ того какъ онъ доставилъ своей странѣ силу оружія преобладаніе въ Европѣ; но самая торопливость, съ какою онъ дѣйствовалъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Провидѣніе судило иначе! Александру суждено было завѣщать своему преемнику заботу о политическомъ возрожденіи обширной Имперіи, которую онъ оставилъ ему въ наслѣдство.

Заявивъ при вступленіи на престолъ во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ управлять страню «по сердцу» своей бабки, Александръ достигъ того, что большинство народа, недовольное суровымъ царствованіемъ его отца, обожало его. Лѣтя знати, которой онъ не боялся, видя ея ничтожество, онъ лишалъ ее всякаго вліянія на общественное мнѣніе, противопоставивъ ей спеси новый классъ людей, вышедшихъ изъ ничтожества, которые своими личными дарованіями должны были сокрушить власть аристократіи, неспособной вліять на государственныя дѣла, которыя мало-по-малу были направлены въ ущербъ ея интересамъ. Всѣми этими мѣрами Александръ сообщалъ своей обширной Имперіи такой толчекъ, который никакая человѣческая сила уже не въ состояніи остановить и который подвинулъ Россію впередъ на цѣлое столѣтіе.

Философское воспитаніе, полученное Александромъ, много способствовало поддержанію тѣхъ пагубныхъ заблужденій, коими онъ руководствовался въ первую половину своего царствованія. Личности, коими онъ окружалъ себя по своему собственному выбору, и тѣ, которыя принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ переворотѣ, возведшемъ его на престолъ, и коихъ ему приходилось падить, только поддерживали эти заблужденія. Либерализмъ, философскія идеи и релігіозный индифферентизмъ были единственными основами, на которыхъ зиждилось общественное зданіе. Страшная распущенность рядомъ съ самыми грубыми злоупотребленіями власти представляли чудовищную смѣсь деспотизма и свободомыслія. Вѣрованія не оскорблялись, потому что никто не обращалъ на нихъ вниманія, самое масонство было терпимо, и къ печати разрѣшались самыя безбожныя книги наравнѣ съ сочиненіями, написанными въ строго христіанскомъ духѣ.

Учрежденіе министерствъ и Государственнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонной формѣ правленія. Вновь назначенные министры, директора департаментовъ и начальники отдѣленій, новички въ своемъ дѣлѣ, тщеславные и самоувѣренные до дерзости, возстановили противъ новаго порядка вещей всѣхъ тѣхъ, кои приходили съ ними въ соприкосновеніе по службѣ или вообще имѣли съ ними какія-либо дѣловыя отношенія. Императоръ, увлекаясь новыми формами, данными имъ администраціи, полагая, что его не могутъ упрекнуть въ томъ, что онъ поддерживаетъ въ странѣ невѣжество и варварство, дѣйство-

валъ вполне чистосердечно, развивая свой планъ; но однѣ новыя идеи и нововведенія не мѣняютъ людей и хотя его преобразованія измѣнили ходъ дѣла, но они возбудили вмѣстѣ съ тѣмъ оппозицію. Либерализмъ и неологизмъ дѣлали огромные успѣхи; философскія доктрины нападали вездѣ на невѣжество и суевѣріе старинныхъ религіозныхъ вѣрованій и на сущность монархическихъ принциповъ. Даже духовныя училища поддавались на удочку невѣрія. Либеральная правительственная система поощряла тѣхъ, кто подкапывался подъ основы престола и церкви.

Войны, которыя императору Александру пришлось вести въ первую половину своего царствованія, произвели въ его душѣ глубокой нравственный переворотъ.

Возвратясь въ Россію, онъ счелъ необходимымъ дѣятельно заняться нравственнымъ возрожденіемъ своего народа. Онъ видѣлъ, что русская молодежь, проникнутая современной философіей, шла быстрыми шагами къ полной распущенности нравовъ и мысли, обуявшихъ Европу; онъ хотѣлъ противопоставить этому новую систему христіанскаго воспитанія, которая спасла бы по крайней мѣрѣ будущее поколѣніе отъ заразы, постигшей общество, которое, по его собственному признанію, онъ считалъ нравственно погибшимъ. Съ этой цѣлью, онъ сосредоточилъ въ однѣхъ рукахъ управленіе духовными дѣлами и народнаго просвѣщенія и назначилъ министромъ друга своего дѣтства, князя Александра Голицына.

Ближайшій сотрудникъ Александра въ эту эпоху, Сперанскій, пользуясь довѣріемъ императора, сдѣлалъ весьма много для того, чтобы упорядочить систему воспитанія въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ и искоренить вкравшіяся въ нихъ злоупотребленія. Онъ улучшилъ изученіе древнихъ языковъ, упорядочилъ систему преподаванія, ограничилъ власть епархіальныхъ архіереевъ и изыскалъ богатый источникъ денежныхъ средствъ для содержанія духовныхъ училищъ: обративъ на это доходъ со свѣчей, которыя возжигаютъ передъ образами и употребляются при обрядахъ вѣнчанія и погребенія, и отпусковыхъ молитвъ и вѣнчиковъ, которые кладутся въ гробъ умершаго. Пользуясь исключительнымъ правомъ печатанія и продажи этихъ предметовъ и продажею свѣчей, духовное вѣдомство выручило въ теченіе 30 лѣтъ огромныя суммы денегъ, дошедшія до нѣсколькихъ десятковъ миліоновъ рублей: часть этихъ денегъ была употреблена на улучшеніе духовныхъ училищъ, которыя подверглись коренному преобразованію. Ихъ примѣръ говорилъ въ пользу преобразованія университетовъ, гимназій и прочихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, во главѣ которыхъ стояли въ то время лица неспособныя къ тѣмъ высшимъ должностямъ, коими они были облечены.

Сліяніе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія

было мѣрою безспорно весьма мудрою, но она требовала, чтобы во главѣ этого новаго учрежденія было поставлено лицо болѣе просвѣщенное и характера болѣе твердаго, нежели какимъ обладалъ князь Голицынъ, одушевленный впрочемъ самыми лучшими намѣреніями и стремленіемъ ко всеобщему благу. Голицынъ изъ человѣка индифферентнаго и невѣрующаго сдѣлался религіознымъ и даже набожнымъ, сталъ покровительствовать всему, что носило отпечатокъ истиннаго благочестія, не обращающаго вниманія на искренность убѣжденій.

Не получивъ классическаго образованія, онъ полагалъ, что излишнія знанія только поддерживаютъ гордость и суемудріе, уничтожаютъ вѣру и питаютъ честолюбіе. Вступивъ въ управленіе министерствомъ, онъ открыто заявилъ свои набожныя намѣренія и усердно старался поднять церковь на высоту, на которой она должна стоять нравственно.

Духовенство и преподавательскій персоналъ поняли его намѣренія. Они усвоили себѣ всѣ внѣшнія формы благочестія, но не уничтожили однако зла въ корнѣ. Въ одномъ и томъ же заведеніи преподавали катехизисъ, богословіе, раціональную философію и естественное право. Воспитанники и студенты были обязаны посѣщать богослуженіе, соблюдать посты и въ то же время слышали, какъ ихъ профессоры разглагольствовали объ основныхъ правилахъ христіанской вѣры, о правахъ человѣка и о свойствахъ правительствъ. За ихъ поведеніемъ слѣдили только для проформы, но въ училищахъ царствовала величайшая распущенность нравовъ. Министръ поощрялъ набожность, а приказные осуждали ханжество; принимались мѣры для обузданія распущенности нравовъ, а либеральная философія жаловалась на то, что преслѣдовалась свобода совѣсти и убѣжденій. Публика, охотно принимающая сторону интригановъ, обвиняла министра въ обскурантизмъ, называла его гасильникомъ, покровителемъ квакеровъ и методистовъ, ханжею, человѣкомъ, который готовъ былъ всею пожертвовать для того, чтобы возвыситься. Подобнымъ же обвиненіямъ подвергались и всѣ тѣ, кои чистосердечно содѣйствовали министру въ его видахъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлался предметомъ нападокъ со стороны духовенства, всего педагогическаго персонала, либераловъ и большинства публики, составляющей стадо барановъ.

Интрига, пущенная въ ходъ противъ князя Голицына, не только сломала его, но прекратила существованіе библейскихъ обществъ и заставила упразднить министерство духовныхъ дѣлъ. Народное просвѣщеніе страхнуло тяготѣвшее надъ нимъ иго и вступило на прежній путь подъ управленіемъ другаго министра, не имѣвшаго иныхъ правъ на это званіе кромѣ благоволенія къ нему всемогущаго Аракчеева.

Перев. В. В. Тимошукъ.

Письмо Павла Степановича Нахимова, въ отвѣтъ на поздравленіе съ побѣдою при Синопѣ.

Севастопольскій рейдъ. Корабль „12-ть Апостоловъ“, 19-го марта 1854 г.

Любезный и дорогой мой другъ и братъ Андрей Михайловичъ! ¹⁾

Ты, конечно, на меня сердишься и не повѣришь, если я тебѣ скажу, что до сихъ поръ не имѣлъ времени отвѣчать тебѣ и благодарить за твое радушное и пріятное привѣтствіе, въ которомъ ты меня такъ мило поздравляешь съ побѣдой! Послѣ Синопскаго дѣла возвратясь въ Севастополь, я вскорѣ опять поднялъ свой флагъ на кораблѣ «12-ть Апостоловъ», а съ тѣхъ поръ каждый изъ насъ постоянно былъ занятъ—готовились достойно встрѣтить грозныхъ враговъ драгоцѣнной нашей отчизны.

Итакъ вотъ четвертый мѣсяць, что я на рейдѣ, и ни разу не былъ на берегу. Къ тому же нынѣшняя крымская зима была ужасная, Повѣришь ли: въ каютѣ доходило иногда до 4° морозу, а вода въ графинѣ замерзала довольно часто, то послѣ служебныхъ занятій, спустился въ каюту, право, приходилось не до писемъ, и я откладывалъ почту за почтой. Теперь погода поправилась, но я захворалъ лихорадкой. Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра; докторъ предписалъ нѣсколько дней не выходить на верхъ, и я пользуясь свободой, спѣшу отвѣчать тебѣ, дорогой мой другъ, и благодарить за родственное твое расположеніе и вниманіе.

Ты пишешь, что вся Россія привѣтствуетъ меня съ Синопскою побѣдой—я же долженъ сознаться, что бодрымъ состояніемъ духа нашихъ командъ, прекрасной матеріальной частью флота, Россія обязана покойному благодѣтелю Черноморскаго флота, адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мнѣ же остается благодарить Всевышняго, что Онъ даровалъ мнѣ пожать плоды неусыпной заботливости и постоянныхъ трудовъ

---

¹⁾ Двоюродный братъ адмирала, управлявшій его дѣлами.

бывшаго нашего начальника и друга. Право, всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же, что я.

Теперь вся Европа въ волненіи, надо думать о новыхъ предстоящихъ дѣйствіяхъ. Одинъ Богъ знаетъ, когда мы увидимся съ тобой. Ахъ! если бы года черезъ два или три все успокоилось, и мнѣ дозволили бы годикъ прожить въ деревнѣ въ кругу моихъ добрыхъ родныхъ; право, я поздоровѣлъ и помолодѣлъ бы. Къ тому же вдали отъ всѣхъ васъ я совсѣмъ одичалъ. Былъ при мнѣ одинъ близкій родной Платонъ Воеводскій ¹⁾, да и тотъ теперь почти два года въ отсутствіи, за границей. Здѣсь кстати и мнѣ пріятно тебѣ сказать, что Кернъ молодецъ, прекрасно велъ себя въ сраженіи, получилъ чинъ и фрегатъ, и въ весьма непродолжительномъ времени будетъ командиромъ корабля и экипажа. Прошу тебя, любезный другъ Андрей Михайловичъ, засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе сестрѣ Надеждѣ Яковлевнѣ и перецѣловать за меня милыхъ дочерей. Съ какою бы радостью я познакомился съ ними лично. Прощайте, да благословить васъ всѣхъ Господь всѣми благами въ мірѣ! Не забывайте душевно любящаго и преданнаго вамъ друга и брата.

Р. С. Если ты видишься или переписываешься съ сестрой Ириной Павловной, то засвидѣтельствуй ей мое душевное почтеніе. Сергѣй Михайловичъ Фигліевъ(?) всегда былъ ко мнѣ внимателенъ; передай ему, что я всегда это помню и цѣню.

Сообщилъ А. Х. Алкалаевъ.

---

¹⁾ Племянникъ П. С. Нахимова, сынъ его сестры Анны.

Изъ переписки Н. А. Полевого.

Воспоминанія, дневники, переписка, вообще все литературное наслѣдіе, которое достается потомству отъ болѣе или менѣе выдающихся предковъ, у насъ не пользуется должнымъ вниманіемъ. Разсыянные въ разныхъ мѣстахъ рукописи теряются, портятся, и очень часто изъ богатаго собранія только жалкіе и скудные остатки переходятъ въ руки изслѣдователя. Случается и такъ, что самъ владѣлецъ бумагъ, въ порывѣ раздраженія или болѣзненной мнительности, передаетъ уничтоженію даже тѣ изъ нихъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на цѣлый періодъ его дѣятельности. Повидимому, оба эти обстоятельства имѣли мѣсто въ судьбѣ писемъ Н. А. Полевого; только незначительное число ихъ сохранилось, не смотря на его обширныя знакомства и продолжительную литературную дѣятельность.

Первыя письма Полевого, еще при жизни его, напечатаны на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» ¹⁾, издаваемыхъ его пріятелемъ П. П. Свиннымъ; это было еще до возникновенія «Московского Телеграфа». Затѣмъ, въ «Полярной Звѣздѣ» ²⁾ появилось письмо Полевого къ А. И. Герцену; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ³⁾ помѣщена переписка А. А. Бестужева съ Николаемъ и Ксенофонтомъ Алексѣевичами; въ «Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» ⁴⁾ есть письмо Полевого къ князю Н. Н. Голицыну; въ «Историческомъ

¹⁾ 1824 г., ч. 17, стр. 296.

²⁾ 1859 г., книга 5, стр. 196—198.

³⁾ 1861 г., №№ 3 и 4.

⁴⁾ 1863 г., т. I, отд. V, стр. 212.

Вѣстникѣ» ¹⁾, изданы отрывки изъ дневника Полевого ²⁾, и письмо его къ Н. А. Брянцеву; въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библиотеки» за 1895 годъ находятся два письма къ нему князя П. А. Вяземскаго, въ «Русскомъ Обзорѣнн» — письма къ нему А. А. Бестужева ³⁾, а въ «Вѣстникѣ всемирной исторіи» напечатана ⁴⁾ переписка Полевого съ И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и А. А. Краевскимъ.

Въ трудѣ А. Н. Пыпина «Вѣлинскій, его жизнь и переписка» обнародована переписка съ Полевымъ Вѣлинскаго ⁵⁾; изъ извѣстныхъ писемъ Пушкина три, изъ писемъ А. А. Дельвига — одно адресованы на имя Полевого ⁶⁾.

Остальной матеріалъ распредѣляется въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ» слѣдующимъ образомъ. Въ первой встрѣчаются письма Полевого къ женѣ ⁷⁾, къ барону А. Бюлеру ⁸⁾, къ П. И. Далю ⁹⁾ и письма къ нему Греча, Булгарина, отца Іакинѣа (Бичурина) ¹⁰⁾, Д. П. Рунича ¹¹⁾; во второмъ — письма Полевого къ Пушкину ¹²⁾, и письма къ нему графа А. Х. Бенкендорфа ¹³⁾, Е. А. Боратынскаго ¹⁴⁾.

Если, наконецъ, къ указанному перечню присоединить письма Н. А. Полевого, приведенныя въ «Запискахъ» брата его, то этотъ перечень будетъ, по всей вѣроятности, полный.

Собирая матеріалы для біографіи Полевого, мы имѣли случай найти часть переписки его съ современными ему литераторами. Напечатанныя ниже письма частію хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, частію находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя любезно не отказали намъ въ ихъ сообщеніи.

Н. К. Козминъ.

¹⁾ 1888 г., №№ 3 и 4; 1896 г., № 3.

²⁾ Хотя дневникъ не имѣеть отношенія къ перепискѣ, но упомянуть, какъ рукопись самого Полевого.

³⁾ 1894, № 10, стр. 815.

⁴⁾ 1900 г., № 9 стр. 168—178.

⁵⁾ Т. I, стр. 144, 213.

⁶⁾ Т. VII, стр. 143, 219, 253 (изд. литер. фонда); сочиненія барона А. А. Дельвига, Спб. 1895, стр. 165.

⁷⁾ 1870, т. I, стр. 572—7. ⁸⁾ 1871, № 4. ⁹⁾ 1893 г., № 4, стр. 59. ¹⁰⁾ 1871 г., № 4. ¹¹⁾ 1893 г., № 4, стр. 59. ¹²⁾ 1880 г., т. III, стр. 448. ¹³⁾ 1866 г., стр. 1753; 1874 г., I, стр. 1050. ¹⁴⁾ 1872, № 2, стр. 351.

1.

Н. А. Полевой—Ш. Ш. Свиныну.

22-го января. 1826 г. ¹⁾ Москва.

Послѣ разлуки нашей въ Москвѣ, гдѣ, къ сердечному моему при- скорбію, не успѣлъ я даже и проститься съ вами, столь долго не по- лучая обо мнѣ извѣстій, вы могли подумать, что я или переселился уже ко отцемъ нашимъ, или—но я не думаю, что почтете вы, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, молчаніе мое знакомъ забывчивости, или охлажденія того почтенія и дружбы, которыя привыкъ я питать къ вамъ въ сердцѣ моемъ. Нѣтъ! совсѣмъ не то, но безконечныя хлопоты, досады, огор- ченія и горести, преслѣдовавшія меня съ половины прошедшаго года, вотъ что единственно не допускало меня до пріятности побесѣдовать съ вами. Когда грустно, не хочется ни за что приняться—по крайней мѣрѣ проклятый сплинъ мой, мѣшая многому въ жизни, всегда препят- ствуетъ и дружескимъ сношеніямъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я ни строчки не написалъ никуда, хотя увѣренъ, что многіе даже сердятся на меня за это. Въ васъ, по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что вы снисходите слабостямъ ближняго, особливо когда знаете, что этотъ ближній безъ перемѣны васъ любитъ и уважаетъ.

Со сколькоми вещами мнѣ надобно бы васъ поздравить! Съ благо- получнымъ пріѣздомъ, съ положеніемъ странническаго посоха у подно- жія домашняго пената, съ возвращеніемъ въ вашъ прелестный, незаб- венный для меня кабинетъ, да наконецъ съ новымъ годомъ.

Не исчисляя подробно, оптомъ поздравляю васъ, желая здоровья и счастья въ новомъ годѣ и прося васъ продолжить ваше дружеское ко мнѣ расположеніе.

Какъ знакъ моего почтенія сгѣшу препроводить къ вамъ билетъ на «Телеграфъ», вмѣстѣ съ 1-ою книжкою ²⁾. Запоздалъ я на-ряду со всѣми, но нѣчего (sic) дѣлать, за то поспѣшу слѣдующими книжками, и аще Богъ поможетъ, къ марту надѣюсь управиться, выдавать книжки постоянно въ началѣ и половинѣ каждаго мѣсяца. Прошу васъ увѣдо- мить, любезнѣйшій Павелъ Петровичъ, понравится ли вамъ новое рас- положеніе и характеръ «Телеграфа». Я рѣшился раздѣлить ученую часть отъ чисто литературной ³⁾. Желалъ бы освободить себя отъ послѣдней, ибо много вздору принужденъ помѣщать по неволѣ, но нѣчего, дѣлать:

¹⁾ Изъ собранія рукописей Ш. Ш. Полевого.

²⁾ Черезъ А. Ф. Смирдина.

³⁾ Такое расположеніе статей, дѣйствительно, принято въ „Московскомъ Телеграфѣ“ съ 1826 года.

публика хочеть легкаго. Спасибо ей, она славно награждаетъ меня за стараніе услужить ей, и я никакъ не думалъ заслужить отъ читателей моихъ такого почтенія или чтенія.

Представьте, что по сіе время у меня уже 700 подписчиковъ (sic) и, кажется, до 1.000 доберется. По крайней мѣрѣ, книгопродавцы увѣряютъ, что примѣровъ этому не видали. Вы знаете, что я не употребляю никакихъ постороннихъ средствъ,—просто объявилъ подписку, и кому угодно—бери. Какъ-то у васъ въ Петербургѣ, а здѣсь съ упадкомъ торговли вообще упала и книжная торговля, а журналы особенно. Каченовскій бѣсится, что у него нѣтъ и половины, даже противъ прошлаго года ¹⁾; другихъ журналовъ и 300 экз. не печатается каждаго. Такъ ужъ «Телеграфу» счастье выпало. Увѣдомьте о вашихъ «Отечественныхъ (или, какъ говорятъ французы, о т е ч е с к и хъ) Запискахъ», которымъ искренно желаю тысячей пренумерантовъ, надѣясь, что теперь, будучи на мѣстѣ, вы увеличите ихъ достоинство болѣе и болѣе. Число предметовъ у васъ такъ увеличилось, что теперь, я думаю, вы должны будете умножить и число листовъ. Я ужъ чѣмъ другимъ не отличаюсь, какъ толщиной книжекъ: хочу пустить по 10 листовъ книжку, 36 картинокъ модъ и съ дюжину картинокъ сверхъ того. Дѣло въ томъ, что есть изъ чего, ибо хотя издержки и составятъ почти 20.000 въ годъ, но все за труды останется. Я думаю, что главное хорошо дѣлать, а потомъ уже думать о барышахъ.

Что сказать вамъ о Москвѣ? все по-старому—литература здѣшняя есть существо относительное къ вашему Петербургу и страхъ какъ идетъ тихо. Мы все ждемъ отъ васъ новостей, и вотъ уже здѣсь появились разные петербургскіе гостинцы. Я не начинаюсъ Пушкина! Что за прелесть! какой талантъ огромный! Альманахи нынѣшній годъ что-то оплошали. Если «Сѣверные Цвѣты» ²⁾ не вывезутъ, признаться, не много выиграемъ мы отъ многаго числа ихъ. Не говоря о «Невскомъ Альманахѣ» ³⁾, какъ не совѣстно Ал. Еф. Измайлову выдавать, подъ своимъ шифромъ, такой вздоръ? ⁴⁾ Уранія ⁵⁾ наша, разумѣется, лучше покойницы «Калужской Ураніи» ⁶⁾, но плоха. Завтра явится сборникъ

¹⁾ Говорится про „Вѣстникъ Европы“, издателемъ котораго М. Т. Каченовскій былъ съ 1803 по 1830 годъ.

²⁾ Одинъ изъ лучшихъ русскихъ альманаховъ, издававшійся барономъ А. А. Дельвигомъ (8 кн. 1825—1832 г., съ картинками).

³⁾ „Невскій Альманахъ на 1825—1833 г.“—изданіе Е. В. Аладьина.

⁴⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ альманахѣ „Календарь музъ“, изданномъ на 1826 п 1827 г.

⁵⁾ „Уранія“—карманная книжка на 1826-й годъ, изд. М. Погодинымъ.

⁶⁾ Мѣсто въ оригиналѣ не понятно.

пресловутаго Писарева ¹⁾, который рѣжетъ водевилями журналистовъ, а самъ ничего до сихъ поръ не сдѣлалъ, даже порядочнаго—посмотримъ! Но странно мнѣ, что у вашихъ петербургскихъ откупщиковъ достало духу хвалить мерзость, изданную Глинкою, подъ названіемъ Московско й ²⁾, и сравнивать «Календарь Музъ» и «Уранію» съ двумя солнцами. Кажется, что съ новаго года «Пчелка» забыла весь стыдъ и вретъ безъ стыда и безъ совѣсти, лстить, ползаетъ передъ каждымъ могущимъ снабдить статейкой, и это литераторы!.. И это критика!.. Впрочемъ, все это рѣшило меня рѣшительно не вступать съ ними ни въ какіе споры,—буду иногда щелкать ихъ мимоходомъ—а впрочемъ пусть говорятъ, что имъ угодно и какъ угодно. Я жалѣю, что прошлаго года связывался съ ними. Въ прилагаемомъ письмѣ, которое покорно прошу передать Б. М. Ѳ. ³⁾, благодарю его за предложеніе участвовать въ литературной битвѣ и отказываюсь отъ всякихъ полемическихъ статейекъ, т. е. битвенныхъ битвъ, по переводу кн. П. И. Шаликова ⁴⁾. А прогос, видѣли ли вы его въ новомъ желтомъ мундирѣ? Милъ, да и только

Боюсь, не обременилъ ли я васъ моимъ болтаньемъ; но простите говорливости и вѣрьте, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, что я съ неизмѣннымъ чувствомъ почтенія есмь вашъ усердный и преданный вамъ Н. Полевой.

2.

М. П. Вронченко ⁵⁾—Полевому.

13-го ноября 1827 г. Дерптъ ⁶⁾.

Неожиданныя обстоятельства воспрепятствовали мнѣ исполнить скорѣе обѣщаніе свое: доставить вамъ отрывокъ изъ «Гамлета». Теперь, окончивъ переводъ, я занимаюсь разсматриваніемъ его и поправками, также сличеніемъ мнѣнній различныхъ комментаторовъ. Вся-

¹⁾ Писаревъ, А. И. (ум. 1828)—водевилистъ, врагъ Полевого, издалъ «Драматическій сборникъ для любителей театра и музыки» (1826).

²⁾ Можетъ быть, «Московскій Альманахъ», изд. С. Н. Глинкой.

³⁾ Вѣроятно Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ (род. 1799, ум. 1875)—литераторъ и цензоръ.

⁴⁾ Шаликовъ, Петръ Ивановичъ (род. 1768, ум. 1852 г.), князь изъ грузинцевъ, «слезливый стихотворецъ», издатель «Дамскаго Журнала», служилъ въ гусарахъ.

⁵⁾ М. П. Вронченко (род. 1801, ум. 1855), воспитанникъ Могилевской гимназіи, а затѣмъ Московскаго университета, перешелъ въ военную службу, участвовалъ въ походахъ 1828 г. и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Шекспира («Гамлетъ» и «Макбетъ»), Байрона («Манфредъ»), Гете («Фаустъ») и Мицкевича (2 часть «Дзядовъ»).

⁶⁾ Румянцевскій музей.

кій, кто читалъ Шекспира, знаетъ, какія при переводѣ его должны встрѣчаться трудности: должно или отказаться отъ намѣренія выдержать духъ и тонъ автора, или рѣшительно преодолѣвъ боязнь показаться страннымъ, удержать сколько возможно необыкновенный его способъ выраженія мыслей, часто столько же необыкновенныхъ. Я избралъ послѣднее, и переводилъ, говоря вообще, стихъ въ стихъ, часто даже, гдѣ сходство языковъ то позволяло, слово въ слово, но отступалъ индѣ отъ точности выраженій, умѣряя слишкомъ рѣзкія для нашего вѣка картины. Разумѣется, что, переводя такимъ образомъ, я гладкости стиховъ не считалъ предметомъ (sic) главнымъ, употреблялъ слова некрасивыя, но вѣрно выражающія мысль автора; несообразности въ мысляхъ поправлять я не почиталъ себя въ правѣ. Посему я долженъ просить васъ, если вы напечатаете прилагаемый отрывокъ, оставить его такимъ, каковъ онъ есть, безъ всякихъ поправокъ. Желательно бы мнѣ также было, чтобы въ немъ не нашлось такихъ опечатокъ, какъ въ отрывкѣ изъ «Манфреда», гдѣ отъ ошибочныхъ знаковъ препинанія, отъ перестановки и пропуска словъ (одно пропущено и одно переставлено) потерпѣли и мѣра, и смыслъ.

О, если бъ могъ я быть незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,—

не то, что

О, если бъ я могъ быть незримымъ духомъ
Сихъ стройныхъ звуковъ, музыкой живой.

Запятая не на мѣстѣ совершенно измѣняетъ мысль, и переводъ дѣлается невѣренъ.

Простите мнѣ сии замѣчанія: за что жъ доставить кому-либо право говорить, что я не понялъ того, что переводилъ?

Совершенно отдѣлавъ «Гамлета», я намѣренъ переводить «Макбета» или «Отелло»—еще не рѣшилъ, что имянно, и вообще предполагаю употребить на переводы Шекспира время, остающееся у меня отъ занятій по службѣ. Если вы охотно будете принимать въ вашъ журналъ отрывки сихъ переводовъ, то я готовъ вамъ сообщать ихъ отъ времени до времени.

Еще—посмѣйтесь—одно слово: нельзя ли посадить бѣдныя тире? Они собственность Шекспира и не могутъ быть иногда замѣнены ни запятыми, ни двоеточіями.

3.

Н. Полевой—В. Г. Анастасевичу ¹⁾.Марта 15-го 1828 г. Москва ²⁾.

Мицкевичъ становится высоко надъ всѣми современными поэтами, и ему—повторяю, что сказалъ уже въ «Телеграфѣ»—только 30 лѣтъ. Какого сильнаго полета нельзя намъ ждать отъ Мицкевича! Не знаю, какъ вы, а я въ восторгѣ безпримѣрномъ критика. Величіе предмета, превосходное изложенеіе, выраженія изумляютъ меня!

Книга барона Г. А. ³⁾ почти напечатана и, вѣроятно, скоро будетъ издана. Отличное произведеніе! Даруй вамъ Богъ время кончить вашъ трудъ. У меня касательно Несторовой лѣтописи уже приводятся къ концу три диссертациі, и помнится, что я писалъ къ вамъ объ этомъ. Въ 1-й доказываю я невѣрность положенія, что Несторъ кончилъ 1110 годомъ; во 2-й говорю о послѣдовательности въ его лѣтописи, и какъ должно (по моему мнѣнію) разсматривать начало его исторіи; въ 3-й объясняю его хронологіи по лѣтописцу Никифора патріарха. Приготовилъ матеріалы и для 4-й, гдѣ говорю о Волохахъ и обращаю вниманіе на Валлонскую или Валлійскую землю? Но Богъ знаетъ, когда успѣю все это кончить. Истинно, времени моего часу изочтены, а подобныя сочиненія требуютъ усидки. При этомъ, весьма нуждаюсь въ справкахъ; здѣсь ничего сыскать не возможно. Не могу судить, правильны ли будутъ мои историческіе выводы; но если бы я увѣренъ былъ, что они нехороши и ничего вновь не выяснятъ, то, разумѣется, и не начиналъ бы писать ⁴⁾. Вы слышали уже, вѣроятно, о несчастіи К. Ѳ. Калайдовича. Онъ впутался въ дѣло весьма затруднительное, и, кажется, что помѣшался или, по крайней мѣрѣ, находится въ такомъ раздраженіи, что оно походитъ на сумасшествіе. «Зрителя» его напечатано листа съ три. Не повѣрите, какъ горько видѣть этого съ большими достоинствами и семейнаго человѣка въ бѣдственномъ его состояніи ⁵⁾.

¹⁾ В. Г. Анастасевичъ (род. 1775, ум. 1845)—цензоръ и литераторъ.

²⁾ Рукописи П. Н. Полевого.

³⁾ «Обозрѣніе коричей книги», барона Г. А. Ровенкампа, которое вышло въ Москвѣ въ 1829 г.

⁴⁾ Диссертациі эти намъ неизвѣстны. Въ „Трудахъ и лѣтописяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ“ за 1827 г., ч. III, кн. II есть упоминаніе о предложеніи Полевого издавать лѣтописный сводъ съ вариантами и объясненіями.

⁵⁾ «Русскій Зритель», журналъ, предпринятый извѣстнымъ археологомъ и филологомъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (род. 1792, ум. 1832) въ 1828 г., окончень его знакомыми по причинѣ психическаго разстройства издателя.

Вамъ кланяется добрый нашъ Мицкевичъ, а жена моя, благодаря за доставленный поклонъ и память отъ старыхъ ея подругъ, покорно просить отъ нея также засвидѣтельствовать, что, несмотря на измѣненіе обстоятельствъ, на то, что она уже мать 4-хъ дѣтей и далеко отъ Слб., подругъ своихъ не забываетъ.

Сдѣлайте одолженіе, засвидѣтельствуйте глубокое мое почтеніе многоуважаемому барону Г. А. и супругъ его; простите меня за мое молчаніе, повѣрьте, что всегда съ истинно душевнымъ почтеніемъ я есмь вашъ, м. г., покорный слуга Н. Полевой.

4.

Н. Полевой—В. Г. Анастасевичу.

30-го іюля 1828 г. Москва ¹⁾.

Почтеннѣйшій и отъ души уважаемый Василій Григорьевичъ!

Получивъ вчера послѣ обѣда письмо ваше отъ 24-го іюля, немедленно слѣшу отвѣтить...

Мнѣ прискорбно и грустно думать, если я моимъ предпріятіемъ: издать Исторію Наполеона причинилъ вамъ, хотя и неумышленно, какое-нибудь неудовольствіе ²⁾.

Если цензура должна смотрѣть на духъ и содержаніе книги, то никто не можетъ обвинять ни меня, ни васъ. Духъ сочинителя вышеупомянутой книги самый благонамѣренный—духъ христіанина, друга порядка общественнаго и нравственнаго философа. Въ содержаніи могли встрѣчаться мѣста, гдѣ мнѣнія его, какъ гражданина Британіи, имѣющей свои нравы, обычаи и законы, не могли быть совмѣстны съ нашими мнѣніями, но какая же книга выходила въ Россіи безъ того, чтобы изъ нея чего-нибудь не исключили? Но черезъ это вся книга не должна быть осуждаема на вѣчное изгнаніе. Встрѣчаются еще мѣста, гдѣ авторъ не вѣрно говоритъ о Россіи; ихъ стоило исключить или оговориться примѣчаніями. Послѣ всего этого не понимаю я, за что В. Скоттъ подвергся столь сильному гоненію. Если не полагать различія между запрещенными книгами, то мы впадемъ въ величайшія нелѣпости... Есть книги вредныя, негодныя; есть другія, въ коихъ одна страница можетъ быть негодная, и сіи оба рода книгъ возможно ли подводить подъ одинъ уровень?

Удивляюсь безумію человѣка, который перевелъ и подалъ въ цензуру

¹⁾ Рукописи Н. П. Полевого.

²⁾ См. объ этомъ нашу статью въ „Русской Старинѣ“ 1900 г., № 2.

«Les Ruines» Вольнея¹⁾, и всегда почти себя правымъ, что я рѣшился переводить и представить въ цензуру В. Скоттову Исторію Наполеона. Не знаю, что и какъ будутъ у меня спрашивать по поводу сей книги, но я намѣренъ написать къ министру письмо, въ которомъ объясню ему просто и откровенно свои мысли, надѣясь, что въ немъ найду человѣка, благомыслящаго и неспособнаго къ утѣсненію людей невинныхъ. Но впрочемъ, неуспѣхъ книги для меня малозначителенъ. Единственно жаль о томъ, что мое предпріятіе причинило вамъ неудовольствіе. Никогда еще не былъ я такъ занятъ разными хлопотами, какъ нынѣ. Мнѣ должно благодарить почтенныхъ моихъ согражданъ, что имъ угодно почитать меня гражданиномъ достойнымъ ихъ вниманія. Я не смѣю по долгу совѣсти отказаться отъ трудной должности, какую они на меня возложили, но при изочтенныхъ часахъ досуга отъ занятій журналомъ, другими литературными предпріятіями и разными семейственными обстоятельствами, не считая торговыхъ моихъ дѣлъ, самъ не знаю, какъ могу успѣвать что-нибудь порядочно сдѣлать. Но воля человѣческая сильна, и доброе желаніе сдѣлать, что можно и какъ можно лучше, бываетъ причиною многоаго. Это испытываю на себѣ. Стѣша успокоить себя отвѣтомъ на письмо ваше, не распространяюсь ни о чемъ болѣе. Я послалъ къ вамъ брошурку, изданную мною по части политической экономіи²⁾. Не знаю, понравилась ли она вамъ и почтенному барону.

5.

Князь В. Ѳ. Одоевскій — Полевому³⁾.

Одолжите меня, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, напечатайте прилагаемое объявленіе въ послѣднихъ книжкахъ «Телеграфа» 1828 и въ первыхъ 1829 г. Это изданіе моего добраго пріятеля Врасскаго⁴⁾ (впрочемъ объ имени его прошу не рассказывать) — но это въ сторону, и вамъ его рекомендую не въ этомъ званіи, но въ качествѣ человѣка, по мнѣнію моему, принимающагося за полезное и въ своей сферѣ могущаго хорошо дѣлать свое дѣло.

На нашу журналистику напало какое-то бѣснованіе. Вы надъ сямъ насмѣхаетесь, ибо мало новые журналы общають хорошаго; но я съ

¹⁾ Книга Вольнея, „Ruines ou méditations sur les révolutions des empires“ (1791); русскій переводъ эаго прозведенія намъ неизвѣстенъ.

²⁾ Не разумѣлъ ли здѣсь Полевой брошюру: „Рѣчь о невещественномъ капиталѣ“, вышедшую въ 1828 году.

³⁾ Румянцевскій музей.

⁴⁾ Личность мало извѣстная.

тѣхъ поръ какъ отдѣлился отъ литературы и сдѣлался карикатурою на И. И. Дмитріева, я на это все смотрю съ восхищеніемъ. Забываю о томъ, кто пишетъ и что пишутъ, вижу только, что чернила изводятся, бумага истребляется, станки типографскіе стонутъ, въ лучшихъ обществахъ интересуются русскою литературою и читаютъ, по крайней мѣрѣ, объявленія о русскихъ журналахъ; вижу, что школы умножаются, возникаетъ Педагогическій институтъ ¹⁾ и въ немъ каеэдра философій, что первая мысль о томъ была самого государя, какъ равно и о выставкѣ произведеній русской промышленности, и съ восторгомъ повторяю себѣ, что все это вмѣстѣ называется дѣятельностію! Въ моей сферѣ, въ которую бросила меня судьба ²⁾, я часто скучаю и, измученный работою, часто принужденною, почти всегда сухою и нерѣдко безплодною, я съ грустію вспоминаю о томъ времени, когда я душевную дѣятельность посвящалъ искусствамъ.

6

Н. Полевой—П. М. Строеву.

17-го іюля 1828 г. ³⁾

Чрезмѣрно удивляюсь, что желаніе оправдать себя въ глазахъ начальства заставило васъ написать ругательную статью на человѣка, который въ теченіе пяти или шести лѣтъ старался доказать вамъ свое доброе расположеніе и дружбу. Вамъ угодно вразумлять меня въ тайны исторической хронологіи: буду благодаренъ за такую услугу, умѣя въ то же время награждать презрѣніемъ всякую литературную и домашнюю сплетню, и сожалѣть о людяхъ робкаго, ничтожнаго характера, которые за одинъ взглядъ своего милостивца не пощадятъ ни друга, ни пріятеля.

Я удивляюсь вашей дерзости, что вы бумагу, мнѣ принадлежащую и взятую вами изъ рукъ посторонняго человѣка, безъ согласія моего, передали въ третьи руки и осмѣливаетесь у меня спрашивать: отъ кого я получилъ ее? Не только не подумаю вамъ и всякому другому давать

¹⁾ Педагогическій институтъ, учрежденный для приготовленія учителей и профессоровъ, былъ преобразованъ въ 1828 году и существовалъ до 1858 г.

²⁾ Въ 1826 году Одоевскій поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій.

³⁾ Рукописи П. Н. Полевого. Отрывокъ изъ этого письма былъ напечатанъ въ трудѣ Н. П. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб., 1878 г. (стр. 146). Поводомъ къ ссорѣ Н. А. Полевого съ П. М. Строевымъ послужила рецензія на книгу Ф. Аделунга „Баронъ Мейербергъ и его путешествіе по Россіи“ (Спб., 1827 г.), напечатанная въ „Московскомъ Телеграфѣ“.

отчетъ въ этомъ, но требую, чтобы вы немедленно возвратили мнѣ означенную бумагу. Прошу исполнить это безъ всякихъ проволочекъ и отсрочекъ.

Съ должнымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, имѣю честь быть.

7.

Н. Полевой—И. М. Снегиреву.

4-го августа 1832 г. Москва ¹⁾.

Почтеннѣйшій сосѣдъ и цензоръ, душевно уважаемый Иванъ Михайловичъ!

Се! Повергаю предъ стопы ваши Клятву ²⁾,—не въ томъ, что васъ люблю и уважаю, ибо въ этомъ, надѣюсь, вы безъ клятвъ вѣрите—но клятву, за которую Ширяевъ ³⁾ моетъ мнѣ голову, а Соборъ Недоумокъ и Темиръ Аксаковъ ⁴⁾ просто ругаетъ меня. Благоволите возобновить надзоръ за сею клятвою. Я полагаю посылать ее къ вамъ ежедневно по тетрадкѣ, и покорно прошу васъ позволить за тетрадкою каждою посылать по прошествіи сутокъ. Такъ, за сею тетрадкою, надѣясь на дружбу вашу, прислать завтра. Позволите? Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ недѣль, аще Богъ грѣхамъ потерпитъ, обѣ книжки могутъ быть кинуты въ глотку Недоумки, который осипъ кричавши, что я обманываю публику! Дерзкое невѣжество этого мерзавца доказываетъ новымъ нападеніемъ на васъ за Сандунова ⁵⁾. Онъ не знаетъ различія между Коммиссіею и Канцеляріею составленія Законовъ (которая утверждена была 1769 года, мая 16 дня, два года спустя послѣ комиссіи, отдѣльно см. въ собр. Законовъ, т. XVШ, стр. 889 и т. LXV, стр. 114), не знаетъ и мѣднолобно укоряетъ васъ ⁶⁾. Таковъ онъ всюду и во всемъ.

Не стыдно ли было Перевощикову повторить въ отчетѣ, что онъ

¹⁾ Рукопись П. Н. Полевого. И. М. Снегиревъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1868 г.)—извѣстный археологъ, „собираетъ обычаевъ и преданій“, служилъ цензоромъ въ Москвѣ съ 1828 года.

²⁾ Романъ Н. А. Полевого: „Клятва при гробѣ Господнемъ“; см. нашу статью въ „Журналѣ мин. народ. просвѣщенія“ 1900 г., № 3.

³⁾ Книгопродавецъ.

⁴⁾ Н. И. Надеждинъ и С. Т. Аксаковъ—заклятые враги Н. А. Полевого.

⁵⁾ Н. Н. Сандуновъ (ум. въ 1832 г.)—профессоръ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Московскомъ университетѣ.

⁶⁾ „Рѣчь идетъ объ Екатеринбургской Комиссіи для соглашенія проекта новаго уложенія“.

издаетъ журналъ современнаго Просвѣщенія? Вѣдь надъ этимъ смѣются ¹⁾).

Жаль, что вы не застали меня, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ. Мы пилигримствовали. Касательно дѣла ²⁾, я согласенъ, и при первомъ свиданіи можно объ этомъ покончить. Постараюсь видѣться. Теперь говѣю, а ту недѣлю былъ очень нездоровъ—зубы замучали меня.

Съ ист. почт. всегда есть и буду вашъ усердный Н. Полевой.

8.

Н. Полевой—И. М. Снегиреву.

19-го іюня 1834 г. Москва ³⁾.

Излишне было бы, почтеннѣйшій сосѣдушка, говорить, что я съ истиннымъ удовольствіемъ просмотрѣлъ ваши листочки и тетрадку ⁴⁾. Прилагаю при семъ мои придирки... Можетъ быть, инья вамъ пригодятся. Гдѣ собираете вы такую бездну фактовъ? Трудъ, истинно—достойный уваженія, хоть бы и не освѣщался брильянтовыми перстнями. Опытъ научилъ меня оцѣнять подобные груды. Продолжите, продолжите его! При семъ листокъ и изъ моего неблестящаго труда—Вивліо-е и ки ⁵⁾, который благоволите благословить къ печатанію. Благодарю васъ за ласковое вниманіе ко мнѣ, за сораздѣленіе скорбей и неприятностей. Вы сами отецъ и родственникъ добрый. Но у меня есть, и, пока не потеряю ума, будетъ всегда помощь крѣпкая: вѣра и терпѣніе. Бѣдствія должны устать, наконецъ, если ихъ твердо переносятъ; но сломать они человѣка—передъ нимъ небо и свѣтлая вѣра съ жизнью за гробомъ! Въ обоихъ случаяхъ проигрыша нѣтъ. Къ сожалѣнію, мы ослабѣваемъ, забываемся, горюемъ. И всему основаніемъ эгоизмъ: почему же не мнѣ, а другимъ хорошо? Вѣрьте усердному почтенію Н. Полевого.

¹⁾ Секретарь совѣта Московскаго университета, профессоръ астрономіи и математики Д. М. Перевощиковъ въ университетскомъ отчетѣ за 1832 годъ напечаталъ, что Надеждинъ издаетъ журналъ современнаго просвѣщенія, т. е. „Телескопъ“ („Рѣчи Московскаго университета“, 8-го іюля 1832 года, стр. 29).

²⁾ Мѣсто въ рукописи непонятно.

³⁾ Рукописи П. Н. Полевого.

⁴⁾ Вѣроятно, отрывки изъ труда Снегирева: „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. М. 1837 г. и позже.

⁵⁾ Объ этомъ трудѣ Н. А. Полевого см. нашу статью въ „Русской Старицѣ“ 1900 г., № 2, стр. 428—431.

9.

Н. Полевой—А. О. Вельтману.

20-го декабря 1837 г. С.-Петербургъ ¹⁾.

Два, три дня пропустилъ я безъ отвѣта на ваше милое письмо, любезнѣйшій Александръ Ѳомичъ, пока переговорилъ съ Смирдинымъ о дѣлѣ, и спѣшу имъ начать мое посланіе. Онъ находитъ цѣну нѣсколько дорогою, но главное въ деньгахъ. Множество печатаемыхъ имъ книгъ (болѣе двадцати), устройство въ большемъ видѣ типографіи, гдѣ печатаеть теперь онъ «Сынъ Отечества», и новыя журнальныя его предпріятія, коихъ успѣхъ еще въ рудѣ Божіей, и которыя расхodomъ влекутъ за собой бездну—вотъ все это заставляеть его отказаться отъ покупки книги, о которой вы пишете. Мнѣ крайне жаль, что мое посредство тутъ было безуспѣшно, хотя и искренно.

Теперь, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ другою просьбою. Извѣстно уже вамъ, что съ новаго года пускаюсь я опять во вся тяжкая журнальная—широкими листами хочу двигать «Сѣверную Пчелу», и толще «Библіотеки» выдавать «Сынъ Отечества» (первая книга тридцать листовъ) ²⁾. Радужно и пріязненно готовы мнѣ помогать многіе—ужели вы откажетесь? Вспомните стараго пріятели, напишите, что вамъ угодно положить honorarium, а между тѣмъ пришлите мнѣ что-нибудь ваше милое, игривое—мы въ этомъ сочтемся, если и не сойдемся потомъ. Главное, что редакція ужасно теперь обременена расходами—2.400 подписчиковъ только что окупають ее, полагая по 100 рублей за листъ платежа участникамъ, пока тахитимъ; а между тѣмъ «Сынъ Отечества» былъ почти мертвъ. Надобно воскрешать, поднимать его, и я не буду щадить платы, хоть при малой надеждѣ на успѣхъ, а теперь всего потребнѣе намъ, желающимъ добра русской литературѣ, подкрѣпить его, по возможности, безкорыстнѣе. Долго ли властвовать Брамбеусу? Quousque tandem? Онъ сѣлъ и ѣздитъ на насъ, и если «Сынъ Отечества» теперь не подобеть глиняныхъ ногъ этого Ватиканскаго кумира, то, пеняйте на себя, русскіе литераторы! Я приложу всѣ силы дѣлать, сколько могу, лучше, берусь за работу руками и ногами. Это будетъ мой послѣдній литературный подвигъ, при чемъ, или сдѣлаю что-нибудь хорошее и спасу Русь православную отъ нашествия ляха, или паду и не возстану! Надѣюсь, что все это останется

¹⁾ Румянцевскій музей.

²⁾ Съ 1838 года Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ не только «Сына Отечества», но и «Сѣверной Пчелы».

строжайше между нами, о чемъ я покорно васъ прошу, надѣясь, что послѣ моего искренняго объясненія, вы, съ своей стороны, не откажетесь помочь, мой любезнѣйшій поэтъ. О себѣ скажу, что несмотря на то, что переездъ мой въ С.-Петербургъ сопровождался тысячу всяческихъ досадъ и неудовольствій, я здоровъ. Работа губить и спасаетъ меня въ одно время. А работы у меня теперь—даже смѣшно, какая бездна! Увы—лѣта даютъ при томъ знать себя—жизнь ложится на плечи горбомъ, но—пока живы, будемъ думать о живомъ! Вы, конечно, слышали уже о здѣшнемъ бѣдствіи. Зрѣлище было прискорбное—я не могъ удержать слезъ, видя огонь, пожиравшій эти великолѣпные чертоги русскаго царя, отъ которыхъ теперь стоятъ однѣ обгорѣлыя стѣны. Весь главный корпусъ выгорѣлъ до тла, но огонь не прошелъ къ Эрмитажу и далѣе—все это уцѣлѣло. Пожаръ продолжался почти трое сутокъ, начавшись, какъ говорятъ, съ аптеки ¹⁾.

Простите, и вѣрьте совершенной преданности, съ коею есть и всегда будетъ къ вамъ Н. Полевой.

10.

Н. Полевой—Н. И. Гречу.

5-го марта 1841 г. С.-Петербургъ ²⁾.

Скажите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будетъ ли у васъ въ пятницу журнальное засѣданіе, и гдѣ: у меня, или у Н. В. Кукольника?

Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою—докончить нашъ маленькій расчетъ по «Русскому Вѣстнику» отдачею мнѣ остальныхъ 500 рублей, какъ говорено. Вѣдь это бездѣлка, а мнѣ великое пособіе, да уже и конецъ дѣлу. Весьма обяжете. Чувствую, что надоѣдаю вамъ и уподобляюсь Глинкѣ ³⁾. Что дѣлать! Не думалъ было до того дожить и въ старину не зналъ и не терпѣлъ счета въ деньгахъ. Впрочемъ, надѣюсь скоро разбогатѣть и вѣрю пословицѣ, что денегъ нѣтъ передъ деньгами. Мнѣ надобно при свиданіи сообщить вамъ любопытныя извѣстія о себѣ. Надеждъ впереди гора, да только жаль, не спрашиваютъ у гуся, не зябнуть ли у него ноги. До тѣхъ поръ, пока надежды перейдутъ въ дѣйствительность, простите моей докучѣ и не сердитесь на того, кто душевно преданъ вамъ, есть и пребудетъ, вашъ усердный Н. Полевой.

При семъ прилагаю счетъ и росписку въ полной суммѣ.

¹⁾ Объ этомъ пожарѣ есть особая брошюра князя П. А. Вяземскаго: „Incendie du Palais d'hiver à Saint Pétersbourg“, P. 1838.

²⁾ Рукописи П. Я. Дашкова.

³⁾ Глинка, Сергѣй Николаевичъ (род. 1775 г., ум. 1847 г.).

11.

Н. Полевой—А. Н. Гречу.

16-го января 1842 г. СПб. ⁴⁾

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, пришлите рукопись Елены Глинской ²⁾, ибо она вамъ теперь не нужна, а ее просятъ для скорѣйшей монтировки на сцену,—пьесу, и еще экземпляръ 2-й книжки Репертуара, для передачи Мауреру; вчера посылаю я къ Ратькову ³⁾, но онъ сказалъ, что еще книжка не выходила. Весьма всѣмъ этимъ обяжете.

Прилагаемую записку передайте паненькѣ, при засвидѣтельствovanіи моего глубокаго почтенія, коимъ къ нему и къ вамъ преисполненъ. Преданный Н. Полевой.

Что это за злодѣй такой Фаддей Венедиктовичъ (Булгаринъ)! Берется защищать Ламбина ⁴⁾ и находить его гадкую компиляцію написанною умно и съ европейскимъ взглядомъ на событія! Досадно, что сердиться-то на него нельзя: точно кокетка, то прибить, то цѣловать хочется!

12.

Н. Полевой—князю (Н. Н. Голицыну) ⁵⁾.27-го іюля 1842 г. С.-Петербургъ ⁶⁾.

Мнѣ надлежало бы начать просьбою простить меня въ долговременномъ молчаніи, даже послѣ вашего обязательнаго письма. Но совѣсть запрещаетъ оправдываться противъ вины непростительной, а исчислять вамъ причины не стану. Судьба и люди тормозятъ меня безъ милосердія—терплю, молюсь, работаю и уповаю, что наконецъ и

¹⁾ Рукописи П. Я. Дашкова.—А. Н. Гречъ—сынъ Николая Ивановича.

²⁾ „Елена Глинская“—драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ была напечатана Полевымъ во II книжкѣ „Репертуара и Пантеона театровъ“ за 1842 г.

³⁾ Ратьковъ, П. А.—книгопродавецъ, управлявшій конторой „Московского Телеграфа“.

⁴⁾ См. „Сѣверную Пчелу“, № 12 за 1842 годъ. Рѣчь идетъ объ „Исторіи Петра Великаго“, написанной Н. П. Ламбинымъ.

⁵⁾ Не къ князю-ли Николаю Николаевичу Голицыну, бывшему предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета (ум. 1860 г.).

⁶⁾ Румянцевскій музей.

люди и судьба утомятся. Тогда оправдаюсь во всемъ. Я надѣялся съ самой Пасхи лично васъ видѣть въ Москвѣ, но не было возможности ѣхать изъ болотъ финскихъ, и вотъ—кладу мою повинную голову—рубите, но только простите!

Между тѣмъ необходимость принуждаетъ меня быть безстыднымъ, когда могу опасаться вашего на меня гнѣва; я осмѣливаюсь обременить васъ моею покорнѣйшею просьбою—простите еще разъ и вины мои и просьбу!

Вчера встревожило Смирдина и меня представленное къ намъ общимъ требованіе. Вексель мой въ тысячу рублей, которыхъ до сихъ поръ я не заплатилъ вамъ, присланъ почтеннымъ родственникомъ вашимъ, на имя коего писалъ, и по оному требуютъ отъ насъ немедленнаго платежа, угрожая подать его ко взысканію. Въ страхъ прибѣгаю при сей крайности къ великодушію вашему. Довершите обязательность вапу, ваше сіятельство, малымъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ. Ни Смирдинъ, ни я не имѣемъ никакой возможности заплатить. Даю честное слово, что платежъ будетъ вполнѣ учиненъ, и даже не далѣе новаго года, если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ трудахъ моихъ; но теперь подача ко взысканію только угнѣтетъ меня, и я смѣю надѣяться, что вы не захотите обременить меня, полубольного отца семейства, когда я помню мою обязанность, и въ душѣ моей сохраняю чувство всѣхъ вашихъ вниманій, всей вашей приязни. Можетъ быть, даже и вамъ я на что-нибудь гожусь.

Могу ли надѣяться, что вы не отвергнете моей покорнѣйшей просьбы? Въ такомъ случаѣ благоволите сказать почтенному родственнику вашему, чтобы онъ велѣлъ пріостановить требованіе, а паче взысканіе. Безъ того, комиссіонеръ его, дѣйствуя, какъ купецъ, не уважить моихъ просьбъ. Онъ исполняетъ свою обязанность.

Сегодня день св. Цѣлителя Пантелеймона—и сцѣлите меня отрадою снисхожденія, и тѣмъ докажите, сіятельный князь, что вами не забытъ, какъ человекъ искренно васъ любящій, преданный вамъ, и пребывающій съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга Н. Полевой.

13.

Н. Полевой—А. О. Вельтману.

9-го іюля 1845 г. Спб. 4)

Вотъ, любезнѣйшій поэтъ, явленіе любопытное: французскій художникъ, который воспламенился мыслью написать битву Куликовскую,

4) Румянцевскій музей.

прѣхаль въ Россію, ѣдетъ въ Москву—вглядѣться въ Святую Русь, и хочетъ посѣтить поле Куликовское! Не откажите ему совѣтомъ и руководствомъ, тѣмъ болѣе, что найдете въ немъ любезнаго, образованнаго художника. Вы теперь у источника драгоцѣнностей, которыя И...у надобно изучить; вы при томъ поэтъ, и моя просьба можетъ быть что-нибудь значить въ глазахъ вашихъ, а я, право, не измѣняюсь въ моихъ чувствахъ, люблю васъ, какъ человѣка и поэта. Увы! Моя проза еще жива; но безпрестанно хвораетъ, и только чухонское лѣто поставило меня на ноги. На долго ли, не знаю, но во всякомъ случаѣ знаю за достовѣрное, что живой и мертвый я не перестану любить и уважать васъ, и въ Элизіи буду вашъ преданный Н. Полевой.

Послѣдствія невыученаго урока музыки.

Въ 1847-мъ году отрокъ Евстафій Войцеховскій, по смерти родителей своихъ, взятъ дядею въ Ломжу на воспитаніе. Послѣдній былъ нравомъ крутенецъ и сумѣлъ внушить къ себѣ такой страхъ, что юный Евстафій, не выучивъ какъ-то урокъ на фортепіано, не рѣшился вернуться домой и пошелъ себѣ куда глаза глядятъ.

Шатаясь по разнымъ мѣстамъ, онъ побывалъ за границей въ Кѣнигсбергѣ и, наконецъ, въ 1855 г. въ мѣстечкѣ Устилугѣ Волынской губерніи задержанъ полиціею.

Товарищъ по камерѣ, опытный арестантъ, посоветовалъ ему назваться уроженцемъ мѣстечка Махновки, Васильевымъ; но, предъявленный мнимому «родителю», отставному солдату, имъ не признанъ и по рѣшенію Бердичевского уѣзднаго суда, въ качествѣ бродяги, отданъ на одинъ годъ въ рабочій домъ, а въ февралѣ 1858 года, 18 лѣтъ отъ роду, высланъ въ восточную Сибирь.

Разочаровавшись въ практичности даннаго ему совѣта, Войцеховскій въ Сибири открылъ свое званіе.

Дядя его призналъ, объяснивъ, что юноша, не имѣя склонности къ наукамъ, и ранѣ бродяжничалъ, проживая при костелахъ и монастыряхъ; побѣгъ племянника считаетъ проявленіемъ «потомственной болѣзни ума», что и заставило родственниковъ отказаться отъ болѣе настойчивыхъ розысковъ.

Сообщилъ А. Мердеръ.

Петербургскіе нравы въ концѣ двадцатыхъ годовъ.

(Изъ хроники Нѣмецкаго клуба).

Въ первой половинѣ августа 1826 года, начальникъ главнаго штаба представилъ императору Николаю безымянную записку слѣдующаго содержанія:

«Старшины малаго танцевальнаго Нѣмецкаго клуба, на лѣтнее время, нанимающіе садъ при домѣ, бывшемъ графа Зубова на Фонтанкѣ, примѣчали, что многіе, и особенно теперь изъ корпусовъ выпущенные офицеры, вмѣсто обыкновеннаго входа съ платежемъ 3 рублей съ посѣтителя, перелѣзали съ переулка чрезъ заборъ и такимъ образомъ пировали въ саду безденежно. Къ отвращенію сего, форштегеръ клуба, столярный мастеръ Гагеманъ выдумалъ: мѣсто забора, гдѣ офицеры лазятъ, вымарать дегтемъ, и въ минувшее воскресенье 9-го сего августа 1826 г., нѣсколько офицеровъ перелѣзши черезъ заборъ, выпачкались и съ замазанными дегтемъ мундирами явились въ клубъ, и, тѣмъ обличенные въ обманномъ входѣ, завели шумъ и ссору съ форштегерами, изъ коихъ одному офицеръ, и кажется военно-сиротскаго корпуса, далъ оплеуху».

Государь поручилъ петербургскому военному генераль-губернатору, генераль-адъютанту Голенищеву-Кутузову, произвести разслѣдованіе этого происшествія.

«Изъ личныхъ объясненій моихъ, — писалъ Кутузовъ¹⁾, — съ форштегеромъ Гагеманомъ и изъ свѣдѣній полиціи явствуетъ слѣдующее:

1) Въ тотъ день, когда въ пользу эконома былъ данъ балъ 8-го числа минувшаго августа, дѣйствительно одинъ молодой человѣкъ, однакожь не офицеръ, ибо былъ во фракѣ, — вошедшій въ собраніе безъ билета и безъ платежа положенныхъ за входъ 3-хъ рублей, былъ остановленъ въ саду и обращенъ изъ собранія, но безъ всякаго шума и усилій съ одной и другой стороны. Имя сего человѣка не извѣстно. По словамъ Гагемана, онъ самъ его остановилъ, и кромѣ объясненій о невозможности быть ему въ собраніи безъ соблюденія принятыхъ пра-

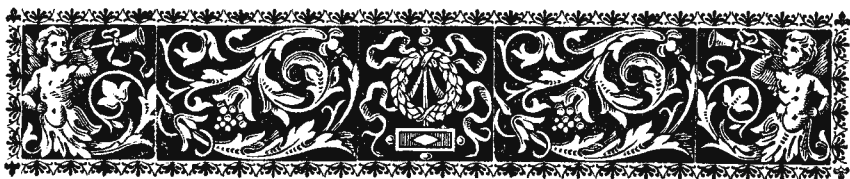
¹⁾ Дибичу, въ отношеніи отъ 3-го сентября 1826 г. № 299.

вилъ,—ничего другаго при семъ не происходило. Сей неизвѣстный въ садъ вошелъ не черезъ заборъ, но черезъ обыкновенный ходъ, а потому и не могъ вымарать свое платье дегтемъ. Этотъ неизвѣстный былъ пьянъ и когда форштегеръ Гагеманъ сводилъ его съ лѣстницы до дрожекъ, онъ другаго форштегера, помогавшаго сводить, замахнулся ударить по щекъ, но сей послѣдній уклонился. Тѣмъ все кончилось и старшины оставили сіе безъ вниманія.

2) Происшествіе на счетъ вымазанія забора дегтемъ происходило 4 года тому назадъ въ домѣ барона Раля, который состоитъ въ новой Голландіи по Мойкѣ, близъ запасныхъ магазейновъ и когда тамъ малой танцевальный клубъ имѣлъ на лѣтнее время свои собранія. По словамъ форштегера Гагемана, который нѣсколько уже лѣтъ отправляетъ сію должность, тогда въ домѣ барона Раля замѣчено было, что многіе молодые люди, въ томъ числѣ и офицеры,—не бравъ билетовъ, входили въ собраніе черезъ заборъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ для того удобенъ: отъ чего происходили объясненія, болѣе и менѣе неприятныя, и чтобъ впредь избѣжать сего, равно и заградить входъ въ собраніе чрезъ заборъ, форштегеръ Гагеманъ купилъ бочку дегтю и вымазалъ нѣкоторыя части забора. По словамъ Гагемана, онъ не помнитъ, чтобъ послѣ того кто-либо, а паче офицеры, черезъ заборъ, такимъ образомъ намазаный, перелѣзали и входили въ собраніе.

«Чтобы дать точнѣйшее понятіе о собраніи малаго танцевальнаго клуба, я считаю нужнымъ въ заключеніе изъяснить, что сей клубъ состоитъ большею частію изъ однихъ мастеровыхъ. Въ члены онаго допущены и нѣкоторые чиновники, малая однако же часть, и то изъ меньшихъ классовъ, слѣдственно незначительныхъ. Въ собраніяхъ сего клуба, какъ составленнаго изъ людей мастеровыхъ, нельзя и ожидать той строгости въ соблюденіи общихъ приличій, каковая признана необходимою въ собраніяхъ высшаго сословія. Здѣсь вообще члены въ вечернихъ собраніяхъ послѣ трудовъ позволяютъ себѣ употребленіе напитковъ. Такимъ образомъ и во время, когда бываютъ нарочитыя собранія съ музыкою и танцами, бываетъ то же употребленіе, и сіе послѣднее не почитается никому въ предосужденіе. Со всѣмъ тѣмъ тишина и спокойствіе строго сохраняются. На сей конецъ старшины обязаны доводить до свѣдѣнія полиціи всякое происшествіе болѣе или менѣе значительное. Сверхъ того во время баловъ находятся тутъ и чиновники полиціи».

ЗАБЫТЫЙ ПОДВИГЪ.

Въ Исторіи Дагестанскаго пѣхотнаго полка, составленной г. Игнатовичемъ подъ скромнымъ именемъ «Боевой лѣтописи», встрѣчается одинъ эпизодъ, который безусловно занялъ бы одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи нашей кавказской войны,—если бы авторъ передалъ его такъ, какъ онъ происходилъ въ дѣйствительности. Довольно сказать, что десять, а потомъ пять человѣкъ солдатъ, подъ командой храбраго офицера, послѣдовательно отразили одну за другою двѣ сильныя партіи горцевъ,—и не только отразили, но заставили ихъ бросить всю захваченную у насъ добычу. Ничего подобнаго вы не найдете у г. Игнатовича,—и дѣло, по истинѣ достойное легендарныхъ временъ Циціанова, получило въ его рассказѣ обычную окраску.

Мы говоримъ это однако не въ укоръ почтенному автору, талантливый и вполне добросовѣстный трудъ котораго заслуживаетъ полного уваженія. Авторъ воспользовался въ данномъ случаѣ одними официальными источниками: журналомъ военныхъ происшествій и донесеніями маіора Богдановича, капитана Ассѣва и штабсъ-капитана Лазарева, которые и ввели его въ заблужденіе. Давно извѣстно, что исторія не можетъ довольствоваться одними официальными свѣдѣніями. Ея жизненная сила—рассказы очевидцевъ, которые не только иллюстрируютъ, но иногда и совершенно измѣняютъ самый смыслъ казенныхъ бумагъ, составляемыхъ нерѣдко подъ вліяніемъ такихъ соображеній, которыя не имѣютъ ничего общаго съ описываемымъ дѣломъ. Приведенный выше эпизодъ лучше всего подтверждаетъ эту старую истину.

Вотъ какъ записано это дѣло въ журналѣ военныхъ происшествій ¹⁾.

¹⁾ Журналъ военныхъ происшествій въ Прикаспійскомъ краѣ съ 21-го по 23-е ноября 1854 года.

«23-го ноября 1854 года команда изъ 32-хъ человекъ нижнихъ чиновъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лазарева ¹⁾, сопровождая изъ Огловъ транспортъ съ дровами для Аймякинскаго укрѣпленія, была атакована неприятельскою партіею, которая, пользуясь густымъ туманомъ, пропустивъ голову колонны, гдѣ шла большая часть команды,—бросилась въ середину транспорта въ пашки. Штабсъ-капитанъ Лазаревъ, несмотря на превосходную численность неприятеля, ударилъ безъ выстрѣла въ штыки, опрокинулъ горцевъ и отбилъ нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ жителей; потомъ, открывъ ружейный огонь, онъ началъ преслѣдовать отступавшаго неприятеля къ Араканскому спуску. По тревогѣ этой выбѣжали оглинскіе и кулециминскіе жители и стремительно бросились за отступавшими, желая отбить захваченныхъ въ плѣнъ четырехъ человекъ своихъ односельцевъ; въ запальчивости они наткнулись на другую еще сильнѣйшую партію, бывшую въ засадѣ, и могли бы пострадать, но были въ-время поддержаны командиромъ 1-го батальона Дагестанскаго полка маіоромъ Богдановичемъ,—поспѣшно выбѣжавшимъ на тревогу съ частью аймякинскаго гарнизона и аймякинскими жителями,—который, не давъ опомниться горцамъ, быстро атаковалъ ихъ, прогналъ и освободилъ тѣмъ подвергавшихся большой опасности оглинскихъ и кулециминскихъ жителей. Съ нашей стороны въ рукопашной схваткѣ тяжело раненъ нѣсколькими сабельными ударами одинъ рядовой и легко ранены два жителя».

Въ этомъ разсказѣ есть все: и команда, прикрывающая транспортъ подъ начальствомъ офицера, и быстрый сборъ отрядовъ на тревогу, и стремительныя атаки пѣхоты,—есть все, и нѣтъ только правды. Будучи хорошо знакомъ со всѣми подробностями этого дѣла, я считаю долгомъ, къ славѣ того же Дагестанскаго полка, въ рядахъ котораго нашлись герои, проникнутые духомъ Карягина и Котляревскаго,—разсказать эпизодъ этотъ такъ, какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ. Но прежде скажу нѣсколько словъ о тѣхъ источникахъ, которыми я въ свою очередь буду руководствоваться.

Въ 1887 году, собирая матеріалы для описанія кавказской войны, мнѣ удалось розыскать въ архивѣ бывшаго штаба кавказскаго корпуса довольно объемистое дѣло, озаглавленное такъ: «По просьбѣ Дагестанскаго пѣхотнаго полка капитана Лазарева о награжденіи его за дѣла съ горцами» ²⁾.

Это большое, весьма любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло тянулось почти девять лѣтъ, и, въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ воздвиг-

¹⁾ Яковъ Давыдовичъ Лазаревъ, родной братъ знаменитаго Карскаго героя, генераль-адъютанта Ивана Давыдовича,—нынѣ полковникъ въ отставкѣ.

²⁾ Дѣло награднаго стола 1858 года по описи № 70. Начато 7-го февраля 1858 года. Кончено 27-го августа 1865 года на 94 листахъ.

гаемыя препятствія, все-таки выяснило истину. Въ своемъ разсказѣ я и буду руководствоваться этими вполне официальными документами, дополнивъ ихъ только сообщеніями очевидцевъ, которыя успѣлъ записать въ Дагестанѣ.

Это было въ томъ же 1887 году, когда мнѣ пришлось посѣтить Хунзахъ въ одну изъ самыхъ интересныхъ минутъ его жизни—въ день освященія знамени, пожалованнаго аварскому народу въ память пораженія Кази-Муллы подъ Хунзахомъ. На это торжество собрался почти весь Дагестанъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, и я имѣлъ возможность познакомиться со многими выдающимися дѣятелями Шамилевской эпохи. Здѣсь, между прочимъ, встрѣтилъ я и старыхъ юридовъ, пріѣхавшихъ изъ Араканъ, и жителей нашихъ мирныхъ ауловъ, одинаково участвовавшихъ въ дѣлѣ 23-го ноября и передававшихъ подробности о немъ съ такою наивною и дѣтскою простотою, отъ которой вѣяло одной только святою истиной.

Вотъ какъ происходило дѣло: транспортъ, слѣдовавшій изъ Кака-Шуры, жители которой, въ видѣ натуральной повинности, обязаны были доставлять дрова въ Аймякинское укрѣпленіе,—ночевалъ 22-го ноября въ Оглахъ. Такъ какъ ему на слѣдующій день приходилось перевалить черезъ высокій хребетъ, за которымъ лежало Аймякинское укрѣпленіе, то его отправили задолго еще до восхода солнца, подъ прикрытіемъ не 32-хъ, какъ сказано въ «журналѣ», а всего 20-ти рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. Прикрытіе очевидно назначено было слабое, а между тѣмъ правитель Мехтулинскаго ханства Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ увѣдомилъ командовавшихъ на передовыхъ постахъ дагестанскими ротами маіора Богдановича и капитана Асѣева, что въ Араканахъ собирается значительная партія горцевъ съ цѣлью напасть на наши верхнія Мехтулинскія деревни. Слѣдилъ ли араканскій наибъ Ибрагимъ за движеніемъ этого обоза, или же случайно узналъ о немъ отъ лазутчиковъ,—неизвѣстно,—только онъ рѣшилъ тотчасъ же воспользоваться слабостью прикрытія и напасть на транспортъ, чтобы отбить воловъ и захватить въ плѣнъ подводчиковъ. Партія выступила ночью и, достигнувъ Араканской долины, отдѣлила отъ себя 200 человекъ подъ начальствомъ Самсудина, который, поднявшись на Аймякинскія горы, долженъ былъ сдѣлать засаду въ томъ мѣстѣ, гдѣ Оглинская дорога, поднявшись на самый хребетъ, вачинаетъ спускаться къ укрѣпленію. Самъ же Ибрагимъ съ пятьюстами всадниковъ остался въ долинѣ, чтобы въ случаѣ погони прикрыть отступление Самсудина и дать ему возможность увезти добычу.

Утро было сырое и туманное. Огромный транспортъ изъ 68 воловыхъ подводъ, при которыхъ находилось 68 подводчиковъ, медленно поднимался на гору по узкому ущелью, обрамленному съ обѣихъ сто-

ронъ нависшими скалами. Прикрытіе частью шло впереди, а частью разсыпалось вдоль всего обоза, помогая аробщикамъ втаскивать тяжело нагруженныя арбы на гору. Малорослые быки выбились изъ силъ, и транспортъ растянулся. Заднія арбы не добрались еще до половины подъема, когда переднія достигли уже перевала, откуда начинался еще болѣе крутой, идущій зигзагами спускъ къ самому укрѣпленію. До него оставалось не болѣе двухъ верстъ. Въ ясные дни Аймякинское укрѣпленіе съ его массивными башнями видно отсюда, какъ на ладони, но тогда оно затонуло въ волнахъ ходившаго внизу тумана, и даже кругомъ ничего не было видно. Вдругъ грянулъ залпъ, и въ ту же минуту партія горцевъ съ гикомъ ринулась въ шашки. Смятеніе произошло ужасное. Безоружные погонщики въ ужасѣ не смѣли даже бѣжать и сами отдавались въ руки непріятеля. Прикрытіе, захваченное врасплохъ, не могло оказать сопротивленія и было разсѣяно; одинъ солдатъ, настигнутый горцами, былъ изрубленъ шашками, остальные бѣжали. Только унтеръ-офицеръ Еремѣй Ивановъ съ двумя рядовыми засѣлъ за какую-то арбу и, рѣшившись умереть на своемъ посту, отстрѣливался отъ горцевъ. Непріятель между тѣмъ проворно отпрягалъ воловъ, сбивалъ ихъ въ кучу и забиралъ подводчиковъ, считая ихъ уже своею добычею. Но тутъ, благодаря случайному обстоятельству, котораго не могла предвидѣть предусмотрительность горцевъ, дѣло приняло совершенно иной оборотъ.

Спустя два-три часа послѣ ухода транспорта, по той же Аймякинской дорогѣ выѣхалъ изъ Огловь штабсъ-капитанъ Лазаревъ, командовавшій 2-ю мушкетерскою ротою. Онъ ѣхалъ въ Аймяки въ гости къ одному изъ товарищей и взялъ съ собою конвой изъ десяти рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ Качковскимъ. Они уже догоняли обозъ, — какъ вдругъ впереди послышался ружейный залпъ и затѣмъ дикіе крики, шумъ, гамъ и смятеніе. Лазаревъ, ѣхавшій верхомъ, вскочилъ на ближайшій уступъ и увидѣлъ страшную картину разгрома нашего транспорта, мимо него бѣжали одиночныя, спасавшіеся люди. Онъ сталъ ихъ останавливать, а между тѣмъ подоспѣлъ конвой, и Лазаревъ, выдвинувшись съ нимъ вправо отъ обоза, далъ дружный залпъ и вслѣдъ за тѣмъ съ крикомъ «ура!» бросился на непріятеля. Все это произошло такъ неожиданно, такъ быстро, что дружный ударъ 11-ти чело-вѣкъ привелъ непріятеля въ полное замѣшательство. Не видя въ густомъ туманѣ, кто на нихъ нападаетъ, горцы дрогнули и отхлынули назадъ отъ обоза. Въ эту минуту Лазаревъ далъ новый залпъ, и когда нѣсколько всадниковъ слетѣло съ ковей, непріятель, не отдавая уже отчета, что происходитъ кругомъ, обратился въ полное бѣгство, едва успѣвъ подхватить своихъ убитыхъ и раненыхъ.

— Мы знали наперечетъ, — рассказывалъ мнѣ въ Хунзахѣ одинъ

изъ горцевъ,—сколько людей находилось въ прикрытіи, видѣли, какъ они бѣжали и заключили, что эти дружные, выдержанные залпы могли принадлежать только какой-нибудь новой части, которая скрытно шла за обозомъ, и о которой мы ничего не слыхали. Въ первую минуту намъ ясно представилось, что лазутчики намъ измѣнили, что роты, стоявшія въ Оглахъ, уже отрѣзали намъ отступление, — и мы естественно прежде всего должны были позаботиться о собственномъ спасеніи.

Такимъ образомъ, Лазаревъ съ однимъ своимъ конвоемъ спасъ цѣлый транспортъ, выручилъ разбитое прикрытіе, отбилъ назадъ 136 воловъ и освободилъ отъ плѣна 68 подводчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ прострѣленъ пулею въ плечо.

Приказавъ Качковскому съ пятью рядовыми остаться при обозѣ, онъ со всѣми остальными людьми бросился преслѣдовать бѣгущихъ. Дорога представляла собою узкую тропу и шла по гребню Аймякинской горы до самаго мѣста, гдѣ начинался спускъ въ Араканскую долину. Спускъ этотъ былъ перекопанъ нами глубокимъ ровомъ съ цѣлью затруднить отступление горцамъ изъ нашихъ предѣловъ,—и партія летѣла во всѣ повода, чтобы какъ можно скорѣе перескочить этотъ ровъ, за которымъ могла считать себя въ безопасности. Солдаты, едва переводя духъ отъ усталости, продолжали стрѣлять на бѣгу и если не причиняли горцамъ вреда, то все же свистъ пронесившихся пуль удручающе дѣйствовалъ на горцевъ, показывая, что погоня у нихъ на слѣду.

Туманъ, между тѣмъ, сталъ подниматься, и Лазаревъ замѣтилъ новый конный отрядъ, который шелъ въ гору, видимо направляясь на перерѣзъ непріятелю, по прямой дорогѣ, мимо Ахъ-Кента. Это были оглинскіе и кулециминскіе жители, выскочившіе на тревогу, подъ начальствомъ своего пристава, Магометъ-кадія оглинскаго, человѣка настолько же храбраго, насколько запальчиваго до сумасшествія. Ихъ было до сорока всадниковъ. Они обогнали Лазарева надъ спускомъ въ Араканскую долину, но непріятель былъ уже на той сторонѣ перекопа, и благоразуміе требовало бы остановиться. Но во-первыхъ, оглинскій кадій во всю свою жизнь не могъ разобраться, гдѣ находилась граница между благоразумною осторожностью и самою неразумною трусостью, которыя въ его понятіяхъ какъ-то отождествлялись между собою; а во-вторыхъ, случилось еще одно обстоятельство, которое заставило кадія забыть всѣхъ и все на свѣтѣ: четверо изъ его оглинцевъ, увлекшись погонею, заскакали слишкомъ далеко и были захвачены горцами. Вскипѣлъ Магометъ-кадій. Не раздумывая долго, онъ перескочилъ оврагъ и пустился по Араканской долинѣ, рѣшившись настигнуть горцевъ и во что бы то ни стало отбить у нихъ своихъ односельцевъ. Къ счастью, онъ не проскакалъ и нѣсколькихъ сажень, какъ одинъ изъ дозорныхъ замѣтилъ за выступомъ скалы стоявшую засаду и крикнулъ объ этомъ кадію. Оглин-

цы повернули назадъ, но было уже поздно. Прямо на нихъ неслась огромная партія самого Ибрагима—пять значковъ впереди,—а въ тылу лежалъ роковой перекопъ, который на этотъ разъ сослужилъ дурную службу оглидцамъ. Прижатые къ нему, они не могли уже перескочить черезъ него подъ натискомъ горцевъ и были окружены. Положеніе было отчаянное.

Въ эту роковую минуту опять появился Лазаревъ; съ нимъ было только пять нижнихъ чиновъ, а остальные, растянувшись по гребню горы, были еще далеко. Дѣло происходило на спускъ въ долину, всего верстахъ въ пяти отъ сильнаго койсубулинскаго аула Кудухъ, тогда какъ наши Оглы находились верстахъ въ 11-ти и, слѣдовательно, скорой помощи намъ ожидать было нельзя. Тѣмъ не менѣе, видя, что оглидцы, прижатые ко рву, вотъ-вотъ будутъ раздавлены, Лазаревъ рѣшился на подвигъ столько же отважный, сколько рискованный: онъ бросился за перекопъ, занялъ позицію, и шесть человѣкъ лицомъ къ лицу очутились со всею пятисотенною партією. Эти шесть человѣкъ были: самъ штабсъ-капитанъ Лазаревъ, унтеръ-офицеръ Ивановъ и рядовые: Новосадовъ, Мизяевъ, Варваринъ и Свистуновъ. Они засѣли на крѣпкой позиціи, шагахъ въ тридцати отъ непріятеля, и открыли такой учащенный огонь по густой массѣ столпившихся горцевъ, что тѣ, поражаемые почти въ упоръ, вынуждены были наконецъ отхлынуть отъ милиціи. Магометъ-кадій тотчасъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы перескочить окопъ,—и ударъ непріятеля исключительно обратился на горсть нашихъ солдатъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ передъ собою болѣе сотни противниковъ. Пользуясь удобною мѣстностью, команда держалась стойко, съ холоднымъ мужествомъ; тѣмъ временемъ къ ней стали подбѣгать остальные люди, и выстрѣлы ихъ, внезапно раздавшіеся съ той стороны окопа, произвели окончательное смятеніе въ непріятельской партіи. Полагая, что за этими передовыми людьми идутъ уже войска изъ Аймякинскаго укрѣпленія, горцы опасались ввязаться въ серьезное дѣло и поскакали назадъ къ Араканамъ. Сумятица при этомъ отступленіи была у нихъ такъ велика, что двое оглидцевъ (сыновья почтеннаго Тайкюпъ-кадія), отрѣзанные отъ своихъ при самомъ началѣ атаки, очутились теперь въ толпѣ бѣжавшихъ горцевъ, и никто ихъ не тронулъ: до того всѣ торопились уходить, ожидая за собою погони. Въ рукахъ непріятеля только остались тѣ четверо оглидцевъ, изъ-за которыхъ и завязалось все дѣло. Одного изъ нихъ, съ русской медалью «За усердіе», горцы почему-то приняли за лазутчика; поэтому они его убили и бросили тѣло на дорогъ, а остальныхъ увезли съ собою.

Только тогда, когда бой окончился, прибылъ маіоръ Богдановичъ съ ротою штабсъ-капитана Васильева изъ Аймякинскаго укрѣпленія, и

капитанъ Ассѣвъ съ ротою изъ Огловъ. Но непріятель миноваль уже Араканскую долину, и преслѣдовать его было бесполезно.

Насколько молва о подвигѣ пяти солдатъ, разстроившихъ замыслы пятисотенной партіи, распространилась по всѣмъ горамъ, можно судить по тому гнѣву, который выразилъ Шамиль своему араканскому наибу.

— Не будь Ибрагимъ родственникомъ Шамиля (онъ, кажется, былъ его двоюроднымъ братомъ),—говорилъ мнѣ одинъ араканецъ,—ему бы никогда не удержаться на наибствѣ, но теперь дѣло ограничилось для него только домашнимъ арестомъ.

Сами горцы сознавали позоръ своего пораженія. Когда, черезъ нѣсколько времени, 14-го января 1855 года, Лазареву пришлось со своею ротою быть снова въ Араканской долинѣ при размѣнѣ плѣнныхъ, Самсудинъ подѣхаль къ нему вмѣстѣ съ 13-ю старшинами, участвовавшими въ дѣлѣ, и просилъ показать имъ тѣхъ пятерыхъ солдатъ, которые отбили ихъ конницу. Лазаревъ вызвалъ ихъ передъ фронтъ, и горцы, разглядывая ихъ, долго съ удивленіемъ качали своими головами.

Казалось бы, что дѣло Лазарева было совершенно ясное; но при самомъ составленіи реляціи въ ней сразу уже допущены были отступленія отъ истины. Такъ, самъ Лазаревъ въ своемъ рапортѣ называетъ себя начальникомъ прикрытія изъ 32 человекъ и, ни словомъ не упоминая о первоначальной катастрофѣ, описываетъ только отраженіе непріятельской партіи отъ транспорта, потомъ преслѣдованіе ея и, наконецъ, стычку на Араканскомъ спускѣ. По этому рапорту, командиръ батальона, маіоръ Богдановичъ, представилъ Лазарева къ ордену св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, а пятерыхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ съ нимъ на Араканскомъ спускѣ, къ знакамъ отличія военнаго ордена. Но чѣмъ дальше подвигалась реляція, тѣмъ больше уклонялась она отъ истины и, наконецъ, въ послѣдней инстанціи вылилась въ ту окончательную форму, въ которой и попала въ журналъ военныхъ происшествій. На основаніи этого журнала, награды вышли маіору Богдановичу и штабсъ-капитану Васильеву, а Лазаревъ не получилъ ничего, также ничего не получили и бывшіе съ нимъ нижніе чины. Лазареву естественно было поднять объ этомъ вопросъ, и вотъ начинается то пресловутое дѣло, которое тянулось почти девять лѣтъ. Прежде всего запросили самого Лазарева, почему онъ неправильно написалъ свой рапортъ. Лазаревъ отвѣтилъ, что, «назвавъ себя начальникомъ прикрытія, онъ не только не увеличилъ, а значительно ослабилъ отличіе своей команды, не желая изъ видовъ честолюбія доносить, что прикрытіе, находившееся безъ офицера, покинуло свой постъ».

«Въ этомъ случаѣ,—писаль онъ,—я руководствовался чувствомъ

уваженія къ воинской чести той части, въ которой служу. Но какъ бы я ни донесъ, сущность дѣла остается одна и та же, заключаая въ себѣ спасеніе мною воловъ и безоружныхъ подводчиковъ отъ плѣна».

Противъ этого, конечно, возражать было нечего. Тогда запросили бывшаго полковаго командира, который отвѣтилъ: «что ежели Лазаревъ ничѣмъ не награжденъ, то безъ всякаго сомнѣнія и не былъ ни къ какой наградѣ представляемъ, потому собственно, что въ дѣлѣ исполнялъ только долгъ каждаго служащаго въ военной службѣ; да если бы и оказалъ какое-либо отличіе, выходящее изъ общаго круга дѣйствія противу прочихъ, тѣ, во всякомъ случаѣ, на основаніи Свода Военныхъ постановленій, не имѣетъ никакого права просить себѣ оной». Противъ этого, конечно, возразить можно было многое, тѣмъ болѣе, что въ полковой канцеляріи отыскались и наградные листы какъ Лазарева, такъ и нижнихъ чиновъ, находившихся при немъ во время боя. Особенно цѣннымъ являлось свидѣтельство маіора Богдановича, командовавшаго въ то время 1-мъ батальономъ, занимавшимъ нашу передовую линію. Онъ писалъ слѣдующее:

«Свидѣтельствую по сущей истинѣ:

«1) что за отличный подвигъ мужества и самоотверженія, оказаннаго съ малымъ числомъ людей при освобожденіи казеннаго транспорта отъ значительной партіи горцевъ, атаковавшихъ 68 аробъ и такое же число аробщиковъ, на высотахъ между селеніемъ Оглы и Аймякинскимъ укрѣпленіемъ, 23-го ноября 1854 года.

«2) За преслѣдованіе имъ опрокинутыхъ горцевъ по аймякинскому хребту къ спуску въ Араканскую долину, и

«3) За безстрашный подвигъ при внезапной встрѣчѣ на этомъ спускѣ съ другою сильнѣйшею партіею, предводимую араканскимъ наибомъ Ибрагимомъ въ числѣ 500 человекъ, при пяти значкахъ, атаковавшихъ до сорока человекъ оглинцевъ и кулецинцевъ, выѣхавшихъ на тревогу,—я удостоилъ г. Лазарева къ ордену св. Владиміра 4 степени съ бантомъ въ представленіи, сдѣланномъ спустя два дня послѣ дѣла, т. е. 25-го ноября 1854 года. Но почему г. Лазаревъ не получилъ этой награды, заслуженной имъ столь рѣдкимъ подвигомъ, превышающимъ силу самого статута,—мнѣ не извѣстно».

Другое, не менѣе важное свидѣтельство получено было отъ аварскаго хана флигель-адъютанта полковника Ибрагимъ-хана. Онъ писалъ:

«Въ присутствіи членовъ дивана Мехтулинскаго ханства были опрошены: приставъ горныхъ деревень этого ханства поручикъ Магометъ-кадій и другіе жители-очевидцы изъ селеній Кака-Шуры, Огловъ, Кулецы и Аймяковъ и показали слѣдующее:

«1) 23-го ноября въ 9 часовъ утра, въ туманную погоду, капитанъ Лазаревъ нагналъ на спускѣ къ Аймякамъ транспортъ съ казенными

дровами на 68 арбахъ съ подводчиками изъ с. Кака-Шуры и съ прикрытіемъ изъ 20 рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. Видя, что непріятель отрѣзалъ транспорту дорогу и разсѣялъ прикрытіе, Лазаревъ, слѣдовавшій по собственной надобности изъ Огловъ въ Аймаки, бросился на горцевъ со своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ 11 человекъ, и, личнымъ самоотверженіемъ и отвагою одушевляя солдатъ и оробѣвшихъ жителей, опрокинулъ непріятеля. При этомъ онъ освободилъ какъ прикрытіе, такъ и подводчиковъ съ 136 волами. Въ этомъ дѣлѣ были ранены: одинъ солдатъ смертельно и житель Кака-Шуры Мама-Гассанъ-оглы.

«2) Вълѣдъ за тѣмъ капитанъ Лазаревъ, усиливъ свою команду изъ транспортнаго прикрытія, началъ преслѣдовать опрокинутую партію, отступавшую безъ добычи и плѣнныхъ по хребту къ спуску въ Араканскую долину, и встрѣтился на высотахъ этого спуска съ оглинскимъ приставомъ Кади-Магомю, который, спустившись съ 40 конными оглинцами и кулецамцами въ долину, наѣхалъ на засаду араканскаго найба Ибрагима. Найбъ, съ большимъ скопищемъ кинувшись на милицію, поставилъ ее въ безвыходное положеніе на крутомъ подъемѣ на тропѣ, глубоко перекопанной. При этомъ случаѣ капитанъ Лазаревъ, не дожидаясь всѣхъ людей своей команды, съ пятью солдатами бросился геройски на непріятеля и заставилъ его послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ обратиться въ бѣгство, безъ содѣйствія ротъ, вышедшихъ на тревогу изъ двухъ довольно не близкихъ пунктовъ: Огловъ и Аймаковъ. Въ этомъ дѣлѣ взяты были въ плѣнъ два оглинца и одинъ раненый кулецминецъ Али-Дебиръ-Гаджи-оглы. Затѣмъ остальные милиціонеры, болѣе чѣмъ 36 человекъ, были спасены самоотверженіемъ капитана Лазарева».

Когда такимъ образомъ собраны были всѣ свѣдѣнія, командующій войсками въ Дагестанской области генераль-лейтенантъ князь Меликовъ 23-го іюня 1861 года представилъ все дѣло временно-командовавшему тогда кавказскою арміею генераль-адъютанту князю Орбеліани, прибавивъ, что онъ затрудняется выразить о немъ свое мнѣніе, такъ какъ его сіятельству, какъ бывшему тогда командующимъ войсками въ Дагеставѣ, дѣло это можетъ быть болѣе извѣстно.

Прошло еще два года, и только съ прїѣздомъ на Кавказъ главнокомандующимъ великаго князя Михаила Николаевича дѣло это получаетъ наконецъ правильное рѣшеніе. Разсмотрѣвъ его во всѣхъ подробностяхъ, августѣйшій главнокомандующій немедленно вошелъ съ представленіемъ о награжденіи Лазарева орденомъ св. Владимира 4 степени, «котораго онъ былъ лишенъ собственно по личнымъ неудовольствіямъ къ нему бывшаго полковаго командира его, нынѣ уже умершаго» ¹⁾.

¹⁾ Дѣло Штаба Кав. в. окр. 1865 года № 70.

Представленіе это было отправлено военному министру 6-го іюня 1863 г., а 7-го іюля генералъ-адъютантъ Милютинъ донесъ великому князю слѣдующее: «Государь императоръ соизволилъ пожаловать маіору Лазареву орденъ св. Анны 3 степени за отличія и усердную службу и труды, понесенные во время экспедиціи въ 1861 году въ Терской области, и орденъ св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ за отличіе въ дѣлѣ съ горцами въ ноябрѣ 1854 года».

* * *

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXVI 1).

Переправа черезъ Эльбу.—Дѣйствія подъ Дрезденомъ.—Движеніе непріятеля къ Бауцену.—Стычка у Эльстервердера.—Сосредоточеніе главной арміи подъ Бауценомъ.—Рекогносцировка Левенштерна къ Зейфтенбергу.—Стычка у Руэланды.—Бой въ Кенигсвертскомъ лѣсу.—Кануны Бауценскаго сраженія.

Ниш только генераль Ланской двинулся со своей гусарской дивизіей къ Эльбѣ, а Иловайскій послѣдовалъ за нимъ съ четырьмя полками казаковъ, чтобы переправиться черезъ эту рѣку, какъ показались французскіе конные егеря, привѣтствовавшіе меня выстрѣлами изъ пистолетовъ. Я для этого остался и долженъ былъ отвлечь ихъ вниманіе, чтобы дать нашимъ войскамъ время безпрепятственно переправиться черезъ Эльбу.

Отстрѣливаясь отъ непріятеля, я дошелъ до Берсельсдорфа, гдѣ увидѣлъ доблестный полкъ Иловайскаго 12-го, который ожидалъ меня въ томъ пунктѣ, гдѣ развѣтвляется дорога, идущая изъ Вильсдруфа въ Дрезденъ и которому велѣно было предоставить себя въ мое распоряженіе. Онъ сказалъ мнѣ, что отрядъ Милорадовича идетъ къ Дрездену, что онъ взорветъ мостъ, какъ только этотъ отрядъ переправится черезъ рѣку; и слѣдовательно, я останусь на лѣвомъ берегу Эльбы одинъ, такъ какъ на меня возложена обязанность прикрывать переправу Ланскаго и Иловайскаго и всѣхъ отсталыхъ, которые должны будутъ переправиться по понтонному мосту въ четверти верстахъ влѣво отъ Дрездена—неподалеку отъ шоссе, ведущаго изъ этого города въ Бауценъ.

1) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

Слѣдуя за движеніемъ генерала Ланскаго, я обошелъ Дрезденъ съ пѣлью выйти на Пирненскую дорогу. Непрiятель не особенно тѣшилъ меня; я останавливался и давалъ ему отпоръ, при чемъ мои казаки всякій разъ брали нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; но когда Дрезденскій мостъ съ большимъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ, то мое положеніе сдѣлалось критическимъ; французы, находившіеся напротивъ меня, издали радостные крики и совершили быстрое движеніе впередъ.

Казаки, предупрежденные мною о томъ, что они не перейдутъ по этому мосту, не были испуганы или удивлены случившимся.

Маневрируя и сражаясь все время, я достигъ наконецъ лѣваго берега Эльбы и убѣдился, что все войско переправилось уже черезъ рѣку. Тогда, преслѣдуемый непрiателемъ по пятамъ, я сталъ также переправляться, не смѣя однако слишкомъ спѣшить, чтобы дать время нѣсколькимъ маленькимъ отрядамъ достигнуть праваго берега.

За моими движеніями слѣдили императоръ, король прусскій и большая часть арміи. Съ того пункта, гдѣ они находились, монархи могли видѣть, какъ изъ ложи авансены, усилія, которыя я дѣлалъ, чтобы придать моимъ движеніямъ нѣкоторую правильность. Какъ только послѣдняя лошадь моего отряда перешла черезъ мостъ,—а это была лошадь, на которой я ѣхалъ,—я приказалъ разрушить мостъ; лѣвый берегъ Эльбы болѣе не принадлежалъ намъ.

Императоръ, видѣвшій, съ какою отчетливостью я маневрировалъ на его глазахъ, приказалъ подзвать меня и выразилъ мнѣ свое высочайшее одобреніе. Король прусскій подошелъ ко мнѣ, спросилъ мою фамилію и прислалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ знакъ военнаго достоинства.

Первый разъ въ жизни я получилъ столь положительный знакъ одобренія отъ лица высокопоставленнаго; насколько радостнѣе было бы для меня, если бы мой собственный монархъ вспомнилъ въ эту минуту, что тотъ, кто удостоился его благоволенія, томился еще подъ незаслуженнымъ проклятіемъ и что его честь не была восстановлена, несмотря на всѣ данныя ему обѣщанія.

Кавалеріи нечего было дѣлать послѣ того, какъ мосты были сожжены и разрушены, поэтому она была разставлена по квартирамъ. Генералу Ланскому съ его гусарскою дивизіей, отряду Иловайскаго и моимъ казакамъ было указано размѣститься въ Морицбургскомъ замкѣ и его окрестностяхъ.

Въ нашей кампаніи былъ Левъ Нарышкинъ; онъ забавлялъ насъ своими остротами и шутками въ то время, какъ мы лакомились фазанами изъ королевскаго птичника, олениной, кабанами и прочими вкусными вещами.

Первый періодъ кампаніи 1813 года окончился проиграннымъ нами

сраженіемъ при Люценѣ и нашимъ отступленіемъ съ лѣваго берега Эльбы; приходилось готовиться къ новой битвѣ.

Императоръ Александръ и король прусскій отступили къ Бауцену. Наполеонъ приказалъ исправить Дрезденскій мостъ и перешелъ черезъ Эльбу въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Милорадовичъ былъ вынужденъ дать при Столпенѣ и Бишофсвердѣ кровопролитное сраженіе, имѣвшее послѣдствіемъ разрушеніе Бишофсверда. Ланскому было приказано отступить къ Грозенгайну. Иловайскій служилъ ему эшелономъ, а мнѣ пришлось прибыть въ главную квартиру Ланскаго въ Грозенгайнъ (Grosenhain).

Я поспѣшилъ туда, и онъ передалъ мнѣ приказаніе главнокомандующаго, чтобы я отдѣлился съ моими двумя полками казаковъ и гусарскимъ полкомъ Блюхера, надъ коимъ я долженъ былъ принять командованіе, и двинулся въ величайшей тайнѣ въ тылъ непріятеля, наблюдая за его движеніями, стараясь проникнуть его планы, прервать его сообщеніе съ Дрезденомъ, перехвативъ его курьеровъ, однимъ словомъ, стараясь причинить ему какъ можно болѣе вреда.

Во исполненіе этого приказанія, я отошелъ со своей бригадою къ Грозенгайну, соединился съ Блюхеромъ и его храбрымъ полкомъ, взял фуража на три дня и въ 8 часовъ вечера исчезъ никѣмъ не замѣченный; никто не зналъ, куда я направился.

Превосходный проводникъ, котораго я щедро вознаградилъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ золота жалѣть не слѣдуетъ, указалъ мнѣ путь и провелъ меня такъ ловко, что я до восхода солнца очутился въ тылу лѣваго фланга непріятеля, оставивъ въ сторонѣ всѣ деревни и нигдѣ не встревоживъ собакъ, которыя нерѣдко могутъ выдать приближеніе отряда своимъ лаемъ. Я спрятался въ Окрийскомъ лѣсу (bois d'Okribe), откуда мнѣ удалось пробраться въ окрестности Козвига (Kosvig), пройти незамѣченнымъ по большой дорогѣ и спрятаться засвѣтло въ Кайтицѣ (Kaitiz).

Небольшая долина, густо поросшая лѣсомъ, прилегавшая къ Эльбѣ, послужила мнѣ убѣжищемъ.

Егеря—волонтеры Блюхера, хорошо знакомые съ мѣстностью, были посланы переодѣтые на дорогу въ Дрезденъ и Морицбургъ, чтобы наблюдать за происходившимъ. Одинъ изъ этихъ смѣльчаковъ имѣлъ храбрость проникнуть въ Дрезденъ, присутствовать на смотрѣ, видѣть Наполеона и привезъ мнѣ оттуда газеты, прокламаціи и разныя новости. Отъ другихъ моихъ развѣдчиковъ я узналъ, что Морицбургъ былъ занятъ непріателемъ, что сильныя колонны двигались къ Мейсену и Йоргау, что главныя силы арміи перешли Эльбу и направлялись къ Бауцену и Наполеонъ готовился слѣдовать за ними. Я узналъ также, что король приказалъ генералу Тилеману, весьма къ намъ рас-

положенному, открыть ворота Йоргау французамъ и пропустить ихъ безпрепятственно на правый берегъ Эльбы. Это извѣстіе было весьма важное.

Увѣренный въ томъ, что я не могъ въ настоящую минуту ничего предпринять съ надеждою на успѣхъ, и не желая въ то же время прятаться, я рѣшилъ перейти Эльбу, пойти по дорогѣ изъ Лейпцига въ Йоргау, уничтожить непріятельскіе парки и внести смятеніе въ тылъ его арміи.

Я поручилъ поручику прусскихъ войскъ Рейзвицу (Reisvitz) приготовить плоты, на которыхъ должны были переправиться черезъ Эльбу гусары Блюхера, предполагая, что мои казаки переправятся впасть.

Поручикъ Рейзвицъ взялся за дѣло такъ энергично, что въ 6 часовъ вечера я могъ переправить одновременно 60 лошадей.

За переправою первой партіи наблюдалъ капитанъ Приттвицъ; имъ авангардомъ командовалъ пылкій графъ Буксгевденъ, котораго долженъ былъ поддерживать капитанъ Гельфрейхъ, весьма достойный молодой офицеръ. Человѣкъ десять казаковъ, переплывшихъ Эльбу, показали мнѣ знаками, что на противоположномъ берегу не было видно и слѣда непріятеля.

Успокоившись на этотъ счетъ, я тотчасъ приказалъ начать переправу на плотяхъ. Переправа была совершена въ величайшемъ безмолвіи и въ полномъ порядкѣ. Блюхеръ слѣдилъ за всѣмъ, и я былъ въ восторгѣ при мысли, какъ будетъ удивленъ непріятель и самъ Наполеонъ, узнавъ о моемъ появленіи на лѣвомъ берегу, въ окрестностяхъ Лейпцига на его собственной коммуникаціонной линіи. Но моя радость была непродолжительна; усиленная перестрѣлка возвѣстила мнѣ о присутствіи непріятеля.

Мои казаки переплыли обратно Эльбу; французы преслѣдовали ихъ бѣглымъ шагомъ и стрѣляли по нимъ во время переправы; мои плоты были попорчены тремя орудіями, которыя непріятель успѣлъ выставить на противоположномъ берегу. Я тотчасъ приказалъ повернуть обратно; Блюхеръ руководилъ движеніемъ лично и такъ какъ ему помогали прекрасные офицеры, то мы не потеряли при этомъ ни одной лошади.

Непріятель доказалъ мнѣ, что ему было извѣстно о моемъ присутствіи въ его тылу. Изъ Мейсена были посланы войска для того, чтобы помѣшать моей переправѣ и выполненію моихъ намѣреній. Такъ какъ плоты не могли быть построены втихомолку, то это и выдало по всей вѣроятности мой планъ.

Я поспѣшно прошелъ по Дрезденскому шоссе и углубился въ Морицбургскіе лѣса близъ деревни Лянденау, которая была переполнена французами, не подозрѣвавшими о моемъ близкомъ сосѣдствѣ. Я оставался весь день въ лѣсу съ намѣреніемъ атаковать непріятеля

ночью, а затѣмъ отступить быстро въ Морицбургъ и застигнуть врасплохъ генераловъ Латуръ-Мобура, Гамерштейна и др. въ постели.

По обыкновенію, я никому не сообщилъ своего плана, сказавъ о немъ Блюхеру лишь въ послѣдній моментъ. Онъ просилъ меня какъ милости, чтобы я позволилъ ему идти въ головѣ моей колонны.

Ночь уже давно настала, когда мы подошли безъ малѣйшаго шума къ деревнѣ. Не знаю, было ли это сдѣлано изъ осторожности, или непріятель подозрѣвалъ о нашемъ появленіи, но, какъ бы то ни было, половина французскаго отряда была подъ ружьемъ и непріятель встрѣтилъ меня бѣглымъ огнемъ; я немедленно остановился, взялъ нѣсколько плѣнныхъ и узналъ отъ нихъ, что въ Морицбургѣ находился противникъ подъ ружьемъ и что Наполеонъ приказалъ самымъ строжайшимъ образомъ всѣмъ паркамъ и обозамъ остановиться и не идти далѣе до тѣхъ поръ, пока не удастся очистить край отъ разбойниковъ, какъ ему благоразсудилось назвать насъ съ досады.

Я рѣшилъ возвратиться на Грозенгайнское шоссе и на Бауценскую дорогу; но не зналъ, занять ли Грозенгайнъ непріателемъ или нѣтъ, а потому послалъ капитана Гельфрейха разузнать объ этомъ и былъ несказанно радъ, услыжавъ, что непріятель еще тамъ не появлялся.

Я тотчасъ двинулся впередъ, поручивъ Гельфрейху и Приттвицу прикрывать мой маршъ справа и слѣва. Маіоръ Барнекофъ, весьма храбрый офицеръ, остался позади, чтобы прикрыть мое отступление. Онъ догналъ меня въ полуверстѣ отъ города преслѣдуемый генераломъ Гамерштейномъ. Гельфрейхъ и Приттвицъ, долго не думая, атаковали вестфальцевъ съ фланга, а Блюхеръ повернулся къ нимъ лицомъ, и такимъ образомъ мы заставили ихъ отступить, оставивъ намъ изрядное количество плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Ланской сообщилъ мнѣ о намѣреніи монарховъ и графа Витгенштейна сосредоточить войска на прекрасной позиціи близъ Бауцена и дать сраженіе Наполеону; мнѣ предписывалось употребить все свое стараніе, чтобы увѣдомлять главнокомандующаго о движеніяхъ, которыя непріятель могъ совершить на пути въ Йоргау.

Въ это время казаки привели мнѣ человѣка, показавшагося имъ подозрительнымъ, потому что онъ прятался въ кустарникѣ. Я приказалъ обыскать его, но при немъ не нашли ничего подозрительнаго, а было замѣчено, что онъ бросалъ время отъ времени тревожные взгляды на свою шапку; я тотчасъ приказалъ разрѣзать ее и оказалось, что въ ней было двойное дно, въ которомъ былъ спрятанъ толстый пакетъ писемъ, изъ которыхъ, къ величайшему моему изумленію, узналъ, что нѣкій Бодмеръ, богатый дрезденскій негоціантъ и владѣлецъ большой и прекрасной фабрики выбойки, находившейся въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Грозенгайна, просилъ управляющаго

его фабрикой сообщить ему самыя подробныя свѣдѣнія о движеніи нашихъ войскъ и приказывалъ ему вооружить всѣхъ рабочихъ, если возможно взбунтовать всѣхъ окрестныхъ жителей и обращаться съ нами, во время нашего бѣгства, какъ онъ называлъ наше отступление, такъ, какъ обращались съ французами испанцы и русскіе.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ изъ Хемнипа, говорилось, что наша армія уничтожена при Люценѣ, что она обращена въ бѣгство; при этомъ о трусости русскихъ и въ особенности казаковъ говорилось съ величайшимъ презрѣніемъ, а жителей Лузаціи побуждали слѣдовать примѣру саксонцевъ и избивать русскихъ.

Я не могъ ничѣмъ отомстить тѣмъ лицамъ, которыя писали эти письма, такъ какъ одинъ изъ нихъ жилъ въ Дрезденѣ, а другой въ Хемницѣ, а оба города были заняты французами, но я убѣдился изъ этихъ писемъ, что въ Саксоніи не всѣ относились къ намъ доброжелательно; пораженіе, понесенное нами при Люценѣ, начинало приносить печальные плоды, и французы съумѣли приобрести себѣ сторонниковъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что они дѣйствовали украдкою.

Я послалъ эти два письма генералу Ланскому, чтобы онъ своевременно ими воспользовался.

Мы заняли впослѣдствіи Хемницъ и Дрезденъ, и я хотѣлъ отомстить немедленно; взявъ съ собою двѣ сотни казаковъ, я отправился прямо на фабрику.

Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что человѣкъ, пойманный съ письмами, былъ рабочимъ съ этой фабрики, то, войдя въ квартиру управляющаго, я приказалъ ему позвать этого человѣка. Директоръ фабрики поблѣднѣлъ, какъ смерть, и попросилъ меня пройти къ нему въ кабинетъ; тутъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, онъ бросился передо мною на колѣна и, прося меня пощадить его, говорилъ, что письмо было написано и послано г. Бодмеромъ.

Я находилъ, что въ сущности онъ былъ не виноватъ; у меня прошла охота повѣсить его, но мнѣ хотѣлось наказать г. Бодмера, и я велѣлъ приготовить все нужное для того, чтобы сжечь фабрику и разрушить ее до основанія. Тогда раздались вопли тысячи рабочихъ, которыхъ отсутствіе заработка могло повергнуть въ нищету. Я написалъ генералу Ланскому, испрашивая его приказаній; а между тѣмъ велѣлъ принести сто кусковъ холста, которые я роздалъ казакамъ такъ, что каждый изъ нихъ могъ сдѣлать себѣ три хорошія рубашки. Генералъ Ланской отвѣтилъ мнѣ, чтобы я не жегъ фабрику, такъ какъ это причинило бы слишкомъ большой вредъ мѣстнымъ жителямъ, но велѣлъ наложить штрафъ на владѣльца фабрики, взять для его гусаръ двѣсти кусковъ холста помно тѣхъ ста кусковъ, которые уже были мною потребованы, и тысячу лудировъ наличными деньгами.

Директоръ охотно покорился этому, собралъ деньги и исполнилъ все, что я требовалъ, но въ этотъ именно моментъ прискакалъ капитанъ Гельфрейхъ, посланный мною на развѣдки, и сообщилъ, что по шоссе идетъ отрядъ кавалеріи съ намѣреніемъ атаковать насъ.

Я поспѣшилъ ему на встрѣчу; непріятель подвигался впередъ, предшествуемый длинною цѣпью фланкеровъ. Я вступилъ въ бой, пославъ противъ него полкъ казаковъ, и подъ защитою этого прикрытія могъ пересчитать французскіе полки; ихъ было не менѣе шести, изъ коихъ три кирасирскихъ; съ ними была многочисленная артиллерія. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что передо мною былъ цѣлый корпусъ кавалеріи генерала Латуръ-Мобура и генерала Гамерштейна.

Я тотчасъ приказалъ Блюхеру отступить къ Эльстерверду, прикрыться отъ Илорсграбена и приготовить все нужное для того, чтобы сжечь мостъ; я съ своей стороны также сталъ отступать, все время сражаясь съ непріятелемъ, чтобы дать Блюхеру время выполнить свое движеніе.

Полковникъ Прендель, бывшій на моемъ правомъ флангѣ, позади Илорсграбена, оказалъ мнѣ большую услугу, развернувъ весьма кстаги свои три полка: этотъ маневръ произвелъ впечатлѣніе на непріятеля, который преслѣдовалъ меня не особенно энергично и далъ мнѣ возможность достигнуть Эльстерверда и разрушить мостъ.

Впрочемъ, одинъ полкъ французскихъ гусаръ, желая воспользоваться нѣкотораго рода замѣшательствомъ, предшествующимъ всегда переходу войскъ черезъ мостъ, атаковалъ меня. Я предвидѣлъ это обстоятельство и приготовился къ нему; онъ не имѣлъ для меня никакихъ послѣдствій; но мнѣ пришлось оплакивать потерю одного превосходнаго офицера Александра, который былъ смертельно раненъ и скончался въ тотъ же вечеръ. Этотъ Александръ былъ замѣчательнъ своей изумительной храбростью и своей внушительной наружностью. Его великолѣпная черная борода доходила до пояса. Я нерѣдко посылалъ его впередъ, чтобы приготовить мнѣ квартиру; мирные жители и въ особенности женщины испытывали большой страхъ при видѣ этого человека съ воинственной наружностью, который былъ впрочемъ кротокъ какъ агнецъ.

Вообще, о казакахъ имѣли вездѣ самое забавное представленіе. Правда, калмыки и башкиры немного портили дѣло. Поэтому впослѣдствіи насъ называли мирными казаками, а первыхъ—дикими казаками.

Въ числѣ моихъ ординарцевъ было два калмыка, которые, получивъ на завтракъ хлѣбъ съ масломъ, намазывали себѣ лицо масломъ, затѣмъ съѣдали хлѣбъ и ложились на солнце, отчего ихъ и безъ того безобразныя лица становились еще болѣе лоснящимися и отвратительными.

Когда я переправился на ту сторону Эльстера и между мною и Ла-

турь-Мобуромъ находились рѣка, я сталъ думать о томъ, что могло угрожать мнѣ на дорогѣ, и постарался войти въ сообщеніе съ главными силами арміи, которая уже сосредоточивалась на позиціи передъ Бауценомъ. Развѣдчики, посланные мною въ Добрилуку (Dobrilouk), извѣстили меня, что этотъ городъ былъ уже занятъ колоннами пришедшими изъ Йоргау. Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ добраться до Руэланда, Гогерсверда и Кенигсверта, чтобы предупредить непріятеля.

Я прибылъ въ Руэландъ, никѣмъ не потревоженный. Кавалерія Блюхера нуждалась въ покоѣ; я согласился остаться въ этомъ пунктѣ до 8 час. вечера и воспользоваться этимъ кратковременнымъ отдыхомъ, чтобы произвести съ сильнымъ отрядомъ рекогносцировку къ Зейфтенбергу, съ цѣлью точнѣе выяснить намѣренія колоннъ, прибывавшихъ изъ Йоргау.

Непріятель не далъ мнѣ времени окончить эту экспедицію. Онъ атаковалъ меня энергично. Тревога и смятеніе, вызванныя этимъ въ эскадронахъ Блюхера, были невообразимы. Онъ разрѣшилъ своимъ казакамъ разсѣдлатъ лошадей; его гусары ѣли и пили въ домахъ; я считалъ ихъ погибшими.

Мои казаки, никогда не разсѣдывающіе лошадей въ то время, когда они знаютъ, что непріятель находится близко, мигомъ очутились верхомъ. Я поспѣшилъ на встрѣчу французамъ, чтобы остановить ихъ, если возможно, и дать Блюхеру время собрать людей и выйти изъ города.

Мнѣ было трудно сдержать непріятеля, но звукъ трубъ, въ которыхъ Блюхеръ приказалъ трубить въ городѣ, помогъ намъ; непріятель, предположивъ, что насъ было много, остановился и ограничился нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій.

Какъ только я узналъ, что Блюхеръ ушелъ изъ города, я также поспѣшилъ удрать, радуясь тому, что мнѣ удалось спасти моего доблестнаго товарища отъ неминуемой гибели. Если бы непріятель отгѣснилъ меня, то Блюхеръ погибъ бы со всѣмъ своимъ отрядомъ точно такъ же, какъ погибъ въ тотъ же день вечеромъ прусскій партизанъ маіоръ Гельвигъ. Мнѣ удалось подоспѣть въ-время, чтобы спасти остатки его отряда; его солдаты попались мнѣ на встрѣчу, кто безъ шапки, кто безъ сѣдла. Они были застигнуты врасплохъ въ Зейфтенбергѣ такъ же точно, какъ мы съ Блюхеромъ были застигнуты въ Руэландѣ, но у Гельвига не было казаковъ, которые пришли бы ему на помощь и которые всегда дѣйствуютъ проворно. При этомъ наиболѣе пострадалъ храбрый капитанъ Виттовскій, служившій прежде со своимъ эскадрономъ подъ моимъ начальствомъ; онъ былъ тяжело раненъ во время происшедшей сумятицы.

Я собралъ остатки отряда Гельвига и, сопровождаемый Блюхеромъ,

поспѣшилъ въ Гогерсвердъ, стараясь опередить непріятеля, который могъ прибыть туда прямымъ путемъ изъ Йоргау.

Убѣжденный въ томъ, что французы могли подойти по тремъ различнымъ дорогамъ, а именно изъ Руэланда, Зейфтенберга и Спримберга, я сталъ на перекресткѣ этихъ трехъ дорогъ, которыя оканчиваются на площади Гогерсверда, и удвоилъ бдительность, такъ какъ урокъ, полученный въ тотъ день, не пропалъ для меня даромъ.

Я узналъ, что генералъ Ланской находился въ Виттикавѣ (Wittichaw); это успокоило меня относительно моихъ сообщеній съ главными силами арміи.

Въ шесть часовъ утра, я извѣстилъ генерала Ланскаго, что къ Гогерсверду идутъ сильныя колонны изъ Руэланда и Зейфтенберга. Въ девять часовъ я послалъ второе донесеніе о томъ, что вторая, еще болѣе сильная, колонна идетъ отъ Спримберга (Sprimberg).

Каково было мое удивленіе, когда я получилъ отъ генерала Ланскаго въ отвѣтъ угрожающее письмо, въ которомъ онъ укорялъ меня за мнимыя противорѣчія въ моихъ донесеніяхъ: донесеніе, написанное въ 6 час. утра, было послано, по его словамъ, въ оригиналѣ, императору, который тотчасъ приказалъ совершить движеніе къ Кенигсверту; донесеніе, посланное въ 9 час., и въ которомъ говорилось о приближеніи другой колонны изъ Спримберга, могло, по его словамъ, быть причиною неудачи предположенной экспедиціи, а потому на будущее время я буду отвѣчать головою за вѣрность моихъ донесеній.

Это было уже слишкомъ! Задѣтый за живое, я написалъ ему тотчасъ:

Гогерсвердъ, 7 марта 1813 г.

«Ваше превосходительство! Голова моя въ вашемъ распоряженіи, я отвѣчаю за все и не отступлюсь ни отъ чего!

«Свѣдѣнія, которыя я имѣлъ честь сообщать вамъ, отнюдь не основаны на слухахъ, но на движеніяхъ непріятеля, о которыхъ я могу судить по ружейнымъ и орудійнымъ выстрѣламъ, такъ какъ я вынуждаю его салютовать мнѣ.

«Мнѣ прискорбно, что приближеніе различными путями двухъ отрядовъ Лористона и Нея можетъ помѣшать выполненію составленнаго плана, но это не обязываетъ меня умалчивать о томъ, что я вижу.

«Свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля, параллельно которому я иду уже нѣсколько дней, могутъ быть одни въ 6 часовъ утра и совершенно иные въ 9 часовъ.

«Колонна Нея, идущая отъ Спримберга, можетъ помѣшать выполненію диспозиціи главнокомандующаго; тѣмъ не менѣе она идетъ съ намѣреніемъ атаковать правый флангъ нашей позиціи при Бауценѣ.

«Поэтому, упрекъ, сдѣланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ столь

*

незаслуженно, не основанъ ни на всегдашней вашей справедливости, ни на такихъ соображеніяхъ, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что мои труды и старанія оцѣнены, что придавало мнѣ до сихъ поръ нравственную и физическую силу переносить заботы и утомленія, неразлучныя съ тѣмъ постомъ, какой я занимаю съ самаго начала кампаніи.

«P. S. Распечатываю донесеніе, которое уже было вручено графу Буксгевдену съ приказаніемъ доставить его вамъ, въ полной увѣренности, что онъ загоняетъ свою лошадь скорѣе, нежели оставить васъ въ неизвѣстности относительно событій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ.

«Въ настоящую минуту передо мною находятся Ней и Лористонъ. Я не имѣю въ этомъ болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія.

«Подполковникъ Берненкафъ, посланный на развѣдки, едва не былъ взятъ въ плѣнъ; онъ привелъ мнѣ плѣнныхъ голландцевъ, италіанцевъ и французовъ, которые единогласно подтверждаютъ одно и то же; повторяю, передо мною положительно находятся Лористонъ и Ней. Плѣнные очень жалуются на усиленные переходы, которые они совершали послѣ Лейпцига.

«Я еще держу въ Гогерсвердѣ; полковникъ Прендель держится вблизи отъ меня, слѣва; Гельвигъ, успѣвшій переформироваться—справа, Блюхеръ находится со мною».

Въ три часа меня атаковалъ Лористонъ; я не оказалъ ему никакого сопротивленія и, отступивъ, добрался до Кенигсверга, гдѣ я засталъ генерала Иловайскаго 4-го, Иловайскаго 12-го и генерала Родіонова съ 8 полками казаковъ.

Тотчасъ послѣ моего прибытія они сняли лагерь и отступили, сказавъ, что въ данной имъ инструкціи было предписано, выждавъ меня, немедленно идти назадъ.

Я остановился на самое короткое время въ Кенигсвертѣ, гдѣ я оставилъ простой обсерваціонный постъ; второй такой же постъ былъ поставленъ мною въ Вартѣ; въ ночь я прибылъ въ Ионсдорфъ (Johnsdorf).

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, генералъ Барклай-де-Толли призвалъ меня; ему именно, на основаніи сообщенныхъ мною свѣдѣній, было поручено идти на встрѣчу Лористона. Я сильно настаивалъ на томъ, что къ намъ приближается Ней, въ чемъ въ главной квартирѣ по-прежнему упорно сомнѣвались! Я такъ настаивалъ на этомъ, что было рѣшено послать на встрѣчу Нею генерала Йорка со всѣмъ его корпусомъ; послѣдствія показали, что это было сдѣлано кстати, такъ какъ Барклаю одному не удалось бы справиться съ нимъ. Въ то время какъ Ней былъ занятъ Йоркомъ, Барклай могъ направить всѣ свои усилія противъ Лористона, котораго онъ разбилъ, и этимъ разрушилъ

планъ Наполеона, состоявшій въ томъ, чтобы вытянуть фронтъ за нашъ правый флангъ, какъ онъ сдѣлалъ это при Люценѣ.

Барклай сдѣлалъ мнѣ честь поставить мнѣ въ заслугу, что я первый своими донесеніями и своей дѣятельностью подаль мысль, оказавшуюся весьма удачною. Онъ сказалъ мнѣ, что, прочитавъ мои донесенія, императоръ и король прусскій рѣшились послать его противъ непріятеля, и прибавилъ: «теперь, любезный Левенштернъ, будьте моимъ колонновожатымъ, оставайтесь вблизи отъ дивизіи князя Щербатова, который поведетъ атаку въ Кенигсвертскомъ лѣсу, и сообразуйте свои дѣйствія съ тѣмъ, какіе успѣхи нами будутъ одержаны сегодня».

Князь Щербатовъ атаковалъ непріятеля, и въ Кенигсвертскомъ лѣсу завязалась жаркая перестрѣлка; на большой дорогѣ была поставлена батарея, осыпавшая непріятеля картечью; князь взялъ его въ штyki, опрокинулъ и отгѣснилъ къ Кенигсверту, отбивъ у французовъ 11 орудій, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и уничтоживъ цѣлую италіанскую дивизію.

Такъ какъ большая дорога, пролегавшая черезъ лѣсъ, была очень широка и песчана, то я преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля и столь удачно, что мнѣ удалось захвативъ 600 плѣнныхъ солдатъ и 70 офицеровъ.

Сраженіе при Кенигсвертѣ было для насъ чрезвычайно удачно. Вся честь побѣды принадлежала генералу Барклаю; императоръ прислалъ ему въ тотъ же вечеръ Андреевскую ленту. Всѣ поздравляли меня, полагая, что счастье наконецъ улыбнулось мнѣ, мнѣ было приказано остаться на полѣ битвы и прикрывать движеніе Барклая, который снова занялъ свою позицію при Бауценѣ.

Генераль Йоркъ былъ не такъ счастливъ, хотя Ней, видя, что вслѣдствіе пораженія Лористона ему угрожаетъ опасность, былъ вынужденъ отступить и тѣмъ далъ время Барклаю послать на помощь Йорку дивизію генерала Юзова (Юзефовича?), вслѣдствіе чего бой возобновился.

Поспѣшный уходъ Барклая, который предчувствовалъ, насколько его присутствіе будетъ необходимо въ Бауценѣ, не позволилъ ему увести раненыхъ. Онъ поручилъ мнѣ подобрать ихъ, но такъ какъ у насъ совершенно не было перевозочныхъ средствъ, то я былъ въ большомъ затрудненіи, тѣмъ болѣе, что Лористонъ, заподозрѣвъ, что Барклай ушелъ, началъ сильно тревожить меня.

Но надобно было какъ-нибудь спасти несчастныхъ раненыхъ; я рѣшился сражаться съ однимъ полкомъ, употребивъ другой полкъ для перевозки раненыхъ верхомъ.

Благодаря усердію казаковъ и лѣсистой мѣстности, которая препятствовала непріятелю видѣть то, что происходило въ этомъ пунктѣ, это удалось совершить успѣшно; коляски, взятые моими казаками у французскихъ генераловъ, были употреблены для перевозки раненыхъ офи

церовъ, которые не знали, какъ благодарить меня. Только прибывъ въ Милькель (Milkel), мнѣ удалось организовать правильную перевозку раненыхъ на телѣгахъ, которыя я собралъ изъ окрестныхъ деревень: несчастные раненные были уложены въ повозки и на свѣжую солому.

Армія окончательно сосредоточилась на позиціи у Бауцена; каждый часъ, каждая минута приближали насъ къ великому событію. Аванпостамъ было приказано удвоить бдительность. Генераль Ланской послѣтилъ меня въ Милькель, нашелъ мою позицію дурною, но тѣмъ не менѣе приказалъ мнѣ держаться на ней.

Этотъ день былъ для меня весьма тревожный, беспокойный. Одинъ, безъ пѣхоты, безъ орудій, я не имѣлъ никакихъ средствъ къ защитѣ, а между тѣмъ долженъ былъ держатся стойко.

Мнѣ удалось съ успѣхомъ отгнать нѣсколько разъ французскую кавалерію, но подъ вечеръ непріятель выставилъ орудія и пѣхоту и сталъ энергично обстрѣливать меня. Я принялъ предосторожность, приказавъ двумъ казачьимъ сотнямъ спѣшиться; это были все превосходные стрѣлки, я поставилъ ихъ на кладбищѣ, обнесенномъ стѣною. Большая часть сдѣланныхъ нами выстрѣловъ попала въ цѣль; непріятель подумалъ, вѣроятно, что этотъ постъ былъ занятъ пѣхотою, тѣмъ болѣе, что я приказалъ бить въ барабанъ, взятый нами наканунѣ и оказавшій мнѣ такимъ образомъ услугу.

Французы, видя, что имъ не удастся вытѣснить меня съ этого поста, подожгли деревню. Въ эту критическую минуту подоспѣлъ мнѣ на помощь полковникъ Фигнеръ. Заслышавъ выстрѣлы, онъ направился безъ приказанія начальства къ тому пункту, гдѣ я стоялъ. Два орудія, привезенныя имъ, были поставлены на кладбищѣ, и онъ, какъ опытный артиллеристъ, самъ навелъ ихъ такъ хорошо, что непріятель, подумавъ, что ко мнѣ подошло значительное подкрѣпленіе, отказался отъ мысли взять Милькель и отступилъ къ Кенигсверту.

Я тотчасъ погнался за нимъ со своей кавалеріей, но французы приняли меня такъ, что мой пылъ сразу остылъ. Они дали по моему отряду залпъ почти въ упоръ и убили у меня нѣсколько казаковъ; мой скруткъ былъ протрѣленъ двумя пулями; генераль Ланской, узнавъ, въ какомъ я находился положеніи, приказалъ мнѣ оставить позицію. Я отступилъ къ Коммерану; непріятель тотчасъ занялъ оставленную мною позицію, но не преслѣдовалъ меня. Не тревожимый болѣе французами и не любя оставаться безъ дѣла, я перешелъ Шпре (Sprée), засѣлъ въ Черницкомъ лѣсу (Tchernitzwald) и сталъ выжидать благоприятнаго случая, чтобы дѣйствовать. Ожидать пришлось недолго. Тяжелая непріятельская кавалерія шла на Кликсъ черезъ Виндмольбергъ, чтобы установить сообщеніе съ Неемъ, который, потерпѣвъ неудачу въ стычкѣ съ Барклаемъ, долженъ былъ идти ей на встрѣчу.

Отрядъ шелъ спокойно какъ въ мирное время, ни мало не подозрѣвая, что я спрятался въ лѣсу. Вдругъ я выскочилъ изъ своей засады, прокричавъ громкое «ура!», которое было подхвачено моими казаками; непріятель мигомъ былъ опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство; мы взяли нѣсколько десятковъ плѣнныхъ и одного офицера изъ штаба принца Невшательскаго, которому было поручено повидаться и уговориться съ Неемъ.

Совершивъ это смѣлое нападеніе, я перешелъ обратно Шпре и продолжалъ наблюдать за непріателемъ.

Французы энергично атаковали Милорадовича, который командовалъ главнымъ авангардомъ и стоялъ въ Бауценѣ. Къ вечеру онъ отступилъ къ позиціи и составилъ лѣвый флангъ арміи.

Тогда генераль Барклай призвалъ меня и приказалъ мнѣ соединить мой отрядъ съ отрядомъ Фигнера и стать между его лѣвымъ флангомъ и правымъ флангомъ генерала Блюхера въ промежуткѣ, который пришлось оставить между этими двумя корпусами вслѣдствіе неровности почвы.

Мнѣ пришлось пройти вдоль всей линіи французской арміи, чтобы добраться до Креквицскихъ высотъ, которыя мы должны были защищать на слѣдующій день. Я остановился тутъ на ночь бивуакомъ; ночь была великолѣпная, и я наслаждался кратковременнымъ отдыхомъ, какимъ мнѣ рѣдко приходилось пользоваться по роду моей службы. Это, хотя и не продолжительное, отдохновеніе было мнѣ весьма полезно. Растянувшись на травѣ, любясь небомъ и звѣздами, я могъ предаваться размышленіямъ, не будучи постоянно тревожимъ то получаемыми донесеніями, то необходимостью самому писать донесенія и не находясь въ томъ тревожномъ состояніи духа, которое постоянно испытываетъ всякій командующій аванпостами.

Канунъ генеральскаго сраженія представляетъ всегда нѣчто величественное и торжественное. Отъ него зависятъ судьбы имперій и жизнь отдѣльныхъ лицъ. Опасность, коей подвергаешься на войнѣ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится испытывать при мысли, что одна ошибка, одно невѣрное соображеніе могутъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Я былъ поглощенъ этими мыслями, какъ вдругъ появился мой братъ Эдуардъ. Онъ командовалъ эскадрономъ Сумскихъ гусаръ, входившимъ въ составъ отряда полковника Фигнера. Я не видѣлся съ нимъ со Смоленска, гдѣ я оставилъ его при смерти съ графомъ Петромъ Паленомъ. Въ такой большой арміи, какова была наша, можно не встрѣтиться по нѣсколько лѣтъ. Мы провели вмѣстѣ всю ночь, и оба чувствовали потребность побесѣдовать откровенно.

Мы бесѣдовали до восхода солнца; канонада началась на разсвѣтѣ. Вся армія была на ногахъ, погода была великолѣпная. Зрѣлище было величественное: это былъ день Бауценскаго сраженія.

Генераль Милорадовичъ, сражавшійся весьма успѣшно наканунѣ, вступилъ въ бой на слѣдующій день первымъ. Французы атаковали его на восходѣ солнца.

Центръ, гдѣ находились императоръ, король прусскій и графъ Витгенштейнъ, подвергся нападенію немного позже; Барклаю-де-Толли, командовавшему правымъ флангомъ, пришлось выдержать главный натискъ непріятеля.

Войско сражалось по всей линіи съ храбростью, достойной величайшей похвалы; успѣхъ былъ еще сомнителенъ, когда, около пяти часовъ вечера, въ то время, какъ было еще совсѣмъ свѣтло, графъ Витгенштейнъ далъ приказаніе отступать. Всѣ были этимъ изумлены, такъ какъ въ этомъ не чувствовалось необходимости. Генераль Милорадовичъ дѣйствовалъ на лѣвомъ флангѣ съ замѣтнымъ успѣхомъ, и ему удалось даже подвинуться нѣсколько впередъ. Центръ стойко держался на занятой имъ позиціи. Барклай, коему пришлось имѣть дѣло съ 3-мъ и 5-мъ корпусами, отступилъ въ неподобномъ порядкѣ на новую позицію.

Насталъ моментъ, когда надобно было двинуть противъ непріятеля всѣ наши силы. Я видѣлъ со своей позиціи у Креквица, что Наполеонъ вызвалъ всѣ свои резервы и гвардію; видимо онъ рѣшилъ сдѣлать чрезвычайное усиліе.

Видя это, у императора Александра хватило характера рѣшиться на отступленіе, и онъ дотого былъ увѣренъ въ храбрости и дисциплинѣ своей арміи, что далъ приказаніе отступать засвѣтло и въ моментъ самаго жаркаго и упornaго боя. Эта рѣшимость спасла союзныя войска и доказала, что своевременнымъ отступленіемъ можно свести на нѣтъ всѣ успѣхи, одержанные побѣдоносной арміей. Но это можно продѣлать только съ хорошо дисциплинированной арміей, слѣпо повивающейся своимъ вождямъ и на глазахъ у самого монарха.

Отступленіе было произведено тремя колоннами. Первая колонна сформирована изъ корпусовъ Блюхера и Юрка. Вторая—изъ всѣхъ резервовъ русской арміи и лѣваго фланга Милорадовича и третья изъ праваго фланга, коимъ командовалъ генераль Барклай-ле-Толли. Генераль Ермоловъ командовалъ аррьергардомъ.

Всѣ эти движенія были совершены въ образцовомъ порядкѣ. Командиры отдѣльных частей и солдаты дѣйствовали съ полной увѣренностью и отвагою; они не считали себя побѣжденными; мы не потеряли ни одного орудія, и непріятель не взялъ ни одного плѣннаго.

Мы удержали съ полковникомъ Фигнеромъ долѣе всѣхъ нашу позицію на Креквицкихъ высотахъ, гдѣ мы подвергались нѣкоторое время адскому огню. Когда армія находилась уже въ полномъ отступленіи, императоръ подозвалъ меня и лично приказалъ отступить съ моимъ отрядомъ къ Гохкирхену, остаться тамъ до слѣдующаго дня, произвести

рекогносцировку мѣстности, разставить цѣпь ночныхъ аванпостовъ и способствовать всѣми возможными средствами проходу арміи, съ многочисленной артиллеріей и обозомъ.

Я успѣшилъ выполнить это приказаніе. Пробывъ пять или шесть часовъ подъ выстрѣлами, я былъ радъ оставить отвратительную Крек-вицкую позицію и начать снова дѣйствовать, хотя мнѣ стоило не малаго труда выполнить приказаніе императора и дойти до Гохкирхена.

По пути, я увидѣлъ императора и короля прусскаго съ ихъ штабами; они ѣхали шагомъ по направленію къ Рейхенбаху и Герлицу.

Я слѣдовалъ за ними нѣкоторое время, а затѣмъ свернулъ вправо къ Гохкирхену, гдѣ, накормивъ людей и лошадей, я остановился на кладбищѣ и наблюдалъ, какъ дефилировали одна за другою всѣ колонны нашего лѣваго фланга и центра. Генералы Корфъ, Сень-Приестъ и нѣкоторые другіе провели ночь въ Гохкирхенѣ.

Я исполнилъ въ точности словесное приказаніе императора и оказывалъ артиллеріи и обозу, которые тянулись мимо насъ всю ночь, содѣйствіе при ихъ прохожденіи. Къ пяти часамъ утра пѣхота и артиллерія успѣли пройти; первые же отряды французской кавалеріи показались лишь около 8 часовъ. Я держался стойко, чтобы дать отсталымъ время догнать свои колонны; непріятель остановился передъ Гохкирхеномъ; мнѣ только этого и было нужно.

Императоръ провелъ ночь въ Немерсдорфѣ, а король прусскій въ Рейхенбахѣ.

Какъ только графъ де-Сень-Приестъ увѣдомилъ меня о прибытіи своемъ въ Лобау (Лосбау) и нашихъ остальныхъ колоннъ въ Вейсенбергъ, и узналъ, что Милорадовичъ остановился въ Рейхенбахѣ, я началъ отступать къ Лобау; непріятель гнался за мною по пятамъ.

Не получая болѣе ни отъ кого приказаній, я маневрировалъ самостоятельно, не теряя изъ вида противника и держась все время вправо, чтобы присоединиться къ генералу Ланскому, который, по моему предположенію, долженъ былъ находиться на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, гдѣ я оставилъ его во время Бауценскаго сраженія, когда мною завладѣлъ Барклай.

Я посылалъ донесенія непосредственно самому главнокомандующему, а дубликаты на всякій случай—генералу Ланскому.

Прибывъ въ Лобау, я засталъ тамъ генерала Лисаневича, занятаго разстановкою аванпостовъ. Не имѣя, слѣдовательно, надобности заботиться объ этомъ, я сталъ за его линією, чтобы дать людямъ и лошадямъ возможность отдохнуть, въ чемъ они крайне нуждались. Въ этотъ моментъ генералъ Лисаневичъ прислалъ сказать, что приближаются сильныя массы кавалеріи съ намѣреніемъ атаковать его; онъ приказалъ мнѣ прикрывать его лѣвый флангъ.

Я готовъ былъ оказать ему эту услугу, но, внимательно осмотрѣвъ мѣстность, убѣдился въ томъ, что опасность угрожала ему не слѣва, а справа. На проселочной дорогѣ, идущей изъ Бауцена въ Рейхенбахъ, показалось облако пыли. Мнѣ было извѣстно, что съ этой стороны вѣтъ никого, кто могъ бы оказать сопротивленіе колоннѣ, намѣревавшейся напасть врасплохъ на наше войско во время его марша. Нельзя было терять ни минуты, поэтому я поскакалъ въ галопъ, чтобы отѣснить непріятеля. Проскакавъ за развернутымъ фронтомъ Лисаневича, я не имѣлъ времени сообщить ему о причинѣ совершаемаго мною быстрого движенія. Онъ принялъ это за поспѣшное отступленіе и послалъ мнѣ въ догонку адъютанта, который высказалъ мнѣ отъ его имени неодобреніе.

Не останавливаясь, я успѣлъ только сказать: «пустъ вашъ генералъ успокоится относительно моего бѣгства, я объясню ему впослѣдствіи, почему я ускакалъ въ галопъ, но онъ можетъ быть увѣренъ, что я такъ же не боюсь опасности, какъ и онъ, и что и онъ не остался бы тамъ, гдѣ я не счелъ возможнымъ остаться».

Дѣйствительно, прискакавъ на высоты Глоссенъ (Glossen), я встрѣтилъ сильныя колонны, направлявшіяся проселкомъ къ Рейхенбаху.

Я тотчасъ развернулъ мою бригаду и увѣдомилъ объ этомъ генерала Раевского, котораго я увидалъ отступавшимъ по этой дорогѣ. Я началъ перестрѣливаться съ непріятелемъ. Раевскій успѣлъ построиться, принялъ непріятеля, какъ слѣдуетъ, и генералъ Лисаневичъ, полагавшій, что ему угрожаетъ столь большая опасность, не былъ даже атакованъ непріятелемъ; отряды, угрожавшіе ему, подошли только для того, чтобы облегчить движеніе французскихъ колоннъ, шедшихъ по проселочной дорогѣ.

Однако, генералъ Лисаневичъ, котораго въ арміи всѣ называли не иначе, какъ «Грицко», такъ какъ онъ напоминалъ своимъ добродушіемъ малоросса, счелъ себя оскорбленнымъ и пожаловался на меня. Графъ Паленъ, только-что назначенный командующимъ авангардомъ, понявъ, въ чемъ дѣло, и уладилъ недоразумѣніе; мы дружески расцѣловались съ Лисаневичемъ.

Когда генералъ Раевскій вступилъ въ бой съ непріятелемъ, я воспользовался своей свободой и, оставивъ Рейхенбахъ вправо, отступилъ на большую дорогу, чтобы посмотреть, что произойдетъ съ той стороны, гдѣ генералы Корфъ, Васильчиковъ, Кноррингъ, Панчулидзевъ и Лисаневичъ были атакованы кавалеріей Латуръ-Мобура и всей гвардейской кавалеріей Наполеона.

Я прибылъ на мѣсто сраженія въ тотъ моментъ, когда оно приняло для насъ неблагопріятный оборотъ.

Не рѣшивъ еще окончательно, чтò дѣлать, я поскакалъ чрезъ боль-

шую дорогу. Въ эту минуту я встрѣтилъ Алексѣя Орлова, который спросилъ меня, что я намѣренъ предпринять.

— Не знаю,—отвѣчалъ я,—но я воспользуюсь всякимъ представившимся случаемъ, и продолжалъ скакать во весь опоръ.

За пылью неприятель не могъ видѣть моего движенія, такъ что я былъ уже въ оврагѣ близъ деревни Герсдорфъ, когда французы объ этомъ еще не подозрѣвали; они преслѣдовали нашу легкую кавалерію, которая была опрокинута польскими гвардейскими уланами, красными уланами и конногренадерами, которые, удовольствовавшись, вѣроятно, успѣхомъ уланъ, остановились, предоставивъ имъ однимъ преслѣдовать васъ. Я воспользовался этой благопріятной минутою, выскочилъ изъ своей засады и напалъ на польскихъ уланъ.

Эта атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; наша кавалерія повернула обратно и въ свою очередь атаковала смѣлыхъ уланъ; я также не пощадилъ ихъ, такъ что почти всѣ красные уланы были истреблены; поляки, ряды коихъ были сильно разстроены, были обязаны своимъ спасеніемъ только конногренадерамъ, подоспѣвшимъ имъ на помощь.

Генераль Милорадовичъ и принцъ Евгенийъ Виртембергскій, видѣвшіе съ высоты произведенную мною атаку, осыпали меня похвалами; принцъ Евгенийъ прислалъ мнѣ аттестатъ при лестномъ письмѣ, коимъ я могъ бы воспользоваться своевременно, но чего я, по своему обыкновенію, не сдѣлалъ. Вотъ копія собственноручнаго письма принца Евгенія:

«Честь имѣю препроводить при семъ вашему высокоблагородію аттестатъ. Мнѣ весьма пріятно повторить въ немъ то, что я уже неоднократно высказывалъ вамъ.

«Ваши заслуги давно уже установили мой взглядъ на васъ и, хотя вслѣдствіе разныхъ случайностей, вы не воспользовались заслуженною вами наградою, но васъ вознаграждаетъ за это всеобщее и лестное о васъ мнѣніе, къ которому честь имѣю присоединить изъявленіе особаго уваженія, съ коимъ честь имѣю быть вашего высокоблагородія покорный слуга принцъ Евгенийъ Виртембергскій».

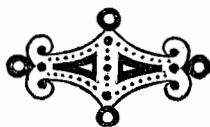
«А т т е с т а т ъ. Данъ сей состоящему по кавалеріи полковнику барону Левенштерну въ томъ, что онъ въ сраженіи подъ м. Рейхенбахомъ въ Саксоніи мая 10-го 1813 года, когда наша кавалерія была опрокинута неприятельскою, со вѣрнымъ ему отрядомъ ударилъ во флангъ, привелъ ее въ замѣшательство и принудилъ къ поспѣшнѣйшей ретирадѣ. Принцъ Евгенийъ Виртембергскій».

Послѣ этого успѣха, одержаннаго нами, неприятель не рѣшался ничего предпринять; канонада продолжалась до вечера; однимъ изъ послѣднихъ ядеръ, пущенныхъ въ этотъ день, былъ убитъ Дюрокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Наполеона. Тѣмъ же ядромъ оторвало ноги генералу Брюіеру (Bruyères) и убитъ генераль Кирженеръ (Kirgener).

Смерть Дюрока была самая чувствительная потеря, понесенная Наполеономъ послѣ смерти маршала Ланна; онъ любилъ и уважалъ генерала Дюрока.

Въ этотъ день впервые съ самаго начала кампаніи Наполеонъ пустилъ въ дѣло большія массы кавалеріи и, такъ какъ это была самая отборная часть, то она одержала вначалѣ успѣхъ; но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ, и сраженіе окончилось для него тяжелой потерей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к и:

Въ № 4-мъ „Русской Старинѣ“, кв. апрѣль, на стр. 93, строка 1-я снизу напечатано: митрополитъ Денисъ. Болѣе искусившійся — слѣдуетъ читать: митрополитъ Діонисій, болѣе искусившійся.

На стр. 108, строка 11-я снизу напечатано: Бона Сфорца познакомилъ его,—должно быть: Бона Сфорца познакомила его.

Памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому.

(Записка министра внутреннихъ дѣлъ О. Козодавлева).

17-го августа 1816 г.

Нижегородское дворянство, въ 1808 году, желая соорудить въ Нижнемъ-Новгородѣ памятникъ въ честь заслугамъ гражданина Минина и князя Пожарскаго, испрашивало позволенія пригласить разныхъ особъ къ подпискѣ, для собранія потребной на дѣло сіе суммы. Оно предполагало, что если собрано будетъ до 20.000 руб., то на сумму сію можно сдѣлать изъ мрамораobeliskъ.

Это желаніе доведено было до высочайшаго свѣдѣнія, и между тѣмъ было поручено разнымъ художникамъ сдѣлать проекты такового памятника.

Изъ составленныхъ различными художниками программъ для сего монумента, проектъ Академіи Художествъ ректора статскаго совѣтника Мартоса удостоился одобренія его величества.

Приведеніе онаго въ дѣйство предоставлено изобрѣтателю, съ обращеніемъ въ его пользу исчисленной имъ на то суммы 150.000 рублей.

Деньги сіи назначено выдавать ему по мѣрѣ производства работы, такъ, чтобы въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ кои предполагалось оную окончить, Мартосъ могъ получить всю сумму.

Поелику сооруженіе сего памятника его величество изволилъ предоставить единому усердію россиянь, по преданности къ славі предковъ ихъ и отечества, то повелѣно объявить повсемѣстно программу монумента и открыть въ губервіяхъ подписку для собранія упомянутой суммы.

О всемъ семъ состоялся высочайше утвержденный 21-го ноября 1808 года докладъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Куркина.

Въ слѣдствіе сихъ распоряженій, которыя возложены собственно на министерство внутреннихъ дѣлъ, открыта была подписка, по которой

присылаемы были деньги изъ всѣхъ губерній и по мѣрѣ поступленія отдаваемы въ банкъ для приращенія процентами.

Въ началѣ 1811 года собранная сумма составляла 136.000 руб., въ томъ числѣ присланныхъ изъ Нижегородской губерніи 18.000 рублей.

Тогда статскій совѣтникъ Мартосъ представилъ вышнему министру внутреннихъ дѣлъ, что по количеству собранной суммы, можно бы уже начать работу, которая продолжится четыре года. Въ теченіе того времени сумма сія могла еще увеличиться процентами и новыми взносами, особливо если бы назначено было вмѣсто Нижняго-Новгорода поставить монументъ въ Москвѣ. Впрочемъ, онъ полагалъ, что по возвышающейся на все дороговизнѣ исчисленныхъ 150.000 рублей на сіе дѣло не доставеть.

По разсмотрѣніи сего представленія въ комитетѣ министровъ, журналомъ онаго 15-го февраля 1811 года, высочайше подтвержденнымъ положено, что дѣйствительно приличнѣе поставить монументъ въ Москвѣ, освобожденіе которой было главнымъ предметомъ лицъ на монументѣ изображаемыхъ, а въ Нижнемъ-Новгородѣ соорудить памятникъ изъ обелиска.

По сношенію о семъ съ бывшимъ главнокомандующимъ въ Москвѣ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Гудовичемъ, онъ увѣдомилъ, что дворянство въ Москвѣ и семи уѣздахъ, а также и купечество предположило, когда монументъ поставленъ будетъ въ Москвѣ и сооруженіе начнется, внести суммы до 40.000 руб., каковое извѣстіе доведено было тогда до свѣдѣнія государя императора.

Послѣ того высочайшимъ рескриптомъ, 20-го октября 1811 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ даннымъ, повелѣно начать немедленно отдѣлку монумента и отпускать исчисленную первоначально Мартосомъ сумму изъ внесенныхъ на сей предметъ денегъ по назначенному въ рескриптѣ порядку; но если бы въ продолженіе работы и не внесено было болѣе суммы по подпискамъ, то его величество изволилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ замѣнить (дополнить) сей недостатокъ въ свое время изъ строительнаго капитала, ежегодно ассигнуемаго на казенныя въ государствѣ строенія.

Въ слѣдствіе чего выдано изъ внесенныхъ въ банкъ суммъ и накопившихся процентовъ статскому совѣтнику Мартосу: 1) въ октябрѣ мѣсяцѣ 1811 года на построеніе мастерской, гдѣ будетъ дѣлаться большая модель и на сдѣланіе меньшей модели 15.000 руб.; 2) 1813 года въ октябрѣ мѣсяцѣ на дѣланіе большой модели 15.000 руб.; 3) 1815 года въ февралѣ мѣсяцѣ на покупку мѣди и прочаго для отлитія монумента 80.000 руб., всего же выдано 110.000 рублей.

Въ концѣ мая сего 1816 года статскій совѣтникъ Мартосъ представлялъ, что онъ въ 1813 году согласился съ литейнымъ мастеромъ

Якимовымъ отлить монументъ изъ мѣди за 60.000 руб.; но теперь, по случаю возвысившихся чрезвычайно цѣнъ на мѣдь, за употребленіемъ уже почти всей той суммы, недоставало на покупку мѣди до 20.547 руб., почему и просилъ въ облегченіе свое и Якимова, чтобы для отлитія монумента отпущено было изъ банка мѣди штыковой тысячу двѣсти пудъ, по той цѣнѣ, по какой она самой казнѣ съ доставкой сюда обходится. Сія милость хотя и не вознаграждаетъ Якимова трудовъ, но по крайней мѣрѣ не подвергнетъ его ожидаемымъ величайшимъ убыткамъ.

По разсмотрѣніи сего обстоятельства въ комитетѣ министровъ журналомъ онаго, 9-го іюня сего 1816 года высочайше подтвержденнымъ, положено недостающую сумму 20.547 руб. отпустить изъ общаго строительнаго капитала сообразно высочайшей волѣ, изъявленной на то министру внутреннихъ дѣлъ въ 1811 году.

На основаніи сего высочайшаго повелѣнія помянутая сумма 20.547 р. выдана изъ строительнаго капитала сего 1816 года литейному мастеру Якимову подъ росписку его съ засвидѣтельствомъ статскаго совѣтника Мартоса.

Въ началѣ августа сего года отлитіе монумента совершилось благополучно. Въ немъ обѣ колоссальныя статуи Минина и князя Пожарскаго отлиты совокупно однимъ разомъ и никакого поврежденія ни въ одной части не оказалось.

Теперь остается только отчеканить монументъ и барельефы, на что смотря по огромности и многообразію работы, потребно будетъ около семи мѣсяцевъ.

Пьедесталь для сего монумента изъ гранита изготовленъ въ Финляндіи, который, равно какъ и монументъ, долженъ быть перевезенъ въ Москву.

Касательно же назначенія мѣста въ Москвѣ для постановленія монумента, то по сношенію министра внутреннихъ дѣлъ, какъ съ бывшими главнокомандующими графомъ Гудовичемъ и графомъ Ростопчинымъ, такъ и съ нынѣшнимъ генераломъ-отъ-кавалеріи Торماسовымъ, хотя сперва и полагалось поставить сей монументъ на площади у Тверскихъ воротъ близъ Страшнаго монастыря, но по случаю новаго плана, для той столицы прожектированнаго, генераль Тормасовъ призналъ предпочтительнѣе для сего мѣсто на Красной площади близъ самаго Кремля, тѣмъ болѣе, что сіе приводило бы живѣе на память и самое событіе, на томъ мѣстѣ случившееся.

Статскій совѣтникъ Мартосъ, который самъ то мѣсто осматривалъ, особенно того желаетъ.

Окончательное же по сему рѣшеніе зависитъ отъ высочайшаго его императорскаго величества благоизволенія.

Исполнины.

(Сонъ въ лѣтнюю ночь).

Уснулъ я и вижу равнины,
Родной нашей Русской земли,
Живуть всё на ней исполины,
Что Русь до сихъ поръ берегли.
Жилища ихъ бѣдныя хаты,
Ихъ Скиновъ, говорятъ, сколотилъ,
За то ихъ хозяева хваты,
Никто ихъ въ борьбѣ не свалилъ.
Ихъ знали давно супостаты,
И разъ къ нимъ и въ гости пришли,
Пожгли городища, спалили и хаты,
Да такъ не хлебавши ушли.
Ихъ избы броней небогаты,
Ни латъ, ни мечей не видать,
Ихъ страшны бывають ухваты,
Какъ бабья поднимется рать!...
Родятся они больше въ хатахъ,
Ужъ въ люлькѣ даютъ себя знать;
Ихъ крестные ходятъ въ заллатахъ...
Въ деревнѣ какая тамъ знать?..
Ихъ въ школу отцы не водили,—
Тутъ косность причиною всему,—
За шалость пеньками кормили...
Такъ дѣтокъ учили уму.
И росъ онъ подъ стукъ колотушекъ
Ребенкомъ легко всё сносишь,
А парня въ замѣну игрушекъ,
Отецъ на медвѣдя водилъ.
Такъ просто росли исполины,
Хранители Русской земли,
Объ нихъ ужъ сказали былины,
И въ лѣтописъ русскихъ внесли.

Л. И. С — въ.

людьми, есть первое правило честности; я не думаю, чтобы это правило могло терпѣть исключенія, но увѣренъ, что оно также не требуетъ и излишняго ригоризма. Кто хочетъ говорить правду людямъ, тотъ долженъ быть оживленъ или любовію къ одной истинѣ или любовію къ людямъ, къ пользѣ людей. Первое не всегда соединено съ послѣднимъ; послѣднее, напротивъ, всегда соединяется съ первымъ и не можетъ не быть соединено. Первое благородно, но рѣдко бываетъ полезно, ибо людское самолюбіе не терпитъ наставленій. Послѣднее столь же благородно, но сверхъ того всегда удачно: кто любитъ пользу людей, тотъ говорить правду не для того только, чтобы ее сказать и ею блеснуть, а истинно для того, чтобы ею сдѣлать добро; такой человѣкъ примѣняется къ людямъ и старается дѣлать имъ правду пріятною. Напротивъ, человѣкъ, который говоритъ правду только для того, чтобы ее сказать и, такъ сказать, бросаетъ ее, не заботясь о ея дѣйствиіи, имѣетъ въ виду не пользу человѣчества, дѣйствуетъ безъ цѣли, единственно для одной гордости и для одного самолюбія; такіе люди должны быть подозрительны: они больше говорятъ, нежели дѣйствуютъ. Правду должно дѣлать пріятною для того, чтобы она могла быть полезна. Есть люди откровенные и есть люди скрытные. Одинъ говоритъ правду, потому что не можетъ не говорить ее, другой говоритъ правду потому, что обязанъ ее говорить. У перваго она вырывается, послѣдній предлагаетъ ее, помысливъ. Одному легче, другому труднѣе; одинъ слѣдуетъ своему характеру, другой съ нимъ борется; оба поступаютъ одинакимъ образомъ, ибо согласуются съ законами чести, но первый счастливѣе и даже любезнѣе, а послѣдній почтеннѣе и тверже. Какое жъ правило наблюдать, говоря правду? Никогда ни въ какомъ случаѣ не утверждать противнаго внутреннему увѣренію разсудка, но вмѣстѣ стараться не оскорблять людей, ибо жизнь съ людьми есть назначеніе человѣка. Можно быть честнымъ, не будучи ни грубымъ, ни надменнымъ, ни ѣдкимъ. Щадить самолюбіе людей, не жертвуя ему ни справедливостію, ни благородствомъ, есть обязанность человѣка, который не хочетъ зарыться въ берлогу и жить съ медвѣдями. Этому правилу надобно иногда слѣдовать даже и съ друзьями: кто любитъ прямо своего друга, тотъ будетъ любить и его пользу; но онъ конечно не забудетъ, что и въ немъ есть человѣческое самолюбіе.

§ 29. Всегда ли должно говорить правду? Всегда, когда она можетъ быть полезна; всегда, когда она ни вредна, ни полезна. Напротивъ, въ т(омъ) случаѣ, когда она можетъ быть вредною, молчи и не унижай себя утвержденіемъ ложнаго. Дѣйствуй всегда согласно съ внутреннимъ чувствомъ: можешь обмануться, но никого не обманешь, а размышленіемъ предохранишь самого себя отъ обмана. Счастливъ тотъ

человѣкъ, который привыкъ мыслить.—Первое правило: человѣкъ долженъ быть правдолюбивымъ, слѣдовательно онъ обязанъ говорить правду изъ любви къ должности; второе: во всякомъ дѣлѣ онъ долженъ имѣть въ виду пользу людей и добро, слѣдовательно онъ обязанъ говорить правду для пользы людей и соглашать ее съ ихъ благомъ.

§ 30. Августа 12. Я сердитъ на Машу ¹⁾). Но моя досада имѣеть ли основаніе, или есть одна только привязка? Не сержусь ли я больше за себя, нежели за то, что она сдѣлала; больше за пренебреженіе моихъ словъ, нежели за самый проступокъ? Не хочется ли мнѣ сердиться? Ея непослушаніе, можетъ быть, не иное что, какъ вѣтренность безъ всякаго намѣренія; въ такомъ случаѣ не за что сердиться, и можно только ей дать объ немъ замѣтить. Если жъ она захотѣла не послушаться, если ея непослушаніе есть капризь и пренебреженіе, то, признаюсь, очень досадно. Конечно, все это не можетъ быть доказательствомъ недостатка дружбы, но показываетъ дурную сторону характера: своеправіе или вѣтренность. Кого любишь, того и слушаешь во всемъ съ удовольствіемъ, хотя не всегда бываешь одинаково расположенъ. Но я не ожидалъ найти въ Машѣ своеправія или такой вѣтренности. Не хотѣть пожертвовать такимъ вздорнымъ удовольствіемъ. Найти больше удовольствія въ собакѣ, нежели въ исполненіи просьбы того человѣка, котораго любишь! Это мнѣ досадно, и не потому, чтобы мнѣ хотѣлось видѣть ее мнѣ покорною, а потому, что это показываетъ или ея невниманіе ко мнѣ, или ея своеправность, или вѣтренность. Хотя она ребенокъ, но мнѣ бы чрезвычайно было пріятно исполнять всякое ея желаніе; того же бы хотѣлъ и отъ нея! Говорить ли съ нею? Въ послѣдній разъ! Посмотримъ, какъ приметъ. Non, Marie, je ne veux pas être votre tyran, je ne veux pas que vous exécutiez aveuglement ce que je dis, car je n'exige de vous rien qui soit déraisonnable, mais je suis votre ami, je vous aime au-dessus de tout au monde, je voudrais que vous vous souveniez toujours de ce que je vous dis, que vous aimiez à me faire plaisir même dans les petites choses, et c'est précisément parce que je suis sûr que chacune de vos volontés, quelle qu'elle soit, sera sacrée pour moi et que je sentirai toujours un grand plaisir dans son exécution. C'est ce plaisir là qui est une marque certaine d'une vraie amitié ²⁾). Надобно, чтобы дружба видна была во всемъ, и въ бездѣл-

¹⁾ Марью Андреевну Протасову.

²⁾ Т. е.: Нѣтъ, Маша, я не хочу быть твоимъ тираномъ, я не хочу, чтобы ты слѣпо исполняла то, что я говорю, такъ какъ я не требую отъ тебя ничего безразсуднаго. Я твой другъ, я тебя люблю болѣе всего на свѣтѣ, я хотѣлъ бы, чтобы ты всегда помнила о томъ, что я тебѣ говорю, чтобы ты старалась доставлять мнѣ удовольствіе даже въ мелочахъ, и это именно потому, что я увѣренъ, что каждое твое желаніе, каково бы оно ни было, бу-

какъ, потому что въ бездѣлкахъ можно ежедневно ее доказывать, а важные случаи рѣдки. Кто любитъ, для того все свято и важно. Итакъ въ послѣдній разъ буду говорить съ Машею. Не должно быть похитителемъ чужаго права, не должно никого обременять своею любовью. Можешь наскучить. А для меня всего тяжеле отягощать собою другихъ, особливо тѣхъ, кого стремишься любить всею душею. Дружба требуетъ взаимности; я требую отъ тебя того, что самъ всегда готовъ для тебя сдѣлать. Всякое, самое бездѣльное невниманіе отмѣнно больно. Я разумью невниманіе съ намѣреніемъ. Но Боже меня избави отъ желанія видѣть друзей моихъ со мною осторожными или принужденными. Притворное вниманіе несносно и мучительно, оно не можетъ быть вмѣстѣ съ дружбою, которая всегда и внимательна, и непринужденна. Ты будешь это читать, моя милая Маша. Если я ошибся, если ты вчера сдѣлала одну только вѣтренность, а не поступила такъ по своенравію и капризу, чего я очень желаю, то пожалуста не забудь, что первое удовольствіе должно состоять въ доставленіи удовольствія своимъ друзьямъ; что забывать всякую минуту просьбы своихъ друзей или, что еще хуже, пренебрегать ихъ и жертвовать ими самому пустому удовольствію есть совершенно непростительная вѣтренность. Твой поступокъ вчерашній, какъ онъ ни бездѣленъ, очень меня тронулъ; мнѣ вчера и нынѣшнее утро было досадно на тебя и вмѣстѣ грустно. Какъ можно въ ту самую минуту, когда я тебѣ напомнилъ о твоемъ общаніи, опять забыть объ немъ или (что для меня очень больно) дать мнѣ почувствовать, что ты не хочешь объ немъ помнить и не уважаешь мою просьбу! Не значить ли это другими словами, что ты не хочешь, чтобы я чего-нибудь отъ тебя требовалъ? Носить собаку на рукахъ не грѣхъ; но когда тебя просятъ, чтобы ты ее не носила, когда тебѣ сказываютъ резоны, то какъ можно для удовольствія нянчиться съ Розкою, дѣлать неудовольствіе тому человѣку, который тебя такъ любитъ! Это непростительная вѣтренность! Что жъ, если это не вѣтренность, а капризъ и упрямство? Я этого не желаю; но увѣренъ, что ты мнѣ прямо откроешь свое чувство. Твоя искренность дороже мнѣ всего. Я имѣю право отъ тебя требовать дружбы и всѣхъ доказательствъ дружбы, потому что самъ люблю тебя больше всего и отъ всей души. Можетъ быть, ты и не замѣтила моей досады и очень удивилась, услышавъ мою претензію. Боюсь, чтобы я не показался тебѣ слишкомъ взыскательнымъ; но я увѣренъ, что ты будешь со мною искреннею и что конечно во всемъ со мною согласишься. Я не желаю видѣть тебя ни малодушною, ни вѣтренною, ни своенрав-

---

детъ для меня священнымъ и что я всегда буду чувствовать большое удовольствие въ его исполненіи. Это-то именно удовольствие есть вѣрный знакъ истинной дружбы.

*

ною; всякой твой недостатокъ удивляетъ меня потому, что я цѣню тебя отмѣнно много. Очень желаю, чтобы ты мнѣ казалась точно такою, какова ты есть въ самомъ дѣлѣ, и чтобы я въ тебѣ не обманулся. Обманываться очень больно.

Къ 1806 же году относится нижепомѣщаемый отрывокъ, которому дается здѣсь мѣсто, какъ имѣющему ближайшую связь съ журналомъ 1806 года. Было ли осуществлено Жуковскимъ намѣреніе написать свою автобіографію отъ ранняго дѣтства по конецъ 1805 года, программа которой находится въ этомъ отрывкѣ, неизвѣстно; вѣроятно же, что нѣтъ: по крайней мѣрѣ въ его бумагахъ, пожертвованныхъ въ 1884 году Императорской Публичной Библіотекѣ сіиномъ его, П. В. Жуковскимъ, этой автобіографіи не находится.

О томъ, что написать въ журналъ.

Разсмотрѣть свою прошедшую жизнь; разобрать свой собственный характеръ и характеръ нѣкоторыхъ знакомыхъ.

Разсмотрѣть свое настоящее положеніе.

Сдѣлать планъ для будущей жизни.

Привести въ порядокъ свою моральную систему.

П р о ш е д ш а я ж и з н ь .

1) Ребячество—что можно вспомнить. М. Григорьевна ¹⁾. Ма-тушка ²⁾. 1 учитель ³⁾. Григорій ⁴⁾. Н. Афанасьев(на) ⁵⁾.

2) Ученіе у Родѣ ⁶⁾. Первые сочиненія. К. Засѣяинъ ⁷⁾. См.

¹⁾ Т. е. Марья Григорьевна Бунина, жена отца Жуковскаго, Аеанасія Ивановича Бунина.

²⁾ Елизавета Дементьевна.

³⁾ Когда Жуковскому минуло 6 лѣтъ, т. е. въ 1789 г., А. И. Бунинъ выписалъ для него изъ Москвы учителя-нѣмца, котораго звали Якимомъ Ивановичемъ (см. Воспоминанія А. П. Зонтага о первыхъ годахъ дѣтства В. А. Жуковскаго, напеч. въ „Русской Мысли“ 1883 года, февраль, стр. 273).

⁴⁾ Григорій—крѣпостной А. И. Бунина, получившій отпускную еще при жизни матери Жуковскаго, Елизаветы Дементьевны (см. письмо Жуковскаго къ матери, безъ даты, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г., столб. 2365—2366).

⁵⁾ Т. е. Наталья Аеанасьевна Вельяминова, рожденная Бунина.

⁶⁾ Т. е. въ пансіонѣ Христофора Филипповича Родѣ въ Тулѣ.

⁷⁾ Т. е. князь Засѣяинъ.

Аф. Ивановича ¹⁾. Голубковъ ²⁾. Обуховъ. Риккерь ³⁾. Бетхерь. Поповъ. Котельниковъ.

3) Марья Николаевна ⁴⁾.

4) Выходъ изъ Родева пенсіона. Отъѣздъ въ Мишенское ⁵⁾. Сальковская жизнь ⁶⁾. К. Афанасьевна ⁷⁾. Чтеніе Флоріана ⁸⁾.

5) Отъѣздъ въ Тулу. В. Афанасьевна ⁹⁾. Ученье въ училищѣ ¹⁰⁾. Рисованье у Катъшева. М-е Joly ¹¹⁾. Александра Александровна. Сочиненія ¹²⁾. Выходъ изъ училища. Поѣздка въ Мишенское. М-е Mercurini. Чичеринъ. Отъѣздъ въ Тулу и въ Кексгольмъ ¹³⁾.

6) Кексгольмская ¹⁴⁾ и Петербургская жизнь. M-elle Hoffmann, Grave, Вѣльева. Соколовъ. Петербургъ. Возвращеніе въ Тулу и въ Мишенское.

¹⁾ Т. е. Смерть Аванасія Ивановича Бунина († въ концѣ марта 1791 г.) (см. „Русская Мысль“ 1883 г., февраль, стр. 275).

²⁾ Петръ Ивановичъ, учившійся одновременно съ Жуковскимъ въ пансіонѣ Роде; объ этомъ Жуковский вспоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Голубкову отъ 25-го мая 1809 года (см. Сочиненія Жуковского, изд. 7-е, Спб. 1878 г., т. VI, стр. 385—386).

³⁾ Сынъ тульского доктора Риккера, по закрытіи пансіона Роде учившійся вмѣстѣ съ Жуковскимъ въ домѣ Юшковыхъ (см. „Русская Мысль“ 1883 г., февраль, стр. 282).

⁴⁾ Вѣроятно, Марія Николаевна Вельяминова, дочь Натальи Аванасьевны Вельяминовой, рожд. Буниной, подруга дѣтства Жуковского, впоследствии вышедшая замужъ за Свѣчина.

⁵⁾ Имѣніе Ае. Ив. Бунина, въ трехъ верстахъ отъ Вѣлева.

⁶⁾ Сельцо Сальково, тоже Вѣлевскаго уѣзда.

⁷⁾ Т. е. Екатерина Аванасьевна Бунина, вышедшая въ 1792 году замужъ за Андрея Ивановича Протасова.

⁸⁾ Извѣстнаго французскаго баснописца; впоследствии Жуковский, какъ извѣстно, перевелъ его передѣлку „Донъ Кишота“ и нѣсколько его басенъ.

⁹⁾ Крестная мать Жуковского, Варвара Аванасьевна Юшкова, рожд. Бунина.

¹⁰⁾ Въ Тульскомъ народномъ училищѣ.

¹¹⁾ Посѣщая Тульское училище, Жуковский въ то же время учился дома французскому и нѣмецкому языку съ дочерью В. А. Юшковой.

¹²⁾ Живя въ Тулѣ, въ домѣ В. А. Юшковой, Жуковский написалъ трагедію „Камилль, или Освобожденіе Рима“, а потомъ пьесу „Павелъ и Виргинія“.

¹³⁾ Для записки въ полкъ, стоявшій гарнизономъ въ Кексгольмѣ.

¹⁴⁾ Пребываніе Жуковского въ Кексгольмѣ относится къ концу 1795 г. (см. письма Жуковского къ матери отъ ноября и декабря 1795 года, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года, столб. 2363—2364).

7) Тульская жизнь. Редуты. Болотовъ ¹⁾. Смерть государыни ²⁾. Сатина. Отъездъ въ Москву ³⁾.

8) Московская жизнь. Коронація ⁴⁾. Вельяминовъ ⁵⁾ и Голвинъ. Вступленіе въ пансіонъ ⁶⁾. Первые классы. Баккаревичъ ⁷⁾. Первый актъ ⁸⁾. Выборы ⁹⁾. И. Володимировичъ ¹⁰⁾. Тургеневы ¹¹⁾. Родзянка ¹²⁾. Мерзляковъ ¹³⁾. Пенсіонскій образъ жизни. М. Николаевна ¹⁴⁾. Собраніе ¹⁵⁾. Что помѣшало хорошо воспользоваться пансіономъ. Сочиненія пансіонскія. Ученые.

Служба. Вступленіе въ Сол. контору ¹⁶⁾. М. у ручья ¹⁷⁾. Греева элегія ¹⁸⁾.

¹⁾ Вѣроятно, извѣстный авторъ „Записокъ“ Андрей Тимоѣевичъ Болотовъ, бывшій въ то время управителемъ села Богородицка (впослѣдствіи города) Тульской губ., пожалованнаго А. Г. Бобринскому.

²⁾ Императрицы Екатерины II († 2-го ноября 1796 г.).

³⁾ Марья Григорьевна Бунина повезла Жуковскаго въ Москву въ январѣ 1797 года (см. „Русская Мысль“ 1883 г., февраль, стр. 284).

⁴⁾ Коронація императора Павла происходила 5-го апрѣля 1797 года.

⁵⁾ Вѣроятно, Николай Ивановичъ Вельяминовъ, мужъ Натальи Аванасьевны Вельяминовой, рожд. Буниной.

⁶⁾ Въ Московскій университетскій благородный пансіонъ.

⁷⁾ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ былъ помощникомъ инспектора и преподавателемъ словесности въ Московск. университет. благород. пансіонѣ.

⁸⁾ Первый актъ за время пребыванія Жуковскаго въ пансіонѣ происходилъ 19-го декабря 1797 года. На немъ, между прочимъ, была читана ода Жуковскаго „Благоденствіе Россіи, устроемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“.

⁹⁾ Въ основанное Жуковскимъ литературное общество „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“.

¹⁰⁾ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, извѣстный масонъ, авторъ „Записокъ“.

¹¹⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ и его сыновья, друзья Жуковскаго, Андрей, Александръ, Николай и Сергѣй Ивановичи.

¹²⁾ Семенъ Родзянка, сотоварищъ Жуковскаго по Университетскому пансіону, бывшій секретаремъ „Собранія воспитанниковъ пансіона“ и отличавшійся стихотворными дарованіями.

¹³⁾ Алексѣй Федоровичъ, извѣстный потомъ профессоръ Московскаго университета.

¹⁴⁾ Марья Николаевна Вельяминова? Ср. выше, § 3.

¹⁵⁾ „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“.

¹⁶⁾ Жуковскій поступилъ на службу въ Главную Соляную контору въ 1800 году (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 186).

¹⁷⁾ Т. е. „Мальчикъ у ручья“. Такъ Жуковскій назвалъ свой переводъ романа Коцебу „Die jüngsten Kinder meiner Laune“. „Мальчикъ у ручья“ былъ изданъ въ Москвѣ въ 1801 году.

¹⁸⁾ Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился этотъ первоначальный переводъ элегіи Грея „Сельское кладбище“ (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 18).

Литературное собраніе ¹⁾). Знакомство съ Соковниными ²⁾). Знакомство съ Дмитріевымъ ³⁾). Козлятевъ ⁴⁾). Съ Карамзинымъ ⁵⁾). Смерть государя ⁶⁾). Восейковъ ⁷⁾). Кайсаровы ⁸⁾). Рахмановъ. Коммиссія. Блудовъ ⁹⁾). Коронація ¹⁰⁾). Отъѣздъ Тургеневыхъ ¹¹⁾). Выходъ изъ Соляной конторы ¹²⁾). Отъѣздъ въ деревню ¹³⁾).

9) О т с т а в к а. Вторичный переводъ Греевой элегии ¹⁴⁾). Намѣреніе

¹⁾ Учрежденіе Дружескаго Литературнаго Общества. Законы этого Общества были подписаны его учредителями (въ томъ числѣ и Жуковскимъ) 12-го января 1801 года (см. Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 154).

²⁾ Съ семействомъ Сергѣя Михайловича Соковнина, товарища Жуковскаго по Университетскому пансіону.

³⁾ Съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ.

⁴⁾ Ѳеодоръ Ильичъ Козлятевъ († 1808 г.), сослуживецъ И. И. Дмитріева по Семеновскому полку, человекъ высокихъ нравственныхъ достоинствъ, находившійся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Дмитріевымъ, который не разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ („Взглядъ на мою жизнь“). Карамзинъ говорилъ о немъ: „Это такой человекъ, что я за версту сниму предъ нимъ шляпу“. „Поэтъ Жуковскій искренно любилъ и уважалъ его“—пишетъ Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ. Жуковскій посвятилъ памяти Козлятева нѣсколько прочувствованныхъ стиховъ въ своемъ „Отрывкѣ изъ письма къ И. И. Дмитріеву“, относящемся къ 1813 году (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 313).

⁵⁾ Н. М. Карамзинъ вскорѣ (въ апрѣлѣ 1801 года) женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ Андрея Ивановича Протасова, мужа Екатерины Аванасьевны Протасовой.

⁶⁾ Императора Павла I († 11-го марта 1801 г.).

⁷⁾ Александръ Ѳеодоровичъ, воспитанникъ Университ. пансіона, впоследствии женившійся на племянницѣ и крестницѣ Жуковскаго, Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

⁸⁾ Извѣстные братья Кайсаровы, Андрей, Михаилъ и Пансій Сергѣевичи, тоже воспитанники Универс. пансіона. Жуковскій, какъ извѣстно, былъ особенно друженъ съ А. С. Кайсаровымъ.

⁹⁾ Съ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ Жуковскій познакомился чрезъ Д. В. Дашкова (см. Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время“, Спб. 1866, стр. 21).

¹⁰⁾ Коронація императора Александра I происходила 15-го сентября 1801 года. При коронаціи Блудовъ и Жуковскій были дежурными у раздачи или предьявленіи билетовъ при входѣ на Кремлевскую площадь (см. Ковалевскій, назв. сочиненіе, стр. 24).

¹¹⁾ Друга Жуковскаго, Андрея Ивановича Тургенева на службу въ Петербургъ, а Александра Ивановича Тургенева за границу въ Геттингенскій университетъ.

¹²⁾ Изъ Соляной конторы Жуковскій вышелъ въ 1802 году съ чиномъ титулярнаго совѣтника (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 186).

¹³⁾ Въ Мишенское Жуковскій пріѣхалъ въ апрѣлѣ 1802 года.

¹⁴⁾ Вторичный переводъ элегии „Сельское кладбище“ относится къ сентябрю 1802 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25).

строиться въ Бѣлевѣ. Знакомство съ барономъ ¹⁾). Короткое знакомство съ Карамзинымъ. Жизнь въ Свирловѣ ²⁾). Смерть Тургенева ³⁾). Вадимъ ⁴⁾). Женитьба Карамзина ⁵⁾). Минина ⁶⁾). Болъзнъ Тургенева ⁷⁾). Отъѣздъ въ Москву. Ода для пенсіона ⁸⁾). Женитьба Кирѣвскаго ⁹⁾). Возвращеніе въ деревню. Сватъба. Пріѣздъ Тургенева. Поѣздка въ Петербургъ. Возвращеніе въ Москву и въ деревню. Планъ путешествовать ¹⁰⁾). Антонской ¹¹⁾). Маша ¹²⁾). Поѣздка въ Орловскую. Проташинскій ¹³⁾). Перемѣна въ расположеніи ума. Кирѣвской. Свѣчинъ ¹⁴⁾). Смерть Петра Николаевича ¹⁵⁾). Перемѣщеніе въ домъ ¹⁶⁾). Вендрихъ ¹⁷⁾). Юшковы. Свѣчина разводъ.

¹⁾ Съ барономъ И. П. Черкасовымъ, о которомъ см. выше, стр. 19.

²⁾ Свирлово—деревня подъ Москвою. Тамъ скончалась 4-го апрѣля 1802 года первая жена Карамзина Елизавета Ивановна. Въ мартѣ 1803 г. Карамзинъ снова уѣхалъ изъ Москвы въ Свирлово, куда къ нему переѣхалъ на житье и Жуковскій (см. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, ч. I, Спб. 1866, стр. 388).

³⁾ Друга Жуковскаго, Андрея Ивановича Тургенева († 8-го іюля 1803 г.).

⁴⁾ Историческая повѣсть Жуковскаго „Вадимъ Новгородскій“, посвященная памяти Андрея Ив. Тургенева, была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 года (№ 23 и 24).

⁵⁾ Карамзинъ женился вторымъ бракомъ на Екатеринѣ Андреевнѣ Колывановой, воспитанницѣ кн. Андрея Ив. Вяземскаго, въ январѣ 1804 года.

⁶⁾ Минины были тульскіе помѣщики.

⁷⁾ Вѣроятно, Ивана Петровича Тургенева.

⁸⁾ Описаніе акта Университетскаго благороднаго пансіона, происходившаго 21-го декабря 1804 года, помѣщено въ № 103 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1804 года (отъ 24-го декабря). Изъ этого описанія видно, что на актѣ, между прочимъ, были „произнесены Стихи къ Поэзіи, сочиненія господина Жуковскаго“.—Стихотвореніе „Къ поэзіи“ было написано Жуковскимъ въ декабрѣ 1804 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25).

⁹⁾ Василия Ивановича Кирѣвскаго на племянницѣ Жуковскаго Авдотѣ Петровнѣ Юшковой. Свадьба ихъ состоялась 16-го января 1805 года (см. выше, стр. 17).

¹⁰⁾ Относится къ 1805 году (см. выше, стр. 10—11).

¹¹⁾ Деньги на путешествіе предполагалъ дать А. А. Пророповичъ-Антонскій (см. выше, стр. 10).

¹²⁾ Племянница Жуковскаго, Марья Андреевна Протасова. Чувство любви къ ней зародилось въ Жуковскомъ въ срединѣ 1805 года (см. выше, стр. 13—14).

¹³⁾ О Проташинскомъ и родственныхъ его отношеніяхъ къ семьѣ Протасовыхъ см. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 35—36 и 114.

¹⁴⁾ Вѣроятно тотъ, за котораго вышла племянница Жуковскаго Марья Николаевна Вельянинова.

¹⁵⁾ Петръ Николаевичъ Юшковъ (который былъ женатъ на Варварѣ Аванасевнѣ Бунинной) умеръ 4-го декабря 1805 года.

¹⁶⁾ Свой домъ въ Бѣлевѣ Жуковскій началъ строить съ 1804 года и поселился въ немъ въ концѣ 1805 года (см. выше, стр. 6, прим. 7-е).

¹⁷⁾ Ѳедоръ Григорьевичъ Вендрихъ, сосѣдъ Жуковскаго по деревнѣ, хо-

- 10) Настоящее мое положеніе.
- 11) Мой характеръ.
- 12) Нѣсколько словъ о характерахъ моихъ прочихъ знакомыхъ. Ник. Ивановичъ ¹⁾. Авд. Аванасьевна ²⁾. Николай Михайл. Михайл и Павелъ Михайловичъ ³⁾. Анна Федоровна ⁴⁾. Катер. Семеновна ⁵⁾. Бошнякъ ⁶⁾. М. Семеновна. Н. Александровна Чебышевъ ⁷⁾. Арбенева ⁸⁾.

Будущая жизнь.

- 1) Что я долженъ и могу изъ себя сдѣлать со стороны моральнаго образованія).
- 2) Какова теперь М. ⁹⁾ и какою я ей желаю быть.
- 3) Какая цѣль моей жизни и какъ до нея достигнуть.
- 4) Въ чемъ долженъ положить свое счастье.
- 5) Чего искать въ свѣтѣ и отъ чего отказаться.
- 6) Какъ пользоваться самимъ собою, чѣмъ заниматься и чѣмъ доставлять другимъ пользу.

рошо знакомый съ нѣмецкою литературою. Въ печати извѣстно письмо къ нему Жуковскаго отъ 19-го декабря 1805 года, въ которомъ Жуковский сообщалъ ему впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ „Агатона“ Виланда (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 383—385).

¹⁾ Вельяминовъ? См. выше § 8.

²⁾ Авдотья Аванасьевна Алымова, рожд. Бунина, старшая дочь А. И. Бунина.

³⁾ Братья товарища Жуковскаго, С. М. Соковнина, Николай, Михаилъ и Павелъ Михайловичи Соковнины.

⁴⁾ Соковнина, мать Соковниныхъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

⁵⁾ Екатерина Семеновна Тургенева, мать друзей Жуковскаго.

⁶⁾ Александръ Карловичъ Бошнякъ (р. 1787 г. † 1831 г.), тоже воспитанникъ Московск. университет. благор. пансіона; по окончаніи въ немъ Бурса, служилъ въ Московск. архивѣ иностр. дѣлъ, въ 1816—1820 гг. былъ перектскимъ предводителемъ дворянства, а подъ конецъ жизни (въ 1829 г.) вице-президентомъ Молдаво-Валахскаго Дивана. Человѣкъ весьма образованный, онъ много занимался ботаникою. Жуковский говорилъ про Бошняка, что онъ будетъ русскимъ Бюффеномъ (см. письмо къ А. К. Бошняку В. И. Губарева, тоже бывшего воспитанника Университ. пансіона, отъ 1816 г., напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1879 года, т. XXVI, стр. 214—215. Свѣдѣнія объ А. К. Бошнякѣ см. тамъ же, стр. 213).

⁷⁾ Объ этомъ Чебышевѣ и знакомствѣ его съ Жуковскимъ упоминается въ письмахъ вн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 13-го октября 1818 года и 18-го іюля 1819 года (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 129 и 268).

⁸⁾ За Арбенева вышла замужъ одна изъ племянницъ Жуковскаго Авдотья Николаевна Вельяминова.

⁹⁾ Т. е. Маша (Марья Андреевна Протасова).

- 7) Какъ себя образовать и какой методъ слѣдовать въ чтеніи.
- 8) Планъ моей жизни: семейственной; авторской; общественной.
- 9) Что я долженъ имѣть необходимо для своего счастья.
- 10) Какъ вояжировать и что дѣлать, если не поѣду вояжировать.

Моральная система

въ отношеніи къ Богу; къ ближнему; къ себѣ самому.

Къ Богу. 1) Понятіе о религіи натуральной и откровенной: на нихъ основать свои поступки. 2) Понятія о твореніи. 3) Молитва. 4) Провидѣніе.

Къ ближнему. 1) Человѣколюбіе. 2) Общество. 3) Любовь къ отечеству. 4) Учтивость, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодаренія. 8) Свѣтскія знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхожденіе. 12) Разговоръ. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушіе. 15) Мода. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мѣнѣіе. 19) Великодушіе. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.

Къ самому себѣ. 1) Спокойствіе души. 2) Душа. 3) Характеръ. 4) Умъ. 5) Тѣло. 6) Добродѣтель. 7) Ревность. Зависть. Поревнованіе. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономія. 11) Умѣренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Злорѣчіе. 15) Цѣломудренность. 16) Уваженіе самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнѣніе. 23) Честность. 24) Совѣсть. 25) Смерть. 26) Состояніе. 27) Порядокъ. 28) Образъ жизни. 29) Счастіе. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скука. 34) Чтеніе. 35) Лѣнь, медлительность.

Мысли.

О довѣренности. О аффектаціи. Какому правилу слѣдовать въ сужденіи о людяхъ. О спорѣ. Какъ говорить правду? Откровенность и скрытность. О дѣятельности. Здравіе тѣлесное необходимо для совершенства умственнаго. Женитьба есть товарищество для совершенства. Чего требовать отъ жены и чѣмъ должно быть хорошему супругу? Какія мои занятія должны быть ежедневныя и постоянныя? Идеаль добродѣтельнаго и счастливаго человѣка. О Агатовѣ⁴⁾. Какіе вопросы я долженъ дѣлать себѣ всякой день? О христіанской морали въ сравненіи съ философической: основать послѣднюю на первой. Прочитать моральныя статьи въ Энциклопедіи и потомъ написать свои.

⁴⁾ См. выше, стр. 40, прим. 17-е, и письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ 6-го января 1806 года („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 22).

Замѣчанія на прошлый годъ журнала и о томъ, что мнѣ дѣлать нынѣшній годъ.

О всемъ, что будетъ написано въ моемъ журналѣ, говоритъ съ опытными людьми. Всѣ отдѣльныя мысли изъ журнала вынести въ особую тетрадь.

Вѣстникъ ⁴⁾. Смерть М. Г. и матушки. Плещеевы. Милиція. Воейковъ.

Какъ сказано выше въ предисловіи (стр. 3), въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ въ Императорскую Публичную Библіотеку его сыномъ Павломъ Васильевичемъ, послѣ журнала 1806 года идетъ перерывъ въ цѣлыхъ десять лѣтъ.

Въ тѣхъ же бумагахъ сохранился писанный въ концѣ 1814 года рукою Жуковскаго набросокъ плана о томъ, какія отношенія должны быть между нимъ, Екатериною Аванасьевною Протасовою, ея дочерьми Маріею Андреевною и Александрою Андреевною (вышедшею въ 1814 году замужъ за А. Θ. Воейкова) и А. Θ. Воейковымъ. Набросокъ этотъ относится къ концу 1814 года, когда семья Е. А. Протасовой стала собираться къ отъѣзду изъ Муратова въ Дерптъ. Жуковский, какъ известно, въ 1814 году пытался еще разъ убѣдить Е. А. Протасову дать согласіе на бракъ его съ ея дочерью Маріею Андреевною, но попытка его не имѣла успѣха, и онъ получилъ, въ концѣ концовъ, только позволеніе ѣхать въ Дерптъ вмѣстѣ съ Протасовыми и Воейковыми.

Помѣщаемъ здѣсь этотъ набросокъ, а также слѣдующія за нимъ мысли Жуковскаго объ общемъ счастьи, представляющія подробное развитіе мыслей, кратко изложенныхъ въ началѣ наброска, въ виду того значенія, какое оба эти документа имѣютъ для біографіи Жуковскаго.

1. Планъ.

1) Занятія. 2) Обхожд(еніе) съ М(ашею), съ Екат(ериною) Ае(анасьевною) (мнѣ, Воей(кову), Машѣ). 3) Обр(азъ) жизни въ Дерптѣ. Хозяйство въ Мурат(овѣ). 4) Занимать(ся). 5) Журналъ. 6) Расположеніе времени.

⁴⁾ Послѣднія двѣ строки приписаны Жуковскимъ позднѣе, въ концѣ 1813 года. Событія, въ нихъ записанныя, относятся къ 1808—1813 годамъ. „Вѣстникъ Европы“ Жуковский издавалъ въ 1808—1810 годахъ; Марья Григорьевна Бунина скончалась 13-го мая 1811 года; мать Жуковскаго, Елизавета Деметьевна, скончалась 25-го мая того же 1811 года; въ ряды Московскаго ополченія Жуковский поступилъ 12-го августа 1812 года, а на родину вернулся 6-го января 1813 года; Плещеевы—это друзья Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ и жена его Анна Ивановна, рожд. гр. Чернышева; А. Θ. Воейковъ пріѣхалъ навѣстить Жуковскаго въ Муратовѣ (имѣніи Е. А. Протасовой) въ концѣ 1813 года, а въ 1814 году женился на второй дочери Е. А. Протасовой, Александрѣ Андреевнѣ.

Планъ счастья. Первое, чтобы мы имѣли довѣренность. Наша цѣль. Обхожд(еніе) взаим(ное). Обр(азъ) жизни сем(ейной). Жизнь для другихъ. Не имѣть никакой постор(онней) цѣл(и). Прошедшее. Представить, что мы . . . .¹⁾. Общія средства для счастья—какого? Чтобы у насъ въ семьѣ было мирно, достаточно, дѣятельно. Слѣд(овательно), это осн(овывается) на душ(евныхъ) уд(овольствіяхъ), на усоверш(енствованіи) взаим(номъ), на дѣятельности, которая безъ . . . .²⁾. Слава. Деньги. Благосл(овеніе) на дѣтей и насъ. Чтобы Екат(еринѣ) Аѳ(анасьевнѣ) было весело, на это способы общіе.

Мнѣ съ Воейковымъ:

Намъ жить вмѣстѣ. Слѣд(овательно) имѣть цѣль одну: общее счастье, общую славу. Для одного мысль, что мы этого желаемъ искренно. Имѣть въ виду сохранить уваж(еніе) другъ къ другу. Помнить во всякое время другъ о другѣ. Говорить все прямо и безъ закрывки. Поставить за правило, если одинъ заговорилъ, другому молчать и не отвѣчать до тѣхъ поръ, пока не придешь въ spok(ойное) состо(яніе). Воейкову думать, что я объ Сашѣ такъ же забочусь, какъ и онъ обо мнѣ. Мнѣ думать, что Воейковъ тоже обо мнѣ. Ему мнѣ повѣрять всѣ мысли насчетъ Саши. Не таить другъ отъ друга ничего дурного; прошлое загладить; будущее сдѣлать прекраснымъ вмѣстѣ. Воейкову быть искреннимъ на мой счетъ съ Екатерин(ою) Аѳан(асьевною). Говорить и обо мнѣ и объ Машѣ, какъ онъ думаетъ. Ручаться, что мы противъ ея воли ничего не пожелаемъ; но увѣрить, что она лишаетъ насъ счастья безъ причины.

Воейкову съ Екат(ериною) Аѳ(анасьевною):

Поставить за правило угождать во всемъ — благодарн(ость). Грубость. Средство для минутъ неудовольствія: вспоминать о Сашѣ; молчать, когда не въ состояніи не сказать груб(ости); уступать или говорить свое мнѣніе съ ласкою. Быть самому искреннему. Сказать напередъ то, что хочешь узнать, не ожидая, чтобы сказали. Главное правило: любить не смотря на неприятности, любить изъ благодарн(ости), любить для Саши. Быть терпѣливымъ въ той мысли, что это спасаетъ жизнь жены, дѣлаетъ счастье друзей и ее самое дѣлаетъ счастли(вою). За все награда—уваженіе и спокойствіе четырехъ человѣкъ. Не забывать, что во всякую минуту есть прибѣжище—жена.

Мнѣ съ Екат(ериною) Аѳан(асьевною):

Противъ холодн(ости) вооружиться терпѣ(ніемъ). Отвѣчать молчаніемъ, никогда грубостію. Вспоминать о Машѣ. Не противорѣчить въ

¹⁾ Далѣе написаны сокращенно три слова, но почеркомъ неразборчивымъ.

²⁾ Далѣе написано неразборчиво начало одного слова.

мнѣніи. Искать прибѣжища въ работѣ. Мысль, что мы вмѣстѣ; что каждый день будетъ такъ. Говорить искренно все. Стараться занимать. Мысль, что она не можетъ быть свободна, что это только временемъ (sic). Довести ее до этого. Средства. Мысль, что ее надобно сдѣлать искреннею. Средства. Мысль, что она Машина мать; для этого все сносить. Воейкову наблюдать. Показывать какъ можно болѣе вниманія ко мнѣ. Санѣ быть своб(одною) со мною насчетъ Маши.

Машѣ съ Е(катериною) Аван(асьевою):

Быть какъ можно своб(однѣ) на мой счетъ. Распр(осы). Говорить всегда просто свое мнѣніе. Огорченія сносить легче. Мысль, что мы вмѣстѣ. Переносить ихъ въ общ(ій) комитетъ.

М(ашѣ) со мною:

Наша цѣль быть столько счастлив(ыми) вмѣстѣ, сколько возможно. Слѣд(овательно) люб(ить). Пользоваться жизнью каждый особ(енно). Помогать другъ другу быть лучшимъ. Мнѣ все хорошее для Маши; Машѣ для меня. Любить—значитъ теперь для насъ имѣть согласіе въ чувствахъ и мысляхъ; но помнить, что мы дали слово. Съ этимъ обѣщаніемъ соглашать свои поступки. Отлич(іе) позволен(наго) отъ непозвол(еннаго). Позволенное—всѣ ласки сестры и брата. Непозволенное—все то, что нужно скрывать. Довольствоваться тѣмъ, что мы не разлучены; что мы увѣрены другъ въ другѣ. Не желать для настоящаго ничего болѣе. О будущемъ не заботиться и его стоить. Заниматься вмѣстѣ съ тою же цѣлью, съ какою бы и розно занимались. Стоить любви маменьки. Неприятности облегчать терпѣніемъ. Мнѣ надѣяться на утѣш(еніе) Маши, Машѣ на мое. Быть сколько возможн(о) свободн(ымъ) при мам(енькѣ), остор(ожнымъ) при другихъ. Во дни непременно одну минуту вмѣстѣ 4-мъ, дабы польз(оваться) сов(ершенною) своб(одою), но не однимъ. Это прин(ять) къ исполн(енію). Довѣренность. Жаловаться другъ другу только другъ на друга. Что ни дѣлать, имѣть въ виду другъ друга.

М(ашѣ):

Читать. Замѣчать въ книгахъ особ(еннымъ) знакомъ тѣ мѣста, кот(орыя) дру(зья). Выписывать самыя лучшія мѣста. Журналъ соб(ственн(ый)). Мѣста изъ Свящ(еннаго) Писанія. Собственныя мысли и замѣчанія на другихъ.

Мнѣ:

Проза—все писать такое, что было бы дост(ойно). Стихи—слава ей. Св. Писаніе—моя исповѣдь. Прививки (sic)—посв(ятить) ей. Журналъ соб(ственн(ый)). Жить какъ пишешь. Искренность насчетъ дурного. Не быть пристрастн(ымъ) въ журналѣ. Ревность. Съ маменькою насчетъ

замужества. Обь этомъ написать для себя и при случаѣ отдать ей. Режимъ: взять у Фора ¹⁾.

М(ашѣ) съ Воейк(овымъ):

Быть искренною въ желаніи ему счастья; готовою все сдѣлать, что потр(ебуетъ) минута. На этомъ чув(ствѣ) осн(овываться) пост(оянно). Въ минуты бурныя молчаніе. За то въ минуты тихія правда и ясность дружбы. Сія истинная дружеская искренность будетъ связью.

Воейк(ову) и Сашѣ:

Какъ скажетъ любовь. Но вотъ совѣты дружбы: Воей(кову) не забывать о здоровьѣ, слѣд(овательно) горячность болѣе всего. Вспыльчивость произвед(етъ) ист(ерику). У Воей(кова) пройдетъ, но слѣдъ останется, и здоровье нач(нетъ) погиб(ать). Слѣд(овательно) беречь Сашу, а съ Е(катериною) Аван(асьевою): избѣг(ать) случая сердить; гораздо легче уступ(ать), нежели быть причиною разстр(ойства). Все, что можетъ съ одной стороны стоять тяжелой жертвы, напередъ отъ того отказаться. Въ ссорахъ другъ съ другомъ принимать посредниковъ только меня и Машу. Посторонніе чтобъ и не видали. Все прочее сами знаете. Сашѣ обдумыв(ать) все, что прин(адлежитъ) къ званію матери. Обь этомъ вмѣстѣ съ Машею—глав(ное) занятіе обѣихъ, и я помощи(вкъ). Чтеніе и опытъ.

Образъ жизни. Общіе предметы хозяйств(енные), обѣдъ и ужинъ. Назнач(ить) людей. Не много. 1) Чтобы были довольны. Обд(умать) ихъ нужды и удовл(етворять) съ излиш(комъ), чтобы имѣть право болѣ(е) требов(ать). 2) Каждому письменно назначить должность и внѣ ея ничего не требовать. Чтобъ онъ былъ порядоченъ, нужно самому подчин(яться) порядку. 3) Всѣ вещи на запискѣ. 4) Самимъ распредѣл(ить) себѣ долж(ности). Сдѣлать общую смѣту всего расхода: на домъ, отопленіе и освѣщеніе; на лошадей; на жал(ованье) и одежду людямъ; на свою одежду; чай, кофе и сахаръ; вино; на годов(ой) стол(овой) запасъ для себя и людей; на ежед(невный) расх(одъ) на столъ; на ежед(невный) расх(одъ) на людск(ую) пищу; на карманныя деньги; на непредвидѣн(ан); на закупку нужныхъ мебели для Дерпта. 5) Долж(ности). Машѣ: Имѣть на рукахъ деньги. Вести приходъ и расходъ. Этому сдѣлать образецъ и книги. Расх(одъ) и прих(одъ) вещамъ. Записка всего, что есть въ домѣ. Приказ(ывать) кухню. Сашѣ: Имѣть на рукахъ чай, сахаръ и кофе и ключи отъ всѣхъ комод(овъ), чтобы знать, гдѣ что лежитъ и

¹⁾ Докторъ Форъ, взятый въ плѣнъ подъ Малымъ Ярославцемъ, жилъ у Плещеевыхъ въ ихъ имѣніи Чернь. Онъ лѣчилъ въ 1813 году М. А. Протасову во время ея болѣзни (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 121. Тамъ же, на стр. 121—124, напечатано стихотворное посланіе Жуковскаго къ Фору, относящееся къ 1813 году).

чтобы ничто не лежало брошено въ беспорядкѣ) или было забыто. Воейкову: лошади, оवेशь, сѣно, дрова, люди (ихъ одежда, пища, ихъ должности). Жук(овскому): Смотрѣть за чистотою въ домѣ. Библиотека. Починки въ домѣ. Ав(дотьѣ) Мих(айловнѣ): имѣть на рук(ахъ) стол(овый) запасъ, вино, свѣчи. Выдав(ать) на кухню свѣчи, вино. Имѣть на рук(ахъ) фарфоръ, и посуду, и серебро. Записывать дневн(ой) расходъ. Мѣсячный Маши. Имѣть на рук(ахъ) погребъ, мыло. Стир(ка) бѣлья. 6) Общая смѣта.

Занятія: общія и частныя, семейств(енныя), общепользныя. Общія правила: Чтобы не было во дни празднои минуты. Заниматься каждому съ своею частною цѣлью. Общая цѣль, чтобы день принесъ пользу или головѣ, или карману. Чтобы минуты отдыха были веселы. Чтобы была и для другихъ польза.

Чтобы Екате(рину) Ае(анасьевну) никогда не оставл(ять). Распредѣлить такъ время, чтобы при ней. Чтобы были мину(ты), чтобы всё вмѣстѣ. Дневанье.

Занятія порознь. Занятія вмѣстѣ. Порознь: занятія по должности, занятія для себя полезныя. Занятія вмѣстѣ: пріятныя, разговоръ.

Занятія порознь. По должно(сти). Каждому обдум(ать) свою цѣль. 1 должность—образовать самого себя. 2 долж(ность)—исполнять то, что прилично званію. 3 долж(ность)—непосредств(енная) польза для тѣхъ, кому она нужна.

1) Чтеніе выбранныхъ книгъ. Писать для себя. Какъ читать и какъ писа(ть). Журналъ.

2) Званія:

Сашѣ, какъ матери: воспитаніе и понятіе о томъ, что каждая мать должна науч(ить) дѣтей: а) если сынъ, б) если дочь. Машѣ должность быть въ этомъ ей помощницею.

Метода, какъ заниматься.

Мнѣ и Воейкову: 1) Чтеніе. Журналъ. 2) Авторство мнѣ (назнач(ить): кажд(ый) день прозы, кажд(ый) день въ стих(ахъ). Вмѣстѣ: Изданіе стихотв(ореній) и проз(ы). Красоты библии. Приготовл(еніе) къ лекціямъ. Лат(инскій) языкъ и италіанскій. Сообщ(еніе) замѣч(аній) на читанное и записки. Красоты слав(янскаго) языка. Журналъ. Изданіе календаря. Изданіе ежег(одно) луч(шихъ) піесъ въ стих(ахъ) и прозѣ.

Воспитаніе. Составить пол(ный) корпусъ изъ чит(анныхъ) книгъ. Составить нач(альную) книжку для наставленія.

Занятія вмѣстѣ. Священное Писаніе. Чтеніе духовныхъ писателей. Чтеніе своихъ сочиненій и ихъ разборъ.

Выдумать способъ, чтобы часы, проводимые вмѣстѣ, не были скучны. Приготовл(ять) матерію для разгов(оровъ). О томъ, что читалъ. Одн(имъ) словомъ, думать объ этой минутѣ, ибо она есть отдыхъ отъ дѣятельнаго

дня, въ который всё должны быть веселы. Задавать вопросы, которые разрѣш(ать) словесно. Чтеніе замѣченныхъ мѣстъ. Разказы, игры—чтобы прих(одили) какъ будго невзнач(ай). Планъ кажд(аго) дня. Я и Воей(ковъ). Журналъ нашей жизни; вести Машѣ. Каждому своей журналъ и замѣчанія за другими, такъ чтобы каждый зналъ мысли другихъ о себѣ, и чтеніе другъ другу.

Занятіе полезное для другихъ. Найти бѣдную семью. Каждому съ своей стороны способствовать. Сдѣлать располож(еніе) и слѣдов(ать) ему. Но прежде всего, чтобы все вокругъ насъ было въ порядкѣ.

Прибавленіе.

1) Изъ моихъ тетр(адей) и писемъ.

М(ашѣ) съ мам(енькою): Беречь спок(ойствіе) духа. Сказать себѣ, чего желать, чѣмъ довольствоваться, какія неизбѣжныя огорченія, какъ ихъ уменьшать, быть готовымъ къ дурному, пользоваться всѣмъ хорошимъ. Положеніе маменьки съ нами.

Жизнь вмѣстѣ. Одна цѣль. Думать. Забота каждого о себѣ. Близко. Что возможно и что невозможно.

Новая связь, вмѣстѣ. Стар(аться) до(с)тичь съ мат(ушкою), даже и вопреки ей. Вмѣстѣ сколько неприятн(остей) съ этою цѣлю.

Ненад(обность) переписки. Замѣна чтенія; журналъ; выписки изъ книгъ; назнач. за свѣд.

Противъ ревности воспоминаніе всего прошедшаго.

Tu me dois ton bonheur particulier ¹⁾. Что мнѣ надобно? Что ей надобно? О замужествѣ—обдумать и написать. 1) Режимъ. Смѣло приказ(ывать) по Форову ²⁾ предпис(анію). 2) Спокойствіе духа. Довѣр(енность) взаим(ная). Не пят(ать) мысл(ей) уныл(ыхъ). Смотр(ѣть) на вещи просто. Не приним(ать) къ сердцу. Упов(ать): все(аки) мы вмѣстѣ. О чтеніи.

О моемъ обѣщаніи. Разговоръ. Я не могу дать. По тѣхъ поръ пок(а) не б., пока не прист. Я не могу гдѣ-то жить. Послѣ моей смерти. Изъ сожалѣнія. Счастья нѣ(тъ)—оно въ испол(неніи) д(олга). Что М. ³⁾ за... ⁴⁾. Я знаю, что онѣ сами были виною. Все для себя.

Шуба. Послѣдніе дни. Плач(евное) прощаніе.

Машины тетрадки. Мои тетрадки. Условіе. Régime.

¹⁾ Т. е. Ты мнѣ обязана своимъ счастіемъ.

²⁾ Доктора Фора, о которомъ см. выше, стр. 46, примѣчаніе 1-е.

³⁾ Т. е. Маша (М. А. Протасова).

⁴⁾ Конецъ слова написанъ такъ неразборчиво, что его нельзя прочесть.

Для хар(актеристики) Воейк(ова) мои посланія.

Для Е(катерины) Аѳ(анасьевны) мое и ея письмо.

Хар(актеры) Во(ейкова), Ек(атерины) Аѳ(анасьевны), Саш(и), Маш(и), Ав(доты) Петр(овны) ¹⁾, мой, Плещ(еева), Ан(ны) Ив(ановны) ²⁾.

Сочиненія: Владим(иръ) ³⁾, Вост. Пѣв(ецъ) ⁴⁾, Maison de Ch. ⁵⁾, баллады ⁶⁾, Посл(аніе) къ госуд(арю) ⁷⁾, Привѣт(ственное) посл(аніе), Обер(овъ) ⁸⁾, Филоктеть ⁹⁾, Art poétique ¹⁰⁾, Eloisa to Abel(ard) ¹¹⁾, Der Moench und die... Лекціи. Журналь. Энеида ¹²⁾. Письма о воспит(аніи) и нравств(енности). Журналь. Жизнь и сочиненія Муравьева ¹³⁾. Романъ. Анти-Кандидъ. Прививки (sic) ¹⁴⁾.

Скрытыя статьи. Мнѣ съ Воейковымъ. Мнѣ съ Машею.

Вообще.

Наша цѣль: общее счастье. Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастью кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало.

¹⁾ Авдоты Петровны Кирѣевской, рожд. Юшковой.

²⁾ Пріятеля Жуковского Александра Алексѣевича Плещеева и его жены Анны Ивановны, рожденной графини Чернышевой.

³⁾ Поэма, которую, какъ извѣстно, задумывалъ написать Жуковский, но которая такъ и осталась ненаписанною.

⁴⁾ Пѣвецъ въ Кремль?

⁵⁾ La Maison des champs?—дидактическая поэма Кампенона (Campeleon, р. 1772 † 1843), изданная въ 1809 году.

⁶⁾ Перечень балладъ, написанныхъ Жуковскимъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1814 года, см. въ Бумагахъ Жуковского, стр. 151.

⁷⁾ Посланіе къ императору Александру написано Жуковскимъ съ 14-го по 23-е ноября 1814 г. (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 151; „Письма Жуковского къ Тургеневу“, стр. 129—130).

⁸⁾ Переводить Виландова „Оберона“ Жуковский начиналъ еще въ концѣ 1811 года (см. Бумаги Жуковского, стр. 53).

⁹⁾ Приблизительно къ 1811 же году относятся сохранившіеся въ бумагахъ Жуковского начатыя наброски его перевода Лагарпова „Филоктета“ (см. тамъ же, стр. 54).

¹⁰⁾ Извѣстное сочиненіе Буало.

¹¹⁾ Посланіе Элоизы къ Абеляру—сочиненіе англійскаго поэта А. Попа.

¹²⁾ Переводъ Жуковского отрывка изъ Энеиды явился позже, въ 1822 году.

¹³⁾ Работою по приготовленію къ печати сочиненій Михаила Никитича Муравьева, не вошедшихъ въ изданіе 1810 года, Жуковский занимался по предложенію вдовы М. Н. Муравьева, Екатерины Ѳедоровны Муравьевой; имъ былъ даже составленъ планъ изданія, но въ концѣ концовъ, занятый другими дѣлами, Жуковский отказался отъ участія въ этомъ предиріятіи (см. „Письма Жуковского къ Тургеневу“, стр. 125, прим. 7-е).

¹⁴⁾ Ср. выше, стр. 45.

Въ чемъ состоитъ это общее счастье? Въ семейственномъ спокойствіи: то-есть, чтобы у насъ въ семьѣ все было весело, чтобы въ ней была полезная дѣятельность, что(бы) не было недостатка ни въ чемъ необходимомъ.

1) Чтобы быть веселымъ, надобно быть: довольнымъ своимъ положеніемъ, довольнымъ другими, довольнымъ собою.

НВ. Средства на это легкія, самыя простыя и всё отъ насъ зависятъ. Чтобы составить наше счастье, намъ не надобно ходить въ даль за способами: они всё у насъ подъ руками; только хотѣть и не отдѣлять себя отъ другихъ,—а соглашать свои понятія объ немъ съ понятіями своихъ товарищей.

а) Для того, чтобы быть довольнымъ положеніемъ своимъ, надобно: Не желать переменъ. Пользоваться тѣмъ, что есть. Боязнію будущаго не портить настоящаго. Д у м а т ь, что нѣтъ блаженнѣ(е) состоянія, какъ семейственнаго круга, въ которомъ всё доброе, вѣрятъ другъ другу, заботятся другъ объ другѣ, порознь трудятся, вмѣстѣ отдыхаютъ посреди искренности и не допускаютъ въ свой кругъ никакихъ огорченій, которыя бы отвратить было имъ возможно. Быть увѣреннымъ, что это положеніе наше и что отъ насъ зависитъ его сохранить.

б) Чтобы быть довольнымъ собою, надобно: Поставить за правило не только поступкомъ, но и намѣреніемъ не нарушать общаго покоя. Соображаться въ мысляхъ и желаніяхъ съ этою общею цѣлью. Исполнять это сколько возможно на дѣлѣ. Тогда скажешь самому себѣ съ удовольствіемъ, что ты достоинъ занимать свое мѣсто въ милой семьѣ.

с) Чтобы быть довольнымъ другими: Имѣть къ нимъ полную довѣренность. Маленькія неудовольствія сносить спокойно или не привязываться ни къ чему мелкому. Быть откровеннымъ и требовать откровенности. Не беречь ничего на сердцѣ. Никогда не забывать мысли, что живешь между твоими товарищами, съ которыхъ счастьемъ связано и твое. Не проводить ночи въ сомнѣніи и досадѣ, чтобы утро нашло тебя такимъ, какимъ быть долженъ, то-есть съ легкимъ сердцемъ, не имѣющимъ ничего противъ своихъ друзей, полнымъ прежней ничѣмъ не помраченной къ нимъ любви.

Чтобы другіе были нами дов(ольны): Имѣть къ нимъ довѣренность. Что на сердцѣ, то на языкѣ. Не отдѣлять себя отъ нихъ, не полагать своего желанія за общее правило, но общее своимъ желаніемъ. Не требовать только отъ нихъ, но и самому все для нихъ дѣлать. Думать не объ однихъ только ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ себѣ, но о своихъ въ отношеніи къ нимъ. Однимъ словомъ, соглашать свое съ общимъ. Полную свободу мнѣній. Смотрѣть за ними болѣе, нежели за собою, а смотрѣніе за собою повѣрить имъ и замѣннаго не беречь на сердцѣ, а говорить прямо. Мысль о усовершенствованіи другихъ.

Всему прошедшему полное забвеніе, и кто имѣть себя въ чемъ упрекать, тотъ имѣй въ головѣ только мысль: будущимъ загладить прошедше(е), и чтобы каждый день это исполнялось на дѣлѣ—думать, что мы только что пускаемся вмѣстѣ въ дорогу за счастіемъ, и взять нужный для этого запасъ.

Все это необходимо для того, чтобы намъ всѣмъ порознь и вмѣстѣ было весело. А это веселье, успокоивающее душу, необходимо для того, чтобы мы каждый могли съ успѣхомъ заниматься своимъ особеннымъ дѣломъ, чтобы нашъ отдыхъ отъ дѣла былъ прямо отдыхъ, то-есть ощущение себя въ кругу милыхъ товарищей, гдѣ все твое, гдѣ нѣтъ заботы, гдѣ перестаешь думать о прошедшемъ и будущемъ, гдѣ доволенъ и собою, и другими. Такое только веселье, такая только дѣятельность составляютъ счастье. Не имѣть его въ кругѣ добрыхъ значить не хотѣть его имѣть. Оно наше, если только сами не будемъ его разрушителями.

2) За весельемъ—дѣятельность,—не та, которая служить приближимъ и спасителемъ отъ горя, которая рѣдко отъ него спасаетъ и вмѣстѣ съ такимъ худымъ товарищемъ и половиннаго успѣха имѣть не можетъ,—но дѣятельность веселыхъ въ семейственномъ кругу счастливецъ ¹⁾, то-есть наша.

а) Главное правило, чтобы ни одинъ день не прошелъ даромъ, не прибавивъ намъ добра, чтобы онъ не исчезъ изъ жизни. Только изъ такихъ дней составленная жизнь можетъ назваться жизнію. Изъ дней ничтожныхъ составленная есть ничтожество. Какой же запасъ принесешь въ ту жизнь? Готовить этотъ ²⁾ запасъ наша обязанность; помогать другъ другу готовить—другая, а помогать нечѣмъ другимъ, какъ счастливя другъ друга, чтобы это счастье служило вмѣсто вдохновенія. Вѣда, если горе уничтожить дѣятельность ежедневную, слѣдовательно всей жизни, и если это разрушить горе отъ милыхъ людей.

б) Имѣть каждому особенную цѣль, и чтобы къ этой цѣли всякой день особенно приближалъ.

с) Имѣть слѣд(овательно) свое особенное занятіе, относительное къ особенной своей цѣли.

д) И эта цѣль можетъ быть двоякая: или особенная обязанность по своему званію, или обязанность общая для всѣхъ, нравственное свое усовершенствованіе.

Этимъ завятіямъ посвятить свои особенные часы, часы, собственно каждому принадлежащіе. Употребить ихъ такъ, чтобы послѣ, отдыхая съ друзьями, можно было дать имъ пріятный для нихъ и для себя отчетъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ описка: счастливецемъ.

²⁾ Тамъ же описка: эту.

е) Такого же рода занятія могутъ быть и вмѣстѣ—для всѣхъ одно.

ф) Наконецъ занятіе непосредственно полезное для другихъ, которые не принадлежатъ къ нашей семьѣ, должно входить въ планъ нашего счастья. Я говорю о благодѣяніи. Какое оно быть должно, впередъ нельзя сказать,—но, если можно, чтобъ каждый день былъ замѣченъ добрымъ дѣломъ, по чувству ли сдѣланнымъ или по обязанности—нѣтъ нужды: или причины или дѣйствія все будутъ хорошія. Но это должно быть семейственною тайною.

1817.

О к т я б р ь.

4-е, четвергъ. Выѣздъ изъ Петербурга ¹⁾. Обѣдъ въ С(арскомъ) Селѣ. Пушкинъ ²⁾. Дорогою встрѣча съ курьеромъ. Спасск(ое) Полюсть(е) ³⁾. Т р а к т и р ь. Тверь. Чертковы.

Вторникъ, 9. У Протасовыхъ. Приѣздъ въ Москву ⁴⁾.

10. У Вяземск(аго) ⁵⁾. У Антонск(аго) ⁶⁾. У Дмитриева ⁷⁾. У Нарышк(ина) ⁸⁾.

11. У великаго князя ⁹⁾.

12. Чудесный праздникъ на Воробьев(ыхъ) горахъ ¹⁰⁾.

14. Напрасн(ая) попытка представиться государынѣ ¹¹⁾.

---

¹⁾ Въ подлинникѣ описка: „Выѣздъ изъ Москвы“.

²⁾ Проводивъ Жуковскаго, А. С. Пушкинъ вернулся 5-го октября въ Петербургъ (см. письмо А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому отъ 5-го октября 1817 года въ Остафьевскомъ Архивѣ, т. I, стр. 89).

³⁾ Станція по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву.

⁴⁾ Князя Петра Андреевича.

⁵⁾ Въ Остафьевскомъ Архивѣ напечатано (т. I, стр. 90) письмо кв. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 8-го октября 1817 г., въ которомъ сообщается уже о приѣздѣ Жуковскаго въ Москву.

⁶⁾ У А. А. Прокоповича-Антонскаго.

⁷⁾ У И. И. Дмитриева.

⁸⁾ Вѣроятно, у Кирилла Александровича Нарышкина, занимавшаго недолгое время должность гофмаршала двора великаго князя Николая Павловича (см. „Русскую Старину“ 1896 года, октябрь, стр. 34—35). Въ декабрь 1817 года К. А. Нарышкинъ былъ назначенъ уже гофмаршаломъ высочайшаго двора.

⁹⁾ Николая Павловича.

¹⁰⁾ Въ этотъ день происходила торжественная закладка храма Христа Спасителя.

¹¹⁾ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

17, среда. У Булгакова ¹⁾. К(апо) д'Истрия ²⁾, Стурдза ³⁾, Рушковскій ⁴⁾, Видберхъ ⁵⁾. Великолѣпная мысль для храма. Неудачная поѣздка въ Астафьево ⁶⁾. Собрание пенсіонское.

18-е. Астафьево.

21, воскрес(еніе). Представленіе велик(ому) князю и императрицѣ. Воронежской помѣщикъ. Обѣдъ у Каченовскаго ⁷⁾. У Офросим(ова) ⁸⁾.

22. День освоб(ожденія) Москвы отъ поляковъ. Первая лекція ⁹⁾. Мое переселеніе ¹⁰⁾. У Офросимова.

24. Письмо отъ Тургенева ¹¹⁾. Обѣдъ въ Англ(ійскомъ) клубѣ. Давыдовъ ¹²⁾. Дмитріевъ. Качен(овскій).

25. По утру у Екатер(ины) Семен(овны) ¹³⁾. Біографія королевы Луизы ¹⁴⁾. Обѣдъ у великаго князя. Бенкендорфъ ¹⁵⁾: анекдотъ о крестѣ. Музыка. Народъ передъ окномъ. Храповицкій ¹⁶⁾. Дурновъ ¹⁷⁾. Принцъ Прусскій ¹⁸⁾. Послѣ обѣда у Екатерины Семен(овны). К(нязь) Голи-

¹⁾ У Константина Яковлевича (р. 1782 † 1835), съ 1816 по конецъ 1819 года занимавшаго должность московскаго почтдиректора.

²⁾ Графъ И. А. Каподистрия въ то время былъ статсъ-секретаремъ императора Александра I и состоялъ въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ Извѣстный писатель и дипломатъ Александръ Скарлатовичъ Стурдза, въ то время бывший переводчикомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Иванъ Александровичъ, помощникъ московскаго почтдиректора, а съ 1820 г. по самую смерть († 1832) московскій почтдиректоръ.

⁵⁾ Ѳеодоръ Лаврентьевичъ Витбергъ, архитекторъ, составитель плана постройки храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.

⁶⁾ Извѣстное имѣніе кн. П. А. Вяземскаго.

⁷⁾ Михаила Трофимовича, извѣстнаго профессора Московскаго университета и издателя „Вѣстника Европы“.

⁸⁾ Александра Михайловича, который былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, Марьѣ Петровнѣ Юшковой.

⁹⁾ Великой книгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которой преподавать русскій языкъ былъ приглашенъ Жуковскій.

¹⁰⁾ Жуковскому, на время пребыванія высочайшаго двора въ Москвѣ, было отведено помѣщеніе въ одной изъ келій Чудова монастыря, куда онъ и переселился 22-го октября (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 181).

¹¹⁾ Отъ Александра Ивановича Тургенева. Отвѣтъ Жуковскаго на это письмо напеч. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 181—183.

¹²⁾ Поэтъ и партизанъ Денисъ Васильевичъ.

¹³⁾ Тургеневой, матери Ал. Ив. Тургенева. И далѣе въ дневникѣ Жуковскаго она вездѣ называется только по имени и отчеству.

¹⁴⁾ Матери великой книгини Александры Ѳеодоровны.

¹⁵⁾ Александръ Христофоровичъ, въ то время генераль-маіоръ, впоследствии шефъ жапдармовъ и графъ.

¹⁶⁾ Матвѣй Евграфовичъ, генераль-адъютантъ.

¹⁷⁾ Вѣроятно, флигель-адъютантъ Николай Дмитріевичъ Дурного.

¹⁸⁾ Вильгельмъ (впоследствии германскій императоръ).

цнѣ 4). Совѣщаніе у Антонскаго и Вяземскаго. Эпиграммы и Пушкина 2) басня.

26. Обѣдъ у Дружинина 3). Сентимерь. Полуехтовъ 4). Каченовскаго болѣзнь.

27. суббота. Моей лекціи не было: в(еликая) к(нягиня) нездорова. Я люблю свою должность, и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться. Тѣмъ лучше. Не послѣднее счастье быть привязаннымъ къ тому, что должно. Я надѣюсь со временемъ сдѣлать уроки свои весьма интересными. Они будутъ не только со стороны языка ей полезны, но дадутъ пищу размышленію и подѣйствуютъ благотѣльнымъ образомъ на сердце. Однимъ словомъ до сихъ поръ чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: и з в н ѣ и в н у т р и души. Честолюбіе молчитъ; въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отдаю настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзія! Свобода! Заслуженное уваженіе по чистотѣ намѣреній и дѣлъ, желаніе добра всѣмъ и сердечная увѣренность, что не буду ни съ кѣмъ соперникомъ и не огорчусь потерей выгодъ, ибо не ищу ихъ — вотъ теперь мое положеніе. Да сохранить Богъ его неизмѣннымъ.—Пріѣздъ Воейкова съ стихами 5). Извѣстіе отъ Проташ(ин-

1) Извѣстный князь Александръ Николаевичъ, въ то время главноуправляющій иностранными исповѣданіями, а въ концѣ 1817 г. ставшій и министромъ народнаго просвѣщенія.

2) Василія Львовича. Вѣроятно, онъ читалъ свою басню „Гнѣвъ Зевеса“, которая черезъ день, 27-го октября, была имъ прочтена въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности (см. извѣстіе объ этомъ засѣданіи, напечат. въ № 91-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1817 г.).

3) Вѣроятно, у Петра Михайловича Дружинина, адъюкта Московскаго университета, директора училищъ Московской губерніи и члена Общества любителей россійской словесности.

4) Борисъ Владиміровичъ, бывшій воспитанникъ Московскаго университета благороднаго пансіона, умершій въ 1834 году въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи; въ то время онъ былъ генераль-майоромъ. Извѣстны стихи ему Жуковскаго на выступленіе въ походъ 1815 г. 17-го февраля (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 422), начинающіеся такъ:

Нашъ кульмскій богатырь, ура! счастливый путь!

Лети съ полками въ поле брани.

5) Александра Федоровича изъ Дерпта, гдѣ онъ занималъ (съ 1814 по 1820 г.) кафедру русскаго языка и словесности. Стихи, которые привезъ Воейковъ,—это написанный имъ въ Дерптѣ въ 1817 году „Отрывокъ изъ поэмы Искусства и Науки“ (впослѣдствіи напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1819 г., ч. 104, № 8, апрѣль); въ этомъ отрывкѣ Воейковъ характеризуетъ литературную дѣятельность нашихъ старыхъ и нѣкоторыхъ новыхъ писате-

скаго) ⁴⁾ о Сашѣ ²⁾. Поповъ ³⁾. Обѣдъ у Е(катерины) Семен(овны) и письмо къ Сергѣю ⁴⁾. Засѣданіе въ Общ(ествѣ) л(юбителей) с(ловесности) и скука ⁵⁾. Дмитріевъ и Шаликовъ ⁶⁾. Ужинъ у В. Л. Пушкина.

28, воскресенье. Чистое счастье дѣлаетъ религиознымъ. Все прекрасное родня. Каждое прекрасное чувство все оживляетъ въ душѣ: дружбу, поэзію; и все это сливается въ одно: Богъ. Я бы каждое прекрасное чувство назвалъ Богомъ. Оно есть Его видимый, или слышимый, или чувствуемый образъ. — Шамбо ⁷⁾. Приятное знакомство. — Обѣдалъ у Тютчева ⁸⁾. Вечеръ дома.

лей. Между прочимъ, Жуковскому посвящена въ „Отрывкѣ“ слѣдующая строфа (стр. 254):

Жуковский! съ якоремъ, лилеей и крестомъ,
Ты объ возвышенномъ, прекрасномъ и святомъ
Намъ проповѣдуешь, несчастныхъ утѣшитель!
Объ небѣ говоришь, какъ будто неба житель;
Указываешь путь изъ сей юдоли бѣды
Въ міръ истины, добра, любви, въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ
Разврата, низости, корысти, вѣроломства.
Ты рѣжешь на мѣди для поздняго потомства.
Ты любишь трудное; играя, сыплешь ты
Изъ полной горсти намъ алмазы и цвѣты.
Брегъ дикій, монастырь, развалины, кладбище
И мрачный лѣсъ — твое любимое гульбище,
И сладокъ для тебя шумъ вѣтровъ и морей;
Но ты веселый гость на пиршествѣ друзей.
О другъ! не позабудь, успѣхомъ обольщаемъ,
Что новыхъ отъ тебя чудесъ мы ожидаемъ!
Твой пламень не погасъ средь бѣдствій: пусть же вновь
Ярчѣй зажжетъ его счастливая любовь.

¹⁾ О немъ см. выше, стр. 40, прим. 13-е.

²⁾ Объ Александрѣ Андреевичѣ Воейковой (рожд. Протасовой женѣ А. Θ. Воейкова, племянницѣ и крестницѣ Жуковскаго.

³⁾ Вѣроятно, Василій Михайловичъ Поповъ, приближенный князя А. Н. Голицына, директоръ департамента народнаго просвѣщенія.

⁴⁾ Къ Сергѣю Ивановичу Тургеневу, брату Александра и Николая Ив. Тургеневыхъ, находившемуся въ то время во Франціи, гдѣ онъ состоялъ при графѣ М. С. Воронцовѣ по дипломатической части.

⁵⁾ Извѣстіе объ этомъ засѣданіи было помѣщено въ № 91 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1817 года. Между прочимъ, въ этомъ засѣданіи было прочтено сотрудникомъ Общества П. С. Яковлевымъ стихотвореніе самого Жуковскаго „Связка Карбункуль“ (т. е. Красный карбункулъ).

⁶⁾ Князь Петръ Ивановичъ, бездарный писатель.

⁷⁾ Иванъ Павловичъ Шамбо, секретарь великой княгини (а потомъ императрицы) Александры Феодоровны.

⁸⁾ У Ивана Николаевича Тютчева († 1846), отца поэта Θ. И. Тютчева. И. Н. Тютчевъ, орловскій помѣщикъ, живаль по знимамъ въ Москвѣ (см.

Счастье не цѣль жизни. Мы соединены состраданіемъ съ другими. Ихъ несчастіе общее для насъ. Мы менѣе радуемся, нежели печалимся вмѣстѣ съ другими. Несчастіе дѣлаетъ другого намъ любезнѣе, почтеннѣе—онъ въ нашихъ глазахъ возвышается, чѣмъ болѣе страдаетъ и борется, тѣмъ любезнѣе.

Мы знаемъ здѣсь одно потерянное счастье. Счастье нашъ предметъ; здѣсь мы имѣемъ только тѣнь предмета.

То чувство равнодушія, какое имѣетъ всегда мертвое тѣло посторонняго намъ человѣка, есть доказательство безсмертія души. Тайный голосъ говоритъ намъ, что мертвый ничего не потерялъ. Мы жалѣемъ или себя или другихъ, жалѣя о мертвомъ; видя чужія слезы, мы плачемъ объ немъ.

Видъ мертваго младенца дружить съ смертію.

29, понедѣльникъ. Утро у в(еликой) княгини. Поповъ. Къ Кокочкину ¹⁾ обѣдать: Апраксинъ ²⁾, Солнцева ³⁾, Похвистневъ съ женою. Послѣ обѣда у Вяземскаго. У Попова.

3 (ноября), суббота. Утро у в(еликой) к(нягини). Я немножко опоздалъ, и мнѣ былъ какъ будто выговоръ. Она нетерпѣлива; но эта нетерпѣливость милая и добродушная. Я нашелъ у нея Нарышкина ⁴⁾. Она занималась важнымъ дѣломъ: выборомъ камней. Она спросила у меня: люблю ли камни?—Не знаю, люблю ли, потому что никогда не имѣлъ ихъ; но больше думаю, что не люблю.—Она не выучила своей басни и съ большимъ горемъ рассказывала мнѣ, что ей было некогда. *La princesse Moustache* ⁵⁾ a été chez moi après dîner et a passé deux heures entières. Vous savez qui est la princesse Moustache? Quand ces dames à

Биографич. очеркъ Ѳ. И. Тютчева, сост. И. С. Аксаковымъ, въ „Русск. Архивъ“ 1874 г., вып. 10, столб. 10). О знакомствѣ въ эту пору съ Жуковскимъ Ѳ. И. Тютчевъ вспоминаетъ въ своемъ стихотвореніи „17 апрѣля 1818“, написанномъ въ 1873 году.

¹⁾ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокочкинъ (р. 1773 г. † 1838 г.), переводчикъ Мольерова Мизантропа, большой любитель театра, съ 1823 г. по 1831 г. управлявшій московскимъ театромъ.

²⁾ Сергій Степановичъ Апраксинъ (р. 1747 г. † 1827 г.), генералъ-отъ-кавалеріи, извѣстный въ Москвѣ своимъ хлѣбосолецтвомъ и гостепріимствомъ; у него также устраивались любительскіе спектакли, концерты и литературныя чтенія.

³⁾ Камергеръ Матвѣй Михайловичъ Солнцева († 1848 г.), женатый на сестрѣ В. Л. Пушкина, Елизаветѣ Львовнѣ.

⁴⁾ К. А. Нарышкина, гофмаршала двора великаго князя Николая Павловича (см. выше, стр. 52, прим. 8-е).

⁵⁾ Статсъ-дама княгиня Наталья Петровна Голицына (р. 1741 г. † 1837 г.), рожд. графиня Чернышева; она собой была некрасива и съ большими усаміи; отчего и получила прозваніе „La princesse Moustache“.

portrait vous arrivent, il ne faut plus badiner. Et moi j'aime tant que mon après-dinée est à moi ¹⁾. Только хотѣли мы начинать, явился государь. Прошло съ четверть часа. Потомъ явились принцъ ²⁾ и в(еликій) к(нязь). Съ послѣднимъ мы нѣжно поцѣловались.—У Вяземскаго. У Муравьева. Обѣд(аль) у Екатерины Семеновны. Вечеръ у в(еликаго) князя. Была государыня и разыгрывала лотерею. Разгов(оръ) съ Виллам(овымъ) ³⁾ о Мерзляковѣ⁴⁾. Бенкендорфъ. Албедиль⁵⁾, который буфонить и котораго дразнить: совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ я его встрѣтилъ на дорогѣ изъ Дерпта. Милорадовичъ ⁶⁾. Трубецкой ⁷⁾ съ женою. Храповицкій ⁸⁾. Модень ⁹⁾. Пашковъ ¹⁰⁾. Мухановъ ¹¹⁾. Нелидова ¹²⁾. Ливенша ¹³⁾. Прозоровск(ая) ¹⁴⁾. Волконская ¹⁵⁾. Гр(афъ) Чер-

---

¹⁾ Т. е. La princesse Moustache была у меня послѣ обѣда и пробыла цѣлыхъ два часа. Знаете вы, кто такая la princesse Moustache? Когда къ вамъ являются эти кавалерственныя дамы, то нельзя уже болѣе шутить. А я такъ люблю, чтобы послѣобѣденное время было въ моемъ распоряженіи.

²⁾ Принцъ прусскій Вильгельмъ.

³⁾ Григоріемъ Ивановичемъ († 1842 г.), секретаремъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, впоследствии главноуправляющимъ IV отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

⁴⁾ Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ написалъ по случаю закладки храма Спасителя стихи „Пѣснь на заложение храма Христа Спасителя“, которые были имъ читаны въ засѣданіи Общества любителей россійск. словесности 27-го октября 1817 г.

⁵⁾ Гофмаршалъ баронъ Петръ Романовичъ Альбедиль (р. 1764 г. † 1830 г.), вице-президентъ Придворной конторы.

⁶⁾ Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, бывшій въ то время командующимъ гвардейскимъ корпусомъ.

⁷⁾ Вѣроятно, генераль-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой.

⁸⁾ См. выше, стр. 53, прим 16-е.

⁹⁾ Шталмейстеръ высочайшаго двора графъ Гаврилъ Карловичъ Модень (р. 1774 г. † 1833 г., въ должности оберъ-егермейстера), въ концѣ 1817 года назначенный гофмаршаломъ двора великаго князя Николая Павловича вмѣсто К. А. Нарышкина.

¹⁰⁾ Вѣроятно, оберъ-гофмаршалъ Василій Александровичъ Пашковъ.

¹¹⁾ Вѣроятно, оберъ-шталмейстеръ Сергѣй Ильичъ Мухановъ.

¹²⁾ Извѣстная камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова.

¹³⁾ Статсъ-дама графиня Шарлотта Карловна Ливень, воспитательница дочерей императора Павла, въ 1826 г. возведенная въ княжеское достоинство.

¹⁴⁾ Статсъ-дама княгиня Анна Михайловна Прозоровская, вдова московскаго главнокомандующаго князя А. А. Прозоровскаго.

¹⁵⁾ Статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская, гофмейстерина двора великой княгини Александры Ѳеодоровны.

нышевъ ¹⁾). Кочетова ²⁾). Нелединская ³⁾). Разгов(оръ) съ государ(ынею). Она разспрашивала меня о моей ученицѣ ⁴⁾); а моя ученица насъ подслушивала и красѣла. Разговоръ съ Дурновымъ ⁵⁾). Отмѣнно умный, живой и проворный. Въ лотереѣ лучшимъ лотомъ было петинетовое платье; его выиграла государыня, которая потомъ изъ него сдѣлала лотерею, назначивъ его напередъ женѣ Адлерберга ⁶⁾). Il me paraît que la familiarité du g(rand) d(uc) est inconvenable: elle embarrasse étant trop libre ⁷⁾).

4, воскресенье. Болѣзнь Митеньки ⁸⁾). Послѣ обѣда у Вяземскаго. Свадьба, рожденіе и смерть въ одной семьѣ.

5, понедѣльникъ. У в(еликой) к(нягини). Долженъ былъ у в(еликой) к(нягини) обѣдать, но прослушалъ приглашеніе и обѣдалъ у Офросимова ⁹⁾). Митенькѣ нѣсколько лучше по утру; ввечеру и гораздо лучше. Но эта надежда только злая шутка. Пушкина, Е. Г. ¹⁰⁾). Рябинина. Аникѣва.

6, вторникъ. Нынѣшній день есть тяжкій урокъ жизни: онъ учитъ радоваться, но не полагаться на радость; вѣрить радостямъ души, но не полагаться на постоянство счастья. День начался прекрасно; свѣтлое утро и свѣтлость въ сердцѣ. Урокъ мой былъ очень приятенъ: въ моей ученицѣ часъ отъ часу открываю болѣе милыхъ, непорочныхъ прелестей сердца. Душа откровенная до младенчества; умъ прекрасный, но еще не напуганный опытомъ. Я говорилъ съ нею о высокой ея цѣли и о прекрасномъ образцѣ, который она имѣетъ въ своей матери. Я имѣлъ удовольствіе слышать отъ нея, и, кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся. «Aucun de mes maîtres n'a été si clair que vous!» Однимъ словомъ это утро наполнило сердце счастьемъ. Мое по-

¹⁾ Оберъ-шенкъ графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ.

²⁾ Фрейлина Екатерина Николаевна Кочетова.

³⁾ Фрейлина Софья Юрьевна Нелединская-Мелецкая, дочь Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, бывшая потомъ замужемъ за Ѳ. В. Самаринымъ.

⁴⁾ Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

⁵⁾ Вѣроятно съ флигель-адъютантомъ Николаемъ Дмитриевичемъ Дурново.

⁶⁾ Женѣ адъютанта великаго князя Николая Павловича, Владимира Ѳеодоровича Адлерберга (впослѣдствіи графа), Марьѣ Васильевнѣ, рожд. Нелдовой.

⁷⁾ Т. е. короткость обращенія великаго князя (Николая Павловича), по моему мнѣнію, неподходяща: она стѣснительна, будучи слишкомъ свободною.

⁸⁾ Сына князя П. А. Вяземскаго.

⁹⁾ См. выше, стр. 53, прим. 8-е.

¹⁰⁾ Елена Григорьевна Пушкина, жена остроумца-москвича Алексѣя Михайловича Пушкина († 1825 г.).

ложеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія; могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно. На эту минуту доволенъ собою—надобно всегда быть довольнымъ собою. Да сохранить мнѣ Богъ всегда чистоту сердца и да послеть успѣхъ добрымъ желаніямъ и способность ихъ исполнить. Послѣ былъ у Вяземскаго. Тамъ было все спокойно. Надежда жива. Это дало пріятный остатокъ дня (обѣдъ у Булгакова ¹⁾) и вечеръ у Дмитріева). Возвращаюсь домой. У самаго крыльца нагоняетъ Вяземскаго чело-вѣкъ. Зовутъ къ нему. Все перемѣнилось. Я засталъ нѣсколько минутъ жизни малютки. Всѣ сидѣли вмѣстѣ. Докторъ былъ надъ умирающимъ. Послышались его шаги: это было приближеніе смерти. Мать, прощаясь съ мертвымъ, говорила ему, какъ живому: прости, мой голубчикъ. Въ этомъ выраженіи что-то необыкновенно трогательное. Мы разстались въ три часа. Когда я ѣхалъ отъ Дмитріева домой, луна свѣтила ярко; Кремль былъ прекрасенъ; главы на церквахъ сіяли; на землѣ было свѣтло, и за луннымъ свѣтомъ, озарявшимъ землю, исчезли звѣзды. Когда я возвращался отъ Вяземскаго, все уже было иное: луна спряталась; все покрыто было туманомъ; но звѣзды сіяли гораздо ярче: все на землѣ стало темнѣе; за то на небѣ все сдѣлалось ярче ²⁾. Какое разительное, живописное изображеніе этого дня и всей жизни.

7, среда. Съ Вяземскимъ у Мит(енькина) тѣла. Видъ мертваго младенца дружить съ смертію.—Обѣдалъ у С. С. Апраксина ³⁾. Тонъ стар(иннаго) боярства. Кажется страннымъ потому, что не похожъ на обыкновенный нынѣшній. Нѣтъ простоты; но есть величавость. Что предпочесть, Богъ знаетъ. Кажется, для большихъ собраний такой тонъ лучше. Непринужденность должна быть въ маломъ кругѣ. Принужденность въ большомъ кругѣ есть синонимъ благопристойности.—Домой. Потомъ съ Пушкинымъ ⁴⁾ къ Солнцеву ⁵⁾ и къ Кологривымъ ⁶⁾, гдѣ Вяземскіе. Е. Григ. Пушкина. Разговоръ о физиономіи. Полуех-

¹⁾ Константина Яковлевича. См. выше, стр. 53, прим. 1-е.

²⁾ Ср. описаніе того же событія въ письмѣ Жуковскаго къ Н. М. Карамзину отъ 8-го ноября 1817 г., напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г. сентябрь, стр. 38—39.

³⁾ О немъ см. выше, стр. 56, прим. 2-е.

⁴⁾ Васильемъ Львовичемъ.

⁵⁾ О немъ см. выше, стр. 56, прим. 3-е.

⁶⁾ Къ тещѣ князя П. А. Вяземскаго, Прасковѣ Юрьевнѣ Кологривовой (рожд. княгинѣ Трубецкой, въ первомъ бракѣ бывшей за княземъ Ѡ. С. Гаринымъ) и ея мужу, Петру Александровичу Кологривову. Князь и княгиня Вяземскіе, по кончинѣ сына, тотчасъ перешли къ своимъ знакомымъ Рябиннымъ, а 7-го ноября отъ нихъ къ Кологривовымъ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 39).

товъ съ женою ⁴⁾. Съ нѣкоторыми людьми ловко только наединѣ; при другихъ съ ними стыдно. Вниманіе, которое показываешь къ ихъ словамъ, кажется смѣшнымъ. Наединѣ безъ притворства позволяешь себѣ быть внимательнымъ и говоришь съ этими людьми и хъ языкомъ. При другихъ, чувствуешь, что такое вниманіе есть притворство, и невольно, говоря, оглядываешься и стыдишься того, что говоришь. Ужиналъ у Кологрив(ыхъ); сидѣлъ рядомъ съ Aimée ⁵⁾, которая мила, какъ птичка.

8, четвергъ. Ходилъ къ в(еликой) к(нягинѣ) просить позволенія не быть завтр(ашній) день. Видѣлъ одного Нарышкина. Jéricho ⁶⁾. Балъ.

9, пятница. Поѣздка въ Астафьево.

10, суббота. У Нарышкина. Разговоръ о его дѣтяхъ. Вечеръ у Вяземск(ихъ). Обѣд(аль) у Е(катерины) Семеновны.

11, воскресенье. Обѣд(аль) у Похвистнева. Чтеніе Мерзл(якова) стиховъ ⁴⁾. Вилье ⁵⁾.

12, понедѣльникъ. У в(еликой) княгини. Она не приняла урока, но приняла меня. Больна флюсомъ. Обѣдалъ у Полуехтова. Паскевичъ ⁶⁾.—Ввечеру у Дмитріева.

Жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служитъ урокомъ. Счастіе жизни: знать хорошо урокъ свой, чтобы не постыдиться передъ Верховнымъ Учителемъ. Гдѣ употребить этотъ урокъ въ пользу—это знаетъ Учитель. Что Онъ учитъ не даромъ, это вѣрно; и въ знаніи этого вся вѣра ⁷⁾.

¹⁾ Б. В. Полуехтовъ (о немъ см. выше, стр. 54, прим. 4-е) 4-го ноября 1817 года женился на свояченицѣ князя П. А. Вяземскаго, княжцѣ Любови Ѳедоровнѣ Гагариной (см. письмо М. А. Волковой къ В. И. Ланской отъ 5-го ноября 1817 г., въ „Вѣстникъ Европы“ 1875 г., августъ, стр. 660).

²⁾ Т. е. съ Любовью Ѳедоровною Полуехтовою.

³⁾ Вѣроятно, La prise de Jéricho (Взятіе Іерихона), опера на библейскій сюжетъ, музыка которой сочинена нѣсколькими авторами, преимущественно Моцартомъ.

⁴⁾ См. выше, стр. 57, прим. 4-е.

⁵⁾ Лейбъ-хирургъ Яковъ Васильевичъ Вилліе.

⁶⁾ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь Варшавскій), въ то время генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи, пріѣхавшій въ Москву 1-го ноября 1817 года изъ путешествія по Россіи, въ которомъ онъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича (см. сочиненіе кн. А. Щербатова „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ“, т. I, Спб. 1888, стр. 326—327).

⁷⁾ Эти мысли о жизни почти буквально повторены Жуковскимъ въ письмѣ его къ А. Н. Арбеновой, писанномъ около того же времени (безъ даты; отнесено издателемъ къ 1818 году) (см. „Русскій Архивъ“ 1883 г., книга первая, стр. 319) и въ концѣ разсужденія Жуковскаго о счастіи жизни, написаннаго имъ 29-го августа 1819 года въ альбомъ графини С. А. Самойловой (см. Н. К. Кузьманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библиотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 8—9).

13, вторникъ. Шамбо. Лодерь ¹⁾. Глинка ²⁾. Утро и обѣдъ у Вяземскаго. Послѣ обѣда у Яковлевой. Странное положеніе. Чернышевъ съ женою ³⁾. Вечерь дома.

14, среда. Утро дома; обѣдалъ и вечеръ провелъ у Вяземскаго.

Русскіе глаголы надобно различать на два разряда: въ одномъ простыя; въ нихъ заключается дѣйствіе, относящееся къ лицу или вещи; они изображаютъ или просто дѣйствіе лица, не относя его ни къ какому другому—средніе и общіе,—или дѣйствіе относительное къ другому лицу или вещи—дѣйствительныя, возвратныя и взаимныя,—или состояніе лица, на которое дѣйствуетъ постороннее—страдательныя. Въ другомъ разрядѣ тѣ же глаголы, но съ означеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣйствія: предложныя или учащательныя.

29, четвергъ. Le peuple est meilleur que les cercles ⁴⁾.

2 (декабря), воскресенье. День начать прекрасно; но какъ вѣрить прекрасному, даже и тому, которое въ душѣ, въ мысляхъ и чувствахъ? Какъ мы зависимы отъ всякой мелочи! И какъ истолковать самого себя! Точно во мнѣ два человѣка: одинъ—высокой, чистой, другой—мелочной и слабой. До обѣдни я былъ полонъ бодрости, надежды на себя самого, довѣренности къ своему собственному безкорыстію. Послѣ обѣдни эта бодрость упала; и самъ, и другіе стали въ глазахъ моихъ хуже. Зачѣмъ думаю я о наружности, когда мое главное, чтобы внутреннимъ, самимъ собою быть довольнымъ? Что мнѣ нужды, что я показался не такимъ, каковъ я есть... Но полно ли, только показался? Не былъ ли я въ ту минуту такимъ, какимъ долженъ былъ показаться? И не отъ того ли эта грусть, что въ самомъ дѣлѣ на эту минуту дурное обо мнѣ мнѣние есть и справедливое? Зачѣмъ позволяю себѣ не думать и такъ часто въ пустякахъ къ другимъ приравниваться? Взявъ все вмѣстѣ, я хорошъ; порознь—много дурнаго! Должно себя держать въ уздѣ или, лучше

¹⁾ Знаменитый анатомъ и профессоръ Московскаго университета Христіанъ Ивановичъ Лодерь (р. 1753 † 1832).

²⁾ Вѣроятно, Григорій Андреевичъ Глинка (р. 1777 † 1818), бывшій въ 1802—1810 гг. профессоромъ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, а затѣмъ „кавалеромъ“ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. Онъ также сопровождалъ въ 1817 году великаго князя Михаила Павловича въ его путешествіи по Россіи. Черезъ Глинку Жуковскій получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 177—179).

³⁾ Вѣроятно, графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ (см. выше, стр. 58, прим. 1-е); онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной. Его сестра, графиня Анна Ивановна, была замужемъ за большимъ пріателемъ Жуковскаго, Александромъ Алексѣевичемъ Плещеевымъ.

⁴⁾ Т. е. народъ лучше общества.

сказать, должно съ величайшею внимательностію за собою слѣдовать. Я не могу быть ни спокоенъ, ни дѣятеленъ безъ оживительнаго уваженія къ самому себѣ; надобно, чтобы всякой поступокъ производилъ это уваженіе—по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самаго чувства, но согласно съ долгомъ. Дай Богъ только всегда умѣть скоро найти то, что должно. Въ этой-то скорости усмотрѣнія весь навѣкъ добродѣтели. Неужели, желая искренно быть добрымъ и достойнымъ, не будешь ни тѣмъ, ни другимъ, и можешь поступать невольно вопреки этому желанію? Надобно приучить себя менѣе уважать одобреніе другихъ и единственно довольствоваться собственнымъ одобреніемъ.

Die Prinzessin Charlotte, im kindlich reinen Sinne den Verlust einer Mutter beklagend, war fast untröstlich, dass nicht mehr das lebende Auge der Mutter auf sie geblickt, nicht mehr ihr Mund ein liebendes Wort zu ihr gesprochen hatte. Ach, klagte sie, wäre ich nur da gewesen, meine Mutter würde mir gewiss noch etwas gesagt haben! Die verwitwete Frau Landgräfin sprach darauf zu ihrer Urenkelin: Deine Mutter würde dir gesagt haben: Sei tugendhaft! Ich will dir in dem Namen deiner verklärten Mutter sagen: Sei so tugendhaft, wie sie war! Du hast die Gaben deiner Mutter empfangen, lebe auch in ihrem Geiste und nach dem Vorbilde dieses Engels. Dann wird der Segen deiner Mutter auf dir ruhen (19 July 1810, 9 Uhr).

Приписано рукою великой княгини:

Den andern Tag um 10 Uhr des Morgens ging der König mit seinen Kindern im Garten, zeigte ihnen den Platz, auf welchem unsere liebe Mutter zum letzten Male am 29 Juny die Luft genossen hatte; hier vergossen wir bittere Thränen. Papa führte uns zu einem Rosenhügel und sagte Charlotten: «Winde einen Kranz von weissen Rosen um sie auf Mama zu strecken». Die Brüder pflückten emsig weisse Rosen, und ich sass unter einem alten Birnenbaum den Kranz windend. Jeder Bruder nahm einen Strauss und Papa eine Rose mit drei Knospen, welche Alexandrinen, Louise und Albrecht vorstellen sollten. Alsdann brachten wir diese Blumen an Mama ⁴⁾.

---

⁴⁾ Это, вѣроятно, выписка, сдѣланная Жуковскимъ изъ дневника г-жи Вильдерметъ, бывшей съ 1805 года гувернанткою принцессы прусской Шарлотты (великой княгини Александры Ѳеодоровны). Вотъ переводъ этой выписки: Принцесса Шарлотта, въ дѣтски-чистомъ умѣ своею скорбю о потерѣ своей матери (королевы Луизы, скончавшейся 19 іюля н. с. 1810 г.), была почти неутѣшна, что не видѣла уже бога въ зора своей матери и не услышала привѣтливаго слова, къ ней обращеннаго изъ ея устъ (принцесса Шарлотта приѣхала въ замокъ Hohenzieritz, гдѣ скончалась королева Луиза, уже

1818.

Апрѣль, 17. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе великаго князя ¹⁾. Прелестное утро. Чувства веселыя, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость истинная. Конецъ безпокойству. Черты истинной высоты въ характерѣ матери: это великое счастье. Чѣмъ больше причинъ къ ней привязываться, тѣмъ болѣе прелести въ жизни. Я бы желалъ найти въ ней все. И это будетъ. Она осмолится въ своемъ мѣстѣ, узнаетъ свои должности, а эти должности усовершенствуютъ душу ея; душа ея способна совершенствоваться.—Поздр(авленіе) великаго князя, императрицы.—Ерихо ²⁾.—Обѣдъ у Модена.—Прощаніе съ Перовскимъ ³⁾. Вечеръ въ Кремлѣ. Къ Ланскимъ.

28 октября 1818. Я боленъ. Въ промежуткахъ болѣе высокыхъ мыслей, нежели когда-нибудь. Болѣе воспоминаній, и трогательныхъ. Какое (то) общее неясное воспоминаніе, безъ вида и голоса, какъ будто воздухъ прежняго времени. Болѣзнь (думаю, всякая, и самая тяжкая, ибо всякая имѣетъ свои промежутки, а тяжелая требуетъ еще болѣе нравственныхъ усилій),—болѣзнь есть состояніе поучительное; сначала *affaissement*, упадокъ, потомъ усиліе, потомъ непременно дойдешь къ

по кончинѣ своей матери). Ахъ,—горевала она—если бы я только тамъ была, конечно, моя мать мнѣ еще что-либо сказала бы! Вдовствующая ландграфиня сказала на это своей правнучкѣ: Твоя мать тебѣ сказала бы: „Будь добродѣтельна!“ Я, отъ имени твоей усопшей матери, скажу тебѣ: будь такою же добродѣтельною, какъ она. Ты получила дарованія твоей матери живи же по ея духу и по примѣру этого ангела. Тогда на тебѣ будетъ покоиться благословіе твоей матери! (19-го іюля 1810, 10 часовъ).

Приписано рукою великой княгини: „На другой день, въ 10 часовъ утра король (пруссійскій Фридрихъ-Вильгельмъ III) пошелъ въ садъ съ своими дѣтьми, показалъ имъ мѣсто, гдѣ наша дорогая мать наслаждалась воздухомъ въ послѣдній разъ 29-го іюня: тутъ пролили мы горькія слезы. Отецъ повелъ насъ къ холму изъ розъ и сказалъ Шарлоттѣ: „Сплети вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, чтобы возложить его на гробъ матери“. Братья прилежно рвали бѣлыя розы, а я сидѣла подъ старымъ грушевымъ деревомъ и плела вѣнокъ. Каждый братъ взялъ по кусту, а отецъ розу съ тремя бутонами, которые должны были представлять Александрину, Луизу и Альбрехта (сестеръ и братьевъ принцессы Шарлотты). И потомъ мы отнесли эти цвѣты къ нашей матери“.

¹⁾ Великаго князя Александра Николаевича; по поводу этого радостнаго событія Жуковскій, какъ извѣстно, написалъ посланіе въ стихахъ къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

²⁾ Ср. выше, стр. 60, прим. 3-е.

³⁾ Съ Васильемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (впослѣдствіи графомъ р. 1795 г. † 1857 г.), въ то время адъютантомъ великаго князя Николая Павловича.

чему-нибудь высокому. Болѣзнь знакомить съ религіею не страхомъ смерти, но величіемъ жизни; страданіе составляетъ настоящее величіе жизни. Это лѣстница. Наше дѣло взойти; что испытаніе, то ступень вверхъ; радости можно назвать этими площадками, которыя отдѣляютъ рядъ ступеней отъ другаго—онѣ служатъ только отдохновеніемъ и переходомъ для новыхъ усилій, для новыхъ возвышеній. Звѣзды. Тѣни, Etc. etc. ¹⁾.

1819.

Августъ. 13, среда. Балъ графини Бобринск(ой) ²⁾. Разговоръ Перовскаго. Письмо къ Дувишѣ ³⁾. У Вильдерметъ ⁴⁾. У Ливенши ⁵⁾. Разговоръ за столомъ и послѣ стола о танцахъ и прочее. Послѣ обѣда прогулка у музыки и безчисленныя встрѣчи. Замѣчаніе Перовскаго на мой счетъ, если не справедливое, то по крайней мѣрѣ остререгательное. Нѣтъ ничего опаснѣе какъ pas à pas ⁶⁾. Нечувствительно съ верху падаешь на дно. L'essentiel est de ne rien se reprocher ⁷⁾. До сихъ поръ я дѣйствую, кажется, прямо. Пускай душа ей; но воля останется моею; она принадлежитъ товарищу ⁸⁾.

---

¹⁾ О болѣзни Жуковскаго А. И. Тургеневъ сообщалъ князю П. А. Вяземскому въ письмѣ отъ 6-го ноября 1817 г. (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 139).

²⁾ У графини Анны Владиміровны Бобринской (р. 1769†1846), рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ, любившей жить весело.—Лѣто 1819 года Жуковскій проводилъ въ Павловскѣ.

³⁾ Къ Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской.

⁴⁾ M-lle Wildermeth, родомъ швейцарка, была съ 1805 года воспитательницею принцессы прусской Шарлотты (великой княгини Александры Θεодоровны).

⁵⁾ У графини Шарлотты Карловны Ливенъ (см. выше, стр. 57, примѣчаніе 13-е).

⁶⁾ Т. е. шагъ за шагомъ.

⁷⁾ Т. е. главное, чтобъ ни въ чемъ себя не упрекнуть.

⁸⁾ Эти строки касаются возникшаго въ Жуковскомъ чувства любви къ графинѣ Софѣ Александровнѣ Самойловой (р. 1797†1866), въ то время бывшей фрейлиною императрицы Маріи Θεодоровны, а въ 1821 году вышедшей замужъ за графа Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго. Къ графинѣ Самойловой былъ также равнодушенъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Перовскій признался въ этомъ своемъ чувствѣ Жуковскому, который написалъ ему по этому поводу извѣстное посланіе, начинающееся словами:

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!

Ты другу во-время сказался.

цѣ XVIII вѣка былъ сдѣланъ проломъ въ археологической рутинѣ, и положено начало научной археологіи: 21-го августа 1798 года въ Египтѣ былъ основанъ французскимъ генераломъ Наполеономъ Бонапарте Египетскій Институтъ, въ составъ котораго вошли знаменитые ученые того времени. Предсѣдателемъ этого общества былъ назначенъ А. Монжъ. Общество состояло изъ разныхъ специалистовъ: историковъ, астрономовъ, химиковъ, географовъ, художниковъ, естествоиспытателей. При Институтѣ были учреждены: бібліотека, обсерваторія, музей, ботаническій садъ, химическая лабораторія.

Успѣхамъ археологіи много способствовали антропологическія общества. Первое такое общество было основано въ Парижѣ въ 1859 г., вслѣдъ затѣмъ появилось антропологическое общество въ Лондонѣ, въ 1863 г. Затѣмъ основываются общества въ Нью-Йоркѣ, Манчестерѣ, Флоренціи, Берлинѣ, Стокгольмѣ, Брюсселѣ, Бомбей, а въ 1888 г. составилось антропологическое общество въ Петербургѣ изъ профессоровъ университета и военно-медицинской академіи, къ нимъ присоединились многіе археологи. Послѣдній подвигъ русскихъ археологовъ XIX столѣтія — это XI-й археологическій сѣздъ подъ предсѣдательствомъ графини П. Уваровой, бывшій въ Кіевѣ (съ 1-го по 19-е августа 1899 г.). На сѣздѣ собралось 505 членовъ, въ томъ числѣ 24 иностранныхъ.

Шестая глава заключаетъ въ себѣ статью Стюарта Уэллера, въ переводѣ г. А. Борисака, — о прогрессѣ въ палеонтологіи.

Въ седьмой главѣ помѣщена статья г. В. Талиева о біологіи второй половины истекшаго столѣтія. Біологическая наука, — замѣчаетъ авторъ, — переживаетъ въ настоящую минуту полный захватывающаго интереса переходный моментъ. Начало второй половины XIX в. ознаменовалось появленіемъ гениальнаго произведенія, которое имѣло такое же опредѣляющее значеніе для дальнѣйшаго хода науки, какъ открытіе пара и электричества на ходѣ промышленности и всей человѣческой культуры. Авторъ имѣетъ въ виду теорію Чарльза Дарвина о происхожденіи видовъ. Великая проблема, — продолжаетъ авторъ, — надъ рѣшеніемъ которой, выражаясь словами поэта, посѣдѣли головы мудрецовъ, къ разгадкѣ которой стоялъ такъ близко Ламаркъ, но не сумѣлъ дать ей общую формулу, теперь была рѣшена. Дарвинъ далъ гениально простую формулу: измѣнчивость, и наследственность и борьба за существованіе, въ которой исчерпывается весь процессъ развитія органическаго міра, подъ которую одинаково подходили какъ элементарныя проявленія науки, входящіяся на границѣ живаго съ мертвымъ, такъ и высшія формы ея, достигнутыя на послѣднихъ ступеняхъ длинной лѣстницы развитія. Теорія Дарвина быстро разнеслась по всему міру, привлекая все болѣе и болѣе кругъ адептовъ. Ея обаяніе было такъ велико

и неотразимо, что она не могла дѣйствовать иначе, какъ однихъ захватывая съ перваго же раза въ число горячихъ приверженцевъ, а другихъ обраба въ непримиримыхъ враговъ.

Въ восьмой главѣ подведены итоги успѣховъ, сдѣланныхъ техникой въ XIX в., и намѣчено то, что общаетъ она въ будущемъ. Вотъ окончательные выводы. Вѣкъ пара, который сдѣлалъ такъ много человѣчеству, отживаетъ свое время. На смѣну паровымъ машинамъ выступаютъ машины термическія. Кромѣ того, утилизація даровыхъ силъ природы, какъ, напр. водопадовъ (какъ на Ниагарѣ, р. Рейнѣ и мн др.), теченія рѣкъ и вѣтровъ должно усиливаться въ XX вѣкѣ. Автомобили будутъ играть громадную роль.

Вѣкъ электричества въ XX столѣтіи будетъ господствовать. Телеграфированіе безъ проволоки, телефонированіе будутъ усовершенствованы. Электрическое освѣщеніе совершенствуется, можно сказать, ежедневно, и въ XX в. оно восторжествуетъ или уступитъ химическимъ методамъ: ацетилену, калильнымъ химическимъ тѣламъ.

Идеалъ химіи — это возможность дать искусственные питательныя вещества (искусственный бѣлокъ), сахаристыя вещества (искусственный сахаръ), и т. д.

Итакъ, — заключаетъ авторъ, — въ грядущемъ⁴⁾ XX вѣкѣ человѣчество будетъ переживать цѣлый рядъ техническихъ переворотовъ: выбросится паровая машина, электричество дастъ новые телефоны, говорящіе не за 100 — 300 верстъ, а на 1.000 верстъ; будетъ введено телеграфированіе и телефонированіе безъ проволоки въ широкихъ размѣрахъ. Передача силы будетъ производиться на большія разстоянія... Химія дастъ новые питательныя матеріалы, твердые газы: кислородъ, воздухъ, которые будутъ двигать машины. Химія дастъ новый свѣтъ.

Девятая глава — Успѣхи въ воздухоплаваніи въ XIX вѣкѣ — состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится о воздухоплаваніи до XIX вѣка, а во второй — о состояніи воздухоплаванія въ XIX столѣтіи.

Въ десятой главѣ рассмотрѣны умственные и социальныя теченія XIX вѣка, а послѣдняя, одиннадцатая, посвящена обзору политическихъ событій во Франціи, Германіи и Великобританіи; въ концѣ этой главы помѣщенъ очеркъ развитія рабочаго движенія на Западѣ.

Къ книгѣ приложено до 300 портретовъ выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ, государственныхъ людей, и даны краткія біографическія свѣдѣнія о всѣхъ такихъ дѣятеляхъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ фамилій. Жаль, что слишкомъ много опечатокъ, въ особенности въ подписяхъ подъ рисунками (Захарьина, Стасова, Краевскаго, Глики и др.).

Н. Н.-ш.

⁴⁾ Писано въ прошломъ столѣтіи.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитная, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылка рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

І Ю Н Ъ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. Н. К. Шильдера	449—472	Шипкой. В. Дмитровскаго	595—624
II. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.	473—490	X. Изъ архива И. Е. Великопольскаго. Сообщилъ Б. Модзалевскій.	625—641
III. Резолюціи императора Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 году. (Сообщено статсъ-секретаремъ В. П. Вешняковымъ)	491—495	XI. Записки генерала В. И. Левенштерна	643—668
IV. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	497—522	XII. Записная книжка „Русской Старины“: Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ посредниковъ. — Жидовскіе кумиры. Сообщилъ А. Мердериъ (стр. 496). — Письмо И. И. Дмитриева къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу. 21 ноября 1818 г. Сообщ. П. Н. Тургеневъ (566). — Приказъ военнаго министра Барклая-де-Толли съ запрещеніемъ частнымъ начальникамъ производить душевную пальбу по повелію, 5 окт. 1810 г. — О приселеніи малороссіянъ къ войску донскому, 10 октября 1817 г. (642).	
V. Россія и папскій престоль. П. Пирлинга. (Съ французскаго).	523—560	XIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Запѣчанія кн. А. Н. Голицына на цензурность „Военн. Журнала“ 1818 г.	561—565		
VII. Изъ записокъ стараго преображенца. 1853 годъ. Князя Н. Б. Имеретинскаго	567—586		
VIII. Цензура медицинскихъ сочиненій въ 1819 году.	587—594		
IX. Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27-го и 28-го декабря 1878 г. подѣ			

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ П. А. Бычковъ.

2) Портретъ Ивана Ермолаевича Великопольскаго. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.
1901.

1-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го января 1901 г.

Библиотека „Руниверс“

Библиографическій листокъ.

И. Н. Захарьинъ (Якуинъ). Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Часть 1-я: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣну французовъ.— Письма изъ Италіи.—Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина. Часть 2-я: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ. СПб. 1901 года.

Первая часть разсматриваемой нами книги состоитъ изъ пяти главъ.

Въ первой главѣ напечатана, прежде всего, очень краткая, напоминающая выписку изъ послужнаго списка, біографія гр. В. А. Перовскаго—изъ сочиненія «Семейство Разумовскихъ» (т. 2-й), при чемъ г. Захарьинъ исправилъ нѣкоторыя цѣлѣныя даты. Велѣдъ за этимъ помѣщены отрывочныя свѣдѣнія біографическаго характера, почерпнутыя изъ формулярнаго списка и изъ историческихъ журналовъ. Эти официалныя свѣдѣнія пополнены, въ дальнѣйшемъ изложеніи, свѣдѣніями, заимствованными изъ писемъ графа къ В. А. Жуковскому, архіепископу Евсевію и др. „Даже и теперь, спустя почти полвѣка со времени смерти Перовскаго,—говоритъ авторъ,—едва только вы начинаете приближаться къ этой величавой и монументальной фигурѣ и вглядываться въ нее, какъ на васъ вѣетъ отъ нея чисто-героическимъ эпосомъ и, въ то же время, такою мягкостью и душевною чистотою, такимъ идеальнымъ „кодексомъ жизни“, что вы не сомнѣваетесь ни минуты, что предъ вами личность необыкновенная, исключительная—рыцарь въ лучшемъ и въ полномъ значеніи этого слова, съ умомъ обширнымъ, съ сердцемъ благороднымъ и любящимъ, чуждый страха, противорѣчій, лести и честолюбія“.

Заканчиваетъ авторъ свою краткую и далеко не полную,—какъ и самъ это признаетъ,—біографію графа Перовскаго слѣдующими словами: „Вся бѣда этого необыкновенно даровитаго и замѣчательнаго человѣка заключалась въ томъ, что онъ родился для Россіи слишкомъ рано: иные мало его понимали, другіе не могли переносить его умственного и нравственнаго превосходства вадъ собою. Потому у него и было такъ много враговъ и завистниковъ, которые или всячески вредили ему или же довольно искусно замалчивали“¹⁾

¹⁾ Интересно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: 18-го февраля этого года исполнилось 25-лѣтіе присоединенія къ Россіи Черганской области. Почти всѣ газеты посвятили этому событію подходящія статьи и хвалебныя дѣйрамбы живымъ участникамъ похода 1864—65 гг. и воспоминанія объ умершихъ; но никто не вспомнилъ В. А. Перовскаго, положившаго начало завоеванію Кокандскаго ханства въ 1853 году. Въ одной, самой распространенной и почтенной газетѣ помѣстили

всѣ его труды и подвиги, о которыхъ—надо еще замѣтить—онъ самъ не любилъ распространяться и которые онъ совершалъ отнюдь „не для того, чтобы они были замѣтны въ Петербургѣ“.

Вторая глава—Въ плѣну у французовъ,—описаніе В. А. Перовскимъ своего плѣна у французовъ было напечатано въ 40-хъ годахъ въ «Русскомъ Архивѣ», здѣсь же перенечатано съ рукописи, исправленной В. А. Жуковскимъ. Къ сожалѣнію, объ части этой интереснѣйшей рукописи, рисующей намъ, какіе ужасы и страданія пришлось претерпѣть 18-ти-лѣтнему В. А. Перовскому и его сотоварищамъ по плѣну,—не доведены до конца. Не лишне замѣтить, что о всѣхъ страданіяхъ, перенесенныхъ ими въ этомъ плѣну, русская публика узнала лишь восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Перовскаго, и то благодаря чистой случайности.

Въ третьей главѣ напечатаны отрывки писемъ изъ Италіи. Извѣстный поэтъ В. А. Жуковскій, котораго Перовскій былъ самымъ близкимъ другомъ, написалъ къ этимъ письмамъ слѣдующее примѣчаніе: „Письма сіи написаны не для публики, безъ всякаго старанія, плана и такимъ человѣкомъ, который не только никогда не думалъ быть русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать по-французски, нежели по-русски. Но онъ (sic) написалъ такъ умно и такимъ пріятнымъ слогомъ, что мы рѣшились напечатать нѣкоторые изъ отрывки и увѣрены, что читатели наши благодарятъ насъ за доставленное имъ удовольствіе“. И дѣйствительно всякій съ удовольствіемъ прочтетъ хотя бы этотъ отрывокъ изъ письма Василія Алексѣевича изъ Сорренто отъ 3-го іюня 1821 года: „...Трескъ и удары, подобные сильнѣйшему грому, слѣдуютъ одинъ за другимъ безырывно; молнія сверкаетъ непрестанно и раздраетъ густую тучу, пробѣгая по столбу (чернаго дыма); лава начинаетъ течь; днемъ, подобно черной дымящейся рѣкѣ, тихо подвигается она по наклоненію горы, но медленность не уменьшаетъ ни ея силы, ни ужаснаго дѣйствія. Она влечетъ за собою цѣлыя скалы, величайшія деревья сжигаетъ прежде, нежели ихъ коснется; ничто не можетъ останоить ея хода или измѣнить направленія; каменными волнами клубитъ она чрезъ стѣны, сноситъ ихъ, и они плывутъ вмѣстѣ съ нею. Но самое удивительное, красивое и вмѣстѣ ужасное зрѣлище представляетъ вулканъ ночью: багряное зарево покрываетъ все небо и отражается въ мо-

даже портреты всѣхъ этихъ завоевателей Коканда—и на-ряду съ тенеершимъ военнымъ министромъ А. Н. Куропаткинымъ и покойнымъ Кауфманомъ и Скобелевымъ, воспроизведены генералы В. Н. Троицкій, Абрамовъ и Колпаковскій, по о В. А. Перовскомъ какъ-то забыли, не обмолвились ни единымъ словомъ, не помѣстили его портрета.

ИВАНЪ ЕРМОЛАЕВИЧЪ
ВЕЛИКОПОЛЬСКІЙ.

Великій князь Николай Павловичъ

съ 1814 по 1822 годъ.

I.

Великіе князья Николай и Михаилъ выѣхали изъ Петербурга за границу 5-го (17-го) февраля 1814 года. Въ этомъ путешествіи ихъ сопровождали генераль Ламздорфъ, кавалеры: Саврасовъ, Алединскій и Арсеньевъ, полковникъ Джанотти и докторъ Рюль.

Проѣздомъ черезъ Германію, великіе князья посѣтили свою сестру, великую княгиню Марію Павловну. Они пріѣхали въ Веймаръ совершенно неожиданно, и Николай Павловичъ явился къ своей августѣйшей сестрѣ переодѣвшись курьеромъ. Она не сразу узнала его, и только благородная осанка и красивый греческій носъ курьера побудили ее внимательно всмотрѣться въ черты его лица и выдали тайну.

28-го февраля (12-го марта) во Франкфуртѣ великихъ князей встрѣтилъ генераль-адъютантъ Коновницынъ, посланный къ нимъ на встрѣчу императоромъ Александромъ и назначенный состоять при великихъ князьяхъ на время военныхъ дѣйствій. Однако воспитатель великихъ князей, генераль Ламздорфъ путешествовалъ съ такою медленностью, что они не успѣли къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года. По прибытіи въ Везуль, оказалось, что дальнѣйшій путь въ главную армію прегражденъ, и такимъ образомъ великіе князья были лишены возможности участвовать въ славныхъ дѣлахъ, заключившихъ собою борьбу съ

Наполеономъ. Они оставались въ Базелѣ до занятія союзниками французской столицы и затѣмъ уже присоединились къ государю, когда проѣздъ въ Парижъ сдѣлался безопаснымъ.

Въ ожиданіи прибытія великихъ князей, императоръ Александръ въ одномъ изъ писемъ къ своей родительницѣ, отъ 3-го (15-го) апрѣля 1814 года, испрашивалъ ея распоряженій относительно предстоявшаго пребыванія своихъ братьевъ въ Парижѣ.

«Соблаговолите, дорогая матушка»,—писалъ онъ между прочимъ,— «дать мнѣ ваши приказанія относительно моихъ братьевъ, и что имъ предстоитъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы путешествовать нѣсколько по Голландіи, Англии, Швейцаріи, или же вамъ угодно будетъ приказать, чтобы они вернулись тотчасъ же? Такъ какъ г. Ламздорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ — здѣсь, то было бы возможно составить планъ путешествія, крайне поучительнаго для нихъ, и которое съ пользою вознаградило бы за все то, что прекращеніе войны заставило ихъ потерять. Въ особенности путешествіе по Швейцаріи и Англии могло бы быть очень полезно для нихъ. Но въ отношеніи всего этого только одна ваша воля должна рѣшить все. Пока же мы устроимъ все съ г. Ламздорфомъ такъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть средства продолжать свое образованіе по всѣмъ отраслямъ знаній. Г. Лагарпъ принесетъ имъ большую пользу своими знакомствами со всѣми достойными (estimable) образованными людьми. Г. Ламздорфъ рѣшитъ и будетъ наблюдать за всѣмъ».

Приведенная выдержка изъ письма императора Александра крайне характерна для обрисовки отношеній его къ вдовствующей императрицѣ и для уясненія той роли, которую играла Марія Ѳеодоровна въ дѣлѣ воспитанія своихъ младшихъ сыновей.

По пріѣздѣ въ Парижъ великихъ князей, они обозрѣвали различныя учрежденія столицы Франціи. И здѣсь сказалась склонность Николая Павловича ко всему военному: онъ предпочиталъ осматривать учрежденія военныя, политехническую школу, домъ инвалидовъ, казармы, госпитали. При посѣщеніи дома инвалидовъ обоимъ великимъ князьямъ приходилось видѣть, какъ старыя искалѣченные солдаты, молча со слезами на глазахъ, отворачивались отъ нихъ, какъ только замѣчали русской мундиръ.

Во время обхода Николаемъ Павловичемъ этого убѣжища изувѣченныхъ солдатъ, его вниманіе привлекъ одинъ сержантъ съ лицомъ, покрытымъ рубцами, съ трудомъ передвигавшійся при помощи двухъ костылей.

— Въ какомъ дѣлѣ вы ранены?—спросилъ его великій князь.

— При переправѣ черезъ Березину,—отвѣчалъ инвалидъ, стараясь улыбнуться сквозь свои рубцы.—Казачи привели меня въ такой видъ, какъ вы видите, да и я, увѣряю васъ, не остался у нихъ въ долгу; я

упалъ рядомъ съ ними въ снѣгъ, они не поднялись, а я имѣлъ счастье возвратиться съ отмороженными ногами. Впрочемъ, такъ и надо: что намъ нужно было искать въ вашей Россіи. Дьявольская страна, защищаются безъ посторонней помощи, правда, въ нее легко входишь, а выйти не выйдешь, а если и выйдешь, то, какъ я, чтобы попасть въ инвалидный домъ.

Великіе князья передали объ этомъ разговорѣ императору Александру, и послѣдній настолько заинтересовался старымъ сержантомъ, что пожелалъ видѣть его. Думая обрадовать его, онъ сказалъ ему, что всѣ французскіе плѣнные, остававшіеся въ Польшѣ и Россіи, въ числѣ болѣе 80.000 человекъ, должны вскорѣ возвратиться во Францію.

— Вотъ счастливыцъ!—воскликнулъ инвалидъ.—Государь, я совѣтую вамъ сообщить поскорѣ эту новость нашему императору Наполеону: онъ вамъ скажетъ большое спасибо.

Тогда Александръ спросилъ его, развѣ ему не извѣстны послѣднія событія, положившія конецъ войнѣ и въ интересахъ всеобщаго умиротворенія приведшія къ перемѣнѣ во Франціи правительства. Старый солдатъ покачалъ головою и сразу сдѣлался грустнымъ и серьезнымъ.

— Надо сознаться, государь, не доброе дѣло сдѣлали вы этимъ,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Что вы хотите, чтобы мы дѣлали съ королемъ, который не въ состояніи сѣсть на лошадь? О, это не хорошо, это значить оскорблять насъ! Къ счастью, это не будетъ продолжительно. Безъ нашего императора Наполеона нѣтъ Франціи! ¹⁾

Простосердечная рѣчь ветерана должна была произвести на императора Александра тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что онъ самъ уже начиналъ сознавать всю ошибочность своего образа дѣйствій по отношенію къ Бурбонамъ, водвореннымъ имъ на престолѣ Франціи.

Во время своего перваго пребыванія въ Парижѣ, Николай Павловичъ имѣлъ случай познакомиться съ герцогомъ Орлеанскимъ. Эта встрѣча не прошла безслѣдно въ жизни великаго князя; онъ былъ свидѣтелемъ семейнаго счастья герцога, и эта отрадная картина глубоко запала въ душу Николая Павловича.

— Какое громадное счастье жить такъ, семьею,—сказалъ ему великій князь.

— Это единственное истинное и прочное счастье,—отвѣтилъ герцогъ Орлеанскій убѣжденнымъ тономъ ²⁾.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ встрѣчахъ, также не прошедшихъ безслѣдно въ послѣдующей жизни нашего будущаго вѣнценосца.

¹⁾ La Croix. Т. 1. р. 66—67.

²⁾ La Croix. Т. 1. р. 73.

Въ Парижѣ, Николай Павловичъ впервые, послѣ долгой разлуки, снова увидѣлъ бывшего товарища своихъ дѣтскихъ игръ Адлерберга, поступившаго послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса въ л. гв. Литовскій полкъ. Великій князь радостно привѣтствовалъ его, обласкалъ и съ тѣхъ поръ уже никогда не измѣнялъ своего къ нему благоволенія. При первой возможности Николай Павловичъ взялъ его, впоследствии, къ себѣ въ адъютанты.

Другая встрѣча была не менѣе знаменательна. Великій князь познакомился и сблизился съ генераль-лейтенантомъ Иваномъ Фёдоровичемъ Паскевичемъ, начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.

Въ запискахъ Паскевича объ этомъ сохранился слѣдующій разсказъ: «Въ Парижѣ начались, какъ и въ Петербургѣ, гвардейскіе разводы, и мы изъ гренадерскаго корпуса поочередно туда ѣзжали. Въ одинъ изъ сихъ разводовъ, государь, увидавъ меня, подозвалъ и совершенно неожиданно рекомендовалъ меня великому князю Николаю Павловичу. «Познакомься», сказалъ онъ ему, «съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ моей арміи, котораго я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу».

«Николай Павловичъ послѣ того постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы съ разложенными картами, по цѣлымъ часамъ, вдвоемъ разбирали всѣ движенія и битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Я часто у него обѣдывалъ и когда за службою не могъ у него быть, то онъ мнѣ потомъ говорилъ, что я его опечалилъ. Этому завидовали многіе и стали говорить въ шутку, что онъ въ меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой онъ меня привлекъ къ себѣ,—это прямота и откровенность.

«Брата Михаила Павловича онъ любилъ; но къ серіознымъ разговорамъ не допускалъ, да и тотъ ихъ не долюбивалъ..... На балѣ у Талейрана государь и прусскій король подошли ко мнѣ, поздоровались, и государь поздравилъ меня съ только-что полученною мною, Александровскою лентою. «Le général l'a bien mérité»,—сказалъ прусскій король.

«На что государь, обратясь,—сказалъ мнѣ по-французски: «Le cordon de l'ordre de St. Alexandre n'est qu'une faible preuve de mon estime pour vous et vos services». Я и не подозрѣвалъ, что нахожусь въ такой милости. Передъ этимъ баломъ Николай Павловичъ, узнавъ, что мнѣ пожалована Александровская лента, попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ и привезти эту ленту. Государь ему позволилъ у меня быть, но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ. Великій князь у меня обѣдалъ и провелъ почти весь день. Я сказалъ ему, что очень бы хотѣлъ представить ему всѣхъ моихъ генераловъ и полковыхъ команди-

ровъ, которыхъ рекомендовалъ наилучшимъ образомъ. Великій князь былъ съ ними откровенно любезенъ и прямою своего обращенія обворожилъ ихъ. Они меня за это очень благодарили» ¹⁾).

Оба великіе князя должны были вернуться въ Россію черезъ Нидерланды и Германію. 6-го (18-го) іюня они прибыли въ Брюссель. Десять дней было посвящено на обзорніе главнѣйшихъ городовъ королевства; обзорніе это происходило въ сопровожденіи принца Оранскаго, принявшаго на себя трудъ быть проводникомъ юныхъ путешественниковъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Гаагѣ, они отправились въ Амстердамъ, а оттуда ѣздили въ Саардамъ, чтобы посѣтить домикъ Петра Великаго.

Путешествіе по Германіи происходило съ крайней медленностью, такъ какъ великіе князья непрерывно отклонялись отъ своего прямого пути для обзорнія мѣстъ недавнихъ битвъ; и тамъ, на поляхъ сраженій Николай Павловичъ объяснялъ своему младшему брату движенія войскъ и распоряженія ихъ предводителей. Парижскія военно-историческія бесѣды съ Паскевичемъ очевидно принесли свои плоды.

Сохранился рассказъ о томъ, что Николай Павловичъ при видѣ могильныхъ холмовъ на Люценскихъ поляхъ сказалъ: «Война ужасная необходимость! Въ эту минуту я болѣе, нежели когда-либо, чувствую, какою славою покрылъ себя нашъ благодѣтель, даровавъ миръ Европѣ».

Замѣтимъ здѣсь, что относительно путешествія Николая Павловича въ 1814 году намъ не удалось собрать никакихъ указаній и достовѣрныхъ подробностей. Трудно даже установить въ точности, посѣтилъ ли великій князь во время этой поѣздки Швейцарію и какую именно часть. Есть основаніе предполагать, что онъ былъ въ Цюрихѣ, гдѣ осматривалъ поле сраженія 1799 года, и есть также указанія, что Николай Павловичъ встрѣтился въ Цюрихѣ съ прусскимъ королемъ ²⁾).

Въ заключеніе путешествія передъ возвращеніемъ въ Россію великіе князья остановились въ Берлинѣ. Здѣсь Николай Павловичъ встрѣтился впервые съ своей будущей женою, принцессою Шарлоттою, и взаимное впечатлѣніе, которое они произвели другъ на друга, лишь

¹⁾ Князь Щербатовъ: „Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность“. С.-Петербургъ 1888. Т. 1, стр. 220. Довольно любопытно, что грамота на орденъ св. Александра Невскаго была выдана Паскевичу 15-го августа 1831 года, уже въ царствованіе императора Николая.

²⁾ Лакруа повѣствуетъ, что когда Николаю Павловичу доложили въ Цюрихѣ, что здѣсь ожидаютъ императрицу Марію-Луизу, отправляющуюся на воды въ Эмсъ, онъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, въ которомъ отразилось свойственное ему высокое понятіе о долгѣ: „Мнѣ было бы пріятнѣе узнать“, сказалъ великій князь, „что она выполняетъ свой долгъ жены и отправляется наконецъ къ своему мужу на островъ Эльбу“.

облегчило осуществленіе, въ ближайшемъ будущемъ, сокровенныхъ желаній императора Александра и его друга, короля Фридриха-Вильгельма III ¹⁾).

Вскорѣ, однако, насталь часъ разлуки; великимъ князьямъ нужно было спѣшить въ Петербургъ, чтобы застать тамъ еще императора Александра, передъ отъѣздомъ его на Вѣнскій конгрессъ.

Учебныя занятія Николая Павловича, прервавшіяся по случаю отъѣзда его за границу, возобновились послѣ его возвращенія въ Петербургъ по нѣкоторымъ предметамъ, какъ-то: исторіи финансовъ и по военнымъ наукамъ. Однако съ этого времени занятія не велись съ прежнею правильностью, такъ какъ оба великіе князя стали часто присутствовать на разводахъ, парадахъ и ученіяхъ; однимъ словомъ, они получили свободу и возможность предаваться всѣмъ тѣмъ занятіямъ, которыя прежде строго возбранялись имъ. Много времени поглощали также и всевозможныя придворныя празднества, въ которыхъ оба великіе князя стали принимать участіе.

Въ началѣ 1815 года къ числу лекцій по военнымъ наукамъ присоединились еще бесѣды Николая Павловича съ генераломъ Опперманомъ. Онѣ состояли въ томъ, что великій князь читаль разработанныя имъ самимъ сочиненія и трактаты о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, или планы войны на заданную тему, при чемъ онъ долженъ былъ давать Опперману отвѣты на всѣ его вопросы, касавшіеся деталей самаго плана. Такъ, между прочимъ, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1815 года, Николай Павловичъ защищаль составленный имъ большой «трактатъ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши», которымъ Опперманъ остался весьма доволенъ; при первомъ чтеніи, наставнику показалось даже, не имѣлъ ли его ученикъ въ своихъ рукахъ, во время этой работы, мемуаръ, написанный о томъ же предметѣ однимъ русскимъ генераломъ.

Судя по журналу 1815 года, генераль Опперманъ совѣтоваль Николаю Павловичу читать подробныя исторіи замѣчательныхъ кампаній, черезъ чтѣ,—писаль онъ, «неминуемо должны усовершенствоваться въ великомъ князѣ его блестящія военныя способности, преимущественно состоящія въ талантѣ вѣрно и ясно судить о военныхъ дѣйствіяхъ».

Возобновившіяся занятія Николая Павловича продолжались однако не долго: ихъ прервала новая война съ Наполеономъ, и великіе князья получили разрѣшеніе отправиться къ дѣйствующей арміи.

---

¹⁾ Въ Берлинѣ Николай Павловичъ нашель полную возможность удовлетворить своему влеченію къ фронтowymъ занятіямъ; онъ практически заняль изученіемъ прусскаго воинскаго устава и усвоилъ его себѣ въ совершенствѣ.

При этомъ случаѣ императрица Марія Ѳеодоровна напутствовала своихъ сыновей особымъ письмомъ. Къ его особенностямъ слѣдуетъ отнести настойчивость, съ которою Марія Ѳеодоровна совѣтовала дѣтямъ умѣло распоряжаться временемъ, дорожить имъ, находить возможнымъ читать и заниматься. «Повторяйте себѣ»,—писала она, «что въ тотъ день, когда вы не увеличиваете вашихъ познаній, вы утрачиваете ихъ; душа, какъ и умъ, не можетъ оставаться на одномъ уровнѣ: надо обогащаться нравственными достоинствами, пріобрѣтать познанія, или же характеръ портится и умъ притупляется». Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее мѣсто изъ письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, и оно получаетъ особенное значеніе, если припомнить, какое вліяніе на характеръ Николая Павловича оказывали въ его дѣтствѣ его любимыя военныя игры: «Я надѣюсь, дорогія мои дѣти»,—писала императрица, «что военный режимъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не привьетъ вамъ грубаго, суроваго или же повелительнаго тона; онъ развиваетъ его у всѣхъ, но онъ нестерпимъ у лицъ вашего происхожденія, которыя даже въ тѣ мгновенія, когда они бываютъ вынуждены обуздывать заблужденіе или проступокъ, должны употреблять лишь тонъ твердости, воздѣйствующій несравненно сильнѣе, чѣмъ горячность и вспыльчивость».

Хотя повидимому въ 1815 году императрица Марія Ѳеодоровна безъ особыхъ затрудненій отпустила своихъ сыновей въ армію, но тѣмъ не менѣе она сильно опасалась за ихъ пребываніе въ Парижѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія строки ея письма къ ихъ военному ментору, генералъ-адъютанту Коновницыну, назначенному состоять при великихъ князьяхъ, подобно тому какъ это было въ походѣ прошлаго 1814 года.

«Я нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ»,—писала она,—«обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о нихъ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и разврата нужнѣе, нежели гдѣ-либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я конечно ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагѣ представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находятъ его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаясь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но, будучи теперь

старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца» ¹⁾.

Получивъ разрѣшеніе отправиться въ армію, великіе князья выѣхали изъ Петербурга въ сопровожденіи генерала Ламздорфа и въ Гейдельбергѣ присоединились къ императору Александру. Оттуда бывшій ихъ воспитатель возвратился въ Петербургъ, а его мѣсто при великихъ князьяхъ занялъ генераль-адъютантъ Коновницынъ ²⁾. Приѣмъ, оказанный императоромъ Александромъ, и предстоявшій отъѣздъ Ламздорфа въ Россію вызвали со стороны императрицы слѣдующее письмо къ нему, отъ 15-го іюня 1815 года, живо характеризующее ея дружескія отношенія къ воспитателю ея младшихъ сыновей, на котораго она постоянно смотрѣла какъ на втораго отца великихъ князей.

«Сердечно любезный папá Ламздорфъ (Lieber Herzens Papa Lamsdorf), вашъ благополучный приѣздъ, оказанный вамъ братскій приѣмъ (brüderliche Aufnahme) и теплая признательность, проявленная по отношенію къ вамъ императоромъ, чрезмѣрно радуютъ меня. Будьте увѣрены, любезный папа, что каждая душа, одаренная чувствомъ, принимаетъ близко къ сердцу знаки вниманія, проявленнаго къ вамъ со стороны моего сына. Вы послужили Богу и людямъ, моя материнская душа говоритъ спасибо моему сыну и узнала это извѣстіе съ умиленіемъ, которое сопровождалось внутреннею радостью: все было бы къ лучшему въ настоящемъ положеніи, если бы я не знала, любезный папа, что вы нездоровы: императоръ увѣряетъ меня, что вамъ лучше, но ваше письмо доказываетъ мнѣ, что вы страдаете, и это пугаетъ меня: дай Богъ, чтобы спокойствіе принесло вамъ скорое выздоровленіе. Императоръ повидимому очень доволенъ и хвалить мнѣ моихъ сыновей; съ внутреннею радостью вижу я, что онъ сердечно любитъ ихъ, но они

¹⁾ Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны генераль-адъютанту Петру Петровичу Коновницыну изъ Павловска отъ 12-го іюля 1815 года. „Русская Старина“ 1870 года. Т. 1-й, стр. 430 (изданіе первое).

²⁾ 11-го мая 1815 года императрица Марія Ѳеодоровна писала генераль-адъютанту Коновницыну: «Петръ Петровичъ. Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я передаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами—все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламздорфа не могутъ они быть преданы лучшему наставнику на полѣ славы, какъ вамъ».

вѣдь и достойны этого; мысль о томъ, что вскорѣ они будутъ разъединены съ вами, огорчаетъ меня, точно вторичная разлука ихъ со мною. Не оставляйте ихъ своимъ отеческимъ благословеніемъ и почаще пишите имъ, что конечно они также будутъ дѣлать: съ Божьей помощью разлука не будетъ продолжительна; всѣ надѣются, что война не затянется. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, и чтобы кровопролитія было меньше. Милости, которыхъ удостоены кавалеры, тоже очень радуютъ меня; я прошу васъ тоже передать имъ это: относительно добраго Рюля я написала императору, который конечно будетъ милостивъ: не понимаю, по какой случайности письма моихъ дѣтей не дошли до меня, тогда какъ ваше письмо, любезный папá, получено мною: быть можетъ, тотъ, кому они отдали ихъ, забылъ отправить ихъ; я написала имъ объ этомъ. Прощайте, любезный папá, да хранитъ васъ Богъ и да благословитъ онъ васъ тысячу разъ за все добро, которое дѣлаете и сдѣлали моимъ дѣтямъ; не забывайте меня и будьте увѣрены, что я неизмѣнно остаюсь вашимъ истинно признательнымъ другомъ. Марія».

Когда русскія войска вступили во Францію, великіе князья сопровождали императора Александра на маршъ къ Парижу.

Послѣ тяжкаго и изнурительнаго похода русская армія такъ скоро оправилась, что до возвращенія ея въ отечество государь пожелалъ пощеголять ея и показать свои войска непріателямъ и союзникамъ. Императоръ Александръ, принявшій на себя роль великодушнаго цокровителя Франціи, хотѣлъ представить союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукою для поддержки своихъ намѣреній, и такъ какъ этотъ смотръ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получила и другое значевіе: выступленіе войскъ показывало, что Россія, по водвореніи законнаго правительства Лудовика XVIII, не намѣрена болѣе участвовать въ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи, еслибы парижскіе переговоры не пришли къ мирному концу; къ тому же «врагъ общаго мира и спокойствія», Наполеонъ находился уже на пути къ мѣсту своего заключенія: острову св. Елены, и такимъ образомъ главная побудительная причина воинственнаго порыва императора Александра исчезла ¹⁾.

Мѣстомъ предположеннаго смотра избранъ былъ Вертю. 26-го августа (7-го сентября), въ памятный день Бородинскаго сраженія, рѣшено было произвести примѣрный смотръ, а затѣмъ 29-го августа (10-го сентября) парадный смотръ въ присутствіи союзныхъ государей и всѣхъ ино-

---

¹⁾ Н. Шильдеръ. «Императоръ Александръ. Его жизнь и царствованіе»— С.-Петербургъ 1897 г. Томъ третій.

странцевъ, приглашенныхъ на это торжество. Въ строю находилось болѣе 150.000 человѣкъ при 540 орудіяхъ.

Репетиція была произведена въ присутствіи государя и великихъ князей Николая и Михаила и привела императора Александра въ полный восторгъ. Рассказывая о репетиціи парада въ Вертю, Михайловскій-Данилевскій сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ этотъ день онъ снова имѣлъ случай убѣдиться, что императоръ Александръ не любилъ воспоминаній объ Отечественной войнѣ: когда генераль Толь, смотря на выстроившуюся армію, сказалъ его величеству: «какъ пріятно, что сегодня память Бородинскому сраженію», государь не отвѣчалъ ни слова и отвернулся. Данилевскій сопоставляетъ въ этомъ отношеніи императора Александра съ обоими великими князьями, его братьями, «которые восхищаются всѣмъ тѣмъ, что есть русское». «Михаилъ Павловичъ,—передаетъ Данилевскій,—взялъ меня съ жаромъ за руку, когда я ему сказалъ, что къ моему большому удовольствію сегодня не было съ нами ни одного иностранца, что всѣ окружавшіе государя русскіе и радовались искренно величію Россіи, потому что мы были какъ бы среди семейства нашего».

29-го августа (10-го сентября) смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и во время репетиціи, въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, при чемъ во время церемональнаго марша императоръ Александръ лично предводительствовалъ арміей и салютовалъ союзнымъ монархамъ. Въ этотъ день Николай Павловичъ въ первый разъ обнажилъ шпагу передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ ¹⁾, а Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи.

Послѣ этого смотра, императоръ Александръ, по заключеніи Священнаго союза, покинулъ Парижъ ²⁾.

¹⁾ Въ это время Гренадерскимъ корпусомъ командовалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ изъ смотра при Вертю и писалъ Ермолову 1-го (13-го) августа 1826 года, при началѣ столкновенія съ Персіей: „Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры“. Записки Алексѣя Петровича Ермолова. — Москва 1868. Часть 2-я. Стр. 214.

Во время смотра въ Вертю великій князь Николай Павловичъ командовалъ третью бригадою 3-й Гренадерской дивизіи.

²⁾ Лакруа при этомъ случаѣ, какъ и всегда, передаетъ разговоры и отзвѣвы, достовѣрность коихъ трудно проверить (Т. I. р. 111). Ознакомивъ Николая Павловича съ актомъ Священнаго союза, императоръ Александръ будто бы сказалъ ему: „Помните, что съ сегодняшняго дня вы примкнули

Государь побывалъ въ Брюсселѣ и затѣмъ снова встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ Дижонѣ, на маневрахъ собранной здѣсь австрійской арміи.

Къ 10-му (22-му) октября оба великіе князя прибыли въ Берлинъ, (послѣ посѣщенія императрицы Елисаветы Алексѣевны въ Баденѣ), а двумя днями позже 12-го (24-го) числа императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ прусскую столицу.

На этотъ разъ пребываніе государя въ Берлинѣ было ознаменовано однимъ важнымъ событіемъ, политическое значеніе котораго для Россіи и Пруссіи сопровождалось одинаково важными послѣдствіями.

23-го октября (4-го ноября) русскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король, вступилъ въ Берлинъ. Въ этотъ день при дворѣ состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены все штабъ и оберъ-офицеры полка. Гости сидѣли за столомъ въ большой залѣ; рядомъ, въ другомъ покоѣ, кушали члены императорской и королевской фамилій; въ этотъ семейный кружокъ были приглашены только фельд-маршалы Блюхеръ и Барклай-де-Толли. Среди обѣда императоръ и ко-

---

къ нему. Мнѣ хотѣлось бы думать, что со временемъ вы въ свою очередь будете твердой опорой его.

Допуская, что приведенныя слова были дѣйствительно высказаны государемъ, слѣдуетъ признать, что Николай Павловичъ, сдѣлавшись императоромъ, въ точности исполнилъ волю своего державнаго брата, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ этому завѣту до самой кончины.

Точно также трудно провѣрить достовѣрность приведеннаго Лакруа разговора великаго князя Николая Павловича съ баронессою Крюденеръ, которая, въ своемъ пророческомъ воодушевленіи, сказала ему однажды: „ваше высочество, вы будете императоромъ“.

— „Императоромъ“? переспросилъ великій князь, не довольный этимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ нему, „вѣнецъ, который пришлось бы купить потерю моего благодѣтеля и моего брата Константина, былъ бы терновымъ вѣнцомъ, который „Христосъ носилъ на Голгофѣ“.— „Jeune homme“,— торжественно возразила господа Крюденеръ,— „rappelez-vous que les princes sont dans la main de Dieu, qui fait et défait les rois et les empereurs, c'est de Dieu qu'ils tiennent leur mandat et leur puissance; c'est Dieu qu'ils représentent; c'est Dieu qui les inspire et qui les conduit. Soyez donc résigné, ceignez vos reins et attendez l'ordre d'en haut“ (Lacroix. Т. 1. р. 105).

Эти слова, по свидѣтельству Лакруа, произнесенныя съ видомъ и тономъ вдохновенія, произвели на великаго князя глубокое впечатлѣніе и явились для него какъ бы сверхъестественнымъ откровеніемъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно сохранялъ убѣжденіе, что владыки земли не что иное, какъ уполномоченные Бога, и что преходящее могущество, которымъ Провидѣніе облачаетъ ихъ для осуществленія своихъ плановъ, исходитъ непосредственно отъ божественнаго источника.

Если таковы и были послѣдствія убѣжденія Николая Павловича, то едва-ли онъ почерпнулъ ихъ изъ бесѣды съ баронессою Крюденеръ.

роль поднялись съ своихъ мѣсть и провсзгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свои поздравленія.

Свадьбу было рѣшено отложить до совершеннолѣтія великаго князя Николая Павловича.

Императоръ Александръ пробылъ въ Берлинѣ до 27-го октября (8-го ноября) и затѣмъ отправился въ Варшаву; великіе князья, въ сопровожденіи генераль-адъютанта Коновницына, возвратились въ Петербургъ.

Обрученіе Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой послужило поводомъ къ обмѣну письмами между императрицей Маріей Ѳеодоровной и императоромъ Александромъ съ одной стороны и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ—съ другой.

Письмо Маріи Ѳеодоровны отъ 14-го января 1816 года, написанное ею въ отвѣтъ на письмо прусскаго короля, любопытно еще и въ другомъ отношеніи; оно доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что уже въ 1809 году, во время пребыванія въ Петербургѣ покойной королевы Луизы, у дальновидной императрицы-матери явилась мысль о бракѣ Николая Павловича съ принцессою Шарлоттою.

«Удовольствіе вашего величества по поводу союза нашихъ дѣтей,— писала Марія Ѳеодоровна,—высказанное мнѣ самымъ трогательнымъ образомъ въ письмѣ, переданномъ мнѣ гофмаршаломъ вашего двора барономъ Шильденомъ, раздѣляется мною со всею живостью материнской любви, отвѣчающей на это, государь, въ избыткѣ чувства, что завѣтное желаніе моего сердца исполнилось: желаніе это зародилось въ девятомъ году (*le vœu fut formé l'année 9*); воспоминанія этого счастливаго времени возбуждаютъ во мнѣ горячія сожалѣнія, которыя примѣшиваются даже къ радости, порождаемой во мнѣ ожидаемымъ счастіемъ моего сына; отзывчивая душа вашего величества пойметъ подобное соединеніе сожалѣній, огорченія и счастья; я надѣюсь даже, что оно послужитъ для васъ доказательствомъ чувствъ, внушаемыхъ мнѣ вашей милой дочерью, и нѣжныхъ и неуставныхъ заботъ, при помощи которыхъ я постараюсь снискать ея дружбу и довѣріе, оберегать ея счастье и дѣлать ея жизнь пріятной со всею заботливостью материнской нѣжности; обворожительный характеръ юной принцессы, ея умъ основательный, неподдѣльный, нѣжность ея чувствъ наглядно предсказываютъ мнѣ счастье моего сына и мое собственное; она сроднится съ нами и, сдѣлавъ Николая счастливымъ изъ смертныхъ, сдѣлаетъ меня счастливѣйшею изъ матерей и утѣшитъ меня въ разлукѣ съ моими дочерьми. Вотъ мои ожиданія, государь, и они вамъ доказываютъ, на-

сколько я расположена любить и лелѣять принцессу. Я глубоко тронута добротою вашего величества по отношенію къ Николаю, который, какъ должно, оцѣниваетъ ваше довѣріе, проявляющееся въ томъ, что вы ввѣряете его заботамъ принцессу; онъ оцѣниваетъ эту честь со всеѣмъ жаромъ сердца религіознаго, чистаго, честнаго и прямодушнаго, всецѣло отдавашагося своей невѣстѣ и сознающаго всю отвѣтственность, связанную съ мыслью объ обязанности сдѣлать изъ счастья своей подруги постоянное занятіе своей жизни. Вотъ излюбленный предметъ нашихъ разговоровъ, возобновляемыхъ при каждомъ случаѣ: благословеніе Божіе да снизоидетъ на этихъ двухъ дорогихъ существъ и сохранить имъ навсегда ихъ чувства, ихъ убѣжденія, обезпечивъ такимъ образомъ счастье ихъ жизни».

Письмо императора Александра къ прусскому королю, отъ 15-го (27-го) января 1816 года, съ такою полнотою воплощаетъ въ себѣ руководящія начала его политики и съ такою яркостью очерчиваетъ его самого, что мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ.

«Я не найду выраженій,—писалъ императоръ Александръ,—чтобы выразить вамъ, государь, чувства, которыми я былъ проникнутъ, читая письмо, которое вашему величеству угодно было вручить генералу Шеллеру. Я берусь за перо, чтобы отвѣчать на него, и буду прислушиваться лишь къ голосу своего сердца. Это единственный языкъ, который можетъ подходить для насъ. Онъ одинъ можетъ сдѣлать для насъ менѣе тягостной разлуку, на которую насъ обрекаетъ долгъ. Дружба, которая соединяетъ насъ, государь, беретъ свое начало въ чувствѣ (*L'amitié qui nous unit, Sire, prend sa source dans le sentiment*). Она скрѣплена испытаніями, воспоминаніями и надеждами, соединенными съ нашею судьбою. Она будетъ сопутствовать намъ до могилы. Она скраситъ своими прелестями и тѣмъ, что есть въ ней утѣшительнаго, жизненный путь, который намъ еще предстоитъ совершить, прежде чѣмъ достигнуть великой цѣли нашего существованія—быть счастливыми, какъ монархи и какъ люди,—счастьемъ, которое намъ удастся раздѣлить съ нашими ближними. Эта святая дружба, всю сладость которой я постоянно вкушалъ какъ въ лагерѣ, передъ лицомъ непріятели, такъ и среди вашего народа и вашихъ войскъ, поддерживала, государь, мой духъ въ самыя бурныя мгновенія и удвоила отвагу моего народа и моихъ войскъ. И вотъ, въ этомъ неизмѣнномъ чувствѣ и въ узахъ постоянно дѣйствующей близости, я буду почерпать всегда настойчивость, необходимую для выполненія лежащей на насъ задачи. Она состоитъ въ томъ, чтобы предохранить отъ всякаго посягательства плодъ нашихъ трудовъ—миръ вселенной, восстановить въ силѣ непреложныя начала религіи и справедливости, единственное основаніе какъ процвѣтанія,

такъ и славы народовъ. Въ этомъ-то смыслѣ я и спѣшу поздравить васъ, государь, съ успѣхомъ мудрыхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ вами съ цѣлью ослабить разрушительныя стремленія тайныхъ обществъ, заблужденія которыхъ могли бы подать поводъ къ справедливому безпокойству. Мнѣ пріятно имѣть возможность воздать должное мѣропріятіямъ, столь клонящимся къ общей пользѣ, и выразить вамъ непрерывно одушевляющія меня пожеланія славы монарху, другу и товарищу по оружію, который дорогъ мнѣ по столькимъ причинамъ, а также и народу, который я такъ уважаю, какъ вашъ. Эти чувства настолько же правдивы, какъ и неизмѣнная дружба, съ которою остаюсь на всю жизнь, государь, вашего величества, добрый братъ, другъ и союзникъ Александръ».

Въ отвѣтъ на это письмо Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ между прочимъ императору Александру:

«Съ чувствомъ живѣйшей признательности усмотрѣлъ я изъ вашего письма отъ 15-го (27-го) января, переданнаго мнѣ барономъ Шильденомъ, милостивое выраженіе той драгоцѣнной дружбы, которая постоянно оставалась вѣрна самой себѣ, и которую вамъ угодно доказать мнѣ при каждомъ случаѣ. Она служила мнѣ защитой въ несчастіи, государь, она будетъ спутницей моей жизни и оправдываетъ безграничныя довѣріе и надежды, которыми я чувствую себя проникнутымъ въ отношеніи къ вашему величеству, и которыя чужды какихъ бы то ни было политическихъ расчетовъ. Мы были соединены намѣреніями и чувствами, и, чтобы еще болѣе скрѣпить эти узы, намъ недоставало лишь родственныхъ связей между нашими семьями. Небу было угодно даровать намъ это счастье, и никогда еще бракъ не былъ заключенъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Сожалѣнія, которыя причинить отсутствіе любимой дочери, будутъ менѣе тяжелы, когда я скажу себѣ, что тамъ она найдетъ втораго отца, семью, не менѣе готовую расточать ей свою любовь, и супруга, явившагося избранникомъ ея сердца».

Въ этомъ же письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ благодарилъ императора Александра за его рѣшеніе, чтобы принцесса Шарлотта ознакомилась съ ученіемъ православной церкви въ Берлинѣ. Въ этомъ король усматривалъ новое проявленіе доброты императора Александра къ нему, Фридриху-Вильгельму! ¹⁾.

---

¹⁾ По этому же поводу король писалъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ (въ мартѣ 1816 года):

„Ma fille a pu écouter la voix de son coeur; elle va unir sa destinée à celle d'un prince qui a captivé les suffrages de tous ceux qui le connaissent et pour comble de bonheur elle retrouvera le coeur d'une tendre mère... Le baron Schilden m'a rendu compte en particulier des arrangements que Votre Majesté

Для преподаванія принцессѣ Шарлотты ученія православной церкви въ Берлинѣ былъ посланъ протоіерей Музовскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей и уроки русскаго языка.

II.

По возвращеніи изъ вторичнаго похода, начиная съ декабря 1815 года, великій князь Николай снова принялся за занятія съ тѣхъ которыми изъ своихъ прежнихъ профессоровъ. Такъ, Балугьянскій читалъ «науку о финансахъ», Ахвердовъ—русскую исторію (съ царствованія Іоанна Грознаго до смутнаго времени). Съ Маркевичемъ великій князь занимался «военными переводами», а съ Джанотти—чтеніемъ сочиненій Жиро и Ллойда о разныхъ кампаніяхъ войнъ 1814 и 1815 годовъ, а также разборомъ проекта «объ изгнаніи турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ».

Правильное теченіе этихъ лекцій часто нарушалось происходившими парадными, смотрами, разводами и разными придворными церемоніями¹⁾.

Лѣтомъ 1816 года Николай Павловичъ долженъ былъ въ довершеніе своего образованія предпринять путешествіе по Россіи для ознакомленія съ своимъ отечествомъ въ административномъ, коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ; а затѣмъ, по возвращеніи изъ этой поѣздки, предполагалось совершить еще заграничное путешествіе, для ознакомленія съ Англіею. По этому случаю, по порученію императрицы Маріи Ѳеодоровны, была составлена особая записка, въ которой въ сжатомъ видѣ излагались главныя основанія административнаго строя провинціальной Россіи, описывались мѣстности, которыя великій князь долженъ былъ проѣзжать, въ историческомъ, бытовомъ, промышленномъ и географическомъ отношеніяхъ, указывалось, что именно могло составлять предметъ бесѣдъ великаго князя съ представителями губернской власти, на что слѣдовало бы обратить вниманіе и такъ далѣе; между прочимъ въ этой же запискѣ давался совѣтъ вести эти бесѣды съ ка-

---

a bien voulu adopter de concert avec l'Empereur pour que ma fille puisse achever à Berlin son instruction dans la religion grecque.

„Qu'il me soit permis de Vous exprimer, madame, combien j'ai été sensible à cette nouvelle marque de Votre condescendance“.

¹⁾ 26-го января 1816 года великій князь Николай Павловичъ назначенъ былъ шефомъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка.

ждымъ въ отдѣльности, въ кабинетѣ, чтобы такимъ образомъ получить большую возможность сравнивать различныя мнѣнія и изучать людей ¹⁾). Въ первоначальный маршрутъ путешествія Николая Павловича не была включена Москва, которую, какъ предполагалось, онъ долженъ былъ посѣтить лишь впоследствии. Однако, этотъ планъ подвергся измѣненію. Императоръ Александръ, предпринявшій въ началѣ августа 1816 года путешествіе по Россіи, повелѣлъ брату прибыть въ Москву и ожидать тамъ его пріѣзда.

Въ этомъ путешествіи великаго князя сопровождали: генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенішевъ-Кутузовъ, кавалеры: Саврасовъ и Глинка. Малѣйшія детали предстоявшей поѣздки, которой императрица Марія Ѳеодоровна придавала громадное воспитательное значеніе, были предусмотрѣны ею самою; не была упущена также изъ виду и важность для Николая Павловича пріобрѣсти популярность среди народа: по пріѣздѣ въ какой-либо губернской городъ, намѣченный въ его маршрутѣ, онъ прежде всего долженъ былъ отправиться въ соборъ. Ему предлагалось по возможности устраивать приемы у себя и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать приглашенія, которыя могли дѣлать ему, присутствовать на балахъ и т. д. При всемъ томъ генералу Кутузову было сказано предупредить губернаторовъ, что великій князь не имѣетъ права принимать какія бы то ни было просьбы.

Помимо приведенныхъ наставленій, императрица, по прежнему обычаю, и на этотъ разъ напутствовала сына собственноручнымъ письменнымъ наставленіемъ, въ которомъ совѣтовала, какъ держаться, чтобы снискать всеобщія любовь и уваженіе.

Заботливость Маріи Ѳеодоровны въ этомъ отношеніи доходила до того, что она предупреждала Николая Павловича не говорить слишкомъ громко, потому что его голосъ, повышаясь, пріобрѣталъ рѣзкій отѣнокъ ²⁾).

¹⁾ Въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 15-го апрѣля 1816 года, представленной императору Александру, она опредѣляла слѣдующимъ образомъ цѣль поѣздки великаго князя Николая Павловича: „Le voyage du Grand Duc Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique“.

²⁾ Вступительныя слова этого наставленія, или письма императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 8-го мая 1816 года, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе по особенному характеру его и наводятъ на размышленія; это какъ бы наставленіе наследнику престола: „on vous aime d'espérance“.

Императрица пишетъ:

„Le voyage que vous allez entreprendre, cher Nikosche, occupe toutes mes pensées et toute ma sollicitude maternelle: car quoiqu'heureusement je n'aie pas (avec le secours de la bénédiction divine) à craindre pour votre santé et con-

Во время своего путешествія Николай Павловичъ, по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, долженъ былъ вести особый журналъ, состоящій изъ двухъ частей: изъ «Общаго журнала по гражданской и промышленной части» и «Журнала по военной части».

Великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го (21-го) мая 1816 г. Перечислимъ здѣсь нѣкоторые изъ главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, которыхъ коснулся маршрутъ великаго князя; это были: Луга, Порховъ, Великія Луки, Витебскъ, Смоленскъ, Могилевъ, Бобруйскъ, Черниговъ, Кіевъ, Харьковъ, Полтава, Кременчугъ, Флисаветградъ, Одесса, Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, южный берегъ Крыма, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Курскъ, Орель и Тула.

Николай Павловичъ выполнилъ желаніе императрицы и хотя въ краткихъ словахъ, но заносилъ въ свой журналъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время путешествія. Особенно характерны его отзывы о полякахъ и евреяхъ; они получаютъ особенное значеніе въ виду того, что Николай Павловичъ не измѣнилъ этимъ взглядамъ до конца жизни. Приведемъ здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ его журнала:

«Въ Бѣлоруссіи дворянство, состоящее почти все изъ весьма богатыхъ поляковъ, отнюдь не показало преданности къ Россіи и кромѣ нѣкоторыхъ витебскихъ и южныхъ могилевскихъ дворянъ всѣ прочіе присягнули Наполеону.

«Крестьяне ихъ почти всѣ на тяжеломъ оброкѣ и весьма бѣдны,—при томъ общая гибель крестьянъ сихъ провинцій — жиды здѣсь совершенно вторые владѣльцы, они промыслами своими изнуряютъ до крайности несчастный народъ.—Они здѣсь всё, и купцы и подрядчики, и содержатели шинковъ, мельницъ, перевозовъ, ремесленники и проч., и такъ умѣютъ притѣснять и обманывать простой народъ, что берутъ даже въ залогъ не засѣянный яровой хлѣбъ и ожидаемую не засѣянную жатву; они настоящія піявицы, всюду всасывающіяся и совершенно

---

servation, elle n'en est pas moins vive, car elle porte sur l'influence que ce voyage aura sur votre bonheur futur qui dépend si essentiellement de l'opinion que vous donnerez de vous à vos compatriotes; dites-vous, cher Nicosche, que vous attirerez dans cette occasion toute l'attention publique sur vous: vous avez un bel enjeu, car jusqu'à ce moment on vous aime d'espérance: on a entendu dire du bien de vous, mais voici l'instant où il faut consolider ce sentiment d'affection: il faut le mériter par votre bonté, votre affabilité, qui doit se montrer dans vos manières, dans vos paroles, jusque dans le ton de votre voix, car en l'élevant trop, en la laissant déployer dans toute sa force elle acquiert une expression rude qui ressemble à la brusquerie, ce qu'il faut absolument éviter».

истощающія несчастныя сіи губерніи. Удивительно, что они въ 1812 году отъѣнно вѣрны намъ были и даже помогали, гдѣ только могли съ опасностью жизни. Также не совсѣмъ бесполезно будетъ упомянуть, что здѣсь въ губерніи 37 католическихъ монастырей, изъ коихъ половина почти іезуитскихъ, воспитывающихъ юношество всѣхъ исповѣданій; главнѣйшіе въ Оршѣ и Могилевѣ. Всякій день обращаютъ они въ свою вѣру молодыхъ людей и какъ они совершенно отдѣлены отъ гражданскаго вѣдомства, даже ихъ имѣнія, то ежедневно происходятъ беспорядки и замѣшательства».

Присоединимъ еще къ этой любопытной замѣткѣ очеркъ арестантскаго острога въ Порховѣ, дающій понятіе о томъ, съ какими печальными картинами народной жизни приходилось сталкиваться русскому путешественнику того времени:

«Въ Порховѣ»,—пишетъ Николай Павловичъ,—«дворянство довольно многочисленно, но живетъ по деревнямъ. Арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ ономъ. Вѣтхая деревянная изба, состоящая изъ трехъ низкихъ чулановъ почти безъ оконъ и отдушинъ, въ коихъ посреди помѣщены 22 человекъ инвалидовъ безсмѣнно караульныхъ, а 66 арестантовъ въ двухъ остальныхъ, безъ пищи, безъ одежды, въ спертomъ гниломъ воздухѣ, безъ различія ни родовъ преступленій, ни возраста, одни на другихъ—старая разваливающаяся деревянная караульня, въ которой прилипчивыми болѣзнями одержимые больные арестанты въ одной комнатѣ со стерегущими инвалидами, на однихъ нарахъ, безъ одежды, безъ лѣкарствъ, безъ суммы на содержаніе, кромѣ отъ милостынь собираемой, — вотъ самое вѣрное и очевидное описаніе здѣшняго острога».

Картина, которую рисуетъ Николай Павловичъ о состояніи Воронежскаго острога, также довольно безотраднa и дополняетъ собою Порховскій очеркъ:

«Воронежскій острогъ хотя обнесенъ довольно порядочной каменной стѣной, но внутреннее строеніе отъѣнно худо содержано; нечистота страшная и вообще великій беспорядокъ. Я спросилъ списокъ арестантовъ, и увидя отъѣнно много военныхъ и, желая знать, давно ли тутъ содержатся, получилъ въ отвѣтъ отъ прокурора, что у него списка военныхъ нѣтъ, а что у караульнаго офицера. Я послалъ за нимъ, и онъ отозвался, что у него его нѣтъ, а что долженъ быть у прокурора. Я спросилъ у него, какъ же онъ дѣлаетъ переключку, ежели не имѣетъ списка? Онъ отвѣчалъ, что переключки не дѣлаетъ, ибо ни тѣмъ, ни другимъ списка отъ прокурора не сообщено. При семъ долженъ я замѣтить, что въ числѣ арестантовъ есть рядовые гарнизонаго баталіона за ущупленіе колодниковъ; но, не имѣя списка и не дѣлая переключки, какъ требовать, чтобъ былъ порядокъ?».

Интересны также впечатлѣнія, навѣянные на Николая Павловича поѣздкой по южному берегу Крыма.

«Изъ Байдарской долины»,—записалъ онъ,—«выходить единственная и довольно худая дорога по самому краю Южнаго берега, и идетъ черезъ главныя селенія Мухолатку, Алупку, Ялту, Лимену, Кучукъ-Ламбетъ и проч.—мѣста весьма любопытныя для живописца или путешественника, ищущаго странныхъ и красивыхъ видовъ (un voyageur pittoresque), но не имѣющія ничего того, чтобъ показывало изобиліе или богатство народа; нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ; ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальняго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отиѣнно ограничены. Одно и то же фруктовое дерево, которое кормило за 50 или 60 лѣтъ дѣда, кормитъ и внука, а этотъ рѣдко посадить молодое дерево, чтобъ уготовить что-либо своимъ дѣтямъ. Они живутъ, можно сказать, совершенно на произволь природы, которая здѣсь чрезмѣрно щедра: оливковыя деревья, фіги, калорцы, груши, яблоки, вишни, орѣшники, все растеть дико безъ присмотра; все удается—померанцы, лимоны о проч. Что жъ касается до видовъ, должно признаться, что начиная отъ Байдаръ до Кучукъ-Ламбета нѣтъ мѣста, которое бы не удивляло всякаго своею дикою, но плѣнительною красою; — но все это рука природы, ибо искусство, такъ сказать, и не заходить въ этотъ край; даже удобной для путешествующихъ дороги нѣтъ, равно и жилья, и отъ того, можетъ быть, не столь еще можно пользоваться симъ прекраснымъ краемъ... Если бъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ; тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы рускіе и малороссійскіе, то все иначе, и хлѣбъ есть и обширныя сады, словомъ, пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

«Журналъ по военной части» ¹⁾ представляетъ меньшій интересъ и вызвалъ строгую критическую оцѣнку со стороны барона Корфа въ его трудѣ: «Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I».

Въ журналѣ по военной части, пишетъ онъ, «всѣ почти замѣчанія относятся до однихъ не важныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко». Этотъ отзывъ, представляющійся слишкомъ суровымъ, если припомнить, что Николаю Павловичу, когда онъ писалъ журналъ, было всего двадцать лѣтъ, вызвалъ

¹⁾ Государственный Архивъ. Разрядъ II, № 146.

при чтеніи рукописи барона Корфа императоромъ Александромъ II слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Въ его лѣта и трудно было о семъ судить. — Это не его вина, ибо съ окончанія войны въ 1815 году до вступленія его на престолъ никто объ этомъ и не помышлялъ».

Приведемъ здѣсь изъ этого военнаго журнала одну лишь замѣтку, касающуюся поселенія Елецкаго полка, которымъ, какъ извѣстно, началась эта печальная страница русской исторіи. «Благодѣтельное намѣреніе государя» — пишетъ Николай Павловичъ, — «начинаетъ выполняться, — но, какъ всякое начало, терпитъ великія затрудненія. Баталіонъ расположенъ въ старыхъ весьма худыхъ бѣлорусскихъ хатахъ, кои кое-какъ поддерживаются, но весьма тѣсно; особливо отъ того, что, кромѣ по положенію живущихъ въ немъ двухъ семей, на постоѣ у нихъ еще двое холостыхъ; хотя они и помогаютъ хозяйствомъ въ работѣ, но не менѣе того имъ также весьма тѣсно. О сю пору скота мало; по положенію хозяинъ имѣетъ отъ казны двухъ лошадей и корову, лошадей у малыхъ (у не многихъ) по двѣ, и то самыя худыя изъ бракованныхъ артиллерійскихъ, и отъ того поля, коихъ почва песчаная, не бывъ удобриваемы довольнымъ количествомъ навоза, худо производятъ и все полосами, судя по богатству хозяина.

«Теперь строится по плану магазинъ и 12 избъ съ офицерскимъ домоу. Госпиталь всѣмъ отмѣнно дуренъ. Полкъ отмѣнно терпитъ тѣмъ, что подъ видомъ способныхъ или неспособныхъ къ поселенію выбираютъ лучшихъ людей изъ дѣйствующихъ баталіоновъ, а на ихъ мѣсто присылаютъ вовсе неспособныхъ и даже слѣпыхъ и горбатыхъ.

«Главное же худо есть то, что жившихъ тутъ 1.880 крестьянъ, при переводѣ ихъ въ Крымъ, такъ худо содержали, что половина ихъ пропала, не дойдя до назначенія».

По пріѣздѣ въ Тулу въ концѣ іюля мѣсяца, великій князь получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ Клинъ, чтобы дождаться тамъ государя и сопровождать его въ Москву.

15-го (27-го) августа императоръ Александръ, въ сопровожденіи великаго князя Николая Павловича, шествовалъ въ Успенскій соборъ.

Отпуская великаго князя обратно въ Петербургъ, послѣ нѣсколькихъ дней совмѣстнаго пребыванія въ первопрестольной столицѣ, императоръ Александръ, по свидѣтельству Лакруа, обратился къ брату, по поводу предстоявшаго ему посѣщенія Англіи, съ слѣдующими словами:

«Въ Англіи лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно изучить устройство конституціонныхъ учрежденій; хорошо судить о достоинствахъ этихъ учрежденій по результатамъ, къ которымъ они приводятъ. Я не знаю хорошенько, насколько они подходятъ къ нашей странѣ. Впрочемъ, я никогда не стану врагомъ прогресса, но я постоянно предпочту оставить зло, чѣмъ искоренять его реформой плохой и опасной. Во вся-

комъ случаѣ, путешествіе по Англіи явится превосходной школой для васъ, и я увѣренъ, что оно принесетъ плоды, которыми Россія воспользуется впоследствии».

Николай Павловичъ возвратился въ Петербургъ 26-го августа (7-го сентября) и 13-го (25-го) сентября выѣхалъ изъ него, отправляясь за границу. Конечную цѣлью этой новой поѣздки было посѣщеніе Англіи, «этой достойнѣйшей вниманія стороны», путешествіе по которой, по словамъ Маріи Ѳеодоровны, должно было не только удовлетворить любопытство великаго князя, но и обогатить его полезными познаніями и опытами, «изошряя при томъ его сужденіе» ¹⁾.

Во время этого путешествія при великомъ князѣ находились: генераль-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глянка и докторъ Крейтонъ (Crighton). Но такъ какъ никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ Лондономъ и Англіей, то императоръ Александръ согласился увеличить свиту великаго князя барономъ Павломъ Андреевичемъ Николаи, который хорошо знакомъ былъ съ Англіею по прежней службѣ своей въ Лондонскомъ посольствѣ при графѣ С. Р. Воронцовѣ. Во всемъ, чтò касалось отношеній къ принцу-регенту, этикета, приема приглашеній на обѣды и пр., Николай Павловичъ долженъ былъ слѣдовать указаніямъ русскаго посла въ Лондонѣ графа Ливена, при чемъ Маріей Ѳеодоровной ставилось на видъ, что чѣмъ меньше великій князь будетъ терять времени на эти обѣды, тѣмъ это будетъ лучше въ смыслѣ болѣе производительнаго употребленія имъ своего времени.

Судя по редакціи одного мѣста въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, посвященной путешествію Николая Павловича, можно предположить, что первоначально она желала, чтобы великій князь постоянно сохранялъ инкогнито, но что императоръ Александръ не призналъ это необходимымъ, сказавъ, что можно прибѣгать къ этому лишь тогда, когда явится желаніе избѣгать различныхъ церемоній. Въ такомъ случаѣ государь разрѣшалъ великому князю называться графомъ Романовымъ.

Нагляднымъ памятникомъ всесторонней заботливости, съ которою императрица-мать относилась къ дѣлу воспитанія ума и сердца юноши Николая Павловича, служатъ ея письма къ графу Ливену; письма эти полны материнской попечительности не только о матеріальныхъ потребностяхъ сына, но и о духовной и нравственной сторонѣ его жизни; они проникнуты, быть можетъ, нѣсколько слишкомъ строгимъ взглядомъ на

---

¹⁾ Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Григорію Александровичу Глянкѣ. „Русская Старина“ 1876 года, т. 17-й, стр. 219.

вещи, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о рѣдкой возвышенности образа мыслей императрицы на свои обязанности, какъ матери.

Въ своемъ письмѣ къ графу Ливену отъ 21-го сентября 1816 года она просила его не только заботиться о томъ, чтобы обѣды и приемы поглощали у великаго князя какъ можно менѣе драгоцѣннаго времени, котораго никогда нельзя сберечь въ достаточной степени, но чтобы онъ оберегалъ также Николая Павловича отъ всего, что тѣмъ или инымъ путемъ могло бы вредить его нравственности въ городѣ, въ которомъ «развращенность столь велика и смѣла (*la perversité et si grande et si hardie*)». Говоря о томъ, что великому князю предстоитъ увидѣть, она писала, что не слѣдуетъ сосредоточивать его вниманіе на какомъ-либо одномъ родѣ предметовъ, но что оно должно быть удѣлено по возможности всему, что интересуется человѣчество (*intéresse l'humanité*) и выдѣляется съ точки зрѣнія общественной пользы. Императрица просила также при устройствѣ помѣщенія для великаго князя принимать въ соображеніе нашъ девизъ—простоту (*notre devise: la simplicité*).

Хотя императрица Марія Ѳеодоровна и императоръ Александръ признавали путешествіе Николая Павловича по Англіи въ высшей степени желательнымъ въ воспитательныхъ и образовательныхъ цѣляхъ, однако, повидимому, существовало нѣкоторое опасеніе, какъ бы великій князь не слишкомъ увлекся свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ прямую связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Это предположеніе подтверждается запиской-наставленіемъ, составленной для великаго князя по случаю его путешествія графомъ Нессельроде. Въ этой запискѣ юный путешественникъ, «наблюдатель» (*l'Observateur*), предостерегается отъ опасности, которой подвергается каждый чужеземецъ за границей: безсознательно подчиниться суммѣ постороннихъ вліяній. Ему указывается на безусловную необходимость судить о какой-либо странѣ въ связи съ ея историческимъ прошлымъ. Такъ какъ главное, что должно поражать путешественника въ Англіи—это ея конституціонныя учрежденія, то авторъ записки и переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса объ ихъ происхожденіи и развитіи.

По его словамъ, Англія своимъ примѣромъ служить наиболѣе нагляднымъ подтвержденіемъ той важной и столь упорно непризнаваемой истины, что общественныя учрежденія никогда не являются слѣдствіемъ одной лишь воли человѣка, но, напротивъ того, являются плодомъ времени, событий, иначе говоря, самой природы обстоятельствъ. Развивая дальше эту мысль, Нессельроде пишетъ, что развитіе учреждений, которыми Англія гордится по праву, происходило съ поражающею медленностію; что не только ни одинъ отдѣльный человѣкъ не можетъ быть признанъ положившимъ первый камень этого античнаго зданія, но что даже было бы трудно точно указать время, когда былъ данъ первый

толчокъ въ этомъ направленіи; что возможность развитія и упроченія этихъ учрежденій во многомъ была обусловлена самимъ географическимъ положеніемъ страны.

Въ концѣ своей записки графъ Нессельроде подходитъ къ главной мысли, которая, безспорно, и составляетъ самую сущность его разсужденій и по его мысли должна была войти въ сознаніе великаго князя. Признавая, что нельзя удержаться, чтобы не отдать должной дани восторга общественному и политическому строю Англіи, онъ предостерегаетъ, что было бы опасно, въ порывѣ восторга, впасть въ столь распространенное заблужденіе, что возможно привить этотъ строй и другимъ народамъ и государствамъ. Поступать такъ значило бы забывать, что широкое развитіе англійскихъ учрежденій находится въ прямой связи съ изолированнымъ положеніемъ страны, и что, къ тому же, единственнымъ залогомъ долговѣчности учрежденій является сдѣленіе естественныхъ причинъ и необходимыхъ послѣдствій; что желать позаимствовать чужеземныя формы и даровать ихъ какому-либо народу значило бы причины, дѣйствующія испоконъ вѣковъ, замѣнить элементомъ случайной воли и пытаться получить тѣ же результаты; что такимъ образомъ можно пересадить б у к в у конституціи, но не ея д у х ъ.

Въ заключеніе графъ Нессельроде писалъ: «Однимъ словомъ, учрежденія (англичанъ) заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь для того, чтобы изошрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ» ¹⁾.

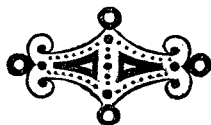
Была ли извѣстна императору Александру записка графа Нессельроде? Позволительно въ этомъ сомнѣваться; едва-ли она могла служить отголоскомъ взглядовъ и убѣжденій государя, по крайней мѣрѣ въ эту эпоху царствованія. Скорѣе можно предположить, что цѣль, положенная въ основу этой записки, соотвѣтствовала взглядамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и была составлена по ея просьбѣ. Что же касается Николая Павловича, то опасенія лицъ, внушившихъ графу Нессельроде обратиться къ великому князю съ подобнымъ доброжелательнымъ предостереженіемъ, были совершенно напрасны. Кажется, можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что въ сущности авторъ записки ломился въ открытую дверь. Въ это время характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько сформироваться, съ присуцимъ ему трезвымъ, далекимъ

¹⁾ Mémoire destiné à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Nicolas à l'occasion de son voyage dans les pays étrangers. Varsovie le 10 Septembre 1816.

отъ всякой мелочности, міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть. Это былъ не ученикъ Лагарпа, не восторженный слушатель рѣчей Паррота, а воспитанникъ Ламздорфа, прошедшій суровую воспитательную школу совершенно иного свойства, чѣмъ та, въ которой возросъ Александръ. Дѣйствительно, такъ и случилось: Николай Павловичъ не увлекся конституціонными формами Англии.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева ¹⁾.

XIX.

Преподаватели института путей сообщенія: академикъ Гессъ, инженеры Янушевскій, Волковъ, Соболевскій и Кербедзь.—Назначеніе графа Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія. — Катастрофа въ классѣ портупей-прапорщиковъ.—Новый директоръ генераль Энгельгардтъ.—Инспекторъ Языковъ.—Прошлое института путей сообщенія.—Начало его паденія.—Производство и выпускъ.

Въ послѣднемъ, подпоручичьемъ классѣ, выдающимися профессорами были:
Академикъ Гессъ, извѣстный химикъ, сочиненія котораго, по тогдашнему состоянію науки, считались наилучшими. Къ сожалѣнію, въ этотъ годъ ему нездоровилось, и потому онъ читалъ кратко, небрежно и не успѣлъ даже прочесть органическую химию.

Инженеръ Янушевскій, читавшій астрономію. Это былъ одинъ изъ самыхъ талантливейшихъ профессоровъ, имѣвшій исключительную способность передавать всякій читаемый имъ предметъ необыкновенно ясно и отчетливо. Я имѣлъ уже случай упомянуть о немъ, какъ о человѣкѣ, обладавшемъ чрезвычайно обширнымъ математическимъ образованіемъ.

Инженеръ Волковъ читалъ водяныя сообщенія и гидротехническія сооруженія. Онъ былъ человѣкъ, вообще, очень образованный и съ большими теоретическими свѣдѣніями по инженерной спеціальности.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., декабрь.

Составивъ общій курсъ строительнаго искусства, онъ представилъ его бывшему главномууправляющему, графу Толь, съ просьбою о напечатаніи его сочиненія на казенный счетъ въ типографіи вѣдомства. Вскорѣ послѣ того графъ Толь умеръ, и его мѣсто занялъ графъ Клейнмихель. Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ съ предвзятою мыслью реформировать его и урегулировать все по-своему и не успѣвъ еще ознакомиться съ вопросами вѣдомства путей сообщенія, графу Клейнмихелю представилось, что курсъ строительнаго искусства можетъ быть изданъ, какъ строительный уставъ, долженствовавшій служить законнымъ руководствомъ для всѣхъ инженеровъ,—и въ этомъ смыслѣ было предложено Волкову измѣнить свое сочиненіе для напечатанія его на казенный счетъ. Тогда Волковъ взялъ свое сочиненіе обратно и, разладивъ по этому случаю съ Клейнмихелемъ, вышелъ въ отставку. Волковъ былъ человекъ болѣзненный и, уѣхавъ за границу, наткнулся тамъ на лѣченіе животнымъ магнетизмомъ, отъ котораго почувствовалъ облегченіе, и принялся разрабатывать этотъ вопросъ. Между прочимъ, онъ печаталъ, по этому предмету, статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» половины сороковыхъ годовъ. Впослѣдствіи онъ окончательно поселился въ Парижѣ и, сойдясь съ экономистомъ Joseph Garnier, издававшимъ экономическій журналъ, сталъ писать по вопросамъ политической экономіи, и сочиненія его появлялись тоже отдѣльными книгами. Я сошелся съ Волковымъ уже въ Парижѣ, когда я самъ началъ писать тоже по экономическимъ вопросамъ. Хотя мы стояли на противоположныхъ точкахъ зрѣнія, но это не помѣшало намъ сблизиться и горячо спорить другъ съ другомъ.

Инженеръ Соболевскій читалъ у насъ геогнозію и минералогію. Хотя онъ былъ инженеръ путей сообщенія, но, занимаясь предметами горной специальности, сдѣлалъ себѣ весьма извѣстное имя по этой отрасли науки. Впослѣдствіи былъ долгое время директоромъ института, чрезвычайно уважаемымъ и всѣми любимымъ.

Практическую механику и гидравлику читалъ у насъ извѣстный, знаменитый инженеръ Кербедзъ. До него означенный предметъ читалъ Мельниковъ, который издалъ въ свое время превосходную гидравлику. Принявъ на себя постройку Николаевской желѣзной дороги и не проживая постоянно въ Петербургѣ, онъ не могъ уже быть долѣе профессоромъ въ институтѣ. Хотя и Кербедзъ, въ это время, былъ назначенъ строителемъ Николаевскаго моста черезъ Неву, но онъ, живя въ Петербургѣ, могъ оставаться, нѣкоторое время, профессоромъ. Понятно, что онъ былъ страшно отвлеченъ постройкой необыкновенно знаменитаго сооруженія: Николаевскій мостъ есть вполнѣ дѣтище Кербедза, по мысли, по проекту и по исполненію.

Постройка этого моста составляла особенно трудную задачу, не имѣв-

шую еще тогда ни одного примѣра ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, вслѣдствіе той глубины и быстроты теченія, которыя представляетъ Нева.

Въ то время не имѣли еще никакого понятія о кессонахъ, которые разрѣшили и упростили устройство основаній подь быки на большихъ глубинахъ и, опускаемые, по мѣрѣ надобности, въ грунтъ на 7—8 саженой и болѣе—отстраняють рискъ паденія быковъ отъ подмывовъ.

Кербедзу пришлось первому устраивать основаніе на сваяхъ, на безпримѣрной до того глубинѣ, съ заливкою ихъ бетономъ и съ огражденіями быковъ отъ подмывовъ. Тогда не было еще и скафандровъ, а всѣ подводныя работы производились при помощи воздушнаго колокола. Одна забивка свай на такой глубинѣ, какую имѣетъ Нева, представляла огромныя затрудненія, требовавшія особенныхъ приѣмовъ и приспособленій. Кербедзъ преодолѣлъ всѣ препятствія, не имѣя возможности пользоваться какими-либо посторонними совѣтами, такъ какъ не было еще ни одного инженера въ Европѣ и Америкѣ, который производилъ бы сооруженіе на подобной глубинѣ.

Послѣ этого, я не могу не обратить опять вниманіе читателей на слѣдующій вопросъ: какова же должна была быть въ то время подготовка въ институтѣ путей сообщенія, дававшемъ, безъ опыта, такихъ самостоятельныхъ инженеровъ? Да! постройкой Николаевскаго моста Кербедзъ создалъ, конечно, себѣ вѣчный памятникъ.

Во время пребыванія моего въ классѣ подпоручиковъ, по отношенію къ институту случилось нѣсколько эпизодовъ, о которыхъ я не долженъ умолчать.

Я говорилъ уже прежде, что институтъ путей сообщенія, основанный императоромъ Александромъ I-мъ, по образцу политехнической школы въ Парижѣ, представлялъ исключеніе между военно-учебными заведеніями, къ разряду которыхъ онъ былъ причисленъ. Александръ I особенно любилъ это заведеніе и одно время подчинилъ его непосредственно себѣ, помимо главноуправляющаго путями сообщенія.

Единственно потому, что заведеніе это пользовалось особыми правами, и что въ немъ обращалось главное вниманіе на ученіе, а не на фронтную часть, оно, безъ всякаго на то повода, разсматривалось, какъ заведеніе, могущее способствовать, будто бы, развитію политическихъ, либеральныхъ идей. Опроверженіемъ этому заблужденію могъ бы служить тотъ фактъ, что изъ числа тысячи военныхъ и гражданскихъ людей, компрометтированныхъ по возмущенію 14-го декабря, оказался лишь одинъ, получившій образованіе въ институтѣ путей сообщенія, и тотъ былъ подвергнутъ не каторгѣ, а заключенію въ крѣпость.

Но такъ или иначе, мысль объ обращеніи института въ обыкновенное учебное заведеніе таилась въ извѣстной правительственной сферѣ. При герцогѣ Виртембергскомъ и при графѣ Толь нельзя было думать о подобномъ преобразованіи, ибо они ни за что не согласились бы поднять руку на то заведеніе, о развитіи научнаго образованія въ которомъ они такъ сильно заботились.

Но вотъ, гр. Толь умираетъ, и главноуправляющимъ назначается графъ Клейнмихель. Полтора года онъ не трогалъ института, но затѣмъ, придравшись къ одному ничтожному обстоятельству, наложилъ руку на заведеніе. Расскажу это обстоятельство.

Я говорилъ уже въ предшествующихъ главахъ, что въ институтѣ было два начальства: учебное и фронтовое въ совокупности съ хозяйственнымъ, и что первое пользовалось любовью и уваженіемъ воспитанниковъ, а второе—обратно.

Однажды, въ томъ году, къ которому относится рассказъ, а именно въ учебный сезонъ 1843—1844 г., въ выпускномъ классѣ портупей-прапорщиковъ случилась слѣдующая, небольшая исторія.

По правиламъ, послѣ обѣда, съ 2-хъ до 5-ти часовъ дежурными были офицеры фронтоваго начальства, а съ 5-ти часовъ вступали въ дежурство по классу портупей-прапорщиковъ инженерные офицеры изъ репетиторовъ. Такимъ образомъ, каждый воспитанникъ зналъ, что съ 5-ти часовъ онъ подчиненъ учебному начальству, и по обыкновенію офицеры фронтоваго начальства не входили уже послѣ означеннаго часа въ классъ портупей-прапорщиковъ. Случилось, что инженерный офицеръ опоздалъ $\frac{1}{4}$ часа на дежурство, о чемъ классъ, состоящій изъ 100 человекъ, могъ и не знать. Въ это время, дежурный по фронтовой части, штабсъ-капитанъ Кострица, котораго вообще не жаловали, вошелъ въ классъ и сдѣлалъ грубымъ образомъ какое-то замѣчаніе одному изъ воспитанниковъ. Воспитанникъ этотъ отвѣтилъ ему, что это до него не касается, что онъ не имѣетъ даже права входить въ это время въ классъ и дѣлать какія-либо распоряженія, такъ какъ классъ имѣетъ своего дежурнаго. Многіе товарищи подхватили и стали кричать: «уходите изъ класса, уходите вонъ!». Кострица пожаловался начальству, указавъ 5 человекъ, какъ бы зачинщиковъ, которыхъ и посадили подъ арестъ.

Въ нашемъ подпоручичьемъ классѣ ничего не знали объ этой исторіи, тѣмъ болѣе, что офицерскіе классы помѣщались въ нижнемъ этажѣ, совершенно отдѣльно отъ воспитанниковъ, помѣщавшихся вверху.

Въ одинъ день, при уходѣ домой послѣ лекцій въ 2 часа, намъ объявили, что сегодня послѣ обѣда лекцій и репетицій не будетъ и потому намъ незачѣмъ приходить. Нѣкоторые, не слыхавъ этого распоряженія, пришли въ 5-ть часовъ въ институтъ; но ихъ въ классы не

пустили, и они увидѣли въ вестибюлѣ роту солдатъ въ полной аммуниці съ ружьями. Мы съ братомъ жили недалеко отъ института; двое изъ этихъ господъ зашли къ намъ и сообщили объ этой странности. Мы всё подумали, что въ институтѣ разразился бунтъ.

На другой день мы узнали слѣдующій фактъ:

Пятерыхъ арестованныхъ портупей-прапорщиковъ привели, подъ карауломъ солдатъ, въ большую залу, гдѣ были выстроены всё воспитанники института. Во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ, вплоть до выхода, были размѣщены солдаты. Когда привели этихъ несчастныхъ пять человѣкъ, имъ объявили, что они разжалованы въ солдаты, и такъ какъ они уже не воспитанники института, которые, по закону, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію, а нижніе чины, то они будутъ наказаны розгами. Изъ этихъ пяти человѣкъ выбрали троихъ и наказали, какъ рассказывали очевидцы, очень жестоко, такъ, что нѣкоторые воспитанники, изъ присутствующихъ при этой экзекуціи и никогда не видѣвшіе подобныхъ операцій, падали въ обморокъ.

Означенный фактъ произвелъ самое подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ, и на него смотрѣли, какъ на оскорбленіе всего корпуса инженеровъ. Сѣдовласые люди, даже при встрѣчѣ на улицѣ, сообщая другъ-другу о случившемся фактѣ, проливали,—говорю это безъ фразы,—горькія слезы о гибели института.

Хотя подобныя операціи совершались въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ чуть не ежедневно, но рассказанный эпизодъ, случившійся въ нашемъ институтѣ, вопреки существовавшаго закона, быстро разнесся по всему Петербургу и въ особенности въ высшемъ обществѣ, которое вообще не жаловало Клейнмихеля и возмутилось въ такой мѣрѣ, что когда Клейнмихель показался вскорѣ въ итальянской оперѣ, то немедленно поднялся въ театрѣ крикъ: «Живодеръ, тираннъ! вонъ отсюда, живодеръ!», и многіе указывали руками на ложу, гдѣ появился Клейнмихель. Конечно, онъ немедленно скрылся. Въ этомъ порывѣ негодованія приняли участіе всё и преимущественно дамы, поэтому комендантское и полицейское начальства оставили этотъ шумъ безъ разслѣдованія объ инициаторахъ его; да ихъ и не было, а случилось это единодушно, внезапно. Вѣроятно, найдутся еще въ живыхъ люди, бывшіе этотъ разъ въ театрѣ.

Въ половинѣ сезона 1843—1844 гг. весь персоналъ прежняго начальства института былъ замѣненъ новымъ еще до измѣненія устава заведенія.

Директоромъ института, вмѣсто почтеннаго и извѣстнаго инженера генераль-лейтенанта Готмана, былъ назначенъ бывший командиръ какого-то полка, генераль-маіоръ Энгельгардтъ. Онъ оставилъ по себѣ память человѣка, легендарно ограниченнаго, породивъ безчислен-

ное множество до крайности комическихъ эпизодовъ. Для характеристики этой личности, приведу нѣсколько этихъ эпизодовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Получивъ повелѣніе подтягивать институтъ, будто бы распушенный, тогда какъ въ немъ царилъ строгій порядокъ, Энгельгардтъ, касаясь собственно лишь полицейской стороны дѣла, приказалъ дежурнымъ записывать тѣхъ офицеровъ, которые будутъ приходить хотя бы на пять минутъ позже назначеннаго часа. Спустя недѣлю, онъ вызвалъ всѣхъ записанныхъ и сталъ дѣлать имъ, по очереди, замѣчанія. Одинъ отвѣтилъ ему:

— Я опоздалъ, ваше превосходительство, менѣе пяти минутъ и пришелъ до начала лекціи.

— А-а-а!—сказалъ Энгельгардтъ,—вы пять минутъ, другой пять минутъ, третій пять минутъ, этакъ наберется болѣе часа.

Конечно, воѣ невольно размѣялись.

Надо замѣтить, что Энгельгардтъ всегда начиналъ со слова *a*, которое долго протягивалъ, и имѣлъ слабость ораторствовать, будучи однако абсолютно лишень не только дара краснорѣчія, но и простаго умѣнья говорить сколько-нибудь складно.

Спустя нѣкоторое время послѣ его назначенія директоромъ института былъ назначенъ и новый инспекторъ, инженеръ-полковникъ Языковъ, нашъ профессоръ, котораго мы слушали уже три года.

Явившись съ Языковымъ въ классъ, Энгельгардтъ приготовилъ длинную рѣчь, чтобы представить намъ новаго инспектора. Понятно, что содержаніе его рѣчи должно было быть комично, потому что онъ вздумалъ рекомендовать намъ человѣка, котораго мы давно знали; онъ же никогда его не зналъ и никакого понятія о его прежней дѣятельности не имѣлъ и имѣть не могъ. Энгельгардтъ мямлил свою рѣчь, напередъ заученную, очень долго; мы едва удерживались отъ хохота, а Языковъ, лукаво посматривая на насъ, видимо употреблялъ всѣ усилія, чтобы тоже не размѣяться. Наконецъ, директоръ одолѣлъ свою рѣчь и пошелъ въ другой классъ, раздѣленный отъ нашего корридормъ. Тамъ знали, что онъ держитъ рѣчь, но никто, конечно, не могъ слышать содержанія ея. Энгельгардтъ вошелъ въ этотъ классъ и началъ:—«Господа... а-а»—замаялся, повторилъ опять: «Господа, а»—опять замаялся, говорить рѣчи не сталъ, а, брякнувъ:—«Господа-а-а... то же самое»—и не сказавъ ничего, кромѣ этихъ словъ, быстро удалился. Неудержимый хохотъ разразился по всему классу.

Энгельгардтъ очень не взлюбилъ одного офицера, Валицкаго, и безпрерывно придирался къ нему. Однажды онъ проходилъ по швейцарской, въ то время, когда офицеры расходились по домамъ. Валицкій

надѣлъ уже трехъугольную шляпу и стоялъ спиной къ проходившему Энгельгардту.

— Господинъ подпоручикъ Валицкій,—закричалъ Энгельгардтъ,—отчего вы не отдаете честь начальству?

— Я стоялъ задомъ къ вашему превосходительству и не видалъ васъ,—отвѣтилъ Валицкій.

— Это не отговорка; въ службѣ надо имѣть глаза и спереди, и сзади.

Обыкновенно, въ классахъ офицеры были въ разстегнутыхъ сюртукахъ, иначе нельзя было заниматься черченіемъ проектовъ и проч. Энгельгардтъ отдалъ приказъ имѣть сюртуки застегнутыми на всѣ пуговицы и воротники на всѣ крючки. Тогда носили воротники высокіе и жесткіе. Мы немедленно заявили учебному начальству, что при такихъ условіяхъ мы не въ состояніи ни чертить проектовъ, ни записывать лекціи, съ подпертыми головами чуть не желѣзной крѣпости воротниками, которые не были тогда скошены. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ новый приказъ: имѣть три нижнія пуговицы сюртука и воротники разстегнутыми. Обходя на другой день классы, Энгельгардтъ увидалъ нѣсколькихъ офицеровъ съ сюртуками, застегнутыми на всѣ пуговицы. Подходить къ одному и говорить:

— Вы одѣты не по формѣ!

Офицеръ этотъ, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, осмотрѣлъ себя и отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, я одѣтъ, кажется, по формѣ.

— А-а-а, у васъ нижнія пуговицы не разстегнуты.

— Мнѣ въ настоящую минуту это не мѣшаетъ заниматься,—замѣтилъ офицеръ.

— А-а-а, ваше учебное начальство сказала мнѣ, что мѣшаетъ. Прошу разстегивать три пуговицы для однообразія въ формѣ.

Но забавнѣе всего была исторія съ волосами.

Въ то время всѣ молодые офицеры щеголяли прическами. Большею частью завивались; одни носили два пробора съ завитымъ кокомъ въ серединѣ и съ завитыми висками; другіе—съ однимъ проборомъ и съ кокомъ на боку, третьи завивались въ барашекъ и т. д. На одномъ придворномъ балѣ государь обратилъ на это вниманіе, и великій князь Михайлъ Павловичъ отдалъ приказъ носить волосы длиною въ 1 вершокъ, безъ пробора, и для этого обязали подпиской всѣхъ парикмахеровъ. Немедленно и по нашему корпусу былъ отданъ такой же приказъ, и всѣ заботы Энгельгардта поглотились волосами. Ежедневно, обходя классы, онъ останавливался передъ каждымъ офицеромъ, а ихъ въ обоихъ классахъ было болѣе 200 человѣкъ, всматривался и давалъ себѣ отчетъ о длинѣ волосъ. Однажды, глядя на мои волоса, онъ сказалъ:

— А-а-а... у васъ волосы длинны.

— Я только вчера былъ у парикмахера, а они знаютъ уже размѣръ длины волосъ,—сказалъ я.

— А-а-а, это такъ, для обыкновеннаго офицера не длинны, а для старшаго длинны; пожалуйста, остригитесь.

Отъ такой логики я и окружающіе меня товарищи чуть не фыркнули со смѣха прямо въ лицо Энгельгардту.

Дѣлать, однако, было нечего, и я укоротилъ еще длину волосъ.

Обходя классы на другой день, онъ остановился передо мною и сказалъ:

— А-а-а, вотъ теперь хорошо; вы, какъ старшій, должны показывать примѣръ и носить волосы короче нормы.

Надо пояснить, какой смыслъ имѣло слово «старшій».

Въ это время отмѣнены были дежурные по классамъ, назначавшіеся, по очереди, изъ тѣхъ же классовъ, а установлены были постоянные старшіе, долженствовавшіе наблюдать за порядкомъ. Классъ подпоручиковъ занималъ двѣ комнаты: для одной половины класса старшимъ былъ назначенъ я, а для другой—братъ мой, какъ стоявшіе первыми по списку.

Въ непродолжительномъ времени былъ опять придворный балъ, на который всѣ офицеры явились безъ проборовъ, коротко остриженными, а иные—подъ гребенку. Для непривычнаго глаза такія куафюры произвели непріятное впечатлѣніе, преимущественно на дамъ. Хотя отданный прежде приказъ о куафюрѣ безъ пробора не былъ отмѣненъ, но изъ-подъ руки было приказано возвратиться къ прическѣ съ проборомъ при умѣренной длинѣ волосъ.

Надо было видѣть хлопоты Энгельгардта, чтобы достигнуть выполнения этого неофициальнаго распоряженія. Промежутокъ времени между строжайшимъ наблюденіемъ за прической безъ пробора и новымъ распоряженіемъ длился не болѣе мѣсяца. У Энгельгардта не хватило храбрости открыто пригласить всѣхъ отступить отъ прежняго его строжайшаго наблюденія за нашей прической, и вотъ онъ ежедневно, при обходѣ классовъ, останавливался то передъ однимъ офицеромъ, то передъ другимъ.

— Молодой человѣкъ,—скажетъ онъ,—вы совсѣмъ не занимаетесь собою, для вашихъ лѣтъ это не простительно. Вотъ посмотрите на меня—и онъ начнетъ разглаживать руками свои волосы въ обѣ стороны отъ мѣста пробора.

Наконецъ, всѣ догадались, въ чѣмъ дѣло, и, давъ отрусти нѣсколько волосамъ, стали чесаться съ проборами. Послѣ того вопросъ о волосахъ замолкъ.

Теперь пусть читатель задастъ себѣ вопросъ: каково должно было

быть впечатлѣніе для насъ и для всего инженернаго корпуса видѣть директоромъ института такого субъекта, какимъ былъ Энгельгардтъ, и это послѣ европейскихъ знаменитостей по учености и практической дѣятельности, какими были Бетанкуръ, Базень, Готманъ и замѣститель его, Севастьяновъ? Могъ ли устоять институтъ, если во главѣ его всталъ человѣкъ, который могъ быть лишь посмѣшищемъ не только для насъ, офицеровъ, но и для всѣхъ воспитанниковъ института. Грустно и тяжело подумать, какъ бессмысленно было разрушено то, что составляло гордость нашей страны.

Здѣсь, кстати, скажу нѣсколько словъ о возникновеніи института путей сообщенія.

Отсутствіе спеціальнаго заведенія для образованія инженеровъ было проблѣмой, который, конечно, сознавалъ императоръ Александръ I-й; но, по всѣмъ версіямъ, рѣшительная мысль объ основаніи спеціальнаго для того заведенія утвердилось у императора во время тильзитскаго свиданія съ Наполеономъ I-мъ, который, относясь тогда къ русскому императору самымъ искреннимъ образомъ, обѣщалъ прислать ему лучшихъ своихъ ученыхъ и инженеровъ.

Императоръ Александръ I-й, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего вѣка, зналъ, конечно, значеніе политехнической парижской школы, давшей уже въ то время множество знаменитыхъ именъ по всѣмъ отраслямъ науки и практической дѣятельности. Съ этого времени и замѣчаются усиленныя заботы императора Александра I урегулировать вѣдомство путей сообщенія.

Вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, во главу вѣдомства путей сообщенія ставится образованнѣйшій молодой принцъ Георгій Ольденбургскій, отецъ слишкомъ извѣстнаго у насъ своими высокими добродѣтелями, покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ пригласилъ въ русскую службу Августина де-Бетанкура, пользовавшагося въ Европѣ громкою извѣстностью по своей учености и практической дѣятельности, давъ ему чинъ генераль-лейтенанта. Этому-то человѣку и было поручено создать институтъ путей сообщенія.

Кромѣ разныхъ дарованій, Бетанкуръ обладалъ и огромною энергіей; создавъ институтъ, онъ быстро поставилъ его въ блестящее положеніе, и заведеніе наполнялось воспитанниками изъ самаго высшаго круга, желавшими получить наилучшее образованіе въ Россіи.

Бетанкуръ пользовался такимъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовью императора, что,—послѣ преждевременной смерти принца Георгія

¹⁾ Памятникъ его, слишкомъ имъ заслуженный, красуется на Литейной улицѣ, въ Петербургѣ.

Ольденбургскаго, котораго всѣ оплакивали, — Александръ I-й подчинилъ институтъ непосредственно себѣ, помимо главноуправляющаго Деволанда и, по вопросамъ, до института относящимся, Бетанкуръ дѣлалъ доклады прямо государю.

Принимая во вниманіе обѣщаніе Наполеона I-го, данное имъ Александру I-му при тильзитскомъ свиданіи, Бетанкуръ обратился къ французскому правительству съ просьбою о присылкѣ въ Россію инженеровъ. Надо отдать справедливость Наполеону, что онъ дѣйствительно прислалъ, какъ обѣщалъ, цвѣтъ людей ученыхъ и практическихъ, а именно: Потье, Базена, Фабри и Дестрема, — всѣ, составившіе себѣ громкія имена.

Впослѣдствіи Бетанкуръ былъ главноуправляющимъ всего вѣдомства, и въ это время пригласилъ изъ Франціи еще двухъ ученыхъ инженеровъ: Ламе и Клапейрона, приобрѣвшихъ громкую извѣстность въ Европѣ; директоромъ же института явился Базень, который значительно расширилъ еще курсъ наукъ въ заведеніи. Затѣмъ, за его болѣзнь, былъ назначенъ директоромъ Института извѣстный инженеръ генераль-лейтенантъ Готманъ, первый воспитанникъ перваго выпуска изъ института; а инспекторомъ былъ генераль-майоръ Севастьяновъ, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о чловѣкѣ, съумѣвшемъ совокупить въ институтѣ наилучшія силы, стоявшія во главѣ науки не только въ нашемъ отечествѣ, но и во всей Европѣ.

При такихъ-то замѣчательныхъ личностяхъ возникъ и процвѣталъ институтъ до 1844 года, когда было приступлено къ разрушенію этого зданія.

И сколько громкихъ именъ далъ прежній разсадникъ и не только по инженерной, но и по другимъ отраслямъ дѣятельности.

Перечислять ихъ было бы долго. Я упомяну лишь о тѣхъ, имена которыхъ были извѣстны или въ публикѣ, или въ спеціальной литературѣ.

Начну съ самаго старѣйшаго.

Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, ознаменовавшій себя не только какъ въ высшей степени образованный государственный мужъ, но главнымъ образомъ во время своего попечительства Московскаго университета, выпустивъ оттуда такихъ замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ, которые составили гордость Россіи. И этотъ знаменательный фактъ не былъ случайностью. Надо было умѣть созидать нужныя для того условія, надо было умѣть оцѣнивать людей въ ихъ зародышѣ и способствовать ихъ росту. Почему же, послѣ ухода Строганова, перестали появляться изъ Московскаго университета подобныя звѣзды и могучія личности, какія вышли при немъ изъ этого питомника? При дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воспоминаній, я расскажу, при какихъ

условіяхъ я имѣлъ честь и счастье познакомиться съ графомъ и узнать этого истиннаго государственнаго мужа.

Ламэдорфъ, бывшій при великихъ князяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, и баронъ Мейендорфъ, состоявшій въ свитѣ императора Александра I-го, въ свое время были весьма извѣстны всему обществу, какъ образованнѣйшіе люди.

Мельниковъ—первый строитель и учитель постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Впослѣдствіи министръ.

Кербедзъ. О немъ я уже сказалъ нѣсколько словъ выше.

Волковъ, о которомъ я уже упомянулъ.

Журавскій, первый, при содѣйствіи инженера Хржановскаго, далъ теорію американскихъ мостовъ системы Гау и построилъ знаменитый Веребинскій мостъ, который, по своей смѣлости и грандіозности, не имѣлъ себѣ подобнаго ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. До тѣхъ поръ, хотя и строились въ Америкѣ мосты той же системы, но они строились безсознательно и, при отсутствіи теоріи, съ большими несообразностями. Впослѣдствіи, Журавскій былъ приглашенъ соорудить шпиль на Петропавловскомъ соборѣ, когда обнаружилось, что инженеры другаго вѣдомства не могли сладить съ этой постройкой. Кромѣ обширнаго сочиненія Журавскаго о мостахъ системы Гау, онъ немало печаталъ статей и по другимъ вопросамъ инженернаго искусства.

Баронъ Дельвигъ издалъ большое сочиненіе по части снабженія городовъ водою и построилъ первый въ Россіи серьезный водопроводъ въ Москвѣ. Впослѣдствіи былъ главнымъ инспекторомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и товарищемъ министра.

Вишнякову принадлежитъ изобрѣтеніе «брикетовъ», которыми пользуются теперь всѣ страны, гдѣ употребляется для топлива каменный уголь. Эти брикеты обусловили уже до сихъ поръ милліардные сбереженія во всемъ мірѣ. Между тѣмъ, пока не истекъ 15-ти-лѣтній срокъ его привилегіи, брикеты не вводились въ употребленіе, а Вишняковъ долженъ былъ платить за привилегіи въ разныхъ государствахъ; поэтому задолжалъ и умеръ, кажется, здѣсь въ долговомъ отдѣленіи. Независимо отъ милліардныхъ сбереженій, съ введеніемъ въ употребленіе брикетовъ, исчезли громадныя горы угольнаго мусора, вѣками накопившагося около мѣстъ добычи каменнаго угля, которыя занимали обширныя пространства, бесплодно пропадаящія. Вишнякову принадлежитъ тоже идея о десятичныхъ вѣсахъ, которые представляютъ уже давно неизбѣжную необходимость.

Изъ числа тѣхъ, которые сдѣлали себѣ извѣстность по спеціальной литературѣ, назову:

Севастьянова, какъ пропагандиста начертательной геометріи со всѣми ея отраслями.

*

Глухова и Собко, составивших замѣчательную памятную книгу для инженеровъ высшаго образованія.

Добронравова и Ястржебскаго, издавшихъ, каждый, механику собственнаго сочиненія.

Липина, составившаго самостоятельно безпримѣрно обширныя таблицы. По выходѣ этой книги, многіе говорили, въ шутку, что у Липина недостаетъ въ его таблицахъ одного анализа птичьего молока.

Красовскаго, издавшаго архитектуру, которая долгое время была главнымъ руководствомъ для архитекторовъ.

Киприанова, который, наткнувшись при работахъ шоссе на извѣстныя породы камней, принялся за изслѣдованіе этой породы и, въ концѣ концовъ, сдѣлалъ себѣ своими сочиненіями довольно извѣстное имя, какъ палеонтологъ.

Соболевскаго, сдѣлавшаго себѣ извѣстность сочиненіями по горной части.

Языкова, издавшаго нѣсколько сочиненій по военнымъ наукамъ.

Не могу умолчать и о моемъ братѣ, который уже много лѣтъ усердно работаетъ и пишетъ по вопросамъ, до общей философіи относящимся.

Изъ числа же тѣхъ бывшихъ инженеровъ, окончившихъ курсъ въ институтѣ, которые перешли на военное, боевое поприще, вспоминаю Пассека, Тергукасова и Жолобова, не говоря уже о многихъ, отличившихся въ отечественную войну 12-го, 13-го и 14-го годовъ.

Пассекъ окончилъ курсъ наукъ въ институтѣ въ 1832 году поручикомъ, вторымъ по списку. Затѣмъ перешелъ въ генеральный штабъ, и вскорѣ имя его загремѣло на Кавказѣ, какъ человѣка необыкновенно талантливаго и особенно храбраго, и въ 1845 году, уже въ чинѣ генераль-маіора, былъ убитъ въ Даргинской экспедиціи.

Тергукасовъ окончилъ курсъ наукъ въ 1839 году и, перейдя въ генеральный штабъ, составилъ себѣ довольно громкое имя на Кавказѣ.

Жолобовъ, тоже по окончаніи курса наукъ въ институтѣ, въ 1847 году, вторымъ по списку, перешелъ въ генеральный штабъ. Во время Крымской кампаніи главнокомандующій Меншиковъ сразу замѣтилъ его и приблизилъ къ себѣ. Но онъ былъ смертельно раненъ ядромъ подѣ Альмой, въ двухъ шагахъ отъ главнокомандующаго, который только-что отдалъ приказаніе Жолобову направить въ атаку два эскадрона гусаръ. Умирая, Жолобовъ заботился не о себѣ, а о томъ, чтобы не случилось того же самаго съ княземъ Меншиковымъ, распоряжавшимся подѣ неприятельскими выстрѣлами, и о томъ, чтобы кто-нибудь другой исполнилъ данное ему порученіе. Жолобовъ былъ особенно любимымъ моимъ товарищемъ во время моего приготовленія въ институтъ у Полонскаго.

Я упомянулъ мелькомъ нѣсколько лицъ, которыхъ, за исключеніемъ

двоихъ, лично и хорошо зналъ; а сколько было замѣчательныхъ дѣятелей изъ дореформеннаго института, о которыхъ я не упоминаю потому, что они извѣстны только исключительно инженерному міру, но которые исполнили множество изъ ряда вонъ выходящихъ и замѣчательныхъ по своей концепціи сооружений. Кому, напримѣръ, подымающемуся по шоссе на Кіевскую гору въ крѣпость, придетъ въ голову, что онъ ѣдетъ по сооруженію, безпримѣрному по своему искусству. Императоръ Николай I-й приказалъ, по стратегическимъ или другимъ соображеніямъ, устроить непременно вѣздъ отъ Днѣпровскаго моста прямо въ крѣпость. Гора была ползучая, пропитанная ключами. Эта задача, казавшаяся неразрѣшимой, была, однако, разрѣшена извѣстными инженерами, Четвериковымъ и Кербедзомъ 2-мъ, братомъ строителя Николаевского моста. Проѣзжающій по извилистому подъему, конечно, не подозреваетъ, что онъ ѣдетъ на этомъ протяженіи вдоль водостоковъ, устроенныхъ, на глубинѣ 12 и 15 сажень, искуснѣйшимъ образомъ, съ величайшими затрудненіями, которые перестѣкли всѣ ключи, и гора перестала ползти.

А знаменитая и своеобразно устроенная Вышневолоцкая система водянаго сообщенія, о которой я упомянулъ уже прежде, какъ о диковинкѣ, на которую пріѣзжали полюбоваться американскіе инженеры. На этомъ пути находится узкая, извилистая, маловодная и быстрая рѣка Мста съ порогами. По временамъ въ рѣку пускаютъ воду изъ естественныхъ и искусственно образованныхъ озеръ, лежащихъ верстъ за 100, въ которыхъ скопляютъ воду, запирая ихъ бейшлотами. Маловодная рѣка обращается тогда въ быстрый потокъ. Барки должны летѣть по порогамъ со скоростью болѣе 30 верстъ въ часъ и, конечно, безпрестанно ударяться о берега то съ одной, то съ другой стороны. Поэтому казалось, что серьезнаго судоходства по этой системѣ развиться не могло. Но вотъ, одинъ инженеръ, Корицкій, придумываетъ устройство такъ называемыхъ заплывей, которыя не только предупреждаютъ разбивку барки о берегъ, но и способствуютъ, автоматически, возвращенію ея на фарватеръ. Послѣ устройства этихъ заплывей, главное движеніе грузовъ съ Волги въ Петербургъ направилось на Вышневолоцкую систему, по которой сообщеніе и быстрѣе, и дешевле. Было время, когда, до устройства Николаевской и Рыбинской дорогъ, проходило по этой системѣ до 40 милліоновъ пудовъ въ годъ одного хлѣбнаго груза; и потому—сколько милліоновъ сберегалось ежегодно въ общей экономіи страны? Если теперь по означенному пути двигается очень небольшое количество хлѣбныхъ грузовъ, то только потому, что желѣзныя дороги измѣнили условія торговли.

Да! прежній разсадникъ далъ много замѣчательныхъ людей. И это были не мастеровые, а пионеры и созидатели инженернаго искусства.

Съ развитіемъ этого искусства, оно, конечно, переходитъ потомъ въ мастерство; отъ того-то и могли возникнуть такіе дѣятели, пристягнувшіеся къ строительной сферѣ, какъ Поляковъ съ плеядою своихъ собратій, явившихся рѣшителями судебъ инженеровъ.

Я невольно увлекся тяжелыми воспоминаніями и соболѣзнованіемъ о началѣ паденія института и теперь долженъ возвратиться ко времени окончанія мною полнаго курса, т. е. къ экзамену изъ подпоручиковъ въ поручики.

Обыкновенно, при выпускѣ въ поручики, требовалось держать экзамень изъ всей высшей математики, изъ всего строительнаго искусства и изъ предметовъ, читавшихся въ послѣднемъ классѣ. Всѣ знали этотъ порядокъ и въ теченіе года освѣжали постепенно въ своей памяти означенные предметы по тѣмъ статьямъ, которыя читались въ предшествующихъ классахъ.

Передъ экзаменомъ давалась недѣля времени для подготовленія. Каждое лицо кончало экзамень въ два дня. Одинъ день назначался для главныхъ предметовъ, а, черезъ недѣлю, другой день для всѣхъ побочныхъ предметовъ.

На этотъ разъ вышло иначе. За три дня до экзамена намъ объявили, что, для выпуска въ поручики, мы должны держать экзамень изъ всѣхъ предметовъ, начиная буквально съ азбуки, т. е. даже изъ всего, такъ называемаго, гимназическаго курса, включая и грамматику, и священную исторію, и географію по Арсеньеву, которая, главнымъ образомъ, требовала задалбливанія департаментовъ, графствъ, штатовъ, городовъ и городишекъ съ ихъ достопримѣчательностями, какъ-то: числомъ салотопенныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ и тому подобныхъ заводовъ и проч. Перечислены были всѣ предметы, въ числѣ 40, и назначенъ былъ ежедневный экзамень въ теченіе 40 дней.

Цѣль такой, внезапно объявленной, тиранніи немедленно обнаружилась. Графъ Клейнмихель задумалъ уже совершить преобразование института въ обыкновенный кадетскій корпусъ и хотѣлъ показать, что до этого времени институтъ былъ распущенъ и что въ немъ учились дурно.

Большинство подпоручиковъ, полагая, что все это будетъ дѣлаться для проформы, готовились лишь изъ тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ прежде обыкновенно держали экзамень на поручика, не заботясь объ остальныхъ. Но тѣ, которые стояли высоко по списку, тѣмъ—и изъ самолюбія, и изъ того, чтобы, при своемъ офицерскомъ званіи, не стоять пнемъ передъ экзаменаторами, и изъ уваженія къ чести заведенія, — нельзя было отнестись къ вопросу такъ небрежно, и потому означенные сорокъ дней остались въ ихъ памяти на всю жизнь, какъ неслыханная и небывалая тираннія.

Окончивъ экзаменъ изъ одного предмета, надо было бѣжать домой, чтобы подготовиться на-завтра. Сорокъ ночей мы провели безъ сна, собираясь, по-очереди, другъ у друга, по нѣскольку человѣкъ; чтобы разгонять сонъ, мы пили безмѣрное количество чернаго, крѣпкаго кофе безъ сахару, съ лимономъ. Не менѣе того, случалось заснуть, сидя, мертвымъ сномъ или свалиться на полъ и, когда товарищъ растолкаетъ, то не вдругъ придешь въ сознаніе: гдѣ находишься и что кругомъ дѣлается. Самые тяжелые часы были отъ 3-хъ до 6-ти утра; а послѣ какъ будто становилось вообще легче и голова дѣлалась свѣжѣе.

Въ классѣ подпоручиковъ было около 110 человѣкъ. Результатомъ означеннаго экзамена было то, что его выдержало только восемь человѣкъ. Слѣдовательно, цѣль, которая имѣлась въ виду у Клейнмихеля, была достигнута, и уже въ видѣ милости выпустили въ поручики слѣдующихъ 12 человѣкъ, т. е. всего 20 человѣкъ.

Я, почти изъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ священной исторіи, получилъ полные баллы. Священникъ у насъ былъ молодой, чрезвычайно видный собою человѣкъ, окончившій курсъ въ духовной академіи, у котораго не успѣли еще отрости волосы до должной длины. Онъ былъ уменъ, образванъ, успѣлъ быстро втереться въ домъ графа Клейнмихеля, сдѣлался тамъ домашнимъ человѣкомъ и, конечно, угодиномъ всѣхъ его намѣреній.

Въ скоромъ времени послѣ преобразования института, послѣдовавшаго по нашемъ производствѣ въ поручики, священникъ сталъ давать тамъ тонъ всему и ворочалъ институтомъ, какъ хотѣлъ, такъ что его голосъ, при безличности директоровъ и трусости остальныхъ лицъ, являлся рѣшающимъ во всѣхъ вопросахъ въ виду того, что онъ почти ежедневно посѣщалъ Клейнмихеля, какъ свой человѣкъ, и потому всѣ боялись этого священника. И, такимъ-то образомъ, вмѣсто прежняго судьи степени образованія инженеровъ, знаменитаго европейскаго геометра, Остроградскаго, явился попъ.

У насъ въ классѣ было около половины католиковъ, и ксендзъ, безъ всякаго экзамена, поставилъ всѣмъ своимъ изъ Закона Божія полные баллы. Нашъ же священникъ, ради показанія своей силы, отнесся къ экзамену самымъ строгимъ образомъ. И вотъ я, при его экзаменѣ, ошибся на цѣлый вѣкъ въ хронологіи Маккавеевъ, и онъ поставилъ мнѣ за это 7 балловъ.

Одному изъ моихъ товарищей, шедшему постоянно не выше 15-го или 10-го нумера по списку, посчастливилось получить одинаковые со мною баллы изъ всѣхъ предметовъ и, какъ католикъ, онъ имѣлъ полные баллы и изъ Закона Божія.

Не говоря уже о новомъ директорѣ института, о которомъ я даль уже понятіе, но и лица учебнаго начальства, мѣсяца за три до нашего

выпуска, были обновлены. Между тѣмъ, они составляли главный составъ конференціи, рѣшавшей начу участь.

Всѣ эти лица, отъ страха относительно Клейнмихеля, не осмѣлились отступить отъ указаннаго имъ правила—руководствоваться послѣдними баллами экзамена и не принимать въ соображеніе годовыхъ балловъ и прецедентовъ прежнихъ лѣтъ. И потому, они, не взирая на годовые баллы мои и моего брата и на то, что мы четыре года сряду, изъ числа болѣе ста человѣкъ, чередовались первымъ и вторымъ мѣстами, и что человѣкъ, никогда не возвышавшійся далѣе десятаго номера по списку, явился случайной выскочкой вслѣдствіе лишь того, что ксендзъ выставилъ ему полные баллы изъ Закона Божія, — опредѣлили его первымъ, меня вторымъ, а брата третьимъ.

Очень натурально, что я, въ ожиданіи рѣшенія конференціи, былъ въ нѣкоторомъ волненіи и ходилъ по корридору, слыша громкіе споры въ конференцъ-залѣ, не зная, конечно, къ чему они относятся. Вдругъ вышелъ оттуда, въ сильно раздраженномъ состояніи, прежній нашъ инспекторъ, генераль-маіоръ Севастьяновъ, который оставался еще пока членомъ конференціи. Увидавъ меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, буквально со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Не могъ отстоять васъ; эти господа не внемлютъ даже словамъ Остроградскаго; институтъ погибаетъ. А вы не огорчайтесь.

Въ этотъ моментъ подошелъ одинъ изъ членовъ экзаменаціонной коммисіи, извѣстный инженеръ, генераль Дестремъ (французъ), который былъ въ это время директоромъ департамента проектовъ и смѣтъ, и потому не имѣлъ уже близкихъ отношеній къ институту и меня вовсе не зналъ.

Я уже прежде далъ нѣкоторую характеристику Севастьянова, какъ человѣка благороднѣйшаго и, несмотря на свои годы, въ высшей степени восторженнаго.

— Знаете ли вы,—сказалъ Севастьяновъ, обращаясь къ Дестрему и указывая на меня,—кто это и гдѣ ему мѣсто?

Дестремъ, разумѣется, выразилъ взглядомъ свое недоумѣніе.

— Вотъ кто онъ, и вотъ, гдѣ ему надо быть, хотя онъ и молодой. Я четыре года слѣдилъ за нимъ, Остроградскій близко узналъ его, и мы съ нимъ горячо стояли за него, а его не ставятъ первымъ. Я ушелъ изъ конференціи и не пойду туда болѣе.

Отзвѣвъ Севастьянова Дестрему о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на меня, и мѣсто, которое онъ указывалъ мнѣ, былъ, при его восторженности, слишкомъ лестенъ для меня, и я не нахожу удобнымъ привести здѣсь его слова; но сознаюсь, что они на вѣкъ врѣзались въ мою память и поддерживали многіе годы мой духъ, ибо ихъ высказалъ человѣкъ, на 30 лѣтъ старше меня и имѣвшій уже опытность во многомъ.

Я могъ бы умолчать объ этомъ фактѣ, но я привелъ его единственно для того, чтобы характеризовать рельефнѣе бывшее передъ тѣмъ наше учебное начальство въ институтѣ. Севастьяновъ не былъ уже инспекторомъ; не менѣе того, онъ горячо защищаетъ интересъ чуждаго уже ему воспитанника; не успѣвъ въ этомъ, онъ взволновывается въ такой мѣрѣ, что уходитъ изъ конференціи и, пользуясь случайностью, сообщаетъ свое негодованіе и мнѣ, и почтенному лицу, старѣйшему по годамъ и по служебному положенію во всемъ корпусѣ. Для чего онъ дѣлаетъ это? Для того, чтобы дать утѣшеніе бывшему его воспитаннику и подчиненному. Воспитываться у такихъ людей и подчиняться имъ было большимъ счастьемъ. Этому начальству подчинялись не въ силу устава, не отъ страха, а во имя духа и нравственнаго его со всѣхъ сторонъ авторитета, — что только и можетъ давать начальству дѣйствительную и твердую силу.

Въ то время, при многочисленномъ составѣ выпускныхъ классовъ, было установлено правиломъ выставлять на золотую доску трехъ первыхъ по списку, вслѣдствіе того, что часто недоумѣвали, кому отдать преимущество. Были годы, когда затруднялись отдать преимущество тремъ изъ пяти первыхъ; но отъ установленнаго правила, относительно числа трехъ лицъ, не отступали. Такимъ образомъ, мы съ братомъ попали на золотую доску.

Эти доски были изъ пергамента, на которомъ печатались имена золотыми буквами. Вдругъ, черезъ 45 лѣтъ послѣ основанія института, послѣдовало распоряженіе замѣнить эти доски мраморными досками. Приходилось вырѣзать на этихъ доскахъ до 135 именъ. Одинъ изъ директоровъ института, подобный Энгельгардту, или онъ самъ, — хорошенько не знаю, — въ видахъ экономіи, распорядился, съ разрѣшенія Клейнмихеля, помѣстить на мраморныхъ доскахъ лишь по одному имени.

И вотъ, имена, стоявшія въ теченіе 45 лѣтъ съ основанія института, на золотыхъ доскахъ, были вычеркнуты. Такимъ образомъ, слетѣли съ этихъ досокъ такія имена, какъ знаменитый Кербедзъ, а также: Севастьяновъ, Крафтъ, Доброправовъ, Глуховъ и множество именъ весьма извѣстныхъ по корпусу инженеровъ. Затѣмъ, слетѣли съ этой доски: Пассекъ и Жолобовъ; но имена этихъ двухъ лицъ сохраняются, по крайней мѣрѣ, на доскѣ убитыхъ въ бою.

По мнѣнію однихъ, такой фактъ составляетъ пустякъ, а другіе полагаютъ, что это не пустякъ, въ особенности, для дѣтей этихъ лицъ и для ихъ потомства. Для многихъ эта честь или эта награда гораздо многозначительнѣе чиновъ и разныхъ декорацій. Наконецъ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ, — сорвать имена, стоявшія многіе годы на доскахъ чести, есть своего рода преступный произволъ.

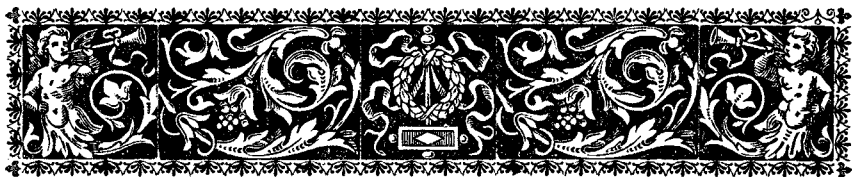
Вскорѣ, по окончаніи нами курса, институтъ былъ обращенъ

въ обыкновенное военно-учебное заведеніе; въ него стали принимать дѣтей 11 и 12 лѣтъ, слѣдовательно, безъ всякаго убѣжденія о способностяхъ мальчика къ математическимъ и положительнымъ наукамъ, требующимъ и сообразительности, и расположенія къ сосредоточенности. Хотя Остроградскій и оставался нѣкоторое время, но онъ до-нельзя обрѣзалъ свой курсъ, смотрѣлъ на слушателей, какъ на ребятъ, пересталъ быть главнымъ нервомъ института—и институтъ палъ.

По окончаніи курса и по производствѣ въ поручики, мы, будучи назначены, по требованію Мельникова, на Николаевскую желѣзную дорогу, въ его дирекцію, отправились на дѣйствительную службу въ тѣ же края, гдѣ за годъ передъ тѣмъ производили изысканія, въ распоряженіи инженера Семичева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕЗОЛЮЦИИ

императора Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г.

(Сообщено статсъ-секретаремъ В. И. Вешняковымъ).

Въ десятомъ выпускѣ Сборника Историческихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, вышедшемъ въ 1898 году¹⁾, въ числѣ многочисленныхъ собственноручныхъ записокъ императора Николая I къ статсъ-секретарю А. С. Тацѣву, напечатаны, между прочимъ (стр. 19—20), три слѣдующія записки, отъ 1, 2 и 3 января 1837 года:

1. Министру финансовъ написать, что Я, желая ближе познакомиться съ порядкомъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ, велѣлъ съ *завтрашняго числа* директору онаго департамента присылать всѣ бумаги, которыя по порядку дѣлъ слѣдуютъ къ министру на разсмотрѣніе, прямо ко Мнѣ *ежедневно* чрезъ 1-ое отдѣленіе Моей канцеляріи, чрезъ которую непосредственно отъ Меня получать будетъ нужныя разрѣшенія.

2. Напишите по Моему повелѣнію наистрожайшее приказаніе директору департамента государственныхъ имуществъ, чтобы съ полученіемъ сего прислалъ Мнѣ бумаги къ докладу съ этимъ же фельдъегеремъ.

3. Не получивъ бумагъ изъ департамента государственныхъ имуществъ, нужнымъ нахожу послать за ними прямо въ департаментъ съ полученіемъ сего.

---

¹⁾ Подъ редакцію Н. Дубровина.

Чѣмъ же объяснялось такое настойчивое требованіе императора Николая Павловича получать бумаги департамента государственныхъ имуществъ? Это объяснялось тѣмъ интересомъ, который выказывалъ въ это время императоръ задуманному имъ преобразованію управленія государственныхъ крестьянъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Объ этомъ упоминается и въ запискахъ одного изъ современниковъ этого преобразованія, В. А. Инсарскаго ¹⁾, и въ біографіи графа Киселева ²⁾, призваннаго Николаемъ Павловичемъ совершить это преобразование.

Фактъ личнаго просмотра и исправленія подлинныхъ бумагъ департамента государственныхъ имуществъ самимъ императоромъ, какъ фактъ въ высшей степени знаменательный, отмѣченъ и въ юбилейномъ «Очеркѣ пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ ³⁾».

Но въ чемъ заключались замѣчанія императора, сдѣланныя имъ при просмотрѣ бумагъ, и какія этотъ просмотръ имѣлъ послѣдствія, объ этомъ до сихъ поръ въ литературѣ не появлялось никакихъ свѣдѣній. Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, во время юбилейныхъ работъ по министерству государственныхъ имуществъ, я обратился къ розысканію означенныхъ бумагъ и нашелъ ихъ хранящимися, вмѣстѣ съ высочайшими повелѣніями, въ департаментѣ общихъ дѣлъ.

Всѣхъ бумагъ съ резолюціями императора Николая I оказалось 31; большая часть царскихъ помѣтъ относится къ способу составленія бумагъ и указываетъ на бесполезность слишкомъ длиннаго изложенія въ отвѣтныхъ бумагахъ обстоятельствъ, вызывавшихъ переписку. Такъ, на одномъ предписаніи Могилевской казенной палатѣ, подписанномъ уже гр. Канкринымъ, императоръ написалъ: «Я полагаю, что прописка всѣхъ сихъ обстоятельствъ въ отвѣтной бумагѣ совершенно лишнее, ибо распоряженіе министерства финансовъ есть въ семъ случаѣ простое разрѣшеніе принятія въ подрядъ одного лица и дозволеніе другому отыскивать форму суда, что можно было сказать ясно и коротко». За симъ, въ послѣдующихъ бумагахъ, адресованныхъ или казеннымъ палатамъ, или нѣкоторымъ министрамъ, государь иногда отдѣлялъ чертой все подробное вступленіе съ изложеніемъ дѣлъ и писалъ: «лишнее» — «все до сихъ поръ лишнее», а далѣе: «здѣсь слѣдовало только означить, что въ отвѣтъ на отношеніе подѣ №» (иногда Николай Павловичъ выставлялъ и №№ бумагъ), министръ фя-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1873 г. стр. 530.

²⁾ Графъ П. Д. Киселевъ и его время, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, т. II стр. 11—12.

³⁾ Очеркъ и т. д. 1887 г. стр. 12.

нансовъ приказываетъ слѣдующее, или противъ заключенія отвѣта писалъ: «надо было только отвѣтить симъ», или «начать нужно было тутъ», иногда же Николай Павловичъ самъ исправлялъ такъ: «Усматривая изъ донесенія Воронежской палаты подъ №»....

Когда начали писать бумаги короче, ссылаясь при этомъ только на мѣсяць и число входящихъ бумагъ, государь писалъ: «правильно, но прибавить должно было №». На одномъ же отвѣтѣ Тверской казенной палатѣ государь написалъ: «писано совершенно противно всеѣмъ правиламъ, ибо № не выставленъ, на который служить отвѣтомъ».

На одной краткой отвѣтной бумагѣ министру внутреннихъ дѣлъ, государь отмѣтилъ: «писано какъ слѣдуетъ», а въ текстѣ, гдѣ была сдѣлана ссылка на отношеніе министра отъ 24-го января, прибавилъ: «должно было поставить №».

Нѣкоторыя бумаги, заготовленныя отъ министра финансовъ казеннымъ палатамъ, вызывали замѣчаніе государя, что такого рода предписанія могли бы исходить и отъ директора департамента. Такъ на одномъ предписаніи министра финансовъ Тамбовской казенной палатѣ, о способахъ пріобрѣтенія печатныхъ экземпляровъ общаго циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, государь написалъ: «мой отвѣтъ—директоръ департамента». Подобныя же резолюціи были сдѣланы и на нѣсколькихъ тождественныхъ предписаніяхъ казеннымъ палатамъ объ отпускѣ дровъ изъ нѣкоторыхъ старостинскихъ имѣній: «И сіе могъ разрѣшить директоръ департамента», или «можно бы было разрѣшить и самому директору департамента».

Даже на одномъ проектѣ отношенія рижскому военному, лифляндскому генераль-губернатору, о доставленіи свѣдѣній, Николай I отмѣтилъ: «могъ по вашему приказанію писать о томъ директоръ департамента».

По поводу двухъ тождественныхъ бумагъ Гродненской казенной палатѣ объ арендныхъ недоимкахъ императоръ замѣтилъ: «Эти двѣ бумаги совершенно того же содержанія: проще бы было о томъ писать одному губернатору, съ порученіемъ передать приказаніе казенной палатѣ».

Кромѣ этихъ замѣчаній, касающихся болѣе формы изложенія, нѣкоторыя бумаги обратили на себя вниманіе государя и по существу. Такъ, по поводу проекта представленія Сенату, съ планами на земли, избранныя Колокольцовыми, по праву покупки въ Оренбургской губерніи, Николай Павловичъ написалъ: «Представить дѣло; а начальника отдѣленія, въ которомъ бумагу писали, за поднесеніе ко мнѣ бумаги со скобленными именами, посадить, въ примѣръ другимъ, на 8 дней на Сенатскую гауптвахту».

На отвѣтѣ морскому министру съ препровожденіемъ свѣдѣній о

лашманахъ, по поводу предполагавшагося въ то время сокращенія числа ихъ съ 160.000 до 120.000 чел. ¹⁾, государь написалъ: «Не лучше ли мѣру сію начать съ тѣхъ губерній, гдѣ лѣсовъ нѣтъ или истощались, какъ предлагалъ г. Перовскій».

На бумагѣ, адресованной олонеккому губернатору, по поводу доноса крестьянина Пѣтушкова о злоупотребленіяхъ арендатора онежскихъ лѣсопильныхъ заводовъ, купца Бранта, и въ виду предположенія министерства произвести слѣдствіе чрезъ мѣстнаго чиновника отъ губернатора, Николай Павловичъ написалъ: «вѣрнѣе было бы послать на мѣсто надежнаго чиновника министерства финансовъ».

На одномъ докладѣ, подписанномъ гр. Канкринимъ и скрѣпленномъ управляющимъ департаментомъ, сенаторомъ Дубенскимъ, государь замѣтилъ: «Не видно, кому представляется сія записка, Сенату или Мнѣ».

Какой же практической результатъ имѣло разсмотрѣніе Николаемъ I подлинныхъ исходящихъ бумагъ департамента государственныхъ имуществъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить выдержка изъ дневника графа П. Д. Киселева, приведенная въ его біографіи А. П. Заблоцкимъ ²⁾. Однажды, послѣ обѣда, императоръ Николай Павловичъ, отпустивъ своихъ гостей, удержалъ одного графа Киселева и завелъ съ нимъ рѣчь объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ:

«Я давно убѣдился, говорилъ, между прочимъ, императоръ, въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально и, увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ; но тутъ много подробностей, которыми и некогда мнѣ заниматься, и которыя, признаюсь, мнѣ мало знакомы. Посему мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на

¹⁾ Это сокращеніе числа лашмановъ, обязанныхъ заготовкою лѣса для флота въ низовыхъ губерніяхъ, состоялось затѣмъ по высочайшему указу 19-го февраля 1837 г.

²⁾ Въ біографіи гр. Киселева, изданной А. П. Заблоцкимъ, (т. II, стр. 11—12), это мѣсто дневника помѣчено 17-мъ февраля 1836 года, при чемъ сдѣлана выписка, что и В. А. Инсарскій въ своихъ запискахъ упоминаетъ о послѣдовавшемъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1836 г. повелѣніи государя представлять ему бумаги департамента государственныхъ имуществъ. — Заблоцкій прибавляетъ, что у Инсарскаго очевидно ошибка и вмѣсто 1836 года должно быть 1835 года. Однако, судя по X-му выпуску «Сборника С. Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ три записки къ ст. секр. Танѣеву отнесены къ январю 1837 г., ошибка, очевидно, у самого Заблоцкаго. Разговоръ Николая I съ П. Д. Киселевымъ могъ быть только въ 1837 г., потому что и всѣ бумаги департам. госуд. имуществъ были отъ января 1837 года.

этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подѣ свое попеченіе и заняться со мною. Гр. Канкринъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать не можно, а я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онѣ бумагъ этихъ не видятъ и что все дѣло идетъ безъ толку».

Какъ ни строго былъ отзывъ императора Николая I о дѣятельности департамента государственныхъ имуществъ, но графъ Канкринъ, по-видимому, отнесся къ государевымъ отмѣткамъ на бумагахъ съ довольно легкимъ сердцемъ, потому что, когда по прекращеніи посылки бумагъ императору, по департаменту государственныхъ имуществъ былъ составленъ и представленъ графу Канкрину докладъ, въ которомъ объяснялось, что бумаги писались по принятому въ дѣлопроизводствѣ порядку, и затѣмъ испрашивалось указаніе, какъ поступить съ представленными бумагами и какъ дѣйствовать на будущее время, тогда докладъ возвращенъ былъ съ слѣдующею резолюціею директора канцеляріи министра финансовъ, А. М. Княжевича: «г. министръ финансовъ отозвался, 5-го февраля, что всѣ оныя бумаги слѣдуетъ, переписавъ въ томъ же видѣ, прислать къ подписанію его сіятельства, а тѣ, на коихъ высочайшія отмѣтки, хранить въ департаментѣ; что упомянутыя отмѣтки приняты будутъ въ руководство при составленіи новаго образованнаго департамента, и что, впредь, надлежитъ съ оными сообразоваться, поколику установленный порядокъ дозволить».

Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ посредниковъ.

Въ 1864 году генераль-губернаторъ юго-западнаго края писалъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ, что до свѣдѣнія его дошло, будто нѣкоторые предсѣдатели съѣздовъ и посредники, внѣ службы и при отправленіи обязанностей, носятъ неприсвоенный званію костюмъ: красная рубаха безъ верхней одежды, широкіе шаровары, длинные сапоги съ напускомъ, а сверхъ рубахи что-то вродѣ армяка, или мало-россійской свитки, — ношеніе подобной одежды рѣшительно въ служебномъ отношеніи не можетъ быть терпимо: нельзя не видѣть въ томъ особой цѣли; нельзя полагать, чтобы гг. чиновники мировыхъ учреждений выказывали пренебреженіе къ должности своей или не понимали значенія оной.

Подъ опасеніемъ удаленія со службы предлагается не являться къ исполненію обязанностей въ неприсвоенной званію одеждѣ.

Объ образѣ мыслей и направленіи тѣхъ, кои внѣ службы будутъ носить подобное одѣяніе, — собирать негласно свѣдѣнія.

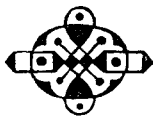

Жидовскіе кумиры.

Въ 1843 г. Чигиринскаго уѣзда, 2 части благочинный доносилъ митрополиту: «не смотря на распоряженія губернскаго правленія объ уничтоженіи жидовскаго кладбища, состоящаго въ м. Медвѣдовкѣ между домами жителей христіанъ, тамошніе евреи продолжаютъ на означенномъ кладбищѣ возобновлять гробы, ставить новые кумиры и отправлять предъ ними свои молитвы. А для сбереженія сего кладбища противозаконно держать въ услугахъ христіанина, кореннаго крестьянина».

Сообщилъ А. Мердеръ.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

VII ¹⁾.

Настоятель мадритской посольской церкви о. Колосовскій. — Возвращеніе І. І. Базарова въ Стутгартъ и предположеніе о назначеніи его законоучителемъ великихъ князей. — Приѣздъ въ Стутгартъ великой княгини Маріи Николаевны. — Праздникъ на Ротенбергѣ. — Кончина великой княгини Маріи Павловны. — Вызовъ І. І. Базарова въ Царское Село. — Возвращеніе въ Стутгартъ. — М. Н. Муравьевъ. — Гогенгеймская сельско-хозяйственная академія. — Вопросъ объ устройствѣ нашей церкви. — Учрежденіе общины сестеръ милосердія. — Путешествіе великаго князя Константина Николаевича въ Іерусалимъ. — Положеніе православія на Востоѣ. — Оберъ-прокуроръ Св. Синода князь С. Н. Урусовъ. — Сочиненіе І. І. Базарова, удостоенное преміи гр. Киселева. — Императрица Александра Феодоровна въ Висбаденѣ. — Представленіе Страстей Господнихъ въ Верхней Баваріи. — Кончина митрополита Григорія. — Діаконъ Репловскій.

Наконецъ, настало время оставить Баденъ-Баденъ. Въ половинѣ сентября должна была возвратиться изъ Россіи великая княгиня Ольга Николаевна, и мы, совершивъ 3-го сентября въ послѣдній разъ службу въ Баденѣ, сняли церковь и всѣмъ причтомъ воротились въ Стутгартъ. Но прежде, чѣмъ начать здѣсь зимній сезонъ, я еще отправился съ дѣтьми на Ротенбергъ, гдѣ мы обыкновенно оставались до ноября, такъ какъ сборъ винограда, бывшій всегда заключительнымъ празднествомъ нашей виллежіатуры, въ этихъ странахъ рѣдко бываетъ раньше половины октября. Живя на этой горѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ новымъ сослуживцемъ по заграничной службѣ. То былъ о. Колосовскій, бывшій

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1901.

законоучителемъ въ Царскосельскомъ училищѣ дѣвиць духовнаго званія, теперь отправлявшійся въ Мадридъ настоятелемъ тамошней посольской церкви. На него была возложена особая задача предохранить молодого сына тамошняго посланника, князя Голицына, о которомъ извѣстно было, что онъ тайкомъ перешелъ въ католичество, отъ опасности быть переведеннымъ также въ католическую вѣру. Опасность эта была тѣмъ очевиднѣе, что князь Голицынъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, и тамошніе іезуиты не преминули бы воспользоваться случаемъ завладѣть этимъ богатствомъ. Благодаря усердію и заботливости о. Колосовскаго, молодой князь былъ спасенъ отъ католичества, но не отъ опасности разгульной жизни при такихъ огромныхъ средствахъ, которыя онъ унаслѣдовалъ послѣ смерти отца въ раннемъ возрастѣ. О. Колосовскій явился ко мнѣ въ русскомъ духовномъ костюмѣ съ огромною бородою и длинными волосами, падавшими на спину. Я ему тогда же замѣтилъ, какъ ему будетъ неудобно сохранить свою русскую внѣшность въ чужихъ краяхъ, но онъ сначала не хотѣлъ мнѣ вѣрить, находя дикимъ для себя перемѣнить рясу на сюртукъ и обрѣзать длинные волосы. Однако онъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ этомъ. Уже въ Стутгартѣ, проходя по улицамъ, онъ привлекалъ всеобщее любопытство, за нимъ вездѣ слѣдовали толпы народа, мальчишки съ крикомъ и визгомъ бѣжали за нимъ и передъ нимъ, на него смотрѣли какъ на какое-то маскарадное чучело. Поэтому, когда онъ черезъ нѣсколько дней опять явился ко мнѣ на Ротенбергъ, на немъ былъ уже сюртукъ, и его чудесные волосы на головѣ были подрѣзаны, оставалась только нетронутою роскошная борода, которую онъ сохранилъ до смерти, скоро постигшей его за границею.

Наступавшая зима въ Стутгартѣ въ этотъ разъ не была для насъ такъ пуста, какъ прежде. Со времени пребыванія нашей церкви въ Баденѣ, наши соотечественники какъ будто въ первый разъ открыли Стутгартъ и съ этихъ поръ съ каждымъ годомъ стали болѣе и болѣе сѣзжаться къ намъ на зиму. Они скоро узнали, что въ Стутгартѣ отличныя школы, и нѣкоторыя семейства начали поселяться здѣсь для воспитанія дѣтей; открылся даже пансіонъ для русскихъ мальчиковъ, гдѣ ихъ набралось въ одну зиму человекъ 12. Впослѣдствіи стали помѣщать и дѣвочекъ въ имѣющійся здѣсь Екатерининскій институтъ, основанный еще королевою Екатериною Павловною для высшаго женскаго образованія. Кромѣ того въ Канштатѣ, находящемся въ 5-ти минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Стутгарта, появились русскіе въ различныхъ, находящихся тамъ заведеніяхъ, какъ-то: знаменитомъ ортопедическомъ д-ра Гейне, гдѣ лѣчился одно время герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ, въ заведеніи для наложныхъ болѣзней д-ра Фейля, для душевнобольныхъ, гдѣ также было

нѣсколько нашихъ соотечественниковъ, и, наконецъ, въ воспитательномъ заведеніи Клозе, черезъ которое прошло не мало русскихъ юношей. Однимъ словомъ, Стутгартъ вдругъ оживился, и у меня на мѣстѣ началась пастырская дѣятельность преимущественно по урокамъ закона Божія, а также и русскаго языка, такъ какъ въ то время я находился совсѣмъ одинъ безъ помощниковъ, при малограмотныхъ псаломщикахъ. Это было также однимъ изъ побужденій, заставившихъ меня хлопотать о замѣнѣ старыхъ дьячковъ молодыми людьми даже съ академическимъ образованіемъ. И дѣйствительно, когда на мѣста псаломщиковъ стали поступать ко мнѣ кандидаты богословія, то нашли себѣ здѣсь много занятія по приготовленію молодыхъ людей къ поступленію въ гимназію и даже университеты. Къ этому оживленію русскаго духа въ Стутгартѣ прибавилось и обновленіе нашего посольства въ русскомъ духѣ. Бывшій уже прежде у насъ посланникомъ В. П. Титовъ, послѣ двухгодичнаго пребыванія при покойномъ наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ, снова возвратился къ намъ на мѣсто посланника, и посольскій домъ въ Стутгартѣ опять сталъ русскимъ домомъ, въ которомъ наши соотечественники находили радушный пріемъ.

Но въ то время, какъ я устроился на зиму 1858—59 года, довольный прибавкою пастырской дѣятельности въ самомъ Стутгартѣ, на меня сильно покушались въ Петербургѣ, и мнѣ чуть не предстояла перемѣна жизни съ переходомъ на службу въ Россію. Сначала моя августѣйшая ученица, великая княгиня Ольга Ѳеодоровна очень желала удержать меня при себѣ духовникомъ, а велѣдъ за этимъ послѣдовало гораздо серьезнѣйшее предложеніе со стороны императрицы Маріи Александровны, которая пожелала имѣть меня помощникомъ Божанова при своихъ августѣйшихъ дѣтяхъ. Въ письмѣ императрицы, сообщенномъ мнѣ великой княгиней Ольгой Николаевной, ея величество такъ выражалась на этотъ счетъ: «A présent parlons d'une affaire, qui me tient fort à coeur et qui regarde le tien aussi. Je cherche un prêtre pour mes 2 cadets, tu devines, à qui je pense. Veux-tu nous faire le sacrifice de Bazaroff? Et d'abord voilà ce que nous demanderions de lui: qu'il se voue aux enfants, comme celui de Mary aux siens (разумѣется И. В. Рождественскій), confesseur, maitre, ami, compagnon et—plus que tout cela—guide et conseiller de ceux qui les élèvent. Enfin un prêtre sans complaisance, ferme à toute épreuve, sans fanatisme, qui s'assimilie à la vie des enfants à devenir un élément indispensable, n'ayant que le bien de l'église et leur salut en vue et pas l'opinion du monde. Veut il et peut-il nous être tout cela dans la mesure de ses forces, alors nous le recevrons à bras ouverts; mais si la moindre parcelle de protestantisme a trouvé accès chez lui, alors nous ne nous entendrons pas. Je tiendrai beaucoup à la partie de l'enseignement (qui chez Bajanoff est négligée—

hélas), mais comme il y a du temps jusque là, il pourra s'y préparer d'après les perfectionnements actuels. Si cela s'arrange, je voudrais l'avoir pour cet été ou automne-pas plus tard; je n'ai encore rien dit à Bajanoff avant d'avoir la réponse, je crois, qu'il comprendra lui-même que son temps n'y suffit plus, en été et automne les leçons des enfans sont très interrompues, tandis que Bazaroff devrait loger avec nous. Je sais, chère, que je te demande un grand sacrifice! Avant de lui parler, fais moi, je t'en prie, la description de son caractère, comme tu le comprends; ist er nicht zu weich? mais du coeur il m'en faut avant tout pour les enfans»⁴⁾.

Въ отвѣтъ на это я прямо высказалъ своей великой княгинѣ, что императрица ищетъ для своихъ дѣтей втораго Рождественнаго, и что кромѣ него другаго такого не найдетъ.

Между тѣмъ рѣшимость великой княгини пожертвовать мною для императрицы начинала колебаться. Особенно возсталъ противъ этого супругъ ея, тогда еще наслѣдный принцъ.

— Это стыдно,—говорилъ онъ мнѣ —для Россіи, что тамъ не могутъ найти законоучителя для дѣтей государя и что для этого должны отнимать у великой княгини духовника, къ которому она привыкла.

Наконецъ, пришли къ такому заключенію, что если бы я понадобился для окончанія воспитанія наслѣдника, то великая княгиня Ольга

---

⁴⁾ Теперь поговоримъ о дѣлѣ, которое очень близко мнѣ къ сердцу такъ же, какъ и тебѣ. Я ищу священника для моихъ двухъ младшихъ сыновей, ты догадываешься кого я имѣю въ виду. Согласно ли ты пожертвовать намъ Базаровымъ? Во-первыхъ вотъ, что мы требуемъ отъ него: чтобы онъ посвятилъ себя дѣтямъ, подобно тому, какъ священникъ Маріи Николаевны посвятилъ себя своимъ воспитанникамъ (разумѣется И. В. Рождественскій), чтобы онъ былъ духовникъ, наставникъ, другъ, товарищъ и—главное руководитель и совѣтникъ своихъ воспитанниковъ. Словомъ, чтобы онъ не былъ снисходителемъ, но неизмѣнно твердъ, и не фанатикъ, чтобы онъ такъ слился съ жизнью дѣтей, что сдѣлался бы неизбѣжнымъ ея элементомъ, имѣя въ виду лишь пользу церкви и ихъ спасенія, а не мнѣніе свѣта. Если онъ хочетъ и можетъ быть всѣмъ этимъ по мѣрѣ своихъ силъ, то мы примемъ его съ распростертыми объятіями, но если въ его душу запала хотя малѣйшая капля протестантства, то мы не поймемъ другъ друга. Я очень дорожу учебной частью (которой Бажановъ, къ сожалѣнію пренебрегаетъ), но такъ какъ время еще терпитъ, то Базаровъ можетъ къ этому подготовиться, сообразуясь съ современными требованіями. Если это устроится, то я хотѣла бы имѣть его нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью—самое позднее; я еще ничего не говорила Бажанову до полученія отвѣта; я полагаю, онъ самъ пойметъ, что у него не хватаетъ на это времени; лѣтомъ и осенью занятія дѣтей часто прерываются; а Базарову придется жить съ нами. Я знаю, дорогая, что я прошу у тебя большой жертвы! Прежде чѣмъ поговорить съ нимъ, опши мнѣ пожалуйста его характеръ, какъ ты его понимаешь; не слишкомъ ли онъ мягокъ? Сердечность мнѣ необходима для дѣтей прежде всего.

Николаевна готова пожертвовать своимъ духовникомъ для этой важной должности, и въ этомъ смыслѣ былъ данъ рѣшительный отвѣтъ императрицѣ.

Весною этого года пріѣхала въ Стутгартъ великая княгиня Марія Николаевна, возвращавшаяся изъ своего пребыванія въ Италіи въ Россію. Такъ какъ я пользовался всегда ея милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ, то я обратился къ ней за совѣтомъ, какъ мнѣ поступить въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ было трудно и тяжело оставить и великую княгиню Ольгу Николаевну, которую очень озабочивала и даже печалила возможность лишиться своего духовника и замѣнить его кѣмъ-нибудь другимъ, а съ другой стороны совѣсть подсказывала мнѣ не уклоняться отъ призванія къ новому и при томъ столь важному долгу. Великая княгиня Марія Николаевна взглянула на это дѣло съ практической стороны и между прочимъ сказала мнѣ:

— Жаль мнѣ васъ, если вы поступите къ Большому Двору. Вы тамъ совсѣмъ испортитесь!

— Отчего же такъ, ваше величество?

— Да оттого, что тамъ слишкомъ много интригъ. И вы сами не замѣтите, какъ втянетесь въ этотъ омутъ, или же если окажетесь неспособнымъ на это, сдѣлаетесь жертвою интриги. Поэтому вотъ мой совѣтъ вамъ: не принимайте этого мѣста сейчасъ же, а поѣзжайте сперва на пробу; понравится вамъ тамъ, оставайтесь тамъ съ Богомъ, не понравится—воротитесь назадъ, чему очень будетъ рада Ольга Николаевна.

И какъ я былъ благодаренъ впоследствии за этотъ добрый совѣтъ великой княгини. А пока это дѣло оставалось нерѣшеннымъ, и я началъ уже думать, что оно совсѣмъ въ воду кануло, тѣмъ болѣе, что я былъ убѣжденъ, что на это мѣсто самымъ подходящимъ и желательнымъ кандидатомъ былъ все-таки И. В. Рождественскій. Правда, великая княгиня Марія Николаевна не хотѣла съ нимъ разстаться, желая удержать его при своихъ дѣтяхъ, и сама императрица находила его немного сухимъ и строго клерикальнымъ, но зато онъ имѣлъ за себя всѣхъ воспитателей великихъ князей, которые любили и почитали его какъ своего близкаго, почти семьянина. Иванъ Васильевичъ имѣлъ особую способность балагурить со всѣми, нисколько не роняя своего достоинства, а напротивъ тутъ же, принимая иногда докторальный тонъ, при чемъ онъ не стѣснялся въ употребленіи рѣзкихъ выраженій, что ему охотно прощалось особенно придворными дамами. На все это я чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Помню, какъ разъ даже В. Б. Бажановъ удивлялся этой способности Ивана Васильевича балагурить съ придворными.

— Онъ даже,—говорилъ Василій Борисовичъ,—ходить къ фрейлинамъ

и проводить съ ними вечера, тогда какъ я даже не знаю, гдѣ онѣ тамъ живутъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Поэтому, съ наступленіемъ лѣта, я преспокойно переселился съ дѣтьми на Ротенбергѣ въ свою лѣтнюю резиденцію, которую я такъ любилъ по ея тишинѣ, чудесному мѣстоположенію и чистому воздуху. Сюда ко мнѣ охотно прїѣзжали въ гости проживавшіе въ Стутгартѣ русскіе, даже великая княгиня Ольга Николаевна удостоивала меня съ своимъ супругомъ своимъ посѣщеніемъ. Разъ одно такое посѣщеніе помогло мнѣ распространить свои владѣнія на Ротенбергѣ. Надобно замѣтить, что на этой горѣ стоялъ прежде родовой замокъ виртембергской царствующей фамиліи, Schloss Wirttemberg, давшій имя цѣлой странѣ. Руины этого замка еще существовали до 1819 года, когда, по кончинѣ въ этомъ году королевы Екатерины Павловны, супругъ ея, отецъ теперешняго (1887 г.) короля, приказалъ скрыть до основанія развалины этого замка и на этомъ самомъ мѣстѣ выстроить русскую церковь, въ которой и было погребено тѣло королевы Екатерины Павловны, а въ 1864 году, по завѣщанію скончавшагося въ этомъ году самого короля, и его тѣло погребено въ этой же церкви рядомъ съ гробомъ любимой имъ супруги. Поэтому вся эта гора находится во владѣніи и вѣдѣніи виртембергскаго двора, и хотя здѣсь же вблизи церкви выстроенъ домъ для священника съ принадлежащимъ къ нему садикомъ и виноградниками, но остальная часть горы, которая образуетъ собою отдѣльный холмъ, на вершинѣ котораго стоитъ наша церковь, отдавалась дворцовымъ управленіемъ въ наемъ ротенбергскимъ крестьянамъ для покоса, и потому мы не смѣли даже шагу сдѣлать отъ своего дома, чтобы не топтать завѣтной травы. Но въ этотъ разъ, когда насъ извѣстили, что въ 6 часовъ вечера къ намъ на Ротенбергъ пожалуютъ ихъ высочества чай пить, мы соблазнились устроить имъ угощеніе на другой сторонѣ горы, откуда открывался видъ на виллу великой княгини, на Неккарскую долину и дальніе отроги Шварцвальда. Ихъ высочества были въ восторгѣ отъ этого мѣстечка; тутъ же, пока мы сидѣли вокругъ чайнаго стола, дѣти мои и приглашенные изъ другихъ русскихъ семействъ бѣгали кругомъ по травѣ. Вдругъ изъ деревни является депутація съ претензією на то, что мы потоптали ихъ траву, и съ требованіемъ денежнаго вознагражденія за это. Какъ кронпринцъ, такъ и великая княгиня были изумлены этимъ требованіемъ, и я долженъ былъ объяснить, почему эти люди были въ правѣ требовать себѣ вознагражденіе. Тогда великая княгиня спросила у нихъ, сколько они платятъ въ годъ аренды, и тутъ же объявила, что съ слѣдующаго года она сама беретъ въ аренду всю эту гору, а мнѣ предоставляетъ пользоваться ею по моему благоусмотрѣнію. Такъ это и сдѣлалось, и до сихъ поръ королева платитъ теперь уже своему супругу-королю

годовую аренду за всю гору, я же пользуюсь и травой, а главное безпрепятственно всею горою, на которой съ тѣхъ поръ я сдѣлалъ разныя посадки, проложилъ новыя дорожки и обратилъ всю гору въ паркъ, въ которомъ теперь можно наслаждаться и тѣнью, и разными плодами съ насаженныхъ мною фруктовыхъ деревьевъ. Но самый большой праздникъ на Ротенбергѣ бывалъ въ Троицынъ день. Тогда мы убрали церковь по русскому обычаю березками, цвѣтами и травой. Великая княгиня съ кронпринцемъ, все посольство и всѣ русскіе, ближніе и дальніе, которые нерѣдко съѣзжались для этого праздника изъ окрестностей, наполняли церковь. Послѣ обѣдни всѣ собирались ко мнѣ пить чай, а нѣкоторые оставались обѣдать—всегда на чистомъ воздухѣ въ саду и проводили цѣлый день, гуляя вокругъ горы. Незабвенное то было время, и многіе, какъ изъ моихъ сосѣдей-сослуживцевъ, такъ и изъ прихожанъ завидовали моей ротенбергской идилліи.

Въ іюнѣ этого года меня потребовали въ Веймаръ, гдѣ скончалась великая княгиня Марія Павловна. Туда собрались: я, берлинскій священникъ и тамошній протоіерей Сабининъ, для торжественнаго соборомъ погребенія великой княгини. Здѣсь я въ первый разъ познакомился съ ея дочерью, принцессою Августою, теперешнею императрицею германскою. Я поднесъ ей тогда мой переводъ панихиды и такъ угодилъ ей этимъ, что она не расставалась съ этой книжкой не только во время панихидъ, совершавшихся надъ тѣломъ ея усопшей матери, но и послѣ, какъ она сама потомъ говорила, при домашнихъ молитвахъ о упокоеніи души ея матери. Въ этотъ разъ она подарила мнѣ въ знакъ своего благоволенія образъ Казанской Божіей Матери, писанный на фарфорѣ, въ рѣзной деревянной рамкѣ, и взяла съ меня слово, чтобы я въ какой бы городъ ни пріѣхалъ, гдѣ только будетъ находиться она, непременно являлся къ ней, что я свято исполняю и доселѣ, особенно въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ мнѣ приходится часто бывать, и гдѣ ея величество проводитъ каждый годъ весну и лѣто. Разъ только случилось мнѣ побывать въ Баденѣ на нѣсколько дней во время ея пребыванія тамъ и не представиться ея величеству. Прочитавъ мое имя на тамошнемъ Fremdenliste, она сейчасъ же послала за нашимъ посланникомъ Колошинымъ и стала его допрашивать, отчего я былъ въ Баденѣ и не явился къ ней. Тотъ отвѣчалъ, что я пріѣзжалъ только на одну ночь и на другое утро уѣхалъ. Это заставило меня непременно являться къ ней. Братъ ея, нынѣ цаствующій великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, какъ въ это время въ Веймарѣ, такъ и послѣ, при разныхъ встрѣчахъ, оказывалъ мнѣ свое особое благоволеніе. Послѣ погребенія великой княгини, онъ пожаловалъ мнѣ брилліантовый перстень и веймарскій орденъ Бѣлаго Сокола на шею. Такимъ образомъ къ Церингскому льву у меня прибавился соколъ, и мнѣ припомнилась шутка

графа Толстаго, говорившаго, что у меня на шеѣ будетъ скоро цѣлый звѣринецъ.

Въ іюлѣ наша великая княгиня отправилась въ Эмсъ, гдѣ въ это время находилась императрица Александра Θεодоровна. Службу при ней совершалъ тамъ о. Янышевъ съ своимъ причтомъ изъ Висбадена. Но вотъ его потребовала великая княгиня Елена Павловна въ Мекленбургъ для освященія церкви въ Рюмплинѣ, назначавшемся лѣтнею резиденцію для великой княгини Екатерины Михайловны, бывшей въ замужествѣ съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ, и меня вызвали въ Эмсъ для служенія при императрицѣ. Двойное Мекленбургское государство, раздѣляющееся на Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрѣлицъ, обладаетъ теперь тремя русскими церквами. Кромѣ рюмплинской, тамъ имѣется теперь церковь въ Людвигслюстѣ, лѣтней резиденціи великой герцогини Анастасіи Михайловны, и еще надгробная надъ прахомъ бывшей великой герцогини Елены Павловны, одной изъ пяти дочерей императора Павла Петровича, бывшихъ въ замужествѣ за границею, изъ которыхъ одна, Екатерина Павловна, была королевою Виртембергскою и погребена на Ротенбергѣ, другая, Александра Павловна, была за палатиномъ венгерскимъ Іосифомъ и погребена въ мѣстечкѣ Иромѣ, близъ Песта, въ особенно устроенной для этой цѣли русской церкви. Третья, Марія Павловна, скончавшаяся въ Веймарѣ и погребенная въ герцогскомъ склепѣ, рядомъ съ гробами Гёте и Шиллера; впрочемъ, къ этому склепу пристроили маленькую русскую церковь, и гробъ великой княгини поставили такъ, что онъ одною половиною находится подъ русскою церковью, а другой прилегаеть къ общей опочивальнѣ Саксенъ-Веймарскихъ герцоговъ, удостоившихъ принять въ свою среду прахъ и двухъ великихъ поэтовъ Германіи. Четвертая изъ пяти сестеръ, почивающихъ за границею, была Анна Павловна, бывшая королевою Нидерландскою и скончавшаяся въ Гагѣ. Наконецъ пятая—Елена Павловна, погребенная въ Мекленбургѣ. Всѣ наши заграничныя церкви, не домовыя, а настоящіе храмы, построены большею частію на видныхъ и возвышенныхъ пунктахъ, и я помню замѣчаніе по этому случаю Гоголя, которое онъ сдѣлалъ мнѣ въ Висбаденѣ при постройкѣ тамошней церкви тоже на горѣ, съ которой она видна на далекое разстояніе.

— Посмотрите, — говорилъ онъ, — какъ иностранцы превозносятъ нашу церковь, сами того не замѣчая. Да она со временемъ и осѣнитъ ихъ всѣхъ своимъ православнымъ крестомъ.

Дай Богъ когда-нибудь сбыться этимъ пророческимъ словамъ нашего великаго писателя.

Въ концѣ іюля императрица оставила Эмсъ и отправилась въ Интерлакенъ; за ней послѣдовала и наша великая княгиня, а же

возвратился на свой Ротенбергъ. Здѣсь я предпринялъ съ своимъ дѣтьми и ихъ товарищами давно задуманное путешествіе, частію по желѣзной дорогѣ, а частію пѣшкомъ, къ развалинамъ Рехберга и Гогенштауфена. Виртембергъ вообще богатъ воспоминаніями историческихъ событій, скученныхъ на недалекомъ разстояніи одно отъ другаго. Такъ, съ Ротенберга виденъ замокъ Гогенцоллернъ, колыбель нынѣ царствующаго прусскаго дома, а по другую сторону нашей горы лежитъ городокъ Вайблингенъ, давшій имя Гвибеллинамъ, въ ихъ борьбѣ съ Гвельфами, которые, въ свою очередь, имѣли свое сѣдалище въ южномъ Виртембергѣ. Къ сожалѣнію, отъ всѣхъ этихъ историческихъ событій осталось очень мало вещественныхъ воспоминаній. Такъ, на горѣ, гдѣ стоялъ прежде родовой замокъ Гогенштауфеновъ, мы ничего не нашли, кромѣ одного камня, поставленнаго стоймя на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ замокъ, все остальное было растащено жителями сосѣднихъ деревень для ихъ домашнихъ построекъ и—можетъ быть—въ томъ или другомъ хлѣву отыщутся камни съ историческими надписями, о чемъ теперь очень заботится недавно образовавшееся общество любителей отечественной древности.

Возвратившись изъ этой прогулки, я пребеззаботно продолжалъ свою виллежіатуру, пользуясь тѣмъ, что весь мой стутгартскій приходъ разѣхался на лѣто по водамъ и дачамъ, какъ вдругъ получаю отъ секретаря императрицы Маріи Александровны депешу, въ которой говорится, что ея величество желаетъ, чтобы я съ слѣдующимъ почтовымъ пароходомъ изъ Штетина прибылъ въ Царское Село. Это было въ началѣ недѣли, а пароходы отправлялись по субботамъ, такъ что мнѣ оставалось не болѣе двухъ дней, чтобы собраться въ путь и доѣхать до Штетина. Для меня теперь было очевидно, что переговоры о назначеніи меня законоучителемъ къ великимъ князьямъ разрѣшились предложеніемъ великой княгини Маріи Николаевны не принимать этого назначенія безъ предварительной пробы, и что меня вызываютъ теперь на эту пробу. И вотъ, я отправился, сѣвъ на «Прусскаго Орла» въ Штетинъ 4-го августа. Погода была благопріятная, и мы на третій день плаванія благополучно подходили къ Кронштадту, какъ изъ Ораніенбаума къ намъ приближается придворный катеръ, и пароходъ остановился. Всѣ столпились у борта, чтобы узнать причину этой остановки. Съ катера входитъ на пароходъ придворный чиновникъ съ бумагою къ капитану. Слышу, произносятъ мое имя. Я называюсь, и чиновникъ рапортуетъ мнѣ: «я имѣю порученіе снять васъ съ парохода и доставить въ Царское Село». Положеніе мое было не изъ пріятныхъ. Я ѣхалъ на пароходѣ по-заграничному въ партикулярномъ платьѣ, и хотя мои рясы и подряски находились со мной въ чемоданѣ, но у меня не было съ собой духовной шляпы, которую я намѣревался купить въ

Петербурґѣ. При этомъ я вспомнилъ, какъ мнѣ пришлось въ послѣдній разъ по прїѣздѣ въ Петергофъ просидѣть два дня безвыходно въ своей кельи, въ ожиданіи прибытія шляпы изъ Петербурга. Сообразивъ все это и еще болѣе опасаясь, что меня по прїѣздѣ могутъ потребовать къ императрицѣ, я счелъ болѣе благоразумнымъ отправиться напередъ въ Петербургъ, и отказался отъ приказанія снять меня съ парохода. Посланецъ не возражалъ на это и только потребовалъ отъ меня, чтобы на бумагѣ, врученной ему съ этимъ распоряженіемъ, я росписался, что и читалъ ее и отправился въ Петербургъ, что я и сдѣлалъ, прибавивъ, что явлюсь на другой день въ Царское Село. По окончаніи этихъ переговоровъ, пароходъ нашъ двинулся въ путь, и мы пристали къ Кронштадту, откуда другой, меньшій по величинѣ, пароходъ доставилъ насъ въ Петербургъ.

На другой день утромъ, облекшись совсѣмъ по-русски въ мое духовное платье, я отправился по желѣзной дорогѣ въ Царское Село, гдѣ на станціи меня ожидалъ придворный экипажъ. Подкативъ ко дворцу, я встрѣтилъ у подъѣзда князя Горчакова, который зналъ уже о вызовѣ моею императрицею и привѣтствовалъ меня восходящею звѣздою, прибавивъ въ шутку: «теперь будетъ на васъ коситься кардиналъ Бажановъ». Онъ любилъ шутя называть Василія Борисовича кардиналомъ, обозначая тѣмъ его высокое положеніе въ свѣтѣ и его полусвѣтское, полудуховное вліяніе на текущія дѣла. Мнѣ отвели квартиру въ такъ называемомъ «полуциркулѣ» противъ дворца, гдѣ помѣщались всѣ воспитатели великихъ князей, и въ тотъ же день я былъ принятъ императрицею, которая удостоила меня продолжительной бесѣды о воспитаніи царскихъ дѣтей въ особенности. Во время этой бесѣды вошелъ государь, очень милостиво принявшій меня. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, слушая нашъ разговоръ, не принявъ впрочемъ въ немъ участія ни однимъ словомъ. Это меня немного удивило въ этотъ разъ, но впоследствии я узналъ, что воспитаніе дѣтей онъ предоставилъ совершенно императрицѣ и никогда не принималъ участія въ ея распоряженіяхъ по этому дѣлу. Только въ планахъ Титова, призваннаго быть воспитателемъ наслѣдника, онъ выразилъ свою волю вопреки желанію императрицы, склонявшейся на сторону Титова въ его мечтательныхъ планахъ на счетъ воспитанія наслѣдника всероссійскаго престола, вслѣдствіе чего В. П. Титовъ отказался отъ принятыхъ имъ на себя обязанностей и возвратился на свой прежній постъ посланника въ Стутгартѣ.

Отъ меня, конечно, не требовалось никакой программы воспитанія. Моя обязанность была быть только законоучителемъ и имѣть нравственное вліяніе на монаховъ воспитанниковъ. Однако, въ цѣляхъ императрицы, намѣченныхъ ею въ письмѣ къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ при перепискѣ объ избраніи меня на этотъ постъ, лежала болѣе широкая

программа, такъ какъ тамъ говорилось и о воспитательномъ значеніи законоучителя и его вліянні на самихъ воспитателей. Но въ этомъ-то и состояла вся трудность задачи. Не знаю, поняли ли это сами воспитатели, или имъ данъ былъ намекъ на это свыше, только я замѣтилъ съ самаго моего перваго появленія между ними какое-то нерасположеніе ко мнѣ. Началось съ того, что они всѣ были удивлены моему появленію, какъ какой-то неожиданности. Я полагаю возможнымъ, что они дѣйствительно ничего не знали о происходившихъ переговорахъ на счетъ меня.

Между тѣмъ, меня приглашали чуть не каждый день на собесѣдованіе съ императрицею. Это сначала возбуждало въ нихъ зависть, а потомъ начало пугать ихъ. И вотъ началась противъ меня интрига, которую мнѣ предсказывала великая княгиня Марія Николаевна. Догадавшись, что меня хотятъ приставить къ наслѣднику и—можетъ быть—замѣнить мною самого Бажанова, они поспѣшили вызвать изъ Петербурга протоіерея Рождественскаго, который хотя и былъ уже этимъ лѣтомъ съ великими князьями въ Гапсалѣ, но не имѣлъ такой близости къ императрицѣ, и подъ предлогомъ окончанія уроковъ, начатыхъ имъ съ наслѣдникомъ въ Гапсалѣ, помѣстили его въ томъ же полуциркулѣ, рядомъ со мною, говоря, чтобы мнѣ не скучно было. Между тѣмъ, меня приглашали каждый день къ столу то великихъ князей, то великой княжны Маріи Александровны. И. В. Рождественскій также бывалъ приглашаемъ и, какъ человѣкъ давно уже знакомый и свой, имѣлъ большую близость со всѣми. Такъ прошла цѣлая недѣля. Въ этихъ обстоятельствахъ я очень радъ былъ, что получилъ письмо отъ нашей великой княгини, которая писала мнѣ, чтобы я, не давая никакого положительнаго обѣщанія, возвратился въ Стутгартъ къ 14—26-му сентября, ко времени возвращенія туда ея высочества изъ Интерлакена. Надо было видѣть трудно скрываемое удовольствіе моихъ сожителей «полуциркуля», когда я сообщилъ имъ это извѣстіе. Мой дядюшка Рождественскій пришелъ въ негодованіе, говоря, что ему одному не справиться со всѣми уроками. Императрица, къ которой я явился съ этимъ извѣстіемъ, очень пожалѣла о моемъ отъѣздѣ и очень милостиво простила съ мною. Я же самъ, сѣвши 9-го сентября въ почтовую карету, чтобы чрезъ Варшаву ѣхать за границу, почувствовалъ, какая гора свалилась съ плечъ моихъ, не оттого, что я возвращался къ своей привольной жизни въ Стутгартѣ, а отъ того душнаго воздуха, отъ котораго задыхаются всѣ непривычные къ нему. Веротившись въ Стутгартъ, я рассказалъ все великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ; она отвѣчала мнѣ, что это было бы хорошо, если бы это было нѣсколько лѣтъ раньше, но теперь, когда я былъ уже столько времени духовникомъ при особѣ ея высочества,

поступать мнѣ помощникомъ по законоучительству даже не Бажанова, а Рождественскаго, неприлично.

—Я общала,—заклучила она,—императрицѣ уступить васъ для наслѣдника и только для этой цѣли рѣшаюсь разстаться съ вами.

Послѣ этого я понялъ, что, несмотря на многія попытки воротиться на службу въ Россію, судьба моя была предрѣшена свыше на служеніе церкви и отечеству за границую. Какъ припоминается мнѣ при этомъ одинъ разговоръ мой на эту тему съ покойнымъ вѣнскимъ протоіеремъ М. Ѡ. Раевскимъ. Полный еще тогда юношескихъ порывовъ къ дѣятельности, я развивалъ передъ нимъ жалобы на то, что наше духовное начальство такъ мало даетъ ходу намъ, заграничнымъ священникамъ. Помоему, оно должно бы принимать во вниманіе, что молодые люди, поступающіе на службу за границу, расширяютъ здѣсь и свои познанія и свой взглядъ на нужды церкви, и сообразно съ этимъ должно бы было по простествіи извѣстнаго числа лѣтъ вызвать ихъ въ Россію и давать имъ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста, на которыхъ они могли бы прилагать приобрѣтенныя ими на практикѣ свѣдѣнія къ церковной жизни внутри отечества. На это онъ отвѣчалъ мнѣ, что наше духовное начальство должно быть довольно, если оно находитъ способныхъ дѣятелей на заграничныхъ мѣстахъ и, если нашло таковыхъ, дорожить ими и не замѣщать ихъ другими новыми.

— Вы посмотрите вокругъ себя,—говорилъ онъ,—кто бы въ настоящую минуту могъ лучше замѣстить Е. И. Попова въ Лондонѣ, или І. В. Васильева въ Парижѣ, Янышева въ Висбаденѣ, васъ въ Стутгартѣ или въ Вѣнѣ? Даже перемѣстите насъ одного на мѣсто другаго, и мы будемъ непригодны для новой дѣятельности, тогда какъ теперь каждый на своемъ мѣстѣ, прибрѣвши навыкъ и оытность, съ большою пользою служить церкви и отечеству.

Золотыя слова, и какъ много было въ нихъ правды, по крайней мѣрѣ, для того времени!

Итакъ, я опять очутился на своемъ излюбленномъ Ротенбергѣ, гдѣ мы обыкновенно оставались до ноября. Здѣсь меня посѣтилъ М. Н. Муравьевъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ. Онъ заѣхалъ въ Стутгартъ съ цѣлю познакомиться лично съ Гогенгеймскою сельско-хозяйственною академіею, которая въ это время особенно славилась и своими профессорами, и своими практическими заведеніями, и куда посылались изъ Россіи молодые люди, большею частію кандидаты на профессуру по сельскому хозяйству, для дальнѣйшаго образованія. По желанію министра я долженъ былъ сопровождать его въ эту экскурсію. Гогенгеймъ находится въ разстояніи 2-хъ часовъ ѣзды въ экипажѣ отъ Стутгарта. Это—дворецъ, построенный въ концѣ прошлаго столѣтія герцогомъ Карломъ и обращенный въ 1818 году королемъ

Вильгельмомъ въ сельско-хозяйственное заведеніе. Очень интересно было сравнить взглядъ на это заведеніе русскаго министра съ общимъ понятіемъ мѣстныхъ жителей, гордившихся этимъ заведеніемъ. М. Н. Муравьеву показалось все въ немъ чрезвычайно мелкимъ, узкимъ и тѣснымъ. Образцовыя поля тянулись узкими полосами, по которымъ невозможно было пройти плугомъ, и потому они обрабатывались кирками. Скотный дворъ, помѣщавшійся въ прежнихъ придворныхъ конюшняхъ, не соотвѣтствовалъ вѣснмъ научнымъ требованіямъ. Однимъ словомъ, все, что на скромный нѣмецкій взглядъ казалось grossartig, русскому глазу, привыкшему къ широкимъ размѣрамъ, представлялось мизернымъ и мелкимъ. Результатомъ этого самоличнаго обзора нашимъ министромъ Гогенгеймскаго заведенія было то, что съ тѣхъ поръ перестали посылать туда нашихъ молодыхъ ученыхъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Перебравшись на зимнюю квартиру въ Стутгартъ, я опять принялся за переписку и корреспонденцію по интересовавшимъ меня предметамъ благоустроенія нашей церкви. Въ это время о. Янышевъ изъ Висбадена сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія по дѣлу устройства у насъ въ Россіи первой, дотолѣ никогда не бывавшей, общины сестеръ милосердія. Благое начинаніе въ этомъ дѣлѣ принадлежало великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая своимъ свѣтлымъ умомъ первая поняла высокое значеніе дѣятельности сестеръ милосердія въ другихъ странахъ и крайнюю нужду и пользу подобнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ. Но какъ это было совѣмъ новое дѣло, то великая княгиня поручила о. Янышеву изучить его на мѣстѣ какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ. Для этого онъ ѣздилъ во Францію, гдѣ монашескіе ордена давно довели эту часть христіанской дѣятельности до возможнаго совершенства, а также на Рейнъ въ Кайзервертъ, гдѣ находился знаменитый разсадникъ протестантскихъ сестеръ милосердія. Составивъ на основаніи этихъ наблюденій проектъ устава новой общины для Россіи, о. Янышевъ прислалъ его мнѣ для сообщенія нашей великой княгинѣ, которая вдвойнѣ интересовалась этимъ дѣломъ какъ для Россіи, такъ и для своего Виртемберга, гдѣ также еще не существовало сестеръ милосердія. Вообще это дѣло было выработано католическою церковью не безъ примѣси пропаганды и, какъ такое, оно долго оставалось чуждымъ протестантской церкви. Но вотъ знаменитый проповѣдникъ Лакордеръ съ кафедры Парижской Богоматери произнесъ вызовъ другимъ вѣроисповѣданіямъ въ слѣдующихъ словахъ: «Хотите знать въ двухъ словахъ преимущества католичества? Вотъ они: миссіонеръ и сестра милосердія». И протестантство встрепенулось. Миссіонерство у нихъ давно было развито и практиковалось въ большихъ размѣрахъ, но сестеръ милосердія вовсе не имѣлось и даже, какъ замѣ-

чено, протестанты чуждались этого дѣла, какъ несвойственнаго духу свободнаго изслѣдованія истины, исключяющему всякій прозелитизмъ. Но Лакордеръ въ своей знаменитой проповѣди ясно доказалъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ этой самоотверженной любви къ ближнему, которую олицетворяетъ въ себѣ сестра милосердія, нѣтъ истиннаго христіанства, такъ какъ оно есть любовь. Съ этимъ не могли не согласиться даже такіе заклятые враги католичества, какъ протестанты; этого не должна бы была пропустить мимо ушей и наша православная церковь. Но въ то время, какъ протестанты, сознавъ правоту укоризны, принялись на свой манеръ устранять у себя дѣло христіанскаго милосердія, мы продолжали оставаться въ своемъ обычномъ усыпленіи, пока не наплась такая бодрствующая особа, какъ великая княгиня Елена Павловна, которая своимъ вліяніемъ, свойственнымъ ея высокому положенію, возбудила это дѣло и привела его въ исполненіе. И наша великая княгиня рѣшилась ввести это благодѣтельное учрежденіе въ своей странѣ, только она начала это дѣло въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Для этого она призвала къ себѣ прелата Капфа, одного изъ главныхъ пасторовъ Стутгарта, извѣстнаго своимъ пѣтистическимъ направленіемъ, котораго не трудно было склонить на это дѣло. Тотъ поѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ уже существовало заведеніе протестантскихъ діакониссъ, привезъ съ собою двухъ сестеръ и съ помощью ихъ открылъ маленькую больницу въ нѣсколько кроватей сперва въ нанятой квартирѣ, потомъ въ небольшомъ купленномъ домѣ, а въ 1866 году съ помощью частныхъ пожертвованій выстроилось огромное зданіе, заключающее въ себѣ и больницу, и заведеніе для образованія діакониссъ, которыя служатъ больнымъ какъ въ госпиталяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ.

Не переставали меня занимать и восточныя дѣла, къ участию въ которыхъ я призывался предложеніемъ мнѣ занять мѣсто начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ. Для этого у меня было два усердныхъ корреспондента—одинъ греческій архимандритъ Григорій Веглерисъ, впрочемъ совсѣмъ обрусѣвшій и состоявшій на службѣ въ Россіи, а другой—мой пріятель по Стутгарту дипломатъ А. С. Мухановъ, служившій въ это время при нашемъ посольствѣ въ Константинополь. О. Григорій извѣщалъ меня о впечатлѣніи, произведенномъ на востокѣ путешествіемъ великаго князя Константина Николаевича. «Путешествіе великаго князя,—писалъ онъ мнѣ,—въ Іерусалимъ состоялось, несмотря на всѣ толки, будто великій князь долженъ былъ отложить свою поѣздку во святой градъ. Его высочество изволилъ вездѣ оставаться довольнымъ. Какъ русская духовная миссія въ Іерусалимѣ, такъ и тамошній патріархъ и константинопольскіе святители заслужили его милостивое расположеніе и благодарность за усердный, восторженный пріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя описать того, какъ встрѣчали на угнетенномъ, единоврѣ-

номъ намъ Востокѣ православнаго князя изъ дома благочестивыхъ царей русскихъ, этихъ защитниковъ и покровителей нашихъ братій во Христѣ, подавленныхъ игомъ исламизма. Рукоплесканія, слезы, крикъ и даже въ иныхъ мѣстахъ (въ Смирнѣ) русское громоносное «ура!»—все было потрачено съ избыткомъ и для того только, чтобы какъ-нибудь обнаружить свою невыразимую радость этому дорогому, безцѣнному сѣверному гостю, въ шествіи котораго всякій православный житель востока надѣялся видѣть начало, зарю лучшихъ, отрадныхъ дней для своей страждущей отчины. Дѣла константинопольской церкви призываютъ къ участію въ нихъ и церковь русскую. Тамъ теперь такія волненія, что и ангель ихъ не разберетъ. Міряне встаютъ противъ духовныхъ, стараясь отнять у нихъ искони усвоенныя ими права, напимѣръ, право избранія епископовъ и патріарха. Духовные жалуются на свѣтскихъ и просятъ противъ нихъ себѣ защиты у русскаго правительства и русской церкви. Говорятъ, государь императоръ по этому случаю поручилъ нашимъ митрополитамъ разсудить объ этомъ предметѣ и представить свои соображенія на счетъ устройства константинопольской церкви. Чѣмъ все это кончится, еще не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, дай Богъ, чтобы на мѣсто разногласія и вражды по-прежнему водворились миръ и любовь въ нѣдрахъ православнаго Константинополя».

Грустныя извѣстія о положеніи православія на Востокѣ наводили меня на мысль о нуждѣ радикальныхъ преобразованій въ самомъ организмѣ церкви и нерѣдко заставляли задумываться надъ средствами пробужденія къ жизни родной церкви. На этотъ разъ я обратился съ своими мечтами къ моему старинному пріятелю, вошедшему теперь въ силу и въ это время исправлявшему должность синодальнаго оберъ-прокурора, князю Сергѣю Николаевичу Урусову. Знакомство мое съ нимъ началось еще въ сороковыхъ годахъ въ Висбаденѣ, куда князь привозилъ для леченія свою больную жену. Разъ я сижу въ одной изъ аллей на скамейкѣ, ко мнѣ подсаживается какой-то маленькій невзрачный человѣчекъ. Мы сидимъ и молчимъ. Но вотъ проходитъ какой-то нѣмецкій рабочій и съ словами «guten Tag» тоже садится между нами и, осмотрѣвъ насъ обоихъ, обращается къ моему сосѣду, какъ болѣе подходящему по виду къ его классу, съ вопросомъ: *welcher Profession sind Sie?* Очевидно, онъ принялъ его за своего брата-ремесленника и хотѣлъ знать, какимъ ремесломъ онъ занимается. Князь же, не понявъ или не разслышавъ вопроса, отвѣчалъ: *orthodoxe*; вѣроятно, вмѣсто *Profession* ему послышалось *Confession*. Этотъ отвѣтъ въ свою очередь поставилъ въ тупикъ вопрошателя, который по всей вѣроятности никогда не слыхивалъ слова *orthodoxe*, и потомъ онъ, еще разъ оглянувъ его, всталъ и съ новымъ *guten Tag* пошелъ дальше своею дорогою. Но зато я теперь обратился къ свое-

му сосѣду, признавшемуся такъ невпопадъ православнымъ, уже по-русски, и съ этой минуты началось наше знакомство, которое впоследствии приняло характеръ дружескихъ сношеній. Каждый разъ, какъ я бывалъ въ Россіи, я непременно посѣщалъ князя Сергѣя Николаевича или въ Москвѣ или въ Петербургѣ, и мы подолгу бесѣдовали съ нимъ о разныхъ вопросахъ и нравственныхъ, и церковныхъ, и политическихъ. Въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ князь Урусовъ, сначала оставшійся въ скромной неизвѣстности, а теперь сдѣлавшійся вдругъ чело-вѣкомъ въ большомъ ходу, котораго употребляли на все и вездѣ, котораго всѣ искали и интересовались имъ, сдѣлался почти недоступенъ не потому, чтобы онъ измѣнилъ свой характеръ скромности и крайней услужливости, но потому, что онъ былъ такъ занятъ, что его трудно было застать дома и еще труднѣе найти его на досугѣ, чтобы поговорить отъ души. Понавѣдавшійся къ нему нѣсколько разъ и все безуспѣшно, я спросилъ его камердинера: когда же наконецъ можно застать князя дома?

— Да вы пожалуйста, говорить, сегодня, такъ часовъ въ 11 вечера. Князь къ тому времени воротятся отъ великой княгини Елены Павловны и будутъ очень рады васъ видѣть.

Какъ ни необыченъ былъ по-заграничному такой поздній часъ для визита, я все-таки отправился въ назначенное время въ квартиру князя и прождалъ еще съ полчаса его возвращенія. Когда онъ вернулся и нашелъ меня у себя, онъ очень обрадовался, взялъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и мы расположились было бесѣдовать на свободѣ, какъ вдругъ докладываютъ о какомъ-то директорѣ департамента. Это въ 12 часовъ ночи.

— Ахъ! батюшки-святъы,—встрепенулся мой князь.—Вотъ петербургская-то жизнь. Ну, проси.

Дѣйствительно, входитъ солидный господинъ въ вицмундирѣ съ портфелемъ подъ мышкою. Кто зналъ лично князя С. Н. Урусова, тотъ пойметъ слѣдующую картину, которой я былъ свидѣтелемъ. Принимая своего директора съ распростертыми объятіями, князь беретъ изъ рукъ его портфель и начинаетъ ему въ поясъ кланяться съ словами:

— Покорнѣйше васъ благодарю! п о к о р н ѣ й ш е васъ благодарю! и все приступая къ нему ближе съ поклонами, выпроваживаетъ его изъ кабинета, потомъ все тѣми же низкими поклонами провожаетъ его до передней.

Послѣ того, какъ тотъ, все пятясь назадъ отъ этихъ поклоновъ, затворилъ за собою дверь передней, князь вбѣгаетъ ко мнѣ въ кабинетъ съ словами:

— Ну, батюшка, теперь мы дома. Давайте, поговоримъ отъ души!

И вотъ здѣсь-то я далъ волю своимъ мечтамъ и фантазіямъ, которыя послужили потомъ темою моей усердной переписки съ княземъ Урусовымъ...

Въ мартѣ 1860 года, я былъ обрадованъ совершенно неожиданнымъ мною извѣстіемъ, что моя книжка Библейской исторіи, издававшаяся сначала подъ именемъ «Сказанія, заимствованныя изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта», удостоена была безъ всякаго съ моей стороны соисканія преміи гр. Киселева, состоящей изъ золотой медали въ 300 рублей. Извѣщая меня объ этомъ, бывший тогда министромъ государственныхъ имуществъ Валуевъ препроводилъ ко мнѣ и отчетъ ученаго комитета, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Изъ принятыхъ на конкурсъ четырехъ печатныхъ сочиненій вниманіе комитета обратила «Библейская исторія въ краткихъ сказаніяхъ, заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта», какъ сочиненіе, подходящее подъ IV условіе конкурса и заслуживающее преміи. Книжка эта, по мнѣнію комитета, по простотѣ и ясности изложенія и правильности языка, есть превосходнѣйшее изъ всѣхъ донинѣ вышедшихъ сочиненій по сей части. Въ ней авторъ передаетъ понятнымъ для крестьянина языкомъ историческія событія Ветхаго и Новаго завѣта, останавливая вниманіе читателя на важнѣйшихъ и болѣе поучительныхъ для него событіяхъ. Авторъ, какъ замѣтно, имѣлъ преимущественно въ виду читателей еще неразвитыхъ и при изложеніи библейскихъ событій Ветхаго завѣта умѣлъ избѣгнуть неудобствъ, наиболѣе встрѣчающихся при составленіи подобныхъ книгъ, и сдѣлалъ это безъ вреда для полноты сочиненія. Краткость, ясность и полнота изложенія сочиненія дѣлаютъ его и хорошимъ учебникомъ, и книгою полезною для чтенія. На основаніи сихъ соображеній ученый комитетъ, съ утвержденія г. министра государственныхъ имуществъ, нашелъ справедливымъ присудить сочиненію «Библейская исторія и пр.» золотую медаль графа П. Д. Киселева ¹⁾, о семъ и объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе.

Въ іюнѣ пожаловала въ Висбаденъ императрица Александра Феодоровна, вслѣдствіе чего туда переселились и наша великая княгиня и мы съ причтомъ для совершенія богослуженія. Это было послѣднее пребываніе императрицы въ Висбаденѣ и за границею вообще, такъ какъ осенью этого года послѣдовала ея кончина. Замѣчательно было какъ бы предзнаменованіе этого событія, совершившееся на моихъ глазахъ. Въ день рожденія покойнаго государя 25-го іюня совершали мы панихиду въ комнатахъ императрицы. Когда я подалъ ея величеству зажженную свѣчу, свѣча эта вдругъ погасла въ ея рукѣ. Императрица,

¹⁾ На лицевой сторонѣ этой медали находился бюстъ гр. П. Д. Киселева, а на обратной въ вѣнкѣ текстъ св. писанія: „Аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Миѣ сотвористе. Ев. Мат. гл. 10 ст. 40“, а вокругъ: „въ память управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ 1836—1856“.

нисколько не смутившись этимъ, обратилась къ стоявшей возлѣ нея великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ со словами: «смотри! это мнѣ умереть».

Проводивъ императрицу, которая изъ Висбадена отправилась прямо въ Россію, не желая, по ея словамъ, умереть въ чужихъ краяхъ, мы задумали съ нашимъ посланникомъ В. П. Титовымъ сдѣлать поѣздку въ верхнюю Баварію, гдѣ въ мѣстечкѣ Оберъ-Аммергау черезъ каждыя десять лѣтъ въ десятичные годы давалось представленіе Страстей Господнихъ, привлекавшее къ себѣ толпы благочестивыхъ и еще болѣе любопытныхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Я взялъ съ собою моего старшаго сына, и мы въ началѣ августа отправились въ это паломничество. Добравъ по желѣзной дорогѣ до Мюнхена, мы освѣдомились тамъ, какимъ способомъ намъ добраться до завѣтнаго мѣста, лежащаго въ тирольскихъ горахъ. Растолковавъ намъ маршрутъ, насъ предупредили въ Мюнхенѣ, что если мы напередъ не заказали себѣ экипажа и квартиры, то мы рискуемъ не достигнуть своей цѣли отъ множества людей, устремляющихся на это зрѣлище. Однако, мы рѣшились пуститься на-авось. Перебравъ на пароходѣ Старенбергское озеро, сдѣлавшееся впослѣдствіи столь извѣстнымъ по несчастной гибели баварскаго короля Людвига, бросившагося въ его волны и утопившаго съ собою и своего лейбъ-медика, мы на пристани увидали безчисленное множество экипажей всякаго рода отъ почтовыхъ колясокъ и омнибусовъ до простыхъ телѣгъ съ продольными сидѣніями изъ досокъ. Когда мы вышли на берегъ, то тутъ же замѣтили, что лучшіе изъ экипажей всѣ были заказаны напередъ изъ Мюнхена ѣздившими вмѣстѣ съ нами на пароходѣ пассажирами, и намъ оставалось искать себѣ мѣстечка въ омнибусахъ или телѣгахъ, которыя всѣ брались тутъ чуть не съ бою. Однако, намъ удалось кое-какъ достать себѣ три мѣста въ одномъ изъ такихъ экипажей, гдѣ насъ помѣстилось человѣкъ 12, большею частію изъ простаго народа. Ызды отсюда до Оберъ-Аммергау было часовъ 6, и въ такой тѣсотѣ въ неудобномъ экипажѣ было бы невыносимо просидѣть все это время. По счастью дорога шла большею частію въ гору и слѣдовательно шагомъ, почему мы могли часто выходить изъ своего омнибуса и идти пѣшкомъ, наслаждаясь и горнымъ воздухомъ, и живописными окрестностями. Это путешествіе, равно какъ и самое представленіе въ Оберъ-Аммергау я описалъ и напечаталъ въ «Странникѣ» 1861 года въ статьѣ подъ названіемъ: «Представленіе Страстей Господнихъ въ Верхней Баваріи» и потому, не повторяя здѣсь описаннаго, остановлюсь воспоминаніемъ только на нѣкоторыхъ эпизодахъ этого интереснаго путешествія. Добравшись до цѣли нашего странствованія, мы были встрѣчены здѣсь неудобствами, предсказанными намъ въ Мюнхенѣ. Мы пріѣхали туда въ субботу вечеромъ наканунѣ представленія, которое дается по воскресеньямъ въ теченіе лѣта каждаго десятичнаго года, и первою заботою нашею было до-

стать себѣ мѣста на завтрашнее представленіе. Для этого мы отправились къ театру, расположенному въ полѣ за селеніемъ. Здѣсь насъ поразили фигуры костюмированныхъ людей, двигавшихся въ полѣ и распивавшихъ кружки пива у раскинутыхъ вокругъ балагановъ. Оказалось, что это были завтрашніе актеры, всѣ изъ селенія Оберъ-Аммергау, фарисен, римскіе воины, народъ въ костюмѣ эпохи, и когда мы, доставъ себѣ билеты, вспомнили о ночлегѣ, который трудно было достать, такъ какъ все было давно занято, и для этого обратились съ вопросомъ къ одному поселянину, то онъ, подумавъ, указалъ намъ на одного костюмированного со словами:

— А вотъ спросите у этого фарисея, можетъ быть, у него въ домѣ найдется еще мѣстечко.

Но на вопросъ нашъ объ этомъ фарисей отвѣчалъ, что у него все уже переполнено.

— А вотъ,—прибавилъ онъ,—попробуйте у Матери Божіей, тамъ еще можетъ быть найдете себѣ ночлегъ.

Какъ ни странно намъ было слышать такіе адреса для пріисканія ночлега, мы все-таки пошли по направленію къ указанному намъ дому Матери Божіей, думая, однако, сначала, что домъ такъ называется по изображенію на стѣнѣ его Божіей Матери въ сіяніи и облакахъ. Но на самомъ дѣлѣ, оказалось, что дочь хозяина этого дома участвуетъ въ представленіи въ роли Матери Божіей, и жители селенія такъ уже сроднились съ своими ролями, что и въ частномъ быту называютъ себя не по именамъ, но по ролямъ, къ которымъ они готовятся въ продолженіе десятка лѣтъ отъ одного десятигодичнаго представленія до другаго. Мать Божія на нашъ вопросъ о ночлегѣ отвѣчала, что въ домѣ у нихъ все занято, но что на чердакѣ есть двухспальная постель, на которой могутъ помѣститься и трое. Намъ показалось немного дико такимъ способомъ провести ночь, и потому мы спросили, нѣтъ ли у нихъ въ домѣ хоть дивана или скамейки для третьяго. Диванъ оказался, но только слишкомъ короткій. Дѣлать было нечего. В. П. Титовъ согласился помѣститься на этомъ диванѣ на ночь, предоставивъ мнѣ съ сыномъ двухспальную кровать на чердакѣ. Запасшись этимъ ночлегомъ, мы отправились поискать себѣ ужинъ и вмѣстѣ осмотрѣть интересовавшую насъ мѣстность. Въ 8 часовъ вечера раздались пушечные выстрѣлы и звонъ колоколовъ, возвѣщавшіе канунъ завтрашняго представленія; по улицамъ прошла музыка изъ доморощенныхъ артистовъ селенія. Надобно замѣтить, что оберъ-аммергаусцы, считая это представленіе своею исключительною собственностью, никого не допускаютъ къ участию въ немъ, кромѣ своихъ поселянъ. Однако, посмотрѣвши на все это, мы вспомнили, что намъ пора на покой—тѣмъ болѣе, что завтра надо было рано вставать, такъ какъ представленіе начиналось въ

8 часовъ утра. Но каково же было наше изумленіе, когда, отворивъ дверь въ комнату, въ которой В. П. Титовъ долженъ былъ спать на своемъ диванѣ, мы нашли ее заложеною множествомъ спавшихъ на полу людей. То были простые крестьяне, собравшіеся изъ окрестностей на представленіе и не имѣвшіе другаго мѣста для ночлега, кромѣ пріютившаго ихъ крова гостепріимной Матери Божіей, пускавшей къ себѣ гостей, сколько войдетъ. Пришлось Владиміру Павловичу пагать черезъ спящихъ, чтобы добраться до своего дивана. Меня же съ сыномъ молодая хозяйка проводила на чердакъ къ двухспальной кровати и тутъ же просила насъ снять сапоги, чтобы она успѣла ихъ вычистить съ вечера, такъ какъ на другое утро рано она должна идти въ церковь, чтобы причащаться передъ разыгрываніемъ своей роли Матери Божіей въ предстоящемъ представленіи. Этотъ долгъ исполняютъ всѣ главные актеры, представляющіе священныя роли Христа, апостоловъ и евангельскихъ женъ. Кромѣ того, роль Христа предоставляется человѣку безупречнаго поведенія и болѣе благообразному.

На другое утро мы встали рано и поспѣшили на мѣсто зрѣлища. Тамъ все уже было полно народа, съ благоговѣніемъ ожидавшаго начала этого священнодѣйствія, ибо въ глазахъ католическаго крестьянства это не было простое представленіе евангельскихъ событій, но литургическое дѣйство, подобно тому, какъ въ нашей церкви въ старину совершалось дѣйство трехъ отроковъ въ печи огненной или входъ въ Іерусалимъ съ патриархомъ на конѣ. Оберъ-аммергаузское дѣйствіе приняло со временемъ характеръ настоящаго театральнаго представленія, тѣмъ не менѣе, какъ по великости и святости содержанія, такъ и по благоговѣнію и даже артистичности исполненія, оно захватываетъ душу и до такой степени приковываетъ къ себѣ вниманіе, что, несмотря на восьмичасовое съ перерывомъ только на одинъ часъ продолженіе, не чувствуешь усталости ни отъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, ни отъ напряженнаго слѣдованія за смѣняющимися сценами. Это наблюденіе еще болѣе поразило меня, когда мнѣ удалось побывать еще разъ на этомъ представленіи 20 лѣтъ спустя въ 1880 году въ обществѣ того же старшаго сына и уже внуковъ моихъ, его дѣтей, мальчиковъ 9-ти и 7-ми лѣтъ. Эти мальчуганы не только не утомились нисколько отъ долгаго сидѣнія на этомъ представленіи, но напротивъ еще съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ мы, взрослые, слѣдили за нимъ съ начала до конца. И въ самомъ дѣлѣ, это необычайное проведеніе передъ глазами самыхъ священныхъ событій міровой исторіи въ живыхъ лицахъ невольно захватываетъ духъ и сердце. Мнѣ, какъ въ первый, такъ и во второй разъ при этомъ представленіи было страшно одно только, чтобы не вышло какой-либо профанаціи столь священнаго предмета. Однако, принимая во вниманіе какъ настроеніе самихъ актеровъ, приготовляю-

щихся принятіемъ св. таинъ къ исполненію главныхъ ролей, такъ и благоговѣйное присутствіе народа, стекающагося на это зрѣлище, какъ на поклоненіе святынѣ, невольно входишь и самъ въ такое же настроеніе и думаешь только объ одномъ, что это представленіе единственное въ своемъ родѣ, что, имѣя свою мѣстную подкладку, оно можетъ совершаться такъ въ одномъ только этомъ мѣстѣ и даже не чаще, какъ на разстояніи десятка лѣтъ.

Высидѣвъ первую часть, мы вышли вмѣстѣ съ другими въ 12 часо въ на волю, чтобы подкрѣпить свои силы на слѣдующіе 4 часа. Нужно было подумать объ обѣдѣ, но—увы!—намъ только и пришлось что подумать объ этомъ, а исполнить это благое намѣреніе не было никакой возможности. Окружавшіе эту мѣстность балаганы съ съестными припасами и пивомъ были буквально осаждены высыпавшими изъ театра зрителями, и каждый кусокъ хлѣба, каждая кружка пива доставались съ боя. Возвращаться же для этого въ селеніе не было возможности, такъ какъ времени на обѣдъ и отдыхъ дано было всего одинъ часъ, а селеніе было не близко, и вотъ мы опять принуждены были обратиться за помощью къ мытарямъ и фариसेямъ, которые прогуливались здѣсь же въ своихъ театралныхъ костюмахъ. Съ благодушіемъ, свойственнымъ тирольцамъ, каждый изъ нихъ поспѣшилъ достать намъ что можно, одинъ принесъ хлѣба, другой—сосисокъ, третій огромную кружку пива, и мы, подкрѣпивъ себя этою скромною пищею, поспѣшили опять занять свои мѣста, тѣмъ болѣе, что раздался уже второй выстрѣлъ пушки, а по третьему начиналось представленіе. Въ этой второй части самое интересное было распятіе. Сцена эта была проведена безукоризненно. Очень благоразумно было устроено, что самый актъ прибаванія ко кресту былъ исполненъ за сценою; слышалось только вбиваніе гвоздей, и когда поднялся занавѣсъ, глазамъ зрителей представилась картина трехъ крестовъ съ висящими на нихъ тѣлами, совершенно скомпонованная по образцу знаменитой картины Рубенса. Но хорошо бы было, если бы это дѣйствительно была только картина, хотя и живая. Но когда стали раздаваться изъ устъ распятаго на крестѣ извѣстныя 7 словъ евангельскихъ, невольно возмущалось религіозное чувство; испытывалась профанція священнаго акта, особенно когда эти слова произносились на мѣстномъ нарѣчій, какимъ говорить простонародіе.

Выдержавъ все это до конца, мы вышли въ пять часовъ изъ этого представленія, полные разнообразныхъ впечатлѣній, въ которыхъ мы не могли дать себѣ отчета. Одно, что насъ теперь занимало, это то, чтобы не оставаться еще на ночь въ домѣ нашей Матери Божіей и по возможности приискать себѣ другой болѣе удобный ночлегъ. По счастью, тутъ же у театра намъ предложилъ свои услуги обратный кучеръ изъ

Партенкирхена свезти насъ въ это мѣстечко, извѣстное своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и потому посѣщаемое во множествѣ туристами. Обрадовавшись этому случаю, мы сейчасъ же захватили наши пожитки и отправились въ путь.

Въ Партенкирхенѣ мы нашли себѣ и удобное помѣщеніе, и прелестную мѣстность, такъ что мы съ большимъ удовольствіемъ провели здѣсь цѣлый день. Но эта самая прелесть природы возбудила въ насъ охоту погулять еще подольше по живописнымъ мѣстамъ верхней Баваріи, и мы рѣшились отправиться оттуда въ Тегернзее, куда на лѣто собираются пожить на дачахъ, и гдѣ въ это лѣто находилось семейство нашего секретаря посольства графа Толя. Описывать всѣ живописныя мѣстности, пробѣханныя нами въ эту поѣздку—значило бы повторять Бедекера. Довольно сказать, что мы такъ увлеклись этимъ путешествіемъ, что сами не замѣтили, какъ забрались въ Тироль, доѣхали до Инсбрука и Ботцена, и только черезъ двѣ недѣли вернулись назадъ въ Стутгартъ.

Воротившись на Ротенбергъ, я нашелъ множество поздравленій съ разныхъ сторонъ съ пожалованіемъ мнѣ ордена Св. Владимира 3-й степени. Бутеневъ, бывший нашимъ посланникомъ въ Римѣ, прибавлялъ, что это уже генеральская награда, а о. Янышевъ изъ Висбадена предсказывалъ мнѣ послѣ этого петербургское митрополитство. Но не бывъ, по счастью, никогда честолюбивымъ, я послѣ нѣсколькихъ попытокъ какъ съ своей стороны, такъ и со стороны начальства расширить свою дѣятельность на болѣе вліятельномъ мѣстѣ внутри Россіи, скоро и легко примирялся съ своимъ скромнымъ положеніемъ, находя его только, по совѣсти говоря, слишкомъ удобнымъ и беззаботнымъ. Одно, впрочемъ, печалило меня, что вокругъ и вблизи себя я не находилъ людей равныхъ себѣ по богословскому образованію, съ которыми можно было бы мѣняться мыслями и впечатлѣніями. Но противъ этого я принялъ уже мѣры, возбудивъ вопросъ о замѣщеніи псаломщицкихъ мѣстъ за границею кандидатами богословія, и въ слѣдующемъ же году получилъ на мѣсто двухъ старинныхъ дьячковъ, которымъ выхлопотали пенсію, одного кандидата, а другаго магистра изъ кончившихъ курсъ Петербургской академіи. Теперь мы стали хлопотать о назначеніи къ нашей церкви діакона, котораго по штату до сихъ поръ не полагалось. При этомъ мы увлеклись новыми теченіями времени и по примѣру, поданному митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, который посвятилъ въ священники холостаго профессора Горскаго, пожелали имѣть у себя дьякона неженатаго. Но эта новизна встрѣтила большія затрудненія со стороны начальства. Князь Урусовъ, къ которому я обратился по порученію великой княгини Ольги Николаевны, съ просьбою объ этомъ, отвѣчалъ мнѣ на это такъ: «великой княгинѣ угодно имѣть въ Стутгартѣ неженатаго діакона изъ блага духовенства. Это такъ трудно, что

я рѣшительно считаю это даже невозможнымъ. Посвященіе Горскаго московскимъ митрополитомъ, извѣстнымъ блюстителемъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, произвело однако нѣкоторое волненіе. Мы получили и получаемъ изъ внутренности Россіи разныя письма, въ которыхъ весьма неприязненно отзываются по этому случаю о новости, вводимой въ церковь. Мнѣ достовѣрно также извѣстно, что въ Сербіи и въ славянскихъ земляхъ посвященіе Горскаго было принято неблагопріятно. Судите сами, рѣшатся ли послѣ этого наши пастыри поставить неженатаго діакона. Самое движеніе, которое не случайно, а силою необходимости, возбуждено въ нашей церковной жизни, вызываетъ сопротивленіе, весьма понятное, весьма естественное въ тѣхъ, которые выросли, возмужали, окрѣпли подъ вліяніемъ понятій, даже привычекъ, освященныхъ вѣками. Нельзя также не сознаться, что каждое преобразование при всей своей пользѣ и логичности имѣетъ ту невыгоду, что увлекаетъ молодые пламенные умы за черту благоразумія и спокойствія. Напримѣръ, допущеніе безбрачія для священника представляется многимъ мечтателямъ пріятнымъ для нихъ протестомъ противъ иночества. Это ошибочное возрѣніе приписывается молвою духовному начальству и огорчаетъ многихъ весьма ревностныхъ христіанъ. Такое чувство въ особенности выразилось на-дняхъ по случаю кончины митрополита Григорія. Я ежедневно слышу, какъ жалѣютъ объ этомъ достойномъ пастырѣ, восхваляя въ немъ непоколебимую приверженность къ православію. Смерть его, дѣйствительно, назидательна. Ночью послѣ соборованія за 2 часа передъ послѣднимъ вздохомъ онъ въ полной памяти прощался съ братіей лавры, съ служителями. Я тутъ былъ и получилъ отъ него послѣднее благословеніе. Преемникъ ему еще не назначенъ. При такомъ центростремительномъ и центробѣжномъ направленіи сильнѣйшій рычагъ, за который намъ слѣдуетъ взяться, есть воспитаніе. Разсчитывать на скорое улучшеніе семинарій и духовныхъ училищъ мнѣ кажется невозможнымъ. Легче созидать новое, чѣмъ измѣнять старое. Это новое, по моему мнѣнію, состоитъ въ образованіи жены священника, въ подготовленіи того постоянного теплаго вліянія, которое семейный бытъ долженъ имѣть на человѣка. Въ этомъ отношеніи учрежденіе училищъ, подобныхъ Царскосельскому, Ярославскому, есть благодѣяніе государственное. Мало того,—такія училища незамѣтно составляютъ нравственную связь между императрицей всероссійской и самыми низшими, отдаленными ступенями общественной жизни. Скромная труженническая дѣятельность воспитанницъ училища въ какомъ-либо заброшенномъ углу Олоонецкой губерніи не ускользаетъ отъ вниманія государыни. Духовенство начинаетъ это понимать, епископы сами открываютъ средства для устройства женскихъ училищъ; митрополитъ Іосифъ увѣрялъ меня, что онъ готовъ посвятить остатки своей энергіи

на воспитаніе женщинъ духовнаго званія. Конечно, надо стараться дѣлать и мужей достойными своихъ женъ. Богъ не безъ милости. Письмо, которое вы мнѣ прислали, доказываетъ, что и на это поприще готовы способные, но еще невѣдомые дѣятели. Я непременно займусь присканіемъ вдоваго діакона; но вы, конечно, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, не забыли, что найти просвѣщеннаго вдовца-діакона—почти такая же задача, какъ найти человѣка съ фонаремъ Диогена».

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ мы не могли не согласиться, и къ намъ поступилъ діаконъ женатый магистръ Московской духовной академіи, Репловскій, личность чрезвычайно замѣчательная и оригинальная, стоящая того, чтобы на немъ остановиться въ этихъ воспоминаніяхъ. Во первыхъ, это былъ очень умный и даровитый человѣкъ, огромной начитанности и учености, но угловатый въ своихъ манерахъ и рѣзкій на словахъ. Окончивъ курсъ академіи однимъ изъ первыхъ, онъ долженъ былъ остаться при ней бакалавромъ, но, извѣстный уже по рѣзкости своихъ сужденій митрополиту Филарету, онъ былъ назначенъ преподавателемъ семинаріи въ Ярославль. Въ это время гр. Путятинъ, состоявшій тогда нашимъ морскимъ агентомъ въ Лондонѣ, пригласилъ Репловскаго быть наставникомъ его дѣтей; но на пути къ этому назначенію онъ былъ перехваченъ кн. Урусовымъ, который, желая угодить намъ выборомъ достойнаго человѣка, уговорилъ его принять мѣсто діакона въ Стутгартѣ. Здѣсь онъ сразу заявилъ себя ученымъ и чуть не всезнающимъ человѣкомъ. Великая княгиня поручила ему просматривать русскіе журналы и отмѣчать въ нихъ, что было интереснаго для чтенія. Разъ Репловскій приноситъ ей книжку «Русскаго Вѣстника», въ которомъ онъ отмѣтилъ краснымъ карандашомъ нѣсколько строкъ въ выноскѣ къ одной статьѣ. На вопросъ великой княгини, что же интереснаго въ этой книжкѣ? Репловскій отвѣчалъ: «Ничего, ваше высочество, кромѣ вотъ этой выноски». Это было оригинально и еще болѣе обратило вниманіе всѣхъ на самого оригинала. Такъ ему поручено было въ послѣдствіи преподаваніе уроковъ великой княжнѣ Вѣрѣ Константиновнѣ, находившейся на воспитаніи въ Стутгартѣ. Чтобы облегчить ей изученіе русской исторіи, онъ сталъ излагать главнѣйшія событія изъ оной въ виршахъ, которыя такъ нравились не однимъ только дѣтямъ, что заучивались наизусть. Но какъ ни уважали, какъ ни ласкали Репловскаго при дворѣ и въ обществѣ русскихъ, онъ никакъ не давался въ руки и отбивался всячески отъ общественной жизни, запираясь въ своей библіотекѣ, на собраніе которой онъ потратилъ много денегъ. Разъ ему хотѣли сдѣлать честь даже пригласить его на обѣдъ ко двору—и именно въ день тезоименитства его августѣйшей ученицы Вѣры Константиновны. Прибѣгаетъ ко мнѣ Репловскій и объявляетъ, что онъ къ обѣду не пойдетъ.

— Какъ! Что! Да какъ это можно!—говорю ему.—Да что же я скажу въ ваше извиненіе? Вѣдь вы не больны, такъ какъ сегодня были на службѣ и поздравляли именинницу?

— Да скажите просто, что у Репловскаго фрака нѣтъ (а къ обѣду конечно надо было являться во фракѣ).

Такъ и не пошелъ. И это ему простили, какъ оригинальную странность. Рѣзкостью своихъ манеръ и поступковъ онъ не столько оскорблялъ, сколько удивлялъ всѣхъ. Разъ передъ службою я ему какъ-то замѣтилъ, шутя, что у него сзади волосы вьются, какъ у селезня наверхъ. Выслушавъ это, онъ только крикнулъ. Но каково же было мое изумленіе и даже испугъ, когда на слѣдующую службу мой діаконъ явился остриженный подъ гребенку и безъ бороды.

— Что это съ вами?—говорю.

— Да ужъ больно сталъ на селезня походить.

Случилось ему съѣздить какъ-то въ Россію и въ Петербургѣ, проѣзжая по Невскому проспекту, онъ былъ облитъ водою изъ трубы поливальщикамъ улицы. Скорѣе можно было думать, что это случилось по неосторожности и неумышленно, но Репловскій приписалъ это злонамѣренности.

— Ъдетъ,—разсказывалъ онъ,—попъ; вотъ я окачу его балахонъ, такъ онъ понялъ дѣйствіе поливальщика, и съ этого времени онъ сталъ думать о снятіи рясы и сложеніи съ себя духовнаго сана.

И дѣйствительно, когда ему предложили каеэдру церковнаго права въ Кіевскомъ университетѣ, онъ подалъ въ синодъ просьбу о сложеніи съ себя діаконскаго сана. Но этотъ поспѣшный шагъ вмѣстѣ съ неблагоприятнымъ взглядомъ духовнаго начальства на его литературную дѣятельность (онъ писалъ очень умныя, дѣльныя, но часто желчныя статьи, преимущественно въ «Православномъ Обзорѣніи»), а еще болѣе заподозрѣніе его даже въ политической неблагонадежности (думали, на примѣръ, что онъ пишетъ въ «Колоколѣ» обличительныя статьи), противъ чего я очень сильно защищалъ его и передъ духовнымъ начальствомъ и даже вышею властью, сдѣлали то, что Репловскій сталъ задумываться и дѣлаться непомерно страннымъ. Такъ онъ прибѣгалъ ко мнѣ въ испугѣ съ словами:

— А что какъ меня станутъ разстригать! призовутъ въ консисторію, посадятъ на табуретъ, да призовутъ сторожа съ ножницами? Вотъ скандалъ!

Подъ этими впечатлѣніями онъ отправился въ Россію, чтобы хлопотать о своемъ разстриженіи и опредѣленіи въ Кіевскій университетъ, и тамъ въ Москвѣ никѣмъ невидѣнный лишилъ себя жизни. Его нашли зарѣзавшимся въ одномъ паркѣ; и какъ онъ былъ въ партикулярномъ платьѣ, то не знали даже не только, кто онъ, но и къ какому званію

принадлежитъ. Только мы, прочитавъ въ газетахъ описаніе этого загадочнаго самоубійства, стали догадываться, что этотъ несчастный былъ ни кто другой, какъ нашъ Репловскій, потому что на немъ нашли книжку стихотвореній съ подписью «составилъ я самъ». Эту книжку вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ, подъ заглавіемъ: «Большая книга для малыхъ дѣтей» онъ предъ отъѣздомъ въ Россію показывалъ всѣмъ намъ, говоря:

— Это я приготовилъ для своей жены; когда она овдовѣтъ, то будетъ ходить съ этими книжками по домамъ и собирать на бѣдность.

Благодаря добрымъ людямъ, вдова его съ 5-ю сиротами не дошла до этой крайности. Она вскорѣ получила мѣсто начальницы какого-то пріюта въ Петербургѣ, а дѣти ея были приняты въ казенныя заведенія на воспитаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

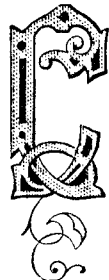

Россія и папекій престолю.

II 1).

Сеймъ въ Варшавѣ.—Сграна жаждетъ мира.—Замойскій въ апогеѣ своей популярности.—Его лебединая пѣснь.—Противникъ брака съ австрійской принцессой.—Сарматская откровенность.—Подозрѣнія короля.—Рѣчь Замойскаго на сеймѣ.—Сарказмы и презрѣніе.—Комедіи Плавта и Теренція.—Салѣга говоритъ противъ Димитрія.—Дилемма.—Молчаніе покровителей Димитрія.—Рѣшеніе сейма.—Затрудненіе короля.—Онъ продолжаетъ свою двуличную политику.—Распущеніе сейма.—Дипломатическій походъ въ Европѣ.—Мистификація Постника-Огарева въ Варшавѣ.—Аудиенція въ Вавелѣ.—Сущность спора.—Частная аудиенція.—Уклончивый и хитрый отвѣтъ Салѣги.—Письмо Бориса Годунова къ Рудольфу II.—Уклончивый отвѣтъ императора.—Письмо къ папѣ.—Оно передано въ конклавъ.—Историческое недоразумѣніе.

удя по отвѣтамъ, которые были присланы сенаторами на королевское письмо, въ мартѣ мѣсяцѣ 1604 г., и по инструкціямъ, даннымъ сеймиками выборнымъ, можно было предсказать все то, что произошло на сеймѣ въ Варшавѣ 20-го января 1605 г. Въ послѣдніе мѣсяцы предъидущаго года положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Димитрій, какъ увидимъ далѣе, перешелъ польскую границу въ сопровожденіи воеводы Мишшека. Его вступленіе въ предѣлы Московскаго государства во главѣ арміи было совершившимся фактомъ, но объ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не имѣли еще опредѣленныхъ свѣдѣній; извѣстія, доходившія въ Польшу, были весьма разнорѣчивы: одни говорили, будто Димитрій побѣждаетъ, другіе —будто онъ потерпѣлъ поражение и обращенъ въ бѣгство.

1) См. „Русск. Старину“ май 1901 г.

Но и помимо этой неизвестности, которая могла сама по себѣ парализовать всякую энергію, было ясно, въ какую сторону склонялось общественное мнѣніе. Страна жаждала мира, она боялась налоговъ, которые влечетъ за собою война, и всѣхъ бѣдствій, съ нею неразлучныхъ. Поэтому многія, весьма авторитетныя лица возстали противъ неизвестнаго человѣка, который могъ поселить раздоръ между Польшею и Москвою, и хотя у него были кое-какіе сторонники, но они защищали его не особенно энергично, и въ концѣ концовъ король очутился въ полномъ разногласіи съ сеймомъ ¹⁾.

Самымъ выдающимся лицомъ въ этомъ собраніи былъ Янъ Замойскій. Физическія силы оставили уже доблестнаго патріота, но онъ гордился старческими недугами, пріобрѣтенными имъ на службѣ республики. Какъ бы предвидя близкую кончину, Замойскій затаилъ свою лебединую пѣснь. Достигнувъ высшихъ почестей, званія великаго гетмана и великаго канцлера, онъ называлъ себя равнымъ послѣднему шляхтичу, былъ восторженнымъ поклонникомъ идеальнаго равенства польской шляхты и яркимъ защитникомъ старинныхъ польскихъ привилегій. Популярность, которой онъ пользовался, достигла въ то время высшей степени, но онъ уже не пользовался прежнимъ вліяніемъ при дворѣ. Между нимъ и королемъ возникла серьезная разногласія, и онъ не имѣлъ болѣе довѣрія Сигизмунда. Причины этой размолвки были совершенно интимнаго, личнаго свойства. Потерявъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ свою супругу, эрцгерцогиню австрійскую Анну, король хотѣлъ вступить во вторичный бракъ съ ея сестрою. Съ точки зрѣнія политики, это усилило бы снова вліяніе Австріи, а съ точки зрѣнія каноническаго права, этотъ бракъ, заключенный между столь близкими родственниками, считался бы незаконнымъ. Замойскій былъ всегдашнимъ противникомъ Габсбурговъ; онъ оспаривалъ ихъ кандидатуру на польскій престоль и одержалъ блестящую побѣду надъ эрцгерцогомъ австрійскимъ. Онъ умѣлъ также, подчасъ, разыграть роль до фанатизма строгаго моралиста: намѣренія короля приводили его въ ужасъ. Препятствія со стороны церкви, строго говоря, болѣе не существовало, такъ какъ 19-го іюня 1604 г. Климентъ VIII добровольно предложилъ королю дать необходимое разрѣшеніе на этотъ бракъ ²⁾; тѣмъ не менѣе Замойскій боялся скандала и притворился, будто онъ не вѣритъ въ разрѣшеніе папы. На вопросъ, предложенный ему по этому поводу самимъ св. отцомъ, онъ отвѣчалъ какъ римлянинъ, что первую супругою короля должна быть республика и что надобно заключать остальные браки, сообра-

¹⁾ „Русск. ист. библ.“, т. I.—Щелкинъ, т. XX, стр. 228.

²⁾ С.-Петербургъ Публ. библ., Автографы, 63, т. II, f. 24, маленькое письмо Климента VIII, вложенное въ письмо Сигизмунда къ Зеновичу.

жаясь съ ея интересами. Перейдя затѣмъ къ главному пункту, онъ заявилъ, съ истинно сарматскою откровенностью, что патриархальныя нравы Польши не должны быть нарушаемы ¹⁾.

Упорство Замойскаго вырыло бездну между нимъ и королемъ и было причиною, что совѣты канцлера уже не принимались Сигизмундомъ по-прежнему, и онъ не всегда слѣдовалъ имъ. Король предвидѣлъ, что въ дѣлѣ Дмитрія онъ также встрѣтитъ отпоръ со стороны Замойскаго; онъ высказывалъ это даже Рангони ²⁾.

Дѣйствительно, до тѣхъ поръ пока король не заявилъ себя официально покровителемъ претендента, его планы не касались великаго гетмана, такъ какъ послѣднему не приходилось созывать войска и хотя нѣкоторыя лица присвоили себѣ до извѣстной степени его права, какъ напримѣръ воевода Мнишекъ, но король былъ увѣренъ, что Замоискій никому не уступитъ лавровъ удачной кампаніи и сдѣлаетъ изъ политическаго вопроса вопросъ личнаго самолюбія. Рѣчь, произнесенная Замоискимъ на сеймѣ, 1-го февраля, разсѣяла это заблужденіе.

Никто не зналъ Москвы лучше, нежели славный участникъ доблестныхъ походовъ Стефана Баторія; ему было извѣстно, какими средствами располагало Московское государство и какими воинами были русскіе. Онъ пользовался славою талантливаго государственнаго человѣка и искуснаго воина и при томъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ, поэтому его слова увлекали слушателей. Король Стефанъ Баторій посвятилъ его нѣкогда въ свои планы образовать на востокѣ могущественную славянскую монархію; Замоискій видѣлъ въ этомъ планѣ наилучшее рѣшеніе вопроса о вѣковой враждѣ, существовавшей между Россіей и Польшей.

По вступленіи на престоль Сигизмунда, онъ предлагалъ ему продолжать незаконченное дѣло его предшественника; но на свѣтѣ не было уже той могущественной руки, которая могла бы держать мечъ Баторія; его обширныя планы считались уже анахронизмомъ.

Канцлеръ отнесся къ замысламъ Дмитрія весьма серіозно. Онъ говорилъ, что современное состояніе Польши требовало соблюденія мира со всѣми сосѣдями, даже съ Турціей. Онъ думалъ и о славіи польскаго оружія: онъ допускалъ мысль о войнѣ съ Москвою подъ однимъ условіемъ: чтобы было сформировано большое войско и чтобы война велась по всѣмъ правиламъ.

Что же касалось замысловъ Дмитрія, то онъ осуждалъ ихъ условно съ политической и съ нравственной точки зрѣнія. Во-первыхъ,

¹⁾ Римъ, Bibl. Chigi, т. III, 57, f. 225, письмо Замойскаго къ Клименту VIII отъ 14-го марта 1605 г.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., f. III v°. Rome et Gémétrius, стр. 185.

этотъ извѣстный борецъ за вольности польской націи былъ возмущенъ тѣмъ, что столь важное дѣло могло быть начато безъ вѣдома сейма, ибо, хотя король и довелъ о немъ до свѣдѣнія народныхъ представителей; но онъ вступилъ въ сношенія съ Димитріемъ, не получивъ ихъ одобренія, и академическія рѣчи, произнесенныя ими на сеймѣ, не имѣли существеннаго значенія. Такая пассивная роль была не по вкусу Замойскаго. Онъ не только требовалъ, чтобы этотъ вопросъ обсуждался на сеймѣ, но настаивалъ на томъ, чтобы права народа уважались на дѣлѣ, и заявилъ рѣшительно, что замыслы Димитрія суть не что иное, какъ посягательство на договоръ 1602 года и на клятву, данную по этому поводу. Человѣкъ прямолинейный, чуждый современной раздвоенности, онъ говорилъ какъ подобаетъ гражданину и доброму христіанину. Походъ на Москву будетъ также пагубенъ для блага республики,—говорилъ онъ,—какъ и для спасенія нашихъ душъ. Борисъ разсѣетъ полчища Димитрія, и его месть обрушится на Польшу, которой онъ объявитъ безпощадную войну. Если правительство не окажетъ Димитрію помощь официально, а будетъ только потворствовать всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ помочь ему, то эта уловка ни къ чему не поведетъ: русскіе не придадутъ ей никакого значенія. Мрачными красками рисовалось ему будущее клятвопреступленіе и возможность пораженія польскихъ войскъ: эта картина выводила изъ себя неподкупнаго воина.

Въ его глазахъ царевичъ былъ простымъ искателемъ приключеній. Онъ преслѣдовалъ его своими сарказмами и говорилъ о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Не выдавъ претендента, онъ не могъ ничего сказать о немъ лично, но онъ высмѣивалъ рассказанную имъ исторію, изображая ее какъ смѣшную и невѣроятную басню.

— Боже милосердный,—восклицалъ онъ,—да что этотъ подарикъ рассказываетъ намъ? это настоящая комедія Плавта или Теренція. Такъ вмѣсто него убили другаго ребенка; его убили не глядя, убили только для того, чтобы убить; но почему же на его мѣсто не положили въ такомъ случаѣ барана или овцу?

И, увлекшись, Замойскій выступилъ со слѣдующимъ страннымъ предложеніемъ.

— Если не хотять, — говорилъ онъ, — признавать царемъ Бориса Годунова потому, что онъ выскочка, если хотять посадить на престолъ законнаго монарха, такъ пусть же обратятся къ настоящимъ потомкамъ великаго князя Владиміра, къ князьямъ Шуйскимъ.

Никто еще не говорилъ такъ страстно и энергично. Въ своихъ безпощадныхъ обвиненіяхъ Замойскій коснулся самой сущности вопроса. Слова, сказанныя имъ громко на сеймѣ, должны были облетѣть всю страну. Левъ Сапѣга въ тотъ же день поддержалъ Замойскаго своимъ вѣскимъ, авторитетнымъ словомъ, имѣвшимъ въ данномъ случаѣ огром-

ное значеніе. Въ началѣ, литовскій канцлеръ держалъ себя по отношенію къ Дмитрію вполне безпристрастно и даже былъ на его сторонѣ. Такъ какъ въ его канцеляріи сосредоточивались все свѣдѣнія, получаемыя изъ-за границы, и кромѣ того онъ велъ непосредственныя сношенія съ Москвою, то онъ могъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о претендентѣ, и оказывается, что впоследствии Сапѣга относился къ нему съ такимъ же недоувѣріемъ, какъ и Замойскій ¹⁾.

Оба канцлера одинаково смотрѣли на полномочія, предоставленныя сейму, и на обязательства, которыя налагалъ договоръ 1602 г. и клятва, данная Годунову, которую весьма важно было не нарушать; «ибо, говорилъ Сапѣга, Господь строго караетъ за нарушеніе клятвы»; наконецъ, оба они были одинаковаго мнѣнія о личности Дмитрія. Рѣчь Сапѣги, хотя менѣе саркастическая и язвительная, нежели слова Замойскаго, имѣла тѣмъ не менѣе огромное значеніе. Канцлеръ все видѣлъ самъ, все взвѣсилъ и пришелъ къ заключенію, что Дмитрій не есть сынъ Іоанна Грознаго. На чемъ основывалъ онъ свое мнѣніе? На свѣдѣніяхъ, которыя имъ были получены. Въ чемъ же заключались эти свѣдѣнія? Онъ этого не говорилъ, онъ сказалъ только, что законный наслѣдникъ престола нашелъ бы иное средство возстановить свои права. Хотя слова Сапѣги не были подтверждены документально и все сказанное имъ можно было назвать голословнымъ, тѣмъ не менѣе они произвели сильное впечатлѣніе на собравшихся.

Перейдя къ обсужденію вопроса съ точки зрѣнія политики, канцлеръ высказалъ, что по его мнѣнію Польшѣ нельзя было ожидать отъ этой войны никакой выгоды. Тутъ возникала слѣдующая дилемма: Дмитрій побѣдитъ или будетъ побѣжденъ. Если онъ будетъ побѣжденъ, то Польшѣ придется въ скоромъ времени воевать съ Москвою; если же онъ побѣдитъ, то предстоитъ неизвѣстное, ибо на его слова нельзя положиться и нельзя льстить себя надеждою, что онъ сдержитъ слово, данное полякамъ, когда они не сдержали клятвы, данной Борису Годунову.

Какъ видимъ, оба высшіе сановники республики говорили вполне чистосердечно; въ чистотѣ ихъ намѣреній нельзя было сомнѣваться, но по отношенію къ тѣмъ лицамъ, кои покровительствовали Дмитрію, ихъ слова были вызывающими.

Несмотря на это, никто не возвысилъ голоса въ защиту претендента, никто не попытался доказать его царственнаго происхожденія, никто не заявилъ желанія, чтобы правительство вмѣшалось въ это дѣло. Кое-кто изъ сенаторовъ высказалъ, что Дмитрій, сформировавъ войско, оказалъ странѣ услугу, очистивъ ее отъ всякаго сброда; раздавались

¹⁾ С.-Петербургъ, Публ. библ., Лат., О, IV, 16, f. 39; Разн., IV, F., 85, f., 370, Щепкивъ, т. XX, стр. 247.

также голоса въ пользу того, что слѣдовало предоставить событія ихъ естественному теченію и сохранить свободу дѣйствій для критическаго момента. Оказать Дмитрію пассивное доброжелательство съ чисто практической цѣлю—такое было, по мнѣнію многихъ сенаторовъ, самое правильное рѣшеніе вопроса; далѣе этого ихъ желанія не шли; но эти робкія заявленія были вскорѣ покрыты голосомъ Мацѣвскаго, епископа Краковскаго, который требовалъ, чтобы Мнишекъ ¹⁾ былъ немедленно отозванъ; Янъ Острожскій требовалъ, чтобы виновные были наказаны, Дорогостайскій въ язвительныхъ выраженіяхъ нападалъ на короля.

Вскорѣ на сеймѣ ясно обозначилось довольно сплоченное большинство. Замоискій говорилъ даже, что Мнишека слѣдовало вызвать въ сеймъ, потребовать у него отчета въ его поведеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ послать довѣреннаго человѣка къ Дмитрію, чтобы разузнать, насколько успѣшно или его военныя дѣйствія: только принявъ эти предварительныя мѣры, можно было, по его мнѣнію, дѣйствовать рѣшительно. Съ другой стороны, обсуждая мѣры, которыя слѣдовало предпринять немедленно, Сапѣга совѣтовалъ послать въ Москву уполномоченнаго, который объяснился бы съ Борисомъ Годуновымъ, оправдалъ бы въ его глазахъ республику и возложилъ бы всю отвѣтственность на Дмитрія. Онъ считалъ это необходимымъ для того, чтобы предотвратить войну. Но все это были мнѣнія отдѣльныхъ лицъ; а сеймъ постановилъ слѣдующее:

«Надобно постараться успокоить волненіе, возбужденное московскимъ господарчикомъ, для того, чтобы ни королевство Польское, ни великое герцогство Литовское не пострадало отъ Москвы; всякій осмѣлившійся нарушить договоры, заключенныя съ другими государствами, долженъ считаться измѣнникомъ».

Эти вполне законныя требованія ставили короля въ весьма затруднительное положеніе. Если судить только фактически, то они вполне соответствовали инструкціямъ, даннымъ королемъ по отношенію къ Дмитрію, и тому недовѣрію, съ какимъ онъ относился къ претенденту. Поэтому вполне естественно было ожидать, что рѣшеніе сейма удостоится королевской санкціи; но Сигизмундъ велъ подъ національнымъ флагомъ политику, не соответствовавшую желанію народа; его связывали съ Дмитріемъ тайныя обязательства: доказательствомъ и залогомъ этого служили оказанныя ему милости. Не желая отказаться отъ своихъ иллюзій, онъ предпочелъ слѣдовать по-прежнему двойственной политикѣ и не утвердилъ заключеній, принятыхъ народнымъ собраніемъ. Сеймъ также не хотѣлъ уступить и долженъ былъ разойтись, ничего не добившись.

Король ясно намѣтилъ себѣ дальнѣйшій образъ дѣйствій. Его роль

¹⁾ Мнишекъ появился, повидимому лишь подъ конецъ сейма.

въ этомъ дѣлѣ не была пассивная: относясь къ Димитрію съ вида безучастно, онъ втайнѣ помогалъ ему; поэтому выраженное сеймомъ требованіе строго соблюдать договоры касалось его лично, но никакіе упреки не могли поколебать его рѣшенія; поступая такимъ образомъ, онъ руководствовался, быть можетъ, мыслию, что законный монархъ имѣетъ неоспоримыя права на престолъ, личность же Димитрія все еще была въ его глазахъ загадочною.

Отношенія Сигизмунда къ Борису Годунову были также неискренни, неудача, постигшая перваго посланнаго, не обезкуражила Бориса. Въ Варшаву былъ отправленъ другой тайный агентъ, Постникъ-Огаревъ, съ повелѣніемъ возобновить переговоры, начатыя Смирнымъ ¹⁾. Онъ не могъ сообщить королю ничего новаго. Московская полиція не теряла изъ вида претендента, она знала, что ему помогли Свирскій въ Украинѣ, Ратомскій въ Сѣверскѣ, что онъ велъ переговоры съ крымскимъ ханомъ, но, благодаря хитрости поляковъ, Огаревъ не зналъ самаго главнаго. Какъ только онъ прибылъ на границу, его посадили въ карантинъ и продержали тамъ такъ долго и слѣдили за нимъ такъ строго, что до него не дошелъ слухъ о вступленіи Димитрія въ предѣлы Московскаго государства. Поэтому онъ не могъ дѣйствовать увѣренно, и его можно было безнаказанно мистифицировать, чѣмъ сеймъ и воспользовался.

10-го февраля 1605 г. происходило весьма оригинальное засѣданіе сейма, на которомъ присутствовалъ Огаревъ. Всего нѣсколько дней передъ тѣмъ, нѣкоторые честныя и дальновидныя лица высказали передъ сеймомъ свои сомнѣнія относительно Димитрія, осуждали его безумное предпріятіе, требовали соблюденія договоровъ и сохраненія святости клятвы. Московскій посланный говорилъ въ томъ же духѣ, но высказалъ еще болѣе вѣскія соображенія, изложилъ требованія еще яснѣе и настаивалъ на справедливости этихъ требованій. Все то, что онъ говорилъ, дотого походило на ихъ собственныя рѣчи, что сенаторы могли задать себѣ вопросъ, говорить ли все это иностранный дипломатъ или ихъ собственный коллега. Огаревъ окончательно вошелъ въ роль уполномоченнаго Годунова только тогда, когда онъ обратился къ сейму съ животрепещущимъ вопросомъ, въ которомъ выразилась самая сущность происшедшихъ преній.

— Какъ надобно смотрѣть на короля и на сенаторовъ, — сказалъ онъ, — какъ на сообщниковъ Димитрія или какъ на его противниковъ. Если они не признаютъ претендента, то они должны по-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90 с. f. 32—68. Rome et Démétrius, стр. 194. С.-Петербургъ, Публ. библ., Polskaia, F. IV, 119, f. 96. Русск. ист. библ., т. I, кол. 37. Щепкинъ, т. XX, стр. 262. Посланный былъ задержанъ на границѣ до окончанія сейма.

рвать съ нимъ всякія сношенія и наказать виновныхъ. Если же они станутъ помогать ему въ его гнусныхъ замыслахъ, то этимъ будетъ нарушенъ договоръ 1602 г., будетъ попрана честь, нарушена клятва, и явится поводъ къ войнѣ; Польша, нарушившая клятву, будетъ обвинена передъ лицомъ всей Европы и всего христіанскаго міра.

Поляки могли бы многое сказать ему на это, но они не хотѣли выдавать передъ иностранцемъ тайну своихъ домашнихъ распрей.

12-го февраля въ замковой церкви было назначено тайное засѣданіе, на которое были приглашены особые комиссары и оба канцлера. Пренія, происходившія на этомъ собраніи, остаются для насъ тайною. Нунцій Рангони передаетъ въ своихъ депешахъ только офіціальный отвѣтъ, данный Огареву 26-го февраля въ присутствіи всего сената.

— Король,—сказалъ Огареву Сапѣга,—не нарушилъ перемирія; онъ даже готовъ подтвердить его и желаетъ сохранить дружбу съ царемъ. Что касается Димитрія, то онъ не помогаетъ ему войскомъ; онъ хотѣлъ только обсудить предъявленныя имъ требованія и представить ихъ на обсужденіе московскаго правительства. Узнавъ объ этомъ, Димитрій бѣжалъ къ запорожскимъ казакамъ. Произвелъ ли онъ вмѣстѣ съ ними набѣгъ на Москву—не извѣстно. Какъ бы то ни было, король не можетъ быть отвѣтственъ за это, такъ какъ запорожцы не признаютъ его власти, точно такъ же, какъ донскіе казаки не подчиняются власти царя. Король запретилъ помогать Димитрію; ежели онъ вернется въ Польшу, то онъ будетъ арестованъ; если онъ появится въ предѣлахъ Москвы, то Борисъ Годуновъ достаточно могущественъ, чтобы справиться съ нимъ и съ его сторонниками»¹⁾.

Допустивъ, что Рангони черпалъ свои свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника,—что мы имѣемъ полное право предполагать, зная, какія близкія сношенія существовали между нунціемъ и канцлеромъ,—надобно признать, что отвѣтъ, данный Огареву Сапѣгою, былъ не только уклончивъ и насмѣшливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несогласенъ съ истиною и полонъ притворства. Великій канцлеръ республики опровергалъ въ немъ самого себя и рѣчь, произнесенную имъ 1-го февраля; съ его изворотливостью и хитростью могло сравниться лишь то стойческое равнодушіе, съ какимъ сеймъ отнесся къ честному веденію дипломатическихъ переговоровъ. Получивъ отказъ на всѣ предъявленныя имъ требованія и не имѣя возможности провѣрить сказаннаго Огареву, ничего не оставалось, какъ откланяться и уѣхать²⁾.

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, с. f., 68, 1605 г., 26-го февраля, депеша Рангони. Щепкинъ, т. XX, стр. 267. Наша коллекція, 1605 г., 11-го марта, La Vlanque—Поссевиу.

²⁾ Въ томъ же 1605 году въ Краковъ былъ посланъ Бунаковъ, а въ Кіевъ Пальчиковъ. Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 111.

Всѣ шаги, сдѣланные Годуновымъ внѣ предѣловъ Польши, также не привели ни къ чему. Очувившись въ затруднительномъ положеніи, онъ поступилъ такъ же, какъ Іоаннъ Грозный, когда тотъ, обуреваемый страхомъ, обратился въ Прагу и Римъ съ просьбою объ иностранномъ вмѣшательствѣ, подѣ предлогомъ крестоваго похода противъ невѣрныхъ. Годуновъ, въ свою очередь, открылъ дипломатическую кампанію въ Европѣ, но дѣйствовалъ не такъ ловко, какъ его бывший монархъ, и не столь удачно. Онъ не отправилъ къ императору и къ папѣ посланниковъ, но написалъ имъ обстоятельныя письма, въ которыхъ подробно описалъ исторію Гришки Отрепьева, превратившагося въ царевича Димитрія, жаловался на короля польскаго и говорилъ общія мѣста о томъ, что война съ Сигизмундомъ помѣшаетъ дѣйствовать общими силами противъ турокъ. Между строкъ проглядывало желаніе, чтобы оба двора пришли ему на помощь по своему собственному почину. На этотъ призывъ никто не откликнулся.

Австрія, всегда и вездѣ опаздывавшая, превзошла на этотъ разъ самое себя медлительностью. Несмотря на то, что она находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, императоръ Рудольфъ долго хранилъ молчаніе, а затѣмъ отвѣтилъ на письмо Бориса обіяками и въ заключеніе писалъ, что онъ обратится по этому поводу съ вопросомъ къ королю польскому. Какъ видно, императоръ не особенно спѣшилъ принять сторону Бориса.

Въ Ватиканѣ дѣло было еще хуже. По просьбѣ Годунова Рудольфъ отослалъ его письмо къ папѣ съ нарочнымъ курьеромъ; но когда послѣдній прибылъ въ Римъ, то папскій престолъ оказался вакантнымъ. Преемникъ Климента VIII, Левъ XI, скончался, пробывъ на папскомъ престолѣ всего около мѣсяца. Письмо, по обыкновенію, было передано кардиналамъ, съѣхавшимся на конклавъ, которые ничего не могли предпринять самостоятельно и не могли предвидѣть, какое рѣшеніе будетъ принято будущимъ папою. Европа, въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ двухъ представителей, предоставила Годунова его участи ¹⁾.

Неудавшаяся миссія Огарева породила весьма странное недоразумѣніе. Основываясь на томъ, что онъ говорилъ на сеймѣ, нѣкоторые историки выводятъ заключеніе, что въ 1605 году въ Кремлѣ измѣнили мнѣніе, составленное о Димитріи въ 1604 г., и утверждаютъ, будто Димитрій былъ названъ Гришкою Отрепьевымъ только въ первый моментъ, когда его появленіе повергло въ Москвѣ всѣхъ въ ужасъ и смятеніе, а по зрѣломъ обсужденіи и когда были наведены надлежащія справки, эта ошибка была исправлена: впрочемъ, въ Москвѣ и иныхъ мѣстахъ его продолжали называть тѣмъ же именемъ, и только въ

¹ Болдаковъ, стр. 59—74.

Польшѣ Огареву велѣно было назвать претендента настоящимъ именемъ. Но надобно замѣтить, что и въ Варшавѣ Огаревъ исправилъ сдѣланную ошибку только на словахъ, ибо въ привезенномъ имъ письмѣ царевичъ названъ вездѣ Гришкою Отрепьевымъ. Эта неожиданная перемѣна никого не поразила, сеймъ былъ невозмутимъ, и Годунова никто не заподозрѣлъ въ желаніи вывернуться.

Это странное обстоятельство выясняется только при сличеніи текста различныхъ донесеній, которыя взаимно противорѣчатъ другъ другу и тщательно скрываютъ ту тайну, которую намъ хотѣлось бы проникнуть. Дѣйствительно, о посольствѣ Огарева говорится въ разныхъ донесеніяхъ: всѣ они совершенно не согласны между собою относительно личности Димитрія, въ каждомъ изъ нихъ сообщаются совершенно инныя свѣдѣнія о его происхожденіи. Рангони, въ депешѣ отъ 12-го февраля, называетъ его «разбойникомъ, аріаниномъ, колдуномъ, отступникомъ и сыномъ сапожника» ¹⁾. Двое датчанъ, бывшихъ въ то время въ Варшавѣ, рассказываютъ со словъ другихъ лицъ, что Димитрій былъ прежде служкою архимандрита и что онъ сынъ кописиста ²⁾. Синдикъ Гансъ Кекербартъ пишетъ въ примѣчаніи къ своему донесенію, что Димитрій былъ сынъ крестьянина. Наконецъ, какъ бы для того, чтобы окончательно сбить съ толку будущихъ историковъ, одинъ неизвѣстный компиляторъ сообщаетъ въ Данцигѣ еще болѣе изумительныя свѣдѣнія: по его словамъ, Димитрій, былъ сыномъ писца, служившаго у одного архимандрита, и его звали Димитрій Реоровичъ ³⁾. Несмотря на столь явныя противорѣчія, всѣ лица, писавшія эти донесенія, ссылаются на свидѣтельство одного и того же лица—Огарева.

Эти разнорѣчивыя показанія могутъ до нѣкоторой степени быть объяснены тѣмъ, что Огаревъ и Салтъга говорили по-русски; а вышеупомянутыя донесенія писаны иностранцами: италіанцемъ, датчаниномъ, нѣмцемъ, поэтому нельзя ожидать, чтобы они передали слышанное вполне вѣрно. Къ тому же, до Варшавы могли дойти слухи о томъ, что говорилось о Димитріи въ Москвѣ. Московское правительство, даже въ официальныхъ документахъ, возводило на голову Димитрія самыя гнусныя обвиненія, не особенно заботясь объ ихъ правдоподобіи. Такъ, напримѣръ, патріархъ Іовъ называлъ его, ни мало не стѣсняясь, ста-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, с. f., 32. Rome et Démétrius, стр. 194.

²⁾ Щепкинъ, т. XX, стр. 264. Болдаковъ, стр. 137.

³⁾ Щепкинъ, т. XX, стр. 265, 268. Димитрій Реоровичъ имя весьма подозрительное. Одни называютъ то же самое лицо Димитріемъ, другіе Григоріемъ или Гришкою. Незавѣстный компиляторъ вѣроятно составилъ изъ этихъ двухъ именъ—одно. Щепкинъ допускаетъ, что Реоровичъ—есть только искаженіе слова Григорій.

вленникомъ евреевъ, католиковъ и лютеранъ, предоставляя православнымъ разбраться въ этомъ, какъ они хотѣли. Огаревъ слѣдовалъ вѣроятно той же тактикѣ, говорилъ много и не стѣнялся въ эпитетахъ; его слушатели уловили вѣроятно и запечатлѣли въ своей памяти тѣ слова, которыя произвели на нихъ наиболѣе сильное впечатлѣніе; такимъ образомъ ихъ донесенія могли быть по существу донельзя разнообразны. Разумѣется, это не болѣе какъ предположеніе или гипотеза, которую всякій можетъ принять или отвергнуть по своему благоусмотрѣнію, но Годунова нельзя считать отвѣтственнымъ за все, что говорили другіе. Въ письмѣ, представленномъ сейму Огаревымъ, царевичъ Дмитрій отождествленъ съ Гришкой Отрепьевымъ; нельзя утверждать, основываясь на разнорѣчивыхъ показаніяхъ нѣсколькихъ иностранцевъ, что Борисъ отказался отъ этого мнѣнія.

КНИГА ВТОРАЯ ПОХОДЪ НА МОСКВУ.

I.

Побѣда и пораженіе.

1604—1605 гг.

Результаты побѣдки въ Краковъ.—Непоколебимая увѣренность Мишпека.—Громкіе титулы Дмитрія.—Брачный договоръ.—Дмитрій обѣщаетъ жениться на Маринѣ.—Уступка областей и обѣщанное денежное вознагражденіе.—Удѣлъ Марини.—Религіозная свобода.—„Русскіе люди“ и „латинская вѣра“.—Полковые священники.—Отецъ Стривери обѣщаетъ позаботиться о нихъ.—Назначеніе Чижевскаго и Лавицкаго.—Ихъ характеръ.—Дмитрій очаровываетъ ихъ.—Его планы на будущее.—Исповѣдь.—Военныя приготовленія.—Неотложная спѣшность.—Молчаніе Замойскаго.—Заговоръ противъ Дмитрія.—Экзекуція въ Самборѣ.—Главная квартира въ Львовѣ.—Жалобы мѣстнаго населенія.—Запоздалыя мѣропріятія короля.—Выступленіе войска.—Дмитрій во Львовѣ.—Признаніе Хрущова.—Смотръ войска въ Глинанахъ.—Священники отправаются къ войску.—Походъ на Кіевъ.—Переходъ черезъ Днѣпръ.—Рубиконъ новаго цезаря.

Путешествіе въ Краковъ и аудіенція, данная королемъ польскимъ, ознаменовали собою новую эпоху въ жизни претендента. Возвратясь въ Самборъ, онъ уже зналъ, что дѣлать далѣе и чего добиваться. Король не мѣшалъ ему дѣйствовать и въ тайнѣ даже поощрялъ его; нѣкоторые изъ магнатовъ также покровительствовали ему, а нунцій Рангони относился къ нему благосклонно и доброжелательно. Оставалось

только побороть недоброжелательство противниковъ и сдѣлать послѣднія приготовленія къ походу.

Воевода Сендомірскій относился къ Дмитрію съ величайшимъ довѣріемъ. Онъ не выражалъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ его царственномъ происхожденіи и, весьма вѣроятно, чистосердечно вѣрилъ въ его военные успѣхи и будущее величіе. Онъ уже величалъ его громкимъ титуломъ «славнѣйшаго и непобѣдимаго Дмитрія Ивановича, императора всея Россіи, князя Углицкаго, Дмитровскаго и Городецкаго, самодержца и наслѣдника всеѣхъ земель, подвластныхъ Московскому царству»; этотъ высокопарный титулъ приведенъ въ одномъ официальномъ документѣ отъ 4-го мая 1604 г. ¹⁾ Мнишекъ видѣлъ своего любимца мысленно въ Кремлѣ располагающимъ по своему благоусмотрѣнію сокровищами, накопленными московскими царями, диктующимъ законы подданнымъ и распредѣляющимъ свои владѣнія кому угодно. Дмитрій раздѣлялъ эти надежды, смотрѣлъ на будущее также свѣтло и увѣренно и, по обыкновенію, не скупился на обѣщанія. Это была идеальная почва, на которой они могли сойтись, заключить условія и принять взаимныя обязательства.

Дмитрію необходимо было имѣть поддержку въ Польшѣ. Ему нуженъ былъ покровитель для того, чтобы вести переговоры съ магнатами, собрать волонтеровъ и организовать войско. Мнишекъ былъ не прочь взять на себя эту роль, но, какъ человѣкъ практичный, онъ хотѣлъ связать претендента извѣстными условіями и, не довольствуясь словесными обѣщаніями, требовалъ, чтобы онъ выдалъ этотъ документъ, скрѣпленный надлежащей подписью, съ приложеніемъ печати. Два такихъ документа были написаны въ Самборѣ 24-го мая и 12-го іюня 1604 г. ²⁾ Въ нихъ ярко отразилась личность разореннаго и предавшагося ханжеству владѣльца Самбора.

Краеугольнымъ камнемъ всего зданія служилъ бракъ съ Мариною. Благосклонный приемъ, оказанный Дмитрію королемъ, уничтожилъ послѣднія сомнѣнія ея родителей; они болѣе не препятствовали браку своей дочери, а Дмитрій, со своей стороны, принялъ на себя, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, формальное обязательство просить руки Марины и раздѣлить съ нею царскую корону. Онъ обѣщалъ прислать къ королю изъ Москвы чрезвычайное посольство, чтобы испросить его соизволенія на этотъ бракъ, на что Сигизмундъ, какъ полагаютъ, несомнѣнно изъявилъ бы свое согласіе.

Такимъ образомъ, семейство Мнишекъ породнилось бы съ могущественнымъ монархомъ, и на немъ отразился бы блескъ царской пор-

¹⁾ Львовъ, Archiwum Krajowe, Ind. Guer. San., 331, f. 450.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 159, № 76; стр. 165, № 79.

фирь: честь, безъ сомнѣнія, была велика, но она должна была принести и матеріальныя выгоды.

Претендентъ располагалъ уже по своему благоусмотрѣнію имперіей и тѣми милліардами, которые еще не были въ его рукахъ. Вступивъ на престолъ своихъ предковъ, онъ обѣщалъ тотчасъ уступить воеводѣ и его наслѣдникамъ въ потомственное владѣніе двѣ великолѣпныя русскія области, княжества Смоленское и Сѣверское, исключая тѣхъ земель и городовъ, которые должны были отойти къ королю польскому и замѣнъ которыхъ ему были обѣщаны другіе города, мѣстечки, земли и доходы. Помимо этого, онъ обѣщалъ еще ранѣе, при первой же возможности, внести въ оскудѣвшую кассу своего тестя милліонъ польскихъ золотыхъ, для подъема въ Москву и для удовлетворенія самыхъ назойливыхъ кредиторовъ.

Будущая царица, избранница его сердца, была бы надѣлена еще щедрѣе: ей были обѣщаны пригоршнями брилліанты и столовое серебро и въ приданое два удѣла: Новгородъ Великій и Псковъ; къ ногамъ красавицы-польки были повергнуты цѣлыхъ два княжества.

Покочивъ такимъ образомъ съ денежной стороною вопроса и удовлетворивъ свою алчность, Мнишекъ занялся духовными вопросами. Надобно отдать ему справедливость, онъ никогда не забывалъ вѣры своихъ предковъ. Ревнуя о ея процвѣтаніи, онъ мечталъ объ обращеніи русскихъ въ католичество. Во-первыхъ, онъ требовалъ отъ Димитрія, чтобы Маринѣ, вырощенной и воспитанной матерью-католичкой, была предоставлена полная свобода исповѣдывать католическую религію и исполнять ея обряды при дворѣ, въ Кремлѣ, этой колыбели право славія, и повсемѣстно въ Имперіи. Въ Новгородѣ и Псковѣ она пользовалась бы еще болѣе драгоценнымъ правомъ: ей разрѣшалось, если она пожелаетъ, основывать латинскія школы, строить католическія церкви и монастыри, и назначать туда католическихъ епископовъ и священниковъ.

Всѣ эти требованія ничуть не смущали претендента; онъ смѣло обаялся исполнить все это и даже далъ понять, что, принявъ католическую вѣру, онъ считаетъ долгомъ распространить ее въ своей Имперіи. Въ концѣ концовъ онъ далъ торжественную клятву строго исполнить все обѣщанное и «обратить» русскихъ людей въ латинскую вѣру.

Въ своей самонадѣянности онъ полагалъ, что для выполненія этихъ грандіозныхъ плановъ ему будетъ вполнѣ достаточно одного года. Если же ему не удалось бы сдѣлать все это въ годъ, то воевода и его дочь освобождались отъ своихъ обязательствъ, если бы они не пожелали ждать долѣе. Трудно было быть болѣе сговорчивымъ и благожелательнымъ и выказать болѣе величія и благородства.

Между тѣмъ, претендентъ воспользовался еще разъ случаемъ вы-

казать свою преданность католической вѣрѣ и доказать своими поступками, что онъ уже былъ ея ревностнымъ послѣдователемъ¹⁾.

Бесѣдуя однажды съ нунціемъ, онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ милостыннаго священника. Объ этомъ желаніи Димитрія стало тотчасъ извѣстно въ Вавелѣ, и провинціалъ польскихъ іезуитовъ, отецъ Децій Стривери, получилъ по поводу этого письма одновременно изъ замка и отъ нунція, въ коихъ его настоятельно просили исполнить какъ можно скорѣе желаніе Димитрія. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать; вскорѣ былъ найденъ даже практической способъ исполнить это желаніе. Въ войскѣ претендента находились католики, слѣдовательно, было необходимо имѣть походную католическую церковь, въ которой могли отправлять богослуженіе іезуиты, которые были бы такимъ образомъ къ услугамъ солдатъ и ихъ верховнаго вождя. Поэтому два іезуита изъ Ярославской коллегіи были назначены состоять при арміи Димитрія. Призванные исполнять однѣ и тѣ же обязанности, они не были сходны ни по характеру, ни по своимъ нравственнымъ свойствамъ, ни даже по образу мыслей. Отецъ Николай Чижовскій былъ человѣкъ спокойный, уравновѣшенный, предприимчивый, но не особо смѣлый; онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для ректора, поэтому онъ неоднократно управлялъ коллегіумами. Его товарищъ, отецъ Андрей Лавицкій, отличался главнымъ образомъ своими сердечными качествами. Въ молодости онъ мечталъ быть миссіонеромъ въ Индіи и заслужить мученическій вѣнецъ подъ раскаленнымъ небомъ тропическихъ странъ. Теперь онъ охотно ѣхалъ на сѣверъ, въ страну льдовъ и снѣговъ; и это не уменьшило его рвеніе и желаніе послужить своей вѣрѣ.

Какъ только Димитрій узналъ о назначеніи іезуитовъ, онъ выразилъ желаніе видѣть ихъ и просилъ, чтобы они какъ можно скорѣе пріѣхали въ Самборъ. Іезуиты, съ перваго же свиданія, были очарованы его обхожденіемъ. Въ его обращеніи не было ничего грубаго, монашескаго, онъ былъ любезенъ, предупредителенъ, искусно владѣлъ рѣчью и говорилъ безъ заднихъ мыслей.

— Я далъ обѣтъ,—сказалъ онъ,—воздвигнуть въ Россіи костелы, коллегіи, монастыри. Отъ васъ будетъ зависѣть распространить въ странѣ католическую вѣру и достигнуть того, чтобы она процвѣтала.

И онъ присовокупилъ съ полнымъ довѣріемъ: «Ввѣряю вамъ свою душу».

И такъ, этимъ двумъ ксендзамъ предстояло сдѣлаться въ Россіи проповѣдниками католицизма; въ ихъ обязанности входило не только поучать евангелію небольшую горсть солдатъ, но имъ предстояло вернуть въ нѣдра церкви огромную Имперію, отпавшую отъ Рима; будущій

¹⁾ Наше собраніе. Diarium о. Лавицкаго. f. 5.—Велевицкій, т. II, стр. 69.

императоръ заранѣе обѣщалъ имъ свою преданность: это было грандіозно, неожиданно и весьма утѣшительно. Мнишекъ присутствовалъ при бесѣдѣ Димитрія съ ксендзами, и, желая испытать новообращеннаго, предложилъ ему приобщиться св. Тайнъ наканунѣ Успеньева дня, вдали отъ любопытныхъ глазъ и передъ выступленіемъ въ походъ. Претендентъ чувствовалъ приливъ набожности, поэтому онъ охотно согласился на это, исповѣдался во дворцѣ, а на слѣдующій день, въ Успенье, приобщился св. Тайнъ. Въ тотъ же день утромъ онъ посѣтилъ вмѣстѣ съ Мнишекомъ церковь доминиканцевъ, гдѣ они отслушали обѣдню.

Ксендзы не могли придти въ себя отъ изумленія. Они отправились обратно въ Ярославль съ убѣжденіемъ, что имъ предстоитъ трудная, но въ высшей степени важная и благотворная задача.

Среди этихъ разнообразныхъ заботъ, мысли Димитрія были заняты по преимуществу военными приготовленіями, коими онъ дѣятельно занимался. Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось необходимѣе какъ можно скорѣе дать дѣло казакамъ, коихъ народъ называлъ общимъ именемъ черкесовъ и которые, собравшись, вопреки королевскому приказанію, въ большомъ количествѣ, внушали страхъ мѣстнымъ жителямъ. Они пользовались въ Польшѣ такою славой, что населеніе не могло считать себя въ безопасности до тѣхъ поръ, пока они не удалятся. Къ тому же, благопріятныя извѣстія, которыя получались съ границы, и настоянія тѣхъ лицъ, кои принимали участіе въ Димитріи, заставляли его спѣшать. Но, предварительно, надобно было заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ поляковъ и завербовать ихъ въ войско. Мнишекъ дѣятельно помогалъ Димитрію, писалъ письма сенаторамъ, переписывался съ королемъ, извѣщалъ его обо всемъ происходившемъ, но соблюдалъ при этомъ крайнюю осторожность, тщательно скрывалъ свои дѣйствія и говорилъ откровенно только со своими единомышленниками. 14-го іюня 1604 г. онъ написалъ королю нижеслѣдующія изумительныя строки: «Всеижайше прошу ваше величество быть увѣреннымъ въ томъ, что я выполняю свои планы съ такою осторожностью, что меня никогда ни коимъ образомъ нельзя заподозрить въ нарушеніи долга»¹⁾. Всѣ его старанія склонить Замоискаго на сторону Димитрія не удались: великаго гетмана нельзя было ни уговорить, ни подкупить. Также неудачны были и всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ самимъ Димитріемъ. Лестъ, похвалы, откровенность, настоянія короля, всевозможные доводы были пущены въ ходъ безуспѣшно. Замоискій не отвѣтилъ ни слова на два письма, посланные ему претендентомъ. Онъ ограничился тѣмъ, что написалъ воеводѣ Мнишеку высококомѣрное и строгое письмо, предостерегая его насчетъ опасности, угрожавшей республикѣ,

¹⁾ Москва, Архивъ мин. юстиціи. Лит. метр., Нов. кн., 55, f. 270.

и указывая на то, что его дѣйствія противорѣчили королевской волѣ: письмо было написано въ строго оффиціальномъ тонѣ, не допускавшемъ мысли о какихъ-либо проискахъ или интригахъ¹⁾).

Димитрій не особенно былъ этимъ смущенъ. Онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы повернуть обратно. Его не остановилъ даже заговоръ, составленный противъ него и который былъ обнаруженъ приблизительно въ это же время. Въ Самборѣ появились какія-то подозрительныя личности; на претендента было произведено покушеніе, и онъ спасся только благодаря счастливой случайности. По увѣренію Мнишека, убійца былъ подкупленъ Борисомъ Годуновымъ, котораго испугали военныя приготовления Димитрія. Одинъ москвитянинъ выдалъ убійцу, который безъ дальнѣйшихъ проволочекъ былъ обезглавленъ въ Самборѣ. Эти свѣдѣнія были сообщены Рангони самимъ воеводою. Въ одномъ изъ русскихъ источниковъ говорится о казни этого челоуѣка, но о томъ, что онъ покушался убить Димитрія и что это было сдѣлано по повелѣнію Бориса Годунова, упоминаетъ только одинъ Мнишекъ²⁾).

Тѣмъ временемъ, но какого именно числа, опредѣлить трудно, главная квартира арміи, сформированной Димитріемъ съ цѣлью вторженія въ московскіе предѣлы, была расположена во Львовѣ, городѣ, лежавшемъ близко къ русской границѣ, гдѣ легче было организовать войско. Львовъ вскорѣ принялъ совершенно иной видъ. Польскіе волонтеры, жаждавшіе военной славы во множествѣ стекались въ этотъ городъ, соблазняясь грандіознымъ предпріятіемъ, и привлеченные именами тѣхъ лицъ, кои приняли начальство надъ войскомъ. Они переполнили городъ, расположились лагеремъ въ его окрестностяхъ и скоро дали о себѣ знать: въ городѣ начались скандалы, грабежи и убійства. Жалобы жителей Львова дошли до короля. Они умоляли его избавить ихъ, какъ можно скорѣе, отъ солдатъ, которые хозяйничали у нихъ какъ въ непріятельской странѣ. Москвитяне также жаловались на войска, сосредоточенныя на границѣ.

Нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы. Послѣ того какъ были приняты нѣкоторыя мѣры, не приведшія ни къ какому результату, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ рѣшительному средству: волонтерамъ было приказано немедленно разойтись; слушникамъ королевскаго указа угрожали самыя строгія наказанія: они объявлялись бунтовщиками и врагами республики. Королевскій указъ, помѣченный 7-мъ сентября былъ посланъ во Львовъ съ коморникомъ. Сообщая это извѣстіе своему двору, Рангони говорилъ насмѣшливо, что коморникъ не поспѣетъ

¹⁾ Żolkiewski, Zapiski, vol. 10—24, № 4—10.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргеае, III, 90, b. f. 232.—Rome et Dé-métrius, стр. 201.

пожалуй туда въ-время. Дѣйствительно, когда онъ прибылъ во Львовъ, волонтеры давно уже ушли изъ города ¹⁾).

Главные силы арміи выступили въ походъ въ концѣ августа, а 25-го числа, самъ Димитрій, справившись, худо ли хорошо, съ послѣдними препятствіями, выѣхалъ изъ Самбора. Онъ увозилъ съ собою лучезарное воспоминаніе о Маринѣ и сознаніе того, что онъ связалъ себя весьма тягостными обѣщаніями; за неимѣніемъ лучшаго, онъ былъ преисполненъ самыми радужными надеждами. Въ воскресенье, 29-го августа, онъ псаявился на короткое время во Львовѣ, присутствовалъ на богослуженіи въ кафедральномъ соборѣ и слушалъ проповѣдь одного іезуита. Когда проповѣдникъ подошелъ къ нему, чтобы привѣтствовать его, Димитрій еще разъ повторилъ ему увѣреніе въ своей преданности папскому престолу и въ своемъ сочувствіи къ ордену іезуитовъ ²⁾).

Походъ начался при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Въ самомъ началѣ къ Димитрію явилась депутація Донскихъ казаковъ, съ предложеніемъ ихъ услугъ и съ письмами отъ ихъ товарищей. Они притащили съ собою закованнаго въ кандалы несчастнаго Хрущева, о которомъ было упомянуто выше. Приведенный къ царевичу, онъ палъ передъ нимъ ницъ, расплакался и по одному сходству его съ покойнымъ царемъ призналъ его истиннымъ сыномъ Іоанна IV. За это ему было объявлено прощеніе; его языкъ тотчасъ развязался. Онъ провелъ, въ послѣднее время, въ Москвѣ всего пять дней, но слышалъ по пути и въ столицѣ весьма много новаго. По его словамъ, вокругъ Годунова царствовало зловѣщее и глубокое безмолвіе, но жители Сѣверской области съ восторгомъ говорили о царевичѣ. Нѣкоторые бояре, расхрабрившись, заявили, что трудно будетъ сражаться противъ законнаго монарха, но, сами испугавшись сказаннаго, не промолвили болѣе ни слова; нѣкоторые другіе были злодѣйски умерщвлены за то, что они подняли на одномъ пиру чашу за здравіе Димитрія. Царскія войска совершали подозрительные маневры: ихъ подвинули къ Сѣверской области подъ предлогомъ набѣга на татаръ. Къ этому Хрущевъ присовокупилъ упомянутыя выше подробности относительно Смирного-Отрепьева, нѣкоторыя свѣдѣнія о родныхъ Димитрія и о посольствахъ, коими обмѣнялись Москва и Персія. Воевода и царевичъ, восхищенные слышаннымъ, поспѣшили сообщить все это Радгони ³⁾. Подобнаго рода вѣсти должны были распространяться очень

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., 937.—Rome et Démétrius, стр. 191.—Гиршбергъ, стр. 67—69.

²⁾ Дневникъ путешествія Димитрія въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 167, № 80.—Listy Žolk., стр. 138, № 130.

³⁾ Собр. гос. гр., т. II, стр. 173, № 81.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., f., 231, 232.—Rome et Démétrius, стр. 161, № 4; стр. 202, № 1

быстро; сообщаемыя нунціемъ, онѣ должны были казаться еще правдоподобнѣе. Остается выяснитъ, насколько достовѣрны были рассказы Хрущева. Что они были благопріятны для тѣхъ, кто ихъ передавалъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ первыхъ числахъ сентября, претендентъ произвелъ смотръ своему войску въ Глинянахъ ¹⁾. Штабъ войска состоялъ изъ воеводы Мнишека, его сына Станислава, ихъ друзей и родственниковъ. Это было немного, но по крайней мѣрѣ всѣ они были хорошо вооружены, хорошо обмундированы и знали, на что они идутъ. Остальную часть войска составляли польскіе волонтеры и казаки. Около небольшого числа ветерановъ, составлявшихъ ядро войска, группировался всякій сбродъ, разные искатели приключеній, въ томъ числѣ были отъявленные негодяи и мошенники. Эти люди не были воодушевлены никакой идеей, не горѣли священнымъ огнемъ, не преслѣдовали никакой идеальной цѣли; ими руководило единственно желаніе наживы, ихъ воодушевляла только надежда на богатую добычу. Развѣ не было безуміемъ вести эту толпу продажныхъ людей на завоеваніе Москвы?

По обыкновенію, немедленно было приступлено къ избранію главныхъ начальствующихъ лицъ. Высшее званіе гетмана было предложено, какъ и слѣдовало ожидать, воеводѣ Сендомірскому. Онъ былъ старъ и болѣзненъ, и участвовалъ въ молодости въ нѣкоторыхъ походахъ совершенно случайно; походная жизнь была ему уже въ тягость, но званіе сенатора имѣло нѣкоторое обаяніе въ глазахъ войска. Подъ его начальствомъ находилось два или три полковника, избранные также большинствомъ голосомъ, и цѣлый сонмъ капитановъ. На время войны были составлены, всѣми одобренныя, обязательныя правила, отвѣчавшія требованіямъ времени. Въ началѣ была утверждена слѣдующая диспозиція войска: въ центрѣ, вокругъ краснаго знамени, украшеннаго чернымъ византійскомъ орломъ на золотомъ фонѣ, шли главные силы пѣхоты и кавалерія съ Мнишекомъ и Димитріемъ; на правомъ флангѣ шли казаки, на лѣвомъ — уланы и гусары. Аванъ и аррьергардную службу несли казаки: они были развѣдчиками и колоновожатыми арміи. Что касается численности наличнаго состава войска, то его нельзя опредѣлить даже приблизительно. Численность поляковъ колебалась отъ одной до двухъ тысячъ; ихъ ряды во время похода постоянно рѣдѣли. За то число казаковъ, коихъ было уже не менѣе двухъ тысячъ, по-

---

¹⁾ Главными источниками для этого разсказа служатъ письма Димитрія, Мнишека, обоихъ ксендзовъ, Diagam Лавицкаго, русскія хроники, Борша, Маржереть.—Письма изъ Чернигова отъ 10-го и 15-го ноября (Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b, f, 298, 300) писаны также ксендзами. Полный текстъ этихъ писемъ напечатанъ у Даровскаго (Darowski).

стоянно возрастало. Также точно увеличивалось и число русскихъ, присоединившихся къ арміи во время похода. 18-го сентября гетманъ объявилъ о томъ, что скоро прибудетъ десять тысячъ донскихъ казаковъ, которые уже были завербованы; запорожцы также обѣщали прислать значительное подкрѣпленіе; оставалось только идти впередъ ¹⁾).

Въ концѣ того же мѣсяца, два ксендза, выѣхавшіе, какъ намъ извѣстно, изъ Самбора въ Ярославль, присоединились къ войску, а 17-го октября они уже вѣзбились вмѣстѣ съ войскомъ по живописнымъ холмамъ, окружающимъ плоскогорье, на которомъ стоитъ Кіевъ. Это было воеводство князя Острожскаго, сынъ котораго Янушъ относился къ Димитрію враждебно, поэтому его войско соблюдало величайшія предосторожности; ведеты не снимались день и ночь, но никто не безпокоилъ армію, которая смѣло шла къ границѣ.

Смиранный богомолецъ, такъ недавно посѣтившій этотъ древній и священный городъ въ монашеской рясѣ, затерянный въ толпѣ, появился теперь въ его стѣнахъ въ желѣзнымъ латахъ, окруженный войскомъ, съ мечомъ въ рукахъ, коимъ онъ угрожалъ Кремлю. Католическій епископъ г. Кіева, Христофоръ Казимірскій, не скрывалъ своихъ симпатій къ царевичу; онъ далъ въ честь его парадный обѣдъ и поощрялъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Въ Кіевѣ Димитрій чувствовалъ себя какъ дома, ему были знакомы всѣ святыни и памятники города, и онъ предложилъ сопровождавшимъ его ксендзамъ посѣтить ихъ. Іезуиты осмотрѣли по его указанію Софійскій соборъ, его богатыя ризницы и золотыя врата, блистающія мозаикой и фресками. Они молились на развалинахъ церкви, во имя св. Іакинаѳа, но уклонились отъ посѣщенія знаменитыхъ пещеръ Кіевской лавры, въ которыхъ покоятся мощи святыхъ, почитаемыхъ русскимъ народомъ, и которыя были переполнены въ то время солдатами. Они не вѣрили въ святость этихъ мощей, не рѣшались поклониться имъ и предпочли не спускаться въ эти подземелья.

Простоявъ около Кіева три дня, войско двинулось далѣе къ Двѣпру, составлявшему въ то время границу Польши и Московскаго государства. 20-го октября походныя палатки были разбиты на берегу рѣки, поглотившей нѣкогда въ своихъ мутныхъ водахъ Перуна и въ которой приняли крещеніе соратники Владиміра Святаго. Тутъ Димитрія ожидало неожиданное препятствіе: на рѣкѣ не оказалось ни одной лодки, которой войско могло бы воспользоваться для переправы; князь Янушъ приказалъ ихъ убрать. Немало времени было потрачено на то, чтобы достать лодки и шаромы. Переправа черезъ рѣку продолжалась

---

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоц. Боргезе, III, 90, b., f., 232.—Rome et Démétrius, стр. 202. № 1.

5 — 6 дней; кievляне оказали въ этомъ случаѣ войску всевозможное содѣйствіе, и претендентъ, въ знакъ благодарности, даровалъ имъ нѣкоторыя торговыя льготы. Актъ, коимъ даны имъ эти привилегіи, подписанъ въ Вышгородѣ 23-го октября 1604 г. ⁴⁾).

Димитрій смѣло бросилъ вызовъ судьбѣ, и какъ Цезарь перешелъ Рубиконъ.

II.

Мнѣніе, высказанное Замойскимъ. — Различіе между Баторіемъ и Димитріемъ. — Перемѣны, происшедшія въ Россіи. — Настаетъ часъ Димитрія. — Непоправимая ошибка Годунова. — Въ чужой странѣ. — Сдача Моравска. — Разграбленіе Чернигова. — Городъ сдается. — Подкрѣпленіе. — Прибытіе казаковъ. — Возмущеніе въ лагерѣ. — Осада Новгородъ-Сѣверска. — Петръ Басмановъ. — Неудача, постигшая Димитрія. — Сдача крѣпостей. — Армія Мстиславскаго. — Сраженіе 31-го декабря 1604 г. — Набожность Димитрія. — Возмущеніе поляковъ. — Отѣздъ Мнишека. — Новый гетманъ. — Инструкціи, данныя ксендзамъ. — Димитрій въ Сѣвскѣ. — Его жалобы Рангони. — Годуновъ относится къ побѣжденнымъ какъ къ побѣдителямъ. — Сраженіе при Добрыничѣ. — Казаки обращаются въ бѣгство. — Поляки слѣдуютъ за ними. — Общее бѣгство. — Димитрій находитъ убѣжище въ Путивлѣ. — Мстиславскій остававливается передъ Рыльскомъ. — Подозрительное бездѣйствіе.

Когда въ присутствіи Замойскаго говорили о дѣйствіяхъ Мнишека, то онъ замѣчалъ съ раздраженіемъ, что если все затѣянное имъ увѣнчается хотя малѣйшимъ успѣхомъ, то придется бросить въ огонь всѣ лѣтописи и изучать исторію только по запискамъ воеводы Сендомирскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть фантастичнѣе этого похода въ Москву. Въ военныхъ лѣтописяхъ не встрѣчается ничего подобнаго; этотъ походъ могъ сбить съ толку самыхъ искусныхъ стратеговъ. Для того, чтобы вести войну съ Іоанномъ IV, Стефанъ Баторій потребовалъ у Польши самую отборную ея конницу, у Венгрии самую выносливую пѣхоту и собиралъ деньги отовсюду, гдѣ только могъ. Подъ знамена Димитрія стекался всякій сбродъ, подонки общества, люди безъ рода и племени, думавшіе только о наживѣ и между тѣмъ, какъ Баторій, покрытый славою и обогранный кровью, остановился передъ неприступными стѣнами Пскова, передъ Димитріемъ при его приближеніи къ Москвѣ, открылись ворота ликующей столицы, и въ до-

⁴⁾ Акты ... Зап. Росс., т. IV, стр. 247, № 161.

вершеніе всего онъ овладѣлъ Кремлемъ не послѣ побѣды, а послѣ пораженія!

Съ чисто-военной точки зрѣнія, престарѣлый гетмавъ оказался тысячу разъ правъ. Его ошибка была въ томъ, что онъ позабылъ о перемѣнахъ, совершившихся въ общественномъ строѣ Московскаго государства, о тиранніи царской власти, соперничествѣ бояръ, о перемѣнѣ династіи, о слухахъ, ходившихъ въ народѣ, о закрѣпощеніи крестьянъ, нарушеніи старинныхъ обычаевъ, честолюбіи однихъ и враждѣ другихъ, вообще о томъ роковомъ стеченіи обстоятельствъ, которое вызвало рядъ кризисовъ и привело Москву къ упадку. Святая Русь была потрясена до основанія; ожесточились грозныя силы, небо заволочло мрачными тучами, приближалась страшная гроза: пробить часть, когда на сцену могъ появиться Димитрій. Смѣлость замѣняла ему стратегическіе планы, его лучшими союзниками были смутныя обстоятельства того времени. Идти на Москву и короноваться въ Кремль—такова была цѣль, къ которой стремился претендентъ: онъ былъ какъ-бы загнипнотизированъ этой мыслью. Въмѣсто того чтобы составлять планы военныхъ дѣйствій, онъ довольствовался остроумными соображеніями. Онъ надѣялся на то, что народное возстаніе, возбужденное преданными ему людьми, доставитъ ему престолъ. Онъ изображалъ изъ себя не завоевателя, а жертву и мстителя. Гордый своимъ происхожденіемъ, онъ требовалъ, какъ законный наслѣдникъ своихъ царственныхъ предковъ соблюденія присяги, данной Іоанну IV. «Горе православнымъ, которые нарушатъ ее», говорилъ онъ. Его дѣло становилось такимъ образомъ священнымъ національнымъ дѣломъ русскаго народа, которому предстояло очистить свою совѣсть, признать себя виновнымъ, взяться за оружіе, низвергнуть похитителя съ престола и возвратитъ его законному монарху.

Эти рѣчи должны были найти откликъ преимущественно въ Сѣверскомъ княжествѣ, гдѣ усердно дѣйствовали агенты Димитрія и гдѣ они нашли благоприятную почву для своей дѣятельности. Эта область, лежащая на границѣ Московскаго государства, о которой русскіе цари весьма мало заботились, сильно пострадала отъ опричины и отъ тѣхъ переворотовъ, которые совершались въ государствѣ. Въ Сѣверскомъ княжествѣ находили убѣжище бѣгле преступники, разбойники, бродяги, не имѣвшіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни и стремившіеся жить на волѣ, вдали отъ надзора правительственной власти. По мѣрѣ того какъ возрастало населеніе области, въ нее стали вводить болѣе строгія административныя мѣры, которыя казались жителямъ нестерпимыми, тѣмъ болѣе, что онѣ были совершенно неожиданны. Къ тому же, эти мѣры были зачастую слишкомъ строги, непослѣдовательны и примѣнялись неразумно. Страшный голодъ, постигшій Россію въ 1601 г.,

увеличилъ число недовольныхъ, обдѣленныхъ судьбою людей, которымъ нечего было терять и которые рассчитывали напротивъ, при всякой перемѣнѣ, что-либо выиграть; эту голодную, невѣжественную и грубую толпу легко было увлечь, стоило только поощрять ея желанія, послужить ей что-либо въ будущемъ. Этимъ и занимались Ратомскій и его агенты; ихъ успѣхъ побудилъ Димитрія начать свои дѣйствія именно съ этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что онъ могъ избѣжать такимъ образомъ большой военной дороги, усѣянной крѣпостями ¹⁾.

Ничто не помѣшало полчищамъ Димитрія совершить переправу черезъ Днѣпръ. Войска, посланнаго Годуновымъ въ Сѣверское княжество и выступившаго въ походъ на глазахъ Хрущева, не оказалось на берегу рѣки въ то время, какъ черезъ нее переправлялся съ войскомъ Димитрій. Была ли тому причиною увѣренность Бориса, что поляки не нарушатъ перемирія 1602 г., или онъ относился съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ къ противнику, разыгрывавшему роль его соперника,—какъ бы то ни было, этимъ была сдѣлана непоправимая ошибка. Перейдя на лѣвый берегъ, поляки ознаменовали свое вступленіе на чужую землю совершеніемъ религіознаго обряда. Іезуиты успѣли въ нѣсколько недѣль смягчить грубую натуру своей паствы, которая, приближаясь къ таинственному, полному опасности будущему, открывавшемуся передъ нею на порогѣ Московскаго государства, внимала съ большимъ благоговѣніемъ голосу своихъ духовныхъ пастырей. Любопытно прослѣдить, какъ держалъ себя въ этомъ случаѣ Димитрій; не желая компрометтировать себя, онъ не слушалъ вмѣстѣ съ прочими поученія и проповѣди іезуитовъ, но, пробравшись въ палатку ксендзовъ тайкомъ, нерѣдко просилъ ихъ благословить его и молиться за него.

Войско простояло на берегу Днѣпра не долго. Оно было раздѣлено на два отряда, и каждый изъ нихъ немедленно двинулся далѣе. Димитрій шелъ со своими воинами черезъ густые лѣса и болота, преодолевая шутя всѣ препятствія; наконецъ, передъ нимъ вырисовались на горизонтѣ остроконечныя башни Моравска. Эта маленькая крѣпостца пріобрѣла неожиданно выдающееся значеніе: подъ ея стѣнами разыгрался первый актъ великой и достопамятной драмы.

31-го октября небольшой отрядъ казаковъ и поляковъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ арміи, явился подъ стѣны Моравска и потребовалъ, чтобы жители сдались безусловно. Письма Димитрія, переданныя гарнизону на концѣ шпаги, произвели волшебное дѣйствіе. Гарнизонъ рѣшилъ сдаться. Подъ первымъ впечатлѣніемъ испытаннаго страха къ

¹⁾ Состояніе Сѣверскаго княжества въ ту эпоху прекрасно описано Платоновымъ, Очерки, стр. 253 и сл.—Образецъ прокламацій Димитрія см. Акты арх. эксп. II, стр. 76, № 26.

царевичу была отправлена депутація, коей велѣно было изъяснить ему покорность. Чернь, очевидно подготовленная заранѣе, только этого и ожидала: она взволновалась; давно сдерживаемый восторгъ проявился весьма бурно.

Ворота крѣпости открылись; жители толпами вышли Димитрію на встрѣчу, выстроились по обѣ стороны дороги, проливали слезы радости и выражали свои чувства въ простодушныхъ и образныхъ выраженіяхъ: «Солнышко наше восходить, — говорили они; — оно долго спало; Димитрій Ивановичъ вернулся къ намъ». Въѣздъ претендента въ крѣпость походилъ на возвращеніе монарха въ свои владѣнія, къ своему народу. Ему были поднесены символическія и священныя эмблемы: хлѣбъ-соль, ключи отъ крѣпости и золотыя монеты. Попы окропили его святою водою и поднесли ему чтимыя народомъ иконы, къ которымъ онъ приложился. Наконецъ, ему выдали закованныхъ въ кандалы двухъ воеводъ, обвиненныхъ въ томъ, что они хотѣли подавить народное движеніе въ пользу Димитрія.

Въ знакъ торжества жители стрѣляли изъ орудій. Этотъ легкій и блестящій успѣхъ превосходилъ самыя смѣлыя ожиданія: послѣ этого можно было предпринять, что угодно.

Подобныя сцены повторились въ Черниговѣ около 4-го ноября; впрочемъ, онѣ были омрачены нѣкоторыми прискорбными событіями ⁴⁾, которыя показали Димитрію, что въ его войскѣ таилось немало дурныхъ инстинктовъ и между прочимъ склонность къ грабежу. Черниговъ, по выраженію москвитянъ, былъ дверью въ ихъ страну; если Димитрію удалось бы прорваться черезъ нее силою, то ему былъ бы открытъ прямой путь къ столицѣ, но городъ былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ въ изобиліи орудіями, порохомъ, боевыми снарядами и съѣстными припасами. При приближеніи Димитрія, чернь, точно такъ же, какъ и въ Моравскѣ, возмутилась противъ воеводы, князя Татьева (prince Tatev); она соблазнилась обѣщаніями, но воевода остался вѣренъ своей присягѣ; однако, видя враждебное настроеніе толпы, онъ удалился со стрѣльцами въ крѣпость, предоставивъ городъ во власть мятежниковъ; послѣдніе не сомнѣвались въ своей побѣдѣ, полагая, что стоило только призвать казаковъ, и гарнизонъ и воевода будутъ въ ихъ рукахъ. Но на дѣлѣ вышло иначе.

По первому знаку мятежниковъ, казаки, составлявшіе авангардъ, прискакали въ галопъ, но князь Татьевъ встрѣтилъ ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и причинилъ имъ значительный уронъ. Этого предлога для такихъ завзятыхъ грабителей было достаточно. Они не пошли на приступъ крѣпости, такъ какъ имъ представлялась гораздо болѣе легкая

⁴⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 60.

добыча, чтобы отомстить за своих; они кинулись на беззащитный городъ и дали полную волю своимъ алчнымъ наклонностямъ. Перепуганные жители обратились съ жалобою къ Димитрію; въ городъ тотчасъ прибыли его посланные, а на слѣдующій день и онъ самъ пріѣхалъ въ Черниговъ и убѣдился въ справедливости принесенныхъ ему жалобъ. Положеніе было весьма серьезное.

Царевичъ негодовалъ; казакамъ было сдѣлано строгое внушеніе и приказано возвратить все награбленное. Хотя за дѣло принялись энергично, но жителямъ удалось вернуть только самую ничтожную часть своего имущества, и такимъ образомъ они поплатились за свое чрезмѣрное усердіе къ Димитрію. Что касается князя Татѣва, то онъ довольно легко согласился признать новаго монарха.

Двѣ русскія крѣпости были уже во власти Димитрія. Разумѣется, побѣда была еще незначительна, но нравственное впечатлѣніе, произведенное ею, было огромное. Вѣсть о томъ, что царевичъ шель побѣдною на Москву, разнеслась по окрестности; чѣмъ болѣе чудесною казалась его исторія, тѣмъ болѣе ей вѣрили. Крестьяне, бродяги, нищія стекались сотнями на его пути, кланялись ему по народному обычаю въ ноги и становились подъ его знамена. 12-го ноября подошло девять тысячъ донскихъ казаковъ, а нѣсколько дней спустя четыре тысячи запорожцевъ, которые были завербованы ранѣе и ожидались Димитріемъ съ нетерпѣніемъ. Численность его арміи доходила въ то время, какъ говорятъ, до 38 тысячъ человекъ; если бы это войско было однородное, хорошо дисциплинировано и повиновалось своему вождю, то оно могло бы быть грозною силою. Но между солдатами оказалось немало вольницы, не хотѣвшей подчиняться порядку и дисциплинѣ.

Это выразилось вполне наглядно въ теченіе тѣхъ восьми дней, которые войско простояло подъ Черниговомъ. У Димитрія зачастую не хватало денегъ, необходимыхъ для веденія войны, а его сторонники не хотѣли служить ему даромъ. Съ казаками еще можно было поладить, они были готовы довольно долго ожидать вознагражденія за свои труды, но съ поляками трудно было сговориться относительно размѣра и срока вознагражденія. Въ тотъ день, когда у Димитрія не хватило денегъ, чтобы заплатить имъ жалованіе, въ войскѣ вспыхнуло возмущеніе, достигшее быстро тревожныхъ размѣровъ. Самые смѣлые изъ бунтовщиковъ захватили знамя, собрались вокругъ него и ушли изъ лагеря, направляясь въ Польшу и унося съ собою всю надежду Димитрія на побѣду.

Димитрій бросился за ними въ погоню, осыпалъ ихъ упреками, прельщалъ обѣщаніями, но бунтовщики хотѣли злѣтыхъ, а не словъ, они не отдавали знамя и не хотѣли возвращаться въ лагерь. Тогда въ характерѣ Димитрія обнаружилась новая черта; имъ овладѣло величай-

шее уныніе. Онъ обратился къ ксендзамъ и со слезами на глазахъ, глубоко растроганный и смущенный, говорилъ о томъ, что онъ хочетъ отомстить за свою честь и покаяться въ своихъ грѣхахъ; не зная, какъ взяться за дѣло и съ чего начать, онъ былъ внѣ себя. Едва удалось уговорить его, но онъ успокоился окончательно только тогда, когда дезертиры возвратились въ лагерь. Отецъ Лавицкій говоритъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ, но не упоминаетъ, какимъ образомъ это было достигнуто. Весьма вѣроятно, что золотыя монеты, найденныя въ Черниговѣ, сыиграли при этомъ не послѣднюю роль.

Димитрій ободрился такъ же легко, какъ впалъ въ уныніе. 21-го ноября его армія расположилась лагеремъ передъ Новгородъ-Сѣверскомъ. Онъ напрасно льстилъ себя надеждою безъ труда пожать тутъ лавры. Въ числѣ начальниковъ тамошняго гарнизона находился Петръ Басмановъ. Историки говорятъ о немъ, какъ о выдающемся стратегѣ. Каковы бы ни были его военныя дарованія, во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ рѣшительный, энергичный, и носилъ имя, прославленное въ лѣтописяхъ опричины. Когда непріятель показался вдаль, то онъ прибѣгнулъ къ обычной у русскихъ, въ подобномъ случаѣ, тактикѣ; предмѣстья города были подожжены съ четырехъ сторонъ, городъ съ его деревянными зданіями запылалъ, и жители были заперты въ крѣпости. Авангардъ царевича не одержалъ тутъ успѣха, какъ въ другихъ мѣстахъ; жители осыпали казаковъ площадной бранью, но не уходили изъ крѣпости; весьма немногіе изъ нихъ бѣжали, но Басмановъ энергичными мѣрами прекратилъ это бѣгство.

Дѣло принимало серьезный оборотъ, крѣпость была довольно неприступна, пришлось вести правильную осаду: вырыть рвы и подвезти осадныя орудія прежде, нежели идти на приступъ. Осаждающіе энергично принялись за дѣло; апроши были въ нѣсколько дней окончены. Наскоро возведенныя батареи начали дѣйствовать, и войско, въ сильнѣйшій морозъ, три или четыре раза, днемъ и ночью ходило на приступъ Новгородъ-Сѣверска. Всадники спѣшивались, поддерживали пѣхотинцевъ; казалось, крѣпость не выдержитъ атаки. Но хорошо наведенныя орудія непріятели причиняли осаждающимъ такой уронъ, что они вынуждены были отступить. Положеніе становилось критическимъ. Военные заявляли авторитетно, что въ стѣнѣ необходимо пробить брешь, а это было невозможно за неимѣніемъ орудій большаго калибра. Димитрій былъ мраченъ, опечаленъ, жаловался на свою неудачу и обвинялъ поляковъ въ недостаткѣ храбрости, на чтѣ они отвѣчали ему по-своему. Но этотъ обмѣвъ колкостей и насмѣшекъ не облегчилъ взятія крѣпости.

За эту неудачу претендентъ былъ вознагражденъ неожиданной сдачею нѣкоторыхъ близъ лежащихъ городовъ. Съ 10-го по 12-е декабря, Пу-

*

тивль, Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ и Кромы прислали своихъ депутатовъ привѣтствовать Димитрія Ивановича и изъявить ему свою покорность. Димитрій сталъ любимцемъ народа во всемъ бассейнѣ Десны, Сейма и далѣе; число его приверженцевъ быстро возросло. Онъ былъ обязанъ этому казакамъ, которые отдѣлились на берегу Днѣпра отъ главныхъ силъ арміи и шли кружными путями къ одному и тому же пункту, гдѣ они должны были соединиться.

Они встрѣчали на своемъ пути людей, которые были готовы ихъ слушать и слѣдовать за ними, ибо имъ наскучила зависимость, обходившаяся имъ не дешево, и они стремились къ свободѣ. Народъ, переходившій на сторону Димитрія, не ограничивался одними обѣщаніями, онъ шелъ къ нему съ вещественными доказательствами своей преданности: новые подданные Димитрія приводили къ нему связанныхъ по рукамъ и по ногамъ правителей Годунова и предоставляли ихъ въ его полное распоряженіе. Особенно отличились жители Путивля: они просили позволенія сражаться съ Басмановымъ и доставили Димитрію орудія. Въ то время, какъ успѣхъ чередовался такимъ образомъ съ неудачами, разнесся слухъ, что приближается армія Бориса; Димитрій могъ очутиться межъ двухъ огней.

Извѣстіе это оказалось справедливымъ. Годуновъ долго колебался. Ему не хотѣлось воевать съ искателемъ приключеній, но когда всѣ прочія средства не удались, то по неволѣ пришлось принять этотъ унижительный для него вызовъ. Призракъ сталъ чѣмъ-то осязательнымъ, съ нимъ воскресло грозное имя, онъ началъ угрожать, по неволѣ приходилось отвоевывать у него русскую землю.

Годуновъ не тревожилъ Димитрія цѣлыхъ четыре мѣсяца, и претендентъ имѣлъ время безпрепятственно перейти Днѣпръ, устроиться въ Сѣверскомъ княжествѣ и произвести на народъ впечатлѣніе своею легендою. Давно была пора оказать ему противодѣйствіе.

Перейдя изъ одной крайности въ другую, Борисъ Годуновъ сосредоточилъ большія силы въ Брянскѣ и ввѣрилъ начальство надъ ними сыну опального боярина, Ѳедору Мстиславскому, котораго онъ прельстилъ обѣщаніями. Его армія приближалась къ Новгородъ - Сѣверску.

Всѣ надежды на побѣду были на сторонѣ царя. У него было свѣжее войско, состоявшее изъ русскихъ, татаръ и нѣмцевъ, и которое превосходило армію Димитрія численностью. Кромѣ того, онъ могъ атаковать Димитрія съ фронта и съ тыла, прижать его къ неприступнымъ стѣнамъ Новгорода и заключить въ желѣзное кольцо. Мстиславскій не воспользовался этимъ преимуществомъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ и переговоровъ, которые не имѣли никакого результата, 31-го декабря 1604 г. произошло

рѣшительное сраженіе. Борша и Маржереть описали это кровопролитное дѣло ⁴⁾. Одинъ изъ нихъ сражался въ арміи Димитрія, другой въ войскѣ Мстиславскаго; оба они опредѣляютъ число сражавшихся въ этомъ бою и описываютъ отдѣльные эпизоды сраженія различно.

Историки пытались возстановить по этимъ рассказамъ нѣчто цѣлое и только все запутали. Справедливѣе будетъ признать, что нѣтъ никакой возможности согласовать эти разнорѣчивыя показанія, и ограничиться тѣми фактами, которые приводятъ очевидцы. Придерживаясь этого правила, можно сказать безошибочно, что честь побѣды принадлежала полякамъ, которые разстроили своими стремительными атаками ряды русскихъ, и что претендентъ одержалъ тутъ рѣшительную побѣду. Князь Мстиславскій былъ раненъ въ этомъ сраженіи, поспѣшно оставилъ поле битвы, не теряя даже времени на то, чтобы похоронить мертвыхъ; воспользовавшись защитой, которую представляли ему сосѣдніе лѣса, онъ быстро отступилъ. Его парчевое знамя и нѣсколько орудій остались въ рукахъ побѣдителей. Маржереть заканчиваетъ свой рассказъ слѣдующими странными словами: «Словомъ, можно сказать, что у русскихъ не было рукъ, чтобы бить врага...». Хотя Борша выражается сдержаннѣе, но и онъ говоритъ, что русскіе удивительно легко обратились въ бѣгство.

Что касается Димитрія, то онъ смотрѣлъ на дѣло не такъ просто. Въ порывѣ восторга онъ приписалъ побѣду частицѣ животворящаго Креста, полученной имъ отъ ксендзовъ. За нѣсколько дней до сраженія онъ встрѣтилъ одного изъ нихъ на большой дорогѣ и, подойдя къ нему, сказалъ: «Я далъ обѣтъ, если Господь благословитъ мое предпріятіе, воздвигнуть въ Москвѣ церковь въ честь Божіей Матери и намѣренъ доставить ее вамъ». Поощренный этими словами, ксендзъ упомянулъ о драгоценной реликвіи, присланной незадолго передъ тѣмъ изъ Польши и предназначавшейся для царевича. Димитрій, въ порывѣ набожности, выразилъ желаніе тотчасъ получить эту реликвію, надѣлъ ее на шею и послѣ одержанной побѣды, вспоминалъ Константина Великаго и говорилъ, что небо покровительствуетъ ему такъ же точно, какъ этому сопернику Максенціа.

Впрочемъ, хотя во время этого сраженія и было произведено нѣсколько прекрасныхъ кавалерійскихъ атакъ, но въ общемъ онѣ велись не особенно энергично, и результатъ сраженія нельзя было назвать рѣшительнымъ. Въ этомъ нельзя винить Димитрія. Преслѣдовать непріятеля, отрѣзать ему отступление и изрубить его—таковъ былъ планъ царевича.

⁴⁾ Борша, стр. 378.—Маржереть, стр. 76—Аа. О томъ, что это сраженіе происходило именно 31-го декабря, говоритъ въ своемъ дневникѣ Лавицкій. *Diarium*, f. II v^o.

Но поляки смотрѣли на дѣло иначе. Они не разъ доказали, что болѣе дорожили жалованьемъ, нежели военной славою. И такъ какъ Дмитрію нечѣмъ было заплатить имъ, то они не хотѣли повиноваться. За побѣдой слѣдовало новое возмущеніе, болѣе серьезное, нежели предъидущее.

Вернуться въ Польшу—таковъ былъ лозунгъ, которому повиновалось войско. Чтобы удержать дезертировъ, Дмитрій прибѣгнулъ, по словамъ Борши, къ довольно опасному средству. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ роткою Фредро, которой посчастливилось болѣе другихъ; она получила жалованье и обѣщала выручить его. Напрасныя старанія; всѣ расчеты Дмитрія оказались ошибочны; секретъ былъ обнаруженъ, и 10-го января 1605 г. вспыхнулъ бунтъ: анархія была полная, въ лагерѣ царствовала страшная неурядица; все было разграблено: съѣстные припасы, боевые снаряды, орудія и знамена. Гетманъ принялъ лично участіе въ усмиреніи мятежа, старался повліять на солдатъ, но ему удалось только добиться, что раздраженные до неистовства поляки успокоились на нѣсколько часовъ. На слѣдующую ночь гроза разразилась еще съ болѣею силою: не было никакой возможности укротить бѣшенство солдатъ. Всѣ громко требовали немедленнаго возвращенія въ Польшу; дезертиры тотчасъ ушли изъ лагеря.

Вслѣдствіе несчастнаго для Дмитрія совпаденія, самъ гетманъ, убѣждая прочихъ остаться, уѣхалъ, 14-го января, въ Польшу, подъ предлогомъ, будто имъ былъ полученъ отъ короля новый приказъ, которому онъ долженъ былъ повиноваться, и что ему было необходимо отстаивать на сеймѣ дѣйствія претендента. Престарѣлаго и болѣзненнаго воеводу, разумѣется, не особенно соблазнили тревоженія военнаго времени и всѣ случайности сраженій. Его обязанность принялъ Адамъ Дворжицкій. Но легче было избрать новаго начальника, нежели удержать подъ знаменами распущенное войско. Дмитріемъ все болѣе и болѣе овладѣвало безпокойство при видѣ того, что число дезертировъ увеличивалось. Онъ бѣгалъ отъ палатки къ палаткѣ, умолялъ поляковъ не покидать его и получалъ одни отказы, выраженные нерѣдко въ весьма оскорбительной для него формѣ. Онъ и этотъ разъ обратился за поддержкою къ ксендзамъ и со слезами просилъ ихъ помочь ему. Они обѣщали, во что бы то ни было, остаться съ нимъ. Это было имъ приказано, и они остались на своемъ посту, какъ доблестные воины; ихъ преданность своему долгу спасла Дмитрія. Въ самый критическій моментъ, войско увидѣло, что повозка, въ которой они ѣхали, двинулась по дорогѣ въ Москву; ихъ примѣръ повліялъ, какъ говорятъ, на многихъ поляковъ, которые еще колебались. Приблизительно тысяча двѣсти поляковъ согласились слѣдовать за паревичемъ и раздѣлить его участь; дезертировало не болѣе восьми сотъ человекъ.

Послѣ этихъ бурныхъ сценъ Дмитрій не рѣшился оставаться долѣе подѣ Новгородъ-Сѣверскомъ и снялъ осаду города. Его не пугала мысль, что у него въ тылу остаются крѣпости въ рукахъ непріятеля. Главной его цѣлью было добраться какъ можно скорѣе въ Москву, куда онъ надѣялся вступить побѣдителемъ. Сопровождаемый казаками и разстроенными польскими баталіонами, онъ двинулся къ Сѣвску, гдѣ рассчитывалъ собраться съ силами. Это былъ этапъ по пути къ столицѣ; городъ былъ вполне преданъ ему. Нѣсколько дней отдыха дали ему возможность оглянуться на прошлое и обсудить свое настоящее положеніе.

Его тревожили двѣ вещи: во-первыхъ, измѣна поляковъ, которая могла повториться, и во-вторыхъ, ходившіе среди русскихъ слухи объ его отреченіи отъ православной вѣры. Ему угрожала такимъ образомъ двойная опасность: быть покинутымъ поляками и сдѣлаться, какъ католикъ, ненавистнымъ русскимъ. Онъ полагалъ, что это было дѣло интриги, которая велась противъ него Замойскимъ и Янушемъ Острожскимъ; поэтому онъ прибѣгнулъ за помощью къ нунцію Рангони, умоляя защитить его. Изъ Сѣвска былъ посланъ въ Краковъ гонецъ съ этой просьбой ¹⁾. Но въ то время какъ царевичъ старался обезпечить себя съ этой стороны, его противники продолжали угрожать ему: еще одно сраженіе было неизбежно.

Князь Мстиславскій не терялъ изъ вида своего противника, онъ обдумывалъ, какъ отомстить ему. Послѣ пораженія подѣ Новгородъ-Сѣверскомъ, Борисъ Годуновъ, желая поднять духъ своего войска, обошелся съ побѣжденными какъ съ побѣдителями ²⁾. Онъ старался ободрить ихъ. Всѣмъ, начиная отъ начальника и кончая послѣднимъ солдатомъ, были оказаны знаки особаго царскаго благоволенія. Мстиславскаго пользовалъ придворный врачъ, присланный съ этой цѣлью изъ Москвы, — особая милость, оказываемая весьма рѣдко, только въ случаѣ крайней необходимости. Оправившись отъ ранъ, онъ успѣшно реорганизовалъ кадры своего войска. Къ нему былъ назначенъ въ помощники Василій Шуйскій, извѣстный своей хитростью и пронырствомъ, тотъ самый, который велъ слѣдствіе въ Угличѣ. Реорганизованное ими войско двинулось, совершая небольшіе переходы, къ Сѣвску. Въ концѣ января Дмитрію донесли, что онъ расположился лагеремъ около города.

При этомъ извѣстіи, въ станѣ претендента мнѣнія раздѣлились. Поляки, смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ съ болѣе правильной точки зрѣнія, хотѣли вести съ непріятелемъ переговоры, выиграть время, дѣйствовать

¹⁾ Архивъ папскаго престола, IV, f, 57 v°. Письмо Дмитрія къ Рангони отъ 18-го января 1605 г.

²⁾ Акты... арх. эксп., т. II, стр. 76, № 27. По старому стилю, день этой битвы показанъ 21-го декабря.

подкупомъ. Такая медлительность была не по вкусу казакамъ. Воины по профессіи, они горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ: Дмитрій присоединился къ ихъ мнѣнію. Впрочемъ, всѣ были увѣрены въ побѣдѣ и 30-го января 1605 г. съ радостнымъ чувствомъ пошли въ битву; сраженіе происходило въ окрестностяхъ маленькой деревушки, Добрыничи.

И этотъ разъ отъ насъ ускользаютъ нѣкоторыя подробности сраженія, въ которомъ шла борьба между личною доблестью и численностью. Силы Мстиславскаго значительно превосходили силы его противника. Численность одержала верхъ; впрочемъ, солдаты Дмитрія сражались не все время съ одинаковою доблестью. Вначалѣ, поляки повели атаку съ удивительной энергіей; эти прекрасные кавалеристы, помчавшіеся на непріятеля на своихъ быстрыхъ и прекрасныхъ лошадяхъ, отгвѣнили на первыхъ порахъ москвитянъ; быть можетъ, имъ удалось бы смять ихъ окончательно, если бы запорожцы, въ моментъ самаго жаркаго боя, не измѣнили Дмитрію. Ихъ было до семи тысячъ, и претендентъ разсчитывалъ на ихъ поддержку, какъ вдругъ, по его собственному свидѣтельству, они обратились самымъ постыднымъ образомъ въ бѣгство въ тотъ моментъ, когда на нихъ даже не было произведено атаки ¹⁾. Это бѣгство было такъ удивительно, что пронесся слухъ, будто казаки были подкуплены московскимъ золотомъ.

Борша, точно такъ же, какъ царевичъ, обвиняетъ въ этомъ казаковъ и приписываетъ имъ весь позоръ этого пораженія. Но чтѣ думать о поведеніи поляковъ? Начавъ сраженіе блистательно, они видимо слишкомъ скоро упали духомъ и, быть можетъ, черезчуръ поспѣшно послѣдовали за бѣжавшими казаками. Борша говоритъ о дѣйствіяхъ своихъ соотечественниковъ весьма снисходительно: по его словамъ, они устремились за казаками, чтобы вернуть ихъ на поле битвы. Это благородное побужденіе не было извѣстно Маржерету. Русская армія, говоритъ онъ, ослѣпленная пороховымъ дымомъ, «дала залпъ изъ 10 или 12 тысячъ пицалей, которые навели на поляковъ такой страхъ, что они пришли въ большое замѣшательство и обратились въ бѣгство». Но это не все. На помощь полякамъ шли поспѣшно ихъ остальные силы, «но, видя, что они бѣгутъ въ такомъ безпорядкѣ, они замедлили свой ходъ...». Читая эти разнорѣчивые разсказы очевидцевъ, получается такое впечатлѣніе, что въ Добрыничахъ арміей Дмитрія овладѣлъ тотъ паническій и ничѣмъ необъяснимый страхъ, который овладѣваетъ иногда войскомъ совершенно неожиданно, лишаетъ его увѣренности въ своихъ силахъ и

---

¹⁾ Дмитрій описываетъ сраженіе при Добрыничѣхъ въ письмѣ къ Рангони, которое затерялось. Онъ говоритъ объ этомъ и въ письмѣ отъ 18-го апрѣля. Архивъ папскаго престола, IV, t. 58.

причиняетъ ему болѣе вреда, нежели оружіе непріятеля. Вся армія Дмитрія обратилась въ бѣгство и такъ поспѣшно, что бѣглецы не вернулись даже въ лагерь, а побросали на мѣстѣ всѣ свои боевые снаряды, обозы, оружіе и повозки ¹⁾. Увлеченные всеобщимъ бѣгствомъ, іезуиты, схвативъ походную церковь, вскочили на лошадей, приготовленныхъ для Дмитрія, и хотя они были весьма неопытные всадники, но поскакали, что есть духу, рискуя сломать себѣ шею и изувѣчить себя.

Князь Мстиславскій торжествовалъ на полѣ битвы. Чтобы довершить побѣду, ему надобно было бы захватить самого претендента, лишивъ мятежниковъ ихъ предводителя и поляковъ того человѣка, коему они покровительствовали и за кого сражались,—это было самое главное. Годуновъ только этого и желалъ; война могла окончиться только съ плѣненіемъ Дмитрія. Но какимъ образомъ было достигнуть этого? гдѣ находился царевичъ? Въ то время когда его войско обратилось въ бѣгство, онъ самъ поспѣшно бѣжалъ и остановился, чтобы отдохнуть только, въ Путивлѣ, куда онъ прибылъ 3-го февраля и куда собрались остатки его арміи; его защитники возвратились къ нему истомленные, обезсиленные, неспособные къ дальнѣйшей защитѣ. Эта горсть бѣглецовъ представляла собою легкую добычу для москвитянъ. Еще нѣсколько часовъ, и Дмитрій погибъ бы окончательно, если бы непріятель сдѣлалъ еще одно послѣднее усиліе.

«Непріятель могъ бы преслѣдовать насъ,—писать Лавицкій,—настигнуть насъ и всѣхъ перебить и поджечь станъ; но Провидѣніе не допустило до этого, онъ остановился приблизительно въ разстояніи одной версты, не посмѣвъ воспользоваться одержанною побѣдою».

Дѣйствительно, медлительность Мстиславскаго совершенно непонятна. Неужели онъ не подозрѣвалъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи находились побѣжденные, неужели онъ не могъ, оставивъ свой обозъ, идти впередъ усиленными переходами, преслѣдовать непріятеля и нанести ему рѣшительный ударъ? Быть можетъ, это было не такъ легко, но во всякомъ случаѣ иначе поступить было невозможно. Въмѣсто того, Мстиславскій промедлилъ, не дошелъ даже до Путивля, остановился на полупути у Рыльска и началъ бомбардировать эту крѣпость, рискуя попасть межъ двухъ огней ²⁾. Благодаря этому Дмитрій былъ спасенъ.

¹⁾ Наше собраніе. 1605 г., 15-го апрѣля, письмо Лавицкаго къ Аквавивѣ

²⁾ Платоновъ (Очерки, стр. 267) прекрасно очертилъ всю безвыходность его положенія. Принимая во вниманіе слабость Дмитрія, затрудненія, предстоявшія ему, казались непреодолимы.

III.

Гамлетовскій вопросъ, представившійся Димитрію въ Путивлѣ.—Колебанія.—Сдержанность іезуитовъ.—Ихъ впечатлѣнія и замѣтки.—Негодяй Гришка Отрепьевъ.—Исполненіе Димитріемъ религиозныхъ обрядовъ.—Его молитва передъ сраженіемъ.—Частичка животворящаго креста.—Чудотворная икона Курской Божіей Матери.—Камень безоаръ.—Димитрій думаетъ о реформахъ.—Его нелюбовь къ русскимъ монахамъ.—Щекотливый вопросъ.—Димитрій жаждетъ знаній.—Его планы.—Его умъ и память.—Димитрій не разлучается въ Путивлѣ съ географической картою.—Попытка заняться наукою.—Письма и философія.—Три дня ученія.—Вниманіе и предупредительность.—Палатка іезуитовъ.—Праздники.—Симпатіи къ русскимъ.—Зрѣющая жатва.

Когда остатки арміи Димитрія собрались въ Путивлѣ, онъ могъ воочию убѣдиться въ томъ, какъ велико было постигшее его бѣдствіе. Изъ этого затруднительнаго положенія не представлялось никакого выхода; по крайней мѣрѣ Димитрій его не находилъ; онъ былъ опечаленъ, дошелъ почти до отчаянія. Не имѣя денегъ и людей, могъ ли онъ противостоять непріятелю? слѣдовало ли ему продолжать войну или слѣдовало вернуться обратно? Можно ли было еще взять смѣлостью и отвагою, или слѣдовало отказаться отъ короны, которой не было возможности достигнуть? Ему приходилось рѣшить роковой Гамлетовскій вопросъ, и онъ не зналъ, что отвѣтить на него ¹⁾.

Димитрій, въ откровенной бесѣдѣ съ іезуитами, высказалъ имъ свои мысли и свѣдающую его тревогу. Прежде всего обсуждался ими вопросъ о понесенномъ пораженіи. По мнѣнію ксендзовъ, казаки не были ни единственными, ни главными виновниками этого пораженія. Они становились на болѣе возвышенную точку зрѣнія и проводили по поводу послѣднихъ событій какую-то сверхъестественную теорію. Во время сраженія, говорили они, какой-то солдатъ изнасиловалъ одну русскую женщину; фактъ былъ вопіющій, онъ требовалъ возмездія. «Вотъ,—говорили ксендзы,—гдѣ слѣдуетъ искать истинную причину постигшаго насъ бѣдствія. Преступленія, совершаемые людьми, навлекаютъ гнѣвъ Божій; этимъ объясняется бѣгство солдатъ». Димитрій согласился съ ними, былъ глубоко возмущенъ гнуснымъ поступкомъ и говорилъ пространно на эту тему. Но въ концѣ этой тирады опять возникъ мучительный для него вопросъ, который онъ самъ не могъ рѣшить и который ему

¹⁾ Вся эта глава написана по дневнику (Diarium) о. Лавицкаго, его письмамъ и письмамъ Чижовскаго. Одни изъ нихъ хранятся въ Ватиканскомъ архивѣ (рукоп. Боргезе, II, 499; III, 90, b.), другія находятся въ нашемъ собраніи. Незначительное число этихъ писемъ напечатано въ „Rome et Démétrius“.

хотѣлось, чтобы за него рѣшили другіе: слѣдовало ли продолжать войну или не слѣдовало? Священники ничего не могли отвѣтить на это. Рангоны строго-на-строго указаль и ограничилъ ихъ обязанности: политика и война не входили въ кругъ ихъ дѣятельности. Они посовѣтовали Дмитрію поговорить объ этомъ съ его товарищами по оружію и ограничились своимъ излюбленнымъ приговомъ объ упованіи на Бога, властителя жизни и смерти.

Впрочемъ, эта мучительная нерѣшимость продолжалась не долго. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ Дмитріемъ въ Путивлѣ, самыя изумительныя событія слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротою, что претендентъ вскорѣ позабылъ о своихъ неудачахъ и снова принялся за дѣло, проявивъ необычайную энергію и дѣятельность. Ксендзы имѣли случай часто видѣть его довольно близко, бесѣдовать съ нимъ и наблюдать за нимъ. Вынесенныя ими впечатлѣнія освѣщаютъ его личность.

Дмитрій обладалъ искусствомъ быть откровеннымъ, довѣрчивымъ и въ то же время не выдавать своихъ тайнъ. Онъ не обнаруживаль своихъ политическихъ плановъ, но любилъ побесѣдовать откровенно о своихъ видахъ на будущее и разсуждать на общія темы. Его пылкая фантазія рисовала ему яркія картины будущаго, и онъ умѣлъ передать ихъ въ плѣнительной формѣ. Записывая, по возвращеніи домой, свои разговоры съ Дмитріемъ, ксендзы находились очевидно подъ обаяніемъ его неистощимаго, блестящаго краснорѣчія и его смѣлыхъ рѣчей, которыя поддерживали самыя завѣтныя ихъ надежды и упреждали событія. Впечатлѣніе получалось тѣмъ болѣе сильное, что Дмитрій былъ въ ихъ глазахъ истиннымъ сыномъ Іоанна IV. Если бы они сколько-нибудь сомнѣвались въ этомъ, то восторженный пріемъ, оказанный ему москвитянами, убѣдилъ бы ихъ скоро въ противномъ. Противодѣйствіе Дмитрію шло свыше и поддерживалось силою. Предоставленный самому себѣ, народъ легко переходилъ на его сторону. Восторгъ и преданность народа принимали иногда тотъ зловѣщій характеръ, коимъ отличаются народныя движенія, такъ, напр., два воеводы были убиты толпою, какъ только ихъ заподозрили въ сообществѣ съ измѣнниками. Народъ не слушалъ болѣе Годунова и не обращалъ вниманія на проклятіе, коимъ угрожалъ ему патріархъ Іовъ. Царь и патріархъ тщетно проклинали мнимаго царевича и называли его Гришкой Отрепьевымъ, народъ продолжалъ считать Дмитрія истиннымъ царевичемъ и восторженно привѣтствовалъ его. Дмитрій, дѣйствовавшій тутъ осторожно, нежели въ Польшѣ, позаботился о томъ, чтобы установить различіе между собою и Гришкою Отрепьевымъ. Въ Путивлѣ былъ приведенъ отъявленный негодяй и колдунъ, и очевидцы удостовѣрили, что это и былъ тотъ самый Гришка Отрепьевъ, именемъ котораго Годуновъ

смущалъ народъ. Мы увидимъ далѣе, какое значеніе можно было придавать ихъ свидѣтельству.

Въ глазахъ толпы истинный царевичъ могъ быть только ревностнымъ сыномъ православной церкви. Димитрій былъ до того убѣжденъ въ этомъ, что онъ ревниво оберегалъ тайну своего отреченія отъ православія и считалъ, что только враги могли выдать ее; втихомолку же, по крайней мѣрѣ передъ іезуитами, онъ соблюдалъ обряды католической церкви и дѣлалъ видъ, что относится къ нимъ совершенно серьезно. Не только на Рождество, но и на Пасху, когда воевода уже не ходилъ болѣе за нимъ по пятамъ, онъ исповѣдывался по своему собственному желанію и пріобщился Св. Тайнъ и, все еще мечтая о коронѣ, обѣщалъ сдѣлать то же наканунѣ своего коронованія. Его храбрость доходила иной разъ до того, что онъ давалъ душеспасительные совѣты полякамъ и посылалъ ихъ къ ксендзамъ за отпущеніемъ отъ грѣховъ. Тѣмъ не менѣе его набожность была чисто внѣшняя, показная: такимъ образомъ онъ впадалъ въ ту ошибку, въ которой упрекалъ другихъ. Онъ любилъ давать обѣты и обѣщанія, въ надеждѣ на успѣхъ, нерѣдко просилъ ксендзовъ благословить его. Рангони передаетъ, что передъ сраженіемъ онъ преклонялъ колѣна и читалъ слѣдующую молитву: «Господи, если дѣло мое правое, помоги и защити меня; если оно неправое, покарай меня по Своей справедливости». Припомнимъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ принималъ частичку животворящаго креста. Одержавъ побѣду, онъ сталъ еще болѣе дорожить ею и чтить ее и употреблялъ ее, по русскому обычаю, когда давалъ клятву. При перенесеніи въ Путивль чудотворной иконы Курской Божіей Матери, Димитрій обратилъ всеобщее вниманіе богомольцевъ своимъ усердіемъ ¹⁾. Онъ встрѣтилъ икону, велѣлъ обнести ее вокругъ стѣнъ и держалъ все время около себя. Даже болѣзнь не мѣшала ему разыгрывать свою роль. Въ первыхъ числахъ мая, мучимый лихорадкою, не имѣя врача и какой-либо помощи, онъ не зналъ, что дѣлать. Ему предложили испробовать цѣлебное дѣйствіе камня безоара ²⁾. Ксендзы запаслись имъ, и народная молва приписывала ему чудеса. Димитрій изъявилъ готовность сдѣлать опытъ. Кусочекъ драгоцѣннаго противоядія былъ тотчасъ брошенъ въ воду; всѣ преклонили колѣна вокругъ больного, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, прочелъ «Отче нашъ» и проглотилъ лѣкарство. Онъ вскорѣ поправился и сдѣлался большимъ поклонникомъ безоара.

Въ Путивлѣ не обсуждался вопросъ о воссоединеніи церквей; онъ былъ исчерпанъ въ бесѣдахъ съ Рангони и въ договорѣ, заключенномъ

¹⁾ Бареццо Барецци, стр. 13.

²⁾ Безоаръ, безоаровый камень—твердая отложенія въ желудкѣ безоаровой козы. На востокѣ употребляется какъ лѣкарство и цѣнится очень дорого.

Прим. переводчика.

съ Мнишекомъ. Тѣмъ не менѣе религіозные вопросы занимали царевича, и онъ говорилъ о нихъ подчасъ, какъ человекъ, мечтающій о преобразованіяхъ. Его интересовалъ въ особенности одинъ пунктъ. Проживъ долгое время съ монахами, онъ хвасталъ тѣмъ, что знаетъ ихъ хорошо, но не питалъ къ нимъ особенной вѣжности. Напротивъ, онъ относился къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ; прислушиваясь къ его жалобамъ на чернецовъ, видно было, что онъ почувствовалъ все, что онъ говорилъ. Онъ не уважалъ ихъ внѣшняго благочестія; ихъ ханжество возмущало его; по его словамъ, русскіе монахи придавали исполненію пустыхъ обрядовъ болѣе значенія, нежели соблюденію главныхъ догматовъ религіи. Онъ возводилъ противъ нихъ еще болѣе серьезныя обвиненія, его отвращеніе къ монахамъ имѣло болѣе вѣскія причины: онъ укорялъ ихъ въ распутствѣ, праздности, невѣжествѣ, въ томъ, что они дотогу пренебрегаютъ правилами монастыря, что не помнятъ даже имени его основателя и происхожденія ихъ ордена. Всякій разъ какъ объ этомъ заходила рѣчь, Димитрій былъ неистощимъ; въ его словахъ слышались гнѣвъ и озлобленіе, можно было подумать, что онъ готовъ мстить имъ. Однажды, произнося грозную рѣчь противъ подобнаго рода монастырей, онъ предложилъ ксендзамъ вопросъ: «Что дѣлать, какъ взяться за дѣло, чтобы искоренить всѣ эти злоупотребленія?» Вопросъ былъ щекотливый и могъ возбудить подозрительность русскихъ. Ксендзы предпочли предоставить юному реформатору дѣйствовать по его собственному вдохновенію.

Былъ еще рядъ мыслей, на которомъ Димитрій останавливался особенно охотно: онъ страстно любилъ науку. Пребываніе за границею дало ему возможность сдѣлать кое-какіе выводы и сравненія. Польша Ягеллоновъ, усѣянная высшими училищами и школами, очевидно, стояла въ то время выше невѣжественной и отсталой Московіи. Димитрій ясно понималъ причину этого явленія; онъ мечталъ о всевозможныхъ школахъ для имперіи, которой, хотѣлъ управлять, и рѣшилъ основать ихъ безотлагательно. У него были по этому поводу совершенно опредѣленные планы. Его твердымъ намѣреніемъ было создать въ Россіи академіи и школы. Онъ хотѣлъ послать молодыхъ москвитянъ за границу и вызвать въ Москву большое число учителей и учениковъ, чтобы сразу завести начальныя школы и высшія учебныя заведенія. Онъ далъ бы этимъ большой толчекъ образованію и, имѣя хорошихъ помощниковъ, достигъ бы вѣроятно лучшихъ результатовъ, нежели Борисъ Годуновъ. Сто лѣтъ спустя, когда въ исторіи Россіи совершился крупный переворотъ, Петръ I прибѣгнувъ къ тому же средству и дѣйствовалъ такъ же энергично и рѣшительно, какъ намѣревался дѣйствовать Димитрій.

Въ этомъ стремленіи къ наукѣ не было ничего преувеличеннаго; оно пронестекало у Димитрія изъ внутренняго убѣжденія. Онъ былъ ода-

рень блестящимъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ, легко схватывалъ всякій вопросъ по существу и во всѣхъ его подробностяхъ; изумительная память никогда не измѣняла ему. Но его природныя способности весьма мало были развиты ученіемъ; весь запасъ его литературныхъ свѣдѣній ограничивался нѣсколькими текстами изъ Библии, преимущественно изъ Новаго Завѣта и довольно смутными и отрывочными свѣдѣніями изъ исторіи и географіи. Ему знакомы были имена и подвиги Филиппа Македонскаго и Александра Великаго, Константина и Максенція; при случаѣ онъ могъ поговорить о Геродотѣ. Гдѣ бы онъ ни жилъ, даже временно, на его столѣ всегда лежала географическая карта, которой онъ умѣлъ пользоваться и которую онъ твердо изучилъ. Нагнувшись надъ нею, онъ показывалъ ксендзамъ путь въ Индію черезъ Московію, сравнивалъ его съ морскимъ путемъ, обитавшимъ мысъ Доброй Надежды, и перечислялъ всѣ преимущества перваго пути. По части лингвистики несомнѣнно, что онъ не зналъ латинскаго языка и лучше владѣлъ русскимъ языкомъ, нежели польскимъ. Уже по этому одному онъ могъ заткнуть за поясъ московскихъ бояръ, изъ коихъ многіе никогда не открывали книги и не написали ни одного письма.

Но всѣ эти знанія были ничтожны по сравненію съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ знать: онъ жаждалъ пріобрѣсти во всемъ основательныя познанія. Досугъ, коимъ онъ пользовался въ Путивлѣ, подалъ ему мысль сдѣлать къ этому попытку. 20-го апрѣля онъ пригласилъ къ себѣ обоихъ ксендзовъ и, къ величайшему ихъ изумленію, въ присутствіи нѣсколькихъ москвитянъ завелъ съ ними рѣчь объ истинной мудрости и средствахъ къ достиженію ея, высказавъ между прочимъ ту мысль, что монархъ долженъ въ совершенствѣ обладать военнымъ искусствомъ и быть одушевленъ любовью къ наукѣ. Послѣ этого предисловія, онъ заявилъ рѣшительно, что хочетъ заняться науками: и просилъ ксендзовъ помочь ему въ этомъ. Застигнутые врасплохъ, они не знали, что отвѣчать, и выразили опасеніе, что главнокомандующій арміей будетъ не особенно усерднымъ ученикомъ и броситъ когда-нибудь грамматику, чтобы скакать на поле битвы. Димитрій не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій и просилъ ихъ послѣшить. На слѣдующій день іезуиты попробовали еще разъ уклониться отъ этого, хотя въ душѣ рѣшили исполнить его желаніе. Но Димитрій не хотѣлъ ничего слушать. Увидавъ въ рукахъ о. Андрея книгу, онъ взялъ ее: это было сочиненіе Квинтиліана. Не теряя времени на разговоры, онъ предложилъ ксендзамъ сѣсть и подалъ книгу отцу Андрею: «Потрудитесь читать ее, сказалъ онъ, и объясните мнѣ нѣкоторыя мѣста этого сочиненія. Я слушаю васъ съ удовольствіемъ». Этотъ первый урокъ, который ограничился вѣроятно самыми общими свѣдѣніями, сильно подстрекнулъ его любопытство. Онъ настаивалъ на своемъ планѣ. Начался правильный курсъ занятій: по утру одинъ часъ былъ посвященъ философіи, а ве-

черомъ грамматикѣ и литературѣ. Преподаватели говорили по-польски, секретарь записывалъ ихъ слова и переводилъ по-русски, чтобы облегчить Димитрію занятія. Димитрій держалъ себя какъ простой школьникъ: онъ серьезно отвѣчалъ урокъ, стоя передъ іезуитами, съ непокрытой головою. Но это усердіе продолжалось не долго. Москвитяне были недовольны продолжительными бесѣдами Димитрія съ іезуитами; среди нихъ начали ходить неблагопріятныя для него слухи, и по прошествіи трехъ дней занятія были прекращены.

Хотя Димитрій болѣе не занимался съ іезуитами, по они находились въ постоянномъ общеніи. Отецъ Андрей былъ его секретаремъ и писалъ ему все письма на латинскомъ языкѣ. Впрочемъ, ихъ отношенія не всегда были равныя. Первое время, когда счастье улыбнулось ему, Димитрій держалъ себя отъ нихъ нѣсколько дальше, но неудача вскорѣ сблизилъ его съ іезуитами, и послѣ временнаго охлажденія онъ сталъ относиться къ нимъ еще внимательнѣе и довѣрчивѣе. Онъ вспоминалъ въ любезныхъ выраженіяхъ услуги, оказанныя ему обоими ксендзами, приглашалъ ихъ къ своему столу и по московскому обычаю пилъ за здравіе ихъ генерала, провинціала и за весь орденъ іезуитовъ. Въ такія минуты онъ дѣлался откровененъ, предавался мечтамъ о будущемъ и то и дѣло возвращался къ своей излюбленной темѣ объ образованіи и прогрессѣ. Онъ мечталъ какъ можно скорѣе основать въ разныхъ городахъ Имперіи многочисленныя училища, живо интересовался вопросомъ объ ихъ внутреннемъ устройствѣ и о затратахъ, какія это повлечетъ за собою. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что ксендзы уже обсуждали планъ будущей школы и даже просили дать имъ необходимыя полномочія для того, чтобы устроить ее.

Димитрій умѣлъ быть предупредительнымъ и любезнымъ во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни. Онъ былъ въ высшей степени деликатенъ. Такъ, напр., онъ выразилъ желаніе, чтобы іезуиты пользовались однимъ столомъ съ нимъ, освѣдомлялся объ ихъ здоровьи, заботился объ ихъ экипажѣ и лошадяхъ, дарилъ имъ для походной церкви матеріи и образа и платилъ даже разныя мелочи по ихъ текущимъ счетамъ. Всѣ эти любезности усугублялись выраженіемъ его особой къ нимъ симпатіи. Однажды онъ примѣрялъ священническую шапочку и смотрѣлся въ зеркало.

— Эта шапочка какъ нельзя болѣе идетъ вамъ,—сказалъ одинъ полякъ, но вамъ нужна царская корона.

— Что касается меня,—возразилъ претендентъ,—то я не прочь былъ бы сдѣлаться со временемъ монахомъ.

Можно было догадаться, о какихъ монахахъ онъ говорилъ.

Каковы ни были его чувства, Димитрію было весьма важно оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ іезуитами, которые приобрѣли въ силу своего сана неоспоримое вліяніе на войско; ихъ палатка служила

походною церковью, она была всегда открыта. Солдаты собирались туда отстоять обѣдню, слушать проповѣди, поученія. Въ эту невѣжественную и грубую массу нужно было сѣять пригоршнями доброе сѣмя. Во время Рождественскаго и Великаго поста ревность къ исполненію религіозныхъ обрядовъ еще болѣе увеличилась. Великіе праздники праздновались торжественно, при звукахъ военной музыки и стрѣльбѣ изъ орудій. На Пасху солдатамъ было предложено въ видѣ зрѣлища остроумное драматическое представленіе. Москвитяне были преисполнены восторга и удивленія. Ксендзы были очень дѣятельны: они посѣщали ежедневно больныхъ, ухаживали за ранеными, ободряли солдатъ передъ сраженіемъ, рисковали даже спускаться во рвы осажденныхъ городовъ. Такимъ образомъ между солдатами и іезуитами возникла близкая и прочная связь. Димитрій вскорѣ подмѣтилъ это и былъ слишкомъ уменъ, чтобы не воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ.

Впрочемъ, вліяніе ксендзовъ ограничивалось почти исключительно одними поляками. Съ москвитянами, находившимися въ войскѣ, имъ приходилось держать себя весьма осторожно, довольствуясь тѣмъ, что они могли жить съ ними въ добромъ согласіи. Русскіе подозрѣвали Димитрія въ приверженности къ латинской церкви, и въ нихъ такъ сильно укоренилось предубѣжденіе противъ католиковъ, что о сближеніи съ ними нечего было и думать. Что касается казаковъ, то они заботились болѣе всего о томъ, какъ бы поживиться добычею, и только весьма немногіе интересовались вопросами религіи.

Простой народъ оказался доступнѣе вліянію іезуитовъ, въ особенности въ Путивлѣ, гдѣ армія простояла довольно долго. Черная ряса іезуитовъ никого тамъ не пугала, народъ приходилъ слушать ихъ проповѣди и присутствовалъ при богослуженіи; наиболѣе смѣлые заходили даже къ ксендзамъ въ домъ, гдѣ многіе предметы возбуждали ихъ любопытство: самыя обыкновенныя вещи казались имъ чѣмъ-то особеннымъ; ихъ очень занимала шапочка, которую носили іезуиты, они внимательно осматривали ее со всѣхъ сторонъ и примѣряли. Вскорѣ весь городъ зналъ іезуитовъ. Дѣти показывали на нихъ пальцами, когда они выходили изъ дому, и бѣжали имъ навстрѣчу. Нѣкоторыя лица, быть можетъ по наущенію поляковъ, просили, чтобы ксендзы учили ихъ читать и писать. Одинъ попъ выразилъ даже желаніе учиться по-латыни, а какой-то молодой человѣкъ хотѣлъ даже сопровождать своихъ будущихъ учителей въ Москву. Всѣ эти выраженія симпатіи были пріятны ксендзамъ. Они не скрывали возрастающей своей симпатіи къ русскому народу, дѣлѣли смутныя надежды и, видя эту зрѣющую жатву, желали, чтобы для сбора ея было побольше работниковъ.

Событія, повидимому, оправдывали ихъ надежды; поражение принесло претенденту болѣе пользы, нежели побѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указаніе кн. А. Н. Голицына на направленіе „Военнаго Журнала“ 1818 г.

1.

Письмо князя А. Н. Голицына—Н. М. Сипягину.

28-го марта 1818 г. № 679.

Милостивый Государь мой Николай Мартемьяновичъ.

«Военный Журналъ», издаваемый здѣсь при гвардейскомъ штабѣ, выходитъ, какъ извѣстно, безъ цензурнаго просмотра. Таковое право свободнаго книгопечатанія присвоается правительствомъ нѣкоторымъ ученымъ сословіямъ въ предположеніи, что издаваемыя ими книги, или періодическія сочиненія имѣють въ виду единственно общую пользу.

Читая «Журналъ Военный» собственно для себя, пораженъ я былъ удивленіемъ, что въ первой на сей годъ книжкѣ онаго, подъ статью *Метафизика войны* излагаются мысли и сужденія, которыя не могутъ быть терпимы ни въ какомъ благоустроенномъ, христіанскомъ государствѣ. Я долгомъ почитаю сообщить вашему превосходительству мои замѣчанія, будучи увѣренъ, что вы съ ними согласитесь.

Напримѣръ, сочинитель или переводчикъ сей статьи, рассуждая о причинахъ и побужденіяхъ къ храбрости, на страницѣ 5-й говоритъ:

«Суевѣріе, безъ сомнѣнія, есть сильнѣйшая пружина въ человѣкѣ, побуждающая его презирать жизнь и не страшиться смерти. Оно сулитъ награды въ другомъ мірѣ, за предѣлами сей краткой жизни, на которую пріучаетъ взирать съ равнодушіемъ; представляетъ награды свои великими, совершенными, превосходными, вѣчными, словомъ сказать, чертитъ ихъ по волѣ нашихъ желаній, наконецъ убѣждаетъ насъ, что мы сражаемся съ беззаконниками, погрязшими въ неправдѣ и порокахъ; сражаемся за вину самую справедливую за дѣла самого неба» (стр. 5).

Симъ проницескимъ разсужденіемъ писатель весьма явно желаетъ удостовѣрить, что вѣра христіанская есть, будто бы, не что иное, какъ токмо лстящее самолюбію суевѣріе. Священный гласъ ея, призывающій иногда на защиту святыни и отечества, есть по его мнѣнію только гласъ страстей нашихъ и, наконецъ, лживо общаетъ она вѣчныя, совершенныя награды подвижникамъ своимъ, чертя оныя по волѣ желаній нашихъ, то-есть, онъ утверждаетъ, что вѣра есть мечта, движущая нами въ угодность тѣмъ же страстямъ.

Потомъ на страницѣ 7-й упоминаетъ онъ, что и Магометъ употреблялъ средствомъ къ возбужденію храбрости въ войскахъ своихъ то же суевѣріе; далѣе изясняетъ, что «вліяніе суевѣрія не имѣтъ теперь дѣйствія на войска французскія, хладнокровныя къ вѣрѣ; итакъ нужно прибѣгнуть къ другимъ страстямъ, для возбужденія ихъ храбрости», каковою признаетъ любовь къ отечеству. Изъ всего того легко видѣть можно, что писатель статьи сей старается представить въ одинаковой степени достоинства, и вѣру и суевѣріе и магометанство и страсти, и даже выгоднѣе отзывается о нѣкоторыхъ суевѣрныхъ языческихъ обрядахъ, нежели о самой христіанской вѣрѣ, признавая первые освященными духомъ времени и уваженіемъ народовъ (стр. 6).

Я предоставляю собственному суду вашего превосходительства, какое сдѣлать заключеніе о пользѣ такого сочиненія, въ которомъ христіане столь предосудительно говорятъ о христіанской вѣрѣ и предъ христіанами же и въ такомъ государствѣ, гдѣ правительство тщится поддержать и утверждать религію всѣми мѣрами. Вамъ извѣстно самимъ, что христіанская вѣра, основанная на истинахъ Евангельскихъ, служитъ твердѣйшею опорой государствамъ и правительствамъ, и тамъ, гдѣ она не уважается, народы впадаютъ во всѣ неистовства разврата, буйства и безначалія. Мы видѣли тому примѣры разительнѣйшіе, и въ послѣднюю Отечественную войну нашу съ французами, когда мужественные воины російскіе, призывая имя Божіе, шли отважно на отраженіе врага отъ домашнихъ предѣловъ, а соотечественники ихъ въ теплыхъ молевіяхъ изливали предъ Богомъ Спасителемъ своимъ душу и сердце, исполненыя вѣрою и надеждою на него. Государь императоръ самъ изволилъ признать торжественно предъ цѣлымъ свѣтомъ, что и онъ приписываетъ всю славу побѣды единому Богу; онъ самъ призывалъ подданныхъ своихъ и по нынѣ призываетъ ихъ пребыть вѣрными христіанской вѣрѣ, поставляетъ ее основаніемъ всего человѣческаго благополучія, необходимостію, долгомъ для каждаго въ особенности и правиломъ для всѣхъ вообще. Почему вы согласитесь со мною, что издатели книгъ не могутъ позволить себѣ помѣщать въ нихъ правила, противныя желанію правительства и монарха. Сіе тѣмъ паче невозможно въ «Военномъ Журналѣ», издаваемомъ для чтенія молодыхъ офи-

церовъ, кои должны почерпнуть оттуда правила для своихъ поступковъ, образа мыслей и наученія.

Хотя я и не имѣю собственнаго и прямаго участія въ семь журналь, но по званію моему министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, обязанностію себѣ вмѣняю обратить вниманіе ваше, милостивый государь мой, на сіе обстоятельство, и надѣюсь, что вы найдете сами за необходимое внушить издателямъ сего журнала, чтобы впредь подобныхъ, оскорбляющихъ православную вѣру нашу статей въ ономъ помѣщаемо не было, и чтобы вообще содержаніе его всегда соотвѣтствовало довѣренности монаршей, каковою оно пользуется и по которой журналъ сей освобождается отъ цензурнаго просмотра.

Можетъ быть, ваше превосходительство найдете приличнымъ напечатать самое сіе письмо въ «Военномъ Журналь», не упоминая токмо о томъ, кто оное писалъ, дабы читатели журнала, кои видѣли помянутую статью, выведены были изъ заблужденія, въ каковое, вѣроятно, нѣкоторые могли введены быть ею, и узнали, что содержаніе ея ни мало не одобряется и противно правиламъ христіанства.

Какое же употребленіе изъ сего расположитесь сдѣлать, я съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего на то отзыва, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Голицыня.

Собственною рукою князя Голицына написано: «P.S. Само собою, разумѣется, ежели вы найдете нужнымъ напечатать сіе письмо, то нужно будетъ не помѣщать въ немъ, что касается до министра духовныхъ дѣлъ».

2.

Письмо Н. М. Сипягина—князю А. Н. Голицыну.

29-го марта 1818 г.

Милостивый Государь князь Александръ Николаевичъ.

Получивъ сейчасъ почтеннѣйшій отзывъ вашего сіятельства съ замѣчаніями на статью, помѣщенную въ первой книжкѣ «Военнаго Журнала», спѣшу отвѣчать на оное. Издатели, помѣстивъ статью сію, сдѣлали на оную, и именно на мѣсто, указываемое вашимъ сіятельствомъ, свои замѣчанія; но виноваты въ томъ только, что положили помѣстить ихъ при концѣ статьи въ третьей книжкѣ «Военнаго Журнала», которую на сихъ дняхъ буду имѣть честь препроводить къ вамъ, а для большаго

*

удостоверенія, прилагаю при семъ съ оныхъ копію ¹⁾. Но чтобы еще болѣе показать согласіе мое съ мнѣніемъ вашимъ, я приказалъ помѣстить въ той же книгѣ и письмо вашего сіятельства сходно со сдѣланными примѣчаніями.

Съ моей стороны я всегда непремѣннымъ имѣю правиломъ свято соблюдать постановленія всемплоствѣйшаго государя и отнюдь не позволяю подчиненнымъ своимъ въ толкованіяхъ удалаться отъ того, что составляетъ наше счастье и земное и вѣчное. Ежели одна сія статья не можетъ оправдать издателей, то до сихъ поръ они въ выборѣ статей строго избѣгали всего, могущаго навлечь непріятности; но при всемъ томъ не преминулъ подтвердить имъ ни малѣйше не удалаться отъ постановленныхъ правилъ и избѣгать даже всякаго случая, двусмысленно могущаго быть разтолкованнымъ. А чтобы еще болѣе показать вашему сіятельству, что при изданіи журнала не имѣю намѣренія

---

¹⁾ Въ № 3 журнала на страницѣ 6-й въ примѣчаніи отъ редакціи было напечатано: „Переводчикъ сей статьи нарочно не выпустилъ ничего изъ содержанія, дабы показать, какъ думаютъ о важнѣйшихъ предметахъ мнимые законодатели вкуса и просвѣщенія; но будучи несогласенъ съ мнѣніемъ сочинителя, не можетъ умолчать о сбивчивомъ его понятіи на счетъ вѣры, понятіи, показывающемъ отпечатокъ челоуѣка, напоеннаго гибельными правилами того времени, когда изступленные умы хотѣли разрушить все священное для народовъ, все составляющее счастье государствъ. Назвать вѣру христіанскую суевѣріемъ, смѣшать оную съ язычествомъ и магометанствомъ есть непростительное заблужденіе. Какъ можно сдѣлать столь уничижительное сравненіе? Какъ можно назвать скоропреходящую страстію единственное благо жизни нашей, единственную ограду въ горести, святу ю вѣру? Она одна можетъ произвести величайшія пожертвованія; она одна, показывая намъ тлѣнность земнаго счастья и могущество добродѣтели, даетъ надежду приобрѣсти истинное незыблемое счастье; она одна можетъ спасти государства и народы отъ угрожающей имъ гибели. Напрасно будетъ возбуждать полководецъ страсти своихъ воиновъ, когда они не имѣютъ вѣры: они не знаютъ ничего священнаго въ мірѣ, и готовы все содѣлать игрушкой равращенныхъ, буйныхъ своихъ страстей. Падеть и вождь, который основалъ зданіе своего величія на зыбкихъ страстяхъ; погибнетъ и воинство, которое пожертвовало страстямъ вѣрою и добродѣтелями. Читая статью сію, можно бы подумать, что она писана у народа, наслаждающагося земнымъ счастіемъ, что Всевышній, укротя гнѣвъ свой и ожидая долготерпѣливо исправленія заблудшихъ дѣтей своихъ, не лишилъ еще ихъ благодати своея, не простеръ еще на нихъ гнѣва своего. Но ежели войска французскія, вѣря словамъ писателя, и послѣ столь страшнаго недавняго урока, хладнокровны къ вѣрѣ, ежели гибель соотчичей ихъ въ предѣлахъ государства, гдѣ сильнѣйшею подпорою почитается вѣра, двукратное торжественное вступленіе въ столицу ихъ воиновъ, подвизавшихся съ теплою вѣрою въ Спасителя, и примѣръ великаго государя, отдавашаго всю славу дѣлъ своихъ Богу, ежели все это, говорю, не могло разогнать душевнаго мрака ихъ, то жалокъ народъ, который, будучи увлекаемъ порывами страстей, быстро влечется къ своей гибели“.

избѣгать правилъ цензуры, я приказалъ доставлять въ цензурный комитетъ всѣ статьи, начиная съ пятой книжки, ибо четвертая уже набрана.

Я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что какъ я лично, такъ и всѣ подчиненные мои, будучи воспитаны въ правилахъ вѣры, точно соблюдаютъ всѣ уставы ея и никогда не намѣрены удалиться отъ ея постановленій.

Ожидая на сіе отвѣта вашего сіятельства, до полученія котораго прикажу удержать раздачу третьей книжки «Военнаго Журнала», съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Николай Сипягинъ.

3.

Письмо князя А. Н. Голицына—Н. М. Сипягину.

31-го марта 1818 г. № 166.

Милостивый Государь мой Николай Мартемьяновичъ. На отношеніе вашего превосходительства отъ 29-го сего мѣсяца, поспѣшаю симъ отвѣтствовать, что составленную издателями «Военнаго Журнала» статью, въ опроверженіе помѣщенной въ 1-й книжкѣ того же журнала подъ названіемъ *Метафизика войны*, нахожу я прилично къ показанію, что ложныя мнѣнія на счетъ христіанской религіи, въ прежней статьѣ изложенныя, не одобряются издателями сего журнала.

Что же касается до намѣренія вашего доставлять въ цензурный комитетъ всѣ статьи «Военнаго Журнала» для одобренія къ печатанію, то въ письмѣ моемъ къ вамъ не имѣлъ я въ виду требовать цензурованія сего журнала, не считая себя на то въ правѣ, но если вашему превосходительству угодно будетъ то исполнить, сіе отъ васъ зависитъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и проч.

Замѣчанія кн. Голицына были напечатаны на стр. 61 № 3 журнала подъ именемъ письма «Почтенной особы» съ слѣдующимъ заключеніемъ: «Кто не признаетъ истины замѣчаній почтенной особы, удостоившей издателей своимъ письмомъ, и не отдастъ всей должной справедливости основательнымъ ея сужденіямъ? Издатели, будучи одушевлены тѣми же чувствами приверженности къ святой вѣрѣ, поспѣшили напечатать сіе письмо, полагая съ своей стороны, что оно доставитъ читателямъ «Военнаго Журнала» особенное удовольствіе» (стр. 63).

**Письмо И. И. Дмитриева къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью
за присланную книгу.**

Ноября 21-го 1818 г. Москва.

Милостивый Государь мой Николай Иванович! Вы не можете представить, сколько я порадованъ былъ вашимъ подаркомъ, и по чувствамъ патріота, и по участію, которое всегда беру въ доброй славѣ земляковъ моихъ, т. е. симбирянъ, въ вашей же и подавно, помня издавна пріятельскую связь домовъ нашихъ. И такъ примите искреннюю благодарность мою за вашу книгу¹⁾, а съ тѣмъ вмѣстѣ взаимный и отъ меня подарокъ въ экземпляръ новаго, хотя и жалкаго, изданія моихъ стихотвореній. Совѣщусь отплачивать вамъ за дѣльную книгу пустословіемъ стихотворнымъ: что же дѣлать? чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. По крайней мѣрѣ вмѣните это въ знакъ искренняго моего къ вамъ почтенія, съ которымъ навсегда имѣю честь быть, милостивый государь мой, покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

Сообщилъ П. Н. Тургеневъ.

---

¹⁾ „Опытъ теоріи налоговъ“ изд. 1-ое, С.-Петербургъ, 1818 г.

Изъ записокъ стараго преображенца.

1853 годъ.

ХІІ ¹).

Полковой командиръ графъ Барановъ. — Его характеристика. — Капунъ Восточной войны. — Отношенія императора Николая I къ преображенцамъ. — Перестройка казармъ 1-го баталіона. — Полковой штабъ. — Ранжировка полка. — Маневры.

еремѣна полковаго командира въ полку—то же, что перемѣна хозяина во всякомъ хозяйствѣ.

Опять оправдалась пословица: «Слогъ—это человѣкъ!» Новый полковой командиръ возвѣстилъ новое вступленіе совершенно безыскусственнымъ приказомъ, — общепринятою формулою «по всѣмъ дѣламъ службы относиться къ нему и порядки предшественника сохранить».

При первомъ представленіи офицеровъ, графъ Барановъ сказалъ имъ, также весьма просто и безыскусственно, нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Сущность ихъ была: «послужимъ вмѣстѣ, познакомимся и, надѣюсь, полюбимъ другъ друга».

Я возвратился изъ отпуска 7-го октября и тотчасъ же явился къ графу Э. Т. Баранову. Онъ жилъ тогда на Фурштатской, въ домѣ княгини Васильчиковой. Съ большимъ любопытствомъ и волненіемъ отворилъ я стеклянную дверь небольшого кабинета. Наискось отъ двери стоялъ письменный столъ, а за нимъ сидѣлъ и занимался средняго роста и среднихъ лѣтъ генералъ, тщательно причесанный и выбритый; онъ тотчасъ всталъ при моемъ появленіи. Въ лицѣ его не было ничего подскобленнаго, подчищеннаго по формѣ, но и ничего запущеннаго или

¹) См. „Русс. Старину“ мартъ 1901 г.

подрисованнаго для шикю. Выраженіе лица показалось мнѣ серіознымъ и холоднымъ. Преображенскій сюртукъ не обвивалъ его, довольно полнаго тѣла, по тогдашней манерѣ одѣваться въ обтяжку,—но сидѣлъ свободно и красиво. Ни въ жестахъ, ни въ словахъ не было ничего театральнаго; они были сдержаны и просты. Графъ спросилъ только: куда я ѣздилъ, устроилъ ли свои дѣла, и прибавилъ обычную фразу, что радъ со мною познакомиться. Я вышелъ изъ кабинета и думалъ себѣ:

«Ну, этотъ уже не тотъ!»

Изъ сухаго, оффиціального приѣма я вынесъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе и никакъ не могъ предвидѣть, что графъ Барановъ будетъ, впоследствии, любимцемъ всего полка. При первомъ свиданіи, онъ показался мнѣ нѣсколько горделивымъ, и меня особенно поразила его манера кланяться. Подчиненныхъ онъ привѣтствовалъ легкимъ склоненіемъ головы, по обычаю царской фамилии и высшихъ придворныхъ сановниковъ. О томъ, какъ онъ держалъ себя съ высшимъ и съ высочайшимъ начальствомъ, скажу очень скоро, по случаю ранжировки полка. Пока замѣчу только, что графъ Барановъ былъ рожденъ и выросъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники. Его мать, графиня Юлія Ѳедоровна (рожденная Адлербергъ), была воспитательницею великихъ князей, дочерей Николая 1-го. Ея же братъ, дядя графа Баранова, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, въ духовномъ завѣщаніи императора Николая наименованъ «истиннымъ другомъ» государя, а сынъ Адлерберга и двоюродный братъ Баранова, графъ Александръ Владиміровичъ былъ уже и въ то время любимцемъ и другомъ наслѣдника (Александра Николаевича). Затѣмъ, семья Адлерберговъ и Барановыхъ сложилась изъ членовъ фамилій Нелидовыхъ, Полтавцевыхъ и Скобелевыхъ. Всѣ они были любимы и уважаемы при дворѣ, въ большомъ свѣтѣ и въ военныхъ сферахъ.

Графъ Эдуардъ Трофимовичъ началъ службу въ Измайловскомъ полку, гдѣ прослужилъ восемь лѣтъ во фронтѣ и былъ полковымъ адъютантомъ. Потомъ назначенъ флигель-адъютантомъ и пропелъ военную школу на Кавказѣ. Стало-быть, задатки новаго полковаго командира были такіе, что преображенцы могли надѣяться на лучшую будущность. Соображали и судили о немъ всячески. Иные говорили:

— Мало-де служилъ во фронтѣ.

Но такихъ философовъ сейчасъ же обрѣзывали:

— Слава Богу,—моль,—коли онъ не знаетъ фронтныхъ тренчиковъ,—меньше мучить будетъ.

Философы возражали:

— За то корпусный и дивизіонный тѣмъ хуже напустятся и сдѣлаютъ, наконецъ, и графа Баранова себѣ подобнымъ.

— Такъ, нѣтъ же,—спорили мы,—у него такое родство, связи и

протекція, что никто не посмѣетъ его пилить или полкъ при немъ тиранить. Уже если Катенинъ не боялся высшаго начальства, такъ Барановъ и подавно.

Между тѣмъ, будущность стала помаленьку разъясняться. Графъ, въ началѣ своего командованія, жилъ весьма уединенно, и только самые ближайшіе помощники по службѣ: полковой адъютантъ, казначей и проч. бывали у него чаще, съ большинствомъ же все ограничивалось короткими посѣщеніями и чисто служебными отношеніями. Служба шла прежнимъ порядкомъ и по прежнему росписанію.

Офицерство тяжело вздыхало:

О Боже, о Боже!

Все то же и то же!

Но если служебныя требованія не измѣнились, зато измѣнилась система выполненія ихъ. Наступило благодѣтельное затишье въ муштрованіи. На домашнихъ ученьяхъ, новый полковой командиръ не кричалъ, не суетился, не бранился, а главное,—никто не видѣлъ, чтобы когда-нибудь графъ Барановъ собственноручно ударилъ солдата ни въ первый годъ, ни во все время командованія полкомъ. Онъ отличался отъ своихъ предшественниковъ многими, существенными чертами характера и положенія. Жерковъ и Катенинъ ѣздили во дворецъ, насколько требовала служба; въ высшее общество первый вовсе не ѣздилъ, второй—только для того, чтобы показаться, какъ тогда говорилось: *pour faire acte de présence*. Барановъ же выросъ въ глазахъ царской фамиліи и, вращаясь въ высшемъ обществѣ, былъ вездѣ почти какъ у себя дома. Не надобно забывать, что онъ служилъ на Кавказѣ, то-есть былъ въ настоящей боевой школѣ, а она даетъ иное понятіе о вещахъ, чѣмъ школа мирнаго времени и книги. Въ этомъ смыслѣ, назначеніе графа Баранова имѣло значеніе: съ нимъ какъ-бы подкрадывалась къ намъ реформенная эпоха, наступившая черезъ десять лѣтъ, хотя начало ея слѣдуетъ все-таки отнести къ 1853 году, когда подготовилась и вспыхнула Восточная война.

Народъ говоритъ: «Чтобы узнать человѣка, надобно съ нимъ пудъ соли съѣсть». Графу Баранову скоро пришлось познакомиться этимъ путемъ со многими изъ подчиненныхъ. Въ началѣ 1853 года, былъ случай, поставившій на пробу характеръ и взглядъ на службу командира полка. 15-го января, императоръ Николай, проходя во дворцѣ мимо парныхъ часовыхъ, стоявшихъ въ сѣняхъ Салтыкова подъѣзда, замѣтилъ, что ефрейторъ 4-й преображенской роты Фроловъ, отдавая честь, недостаточно отставилъ прикладъ, держалъ правую руку согнутою и вообще стоялъ на часахъ небрежно.

Предшественники Баранова, даже тѣ изъ нихъ, кто умѣренно взыскивалъ съ людей, лично ими замѣченныхъ, однако, въ случаяхъ подоб-

ныхъ этому были безпощадны отъ избытка усердія. Графъ Барановъ оказался исключеніемъ. Онъ далъ выговоръ старшему караульному начальнику, строжайшій выговоръ ротному, нарядилъ фельдфебеля на пять дежурствъ, а Фролова разжаловалъ изъ ефрейторовъ въ рядовые 3-го класса. Кажется, достаточно за отставленіе приклада и неловкій сгибъ правой руки, между тѣмъ,—высшее начальство нашло наказаніе слишкомъ мягкимъ и отправило подъ арестъ на сутки и капитана Гольгоера (караульнаго начальника), и штабсъ-капитана Волоцкаго (ротнаго командира). Этотъ перевѣсъ справедливости и сдержанности полковаго надъ высшимъ начальствомъ произвелъ на насъ самое радостное впечатлѣніе.

Такое впечатлѣніе не исчезло и въ послѣдствіи, а, напротивъ, все чаще повторялось и усиливалось. Неодобреніе высшаго начальства, въ исторіи съ ефрейторомъ Фроловымъ, нисколько не поколебало графа Баранова. Во все время его командованія взысканія съ офицеровъ и солдатъ отличаются строгою соразмѣрностью и справедливостью. Напримѣръ, за неявку на службу, опаздываніе, ошибки во фронтѣ и другія, подобныя вины, штрафы никогда не превосходили двухъ, трехъ лишнихъ дежурствъ, а для солдатъ—смѣщенія съ высшей должности на низшую или перевода изъ ротъ въ роты ¹⁾). Въ концѣ года придется мнѣ еще привести любопытные примѣры провинностей.

Между тѣмъ, въ теченіе зимы, тучи на политическомъ горизонтѣ Европы сгущались и становились грознѣе и грознѣе. Какъ ни интересовались преображенцы своимъ новымъ командиромъ, но оставаться равнодушнымъ къ текущимъ великимъ событіямъ становилось невозможно. Къ веснѣ всѣ дипломаты Европы истожили усилія уладить дѣло полюбовно. Нашъ канцлеръ превосходилъ въ трудахъ всѣхъ ихъ и даже самого себя.

Разсказывали, что графъ Нессельроде долго и убѣдительно уговаривалъ государя не начинать войны, но, вмѣсто благодарности, общественные толки сейчасъ же начали заподозривать намѣренія маститаго дипломата и уже ставили его подъ англійское вліяніе.

Помню, какъ, разъ, въ Большомъ театрѣ старикъ-канцлеръ подошелъ къ ложѣ графини Строгановой и долго говорилъ съ нею, сопровождая свой разговоръ оживленными жестами. Не могу высказать, съ какимъ интересомъ и почтеніемъ смотрѣлъ я на этого маленькаго, сѣдаго старичка съ орлинымъ носомъ, на которомъ блестѣли очки. Онъ былъ въ простомъ черномъ фракѣ, безъ всякихъ орденовъ, и кто не зналъ его въ лицо, тотъ не могъ бы вообразить, чтобы человѣкъ такой

¹⁾ Приказы 15-го и 30-го января, 3-го и 17-го февраля, 18-го мая, 6-го и 10-го іюля, 16-го и 22-го августа 1853 года.

скромной наружности могъ играть такую громадную роль въ тогдашнихъ міровыхъ событіяхъ. Къ веснѣ политическія дѣла запутались еще болѣе, и война стала неизбѣжною.

На преображенцахъ и на гвардіи, вообще, всѣ эти первенствующія политическія событія отражались развѣ въ томъ, что въ первые мѣсяцы 1853 г. и до весны насъ сравнительно меньше муштровали и намъ стало какъ будто спокойнѣе. Одинъ государь не переставалъ нами заниматься, но это касалось болѣе до 1-го баталіона, а остальные были въ сторонѣ.

Между тѣмъ, казалось бы, что государю было не до насъ. Ожидая успѣховъ своей политики, увѣренный въ правотѣ дѣла и въ единодушную поддержкѣ старыхъ друзей священнаго союза, императоръ встрѣчалъ вездѣ и во всѣхъ колебаніе, вражду и недовѣріе. Всюду ожидала его неудача или разочарованіе. Но онъ какъ будто хотѣлъ забыться и разсѣяться въ своихъ любимыхъ сношеніяхъ съ преображенцами и заглушить раздраженіе, какое причиняла ему политика.

Въ началѣ января, государь велѣлъ представить себѣ четырехъ преображенскихъ солдатъ и смотрѣлъ на нихъ обмундировку по сроку 1853 г. Кромѣ того, въ теченіе всего года императоръ лично выбиралъ самыхъ лучшихъ людей, не только изъ рекрутъ, но изъ всѣхъ строевыхъ частей русской арміи, для укомплектованія любимаго Преображенскаго полка, въ которомъ болѣзни 1852 года такъ страшно опустошили ряды. Отъ 8-го января по 31-е декабря было зачислено въ полкъ 385 человекъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1853) началась перестройка старыхъ казармъ 1-го баталіона въ Милліонной улицѣ и 1-й баталіонъ перевели въ дворцовый экзерциргаузъ ¹⁾. Манежъ обдѣляли какъ игрушку: настлали полъ, устроили койки, пирамиды для ружей, полки для ранцевъ, словомъ, преобразили въ отличную казарму, и все это было устроено баснословно скоро, но и баснословно дорого.

Государь имѣлъ обыкновеніе каждый день, въ 9 часовъ утра, гулять пѣшкомъ вокругъ дворца и прогулки заканчивалъ тѣмъ, что заходилъ въ новую казарму 1-го баталіона. Тамъ онъ любовался своими рослыми гренадерами, училъ ихъ подходить на ординарцы, рапортовать, заставляя повторять и выговаривать за нимъ каждое слово рапорта; смотрѣлъ одежду, аммуницію и разговаривалъ съ солдатами. Въ ту пору, по желанію государя, переведенъ былъ съ Кавказа и зачисленъ въ государствену роту унтеръ-офицеръ Рындинъ. Онъ отличился при защитѣ укрѣпленія Ахты тѣмъ, что, подъ огнемъ непріятеля, соскочилъ въ ровъ и вытащилъ оттуда на рукахъ упавшую съ вала маленькую Кегорнову

---

¹⁾ На углу Дворцовой площади и Милліонной.

мортирку. Рындинъ былъ человекъ очень малорослый, но наружность его была почтенная, голова совершенно сѣдая и длинные сѣдые бакенбарды очень благообразили его правильное и выразительное лицо. Государь часто разговаривалъ и шутилъ съ Рындинымъ, величая его «дѣдушкою», какъ прозвали его солдаты. Какъ-то разъ императоръ спросилъ «дѣдушку», любить ли онъ своихъ внучатъ и часто ли гладить ихъ по головкѣ? Смѣтливый кавказецъ отвѣчалъ: для того, чтобы гладить по головкѣ внуковъ, ему-де нужна лѣсенка, а принасти ее онъ еще не успѣлъ. Рындинъ сдѣлался горькимъ пьяницею и дотогу разбаловался, что сталъ возмутительно дерзокъ. Въ 1854 г., когда полкъ былъ ужъ въ походѣ, какой-то генералъ ѣхалъ по шоссе, въ каретѣ, увидалъ Рындина, шедшаго съ ротою, и былъ такъ пораженъ его наружностью, что подозвалъ къ себѣ и добродушно спросилъ:

— Гдѣ ты, старинушка, такъ посѣдѣлъ?

— На Кавказѣ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Рындинъ,—какъ ходишь годъ, другой, по горамъ, да повоюешь съ черкесами, такъ поневолѣ посѣдѣешь. Это вѣдь не то, что въ каретѣ сидѣть, да прогуливаться!

Съ такими словами, Рындинъ нахально осмотрѣлъ экипажъ и самого проѣзжающаго.

Само собою разумѣется, что при высочайшихъ посѣщеніяхъ, полковые командиръ и всѣ офицеры 1-го баталіона всегда находились на лицо, да еслибы и служба ихъ къ тому не обязывала, полагаю, что они являлись бы не менѣе исправно, такъ какъ желаніе попасться на глаза монарху свойственно не однимъ преображенцамъ. Даже у дверей манежа всегда стояла толпа просителей, но государь лично принималъ прошенія и выслушивалъ только отставныхъ военныхъ; остальныхъ онъ отсылалъ во дворецъ, къ дежурному флигель-адъютанту.

Между тѣмъ, зданіе старыхъ казармъ быстро разрушалось массою рабочихъ, и, въ виду ежедневныхъ прогулокъ царя, работа кипѣла на славу.

При разборкѣ фундамента, 30-го іюля 1853 года, вынута была старая мраморная плита, съ надписью: «Божіею споспѣшествующею милостію всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, во второе лѣто царствованія своего изволила въ зданіи дома сего, въ основаніе фундамента, положить первѣйшій сей камень, собственными своими руками. Мѣсяца маія 20-го дня anno 1726»¹⁾.

¹⁾ Доска эта вынута была каменщикомъ Тамбовской губерніи, города Елатома, крестьяниномъ г-на Граве, Николаемъ Ивановымъ, вмѣстѣ съ его товарищемъ, въ присутствіи производителя работъ, академика, архитектора Львова и инженеровъ: поручика Баверкина и подпоручика Соловьева.

Одновременно съ переходомъ 1-го баталіона въ манежъ, полковой штабъ перебрався на ту сторону Мойки, въ домъ Кана, нанятый на время перестройки казармъ; тамъ же отведена была квартира командиру полка, и графъ Барановъ сейчасъ же переѣхалъ въ новое помѣщеніе. Личный составъ полковаго штаба въ ту пору совершенно измѣнился. На мѣсто покойнаго Пенхержевскаго, полковымъ адъютантомъ назначенъ былъ Т—ъ, но онъ далеко не замѣнилъ своего предшественника, хотя, самъ по себѣ, былъ добрый и прекрасный человекъ. Т—ъ олицетворялъ типъ гвардейскаго или точнѣе, — преображенскаго щеголя. Всегда одѣтый съ иголочки и со всѣми причудами господствовавшей моды, онъ надѣвалъ каску на уши и заламывалъ воротникъ шинели въ откидку, краснымъ сукномъ вверхъ, на манеръ императора Николая. Во всемъ прочемъ онъ былъ мало похожъ на государя, а скорѣе на англичанина, росту ниже средняго, весьма не казистаго сложенія, съ худощавымъ, безцвѣтнымъ и не выразительнымъ лицомъ. Можно бы добавить словами Грибоѣдова:

„Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,

„И также онъ сквозь зубы говорить.

только нельзя сказать:

„И такъ же коротко обстриженъ для порядка.

Т—ъ, напротивъ, тщательно расчесывалъ свои волосы и завивалъ жиденькіе усы. Онъ говорилъ и шутилъ не менѣе другихъ, но я не нахожу въ своей памяти ни одного ему принадлежащаго слова для характеристики. Онъ былъ человекъ богатый, держалъ великолѣпныхъ упряжныхъ и верховыхъ лошадей, ѣздилъ по-англійски и даже разъ попытался участвовать въ «спортѣ», но долженъ былъ съѣхать съ круга при общемъ хохотѣ. Талантливый Неваховичъ изображалъ иногда этого спортсмена въ своемъ «Ералашѣ». Помню разъ нарисованъ былъ Т—ъ, лежащій на мостовой; голова, очевидно ударившаяся о тумбу, такъ и осталась на ней съ закрытыми глазами. Возлѣ стоятъ сломанныя дрожки, а кучеръ почесывается и говоритъ: «Ничего, ваше благородіе, только ось сломалась!» Т—ъ былъ отличный танцоръ, много выѣзжалъ и часто дирижировалъ балами. По службѣ онъ въ то время еще какъ-то не утвердился; въ 1853 году три раза сидѣлъ подъ арестомъ, и самъ графъ Барановъ получилъ за него выговоръ.

На мѣсто прежняго казначея, выбывшаго изъ полка, офицеры выбрали Николая Эдуардовича Герстфельда. Этотъ выборъ былъ чрезвычайно удаченъ. Герстфельдъ вышелъ въ офицеры изъ Дворянскаго полка въ 1847 году. Онъ былъ высокаго роста, весьма бѣлокуръ, одѣвался чисто и держалъ себя представительно, но безъ всякихъ вычуръ. Въ его лицѣ не было ничего особеннаго, кромѣ развѣ правильно расположенныхъ большихъ сѣрыхъ глазъ. Зато замѣчательно было общее выраженіе

лица, всегда спокойное, умное и нѣсколько строгое. Герстфельдъ рѣдко смѣялся, но въ его сдержанности проглядывалъ серьезный дѣльный характеръ. Поэтому, при ближайшемъ знакомствѣ, легко было помириться съ сухою по виду наружностью этого человѣка, отъ котораго никто никогда не слышалъ льстивой или шутовской выходки, но зато не слышалъ ни рѣзкаго или неделикатнаго слова.

Полковымъ квартирмейстеромъ, при вступленіи въ полкъ графа Баранова, былъ все еще старый способный Мекешинъ, выслужившійся изъ солдатъ до штабъ-офицерскаго чина. Я уже не разъ упоминалъ о немъ, здѣсь же не мѣшаетъ еще разъ вспомнить, даже обстоятельнѣе, во-первыхъ, потому, что это, опять-таки, типъ теперь уже отжившій, а во-вторыхъ, при графѣ Барановѣ старая, острая коса нашла на камень. Наружность Мекешина говорила не въ его пользу: рябой, лысый, съ носомъ, буквально, расплюснутымъ въ лепешку,—эта фигура въ безпогонномъ, одностороннемъ муядрѣ была такова, что даже солдаты, глядя на него, пожимались да приговаривали: «Эхъ, ма! въ кого это онъ уродился? Вишь вѣдь какой, хоть съ него, хоть съ чорта патреть (портреть) пиши,—все единственно!»

Но по глазамъ былъ виденъ умный, смысленный, ловкій человѣкъ. Онъ умѣлъ угождать всѣмъ полковымъ командирамъ, но не забывалъ и себя. У Мекешина была гениальная способность благоразумно и кстати подѣлиться съ кѣмъ надобно и также во-время пожитья самолично. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ отъ полка порядочные барыши и «безгрѣшные доходы». Между тѣмъ, всѣ подрядчики были отмѣнно довольны и, въ знакъ благодарности, подносили ему серебряныя блюда. Съ своей стороны всѣ полковые командиры, до графа Баранова, но не включительно, тоже были совершенно довольны, такъ какъ квартирмейстерская часть всегда была въ отличномъ порядкѣ. Всѣ были цѣлы и всѣ сыты, за исключеніемъ развѣ гг. офицеровъ, которые какъ будто сговорились ничего не подносить своему квартирмейстеру, кромѣ ничего не стоящей рюмки водки или стакана вина.

За слѣдующія, любопытныя строчки, отмѣченныя вносными знаками, я благодаренъ Н. Э. Герстфельду, собственноручно вписавшему ихъ по моей просьбѣ: «графъ Барановъ скоро понялъ Мекешина и отнялъ у него, одно за другимъ, всѣ его права и всѣ доходы. Въ 1853 году всѣ счета квартирмейстера докладывались уже не имъ самимъ, а казначеемъ, по провѣркѣ и часто съ указаніемъ, на разные курьезы. Деньги, прежде бывшія всегда у Мекешина, перешли всѣ къ казначею, а ему выдавалось сколько было нужно. Впослѣдствіи графъ Барановъ окончательно поставилъ квартирмейстера въ полную зависимость, такъ что Мекешинъ былъ только исполнитель приказаній. Извѣстны жалобы и неудовольствіе офицеровъ на Мекешина, при Катенинѣ, за квартирныя

деньги, которыхъ отъ него добиться было нельзя. При Барановѣ уже этого не было. Ясно, что поставить квартирмистра въ такое положеніе могъ только командиръ, который за время командованія, кромѣ фуража для своихъ лошадей, не воспользовался съ полка ни однимъ рублемъ. Доходы гвардейскаго полковаго командира получались преимущественно черезъ квартирмистровъ. Передавъ счеты квартирмистра на просмотръ казначея, графъ Барановъ открылъ ему, то-есть офицеру полка, выборному отъ всего общества, всѣ тайны, а это могъ рѣшиться сдѣлать человекъ чистый какъ онъ (т. е. гр. Барановъ). Надобно вспомнить то время, когда никому и въ голову не приходило винить полковаго командира за «безгрѣшные доходы», — чтобы вполне оцѣнить графа Баранова. Надобно помнить еще и то, что онъ былъ далеко не со средствами и часто (по офицерскому обычаю) забиралъ изъ жалованья впередъ».

Кажется, я справедливо сказалъ, что съ графомъ Барановымъ уже въ 1853 году подкрадывалась къ намъ другая, лучшая эпоха.

Однако при подобныхъ условіяхъ, такому квартирmistру, какъ Мекешинъ, въ полку дѣлать было уже нечего. Онъ и перешелъ въ стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи. На его мѣсто поступилъ нѣкто Парамоновъ, совершенно сѣдой старикъ, но очень бодрый и очень суетливый. Этотъ былъ только исполнитель, да и то изъ дюжинныхъ.

Наступила весна 1853 г. Въ апрѣлѣ, какъ видно изъ приказовъ, то и дѣло, производились какія-то репетиціи разводовъ, но разводы въ этомъ году всѣ сходили крайне благополучно. Вышее начальство было очень снисходительно и терпѣливо, а высочайшее—очень милостиво. Казалось бы, жить да Бога благодарить! Но вдругъ пришла пора, когда каждый отъ полковаго командира до послѣдняго солдата долженъ былъ встрепенуться, подтянуться и стать передъ монаршимъ лицомъ. Государь, долго и постоянно выбравшій людей изъ всѣхъ полковъ и командъ, для укомплектованія Преображенскаго полка, естественно долженъ былъ взглянуть на результаты и пожелалъ сдѣлать самолично ранжировку полка. 5-мая преобразенцы выступили въ Славянку, гдѣ стали каждый день дѣлать домашнія ранжировки. Государь ранжировалъ полкъ 9-го мая. Съ ранняго утра повели насъ на Софійскій плацъ (близъ Царскаго Села). Люди были безъ амуниціи, а офицеры въ сюртукахъ и каскахъ. Императоръ пріѣхалъ въ 11 часовъ и началъ обходить роты, сопровождаемый всѣми офицерами.

Важнѣйшую роль въ ранжировкѣ играли, какъ и всегда, 1-й баталіонъ и особенно рота его величества. Государь занимался ею по преимуществу и осыпалъ разспросами графа Баранова и Коссаковскаго. Тутъ пришлось невольно залюбоваться новымъ командиромъ полка. Изъ всѣхъ строевыхъ генераловъ того времени я помню не многихъ,

которые бы шли прямо, когда государь съ ними говорилъ. Почти все бѣжали съ боку рысцою, сгибаясь въ поясницѣ чуть не подъ прямымъ угломъ и засматривая на государя снизу вверхъ и въ бокъ. При царскомъ же «спасибо» эти господа еще больше сгибались или, по офицерскому выраженію, — «ныряли», такъ что голова выплывала изъ-подъ государева локтя. Если же императоръ давалъ кому-либо руку, то, даже у высшихъ сановниковъ было въ обычаѣ цѣловать царское плечо, но полковые командиры не мѣтили такъ высоко и цѣловали въ локоть или въ обшлагъ рукава. Совсѣмъ другимъ образомъ держалъ себя графъ Барановъ. Онъ не суетился, не бѣгалъ въ залуски съ ротными командирами, не рысилъ согнувшись въ дугу и высовываясь изъ-подъ руки. Онъ стоялъ передъ государемъ съ крайнею почтительностью, но не вытягиваясь и не держа руки по швамъ, ходилъ прямо, не забѣгая, и съ неослабнымъ вниманіемъ прислушивался къ царскимъ приказаніямъ, распоряжался быстро и безъ малѣйшаго промедленія, но не терялъ ни на минуту ни спокойствія, ни достоинства. При добромъ словѣ царя, Барановъ кланялся съ соблюденіемъ всехъ оттънковъ самаго строжайшаго этикета, но въ его поклонахъ не было ни капли такъ называемаго «телячьяго восторга» или комическаго, эксцентричнаго усердія. Подивился я и на Коссаковскаго, не уступавшаго въ тактѣ и командиру полка. Какъ я сказалъ, государь, занимаясь своею ротою, безпрестанно обращался съ вопросами къ ея командиру. Приложивъ руку къ козырьку, Коссаковскій стоялъ какъ окаменѣлый, а между тѣмъ ни малѣйшей натяжки не видно было въ его фигурѣ. На каждый вопросъ, на каждое слово государя онъ отвѣчалъ дѣльно, толково, отчеканивая каждое слово и безъ малѣйшаго замѣшательства. При этомъ случаѣ Коссаковскій, кажется, окончательно понравился императору, потому что вслѣдъ за тѣмъ былъ переведенъ изъ полка въ свиту.

Ранжировка продолжалась до 4-хъ часовъ. Окончивъ ее, государь остался весьма довольнымъ своимъ преобразованіемъ, и дѣйствительно новоустроенные ряды имѣли великолѣпный видъ. Переустройство полка, кажется, такъ понравилось государю, что 13-го мая онъ опять лично дѣлалъ «переранжировку».

31-го іюля мы выступили на большіе маневры въ окрестности селенія Дятлицы. На этотъ разъ маневры были необыкновенно интересны. Самъ государь хотѣлъ помѣриться силами съ графомъ Ридигеромъ, старымъ, искуснымъ полководцемъ, участникомъ всехъ войнъ Александра 1-го и Николая 1-го, съ тѣмъ самымъ, кто побѣдилъ въ 1831 году Дверницкаго при Боремлѣ и еще недавно (1849) заставилъ Гергея положить оружіе. Изъ всехъ тогдашнихъ генераловъ гвардіи и гренадеръ одинъ только Николай Николаевичъ Муравьевъ могъ потягаться съ

Ридигиромъ, и если оба они или кто-нибудь изъ нихъ командоваль на маневрахъ, мы всё выходили изъ апатіи и слѣдили за ходомъ дѣла съ величайшимъ интересомъ.

Нашимъ отрядомъ (гвардіею) командоваль тоже одинъ боевой генераль, но называть его не буду, чтобы не омрачить, хотя бы и въ мемуарахъ, памяти умершаго такими тѣнями, какъ ошибки на маневрахъ.

Противникомъ былъ графъ Ридигеръ съ гренадерами и армейскими полками. По предположенію, мы должны были стараться сбить непріятеля съ пути отступленія, не допустить его достигнуть главнаго операціоннаго пункта, какого-то большаго селенія, и, если удастся, занять этотъ пунктъ раньше непріятеля; тогда побѣда была бы на нашей сторонѣ. Для достиженія цѣли, надобно было не дать противнику сосредоточиться, разрознить, разбить его по частямъ или же фланговымъ движеніемъ откинуть его отъ пути отступленія. Но въ томъ-то и дѣло, что съ графомъ Ридигеромъ справиться было не легко, хотя на этотъ разъ силы его были на одну треть слабѣе нашихъ. Начался маневръ 1-го дня; въ началѣ мы еще ясно видѣли непріятеля, но онъ, казалось, не очень насъ боялся, отступалъ, не торопясь и лѣниво, какъ бы неохотно отстрѣливаясь.

— Еще только поплевываетъ!—ворчали старые гвардейцы,—а вотъ скоро ошетенится, разсердится!

И въ самомъ дѣлѣ—«разсердчалъ». Черезъ лазутчиковъ и черезъ разѣзды нашъ генераль получилъ благопріятныя свѣдѣнія. Лѣвый флангъ непріятеля слабъ и слишкомъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, изъ которыхъ только часть идетъ по пути отступленія, остальные-де двигаются влѣво отъ дороги. Какъ не воспользоваться такими случайностями? Нашъ главнокомандующій сейчасъ же и распорядился. Мы пошли бойчѣе впередъ. Преображенскій полкъ, обыкновенно, находился въ самомъ глубокомъ резервѣ, и намъ было видно, какъ изъ второй линіи то и дѣло брали войска и двигали ихъ вправо. Наконецъ, подошли мы къ пересѣченной мѣстности: версты на три все—лѣса, деревни, холмы, овраги. Непріятель вдругъ остановился. Въ его центрѣ и на правомъ флангѣ заблѣлись дымки, загудѣли орудія, и затрещала ружейная перепалка. Мы тоже остановились; нашъ центръ и лѣвый флангъ получили приказаніе только перестрѣливаться живѣе и демонстрировать, такъ какъ главный ударъ готовился вправо отъ насъ, на лѣвое крыло противника. По всему было видно, что наши повели дѣло энергично, пользуясь бездѣйствіемъ резерва; преображенскіе офицеры взобрались на пригорокъ и смотрѣли въ бинокли. Хотя далеко, а вся картина была на виду. Передъ нашимъ обходнымъ отрядомъ былъ большой лѣсъ, занятый непріятелемъ. Казалось, что лѣсъ горѣлъ, дотога непрерывно сверкали выстрѣлы. Гулъ орудій, стрѣлявшихъ иногда залпами, покрываль трескотню ружейной перестрѣд-

ки, которая все усиливалась и тоже гремѣла залпами, съ нашей стороны. Дымъ застлалъ всю окрестность, и мы только смутно могли видѣть двигавшіяся къ лѣсу массы нашей пѣхоты и пестрые значки непріятельской конницы. Между тѣмъ, у насъ въ центрѣ дѣла шли, какъ говорится, черезъ пень въ колоду. Противникъ, сначала довольно энергично стрѣлявшій, вдругъ ослабилъ огонь; на его позиціи одно орудіе за другимъ бралось на передки и отъѣзжало назадъ. Вдали, за чухонскими деревушками, мы видѣли въ бинокли какое-то быстрое движеніе пѣхоты и кавалеріи, и думали, весьма справедливо, что непріятель спѣшитъ подкрѣпить свой угрожаемый флангъ. Вдругъ слышимъ, что на этомъ угрожаемомъ флангѣ перестрѣлка становится слабѣе и рѣже, наконецъ, и совсѣмъ умолкаетъ. «Вѣрно, обошли, разбили непріятеля,—думали мы себѣ. Ну и дѣлу конецъ!» Вотъ и просимъ мы нашихъ батальонныхъ адъютантовъ:

— Господа, съѣздите, узнайте, не кончился ли маневръ, а то и позатракать бы пора; адмиральскій часъ давно пробилъ!

Наши любезные, верховые товарищи поскакали, узнали и вернулись, наконецъ, но, къ удивленію нашему, они превесело смѣялись, чуть не хохотали, рассказывая, что на нашемъ грозномъ правомъ флангѣ случилась окказія. Непріятель, засѣвшій въ лѣсу, сначала стрѣлялъ такъ часто и сердито, что казалось, рѣшился отстаивать каждое деревцо. Мы обстрѣляли лѣсъ залпами и пошли выбивать. Вдругъ изъ лѣсу по тремъ дорогамъ высыпала кавалерія; въ дыму не видно было, сколько ихъ налетѣло, но наши свернулись въ каре и замедлили поневолѣ атаку, а тѣмъ воспользовался непріятель и отступилъ. Мы заняли лѣсъ, но за лѣсомъ открылись огромныя поля, а на нихъ не было никого. Непріятельская пѣхота и артиллерія прокрались по задней опушкѣ и пропали. Кавалерія тоже исчезла, неизвѣстно куда. Нашъ главнокомандующій былъ очень озадаченъ. Немедленно разослалъ онъ казачьи разъѣзды на рекогносцировку. Ѣздили они, Ѣздили, но ни впереди, ни вправо, ни влѣво никого не нашли. Наконецъ, прискакалъ къ главнокомандующему самъ казачій генераль:

— Ну, чтò?

— Нигдѣ никого нѣтъ, ваше превосходительство!

— Какъ нѣтъ? Да куда же дѣвался непріятель?

Казачій генераль развелъ руками:

— И ума не приложу, ваше превосходительство!

— Вотъ такъ исторія!

Наконецъ, случайность, и даже самая глупая, разъяснила всю загадку. Какой-то непріятельскій майоръ запутался или замѣшкался въ лѣсу и заѣхалъ прямо въ штабъ нашего главнаго командира. Его окружили и со смѣхомъ объявили военноплѣннымъ.

Маіоръ былъ изъ ученыхъ, съ академическимъ аксельбантомъ и по манерамъ былъ похожъ на ученаго.

Нашъ главнокомандующій самъ подѣхалъ къ интересному плѣннику и сталъ жадно его разспрашивать.

— Скажите, пожалуйста, маіоръ, куда дѣвались всѣ ваши войска?

— Какія войска, ваше превосходительство?

— Ну, да главные силы южнаго отряда. Вѣдь тутъ же былъ вашъ лѣвый флангъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, всѣ наши войска тамъ..... (И онъ показалъ совершенно въ обратную сторону), а здѣсь были всего три батальона.

— Что вы мнѣ рассказываете!—сердито перебилъ нашъ начальникъ, перестрѣлка была слишкомъ сильная для трехъ батальоновъ, тутъ было много артиллеріи, вѣдь вы залпами стрѣляли!

Губы и усы маіора заморгали, видно было, что ему хотѣлось расхотаться, но онъ не смѣлъ и отвѣчалъ серьезно:

— Да мы, ваше превосходительство, съ позволенія сказать, только много нашумѣли, людямъ розданъ былъ двойной комплектъ патроновъ и велѣно было стрѣлять какъ можно чаще. А наша артиллерія вся тамъ (онъ опять махнулъ рукою въ сторону нашего центра), тутъ только была сводная казачья и конно-артиллерійская батарея. Эти живѣе стрѣляютъ и поворачиваются, вотъ они и частили, всѣ руки себѣ пообожгли; у нихъ тоже было много зарядовъ, наши гренадеры помогали имъ заряды таскать.....

Главнокомандующій сильно поморщился:

— А конница какая же здѣсь была?

Маіоръ на этотъ разъ уже прямо усмѣхнулся:

— Какая конница, ваше превосходительство,—всего нѣсколько эскадроновъ гусаръ, да двѣ казачьи сотни!...

Начальникъ отряда освободилъ маіора, сказавъ ему съ ироническою улыбкою:

— Трудно будетъ вамъ найти своихъ, не желаете ли обождать, пока мы ихъ отыщемъ.

— Нѣтъ, покоряйше благодарю! Вѣдь не иголочка... Богъ дастъ, найду!

Все это рассказывали намъ наши адъютанты и прибавили, что главный нашъ начальникъ не въ духѣ. Между тѣмъ приказано было составить ружья, чему всѣ очень обрадовались. Офицерство разсыпалось, съ криками: «Эй, давай сюда водку, битки,—живо!»

Солдаты тоже пріободрились.

— Ну, братцы, давай жевать!—говорили они.

Но не успѣли солдатикки размочить сухари, а офицеры пропустили по

*

рюмкѣ водки, какъ поднялась тревога. Дѣло было въ томъ, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ, то-есть на пунктѣ, прямо противоположномъ тому, гдѣ давеча стрѣляли изъ пушки противъ воробья,—случилось уже совершенно необычайное происшествіе. Какіе-то два офицера генеральнаго штаба, не желая завтракать на солнышкѣ, поѣхали въ лѣсокъ, къ которому примыкалъ нашъ лѣвый флангъ; лѣсокъ былъ занятъ егерями, которые благодушествовали на холодкѣ и теперь преспокойно пожевывали сухарики. Передъ тѣмъ, чтобы расположиться на просторѣ, офицеры пожелали еще полюбоваться природою и взглянуть на живописную окрестность; подѣхали они къ опушкѣ лѣса, но едва успѣли посмотреть въ бинокль, какъ вдругъ пустились бѣжать назадъ, вскочили на лошадей и во весь духъ поскакали по линіи на правый флангъ, къ отрядному генералу. По дорогѣ, они торопливо сказали что-то начальнику нашей 1-ой дивизіи Моллеру. Онъ тоже поспѣшно взобрался на лошадь, скомандовалъ намъ стать въ ружье, и суматоха поднялась повсюду. Адъютанты и ординарцы разскакались и отъ насъ, и къ намъ:

— Да что такое, что случилось?—спрашивали мы.

— А то, что Ридигеръ здѣсь, со всѣми своими силами!

— Какъ здѣсь? Гдѣ здѣсь?

— Да прямо противъ нашего лѣваго фланга, въ какой-нибудь полверстѣ!

— Вотъ тебѣ и разъ! Такъ вотъ онъ гдѣ? Это, вѣроятно, сказала себѣ и нашъ главнокомандующій, прискакавшій во весь опоръ на лѣвый флангъ, со стороны котораго сейчасъ же загудѣли выстрѣлы, такъ же какъ и передъ нами, то-есть сзади бывшаго центра непріятеля. Почти всѣ войска второй линіи поспѣшно потянулись влѣво. Нашъ главнокомандующій наскоро составилъ сильную колонну и лично вышелъ съ нею на рекогносцировку изъ того самаго лѣска, гдѣ офицеры генеральнаго штаба такъ неудачно разсчитывали позавтракать. Насъ тоже погнали на новую позицію.

Между тѣмъ, дѣло разыгралось и въ самомъ дѣлѣ жарко. Какъ только наши показали изъ-за лѣсу, непріятель, по предсказанію солдатъ, «ощетинился» и «поддалъ пару». Батарея за батареею выростала у него, какъ изъ-подъ земли, и жерла тяжелыхъ орудій заревѣли и засверкали такъ, что если бы, вмѣсто дыму, они пускали въ насъ картечью, то, не только людей, но и дерева бы цѣлаго не осталось. Нашъ главнокомандующій тоже разсердился и рѣшился идти напроломъ, не замѣчая, что ратуетъ съ 8 батальонами противъ 20 и съ двумя батареями противъ пяти. Но какъ только наша пѣхота вышла изъ лѣса, вдругъ слѣва отъ непріятельскихъ орудій высыпала конница да не эскадроны, а цѣлые полки, одинъ за другимъ бѣшено бросались на атакующихъ. Пришлось опять свергиваться въ каре и поскорѣе прятаться въ лѣсъ, а тѣмъ временемъ справа, отъ громившей насъ артиллеріи, огромныя массы грена-

дерь грозно двигались на насъ и на наши сообщенія. Передовая колонна ихъ была уже на шоссе, далеко позади насъ, такъ что наши обозы и наша участь была въ рукахъ непріятеля. Но въ эту минуту, какъ въ Гомеровоѣ Иліадѣ, боги Олимпа явились намъ на помощь и спасли отъ гибели. Въ этомъ случаѣ Аполлонъ и Аеина явились въ образѣ посредниковъ, то-есть двухъ старыхъ генераль-адъютантовъ, съ бѣлыми перевязами на рукавахъ. Они поскакали на встрѣчу нашему противнику и остановили движеніе гренадеръ. Вслѣдъ за тѣмъ, издали медленно и троекратно прозвучалъ рожокъ штабъ-горниста, трубившій общій отбой. Мы видѣли вдали, какъ государь, съ своею огромною, блестящею свитою, проскакалъ въ отрядъ Ридигера, и еще хорошо, что не мимо насъ, потому что у насъ все было въ страшномъ безпорядкѣ: пѣхота, кавалерія, артиллерія, смѣшались въ кучу, всякій кричалъ и командовалъ самъ не зная что и суета начальства обрушилась на насъ, ни въ чемъ не повинныхъ.

Пробывъ съ четверть часа въ южномъ отрядѣ, государь вернулся къ намъ на шоссе. Мы уже составили ружья и побѣжали къ нему навстрѣчу. Онъ поблагодарилъ войска обѣихъ сторонъ, потомъ подозвалъ нашего отряднаго начальника, поѣхалъ съ нимъ шагомъ по шоссе и что-то долго и съ оживленными жестами говорилъ генералу, который, сгорбившись и какъ будто пригнувшись на лошади, почтительно объяснялъ и докладывалъ государю. Вотъ что оказалось. Въ то время какъ мы, по справедливому выраженію плѣннаго маіора, «шумѣли» на своемъ правомъ флангѣ, Ридигеръ, искусно маневрируя въ противную сторону, безъ шума стянулъ свои войска противъ нашего лѣваго крыла, велѣлъ пѣхотѣ лечь, спряталъ артиллерію въ чухонскихъ деревушкахъ, а кавалерію,—въ лощинахъ и оврагахъ. Такимъ образомъ непріятель успѣлъ закусить и отдохнуть, пока мы его искали. Сообщеній своихъ Ридигеръ нисколько не потерялъ, потому что какъ только у насъ закипѣла тревога, 10 непріятельскихъ баталіоновъ сейчасъ же очутились на своемъ пути отступленія, а 20 остальныхъ обрушились на нашъ лѣвый флангъ. Мы же, ослабивъ себя и тутъ, и въ центрѣ, тѣмъ самымъ потеряли свои сообщенія и подготовили себѣ катастрофу. Наконецъ, насъ развели. Южный отрядъ потянулся въ свою сторону, а мы, несмотря на превосходство силъ, должны были отступать назадъ, да еще и поскорѣе, такъ какъ посредники рѣшили и подписали, что мы разбиты въ пухъ и дребезги.

На слѣдующій день, маневръ получалъ интереснѣйшее направленіе: южный отрядъ долженъ былъ получить подкрѣпленіе и наступать, такъ какъ перевѣсъ въ силахъ былъ уже на его сторонѣ.

Кажется, самъ государь интересовался посмотрѣть, въ этотъ день, на графа Ридигера вблизи. Намъ говорили, что императоръ почуветъ въ

Ропшѣ и завтра будетъ присутствовать въ отрядѣ Ридигера. Это извѣстіе исполнило надъ радостною надеждою, что завтрашній подъемъ будетъ не слишкомъ ранній. Мы ошиблись въ расчетѣ. На другой день насъ подняли съ зарею и страшно заторопили. Гевальдигеры развѣзжали съ нагайками и понукали денщиковъ и повозки. Офицеры наскоро одѣлись, захлебываясь и обжигаясь горячимъ чаемъ, и побѣжали на мѣста съ недоѣденными булками въ зубахъ. Чуть засіяло солнце, загрохотали орудія, и пальба все усиливалась и расплывалась въ обѣ стороны, однако, мы не двигались съ мѣста, а нашъ, преображенскій, резервъ даже и не разбиралъ ружей.

Съ ранняго утра непріятель выдвинулъ сильный авангардъ и сталъ его подкрѣплять и усиливать. Нашу передовую цѣпь прогнали, а нашъ аррьергардъ оказался слишкомъ слабъ и сдѣлалъ ошибку отступить слишкомъ поспѣшно, такъ что непріятель дерзко подошелъ къ нашей позиціи. Нашъ главнокомандующій сначала было разсердился на ошибку аррьергарда, а потомъ сообразилъ, что, можетъ, — она и къ лучшему, и попытался смѣлымъ натискомъ окружить непріятельскій авангардъ и разбить его прежде, чѣмъ подоспѣтъ помощь. Но съ Ридигеромъ такая задача оказалась не легка. Онъ быстро сорвался съ позиціи, принявъ на себя свой авангардъ, смѣло развернулъ всѣ силы версты на три и сталъ насъ атаковать.

Атака Ридигера была образцомъ наступательнаго маневра. По всей линіи сверкали и громыхали орудія, трещала ружейная перестрѣлка, конница назойливо и отважно набрасывалась въ каждомъ удобномъ случаѣ, — словомъ, онъ сидѣлъ у насъ на плечахъ; мы останавливались развѣ на нѣсколько секундъ. На правомъ же нашемъ флангѣ было «свѣтопреставленіе», кто-то прискакалъ оттуда и привезъ извѣстіе, что Ридигеръ страшно набросился на правое крыло и оторвалъ три баталіона, а посредники признали ихъ «несуществующими».

Непріятель провожалъ насъ такъ, что не дай Богъ! Мы чуть не бѣгомъ бѣжали, солнце было уже высоко и порядочно припекало, всѣ выбывались изъ силъ. При такихъ условіяхъ мы живо долетѣли до позиціи.

Непріятель штурмовалъ лѣсъ съ фронта всею своею пѣхотою и спѣшенными драгунами. У насъ все завертѣлось, закружилось и забросалось во всѣ стороны. Наступилъ полнѣйшій хаосъ, и трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не раздался звонкій, отчетливый звукъ царскаго штабъ-горниста.

— Слава тебѣ, Господи! Отбой!

Наши трубы и барабаны повторили сигналъ, все успокоилось, дымъ разсѣялся, намъ велѣно составить ружья.

Спасибо, подѣхалъ къ намъ нашъ дивизіонный оберъ-квартир-

мистръ (офицеръ генеральнаго штаба), потерявшій гдѣ-то своего генерала Моллера. Онъ объяснилъ, что въ началѣ маневра Ридигеръ обрушился на нашъ лѣвый флангъ, напустилъ тамъ туману и страху, заставилъ стаянуться къ серединѣ и потерять сообщенія съ центромъ, а потомъ, забравъ свою кавалерію, пожаловалъ къ намъ на часокъ работы, потомъ опять переѣхалъ противъ лѣваго крыла, поддалъ жару и возвратился къ намъ, чтобы насъ доканать.

Государь благодарилъ войска. Ридигера при царѣ не было, а ѣхали съ нимъ нашъ отрядный начальникъ, очень пасмурный, и его помощникъ, генераль Моллеръ,—тоже не въ духѣ. Зато государь былъ чрезвычайно веселъ,—просто сіялъ. Онъ разблагодарилъ насъ и сталъ поддразнивать:

— Ну, что поработали? Всѣмъ ли работы достало? Не обдѣли ли кого? Коли кто обиженъ, говори. Мы дѣло поправимъ, найдемъ зарботки!

Солдаты громко и весело кричали:

— Всѣмъ вдоволь досталось, ваше императорское величество! Никто не обиженъ!

— Ну, то-то!—разсмѣялся государь,—завтра самъ присмотрю. Не бойся,—въ обиду не дамъ! Вмѣстѣ поработаемъ!

Мы не поняли, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Многіе полагали, что онъ лично приметъ надъ нами начальство. Государь уѣхалъ, маневръ въ этотъ день былъ конченъ. Да чего еще лучшаго и желать! Графъ Ридигеръ, практикъ, по преимуществу, опрокинулъ всю теорію. Намъ слѣдовало его удерживать, не дать себя обойти и прикрывать Красное Село, а на дѣлѣ вышло, что, еслибъ, вмѣсто маневровъ, была война, лѣвый нашъ флангъ отброшенъ былъ бы на Дудергофъ, а правый и остатки центра,—но Красное Село, которое удерживать было, конечно, невозможно и пришлось бы спастись, развѣ, въ Петербургѣ. Но вышія соображенія, управляющія судьбами маневровъ, рѣшили иначе, и гораздо мягче для насъ. Клинь, вставленный Ридигеромъ въ нашу серединку, бережно вынули, побѣдоносному врагу безъ церемоніи приказали отступить, и онъ, кажется, основался на нашей вчерашней позиціи. Насъ же опять склеили, привели въ приличный видъ и рѣшили, что до завтра все заживетъ, и мы все-таки можемъ, по конспекту, спокойно стоять на Красное Село. Тамъ мы завтра получимъ сильное подкрѣпленіе, поравняемся силами съ непріателемъ, выйдемъ на военное поле, гдѣ дадимъ ему генеральное сраженіе, а оно и рѣшитъ участь кампаніи.

Озобы придвинулись, офицерскія палатки выросли, какъ грибы, а солдатки закурили трубочки, заварили кашу и стали прилаживать шалаши для бивака.

Наконецъ, наступилъ третій и послѣдній день маневровъ.

Непріятель былъ уже на ногахъ, но наступалъ медленно, остановился и только «попукивалъ» и то очень рѣдко. Съ нимъ какъ будто что-то приключилось,—просто и узнать было нельзя! Когда мы тронулись, непріятель преслѣдовалъ, но тихо, вяло, какъ говорится,—«спустя рукава».

Онъ отсталъ такъ, что и стрѣльбу прекратилъ, и мы могли совершенно спокойно расположиться на своей позиціи. Помнится, мы стали выгнутою дугою,—флангами къ Красному Селу и Дудергофу.

Изъ Краснаго Села пришло подкрѣпленіе, но не фиктивное, а настоящій образцовый полкъ и еще какой-то армейскій. Пришла конница и артиллерія.

Государь опять перешелъ на сторону униженныхъ и оскорбленныхъ, то-есть на нашу. Однако, начальства онъ не принималъ, а продолжалъ только присутствовать и смотрѣть.

Наконецъ, появился непріятель, остановился вдали, развернулся, раздвинулся, но все это очень медленно и вяло, потомъ выкатилъ по всей линіи батареи и началъ канонаду. Мы отвѣчали. Онъ усилилъ, и мы усилили. Погода стояла тихая, дымъ не разносило, и мы стали дышать пороховымъ туманомъ и совсѣмъ въ него закутались.

Обоюдная канонада длилась чрезвычайно долго, а никто не двигался съ мѣста! Мы думали, что тѣмъ все дѣло и кончится.

Все это было ошибочно. Старый орелъ вдругъ встрепенулся, налетѣлъ и сталъ бить крыльями и больно клевать наше лѣвое крыло. Съ необыкновенною быстротою и смѣлостью Ридигеръ направилъ туда, безъ оглядки, всѣ силы своего праваго фланга, цѣликомъ. Конницу онъ пустилъ въ обходъ, засуетилъ, растрепалъ и чуть не сбросилъ половину нашихъ въ Дудергофскій прудъ.

Ридигеръ, самъ кавалеристъ, отлично умѣлъ распоряжаться кавалерією, а мѣсто, на военномъ полѣ, какъ извѣстно, ровное. Онъ пустилъ въ атаку всю свою кавалерію.

Государь сталъ передъ Гвардейскою кирасирскою дивизію и лично повелъ ее во флангъ непріятеля, нашего ради спасенія. Самъ Ридигеръ выскакалъ впередъ, и мы видѣли, какъ онъ, пригнувшись на сѣдлѣ съ видомъ утомленнаго человѣка, тяжело галопировалъ на встрѣчу царской колоннѣ и опередилъ свою кавалерію. Она же остановилась только для того, чтобы переменить фронтъ, и сейчасъ же понеслась, но уже не на насъ, а на кирасиръ. Земля и воздухъ застонали, загудѣли и зазвенѣли. Двѣ грозныя массы сошлись на разстояніи 50 шаговъ, но все кончилось благополучно, и столкновенія не произошло. Ридигеръ выхватилъ саблю и успѣлъ знаками и сигналомъ трубы остановить своихъ въ-время, тогда какъ государь, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, со своей

стороны останавливалъ и унималъ расходившихся кирасиръ. Тотчасъ же забили и затрубили отбой, и маневры кончились.

Государь выѣхалъ впередъ, довольный, веселый, улыбающійся. Ридигеръ и нашъ отрядный начальникъ были оба при немъ. Императоръ остановился, повернулся къ нимъ и шутливо сказалъ:

— Ну, злые враги, помаритесь, подайте другъ другу руку!

Оба противника, съ любезною улыбкою, пожали другъ другу руку, потомъ государь расхвалилъ, разблагодарилъ войска и уѣхалъ. Мы пошли домой. Передъ нами ѣхалъ Ридигеръ.

Графу было уже въ то время подъ 70 лѣтъ. Его рябое, сморщенное, лицо, безъ усовъ и бороды, гладко выбритыхъ, и обрамленное только бакенбардами,—почервѣло отъ загара. Генераль-адъютантскій мундиръ былъ весь въ пыли и сталъ сѣрый, какъ солдатская шинель. Онъ ѣхалъ на большой вороной лошади, тяжело опустившись въ сѣдло и небрежно раскачивая ногами. Солдаты напрасно натуживались, потому что сейчасъ же представился случай видѣть вблизи этого страшнаго, а все-таки популярнаго человѣка. Когда экипажъ его подѣхалъ, Ридигеръ слѣзъ съ лошади, но остановился около коляски и какъ будто захотѣлъ переждать, пока мы пройдемъ.

Любопытство солдатъ было возбуждено въ высшей степени. Они забыли всякій страхъ начальства и, не обращая вниманія на сердитыя лица офицеровъ, безъ церемоніи повернули головы вправо и стали смотрѣть на него въ упоръ. Ридигеръ улыбался и тоже смотрѣлъ на нихъ. Замѣтно, что его тѣшили такія наивности. Мало того,—солдаты, вдругъ, забурчали и начали величать его «Ироемъ» и «Молодчиною»,— все это, конечно, про себя, но такъ громко, что Ридигеръ, очевидно, слышалъ, потому что расхохотался, слѣзъ въ коляску и уѣхалъ.

И вотъ съ этимъ-то знаменитымъ воинномъ захотѣлъ помѣриться государь на маневрахъ 1853 года. Такое состязаніе возбудило всеобщій и самый живой интересъ, все болѣе и болѣе разгоравшійся въ виду характера и значенія двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Неудивительно, что изъ Петербурга стали пріѣзжать въ Красное Село любопытные и зрители официальные и неофициальные. Наѣхало столько, сколько могло размѣститься въ немногихъ жилищахъ, не переполненныхъ войсками. Свита государя тоже значительно увеличилась. Въ ней появились сѣдоусые генералы, съ Георгіями на шеѣ,—какихъ мало кто и видѣлъ на маневрахъ. Но это были старые боевые товарищи Ридигера; они сѣли на коней и явились полюбоваться искусствомъ прославленнаго собрата. Съ замѣчательными военными дарованіями графъ Ридигеръ соединялъ въ себѣ прирожденный тактъ умнаго царедворца и свѣтскаго человѣка.

Маневры кончились около половины августа, но мы еще отбыли

послѣдній большой парадъ, и полкъ возвратился въ Петербургъ 19-го числа того же мѣсяца. Тамъ все пошло опять своимъ порядкомъ, кромѣ, однако же, личной дѣятельности полковаго командира; онъ дѣйствовалъ и держалъ себя вовсе не по образцу своихъ предшественниковъ. Графъ Барановъ обратилъ вниманіе на ротное хозяйство, а это тѣмъ болѣе важно, что о немъ давно уже не было помину въ приказахъ, и даже о контролѣ Сумарокова стало совсѣмъ не слышно.

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Цензура медицинских сочинений въ 1819 году.

18-го января 1819 года Комитетъ министровъ слушалъ записку управляющаго министерствомъ полиціи отъ 10-го января за № 5-мъ, объ отвращеніи злоупотребленій въ примѣси въ напитки различныхъ вредныхъ веществъ.

«Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1818 года сообщилъ управляющему министерствомъ полиціи замѣчаніе медицинскаго совѣта, что въ продающейся книгѣ подъ названіемъ: «Россійскій хозяйственный винокуръ» для поправленія закислыхъ винъ, предписывается употреблять свинець и свинцовую дробь, что составляетъ самый ужаснѣйшій ядъ. Почему медицинскій совѣтъ признавалъ необходимымъ строжайше запретить подслащивать окислые напитки свинцомъ, дробью и прочими вредными веществами; для притупленія же кислоты въ напиткахъ, предписать употребленіе раковыхъ жернаковъ, или устричныхъ раковинъ, магнезіи, поташа очищеннаго, минеральной щелочи или очищенной соды. Впредь же всѣ сочиненія, описывающія приготовленіе пищи и питія, не позволять печатать безъ цензуры Медико-хирургической академіи, или медицинскихъ факультетовъ при университетахъ.

«Медицинскій же совѣтъ министерства полиціи, по предложенію управляющаго министерствомъ, представилъ къ нему замѣчанія доктора Гаевского на счетъ вредныхъ примѣсей въ напитки, которые испрашиваетъ публиковать, съ присовокупленіемъ извѣстія о вышедшей нынѣ изъ печати «Полицейской судебной химіи», въ коей сдѣлано подробное описаніе по сему предмету. Въ проектѣ же публикаціи изъяснено: 1) Что поправленіе винъ свинцовыми составами чрезвычайно вредно и потому запрещается. 2) Прибавленіе къ вину квасцовъ, по той же причинѣ, строго запрещается. 3) Не позволяется для поправленія окислаго нива класть въ оное известь, магнезію, по-

ташъ и сему подобное, ибо чрезъ соединеніе оныхъ съ кислотою пива составляются соли, имѣющія слабительное, мочегонное и расслабляющее свойство. 4) Для прекращенія броженія въ пивѣ, не должны быть опускаемы въ оное, какъ то дѣлается, оловянные тарелки потому, что кислотою растворяется часть свинца, въ посудномъ оловѣ содержащагося. 5) Для удобренія уксуса, не смѣшивать онаго съ сѣрною кислотою. 6) Деревянные и другія выжатая испорченныя масла хотя отъ примѣсей свинцовыхъ окисей и поправляются, дѣлаясь чистыми, но соединеніе свинца съ масломъ превращаетъ оное въ сильный ядъ. Сверхъ того, министерство полиціи за нужное считаетъ замѣтить, что содержать уксусъ, пиво, вино, масло и другія жидкости въ металлическихъ сосудахъ чрезвычайно вредно. Подробное жъ наставленіе по сему предмету изложено въ вышедшей нынѣ изъ печати «Полицейской судебной химіи», изданной по рѣшенію медицинскаго совѣта министерства полиціи. Въ книгѣ сей содержится подробное описаніе о веществахъ, въ пищу и питье употребляемыхъ, о судебнохимическомъ изслѣдованіи различныхъ ядовъ и проч.».

Комитетъ положилъ: такъ какъ исправленіе испорченныхъ винъ средствами, въ книгѣ подъ названіемъ: «Россійскій хозяйственный винокуръ» описанными, совершенно вредно человѣческому здоровью, то предоставить управляющему министерствомъ полиціи предписать врачбнымъ управамъ сдѣлать то гласнымъ, а мѣстнымъ полиціямъ строжайше соблюдать, чтобъ никто изъ виноторговцевъ не осмѣливался поправлять вина описаннымъ въ помянутой книгѣ образомъ; о принятіи же въ руководство врачбнымъ управамъ «Полицейской химіи» для открытія различныхъ подмѣсей въ напиткахъ средствами, въ оной преподанными, предписанія тѣмъ управамъ не дѣлать, доколѣ разрѣшено не будетъ: должна ли оная книга и за одобреніемъ къ напечатанію медицинскимъ совѣтомъ министерства полиціи подвергнута быть цензурѣ, подъ вѣдомствомъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія состоящей; на каковой конецъ поручить управляющему министерствомъ полиціи и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представить комитету полное изложеніе правилъ о цензурѣ всѣхъ вообще книгъ.

Въ отвѣтъ на это министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ писалъ комитету министровъ ¹⁾: «Цензура книгъ, до настоящаго образованія учебной части, состояла, по указу 1783 генваря 15, на попеченіи Управы благочинія, потомъ указомъ 16-го сентября 1796 учреждены особыя цензуры, въ Петербургѣ и Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Правительствующаго Сената, въ Ригѣ, Одессѣ

¹⁾ Отъ 10-го февраля 1819 г. № 497.

и при таможнѣ Радзивиловской подѣ наблюдениемъ губернскихъ начальствъ, Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Потомъ 16-го февраля 1797 повелѣно цензурамъ быть токмо въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, и состоять каждой изъ трехъ особъ, одной духовной, одной гражданской и одной ученой. За симъ 18-го апрѣля 1800 г. повелѣно прочимъ цензурамъ быть подчиненнымъ с.-петербургской и безъ одобренія ея не печатать книгъ. Послѣ того, по высочайшему указу 19-го февраля 1802 года цензура поступила въ вѣдѣніе гражданскихъ губернаторовъ, которые должны были употреблять къ цензурованію книгъ директоровъ народныхъ училищъ. Наконецъ, въ 1802 году 8-го сентября высочайшимъ манифестомъ объ учрежденіи министерствъ, купно съ прочими обязанностями, возложенными на министерство народнаго просвѣщенія, предоставлена попеченію онаго и цензура книгъ. Такимъ образомъ, министерство сіе, при образованіи учебной части вообще, сдѣлавъ приличныя по сему предмету распоряженія, поручило смотрѣніе за изданіемъ книгъ университетамъ и начертало уставъ, для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей Имперіи, удостоенный высочайшаго утвержденія въ 9-й день іюля 1804 года.

«Въ семъ уставѣ изложены съ подробностью, какъ самый предметъ разсматриванія книгъ и сочиненій, такъ и средства противу всякаго злоупотребленія въ книгопечатаніи.

«Нижеслѣдующими статьями сего устава постановляется между прочимъ:

§ 3. «Ни одна книга или сочиненіе не должно быть напечатано въ Имперіи Россійской, ни пущено въ продажу, не бывъ прежде разсмотрѣно цензурою.

§ 4. «Для разсматриванія книгъ и сочиненій учреждаются цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ и магистровъ, и состоять подѣ непосредственнымъ вѣдѣніемъ университетовъ. Каждый изъ сихъ комитетовъ разсматриваетъ книги и сочиненія, печатаемыя въ типографіяхъ, состоящихъ въ округѣ того университета, при которомъ оный комитетъ находится.

§ 5. «Для книгъ и сочиненій, печатаемыхъ въ округѣ С. Петербургскаго университета, до открытія университета, учреждается, подѣ вѣдѣніемъ попечителя онаго, цензурный комитетъ изъ ученыхъ особъ, пребывающихъ въ столицѣ».

Изъятія, въ разсужденія таковаго въ разсматриваніи всѣхъ вообще книгъ и сочиненій въ цензурныхъ комитетахъ вѣдомства министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ устава.

6. «Цензура книгъ и сочиненій, издаваемыхъ отъ главнаго училищъ

правления, академій: наукъ, художествъ и российской, также отъ кадетскихъ корпусовъ, государственной медицинской управы, въ С.-Петербургѣ существующихъ и другихъ ученыхъ обществъ, правительствомъ утвержденныхъ и казенныхъ мѣстъ, возлагается на попеченіе и отчетъ самыхъ тѣхъ мѣстъ и ихъ начальниковъ. Сія книги и сочиненія могутъ быть печатаемы въ принадлежащихъ симъ мѣстамъ и другихъ типографіяхъ.

7. «Тѣ же книги и сочиненія, которыя присланы будутъ въ типографіи упомянутыхъ мѣстъ для напечатанія на издженіи стороннихъ издателей, предаются тисненію не прежде, какъ по разсмотрѣніи оныхъ въ цензурномъ комитетѣ.

8. «Книги и сочиненія церковныя, къ священному писанію, либо толкованію Закона Божія и святости относящіяся, подлежатъ разсмотрѣнію цензуры духовной, находящейся подъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Таковыя книги и сочиненія должны быть печатаемы въ синодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдѣніемъ Синода состоящихъ.

9. «Журналы и другія періодическія сочиненія, выписываемыя чрезъ почтамтъ изъ чужихъ краевъ, разсматриваются въ особенно учрежденной при оныхъ цензурѣ, которая въ семъ руководствуется правилами сего устава.

11. Разсмотрѣніе и позволеніе къ напечатанію театральныхъ афишекъ и подобныхъ тому объявленій и извѣстій зависитъ отъ гражданскаго начальства».

Права разныхъ ученыхъ сословій и казенныхъ мѣстъ, относительно издаваемыхъ оными книгъ и сочиненій, изъясненныя въ упомянутомъ 6 пунктѣ устава, не могутъ простираться порознь на членовъ тѣхъ сословій и мѣстъ ни въ какомъ случаѣ, по силѣ объявленнаго Правительствующему Сенату бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ 6-го декабря 1808 года нижеслѣдующаго высочайшаго указа:

«Государь императоръ высочайше указалъ всякую книгу или сочиненіе, которыя кто-либо изъ членовъ, полагая всѣ правительства въ государствѣ, пожелалъ бы издать и начальство о томъ представляло бы, нигдѣ не печатать безъ того, чтобы оныя прежде не были разсмотрѣны въ цензурахъ университетскихъ округовъ, и отъ нихъ получили дозволеніе къ напечатанію».

При новомъ раздѣленіи министерствъ въ 1810 году, въ высочайше утвержденномъ 17-го августа того года росписавіи предметовъ, отдѣляемыхъ въ составъ министерства просвѣщенія, при поступленіи въ вѣдомство онаго всѣхъ академій, а въ томъ числѣ и Медико-хирургической, причислена къ сему же министерству цензура всѣхъ медицин-

скихъ сочиненій, разсмотрѣніе опытовъ, открытій и тому подобные предметы, къ ученой части принадлежащіе.

По учрежденію министерства полиціи, § 35, предметы медицинскаго совѣта при ономъ министерствѣ суть между прочимъ слѣдующіе: «Сочиненіе медицинскихъ топографій, предостерегательныхъ извѣстій народу, войску, флотамъ о сохраненіи здравія простыми средствами; извѣщеніе о общихъ болѣзняхъ и повѣтріяхъ и о способахъ охраненія отъ оныхъ; наставленія медицинскимъ чиновникамъ о единообразномъ лѣченіи свойственныхъ климату общихъ болѣзней и проч., изданіе журнала опытной медицины».

Сочиненіе и изданіе таковыхъ предметовъ предоставлено именно попеченію медицинскаго совѣта при министерствѣ полиціи, но въ уставѣ того же министерства, подъ заглавіемъ по цензурнымъ установленіямъ сказано:

§ 83. «Цензура всѣхъ издаваемыхъ въ Имперіи книгъ и періодическихъ сочиненій, принадлежащихъ министерству просвѣщенія, по точной силѣ особенныхъ его уставовъ и учреждений.

§ 92. «Часть учебная медицинскихъ установленій, какъ-то: образованіе медиковъ, приглашеніе ихъ изъ другихъ государствъ, экзамены и разрѣшеніе практики принадлежитъ министерству просвѣщенія».

§ 93. «Часть ученая сихъ установленій (медицинскихъ) какъ-то: распространеніе и усовершеніе медицинскихъ познаній, испытаніе новыхъ открытій, одобреніе новыхъ лѣкарствъ и тому подобные предметы со всѣми принадлежащими къ тому заведеніями состоятъ въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія.

Посему кажется, что цензура и медицинскихъ сочиненій предоставлена вѣдомству министерства просвѣщенія.

Устава Медико-хирургической академіи (состоящаго въ вѣдомствѣ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія) въ § 60 сказано: «Академія имѣетъ собственную цензуру для книгъ по всѣмъ врачебнымъ предметамъ, издаваемыхъ какъ членами ея, такъ и посторонними. За сею цензурою таковыя книги могутъ быть печатаемы во всѣхъ безъ изыятія типографіяхъ».

Изложивъ такимъ образомъ состоявшіяся по части цензуры и одобренія къ напечатанію книгъ высочайшія постановленія, долгомъ почитаю присовокупить мнѣніе мое, что, по силѣ оныхъ, одобреніе къ печатанію всѣхъ вообще книгъ за вышеприведенными въ пунктахъ 6, 8, 9 и 11 устава о цензурѣ исключеніями, относится собственно до министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; медицинскій же совѣтъ министерства полиціи, не выходя изъ предназначенныхъ ему собственнымъ его учрежденіемъ предѣловъ, какъ ясно кажется, не можетъ одобрять къ напечатанію никакихъ сочиненій: поелику сего не

присвоено именно ему никакими постановленіями. Хотя же въ вышеприведенномъ 6 пунктѣ устава о цензурѣ, въ числѣ мѣстъ, на коихъ возлагается цензура издаваемыхъ отъ нихъ книгъ и сочиненій, наименована государственная медицинская управа, но сіе касалось собственно до той медицинской части и управленія оною, которая по раздѣленіи сей части между министерствами, по силѣ вышеприведенныхъ узаконеній, вошла вмѣстѣ съ Медико-хирургической академіею въ составъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и потому, таковое узаконеніе до медицинскаго совѣта, министерства полиціи ни въ какомъ отношеніи не принадлежитъ».

Въ засѣданіи Комитета министровъ 15-го марта были слушаны двѣ записки о цензурѣ книгъ: 1-я—министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 10-го февраля и 2-я—управляющаго министерствомъ полиціи отъ 26-го февраля.

По случаю происшедшаго въ Комитетѣ при слушаніи представленія управляющаго министерствомъ полиціи вопроса: должна ли изданная съ разрѣшенія медицинскаго совѣта министерства полиціи книга подъ названіемъ «Полицейская судебная химія» и за одобреніемъ того совѣта подвергнута быть цензурѣ, подъ вѣдомствомъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія состоящей, поручено было министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и управляющему министерствомъ полиціи внести въ Комитетъ полное изложеніе правилъ о цензурѣ всѣхъ вообще книгъ.

Вслѣдствіе чего и представили они таковыя изложенія; при чемъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, основываясь на манифестѣ 8-го сентября 1802 года объ учрежденіи министерствъ, на уставѣ о цензурѣ, въ 9-й день іюля 1804 года высочайшее утвержденномъ, на высочайше утвержденномъ въ 1810 году росписаніи предметовъ при новомъ раздѣленіи министерствъ, на уставѣ Медико-хирургической академіи и на самомъ учрежденіи министерства полиціи, доказываетъ, что цензура книгъ, за исключеніемъ только издаваемыхъ академіями, кадетскими корпусами и другими мѣстами, въ цензурномъ уставѣ поименованными, также за исключеніемъ книгъ духовныхъ, журналь и періодическихъ сочиненій, изъ чужихъ краевъ чрезъ почтамты выписываемыхъ, театральныхъ афишекъ и подобныхъ тому объявленій, о коихъ существуютъ особыя постановленія, принадлежитъ вообще до министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; что бывшей государственной медицинской управѣ хотя и предоставлено было право издавать книги и сочиненія подъ собственною цензурою, но сіе касалось собственно до той медицинской части и управленія оною, которая состояли тогда въ ея завѣдываніи, и которая потомъ при новомъ раздѣленіи министерствъ въ 1810 году вошла вмѣстѣ съ Медико-хирурги-

ческою академію, коей предоставлена уставомъ ея и цензура всѣхъ медицинскихъ сочиненій, въ составъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и потому право сіе нынѣ до медицинскаго совѣта министерства полиціи ни въ какомъ отношеніи не принадлежитъ.

Управляющій министерствомъ полиціи раздѣляетъ цензуру на три главныя части: 1) на общую цензуру книгъ и періодическихъ сочиненій, издаваемыхъ въ Имперіи, которая безпрекословно принадлежитъ до министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; 2) на цензуру министерства полиціи, состоящую въ наблюденіи, чтобъ книги и сочиненія не были печатаемы безъ установленной цензуры, и чтобъ книги уже напечатанныя не содержали въ себѣ ничего противнаго общему порядку и спокойствію и подающаго поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, а также въ наблюденіи за привозимыми изъ-за границы книгами. Сюда принадлежитъ цензура театральныхъ піесъ и дозволеніе всякаго рода публикацій, и 3) на цензуру медицинскую. Здѣсь управляющій министерствомъ полиціи, описывая подробно весь ходъ исполненія медицинскаго управленія въ Россіи, объясняетъ, что и по новому раздѣленію министерствъ, вообще охраненіе народнаго здравія, сочиненіе наставленій врачамъ и всѣмъ званіямъ, по медицинскому разряду служащимъ, равно какъ народу и войскамъ, изданіе журнала опытной медицины, медико-физическихъ и топографическихъ описаній губерніямъ принадлежитъ до обязанности медицинскаго совѣта, при министерствѣ полиціи учрежденнаго, въ который вносятся всѣ важныя дѣла: практической медицины, гражданскія, слѣдственныя и уголовныя, по коимъ принадлежатъ его вѣдомству не только всѣ служащіе въ гражданской и военной частяхъ медики, но вольнопрактикующіе, отставные и въ особыхъ вѣдомствахъ, равно какъ и въ вѣдомствѣ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находящіеся. Посему управляющій министерствомъ полиціи признаетъ, что въ такомъ положеніи вещей дѣла главнаго медицинскаго управленія въ Имперіи, коему ввѣрено сохраненіе народнаго здравія, не прилично и невозможно подвергнуть цензурѣ Медико-хирургической академіи: ибо тогда всѣ постановленія, предписанія, наставленія врачамъ и разныя предварительныя извѣстія, равно какъ слѣдственныя и уголовныя дѣла, должны бы быть обращены на цензуру помянутой академіи, коей члены по всѣмъ врачебнымъ практическимъ дѣламъ ихъ и состоятъ подъ наблюденіемъ и сужденіемъ медицинскаго совѣта министерства полиціи.

Комитетъ, находя, во-первыхъ, что допустить цензурованіе книгъ и особенно медицинскихъ въ разныхъ вѣдомствахъ совершенно неудобно, ибо въ сочиненіяхъ, до сей части относящихся, по разности мнѣній о средствахъ къ врачеванію болѣзней, весьма легко встрѣтятся могутъ важныя противоположности, и чрезъ то поставить въ недоумѣніе, къ ко-

торому изъ нихъ прибѣгнуть; во-вторыхъ, что вообще цензура и по постановленіямъ и по самому существу своему ближе принадлежитъ къ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и въ-третьихъ, что обязанность министерства полиціи въ отношеніи къ цензурѣ заключаться должна только въ наблюденіи, дабы книги безъ пропуска оной печатаемы не были, и чтобъ напечатанныя даже не заключали въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ, полагаетъ: представить его императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть: цензуру всѣхъ вообще издаваемыхъ гражданскихъ книгъ, на основаніи существующихъ узаконеній, оставить при одномъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, не подвергая оной постановленій, предписаній, наставленій врачамъ и разныхъ предохранительныхъ извѣстій, издаваемыхъ медицинскимъ совѣтомъ министерства полиціи подъ собственною его отвѣтственностію, но наблюдене за привозимыми изъ-за границы книгами и цензуру оныхъ, до рѣшенія о семъ Государственнаго Совѣта, предоставить по-прежнему министерству полиціи, а равнымъ образомъ независимо отъ того цензуру театральныхъ піесъ и всякаго рода объявленій и публикацій.

Управляющій же министерствомъ полиціи остался при своемъ представленіи.

Въ засѣданіи 29-го марта объявлено Комитету, что государь императоръ изволитъ утверждать Положеніе Комитета, о чемъ и послѣдовалъ на имя Комитета 31-го марта высочайшій указъ слѣдующаго содержания:

«Разсмотрѣвъ сужденіе Комитета по предмету цензуры книгъ и находя заключеніе онаго основательнымъ, повелѣваю: цензуру всѣхъ вообще печатаемыхъ въ Имперіи гражданскихъ книгъ, на основаніи существующихъ узаконеній, въ томъ числѣ и медицинскихъ, по точной силѣ утвержденного мною въ 17-й день августа 1810 года росписанія предметовъ, отдѣленныхъ въ составъ министерства просвѣщенія, оставить при одномъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, не подвергая однакожъ оной постановленій, предписаній, наставленій врачамъ и всякихъ предварительныхъ извѣстій, издаваемыхъ медицинскимъ совѣтомъ министерства полиціи, кои и остаются на его отвѣтственности, какъ мѣста, пекущагося о сохраненіи народнаго здравія. Наблюденіе же за привозимыми изъ-за границы книгами и цензуру оныхъ, до рѣшенія о семъ Государственнаго Совѣта, оставить по-прежнему подъ министерствомъ полиціи; а равнымъ образомъ и цензуру театральныхъ піесъ и всякаго рода объявленій и публикацій».

Радецкій и Скобелевъ

въ сраженіи 27-го и 28-го денабря 1877 г. подъ Шипкой ¹⁾.

Нотя дѣйствія генераловъ Скобелева и Радецкаго подъ Шипкой давно уже оцѣнены по достоинству знающими и безпристрастными лицами, тѣмъ не менѣе отъ времени до времени появляются охотники умалить достоинства одного и возвеличить славу другаго, хотя бы то было въ ущербъ безпристрастной истинѣ. Уже вскорѣ послѣ окончанія послѣдней войны г. Градовскій въ своей брошюрѣ: «М. Д. Скобелевъ. Этюдъ по характеристикѣ нашего времени и его героевъ»—обстоятельно, на основаніи фактовъ, разобралъ дѣйствія подъ Шипкою обѣихъ колоннъ, тѣмъ не менѣе доннѣ еще кромѣ г. Верещагина являются лица, желающія, во что бы то ни стало, почему-то умалить славу героя, который, избѣгая всякой показной стороны дѣла и ненавидя рекламы, въ самыя важныя минуты заботился не о томъ, чтобы прославлять себя, а о томъ, чтобы, спасая честь Россіи, выручить своихъ товарищей и исправить вольныя или невольныя ошибки другихъ.

Могила героя безмолвна, но вѣчная правда жива, и долгъ честнаго

---

¹⁾ Документами служили: кромѣ личнаго воспоминанія, какъ участника сраженія, подлинныя рапорты объ этомъ сраженіи генераловъ: Радецкаго, князя Мирскаго и Скобелева, а также статьи: генерала Куропаткина «Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Скобелева», напечатанная въ „Военномъ Сборн.“ за 1889 годъ, и генерала Соболева «Послѣдній бой за Шипку», напечатанная въ «Русской Старинѣ» за 1889 годъ, май мѣсяць. Оба автора при составленіи своихъ статей пользовались документами, хранящимися въ архивѣ Главнаго штаба.

*

человѣка, въ особенности военнаго, — воздать каждому по заслугамъ его, не увлекаясь посторонними соображеніями. Ред.

Послѣ паденія Плевны и отправленія на Шипку подкрѣпленій, было приказано генералу Радецкому атаковать турецкую армію, блокирующую Шипку, и перейти Балканы. Личное мнѣніе генерала Радецкаго было то, что овладѣть Шипкой можно лишь движеніемъ сильнаго отряда отъ Тетевени или Арабъ-Конака по долинѣ Тунджи къ д. Шипкѣ. Тогда, по его мнѣнію, турки должны будутъ сами отойти отъ Шипки. Атаку же турокъ, до прихода войскъ генерала Гурко въ долину Тунджи, онъ считалъ преждевременной и рискованной. Но этого мнѣнія генерала Радецкаго не раздѣляли ни великій князь главнокомандующій, ни полевой штабъ арміи, ни многіе другіе, и въ томъ числѣ генералъ Скобелевъ. Всѣ они считали эту атаку возможной, къ которой, по ходу дѣлъ на театрѣ войны, необходимо приступить немедленно. Великій князь, посылая къ генералу Радецкому подкрѣпленія, приказалъ начать наступленіе немедленно, не ожидая появленія войскъ генерала Гурко въ долину Тунджи.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какой былъ принятъ планъ для исполненія этого приказанія, считаю нужнымъ сказать, какія свѣдѣнія имѣлъ генералъ Радецкій въ половинѣ декабря, относительно силы и расположенія непріятеля вообще на театрѣ войны, и въ частности о корпусѣ Веселя-Паши, блокирующемъ Шипку. Первые имѣлись изъ полевого штаба главнокомандующаго; вторыя основывались, главнымъ, образомъ, на разспросахъ плѣнныхъ турокъ и на свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ болгарами и нашими охотничьими командами. Но эти послѣднія свѣдѣнія получались только до конца ноября мѣсяца, съ декабря же, съ началомъ сильныхъ морозовъ, вьюгъ и мятелей въ горахъ, никакихъ уже свѣдѣній ни откуда не получалось. Болгары отказались ихъ доставлять, плѣнныхъ не было, а охотничьи команды, если и высылались, то лишь въ ближайшія мѣста.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ полевого штаба, было извѣстно, что послѣ неудачныхъ атакъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ Сулеймана, на нашу восточную армію наслѣдника, съ цѣлью освободить Плевну, правительство султана, послѣ паденія Плевны, приказало Сулейману, оставивъ въ главныхъ крѣпостяхъ Болгаріи лишь необходимые для непосредственной обороны гарнизоны, перевезти всю свою армію въ Румелію, и стать въ резервъ турецкихъ корпусовъ, занимавшихъ позиціи у Арабъ-Конака и Шипки. Куда направилась армія Сулеймана, генералу Радецкому было не извѣстно. Она могла выйти къ Сливѣ и затѣмъ быстро появиться у Шипки. Тогда противъ его 8-го корпуса могла бы образоваться армія въ 120 таборовъ при 200 орудіяхъ.

Что касается Веселя-Паши, то по нашимъ свѣдѣніямъ сила и расположение его были слѣдующія: пѣхоты отъ 50 до 60-ти таборовъ, орудій около 100, кавалеріи регулярной нѣтъ, а только черкесы и башибузуки, но ихъ показывали то больше, то меньше; видимо, число ихъ мѣнялось, а въ среднемъ изъ всѣхъ показаній ихъ было отъ 2 до 3 т. Около половины этой арміи было расположено на горахъ, противъ нашей позиціи, а лагери ихъ внизу на противоположныхъ отъ насъ скатахъ этихъ горъ. Другая половина стояла лагеремъ въ долинѣ, южнѣе д. Шипки, между этой деревней и Шейновымъ ¹⁾. Съ восточной и съ западной сторонъ, т. е. отъ Янины и Иметли, построены были турками укрѣпленія, прикрывающія лагерь; есть ли укрѣпленія съ южной стороны, и если есть, то гдѣ, свѣдѣній этихъ болгары дать не могли. Сила корпуса считалась около 40 тысячъ.

Во исполненіе приказанія великаго князя, генераль Радецкій рѣшилъ атаковать турецкій лагерь въ долинѣ Тунджи, съ юга двумя обходными колоннами: правой генерала Скобелева ²⁾ отъ Зеленаго Древа и Топлиша черезъ Иметлійскій переваль, и лѣвой князя Мирскаго ³⁾ отъ Травны черезъ Сельвинскій переваль. Съ своей же стороны, по приближеніи обходныхъ колоннъ къ Шипкѣ, предполагалъ поддержать атаку ихъ бригадой пѣхоты съ сѣвера съ горы св. Николая. Но, считая необходимымъ для успѣха, чтобы обходныя колонны были такой силы, чтобы онѣ могли хотя бы нѣкоторое время дѣйствовать самостоятельно, находилъ лѣвую колонну князя Мирскаго слишкомъ слабою, а потому просилъ телеграммою великаго князя усилить ее еще одной дивизіею пѣхоты. До полученія же отвѣта на эту просьбу, первоначально, были даны имъ слѣдующія инструкціи начальникамъ обходныхъ колоннъ:

¹⁾ Что дер. Шипка была сожжена турками, мы не знали, напротивъ, полагали, что тамъ расположенъ штабъ Веселя-Паши. Также не знали, что Шейново укрѣплено и входитъ въ юго-западный уголъ укрѣпленнаго лагеря.

²⁾ 16-я пѣхотная дивизія, 9-й, 11-й и 12-й стрѣлковыя баталіоны, семь болгарскихъ дружинъ, 2 роты 4-го сапернаго баталіона; Донской казачій № 9 полкъ, Уральская казачья сотня и горная № 2 батарея, всего 15¹/₂, баталіоновъ, 7-мъ болгарскихъ дружинъ, 7-мъ казачьихъ сотенъ и 6-тъ горныхъ орудій. Кромѣ того, 6-тъ полевыхъ орудій 16-й артиллерійской бригады были приспособлены къ перевозкѣ на саняхъ, на случай возможности перетаскать ихъ черезъ горы.

³⁾ Первоначально: три полка 9-й дивизіи (Елецкій, Сѣвскій и Орловскій), 4-я стрѣлковая бригада, одна рота 5-го сапернаго баталіона, Донской казачій № 23 полкъ и горная № 1-й батарея, потомъ назначена еще 30-я дивизія, всего 25 баталіоновъ, 6 сотенъ и 8-мъ горныхъ орудій. Кромѣ того, двѣ батареи 9-й и 14-й артиллерійскихъ бригадъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ на саняхъ, на случай возможности перетаскать ихъ черезъ горы.

Генералу Скобелеву приказано было ¹⁾, перейдя Балканы, занять Иметли, укрѣпиться и ожидать приказаній. Къ сторонѣ Лысой горы выставить боковой авангардъ.

Князю Мирскому ²⁾ наступать отъ Травны до Янины, двигаясь крайне осторожно въ виду того, что Сулейманъ переходитъ Балканы, при чемъ если въ составъ колонны не будетъ добавлено дивизіи, то ограничиться демонстраціей, дабы привлечь на себя Сулеймана, и не допустить его до Шипки. Если же будутъ положительныя свѣдѣнія, что изъ Сливны не идетъ неприятель, то двигаться къ Янинѣ.

Эти инструкціи были даны начальникамъ колоннъ до 20-го декабря. Въ ночь съ 20-го на 21-е декабря, генералъ Радецкій получилъ телеграмму отъ великаго князя, что генералу Делинсгаузену приказано отправить 23-го декабря въ составъ 8-го корпуса, изъ Тырново въ Травну, 30-ю пѣхот. дивизію, въ составъ лѣвой обходной колонны. 23-го декабря, начальникъ штаба арміи телеграфируетъ генералу Радецкому, что начальнику 1-й кавалерійской дивизіи приказано имѣть три полка въ Сельви и ожидать приказанія генерала Радецкаго, куда, когда и сколько отправить, и что гренадерскій корпусъ 25-го декабря направляется на Габрово, въ 6-ть переходовъ по-эшелонно, въ каждомъ эшелонѣ по бригадѣ.

Распоряженія эти значительно улучшили положеніе генерала Радецкаго, и онъ измѣнилъ инструкціи, данныя начальникамъ обходныхъ колоннъ. Правой колоннѣ генерала Скобелева ³⁾ предписано начать наступленіе вечеромъ, 24-го декабря, и двигаться отъ Зеленаго Древа и Топлиша, черезъ Иметлійскій перевалъ къ д. Иметли, и далѣе къ д. Шипкѣ. По прибытіи въ Иметли устроиться и при благоприятныхъ обстоятельствахъ ⁴⁾, не дожидая прихода генерала Карцова, атаковать Шипку. При этомъ генералъ Радецкій увѣдомлялъ его, что лѣвая колонна князя Мирскаго можетъ начать свои дѣйствія не ранѣе 27-го декабря.

Князю Мирскому, того же 23-го числа, послано новое приказаніе: 24-го утромъ выступить изъ Травны. Первый переходъ сдѣлать до Крестца. Далѣе двигаться черезъ горы энергично. Если, по прибытіи въ Гузово, уже перейдя Балканы, станетъ извѣстно,

¹⁾ Предписаніе начальнику 16-й пѣх. дивизіи 19-го декабря 1877 года № 1019.

²⁾ Предписаніе начальнику 9-й пѣх. дивизіи 19-го декабря 1877 года № 1020.

³⁾ Предписаніе начальнику 16-пѣхот. дивизіи 23-го декабря 1877 г. № 1022.

⁴⁾ То-есть если колонна князя Мирскаго успѣетъ перевалить Балканы одновременно съ нимъ.

что къ Шипкѣ идутъ турецкія подкрѣпленія, то цѣль отряда—не допустить ихъ соединиться съ арміей Веселя-Паши. Если же со стороны Сливны не будетъ непріятели, то, въ случаѣ, если генераль Скобелевъ будетъ атаковать турками въ Иметли, или самъ атакуеть — атаковать съ своей стороны правый флангъ турокъ. При этомъ князь Мирскій былъ поставленъ въ извѣстность, что 24-го числа въ Травну въ составъ его колонны прибудеть 30-я пѣхотная дивизія.

Въ дополнительномъ приказаніи генерала Радецкаго князю Мирскому было сказано, что движеніе генерала Скобелева основано на расчетѣ, что лѣвая колонна 26-го подойдетъ къ Гузову и 27-го будетъ въ состояніи поддержать атаку правой колонны. Такимъ образомъ, турецкій укрѣпленный лагерь внизу положено было атаковать 27-го числа, съ обоихъ фланговъ и тыла, при чемъ инициатива предоставлена была генералу Скобелеву.

На Шипкинской позиціи, подъ своимъ личнымъ начальствомъ были оставлены генераломъ Радецкимъ: 14-я дивизія, Брянскій полкъ 9-й дивизіи, двѣ роты саперъ 2-го сапернаго баталіона и двѣ сотни пластуновъ 7-го пластунскаго баталіона.

Движеніе обходныхъ колоннъ началось согласно даннѣмъ приказаніямъ.

Обѣ колонны, при перевалѣ черезъ Балканы, испытали страшныя затрудненія, какъ оттого, что имъ пришлось двигаться по горнымъ тропинкамъ съ необыкновенными крутизнами, такъ и потому, что мятели, господствовавшія въ Балканахъ, покрыли горы глубокими пластами снѣга. Имъ приходилось двигаться по тропинкамъ, совершенно занесеннымъ снѣгомъ, который былъ въ одну сажень глубины; по всему пути нужно было прокладывать дорогу въ видѣ траншей, потому въ обѣихъ колоннахъ пришлось отказаться отъ перетаскиванія полевыхъ орудій черезъ перевалы и ограничиться одними горными. Въ особенности трудно пришлось колоннѣ князя Мирскаго, которому нужно было пройти по такому пути въ два раза болѣе, чѣмъ колоннѣ генерала Скобелева ¹⁾).

Еще 20-го декабря, генераль Радецкій телеграммою просилъ великаго князя прислать телеграфный паркъ въ Дряново и устроить тамъ станцію съ тѣмъ, чтобы связаться линіей съ отрядомъ князя Мирскаго. Самъ Радецкій рѣшилъ остаться при средней колоннѣ, на горѣ Св. Николая. Это былъ единственный пунктъ, съ котораго онъ

¹⁾ Отъ Травны до Дальняго Гузова считалось около 40 верстъ, отъ Топлиша до Иметли—около 20 верстъ.

Послѣ инструментальной съемки нашими топографами Болгаріи, оказалось въ дѣйствительности:

отъ Травны до Гузова..... 28 верстъ.
отъ Топлиша до Иметли .... 14¹/₄ „

могъ хоть сколько-нибудь руководить дѣйствіями обходныхъ колоннъ, получая изъ правой колонны генерала Скобелева донесенія и все еще надѣясь, что его просьба и приказаніе великаго князя о проведеніи телеграфной линіи отъ Дрянново въ колонну князя Мирскаго будутъ полевымъ штабомъ исполнены. Въ ясные дни съ горы Св. Николая должны были быть хорошо видны всѣ движенія въ долину Тунджи обѣихъ обходныхъ колоннъ.

Теперь приступаю къ описанію движенія и дѣйствій обходныхъ колоннъ по донесеніямъ ихъ начальниковъ.

25-го числа правая колонна генерала Скобелева дошла до перевала. Отъ корпусной ставки на Шипкѣ хорошо было видно движеніе этой колонны. День былъ ясный. Нашъ главный врагъ, котораго боялись мы гораздо болѣе, чѣмъ непріятеля — мятеля и вьюги въ горахъ — отсутствовалъ. Всѣ отсидѣвшіе на многострадальной Шипкѣ зиму хорошо понимали, что если измѣнится вѣтеръ и подымется мятель на подобіе тѣхъ, которыя были въ началѣ декабря, то движеніе остановится, и придется вернуться назадъ, если только будетъ это еще возможно.

Отъ князя Мирскаго получено было донесеніе, что его колонна 25-го подтягивается къ Сельцамъ, а авангардъ посланъ изъ Сельце на Гузовскій перевалъ. Опасеніе за колонну князя Мирскаго, что она къ вечеру 26-го числа опоздаетъ прибыть въ Гузово и не поддержитъ появленія 26-го въ долину Тунджи колонны генерала Скобелева, послѣ этого донесенія перестало беспокоить.

До сихъ поръ все шло хорошо. Обѣ колонны по донесеніямъ перешли Балканы, въ долину Тунджи, одновременно, несмотря на то, что войскамъ колоннъ пришлось преодолѣть неимоверныя затрудненія. Одно было непріятно генералу Радецкому, что телеграфный паркъ, къ началу движенія обходныхъ колоннъ, въ Дрянново не прибылъ. Генераль Радецкій телеграфировалъ великому князю о томъ слѣдующее: «несмотря на всю переписку, доношу вашему высочеству, что телеграфной линіи, противъ ожиданія, не устроено отъ Дрянново къ Травнѣ и далѣе, къ колоннѣ князя Мирскаго».

26-го числа утромъ генераль Радецкій сообщалъ генералу Скобелеву: «что колонна князя Мирскаго головой своей достигла полпути отъ Сельце къ Гузову; разъѣзды его донесли, что по долину Тунджи замѣчено большое движеніе обозовъ отъ Шипки къ Казанлыку. Ему предписано завтра, 27-го утромъ, идти на дер. Шипку и атаковать турокъ. Отряды генераловъ Брока и Дандевиль заняли 21-го Златицу, и Дандевиль, преслѣдуя турокъ, того же числа дошелъ до Лажени. Генераль Карцевъ, достигнувъ Троянскаго перевала, нашель за переваломъ турокъ, сильно укрѣпившихся, и призналъ даль-

нѣйшее наступленіе съ фронта невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ непріятелю по слухамъ начали подходить подкрѣпленія отъ Колофера; Карцевъ, оставивъ на перевалѣ двѣ роты съ орудіемъ, отвелъ отрядъ къ Кулибѣ. Я сейчасъ же телеграфирую великому князю, настоятельно прося предписанія Карцеву идти впередъ и не дозволить туркамъ обратиться на васъ; вашему же превосходительству не дожидаться Карцева согласно прежняго предположенія, а занявъ Иметли, 27-го утромъ, идти на дер. Шипку и атаковать непріятеля.

26-го числа движеніе обѣихъ колоннъ продолжалось безъ особыхъ помѣхъ со стороны турокъ, кромѣ незначительныхъ боевъ съ небольшими частями и партіями непріятеля; болѣе серьезный бой былъ въ колоннѣ генерала Скобелева, и къ вечеру 26-го числа были заняты: колонной князя Мирскаго Гузово, куда успѣла сосредоточиться вся его колонна, а влѣво на востокъ занятъ былъ съ бою Маглишъ для прикрытія тыла его, на случай появленія съ этой стороны непріятеля. Въ колоннѣ генерала Скобелева вечеромъ занято съ бою Иметли.

26-го числа вечеромъ генералъ Радецкій получилъ донесеніе отъ генерала Скобелева, которое кончалось такъ: «Завтра 27-го въ полдень атакую Шипку съ тѣми силами, которыя могу собрать. Если бы Мирскій атаковалъ ранѣе, то во всякомъ случаѣ поддержку его всѣмъ, что будетъ подъ рукой».

Въ ночь съ 26-го на 27-е генералъ Скобелевъ донесъ, что 2-я бригада 16-й дивизіи спущена въ долину. За симъ онъ говоритъ: «туда же направляю всѣ прибывающія войска, при чемъ сдѣлаю распоряженіе объ укрѣпленіи позиціи впереди дебуше. Быть готовымъ къ атакѣ въ 12-ть часовъ дня завтра (27-го) со всѣми силами оказывается почти невозможнымъ, такъ какъ, по страшной трудности дороги, главные силы до сихъ поръ еще не спустились. Сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы атаковать турокъ завтра (27-го) къ вечеру. Но во всякомъ случаѣ и въ которомъ часу бы ни было, если увижу атаку лѣвой колонны, поддержку ее какими бы силами я ни располагалъ. Во всякомъ случаѣ предупреждено ваше превосходительство, что если придется атаковать, то буду это дѣлать самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ какъ считаю отступленіе по той же дорогѣ, по которой наступалъ, если не невозможнымъ, то весьма и весьма затруднительнымъ». Приписка: «У Янины значительное число бивачныхъ огней, какъ кажется, болѣе чѣмъ на дивизію».

По полученіи этихъ донесеній, генералъ Радецкій послалъ приказа-

ніе князю Мирскому наступать рѣшительно на Шипку, при чемъ увѣдомилъ его, что генераль Скобелевъ дебушируетъ успѣшно и поддержитъ его атаку. Генерала же Скобелева увѣдомляя о назначеніи въ его колонну трехъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи, которые должны выступить утромъ 27-го, прибавляетъ: что князь Мирскій съ разсвѣтомъ завтра двинется къ Хаскію и будетъ около Шипки не ранѣе полудня. Разсчитывайте ваше движеніе такъ, чтобы князь Мирскій прибылъ къ Шипкѣ ранѣе васъ.

Вслѣдствіе этихъ донесеній генерала Скобелева, генераль Радецкій не терялъ еще надежды, что если Скобелевъ будетъ двигаться энергично, то къ утру 27-го онъ все-таки успѣетъ притянуть, если не всю, то большую часть своей колонны, съ которой и вступитъ въ бой совмѣстно съ колонной князя Мирскаго. Если даже ему почему-либо и не удастся усилить бригаду, находящуюся въ с. Иметли, то онъ, заслышавъ выстрѣлы въ колоннѣ князя Мирскаго, во всякомъ случаѣ, поддержитъ его хотя бы этой бригадой. Къ утру 27-го, какъ бы медленно ни двигались его части, все-таки могли же прибыть хотя два-три баталіона на усиленіе бригады, занявшей Иметли еще 26-го числа. Такимъ образомъ инициатива передавалась князю Мирскому.

Въ колоннѣ генерала Радецкаго. Ожидая, 27-го, боя, генераль Радецкій рано утромъ въ этотъ день направился на Николая, откуда въ ясные дни можно было видѣть движеніе и дѣйствіе обѣихъ обходныхъ колоннъ въ долинѣ, а день 27-го былъ ясный. Со стороны турокъ съ Шипкинской позиціи не было убавлено ни числа войска, ни числа орудій, повидимому, они или считали обходныя колонны незначительными и ожидали главной атаки со стороны нашей позиціи, или ожидали прибытія въ долину подкрѣпленій ¹⁾).

Въ средней колоннѣ генерала Радецкаго, часовъ около 10-ти утра этого дня, слышались выстрѣлы въ обѣихъ колоннахъ, и съ Николая замѣчено было движеніе колонны князя Мирскаго къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ внизу. Около 12-ти часовъ, колонна эта развернулась и стала наступать съ боемъ на восточную сторону турецкаго укрѣпленнаго

---

¹⁾ Заявленіе генерала Скобелева о томъ, что 27-го и 28-го чиселъ было замѣтно движеніе турокъ съ горъ въ долину и ослабленіе позиціи на Лысой горѣ, было не справедливо, что и оказалось впоследствии. Если бы оно даже и было получено генераломъ Радецкимъ своевременно, то онъ не далъ бы ему никакой вѣры, ибо съ нашихъ позицій доносили ему противное. Съ Николая, гдѣ была поставлена труба Мерца для наблюденій въ ясные дни за дѣйствіями обходныхъ колоннъ въ долинѣ, штабсъ-капитанъ Котельниковъ доносилъ, что по дорогѣ, идущей сзади батареи на Лысой горѣ, замѣтно движеніе одиночныхъ людей, небольшихъ группъ челоуѣкъ въ 20, и изрѣдка вьючныхъ лошадей. Но это было обыкновенное движеніе, наблюдавшееся во всѣ дни.

лагеря. Со стороны колонны генерала Скобелева, хотя и слышались, какъ сказано выше, около 10-ти часовъ, выстрѣлы почти одновременно съ колонной князя Мирскаго, но скоро они смолкли, и приближенія его колонны не замѣчалось. Поздно вечеромъ 27-го, пріѣхалъ отъ генерала Скобелева ординарецъ хорунжій Дукмасовъ съ донесеніемъ генерала Скобелева: «сегодня часа въ два по полудни, ввѣренный мнѣ отрядъ дебушировалъ почти цѣликомъ. Не атаковалъ рѣшительно турокъ только потому, что ждалъ появленія въ долину колонны князя Мирскаго. Ночую въ долину Тунджи на занятой сегодня позиціи. Завтра утромъ намѣренъ атаковать Шейново, но желалъ бы какихъ-нибудь указаній отъ вашего превосходительства».

Донесеніе это совершенно было непонятно генералу Радецкому. Какъ могъ не знать генералъ Скобелевъ, что князь Мирскій уже перевалилъ горы и началъ наступленіе. Если даже онъ и не успѣлъ получить посланнаго ему о томъ, утромъ 26-го, сообщенія, то въ такой ясный день, какимъ было 27-е число, наступленіе колонны князя Мирскаго должно было быть такъ же ясно видно съ горъ, занимаемыхъ правой колонной, какъ и съ Николая. Впослѣдствіи, самъ генералъ Скобелевъ подтвердилъ, что объ этомъ движеніи ему доносили съ горъ князь Вяземскій. Да и выстрѣлы князя Мирскаго должны были быть ему слышны, ибо выстрѣлы правой колонны, раздавшіеся утромъ одновременно съ лѣвой колонной, были слышны и на Николаѣ и въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго. Какихъ еще нужно ему было указаній отъ генерала Радецкаго, который находился въ 20-ти верстахъ отъ мѣста его дѣйствій, кромѣ исполненія его приказанія атаковать съ юга Шипку? Вѣдь генералъ Скобелевъ хорошо зналъ, что расположеніе турокъ въ долину извѣстно генералу Радецкому лишь изъ показаній болгаръ и плѣнныхъ. Что за причина такой непонятной съ его стороны нерѣшительности?

Передъ началомъ наступленія, генералъ Скобелевъ держался мнѣнія и говорилъ всегда о необходимости самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій и боялся лишь одного, чтобы не очутиться одному въ долину Тунджи. Приходилось генералу Радецкому даже сдерживать его пылъ, совѣтуя не пренебрегать осторожностью и потому рассчитать свое движеніе черезъ горы, чтобы прибыть въ Иметли не ранѣе 26-го числа. Теперь же онъ знаетъ, что князь Мирскій перевалилъ уже черезъ горы и прикрываетъ слѣдовательно его колонну съ лѣвой стороны. Съ правой у него генералъ Карцевъ и отряды Дандевилы и Брока, уже перевалившіе горы, кого же онъ боится, откуда ждать нападенія? Все это сильно волновало генерала Радецкаго.

Въ ночь съ 27-го на 28-е было послано генералу Скобелеву послѣднее приказаніе слѣдующаго содержанія:

«Колонна князя Мирскаго въ настоящее время стоитъ съ восточной стороны дер. Шипки. Вчера было видно, что имъ былъ взятъ одинъ редутъ и нѣсколько укрѣпленій. Къ сегодняшнему дню онъ, по всей вѣроятности, успѣлъ подтянуть весь свой отрядъ и съ утра начнетъ атаку. Вашему превосходительству казалось бы лучше, по занятіи Шейново, атаковать Шипку съ южной стороны, стараясь войти въ связь съ княземъ Мирскимъ. По занятіи Шипки будетъ спущена бригада 14-й дивизіи съ Николая»; т. е. слово въ слово то, что было рѣшено еще передъ началомъ движенія за Балканы на совѣтѣ у генерала Радецкаго.

Генералу Дохтурову, прибывшему 26-го вечеромъ въ Габрово, съ тремя полками 1-й кавалерійской дивизіи, было послано еще съ вечера приказаніе, утромъ 27-го, изъ Габрово перейти въ Топлишъ, гдѣ сдѣлать привалъ, и затѣмъ двигаться далѣе слѣдомъ за колонною генерала Скобелева, въ распоряженіе котораго дивизія поступаетъ. Но отъ генерала Дохтурова, утромъ 27-го, получена была записка съ вопросомъ: по какой дорогѣ ему слѣдовать? Начальникъ штаба генерала Скобелева подполковникъ Куропаткинъ совѣтуетъ идти по Шипкинскому шоссе, ибо въ бой дивизія опоздаетъ. Послано было генералу Дохтурову вторичное приказаніе слѣдовать, какъ было раньше приказано, черезъ Иметлійскій перевалъ. Пока шла эта переписка, дивизія начала движеніе на перевалъ значительно позже ¹⁾.

---

¹⁾ Генералъ Куропаткинъ въ своей статьѣ „Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Скобелева“, напечатанной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1889 г., объясняетъ это недоразумѣніе такъ: „Я помню, что меня посѣтилъ въ Топлишѣ офицеръ генеральнаго штаба, состоящій при 1-й кавалерійской дивизіи капитанъ Андріановъ, естественно интересовавшійся какъ дорогою, такъ и тѣмъ, что происходило въ отрядѣ. Относительно дороги я ему далъ точныя указанія на трудности ея; но достаточно было знать, что большая часть отряда уже за Балканами, для вывода, что эти трудности преодолимы. Весьма вѣроятно, что полки дивизіи опоздають, ибо рассчитывалъ, что рѣшительный бой произойдетъ 27-го декабря. Но никакой мой совѣтъ или заявленіе не могли и не должны были дать поводъ отступать отъ формальнаго и вполне опредѣленнаго предписанія командира 8-го корпуса. Такая неправильная остановка въ Топлишѣ, въ теченіе шести часовъ, лишила полки Драгунскій и Улапскій возможности принять, не сомнѣваемся въ томъ, славное участіе въ бою подъ Шейновомъ. Прибавлю, что вообще на войнѣ, мнѣнія и совѣты раненыхъ людей не должны приниматься къ исполненію, какой бы постъ раненые ни занимали. Сильно страдающіе люди склонны на все смотрѣть съ мрачной точки зрѣнія, склонны къ нерѣшительности, а значить и къ совѣтамъ стоять на мѣстѣ и даже идти назадъ, а не впередъ“.

Въ ночь съ 27-го на 28-е число, получено было донесеніе отъ князя Мирскаго: что онъ цѣлый день дрался съ превосходнымъ въ числѣ непріателемъ, что его войска понесли большія потери, въ частяхъ осталось мало патроновъ и что положеніе его отряда въ 100 шагахъ отъ непріателя крайне затруднительно.

Въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго. 27-го съ утра эта колонна, согласно полученнаго приказанія генерала Радецкаго, начала наступленіе. Съ началомъ наступленія послышались выстрѣлы и въ сторонѣ колонны генерала Скобелева, по мѣрѣ того какъ разгорался бой, выстрѣлы со стороны колонны генерала Скобелева начали утихать и вскорѣ совсѣмъ замолкли. Получивъ нѣсколько разъ приказаніе атаковать Шипку непремѣнно 27-го числа, князь Мирскій не призналъ возможнымъ останавливать уже начавшійся бой, и наступленіе продолжалось безостановочно. Послѣдовательно заняты были съ боемъ Янина и Хаскюй. По занятіи послѣдняго, тотчасъ было выслано двѣ сотни казаковъ, которымъ предписано было войти въ связь съ колонной генерала Скобелева.

Между Хаскюемъ и Шипкой начинается рядъ укрѣпленныхъ кургановъ, составляющихъ восточную часть укрѣпленнаго лагеря, достуны къ которымъ идутъ совершенно по открытой мѣстности, подверженной самому губительному огню. Войска лѣвой колонны энергично наступали и къ вечеру взяли пять сильно укрѣпленныхъ кургановъ, кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ, а отдѣльные охотники Сѣвскаго полка проникли даже въ ближайшія развалины д. Шипки. Со стороны Иметли, т. е. колонны генерала Скобелева, во весь день боя, не слышно было ни одного выстрѣла, и не получено было никакихъ извѣстій. Когда наступила темнота, и бой прекратился, князь Мирскій рѣшился вочевать на занятыхъ позиціяхъ и приказалъ войскамъ окопаться. Незадолго до наступленія темноты, было получено отъ генерала Шнитникова донесеніе, что гор. Казанлыкъ въ тылу турокъ занятъ безъ боя. Между тѣмъ вечеромъ, илѣнные турки заявляли, что ожидается прибытіе къ Шипкѣ изъ Ени-Загры въ подкрѣпленіе 18 таборовъ. Несмотря на такое неопредѣленное и даже опасное положеніе его отряда, какъ доносилъ князь Мирскій, онъ рѣшился во всякомъ случаѣ оставаться на взятыхъ имъ позиціяхъ во что бы то ни стало, въ надеждѣ, что дѣло все-таки должно скоро выясниться.

27-е число въ колоннѣ генерала Скобелева. Вечеромъ 26-го числа, въ Иметли, у генерала Скобелева, по его донесенію, находились: 2-я бригада 16-й дивизіи съ горной батареей и двѣ роты саперъ.

Въ 11 часовъ 27-го числа, какъ пишетъ генералъ Скобелевъ, онъ получилъ донесеніе отъ флигель-адъютанта полковника князя Вяземскаго, оставленнаго имъ на горахъ съ четырьмя дружинами Болгар-

скаго ополченія, что замѣтны колонны князя Мирскаго, спускающіяся въ долину восточнѣе Шипки ¹⁾; но этому донесенію генераль Скобелевъ почему-то не повѣрилъ, хотя былъ предувѣдомленъ генераломъ Радецкимъ, что князь Мирскій уже въ долинѣ и можетъ начать наступленіе 27-го, и самъ приписалъ въ своемъ послѣднемъ донесеніи, отъ 26-го числа, что у Янины видно значительное число бивачныхъ огней. Онъ полагалъ, по его словамъ, что это могла быть также и армія Сулеймана, по слухамъ идущая изъ Сливны. Это ни на чемъ не основанное предположеніе, а также возможность появленія непріятели и съ запада, вынудило его дѣйствовать, какъ онъ пишетъ, крайне осмотрительно, т. е. по-просту не исполнить своего обѣщанія, посланнаго еще наканунѣ генералу Радецкому, поддержать князя Мирскаго всѣмъ, что будетъ у него подъ рукою.

Вся помощь, которую генераль Скобелевъ оказалъ колоннѣ князя Мирскаго 27-го числа, заключалась: 1) въ приказаніи открыть стрѣльбу изъ горныхъ орудій противъ появившейся непріятельской кавалеріи; 2) чтобы дать непріятелю преувеличенныя понятія о силахъ правой колонны, войскамъ приказано было стать шире, разложить костры и отойти на свой бивакъ тогда только, когда стемнѣетъ и 3) при зарѣ, изъ всѣхъ горныхъ орудій сдѣлать залпъ по Шейнову, чтобы князю Мирскому дать убѣжденіе о присутствіи правой колонны въ долинѣ ²⁾. Такая скромная поддержка, какъ всякій согласится, не много помогла лѣвой колоннѣ. Соображенія генерала Скобелева, на основаніи которыхъ онъ 27-го не счелъ возможнымъ оказать поддержку колоннѣ князя Мирскаго и исполнить приказанія и обѣщанія, данныя имъ еще наканунѣ, помѣщенныя въ его рапортѣ отъ 3-го января 1878 г., были слѣдующія: 1) вслѣдствіе поздняго времени. Это совершенно непонятно. Еще съ вечера 26-го у него была цѣлая бригада; 2) въ виду необходимости укрѣпиться на занятой позиціи и наконецъ 3) которое онъ считалъ, какъ кажется, главной причиной: необходимость сосредоточить всѣ силы, чтобы исполнить личное приказаніе генерала Радецкаго— не начинать боя, не собравъ всей колонны. Послѣдняя причина требуетъ объясненія. Дѣйствительно, такое приказаніе было дано генераломъ Радецкимъ на тотъ случай, если бы колонна князя Мирскаго не успѣла къ 26-му вечера перевалить Балканы, и генераль Скобелевъ очутился бы одинъ въ долинѣ. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно генера-

¹⁾ Рапортъ генерала Скобелева генералу Радецкому отъ 3-го января 1878 года.

²⁾ Слѣдовательно, онъ зналъ, что князь Мирскій уже въ долинѣ. Это противорѣчитъ его донесенію генералу Радецкому отъ того же числа, что онъ не атаковалъ турокъ потому, что ожидалъ появленія колонны князя Мирскаго въ долинѣ.

ломъ Радецкимъ было приказано не начинать наступленія, пока онъ не собереть всѣхъ своихъ силъ въ долину. Но ни въ какомъ случаѣ генераль Радецкій не отдавалъ, да и не могъ отдать такого приказанія, какъ всякій то пойметъ, чтобы оставить безъ всякой поддержки лѣвую колонну, весь день 27-го, только на томъ основаніи, что не всѣ еще баталіоны спустились къ Иметли и, находясь всего въ 4-хъ верстахъ отъ того укрѣпленнаго лагеря, на который въ это время ведетъ атаку лѣвая колонна.

Бой 28-го числа въ средней колоннѣ генерала Радецкаго. Въ 6-мъ часу утра, когда еще было темно, генераль Радецкій прибылъ на Николай. Тамъ около 5-ти часовъ утра, внизу въ сторонѣ колонны князя Мирскаго показались огни. Хотя за вѣтромъ выстрѣловъ и не было слышно, но, по отблеску огня отъ выстрѣловъ, можно было заключить, что князь Мирскій атакованъ турками, и у него идетъ горячій бой. Съ Николая въ этотъ день ничего не было видно. Горы покрылись густымъ туманомъ, густая пелена тумана закрыла и долину, и въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Что дѣлается внизу въ колоннѣ князя Мирскаго, послѣ послѣдняго его донесенія, не извѣстно. Не извѣстно также, успѣлъ ли передать своевременно хорунжій Дукмасовъ приказаніе генералу Скобелеву, чтобы тотъ началъ атаку 28-го раннимъ утромъ ¹⁾, а если не успѣлъ, то атакуетъ ли генераль Скобелевъ, какъ доносилъ, утромъ 28-го, или будетъ продолжать дѣйствовать также медленно осторожно, какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, генералу Радецкому приходилось принять какое-либо рѣшеніе. Онъ въ 12 часовъ дня энергично атаковалъ въ лобъ ближайшія непріятельскія траншеи и батареи, выстроенныя противъ Николая сѣвернѣе д. Шипки, чтобы этой атакой оттянуть на себя непріятельскія силы и хотъ сколько-нибудь облегчить положеніе князя Мирскаго внизу, а также и атаку генералу Скобелеву, если она послѣдуетъ. Назначеніе начала атаки въ 12 часовъ по полудни было въ томъ вниманіи, что если, какъ доносилъ генераль Скобелевъ, онъ начнетъ атаку около 8 час. утра и поведетъ ее энергично, со свѣжими еще своими силами, то онъ къ 12 часамъ долженъ быть уже близко д. Шипки, такъ какъ отъ Иметли до Шейново около 4-хъ верстъ, а отъ Шейново до д. Шипки около 3-хъ, всего слѣдовательно 7 верстъ. Что турки, атакованные съ трехъ сторонъ: съ восточной княземъ Мирскимъ, съ сѣверной—генераломъ Радецкимъ и съ западной—свѣжими войсками генерала Скобелева, не смогутъ оказать упорнаго сопротивленія.

Въ 11-мъ часу генераль Радецкій потребовалъ къ себѣ командира

---

¹⁾ Не успѣлъ. Онъ возвратился къ Скобелеву около 11-ти часовъ утра.

Подольскаго полка Духонина, который долженъ былъ повести главную атаку, показалъ ему послѣднюю депешу князя Мирскаго и сказалъ, что настало время выручать товарищей, и приказалъ ему, съ своимъ полкомъ, атаковать ближайшія непріятельскія укрѣпленія противъ Николая, съвернѣе дер. Шипки, въ 12-ть часовъ дня.

Отдавъ это приказаніе полковнику Духонину, онъ лично прибылъ къ 12 часамъ со своимъ штабомъ къ спуску съ горы Николая и тотчасъ приказалъ саперамъ разобрать стѣнку, которая заграждала съ южной стороны входъ на Николай, и пропустивъ мимо себя подольскія роты, спускающіяся внизъ для атаки непріятельскихъ укрѣпленій, оставался у этого спуска во все время штурма ⁴⁾. При немъ находился также и начальникъ 14-й дивизіи генераль-лейтенантъ Петрушевскій со своимъ штабомъ. Главная атака возможна была только по шоссе, которое допускало движеніе фронтомъ, лишь въ три—четыре ряда.

Мертвая тишина, въ теченіе четверти часа отъ начала движенія подольцевъ, нарушена была громкимъ крикомъ «ура» передовыхъ ротъ, овладѣвшихъ первой траншеей. За густымъ туманомъ, турки увидѣли подольцевъ, когда они были лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ траншей. Вслѣдъ за крикомъ подольцевъ «ура», открылся жестокій огонь съ обѣихъ сторонъ какъ ружейный, такъ и артиллерійскій, и такъ какъ за густымъ туманомъ съ непріятельскихъ батарей атакующихъ видно не было, то турки весь огонь свой направили на Николай и вдоль шоссе, по которому двигались подольцы. Послѣ первыхъ, взяты были вторыя траншеи, но уже съ огромными потерями, а при атакѣ третьихъ траншей, куда добѣжали уцѣлѣвшія, большая часть ихъ товарищей устали своими тѣлами ровъ. Потребовались подкрѣпленія, — и со свѣжими войсками можно было лишь удержаться въ занятыхъ траншеяхъ, но идти далѣе подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ, не представлялось никакой возможности. Туманъ сталъ еще гуще, и не было также никакой возможности сколько-нибудь ориентироваться. Назначенныя для обхода, двѣ другія штурмовыя колонны, съ жолоба и съ западной стороны скалъ, выходили на то же шоссе и подвергались тому же жестокому перекрестному огню. Подольцы начали отходить къ Николаю. Генераль Радецкій, замѣтивъ отступленіе подоль-

---

⁴⁾ Обвиненіе, что эта атака не была подготовлена предварительно ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, не имѣетъ никакого основанія. Въ этотъ день за густымъ туманомъ ничего нельзя было видѣть далѣе 20—30 шаговъ, а потому всякая стрѣльба, по невидимой цѣли, не принесла бы никакой пользы. Напротивъ, если и можно упрекнуть чѣмъ подольцевъ, то въ томъ, что они при такомъ густомъ туманѣ рано крикнули „ура“, а не старались захватить траншеи, пользуясь туманомъ съ налета неожиданно, не предваряя непріятеля крикомъ „ура“.

скихъ ротъ, немедленно послалъ меня къ генералу Мольскому, оборонявшему нашу позицію на Волынской горкѣ и батареяхъ Круглой и Центральной, приказавъ, переговора съ нимъ, взять у него все, что будетъ возможно, и отправить на Николай. Генералъ Мольскій нашелъ возможнымъ отдать два баталіона Волынскаго полка, которые немедленно и были направлены на Николай. Возвратившись на Николай, я засталъ атаки съ нашей стороны уже прекращенными, а генерала Радецкаго въ комендантскомъ баракѣ, что у Стальной батареи.

Въ 4-мъ часу стрѣльба со стороны непріятеля стала стихать, а затѣмъ и совершенно прекратилась. Только-что была составлена и послана великому князю телеграмма о боѣ 28-го числа, какъ прибылъ изъ колонны генерала Скобелева генералъ Столѣтовъ, а съ нимъ и тотъ паша, котораго только-что мы атаковали съ Николая, съ извѣстіемъ, что армія турокъ кладетъ оружіе, и что Весель-Паша, командовавший турецкою арміею на Шипкѣ, послалъ приказаніе о сдачѣ и тѣмъ войскамъ, которыя занимали горы противъ нашей позиціи. Сдалось всего 41 таборъ, изъ нихъ 22 на горахъ, бывшихъ противъ генерала Радецкаго, а 19 таборовъ, сражавшихся внизу противъ обходныхъ колоннъ князя Мирскаго и генерала Скобелева, положили оружіе въ долину; взято 103 орудія, въ томъ числѣ 18-ть мортиръ. Посланную телеграмму успѣли вернуть, и генералъ Радецкій послалъ другую съ донесеніемъ, что турецкая армія положила оружіе, и что онъ вмѣстѣ съ посылкою телеграммы командируетъ, для личнаго доклада великому князю о боѣ 27-го и 28-го числа, своего начальника штаба.

Въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго. Всю ночь съ 27-го на 28-е число, продолжалась небольшая ружейная перестрѣлка, такъ какъ позиціи обѣихъ сторонъ были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма близки другъ отъ друга. Съ разсвѣтомъ, огонь началъ все болѣе усиливаться и принялъ скоро ожесточенный характеръ. Въ девятомъ часу, турки перешли, было въ наступленіе, особенно противъ нашего праваго фланга, но были отбиты съ большимъ для себя урономъ. Послѣ того перестрѣлка на нѣкоторое время ослабѣла, и начало обнаруживаться, что турки усиливаютъ свой правый флангъ. Дѣйствительно, вскорѣ они перешли въ наступленіе противъ нашего лѣваго фланга и центра, но были отбиты, и войска наши, преслѣдуя ихъ, выбили непріятеля изъ лѣса, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, а на правомъ нашемъ флангѣ мы овладѣли д. Шипкой и шоссеинымъ спускомъ изъ Шипки къ Казаньку, отрѣзавъ такимъ образомъ ихъ отъ войскъ, занимающихъ горы. Во время этой атаки, занятъ былъ съ боя редутъ съ двумя орудіями, расположенный противъ нашего лѣваго фланга, такъ что незанятыя еще нами турецкія укрѣпленія, на восточной сторонѣ укрѣпленнаго лагеря, фланкировались съ обѣихъ фланговъ. Около 10 часовъ, у турокъ

оставалось въ обладаніи нѣсколько небольшихъ кургановъ, большой редуть, задній редюитъ и лагерь.

Около 12-ти часовъ, раздалось общее «ура» со стороны Иметли, и послышались звуки музыки, и завязался ружейный и затѣмъ артиллерійскій огонь. Съ перваго часа и до двухъ, продолжался сильный какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь, и разстрѣливаніе турокъ, сгученныхъ на небольшомъ пространствѣ, приняло самый ожесточенный характеръ. Наконецъ, въ 3-мъ часу, съ двухъ сторонъ ринулись обѣ обходныя колонны на укрѣпленный непріятельскій лагерь, и турки, атакованные съ трехъ сторонъ, немедленно выкинули бѣлый флагъ.

Въ это же время, т. е. въ 1-мъ часу, какъ сказано выше, атаковалъ съ горы Николая и генералъ Радецкій укрѣпленія, прикрывающія съ сѣвера д. Шипку противъ горы Св. Николая, и если ими овладѣть не могъ, по ихъ неприступности, за то несомнѣнно оттянулъ на себя большую половину турецкой арміи; что и подтвердилось, ибо въ долину въ укрѣпленномъ лагерѣ сдѣлалось 19 таборовъ, дѣйствовавшихъ противъ обходныхъ колоннъ, а 22 на горахъ, стоявшихъ противъ генерала Радецкого ¹⁾. (Изъ нихъ, сколько помнится, 12 таборовъ на Лысой горѣ, а 10 таборовъ—на восточномъ фронтѣ у девятиглазой батарей).

---

¹⁾ Привожу то, что пишетъ полковникъ Соболевъ, состоявшій во время боя 28-го числа при князѣ Мирскомъ, о томъ впечатлѣніи на войска лѣвой колонны, которое произвела атака генерала Радецкого. („Русская Старина“ за 1889 г. Май: Последний бой за Шипку г.-м. Соболева).

„Началась атака Шейновскаго лагеря со стороны обѣихъ обходныхъ колоннъ. На Николаѣ было спокойно. Сражавшіеся внизу по временамъ поглядывали на вершины Балкановъ. Но туманъ, сгустившійся съ утра, мѣшалъ наблюденію. Въ началѣ перваго часа, когда внизу кипѣлъ страшный бой, на перевалѣ послышались частые ружейные залпы, а за симъ открытъ былъ огонь изъ 200 орудій. Это была такая минута, которую трудно описать. Никто, ни одинъ человекъ, участвовавшій въ обходныхъ колоннахъ, не зналъ, что генералъ Радецкій рѣшится атаковать турокъ въ лобъ. Атака эта считалась просто невысказанною. Глядя на Балканскія выси, покрытыя густымъ туманомъ, въ нашемъ воображеніи рисовались самыя страшныя, сверхъестественныя картины. „Что это тамъ? Господи! взгляните... Это адъ, настоящій адъ. Это Радецкій атакуетъ. Ну, рѣзня!“ Такія восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ. Многіе крестились. Возбужденіе было всеобщее. Что-то тамъ на Николаѣ, думалось, а самимъ было дѣла по горло. Идя въ атаку, мы то и дѣло, что взглядывали наверхъ. Очевидно было, что тамъ настоящій адъ кипитъ, но тамъ, тамъ неизвѣстность, тамъ глубокая тайна, которую мы не въ силахъ были разгадать. Залпы десятковъ тысячъ ружей, издававшихъ какой-то отрывистый звукъ, сухой звукъ и гулъ сотенъ орудій—все это сливалось во что-то страшное, загадочное.... Временами намъ слышенъ былъ въ горахъ чрезвычайный шумъ, точно буря тамъ гудѣла и среди бури раздавались точно крики людей и бряцанье ихъ оружія“.

28-е число въ правой колоннѣ генерала Скобелева. Къ утру 28-го числа, въ распоряженіи генерала Скобелева, по его донесенію, имѣлись для наступленія слѣдующія части: три полка 16-й дивизіи, пять болгарскихъ дружинъ, два стрѣлковыхъ баталіона, горная батарея, одинъ драгунскій полкъ, два казачьихъ полка 1-й и 9-й, Уральская казачья сотня и команда болгарскихъ конниковъ, а къ 2 часамъ, онъ надѣялся, по его словамъ, что подойдут и послѣдніе полки Суздальскій 16-й дивизіи и Уланскій 1-й кавалерійской дивизіи.

Въ 5½ часовъ утра 28-го послышалась сильная ружейная перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ передоваго отряда правой колонны. Пріѣхавъ на выстрѣлы, генераль Скобелевъ убѣдился, что это стрѣльба въ колоннѣ князя Мирскаго, но это его лишь успокоило, нисколько, по его мнѣнію, не обязавъ о немедленной поддержкѣ лѣвой колонны. Въ 8 часовъ утра, слѣдовательно, черезъ три часа, далъ онъ только приказаніе своему начальнику штаба о сборѣ своихъ войскъ.

Въ 10 часовъ стала строиться боевой порядокъ. До 11-ти часовъ велась съ его стороны лишь перестрѣлка, и только тогда, когда въ 12-мъ часу на лѣвомъ флангѣ его боевой линіи крикнули «ура», живо распространившееся, по донесенію его, по всей боевой линіи, онъ рѣшился наконецъ перейти въ энергичное наступленіе. Какъ только турки увидѣли рѣшительное наступленіе со стороны отряда генерала Скобелева и себя окруженными со всѣхъ сторонъ, весьма скоро выкинули бѣлый флагъ и сдались.

Изъ этого описанія дѣйствій правой колонны 27-го и 28-го числа, по донесенію самого же Скобелева, видно, что генераль Радецкій имѣлъ полное право быть недовольнымъ дѣйствіями этого генерала за эти дни.

Генераль Радецкій обвинялъ его въ слѣдующемъ:

1) Въ томъ, что онъ двигался противъ всякаго ожиданія слишкомъ медленно, почему и не успѣлъ, подобно князю Мирскому, собрать къ назначенному времени своей колонны, хотя ему и предстоялъ путь въ два раза короче. Увѣреніе, что путь черезъ Иметлійскій перевалъ представлялъ больше трудности, чѣмъ Сельчинскій, едва-ли справедливо. Путь для обѣихъ колоннъ былъ одинаково труденъ, но для колонны князя Мирскаго онъ былъ вдвое длиннѣе. Но въ правой колоннѣ слишкомъ долго возились съ своими 6-ю орудіями на саняхъ. Ихъ разрѣшено было взять въ обходныя колонны лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ задерживать движенія, въ противномъ случаѣ ихъ немедленно оставить и продолжать путь съ одними горными. Такъ князь Мирскій и сдѣлалъ. Между тѣмъ въ правой колоннѣ съ ними возились, чуть-ли не двое сутокъ и, въ помощь имъ, данъ былъ цѣлый полкъ. Генераль Скобелевъ долженъ же былъ сознавать, что главная наша сила была въ единовременномъ появленіи за Балканами обѣихъ колоннъ, а не въ

*

шести орудіяхъ. Кромѣ того, у генерала Скобелева былъ хуже составленъ расчетъ движенія, чѣмъ у князя Мирскаго. Въ правой колоннѣ, нѣсколько разъ, однѣ части обгоняли на походѣ другихъ, что, разумѣется, очень замедляло движеніе, а этого легко можно было избѣгнуть. Двигайся генераль Скобелевъ энергично, ему не пришлось бы быть задержаннымъ 14-ть часовъ передъ Иметли, и онъ легко могъ занять ее и сосредоточить всю свою колонну еще утромъ 26-го числа. Турки занимали Иметли лишь слабыми частями и не поддерживали эти части изъ Шейнова. Близость турокъ со стороны Лысой горы не должна была особенно беспокоить его. Съ этой стороны, противъ боковаго отряда, нельзя было ожидать, по непроходимости снѣговъ, сколько-нибудь серьезнаго наступленія, все должно было ограничиться лишь стрѣльбою изъ орудій съ дальняго разстоянія, что и подтвердилось на дѣлѣ. Головной полкъ 1-й кавалерійской дивизіи, двигаясь безъ большихъ остановокъ, прошелъ разстояніе отъ Топлиша до Иметли въ 9 часовъ времени, а движеніе кавалеріи, по такой дорогѣ, какъ Иметлійскій переваль, въ зимніе мѣсяцы, не могло быть много быстрѣе, чѣмъ движеніе пѣхоты. Ей пришлось довольно большую часть пути пройти пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу и обгоняя во все время своего движенія пѣхоту, что задерживало ее еще болѣе, а потому, если ей удалось, при этихъ условіяхъ, прибыть изъ Топлиша въ Иметли черезъ 9-ть часовъ, то пѣхота, безъ всякаго особеннаго труда, могла бы пройти это разстояніе въ 18, а тѣмъ болѣе въ 24 часа. 30-я пѣхотная дивизія выступила изъ Травны 25-го числа утромъ и успѣла пройти разстояніе по такой же дорогѣ, вдвое длиннѣе, чѣмъ правая колонна, и къ вечеру 26-го числа подошла къ Маглишу и заняла его съ бою противъ непріятеля, численность котораго была не меньше, чѣмъ тѣ части, которыя были противъ генерала Скобелева, при занятіи имъ Иметли. Отрядъ генерала Шнитникова могъ также ожидать турокъ со стороны близъ лежащаго Хаинкюя, гдѣ стоялъ небольшой ихъ отрядъ, противъ Хаинкюйскаго прохода, и куда отступили 3¹/₂ табора, оборонявшіе Маглишъ, противъ отряда генерала Шнитникова. Вообще колонна князя Мирскаго подвергалась болѣе опасости, при переходѣ Балкановъ, чѣмъ колонна генерала Скобелева, ибо первая могла легко быть атаквана со стороны Сливны частями арміи Сулеймана, переходившими, по слухамъ, въ то же время черезъ Балканы изъ Болгаріи въ Румелію. Въ долинѣ Тунджи снѣгъ не препятствовалъ движенію войскъ.

2) Въ томъ, что онъ не поддержалъ князя Мирскаго 27-го числа, несмотря на его обѣщаніе, присланное генералу Радецкому еще наканунѣ, хотя тою бригадою съ горною батареею, которая находилась уже съ вечера 26-го въ Иметли, а 28-го, услышавъ лично еще въ 5¹/₂ часовъ утра, что у князя Мирскаго идетъ жаркій бой, началъ насту-

пление съ своей стороны лишь въ 11 часовъ утра, слѣдовательно, только черезъ 6-ть часовъ, когда находился отъ Шейнова всего въ 4-хъ верстахъ. Вообще всѣ его дѣйствія 27-го и 28-го числа шли въ разрѣзъ какъ съ его донесеніями отъ 26-го и 27-го числа, такъ и приказаніями генерала Радецкаго ¹⁾).

3) Хотя все, что говоритъ генераль Скобелевъ въ своемъ рапортѣ о настоячивомъ подтвержденіи генерала Радецкаго объ атакѣ д. Шипки, вѣрно, ибо д. Шипка ²⁾ была назначена конечнымъ пунктомъ атаки для обѣихъ колоннъ, но онъ умалчиваетъ только при этомъ, что атаку Шипки ему предложено было еще на совѣщаніи у генерала Радецкаго произвести черезъ Шейново, когда даже еще не было извѣстно, что Шейново укрѣплено и что оно входитъ въ юго-западный уголъ укрѣпленнаго лагеря ³⁾. Указывалъ генераль Радецкій слѣдовать черезъ Шейново потому, что при этомъ генералу Скобелеву будетъ легче войти въ связь съ лѣвымъ флангомъ князя Мирскаго. Также и этому послѣднему предлагалось, чтобы легче войти въ связь съ правымъ флангомъ генерала Скобелева, слѣдовать къ Шипкѣ черезъ Гаскіюй, что княземъ Мирскимъ и было исполнено. Слѣдовательно, выбирать, что ему выгоднѣе: атаковать Шейново или Шипку, не приходилось. Въ настоящемъ же случаѣ, когда Шейново оказалось укрѣпленнымъ, то атаковать Шипку, оставляя въ сторонѣ Шейново, было немислимо, ибо Шейново отъ д. Шипки всего въ 3-хъ верстахъ, а потому атакующій подвергался бы не только фронтальному, но еще болѣе дѣйствительному и губительному фланговому огню съ обѣихъ фланговъ: съ одной стороны изъ Шейново, съ другой—съ горъ, со стороны непріятеля, расположеннаго противъ

---

¹⁾ Описаніе генерала Скобелева, о которомъ говоритъ генераль Куропаткинъ въ своемъ описаніи: „Переходъ правой колонны черезъ Балканы“,—когда онъ рѣшилъ не поддерживать 27-го атаки князя Мирскаго,—что лѣвая колонна можетъ одна взять Шейновскій лагерь безъ его участія, было весьма основательно; не 27-го, а 28-го, числа князь Мирскій, дѣйствительно, могъ это сдѣлать, не отмигнувъ своего первоначальнаго приказанія, притянуть къ себѣ всю 30-ю дивизію, и атакуй энергично Шейновскій лагерь, съ восточной стороны, въ то время, когда онъ услышалъ, что въ горахъ идетъ атака генерала Радецкаго. Турки, энергично атакованные съ сѣвера и востока и видя приближеніе новой еще колонны генерала Скобелева съ запада, весьма вѣроятно, рѣшились бы выкинуть бѣлый флагъ раньше, чѣмъ принялъ бы въ бою участіе генераль Скобелевъ. Только излишняя осторожность князя Мирскаго, который измѣнилъ свое первоначальное приказаніе, направивъ генерала Шнитникова къ Янивѣ, доставила возможность правой колоннѣ принять участіе въ концѣ боя.

²⁾ Собственно ея укрѣпленія съ южной стороны, атаку же укрѣпленій съ сѣверной стороны генераль Радецкій принималъ на себя.

³⁾ Кромѣ того и въ ночь съ 27-го на 28-е ему было объ этомъ послано приказаніе.

горы Николая сѣвернѣе д. Шипки. Вѣдь такого приказанія не могъ отдать не только такой опытный и боевой генералъ, какъ Радецкій ⁴⁾, но даже чиновникъ, никогда не изучавшій военного дѣла, но только имѣющій, какъ говорится, голову на своемъ мѣстѣ.

Теперь могутъ спросить, почему же не было всего этого изложено въ донесеніи генерала Радецкаго о сраженіи 27-го и 28-го декабря,—да просто, по извѣстной всѣмъ снисходительности и добродушію Феодора Феодоровича.

Несмотря на слишкомъ уже осторожныя дѣйствія генерала Скобелева, бой все-таки окончился вполнѣ удачно,—плѣненіемъ всей турецкой арміи, большаго, кажется, требовать было нельзя. Войска правой колонны совершили какъ трудный свой зимній переходъ черезъ Балканы, такъ и вели себя въ бою 28-го числа прекрасно; и отъ генерала Радецкаго, кромѣ похвалы, ничего не заслуживали, а между тѣмъ неудовольствие на дѣйствія генерала Скобелева, высказанное въ официальномъ донесеніи, могло бы набросить тѣнь и на его войска, чего генералъ Радецкій вовсе не желалъ. Потому онъ въ своемъ донесеніи, отъ 5-го января 1878 года о сраженіи 27-го и 28-го числа, и ограничился описаніемъ того, чтѣ происходило только въ его средней колоннѣ, упомянувъ лишь въ немъ, что генералу Скобелеву было приказано имѣть, по спускѣ съ горъ, атаковать д. Шипку, конечную цѣль для обѣихъ колоннъ, черезъ Шейново. О дѣйствіяхъ же обходныхъ колоннъ приложилъ къ своему донесенію подлинныя рапорты къ нему, отъ 3-го января 1878 г., князя Мирскаго и генерала Скобелева. Этого, казалось ему, вполнѣ было достаточно, чтобы опровергнуть все, чтѣ генералъ Скобелевъ писалъ въ своемъ рапортѣ о выборѣ между атакой Шейново или Шипки, приписывая себѣ, какъ бы въ заслугу, выборъ Шейнова, какъ болѣе важнаго пункта сраженія. Генералъ Скобелевъ противъ этого пункта донесенія генерала Радецкаго не возражалъ, хотъ онъ существенно противорѣчилъ его донесенію. Выйдя тотчасъ же, по окончаніи боя 28-го числа, изъ подчиненія генерала Радецкаго, онъ къ тому имѣлъ бы полное и законное право.

⁴⁾ До назначенія своего командиромъ 8 корпуса, генералъ Радецкій прошелъ прекрасную боевую школу и то, что называется, видалъ виды. Еще молодымъ инженеромъ, онъ состоялъ за офицера генеральнаго штаба при столь извѣстномъ на Кавказѣ своею храбростію генералѣ Пассекѣ, во время кровавой Даргинской (Сухарной) экспедиціи, въ которой Пассекъ былъ убитъ. Уже бывши офицеромъ генеральнаго штаба, онъ служилъ потомъ подъ начальствомъ также извѣстнаго въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ на Кавказѣ, генералѣ князѣ Аргутинскомъ-Долгоруковѣ, а при покореніи Восточнаго Кавказа княземъ Барятинскимъ, онъ, командуя Дагестанскимъ полкомъ, за переправу черезъ Андійское койсу получилъ Георгіевскій крестъ, а затѣмъ при штурмѣ Гуниба командовалъ одной изъ штурмовыхъ колоннъ.

Не могъ, наконецъ, не сознать и самъ генераль Скобелевъ, что своею осторожностію онъ пересолить и прибылъ, что называется, къ шапочному разбору. Вотъ причина его желанія выкроить изъ взятія Шейнова какое-то отдѣльное сраженіе. Между тѣмъ Шейново было только часть того же укрѣпленнаго лагеря, который генераль Скобелевъ называетъ Шейновскимъ, а генераль Радецкій и князь Мирскій Шипкинскимъ, и противъ котораго князь Мирскій дрался болѣе полутора сутокъ, имѣя противъ себя, по всей вѣроятности, $\frac{2}{3}$ изъ числа тѣхъ 19-ти таборовъ, которые дрались въ долину противъ обѣихъ обходныхъ колоннъ, и генераль Скобелевъ всего около 3-хъ часовъ, имѣя противъ себя лишь заслонъ, состоящій изъ кавалеріи и не болѣе 5—6 таборовъ пѣхоты.

Не сознавъ наконецъ самъ своей ошибки, не послалъ бы Скобелевъ атаковать Шейново съ музыкой и распущенными знаменами, ибо подобныя парадныя атаки въ серьезномъ дѣлѣ и съ серьезнымъ непріателемъ не допускаются. Такія атаки умѣстны противъ туркменъ, безспорно людей также храбрыхъ, но вооруженныхъ лишь своею храбростію и саблей, безъ артиллеріи и ручнаго огнестрѣльнаго оружія, ибо нельзя же считать средне-азиатскія мултуки, съ фитильнымъ замкомъ, которыми большею частью были вооружены туркмены, дѣйствительнымъ оружіемъ противъ берданокъ и скорострѣльныхъ пушекъ. Противъ турокъ же вооруженныхъ и лучшимъ ружьемъ и лучшей пушкой, чѣмъ мы, владѣющихъ кромѣ того большимъ искусствомъ въ укрѣпленіи и отстаиваніи своихъ позицій, такія атаки не должны допускаться. Самъ генераль Скобелевъ долженъ былъ въ этомъ убѣдиться, при своихъ атакахъ на Зеленыхъ горахъ, которыя, несмотря на его личную храбрость и отличное поведеніе войскъ, успѣха не имѣли и скорѣе были полезны туркамъ, возвышая ихъ нравственный духъ, чѣмъ намъ, понесшимъ только огромныя потери въ людяхъ безъ всякой для себя пользы.

Изъ этого описанія сраженія подъ Шипкой 27-го и 28-го декабря, составленнаго по донесеніямъ начальниковъ колоннъ, а также по документамъ, хранящимся въ военно-ученомъ архивѣ, видно, какъ неосновательно обвиненіе—профессоромъ академіи генеральнаго штаба генераломъ Гейсманомъ, князя Мирскаго въ томъ, что онъ погорячился, ибо онъ только исполнилъ настойчивое приказаніе генерала Радецкаго начать наступленіе непремѣнно 27-го числа. Также неосновательно и обвиненіе генерала Радецкаго въ томъ, что онъ былъ не тамъ, гдѣ ему слѣдовало быть. Если ему и удалось поправить промахъ Скобелева, то именно потому, что онъ находился при средней колоннѣ. Находясь онъ при одной изъ обходныхъ колоннъ, то онъ изъ главнаго руководителя боя обратился бы въ начальника той колонны, при которой состоялъ бы, безъ всякаго вліянія на дѣй-

ствія другихъ колоннъ. Находясь же при средней колоннѣ, онъ могъ хоть сколько-нибудь своевременно получать донесенія отъ начальниковъ обходныхъ колоннъ, и быть всегда въ курсѣ дѣла, что доказывается такъ удачно выбраннымъ имъ временемъ для атаки съ Николая въ помощь обходнымъ колоннамъ, а на такую атаку едва-ли кто бы рѣшился, кромѣ самого генерала Радецкаго. Расчетъ былъ настолько вѣренъ, что турки были атакованы всѣми тремя колоннами почти одновременно около 12-ти часовъ дня ¹⁾.

Считаю умѣстнымъ при семъ выяснить также тѣ обстоятельства, при которыхъ приходилось генералу Радецкому оборонять Шипкинскій переваль, ибо не только В. В. Верещагинъ, его обвиняющій въ проживаніи въ 5-ти верстахъ отъ позиціи, но и защитники генерала Радецкаго видимо этихъ обстоятельствъ не знаютъ.

Великій князь главнокомандующій, получивъ извѣстіе объ атакахъ Сулеймана на Шипкинскій переваль, приостановилъ свои операціи къ Ловчѣ и Плевнѣ и, направивъ въ Габрово 2-ю пѣхотную дивизию и 1-ю бригаду 11-й дивизиі, приказалъ также начальнику полевого штаба, генералу Непокойчицкому, отправиться лично на Шипку и, познакомившись съ положеніемъ тамъ дѣлъ и переговоривъ съ генераломъ Радецкимъ, рѣшить, что намъ дѣлать.

15-го августа генералъ Непокойчицкій прибылъ на переваль и по осмотру войскъ и позицій, 16-го августа, собралъ у себя военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, до взятія Плевны, не предпринимать ничего противъ арміи Сулеймана, а лишь удерживать за собою переваль. Послѣ же взятія Плевны, когда освободятся войска, подкрѣпивъ достаточными силами генерала Радецкаго, перейти въ наступленіе и атаковать армію Сулеймана. Такъ какъ Плевну предполагалось атаковать въ концѣ августа, то удерживать за собою невозможную позицію на перевалѣ ²⁾, по предположенію генерала Непокойчицкаго, пришлось

---

¹⁾ Побѣда эта однако досталась намъ дорогою цѣною. Мы потеряли за два дня 5.300 челов., въ томъ числѣ 130 офицеровъ. По колоннамъ она распределяется такъ: на Шипкинской позиціи—1.700 челов., въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго—2.100, въ правой генерала Скобелева—1.485. Самую большую потерю понесъ Подольскій полкъ, роты котораго потеряли: 1-я рота—99 челов., 2-я—71, 3-я—60, 5-я—67, 6-я—62, 7-я—88, 8-я—79, 9-я—85, 10-я—59, 11-я—66, 1-я стр.—105, 2-я стр.—95 и 3-я стр.—87.

Сравнивая эти потери съ тѣми, которыя несли части войскъ, при штурмахъ и столкновеніяхъ въ средней Азіи и съ китайцами, видно, какъ иногда дорого нѣкоторымъ частямъ войскъ приходится платить за свою военную славу, и какъ достается она легко другимъ частямъ.

²⁾ Какъ только были отбиты приступы Сулеймана, ген. Радецкій перешелъ въ наступленіе, чтобы хотя нѣсколько улучшить эту позицію, расширивъ ее на западъ занятіемъ Лѣсной горы, а если представится возможность,

бы не болѣе двухъ-трехъ недѣль. На основаніи этого рѣшенія, 2-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 11-й дивизіи, прибывшія въ Габрово, были возвращены обратно, первая къ Ловчѣ, а вторая на Восточный фронтъ нашего расположенія.

Между тѣмъ штурмъ Плевны 30-го и 31-го августа не удался, и мы были отбиты съ огромною для насъ потерей¹⁾. Усилить войска на Шипкѣ оказалось невозможнымъ, и пришлось оборонять переваль не двѣ, три недѣли, какъ думалъ первоначально генералъ Непокойчицкій, а 4^{1/2} мѣсяца. Вотъ начало и причина Шипкинской эпопеи.

Послѣ неудачныхъ своихъ атакъ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, турки противъ насъ приняли другой образъ дѣйствій. Они обратили все свое вниманіе на усиленіе осадныхъ работъ, заложили сильныя батареи на шести высотахъ, образовавшихъ подкову вокругъ нашей позиціи и Габровской дороги, соединили высоты эти почти непрерывнымъ рядомъ ложементовъ, удачно примѣненныхъ къ покатостямъ для ярусной обороны, начали сосредоточивать на батареяхъ значительные боевые запасы и затѣмъ принялись бомбардировать нашу позицію, настойчиво обстрѣливая ее съ фронта, обоихъ фланговъ и тыла, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ огнемъ, рассчитывая сосредоточеннымъ огнемъ заставить насъ очистить позицію.

При своемъ обстрѣливаніи нашей позиціи, они имѣли большое преимущество передъ нами, какъ въ количествѣ артиллеріи, такъ и воору-

---

то и Лысой горы. Цѣлый день 13-го августа шелъ жаркій бой за Лѣсную гору, и къ вечеру она была занята нашими войсками, но утромъ 14-го числа, вслѣдствіе настойчивыхъ атакъ турокъ, она была оставлена, и мы заняли прежнюю позицію. Ген. Радецкій не рѣшился послать послѣдній свой резервъ— Минскій полкъ, для удержанія Лѣсной горы. Необходимо было спустить съ позиціи Брянскій и Орловскій полки, которые съ 9-го августа и до 14-го числа, слѣдовательно, шестой день находились ежедневно въ непрерывномъ бою безъ горячей пищи. Надо отдать справедливость арміи Сулеймана, что она дралась прекрасно. По всему видно было, что съ такимъ храбрымъ противникомъ, какъ черногорцы, она имѣла прекрасную школу и приобрѣла большую оытность, въ особенности въ горной войнѣ. Черногорская армія Сулеймана, безспорно, была лучшая изъ всѣхъ, выставленныхъ турками въ кампанію 1877 года.

¹⁾ Невольно приходитъ на память та увѣренность генерала Непокойчицкаго, съ которою онъ высказывалъ на военномъ совѣтѣ въ Габрово свое убѣжденіе, что послѣ Ловчи нами будетъ взята и Плевна, что силъ для того достаточно, и потому нѣтъ никакой надобности отлагать штурмъ Плевны до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. Что если Плевна и не была взята 18-го іюля, то не по недостатку силъ, какъ заявлялъ генералъ Криденеръ, а потому, что главная атака была ведена имъ не оттуда, откуда слѣдовало ее вести. Свое мнѣніе генералъ Непокойчицкій основывалъ на донесеніи и увѣреніи генерала Скобелева, что если бы его колонна 18-го іюля имѣла бы болѣе пѣхоты, то со стороны Зеленыхъ горъ ему удалось бы взять Плевну и 18-го числа.

женные лучшимъ оружіемъ, чѣмъ мы, и лучшимъ расположеніемъ своихъ батарей, съ которыхъ вся наша позиція была видна, какъ на ладони. Кромѣ того, ихъ огонь былъ отъ окружности къ центру, слѣдовательно, самый дѣйствительный; нашъ—отъ центра къ окружности, считающійся самымъ слабымъ. Въ ружейномъ огнѣ, вооруженные ружьемъ Пибоди, съ прицѣломъ на 1.500 ш., они также имѣли большое преимущество передъ нашей пѣхотой, которая была вооружена ружьемъ Крынка съ прицѣломъ на 600 шаговъ, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ и унтеръ-офицеровъ, которые одни имѣли прицѣлы на 1.200 шаговъ. Кромѣ того, эта позиція была весьма легко обходима съ правой стороны (западной) черезъ близъ лежащій Иметлійскій проходъ ¹⁾.

Турки, располагая болѣе сильною кавалеріею, всегда могли угрожать какъ тылу позиціи, такъ и сообщенію ея съ Габровомъ. Эта кавалерія, численность которой, по свѣдѣніямъ болгаръ и плѣнныхъ, простиралась до трехъ тысячъ, преимущественно черкесъ, могла черезъ 4 часа появиться изъ-за Балканъ черезъ Иметлійскій проходъ, на нашихъ сообщеніяхъ съ Габровомъ, и поддержанная небольшими частями пѣхоты, надѣлать намъ много хлопотъ, ибо мы могли, кромѣ пѣхоты, выдвинуть противъ черкесъ лишь одинъ казачій полкъ слабого состава въ 600 коней. Эта возможность легкаго обхода нашей позиціи, въ продолженіе августа, сентября и октября, болѣе всего озабочивала генерала Радецкаго, и только съ ноября, когда Иметлійскій проходъ начало заваливать снѣгомъ, эта опасность для насъ миновала.

Турки одинъ только разъ воспользовались этимъ проходомъ, напавъ совершенно неожиданно, на разсвѣтѣ 20-го августа, на 7-ю болгарскую дружину, расположенную у Зеленаго Древа, успѣвъ порубить нѣсколько дружинниковъ до появленія резервовъ, и по малочисленности у насъ кавалеріи, слабо преслѣдуемые, благополучно возвратились за Балканы. Несмотря на постоянныя предупрежденія болгаръ, въ продолженіе всего лѣта и осени, о сборѣ ихъ произвести нападеніе, въ большихъ силахъ, чѣмъ первое, на наши сообщенія и Габрово, этого нападенія, къ нашему счастью, ими произведено не было. Все ограничилось лишь ожиданіемъ этого нападенія и принятіемъ мѣръ предосторожности.

Въ распоряженіи генерала Радецкаго, для обороны Шипки, были слѣдующія части войскъ: 14-я пѣхотная дивизія, 2-я бригада 9-й дивизіи съ ихъ артиллеріею, 4-я стрѣлковая бригада, двѣ роты 2-го сапернаго баталіона, двѣ сотни 7-го пластунскаго баталіона и болгарскаго ополченія 6-ть дружинъ. Изъ кавалеріи: 23-й Донской казачій полкъ и одна сотня 21-го казачьяго полка. Слѣдовательно, всего пѣхоты

¹⁾ Отъ с. Иметли, занятаго турецкой кавалеріею, до Зеленаго Древа, гдѣ было расположено болгарское ополченіе, всего 14 версты.

22 баталіона и 6-ть дружинъ болгарскаго ополченія, кавалеріи—7 сотенъ. Баталіоны не болѣе—600 штыковъ, дружины—300 штыковъ. Такимъ образомъ пѣхоты было около 15 т. штыковъ, кавалеріи 700 коней. Стоявшая противъ насъ армія Сулеймана опредѣлялась въ то время въ 25—30 тысячъ.

Войска эти генераломъ Радецкимъ, послѣ штурма Сулеймана 5-го сентября, были распределены слѣдующимъ образомъ: собственно позицію занимала 14-я дивизія, Орловскій полкъ 9-й дивизіи, двѣ роты саперъ и двѣ сотни пластуновъ. Болгарское ополченіе было поставлено у Зеленаго Древа, противъ Иметлійскаго прохода, охраняя сообщенія наши съ Габровымъ. Брянскій полкъ 9-й дивизіи стоялъ въ двухъ верстахъ по шоссе въ Габрово, ниже штаба 14-й дивизіи, у караулки, которая отъ полка и получила названіе Брянскаго домика. Назначеніе полка было охранять тылъ позиціи и часть Габровскаго шоссе. Еще двѣ версты ниже у телеграфнаго домика стоялъ главный резервъ,—4-я стрѣлковая бригада. Здѣсь же была и ставка командира корпуса, а также и лазаретъ 9-й дивизіи, составлявшій перевязочный пунктъ для частей войскъ, расположенныхъ на перевалѣ. 4-я стрѣлковая бригада должна была служить резервомъ какъ для войскъ, расположенныхъ на позиціи, такъ и для болгарскаго ополченія, охраняющаго наши сообщенія, если бы турки появились со стороны Иметлійскаго прохода. Отъ корпусной ставки, какъ до позиціи на перевалѣ, такъ и до расположенія болгарскихъ дружинъ у Зеленаго Древа, было почти одинаковое разстояніе около пяти верстъ, и резервъ одновременно могъ бы поспѣть, въ случаѣ нужды, какъ на перевалъ, такъ и къ Зеленому Древу.

Верстахъ въ 4-хъ отъ корпусной ставки, по дорогѣ къ Габрову, былъ расположенъ Донской казачій № 23-й полкъ, недалеко отъ раздѣленія дорогъ изъ Габрово въ долину Тунджи—на Зеленое Древо черезъ Иметлійскій проходъ и въ Казанлыкъ черезъ Шипкинскій перевалъ. Въ случаѣ появленія непріятеля со стороны Иметлійскаго прохода, онъ долженъ былъ немедленно присоединиться къ болгарскому ополченію. Для охраненія лѣваго фланга позиціи (съ восточной стороны), была расположена у монастыря внизу, недалеко отъ шоссе, на высотѣ корпусной ставки, сотня 21-го казачьяго полка. Съ этой стороны, по непроходимости мѣстности, нельзя было ожидать сколько-нибудь серьезнаго нападенія, а потому этой сотни вполне было достаточно для охраненія нашего лѣваго фланга ⁴⁾.

⁴⁾ Съ приходомъ въ концѣ октября 24-й дивизіи, были спущены съ Шипки для отдыха: 4-я стрѣлковая бригада въ Тырново, Орловскій полкъ къ г. Еленѣ, и Волынскій полкъ къ Зеленому Древу и у раздѣленія дорогъ у подъема на перевалъ.

Полки 24-й дивизіи заняли мѣста: Красноярскій полкъ занялъ расположе-

Изъ сказаннаго видно, что заставило генерала Радецкаго поставить свой резервъ и находится при немъ, въ разстояніи пяти верстъ отъ самой позиціи. Это было самое слабое мѣсто нашей обороны въ продолженіе лѣта и осени. При сколько-нибудь дѣятельномъ противникѣ, во время лѣта и осени, когда такъ легко было появиться непріятелю на наши сообщенія, генералъ Радецкій гораздо болѣе беспокоился объ охранѣ своихъ сообщеній, чѣмъ за удержаніе позиціи.

Другое обвиненіе В. В. Верещагина въ томъ, что изъ-за картъ генералъ Радецкій не посѣщалъ батарей и траншей, и оттого дѣлая дивизія вымерзла на Шипкѣ, также не только несправедливо, но похоже на клевету. Отъ кого онъ могъ слышать разсказанную имъ басню о докладѣ генералу Радецкому во время игры его въ карты объ опасномъ мѣстѣ за вторымъ оврагомъ. Лично онъ только разъ былъ на Шипкѣ у корпусной ставки, гдѣ бы онъ могъ видѣть, какъ проводитъ время генералъ Радецкій. Слышать что-нибудь подобное отъ защитниковъ Шипки онъ положительно не могъ. Ибо всѣ они хорошо знали, что стоило только случиться тревогѣ, какъ Радецкій тотчасъ же являлся на позицію и покидалъ ее не прежде, пока тамъ все успокоится и никогда не жалѣлъ себя. Во время зимы, когда начались въ горахъ мятели и вьюги, онъ не имѣлъ привычки требовать къ себѣ частныхъ начальниковъ, для различныхъ объясненій о положеніи людей на позиціи, а всегда являлся самъ туда, чтобы, переговоривъ съ кѣмъ нужно, тотчасъ же принять мѣры къ возможному облегченію тяжелаго положенія людей на позиціи. Всѣ бывшіе на Шипкѣ это знали, видѣли, а потому онъ и пользовался такою любовью и полнымъ довѣріемъ къ себѣ всѣхъ подчиненныхъ, въ особенности нижнихъ чиновъ. Правда, онъ не хо-

---

ніе Волынскаго полка, у Волынской горки, 1-я бригада—Иркутскій и Енисейскій полки, у Брянскаго домика; они должны были занимать позицію на Николаѣ поочередно. Брянскій полкъ сталъ на мѣстѣ 4-ой стрѣлковой бригады, у ставки командира корпуса, и съ ноября мѣсяца также долженъ былъ занимать побаталіонно позицію на Николаѣ вмѣстѣ съ полками 1-й бригады 24-й дивизіи.

Подробное описаніе перевала и позиціи, служебныхъ порядковъ и быта войскъ, военныхъ дѣйствій за время зимнихъ мѣсяцевъ обороны Шипки, изданы штабомъ 24-й дивизіи подъ заглавіемъ Матеріалы для исторіи Шипки съ картою и напечатаны въ „Воен. Сборн.“ за 1880 годъ №№ 1 и 2. Кромѣ того, были напечатаны въ „Воен. Сборн.“ два зимнихъ мѣсяца на Шипкѣ изъ дневника 94-го Енисейскаго полка 1878 г.; Пять мѣсяцевъ на Шипкѣ въ 1877 г. изъ дневника офицера Подольскаго полка 1880 г.; 4-я стрѣлковая бригада за Дунаемъ 1881 г.; и Августовскіе бои на Шипкѣ 1884 г.; главнымъ матеріаломъ этой статьи послужили: замѣтки, веденныя во время боя бывшимъ командиромъ Брянскаго полка Липинскимъ, а также и дневникъ Брянскаго полка.

диль по траншеямъ болтать съ нижними чинами, какъ то считаетъ необходимымъ В. В. Верещагинъ, ибо онъ зналъ, что подобная болтовня существенной пользы не принесетъ никому и только годится развѣ для рекламъ, которыхъ онъ никогда не искалъ и по своей скромности не любилъ. Что 24-я дивизія такъ сильно пострадала, нельзя винить также ни ближайшее ея начальство, ни нижнихъ чиновъ. Полки сдѣлали все, что только въ силахъ человекъ вытерпѣть, и если погибли, то погибли безъ ропота, и не жалуясь на свою судьбу. Съ перваго же дня своего прибытія на Шипку, имъ выпала слишкомъ трудная доля—бороться не только съ неприятелемъ, но съ болѣе опаснымъ врагомъ, съ горными буранами и вьюгами, безъ сколько-нибудь удобныхъ помѣщеній, гдѣ можно было бы отдохнуть и отогрѣться послѣ трудной своей боевой службы. Ни матеріаловъ, ни даже свободнаго времени, за различными нарядами, у нихъ не было, чтобы хоть сколько-нибудь исправить самимъ свои помѣщенія. Всѣ ожидали, что скоро падетъ Плевна, подойдутъ подкрѣпленія и освободятъ Шипку. Но, несмотря на всю трудность службы и огромныя потери большими, полки дивизіи все-таки отстояли на Шипкѣ до тѣхъ поръ, пока не получилась возможность замѣнить ихъ свѣжими частями. Если въ одну ночь съ 16-го на 17-е декабря, 2-я бригада 3-й дивизіи, при переходѣ черезъ Балканы, на Бабѣ горѣ, застигнутая бурей, потеряла 10 офицеровъ, 800 нижнихъ чиновъ ¹⁾ и 53 замерзшихъ, то что же должна была испытать 24-я дивизія, когда подобныя ураганы длились не одну ночь, а по цѣлымъ недѣлямъ.

Какъ велика была убыль въ полкахъ, это видно изъ дневника Енисейскаго полка, напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ», въ которомъ говорится, что 12-го декабря въ третьемъ баталіонѣ этого полка, кромѣ несущихъ баталіонную службу, оставалось: въ 9-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—3, рядовыхъ—8, въ 10-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—4, рядовыхъ—9, въ 11-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—4, рядовыхъ—5 и въ 12-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—5 и рядовыхъ—11; всего въ баталіонѣ 65 штыковъ, а съ домашнимъ расходомъ—119 человекъ. Цифра больныхъ во всемъ полку достигла 2.046 человекъ, а въ строю оставалось во всемъ полку 831 штыкъ. Не менѣ страдали и остальные части на перевалѣ, хотя число больныхъ въ нихъ и не достигало той цифры, какъ въ полкахъ 24-й дивизіи. Въ половинѣ декабря, въ 8 полкахъ Шипкинскаго гарнизона было около 9 т. больныхъ и слабыхъ, изъ этого числа около 5.500 въ трехъ полкахъ 24-й дивизіи, а въ пяти остальныхъ около 3.500 человекъ.

Считаю умѣстнымъ здѣсь привести донесеніе командира Подольскаго полка (14-й дивизіи) отъ 17-го декабря, чтобы дать понятіе, что приходилось терпѣть частямъ войскъ гарнизона во время вьюгъ въ горахъ.

¹⁾ Заболѣвшими и обморозившимися.

«Въ ночь съ 16-го на 17-е поднялась снѣжная буря, достигшая на верхнихъ скалахъ горы св. Николая степени урагана. Баталіоны 55-го и 56-го пѣхотныхъ полковъ поднялись на гору съ величайшими затрудненіями, гуськомъ: проводники едва могли отыскать среди снѣжной бури свои ложементы и довести роты. Всю ночь и до настоящаго времени (10 час. дня) всѣ люди въ движеніи. Гг. офицеры не смыкали глазъ, ободряя людей, и наблюдали лично, чтобы не было дремлющихъ; и только, благодаря такому высокому и самоотверженному исполненію долга при 12° мороза на позиціи и 20° на верхнихъ скалахъ, охватываемыхъ со всѣхъ сторонъ порывами вѣтра, удалось спасти людей отъ замерзанія, хотя ознобившихся не мало; но все это легкіе ознобы носа, щекъ, ушей и пальцевъ; всѣ эти люди немедленно отправлены съ позиціи въ околодокъ. Счастливый исходъ сегодняшней ужасной бури, въ отношеніи спасенія людей, долженъ быть отнесенъ къ безконечному усердію офицеровъ, проявленному ими въ эту трудную минуту—высокому сознанію своихъ обязанностей; о семъ по долгу службы обязаннымъ себя считаю засвидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ. Въ теченіе сегодняшней ужасной бури, верхнія и нижнія передовыя скалы занимала 1-я рота 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка и на разсвѣтъ смѣнена ротой Брянскаго полка. Возвращаясь по смѣнѣ, 1-я рота 55-го полка, въ полномъ составѣ, была свалена вихремъ вѣтра и покатилась. Люди, кое-какъ удерживая другъ друга, поднялись и дошли до своихъ теплыхъ помѣщеній въ порядкѣ и даже съ неудавшеюся попыткою затянуть пѣсню. Такому высокопримѣрному духу и состоянію этой роты она обязана командиру роты, подпоручику Войницкому—рота его возвратилась со спасенными людьми и всего съ двумя легко ознобленными. Въ настоящую минуту положеніе людей на верхнихъ скалахъ выше описанія, и потому, послѣ всего перенесеннаго 1-ю ротой 55-го полка, люди сняты съ верхнихъ скалъ и удерживаются въ нижнихъ ложементахъ передовыхъ скалъ, верхніе же будутъ занимать, лишь по тревогѣ по всей позиціи; ни въ одной траншеѣ огня развести нельзя; одежда всѣхъ офицеровъ и солдатъ изображаетъ изъ себя сплошную ледяную кору (напримѣръ, башлыковъ развязать нельзя; при попыткѣ сдѣлать это—куски ихъ отваливаются); для отправленія естественной . . . ружья покрыты сплошной корой, и съ чрезвычайнымъ усиліемъ поддерживаютъ въ хорошо смазанныхъ масломъ ружьяхъ исправное дѣйствіе затвора и выбрасывателя, постоянно приводя ихъ въ движеніе своими окоченѣлыми пальцами. При испытаніи стрѣльбы, винтовки Крынка дѣйствуютъ исправно; берданки, тщательно смазанные керосиномъ, даютъ первые выстрѣлы осѣчки, а затѣмъ дѣйствуютъ исправно. Отъ траншей къ секретамъ выставлены люди, чтобы подать необходимую всякаго рода помощь выдвинутымъ впередъ постамъ. Пе-

рестрѣлка идетъ только ружейная, противъ скаль и жолоба. Энергическая служба офицеровъ поддерживается неизмѣнно; буря еще сильная, и опасность еще не миновала».

Вотъ при какихъ трудныхъ климатическихъ условіяхъ приходилось генералу Радецкому удерживать Шипкинскій переваль. И онъ держался на Шипкѣ, не стараясь разукрашивать въ своихъ донесеніяхъ дѣйствительно трудное свое положеніе, чтобы не отвлекать великаго князя главнокомандующаго отъ главной нашей цѣли—скорѣе покончить съ Плевной, надѣясь, что тогда получится возможность выручить и гарнизонъ Шипки изъ его невозможнаго положенія. Не получая тревожныхъ донесеній со стороны генерала Радецакаго, полевой штабъ арміи относительно Шипки совершенно успокоился, считая даже, что генераль Радецкій преувеличиваетъ цифру стоящихъ противъ него турокъ. Такъ, 8-го декабря, генераль Непокойчицкій телеграммою просилъ его отвѣта: не можетъ ли онъ, не дожидая прихода отряда генерала Скобелева, начать наступленіе съ войсками одного своего 8-го корпуса? А численность корпуса была: на Ш и п к ѣ, со спускомъ 24-й дивизіи, оставалось около 9 т. штыковъ пѣхоты, а въ остальныхъ трехъ полкахъ 9-й дивизіи и 4-й стрѣлковой бригады, которые могли быть притянуты въ Габрово отъ г. Елены и Хаинкіоя, пѣхоты около 8 т. штыковъ, ибо два полка Сѣвскій и Орловскій сильно пострадали подъ Еленой и были въ слабомъ составѣ. Всего, значитъ, въ корпусѣ около 17 т. штыковъ пѣхоты противъ 40 т. арміи Веселя-Паши, стоявшей еще въ сильно укрѣпленной позиціи. Чтобы объяснить его высочеству объ истинномъ положеніи дѣлъ на Шипкѣ и просить объ усиленіи лѣвой колонны князя Мирскаго 30-ю дивизією, генераль Радецкій послалъ въ Боготъ меня, лично доложить обо всемъ великому князю. Покойный генераль Левицкій опредѣлялъ корпусъ войскъ Веселя-Паши, стоявшій противъ Шипки, всего около 10—15 т. Вотъ объясненіе вышеприведенной телеграммы отъ 8-го декабря.

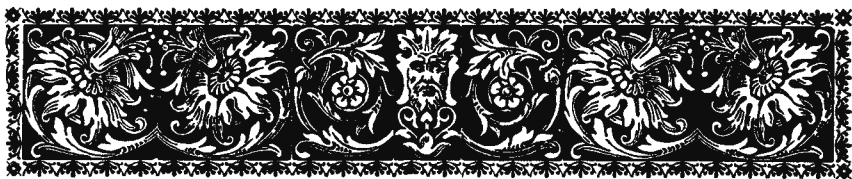
Когда послѣ плѣненія Шипкинской арміи, великій князь, слѣдуя черезъ Шипкинскій переваль въ Казанлыкъ, увидѣлъ самъ тѣ землянки, въ которыхъ жили всю зиму войска, оборонявшія Шипку, увидѣлъ ту позицію, окруженную съ обѣихъ сторонъ командующими высотами, которую приходилось оборонять этимъ войскамъ, наконецъ трупы подолецевъ, житомірцевъ и брянцевъ, лежащія еще необранными, цѣлыми рядами передъ турецкими укрѣпленіями, тогда только онъ самъ оцѣнилъ, какой подвигъ совершили войска 8-го корпуса, чтобы исполнить его приказаніе—удержать зимою Шипку и затѣмъ атаковать блокирующую ее армію. Обвѣзая войска, онъ такъ сердечно благодарилъ какъ ихъ, такъ и генерала Радецакаго, какъ только онъ одинъ умѣлъ это дѣлать. За ласковыми его словами всѣми забыты были бывшія невзгоды.

Въ заключеніе не могу не сравнить ту боевую школу, которую пришлось пройти какъ генералу Скобелеву, такъ и генералу Радецкому еще до войны 1877 года и приобрести себѣ въ арміи извѣстность своею выдающеюся храбростію.

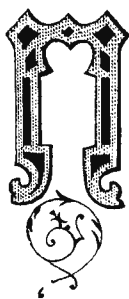
Нисколько не отвергая ни таланта, ни тѣхъ подвиговъ, которые были совершены генераломъ Скобелевымъ въ Средней Азіи до послѣдней нашей войны съ турками, справедливость однако заставляетъ сказать, что всѣ эти подвиги совершены были противъ непріятеля, плохо вооруженнаго, часто одними батиками (палицами), далеко невоинственнаго, какими были и остались до настоящаго времени коканцы, противъ которыхъ всякая смѣлость всегда и во всемъ была вполне умѣстна. Но не съ такимъ непріятелемъ пришлось генералу Радецкому сражаться во время своей долгой службы на Кавказѣ. Горцы въ началѣ сороковыхъ годовъ были враги грозные, воинственные, фанатичные и хотя не имѣющіе своей артиллеріи, но лучше вооруженные своими нарѣзными винтовками, чѣмъ наши солдаты, вооруженные тогда гладкоствольными кремневыми ружьями. При томъ горцы были чрезвычайно опытные и способны къ горной и лѣсной войнѣ, а всѣ наши встрѣчи съ ними обыкновенно происходили въ трудно доступныхъ трупобахъ Дагестана и въковыхъ лѣсахъ Чечни. Намъ дорого иногда обходились побѣды надъ ними, напримѣръ, штурмы Ахульго и Салты были не по одному только названію кровавыми штурмами. Горцамъ удавалось давать отпоръ и такимъ извѣстнымъ нашимъ генераламъ, какъ Граббе (Ичкеринскій лѣсъ въ 1842 году) и герою Бородина и Краона князю Воронцову (Даргинская экспедиція). Но за то эта война была прекрасной боевой школой, изъ которой вышли столь извѣстные въ свое время на Кавказѣ: Фрейтагъ, Пассекъ, Клугенау, князь Аргутинскій-Долгорукій, Бебутовъ, Слѣпцовъ, князь Барятинскій и другіе. Эта же война послужила школой и генералу Радецкому и дала возможность ему приобрести во время войны 1877 г. ту громкую и вполне заслуженную имъ извѣстность, на которую въ послѣднее время нѣкоторые изъ поклонниковъ генерала Скобелева, желая оправдать неудачи послѣдняго, такъ несправедливо стараются набросить тѣнь. А между тѣмъ всѣ задачи, выпавшія во время войны на долю генерала Радецкаго, исполнены имъ безъ неудачъ и съ полнымъ успѣхомъ, а эти задачи были далеко не легкія: сначала оборона съ небольшимъ резервомъ нашего южнаго фронта и Балканскихъ проходовъ, затѣмъ выручка Шипки, удержаніе перевала за собою въ продолженіе цѣлой зимы и, наконецъ, зимній переходъ черезъ Балканы и плѣненіе цѣлой арміи.

В. Дмитровскій.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго.

редлагаемый рядъ писемъ сохранился въ остаткахъ когда-то большого, но почти уже исчезнувшаго семейнаго архива, находившагося въ селѣ Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, родовомъ имѣніи небызвѣстнаго въ свое время писателя Ивана Ермолаевича Великопольскаго, — и переданномъ намъ дочерью послѣдняго—Надеждою Ивановной Чаплиной.

Архивъ этотъ былъ очень разнообразенъ и долженъ былъ представлять собою немалый интересъ: туда стеклись бумаги Харитона Андреевича Чеботарева, профессора и ректора Московскаго университета, и его жены Софьи Ивановны, рожденной Вилькинсъ, родственницы Н. И. Новикова ¹⁾; сына ихъ—Андрея Харитоновича (род. въ 1784 г., ум. въ 1833 г.), адъюнкта Московскаго университета, и дочери—Софьи Харитоновны (ум. въ 1833 г.), вышедшей замужъ за извѣстнаго врача и профессора того же университета Матвѣя Яковлевича Мудрова (ум. въ 1831 г.). Наконецъ, въ этомъ же архивѣ находились и бумаги женаго на дочери Мудрова—Софьѣ Матвѣевнѣ (ум. 1897 г.)—Ивана Ермолаевича Великопольскаго.

И. Е. Великопольскій (род. въ Казани 27-го декабря 1797 г., ум. въ с. Чукавинѣ 8-го февраля 1868 г.), питомецъ Казанскаго университета (1812—1814 г.), съ 1815 г. служилъ л.-гв. въ Семеновскомъ полку, а затѣмъ, по раскассированіи его въ 1820 году, переведенъ былъ въ стоявшій во Псковѣ и его окрестностяхъ армейскій Староингерманландскій пѣхотный полкъ. Здѣсь, во Псковѣ, по всей вѣроятности, познакомился онъ съ Пушкинымъ, проживавшимъ тогда въ с. Ми-

¹⁾ Его сестра, Вѣра Ивановна, была за Вилькинсомъ.

хайловскомъ, и сошелся съ нимъ довольно близко; сближенію ихъ дѣйствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что Великопольскій съ жаромъ предавался, еще съ юношескихъ лѣтъ, литературнымъ занятіямъ, а также и то, что оба поэта были страстные, азартные игроки. Слѣдомъ знакомства ихъ являются три письма Пушкина къ Великопольскому, посланія его къ Ивану Ермолаевичу:

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой,

И

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру? ¹⁾,

а также посланія Великопольскаго къ Пушкину:

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огонь души,
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши... ²⁾.

И

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
Тебя, насмѣшливый поэтъ! ³⁾

и письмо его къ Александру Сергѣевичу (1828 г.), свидѣтельствующее о томъ, что отношенія ихъ въ это время уже начинали портиться; вскорѣ оба поэта и совсѣмъ разошлись.

Выйдя въ отставку въ 1827 году съ чиномъ маіора, Великопольскій большей частью проживалъ въ Москвѣ, гдѣ въ 1831 году женился на Софьѣ Матвѣевнѣ Мудровой. На досугѣ онъ получилъ еще болѣшую, чѣмъ во время службы, возможность заниматься литературой; и дѣйствительно, количество написаннаго имъ годъ отъ году все увеличивалось, хотя печаталъ онъ сравнительно мало. Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній его намъ извѣстны: «Сюрпризъ, оперainterмедія-водевилъ въ стихахъ» (М. 1830), «Московскія минеральныя воды», начало повѣсти въ стихахъ, изданное въ Москвѣ въ 1831 году; «Владиміръ Влонской», трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ (С.-Пб. 1837), «Любовь и честь», драма (С.-Пб. 1841). «Янетерской», трагедія, признанная С. С. Уваровымъ безнравственною и по его приказанію сожженная въ цензурномъ комитетѣ ⁴⁾, «Память

¹⁾ Написана Пушкинымъ по поводу изданной Великопольскимъ „Сатиры на игроковъ“ (С.-Пб. 1828 г.), въ которой онъ изобличаетъ людей въ пороки, коему самъ платилъ немалую дань.

²⁾ Напечатано, безъ указанія на Пушкина, въ сборникѣ Великопольскаго «Раскрытый портфель» С.-Пб. 1859 г.

³⁾ См. сборникъ П. И. Бартечева: «Пушкинъ», т. II, М. 1881 г.

⁴⁾ См. письмо № 2.

Бородинской битвы, сельская картина 1839 года» (С.-Пб. 1848 г.), «Опыт оправданія пьесы «Память Бородинской битвы» (С.-Пб. 1848), «Русское чувство, драматическая фантазія» (С.-Пб. 1854), наконецъ — сборникъ его сочиненій (вышелъ только 1-й томъ), подъ заглавіемъ «Раскрытый портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени» (С.-Пб. 1859) и «Мечта и дѣйствительность, фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ» (С.-Пб. 1865).

Послѣднія 25 лѣтъ своей жизни, съ 1842 года, Великопольскій провелъ въ непрестанной и тяжелой борьбѣ за свою идею. Онъ изобрѣлъ усовершенствованный способъ обработки льна и другихъ прядильныхъ растений, сулившій выгоды какъ ему, такъ и крестьянскому населенію Россіи, и всѣми силами, словомъ, перомъ и дѣломъ, старался о распространеніи его и о дарованіи ему возможности извлечь изъ своего открытія наибольшую пользу для себя лично. Хотя способъ его вездѣ былъ признанъ заслуживающимъ всякаго вниманія и поощренія, однако Великопольскій никакъ не могъ приступить къ дѣлу изъ-за разныхъ ставившихся ему препятствій и, запутавшись по разнымъ департаментамъ, кончилъ тѣмъ, что совершенно разстроилъ свое состояніе и умеръ чуть что не въ нищетѣ. Человѣкъ желѣзной воли, безупречной честности изумительной энергіи, Великопольскій никогда не терялъ вѣры въ правоту своего дѣла, постоянно кипѣлъ жизнью, задумывалъ разные, иногда несбыточные, планы, писалъ, предпринималъ изданія книгъ и т. под.

Портретъ И. Е. Великопольскаго, при семъ приложенный, сдѣланъ съ карточки, снятой въ 1867 г. и обязательно доставленной намъ Н. И. Чаплиной.

Б. Модзалевскій.

1.

Н. А. Аммосовъ ¹⁾—Ив. Ерм. Великопольскому.

15-го іюня 1865 г. (С.-Петербургъ).

М. Г. Иванъ Ермолаевичъ! Вы никакъ не должны сомнѣваться въ полной моей готовности ручаться за васъ во всѣхъ случаяхъ, требую-

¹⁾ Николай Алексѣевичъ Аммосовъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1868 г.) служилъ сперва въ артиллеріи, затѣмъ былъ членомъ Департамента военныхъ поселеній по искусственной части, въ 1834 г. произведенъ былъ въ генераль-майоры и въ 1840 г. вышелъ въ отставку. Онъ извѣстенъ, какъ изобрѣтатель особаго пневматическаго отопленія посредствомъ «аммосовскихъ» печей; авторъ нѣсколькихъ специальныхъ брошюръ, переводчикъ сочиненій Кондильяка и Фенелона, онъ писалъ также и повѣсти, печатавшіяся въ «Иллюстрированной газетѣ» и «Воскресномъ досугѣ» (См. «Русскій Біографическій Словарь»).

*

щихъ честнаго исполненія слова или обязанностей; а потому, на вчерашнее ваше письмо, которымъ вы просите меня быть, въ случаѣ поѣздки вашей за-границу, порукою за васъ, совмѣстно съ прочими членами посреднической комиссіи ¹⁾, въ срочномъ вашемъ возвращеніи,—отвѣчаю вамъ полнымъ съ моей стороны согласіемъ, отъ всей души желая, чтобы вы получили хотя какую-нибудь возможность поправить ваше бѣдственное положеніе. Истинно васъ уважающій Николай Аммосовъ.

2.

Ив. Ерм. Великопольскій—Мих. Ник. Турунову ²⁾.

1-го апрѣля 1864 г. (С.-Петербургъ).

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Въ увѣдомленіи отъ 22-го марта за № 221, полученномъ мною отъ Цензурнаго комитета, о результатѣ пересмотра дѣла о запрещеніи, въ 1841 году, трагедіи моей «Янетерской» ³⁾, сказано только, что она не можетъ быть дозволена къ напечатанію ни въ полномъ объемѣ, ни въ извлеченіяхъ,—тогда какъ извѣстно по справкѣ, что Совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія обусловилъ причину этого запрещенія тѣмъ, что піеса моя была въ 1839 году признана крайне безнравственною.

Хотя ваше превосходительство изволили исключить это объясненіе изъ сдѣланнаго мнѣ увѣдомленія,—вѣроятно, полагавъ его для меня не нужнымъ, а можетъ быть даже и съ благосклонною цѣлью отстранить отъ меня сопряженную съ тѣмъ непріятность,—напротивъ же того, когда піеса была въ 1841 году сожжена, то въ иностранныхъ газетахъ было предположено, что я нарушилъ въ моемъ сочиненіи обязанности русскаго къ своему отечеству и престолу. Поэтому о причинѣ запрещенія, о которой никогда не было мнѣ объявлено, я необходимо долженъ

¹⁾ Она была учреждена надъ дѣлами и имуществомъ И. Е. Великопольскаго, въ это время уже совсѣмъ разорившагося на предпріятіи своемъ съ открытымъ имъ способомъ дешевой обработки льна и другихъ прядильныхъ растений. Комиссія состояла изъ Н. А. Аммосова, В. Р. Зотова и инж.-подполк. Мих. Андр. Агамонова.

²⁾ Предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

³⁾ Трагедія эта, пропущенная въ печать цензоромъ Е. И. Ольдекопомъ, въ 1841 году, была признана „крайне безнравственною“, отобрана по приказанію министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, отъ Великопольскаго и сожжена въ цензурномъ комитетѣ 5-го марта 1841 г. въ количествѣ 628 экземпляровъ.

имѣтъ официальное увѣдомленіе, о чемъ я и позволяю себѣ обратиться со всепокорнѣйшею къ вашему превосходительству просьбою.

Сверхъ того, не сохранивъ у себя чистаго списка піесы, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство о возвращеніи мнѣ рукописи, хотя перечеркнутой красными чернилами отъ начала до конца и съ подписаниемъ на ней запрещенія.

При изъявленіи глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, честь имѣю быть и пр.

Жительство имѣю Литейной части, 3-го квартала, по Знаменской улицѣ, противъ Павловскаго института въ д. № 11.

3.

Эпиграмма И. Е. Великопольскаго на Н. Ѳ. Щербину.

28-го августа 1864 г.

Какая бы тому была причина,
Что смертный человекъ такъ часто ошибается:
Въ трактирѣ Строева ¹⁾ хотѣлъ смѣнить Щербина,
Но заикается.

4.

И. Е. Великопольскій—митрополиту Филарету.

28-го января 1856 г. С.-Петербургъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырѣ! Будучи женатъ на дочери покойнаго знаменитаго московскаго врача, доктора медицины, Матвѣя Яковлевича Мудрова, имѣвшаго счастье быть лично извѣстнымъ вашему высокопреосвященству, я сохраняю у себя сокровищницу библиотеки его, въ которой находятся и собственныя его сочиненія печатныя и рукописныя.

Матвѣй Яковлевичъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣлъ огромную практику и затѣмъ посвящалъ все свое время на самое задушевное преподаваніе врачевства многочисленнымъ своимъ слушателямъ въ аудиторіяхъ Императорскаго Московскаго университета и Медико-Хирурги-

¹⁾ Примѣч. Великопольскаго: «Въ трактирѣ Палкина покойный Владимиръ Михайловичъ Строевъ, покуда не спился, собиралъ, пріятными своими разговорами, около себя хорошій кружокъ; по его же смерти на его мѣсто сѣлъ Щербина и принялъ его позу, но вышло не совсѣмъ удачно: онъ отъ природы заика».

ческой академіи, въ особенности же въ Клиническомъ институтѣ, котораго былъ основателемъ и директоромъ, а потому не могъ удѣлять много времени для собственныхъ сочиненій; но написанное имъ сдѣлало эпоху въ русской медицинѣ и имѣло сильное вліяніе на приуготовленіе къ врачебному поприщу учениковъ его и послѣдователей, изъ которыхъ столькими именами гордится русское врачество.

Словомъ своимъ «О пользѣ и предметахъ военной гігіены», сказаннымъ имъ въ 1809 году въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, онъ основалъ въ Россіи ученіе этой важнѣйшей части военно-врачебной науки; а рѣчью «О благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача», произнесенною имъ въ 1813 г. на обновленіе при томъ же университетѣ Клиническаго института, первый положительно утвердилъ въ Россіи ученіе Гиппократа, передавъ своимъ слушателямъ на отечественномъ языкѣ безсмертныя его правила, важныя для чести и для науки медика. Впослѣдствіи, подвизаясь во всемъ по стопамъ славнаго учителя, проименованнаго «княземъ врачей», онъ произнесъ въ 1820 году, при освященіи новыхъ при томъ же университетѣ институтовъ Медицинскаго и Клиническаго, «Слово о способѣ учить и учиться медицинѣ»¹⁾, въ которомъ уже и самъ, подобно великому своему образцу, преподавалъ къ руководству своимъ ученикамъ немаловажныя въ томъ истинныя, почерпнутыя изъ собственныхъ правилъ и наблюденій.

Въ числѣ неизданныхъ трудовъ его находится и подносимая при этомъ вашему высокопреосвященству рукопись. Она содержитъ великія богатства для врачующихъ и врачуемыхъ, заключая въ себѣ, для первыхъ—единое вѣрное, въ Божѣ обрѣтаемое напутствіе человѣческихъ опыта и знаній, а для вторыхъ—лучшее, въ христіанской благодати, утѣшеніе и врачеваніе недуговъ.

Не ограничивавшись преподаваніемъ и практикою врачеванія тѣлеснаго и, съ самыхъ раннихъ лѣтъ своихъ, научившись любви и страху Божию изъ примѣра и наставленій благочестиваго своего родителя, смиреннаго сельскаго пастыря церкви, котораго память святить до послѣдней минуты своей жизни, Матвѣй Яковлевичъ находилъ въ молитвѣ еще болѣе способъ цѣленія тѣла чрезъ врачеваніе души, нежели въ средствахъ, изготовляемыхъ человѣческою мудростію, и всегда совѣтовалъ врачамъ, слушавшимъ его преподаваніе, не полагаться на однѣ свои силы и знанія, а для земной, подаваемой ими помощи, просить благословенія небеснаго.

Съ этою цѣлію онъ изготовилъ къ изданію переложенное имъ на русскій языкъ «Духовное врачество и врачебный молитвенникъ, или

¹⁾ Издано въ Москвѣ, въ 1820 г.; произнесено 25-го сентября.

христіанскія размышленія о болѣзняхъ тѣла человѣческаго, съ присо-
вокупленіемъ молитвъ для болящихъ» (и для врачующихъ, какъ то
видно изъ содержанія книги).

Въ настоящее время, по прошествіи уже двадцати пяти лѣтъ отъ
кончины его ¹⁾, когда время и общее признаніе его достоинствъ усми-
рили враждовавшія ему партіи, всегда сопутствующія знаменитому имени,
сѣмена же, глубоко посѣянныя имъ въ наукѣ, между тѣмъ возрасли и
дали драгоцѣнные плоды въ подвизающейся на пользу человѣчества прак-
тикѣ столькихъ прославившихся учениковъ его, я, по праву и обязан-
ности мужа единственной его дочери и наслѣдницы, считаю себя при-
званнымъ къ изданію всѣхъ его сочиненій.

Для отчетливаго исполненія такого многоотвѣтственнаго намѣренія,
я обращаюсь къ совѣтамъ и содѣйствію медиковъ, чтущихъ его память,
но, чтобы достойно передать на всеобщую пользу плоды мудрости духов-
ной, собранныя имъ у источника небеснаго, одного такого содѣйствія
недостаточно.

Благоволите же, высокопресвященнѣйшій владыко, удѣлить отъ
многотрудныхъ вашихъ занятій нѣкоторое время на прочтеніе подно-
симой рукописи, заключающей въ себѣ наставленія для врачеванія
духовнаго, котораго истинное таинство, пребывающее въ Святомъ Духѣ,
ниспешемъ на апостоловъ, почіетъ на представителяхъ и преемникахъ
ихъ на землѣ.

Въ качествѣ духовнаго врача, не оставьте, святой архипастырь,
вашимъ обильнымъ небесною благодатію благословеніемъ изданіе этой
книги и, въ уваженіе памяти славнаго трудами своими богобоязненнаго
передателя ея, многомилостиво не откажите мнѣ, какъ издателю и зятю
покойнаго, освятить ее посвященіемъ высокому вашему имени, съ по-
мѣщеніемъ предъ книгою этою благоговѣйнаго письма и отвѣта, какимъ
ваше высокопресвященство благоизволите удостоить меня.

Матвѣй Яковлевичъ имѣлъ намѣреніе просить о разрѣшеніи напе-
чатать это сочиненіе славянскими буквами, какъ болѣе приличествую-
щими духу молитвъ и соединенныхъ съ ними, въ предлагаемой книгѣ,
размышленій.

Какъ зять его и, по его дочери, преемникъ правъ на изданіе сочи-
неній его, возношу предъ вашимъ высокопресвященствомъ эту загроб-
ную его просьбу, всепокорнѣйше прося о милостивомъ исходатайство-
ваніи мнѣ на то дозволенія, въ память и почетъ знаменитому мужу,
видѣвшему въ томъ залогъ благотворнаго вліянія, приготовленнаго имъ

¹⁾ Умеръ въ С.-Петербургѣ 8-го іюля 1831 г

изданія, на душевное состояніе болящихъ, къ довершенію пользы, принесенной имъ человечеству ¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ осѣните, боговдохновенный владыко, святымъ вашимъ благословеніемъ также и преклоняющагося предъ вами съ глубокопочтеніемъ. Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря, покорнѣйшій слуга И. Великопольскій.

5.

П. С. Казанскій ²⁾—И. Е. Великопольскому.

2-го декабря 1857.

Рукопись г. Мудрова, «Духовное врачевство», по поступленіи ея въ Комитетъ цензурный, отдана была на разсмотрѣніе ректору Вианской семинаріи, архимандриту Наванайлу ³⁾. Но по кончинѣ его, сего 1857 г. сентября 2-го дня, она оказалась еще непрочитанной имъ. И посему, послѣ разбора бумагъ и книгъ покойнаго о. ректора, опять поступила въ канцелярію комитета и передана на разсмотрѣніе о. протоіерею Петру Спиридоновичу Делицыну ⁴⁾, у котораго теперь и находится.

Секретарь Цензурнаго комитета, профессоръ академіи, Петръ Казанскій.

6.

В. Петровскій—И. Е. Великопольскому.

13-го іюля 1858 г. Московская духовная академія, Сергіевъ Посадъ.

Ваше высокородіе Иванъ Ермолаевичъ! Имѣю честь извѣстить васъ о ходѣ дѣла касательно представленной вами къ высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту московскому, рукописи подъ загла-

¹⁾ Рукопись Мудрова, скрѣпленная цензоромъ Порфиріемъ, была получена Великопольскимъ въ Чукавинѣ, 24-го августа 1858 г. Изданіе ея не состоялось.

²⁾ Петръ Симоновичъ Казанскій (род. въ 1819, ум. въ 1878 г.), профессоръ русской исторіи въ Московской духовной академіи, писатель, авторъ сочиненій: „Исторія православнаго монашества на востоцѣ“, (2 ч., М. 1854—1857). „Исторія православнаго русскаго монашества отъ основанія Печерской обители до основанія лавры св. Троицы“. (М. 1853 г.) и др.

³⁾ Въ мірѣ Гавріилъ Нектаровъ, магистръ XI курса Московской духовной академіи.

⁴⁾ Род. въ 1796 г., ум. въ 1863 г., писатель и переводчикъ.

віемъ: «Духовное врачество и врачебный молитвенникъ (Соч. доктора Матеія Мудрова)».

Сданная отъ его высокопреосвященства въ Московскій комитетъ духовной цензуры и полученная послѣднимъ 20-го апрѣля 1857 года, эта рукопись поступила на разсмотрѣніе къ члену комитета, академіи инспектору, архимандриту Порфирію ¹⁾, который, разсмотрѣвъ ее, далъ о ней мнѣніе съ одобрительнымъ отзывомъ. Но комитетъ, принимая во вниманіе содержаніе (молитвы) рукописи, нашелъ должнымъ представить этотъ отзывъ и самое рукопись въ Святѣйшій Синодъ на благоусмотрѣніе и окончательное утвержденіе. Святѣйшій Синодъ, указомъ отъ 24-го іюня сего года, за № 5960-мъ, полученнымъ комитетомъ 2-го іюня сего года, согласно съ заключеніемъ Московскаго комитета, дозволилъ сію рукопись разрѣшить къ напечатанію, съ тѣмъ, чтобы 13-е и 14-е размышленія (ст. 156—178), по изъясненнымъ въ донесеніи комитета причинамъ, были изъ рукописи исключены. Такъ какъ одобреніе на рукописи долженъ подписать цензоръ, разсматривавшій ее, а этотъ цензоръ въ настоящее время отправился на ревизію и возвратится въ августъ, то и рукопись эта не можетъ быть возвращена вамъ для напечатанія ранѣе августа. По прибытіи о. инспектора не замедлимъ выслать ее къ вамъ.

Извѣщая васъ о семъ и поздравляя съ счастливымъ исходомъ представленной вами рукописи, съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ имѣю честь быть высшего высокородія покорнѣйшимъ слугою письмоводитель Цензурнаго комитета, студентъ Московской академіи, Викторъ Петровскій.

7.

П. С. Казанскій—И. Е. Великопольскому.

12-го августа 1858 г.

Иванъ Ермолаевичъ! Послѣ рѣшенія Св. Синода комитетъ не въ правѣ дѣлать какія-либо измѣненія кромѣ указанныхъ имъ. Исключеніе 13-го и 14-го размышленія не можетъ быть замѣчено посторонними читателями, потому что счетъ размышленій измѣнится.

Что касается до посвященія митрополиту сей книги, то онъ принялъ за правило не принимать никакихъ посвященій ему книгъ и отказался въ своей резолюціи отъ сей рукописи.

---

¹⁾ Порфирій Поповъ (род. въ 1826 г., ум. въ 1866 г.) съ 1861 г. ректоръ Вѣавской семинаріи и настоятель Симонова монастыря, съ 1864 г. — настоятель духовной миссіи въ Римѣ.

На-дняхъ о. Порфирій возвратился и потому не замедлитъ скрѣпить вашу рукопись.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть вашимъ усерднымъ слугою профессоръ Петръ Казанскій.

8.

М. П. Вронченко ¹⁾—Н. А. Моисееву ²⁾.

15-го октября 1834 г. Смирна.

Горестную вѣсть долженъ я сообщить вамъ... Вы уже ее угадали! Да, добрый другъ нашъ Моисеевъ ³⁾ оставилъ насъ навсегда. Я, узнав-

¹⁾ Михаилъ Павловичъ Вронченко (род. въ 1801 г., ум. 4-го ноября 1855 г.)—писатель, переводчикъ Шекспира, Байрона и Гёте; воспитаніе получилъ въ Московскомъ университетѣ и въ Школѣ колонновожатыхъ, откуда вышелъ въ Свиту его величества, нынѣ Генеральный штабъ (1822). Въ 1828 г. ему поручено было произвести съемки и сдѣлать астрономическія опредѣленія въ Молдавіи, Болгаріи и Румелии; затѣмъ онъ находился при нашей арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, а въ 1833 году, состоя при 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ, расположенномъ бливъ Константинополѣ, былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Малую Азію для ея изученія и сообщенія о ней нѣкоторыхъ свѣдѣній. Проведя въ этой командировкѣ 1833, 1834 и 1835 годы и вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, Вронченко издалъ тамъ въ 1838—1840 г. свое обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Обозрѣніе Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея состояніи“. (С.-Пб., 2 ч. съ табл.). Прослуживъ нѣкоторое время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, Вронченко снова перешелъ въ Генеральный штабъ и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. О немъ см. статью А. В. Никитенка въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г., № 10, стр. 1—58. Портретъ Вронченка находится въ изданномъ въ 1872 г. „Историческомъ очеркѣ корпуса военныхъ топографовъ“.

²⁾ Николай Алексѣевичъ Моисеевъ, единоутробный братъ Ив. Ерм. Великопольскаго, сынъ матери его Надежды Сергѣевны, рожд. княжны Болховской, послѣ смерти перваго мужа—Ермолая Ивановича Великопольскаго—вышедшей за-мужъ за казанскаго помѣщика колл. асс. Алексѣя Фодоровича Моисеева. Н. А. Моисеевъ, находившійся въ службѣ съ 1827 г., въ 1841—1845 г. состоялъ при Почтовомъ департаментѣ и имѣлъ чинъ статскаго совѣтника. Сестра его—Варвара Алексѣевна была за-мужемъ за извѣстнымъ геометромъ, профессоромъ Казанскаго университета Н. И. Лобачевскимъ.

³⁾ Василій Алексѣевичъ Моисеевъ, братъ Николая Алексѣевича, воспитанникъ Казанскаго университета, въ 1833 г. состоялъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, 4-мъ драгоманомъ при миссіи нашей въ Константинополѣ (Мѣсяцесловъ на 1834 г.), и съ 1833 г. былъ прикомандированъ къ М. П. Вронченко, съ которымъ и путешествовалъ по Малой Азіи. По словамъ А. В. Никитенки „этотъ молодой человекъ, ориенталистъ съ прекраснымъ образованіемъ и характеромъ, подавалъ блестящія надежды. Причисленный къ Смирнскому консульству въ званіи драгомана, онъ долженъ былъ посто-

шій и полюбившій его недавно, чувствую потерю его живо, слѣдственно можете быть увѣрены, что понимаю, какъ вы ее чувствуете.

Долгое время путешествіе наше шло благополучно. Мы ѣздили безъ фирмана, а брали буюрду (?) у мѣстныхъ начальниковъ. Подѣзжая къ Коніи, во второй половинѣ августа, долго толковали мы о томъ, требовать ли у тамошняго паши буюрду для возвращенія въ Смирну чрезъ Кеидери, береговою дорогою, какъ то мы предполагали прежде, или ѣхать черезъ Ангору и Кютайи: какъ будто бы мы предчувствовали бѣду! Ни я, однако, ни онъ не говорили другъ другу о невольномъ отвращеніи отъ поѣздки по берегу моря, и было рѣшено требовать буюрду. Уже больной, въ Муглѣ, Моисеевъ сказалъ мнѣ, что въ то время, когда онъ шелъ къ пашѣ говорить объ этомъ дѣлѣ, вдругъ возникла въ немъ мысль, что онъ занеможетъ въ Аталіи и въ Макри. Странно! какъ душа видитъ иногда будущее!

Благополучно переѣхали мы Таврусъ, спустились къ морю въ Календери и доѣхали до Алайи. Тамъ занемогъ лихорадкою нашъ кавасъ; мы продолжали путь по берегу, а онъ на какомъ до Аталіи. На другой день пріѣзда туда у Моисеева сдѣлался въ головѣ жаръ и въ тотъ же день оказалась лихорадка. Нашелся порядочный докторъ, который давалъ ему обыкновенныя въ такихъ случаяхъ лѣкарства,—и въ три дня лихорадка прекратилась. Мы отправились далѣе; докторъ далъ Моисееву въ запасъ хинины въ пилюляхъ. Шестъ дней ѣхали мы до Макри—Моисеевъ былъ здоровъ; но въ Макри оказалась у него лихорадка опять; онъ признался, что имѣлъ запоръ съ самаго выѣзда изъ Аталіи, и не принялъ противъ него ничего. На другой день мы, однако, поѣхали, ибо пароксизмъ былъ незначителенъ и по прошествіи его къ полуночи осталась едва замѣтная слабость. На слѣдующій день мы опять поѣхали, но пароксизмъ открылся вскорѣ послѣ выѣзда. Мы остановились послѣ 6-ти часовой ѣзды; Моисееву было не хорошо, и слѣдующій день онъ рѣшился отдохнуть, принялъ слабительное, въ другой разъ (оно не дѣйствовало) и ночью началъ принимать хинину. Утромъ мы поѣхали опять, но пароксизмъ оказалсѣ опять утромъ же. Тутъ покойникъ сдѣлалъ неосторожность: принялъ хинины во время озноба (меня тогда при немъ не было); чрезъ это пароксизмъ усилился жестоко: съ большимъ трудомъ могъ онъ, переждавъ лихорадочный жаръ, доѣхать до шалаша первыхъ пастуховъ, на дорогѣ понавшихся, и тамъ

янно находится при Вронченкѣ; но слабое здоровье его не въ состояніи было перенести путевыхъ трудностей въ Малой Азіи, и онъ умеръ въ одномъ изъ бѣдныхъ мѣстечекъ ея, несмотря на попеченія своего сопутника, искренно и имъ однимъ оплаканный“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868 г., № 10, стр. 12). Вронченко неоднократно упоминаетъ о Моисеевѣ въ своемъ дневникѣ (см. тамъ же, стр. 45, 46, 47, 49),

почевали мы; Матео сдѣлалъ надъ больнымъ наметъ изъ своей шинели. На слѣдующій день поѣхали опять, чтобы добраться до города Мугла, отстоявшаго отъ ночлега на 8 часовъ. Къ вечеру пріѣхали мы туда; Моисеевъ былъ утомленъ, но болѣзнь все еще казалась обыкновенною лихорадкою, и никакой опасности не предвидѣлось. Отведенный намъ домъ какого-то грека былъ очень дуренъ, и призванный докторъ (знаете, каковы доктора внутри края?) предложилъ намъ перейти къ нему. Это мы сдѣлали слѣдующимъ утромъ. Больной опять имѣлъ пароксизмъ, и съ этого времени лихорадка сдѣлалась почти непрерывною. Я хотѣлъ тотчасъ же ѣхать въ Смирну, чтобы оттуда прислать хорошаго доктора; но въ тотъ же день открылась и у меня лихорадка опять (первый пароксизмъ былъ у меня въ Аталіи), и на слѣдующій день я слегъ въ постель, пролежавъ дня два почти безъ чувствъ. Когда я опомнился, докторъ объявилъ, что у Моисеева *febra putrida* и у меня тоже, но не въ такой степени. Тутъ я тотчасъ же отправилъ въ Смирну каваса (взятаго въ г. Алмады на мѣсто нашего, оставшагося тамъ за болѣзнію) къ консулу за докторомъ. Не знаю, какъ послѣ того лѣчилъ докторъ, нашъ хозяинъ, Моисеева, ибо я самъ былъ въ очень дурномъ положеніи; знаю, что ему дѣлалось хуже и хуже: подъ лѣвымъ ухомъ открылась опухоль, мѣшавшая ему говорить и раскрыть ротъ. Иногда я выпалзывалъ изъ моей конурки, чтобы повидаться съ нимъ; онъ однажды сказалъ слово о завѣщаніи и потомъ не говорилъ объ этомъ вовсе. Пять дней спустя по отъѣздѣ каваса пріѣхалъ изъ Смирны докторъ Мазгана и драгоманъ Абро. Больной едва узналъ ихъ. Мазгана тотчасъ прорѣзалъ нарывъ подъ ухомъ, что произвело хорошее дѣйствіе; значительнаго облегченія, однакожь, не было. Такъ прошли два дня. На третій—это было 1-го октября—Мазгана по утру началъ мнѣ совѣтовать отправиться въ Смирну моремъ (я послѣ трехъ слабительныхъ и рвотнаго, отъ котораго чуть не вырвало у меня съ желчью самую душу, и которое убило бы меня навѣрное, еслибъ не такъ сильно было мое желѣзное сложеніе,—былъ очень слабъ, но избавленъ отъ лихорадки), говоря, что Моисеевъ внѣ опасности, что я могу занемочь опять отъ сиверьскаго вѣтра. И такъ, въ полдень мы отправились съ Абро, а Мазгана остался съ больнымъ. Я забылъ сказать, что за два дня передъ тѣмъ занемогъ сильно и добрый Матео, который сидѣлъ при больномъ день и ночь во все время болѣзни съ самоотверженіемъ истинно рѣдкимъ. Вышло, что Мазгана предвидѣлъ конецъ и услаля меня, чтобы я не былъ свидѣтелемъ сцены неизбѣжной. И въ самомъ дѣлѣ, въ самый день отъѣзда моего больной сдѣлался слабѣе, но оставался по-прежнему въ ползубытьѣ, пробуждаясь изрѣдка; къ вечеру моча остановилась; въ 9 часовъ онъ потревожился, сложилъ руки на груди, произнесъ два раза «Боже мой!» и тихо, безъ мукъ, безъ судо-

рогъ, преставился; это было 1-го числа. Отираю еще одну слезу, дань искренней горести...

Мы долго ничего не знали. Шесть дней ѣхали мы съ Абро сюда; лихорадка моя возобновилась. Отдохнувъ здѣсь день или два, Абро опять поѣхалъ въ Муглу, но на дорогѣ встрѣтилъ возвращающагося Мазгана съ Матео, нѣсколько поправившимся. Они пріѣхали сегодня. Письмо отъ Мазгана съ печальнымъ извѣстіемъ получено въ Смирнѣ 10-го числа, намъ объ немъ сказали 13-го. Покойнаго похоронили похристиански, по-надлежащему: въ Муглѣ есть греческое духовенство. Горе еще слишкомъ ново, и потому на счетъ оставшихся вещей не сдѣлано никакого по сю пору распоряженія. Все исполнится, какъ должно. Прощайте! душевно желаю вамъ твердости и всѣхъ благъ. Вашъ покорный слуга М. Вронченко.

9.

М. Г. Гавриловъ—М. Я. Мудрову ¹⁾.

4-го іюля 1809 г. (Москва).

Милостивый государь мой Матвѣй Яковлевичъ! Усердно благодарю васъ за приглашеніе. Извините старика, что сегодня, по обстоятельству, еще съ утра не располагался въ гости. Въмѣсто вкуснаго обѣда одолжите меня для прочтенія расхваленною вашею рѣчью ²⁾, ибо мнѣ доставшуюся у меня отняли. Я, однако жъ, замѣтилъ одинъ порокъ тотъ, что вы говорили не много, между тѣмъ, какъ достоинство латинской рѣчи замѣчено въ томъ, что ораторъ произносилъ не долго.

Съ душевнымъ къ вамъ почтеніемъ пребуду вамъ покорнѣйшій слуга Матвѣй Гавриловъ.

---

¹⁾ Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ (род. 1759, ум. въ 1829 г.), въ 1809 году бывшій экстраординарнымъ профессоромъ російской словесности и изящныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ читавшій, въ званіи ординарнаго профессора, лекціи славянскаго языка, теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Гавриловъ съ 1790 г. состоялъ въ теченіе 28-ми лѣтъ редакторомъ „Политическаго Журнала“, который съ 1809 г. выходилъ подъ названіемъ „Историческаго, статистическаго и географическаго журнала“.

²⁾ „Слово о пользѣ и предметахъ военной гигиены, или науки сохранять здравіе военнослужащихъ, въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, іюля 3 дня 1809 года, произнесенное. . . . Матвѣемъ Мудровымъ“. М. Въ унив. типографіи, 39 стр. 4^о.

10.

И. А. Заборовскій ¹⁾—М. Я. Мудрову.

15-го іюня 1815 г.

Милостивый государь и любезный другъ Матвѣй Яковлевичъ! Жена моя ²⁾ весьма обрадована была полученіемъ вашего почтеннѣйшаго письма и даннаго совѣта штабъ-лѣкаря, которому дотолѣ въ лѣченіи ему не вѣрила. Оба благодаримъ васъ, любезный другъ, за попеченіе ваше. Больная принимаетъ лѣкарствы, и ей становится гораздо лучше; кажется, что шпанскія и пластыри произвели большое облегченіе, но слабость чрезвычайная, ничего не ѣсть. Письмо отъ преосвященнаго намѣстнику вручено; открылось, что писано было на мой счетъ. Прошу покорнѣйше васъ, любезный другъ, изъяснить мое почтеніе и покорнѣйшую благодарность за отличный пріемъ меня здѣшнимъ намѣстникомъ, котораго я прежде не имѣлъ чести быть знакомымъ (sic). Нашелъ въ немъ умнаго и любезнаго человѣка. Впрочемъ, пребыть честь имѣю съ моимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, навсегда покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Заборовскій.

Вручитель сего письма о больной скажетъ вамъ лично, въ какомъ положеніи ее оставилъ.

11.

Графъ А. А. Закревскій ³⁾—М. Я. Мудрову.

15-го февраля 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матвѣй Яковлевичъ! На-дняхъ государь императоръ изволил спрашивать у меня, скоро ли будетъ оконченъ

¹⁾ Иванъ Александровичъ Заборовскій (род. 18-го мая 1735 г., ум. 17-го сентября 1817 г.), за сраженіе 10-го іюля 1775 г. получившій орденъ Георгія 3-й степени и чинъ генералъ-маіора, съ 1777 г. былъ правителемъ Ярославскаго, съ 1782 г.—Тульскаго намѣстничества, а съ 1787 г. владимірскимъ и костромскимъ генералъ-губернаторомъ; вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

²⁾ Елизавета Ѳеодоровна, рожд. Лопухина (род. 4-го апрѣля 1743 г., ум. 23-го марта 1820 г.), внучатная племянница царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной.

³⁾ Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, занимавшій тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ, рескриптомъ отъ 4-го сентября 1830 г. былъ поставленъ во главѣ особаго комитета, которому поручено было принятіе мѣръ противъ появившейся въ Россіи холеры. М. Я. Мудровъ, какъ врачъ, пользовавшійся широкою извѣстностію, вошелъ въ составъ центральной комиссіи, назначенной дѣйствовать, подъ руководствомъ графа Закревскаго, противъ заразы.

«Трактатъ о холерѣ» ¹⁾), составляемый вами вмѣстѣ съ прочими членами находившагося при мнѣ медицинскаго совѣта, при чемъ его величество объявилъ, что по составленіи онаго трактата всѣ члены сего совѣта будутъ призваны въ С.-Петербургъ для общихъ совѣщаній съ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и съ нѣкоторыми извѣстнѣйшими членами московскаго совѣта, трактатъ коего также здѣсь ожидается и будетъ разсматриваться вмѣстѣ съ вашимъ. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, заняться съ особеннымъ вниманіемъ и дѣятельностью составленіемъ помянутаго трактата о холерѣ и, сколь возможно, поспѣшить окончаніемъ онаго и доставленіемъ ко мнѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою графъ А. Закревскій.

Р. С. Поспѣшаю увѣдомить васъ, что государь императоръ пожаловалъ васъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ чѣмъ и поздравляю ваше превосходительство. Г-на Нагумовича ²⁾ и Дядьковскаго ³⁾ я представлялъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени, но государь имъ пожаловалъ знаки ордена св. Анны 2-й степени, императорскою короною украшенные, ибо его величеству не угодно было нарушить постепенность, принятую въ наградахъ. Весьма сожалью, что по сему случаю не могъ исходатайствовать имъ награды, которую полагалъ достойною по ихъ заслугамъ и которая могла бы имъ быть особенно пріятна.

Господина Венедиктова ⁴⁾ и Чеботарева ⁵⁾ я представилъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени, но второму высочайшаго соизволенія не послѣдовало по причинѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, находящихся въ его формулярномъ спискѣ. Буду хлопотать, чтобы, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ См. слѣдующія письма.

²⁾ Левъ Яковлевичъ Нагумовичъ, д-ръ мед., тогда старшій докторъ пѣхоты гвардейскаго корпуса, а впослѣдствіи д. с. с., членъ Медицинскаго ученаго комитета (р. въ 1799 † 14-го апрѣля 1853 г.)

³⁾ Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій (р. 1-го іюня 1784 г., † 22-го іюля 1841 г.), извѣстный врачъ, бывшій въ это время ординарнымъ профессоромъ въ Московскомъ отдѣленіи Медико-хирургической академіи, а съ конца 1831 г. перешедшій въ Московскій университетъ на кафедру терапіи.

⁴⁾ Александръ Саввичъ Венедиктовъ, надв. сов., ординарный профессоръ анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1836 году отрѣшенный отъ должности съ преданіемъ суду. Отрывокъ изъ записокъ Венедиктова о студенчествѣ его въ Харьковскомъ университетѣ напечатанъ Вс. Изм. Срезневскимъ въ «Отчетъ о 41 присужденіи наградъ гр. Уварова», СПб. 1901 г., стр. 215—216.

⁵⁾ Андрей Харитоновичъ, шурина М. Я. Мудрова, занимавшій при немъ, какъ предсѣдатель центральной комиссіи, должность ученаго секретаря. См. ниже его письма къ С. Х. Мудровой.

исключили оныя изъ его формуляра и объ успѣхѣ въ свое время васъ увѣдомлю.

Копіи съ указовъ сенату о пожалованномъ вамъ чинѣ и ордена г-ну Дядьковскому при семъ прилагаю; на счетъ же г. Нагумовича будетъ особенный указъ по военному вѣдомству. Объ г-нѣ Венедиктовѣ сказано въ копіи съ указа, посылаемаго при семъ письмѣ къ г. Кильдюшевскому ⁴⁾.

Рукою М. Я. Мудрова помѣчено: «Февраля 24-го (вторникъ) читано въ засѣданіи Совѣта и въ протоколъ записано».

12.

Графъ А. А. Закревскій—М. Я. Мудрову.

28-го марта 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матвѣй Яковлевичъ! Я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 16-го сего марта и при немъ вступленіе къ «Трактату о холерѣ», которое, переправивъ, возвращаю къ вамъ, при совокупляя, что оно еще не вполне соотвѣтствуетъ желанію моему. Вступленіе должно содержать общія мысли о сочиненіи,—его исторію, начало (origine), пользу и необходимость. Однимъ словомъ, оно должно давать нѣкоторое понятіе о самой книгѣ; и потому въ немъ необходимо коснуться исторіи холеры, ея появленія въ Индіи, сравненія ея съ другими повальными болѣзнями, переходы изъ одной страны въ другую, наконецъ,—вступленіе въ Россію, ея дѣйствія, неизвѣстность ея медикамъ и степень дознанія ея свойствъ. Все сіе описать обстоятельно, послѣ чего можно дать понятіе о центральной комиссіи, дабы объяснить поводъ сочиненія трактата; самый слогъ, отличаясь ученостію, долженъ быть простъ и ясенъ.

Предоставивъ все вышесказанное на соображеніе ваше, я желаю, чтобы Совѣтъ медицинскій при центральной комиссіи немедленно занялся со всевозможною поспѣшностію приведеніемъ къ окончанію означеннаго трактата и, совершивъ оный, представилъ ко мнѣ безъ малѣйшаго отлагательства.

---

⁴⁾ Вѣроятно, — Павелъ Николаевичъ (род. въ 1799, ум. 20-го ноября 1858 г.), воспитанникъ Московскаго отдѣленія Медико-хирургической академіи, съ 1827 г. бывший въ ней адъюнктъ-профессоромъ по сравнительной анатоміи и физиологіи, въ 1830 и 1831 г. посланный «на холеру» въ Саратовъ, Вольскъ, Тулу и Данцигъ; съ 1831 г.—ординарный профессоръ, съ 1838 г.—докторъ медицины; затѣмъ—профессоръ повивальнаго института при Московскомъ воспитательномъ домѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ А. Закревскій.

13.

Графъ А. А. Закревскій—М. Я. Мудрову.

1-го апрѣля 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матѣи Яковлевичъ! Изъ послѣдняго письма вашего превосходительства отъ 24-го марта усматриваю желаніе ваше и членовъ Совѣта объ острожкѣ въ доставленіи требуемаго «Трактата о холерѣ». Несмотря на справедливость нѣкоторыхъ изъ представляемыхъ вами доказательствъ, не могу, къ сожалѣнію, исполнить по сему просьбы вашей. Полицейскія мѣры предосторожности имѣютъ въ непродолжительномъ времени быть представлены на высочайшее разсмотрѣніе; медицинскія же, не менѣе необходимыя,—тѣмъ съ большею спѣшностію должны быть приведены къ окончанію своему, что наступающая весна, грозя возрожденіемъ губительной болѣзни, вынуждаетъ спѣшить составленіемъ руководства къ повсемѣстному употребленію.

Послѣднее обстоятельство письма вашего, на счетъ обнаружившейся вновь холеры въ Москвѣ, меня весьма опечалило, но я надѣюсь, что дѣятельныя мѣры правительства и попеченія московскихъ медиковъ преградятъ распространеніе зла сего и избавятъ столицу отъ горестнаго и затруднительнаго положенія, которое испытывала она въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою графъ А. Закревскій.

Рукою М. Я. Мудрова помѣчено: «Получилъ апрѣля 6-го дня, читалъ въ Совѣтѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приказъ военнаго министра Барклая-де-Толли съ запрещеніемъ частнымъ начальникамъ производить пушечную пальбу по произволу.

5-го октября 1810 г. № 59.

Дошло до свѣдѣнія, что минувшаго августа 30-го числа во время обѣденнаго стола у выборгскаго коменданта генераль-маіора де-Жерве по приказанію его производима была съ крѣпости пушечная пальба, каковая высочайшимъ указомъ 1796 года декабря въ 8-й день и послѣдовавшими предписаніями въ вѣкторіальныя и другіе праздничныя дни запрещена, за что сдѣлавъ означенному генераль-маіору де-Жерве выговоръ, объявляю о томъ и по всей арміи.

О приселеніи малороссіянъ къ войску донскому.

Высочайшее повелѣніе войска донскаго войсковому атаману и генералу отъ-кавалеріи графу Платову.

10-го октября 1817 г., № 149.

Тягостное положеніе поселенныхъ на границѣ Донскаго войска съ Кавказскою губерніею малороссіянъ, обращенныхъ въ казаки, убѣждаетъ меня согласиться съ представленіемъ вашимъ отъ 18-го августа, и потому я позволяю вамъ, изъ всѣхъ 118-ти станицъ войска донскаго отдѣлить триста семей казаковъ и приселить ихъ къ означеннымъ изъ малороссіянъ казакамъ, дабы они совокупно могли быть раздѣлены на двѣ части къ отправленію повинностей по мѣсту ихъ жительства и къ хозяйственнымъ управленіямъ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXVII ¹⁾.

Отступление. — Посылка А. Орлова парламентомъ въ главную квартиру французской арміи. — Порученіе, данное Левенштерну. — Характеристика графа Палена. — Генералъ Юзефовичъ. — Отступление къ Лобау. — Графъ Паленъ раненъ. — Назначеніе Левенштерна состоять при немъ.

о время этой сумятицы, я былъ пріятно удивленъ, встрѣтивъ графа Петра Палена, только-что пріѣхавшаго, чтобы принять командованіе аррьергардомъ арміи.

Въ тотъ моментъ, когда я высказывалъ ему свое удовольствіе по поводу нашей встрѣчи, пушечное ядро разворотило между нами дернъ и осыпало насъ землею; это было предостереженіе, указывающее, что мы неудачно выбрали моментъ для разговора. Паленъ просилъ меня дать ему на время хорошую верховую лошадь, такъ какъ его экипажи еще не прибыли, что я исполнилъ съ удовольствіемъ.

Подъ вечеръ, графъ Паленъ приказалъ мнѣ встать за Ландскроною, наблюдать за движеніемъ непріятеля на нашемъ лѣвомъ флангѣ, отойти на слѣдующій день къ Герлицу, когда пройдетъ весь нашъ аррьергардъ, и сжечь по пути всѣ мосты.

Ночь прошла спокойно; въ 8 часовъ утра я прошелъ черезъ Герлицъ; непріятель слабо преслѣдовалъ меня, и я успѣлъ безпрепятственно разрушить мостъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1901 г. май.

Въ тотъ моментъ, когда я былъ этимъ занятъ, подѣхалъ Алексѣй Орловъ, посланный парламентаромъ въ главную квартиру французской арміи. Онъ переѣхалъ по мосту послѣднимъ; какимъ образомъ онъ вернулся обратно, мнѣ не извѣстно.

Желая упорядочить дѣйствія казацкихъ отрядовъ, графъ Паленъ подчинилъ ихъ соотвѣтствующимъ начальникамъ, и такъ какъ я не имѣлъ возможности присоединиться къ генералу Ланскому, то былъ подчиненъ непосредственно генералу Юзефовичу. Мнѣ было поручено командовать аванпостами, не терять изъ вида непріятеля, поддерживать сообщеніе съ арміей Блюхера и отступать мало-по-малу на дорогу въ Лобау и Леопольдсгайнъ, разрушая всюду мосты,—обязанность, въ высшей степени непріятная, такъ какъ при этомъ не только приходится выносить непріятеля на своихъ плечахъ до самой переправы, но и считаться со всевозможными мелочами, принимать всяческія предосторожности, дѣлать приготовленія и при томъ не всегда можно разсчитывать на успѣхъ. Преслѣдуя васъ энергично, непріятель можетъ перейти мосты, смѣшавшись съ вашими солдатами; если же вы разрушите ихъ слишкомъ рано, то рискуете пожертвовать людьми, потерять остальныхъ, и тогда вы подвергнетесь столь же тяжкому упреку, какъ велика была бы ваша отвѣтственность, ежели непріятелю удалось захватить мосты прежде, нежели вы успѣли бы ихъ разрушить.

Начальство рѣдко цѣнить оказанныя вами въ этомъ случаѣ услуги, такъ какъ, находясь вдали или будучи занято въ этотъ моментъ чѣмъ-либо другимъ, оно рѣдко отдаетъ себѣ отчетъ въ тѣхъ трудностяхъ, съ коими сопряжена эта обязанность. Я знаю это по опыту и убѣжденъ, что слѣдовало бы всегда имѣть отрядъ пѣхоты (а нынѣ драгунъ)¹⁾, чтобы поддержать кавалерію, на которую возлагается эта обязанность, и конныхъ пионеровъ, которые, вѣроятно, будутъ вскорѣ сформированы и которые могли бы быть полезны въ подобномъ случаѣ.

Принцъ Евгений Виртембергскій и графъ де-Сенъ-Приестъ встали со своей пѣхотой позади маленькой рѣчки Леопольдсгайнъ, чтобы задерживать слишкомъ быстрыя движенія непріятеля и дать остальной арміи время уйти къ Лобау.

Графъ Паленъ внесъ, какъ я уже сказалъ, болѣе порядка и единообразія въ отряды, находившіеся подъ его начальствомъ; онъ составилъ изъ нихъ одно цѣлое, вполне соотвѣтствовавшее той трудной задачѣ, которую ему приходилось выполнить и на высотѣ которой онъ стоялъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и военнымъ дарованіямъ.

Это былъ въ нашей арміи рыцарь безъ страха и упрека. Человѣкъ

¹⁾ Повидѣйшалъ приписка.

честный и правдивый, онъ никогда не сдѣлалъ поступка достойнаго порицанія, за который совѣсть могла бы упрекнуть его; начальство всегда уважало его, а непріятель боялся; товарищи любили его, подчиненные обожали. Въ высшей степени простой и скромный въ обращеніи, онъ имѣлъ способность заставлять повиноваться себѣ, не внушая страха; всѣ дѣлали изъ любви къ нему то, что для инаго сдѣлали бы только по обязанности. Онъ имѣлъ способность и привычку командовать, быть требователемъ и самъ отличался исполнительностью, никогда не преувеличивалъ свои заслуги и охотно уступалъ другимъ славу успѣха, сопровождавшаго обыкновенно все, что онъ предпринималъ.

По его приказанію къ моему отряду было присоединено два эскадрона татаръ (de lanciers tartares) и батальонъ егерей и мнѣ было поручено прикрывать отступленіе до Лобау, защищать ущелье между Леопольдсгайномъ и Тротчендорфомъ (Trotchendorff) и поддерживать непосредственное сообщеніе съ генераломъ Гельфрейхомъ, который шелъ эшелонами позади графа Палена. Прибывъ въ Лобау, я долженъ былъ разрушить мосты и отступить на позицію, занятую уже графомъ Паленомъ.

Принцу Евгенію Виртембергскому было приказано держаться со своей пѣхотной дивизіей до вечера передъ Леопольдсгайномъ и оставить эту позицію ночью, идя подъ прикрытіемъ генерала Юзефовича и моего отряда. Но непріятель предупредилъ его и атаковалъ въ тотъ же вечеръ. Два полка егерей, 4-й и 20-й, посланные въ Геннерсдорфъ, были отрѣзаны саксонской кавалеріей, перешедшей рѣку вбродъ, и сильной колонной пѣхоты, которая заняла деревню Геннерсдорфъ и пресѣкла егерямъ всякое сообщеніе съ главными силами дивизіи принца Евгенія.

Надобно было какъ можно скорѣе исправить случившееся для того, чтобы спасти нашихъ егерей; надобно было совершить поспѣшное движеніе; это могла выполнить только кавалерія.

Принцъ Евгеній отлично понималъ это; онъ послалъ своего адъютанта, капитана Вахтена просить генерала Юзефовича взять на себя эту обязанность со своими драгунами. Но генералъ отказался на томъ основаніи, что Геннерсдорфъ уже былъ занятъ непріятелемъ, откуда его надобно было предварительно вытѣснить при помощи пѣхоты; только тогда, по его словамъ, возможно сдѣлать что-либо для егерей, которые, какъ мы видѣли, были окружены саксонцами.

Принцъ Евгеній, все болѣе и болѣе тѣснымъ непріятелемъ, прискакалъ самъ, чтобы убѣдить генерала Юзефовича помочь имъ, но всѣ его убѣжденія были напрасны. Генералъ отвѣчалъ на всѣ доводы: «очистите деревню отъ непріятели, и я освобожу егерей».

Я былъ возмущенъ этимъ спокойствіемъ и апатіей, и хотя всѣ его разсужденія были вѣрны въ теоріи, но вѣдь нельзя же всегда дѣйстви-

вать только по правиламъ. Я подѣхалъ къ принцу Евгенію и сказалъ ему, что я берусь освободить егерей. Сказано, сдѣлано; я подскакалъ въ галопъ, проѣхалъ черезъ деревню и хотя непріятель обстрѣливалъ меня со всѣхъ сторонъ, но я выѣхалъ на равнину и атаковалъ саксонцевъ, которые этого не ожидали; побѣда была полная, они обратились въ бѣгство, егеря ободрились и, въ свою очередь, вытѣснили французовъ изъ деревни и расчистили мнѣ путь; я вернулся къ своему посту съ нѣсколькими стами плѣнныхъ.

Это было настоящимъ торжествомъ для принца Евгенія; онъ не зналъ, какъ благодарить меня. Генераль Юзефовичъ сильно поморщился, увидавъ, что я осмѣлился попытаться съ казаками то, что онъ не считалъ возможнымъ предпринять съ драгунами; онъ сдѣлался моимъ врагомъ, узнавъ о слѣдующемъ донесеніи, посланномъ принцемъ Евгеніемъ объ этомъ дѣлѣ:

«11-го числа мая, при деревни Третендорфѣ, когда стрѣлки 4-го и 20-го егерскихъ полковъ были атакованы и взяты непріятельскою кавалеріею въ плѣнъ, полковникъ баронъ Левенштернъ бросился чрезъ занятую непріятельскими стрѣлками деревню и не только освободилъ всѣхъ нашихъ стрѣлковъ, но изрубилъ часть непріятельской кавалеріи, а часть взялъ въ плѣнъ.

«Сверхъ того, полковникъ баронъ Левенштернъ во время отступленія нашей арміи отъ города Люцена до крѣпости Швейдница находился ежедневно въ арріергардныхъ дѣлахъ и подавалъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ храбрости и неустрашимости своимъ подчиненнымъ. За такія отличившіе подвиги полковника барона Левенштерна, пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю себя отдать ему должную справедливость, какъ достойному, храброму, благоразумному и неустрашимому офицеру».

Но всѣ эти похвалы и смѣю даже сказать мои маленькіе успѣхи не принесли мнѣ никакой пользы. Я привыкъ къ этому и уже ни на что не надѣялся; къ тому же событія слѣдовали съ такою быстротою, и мнѣ приходилось такъ много дѣйствовать, что я и самъ не придавалъ особеннаго значенія этому подвигу, котораго было бы достаточно, чтобы упрочить репутацію человѣка болѣе счастливаго или относящагося заботливѣе къ своимъ личнымъ интересамъ. Но генераль Юзефовичъ не могъ простить мнѣ этой удачи и началъ угнетать меня, желая, такъ сказать, опекать меня. Онъ разсѣялъ безъ всякой надобности моихъ казаковъ, указывалъ мнѣ, какіе отряды формировать и куда ихъ посылать, самъ назначалъ офицеровъ, которые должны были командовать ими, и опредѣлялъ даже, какое именно посылать число лошадей, но онъ такъ мало былъ знакомъ съ подобнаго рода службою, что когда мы пробыли подъ его командою 36 часовъ, то изъ 800 лошадей бывшихъ въ моемъ распоряженіи у меня осталось не болѣе ста; а между тѣмъ, слу-

чись тревога, всё сказали бы: «Левенштернъ находится тамъ съ двумя полками казаковъ и его отрядъ достаточно силенъ, чтобы удержать неприятеля до тѣхъ поръ, пока мы успѣемъ сформироваться»; никто не повѣрилъ бы, что у меня подъ рукою всего сто лошадей. За то вечеромъ, когда я представилъ ему донесеніе объ израсходованныхъ мною въ этотъ день людяхъ, то онъ самъ испугался; но я успокоилъ его, показавъ ему истинную цифру этого расхода и объяснивъ, какимъ образомъ мнѣ удалось это сдѣлать. Это было очень просто: куда генераль приказывалъ мнѣ послать 50 человекъ, я посылалъ человекъ 10 или 12; опытъ показалъ мнѣ, что небольшіе обсерваціонные отряды дѣлаютъ дѣло такъ же хорошо, какъ и болѣе сильныя отряды; слѣдуя этой системѣ, не утомляешь понапрасну солдатъ и всегда имѣешь въ рукахъ достаточно людей на непредвидѣнный случай.

Несмотря на эти мелкія помѣхи и неприятности, я продолжалъ дѣйствовать энергично; мнѣ пришлось имѣть жаркое дѣло у Лобау.

Къ счастью, я отослалъ во-время батальонъ егерей, который былъ бы изрубленъ, если бы я имѣлъ глупость принять Леопольдсгайнское ущелье за Фермопилы.

Такъ какъ неприятель обошелъ мою позицію, то я уже не могъ замедлить марша, ибо иначе мой батальонъ немедленно былъ бы взятъ въ плѣнъ. Генераль Юзефовичъ, посовѣтовавшій мнѣ поставить батальонъ у опушки одного лѣсочка, чтобы задержать неприятеля, былъ бы, я думаю, очень доволенъ, если бы я сдѣлалъ эту ошибку; поэтому онъ былъ неприятно удивленъ, увидавъ, что батальонъ вступилъ въ боевую линію, не потерявъ ни одного человека: я выпутался изъ бѣды съ моими казаками и татарами. Графъ Паленъ не только не высказалъ мнѣ порицанія, но даже похвалилъ меня за то, что я не разыгралъ не кстати роль Леонида.

Прибывъ въ Лобау, я сжегъ мостъ, и мнѣ стоило большаго труда очистить городъ отъ нашихъ отсталыхъ солдатъ, которые занимались опустошеніемъ погребовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, мертвецки пьяные, такъ и остались въ погребахъ, а одинъ даже утонулъ въ погребѣ, гдѣ пролитое вино образовало лужу, въ которую онъ свалился и задохнулся.

Я подѣхалъ къ графу Палену, расположившемуся на одной возвышенности позади города, въ тотъ моментъ, когда онъ отдавалъ генералу Никитину приказаніе установить тамъ батарею, чтобы угостить неприятеля, который приближался къ намъ съ намѣреніемъ возстановить мостъ.

Давъ отдохнуть моимъ лошадямъ, онъ приказалъ мнѣ идти вдоль этой возвышенности, наблюдая за неприятелемъ, и оставаться въ непосредственномъ сообщеніи съ генераломъ Юзефовичемъ, который, будучи

со мною весьма любезенъ даже до приторности, никогда не упустилъ случая сдѣлать мнѣ непріятность.

Генералы Ланской и Винценгероде всегда посылали мои донесенія главнокомандующему и императору въ оригиналѣ, между тѣмъ, какъ Юзефовичъ, пользуясь тѣми данными, какія я доставлялъ ему, сообщалъ ихъ графу Палену, какъ свѣдѣнія, полученныя имъ лично, избѣгая называть мое имя и указать источникъ, изъ котораго имъ были получены эти свѣдѣнія. Не желая быть козлицемъ отпущенія Юзефовича и привыкнувъ быстро принимать рѣшенія, я просилъ графа Палена дозволить мнѣ присоединиться къ его главной квартирѣ, что онъ мнѣ тотчасъ и разрѣшилъ; но прежде нежели я успѣлъ прибыть туда, я узналъ, что онъ имѣлъ несчастіе быть раненымъ въ голову въ сраженіи при Левенбергѣ и что его перевезли, по его приказанію, въ Гольдбергъ, куда я и послѣдовалъ за нимъ.

Изложивъ графу причины, по которымъ я желалъ сложить съ себя командованіе моею частью, я сказалъ ему, что можно выносить утомленіе и опасности, коимъ я подвергался ежедневно, только въ томъ случаѣ, если начальство умѣетъ цѣнить ихъ, и что я твердо рѣшилъ не работать болѣе для Юзефовича.

Графъ Паленъ вполне одобрилъ меня и предложилъ остаться при немъ и немного отдохнуть отъ понесенныхъ мною трудовъ. Я съ радостью согласился на это и предался отдохновенію, надѣясь, что мнѣ удастся продлить это *dolce far niente* до окончательнаго выздоровленія графа.

Командующимъ аррьергардомъ вмѣсто графа Палена былъ назначенъ генералъ Васильчиковъ; онъ заѣхалъ по пути на короткое время къ графу.

Васильчиковъ былъ также одинъ изъ нашихъ доблестныхъ боевыхъ генераловъ. Былъ моментъ, когда мнѣ страшно захотѣлось поѣхать вмѣстѣ съ нимъ и отвѣдать снова счастье въ ежедневныхъ стычкахъ съ непріателемъ. Графъ Паленъ отговорилъ меня отъ этого, доказавъ мнѣ, что я нуждаюсь въ отдыхѣ и что успѣю возстановить свои силы до тѣхъ поръ, пока онъ поправится, а затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ со свѣжими силами примемся снова за дѣло.

Я рѣшилъ не покидать человѣка, котораго я привыкъ съ юныхъ лѣтъ любить и уважать; вдобавокъ мнѣ удалось отдѣлаться отъ Юзефовича; этого было въ настоящую минуту съ меня довольно.

Но, какъ читатель увидитъ, часы моего отдохновенія были уже сочтены.

XXXVIII.

Партизанскія дѣйствія Левенштерна и Фигнера.—М. Орловъ.—Жестокость Фигнера съ французами.—Графъ Бубна.—Операціи въ окрестностяхъ Глогау.—Перемірие.

Мы собирались сѣсть въ карету, чтобы слѣдовать за отступавшей арміей, когда прибылъ курьеръ отъ графа Витгенштейна, привезшій мнѣ письмо отъ его начальника штаба, генерала д'Оврэ (Auvray). Последній передалъ мнѣ приказаніе графа отправиться немедленно къ главнокомандующему. Кратковременный отдыхъ, коимъ я наслаждался, продолжался ровнехонько 36 часовъ! Но этого было достаточно для меня, чтобы отдѣлаться отъ генерала Юзефовича и вступить снова въ ту сферу дѣятельности, которая была моей стихіей. Графъ Витгенштейнъ приказалъ мнѣ перерѣзать операціонную линію французской арміи, оперировать энергично у нея въ тылу и, обойдя правый флангъ непріятели, приблизиться къ ея лѣвому крылу, идя по направленію къ Глогау. Мнѣ было приказано остаться какъ можно долѣе на коммуникаціонной линіи французовъ и перейти Одеръ ниже Глогау, постаравшись предварительно получить извѣстія отъ Бюлова или Воронцова, конимъ было поручено прикрывать Берлинъ.

Графъ Витгенштейнъ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій, разрѣшивъ выполнить это порученіе, какъ я найду болѣе удобнымъ, и требуя только, чтобы я извѣщалъ его о томъ, въ какомъ направленіи двигается непріяТЕЛЬСКАЯ армія, что было для него весьма важно.

Главногокомандующій предупредилъ меня, что подобное же порученіе возложено на полковника Фигнера и что хотя онъ предоставляетъ намъ полную свободу дѣйствій, но мы должны согласовать наши движенія такимъ образомъ, чтобы поддерживать другъ друга и соединиться при переправѣ черезъ Одеръ, такъ какъ непріяТЕЛЬ конечно постарается, во всякомъ случаѣ, затруднить намъ эту переправу, если возможно, даже и помѣшать ей.

Я былъ польщенъ довѣріемъ главнокомандующаго и поспѣшилъ къ аррьергарду генерала Васильчикова, чтобы принять снова командованіе бригадою казаковъ, которую генералъ Юзефовичъ считалъ уже, кажется, своею неотъемлемою собственностью. Онъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что я его оставилъ; я не повѣрилъ ни одному сказанному имъ слову. Не теряя времени на объясненія, я простился съ нимъ и, надѣясь на свою счастливую звѣзду, началъ снова смѣлую жизнь партизана.

Партизанъ долженъ дѣйствовать всегда спокойно и разсудительно, онъ долженъ спать въ тылу непріяТЕЛЬСКОЙ арміи такъ же спокойно, какъ

у себя въ постелѣ. Если партизанъ волнуется, если его тревожить его положеніе, то онъ никуда не годится.

Партизанскія дѣйствія могутъ быть успѣшны только при быстротѣ и рѣшительности движеній, и при соблюденіи величайшей тайны.

Партизанъ долженъ скрывать свои намѣренія ото всѣхъ; планъ дѣйствій долженъ быть у него въ головѣ, и если обстоятельства требуютъ, то онъ долженъ не задумываясь измѣнить его, даже не сходя съ лошади. При быстротѣ движеній онъ рѣдко имѣетъ возможность справиться съ картою мѣстности, которую онъ долженъ знать наизусть, и только въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ имѣть въ карманѣ или въ шапкѣ обрывокъ карты той мѣстности, гдѣ ему приходится дѣйствовать.

Выступая изъ какой-нибудь деревни, партизанъ долженъ идти въ сторону противоположную той, куда ему надобно направиться, чтобы крестьяне не могли указать неприятелю, куда онъ пошелъ; затѣмъ онъ долженъ окольными путями пробраться на настоящую дорогу. Дневныхъ маршей слѣдуетъ по возможности избѣгать, но съ другой стороны нельзя идти только ночью, въ особенности если хочеть напасть на неприятеля врасплохъ, ибо въ потьмахъ нельзя дѣйствовать навѣрняка.

Необходимо имѣть хорошихъ проводниковъ, и хотя это будетъ не особенно любезно по отношенію къ нимъ, но ихъ нельзя отпускать обратно, иначе какъ по прошествіи четырехъ или пяти дней, когда они уже не сумѣютъ болѣе ориентироваться.

Ихъ слѣдуетъ конечно щедро вознаграждать за эту принудительную задержку; это самое вѣрное средство заставить ихъ служить добросовѣстно. Проводники всегда были мнѣ очень полезны, и мой кошелекъ былъ всегда къ ихъ услугамъ; за то я могъ обходиться безъ штабныхъ офицеровъ.

Хотя партизанъ долженъ всегда имѣть строго обдуманннй планъ дѣйствій, но выполнение его зависитъ обыкновенно отъ столькихъ случайностей, что онъ не долженъ упорствовать на немъ, если это окажется затруднительно; партизанъ долженъ быть свободенъ въ своихъ движеніяхъ, какъ птица, рѣющая въ воздухѣ; все зависитъ отъ препятствій, какія онъ встрѣтитъ на пути, отъ свѣдѣній, какія будутъ имъ получены, и отъ того, какую добычу ему удастся захватить.

Цѣль партизана—нанести вредъ неприятелю; а въ какомъ именно пунктѣ, это не важно, лишь бы былъ достигнутъ желаемый результатъ.

Но, главное, надобно постоянно сообщать главнокомандующему точныя свѣдѣнія о движеніи неприятеля: въ этомъ заключается главная задача партизана. Для достиженія ея необходимо имѣть надежныхъ и ловкихъ агентовъ, которые умѣли бы искусно переодѣться и доставить кому нужно необходимыя свѣдѣнія; ихъ также необходимо щедро вознаграждать. Не имѣя таковыхъ агентовъ, придется зачастую совершать

усиленные марши для того, чтобы доставить главнокомандующему донесения и очутиться затѣмъ снова на одномъ изъ фланговъ непріятельской арміи; придется посылать смѣтливыхъ офицеровъ въ главную квартиру или на ближайшій постъ и слѣпить обратно, чтобы приняться за дѣло.

Партизанъ долженъ имѣть вѣрный глазъ, долженъ любить свое дѣло, быть неутомимымъ и не обращать вниманія на тревожныя свѣдѣнія, какія мѣстные жители сообщаютъ обыкновенно въ отвѣтъ на дѣлаемые имъ разспросы. Партизанъ долженъ быть всегда спокоенъ духомъ, долженъ имѣть хорошій, ровный характеръ, не долженъ думать о наградахъ и обязанъ дѣлать свое дѣло, какъ нѣчто пріятное само по себѣ.

Надобно умѣть внушить довѣріе солдатамъ и въ особенности вселить въ нихъ убѣжденіе, что непріятель долженъ бояться ихъ, а не они непріятеля. Это довѣріе можно внушить имъ, избѣгая вступать въ неравный бой съ непріятелемъ, т. е. съ превосходными его силами. Неудача неизбѣжно влечетъ за собою гибель партизана и надолго обезкураживаетъ его отрядъ.

Если шансы кажутся благопріятными, то нападеніе должно быть произведено стремительно; при этомъ нельзя допускать ни разсужденій, ни колебаній; надобно атаковать непріятеля съ быстротою молніи или вовсе отказаться отъ нападенія. Одержавъ хотя бы блестящій успѣхъ, партизанъ не долженъ оставаться на мѣстѣ, а долженъ тотчасъ двинуться далѣе, совершить форсированный маршъ и только тогда отдыхать. Человѣкъ, не обладающій присутствіемъ духа, которое столь необходимо во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, не долженъ браться за партизанское дѣло; онъ долженъ оставаться въ арміи, гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе, тогда какъ, находясь съ тылу непріятельской арміи, онъ надѣляетъ только глупостей.

Тамъ приходится дышать совершенно иной атмосферой; деревья, дороки, рѣки, деревни, даже самые жители, все кажется инымъ въ тылу непріятельской арміи. Надобно всегда быть при дѣлѣ, не развлекаться ничѣмъ, хитрить, не доѣдать, не досыпать и переносить всевозможныя лишения весело и бодро. Если начальникъ партизанскаго отряда будетъ унылаго и мрачнаго характера, то ему не сдобровать.

Я былъ свидѣтелемъ того, какъ весьма храбрые штабъ-офицеры, отличившіеся на полѣ битвы, не знали, что дѣлать, какъ только ихъ доставляли своимъ собственнымъ силамъ, и какъ они, желая все предусмотрѣть и звѣснить, были самыми жалкими начальниками летучихъ отрядовъ. Нѣкоторые изъ нихъ понимали свою неспособность и отказывались отъ этихъ обязанностей, иные же, ослѣпленные самолюбіемъ,

хотѣли во что бы то ни стало командовать летучими отрядами и ничего не въ состояніи были сдѣлать съ ними.

Такъ какъ въ тылу непріятельской арміи нѣтъ никого, кто бы могъ контролировать дѣйствія офицеровъ, то ихъ неспособность остается нѣ-которое время незамѣченной, но въ концѣ концовъ она обнаруживается, когда главнокомандующій не получаетъ необходимыхъ для него свѣдѣній. Бываютъ и такіе партизаны, которые, при всей своей способности и талантливости, не умѣютъ беречь людей,—послѣ одной или двухъ экспедицій ихъ отряды бывають измучены и становятся неспособными нести дальнѣйшую службу.

Михаилъ Орловъ, напримѣръ, человѣкъ безспорно способный и командовавшій летучимъ отрядомъ, съ которымъ онъ совершилъ подвиги, достойные величайшихъ похвалъ, не умѣлъ беречь своихъ солдатъ: онъ никогда не служилъ въ арміи. Блестящій штабный офицеръ, онъ не понималъ требованій будничной службы; онъ умѣлъ гарцовать передъ взводомъ на смотрахъ въ Петербургѣ, но плохо зналъ свойства лошади, ея силы и то, что отъ нея можно требовать, щадя ея здоровье. Однажды графъ Витгенштейнъ, хотѣвшій дать ему какое-то порученіе, объявилъ ему объ этомъ при мнѣ; Орловъ попросилъ дать ему другой отрядъ, объясняя, что его отрядъ не съ такую непосильную службу, что онъ изнемогъ.

Графъ Витгенштейнъ, старый опытный кавалеристъ, отнесся къ этой просьбѣ крайне неодобрительно и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вы несете такую же службу съ самаго начала кампаніи, не хотите ли и вы, чтобы я перемѣнилъ вашъ отрядъ?

Я отвѣчалъ отрицательно и, дѣйствительно, у меня ни у одной лошади не была стерта сѣдломъ спина, тогда какъ у Орлова почти всѣ лошади страдали этимъ. Надобно, однако, замѣтить, что его отрядъ былъ сформированъ изъ регулярной кавалеріи, а мой—изъ казаковъ.

Графъ Витгенштейнъ не далъ ему свѣжаго отряда, и Михаилъ Орловъ отправился въ главную квартиру арміи, гдѣ онъ вступилъ снова въ исполненіе обязанностей флигель-адъютанта, обязанностей, впрочемъ, весьма почетныхъ и выгодныхъ.

Михаилъ Орловъ, славный, честный малый, не сердился на меня за это; но спросилъ, что я дѣлаю для того, чтобы у меня не было больныхъ лошадей; отвѣтъ былъ простой, — я берегъ ихъ, какъ свой глазъ, и не требовалъ отъ нихъ ничего сверхъ силъ.

Но возвратимся къ моей экспедиціи.

Я совершилъ переходъ, чтобы присоединиться къ нашему крайнему лѣвому флангу и затѣмъ, взявъ лѣвѣе, выѣхалъ на дорогу въ Шенау (Schoenau), Ланъ и Любенталь, слѣдовательно, я уже находился на пра-

вомъ флангѣ французской арміи, которая объ этомъ и не подозрѣвала. Оттуда мнѣ было уже легко пробраться на ея коммуникаціонную линію.

Въ Ланѣ я встрѣтился съ другимъ начальникомъ летучаго отряда, генераломъ Кайсаровымъ, который долженъ былъ маневрировать на правомъ флангѣ непріятеля и ничего не предпринимая идти параллельно непріятельской арміи, по направленію къ Швидмицу.

Я шелъ всю ночь, чтобы перейти р. Бобръ до разсвѣта и очутиться на дорогѣ въ Левенбергъ и Гольдбергъ, когда никто этого еще не подозрѣвалъ бы; съ этого именно пункта я началъ свою экспедицію, но я находился тогда впереди непріятельской арміи, теперь же я былъ у нея въ тылу.

Я засѣлъ въ засаду въ большомъ, поросшемъ лѣсомъ оврагѣ, называемомъ Гайнъ-вальдъ (Haun-wald), гдѣ скрывался весь день и гдѣ взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, которые были весьма непріятно удивлены, встрѣтившись съ казаками въ тотъ моментъ, когда они шли по дорогѣ, считая себя въ полной безопасности.

Но достигнутый результатъ не удовлетворялъ меня; я рассчитывалъ на случай, на счастье, которое въ картахъ, какъ и на войнѣ, благоприятствуетъ тому, кто дѣйствуетъ смѣло и рѣшительно.

Если бы лошади походили на верблюдовъ и могли бы находиться по нѣсколько дней безъ питья, то можно было бы въ случаѣ надобности прятаться въ теченіе нѣсколькихъ дней, но ихъ необходимо поить: этимъ невольно обнаруживаешь свое присутствіе, что случилось и со мною. Впрочемъ, моя тревога продолжалась всего одну минуту, такъ какъ вмѣсто непріятельской колонны передо мною неожиданно появился на большой дорогѣ полковникъ Фигнеръ.

Мы оба ошиблись; онъ рассчитывалъ произвести энергичную атаку на меня, а я на него. Мы соединились съ нимъ и уже болѣе не разставались.

Мы намѣревались предпринять что-либо серьезное по направленію къ Гольдбергу или Левенбергу, но узнали, что Наполеонъ оставилъ въ этихъ пунктахъ сильныя гарнизоны и учредилъ около нихъ сильныя этапы.

Такъ какъ мы не могли оставаться тутъ долѣе по недостатку свѣтлыхъ припасовъ, то вышли на дорогу, которая вела въ Бунцлау. Я шелъ во главѣ колонны и, подойдя къ рѣчкѣ Бобръ, наткнулся неожиданно на двѣ артиллерійскія роты, шедшія въ Торгау для того, чтобы реорганизоваться. Атаковать ихъ и взять въ плѣнъ было минутнымъ дѣломъ.

Мы забрали шесть офицеровъ и 150 артиллеристовъ, кои не могли придти въ себя отъ изумленія, увидавъ, что они были взяты въ плѣнъ среди своей арміи: они провели ночь спокойно въ Левенбергѣ, гдѣ

никто не подозрѣвалъ о нашемъ присутствіи. Я разпрашивалъ ихъ о Наполеонѣ, о томъ, прошелъ ли онъ или когда долженъ былъ пройти, но они не умѣли или не хотѣли удовлетворить мое любопытство, думая, быть можетъ, что мнѣ могло придти въ голову напасть на него врасплохъ точно такъ же, какъ я атаковалъ неожиданно ихъ самихъ... Это могло случиться и даже имѣло нѣкоторые шансы на успѣхъ.

Такъ какъ у французскихъ офицеровъ, взятыхъ мною въ плѣнъ, были превосходныя лошади, то я разрѣшилъ имъ сѣсть на нихъ и ѣхать за мною во главѣ колонны; я всегда имѣлъ обыкновеніе ѣхать впереди отряда, чтобы слѣдить за всѣмъ своими собственными глазами, такъ какъ я все видѣлъ быстрѣе и дальше, нежели мои казаки. Я приказалъ вести плѣнныхъ между моей колонной и отрядомъ Фигнера, который, состоя изъ 2-хъ эскадроновъ Александрійскаго гусарскаго полка, 2-хъ эскадроновъ уланъ и полка бугскихъ казаковъ, шелъ за мною въ разстояніи одной версты.

Прийдя въ Нейдорфъ, гдѣ я рѣшилъ переночевать, я приказалъ дежурному офицеру раздать плѣннымъ съѣстные припасы.

Онъ уѣхалъ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія, и возвратился вскорѣ весь блѣдный и взволнованный, съ извѣстіемъ, что ни одного плѣннаго не осталось въ живыхъ.

Когда я уѣхалъ, полковникъ Фигнеръ приказалъ бугскимъ казакамъ перебить ихъ всѣхъ до одного.

Я былъ пораженъ такимъ распоряженіемъ и поспѣшилъ къ нему, чтобы осыпать его упреками. Но онъ отвѣчалъ мнѣ, съ спокойнымъ лицомъ, какъ будто совершилъ самое святое дѣло, что совѣсть ни въ чемъ не можетъ упрекнуть его, такъ какъ въ 1812 г. въ Россіи онъ поклялся передъ Богомъ, что никогда не пощадитъ жизни ни одного француза. Онъ хотѣлъ доказать мнѣ справедливость этого жестокаго поступка, объяснивъ побудительныя причины, которыя заставили его дать столь жестокою клятву, но я не хотѣлъ слушать его, ушелъ въ негодованіи и, видя, что дѣлу помочь нельзя, далъ себѣ слово не оставлять болѣе плѣнныхъ на его попеченіе.

Къ счастью, я спасъ офицеровъ, взявъ ихъ собою; они болѣе не разставались со мною и переправились черезъ Одеръ вмѣстѣ съ прочими плѣнными, взятыми мною позднѣе.

Одною изъ особенностей этого фанатичнаго и жестокаго человѣка было то, что онъ приказывалъ убивать только однихъ французовъ и поляковъ. Къ италіанцамъ, нѣмцамъ, голландцамъ и т. д. онъ относился снисходительно и нерѣдко помогалъ имъ деньгами.

Я провелъ, понятно, ночь крайне тревожно; несчастные французы, столь безжалостно убитые, не выходили у меня изъ головы.

Успокоившись, я терпѣливо выслушалъ Фигнера, объяснившаго мнѣ

причины своей ненависти къ французамъ и полякамъ; признаюсь, что, не оправдывая его, я понялъ, что съ его пылкимъ, увлекающимся характеромъ можно было дать подобную клятву.

Дѣйствуя съ партизанскимъ отрядомъ въ Россіи въ 1812 г., Фигнеръ увидалъ однажды, какъ французы и поляки, забравшись въ сельскую церковь, изнасиловали тамъ женщинъ и дѣвушекъ, распявъ предварительно нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ, чтобы лучше удовлетворить свою гнусную страсть.

Фигнеръ проникъ въ церковь, освободилъ женщинъ, которыя были еще живы и, павъ ницъ передъ алтаремъ, поклялся не щадить болѣе ни одного француза и поляка. Онъ приказалъ связать всѣхъ тѣхъ, кого онъ застигъ въ церкви на мѣстѣ преступленія, и такъ какъ зданіе было деревянное, то онъ велѣлъ поджечь его; виновные погибли ужасною, но вполне заслуженною ими смертію.

Волосы стали у меня дыбомъ, слушая этотъ разсказъ. Я ничего не отвѣтилъ ему; да и что бы я могъ сказать на это? Я отомстилъ бы вѣроятно виновнымъ точно такъ же, какъ онъ, но я не распространилъ бы свою месть на всю націю, до безконечности. Фигнеръ, своеобразный во всемъ, нерѣдко переодѣвался простымъ рабочимъ или крестьяниномъ и, вооружившись вмѣсто палки духовымъ ружьемъ и взявъ въ карманъ Георгіевскій крестъ, чтобы въ случаѣ надобности показать его казакамъ, которыхъ онъ могъ встрѣтить и тѣмъ доказать свою личность, онъ ходилъ одинъ на развѣдки въ то время, какъ всѣ отдыхали.

Мы имѣли дневку близъ Армада-Бруннъ (Armada-Brunn) въ прелестномъ мѣстечкѣ. Я позавтракалъ съ подполковникомъ Рейтерномъ, эскадроннымъ командиромъ Александрійскаго гусарскаго полка; трава служила намъ столомъ и ковромъ, и аппетитъ былъ у насъ на славу.

Въ этотъ моментъ Фигнеръ возвратился изъ экскурсіи, совершенной имъ пѣшкомъ, и привелъ съ собою плѣннаго француза, котораго онъ просилъ меня допросить, ибо онъ самъ не говорилъ по-французски. Я лежалъ на травѣ; плѣнный, обрадованный тѣмъ, что онъ услышалъ свой родной языкъ, всталъ передо мною на колѣна, чтобы лучше слышать то, что я ему скажу. Онъ не умѣлъ или не хотѣлъ отвѣтить на мои вопросы о томъ, къ какому армейскому корпусу и къ какой дивизіи онъ принадлежалъ, и т. п. и только указалъ мнѣ на пуговицы своего мундира и назвалъ имя своего сержантъ-майора.

Фигнеръ, у котораго глаза уже налились кровью, видѣлъ только упрямство въ томъ, что въ дѣйствительности могло быть незнаніемъ, такъ какъ во французской арміи умышленно скрываютъ отъ солдатъ названіе корпусовъ, въ которыхъ они служатъ, и ихъ командировъ.

Но Фигнеръ, замахнувшись надъ солдатомъ палкою, приказалъ ему отвѣчать; несчастный увѣрялъ его, что онъ никогда не слышалъ имени

ни своего корпуснаго, ни дивизионнаго командира; вдругъ несчастный палъ мертвый къ нашимъ ногамъ, обливаясь кровью, хлынувшею у него изъ рта. Оказалось, что Фигнеръ выстрѣлилъ ему въ голову изъ своего духоваго ружья.

Мы съ Рейтерномъ были такъ далеко отъ мысли о возможности подобной развязки, что были поражены отъ ужаса, быстро вскочили на ноги и готовы были убить Фигнера. Но онъ былъ начальникомъ подполковника Рейтерна и хотя не мой непосредственный начальникъ, но все же старшій въ чинѣ: и этотъ поступокъ съ нашей стороны могъ бы послужить весьма печальнымъ примѣромъ. Мы оставили Фигнера съ его жертвою, но я далъ себѣ слово разстаться съ нимъ при первой возможности.

Число нашихъ плѣнныхъ увеличивалось ежедневно; ихъ было уже свыше 700 человекъ, итальянцевъ и испанцевъ; Фигнеръ, прекрасно говорившій по-итальянски, взялъ ихъ подъ свое особое покровительство; онъ мечталъ сформировать изъ нихъ итальянскій легіонъ, который хотѣлъ назвать легіономъ мести, мечтая истребить при его помощи въ Италіи всѣхъ французовъ.

Онъ преслѣдовалъ этотъ планъ такъ настойчиво, что ему было разрѣшено сформировать легіонъ во время перемирія; я видѣлъ этихъ солдатъ, когда они выступили въ походъ уже въ формѣ, хорошо вооруженные и посаженные на прекрасныхъ лошадей; ихъ можно было принять за прекрасно обученное, старое войско. Фигнеръ былъ человекъ не урядный; онъ во многомъ проявлялъ выдающійся умъ.

Послѣ безцѣльнаго и гнуснаго убійства, совершившагося на моихъ глазахъ, я ѣхалъ впереди моего отряда одинъ, погруженный въ задумчивость, обдумывая это прискорбное событіе, какъ вдругъ я примѣтилъ, въ разстояніи приблизительно одной версты, коляску, которая быстро катилась по шоссе, конвоируемая нѣсколькими всадниками. Имѣя при себѣ двѣнадцать казаковъ, которые должны были сопровождать меня всюду, куда бы я ни поѣхалъ, я преслѣдовалъ этотъ экипажъ.

Я долго скакалъ и почти нагналъ коляску, но, замѣтивъ, что мои казаки отстали и что я былъ одинъ, я долженъ былъ остановиться и не могъ такимъ образомъ задержать экипажъ и того, кто въ ней сидѣлъ.

Вечеромъ я узналъ, что отъ меня ускользнулъ австрійскій генералъ графъ Бубна. Онъ ѣхалъ въ главную квартиру Наполеона. Я былъ очень доволенъ, что мнѣ не удалось задержать его, такъ какъ я былъ бы въ большомъ затрудненіи, не зная, слѣдовало ли отпустить его или отослать въ нашу главную квартиру. Австрія не была еще нашей союзницей, поэтому я не рѣшился бы самовольно отпустить графа. Нѣсколько лѣтъ спустя, графъ Нессельроде говорилъ мнѣ, что если бы я

задержалъ графа Бубна, то это причинило бы большія затрудненія нашему кабинету.

Изъ Нейдорфа я направился въ Бримкенау, откуда только-что выступилъ маршалъ Викторъ со своимъ армейскимъ корпусомъ; я захватилъ его лагерь, всѣхъ отсталыхъ и маркитанокъ, которыя охотно отвѣчали на любезности нашихъ солдатъ и продавали имъ водку и сосиски на наличныя деньги.

Мои солдаты провели вечеръ очень пріятно; маркитантки, которыя были отпущены на волю на слѣдующій день, не жаловались на оказанный имъ пріемъ; ни одна изъ нихъ не была ограблена. Можно ли сказать послѣ этого, что казаки не были галантными кавалерами.

Маршалъ Викторъ ни мало не подозрѣвалъ о томъ, что происходило въ оставленномъ имъ лагерѣ. Онъ узналъ объ этомъ только на слѣдующій день отъ маркитантокъ, которыя вернулись къ его отряду; но, вѣроятно, онѣ умолчали о нѣкоторыхъ подробностяхъ, относительно которыхъ женщины всегда бываютъ скрытны.

Местъ Фигнера не простиралась на женщинъ; онъ щедро заплатилъ за водку и за рагу изъ дичи, поданные ему прехорошенькой маркитанткой, переодѣтой гусаромъ.

Число моихъ плѣнныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, но я уже не поручалъ ихъ надзору Фигнера, хотя они стѣсняли меня и замедляли мои движенія. Я отдалъ въ распоряженіе казаковъ фургоны и экипажи, найденные мною въ лагерѣ, за исключеніемъ повозокъ маркитантокъ, которыя были имъ возвращены. Казаки были довольны этою любезностью съ моей стороны и выполнили мое приказаніе добросовѣстно.

Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ привели русскаго дезертира со звѣрскимъ лицомъ, вооруженнаго палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, который наводилъ ужасъ на жителей уединенныхъ поселковъ. Онъ заслужилъ того, чтобы его немедленно разстрѣляли, но я не хотѣлъ лишить подлежащихъ властей права казнить этого злодѣя; поэтому я приказалъ связать его и посадить подъ арестъ. Но мои молодые офицеры, съ подполковникомъ Рейтерномъ во главѣ, будучи навеселѣ, вздумали разыграть комедію суда, прочесть дезертиру смертный приговоръ и немедленно разстрѣлять его холостыми зарядами. Ему завязали глаза, велѣли ему стать на колѣна, а гусарамъ приказали стрѣлять въ него изъ ружей холостыми зарядами; они думали, что онъ упадетъ на землю, хотя бы отъ страха; не тутъ-то было: какъ только раздалися ружейныя выстрѣлы, подсудимый вскочилъ на ноги, сдернулъ съ глазъ повязку и громко расхохотался. Я прибѣжалъ на звукъ выстрѣловъ и когда мнѣ рассказали, въ чемъ дѣло, я пожурилъ молодыхъ людей и спросилъ негодяя, почему онъ не испугался. Онъ отвѣчалъ, продолжая посмѣиваться:

— Я догадался, что господа хотѣли позабавиться; если бы принесли пукъ розогъ, я струхнулъ бы; въ моемъ полку никого не разстрѣливаютъ.

Это былъ отъявленный негодяй; я полагаю, что когда его выдали мѣстнымъ властямъ, то онъ понесъ вполне заслуженное наказаніе за свои проступки.

Я ѣздилъ на лошади, у которой былъ очень длинный шагъ, поэтому мнѣ случалось нерѣдко ускакать одному впередъ далѣе, чѣмъ позволяла осторожность. Однажды, я вѣхалъ одинъ въ какую-то деревню и, проѣзжая мимо харчевни, увидѣлъ въ открытое окно человѣкъ съ десять французовъ, сидѣвшихъ за столомъ. Мнѣ не хватило терпѣнія обождать казаковъ, я подѣхалъ къ окну и, не сходя съ лошади, закричалъ имъ, чтобы они сдавались. Не подумавъ исполнить моего приказанія, они бросились къ ружьямъ; одинъ изъ нихъ прицѣлился въ меня. Повернуть лошадь назадъ значило бы погубить себя; поэтому я закричалъ имъ, что если кто-нибудь осмѣлится выстрѣлить, то ни одинъ изъ нихъ не останется въ живыхъ.

Мой увѣренный тонъ подѣйствовалъ; они не шевельнулись, тогда я приказалъ имъ сложить ружья въ углу. Подумавъ, что человѣкъ, который былъ совершенно одинъ, не могъ бы такъ угрожать имъ, они повиновались безпрекословно. Заслышавъ, наконецъ, топотъ моихъ солдатъ, я приказалъ французамъ выйти изъ дома и передалъ въ руки казаковъ двѣнадцать плѣнныхъ. Это происшествіе надѣлало шума; съ тѣхъ поръ казаки говорили обо мнѣ, что я одинъ могу взять въ плѣнъ 12 человѣкъ. Но заслуга была не велика. Не трудно брать плѣнныхъ имѣя отрядъ въ 1.500 человѣкъ конницы. Единственная опасность, могущая угрожать въ этомъ случаѣ, это то, что въ васъ могутъ выстрѣлить въ упоръ, но при счастіи и нѣкоторомъ присутствіи духа этого можно избѣжать. Надобно быть очень неблагоразумнымъ, чтобы сдѣлать такую неосторожность, какую я только-что продѣлалъ. Послѣ этого случая, мои ординарцы не позволяли мнѣ болѣе удалиться отъ нихъ.

Рѣзвые маркитантки сообщили маршалу Виктору о томъ, что мы посѣтили покинутый имъ лагерь, и онъ послалъ въ погоню за нами генерала Русселя со всей его кавалеріей.

Какъ только я узналъ достоверно, что генералъ Руссель гнался за мною по пятамъ, я оставилъ Нейтедтъ и остановился въ Фрейштадтѣ. Такое же движеніе выполнилъ Фигнеръ. Чтобы развязать себѣ руки, мы отправили изъ Фрейштадта нашихъ плѣнныхъ за Одеръ.

Намъ удалось такимъ образомъ перерѣзать въ тылу французской арміи всѣ его коммуникаціонныя линіи; я взялъ въ плѣнъ болѣе 800 человѣкъ и, кромѣ того, двѣ роты артиллеристовъ, распространилъ всюду тревогу и страхъ, вошелъ въ сообщеніе съ генераломъ Бѣло-

вымъ, получилъ весьма важныя извѣстія и наблюдалъ за Глогау, не потерявъ ни одного человѣка; мой отрядъ былъ бодръ и свѣжъ; лошади были въ превосходномъ состояніи.

Наша экспедиція увѣнчалась желаемымъ результатомъ; мнѣ и Фигнеру пора была возвратиться къ арміи, памятуя пословицу, что если повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить; наше присутствіе въ тылу непріятельской арміи не было уже тайною для французовъ, и насъ начали серьезно преслѣдовать.

Въ Фрейштадтѣ я поставилъ казаковъ бивуакомъ въ паркѣ замка графа Калькрейта, зятя графа Гаугвица, а самъ остановился въ замкѣ, гдѣ графъ принялъ меня любезно и предупредительно.

Въ то время, какъ я былъ въ Фрейштадтѣ, генераль Руссель прислалъ мнѣ парламентаромъ полковника съ извѣщеніемъ, что главнокомандующіе обѣихъ армій заключили перемиріе, и съ предложеніемъ мнѣ и Фигнеру прекратить непріязненные дѣйствія.

Я не былъ еще знакомъ въ то время съ генераломъ Русселемъ, честность и благородство котораго я вполне оцѣнилъ впоследствии, и памятуя исторію предъидущихъ войнъ, я зналъ, что гг. французскіе генералы не пренебрегали иногда пустить при удобномъ случаѣ въ ходъ подобную хитрость. Я не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію и просилъ парламентаря передать генералу, что буду считать себя въ правѣ продолжать непріязненные дѣйствія до тѣхъ поръ, пока не получу оффиціальнаго извѣщенія о заключеніи перемирія отъ моего начальства.

Генераль приказалъ сказать мнѣ, что если я не вѣрю тому, въ чемъ онъ даетъ мнѣ честное слово, то онъ силою прогонитъ меня изъ Фрейштадта, который по заключенной конвенціи входитъ въ его районъ и волею неволею заставитъ меня перейти Одеръ.

Эта угроза не произвела никакого впечатлѣнія ни на меня, ни на Фигнера. Я предложилъ французскому парламентарю отобѣдать со мною, а тѣмъ временемъ приказалъ двумъ полкамъ сѣсть на лошадей; Фигнеръ также выстроилъ своихъ гусаръ, уланъ и свой Бугскій полкъ въ боевой порядокъ; мы поставили ихъ на дорогу, которая шла прямо къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ кавалерійскій корпусъ генерала Русселя. Отобѣдавъ, я проводилъ французскаго полковника до того пункта, гдѣ были выстроены наши отряды и попросилъ его вести насъ на встрѣчу генералу Русселю, чтобы сократить ему на половину путь, когда онъ вздумаетъ прогнать насъ.

Полковникъ былъ храбрый воинъ временъ Наполеона; увидѣвъ, что мы были храбры и хвастливы, онъ попросилъ насъ постоять нѣкоторое время спокойно, и далъ намъ слово, что уговоритъ генерала Русселя не предпринимать никакого движенія до полученія приказаній отъ нашего начальства, которыя не могли замедлить.

*

И дѣйствительно, генераль Руссель не появился, а написал мнѣ прелюбезное письмо, позволивъ мнѣ воспользоваться отдыхомъ, въ которомъ я и мои солдаты чрезвычайно нуждались.

Французы умѣютъ цѣнить твердость и рѣшительность характера, но имъ надобно показать, что вы съумѣете настоять на своемъ. Если вы имѣли несчастіе выказать слабость, то они сядутъ вамъ на шею.

У меня произошло съ этимъ же французскимъ полковникомъ весьма неприятное столкновеніе, которое дало ему возможность составить себѣ вѣрное понятіе о моемъ характерѣ, далеко не столь мягкомъ, какъ можно было думать, судя по моему тщедушному тѣлу.

Этого полковника сопровождали четыре конныхъ егеря. Одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ ударить мирнаго жителя, который явился ко мнѣ съ жалобой. Я заявилъ полковнику, что требую немедленнаго удовлетворенія. Онъ обѣщалъ посадить егеря подъ-арестъ, но я не удовольствовался этимъ и настаивалъ, чтобы ему дали немедленно десять ударовъ саблею плашмя. Возмущенный этимъ предложеніемъ, полковникъ воскликнулъ, что это не принято во французской арміи, что тѣлеснаго наказанія не существуетъ и т. д.

Но я не хотѣлъ уступить и отвѣчалъ, что у насъ также не принято обижать мирныхъ жителей, отдавшихъ подъ наше покровительство, что виновный долженъ быть наказанъ и что, въ противномъ случаѣ, я отправлю его и его четырехъ егерей въ нашу главную квартиру, гдѣ это дѣло разберутъ люди поважнѣе насъ, и оно дойдетъ, вѣроятно, до Наполеона. Бѣднѣйшій полковникъ не зналъ, что дѣлать, но, видя, что со мной не сговорится, онъ далъ своему егерю десять ударовъ саблею, въ присутствіи всѣхъ жителей мѣстечка, собравшихся на площади. Егерь скрежеталъ зубами отъ ярости. Жители, весьма довольные, пришли гурьбою благодарить меня, а генераль Руссель, которому я рассказалъ объ этомъ впоследствии, одобрилъ мое поведеніе и сказалъ:

— Вы поступили такъ, какъ будто вы вѣкъ служили съ французами; для того, чтобы они васъ слушали и уважали, нужно имѣть желѣзный характеръ.

Въ Фрейштадтѣ жила со своею семьею супруга прусскаго генерала Гейстера. Насъ очаровали ея три прелестныя дочери, и мы вздумали дать въ честь ихъ балъ, который прошелъ весьма оживленно и удался какъ нельзя лучше.

Въ числѣ плѣнныхъ итальянцевъ оказалось два повара и мороженщикъ, они изготовили намъ превосходный ужинъ, какого жители Фрейштадта никогда не ѣдали.

Каждому изъ насъ хотѣлось разыграть маленькій романъ съ тремя граціями, которыя были царицами бала, но намъ помѣшало въ этомъ появленіе двухъ адъютантомъ: Фонтенелля, адъютанта принца Невша-

тельскаго, и Крамина, адъютанта Баркляя-де-Толли, которые привезли намъ приказаніе, чтобы всѣ партизаны и отдѣльные отряды, эшелонированные до Гамбурга, прекратили непріязненные дѣйствія и отступили за демаркаціонную линію, назначенную уполномоченными, собравшимися въ Неймаркѣ.

Получивъ официальное увѣдомленіе о заключеніи этой конвенціи, мы не имѣли болѣе предлога оставаться въ Фрейштадтѣ, который былъ нашей Капуей.

Я сдѣлалъ заранѣе всѣ необходимыя распоряженія, чтобы перейти Одеръ у Каролата; заявилъ объ этомъ генералу Русселю и назначилъ выступленіе на слѣдующій день.

Онъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта, чтобы изъяснить мнѣ свое удовольствіе по поводу того, что наше недоразумѣніе окончилось столь благополучнымъ образомъ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ одинъ безъ конвоя, чтобы заключить со мною мировую, и помѣстился въ томъ же самомъ замкѣ, гдѣ я остановился.

Пока дѣлались всѣ приготовленія къ выступленію, я взялъ почтовыхъ лошадей и, заручившись пропускомъ отъ генерала Руссея, проѣхалъ черезъ мѣстечко, гдѣ было разставлено на квартирахъ его войско, и направился въ Нейзальцъ, бойкое торговое мѣстечко, гдѣ я хотѣлъ учсть вексель въ 1.500 экю, который я имѣлъ на Берлинъ.

Возвратясь ночью въ Фрейштадтъ, я увидѣлъ всю кавалерію Руссея, расположившуюся бивуакомъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города; когда я пріѣхалъ къ нему, то онъ любезно сказалъ мнѣ, что онъ не хотѣлъ ввести ее въ Фрейштадтъ въ мое отсутствіе, чтобы доказать мнѣ, что онъ желалъ сдѣлать мнѣ пріятное.

Я переправился черезъ Одеръ въ пять часовъ утра и расположился въ Каролатскомъ замкѣ; разставивъ свой отрядъ по квартирамъ, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился въ Лиссу (въ Познани) къ генералу Винценгероде, который перенесъ туда свою главную квартиру, чтобы сформировать армейскій корпусъ, который долженъ былъ войти впослѣдствіи въ составъ сѣверной арміи.

XXXIX.

Служба во время перемирія.—Недоразумѣнія между нашими и французскими авангардами.—Сопровожденіе прусскаго короля по демаркаціонной линіи.—Свиданіе Левенштерна съ полковникомъ Семерн.

Я проѣхалъ не останавливаясь черезъ Фраунштадтъ и Лиссу, нахотившіеся въ герцогствѣ Познанскомъ, и явился къ генералу Винценгероде, который считалъ меня погибшимъ.

Генералъ Винценгероде былъ радъ увидѣть меня, и я съ удовольствіемъ встрѣтился со своими друзьями: Нарышкинымъ, Волконскимъ, Лопухинымъ, Ренни, Пашковымъ и другими, которые благодаря перемирію уже нѣсколько недѣль наслаждались отдыхомъ.

Мнѣ кажется, я также имѣлъ право на отдыхъ; я хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы отправиться къ генералу Барклаю въ Рейхенбахъ и похлопотать о себѣ, напомнивъ ему нѣкоторыя вещи, которыя повидимому были всѣми забыты.

Не тутъ-то было! генералъ Винценгероде не отпустилъ меня.

Ему нуженъ былъ человекъ, которому онъ могъ бы поручить наблюдение за демаркаціонной линіей и за блокадою Глогау; пустивъ въ ходъ обычное словечко: «способный и дѣльный офицеръ», онъ задѣлъ мое самолюбіе, и я былъ занятъ все время перемирія.

Къ моему отряду былъ присоединенъ полкъ донскихъ казаковъ Ребреева и полкъ полтавскихъ казаковъ; это была вновь сформированная никуда не годная милиція, но маіоръ Ребреевъ одинъ стоилъ цѣлаго полка: это былъ ученикъ Сысоева, истый типъ казака, въ самомъ блестящемъ значеніи этого слова.

Я устроилъ свою главную квартиру въ Фраунштадтѣ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ Фрейштадтомъ.

Демаркаціонная линія, за которой мнѣ велѣно было наблюдать, тянулась отъ Цоллихау вдоль Одера до Глогау и Кебена.

Вправо отъ меня находился полковникъ Прендель, влѣво — генералъ Ланской.

Согласившись взять на себя эту обязанность, я постарался оправдать возложенныя на меня ожиданія; во-первыхъ, я произвелъ рекогносцировку всей мѣстности, что заняло меня въ теченіе нѣсколькихъ дней, затѣмъ я разставилъ по всей линіи деревянные знаки съ номерами, чтобы казаки могли лучше ориентироваться, и запретилъ имъ подъ страхомъ самаго строгаго наказанія переходить за черту этихъ знаковъ и вступать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ сношенія съ французами, такъ какъ война еще не была окончена.

Въ то же время я строго блокировалъ Глогау; всякое сообщеніе

между жителями по сю сторону Одера было строжайшимъ образомъ воспрещено.

Вначалѣ все шло какъ нельзя лучше, но нѣкоторое время спустя возникли разныя недоразумѣнія, отчасти быть можетъ по винѣ моихъ казаковъ; чтобы предупредить столкновенія въ будущемъ, я былъ уполномоченъ войти въ переписку съ французскимъ генераломъ, командовавшимъ войскомъ по ту сторону демаркаціонной линіи.

«Ваше превосходительство, — писалъ я, — до моего свѣдѣнія дошло, что между вашими и моими аванпостами произошло столкновеніе. По мнѣ казакамъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ.

«Я вполнѣ увѣренъ, что это случилось безъ вашего вѣдома, тѣмъ не менѣе прошу ваше превосходительство извѣстить меня, чѣмъ именно были вызваны эти непріязненные дѣйствія, дабы я могъ наказать моихъ казаковъ, если они окажутся виновны, предупредить подобнаго рода столкновенія впредь, а въ противномъ случаѣ потребовать того же съ вашей стороны.

«Подобныя недоразумѣнія могутъ повлечь за собою непріятности, которыя въ свою очередь могутъ имѣть самыя серіозныя и нежелательныя послѣдствія, коихъ вамъ и мнѣ конечно слѣдуетъ избѣгать. Честь имѣю быть и проч. Левенштернъ, командующій демаркаціонной линіей и блокадою Глогау».

Фраунштадтъ, 8-го (20-го) іюня 1813 г.

Я получилъ отъ генерала Монтонъ-Дюверне, генераль-адъютанта Наполеона, командовавшаго дивизіей молодой гвардіи на Одерѣ, ниже слѣдующій отвѣтъ:

«Баронъ! Я полагалъ, что шагъ, сдѣланный по моему приказанію офицеромъ моего штаба, послѣ того какъ неосторожный начальникъ поста дозволилъ тремъ солдатамъ выстрѣлить въ вашихъ казаковъ, замѣченныхъ въ лодкѣ на правомъ берегу Одера, и объясненіе, данное по моему приказанію тѣмъ же офицеромъ тому, кто былъ посланъ вами на слѣдующій день для разъясненія этого дѣла, показало вамъ, что я весьма огорченъ происшедшимъ. Нынѣ еще разъ подтверждаю это съ особеннымъ удовольствіемъ.

«Я очень радъ, что молодой офицеръ, привезшій вамъ письмо (г. Бибиковъ), можетъ удостовѣрить, насколько я былъ удивленъ тѣмъ, что вопросъ объ этомъ маловажномъ событіи еще не рѣшенъ окончательно.

«Я желалъ бы, баронъ, чтобы между вашими аванпостами и аванпостами дивизіи, коей я командую, не происходило недоразумѣній, которыя могли бы быть истолкованы превратно.

«Нѣсколько вашихъ казаковъ бродятъ въ лѣсу на нашемъ берегу; полагая, что они заблудились, я отдалъ приказаніе обойтись съ ними вѣжливо въ случаѣ, если бы они были задержаны, и препроводить ихъ

къ вамъ. Надѣюсь, что эти казаки попали на берегъ, занятый нами, не съ праваго берега.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь, г. баронъ, настоящимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать вамъ совершенное мое почтение. Генераль-адъютантъ, командующій дивизіей на Одерѣ, Монтонъ-Дюверне».

Въ лагерѣ подъ Бейтеномъ, 20-го іюня 1813 г.

Поручикъ Бибиковъ, посланный мною съ письмомъ къ французскому генералу, передалъ мнѣ, что генераль принялъ его какъ нельзя лучше и пригласилъ отобѣдать. Бибиковъ осмотрѣлъ Бейтенскій лагерь, походившій на маленькій городокъ съ просторными бараками, лавками, ресторанами и т. п.

Первое недоразумѣніе, возникшее между нами и французами, окончилось такимъ образомъ благополучно, но вскорѣ возникли новыя столкновенія; между нами завязалась болѣе серьезная и ядовитая переписка, и генераль Дюверне препроводилъ ее маршалу Мортъе, который обратился за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ къ комиссіи, засѣдавшей въ Неймаркѣ. Эта переписка возникла между нами вслѣдствіе полученнаго мною отъ моихъ тайныхъ агентовъ извѣстія о движеніи барокъ, нагруженныхъ строевымъ лѣсомъ, срубленнымъ въ лѣсахъ короля прусскаго, для доставленія его по Одери въ Глогау.

Я приказалъ завладѣть барками, когда онѣ поравняются съ м. Каролатъ.

На этихъ баркахъ плыло челоуѣкъ двадцать французскихъ пѣхотинцевъ и военный комиссаръ.

Мое приказаніе было выполнено весьма ловко; барочки, уроженцы Силезіи, пристали къ моему берегу.

Я приказалъ тотчасъ разгрузить барки, чтобы ихъ не могли отнять у меня силою, отпустилъ на волю французскаго комиссара и солдатъ, а лѣсъ оставилъ у себя, какъ собственность короля, и передалъ его въ удѣльное вѣдомство.

Генераль Дюверне былъ взбѣшенъ этимъ, и у насъ завязалась переписка, въ которой мы наговорили другъ другу немало колкостей.

Вся эта переписка была препровождена генералу Винценгероде, а онъ представилъ ее государю, который приказалъ препроводить ее также въ комиссію въ Неймаркѣ.

Вотъ что писалъ мнѣ генераль Монтонъ-Дюверне:

«Г. баронъ! мнѣ донесли, что ваши посты, расположенные на Одерѣ, задержали три барки, нагруженные лѣсомъ, которыя плыли вверхъ по рѣкѣ, 20 французскихъ солдатъ, конвоировавшихъ эти барки, и военнаго комиссара.

«Чиновникъ, которому было поручено отвести барки, протестовалъ противъ этого насилія и видѣлъ, что барки были разгружены и что

находившійся на них лѣсъ былъ перевезенъ на телѣгахъ въ деревню Каролатъ.

«Судоходство по Одеру не прекращено актомъ о перемиріи; поэтому я нахожу, м. г., что командующій постомъ, задержавшій эти барки, заслуживаетъ порицанія и что барки, ихъ грузъ и конвой должны быть возвращены на правый берегъ, занятый нами, откуда онѣ послѣдуютъ далѣе, къ мѣсту своего назначенія.

«Я счелъ долгомъ задержать, до возвращенія мнѣ этого лѣса, одного прусскаго офицера, сопровождавшаго означеннаго чиновника до Бейтена; я увѣренъ, г. баронъ, что какъ только все случившееся дойдетъ до вашего свѣдѣнія, то вы распорядитесь, чтобы мое требованіе было удовлетворено и чтобы подобныя вещи больше не повторялись на линіи, коей вы командуете, ибо это есть единственное средство пресѣчь въ будущемъ всякія недоразумѣнія и споры между вашими и мои постами.

«Честь имѣю быть и т. д. Монтопъ-Дюверне».

20-го іюля 1813 г. Лагерь при Кролеввицѣ.

Я отвѣчалъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство, я только-что получилъ донесеніе офицера, командующаго постомъ близъ Каролатъ, и не могу достаточно выразить вамъ своего изумленія по поводу задержки прусскаго унтеръ-офицера Лоренца (онъ не офицеръ, какъ вы его называете) и заключенія его въ тюрьму, что можетъ дать поводъ думать, будто имъ совершено какое-либо преступленіе.

«Я требую, ваше превосходительство, чтобы онъ былъ немедленно освобожденъ, такъ какъ этотъ человѣкъ совершенно не причастенъ къ дѣлу о задержаніи барокъ.

«Барочники добровольно направили къ лѣвому берегу Одера свои барки, нагруженныя лѣсомъ.

«Они избрали единственное, бывшее въ ихъ власти, средство спасти грузъ и барки, составляющія безспорно ихъ собственность. Вы завладѣли ими силою и лишились ихъ благодаря нашей хитрости. Я отослалъ къ вамъ солдатъ и комиссара, которые были нами задержаны.

«Барки принадлежатъ бѣднымъ и безъ того уже достаточно несчастнымъ жителямъ Силезіи, а лѣсъ — королю прусскому, нашему августѣйшему союзнику; слѣдовательно, я обязанъ защищать все то, что принадлежитъ имъ; и поэтому не возвращу ни барокъ, ни лѣса иначе, какъ получивъ на то приказаніе отъ комиссіи, засѣдающей въ Неймаркѣ, которая одна можетъ быть компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ.

«Если послѣ всего этого вы не пожелаете возвратить мнѣ прусскаго унтеръ-офицера, то я конечно не имѣю возможности принудить васъ къ тому.

«При томъ Лоренцъ, переѣхавъ черезъ Одеръ безъ моего разрѣшенія,

нарушилъ этимъ свой долгъ и заслуживалъ наказанія. Онъ уже наказанъ вами. Но я долженъ сказать, въ его оправданіе, что онъ переплылъ рѣку съ цѣлью проводить вашего комиссара и служить ему переводчикомъ, — обязанность, которую онъ несъ въ Карлатѣ, и въ случаѣ надобности, защитить его отъ неприятностей со стороны казаковъ, которые, будучи такими же простыми людьми, какъ ваши солдаты, не разсуждаютъ о правѣ людей и коихъ слова и поступки не всегда бывають строго обдуманы.

«Мнѣ кажется, что одно это намѣреніе заслуживаетъ, чтобы къ нему отнеслись иначе. Честь имѣю и проч».

Фраунштадтъ 28-го іюля 1813 г.

Въ то время какъ мы вели эту бумажную войну, я получилъ отъ генерала Винценгероде приказаніе отправиться въ Гуленъ, чтобы встрѣтить и эскортировать короля прусскаго вдоль демаркаціонной линіи. Король ѣхалъ изъ Рейхенбаха въ Берлинъ.

Я пріѣхалъ въ Гуленъ за нѣсколько часовъ до короля и, приготовивъ все для его пріема, терпѣливо ожидалъ его пріѣзда.

Его величество вскорѣ пріѣхалъ, но остановился только для того, чтобы смѣнить лошадей.

Я рапортовалъ ему; услыхавъ мою фамилію, онъ спросилъ меня, тотъ ли я Левенштернъ, который передъ сраженіемъ при Люценѣ защищалъ Козенское ущелье; на мой утвердительный отвѣтъ, его величество поблагодарилъ меня зато, что я донесъ о подвигѣ, совершенномъ однимъ изъ его конвойцевъ, припомнилъ, что его звали Пьетри, и присовокупилъ, что это особенно памятно ему потому, что это былъ первый пруссакъ, получившій въ эту войну, по моему представленію, Георгія.

Я сдѣлалъ низкій поклонъ и такъ какъ лошади были уже запряжены, то я вскочилъ на коня, чтобы эскортировать короля съ пятьюдесятью казаками, выбранными мною съ этой цѣлью.

Выѣхавъ изъ деревни, король поздравилъ меня къ коляскѣ, поблагодарилъ и не позволилъ сопровождать его далѣе.

Я былъ этимъ весьма доволенъ и, раскланявшись съ генераломъ Сухтеленемъ и англійскимъ посланникомъ Торнтономъ, которые сопровождали короля, простился съ графомъ Врангелемъ, состоявшимъ при особѣ его величества, и возвратился въ Фраунштадтъ, гдѣ я засталъ еще одно письмо отъ генерала Монтонъ-Дюверне, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ свиданіе для того, чтобы рѣшить окончательно возникшее между нами недоразумѣніе.

По тону и по самому содержанію этого письма я увидѣлъ, что мое послѣднее письмо произвело желаемое дѣйствіе. Генераль Монтонъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, т. е. что я не намѣренъ выслушивать

отъ него наставленій и что я могу говорить съ нимъ, какъ равный съ равнымъ.

Все сдѣланное мною такъ же, какъ и мои письма, были одобрены генераломъ Винценгероде, который донесъ обо всемъ императору, и его величество выразилъ ему свое полное удовольствіе по поводу моего энергичнаго и твердаго образа дѣйствій.

Коммиссія, засѣдавшая въ Неймаркѣ, также рѣшила это дѣло въ мою пользу, и мнѣ было приказано не возвращать ни барокъ, ни ихъ груза.

Такъ какъ генераль Винценгероде разрѣшилъ мнѣ имѣть свиданіе съ генераломъ Монтонъ-Дюверне, то я спросилъ его письменно, гдѣ и когда я могу съ нимъ встрѣтиться.

Въ тотъ же день я получилъ очень любезное письмо отъ маршала герцога Тревизскаго съ просьбою передать отъ него письмо генералу Винценгероде, съ которымъ онъ познакомился въ то время, когда Винценгероде находился въ Москвѣ во время пребыванія тамъ французовъ.

Я узналъ впоследствии, что Наполеонъ, до свидѣнія котораго дошли всѣ подробности нашего дѣла, былъ очень недоволенъ, сдѣлалъ выговоръ своему генераль-адъютанту и приказалъ своимъ генераламъ поддерживать съ нами впредь доброе согласіе.

Я выѣхалъ въ ночь въ Каролатъ, гдѣ намѣревался ожидать генерала Монтонъ, но еще передъ отъѣздомъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ, выражая свое сожалѣніе по поводу того, что случайное нездоровье не позволяетъ ему встрѣтиться со мною, онъ сообщалъ мнѣ, что по его порученію, на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра явится для переговоровъ со мною на островъ, лежащій напротивъ Бейтена, полковникъ баронъ де-Семери, начальникъ штаба его дивизіи.

Въ 8 часовъ утра я былъ на берегу, напротивъ острова, лежащаго на Одерѣ, и сѣлъ съ двумя казаками въ лодку въ тотъ самый моментъ, когда французскій офицеръ отчалилъ отъ противоположнаго берега, сопровождаемый двумя стрѣлками.

Мы пристали одновременно къ острову, и знакомство скоро завязалось.

Полковникъ Семери оказался человѣкъ весьма любезный, предупредительный, и мы быстро покончили съ нимъ всѣ вопросы, а затѣмъ, растянувшись на травѣ, стали бесѣдовать о всевозможныхъ вещахъ, о Парижѣ, Чернышевѣ, котораго полковникъ часто встрѣчалъ въ парижскихъ салонахъ и которому онъ просилъ передать поклонъ.

Въ концѣ концовъ онъ высказалъ мнѣ, что во французскомъ лагерѣ очень ошибались на мой счетъ, судя по моимъ поступкамъ и перепискѣ, они считали меня человѣкомъ злымъ, съ длинной бородою и фізіономіею татарина, и что онъ весьма удивленъ моею чисто европейскою наружностью, которая была бы на мѣстѣ въ самыхъ лучшихъ

парижскихъ салонахъ. Французы всегда любятъ польстить и, сказавъ: «вы были бы на мѣстѣ въ Парижѣ», они воображаютъ, что сказали вамъ этимъ величайшую любезность.

— Судя о васъ по письмамъ,—сказалъ онъ,—мы полагали, что вы человѣкъ очень непріятный, но вы кажетесь мнѣ теперь такимъ стоворчивымъ и любезнымъ, что я начинаю думать, что мы ошибались.

Я отвѣчалъ ему, что я только исполнялъ всегда свой долгъ и ненавижу всякіе происки, что я и доказалъ, поспѣшивъ явиться на приглашеніе генерала Монтона. Но если мнѣ угрожаютъ, то я становлюсь неговорчивъ.

Мы разстались довольные другъ другомъ и послѣ этого свиданія дѣлали, каждый со своей стороны, все возможное, чтобы поддержать спокойствіе, въ которомъ мы всѣ нуждались.

Но это спокойствіе было еще разъ нарушено претензіями, заявленными комендантомъ крѣпости Глогау, генераломъ Лапланомъ, который, привыкнувъ, какъ и всѣ французскіе генералы, быть полновластнымъ хозяиномъ въ завоеванной странѣ, хотѣлъ проявить свою власть и по отношенію ко мнѣ.

Но онъ ошибся и вскорѣ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ; при всемъ своемъ миролюбіи, я не позволилъ ему нарушать мои права.

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость генералу Лаплану; онъ, со своей стороны, также постарался какъ можно скорѣе устранить возникшія недоразумѣнія. Неудача, постигшая генерала Монтона, заставила его вѣроятно дѣйствовать осторожнѣе, а, быть можетъ, ему было болѣе свойственно падить самолюбіе своего противника.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.
ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.
АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН

- I. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.
53—75, 277—306, 497—522
- II. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Перев. В. В.
Тимошукъ . . . . . 153—168, 373—394
- III. Записки генерала В. И. Левенштерна.
177,—195, 427—444, 643—668
- IV. Воспоминанія Валеріана Александр. Панаева. 473—490
- V. Изъ записокъ стараго преображенца, 1853 г.
Князя Н. К. Имеретинскаго . . . . 567—586
-

Портреты.

- I. Портретъ Дмитрія Самозванца. Грав. И. И.
Хелмицкій.
(При 4-ой книгѣ).
- II. Портретъ протоіерея І. І. Базарова въ мо-
лодости. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 5-ой книгѣ).
- III. Портретъ Ивана Ермолаевича Великополь-
скаго.
(При 6-ой книгѣ).
-

Исследования.— Историческіе и біографическіе очерки.— Переписка.— Раз-
сказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Императоръ Николай I и восточный вопросъ (1828—1830 гг.) (Оконч.) Н. К. Шильдера.	5—32
II. Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I. В. А. Бильбасова.	33—41
III. Указъ Св. Синоду о расторженіи брака великаго князя Константина Павловича 29-го марта 1820 г.	42
IV. Ссоры мои съ тремя министрами. (Изъ переписки П. С. Валуева). Сообщилъ П. Я. Дашковъ.	43—52
V. Письмо И. С. Тургенева къ К. Д. Кавелину объ Обществѣ распространенія грамотности 10-го сентября 1860 г. Сообщ. Ив. Кубасовъ.	70
VI. По поводу разсказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу. Проф. А. И. Кирпичникова.	71—81
VII. Письмо князя А. Горчакова—С. К. Вязмитинову о встрѣчѣ С.-Петербургскаго ополченія 7-го іюня 1814 года.	82
VIII. Россія и папскій престоль. П. Пирлинга. (Съ французскаго).	83—118, 313—347, 523—560
IX. Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ. Сообщилъ А. Мердеръ.	119—121
X. Письмо И. И. Дмитріева гр. Н. П. Румянцеву 9-го октября 1814 г.	122
XI. Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго А. И. Тургеневу. Сообщ. П. Н. Тургеневъ.	123—138
XII. Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 г.	139—144
XIII. Къ исторіи польской смуты 1863 года: 1) Воззваніе бѣлорусса православнаго къ бѣлоруссамъ католикамъ. 2) Всеподдан. адресъ православныхъ дворянъ Могилевской губ. Сообщ. Г. Н. Гортыньскій.	145—150
XIV. Измѣна Мазепы. Сообщ. М. К. Марченко.	151—152
XV. Письмо А. Тургенева—Н. Карамзину 11-го авг. 1819 г. Сообщ. П. Н. Тургеневъ.	169—170
XVI. Ѳедоръ Николаевичъ Львовъ. Сообщ. Вл. С. Манассеинъ.	171—175
XVII. Донесеніе о смерти кн. Арк. Александровича Суворова-Рымникскаго 30-го апр. 1811 г. Сообщ. В. Алексѣевъ.	176
XVIII. Оправдательное письмо М. А. Милорадовича—М. Б. Барклаю-де-Толли 4-го мая 1810 г.	196
XIX. Три письма Н. С. Мордвинова къ Іер. Бентаму. Сообщ. В. Викторовъ.	197—202
XX. Изъ прошлаго Забайкалья. М. Грулева.	203—224
XXI. Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г. В. П.....	225—233

XXII.	Портретъ Державина въ Иркутскѣ. Сообщ. В. П.	234
XXIII.	Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ. (Изъ собранія писемъ Павла Васильевича Жуковского). Сообщ. А. А. Оминъ.	235—275
XXIV.	Который Капнисть? Сообщ. В. А. Бильба-совъ.	276
XXV.	Присяга императору Николаю I въ Тулѣ. Н. Д.	307—311
XXVI.	Лунное затменіе въ началѣ XVIII вѣка. Сообщ. М. К. Марченко.	312
XXVII.	Еврейскій самосудъ. Сообщ. А. Мердеръ.	348
XXVIII.	Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ. П. Д. Стремоухова.	349—361
XXIX.	Народные подвиги въ 1812 г.	362
XXX.	О народномъ просвѣщеніи въ Россіи. (Всеподданнѣйшая записка попечителя Харьковскаго университета Перовскаго) 20-го апрѣля 1826 г.	363—367
XXXI.	Собственноручное письмо Б. П. Шереметева къ кн. А. Д. Меншикову. Сообщ. М. К. Марченко.	368
XXXII.	Размолвка В. Р. Марченко съ графомъ Аракчеевымъ. Сообщ. Н. Д.	369—371
XXXIII.	Письмо А. Болотова П. С. Щепкину. Спб. 20-го сент. 1827 г.	372
XXXIV.	Письмо П. С. Нахимова, 19-го марта 1854 г., по поводу синопской побѣды. Сообщ. А. Х. Алкалаевъ.	395—396
XXXV.	Изъ переписки Н. А. Полеваго. Сообщ. Н. К. Козьминъ.	397—413
XXXVI.	Послѣдствія невыученнаго урока музыки. Сообщ. А. Мердеръ.	414
XXXVII.	Петербургскіе нравы въ концѣ 20-хъ годовъ.	415—416
XXXVIII.	Забитый подвигъ. * * *	417—426
XXXIX.	Памятникъ гражданину Мину и князю Пожарскому.	445—447
XL.	Исполины. Стихотвореніе А. И. С-ва.	448
XLI.	Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. Н. К. Шильдера.	449—472
XLII.	Резолюціи императора Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г. Сообщ. ст. секр. В. И. Вешняковъ.	491—495
XLIII.	Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ посредниковъ.—Жидовскіе кумиры. Сообщилъ А. Мердеръ.	496
XLIV.	Замѣчанія кн. А. Н. Голицына на нецензурность «Военнаго Журнала» 1818 г.	561—565
XLV.	Письмо И. И. Дмитриева къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу 21-го ноября 1818 г.	566
XLVI.	Цензура медицинскихъ сочиненій въ 1819 г.	587—594

XLVII. Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27-го и 28-го декабря 1877 г. подъ Шипкой. В. Дмитриевскаго.	595—624
XLVIII. Изъ архива И. Е. Великопольскаго.	625—641
II. Приказъ военнаго министра Барклай-де-Толли съ запрещеніемъ частнымъ начальникамъ производить пушечную пальбу по произволу.—О приселеніи малороссіанъ къ войску донскому .	642

Библиографическій листокъ.

1. Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера Генеральнаго штаба. Часть 1-я. На войнѣ. П. Паренсова. Изданіе исправленное, дополненное, съ картинками, планами, портретами и рисунками. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ апрѣльской книжки).
2. А. В. Половцовъ. Прогулка по Русскому музею императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39-ю рисунками. Москва. 1900 г. Его же (тамъ же).
3. Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки и техники и политическихъ событій. Подъ общюю редакціей М. М. Филиппова, съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ майской книги).
4. И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Часть первая: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнь у французовъ.—Письма изъ Италіи.—Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина. Часть вторая: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ. Спб. 1901 года. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ июньской книги).

Приложенія.

Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ А. И. Бычковъ. 1—96

Лишь бы поскорѣе все, что надобно, высказать. Это бы дало болѣе свободы и вѣрности дѣйствовать.

Четвергъ. Утро прошло прекрасно въ добрыхъ мысляхъ. Письмо къ Дуняшѣ ¹⁾ и Машѣ ²⁾.

Марш(альскій) обѣдъ. Покраснѣлъ безъ причины. Разгов(оръ) за обѣд(омъ) о голосѣ. Дурацкая прогулка. Послѣ обѣда у Ливенши съ Сам(ойловою) ³⁾ и Шув(аловою) ⁴⁾. Споръ молодости со старостью ⁵⁾.

15, пятница. Прог(улка) въ саду. Моденъ ⁶⁾. Обѣдня. Карамзинъ ⁷⁾. Въ библиотекѣ. Встрѣча на лѣстницѣ. Разговоръ до обѣда о голосѣ: Нарышкинъ, Берольдинггенъ ⁸⁾. Обѣдъ: Лейтонъ ⁹⁾. Послѣ обѣда. Дверь. Записки. Начало. M-eille Rooma ¹⁰⁾. Совѣтъ. 10 августа ¹¹⁾. Романъ. Сонъ. Монологи. Шампанское. Письмо Дуняши ¹²⁾. Письма.

Начатое 10 июля 1819 года, посланіе это было окончено 2 августа того же года (см. Бумаги В. А. Жуковского, стр. 82 и 83). Хронологическія помѣты черновой рукописи этого посланія въ связи съ приведенными строками дневника Жуковского подъ 13 августа 1819 года („она принадлежит товарищу“, т. е. В. А. Перовскому) положительно разрѣшаютъ вопросъ о годѣ написанія посланія. Цѣнный матеріалъ для выясненія отношеній Жуковского къ графинѣ Самойловой напечатанъ въ недавно изданной брошюрѣ Н. К. Кульмана „Рукописи В. А. Жуковского, хранящіяся въ библиотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ“ (Спб. 1901), стр. 1—43. Объ отношеніяхъ Жуковского и Перовскаго къ графинѣ Самойловой см. также въ статьѣ Ив. Захарьина (Якунина) „Дружба Жуковского съ Перовскимъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1901 года, апрѣль, стр. 528—534.

¹⁾ Авдотья Петровна Кирѣевской.

²⁾ Марья Андреевна Мойеръ, рожд. Протасовой. М. А. Протасова вышла замужъ за дерптскаго профессора И. Ф. Мойера въ 1817 году.

³⁾ Съ графиней С. А. Самойловою.

⁴⁾ Съ графиней Екатериною Петровною Шуваловою, фрейлиною великой княгини Александры Теодоровны.

⁵⁾ Графиня Ш. К. Ливенъ было въ то время 76 лѣтъ (она родилась въ 1743 году).

⁶⁾ О немъ см. выше, стр. 57, прим. 9-е.

⁷⁾ Н. М. Карамзинъ проводилъ лѣто 1819 года въ Царскомъ Селѣ.

⁸⁾ Виртембергскій посланникъ въ Петербургѣ (съ 1816 по 1822 г.) графъ Игнатій Берольдинггенъ.

⁹⁾ Лейбъ-медикъ Иванъ Ивановичъ Лейтонъ.

¹⁰⁾ Англичанка, компаньонка гр. С. А. Самойловой (см. Н. К. Кульманъ, „Рукописи В. А. Жуковского, хранящіяся въ библиотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ“ (Спб. 1901), стр. 3, прим. 1-е).

¹¹⁾ 10 августа 1819 года было написано Жуковскимъ стихотвореніе „Жизнь. (Видѣніе во снѣ)“ (см. Стихотворенія Жуковского, изд. 9-е, т. II, стр. 75—78),—очевидно, подъ впечатлѣніемъ того чувства, которое пробудилось у Жуковского къ гр. Самойловой.

¹²⁾ См. выше, прим. 1-е.

Чтеніе. Княг(иня) Волх(онская) ¹⁾ предъ чтеніемъ. Послѣ обѣда минутная прогулка. Гусары. Шторхъ ²⁾. О смерти.

16, суббота. Въ Сарскомъ Селѣ. Лонгиновъ ³⁾. Разгов(оръ) съ Ек(а-териною) Андр(еевною) ⁴⁾. Плюскова ⁵⁾. Тимофеева. Обѣдъ у Гауеншильда: ⁶⁾ Фесслеръ ⁷⁾, Крузенштернъ ⁸⁾. Послѣ обѣда у Карамзина. Велеурскій ⁹⁾. К(нязь) Волхонскій ¹⁰⁾. Тургеневъ ¹¹⁾. Плюскова.

17, воскр(есеніе). Крестины ¹²⁾. Перовскій. У Ливенши. У новокрещенной ¹³⁾. Обѣдъ. Воронцовъ ¹⁴⁾. Стихи ¹⁵⁾. Балъ у Кочубея ¹⁶⁾. По-

¹⁾ Гофмейстерина великой княгини Александры Ѳеодоровны, княгиня Александра Николаевна Волконская.

²⁾ Академикъ Андрей Карловичъ Шторхъ (р. 1766 † 1835), извѣстный трудами по статистикѣ и политической экономіи, былъ чтецомъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны и наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

³⁾ Николай Михайловичъ, секретарь императрицы Елизаветы Алексѣевны; онъ умеръ въ 1853 году въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

⁴⁾ Карамзиною, супругою исторіографа.

⁵⁾ Наталья Яковлевна, фрейлина, хорошая знакомая Карамзинныхъ.

⁶⁾ Ѳеодоръ (Фридрихъ) Матвѣевичъ Гауеншильдъ былъ директоромъ благороднаго лицейскаго пансіона въ Царскомъ Селѣ съ 1814 по 1822 годъ; онъ же былъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ Лицеѣ.

⁷⁾ Извѣстный Игнатій Фесслеръ († 1839), вызванный въ 1810 году въ Россію Сперанскимъ, занявшій въ этомъ году катедру философіи въ С-Петербургской духовной академіи, но черезъ пять мѣсяцевъ принужденный покинуть не только академію, но и Петербургъ. Фесслеръ избралъ себѣ мѣстожительствомъ Саратовскую губернію; въ концѣ іюля или началѣ августа 1819 г. онъ пріѣхалъ въ Павловскъ и Царское Село (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 280); въ октябрѣ 1819 года онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ и предсѣдателемъ Саратовской евангелической консисторіи.

⁸⁾ Иванъ Ѳеодоровичъ (р. 1770 † 1846), морякъ и кругосвѣтный плаватель.

⁹⁾ Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій (р. 1788 † 1856), въ то время камеръ-юнкеръ и состоявшій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, впоследствии оберъ-шенкъ. Человѣкъ весьма образованный и даровитый, онъ былъ большой любитель музыки.

¹⁰⁾ Вѣроятно, князь Петръ Михайловичъ, начальникъ Главнаго штаба, впоследствии фельдмаршалъ и министръ императорскаго двора.

¹¹⁾ Александръ Ивановичъ.

¹²⁾ Великой княжны Маріи Николаевны.

¹³⁾ У великой княжны Маріи Николаевны.

¹⁴⁾ Вѣроятно, за обѣдомъ шла рѣчь о графѣ М. С. Воронцовѣ, женившемся 20 апрѣля 1819 года на графинѣ Елизаветѣ Ксаверіевнѣ Враницкой, и предстоящемъ его пріѣздѣ изъ-за границы въ Россію. Графъ Воронцовъ покинулъ Францію въ сентябрѣ 1819 года; въ Бѣдую Церковь онъ пріѣхалъ въ началѣ ноября (новаго стиля), а въ Петербургъ въ концѣ декабря 1819 года (см. его автобіографію въ Архивѣ князя Воронцова, т. XXXVII, стр. 69—70).

¹⁵⁾ Вѣроятно, начало стихотворенія „Праматерь внукъ“, написаннаго на первое причащеніе великой княжны Маріи Николаевны (стихотвореніе это носило сначала заглавіе: „17 августа 1819 года“, о чемъ см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ бібліотекѣ гр. Вобринскихъ, Сиб. 1901, стр. 11). Окончательно отдѣлано оно было 23 августа (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 83).

¹⁶⁾ Графа Виктора Павловича. „Третьяго дня,—писалъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому 19 августа 1819 г.—вечеру, въ Царскомъ Селѣ, живущіе тамъ генералъ-адъютанты, графъ Кочубей и другіе дали прекрасный балъ, къ которому была приглашена павловская и царскосельская публика“ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 292).

ѣздка въ Сарское Село съ Перовск(имъ). К(нязь) Баратовъ Шанки.

18, понед(ѣльникъ). У Н(атальи) Фодотовны¹⁾: je ne sais quoi²⁾. У Фридрихсъ³⁾. Обѣдъ съ государ(ынею). Разговоръ о балѣ; il ne sait rien⁴⁾. За обѣдомъ—Фридрихсъ. Послѣ обѣда. Картина. Музыка. Вечеръ. Чтеніе Naufrage⁵⁾. Mon enfant⁶⁾. Увѣдина⁷⁾. Гусары въ окнѣ; велик(ій) князь.

19, вторникъ. Пустой день. Нѣсколько стиховъ поутру. Вечеру у Шторха. Чтеніе. У Бобринской. Роза. Cotillon.

20, среда. Поутру въ Петербургъ. У Козлова⁸⁾. У Тургенева⁹⁾. Голиц(ынъ)¹⁰⁾. Пашк(о)вы. Пушкинъ. Обѣд(аль) у Чебышева¹¹⁾. Театръ: Chapeçon rouge¹²⁾. У Тургенева: Пушк(инъ), Гнѣдичъ, Плещеевъ¹³⁾.

21, четв(ергъ). Поутру у Турген(ева). У С. Флорана¹⁴⁾. У Каве-

¹⁾ Плещеевой, вдовы друга императора Павла, Сергѣя Ивановича Плещеева. Н. Ф. Плещеева, рожденная Веригина (+1855), до замужества была фрейлиною императрицы Маріи Феодоровны; въ 1797 г. была пожалована кавалерственной дамою, а въ 1826 году въ статсъ-дамы. И далѣе въ дневникѣ 1819 года вездѣ подѣ Плещеевою разумѣется Наталья Фодотовна Плещеева.

²⁾ Т. е. не знаю что.

³⁾ У адъютанта великаго князя Николая Павловича, барона Петра Андреевича Фредерикса (или, какъ тогда писали, Фридрихса), женатаго на графинѣ Цециліи Владиславовнѣ Гуровской, воспитывавшейся при прусскомъ дворѣ вмѣстѣ съ принцессою Шарлоттою (великою княгинею Александрою Феодоровною).

⁴⁾ Т. е. онъ ничего не знаетъ.

⁵⁾ Быть можетъ, одноактная комедія Лафона (Lafont) Le Naufrage ou les funérailles de Crispin (см. Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, выпускъ I, отдѣлъ III, Спб. 1892, стр. 190).

⁶⁾ Вѣроятно, тоже комедія.

⁷⁾ Извѣстное произведеніе Ламотъ-Фуке.

⁸⁾ У поэта И. И. Козлова.

⁹⁾ Александра Ивановича.

¹⁰⁾ Князь Александръ Николаевичъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

¹¹⁾ См. выше, стр. 41, прим. 7-е.

¹²⁾ Le petit chapeçon rouge, комическая опера Boieldieu, въ первый разъ представленная въ Парижѣ въ июлѣ 1818 года.

¹³⁾ Пріятель Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ.

¹⁴⁾ Книгопродавца.

*

лина ⁴⁾. У Лаваль ⁵⁾: Бѣлосельская ⁶⁾. Къ Тургеневу. Боголюб(овъ) ⁴⁾. К(нязь) Баратовъ. Каразинъ ⁵⁾. Домой.

22, пятница. Въ Павловскъ. Перовск(ій) въ Петербургѣ. Обѣдъ марш(альскій). Романсы не для воѣхъ. Разговоръ. О княгинѣ Волх(онской). Монологи. Загряжск(ая) ⁶⁾. Вечеръ дома. Гроза.

26, вторникъ. Поутру у Прозоровск(ой) ⁷⁾. У в(еликой) княгини. Альбомъ. Завтракъ у Плещеевой. Эпитафія ⁸⁾. Музыка. Мазурка. Вечеръ. Разговоръ о V(о)eux téméraires ⁹⁾, о Simple histoire ¹⁰⁾. Перовскаго исторія. Балъ у Бобринской. Глупая исторія съ Кукольник(омъ) ¹¹⁾.

Fest zusammenhalten was Gott und die Umstände¹²⁾ zusammen-

⁴⁾ Дмитрія Александровича (р. 1779†1851), тоже получившаго воспитаніе въ Московск. университ. благор. пансіонѣ, бывшаго потомъ директоромъ медицинскаго департамента и позже директоромъ Главнаго педагогич. института въ Петербургѣ.

⁵⁾ Камергеръ графъ Иванъ Степановичъ Лаваль (†1846) былъ женатъ на милліонерѣ Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой (†1850).

⁶⁾ Вѣроятно, сестра графини А. Г. Лаваль, княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская, рожденная Козицкая (†1846), мать извѣстной княгини Зинаиды Александровны Волконской.

⁷⁾ Варооломей Филипповичъ Боголюбовъ († 1842), человекъ близкій ко многимъ тогдашнимъ вельможамъ. О его знакомствѣ съ А. И. Тургеневымъ см. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 157 и 262.

⁸⁾ Извѣстный Василій Назаровичъ Каразинъ.

⁹⁾ Извѣстная Наталья Кирилловна Загряжская, рожд. графиня Разумовская.

¹⁰⁾ Княгини Анны Михайловны (см. выше, стр. 57, прим. 14-е).

¹¹⁾ Эпитафія чижикъ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 302).

¹²⁾ Les vœux téméraires, романъ г-жи Жанансъ, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1799 году.

¹³⁾ Романъ мистриссъ Инчбалдъ (Inchbald), вышедшій на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ въ 1791 году и въ томъ же году переведенный на французскій языкъ.

¹⁴⁾ Съ Василюмъ Григорьевичемъ Кукольниковъ (отцомъ извѣстнаго писателя Нестора Васильевича Кукольника). В. Г. Кукольникъ, между прочимъ, съ 1813 по 1 июня 1817 года преподавалъ римское и русское гражданское право великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. 2 марта 1819 г. онъ былъ назначенъ предсѣдательствующимъ въ конференціи С.-Петербургскаго университета; всѣ предполагали, что онъ будетъ ректоромъ университета, но въ день, назначенный для выборовъ ректора, Кукольникъ въ своей рѣчи заявилъ, что въ Петербургѣ онъ болѣе не останется, и просилъ не подвергать его баллотировкѣ. Приглашенный графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородко для устройства гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Кукольникъ покинулъ Петербургъ въ іюль 1820 года; скончался онъ 6 февраля 1821 года. Лѣтомъ Кукольникъ жилъ въ Павловскѣ.

¹⁵⁾ Въ подлинникѣ описка: Umstanden.

gefügt haben; kindliche Pflichten erfüllen; der äussern Welt geben was sie fordern kann; nicht zurückrufen was vergessen sein soll..., dieses ist für dich der Weg des Friedens¹⁾.

27, среда. У велик(ой) княг(ини). Встрѣча съ императри(цею). У Самойлов(ыхъ): пригл(ашеніе) въ Петербургъ). V(о)еux témeraires. Послѣ обѣда разг(оворъ) съ Лобан(овымъ)²⁾. Перовск(аго) сонъ.

28, четвергъ. У велик(ой) княг(ини). Разг(оворъ) съ велик(имъ) княз(емъ) о Перовскомъ. У M-elle Wildermeth съ Шамбо. Обѣдъ. Лобановъ. Романсы. Ввечеру на гулянье. Встрѣ(ча) Перовск(аго) съ Бобринск(ою). M-e Adlerberg³⁾. Балъ Кочубея⁴⁾.

29, пятница. Поутру. Альбомъ Самойл(овой)⁵⁾. Сонъ: Куколыи(икъ). Тѣвв. Чижи⁶⁾.—Съ Шувал(овою)⁷⁾ у Ливенъ. Редуте. Обѣд(аль) у Вольфа⁸⁾. Съ Карамзинымъ у Н(атальи) Фодот(овны). Вечеръ.

30, суббота. У великой княгини. У Ливенши. Въ Сарское Село. Энгельгартъ⁹⁾, Чадаевъ¹⁰⁾. Во дворцѣ. Вечеръ у Карамзина. Болѣзнь в(еликаго) князя.

31, воскресенье. Тургеневъ. У Ливенши. В(еликій) князь. Маршалъ-ск(ій) обѣдъ. Прогулка. Вечеръ у Плещеевой: разговоръ о предвѣдніи. Мавускриптъ Козлова¹¹⁾.

¹⁾ Т. е. Крѣпко хранить то, что соединили Богъ и обстоятельства; исполнять сыновнія обязанности; давать обществу то, что оно можетъ требовать не вызывая воспоминанія о томъ, что должно быть предано забвенію—это для тебя путь мира.

²⁾ Вѣроятно, съ княземъ Алексѣемъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ (р. 1795†1848), въ то время флигель-адъютантомъ, а впоследствии генералъ-адъютантомъ.

³⁾ Жена адъютанта великаго князя Николая Павловича, Марья Васильевна Адлербергъ (см. выше, стр. 58, прим. 6-е).

⁴⁾ Графа Виктора Павловича.

⁵⁾ 29-мъ августа 1819 года помѣчено разсужденіе Жуковскаго о счастіи жизни, написанное имъ въ началѣ альбома графини С. А. Самойловой (см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библиотекѣ гр. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 9).¹⁾

⁶⁾ Тѣ чижики, которымъ Жуковскій писалъ эпитафіи.

⁷⁾ Съ фрейлиною графинею Е. П. Шуваловою.

⁸⁾ Вѣроятно, у Ивана Францевича Вольфа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служившаго въ канцеляріи императрицы Маріи Феодоровны.

⁹⁾ Егоръ Автоновичъ Энгельгардтъ, директоръ Царскосельскаго лицея.

¹⁰⁾ Известный Павелъ Яковлевичъ Чадаевъ.

¹¹⁾ По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется рукописный переводъ И. И. Козлова (на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ) „Абидосской Невѣсты“ Байрона. Этотъ переводъ произвелъ впечатлѣніе и на А. И. Тургенева, который 22 октября 1819 г. писалъ князю П. А. Вяземскому слѣдующее: „Постараюсь прислать тебѣ переводъ И. И. Козлова, бывшаго танцмейстера, лишившагося ногъ, но приобрѣвшаго вкусъ къ литературѣ“

(Сентябрь). 1, понедѣльникъ. Письмо къ Лонгинову ⁴⁾. Обѣдъ маршальск(ій). Вечеръ у Плещ(еевой). Карамз(инъ). Плюск(ова). Кочет(ова) ²⁾. Уш(акова) ³⁾. Карбунк(улъ). Старушка ⁴⁾. Разгов(оръ) о Перовск(омъ).

2, вторникъ. Письмо къ Вяземск(ому). Обѣдъ марш(альскій). Перовск(ій). Послѣ обѣда у Вольфа. Перовск(ій) у Кочуб(ея).

3, среда. Письмо къ Вяземск(ому) о стихахъ ⁵⁾. Къ Лонгинову. Чит(еніе) Исторіи ⁶⁾. Обѣдъ. Игра въ биллиардъ. Прогулка. Чтеніе V(oeux) téméraires ⁷⁾. Записка Тургенева ⁸⁾.

4. Вечеръ у Бобринск(ой). Разговоръ ⁹⁾.

5. По утру у великой княгини. Обѣдъ маршальск(ій). Vergissmeinnicht. Вечеръ у граф(ини) Головки(ной) ¹⁰⁾.

6. Вечеръ у Плещ(еевой).

и выучившагося въ три мѣсяца (sapienti sat!) по-англински, Байрона „Bride of Abidos“ на французскомъ. Елизавета Алексѣевна дала ему за сіе перстень“ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 335—336). Впослѣдствіи И. И. Козловъ, какъ извѣстно, перевелъ „Абидосскую Невѣсту“ и на русскій языкъ (отдѣльно издана въ 1826 году; отрывки же появились въ печати еще въ 1823 и 1825 гг.).

⁴⁾ Николаю Михайловичу, секретарю императрицы Елизаветы Алексѣевны.

²⁾ Фрейлина Е. Н. Кочетова (см. выше, стр. 58, прим. 2-е).

³⁾ Варвара Павловна, фрейлина великой княгини Александръ Феодоровны.

⁴⁾ Т. е. Жуковскій читалъ свои произведенія: „Красный карбункулъ“ и „Старушка“ (первоначальное названіе „Баллады, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ кобѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди“, о чемъ см. Бумаги Жуковскаго, стр. 44 и 151).

⁵⁾ Объ этомъ письмѣ Жуковскаго А. И. Тургевевъ писалъ 3 ноября 1819 года князю П. А. Вяземскому слѣдующее: „Чудо изъ чудесъ! Сію минуту приносятъ ко мнѣ письмо отъ Жуковскаго къ тебѣ съ замѣчаніями на твои стихи къ Дмитріеву. Прочелъ письмо и препровождаю. Онъ правъ при своей лѣни, ибо требуетъ отъ насъ того, что мы обязаны отдавать ему: святого уваженія къ его святынѣ, надъ которой и тебѣ не должно кощунствовать. Насъ для него немного; ибо многіе знаютъ его только по таланту, а онъ у насъ одинъ. Отъ себя одного я, можетъ быть бы, этого не сказалъ; или, быть можетъ, сказалъ бы, ибо надобно повѣрить временемъ показанія чувства; а съ нимъ я давно живу и чувствую, чувствую и живу, и онъ знаетъ, что меня морозъ Зимняго двorca не прохватитъ“ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 304).

⁶⁾ „Исторіи“ Карамзина.

⁷⁾ См. выше, стр. 68, прим. 9-е.

⁸⁾ Вѣроятно, написанная Тургеневымъ по прочтеніи замѣчаній Жуковскаго на стихи князя Вяземскаго (см. выше, прим. 5-е).

⁹⁾ Съ графиней С. А. Самойловой или о ней.

¹⁰⁾ Быть можетъ, у графини Екатерины Львовны Головкиной, рожд. Нарышкиной († 5 ноября 1820 года), жены графа Ю. А. Головкина († 1845).

7. Обѣдъ маршальск(ій). Разсказы. Вечеръ у Плещ(еевой) со всѣми. Чтеніе комедіи. Стихи.

8. Государыня. Обѣдъ маршальск(ій). Вензель. Разгов(оръ) у дверей. Repentir. Прощанье съ государынею. Вмѣстѣ къ Адлербергу ¹⁾. Курочка. Вечеръ дома.

9. Стихи въ альбомѣ ²⁾. Въ библіотеку. Обѣдъ: въ билліардъ. Вечеръ у в(еликой) княгини.

10. Стихи. Обѣдъ у Н(аталиі) Ѳедотовны. Вечеръ у Нат(алиі) Ѳед(отовны). Чтеніе моихъ перевод(овъ).

11. Стихи. Обѣдъ марш(альскій). Прогулка. Предл(оженіе) чтенія по вечерамъ. Вечеръ у Н(аталиі) Ѳедотовны. Плюскова. Волхон(ская). Чтеніе S. histoire ³⁾.

12. Обѣдъ маршальск(ій). Игра въ серсеаи. Вечеръ у Нат(алиі) Ѳед(отовны). Чтеніе.

13. Пріѣздъ государ(ыни). Начало поэмы ⁴⁾. Прогулка. Les pensées. Два дня изъ одного. Вечеръ у Модена.

14. Стихи. Обѣдъ марш(альскій). Билліардъ: Моденъ. П ѣ с н и; серсеаи; послѣ обѣда на крыльцѣ. Шахматы. Вечеръ у великой княгини. Чтеніе Charles (e)t Marie ⁵⁾; музыка Плещеева ⁶⁾. O M-lle Wildermeth. Моденъ.

15. Стихи. Поэма. Къ Карамз(инымъ): одна Екатер(ина) Андр(еевна). О Самойл(овой) ⁷⁾. Карамзинъ. Плюскова. У Бобринск(ой) балъ и танье.

¹⁾ В ѣ адиміру Ѳедоровичу.

²⁾ Вѣроятно, стихи въ альбомѣ графини С. А. Самойловой.

³⁾ T. e. Simple histoire (см. выше, стр. 68, прим. 10-е).

⁴⁾ Вѣроятно, переписка набѣло или окончательная обработка, а, можетъ быть, чтеніе начала „Орлеанской дѣвы“, драматической поэмы Шиллера. Переводить „Орлеанскую дѣву“ Жуковскій началъ еще въ 1818 году (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 194, прим. 6-е). О переводѣ Жуковскимъ „Орлеанской дѣвы“, между прочимъ, сообщалъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому въ письмахъ отъ 1 іюля и 13 августа 1819 года (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 258 и 288). „Удивительная вѣрность въ переводѣ и, слѣдовательно, въ поэзіи“, писалъ Тургеневъ въ письмѣ отъ 13 августа. Два первыхъ дѣйствія „Орлеанской дѣвы“ написаны Жуковскимъ въ альбомѣ графини С. А. Самойловой 1819 года (см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 13, 27—28 и 61—68).

⁵⁾ Съ такимъ названіемъ имѣется романъ баронессы Суза (Souza), вышедшій въ свѣтъ въ 1802 году.

⁶⁾ Пріятеля Жуковскаго, Александра Алексѣевича Плещеева. О дѣятельности его на музыкальномъ поприщѣ см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 440.

⁷⁾ О графинѣ Софіи Александровнѣ Самойловой.

16. Поэма. Маршалск(ий) объѣдъ. Игра въ биллиардъ. Къ Модену въ шахматы. Къ Н(атали) Оед(отовнѣ). Чтеніе.

17. Стихи ¹⁾). Завтракъ на фермѣ: рябина; разг(оворъ) о велик(ой) княгинѣ. Бобр(инскій) ²⁾) на караулѣ. Къ Карамзину: милая черта его души. Разговоръ о Mémoire ³⁾). Вечеръ у Бобринск(ой). Разговоръ о стихахъ ⁴⁾): c'est touchant ⁵⁾). Головная боль и танцы.

18. Прогулка. Pensées—двѣ эмблемы. Первая лучше, и ее принялъ. Игра въ биллиардъ съ Моденомъ. Вечеръ у Нат(алии) Оед(отовны) и чтеніе.

1820.

3 октября. Дерптъ. Выѣхалъ ⁶⁾) 3 въ 12 часовъ. Въ Гульбенѣ пляска.

4. Энгельгардсгофъ. Обѣдъ.

5. Рига. Приѣхалъ въ три часа. Hôtel St. Pétersbourg на площади. Памятникъ ⁷⁾). Пoutру къ Кубе ⁸⁾). Вино. Выѣхалъ въ половинѣ второго. Вечеру въ Митавѣ.

6. Между Бекгофомъ и Фрауенбургомъ Цецер(н)ское озеро, на лѣвой рукѣ отъ дороги. Прекрасный видъ. Большой лѣсъ сосновый на высотѣ равнины. Длинною въ 1¼ мили.—Фрауенбургъ. Станція. Помѣстье гр. Ливенъ (Мезотенъ).

7. Изъ Оберъ Бартау въ Руцау переѣздъ ночью. Темнота и

---

¹⁾ Стихи на день ангела гр. С. А. Самойловой, начинающіеся словами: „Напрасно я мечтою льстился“ (напеч. въ названной брошюрѣ г. Кульмана, стр. 16—18).

²⁾ Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій (р. 1800 † 1868), въ 1821 г. женившійся на гр. С. А. Самойловой.

³⁾ Вѣроятно, объ извѣстной книгѣ А. С. Стурдзы „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“, изданной въ 1818 году.

⁴⁾ Очевидно о стихахъ на день ангела гр. Самойловой.

⁵⁾ Т. е. это трогательно.

⁶⁾ Въ 1820 году доктора отправили за границу великую княгиню Александру Теодоровну, для восстановления здоровья; въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ великую княгиню, находился и Жуковскій; это было его первое путешествіе за границу.

⁷⁾ Гранитная колонна, поставленная въ 1817 году въ память императора Александра I и побѣдоносной русской арміи.

⁸⁾ Вѣроятно, къ Леонтію Ивановичу Кубе, въ то время бывшему лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ, а потомъ занимавшему должность лифляндскаго вице-губернатора.

дождь. Въ Рудцау комиссаръ, бывший въ прусской службѣ. 11 дѣтей. Комиссаръ Таубе.

Полангенъ. Корчма у жиды. Горницы, гдѣ были филины. Домъ таможенный. Домъ городничаго у мельницы. Питье за здоровье. Тоже утр(омъ) на прощанье.—И м м е р а т ь. Warnung für Taback(s)räucher ¹⁾). Головы.

8. М е м е л ь. Въ четыре часа или въ половинѣ пятаго. Видъ простой. Мельницы въ дѣйстви. Опрятные домики. Hôtel de Russie. Печи. Почтальонъ. Физиономіи нѣмецкія. Одна церковь. Съ $\frac{1}{2}$ пятаго до осьми утра. Буря. Ужинъ. Зала для танцевъ. Переѣздъ черезъ проливъ.—Шварцертъ. Переѣзна на берегу. Камни.—Нидденъ. Переѣзна на берегу. Пѣснь.—Розиттенъ. Ужинъ. Булки. Почтмейстеръ съ шишкой. Два гостя.—Саркау. Портретъ в(еликой) княгини ²⁾).

9. М и л ь з е н ь. Большіе портреты. Ужасно дурная дорога до Кенигсберга ³⁾). Видъ Кенигсберга. Встрѣча съ солдатами. Замѣчаніе о лицахъ. Hôtel de Russie и толстая трактирщица. Bernstein ⁴⁾). Покупка книгъ. Обѣдъ. Починка. Горница № 11, двѣ печи.

Кенигсбергъ. Музыка. Книжная лавка. Шлоссъ. Видъ Кенигсберга. Островъ. Театръ и площадь. Прегель. Schlosskirche, готическ(ая) архитектура. Домъ Кантовъ ⁵⁾ и... ⁶⁾).

¹⁾ Т. е. предостереженіе для куряльщикова табака.

²⁾ Великой княгини Александры Феодоровны.

³⁾ „Самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ было для меня то, что всё, которые обыкновенно ѣздятъ по здѣшней дорогѣ, называютъ скучнымъ и несноснымъ, это такъ-называемый штрапдъ, или дорога ужасными песками отъ Мемеля до Кенигсберга“ — писалъ Жуковский Е. А. Протасовой 1 ноября 1820 года изъ Берлина. „Чтобъ легче было лошадямъ, ѣздятъ обыкновенно по самому краю песчанаго берега, такъ что одно колесо всегда въ морѣ. Въ жаркое время, когда песокъ раскаленъ и море спокойно, эта дорога должна быть несносна и утомительна; мы, напротивъ, ѣхали послѣ бури... Песокъ былъ взмоченъ, и мы ѣхали скоро; и, благодаря бурѣ, дорога шtrandомъ, самая худшая во всякое время, была для насъ лучшею, ибо за Кенигсбергомъ была грязь или песокъ, и мы тащились, какъ черепахи“ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 35).

⁴⁾ Т. е. январь; его встрѣчается много въ сѣверо-восточной Пруссіи.

⁵⁾ Знаменитаго философа Иммануила Канта, который родился и умеръ въ Кенигсбергѣ.

⁶⁾ Слѣдующее затѣмъ слово написано крайне неразборчиво. Далѣе написана еще фраза изъ пяти словъ, въ которой ясно читается третье слово: великодушія; первые два слова разобрать трудно; послѣдніа два слова, какъ кажется, читаются такъ: адъютанты общества. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что записная книжка, содержащая въ себѣ дорожный дневникъ Жуковскаго отъ Дерпта до Берлина и за первые дни пребыванія его въ Берлинѣ (14—22 октября), писана очень мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, такъ что, несмотря на все стараніе, нѣсколько словъ въ ней не удалось прочесть.

10. Бранденбургъ. Древнія стѣны.—Гоппенбрухъ. Большая кресла.—Брау(н)сбергъ. Почтовая станція и почта.—Мильгаузенъ. Народъ на площади. Разговоръ съ почтмейстеромъ толстымъ о ландверѣ: 3 недѣли сряду и 3 мѣсяца. Законъ о крестьянахъ: въ 12 лѣтъ половина земли. Прежнія привилегіи.—Preussische Holland. Прекрасное, живописное положеніе на горѣ. Нечистой старой городокъ. Обѣдъ.—Reichenbach. Крестьянинъ содержатель гостиницы). Прекрасная изба. Шкапы изъ ильма лакир(ованнаго). Тарелки и фаянсъ. Часы. Множество дѣтей. Вальсъ. Дорога до Preuss(ische) Mark. Прекр(асное) захожд(еніе) солнца—за холмомъ, и холмъ казался огнедышущею горою; все небо въ огнѣ; пріятное расположеніе духа. Деревня Бухвальде освѣщенная солнцемъ; церковь и кладбище и гробъ, который чернѣлся на заревѣ. N. B. Писать къ Сашѣ и Тургенеу) вмѣстѣ ¹⁾.—Preuss(ische) Mark. На почтѣ. Негодная станція, вонючая и нечистая.—Ризенбургъ. Американскій посланникъ ²⁾.

11. Мариенвердеръ. Приѣхали ночью. Двѣ трактир(щицы). Ужинъ. Венды. Ночью дорога гористая. Вообще мѣстность довольно разнообразная.—Нейенбургъ. Кофе. Картины Фридриха³⁾. Венды.—Плохочинъ. Чтеніе. Венды. Passagierzimmer.—Оши. Обѣдъ. Толстый почтмейстеръ съ гостями въ другой горницѣ. Лѣсъ.—Юнкергофъ. Встрѣча съ Эбелинкомъ. Лѣсъ. — Тухель. Лѣсъ. Конецъ Вендамъ. Попортилъ фуражку. Чай.

12. Коницъ. Старинный городъ. Башня. Дѣвки въ руб(ашкахъ).—Шлохау. Горница съ каналею.—Петерсвальде. Кофе.—⁴⁾ съ бесѣдкой. Виды.—Ястровъ. Шахматный городокъ и красивый. Дѣвочка. Портреты. Обѣдъ.—Фрейденфиръ. Деревня. Мал(енькая) горница.—Кроне. Прелестный домикъ смотрителя. Горница, обитая пестрыми обоями. Фортопiano. Передъ зеркаломъ цвѣты. Порядокъ. Вода зауж(иномъ).—Рушендорфъ. Ввечеру. Старикъ комнатный служитель.

13. Шлоппе. Ночью. Чай.—Гохцейтъ. Ночью.—Вольденбергъ. Встрѣча съ почтовою коляскою. Два офицера. Горница наверху. Кофе.—Фридбергъ. Кавалеръ Желѣзнаго креста—испанскій стрѣлокъ.—Ла(н)дсбергъ. Майоръ хромою въ бархатной шапкѣ. Его

¹⁾ Къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой, рожд. Протасовой, и Александру Ивановичу Тургеневу. См. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 192—193.

²⁾ Т. е. встрѣча съ ѣхавшимъ въ Петербургъ американскимъ посланникомъ Middleton.

³⁾ Живописецъ Каспаръ-Давидъ Фридрихъ (Friedrich, р. 1774†1840). Его картины, преимущественно ландшафты, носятъ романтическій и меланхолическій характеръ.

⁴⁾ Одно слово при печатаніи выпущено.

жена и услужливая дѣвка. Шампанское; разговоръ о Бибиковѣ ¹⁾. Фортопьяно. Обѣдъ. — Бальцъ. Игроки въ вистъ. Сюрпризъ короля ²⁾ (великой) княгинѣ. — Кистринъ. Ночевали. Трактирная дѣвка. Худой ужинъ. Выѣхали въ 9 часовъ.

14. Зееловъ.—Минхсбергъ. Дилижансъ. Обѣдъ.—Фогельсдорфъ. Чай. Перовскій.—Берлинъ. Hôtel St-Pétersbourg.

15. Въ Hôt(el) de St.-Pétersb(ourg). [Германъ³⁾. Худановскій]. Къ в(еликому) князю. Къ в(еликой) княгинѣ ⁴⁾. — Къ Шуваловой ⁵⁾. Слезы.—Къ Волхонск(ой) ⁶⁾. Къ Модену ⁷⁾. Въ hôtel: шляпы. Обѣдъ у короля: князь Витгенштейнъ ⁸⁾. Король. Принцы Вильгельмъ ⁹⁾ и Карлъ ¹⁰⁾. Принцесса Александрина и ея женихъ ¹¹⁾. М-е Truchsess ¹²⁾. М-е Viereck ¹³⁾. Принцъ Оранскій ¹⁴⁾. Маленькій принцъ ¹⁵⁾.— Вечеръ въ театрѣ ¹⁶⁾ и дома. Brief und Antwort ¹⁷⁾. Девриенъ ¹⁸⁾.

¹⁾ Вѣроятно, объ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ (р. 1729 † 1774), участвовавшемъ въ Семилѣтней войнѣ, взявшемъ въ плѣнъ прусскаго генерала Верниса, что ускорило паденіе Кольсберга.

²⁾ Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, отца великой княгини Александры Теодоровны.

³⁾ Полковникъ Преображенскаго полка Александръ Ивановичъ Германъ, состоявшій при российскомъ посольствѣ въ Берлинѣ.

⁴⁾ Великій князь Николай Павловичъ и его супруга находились въ Берлинѣ уже съ 1-го (13-го) октября.

⁵⁾ Къ фрейлинѣ великой княгини, графинѣ Е. П. Шуваловой.

⁶⁾ Къ гофмейстеринѣ великой княгини, княгинѣ А. Н. Волхонской (см. выше, стр. 57, прим. 15-е).

⁷⁾ Къ гофмаршалу двора великаго князя, графу Модену (см. выше, стр. 57, прим. 9-е).

⁸⁾ Министръ королевскаго двора.

⁹⁾ Сынъ короля, будущій германскій императоръ.

¹⁰⁾ Сынъ короля, принцъ Карлъ (р. 1801 † 1883).

¹¹⁾ Дочь короля, принцесса Александрина, и ея женихъ, наслѣдннй великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Павелъ-Фридрихъ; обрученіе ихъ происходило 24-го сентября н. ст. 1820 г.

¹²⁾ Графиня Трукзесъ, оберъ-гофмейстерина королевскаго двора.

¹³⁾ Находилась при дворѣ королевы Луизы (см. Gräfin von Voss, Neunundsechzig Jahre am Preussischen Hofe, Leipzig, 1876, стр. 224 и 249).

¹⁴⁾ Принцъ Вильгельмъ-Фридрихъ Оранскій (впослѣдствіи, съ 1840 г., король Нидерландскій), женатый съ 1816 г. на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ.

¹⁵⁾ Младшій сынъ короля, принцъ Альбрехтъ (р. 1809 † 1872).

¹⁶⁾ „Главное мое знакомство (въ Берлинѣ): театръ;“ — писалъ Жуковскій Е. А. Протасовой 1-го ноября 1820 года — „бываю каждый вечеръ въ театрѣ. Для насъ, пріѣзжихъ, есть безденежное мѣсто въ королевской ложѣ“ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 36—37).

¹⁷⁾ Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣлка съ французскаго Карла Лебрёна (Lebrun, р. 1792 † 1842), актера и автора въсколькихъ пьесъ для театра.

¹⁸⁾ Знаменитый актеръ Людвигъ Девриенъ (р. 1784 † 1832). Восторженннй отзывъ о немъ Жуковскаго см. ниже въ этомъ дневникѣ.

Epreuves villageoises¹⁾: Hog(u)et²⁾, M-elles Lemierre, Vestriss, Ro(e)-misch³⁾. Негодный буффъ.

16. Визиты къ princesse Guillaume⁴⁾, къ принц(у) Вильг(ельму), Оранск(ому), Кумберланд(скому)⁵⁾, къ пр(инцу) Дессау⁶⁾, къ Мекленбург(гскому), къ принцу Карлу, Альбр(ехту)⁷⁾, къ принц(ессѣ) Александр(инѣ). Обѣдалъ дома. Ввечеру въ театрѣ. Пигмаліонъ⁸⁾. Дурно.— Wer ist der Bräutigam⁹⁾. Дурная пьеса. Mattauss¹⁰⁾. M-e Devrient¹¹⁾.— Der Nachtwäch(ter)¹²⁾. Несравненный Девриентъ.

Воскресенье, 17. Утро. Визиты. Къ Мекленб(ургскому). Къ принц(у) Августу¹³⁾. Къ Алопеусу¹⁴⁾: человекъ умной; лицо козлиное; портр(еты) M-e Récamier¹⁵⁾ и графа д'Артуа¹⁶⁾...¹⁷⁾. — У обѣдни. — Великая княгиня показ(ывала) рыцарскую залу и другія горницы дворца. Смѣсь великолѣпія съ нечистотою. Можно сказать, что я ничего не видѣлъ. Виз(итъ): графинѣ Головкиной¹⁸⁾; приемъ. Обѣдалъ дома. Глупой эти-

¹⁾ Танцовщикъ берлинской балетной труппы.

²⁾ L'épreuve villageoise, балетъ, музыка котораго написана Pearsuis'омъ.

³⁾ Всѣ трое—танцовщицы балетной труппы. Фамилія первой писалась не Lemierre, какъ стоитъ въ дневникѣ Жуковскаго, а Lemière.

⁴⁾ Къ супругѣ принца Прусскаго Вильгельма (братъ короля Фридриха-Вильгельма III), принцессѣ Маріаннѣ.

⁵⁾ Эрнстъ-Августъ, герцогъ Кумберландскій (р. 1771 † 1851), впоследствии король Ганноверскій, былъ женатъ на сестрѣ королевы Прусской Луизы, принцессѣ Фридерикѣ Мекленбургъ-Стрелицкой.

⁶⁾ Герцогъ Леопольдъ-Фридрихъ Ангальтъ-Дессаускій былъ женатъ на принцессѣ Прусской Фридерикѣ-Вильгельминѣ-Луизѣ.

⁷⁾ Къ наследнику великому герцогу Мекленбургъ-Шверинскому Павлу-Фридриху, жениху принцессы Прусской Александрины, или къ герцогу Карлу Мекленбургъ-Стрелицкому, состоявшему въ прусской службѣ, любителю театра, писавшему подъ псевдонимомъ Weisshaupt'a.

⁸⁾ Монодрама, передѣл. съ французскаго соч. Руссо, музыка Георга Бенда (Benda, 1721 † 1795).

⁹⁾ Заглавіе этой комедіи драматической писательницы Иоганны Франуль фонъ-Вейсентурнъ (von Weissenthurn, р. 1773 † 1847) приведено Жуковскимъ не вполне точно; настоящее заглавіе слѣдующее: Welcher ist der Bräutigam?

¹⁰⁾ Фамилія этого актера, пользовавшагося большою извѣстностью, написана Жуковскимъ невѣрно; слѣдуетъ читать: Mattausch.

¹¹⁾ Жена знаменитаго трагика.

¹²⁾ Фарсъ, въ стихахъ, соч. Теодоромъ Кернеромъ.

¹³⁾ Къ принцу Прусскому Августу.

¹⁴⁾ Къ русскому посланнику при Берлинскомъ дворѣ, графу Давыду Максимовичу Алопеусу (р. 1769 † 1831).

¹⁵⁾ Извѣстной своимъ умомъ и красотой г-жи Рекамье (р. 1777 † 1849).

¹⁶⁾ Впоследствии короля французскаго Карла X.

¹⁷⁾ Одно слово не разобрано.

¹⁸⁾ Ср. выше, стр. 70, прим. 10-е.

кетъ здѣшняго двора. Перед(ъ) обѣд(омъ) у Шуваловой: чтеніе. Вечеру въ театрѣ. Альцеста ¹⁾: М-е Milder ²⁾, большой голосъ; прекр(асная) метода, мало выраженія; въ игрѣ благородство. Декораціи прекрасны, особливо храмъ и пещера. Всѣ детали въ большомъ совершенствѣ, такъ что все вмѣстѣ производитъ полное дѣйствіе на воображеніе.

18, понедѣльникъ. Поутру. У в(еликой) княгини. Разговоръ о путешествіи. Штрандъ. Vous pensez haut ³⁾. Арфа. Съ Моденомъ къ Штаубвассеру. Въ экспозицію ⁴⁾. М-е Kleist. Бюстъ Шадова ⁵⁾. Работы Рауха ⁶⁾: бюсты в(еликой) к(нягини), короля; модель Блюхерова монумента ⁷⁾. Обѣдъ у в(еликой) к(нягини). La comtesse de Truchsess ⁸⁾. Хохоть. Домой. Эссенъ ⁹⁾. Въ театрѣ: Das Vorlegeschloss ¹⁰⁾; пустая пѣса, но Девриенъ не забывается; для всякой роли ея характеръ и нѣтъ ничего общаго съ другими. Nina ¹¹⁾: М-lle Lemierre и Hognet ¹²⁾. Пантомима съ музыкою сильнѣе дѣйств(уетъ), нежели слова.

19. Утро дома. У Шамбо ¹³⁾. Въ лавк(ахъ). У М-е Bock ¹⁴⁾. У Фур-

¹⁾ Опера Глюка.

²⁾ Извѣстная пѣвица.

³⁾ Т.-е. вы думаете вслухъ.

⁴⁾ Выставка въ королевской Академіи художествъ открылась 24-го сентября н. ст.

⁵⁾ Скульпторъ Іоганнъ-Готфридъ Шадовъ (р. 1764 † 1850).

⁶⁾ Скульптора Христіана-Даніила Рауха (р. 1777 † 1857). Къ числу его произведеній принадлежитъ надгробный памятникъ королевы Прусской Луизы въ Шарлоттенбургѣ.

⁷⁾ На выставкѣ находились изъ работъ Рауха: мраморные бюсты великой княгини Александры Ѳеодоровны и короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III, а также его модель памятника фельдмаршалу Блюхеру.

⁸⁾ См. выше, стр. 75, прим. 12-е.

⁹⁾ Флигель-адъютантъ Александръ Филипповичъ Эссенъ. Въ ноябрѣ 1820 года Жуковскій отправилъ съ нимъ письмо къ А. И. Тургеневу для передачи А. А. Воейковой (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 192 и 194).

¹⁰⁾ Фарсъ, вольная передѣлка съ англійскаго Адальберта фонъ Тале (v. Thale, — псевдонимъ Карла фонъ Деккера (р. 1784 † 1844), прусскаго генерала и военнаго писателя, сочинявшаго также пьесы для театра. — Въ дневникѣ Жуковскаго въ заглавіи пьесы сдѣлана опска (стоитъ: Der вмѣсто: Das).

¹¹⁾ Нина, или сумасшествіе отъ любви, пантомим. балетъ Milon'a, музыка Persuis'a и другихъ композиторовъ.

¹²⁾ См. выше, стр. 76, прим. 2 и 3-е.

¹³⁾ Секретарь великой княгини Александры Ѳеодоровны, Иванъ Павловичъ Шамбо.

¹⁴⁾ Вѣроятно, жена пріятели Жуковскаго, Т. Е. Бока.

мана ¹⁾. Чтеніе Le m(alade) imag(inaire) ²⁾. У Алопеуса: посланникъ, Крафтъ ³⁾, Мальт(ицъ) ⁴⁾, Фелькерзамъ. Въ театрѣ: М-е Truchsess, la princesse de Dessau. Ahnfrau ⁵⁾. Удивительное совершенство декорацій. Игра актеровъ неудовлетворительна.

20. Поутру въ банѣ—у нѣмцевъ Badeanstalt. Обѣдъ у герц(ога) Кумберландск(аго): ганов(ерскій) ми(истръ), prince Guillaume, princesse Guillaume, Alexandrine, duchesse de Cumberland, Arnou. — Въ театрѣ: Весталка ⁶⁾. М-е Schulz ⁷⁾. — Перовскаго ночныя похождения.

21. У Шамбо. У Бойке ⁸⁾. Прогулка: статуя герцога. Lange Brücke. Видъ на дворецъ. Яблоки. Фридр(иховъ) мостъ. Lustgarten. Монумент(енгъ) герц(огу) Дессау. Липовая аллея. Бранд(енбургскія) ворота. Слѣпой съ арфюю. Обѣдъ у короля. Въ театрѣ: J. v. Voss Künstlers Erdenwallen ⁹⁾.

22 ¹⁰⁾. У в(еликой) к(нягини). О Шарл(оттен)бургѣ. Завтр(акъ) у Шамбо. Въ Шарлот(тенбургъ): дорога. Bellevue. Улица. Видъ дворца ..... ¹¹⁾. Жена кастеляна. Памятникъ ¹²⁾. Дворецъ: японск(ая) комната... ¹³⁾. Церковь дворцовая: бюстъ; мѣсто короля, памятникъ, коверъ, крестъ, библия. Стар(ая) горн(ица) съ порт(ретами). Спальня Fr(iedrich'a) I. Спальня п(ринца) Карла. Русской святой; анекдотъ. Кабинетъ наслѣднаго принца. Его бюро, рисованье. Круглой salon съ статуями.

¹⁾ Вѣроятно, тотъ Фурманъ, съ которымъ Жуковскій повнакомился въ Дерптѣ и къ которому онъ написалъ въ 1815 году стихи (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 42).

²⁾ Извѣстная комедія Мольера.

³⁾ Секретарь посольства въ Берлинѣ, Андрей Логиновичъ Крафтъ.

⁴⁾ Баронъ Францъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1798 † 1857), въ то время бывший канцелярскимъ служителемъ посольства въ Берлинѣ, впоследствии занимавшій постъ русскаго посланника въ Гаагѣ. Ему, между прочимъ, принадлежить окончаніе Шиллерова „Димитрія Самозванца“, изданное въ 1817 г.

⁵⁾ Трагедія Франца Грильпарцера (Grillparzer, р. 1791 † 1872).

⁶⁾ Опера Спонтини.

⁷⁾ Извѣстная пѣвица.

⁸⁾ Берлинскій книгопродавецъ.

⁹⁾ Комедія плодовитаго писателя Юліуса фонъ Фосса (р. 1768 † 1832).

¹⁰⁾ День 22-го октября записанъ Жуковскимъ въ его дневникѣ дважды: кратко въ записной тетради № 4 б (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 9), а затѣмъ болѣе подробно въ записной тетради № 4 в (см. тамъ же, стр. 9). Въ виду того, что въ краткой записи встрѣчаются нѣкоторыя замѣтки, не повторенныя въ подробной записи, здѣсь помѣщаются оба описанія дня 22-го октября.

¹¹⁾ Одно слово написано неразборчиво.

¹²⁾ Королевъ Луизѣ.

¹³⁾ Затѣмъ одно слово написано неразборчиво.

Биллиардная. Кій Фридр(иха). Прохожая...¹⁾, бюсты. Живописныя работы Ф(ридриха) В(ильгельма) I: два солдата, *tabagie*²⁾ и пр. Горница моделей; ружье Фр(идриха) II. Маленькій кабинетъ. Библіотека; стаканъ королевы. Кабинетъ; портретъ королевы. Перчатки для М-е Viereck и Вильдерм(етъ). Галерея китайская. Кабинетъ Фр(идриха) Вильгельма II. Спальня короля: его сертукъ; Theaterzettel³⁾. Горницы Фридриха; статуи Экиры и Игеи. Горн(ицы) Фридр(иха) Вел(икаго): Бѣлая зала съ статуями и часами. Мраморная съ золотомъ. Съ пюпитромъ и Раф(аэлевыми) вазами. Прохожая съ бюро. Спальня. Комн(аты) королевы [Ф(ридриха) В(ильгельма) II]. Обои бѣлые. Бюстъ госуд(аря). Спальня короля. Горница собранья: чашки, мебели, стулъ, столъ, глаза, перья, сургучъ. Спальня; анекд(отъ) о Наполеонѣ. Прохожая. Комнаты в(еликой) к(нягини) и Алек(сандрины). Бывшій кабин(етъ) вел(икой) к(нягини). Столъ; памятникъ. Бюстъ королевы. Спальня. Баня. Садъ; Спрея; островъ; плотъ. Видъ на Шпандау. Дернъ съ сидѣньемъ. Мостъ. Мачта Прудъ; карпы.—Théâtre de Gropius: 7 чудесъ, *Vogelschiessen*⁴⁾.

Октябрь (22). Былъ поутру у в(еликой) к(нягини), гдѣ нашелъ Шамбо и Модена. Выпросилъ письмо въ Шарлоттенбургъ и поѣхалъ туда вмѣстѣ съ Шамбо. Время было прекрасное. Осенній, ясный, прохладный день. Листья не все еще осыпались; а у насъ уже вѣроятно царствуетъ зима. Въ Шарлот(тенбургъ) изъ Берлина ведетъ прекрасная липовая аллея. Городокъ маленькій, но пріятный. Одна главная широкая улица съ густыми липами. Прежде всего пошли мы къ памятнику. Архитектура зданія прекрасная снаружи; въ маломъ памятникъ Павловъ въ Павловскѣ⁵⁾. Но тамъ поражаетъ душу величество зданія и мѣста; здѣсь душа напередъ уже растрогана; подходишь къ мѣсту, гдѣ спитъ любимая мать⁶⁾, царица, не забытая народомъ, женщина, украшеніе своего времени, жертва несчастія, и она погребена тамъ, гдѣ все полно ея воспоминаніемъ, гдѣ она была душою семьи своей и наслаждалась чист(ымъ) сем(ейнымъ) счастіемъ. Внутрен(ность) зданія мнѣ не нравится. Нѣтъ простоты. Но самъ памятникъ прекрасный; видно, что сердце управляло рукою художника⁷⁾: онъ былъ воспитан-

¹⁾ Одно слово затѣмъ осталось неразобраннѣмъ.

²⁾ Табачня, курительное общество.

³⁾ Театральныя афиши.

⁴⁾ Въ частномъ театрѣ Гропиуса въ Берлинѣ (какъ это видно изъ „*Verlinische Zeitung*“ за 1820 годъ) въ это время показывалась діорама „Семь чудесъ стараго свѣта“ съ движущимися фигурами, и давалась комедія Н. Клаугена „*Das Vogelschiessen*“.

⁵⁾ Извѣстный памятникъ, воздвигнутый императрицею Маріею Феодоровною императору Павлу I.

⁶⁾ Прусская королева Луиза.

⁷⁾ Рауха (о немъ см. выше, стр. 77, прим. 6-е).

никъ Луизы, и первый трудъ его посвященъ былъ ея гробу. Когда дверь откроется, то уже видишь на возвышеніи ложе спящей: надобно взойти на нѣсколько ступеней, чтобы ее всю увидѣть. Голова ея скл(о-нена) на одно плечо; руки положены крестомъ на груди; платье прекрасно скрываетъ и въ то же вр(емя) показываетъ ея станъ; одна нога положена на другу(ю). Въ углахъ канделябры; на одномъ Горы, а на другомъ Парки: прекрасная мысль—она спитъ; а часы бѣгутъ и Парки не дремлютъ. Гробъ, въ которомъ ея остатки, находится внизу; дверь къ нему заперта; но мысль объ немъ заставляетъ смотр(ѣть) съ особ(ымъ) чувств(омъ) на памятникъ. Это видимое есть образъ того, что не видишь: смерть здѣсь кажется сномъ, и невольно сливается съ нею мысль о пробужденіи. Чувство, возбуждаемое симъ памятникомъ, есть унылое воспоминаніе, смѣшанное съ неясною надеждою. Надъ головою семь увядшихъ вѣнковъ: это первые, сплетенные дѣтми въ первый день рожденія послѣ ея смерти. Король со всею семьею бываетъ два раза у ея гроба: въ день ея смерти и въ день ея рожденія. Кладутъ на гробъ свѣжіе вѣнки. Любовь къ ней здѣсь свѣжа и не ослабѣла. Все, что не самый памятникъ, мнѣ вообще мало нравится; слишкомъ много мелочныхъ украшеній; окно, въ которое входитъ свѣтъ, мѣшаетъ впечатлѣнію; видишь, что оно сдѣлано для освѣщенія памятника, а я бы желалъ, чтобы свѣтъ въ этомъ храмѣ приходилъ неизвѣстно откуда; въ мраморѣ колоннъ и стѣнъ слишкомъ много разнообразія; передъ дверью, ведущею подъ сводъ, видны ступени; лучше бы ихъ скрыть: онѣ пестрятъ и разрушаютъ главн(ый) эффектъ; гораздо бы было лучше спускаться, отворивъ дверь, тогда бы это было точно переходомъ изъ одного свѣта въ другой: теперь я вижу однѣ ступени, и дверь не представляетъ уже столько таинственнаго; лампа слишкомъ богата; а самое противное есть то, что поставили для лучшаго обозрѣнія памятника какую-то дерев(янную) скамейку, на которую надобно взлѣзть, чтобы видѣть памятникъ съ нѣкотораго возвышенія: это выгодно для художника; но оно, напоминая объ немъ, разрушаетъ главное дѣйствіе.—Потомъ я осм(атривалъ) дворецъ. Прежде всего видѣлъ дворц(овую) церковь, гдѣ бьетъ королевы; въ ней крещены всѣ дѣти; коверъ, памятникъ маленьк(ому) принцу ¹⁾, со смертью котораго начались несч(астія) королев(скаго) дома; въ церкви [сказы(валъ) кастел(яна)] король любитъ работать въ

¹⁾ Сыну короля Фридриха-Вильгельма III, принцу Фердинанду (р. 13-го декабря н. ст. 1804 † 1-го апрѣля н. ст. 1806). „Королева Луиза долгое время была совсѣмъ неутѣшна вслѣдствіе потери этого ребенка,—пишетъ графиня Фоссъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и даже казалось, будто ей не суждено было испытать ни одной минуты совершенно безоблачнаго счастья съ того мгновенія, какъ онъ скончался у нея на рукахъ“ (см. Gräfin von Voss, Neun-undsechszig Jahre am Preussischen Hofe, стр. 246).

рѣ; раскаленные камни летятъ и съ трескомъ разрываются въ воздухъ; лава огненной струей спускается съ горы и освѣщаетъ всю окрестность; земледѣлецъ издали можетъ слѣдовать за нею глазами и видѣть, какъ исчезаетъ постепенно и садъ его, и нива, и домъ, и какъ страшный черный камень заступаетъ мѣсто обработанной, плодоспособной земли“. Читая эти строки, припоминаешь художественное описание Дибра знаменитаго Н. В. Гоголя.

Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ составляетъ предметъ четвертой главы. Материалами для этой статьи, отчасти неизданными, послужили, преимущественно, письма В. А. Перовскаго къ В. А. Жуковскому, числомъ болѣе 50-ти, переданныя сыномъ поэта Павломъ Васильевичемъ, послѣ смерти отца, по его желанію, графинѣ А. А. Толстой, отъ которой эти материалы и поступили къ автору разбираемой нами книги.

Въ послѣдней, пятой главѣ первой части труда г. Захарьина описана кончина графа В. А. Перовскаго.

Описание зимняго похода въ Хиву В. А. Перовскаго въ 1839 г. составляющее главный предметъ второй части книги П. Н. Захарьина, состоитъ изъ 15-ти главъ и составлено авторомъ по разсказамъ и запискамъ очевидцевъ. Походъ этотъ, по словамъ г. Захарьина, былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что первое извѣстіе о немъ въ русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ официального изложенія подробностей его въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ“, издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ.

Въ первой главѣ авторъ, выяснивъ наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ XIX вѣка, говоритъ о заботахъ императора Александра I о мирномъ сближеніи съ Хивой; объ отправленіи туда изъ Оренбурга караваннаго головы Низамухаметова и, почти одновременно— съ Кавказа штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева, которому поручено было „склонить туркменъ или тухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и хивинцевъ къ дружественнымъ сношеніямъ съ Россією“. Обѣ миссіи были неудачны.

Во второй главѣ говорится о прибытіи въ Оренбургъ въ 1833 г. вновь назначеннаго губернатора и командующаго отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ, генераль-маіора В. А. Перовскаго, о хлопотахъ его о разрѣшеніи похода въ Хиву и сформированіи экспедиціоннаго отряда.

Двѣ слѣдующія главы заняты описаніемъ выступленія отряда изъ Оренбурга и неурядицъ въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ; здѣсь же описаны бѣдствія участниковъ похода отъ сильныхъ морозовъ и недостатка топлива.

Въ пятой главѣ г. Захарьинъ описываетъ по истинѣ безчеловѣчную жестокости начальника 1-й колонны, генераль-маіора Цюлков-

скаго; въ слѣдующей—говорится о прибытіи отряда въ Эмбенское укрѣпленіе.

Въ главахъ седьмой и десятой описаны враждебныя дѣйствія хивинскаго хана Алла-Кула, неудачная атака хивинцами Чушка-Кульскаго укрѣпленія и прибытіе въ Эмбу „на поклонъ“ султана Айчувакова, сформированіе и выступленіе изъ Эмбы отдѣльной колонны на Чушка-Куль подъ начальствомъ генераль-маіора Цюлковскаго и новыя жестокости этого генерала.

Въ десятой главѣ говорится о неожиданномъ прибытіи къ отряду генерала Перовскаго, подъ начальствомъ котораго отрядъ и прибылъ въ Чушка-Куль; въ двухъ слѣдующихъ—о возвращеніи отряда на Эмбу, отъѣздѣ генераловъ Перовскаго и Молоцова въ Оренбургъ и о выступленіи отряда съ Эмбы.

Въ тринадцатой главѣ авторъ выясняетъ причины неудачи экспедиціи и приводитъ числовыя данныя, опредѣляющія стоимость ея. „Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба полковникъ О. фонъ-Бергъ, который далъ „составить лукавыя“ относительно пути на Хиву и даже намѣтила два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, черезъ которые, по нанесенному сѣтву, довелось устраивать поптонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять черезъ эти овраги артиллерию... Второю причиною неудачи экспедиціи, и самою главною, была необычайно суровая зима, съ сильными морозами, частыми бурями и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самыя древніе старики-киргизы“.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ говорится о свиданіи В. А. Перовскаго съ государемъ, послѣ котораго Перовскій перѣхалъ на житье въ Петербургъ. Тутъ же описана и дальнѣйшая судьба участниковъ этого похода.

Вслѣдъ за описаніемъ похода въ Хиву г. Захарьинъ помѣстилъ въ своей книгѣ письма графа В. А. Перовскаго къ московскому почтть-директору А. М. Булгакову. Письма эти служатъ прекраснымъ дополненіемъ и новою иллюстраціею къ этому походу.

Далѣе приведены письма позднѣйшія, касающіяся втораго похода Перовскаго въ степь, въ 1853 г., когда онъ взялъ сильную кокандскую крѣпость Акъ-Мечеть, послѣ чего рѣка Сыръ-Дарья перешла, на большомъ протяженіи, въ наши руки. Всѣ эти письма, чрезвычайно изысканна по своему слогу, писаны на французскомъ языкѣ, которымъ графъ владѣлъ въ совершенствѣ. За текстомъ напечатанъ и переводъ этихъ писемъ.

Въ концѣ книги напечатаны декларация генераль-адъютанта Перовскаго отъ 14-го октября 1839 г. о причинахъ и цѣли военныхъ противъ Хивы дѣйствій и приказы по отдѣльному Оренбургскому корпусу, и приложено факсимиле графа Перовскаго (приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи отъ 1-го февраля 1840 года).

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: перениска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, перениска и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

